
Сергей
Огольцов
Хулиганский
роман
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Сергей Огольцов
Хулиганский Роман (в одном, охренеть каком длинном письме про совсем краткую жизнь), или …а так и текём тут себе, да…

Светлой памяти А. Плаксина
27 лет переписки ручками по бумаге
сделали нас другом, товарищем, братом друг другу
Свидимся, Саша,
сам знайиш

предисловие, на всякий

1. Пояснения + Извинения

Да, пробовал, не скрою, раскрылиться и пари́ть вольным лётом фантазии, но всякий раз—хрясь! – вынужденная посадка, обидно же ну и больно тоже, а если вздумается присочинить чего-то, так оно и на уши не налазит. С такой совокупностью, выбирать особо не разгонишься и—предупрежу заранее—тут нехрен ловить кроме правды, одной только правды и ничего кроме правды, а всякий шаг влево или вправо из смирительной рубашки пережитого на собственной шкуре пресекается трескучим провалом. Огорчительное ограничение в прах обращает самую робкую надежду примазаться к счастливчиками, что за шедевром шедевр вышмякивают совершенно конвейерным образом, хоть фэнтези, хоть лавстори, хоть про долю воровскую, а и всё так триллерно, фантасто-боевично, но где потребуется, то и поддетективят для волнительности как и советуют маститые на мастер-классах и видеоуроках… Вот и приходится рождённому ползать зависть жгучую свою заливать регулярно, чтобы насквозь не пропекла за неимением воздушного змея достаточной грузоподъёмности.

– А да пошли они! – скажет нищета, которая с гонором, и посему вот прям отсель, из ползучей своей приземлённости заявляю, что даже и бестселерпи́сцы, эти планеристы, блин, небожительные, отнюдь не всяко отчебучат—слабо́ им взять да по воде гульнуть или сквозь стены без разгону, в одном только мастаки – в сосании кровяной системы из посторонних без оглядки на антисанитарность обстоятельств. А в остальном сумеречно долбонутые дилетанты-хроники… хотя оно, может, и к лучшему.

2. Структура + Текстура + Содержание

Беря исток в своём приятно раздольном и ёмком названии, роман втекает в данное Предисловие (распрепоследнейшее!),

переливается в Эпиграф—краткий, но в самую суть—чтобы выйти на стрежень повествования привольно просторного—4 книги, 14 частей, 268 эпизодов—где в общем течении встречаются струи, что с непривычки заставят да и усомниться (скоропалительно), а не слишком ли я загнул суля беспрерывную правду всех трёх видов?

Никак не собираюсь ущемить чью-то свободу мнения, но тут не лишне кой-кому напомнить о самовозложенной на себя задаче воссоздания правды жизни. И это без вариантов. Хотя, конечно, не всякой правде предстоят объятья и чмоки-чмоки во все доступные места, всегда найдётся кому вскинуть плечи и закурлыкать: "И это он МНЕ хочет впарить? Во – борзо́й!" Мой кроткий, сострадательный совет скептику с недоразвитым кругозором: бурсак, отложи *Хулиганский Роман* покуда (Бог милостив) и тебе дойдёт – правда способна так утереть нос любому вымыслу, что не враз прочхается. А если смиренно высказанная истина не откроет глаза долбодону, то остаётся лишь завидовать неизлечимо блаженному неведению…

Формат произведения основан на упрощённо-блочном стиле, в котором и поданы абзацы, эпизоды, части, книги для придания привлекательной лёгкости процессу потребления. Местами попадаются столбцы с более глубоким вертикальным выравниванием, у таковых в начале идёт "(…", а под конец"…)", например:

(…данное форматирование показывает, что это – подстраничное примечание притянутое, для удобства читающего, повыше в текст представить интересный комментарий либо попутное соображение. Причём не надо прядать взглядом под страницу! Ну клевота же ж, а?..)

Цитаты подаются отдельной строкой, выделены офсетом и курсивом вот так:

> *“ Блистай! Сверкай! Ты! Чокнутый Алмаз!*

И—завершая технические пояснения—где-то в тексте попадётся единственная на всю книгу иллюстрация. Её назначение удостоверить, что тут вам не очередной сценарий анимэшного блокбастера, тут всё взаправду. Ненавязчиво и эргономично.

Вышеизложенное изящество структуры побудило естественное стремление натянуть полотно не меньшей воздушности и покрыть его образцом изощрённого мастерства. И тут (уж будьте уверены!) вы не напоритесь на нервически вздрюченные штрихи, ни на кляксо-росплески в психоделических потугах. Нетути. Я/мы/наши стояли и стоять будем на незатейливости приспособ и простоте рычажных передач. В том смысле, что здесь вам не придётся расширять своё сознание дозой той или иной наркоты дабы проникнуться и вобрать умопомрачительные выкрутасы причудливой переменчивости и мозгодёрные коленца многоспектрального изложения.

Да, *Хулиганский Роман* изложен от первого лица, но при всём при этом он отнюдь не самолюбовательный гимн Мне-Са́мому-Преса́мому-и-Таки-Несравненному-Мне. Нет, нарцистичных автопортретов тут не предвидится. Что? Вот эта наглая тупая сволочь, это – я?! Увы, но нет, что было, то сплы́ло. Так что покорнейше прошу с овациями завязать. Здесь, в сущности, поперечный срез целого поколения. Полотно с Ночным Дозором из означенного периода, если угодно, просто не успело закоптиться как Рембрантово, групповой портрет из самой бесподобной, пленительной, чарующей эры за отчётный период с момента сотворения мира.

Сегодня, сдерживая, как и надлежит истинному мачо, горькие междометия, взираю я как эту героическую пору пакуют, увязывают туго, прислюнивают пару ярлыков (крест-накрест)—«застой»—>|<—«перестройка»—всё ближе кантуют на край ската в бездонную мусорку Прошлого. Но сквозь все ярлыки, упаковки, бечёвки просвечивает неоспоримо: не знало человечество эпохи сравнимой

с той, где так наивно молоды мы были.

3. Стиль + Язык + Возрастные ограничения

Любое поколение неизбежно мыкается либо наслаждается своей (от молодости не отвертишься), но многим недосуг взиждить эпистолярную стеллу и тем отметить мимолётный факт. Предложенное здесь сооружение создано в стиле... хм... как бы его окрестить подоходчивее? Ладно, стиль, нарекаю тебя *Оборзелый Реализм* , ибо балом тут правит госпожа Голая-Правда без оглядки на писаные, а хоть и потайные законы.

Отличительная черта *Оборзелого Реализма* это благородная сдержанность в выборе средств. Благородство до беспредела. Всё до того кристально ясно, что отпадает надобность пристраиваться в какую-нибудь онлайн кодлу для синхронного пережёвывания (по куску в неделю) и коллективного розгрыза хрящеватой стряпни автора и чтобы нос совать под крышки его творческой кухни... Диаметрально не тот случай.

Во-1-х, сперва надо умереть пока удостоишься. Да и то, если подвернётся правильный Немец. Навроде который раскопал Шекспира и сделал нужную рекламу. Без чёткой раскрутки тот и по сей день оставался бы вне подозрений. А собака зарыта в том, что Немец заявился 200 лет спустя от мирного усопновения Вильяма. Врубаемся, а? Кто в наши дни допетрит читать на языке с 300-летним сроком давности? И виртуальные умники тут как тут, начинают в чат сбивать свои отары... Но пока мы с вами живы-здоровы, я постарался упростить процесс чтения до старого доброго Сделай-Сам.

Не утаю, что неукротимых страстотерпцев и борцов за стерильность языка непременно взъерепенит наличие в *Х. Р.* обиходных словосочетаний и ненормативной лексики. Чистюли тоже люди, их тоже жалко и я б за их команду грёб да истину корёжить не могу. В правдивом отражении жизни всех слов не избежать – жизнь, как она есть, не вложима в рамки детского кино. Отсюда мой призыв

ко всем не достигшим возраста 18 лет прекратить дальнейшее чтение. Безотлагательно и всячески.

Последний раз предупреждаю – ТЫ ЭТО КОНЧАЙ, ПАЦАН! БРОСЬ, КОМУ ГОВОРЮ! – пока не поздно.

4. Технические замечания + Заслуженная похвала

Письма не принято разбивать на части или главы, чтобы не вызвать у адресата странные ассоциации, письма просто длятся и длятся до самого своего конца. Однако лишить Читателя каких-либо маршрутных вех и компаса посреди сотен и сотен страниц в любом направлении, оставить его без путеводной звезды или даже двух – слишком садистично. За этим не ко мне, понятно? Нет! Как любой и всякий джентльмен-самородок преисполненный тепла и ласки к со-братанам и со-сестёркам рода людского, я не сдержал позыва к филантропической добавке оглавления.

А чего ещё можно ждать от человеколюба без склонности к каннибализму? Это ж ах-хуеть, какой я весь из себя гуманный!.

5. Изъявление признательности + Правовая оговорка

Я благодарен всем, чьи имена помянуты в романе, а так же тем, кого там нет (вас неизмеримо больше и ваша заслуга в том, что *Хулиганский Роман* был таки написан ничуть не меньше).

И также много значит твоё, Дорогой Читатель, дохождение до этой вот самой, текущей строки. Потому что любая книга сработана бригадой из всего двух тружеников: читателя и автора. Спасибо тебе и для меня (тут я всерьёз, уже без пиздобольства) твоё сотрудничество – высокая честь.

На этом месте мы вышли к раздорожью и отсюда каждый пусть решает за самого себя: вернуться ли и жить как жил в повседневных заботах, но и удовольствиях, вернуться к привычным уютным радостям и будничным проблемам, к обычным (само)вознаграждениям за труды, к заслуженным оттягами по полной, в русле пристойного трезвомыслия, как подобает членам

добропорядочных ячеек общества и это (вот чисто между нами, как кореш корешу из одной бригады), возможно, самый верный курс, ведь не угадать какие опасности стремнин, водоворотов, коварных шхер, нежданных шквалов грядут на пути, либо же грести дальше, минуя зыбкую болтанку этого буя типа Предисловия, на всякий…

Тпру! Оба-на, какую толканул речугу! Даёт причину с полным правом дух перевести, а ты тем временем прикинь, взвесь неторопливо…

А если вправду хочешь знать, совсем неважно как ляжет зернь —«за» или «против»—в любом случае на меня пенять не замахуйся, тут вона правовая оговорочка присобачена:

Да хоть куда сворачивай, но прежним ты уже не станешь

2022-04-10

~ ~ ~

Эпиграф:

Оно канешно,
Хотя шо ж,
А чуть шо,
Так сразу,
И – ага!.

Владимир Шерудило

~ ~ ~письмена по бересте

...Варанда...

...пригоршня случайных звуков...

...звучное ничто... как, впрочем, и любое имя...

Сюда от речки доносится лишь нестройный рык воды в неудержимом кувыркании через громады валунов загромоздивших, как попало, ей путь, бьёт без толку в их тупые лбы или затылки, беснуется, а зря, к ним и по темени не достучаться, плюёт взбешённо брызгами, клоками пены в их равнодушную апатию и – плещет торопливо дальше, но постоянно остаётся здесь и сейчас, в неистовом побеге из ниоткуда в никуда, под глуховатое буханье тамтама, изредка—ни в такт, ни в лад—разнокалиберною галькой по дну русла...

И давно её колбасит, Док?. Смело проставляй вечность плюс сегодня, промаху не будет... «Расы рождались и канули бесследно...», как втолковывал верблюдам своего каравана мудрый Абу-Лала, но те не конспектировали, а она всё так же катила через века, эпохи, эры, от истока в пред-начале всех времён.

Горные реки почти не меняются, в отличие от их имён. Стопудово, в Каменном Веке охотники этот поток помечали иными звуками, потому что всё течёт, всё изменяется, включая все кликухи с погонялами... А прикинь какая прорва неучтённых приблуд шастала по этим берегам, тут даже и сомнение берёт: кто переменчивее – извечная речка Варанда или шатия праздных шатунов?. И вот он я, очередной бродяга из бесконечной серии, не первый и не последний у её всегдашнего потока.

...ну, ты ващще мастак побалаболить, брат, нащот ни про шо... а и пока ты в теме, може выдашь, для повышения верблюдо-посещаемости, про эту «я», шо светанулась тут у нас, а?

Мелкий выплеск сильно обезвоженный, а на текущий момент и обездвиженный даже, распят поперёк старой доброй дырищи от Джойса, через которую будущее валом катит в былое—трубопровод от сопливого несмышлёныша до ворчливого старпера, и общего меж этими двумя всего одно лишь «я».

...и я! и я!. ты чё? забыл?. я тоже где-то промеж них, в нашем совместном странствии от пацанёнка к старцу, и не смотри, шо щас тут заторчал с тобой на бережку, я всё же двигаюсь к одной великой цели...

“ ***O, water! We be of one blood!***

...опаньки!. и что это вот только что было?. выпендрёж начитанным багажом?. типа такой ликбезно грамотный?. так при раскладах нонешней глобальной коньюктуры токо панда ленивый не осилит хоть чёвой-то-там подшпрехнуть аглицким манером... вот и не́фиг, когда по́фиг, и поменьше вымахуйся цитатами всякими, кому они ващще упали на в такое время суток?.

Да, время в нашей компании самый ленивый котяра, похоже даже в дрёму впал под боком у моей одноместной палатки. Сумеркам по ту сторону нейлоно-полотняной стенки ещё ползти и ползти, пока сгустятся в темень ночи.

...точняк, ну, так скоротай их чем-то полезным, а?. типа там, письмо составить дочери, обещал же... слово не воробей, сам знайиш... а тем боле, шо заморишься заснуть в такую рань... только язык-то сильно не распускай, следи культуру выражений, партнёр... и не сильно налегай на эти грёбаные цитаты, лады́?.

~ ~ ~

Здравствуй, Лиляна,

(...звучит милозвучнее, чем «Варанда», а?.
...заткнись, и дело делай...)

похоже, я всё же начал письмо обещанное тебе при нашей встрече в Киеве… Зачем? Высыпать ворох запоздалых объяснений, смягчающих обстоятельств, алиби в доказательство моей кристально пушистой невиновности? Объяснить можно что угодно, переделать нельзя. Однако, слово дадено, осталось лишь держаться…

Как ни плющило меня твоё корректно официальное «выканье», как ни отхлёстывало величанье по отчеству, «Вы правы, Сергей Николаевич…», «Нет, не совсем, Сергей Николаевич…» Чёрт! Меня корёжило от этих дистанцинирующих «вич-вич-вич», но я сносил порку не моргнув и глазом, как надлежит настоящему мужчине преферансисту. Непросто сказать «папа» незнакомцу выплеснутому цифровой волной Интернет-Океана, тем более, когда тот и близко не похож на фотку ухаря из маминого альбома… Какой-то непонятный мужик, борода висит седая… Разве это папа твоей мечты, которого так не хватало в детстве? Тебе нужен был тот папа, а не этот старик. Вот уж, нет! Так что, наше прощальное объятие на перроне ты стерпела—для женщины под тридцать это без проблем—но и только. Лёд трещины не дал, ни на микрон не подалась холодная поверхность, сады не распустились буйным цветом, не переполнились весёлыми трелями скворцов, дроздов, синиц, щеглов, свиристелей, овсянок, пеночек, славок и прочих чижиков-пичужек сливаясь с ликованием фанфар Хэппи-Энда. Незнакомец, так и оставшийся тебе чужим, отвёл руки, и я дал слово написать тебе письмо. Так мы расстались, двое незнакомцев на Киевском Вокзале Поездов Дальнего Следования…

И всё ж, из нас двоих, мне повезло крупнее, по привычке, а ещё потому что в моей жизни тебя было куда больше, чем в твоей меня… Я запросто могу припомнить как ты пнула меня пяткой в нос поворачиваясь в животе своей матери. И тот белый стерильный кокон в моей охапке, когда я шагал из роддома, а ты спала в нём всю дорогу. Совсем неслышно… До сих пор от видеозаписи, не лазерной, а у меня в уме, теплеет на сердце. Ты в новогоднем хороводе с другими детьми своей детсадовской группы. Самый

красивый ребёнок – ты, гладкая стрижка пепельных волос почти до плеч, чёрный шёлковый жилетик простеган ромбиками, колготки красной шерсти, и чёрные валенки, такие крохотные…

И я помню безлюдные воскресенья—ни души вокруг—на пустынной игровой площадке, но садик другой, хоть тоже по соседству, совсем заброшенный и тихий по выходным. Мы приходили туда ради качели. В движении, железо полдюймовых труб подвески вскрикивало терзающей ржавой нотой, что прорезала дремотную тишь площадки укрытой слоем жёлтых листьев. Горестные вскрики, словно стоны чаек, надрывали душу. Потому что я был папой-для-выходных… По будням я был далеко, пахал как папа Карло в СМП-615, на разных строительных площадках в соседней области, чтоб заработать беззаветным самоотверженным трудом квартиру для нашей молодой семьи и зажить своим домком, своим ладком…

Пока не грянула та выходная ночь в узкой спальне, что выделили твои дедушка и бабушка в трёхкомнатной их квартире для нашей начинающей семьи, где я лежал на одолжённом, от щедрот их, супружеском ложе, рядом со своей молодой женой, и по мне с костоломным хрустом прошёлся дорожный каток вести, которой поделилась милая…

За пару дней до выходных, один её знакомый катал мою любимую на своей Волге Газ-24. Увёз далеко за город, аж в Заячьи Сосны на Московской трассе, с которой съехал и припарковался меж деревьев… Он наклонился к ней, открыл «бардачок» над её коленками и вынул бутылку шампанского… мягкая музычка тихо лилась из мерцания радио в приборной доске, неяркий свет помог снять фольгу с пробки… Она пригубила немножко и с грустью сказала: «Отвези меня домой, пожалуйста». И он послушно завёл мотор…

Шёпот о целомудренной верности моей жены иссяк, сменился оглушительным набатом ночной тиши. Расплющенный навзничь, я задыхался под навалом рухнувших немой лавиной стен, в

катастрофе уцелел лишь звук сонного посапывания из твоей кроватки в тесном углу спальни. Воздух уплотнился и стал непонятно жидким, привкус несвежего жира обволакивал каждый вдох. Жёсткая хватка сдавила мне сердце и, чтобы выдержать, не лопнуть под неумолимым напором, оно обернулось кремнем. Поддержку оказала лишь густая тьма вокруг, она сочувственно скрыла замедленную льдисто-холодную слезу, что выкатилась нежданно, сама собой, из уголка глаза и бесшумно сползла по виску – затеряться в корнях волос… последняя слеза моей жизни… Впоследствии, ту её тропку углубили морщины взбороздившие кожу виска, но слёз уже не было ни в одном глазу, никогда, ни в каком направлении. Ну разве кроме тех, что выжимаются ветрами, но такие не в счёт.

(…а чё-эт ты типа как закручинился, маненько?. аль снова нюнишься на тему рухнувших надежд, шо раздавили хлюпика на наковальне его же собственного сердца? но прыткое, блин, попалося, прям сей-секунд окаменеть успело…

…будь мужчиной, кореш… ищи утешений в простых истинах, и как раз таки простота делает с них полный верняк… а истина в том, шо никакая пахота на стройке, ни солнечные удары в голову поверх обморожений кожного покрова не предотвратят следующего раза, когда она не скажет «давай не будем», а вместо этого начнёт подлаживаться к особенностям интерьера в Газ-24…

…или вот ещё тебе истина неоспоримая, потому как простая: самые упорные припоминания минувших радостей не вернут тебе их, но стоит вспомниться чему-то гадостному так, походя, вскользь и—бац! – боль скрученная, зарытая живьём давным-давно, вдруг жалит заново… вона как тя прессует даже тут, за тыщщи вёрст от спальни всмятку, после миллионов мгновений перехода эстафетной палочки «я» от одного «я» к следующему…

...и вот что я тебе скажу, мой милый я... вышибай клин клином... куснула простая истина, а?. так шандарахни её не менее простым клином более широкого подхода, смени-ка «я» на «мы»... ведь мы ж кто такие?. подбрито-припудренное, или взъерошено-щетинистое (смотря какой банкует тренд в текущей моде) кодло приматов, где всякий позвоночный подчинён законам общим для всей стаи... незнание их не даст отвертеться от применения к тебе по полной, сам знайиш... вот и утешься этой простой истиной, смотай свои сентиментальные сопли на кулак и жди, покуда рассосётся это тягостное мозженье в яйцах...

...заткнись, мэн!. такие рэпы не для нежных женских ушек... хмм... похоже, заново придётся...)

~ ~ ~

Здравствуй, доченька

Наша встреча живьём оказалась чересчур краткой, чтоб убедить тебя отказаться от «Вы», но отвечать тем же не хочу, слишком втянулся быть с тобой на «ты», когда-то, давным-давно, вслух, потом довольно продолжительно в уме. Выставить себя холодным снобом особого труда не составляет, но только не с тобой, тут даже язык не повернётся. Нет, это не фамильярность, скорее просто... сам не знаю что. Ну и ладно, к делу....

Позавчера, далеко за́полдень, исполняя план изложенный тебе в прошлом имейле, я посетил высоты в окрестностях покинутой деревни Схторашен, с визитом к древнейшему жителю Нагорного Карабаха – Платану из семейства Платановых, в возрасте 2000 лет.

Жара стояла августовская, подъём—хоть и по уезженной грунтовке —крутёхонек, и задолго до появления дендро-великана, взгляд самовольно скакал вперёд и вверх: ну когда же покажется родник? Его обещали все из посещавших это место.

Большинство источников Карабаха обустроены на один манер—каменная кладка в рост человека врезается поперёк склона над

корытом из тёсанных плит серого камня, ширина ёмкости немногим более полуметра, длина метров 5–6, а воды по колено. В правом конце оградительной стенки под прямым углом с нею кладётся ещё одна, короткая, не шире корыта, и из неё торчит обрезок железной трубы. Струя холодной воды с тихим журчанием падает в каменную чашу, что вмурована в стенку пониже трубы, на случай если у жаждущего нет при себе кружки. Из чаши, струя переливается в корыто для скота и прочей живой природы, но дикие днём не подходят. Наполнив корыто до краёв, вода покидает его через левый край и журчит под уклон ручейком, который сам выбирает курс поворотов.

Однако, источник рядом с деревом-великаном противоречил традиции и вода его текла в обратную сторону—слева направо. И, в продолжение сюрприза, из этого наоборотного источника не удалось мне утолить жажду, что весь подъём от павильона на повороте к райцентру Кармир-Шука пришпоривала меня видениями прохладно журчащей прозрачной струи… Пришлось облизнуться сухим языком, потому что под деревом я нарвался на *матаг*.

(…два чемпиона ходячих выражений в Армянском языке, а вместе с тем и самые потрясные по красоте и глубине их смысла:

1. **цавыд таним**; и
2. **матаг аним**.

Номер первый означает «я понесу твою боль». Так просто. Два слова. Неизмеримо бездонная глубь.

Ну а вторая пара слов это обет принести жертву—сделать матаг. Обычно матагом отмечается счастливое избавление. Допустим, если близкий родственник тяжко хворал, но выжил или, скажем, машина сиганула в пропасть, однако водителя спасли, значит, пора делать матаг. Для матага сгодится мясо любого из домашних животных, хотя выбор намекает на

тяжесть угрозы просвиставшей мимо, а заодно показывает уровень зажиточности матаго-устроителя.

Плоть жертвы, после кулинарной обработки, следует разделить с родственниками и соседями, на что те откликнутся традиционным заклинанием ынтунели ыни («да будет принят»), а иначе это уже не матаг.

Впрочем, съедобность матага не обязаловка, подари поношенные, но ещё крепкие джинсы какому-нибудь доходяге и – ты сделал матаг. Суть любого матага в том, чтоб задарить, подмазать своей жертвой неведомые силы, которые рулюют судьбой, она же случай, он же фортуна…

И особо высокий IQ тоже без надобности, чтобы понять насколько взятки таким неясным марам скребут против шерсти служителей Богам Всемогущим с официальной пропиской в этом лучшем из миров. Впрочем, религии в законе на личном горьком опыте давно уж убедились в полной безнадёге попыток искоренить упрямые обычаи среди несознательной части своих конфессий—корячишься как чёрт на зоне, а толку фиг, да нифига! – и они научились мудро не замечать обрядные подскоки через костры в самую краткую ночь лета, масленичные хороводы, матагы и тому подобные непотребства. Им же хоть кол на голове теши! Бля..! Прости, Господи… Бурчат религии, но терпят.

Даже наираспробесподобнейшие выражения притупятся, коли применять их всуе, как обиходные фигуры речи:

– *Цавыд таним* (я понесу твою боль), а чё за картошку не платишь? забыл?!.

– *Матаг аним* (клянусь принести жертву), да я ж секунду назад дал тебе 6 монет по 100 драм! Карман проверь свой.

– *Цавыд таним* (я понесу твою боль), я тут с утра торчу, у меня тех 100-драмовых битком.

– *Матаг аним* (клянусь принести жертву), я за одну картошку два раза платить не стану. Пить надо меньше…

На базаре Степанакерта, столицы Нагорного Карабаха, народ торгуетсякорректно, с глубокимпоэтичнымсмыслом...)

Как уже сказано, не судьба мне была в тот день испить водицы из источника, что так манил, журчал воображаемой в мечтаниях прохладой, потому что в патриархально густой тени его соседа-великана полным ходом шёл раздольный *матаг* на сотню доброжелателей и из гущи празднества донёсся громкий крик «Мистер Огольцов!» Долго озираться не пришлось, дружеский, но неодолимый захват окольцевал мой бицепс и седовласый верзила повлёк меня к женскому столу, к сидевшей во главе его молодушке в теле. «Вы же нам преподавали! Меня помните? Как моё имя?» (...ну, во всяком случае, слову «мистер» я их научил, но имя-то как?..)

– Может быть, «Ануш»?

Моя угадка наобум вызвала общий восторг и нежную гордость, что их Ануш до сих пор не выветрилась из памяти преподавательского состава местного Государственного Университета. А её отец, устроитель *матага*, не послабляя ласкового стиска, повёл опознанного к месту освободившемуся в конце мужского стола, где мигом возникли свежая тарелка с вилкой, чистый стакан и непочатая бутыль *тутовки*, а *тамада* уже подымался с новым тостом про родительскую любовь и университетские дипломы...

Карабахская *тутовка* (самогон выгнанный из ягод шелковицы) по своей убойной силе не уступит «ершу» (смесь водки с пивом в пропорции 50-на-50) и «северному сиянию» (микстура из медицинского спирта и шампанского, да по 50 % от каждого ингредиента). То есть хочу сказать, что ракетное топливо из этой продуктовой линейки требует солидной закуси, несовместимой с принципами веганизма, тогда как в праздничном застолье разве что хлеб да жареная на шампурах картошка прошли бы тест на безубойное питание, ну и нарезанные ломтями арбузы. И всё же, доказать, что веганы тоже брутальные мачо, я браво хлобыстал *тутовку* на каждый тост, а мой сосед справа по имени Нельсон

Степанян (двойной тёзка асса-истребителя времён Великой Отечественной войны) тут же переводил бутыль в пике над опорожненным стаканом, пряча хулиганскую усмешку в своих глазах небесной сини.

А потом мне как-то уже не до Платанов стало… Я немо подобрал свой вещмешок, увязанный с палаткой и спальником, и заложил медленный вираж поперёк склона в поисках уединения, а там, покачиваясь, но чётко контролируя процесс, установил свою одноместную Made-in-China.

Остатки вертикальности и мутнеющего самоконтроля ушли на то, чтоб добрести до ближайшего Дуба и поссать по ту сторону его могучего обхвата… Разворот кругом и шаг по направлению к палатке грубо толкнули меня вспять и шваркнули о бугристый ствол… Вяло и безропотно, спина моя сползла по рубцам коры до самого комля, где я и свернулся умученным калачиком… Сумерки сознания сгустились прежде мглы подступающей ночи. Крохотный кружок смыкающегося горизонта раскачивался в жестокой круговерти, волна неудержимой тошноты подкатила и стиснула, я перевернулся на бок и, балансируя на неустойчивой опоре локтя, блеванул за кряжисто узловатое корневище, затем рухнул обратно на острые грани коры упёршейся в мой затылок.

А рыбки страдают морской болезнью?

~ ~ ~

Дрожь озноба пробудила меня в холодном мраке. Не сразу удалось восстановить навыки прямохождения, но всё же я дошкандыбал до палатки, вплетая по пути изнеможённые, но глубоко прочувствованные стоны в какофонию жуткого воя и сатанинского хохота шакальих стай распоясавшихся на близлежащих склонах.

Эта ночь стала первой, что ткнула меня носом в отчётливую вероятность не дотянуть до предстоящего утра. Пронзённый ужасом, терзаемый острыми когтями, что впились сквозь рёбра грудной

клетки, я затаился и ждал рассвета как спасения. Он всё же наступил, но облегченья не принёс, не выручал и жалостный скулёж, однако сдерживаться не осталось сил, всё отжала иссушающая муторность.

Хотя если удалось пережить эту ночь (шатко начинало складываться в сознании), значит надобен я ещё чем-то близлежащему Космосу. Первым делом, надо придти в себя, собраться, ну хотя бы с тем, что осталось…

Инвентаризация выявила недостачу верхнего протеза. Я притопал к Дубу, сел на корточки и тупо потыкал прутиком лужицу застылых блёв в развилке корневищ комля. Нету… хрен тут ночевал, и хрен на весь твой глюпый морда… нужно продрать глаза… давай, я в тебя верю!.

Взгляд с усилием приподнялся выше и вперёд. Ага! Напор прощального попурри ноктюрнов вчера настолько был силён, что протез перепрыгнул лужу и мирно переночевал на полметра дальше —на моховой подстилке—шакалам ни к чему, у них свои зубы на месте, а прочая прожорливая шушера не позарилась на кусок пластмассы за 20 тысяч драм…

Весь дальнейший день я провёл пластом под Вязом рядом с палаткой. Меня хватало лишь на синхронное переползание с тенью кроны дерева типа соловой мокрицы под гномоном диска солнечных часов… ах, как верно сказано «Надо меньше пить!», но— и я уже когда-то пытался это объяснить, не помню уж кому—у моей тормозной системы личные воззрения относительно золотой середины, вот и приходится глушить сколько на́лито…

И вчера же мне дошло, причём очень отчётливо, что близость долгожительной дендрореликвии мало способствует общей безмятежности кротких медитаций умиротворённо-созерцающим умом… Отдалённый шум *матагных* гулеваний сменявших друг друга под Платаном (правда, не с каждым прибывал КАМАЗ гружёный скирдою столов), а также коровы бредущие на водопой и обратно под присмотром пастушков-отроков, до отвращения охочих к

общению с распростёртыми незнакомцами, как и случайные прохожие и проезжие верхом по тропе, оказавшейся слишком рядом, изумлённо оглядчивые на инопланетно-лиловый оттенок в синтетике китайского производства, плюс венчающее это всё, жесточайшее похмелье, бесповоротно подчёркивали насущную необходимость радикальной перемены места моего ежегодного побега на волю...

Вот почему только сегодня утром, набрав бутылку родниковой воды для предстоящего перехода, я присмотрелся к дереву в деталях для отчёта тебе. Действительно, одного миллениума мало, чтобы так вымахать. Нижние ветви гиганта размером со столетние деревья. Огромный ствол удерживающий всю эту рощу, в обхвате наберёт метров тридцать, но имеет расселину от комля, куда сбегает ручей воды источника (не тут ли зарыта собака такого долголетия?) и в ту же щель может заехать всадник, если пригнётся в седле пониже...

Я тоже зашёл в дерево и оказался в сумеречном гроте. Остатки дневного света просачиваются внутрь из сплошной тени под кроною снаружи, от входа и противуположного выхода. Неуютно, темно и сыро. Вокруг разбросаны куски плоского камня – пробраться по топкой почве к малость сдвинутому от центра ящику здоровенного мангала из старой листовой стали и неумелой сварки, что глубоко увяз ржавой арматурой ног в пропитанном водой полу. Неровные наплывы растаявшего воска с останками несчётных свечечек заполнили его до краёв, облили стылыми потёками бока, словно насекомое из юрского периода обляпалось сосновою смолой, да моря рядом нет, чтоб превратиться в драгоценность. От такой мокрушно-заунывной обстановки потянуло скорее обратно, в ясное утро...

Вот я и вышел, собрал вещички и зашагал прочь, а обернув прощальный взгляд к прославленному Платану, криво поморщился на те уродящие ножевые раны от рук любителей увековечиться на

всякой достопримечательности, какая только подвернётся под их инициалы, даты и символику модную среди таких придурков.

Шрамы-метины подревнее вползли, подтянутые корой, метров на шесть от земли. Вырезанные пару столетий назад, самые верхние расплылись и спутались неслышным течением времени в неясные, нечитаемые, контуры по неровной ряби пятнистой коры неспешно влекущей напрасный труд кверху, в неизбежное забвение…

~ ~ ~

Я не пошёл вспять тем же путём, что два дня тому привёл меня к знаменитому дереву. Намного привлекательнее казался переход по гряде *тумбов* (так в Карабахе называют заокругленные горы, что тянутся плавными цепями волнистых кряжей поросших травами и лесом, в отличие от более рослых *леров*, которые мозолят небо голыми пиками каменных вершин), эта уловка позволит избежать спуск в долину Кармир-Шуки, откуда придётся топать и топать по шоссе до деревни Сарушен.

По совокупности всех этих причин, я свернул на почти неразличимую тропку, что забирала вправо и вверх по крутому склону, в полном неведении исполним ли мой хитроумный план вообще. Но раз есть тропа, то куда-нибудь она всё ж выведет, не так ли? Вот я и шагал по ней, вдыхая вкуснейшие ароматы горного разнотравья, любуясь обездвиженными волнами *тумбов* в потоках мягкой зелени и солнечного света, предвкушая беспредел красоты необъятного простора, что раскинется вокруг, когда подымусь на гребень кряжа.

И беспредел не подвёл своей недосягаемостью даже для самых утончённых Тургене-Бунинских эпитетов и наиизысканнейших мазков Сарьяно-Айвазовских кистей—и на этом непередаваемом, разумеется, фоне тропка вливалась в узкую дорогу, что пролегла из ниоткуда к ближайшему тумбу, где по ней спускались из лесу крошечные, на таком расстоянии, пятнышки пары лошадей, двух человек и собаки…

Мы сошлись минут через десять, лошади скоблили каменистую дорогу верхушками трёх-четырёхметровых молодых деревьев с отсечёнными ветвями, толстые концы хлыстов увязаны на спины тягловых единиц. Два пацана с собакой сопровождали топливо для обогрева их жилищ в предстоящую зиму.

Зайдя в лес, я встретил ещё одну партию дровосеков из трёх лошадей, трёх мужиков, и ни одной собаки. Мы поздоровались, и я спросил как пройти по вершинам *тумбов* к Сарушену.

Мужик с тугой, как бубен, кожей поверх структуры черепа в его лице над воротом когда-то красной, но давно застиранной до белизны рубахе, ответил, что ему случалось слышать про ту тропу, однако личного знакомства с ней не имеет, и что метров через триста мне попадётся одноглазый старик, который рубит там, и тот уж точно будет знать… Я прошёл сколько сказано, потом ещё триста или пятьсот метров, но так и не услышал топора; старик, должно быть, устроил перекур с дремотой или жевал свой хлеб-сыр…

Не доходя вершины *тумба*, дорога раздробилась на несколько троп. Я выбрал ту, что забирала круче, но скоро она пропала тоже, словно и не бывала. Вокруг стоял нехоженый горный лес, где недостаточно одних ног, без частого хватанья за стволы деревьев—весьма оздоровительно и отдыхательно, но не надолго… Я не стал выдыхаться карабкаясь к вершине в лоб, а решил обойти с фланга, в надежде не пропустить седловину перехода на следующий *тумб*.

Вдруг наплыло ощущение какой-то странной перемены. Стихли звуки летнего леса, странная сумеречность приглушила свет, стирая и без того нечастые пятна солнца на кустах и под деревьями. Что за дела, мэн? У облаков сходняк флеш-мобный?

Поозиравшись, я открыл причину – вместо Буков-великанов вперемешку с разреженной порослью у их подножий, меня окружала рослая чаща ровесников, чьи кроны смыкались на высоте четырёх-пяти метров в плотную массу листвы непроходимую для солнечных лучей, отсюда и оттенок излишней потусторонности.

Что-то толкнуло меня оглянуться и встретить упорный взгляд зверя... шакал? собака?. а-а!. тоже мне!. глянь на ширину хвоста... лиса, конечно, или, может, лис... молодой ещё, с охотниками не встречался...

– Привет, Лис. Я не Принц. И я не юный. Иди куда шёл.

Я двинулся дальше, уворачиваясь от длинных паутинных нитей, обходя, по возможности, колючие кусты, а в её отсутствие продираясь насквозь. Лис не отставал... И кто это пустил пургу, будто животные не выносят человеческого взгляда типа как уставься и они отводят свой? Лапша на́ уши!. Так мы и шли. Иногда, как благовоспитанный попутчик, я обращался к нему с той или иной вежливой репликой, но он всё отмалчивался. В какой-то момент я развязал вещмешок и достал кусок хлеба.

Сперва, он вроде и не знал как подступиться, но потом заглотал, как удав пачку дуста, не выпуская меня из контрольного прицела глаз. Или прикидывает как смышковать, когда и где? Не газуй, партнёр, нам спешка ни к чему... И только лишь когда между деревьев заяснел широкий свет солнечной поляны, он принялся поглядывать назад и скоро растворился вовсе. Прощай, Юный Лис из молодого леса!.

Я вышел на поляну и понял, что без малого замкнул круг в обход вершины, но так и не нашёл перехода на следующий в цепочке *тумб*. Под скалами в отдалении маячила пара ветхих крыш, которые я приметил ещё на подходе к этому лесу. Ну и хватит с меня поисков вымышленной тропы, где тут спуск в покинутую деревню Схторашен?.

Вскоре подвернулась круто закрученная тропка, что вывела меня в тутовник двухсотлетних Шелковиц, откуда я прошёл к деревенскому роднику вкуснейшей, до невозможности, воды—куда тому приплатановому! Дальше тянулись тридцать метров улицы мощёной валунами и булыгами с парой домов гнобимых джунглями переросшей их Ежевики. Улица резко оборвалась, сменившись едва

различимым пунктиром грунтовки по спуску обращённому в долину Кармир-Шуки.

(…деревня Схторашен была покинута до Карабахской войны 90-х, поэтому дома её не сожжены и сохранились жестяные крыши, чтобы сгнить под ежевичной обрешёткой.

Деревня эта, как и многие другие, пала жертвой маразматического решения Советского руководства «О Переселении Жителей Высокогорных Населённых Пунктов в Более Низинные Места». На тот момент Союзу Советских Социалистических Республик перевалило уже за семьдесят и он впадал в старческие отключки – деменция не щадит и политические системы, что повторяют жизненный цикл людей, своих создателей.

Всегда на всё согласные власти тогдашней Нагорно-Карабахской Автономной Области, подобно другим политическим образованиям в Кавказском регионе, рабски исполнили директиву свихнутого Старшего Брата и прикончили не одну деревню.

*То есть, при всём почтении к тем, кому за 70+, я воздержусь от посещения их клубных вечеринок **Давай Поаксакалимся!**.)*

Спускаясь вниз, неизлечимо верный большевистским традициям, я сделать ещё пару попыток срезать путь, ну, хоть немножко! Однако оба отклонения упёрлись в глубокие ущелья и отвесные скалы, так что шоссе меня дождалось точно там же, где я его покинул два дня назад – возле павильона-закусочной «Платан Тнчрени».

(…ласково ведёт судьба послушное чадушко, а упрямых неслухов волочит за волосья к одному и тому же, неизбежному, месту назначения…)

После пары поворотов плавного серпантина, шоссе взяло неотвратимо прямой курс на перевал из раздольной долины

Кармир-Шуки. По наклонно уходящей вверх обочине, я топал сквозь тошнотную, но чем-то и зовущую вонь перегретого жарой асфальта. Тяжко дыша, обливаясь потом, я шёл, шёл, и шёл. Всё чаще и чаще приходилось сдвигать лямки вещмешка на плечах в бесполезных усилиях выбрать место, где они не впивались бы так больно, но через пару шагов те вновь врезались до кости всем грузом заспинной клади. Соль пота ела глаза, которые уж не резвились, не прядали по сторонам, не чумели от чарующих красот природы; взгляд отупело полз по асфальту крупного помола, едва уворачиваясь из-под обшарпанных армейских ботинок, что втаптывали в дорожное покрытие мою шагающую тень, которая мало-помалу начинала уже удлиняться. И всё-таки порою взгляд вскидывался, по собственному почину, в надежде высмотреть сквозь капли пота на ресницах тенистое дерево у обочины, хотя я знал на все 100 %, что до самого перевала ничего такого и близко не предвидится. Раза два я покидал асфальт сбить жажду ягодами Ежевики с кустов вдоль основания насыпи шоссе. Увы, в этом году нас ожидает ежевичный недород, хотя будем надеяться, что мне случайно подвернулась бесплодная полоса, потому что терпеть ненавижу распространять панику…

И снова топали ботинки вверх по неумолимо наклонной плоскости асфальта…

~ ~ ~

Для развития персональных навыков предвидения, не ищи тренера лучше, чем горы… И когда прямая бесконечного подъёма достигла перевала, чтобы превратиться в горизонтальные извивы с поворотами, которые послушно следуют рельефу цепи покинувших широкую долину *тумбов*, я мог уже предсказать не только запросто, но и наверняка, что полчаса спустя обернувшееся неразличимым (если наблюдать из данной точки) пятнышко меня (который пока ещё тут) свернёт, исчезая за самым дальним склоном во-о-он того тумба, а ещё через десять-пятнадцать минут, не доходя с полкилометра до

деревни Сарушен, я сойду с шоссе на грунтовку, которая полого тянется на самое дно тамошней долины вдоль речки Варанда, а уж там-то всё будет хорошо и тени сколько хочешь, и деревьев, и родник прохладной воды на каменистом берегу реки…

Предсказание сбылось один к одному, а когда грунтовка подвела к мелкому броду через наполненное галькой русло, перед резким подъёмом к деревне Саркисашен, я с ней расстался и пошёл сквозь живой туннель Орешника на берегу, чтобы в конце туннеля открылось непривычно ровное поле над излучиной реки вдоль *тумба*-великана на противоположном берегу.

Попробуй представить футбольное поле вскинувшееся почти на дыбы и поросшее широколистым лесом до самой вершины этого стоячего стадиона. Из-за крутизны склона, кроны деревьев не загораживают друг друга, а поднимаются всё выше и выше чередующимися рядами, и у каждой кроны свой оттенок зелёного, один из 200—чуть-чуть не такой как у остальных. Можешь представить этот сон наяву? Если да, то легко разглядишь и меня на этом берегу реки, валяюсь тут на спине под мощным Грецким Орехом, на подстилке из листвы опавшей за прошлые годы—сухая, ломкая, мягкая труха.

Вот он – я, наслаждаюсь оргией зелёного потока, что струится вверх по *тумбу* за рекой, любуюсь глубокой синевой небесной выси, наблюдаю игру широкопалых листьев Грецкого Ореха, как поколыхивают в своих ладонях солнечные пятна в чуть шелестящем ветерке над головой. Ха! А жить-таки чертовски здорово, и так вот растянуться и думать про то или про сё, или совсем про ничего. Единственный вылом – ни души вокруг, чтоб этой красотищей поделиться… блин! забудь! я этого не говорил… мне давно не новость, а и в привычку даже, что такие моменты происходят лишь когда один. Главное, сдержать свою мегаломанию в узде, чтоб и не пикнула, и не рыпалась подкинуть какую-нибудь безобидную на вид мыслишку типа чем больше пространства на душу индивида, тем выше его зна́чимость и ранг…

Давным-давно, случилось мне листать лощёный журнал на Немецком, вернее его огрызки, в довольно потёртом таки состоянии. Заглавная статья посвящена господину Херцогу, владельцу крупного химического концерна. Один из тех сиятельств, которым западло соваться в политические игры, они эту крысиную возню предоставляют президентам, премьерам, соперничающим партиям *und so weiter*, однако малейший поворот руля внутри их вотчин определяет весь внешнеполитический курс Германии (на тот момент ещё без ГДР).

Статья пестрела красочными фотками, а на развороте ближний план *Herr* Херцога на фоне личного парка в его же заднем дворике—гектара два через расчёску стриженной травы вперемешку с напедикюренными деревьями из позапрошлого столетия—и парочка его внучат-херцогинят, блондины в локонах, пускают стрелы между двух деревьев под его левым ухом типа купидончиков или там в Робин Гуда играют.

Его праотцы, бродячие Евреи-челноки, пешком верстали весь Шёлковый Путь, туда и обратно, приносили китайский ширпотреб на продажу феодальным герцогам, баронам и прочим титулованным бандитам средневековья. А эта погань варварская устраивали пейсоносным коробейникам всяческие зверства и мучительства. Ну а нынче банкует он, пахан по полной, да… монарх крупного индустриального царства. Но счастлив ли? Сомненье брало, если приглядеться к потёртому выражению лица *Herr* Херцога посреди его холёного оплаченного-муками-предков-и-личными-достоинствами парка…

Ну ладно, оставим в стороне все эти августейшие рояли, а как насчёт меня-то? Счастлив ли я, вытянув ноги под сенью лиственного балдахина, под опахалом ветерка, вкушая негу сладостной прохлады… ничего не забыл?. а ну там ещё, наверно, про струны струй журчащих… впрочем, суть не в этом, главное – охренеть какая усадьба! ты ж погляди какое поле стрёмное, с травой по пояс, и в нём полно увесистых, с кулак, шаров-колючек симпатично-сизого

отлива, шипастых, как булава, и тот вон *тумб*-Камелот над потоком, высоченный как башни многоэтажек, что громоздятся вдоль шоссе от Киева в аэропорт Борисполь. Чего тебе ещё надо для счастья, а?

Вопрос, конечно, интересный, если внимательно вдуматься… Жаль, вещмешок без дверцы с зеркальцем, чтоб ставить самому себе диагнозы по гордому выражению хрюкальника.

~ ~ ~

Этот рай земной мне подвернулся шесть лет тому, когда Министерство Образования Нагорно-Карабахской Республики—ново-независимого, само-провозглашённого, но так никем и не признанного государства (да! не спорю! откликнулись пара горсоветов из посторонних полушарий), поскольку мудрые державы на свою жопу приключения не ищут: «Ты, касатик, прав по всем статьям: юридическим, морально-этическим, этнографическим, сейсмо-футурологическим, но у тебя же в недрах нефти ни шиша, так ты, душа моя, иди-кось, гуляй отседова…»—устроило тут как бы пионерский палаточный лагерь для школьников Степанакерта.

Сатик тогда отработала в нём две лагерные смены. Подряд. Я попытался заикнуться, предварительно и довольно скромно, с предложением оставить кровинушек наших под мои отеческие опеку и радение, но, и вполне ожидаемо, инициатива получила должный отфырк… Не сказать, что я очень уж так совсем настаивал, но всё равно довольно яркая демонстрация наличия доброй воли с моей стороны, нет разве?. И потому Ашоту с Эммой почти всё лето пришлось коротать под маминым крылом, две лагерные смены, от звонка до звонка, в отрядах соответственно их возрасту и полу.

А старший ребёнок в семье, Рузанна, к открытию лагеря сдала экзамены за второй курс Госуниверситета и махнула к ним, на должность самопровозглашённой Пионервожатой. С развалом Советского Союза должность эта приказала долго жить, да и пионеров стало не сыскать, кроме как в нетленных шедеврах Советской кинематографии… Но я всегда готов принести

соболезнования родственникам любого тормознутого форс-мажора, что не увернулся там, где Рузанна шла к избранной ею цели… Так что, для всего лагеря, она стала Пионервожатой, в платёжной ведомости должность не значилась, но она и не переживала.

Оставшись один дома, всего за пару недель бессемейной жизни я смертельно устал от непривычной тишины вокруг и однажды под вечер покинул место жительства в направлении деревни Сарушен, приобретя пачку печенья и каких-то конфет в магазинчике на выходе из города. (На тот момент в своём развитии, я уже дорос до понимания, что радость встречи с папой нужно закреплять, чем слаще, тем лучше). Пешком и на попутках, мне удалось преодолеть двадцать с чем-то километров до деревни и, уже в темноте, я пришёл в лагерь.

Как раз на этом месте, где я сейчас лежу, стоял холстяной складной табурет лагерного Директора, Шаварша, на который, кроме него, никто не смел садиться, правильный престол не под всяк зад заточен. На широком стволе этого Грецкого Ореха, уже тогда расщеплённого ударом молнии, висела одинокая яркая лампочка, которую с тихим урчанием питал задвинутый за спину дерева генератор. Свет рассасывался темнотой над парой длиннючих столов из листового железа врытых пунктиром вдоль края поля, по обе стороны каждого стояли как вкопанные (такими они и были) узкие скамьи из того же хладоточивого материала. Два непроглядно-чёрные приземистые пирамиды армейских палаток, каждая вместимостью на взвод военнослужащих, силуэтились в тёмном поле: одна девочко́вая – для Воспитательниц и всех прочих девочек лагеря, вторая для мальчиков и Физрука. Чуть в сторонке, рисовалась двухместная палатка Директора Шаварша и его жены на должности лагерной Поварихи и Медсестры. Глубже в поле, метров за тридцать правее палаток, тихий костёрчик лениво лизал короткими язычками пламени конец сунутого в него бревна, целый ствол, в общем-то, с отсе́ченными сучьями, чтобы легче

пропихивался вперёд, по мере прогорания, в мерцающие угли уже отпавших от него кусков…

Все лагерные Воспитательницы рекрутировались, естественно, из учительниц городских школ, которым хватило света одной лампы, чтобы опознать меня и тут же кликнуть Сатик. Рузанна прибежала следом. Моё появление обрадовало обеих, хотя Сатик внутренне напряглась, готовая дать отпор излишним сентиментам, что не успели за минувшие две тыщи с чем-то лет укорениться и доказать свою необходимость в процессе выживания.

Был поздний вечер после трудного дня и легкомысленно посягать на основополагающие ценности меня не очень-то тянуло. Я держался с пристойным достоинством и послушливо сел с краю – на холод железа под задом, за холод железа под локтями. На столе разворачивался лагерный ужин. Благодарно и не прекословя, принял я тарелку жидкой каши из непонятной крупы, ложку из алюминия и осколок рубила из когдатошнего хлеба. И я даже попытался отгрызнуть кусочек от этой археологической находки орудия Каменного Века, хоть сразу видно было, что это не для пластмассовых зубов; пришлось вежливо заныкать артефакт под край тарелки и сосредоточиться на вареве…

(…как умудрились воссоздать слепок счастливого пионерлагерного детства времён Советского благоденствия в непризнанной стране, чей Министр Образования, в приступе гласности, признался, что его министерство не располагает средствами даже на покупку футбольного мяча для Школы № 8?

Скорее всего, Армянская Диаспора прислала грант на это дело и в конце лета получит аппетитный доклад с приправой искреннего ликования: «На $40 000 вашего щедрого дара, все школьники Степанакерта, столицы новонезависимой Нагорного Карабахской Республики, поимели уникальнейшую возможность…»…)

Реляция гипотетическим донорам от непойманных грантокрадов прервалась радостным писком Эммы притиснувшейся к моему боку. Я ласково гладил её гладкие волосы и узкие плечи дошкольного возраста, задавал вопросы о чём-то, она отвечала и тоже о чём-то спрашивала. «А где Ашот? Не знаешь?»

Она указала на дальний конец примыкающего стола, где свет от лампочки изнемогал в неравной борьбе с ночью. Ашот сидел там, забыв об ужине, разиня восхищённый рот на высившихся вокруг него старшеклассных недорослей в их неумолчном ржанье и гоготе птичьего базара со скал арктических морей… Я достал гостинцы из кармана моей летней куртки и отдал Эмме – иди поделись. Она отошла, тая в темноте обступившей пыл перепалок и бряцанье посуды о холод железного стол…

Ужин плавно перетёк в трапезу взрослых. Воспитательницы чинно и педагогично пили сухое-полусладкое. Физрук, Директор, Участковый из ближней деревни, и я довольствовались неизменной *тутовкой*. Всем на закуску шла мелкая рыбёшка, которую днём Участковый трахнул в речке разрядом из одолжённого в лагере генератора, а затем казнённых (без стула, но электричеством) дожаривала лагерная Повариха, она же Медсестра, она же жена Директора…

Группа подрастающего поколения приблизилась к застолью с челобитной о позволении им потанцевать и Шаварш милостиво соблаговолил сдвинуть лагерный отбой на полчаса. Тем временем, я спросил Рузанну про Ашота. Она сказала, что тот уже спит в палатке мальчиков и вызвалась сходить за ним, но я ответил: «Не надо. Не буди».

Подростки собрались у костра и танцевали под музыку из колонки подвешенной на дерево возле офанарённого Ореха. Вначале мне показалось странным, что все, как один, выплясывают спинами к руководству за столом листового железа, но пришла догадка – каждый пляшет со своей персональной тенью, такой прыгучей, так далеко отброшенной в ночное поле светом лампы-одиночки. Затем

Директор лагеря объявил, что хватит с них, выключил генератор и удалился в двухместную опочивальню своей власть предержащей палатки…

Некоторые из отдыхающих в уникальном лагере прокрались—по́ двое, по́ трое—обсесть тихо обугливающееся бревно, чтобы, часов до двух-трёх, взаимно ущекотываться—до всхрюков, до вскликов, до приступов—так и не превзойдёнными со времён палеолита анекдотами либо стращать друг дружку ужастиками, что вошли в моду при царе Горохе, под сочувственным присмотром Воспитательниц, их школьных училок, сменявших одна другую в ходе негласной ночной смены…

Я выдержал до часу, прежде чем согласился на свободную койку в мальчуко́вой палатке и оставил Сатик отбывать её очередь у костра, потому что в шесть утра должен был выйти на автобус до Степанакерта….

Годы спустя, я спросил Ашота почему он не подошёл ко мне в ту ночь. Он отвечал, что о моём появлении ему сказали лишь на следующий день, когда я уже покинул лагерь. Ответом на мой вопрос о печенье с конфетами, послужило недоуменное пожатие плеч… Эмму я не виню. Шести лет от роду, схомячить втихаря печенье, что попалось посреди лагерного пайка – это здоровое проявления уместного и обоснованного эгоизма. Но бедный Ашот! Каково вырастать с мыслью—и пусть она давным-давно погребена и надёжно забыта, от неё никуда не деться—что твой отец не захотел подойти к тебе? Изо всей семьи только к тебе одному отец твой подойти не захотел…

Ладно, кто старое помянет… или, цитируя ежедневную поговорку моей заключительной, но самой почитаемой тёщи, Эммы Аршаковны, «кянгя ли-и!»

~ ~ ~

И-иии! Чёт меня на блюзы сковырнула эта уединённо роскошная ширь ёмкостью на одну персону… Скажем дружно – нафиг нужно!

Посидели, а теперь похулиганим... Вперёд, каналья!

Не углубляясь в чащу на крутом склоне, я прочёсываю опушку вдоль поля, выдёргиваю сухой сук отсюда, усохшее деревце оттуда на старую коровью тропу. Продвинувшись таким манером метров на двести, я иду обратно, подбирая заготовленный сушняк с валежником. С грузом из охапки дров, возвращаюсь в бывший лагерь и снова выхожу за недособранным. Раз и ещё полраза. Готово.

Следующий шаг – ломка топлива для готовки блюда «пионеров идеал-ал-ал», звонко воспетой картошки печёной в костре. И этот кусок работы приходится исполнять голыми руками, потому что при мне и ножа даже нет. Порой людей, в натуре, раздражает факт моего безоружного бродяжничества и они изумлённо заводятся стращать меня волка́ми и бандитами. Однако до сих пор, за все свои побеги на волю, мне встречались только олени и лисы, да пару раз медвежьи следы, ну а бандитам явно лень устраивать на меня засаду в *тумбах*. Единственный, но неизбежный натяг, когда посреди ночи задёргается вдруг очко от непонятных лесных рявков рядом с палаткой. Но тут уж ничего не поделаешь, и если б я даже на себе *калаш* пердолил с полным боекомплектом, то и он бы заморился сгладить во мне симптомы такой реакции.

Правда, без нападения не обошлось. Тогда я ночевал под кустом в окрестностях деревни Мекдишен в своём спальном мешке обёрнутом куском синей синтетической мешковины, на всякий. (Абсолютно бесполезная хрень, в дождь секундально промокает, но это было до 2000 года, когда купил свою одноместную Made-in-China.) Где-то после полуночи, два волкодава из сопровождения запоздалого всадника наткнулись на моё гнездовье под кустом. Вуй! Вот они взлаяли у меня над головой! Их хозяин, как подъехал со своим фонариком, тоже оторопел от невиданного явления в родных краях, но синий куль проорал ему из-под куста, что я турист из Степанакерта и поскорей уйми своих зверюг. Мужик завёл было знакомую херню насчёт волко́в с бандитами, на которую у меня уже

зла не хватало, и я кратко отвечал, что после его сучьих *гампров* мне вообще всё пох… ну в общем… не испугает, как бы…

А во время ночёвки на Дизапайте, третьей по высоте горе в Карабахе, полчаса спустя туда же поднялись ребята из Хало Траста. Это такая международная организация с британской пропиской, которая финансирует и обучает технике разминирования аборигенов горячих точек на всей планете, потому что у конфликтующих сторон есть пакостная привычка натыкивать уйму минных полей для убиения живой силы противника, неважно военных или гражданских. Побочным эффектом является геноцид животных—как диких, так и одомашненных—бедные создания, как правило, понятия не имеют о политической ситуации в ареале их обитания. Мы же в ответе, за тех кого приручаем, или как?

Короче, местные сапёры, обученные британскими аборигенами, взобрались на Дизапайт в свободное от службы время, с наступление ночи после их рабочего дня, для принесения *просьбенной* жертвы, потому что на вершине той горы с незапамятных времён стоит каменная часовенка, которую нужно обойти, трижды, для получения «добро» на твою просьбу от распорядителей судьбою.

Конечно, парни из Хало Траста пришли не с пустыми руками, а притарганили жертвенного петуха для*просьбенного матага*. Но поскольку на *матаг* двинули с бухты-барахты, они упустили прихватить с собою нож и раздосадовались отсутствием у меня такого снаряжения… Однако молодцы не растерялись, с лёту изобрели новую технологию и оттяпали голову жертвы осколком горлышка водочной бутылки из кучи мусора после предыдущих *матагистов*.

И только в том году, когда я взобрался на вторую по высоте (и совершенно чистую) вершину, Кирс, со мной была имитация швейцарского армейского ножа, подарок Ника Вагнера. У него в ручке до фига всякой всячины: вилка, штопор, и даже пилочка для ногтей. Не помню куда я его потом запропастил.

Но сколько бы я тут не выделывался, в павлиньем хвосте моих бродяжьих достижений отсутствует региональная вершина номер один. Линия фронта незавершённой войны между Азербайджаном и Арменией проходит через неё. Так что, если не одна сторона, так другая меня не пропустит, а может, без вопросов шмальнут синхронно.

Всё это к тому, что ломать сухие ветки руками, технически, не слишком-то и сложно, и вскоре я заготовил две немалые кучи дров для костра. Когда первая прогорит, нечищенный (таков рецепт) картофан надо закопать в горячий пепел, а сверху навалить вторую, чтоб и она сгорела. Но это не сейчас, сперва установлю палатку, а то крутой *тумб* за речкой уже напрочь загородил солнышко и от Варанды потянуло сумерками…

(…в каждом человеке сидит пироман…

*“ **пировали пироманы пирогами с Пиросмани…”***

Поначалу смахивает на недошлифованную скороговорку, а потом, исподволь, подкрадывается жуткий разделительный вопрос: Пиросмани тоже пировал в компании или он как бы таки начинка в тех пирогах?.)

Очень удачно вышло, что мне не удалось сломать этот толстый сук при заготовке топлива и теперь, чтоб не устроить пожар на всё поле, систематическими кругами обхожу кулинарный костёр и пресекаю попытки к бегству шустрых выплесков пламени… Но вот костёр уже обведён чёрной ретушью сгоревшей травы, часовой-дубиноносец сменился праздным зевакой над весёлой пляской огня поверх кучи сучьев, а дрын обращён в посох для по́дтыка моего опорно двигательного аппарата…

А что тебе видится в языках пламени или в трепещущем мерцании чёрно-белых головешек разваливающихся на угольки?

(…мы были семенем, потом ростком, потом ветвями, почками…)

Теперь, превращая посох в кочергу, я разгребаю жар их воспоминаний – сделать ямку на дюжину картошек, обед и завтрак, 2 в 1. Огонь ест дерево, я ем картошку, меня едят мошки…

(…кто не ест, тот не живёт, даже паиньки-кристаллы жрут втихаря пространство своим безубойным ростом.

Но сожрать время даже не пытайся, потому как его вовсе нет. Время это ржавая селёдка сбивать со следу лопоухих легковеров. Элементарный лохотрон. Подменка словом «время» того, что, по сути, серия различных состояний пространства. Какое-то место освещённое солнцем слева – это утро, то же самое место в подсветке справа – вечер. Проще простого. День как единица измерения времени? Да не транди ты! День всего лишь разница между двумя состояниями пространства. Яблоко прибавить яблоко получится пара яблок, а не единица времени, блин! Чушь собачья!

О, прости, милая! Тих-тих-тих… Ты не пугайся только, всё хорошо, серый волк далеко, за лесами, за горами, а тут всё схвачено и под контролем…

Ну да, как-то само собой выходит, лишь только нарисуется эта сладкая парочка, пространство и время, у меня враз катит расширение сознания, совсем чуть-чуть, почти и незаметно даже, если не слишком присматриваться. Но как только взбредут эти гады на ум, хоть даже и слегка, мимоходом— хрясь! – треск короткого замыкания, весь взъерепенюсь, и – пошёл лепетать взахлёб полную галиматью и ахинею. Горожу чёрт-те что, где и Господь ногу сломит… Ни дать, ни взять – реинкарнация того чокнутого юродивого, Василия Блаженного, только накрученный по смежной тематике.

Но не буйствую ничуть. Вот уж чёрта с два и Боже упаси. Оба могут засвидетельствовать, что в ходе приступов никто из гражданских лиц и разу не пострадал, никоим образом. Наплету несуразицы, да сам в ней и запутаюсь, тут и бзику конец, а дальше на мне опять хоть воду вози, или чё уж там навьючат на покорную спину кроткого йеху...)

~-~-~

~ ~ ~ ИСТОКИ

Что-то упорно мне подсказывает, что твои познания о своих же генеалогических корнях по отцовской линии оставляют желать лучшего. Однако утешаюсь убеждённостью в том, что твоё фамильное дерево с материнской стороны регулярно поливается и получает надлежащую подкормку и уход, а твоя бабушка, Гаина Михайловна, в деталях представила тебе кто есть кто на 2–3 предыдущих поколения. Если не глубже.

Обоснованная уверенность в жёстком табу на моей родословной (когда ты неподалёку) зародилась благодаря нежданному письму от твоей матери с извещением о моей кончине. Ну не то, чтобы – бух! по мозгам, нет, деликатная подача смягчала новость: раз тебе сказано, что твой папа умер, то нельзя подвергать хрупкость детской психики видениям бродячего покойника, которому всё не сидится на том свете… Правильная презентация, она хоть что самортизирует.

С тех пор, как призрак хороших манер, я избегал надолго покидать свою могилу. А и к тому же, когда сосед в пивной начинал гнать пургу печальной повести, что хоть теперь он и никто, но в своё время ходил Старпомом на атомной подлодке, то без зазрения и угрызений, а на вполне законном основании, я поливал в ответ про свою бытность заслуженным лётчиком-испытателем, покуда не разбился, трагически, на сверхсекретной модели нового поколения… и за это не имеющее аналогов достижение, кстати, удостоен Золотой Звезды Героя Советского Союза. Посмертно, есессна, и жаль, что награда не нашла героя, потому что эти суки ленивые даже и не искали толком, как всегда…

Вся эта потетень, сказать по чести, не показатель дара фантазировать не отходя от кассы, но плод коллективного творчества масс, потому что в ту романтическую эпоху, когда ребёнок матери-одиночки начинал задавать вопросы касательно

неполного состава семьи, недоукомплектованная мамаша озвучивала традиционную отмазку: «Твой папа был лётчик и – погиб». Жёсткие факты жизни приберегались для подруг из непосредственного окружения. «Он младшим счетоводом был, девоньки, и разложил в конторе на столе. По гроб жизни не забуду как у меня под сракой те счёты ёбаные ёлзали. Туда! Сюда! Круть! Круть!»

Впрочем, дотошной презентации корней от меня не жди, моя осведомлённость о собственном происхождении поверхностна до обидного, науку евгенику в те поры держали в том же чёрном теле что и нынче…

Мать матери твоего отца звалась Катериной Пойонк и её вывез из Польши твой прадед, Иосиф Вакимов, Комиссар Первой Кавалерийской Армии Будённого, в виде трофея либо же как сувенир о том периоде Гражданской войны, когда конники Будённого чуть было не разграбили Варшаву. Распутица, увы, помешала.

Факт их взаимоотношений был узаконен ЗАГСом тех времён и спустя восемь лет родилась моя мать, Галина, за которой последовал её брат, Вадим, и их сестра, Людмила (каждый из последующих с интервалом в два года). В воспоминаниях всех троих, Иосиф был очень умный. Он знал Еврейский и Немецкий языки и исполнял должность Торгового Ревизора в одной из южных областей Украины. В тот период у Катерины имелась отдельная пара туфлей для каждого из её платьев.

Ещё через семь лет, в конце тридцатых, Иосифа арестовали, Однако к стенке не поставили и не вычистили безвозвратно, в отличие от миллионов прочих «врагов Советского народа», можно предположить, что он нашёл способ по-умному выкупить свою жизнь. Его ждала ссылка в очень северную, но всё же Европейскую часть России. Семья переехала туда же, а в начале сороковых все

они вернулись на Украину – осесть в городе Конотоп, который вскоре был захвачен Германским Вермахтом.

После двух лет Нацистской оккупации, когда Немецкие войска откатывались под ударами Красной Армии на запад, мой дед исчез из дому буквально за день до освобождения, вместе с ним пропал его велосипед – большая ценность по тем временам. Наутро массированный артобстрел вынудил Катерину бежать с тремя детьми в пригородное село Подлипное, где осколок артиллерийского снаряда срезал ветвь Яблони над головой моей матери стоявшей под нею (важная деталь, без тех десяти сантиметров, мне не пришлось бы сейчас писать это письмо тебе)… К полудню, наступающие части Красной Армии освободили город и село. Катерина вернулась в Конотоп, где и взрастила, как мать-одиночка, своих детей – Галину, Вадима и Людмилу…

Миновало ещё десять лет и Галина, старшая дочь в семье, познакомилась по переписке с Николаем Огольцовым, Старшиной второй статьи Черноморского Ордена Красного Знамени Военного Флота. «Знакомство по переписке», это когда почтальон приносит письмо начинающееся словами «Здравствуйте, незнакомая Галина…», а заканчивается оно «пришлите, пожалуйста, свою фотокарточку!»

Так что шесть месяцев спустя, Николай Огольцов в свой отпуск, вместо ежегодного посещения Рязанской области в России, купил билет до станции Конотоп, на Украине. Широкий клёш его парадных Флотских штанов, в сочетании с шириной грудной клетки под тельняшкой в глубоком вырезе форменной рубахи, золотобуквенная надпись «черноморский флот» по чёрной ленте бескозырки над его лбом, которая раздваивалась сзади в пару хвостиков до лопаток, с золотистыми отпечатками якоря на концах, и ещё один сияющий якорь (на этот раз медный) в начищенной бляхе его поясного ремня, впечатлили тихие улочки окраины, где он отыскивал дом, куда шли его письма в конвертах приукрашенных сзади строкой «Лети с приветом, вернись с ответом!» собственноручного дизайна. И три

дня спустя мои родители зарегистрировали свой брак в Конотопском ЗАГСе, впопыхах позабыв предупредить мою бабушку Катерину.

(…подставлял ли Областной Торговый Ревизор Вакимов невинных людей после своего ареста?

Безусловно, да. Шоу должно было продолжаться и всё, что тебе подкладывали, ты подписывал по доброй воле, либо подписывал ту же бумагу уже калекой изувеченным битьём и пытками, которые именовались следствием.

Сотрудничал ли он с Нацистскими оккупантами?

Знание языка предоставляло ему такую возможность, но в таком случае приходится предположить, что этим он занимался втайне от соседей и бесплатно, без улучшения жилищных условий и даже без новой пары туфель для своей жены. Велосипед тоже достаточно красноречивая деталь – Немцам предстояло воевать ещё больше года, у них нашлось бы место для здорового коллаборациониста мощностью в одну человечью силу в кузове грузовика движущегося в западном направлении… Вероятнее всего, его до смерти пугала перспектива повторного следствия в НКВД, потому-то и крутил педали своего велосипеда вдоль дорожной обочины, отчаянно пытаясь выжить в ревущем океане Войны, цепляясь за обломок плавучей скорлупы ореха.

Был ли мой пропавший дед Иосиф Евреем?.

Участие в Гражданской войне на должности Комиссара, знание соответствующего языка, да и— чего уж там! – само уже имя, могут сочлениться в цепочку косвенных подтверждений данного предположения. Однако высокий процент детей избранного народа среди революционных активистов той эпохи не снимает вероятность исключений. Языковые навыки могли приобрестись в ходе работы посыльным и/или приказчиком в торговом заведении какого-нибудь Еврея-негоцианта. Относительно имени, не следует забывать, что даже такой

несомненный антисемит, как Товарищ Сталин, являлся его тёзкой… Тем не менее, мать моя, представляясь новым знакомым, предпочитала подменять своё отчество (уходящее корнями к миловидному персонажу из Ветхого Завета) его русифицировано омужиченной формой – «Осиповна»…)

Свои лучащиеся тёмной влагою глаза Галина унаследовала от своей матери Катерины Ивановны (Катаржины Яновны?), чья породнённость с коленами от семени Израилевой выглядит достаточно сомнительной. Во-1-х, в красном углу её кухни висела тёмная лакированная доска с каким-то угрюмо-бородым святым (не берусь судить какой конкретно конфессии, мог оказаться и католиком). Кроме того, в сарайной загородке она откармливала свинью Машку на убой. Но и опять-таки икона могла прижиться как маскирующая деталь интерьера в период Фашистской оккупации, а кошерные ограничения диеты легко опрокидываются Украинской поговоркой «біда навчить коржи з салом їсти».

Разумеется, все эти безответные вопросы встанут после возвращения твоих предков с регистрации их брака в Конотопском ЗАГСе, но мы не пойдём туда за ними, мы делаем крутой разворот, чтобы отследить линию происхождения отца твоего деда.

~ ~ ~

А линия эта проста, незатейлива и, фактически, совсем приземлённая линия. Короче, Михаил Огольцов мужичьей был породы…

Во глубине земли Рязанской находится районный центр Сапожок, в девяти или одиннадцати километрах от которого (смотря у кого спросишь) расположена деревня Канино. Мой отец любил похвастать, что в лучшие времена в деревне насчитывалось до четырёхсот домов.

Ложбина с неспешным беззвучным ручьём делила деревню на «ихних» и «нашенских». В старые добрые сходился народ на покатые берега для забавушки, кулачного боя «Стенка на Стенку». В

аттракционе коллективного мордобоя, мужики из двух концов деревни упоённо крушили ряхи друг другу, по случаю какого-нито церковного праздника или же просто отметить светлое воскресенье. Да, знал народ толк в стимулирующих развлечениях…

Отшумело. Быльём поросло. Неясным преданием стал Алёха-Шорник, легендарный боец и послушливый сын. Но уж тятька—ух! – держал его в строгости. «Эт, куды?»– шумнёт бывалоча, – «Шибко богатый, сукин сын? Ну-кыть, работай, давай!» И могучий сукин сын тридцати трёх годов от роду, клонит широкие плечи над недоконченным конским хомутом, тычет шилом, дратву тянет, а сам весь там, на ристалище у ручья, откуда бегут запыханные мальцы со сводкой о боевой обстановке. «Ой, Алёша! Ох, и жмут ихние! Ломят нашенских!»

Но отец только—зырк! – и Алёха помалкивает, сопит над своей работой. И только когда в избе услышатся «н-на!», «хрясь!», «плюсь!» упорного отступления вдоль улицы, отец уже не выдержит боле. Подхватится на ноги, подскочит к Алёхе и – хлобысть кулаком его в ухо. «Блядь! Нашенских ломят тама, а этот тут расселси, распрое…» Конца фразы Алёха не слышит, он уже за дверью, задворками и огородами оббега́ет битву Стенок, потому что правила запрещают атаку противника с тыла, это потеха честная… «Алёха вышел!» и у наших открылось второе дыхание, а из «ихних» кой-кто уже загодя валится наземь, потому как по правилам лежачих не бьют. А Алёха, глубоко сосредоточенный, вышибает стоячих одного за другим, а и без единого «распрое…» совсем даже… Да, гремела деревня…

Коллективизация сельского хозяйства в СССР положила край этим невинным игрищам, а мудро спланированный Великий Голод, призванный закрепить революционные преобразования в жизни деревни, прикончил Алёху, ну и тятьку его тоже прибрал, куда ж денется…

Мать моего отца, Марфа, застала жизнь при Царе, потому что к моменту Великой Октябрьской Социалистической Революции ей уже

исполнилось десять лет. Десять лет спустя она была замужем за Михаилом Огольцовым, чтобы родить ему троих детей – Колю, Сергея и Александру (именно в таком порядке).

Фазу коллективизации Михаил пережил, но Голодомор его добил и осталась Марфа матерью-одиночкой. Она готовила суп из лебеды и менее съедобных трав, тело её и её детей опухало от голода, а где пальцем надавишь так потом ямка и держится, но выжили.

Затем наступила эра каторжных работ в обобществлённом хозяйстве, оно же колхоз, оплачиваемых грошовыми «трудоднями». Жизнь вертелась вокруг этих «трудодней»—они на ¾ выплачивались натурой, продуктами произведёнными рабским трудом деревенских на колхозном поле—и сходок в колхозный клуб, куда дважды в месяц привозили Советские кинофильмы: «Ленин в Октябре», «Свинарка и пастух» и тому подобное… Чтобы смотреть кино бесплатно, деревенские пареньки крутили, в очередь, коленчатый рычаг динамо-машины, которая вырабатывала электричество и привозилась на грузовике вместе с проектором и катушками кинофильмов в ведёрных банках из жести.

Летом 1941, Товарищ Иосиф Сталин ввёл народ в изумление своими словами по радио, «дорогие братья и сёстры», это ж как если Господь Всемогущий тебя за родственника вдруг признал. Дальше он объявил про вероломное нападение Фашистской Германии на Советский Союз и мужиков поголовно угнали на войну.

Немцы так и не дошли до Канино, хотя фронтовая канонада грохотала на горизонте. Потом в деревню пришли подразделения резерва Красной Армии, мужики из Сибири с их удивительным обычаем – сидеть после парной бани во дворе и задумчиво затягиваться самокруткой, в одних штанах и нательной рубахе среди морозной ночи.

Сибиряки ушли в сторону канонады и вскоре та затихла. В деревне, канувшей в глубокую тишь, остались лишь бабы, девки да пареньки слишком молодые для призыва. Ах, да! Ещё председатель колхоза, однорукий инвалид в общевойсковой гимнастёрке.

Так оно и шло, не днями и неделями, а месяцами, из году в год. И, от жизни такой, у баб случился коллективный сексуальный вывих – соберутся в какой-то избе или бане, и ну влагалища друг у дружки рассматривать, комментируют, суждения выносят, чья краше… Взяв след этого Возрождения Сапфоизма, председатель колхоза сделал попытку пресечь досадно массовый лесбийский уклон прежде, чем о нём пронюхает районное руководство, и он созвал общее собрание для одних только баб и девок в колхозном клубе. Деревенские парни тоже приняли участие, без его ведома. Они втихаря проникли в кинопрожекторную комнату клуба и, разиня рты, подглядывали через окошечки для демонстрации кино, как председатель материл собрание во всю ивановскую. Учащённо трахая своим единственным кулаком по трибуне, он клятвенно заверял собравшихся и их мать-перемать, что повыведет это грёбаное пиздоглядство калёным железом. (Я отчасти смягчаю невзыскательное очарование проникавшее буколическую прямоту выражений в речи оратора)….

Мой отец так и не узнал, исполнил ли инвалид своё обещание, потому что его загребли (моего отца) в Красную Армия. Вернее, в его случае это был Флот, но всё равно Красный…

~ ~ ~

Вторая Мировая догорала, но пушечное мясо жрала всё так же споро. Коле, пареньку из рязанской деревни, и многим другим паренькам из разных других мест, выдали полосатые Флотские тельняшки, чёрные штаны, чёрные рубахи под чёрные бушлаты и около месяца муштровали-обучали основам боевой подготовки для правильного исполнения команды «смирно!» и «разойдись!», да чтоб отличали приклад винтовки от её штыка. Потом их посадили—прям как были, в чёрном—на быстроходные десантные катера для захвата плацдарма где-то в верховьях Дуная, в Австрии. Но как ни спешили проворные катера, десант не поспел захватить плацдарм – Фашистская Германия коварно капитулировала и не осталось на кого бежать чёрной массой со штыками наперевес.

(...когда-то, очень давно, я втайне огорчался на этом месте: эх! не успел мой папа стать героем! Теперь же наоборот, меня радует, что мой отец ни разу не выстрелил и никого не убил, даже нечаянно.

И всё-таки, он считался ветераном Великой Отечественной войны и по особым годовщинам типа 20-летнего или 25-летнего, или (так далее) Юбилея Великой Победы, его награждали памятными медалями участника, которые он держал в ящике серванта, но никогда не одевал, в отличие от тех ветеранов, что побрякивают своими коллекциями на гражданских пиджаках по случаю очередного Дня Победы...)

Потом его взвод пару месяцев охранял непонятно зачем и от кого необитаемый Остров Змеиный у побережья Болгарии, а может Румынии, откуда его перевели в мотористы на военный тральщик, крохотное судно с маленьким экипажем.

Морская жизнь моего отца началась переходом из Севастополя в порт Новороссийск по неспокойному Чёрному морю. Не то, чтобы оно штормило, но болтанка случилась изрядная... Качаться на качелях в парке – весело, но после пары часов этой потехи желудок выбросит всё, что случайно залежалось в нём от позавчерашнего завтрака. Тот морской переход длился больше... Когда Краснофлотец Огольцов сошёл на берег в порту назначения, даже суша продолжала раскачиваться у него под ногами. Он попытался вырвать между высоких штабелей из длинных брёвен складированных вдоль причала, но нечем было. Молодой моряк сел наземь где стоял и, глядя на стену деловой древесины, которая продолжала вздыматься и опадать, решил, что помрёт непременно, морскую службу ему не пережить...

(...ты без труда догадаешься, что это предположение оказалось ошибочным, поскольку он не встретил ещё твою бабушку и не зазвал пойти с ним в ЗАГС. И твоя бабушка не

родила ещё троих детей, так и не став матерью-одиночкой, беспрецедентный случай во всей этой истории…)

Итак, морская болезнь не убила моего отца. Он научился переносить или терпеть качку. Татуировка синего якоря украсила тыл кисти левой руки, а вдоль правой—от запястья до локтя—пролёг стремительный контур летящей ласточки с крохотным конвертом в клюве («лети с приветом!.»), и он бороздил на своём утлом корабле-тральщике широкие просторы Чёрного моря, очищая его от морских мин, для чего, собственно, и предназначены минные тральщики на Флоте.

Основное отличие морских мин от их сухопутных разновидностей в том, что морские мины нужно привязывать, не то расплывутся кто куда и будут рвать кого попадя, не разбирая «ихних» от «нашенских». Потому-то морскую мину фиксируют к якорю, который хватается за дно моря. Мина—железный шар наполненный воздухом и взрывчаткой—всплывает над своим якорем не достигая поверхности, её удерживает на привязи тонкий прочный трос, чья длина устанавливается из расчёта на глубину фарватера в месте размещения минного поля. И там эти морские мины висят, на пару метров ниже поверхности, в ожидании, когда проходящий корабль заденет один из рожков-детонаторов, что торчат из корпуса мины в разных направлениях, наподобие детского рисунка солнышка.

Благодаря своей мелкой осадке, военный тральщик проходит над минным полем не задевая торчащих детонаторов. У себя за кормой судно волочит по дну моря широкую петлю из толстого стального троса, который обрывает связь мины с её якорем и та, беспривязная, всплывает на поверхность для её последующей ликвидации. На заключительного этапе уничтожения, от тральщика отваливает весельная шлюпка направляясь к дрейфующей мине. Задача экипажа шлюпки прификсировать динамитную шашку с Бикфордовым шнуром на громоздкий шар мины. (Причём задание исполняется не на тихом пруду в парке, а среди бегущих волн

открытого моря, где сферический череп мины возносится над шлюпкой, затем проваливается под неё норовя боднуть в бок рогом детонатора).

Завершающий шаг исполняет боцман сидящий на корме с раскуренной папиросой в ощеренных зубах, папироса не для форсу как бы показать какой он стрёмный пофигист, она – инструмент приготовленный для поджига шнура. Вот он занялся и – И-раз! И-раз! Каждый вкладывается от души, никто не сачкует на вёслах. Подальше, как можно дальше, покуда шнур шипит к оглушительному «БУ-БУХ!», заряд тола в морской мине рассчитан рвать корпуса броненосцев-линкоров…

При разложении на составные элементы, романтический героизм куда-то улетучивается и разминирование морских путей начинает смахивать на работу трактора, что фырчит-тарахтит в колхозном поле. Военный тральщик выходит в заданный квадрат акватории и день-деньской бороздит его, вперёд-назад, со спущенным за корму тросом, а назавтра – в следующий квадрат. В общем, героизм экипажа военного тральщика бригадный и то, что мой отец остался в живых, заслуга общая – каждый хорошо исполнил свою часть работы.

Например, в конце обычного рабочего дня, Николай Огольцов присматривал за лебёдкой на корме, когда заметил мину наплывающую на тральщик, потому что тросик её оборванной привязи спутался с тросом ползущей по дну петли, а трос в данный момент уже сматывался на барабан. Выключать лебёдку было слишком поздно, она продолжит вращаться по инерции – недолго, но достаточно, чтобы подтащить мину и ударить о корму. Рубаха на папе раздулась, как как дыбом вставшая шерсть на животных в момент смертельной опасности, и он взревел «полный вперёд!» до того истошным, нелюдским криком, что Капитан на мостике мгновенно подчинился и продублировал команду судовым телеграфом в машинное отделение, моторист, папин сменщик, враз отреагировал, лопасти винта взбурунили воду, а та своим напором

отцепила тросик и оттолкнула прочь привязчивую мину. Так команда спасли друг друга…

Пять лет спустя, на морских путях не осталось неизбороždённых тральщиками квадратов и моего отца перевели служить на сторожевой корабль, опять-таки мотористом корабельного дизеля. На следующий год истёк повторный срок его Флотской службы (из-за тяжёлых потерь понесённых во Второй Мировой, срок службы в Советской Армии был удвоен, пока подрастут следующие поколения призывников: армейская служба до шести лет, служба на Флоте до восьми—да, на два года больше, но утешайся тем, что только Флотские носят такую крутую форму: тельняшка, золотые якорьки, клёш… когда сойдут на берег) и моему отцу была предложена работа в почтовом ящике.

~ ~ ~

В те времена в СССР имелось множество секретных институтов, секретных заводов и даже секретных городов с отменой нормальных почтовых адресов, чтобы заморочить вражескую разведку и утаить от шпионов где какой секрет находится. В результате, адресат переставал жить на какой-либо улице, в каком-либо городе или области, к нему адресовались намного проще: «Н. Огольцов, Почтовый Ящик № ***».

Поскольку за полгода до своей демобилизации Краснофлотец Огольцов Н. М. зарегистрировал брак с гражданкой Вакимовой Г. И., она попала в один с ним «почтовый ящик» в Карпатских горах.

Роддома в «ящике» не оказалось и моей матери, для моего рождения, пришлось посетить город Надвiрна в 30 километрах от областного центра города Станиславль (позднее переименованного в город Ивано-Франковск (кого-то ещё надо было сбить со следа, по-видимому)). Поездка пугала её больше, чем предстоящие роды, поскольку Бандеровцы обстреливали машины на дорогах.

(…долгое время я считал Бандеровцев жестокими бандитами и пособниками Нацистов. А что ещё остаётся думать, если целая дивизия Западных Украинцев, «Галичина», воевала против Красной Армии? Затем мне дошло, постепенно, что за два года до Немецкого вторжения Красная Армия оккупировала Западную Украину и помогала Советской тайной полиции, она же НКВД, в убийствах и депортации потенциальных противников Советского режима. Казнили без суда, на всякий, тысячами.

Кроме того, что такое дивизия по сравнению с армией? Среди товарищей по оружию Германского Вермахта имелась и Русская Освободительная Армия, РОА, в рядах которой служили до миллиона человек сражавшихся против СССР.

И наконец, рядовые Красноармейцы, участники событий той поры, рассказывали мне, что Бандеровцы сражались одинаково круто против Советских и Немецких войск. Так, легендарный Советский разведчик Н. Кузнецов погиб в случайной стычке с Бандеровцами, поскольку носил мундир Фашистского майора…

Это были Карпатские партизаны, что защищали свою родину от сменявших друг друга освободителей, они же поработители. Однако для моих родителей, во всю их прожитую жизнь, Бандеровцы неизменно оставались бандитами…)

И даже два года спустя, когда моей матери пришло время снова отправляться в роддом, на склонах Карпатских гор продолжали греметь ожесточённые автоматные и пулемётные очереди, но она их уже не слышала, потому что мужа её перевели из одного «почтового ящика» в другой, из Закарпатья на Валдайскую возвышенность.

Причиной перемены обстоятельств жизни моих родителей послужил письменный донос поступивший в Особый Отдел предыдущего «почтового ящика» из Конотопа. Письмо от жителей дома, в котором Галина Вакимова проживала до своего замужества.

Дом (на Конотопском разговорном «хата») представлял собой одноэтажное строение размером 12 х 12 метров и являлся

разделённой собственностью. Половина хаты принадлежала гражданину Игнату Пилюте. Остальная половина распределялась поровну между гражданкой Катериной Вакимовой с тремя её детьми и гражданами Дузенко с их дочерью так, что каждая из двух вышеозначенных семей располагала 1 (одной) дощатой прихожей, 1 (одной) кухней и 1 (одной) комнатой.

Дочь граждан Дузенко вышла замуж за гражданина Старикова, который переехал в принадлежавшую её родителям четверть *хаты*. Одной кухни и одной комнаты оказалось недостаточно для приемлемого сосуществования родителей и молодой четы. В целях расширения своего жизненного пространства, Дузенко и Стариков выведали номер «почтового ящика» и составили письмо в его Особый Отдел. Донос информировал, что отец Галины Вакимовой (на данный момент Огольцовой) арестовывался органами НКВД как враг народа, однако накануне войны сумел каким-то непонятным образом вновь объявиться на Украине. Во время Нацистской оккупации, по его месту жительства располагался Немецкий штаб (что верно, отчасти, так как на Пилютиной половине хаты квартировали штабные офицеры роты Германского Вермахта). При наступлении Красной Армии, Иосиф Вакимов бежал совместно с отступающими Фашистами.

Особые Отделы секретных объектов отличала особо непримиримая бдительность и неумолимая цепкость, так что родственникам Иосифа, исчезнувшего столь вопиюще предательским образом, светил, как минимум, арест и ссылка, что решало жилищную проблему доносителей. Но в своих вполне логичных расчётах, вернее в бездумном плагиате широко распространённого в те времена приёма, они не учли фактор времени. На тот момент Великий Вождь и Учитель Народов, Товарищ Сталин, успел почить в бозе. Гайки, затянутые в бытность его до предела, мало-помалу начинали послабляться.

Конечно, Николая Огольцова неоднократно вызывали в Особый Отдел для дачи показаний. Состоялся обмен официальной

перепиской между Особым Отделом «ящика» и Отделом Внутренних Дел города Конотоп. Однако репрессировать моего отца не стали благодаря его совершенно крестьянскому происхождению и поскольку его так охотно слушались моторы-дизели производившие электроэнергию для засекреченных объектов. Вместе с тем, многолетняя натасканность особистов не позволяла оставить «сигнал» информаторов без внимания и моего отца, на всякий, перевели в другой «почтовый ящик», подальше от границ с зарубежными странами…

Вторые роды Галины Огольцовой состоялись за пределами нового «ящика» в соседнем, не секретном, райцентре.

(…похоже роддом, вернее его отсутствие, являлся Ахиллесовой пятой тогдашних антишпионских предосторожностей…)

В запредельном роддоме принимать её не хотели из-за чрезмерно чёрных волос и ярко-красных цветов на ситце халата. Её сочли Цыганкой. Но сопровождавший её муж (Коля, ну, скажи ты им!) настолько доказательно опроверг это заблуждение, что сегрегационно настроенные медсёстры изменили своё отношение и открыли дверь перед роженицей для предстоящего разрешения от бремени. Полтора часа спустя медперсонал известил моего отца, что жена его родила девочку, а спустя пять минут его же поздравили с рождением сына.

И тогда наш отец испустил ликующий крик: «Тушите лампочку в родильной! Они на свет идут!»

~ ~ ~

История имеет две основные разновидности (и неважно идёт ли речь об отдельно взятой личности или о многомиллионном обществе) из коих первая – это история незапамятная, представленная в двусмысленных легендах, сомнительных мифах и

неясных преданиях, тогда как вторая, наоборот, излагает факты чётко разграниченные, прификсированные к определённому летоисчислению, сохранённые в общественных хрониках того или иного вида, или в же в личной памяти, если рассматриваем индивидуальную особь…

Все дети моих родителей с восторгом внимали семейным преданиям, когда у Мамы с Папой было настроение поведать о деяниях самих же слушателей во времена оставшиеся за пределами их детской памяти…

О том как старший, например, впервые начал ходить на вокзале, перед отправлением поезда из Карпат на Валдай. На последующих крупных станциях, Папа выносил меня на очередной перрон для закрепления пока что слабых навыков хождения, поскольку шаткий пол мчащего вагона не слишком подходил для тренировок…

На новом месте семье предоставили деревянный дом откуда меня выпускали для самостоятельных прогулок во двор обнесённый штакетником среднего роста. И Мама просто диву давалась где, в таком аккуратном дворике, я умудряюсь находить такую грязищу, чтобы возвращаться с прогулок завозюканным как поросёнок. Переодевая меня в очередной раз, она предложила Папе разгадать эту загадку. И что же он видит, подглядывая в чуть приоткрытую дверь за маленьким грязнулей? Чуть во двор, ребёнок прямиком топает в угол, где планка ограды болтается на одном лишь верхнем гвозде. Отвёл, протиснулся и – нет его! На улице малыш пыхтя карабкается на кучу песка для строительства соседнего дома. На самом верху он плюхается на пузо и съезжает донизу по мокрому после дождя песку. Да ещё хохочет, довольный такой. Ну разве настираешься на такого негодяя? Пока Мама одевала меня в чистое, Папа вышел во двор с молотком и прибил недозакреплённую планку. Потом он вернулся и вместе с Мамой стал наблюдать: что теперь?

Мальчуган подошёл к привычному месту и толкнул планку. Та не шелохнулась. И соседки её тоже не подались. Ребёнок прошёл вдоль

ограды, дважды, дёргая каждую из планок, потом встал на месте и разревелся… В моей памяти не сохранился деревянный дом, нет там и дворика, но от рассказа родителей в глазах начинало пощипывать сочувствие детской обиде. За что?!.

От следующей легенды лапа ужаса мягко прикасалась к волосам, вздымала их на моём загривке, прежде чем запустить тонкие пронизывающие когти, потому что Мама вдруг встревожилась, что меня давно и нигде не видно, и она послала Папу найти. Он вышел во двор, потом на улицу, но там пусто и соседи ничего не знают, а уже вечереет. Папа прошёл вдоль улицы ещё раз, из конца в конец, а потом вдруг обратил внимание на громкий шум речки и поспешил на крутой, почти отвесный обрыв, под которым катила река сердито вздувшись от дождей. И там, далеко внизу, он различил сынулю. Бегом, Папа! Бегом!.

Поток мутной воды покрыл узкую полосу берега под высоким обрывом. Пришлось бежать по колено в воде. Мальчик лежал прижимаясь к мокрой глине откоса, в кулаке стебель случайной былинки, ноги уже в бурлящем потоке. Он даже и не плакал, а только хныкал потихоньку: «ыхы, ыхы…» Папа закутал его в свой пиджак и насилу отыскал место, где можно подняться наверх без рук…

Но до чего же гордо трепетали крылья моего носа от рассказа, что это именно я дал имена моей сестре и брату!

Раз меня назвали именем брата моего отца, то для двойняшек заготовили имена маминых сестры и брата. В роддоме их так уже и звали – Вадик и Людочка. Однако, когда младенцев привезли домой и родители меня спросили как же мы теперь их назовём, я не задумываясь ответил: «Сяся-Тятяся!» И никакие ласковые уговоры не смогли меня переубедить.

Вот почему моего брата зовут Александр, а имя моей сестры Наталья.

~-~-~

~ ~ ~ детство

Самую первую засечку, которая подвела черту под моим легендарным прошлым и положила начало записи воспоминаний в мою индивидуальную память, прорисовали лучи солнца настолько резкие, что приходилось жмуриться и отворачивать лицо, стоя на крохотном поросшем травой взгорочке, куда Мама втащила меня за руку. Там мы стояли, ладонь в ладони, пропуская чёрную толпу людей, которая пересекла наш путь в детский сад. Их марширующая масса выкрикивала весёлые приветы мне. Моя вскинутая кверху рука не махала в ответ, не зная ещё, что так полагается, к тому же Мама держала её слишком крепко, но всё равно я чувствовал себя большим и очень важным – вон сколько взрослых *зэков* знают моё имя! Мне было невдомёк тогда, что оживлённое внимание колонны вызвано присутствием такой молодой и красивой мамы…

Зэки строили два квартала двухэтажных домов наверху Горки и, когда они кончили первый, наша большая семья переехала в двухкомнатную квартиру на самом верхнем, втором этаже восьмиквартирного дома. Весь квартал состоял из шести домов оцепивших прямоугольный периметр большого двора. В него выходили подъезды всех и каждого из зданий, глядя на точно такие же подъезды по ту сторону прямоугольника, по три подъезда в четырёх угловых домах, а в двух коротких только по одному. Но без этой пары коротышек прямоугольник остался бы только квадратом. Дорога твёрдого бетона окружала Квартал и его зеркальное отражение—недостроенного близнеца—объединяя и разлучая их как петли в 8, или в ∞.

Когда меня выпускали поиграть, я спешил покинуть безлюдную бездетность Двора и убегал через дорогу, в соседний строящийся квартал. З*эки,* которые там работали, меня не прогоняли, а когда им привозили обед, они делились со мной своим супом *баландой*…

Замечательно быстрый рост запаса сочных междометий в моём, на тот момент всё ещё детском, лепете прямым текстом настучал моим родителям на мой текущий круг общения и они тут же сдали меня в детский сад.

Горка, самая верхняя часть секретной территории, поделилась своим именем с двумя кварталами на ней. Со всех сторон охватившей их дороги рос лес, но ни одному дереву не удавалось пересечь бетон дорожного покрытия… Когда второй из кварталов Горки был завершён, *зэки* исчезли полностью и дальнейшие строительные работы на Объекте (население «Почтового ящика» предпочитали так именовать их место жительства) исполнялись солдатами в чёрных погонах на плечах их формы, *чернопогонниками*. Кроме них, на Объекте были ещё *краснопогонники*, но чем они там занимались до сих пор ума не приложу.

~ ~ ~

Путь в детский сад начинался позади нашего дома. За бетоном окружной дороги тянулся затяжной спуск прямо к воротам в заборе из колючей проволоки вокруг бараков Учебки Новобранцев. Но мы чуточку не доходили, а сворачивали вправо на широкую тропу через Сосновник, в обход проволоки Учебки и оставшегося на свободе большого чёрного пруда с высокими деревьями на берегу. Затем путь круто скатывался вниз через густую чащу молодого Ельника. Спуск заканчивался широкой поляной посреди леса окружённой деревянным забором с просветами, через который только кусты смогли пробраться к двухэтажному зданию посреди сети узких дорожек, что расходились к игровым площадкам с песочницами, домками-теремками, и качелями из одной доски, а ближе к зданию стоял даже взаправдашний автобус, короткий, но с большим носом. Стоял он на брюхе из-за отсутствия колёс снятых для удобства вхождения прямо с земли, но рулевое колесо и сиденья оставались на месте.

Зайдя в детский сад, нужно снять пальто с ботинками и оставить в высоком узком шкафчике. Таких их много тут, но только у одного на дверце две весёлые Вишенки, а за ними тапочки, которые нужно одеть и уж потом идти по ступенькам на второй этаж, где три большие комнаты для разных групп, и ещё одна, совсем большая, чтобы все кушали там сразу вместе…

Моя детсадовская жизнь складывалась из всевозможных чувств и ощущений. Безудержная гордость победителя посреди шумной раздевалки, куда уже начали сходиться родители за своими детьми и где (с подачи Мамы: —«Ты же можешь! Вот попробуй!») я обнаружил, что умею сам завязывать шнурки своих ботинков на бантик, совсем без никакой помощи… Горькая подавленность унизительным поражением, когда те же самые шнурки (только грязные и промокшие) затянулись в тугие узлы и их пришлось распутывать Маме, хотя она сама уже опаздывала на свою работу…

В детском саду никогда не знаешь наперёд что может случится с тобой за день пока Мама, иногда Папа, или соседняя женщина, придут забирать тебя домой… Потому что пока ты тут, ни с того, ни с сего могут сунуть блестящую трубку на тонком резиновом шланге глубоко в нос и пшикнуть туда колючий порошок гадостного вкуса, который потом никак не вычихивается. Или заставят выпить целую столовую ложку противнючего рыбьего жира: —«Давай-давай! Знаешь как полезно?»

Самый страшный ужас, когда объявят, что сегодня день укола. Дети снимают рубашки и выстраиваются в тихую очередь к столу, на котором побрякивает своей крышкой стальная коробка медсестры, откуда та достаёт сменные иглы для своего шприца. Чем ближе к столу, тем сильнее давит ужас и зависть к счастливчикам, кому укол уже сделан и они отходят от стола прижимая к плечу кусочек ваты возложенный медсестрой, и хвастают, что совсем не больно было, ну ни капельки. Дети в очереди перешёптываются как хорошо, что сегодня укол не «под лопатку», он самый страшный из всех….

А самые лучшие дни, конечно, субботы. Кроме обычного обеда из ненавистного фасолевого супа, дают ещё почти что полстакана сметаны с посыпкой из сахарного песка, а в неё втоплена чайная ложечка. И детей не отправляют по кроваткам отлёживать «тихий час», вместо этого в столовой затемняют окна плотно навешенными одеялами и показывают на белой стене диафильмы—картинки с надписями внизу. Воспитательница прочитывает белые строчки текста и спрашивает хорошо ли все рассмотрели картинку, и только после этого начинает перекручивать на следующий кадр, где Матрос Железняк захватит бронепоезд Белых, или ржавый гвоздь станет совсем новеньким после купания в сталеплавильной печи, смотря какая плёнка заряжена в диапроектор… Меня эти субботние сеансы восторгали трепетно—негромкий голос из темноты, прорези тонкие лучиков лесенке света на боку проектора, картинки медленно вплывающие в квадрат света на стене—всё складывалось в загадочно неведомое таинство…

Пожалуй, детсад мне больше нравился, чем наоборот, хотя порой меня там подстерегали непредусмотренные рифы. На один из таких я напоролся, когда Папа отремонтировал дома будильник. Он отдал его Маме в руки и сказал: —«Готово! С тебя бутылка!» Не знаю почему, но эти слова так меня восхитили, что я с восторгом воспроизвёл их своим одногруппникам в детском саду, а воспитательница воспроизвела моё воспроизведение Маме, когда та пришла забирать меня домой. По пути через тёмный лес, Мама сказала, что я сделал стыдное дело и нельзя, чтобы мальчик рассказывал посторонним про всё, что бывает в семье. Теперь они могут подумать, что у нас Папа алкоголик, разве этого я хочу, а? Мне это надо?. Ох, как же я себя ненавидел в эту минуту!.

И именно в детсаду я полюбил впервые в жизни. Но я постарался превозмочь незваное чувство. Либо отвернуться и просто уйти, а возможно и убежать даже, с грустью понимая всю безнадёжность этой любви из-за бездонной, как пропасть, возрастной разницы

отделявшей меня от смуглой девочки с вишнёвым блеском тёмных глаз. Она была на два года младше…

А до чего недостижимо взрослыми казались бывшие детсадницы, что посетили нас после своего первого дня в их первом классе. В своих белых праздничных фартучках, напыщенно чинные и чопорные, они едва снисходили до редких откликов на оживлённые расспросы воспитательницы.

Воспитательницы и остальные работницы детского сада ходили в белых халатах ежедневно, а не по особо торжественным дням, однако не все. Во всяком случае не та, что сидела рядом со мной на скамейке возле песочницы, утешая очередную, не помню какую именно, из моих горестей—ушиб, царапину или новую шишку на лбу—но что звали её Зина мне не забыть… Ласковая ладонь поглаживала мою голову и я забыл плакать, прижимаясь щекой и виском к её левой груди. Другая щека и веки зажмуренных глаз впитывали тёплое солнце, а я слушал глухие толчки её сердца под зелёным, пахнущим летом, платьем, пока не прозвучал от здания пронзительный крик: —«Зинаида!»

А дома у нас добавилась бабушка, которая приехала из Рязани, потому что Мама ходила на работу, а кому-то же надо смотреть за Сашей-Наташей, помимо других дел по дому. Баба Марфа носила ситцевую блузу навыпуск – поверх её тёмной прямой юбки до самого почти что пола, и белый с голубыми крапушками платок поверх волос. Его мягкий большой квадрат она складывал диагонально и получившимся треугольником покрывала голову, чтобы завязать длинные уголки податливым узлом под круглым подбородком…

Мама работала в три смены на своей работе – Насосной Станции. И у Папы было столько же смен на Дизельной Станции. Я так и не узнал где его работа, но наверняка в лесу, потому что однажды Папа принёс кусок хлеба завёрнутый в газету, а этот свёрток ему дал Зайчик по пути домой. «Ну иду я домой после смены, смотрю –

Зайчик под деревом и говорит: —«Отнеси это Серёжке и Саньке с Наташкой!”» Хлеб от Зайчика намного вкуснее чем тот, который Мама нарезает к обеду…

Иногда смены родителей не совпадают и кто-то из них дома, пока другой кто-то на работе. В один такой раз, Папа привёл меня на Мамину работу в невысоком кирпичном здании с зелёной дверью, за которой—как только зайдёшь—маленькая комната с маленьким окошком высоко над старым большим столом с двумя стульями. Но если туда не заходить, а свернуть налево в коричневую дверь, то окажешься в большом тёмном зале, где что-то всё время гудит, а за другим столом Мама делает свою работу. Она совсем нас не ждала и очень удивилась, но показала мне журнал под лампой у неё на столе, в который надо записывать время и цифры под стрелками больших круглых манометров в самом конце узких железных мостиков с перилами, потому что везде под ними тёмная вода, чтобы насосы её качали. И это от тех насосов такой ужасный гул и шум всё время и приходится их перекрикивать, но даже и так не всё слышно. «Что?! Что?!»

Поэтому мы вернулись в комнату напротив входа, но я уже знал кто гудит за стеной. Мама достала из ящика в столе карандаш и ненужный журнал, где много вырванных страниц, чтобы я порисовал каляки-маляки. Я занялся рисованием, а они, хотя у них не было дела и шум уже не мешал, так и молчали, и смотрели друг на друга. Когда я закончил большое круглое солнце, Мама спросила – может я хочу поиграть во дворе? Во двор мне совсем не хотелось, но тогда Папа сказал, что раз я не слушаюсь Маму, он больше не приведёт меня сюда никогда-никогда, и я вышел.

Двор был просто куском дороги из мелких камушков, через которые росла трава, от ворот и до деревянного сарая чуть дальше правого угла Насосной Станции. А сразу за спиной здания поднимался крутой откос в сплошной крапиве. Я вернулся к зелёной двери, от которой короткая бетонная дорожка спускалась к маленькому кирпичному домику в побелке, но совсем без никаких

окон, а с большим висячим замком на железной двери. Ну, как тут вообще играть-то?.

Оставались ещё два круглых холма в зелёной траве, по обе стороны от белого домика и намного выше чем он. Хватаясь за длинные пучки травы, я взобрался на правый. С его высоты стало видно пустую крышу Насосной Станции и соседнего с ней сарая. А крапиву я уже видел. С другой стороны за проволокой забора рядом с круглым холмом тянулась полоса кустов, из-за которых искрилась быстрая речка, но меня точно накажут, если пойду за ворота... Для всякой дальнейшей игры оставался один только второй холм с тонким деревцем у него на макушке. Я спустился к белому домику, обошёл его сзади и вскарабкался на второй холм. Отсюда сверху видно было всё то же самое, просто здесь ещё стояло деревце, которое можно потрогать. Вспотевший и разгорячённый подъёмом, я лёг на его тонкую тень.

Ой! Что это?!. Что-то куснуло меня в ляжку, потом в другую, а потом ещё и ещё. Я обернулся и заглянул через плечо за спину. Куча красных муравьёв бегали по моим ногам пониже шортов из жёлтого вельвета. Я смахнул их, но боль жгучих укусов не убывала...

На мой вой, Мама выскочила из-за зелёной двери, а следом за ней Папа. Он взбежал ко мне и отнёс вниз на руках. Муравьёв стряхнули, но опухшие покрасневшие ляжки щемили невыносимо... И это стало мне уроком на всю жизнь – нет лучше средства от жгучих укусов этих рыжих извергов, чем посидеть в зелёной шёлковой прохладе подола Маминого платья туго растянутого между её присевших коленей.

~ ~ ~

Баба Марфа жила в одной комнате с её внуками—нами тремя—узкая железная кровать, на которой она обычно сидела или спала, была поставлена в правом углу от входа, напротив угла заполненного громоздким сооружением – диваном с высокой спинкой чёрного дерматина в широком обрамлении лакированной

доской. Пухлые валики двух дерматиновых подлокотников по краям дерматинового же сиденья откидывались (каждый в свою сторону) на петлях, что удерживали их как продолжение плоскости для сидения-лежания, и это позволяло сооружению приютить на ночь баскетболиста среднего роста. На практике эта возможность не испытывалась, поскольку ночью на диване спали двойняшки.

Из верхней доски лакированной рамы выступал карниз-полочка в сопровождении длинной полоски зеркала для отражения фигурок белого слоновьего стада построенного по росту в затылок друг другу – от большого до самого мелкого малыша. Слоники затерялись ещё во времена родительских легенд и полка их пустует, пока мы не начнём играть в Поезд. С наступлением ночи в вагоне, я забираюсь на полку вопреки узости карниза и, чтобы перевернуться на нём с боку на бок и ехать дальше, приходится слазить на пружинистое сиденье дивана, а потом вскарабкиваться обратно. Играть в Поезд ещё интереснее, когда Лида и Юра Зимины, соседние дети, приходят через лестничную площадку в нашу комнату. Поезд растёт в длину и, стоя в перевёрнутых табуретках-вагонах натасканных из кухни, мы расшатываем их во всю, до пристука сиденьями о доски крашеного пола, и тогда Баба Марфа, очнувшись от молчаливого сидения на своей койке, начинает ворчать, что хватит нам беситься будто оглашенные.

А когда уже совсем поздно, после игр и ужина, в центре комнаты расставляется моя раскладушка. Мама приносит и стелет на ней матрас и синюю клеёнку тоже, под простынь, на случай если я уписяюсь ночью. Потом огромную подушку и толстое ватное одеяло сверху. Баба Марфа выключает радио в левом углу возле двери и щёлкает выключателем света. Однако темнота в комнате довольно неполная – свет из окон соседнего, углового, здания и от фонаря во Дворе квартала проникает сквозь тюлевую сеточку оконных штор, а под дверь закрадывается полоска света из коридора между кухней и комнатой родителей… Я наблюдаю тёмный силуэт Бабы Марфы, которая стоит рядом со своей койкой и что-то шепчет в потолок у

себя над головой. Но это странное поведение меня нисколечко не беспокоит, после того как Мама объяснила, что так Баба Марфа молится своему Богу, хотя родители не могут ей позволить, чтобы повесила икону в том углу, потому что наш Папа член Партии…

Утром самое надоедное – отыскивать свои чулки. Хочешь верь, хочешь нет, однако даже мальчики ходили тогда в чулках. Поверх трусиков одевался специальный матерчатый пояс с парой пристёгнутых спереди резинок. У каждой резинки на конце застёжка – резиновая кнопочка с откидным проволочным ободком, его нужно поднять, натянуть на кнопочку щепоть чулка и втиснуть её обратно в тугую проволочинку—щёлк! – получилось… Уфф!.

Всю эту сбрую, конечно, на меня одевала Мама, но находить чулки – моя забота, а они как-то всегда умудрялись найти новое место где прятаться. Мама зовёт из кухни идти завтракать: —«Ну, что ты там опять копаешься?» Потому что же ей ведь тоже на работу, а эти гады затаились где-то… Наконец—ага! – замечаю мятый нос одного, что высунулся из-под диванного валика на петлях, но двойняшки ещё спят и надо звать на помощь Маму, потому что Сашкина подушка опёрта на валик…

Я устал от утренних упрёков, подумал и нашёл красивое решение проблеме исчезающих чулков и, когда свет в комнате уже выключен, но Баба Марфа всё ещё шепчется со своим Богом, я привязываю их себе на щиколотки, потихоньку и отдельным узлом на каждую ногу, теперь не сбегут. Мои сестра и брат с подушками на разных подлокотниках большого дивана как всегда слишком заняты брыканием под общим одеялом, им не заметны мои манипуляции в темноте. И я успеваю очень вовремя укрыть ноги, когда Мама зашла поцеловать своих детей на ночь. Но она вдруг сделала такое, чего никогда раньше не делала. Мама включила свет, что живёт под потолком в стеклянном лампочном домике, вокруг которого свисает густая бахрома оранжевого абажура из тугого шёлка, чтобы в дневное время, после работы, свету удобней было спать. А сейчас ему пришлось выскочить из своей койки между тонких круглых

стенок и показать—когда Мама сдёрнула одеяло с моих ног—чулочные оковы на каждой. «Что-то прямо-таки толкнуло меня заглянуть», – со смехом рассказывала она позже Папе. Мне пришлось развязать чулки и бросить поверх моей прочей одежды сваленной шохом-мохом на стул. А какая блестящая была идея…

~ ~ ~

Основную и самую пожалуй лишнюю неприятность вносил в детсадовскую жизнь «тихий час» – принудительное лежание в кровати после обед. Снимай с себя всё до трусиков с майкой, складывай одежду на белую табуреточку, поаккуратнее, но, как ни старайся, при подъёме после «тихого часа» всё окажется в полной перепутанице, а чулочная кнопочка на одной или другой резинке никак не захочет протиснуться в ободок. А до этого лежи так вот без толку целый час, смотри в белый потолок, или на белую штору окна, или вдоль длинного ряда кроваток с узким проходом после каждой их пары. Ряд тихо лежащих согруппников кончается у дальней белой стены, где далёкая воспитательница в белом халате тихо сидит на стуле и читает свою книгу, и только совсем иногда какой-нибудь ребёнок отвлечёт её и шёпотом попросится выйти в туалет. Она позволит шёпотом и, перейдя в негромкий голос, пресечёт поднявшийся было шумок шушуканья вдоль ряда кроваток: —«А ну, закрыли все глазки и – спать!» Возможно, время от времени я и вправду засыпал в какой-то из «тихих часов», хотя чаще просто лежал в оцепенелой полудрёме с открытыми глазами, не различая белый потолок от белой простыни натянутой поверх лица…

Но дремоту стряхнуло вдруг тихое прикосновение осторожных пальчиков, что ощупью скользили вверх по моей ноге, от коленки к ляжке. Я оторопело выглянул из-под простыни. Ирочка Лихачёва лежала на соседней кроватке крепко зажмурив глаза, но в промежутке между нашими простынями виднелся кусочек её вытянутой руки. Тихие пальчики нырнули ко мне в трусы и мягкой

тёплой горстью охватили мою плоть. Стало невыразимо приятно. Но вскоре прикосновение послабилось и ушло прочь – зачем? о, ещё!

В ответ на бессловесный зов, её рука нашла мою и потянула под свою простыню положить мою ладонь на что-то податливо мягкое, провальчивое, чему нет имени, да и не надо, потому что надо только, чтоб это длилось и длилось. Однако когда я, крепко зажмурившись, привёл её ладонь ко мне обратно, она побыла совсем недолго и отскользнула потянуть мою к себе… И тут воспитательница объявила конец «тихого часа» и совсем громким голосом велела всем подниматься. Комната наполнилась шумом-гамом одевающихся детей.

"Хорошенько кроватки заправляем!»– напоминательно повторяла воспитательница, шагая вперёд-назад по длинной ковровой дорожке, когда Ирочка Лихачёва вдруг выкрикнула: —«А Огольцов ко мне в трусы лазил!»

Дети ожидающе затихли. Оглаушенный позорящей правдой, я почувствовал как накатила жаркая волна стыда выбрызнуться слезами из глаз попутно с моим рёвом: —«Сама ты лазила! Дура!» И я выбежал из комнаты на площадку второго этажа покрытую квадратиками жёлтой и коричневой плитки в шахматном порядке.

Посреди площадки бег мой остановился и я решил никогда больше в жизни не возвращаться в эту группу и в этот детский сад. Совсем никогда ни разу. Хватит с меня уже. Вот только времени не нашлось обдумать как же теперь жить дальше, потому что всё моё внимание приковал красный огнетушитель на стене.

Вообще-то, меня привлёк не огнетушитель целиком, а один только жёлтый квадрат картинки у него на боку, где человек в кепке рабочего на голове держал точно такой же нарисованный огнетушитель—но в рабочем положении, кверх ногами—и направлял пучок расширяющейся струи из своего огнетушителя на махровый куст широких языков пламени.

Должно быть, картинка служила наглядной инструкцией пользования огнетушителями в борьбе с огнём, поэтому

применяемый человеком в кепке был представлен в мельчайших подробностях. Даже жёлтый квадрат картинки-инструкции на боку огнетушителя перевёрнутого в рабочее положение скрупулёзно воспроизводил махонького человечка в кепке, который—в перевёрнутом виде—боролся с перевёрнутым очагом возгорания струёй из крохотного огнетушителя.

И тут меня осенило, что на следующей, уже неразличимой, картинке (на боку меньшего из двух нарисованных огнетушителей) совсем уже крохотулечный человечишка находится в нормальном положении, ногами книзу. Зато ещё глубже, уменьшенным до невозможности, он снова окажется на голове и—самое дух захватывающее открытие! – эти кувыркающиеся человечки никак не могут кончиться, они способны лишь становиться всё меньше, превращаясь в невообразимо крохотные крапушки, и кувыркаться дальше, становясь переходным трамплином к вечному уменьшению, но вовсе исчезнуть им не дано просто потому, что этот вот Огнетушитель висит на своём гвозде в стене над площадкой второго этажа рядом с дверью старшей группы, напротив двери в прихожую туалета.

Зачарованность разбилась требовательными криками, чтоб я немедленно шёл в столовую где все группы детсада сидят уже за полдничным чаем после «тихого часа». Однако с той поры, проходя под Огнетушителем—носителем бесчисленных миров на своём крашенном боку—я проникался понимающим почтением. Что касается трусов на посторонних, та вылазка осталась единственной и неповторимой. Умудрённый полученным опытом, в последующие «тихие часы», когда мне нужно было выйти, по тихому разрешению воспитательницы, пописять, я понимал значение простыней вперехлёст меж пары кроваток, или почему так изо всех сил жмурится Хромов на своей кроватке рядом с кроваткой Сонцевой…

~ ~ ~

Мы жили на втором этаже и следом за нашей шла дверь Морозовых, супружеской пары пенсионеров на всю их трёхкомнатную квартиру. Напротив них через площадку была вторая трёхкомнатная квартира на нашем этаже, но семья Зиминых жили только в двух комнатах, а третью населяли бессемейные женщины, иногда сменявшие друг друга, случались и пары из двух женщин, которые объявляли себя родственницами, после обмена ухмылочкой друг с другом. А прямо напротив нас была квартира Савкиных, чей толстый весёлый папа носил очки и офицерскую форму

Глухую стену от двери Морозовых до двери Зиминых разделяла вертикальная железная лестница к постоянно распахнутому люку на чердак, где жильцы всего дома развешивали свои стирки, а отец в семье Савкиных, чья квартира была прямо напротив нашей, держал голубей, когда приходил домой со службы и переодевался в синий спортивный костюм.

Деревянная перилина на чёрных железных стойках тянулась от двери Савкиных к нашей по самому краю площадки, но не дотягивалась, а сворачивала вниз для сопровождения двух лестничных марша до площадки на первом этаже, четырьмя ступенями ниже которой жалась к стене навеки распахнутая дверь подъездного тамбура. Из него толкаешь широкую дверь и, одолев натяжение длинной ржавой пружины, выходишь в ширь общеквартального Двора, оставляя в подъезде ещё одну дверь, узкую и без пружины, за которой прячется крутой спуск ступенек без перил в непроглядную темень подвала.

Исходя из будущего жизненного опыта, могу уверенно предположить, что мы жили в Квартире № 5, хотя в то время я этого ещё не знал. Мне тогда ещё только-только начинало доходить, что основное население дома это его двери. За площадочной, с привинченным к ней широким самодельным ящиком для почты, открывалась прихожая, а в ней узкая дверь в тесную кладовку направо, а налево остеклённая выше пояса дверь в комнату

родителей, где вместо окна снова дверь – на балкон, тоже широкая и наполовину стеклянная.

Прихожую продолжал длинный прямой коридор мимо двух глухих дверей справа: первая в ванную, следующая в туалет, а в стене слева всего лишь одна дверь и тоже глухая – в детскую, рядышком с замыкающей коридор кухонной дверью, в которую тоже вставлено стекло, но это не имеет значения, потому что за ним постоянно тёмно-зелёная краска стены и дверь её не покидает даже и на полшага, чтобы не загораживать вход на кухню.

В детской комнате целых два окна, из которых одно смотрит во Двор, а в другом вид на смутную серость окон в торцевой стене углового здания. В единственном окне кухни панорама той же оштукатуренной стены, а направо от распахнутой кухонной двери (буфет ей помогает никогда не закрываться), высоко под потолком – матовое стекло в квадрате туалетного окошка полное такой же серой мути как и окна напротив, когда там не горит свет. Ни в ванной, ни в кладовке в прихожей, окон вовсе нет, но из потолка каждой висит электрическая лампочка, просто щёлкни чёрным клювиком выключателя в коридоре и – вперёд, ведь, оказывается, все двери дома заходят внутрь своих помещений!.

Зайдя в туалет, я первым делом плевал на зелёную краску стены слева от унитаза и только потом садился делать «а-а» и наблюдать неспешное продвижение плюнутой капли, что оставляла за собой очень вертикальную слюнную полоску пройденного пути. Если слюне не доставало сил доползти до плинтуса над плитками пола, я помогал ей дополнительным плевком, чуть-чуть повыше застрявшего паровозика. Иногда на путешествие уходило от трёх до четырёх плевков, а иногда хватало и самого первого.

Родители терялись в догадках—отчего это стена в туалете всегда мокрая? – до того дня как Папа зашёл туда сразу после меня и на последовавшем строгом допросе я признался, что это моя работа, хотя и не смог объяснить зачем. С тех пор, в страхе перед наказанием, я затирал следы мокрого преступления кусками

нарезанной в целях гигиены газеты *ПРАВДА* из матерчатой сумки на стене напротив, но очарование неслышных странствий исчезло.

(…мой сын Ашот, в возрасте пяти лет, иногда мочился мимо унитаза, на стену. Не раз я объяснял ему, что так неправильно, а если уж промахнулся, то будь добр подтереть за собою.

Однажды он заартачился и отказался вытирать лужу. Тогда я схватил его за ухо и отвёл в ванную за половой тряпкой, затем привёл обратно и, спёртым от бешенства голосом, приказал собрать лужу с пола. Он повиновался.

Разумеется, в более продвинутых странах я бы запросто мог нарваться на лишение родительских прав из-за бесчеловечного обращения с ребёнком, но до сих пор продолжаю считать себя правым в данном случае, потому что ни один биологический вид не способен выжить в собственных отходах… Я бы ещё мог понять, если б пацан просто плевал на стены, но в построенном мною доме их покрывала известковая побелка, а по извести никакая слюна не поползёт. Позднее наскреблись деньги и на облицовку кафелем, но дети стали уже взрослыми…)

Чувствуешь себя как бы Всемогущим, воссоздавая мир полустолетней давности, подгоняя детали так и эдак, по своему усмотрению, и некому ткнуть носом, если заврёшься где-то. Однако обмануть можешь кого угодно кроме самого себя и должен признаться, что на расстоянии в пятьдесят лет не всё складывается совсем гладко. Например, я не слишком уверен, будто помянутая вскользь загородка для голубей на чердаке вообще как-либо связана с Капитаном Савкиным. Вполне даже возможно, что сооружение принадлежало Степану Зимину, отцу Лиды и Юры… Или там было две загородки?

Честно говоря, теперь я как-то уж и не уверен в присутствии голубей в одной или другой из загородок (но разве их две было?) в тот день, когда я отважился пуститься вверх по железной лестнице к

чему-то неизведанному, неразличимому в смутно-тёмном квадрате распахнутого люка на чердак над моей головой. И очень даже может быть, что мне просто вспомнилась реплика из разговора родителей, что даже голуби Степана страдают от его запоев.

В целом, лишь одно остаётся вне всякого сомнения – восторженный трепет первооткрытия, когда, оставив внизу мою сестру, с её зловещими пророчествами про убиение меня отеческой рукой, а рядом с ней внимательный взгляд моего брата, неотступно следящий за каждым моим движением, и все они уменьшались вместе с плитками пола площадки при оглядке с каждой следующей перекладины на подъёме в новый таинственный мир, что вот-вот расстелется предо мной под сереющим брюхом шифера крыши… Через два дня Наташа прибежала в детскую комнату гордо объявить мне, что Сашка только что тоже залез на чердак.

С учётом этого всего, вполне возможно, что голубей в чердачной загородке уже не оставалось, но во Дворе они летали толпами…

Своим дизайном, Двора являл собою систематизированный шедевр беспримесной геометричности. Внутри огромного прямоугольника ограниченного шестью двухэтажными зданиями был вписан эллипс дороги рельефно отчёркнутой вдоль обеих обочин неглубокими дренажными кюветами, что ныряли под короткие, но мощные мостки – чётко напротив каждого их 14-ти подъездов в шести домах нашего квартала.

Пара узких бетонных дорожек, проложенных под прямым углом к продольной оси эллипса, рассекали его площадь натрое, а центральный прямоугольник образованный дорожками и кюветами вдоль обочины делился далее на три равных сегмента дополнительными двумя дорожками (но уже параллельными оси эллипса и друг другу), соединявшими пару упомянутых в самом начале. Точки пересечения четырёх дорожек становились четырьмя углами срединного сегмента, в которых пара дорожек упомянутая последней преломлялась в центробежные бетонные лучи пересекающие Двор диагонально, каждый по направлению к

центральному входу соответствующего углового здания, а линии между исходными точками лучей являлись диаметрами бетонных дорожек-полуокружностей описанных вокруг двух беседок из деревянных брусьев, так что в целом планировка смахивала на модель Версаля, пусть и попроще, зато из бетона.

(…столь рафинированный Bau Stile в природе просто-напросто не существует. Нет в ней циркульных окружностей, ни абсолютно равнобедренных треугольников, ни квадратов без малейшего изъяна – где-нибудь, как-нибудь да и выткнется, неизбежно нарушая безукоризненную выверенность, неутаимое шило из котомки Матушки-Природы…)

Конечно, никаких вычурных фонтанов в нашем Дворе не имелось, как не было в нём ни кустика, ни дерева. Возможно, впоследствии там что-то и выросло, но в своей памяти не нахожу даже саженца, а только траву, расквадраченную в геометрические фигуры бетонными дорожками, ну и, конечно же, стаи голубей перелетавших из одного конца необъятного Двора в другой на призывное: «…гуль-гуль-гуль-гуль-гуль-гуль-гууль!»

Мне нравилось, когда эти—так похожие друг на друга, но чем-то обязательно разные—птицы слетаются окружить тебя и торопливо склевать хлеб раскрошенный на дорогу, где машины не показывались вовсе, ну разве что в полгода раз проедет грузовик с мебелью въезжающих или съезжающих жильцов или неторопливый самосвал с дровами для чугунных топок котлов нагрева воды в ванных комнатах квартир.

Но ещё больше я любил кормить голубей на жестяном подоконнике кухонного окна. Хотя приходилось дольше ждать, пока кто-то из птиц догадается откуда ты им «гуль-гулишь» свой призыв и, разрезая воздух биением пернатых крыльев, зависнет над серой жестью с густой россыпью хлебных крошек, прежде чем спрыгнуть

на неё своими голыми ногами и дробно застучать клювом по угощенью.

Похоже, голуби присматривают друг за другом, кто чем занят, или у них есть какая-то мобильная связь, но вскоре вслед за первыми слетаются и остальные, по двое, тройками, целыми ватагами, может даже из соседнего квартала. Подоконник исчезает в почти двухслойном столпотворении из оперённых спинок и головок ныряющих за крошками. Они суетливо толкаются, спихивают друг друга за край, припархивают обратно, втискиваются вновь. Используя суматошную неразбериху, можно свесить руку из форточки кухонного окна и потрогать сверху какую-нибудь из торопливых спинок, но осторожно и совсем слегка, чтоб не всполошились и не шарахнулись бы все разом прочь с громким хлопаньем крыльев, даже «спасибо» не сказав…

~ ~ ~

Кроме голубей мне ещё нравились праздники, особенно Новый год. Сначала на лестничной площадке появлялись две-три Ёлки с короткими иглами и пронзительно зелёным запахом. Папа знал которая из них наша и на следующий день обувал на неё крестовину, чтобы не падала, и устанавливал пахучее дерево в комнате родителей перед белой тюлевой шторой, что не могла в одиночку сдерживать холод балконной двери. Потом из тесной кладовки приносились фанерные ящики, что были почтовыми посылками, пока не превратились в ларцы для хранения ёлочных игрушек укутанных для сохранности в отдельные куски газеты, каждая в свой. Под шорох жёлтой от древности бумаги, поблескивая серебром и ярким лаком, на свет появлялись хрупкие стеклянные фрукты, гномики, колокольчики, деды-морозики, корзиночки, дюймовочки… Ворох газетных обёрток всё рос, а из следующих вылуплялись сверлообразные лиловые сосульки, зеркальные шары с примёрзшими по их бокам снежинками и гладкие шары, но тоже красивые, разноцветные искристые звёзды обрамлённые стеклом

тоненьких трубочек, пушистые гирлянды дождика из золотой фольги… Папа редко участвовал в украшении Ёлки, но красную Кремлёвскую Звезду ей на макушку одевал только он.

Под конец, когда дерево обрастало игрушками и конфетами (да, потому что конфета на продетой сквозь фантик нитке тоже красочное украшение, которое можно снять или срезать и подсластить дни наступившего года), её крестовину покрывали большим, как сугроб, куском белой ваты, под которую заодно пряталась фанерная подставка Деда Мороза. Он не помещался в посылочные ящики и целый год ждал этого часа опрокинутым навзничь на тёмной полке, даже не сняв красную матерчатую шубу с широкими белыми отворотами. Одной рукавицей Дед Мороз сжимал свой высокий посох уткнутый в подставку, а вторая держала мешок переброшенный за спину, но тот был обвязан красной тесьмой и прострочен швом слишком крепким, чтобы проверить что это в нём такое бугрится.

Ой! Чуть не забыл разноцветное миганье крохотульных лампочек на тонких проводах!. Они развешивались по Ёлке раньше всего остального, а провода уходили в тяжёлый электрический трансформатор под тот же самый ватный сугроб. Электрогирлянду Папа сам сделал, а лампочки покрасил Маминым лаком для маникюра и ещё зелёнкой из аптечного ящика в прихожей, и ещё чем-то жёлтым.

И маску Медведя для детсадовского утренника тоже Папа сделал. Мама объяснила ему как, он принёс с работы какую-то особую глину и на куске фанеры вылепил морду с торчащим носом. Когда глина стала твердокаменной, Папа и Мама покрыли её слоями марли и размоченными в воде кусочками газеты. Прошло два дня, пока морда высохла и затвердела на табуретке рядом с батареей отопления, потом глину выбросили и—ух, ты! – получилась маска из папье-маше с дырочками для глаз. Потом маску покрасили коричневой акварелью и Мама пошила костюм Медведя из коричневого сатина, где в шаровары надо одеваться через курточку.

Так что на утреннике я уже не завидовал дровосекам с их фанерными топориками через плечо.

> *(…и до сих пор Новый год для меня пахнет акварельными красками, или может они Новым годом, всё никак не могу определиться…)*

А когда в спальне родителей разбирают большую кровать и приносят её в детскую, значит вечером в свободную от кровати комнату притащат много столов от соседей. Туда соберутся много взрослых, а в нашу комнату придут играть соседские дети. Когда станет совсем поздно и гостевые дети разойдутся по своим квартирам, я проберусь в комнату родителей, где шумно и гамно, и щиплет глаза синевато-тонкий туман папиросного дыма, и полно голосов, что перекрикивают друг друга. Старик Морозов объявит, что в молодости он грёб на вёслах на свидание за 17 километров, а его сосед за столом подтвердит, что значит оно того стоило и всех обрадует такая хорошая новость, люди счастливо засмеются, схватят друг друга и начнут танцевать от радости, заполняя всю комнату своим высоким ростом до потолка и кружась вместе с пластинкой, что поёт на патефоне, который принёс папа Савкиных.

Потом они снова раскричатся не слушая кто что говорит, а Мама за столом начнёт петь про огни на улицах Саратова полного холостых парней и её веки осоловело сползут до середины глаз. Мне станет стыдно, я заберусь к ней на колени и стану просить: —«Мама, не надо петь, ну, не пей, пожалуйста!». Она засмеётся и отодвинет свой стаканчик на столе и скажет, что вот не пьёт уже, и запоёт дальше. Потом гости начнут долго расходиться и уносить столы по своим квартирам и всё так же громко спорить, но не слушать на площадке за распахнутой дверью. Меня пошлют в детскую, гда Саша давно спит, а Наташа тут же вскинет голову со своей подушки. На кухне будет звякать посуда, которую моют Баба

Марфа и Мама, а потом свет в нашей комнате ненадолго включат, чтобы унести части кровати родителей.

Кроме своей работы Мама ещё уходила по вечерам на Художественную Самодеятельность в Дом Офицеров, который очень далеко, и я это знал, потому что иногда родители брали меня туда в кино, на зависть Сашке-Наташке. Каждое кино начиналось очень громкой музыкой и большими круглыми часами на Кремлёвской башне, которые открывали новый номер киножурнала «Новости Дня», где чёрнолицые шахтёры толпой шагают в своих касках, а одинокие ткачихи в белых косынках на волосах ходят по длинным пустым залам, среди дёрганья длинных полос нитей в станках, и множество людей с непокрытыми головами радостно стоят в громадном светлом зале и быстро-быстро хлопают в ладоши. Но однажды меня до слёз напугала новость, где чёрные бульдозеры мяли гусеницами и толкали груды голых трупов, чтобы заполнить глубокие чёрные рвы Фашистского концлагеря. Мама сказала мне закрыть глаза и не смотреть и после этого меня уже больше в кино не водили.

Однако когда Художественная Самодеятельность представляла свой концерт в Доме Офицеров, Папа взял меня с собой. Разные люди Художественной Самодеятельности выходили на сцену петь под один и тот же баян и зрители им за это хлопали. Потом всю сцену оставили одному человеку, который долго что-то говорил, но я не мог разобрать что именно, хотя он говорил всё громче и громче, чтобы ему тоже похлопали. Наконец, вышли много тёть в длинных платьях танцевать с дяденьками в высоких сапогах и Папа сказал: —«Ага! Вот и Мамочка твоя!» Только я никак не мог её увидеть, потому что в одинаковых длинных платья все тётеньки совсем одинаковые. Папе пришлось показать мне ещё раз кто из них Мама и после этого я не сводил с неё глаз, чтобы не затерялась.

Если бы не такое пристальное внимание, я, может быть, пропустил бы тот миг, что застрял во мне на долгие годы, как заноза которую невозможно вытащить и лучше просто не бередить и не надавливать

то место, где сидит... Танцовщицы на сцене кружились всё быстрей и быстрее, их длинные юбки тоже вертелись, подымаясь фонариком до колен, но юбка моей Мамы вдруг всплеснулась и оголила её ноги до самых трусиков. Нестерпимый стыд хлестнул мне по лицу и остальной концерт я просидел упорно глядя на красную краску половых досок далеко внизу от моих свешенных валенков, и не поднимал головы хоть как громко ни хлопали бы вокруг, а весь обратный долгий путь домой я не разговаривал ни с кем из моих родителей, и не отвечал почему я такой надутый.

(...в те недостижимо далёкие времена я ещё не знал...)

Но кому вообще нужны эти концерты, если на стене в нашей детской есть блестящий коричневый ящичек радио? Оно может и петь и говорить, и играть музыку. Мы хорошо знали, что надо покрутить белый регулятор, добавить громкости на всю и бегом звать всех в доме скорее идти в нашу комнату, когда объявляют выступление Аркадия Райкина, чтобы всем вместе хохотать под ящичком на стене. И мы быстренько спускали звук, или даже выключали радио совсем, если начинался концерт для виолончели с оркестром, или какой-то дяденька рассказывал про победу кубинцев на Революционной Кубе, которая его так обрадовала, что он выдал две дневные нормы за одну смену назло реваншистам и их вождю Аденауэру...

~ ~ ~

А Первомай совсем не домашний праздник. До него надо долго шагать по дороге от углового здания, спуститься до самого низа Горки, а там опять идти и идти. Не в одиночку, конечно, много людей шли тем же путём, и взрослые и дети. Люди весело приветствовали друг друга и несли в руках гроздья воздушных шариков или гибкие веточки с самодельными листьями из нежно-зелёной папиросной бумаги, каждый в от дельности примотан длинной чёрной ниткой,

туго и плотно, чтобы хорошо держался, или же длинные полосы красной ткани между двух шестов, а ещё портреты разных дядей, лысых и не так чтоб очень, каждого на отдельной крепкой палке.

Как почти каждый другой ребёнок, я нёс красный прямоугольничек флажка на тонкой—как карандаш, только подлиннее—палочке. Жёлтый кружок в жёлтой решеточке изображал по центру флажка земной шар, над которым завис жёлтый голубь под такими же неподвижными жёлтыми буквами «Миру – мир!» Конечно, в то время я ещё не мог читать, но флажки эти не изменялись десятилетиями, чтобы все тугодумы и неуспевающие смогли со временем догнать.

И пока мы все так шагали, к нам издали приближалась музыка. Чем ближе, тем громче звучала она и заставляла нас шагать отчётливее и оставлять пустые разговоры, а скоро и всякие вообще заглушались блестящими трубами в руках солдат музыкантов и большим барабаном, бум-бум-бум, под высоким красным балконом с неподвижными людьми наверху, в офицерских фуражках, только балкон непонятный какой-то, совсем без дома за спиной…

После одного из Первомаев, мне захотелось нарисовать праздник, поэтому Баба Марфа дала мне бумагу и карандаш… По центру листа я нарисовал большой воздушный шарик, чья ниточка спускалась вниз – за край бумаги. Он хорошо смотрелся, большой такой, праздничный. Но мне хотелось большего, я хотел, чтобы праздник был во всём мире, поэтому справа от шарика я нарисовал плотный забор, за которым жили не нашенские, а Немцы и другие враги из киножурнала в Доме Офицеров, только никого из них не видно, конечно, потому что за забором.

Ну, ладно, Немцы! Пусть и у вас будет праздник тоже! И я нарисовал ещё один шарик на ниточке, которая тянулась из-за забора. Наконец, чтобы шарики не перепутались и для понятности кто где празднует, я нарисовал жирный крест на вражеском шарике.

По завершении шедевра, я немножко полюбовался своим художеством и побежал поделиться им для начала с бабушкой…

Сперва она никак не разбиралась что к чему, и мне пришлось объяснять картину. Но когда я дошёл до места, что пусть и у Немцев тоже будет праздник—жалко что ли? – она резко оборвала меня суровой критикой. Мне давно пора знать, так она сказала, что из-за этих моих шариков с крестами машина «чёрный воронок» приедет к нам домой, арестует и увезёт нашего Папу, а разве этого, спросила она, я хочу.

Мне стало жалко Папу и страшно остаться без него. Разрыдавшись, я скомкал злосчастный рисунок, убежал в ванную и сунул смятую бумагу за чугунную дверцу Титана, котла для нагревания воды, где зажигали огонь перед купанием и стиркой...

~ ~ ~

Самое трудное по утрам – покинуть постель. Вот, кажется, всё бы отдал за ещё одну минуточку полежать и только бы не кричали, что пора подыматься в садик.

В одно из таких утр, подушка под моей головой стала мягче руна белого облачка в небе, а вмявшийся подо мной матрас превратился в точный слепок моего тела и охватил его мягким объятием, оторваться от такой неги и тепла собравшегося за ночь под одеялом было просто немыслимым, непосильным. Вот я и лежал дальше, покуда не явилось пугающе чёткое осознание – если я сию минуту не стряхну эту блаженно засасывающую дрёму, то я никогда не приду в детский сад, и вообще никуда не приду, потому что это будет смерть во сне.

Разумеется, настолько вычурные фигуры речи пребывали в ту пору за пределами моего обихода, да впрочем в них, как и в других словесных выкрутасах, я особой нужды не испытывал, поскольку мысли приходили в виде ощущений. Так что я испугался, выскочил в холод комнаты и начал торопливо одеваться... По воскресеньям можно было поваляться и подольше, но никогда более постель не принимала столь услаждающе нежащих форм...

В какое-то из воскресений я проснулся в комнате один и услышал Сашки-Наташкины весёлые визги где-то за дверью. Одевшись, я поспешил в коридор. Там их не было, как не было и на кухне, где Баба Марфа одиноко бряцала кастрюльными крышками. Ага! В спальне родителей! Я вбежал в самый разгар веселья – мои брат-сестра и Мама ухохатывались от бесформенного белого кома, что стоял в углу на голых ногах. Конечно, это Папа! Накинул сверху толстое одеяло с кровати родителей и теперь неуклюже высится там возле гардероба.

Но тут эти две ноги начали совместно прыгать, всколыхивая вислые складки ногастого кома. Жуткое белое голоногое существо отрезало путь к выходу, оттесняя Маму и нас троих к балконной двери. О, как мы смеялись! И всё крепче ухватывались за Мамин халат.

Потом один из нас расплакался и Мама сказала: —«Да, что ты глупенький! Это же Папа!» Но Саша не унимался (или, может, Наташа, но только не я, хотя мой смех всё больше скатывался к истерике). Тогда Мама сказала: —«Ну, хватит, Коля!» И одеяло выпрямилось и свалилось, открывая лицо смеющегося Папы в трусах и майке, и мы все вместе начали успокаивать Сашу, который сидел высоко на руках у Мамы и недоверчиво пытался засмеяться сквозь слёзы.

(…смех и страх нераздельны и нет ничего страшнее, чем не понять что…)

А утром в понедельник я прибрёл в комнату родителей расплакаться и признаться, что ночью я опять уписялся. Они уже одевались и Папа сказал: —«Тоже мне! Парень называется!» А Мама велела снять трусики и залезть в их постель. С гардеробной полки она достала сухие, бросила поверх одеяла и меня под ним и вышла за Папой на кухню.

Я лежал под одеялом ещё тёплым от их тепла. Даже простыня была такой мягкой, ласковой. От удовольствия, я потянулся в потягушеньки насколько можно, руками и ногами. Моя правая рука попала под подушку и вытащила непонятную заскорузлую тряпку. Я понятия не имел зачем она тут, но чувствовал, что прикоснулся к чему-то стыдному, про что нельзя никого спрашивать…

~ ~ ~

Затрудняюсь сказать что было вкуснее: Мамино печенье или пышки Бабы Марфы, которые они пекли по праздникам в синей электрической духовке «Харьков»… Свои дни Баба Марфа проводила на кухне за стряпнёй и мытьём посуды или сидела в детской комнате на своей койке в углу, чтоб не мешать играм. По вечерам она одевала очки и читала нам книгу *Русские Былины* про богатырей, которые бились с несметными полчищами или со Змеем Горынычем, а для отдыха от битв ездили в город Киев, погостить у князя Владимира Красное Солнышко. И тогда кроватная сетка прогибалась под дополнительным весом нас троих, обсевших Бабу Марфу.

А если богатырям случалось закручиниться между битвами, то они вспоминали мать, каждый свою, и к своим разным, но одинаково отсутствующим матерям они обращались с одним и тем же упрёком, что зачем эти матери не завернули будущих героев в белую тряпицу, пока те ещё были младенцами несмышлёными, да не бросили их в быструю Речку-Матушку… Только Илья Муромец и Богатырь Святогор, который стал таким большим и сильным, что даже Мать-Сыра-Земля не могла уж выносить его и ему пришлось уйти в горы, где скалы и камни как-то пока что выдерживали, никогда не заводили этих причитаний про белу тряпицу, даже если кручинились очень горько…

Иногда некоторые из богатырей затевали бой с какой-нибудь девицей-красавицей переодетой в воинские доспехи. Такие стычки могли заканчиваться с переменным успехом, но в последний момент

побеждённый—будь то девица или, как ни странно, богатырь—неизменно произносил одни и те же слова: —«Ты меня не губи, а напои-накорми да поцелуй в уста сахарные». Посреди всех многажды слушанных былин я знал места таких поединков со сладким концом, они мне особенно нравились и я заранее их предвкушал…

Ванную Баба Марфа называла «баней» и после еженедельного купания возвращалась в детскую распаренной до красноты, усаживалась на свою койку чуть ли не телешом—в одной из своих длинных юбок и в мужчинской майке на лямках и – остывала, расчёсывая и заплетая в косицу свои бесцветные волосы. На левом предплечье у неё висела большая родинка в виде женского соска – так называемое «сучье вымя».

В ходе одного из этих остываний, когда она ничего, казалось, не замечает кроме пластмассового гребешка и влажных прядей своих волос, я улучил момент особо бурных пререканий моих брата-сестры на большом диване и заполз под пружинную сетку в узкой бабкиной койке, просевшую под её весом. Там я осторожно перевернулся на спину и заглянул вверх – под юбку между широко расставленных и крепко упёртых в пол ног. Зачем? Я не знал. Да ничего и видно-то не было в тёмном сумраке изнаночного купола её юбки. И я уполз прочь со всей возможной осторожностью, чувствуя запоздалый стыд и сильно подозревая, что от неё не утаилось моё заползновение…

Саша был надёжный младший брат, доверчивый и молчаливый. Он родился вслед за шустрой Наташкой и напугал медицинских работников посиневшим цветом лица из-за пуповины, которая захлестнула его и чуть не удавила, однако при этом он родился в сорочке, хотя ту всё равно в роддоме с него сняли. Мама говорила, что из сорочек новорожденных делают какое-то особое лекарство.

А Наташка и впрямь оказалась ушлой выдрой. Она первая узнавала все новости – что назавтра Баба Марфа будет печь пышки, что в квартиру на первом этаже въезжают новые соседи, что в

субботу родители уйдут куда-то в гости, и что никогда-никогда нельзя убивать лягушку, не то дождь польёт.

Баба Марфа заплетала ей две косички по бокам от затылка вперемешку с ленточками, чтобы каждую из косичек закончить красивым бантом. Но жил такой бант недолго и распадался на тугой узел и пару узких хвостиков из ленты. Наверное, из-за усердного верчения головой во все стороны примечать: что-где-когда?

Двухлетняя разница в возрасте давала мне прочный запас авторитета в глазах младших. Однако, когда Саша молчком повторил моё восхождение на чердак, то этим поступком он как бы обогнал меня на два года. Конечно же ни он, ни я, ни Наташа не могли в ту пору выразить словами такие дедуктивные вычисления. Мы оставались на уровне эмоциональных ощущений выразимых междометиями типа «ух, ты!» или «эх, ты!»

Невысказанное желание поправить мой пошатнувшийся авторитет и самоуважение, а может и ещё какие-то невыразимые или уже забытые причины довели меня до того, что однажды перед сном, когда свет в комнате был уже погашен, но брат-сестра пока ещё брыкались лёжа «валетом» на диване, потому что Баба Марфа не могла на них шумнуть—стоя возле своей койки, она шепталась с верхним углом—я вдруг подал голос со своей алюминиевой раскладушки в центре комнаты: —«Бабка? А ты знаешь, что Бог – сопляк?».

Шёпот мгновенно стихает, из темноты зачастили громкие угрозы сковородкой, которую черти в аду раскалят докрасна и заставят меня лизать, но я лишь нагло смеюсь в ответ, подстёгнутый благоговейным онемением дивана, и оставляю без внимания предстоящие муки: —«А ну и что! Всё равно, твой Бог – сопляк!»

Наутро Баба Марфа со мной не разговаривала. По возвращении из садика я выслушал сводку новостей от Наташи, что Баба Марфа всё рассказала Папе, когда он пришёл после третьей смены, и плакала на кухне. Сейчас родители ушли куда-то в гости, но мне точно будет да ещё как! На мои заискивающие попытки

восстановить общение Баба Марфа ответила непримиримым молчанием и вскоре ушла на кухню… Прошло нескольких часов подавленного жданья, прежде чем хлопнула входная дверь и в прихожей раздались голоса родителей. Они переместились в кухню и звучали там всё горячей и громче. Дверь нашей комнаты не давала разобрать о чём.

Громкость на кухне всё нарастала, а вот и дверь распахнулась рукой Папы. «Что?!. Над старшими измываться? Вот я тебе дам „сопляка"!» Руки его выдернули ремень из брюк. Чёрная змея взблеснула хромом квадратной головы, взвилась по потолок. Взмах руки и – незнаемая прежде боль ожгла меня. Ещё. И ещё.

Выкручиваясь и вереща, закатываюсь под бабкину койку укрыться от ремня. Схватив за прутья спинки, Папа мощным рывком выдернул койку на середину комнаты. Матрас и прочая постель свалившись остались под стеной. На четвереньках, я догоняю койку, ныряю под щит её пружинно прядающей сетки. Койка выплясывает на двух ногах, туда-сюда, Папа дёргает её из стороны в сторону, охлёстывает ей бока, но я с необъяснимой прытью шустро шмыгаю вслед за сеткой над головой, вплетая свои крики «Папонька! Родненький! Не буду! Никогда не буду!» в его осатанелое «Сопляк! Гадёныш!»

Мама с бабушкой прибежали из кухни. Мама крикнула «Коля! Не надо!» и протянула руку принять на себя свистящий удар ремня. Бабка тоже заголосила и они вдвоём увели Папу из комнаты. Жалко скуля, я тру вспухающие рубцы и прячу глаза от младших, что окаменело молчат вжавшись в спинку дивана…

~ ~ ~

Во Дворе мы играли в *Классики*… Прежде всего, нужен кусок мела, чтобы нарисовать большой прямоугольник на бетоне дорожки и разделить его на пять пар квадратов, получится как бы таблица из двух колонок в пять строк. Затем понадобится *битка* – песок насыпанный в пустую баночку-жестяночку из-под обувного крема

придаст битке нужную увесистость, превращая её как бы в диск для прицельного метания.

Теперь, встав снаружи под первой колонкой, вбрасываешь *битку* в нижний слева *классик*-квадрат и прыгаешь туда же на одной ноге, чтобы поднять *битку* и скакать дальше через остальную таблицу (до верха первой колонки и вниз вдоль второй, по одному прыжку на каждый *классик*), на одной и той же ноге, чтобы завершающим прыжком через нижнюю линию второй колонки выпрыгнуть на волю, где можно ходить двумя ногами. Тур по параболе завершён. Если обошлось без криков (когда твой сандалет приземляется вблизи какой-то из прочерченных мелом линий, остальные игроки, неотступно внимательные к твоему продвижению, подымут радостный крик, будто ты наступил на неё), вбрасывай битку в следующий *классик* и скачи новый тур.

Когда *битка* побывает во всех (в порядке параболических номеров) *классиках*, один из них обозначаешь как свой «домик» и в дальнейшей игре можешь чувствовать себя в нём как дома – опустить вторую ногу и отдохнуть. Но если при вбросе *битка* твоя не попала в нужный *классик* или застряла на линии, или же ты задел какую-то из линий, в игру вступает следующий, а ты становишься зрителем придирчиво следящим за одноногой скачкой…

Ещё были игры с мячом. Например, ударяя мяч о землю—без остановки, в одно касание— каждый шлепок ладонью следовало сопроводить отдельным словом-вскликом: «Я! – Знаю! – Пять! – Имён! – Девочек!» На каждый из последующих ударов по резиновому боку нужно было выкрикнуть пять любых, но без повторов. Затем, подряд и не снижая темпа, шли пять имён мальчиков, пять цветков, пять животных и т. д., и т. п., покуда мячу не надоест всё это и он отскочит криво, куда не поспеть, или пока не заплетёшься языком в своих речитативах…

Другая игра с мячом не требовала интеллектуального напряга. Просто бросаешь мяч в поблекло-розовую штукатурку стены дома (поближе к его углу, подальше от окна на первом этаже). Прикинув

место приземления отскочившего мяча, ты должен перепрыгнуть его на излёте широко раздвинутыми ногами прежде, чем он ударится о землю… Игрок за твоей спиной подхватывает отбитый землёй мяч, чтобы снова бросить о стену уже для своего прыжка, а ловить – тебе. Впрочем, участников может быть и больше, но тогда придётся ждать в очереди попрыгунчиков, правда, движется она очень быстро. Меня завораживала бесконечность этой игры. Типа картинок на красном боку Огнетушителя, где за каждым кувыркнутым ждёт следующий.

Играли мы и вне пределов Двора, за неизменно пустым бетоном окружной дороги близнецов-кварталов.

Точно напротив нашего дома, у самого начала спуска к Учебке Новобранцев, высокие стенки забора из досок ограждали два ряда железных ящиков для мусора всего нашего квартала. Вправо от Мусорки шла зелёная трава ровного места, помимо необросшей кучи песка расползшейся у забора, которая, наверное, осталась ещё со времён бетонирования площадки под железные ящики, а впоследствии стала использоваться как любой песок любыми детьми в любой песочнице.

Сверх общепринятых, у нас имелась особая игра с песком, которая никак не называлась. Просто зачерпываешь пригоршню песка и бросаешь вверх, а когда падает обратно нужно поймать в ладонь, сколько получится. Над уловом произносится ритуальная формула: «Ленину – столько!» Ленинский пай тоже летит вверх и над вторым уловом формула меняет адресата: «Сталину – столько!» После третьего подброса песок никто не ловил, наоборот, во избежание падающего песка, руки прятались за спину, а потом ещё и вытряхались ладонью об ладонь для гарантии, что и песчинка случайно не прилипла: «А Гитлеру – вот сколько!»

Подстроенная обездоленность третьего мне не нравилась, однако я воздерживался сказать, что оставлять нарочно без самой даже крохотной песчинки – нечестно. Но как-то раз, играя с песком кучи в

одиночку, я нарушил правила и поймал щепотку для Гитлера тоже, хоть и знал, что он плохой и даже и с хвостом, когда его поймали...

Помимо этого, на окраинах кучи мы строили «секреты» – выскребали мелкие ямки, чтобы выстелить дно головками от цветов из травы и придавить осколком пыльного стекла, лепестки плющились и смотрели сквозь пыль с невыразимо грустной красотой. Песок заполнял ямку, заравнивался и мы уславливались «проверить секрет» на следующий день, но либо забывали, либо шёл дождь, а потом мы уже не могли отыскать «секрет» и просто делали следующий...

Однажды дождь захватил меня в ближней беседке Двора. Вернее, это не дождь даже грянул, а смесь грозы с потопом. Чёрные тучи навалились сверху, всё стемнело разом, будто к ночи. Бывшие в беседке взрослые и дети пустились врассыпную по дорожкам к своим подъездам. Только я задержался над брошенной книгой с картинками про трёх охотников, которые бродят по горам с длинными ружьями, пока сверху не хлынул водопад. Бежать домой сквозь струи этого потока даже и подумать было страшно, оставалось одно – переждать.

Гроза разразилась невиданная, молнии раздирали небо над всем кварталом из края в край. Беседка вздрагивала в оглушительных раскатах грома, резкий вихрь забрасывал полосы дождя до середины круга бетонированного пола. Я отнёс книгу на брусья лавки вдоль подветренной стороны, но шальные капли добивали и туда. Было жутко, мокро, холодно и без конца и края.

Когда гроза всё же закончилась и в клочья подранные тучи разошлись, открылось синее небо и стало ясно, что день совсем ещё не прошёл, и что моя сестра Наташа бежит от нашего подъезда с уже ненужным зонтиком, потому что Мама послала её звать меня домой.

– Мы знали, что ты тут, – сказала она запыханно, – тебя сначала видно было.

~ ~ ~

(...не хочу предполагать, будто у меня особый нюх на конспираторов, но всякий раз, по странному стечению случайных обстоятельств, я непременно оказываюсь там, где зреет некий тайный сговор...)

Когда в детском саду три мальчика постарше начали обмениваться тайными намёками типа:

– Так значит сегодня, да?

– Точно идём, а?

– После садика, правда?

Мне стало горько и обидно, потому что тут явно готовится какое-то приключение, но пройдёт мимо, а для меня останется каждодневное одно и то же. Поэтому я встал лицом к лицу к предводителем сговора и спросил напрямую:

– А куда вы идёте?

– На Кудыкины Горы – воровать помидоры!

– Можно и мне с вами?

– Ладно.

У меня уже имелось смутное понятие, что воровать нехорошо, но я ни разу в жизни не видел горы, а только лес, речку да невысокий, поросший Елями холм Бугорок, обрывистый песчаный бок которого был обращён к ровному зелёному лугу возле забора Мусорки для нашего квартала. Но главное – очень уж хотелось дивных кудыкинских помидоров. Мне уже даже виделись их круглые сочные бока мягко лоснящиеся красным.

Так что весь день прошёл в ожидании часа, когда взрослые придут разбирать своих детей, и тут уж я сразу отказался идти домой с чьей-то ещё мамой. «Нет, я с мальчиками пойду, чтобы быстрее».

Вчетвером, мы вышли за ворота, но не на короткую тропу через лес, а свернули на широкую грунтовую дорогу, по которой вообще никто и никогда не ездил. Дорога пошла вверх, потом вниз, а я всё высматривал и спрашивал одно и то же – ну, когда уже откроются Кудыкины Горы? Ответы звучали всё короче и неохотнее, и я

приумолк, чтоб не спугнуть своё участие в помидорном приключении.

Мы вышли к дороге с полосами чёрного размякшего гудрона на стыках бетонных плит дорожного покрытия, я знал эту дорогу, что вела к Дому Офицеров. По ней мы не пошли, а пересекли в густые гибкие кусты с тропой, что кончилась возле дома из серых от старости брёвен с вывеской над входом для тех, кто умеет читать.

Отсюда мальчики не пошли никуда дальше. Они стали бездельно кружить около кустов и бревенчато-серых стен дома, пока из него не вышел сердитый дяденька и начал нас прогонять. Наш важатай ответил, что родители прислали его забрать газеты и почту, но дяденька ещё больше рассердился и я ушёл домой хорошенько усвоив что значит хождение на Кудыкины Горы…

Но всё же я чувствовал, что приключения и странствия непременно произойдут когда-то, только нужно быть готовым. Поэтому, когда на кухонном столе я увидал случайный коробок спичек, то ухватил его без всяких колебаний и раздумий – надо же развивать в себе умения необходимые для жизни… Пара начальных проб показала, что спичка зажигается проще простого. И тут же выскочила неудержимая потребность гордо показать кому-нибудь как я уже умею. Кому? Конечно, Сашке-Наташке, они наверняка удивятся больше, чем Баба Марфа. К тому же, мой подупавший авторитет нуждался в подштопке после недавних провалов…

(…разумеется, этот список мотивов сделан задним числом, из неизмеримо далёкого будущего—моего нынешнего настоящего, над этой картошкой в этом костре.

Но в том недостижимо далёком прошлом, без всяких мудрёных логических выкладок, я мигом сообразил, что…)

Надо позвать младших в какое-то укромное место и показать им моё владение огнём. Конечно же, самое подходящее место это под кроватью родителей в их комнате, куда мы и заползли гуськом. При

виде коробка в моих руках, Наташа шёпотом заохала. Саша молчал и внимательно следил за процессом.

Первая спичка вспыхнула, но угасла чересчур быстро. Второй огненный цветок красиво распустился, но вдруг шатнулся слишком близко к тюлевому покрывалу, что спадало за край кровати вдоль стены. Узкий кончик огня поклонился, сам по себе, вперёд, живая жёлтая сосулька заструилась кверх-ногами из чёрной ширящейся прорехе в тюли. Какое-то время я следил как дыра становится горизонтальной полосой с неровной бахромой огня, а потом догадался что оно значит и крикнул моим сестре-брату: «Пожар! Убегайте! Пожар!» Но эти глупыши остались где были и только разревелись хором…

Я выкатился из-под кровати и побежал через площадку к Зиминым, где Мама и Баба Марфа сидели на кухне и пили чай тёти Полины Зиминой. На моё сбивчивое объявление пожарной тревоги, все три женщины метнулись через площадку. Я добежал последним.

Под потолком прихожей неторопливо проворачивались толстые клубы жёлтого дыма. Дверь комнаты родителей стояла настежь, на кровати родителей под стеной весёло плясали полуметровые языки пламени. Комната тонула в синевато белом тумане и где-то в нём всё так же ревели двойняшки. Баба Марфа сдёрнула матрас и всю постель на пол и влилась в танец торопливо топоча шлёпанцами по огню, выкрикивая под общую чечётку «Батюшки! Батюшки!». Мама звала Сашу с Наташей скорее вылезать из-под кровати. Огонь перепрыгнул на тюлевую занавеску балконной двери и Баба Марфа оборвала её голыми руками. На кухне Полина Зимина грюкала кастрюлями о раковину, наполняя их водой из-под крана. Мама отвела двойняшек в детскую комнату, бегом вернулась и приказала мне тоже идти туда.

Мы сидели на большом диване тесно в ряд, молча. Слушали беготню туда-сюда по коридору, непрерывный шум воды из кухонного крана, отрывистые восклицания женщин. Что будет?. Потом шум мало-помалу унялся, хлопнула входная дверь за

уходящей тётей Полиной. Из родительской спальни доносилось постукивание швабры, как при влажной уборке, из туалета – плеск сливаемой в унитаз воды.

И – наступила полная тишина... Дверь открылась. На пороге стояла Мама с широким Флотским ремнём в руках. «Иди сюда!»– позвала она не уточняя имени, но мы трое знали кому сказано... Я поднялся и пошёл получать по заслугам... Мы сошлись в середине комнаты, под шёлковым абажуром в потолке. «Никогда не смей больше! Негодяя кусок!»– сказала Мама и замахнулась ремнём.

Я скрючился. Шлепок пришёлся на плечо. Вот именно шлепок, не удар – не больно ни капельки. Она повернулась и вышла... Ничто по сравнению с тем, что будет мне от Папы, как придёт с работы и увидит руки Бабы Марфы забинтованные после смазки постным маслом...

Когда в прихожей щёлкнула дверь и голос Папы сказал: —«Что за... гм... Что тут у вас такое?», Мама быстро прошла туда из кухни. Что именно она говорит ему слышно не было, но эти вот слова я различил очень чётко: —«Я уже наказала его, Коля»... Папа зашёл в их комнату—оценить ущерб—и вскоре пришёл в нашу. «Эх, ты-ы!»– было всё, что он мне сказал.

Пару дней в квартире стоял крепкий запах гари. Ковровую дорожку из комнаты родителей порезали на более короткие куски. Остатки тюлевой занавеси и сгоревшую постель Папа вытащил на Мусорку через дорогу. Ещё через пару лет, когда я уже умел читать и мне попадался спичечный коробок с грозным предупреждением на этикетке «Прячьте спички от детей!», я знал, что это и про меня тоже.

~ ~ ~

До сих пор ума не приложу что, в том нежном возрасте, не давало мне и на минуту усомниться, будто в будущем про меня непременно будут написаны книги. За что конкретно я не знал, но щёки мои заранее обжигал стыд при мысли, что грядущим описывателям моего детства придётся признать, что да, даже уже большим мальчиком,

первоклассником, фактически, я по ночам писялся ещё на раскладушке, хотя у Папы уже просто зла на меня не хватало, потому что в моём возрасте он уже не пудил в постель. Нет! Никогда!.

Или о том ужасном случае, когда по пути из школы домой живот мой скрутило невыносимой коликой, но пока я прибежал домой на унитаз, всё встало и застопорилось на полдороге—ни туда, ни сюда—покуда Баба Марфа, напуганная моим натужным воем, не ворвалась из кухни в туалет, чтобы выхватить кусок нарезанной *ПРАВДЫ* из сумки на стене и выдрать упрямо застрявшую какашку... Ведь невозможно же писать такое в книге!.

(...уже совсем в другой—моей нынешней—жизни, моя нынешняя жена Сатик отправилась к гадалке в разрушенный войной город Шуша, когда наш сын Ашот сбежал из местной армии из-за неуставных наездов его командира роты и регулярных избиений на гауптвахте.

В год рождения Ашота Советский Союз разваливался по швам, забрезжила надежда какой-то новой жизни, шальная мечта, что пока он вырастет призывы в армию сменятся службой по контракту. А почему нет? Чем чёрт не шутит... Да видать и у нечистой силы очко вострепетало перед священным долгом Отечеству...

Командир роты, по кличке Чоха, въелся в Ашота из-за личной обиды на несправедливое устройство жизни – после карабахской войны его братаны по оружию в генералы вышли, брюха отрастили, на Джипах их катают личные шофёры, а он, Чоха, так и гниёт на передовой.

Восемь дней Ашот был без вести пропавшим дезертиром и Сатик поехала в Шушу к общепризнанной гадалке, а та её заверила, что всё будет хорошо. Так и случилось. Ашот пришёл домой, переночевал и мы отвезли его к месту службы, но к более высоким командирам, чем Капитан Чоха, и после перевода в

другой полк Ашот дослуживал на постах более жаркого района, зато уже без сержантских лычек…

Так вот, в процессе предвидения, гадалка поделилась дополнительной информацией, ну типа бонуса раз обратились к ней, что моя бабка, хоть уже и на том свете, тревожится обо мне и если на этом поставить свечку, то ей там полегчает. А зовут мою бабку (это всё ещё гадалка) почти что как бы Мария, но всё же как-то по другому…

Меня буквально ошарашила точность экстрасенсорной угадки. Мария и Марфа действительно очень схожие имена двух сестёр из Евангелия. Лео Таксиль заверяет, что даже Сам Иисус иногда в них путался…

А когда моей Бабе Марфе стукнуло 98, она и сама начала забывать своё имя. В такие дни она призывала дочь на помощь: —«Ляксандра, я вот всё думаю – меня как звать-та?»

Ну да, нашла помощницу, Тётка Александра ещё тот подарочек: —«Ой, Мамань! А я-то и сама не помню! Может, ты – Анюта?»

– Не-е… По другому как-то было…

А дня через три победно объявляла дочери: —«Вспомнила! Марфа я! Марфа!»

Легко ли это всё распутать гадалке в древнем городе Шуше?.

Однако, тут я слишком забежал вперёд, потому что в армию сперва меня загребли, а в этом письме я всё ещё в старшей группе детского сада… Так что лучше я заткну фонтан этой заумной чепухи про инфантильную мегаломанию, да вернусь в ту пору, когда детсад завершал свой вклад в процесс формирования моей личности…)

Итак – вперёд, обратно в поворотный 1961… Чем замечателен этот год (помимо выпуска меня из старшей группы детсада на Объекте)?

Ну, во-1-х, как ни крути его, цифра не меняется – «1961». Кроме того, в апреле обычное течение программ из коричневого ящика на стене детской оборвалось, радио умолкло на несколько минут и подавала признаки жизни лишь треском помех, покуда набатный голос диктора Левитана не объявил, что через час будет зачитано важное правительственное сообщение. Баба Марфа начала вздыхать и украдкой креститься… Однако, когда к назначенному часу вся семья собралась в детской комнате, голос Левитана проколоколил с ликованьем про первый полёт космического корабля с человеком на борту. Наш соотечественник Юрий Гагарин за 108 минут облетел земной шар и открыл новую эру в истории человечества…

В Москве и других главных городах Советского Союза люди вышли на улицы в незапланированной демонстрации, прямо со своих рабочих мест—в халатах и спецовках—некоторые несли большие листы ватмана с написанными от руки плакатами «Мы первые! Ура!», а на Объекте в нашей детской переполненной бодрыми маршами из радио на стене, Папа нетерпеливо объяснял Маме и Бабе Марфе: —«Ну, и что тут не понять, а?!. Посадили его на ракету, он и облетел!»

Специальный самолёт с Юрием Гагариным на борту подлетал к Москве и, всё ещё в полёте, его произвели из Лейтенанта прямиком в Майора. К счастью, на борту нашёлся запасной комплект обмундирования и в аэропорту он сошёл по трапу с большими майорскими звёздами в погонах светло-серой офицерской шинели, чтобы, чётко печатая парадный шаг, пройти по ковровой дорожке от самолёта до Правительства в плащах и шляпах. Шнурки на одном из начищенных ботинков как-то развязались по пути и хлестали дорожку на каждый парадный шаг, но он даже виду не подал и, в общем ликовании, никто их не заметил.

(…много лет спустя, в который раз просматривая кадры знакомой кинохроники, они вдруг бросились в глаза, хотя прежде как все, наверное, остальные зрители, я видел только лишь лицо

Гагарина и отличную выправку... Заметил ли он сам? Не знаю. Но всё равно держался чётко и уверенно и, вскинув ладонь под козырёк своей фуражки, отрапортовал, что задание Партии и Правительства успешно выполнено...)

Стоя под настенным радио на Объекте, я слабо представлял как можно облететь земной шар верхом на ракете, но раз Папа это говорит, значит так открываются новые эры...

Месяца два спустя произвели денежную реформу. На смену широким и длинным кускам бумаги, явились явно укорочённые ассигнации, но копейки остались прежними. Эти, как и прочие не столь очевидные, детали реформы служили темой оживлённых обсуждений на кухне. В попытке приобщиться к миру взрослых, по ходу очередных дебатов я встал посреди кухни и заявил, что новые однорублёвые бумажки отвратительно желты, а Ленин на них даже и на Ленина-то не похож, а прям тебе чёрт какой-то. Папа бросил краткий взгляд на пару соседей участвовавших в дискуссии и резко приказал не лезть в разговоры взрослых, а сейчас же отправляться в детскую.

Чувствуя себя оскорблённым, я всё-таки унёс обиду молча. Выходит Баба Марфа может говорить что ей вздумается, а мне нельзя? Тем более, что мне уже случалось слышать восхищение моим умом, когда Мама болтала с соседками: —«Он иногда такие задаёт вопросы, что даже и меня в тупик ставят». После этих её слов я чувствовал гордое пощипывание в носу, как после ситра или минералки с пузырьками.

(...не тут ли корни моей мегаломании? Однако взбучка при обсуждении новых денег послужила мне хорошим уроком – не плагиатничай у бабки, а умничай своим, если отыщется, конечно...

И кстати, о носе. В домах других людей, в соседних квартирах или в отдельных домиках, как у Папиного друга Зацепина, всегда

чувствуешь какой-то запах. Не обязательно противный, но всегда, и только у нас дома никогда ничем таким не пахнет...)

В то лето взрослые кварталов Горки увлеклись волейболом. После работы и домашних дел Мама одевала спортивный костюм и отправлялась на волейбольную площадку, до которой рукой подать – через дорогу и к песчаному боку Бугорка, похожего на какой-то холм из *Русских Былин*... Игра велась «на вылет», команды сменяли одна другую до бархатистой ночной темени, что сгущалась вокруг жёлтого света лампы на одиноком деревянном столбе рядом с волейбольной площадкой. Игроки кричали друг другу упрёки или азартно пререкались с командой по ту сторону сетки, но с судьёй никто не смел спорить, потому что он высоко сидел и у него был свисток.

Болельщики менялись тоже. Они приходили и уходили, орали по ходу игры, загодя сколачивали свои команды на смену проигрывающей, били на себе комаров наседающих из темноты или отгребали прочь их пискливые полчища широколистыми ветками... И я там был, и комаров кормил, но они всего лишь невнятное припоминание, зато память уважительно хранит то редкостное ощущение породнённости, единства – всё это мы, мы все свои, мы – люди. Жаль, что кому-то из нас пора уходить, но—посмотри! – вон ещё подходят. Наши. Мы.

(...так давно всё это было... до того как TV и WIFI разделили и рассовали нас по отдельным камерам...)

~ ~ ~

С приближением осени Мама начала обучать меня чтению Азбуки, где множество картинок, а буквы нанизаны на чёрточки, чтоб легче складывались в слова. Но буквы, даже нашампуренные, упирались и не хотели стать словами. Иногда, чтоб сократить азбучные муки, я

мухлевал и, рассмотрев картинку рядом с буквами, объявлял: —«Лы-у-ны-а… Луна!» Но Мама отвечала: —«Не ври. Это «Ме-сяц».

Я эхал, пыхал и принимался снова превращать слоги в слова и через пару недель или через три, ну ладно, спустя месяц, мог нараспев вычитывать из конца книги про комбайн, что косит колосья в колхозном поле…

На Бабе Марфе никак не сказалось заявление Юрия Гагарина на встрече с журналистами, что пока он там летал, то никакого Бога в небесах не видел. Наоборот, она начала настойчиво и скрытно вести анти-атеистическую пропаганду среди подрастающего меня, чтобы втихаря сделать своего старшего внука верующим. Она ежедневно советовала мне поиметь ввиду, что Бог всё знает, всё-всё может и, между прочим, в состоянии исполнить любое желание. А всё за что? Да просто в обмен на ежедневные молитвы – всего и делов то! Пустяк же, правда? Зато в школе, с Божьей помощью, у меня всё пойдёт как по маслу. Захотел получить «пятёрочку»? Помолись и – получи! Честный обмен, а?.

И я дрогнул. Впал в соблазн и, продолжая таиться и внешне ничем не показывая, я стал секретным верующим. Эта скрытность исключала возможность расспросить и выведать что полагается верующему делать конкретно. Неподкованность в Боговедении вынудила неуча к пользованию обрядами собственного производства. Спускаясь играть во Двор, я на минутку заскакивал в самое укромное место в подъезде – за узкую подвальную дверь и там, в темноте, говорил, не вслух даже, а про себя, в уме, то есть: —«Ну ладно, Бог. Сам всё знаешь. Видишь же, крещусь вот». И я накладывал крестное знамение, примерно в области пупка…

Однако, когда до школы осталось только два дня, что-то во мне взбеленилось и я стал Богоотступником. Я отрёкся от Него. И сделал это не таясь. И очень громко. Я вышел в чисто поле рядом с Мусоркой и что есть мочи прокричал «Бога нет!» Крик прозвучал в пустой предвечерней тиши без отклика, без эха. Одиноко как-то. И хотя вокруг никого не было—ну ни души—я всё же принял меры

предосторожности, просто на всякий. Ведь если всё ж случайно кто услышит, скажем, из-за за забора вокруг мусорных баков, то сразу угадает: «Ага! Раз этот мальчик тут орёт, что Бога нет, то и дураку ясно – он перед этим верил в Какого-то Него». А это просто стыд для мальчика, который не сегодня завтра станет школьником. По такой веской причине, вместо отчётливо и чистого Богохульного отречения, я выкрикнул его неясными гласными: «Ы-ы ы!». Но всё же громко…

Ничего не произошло…

Обернув лицо кверху, я проорал «Ы-ы ы!» ещё раз, а затем, в виде финальной точки моим отношениям с Богом, плюнул в небо. Ни грома, ни молнии в ответ. Только щеки ощутили измельчённые капельки слюны, что шли на посадку. Не точка вышла, а многоточие. Ну да не велика разница. И с лёгкой душой пошёл я домой, освобождённый.

~ ~ ~

(…микроскопические слюнные осадки окропившие, в результате Богоборческого плевка в небо, лицо семилетнего меня, неоспоримо доказывали моё неумение извлекать выводы из личного опыта – пригоршни подброшенного песка неизменно падали вниз, как и предписывалось им выводами сэра Исаака Ньютона в его законе на эту тему, о котором тот «я» понятия не имел.

Короче, пришла пора юному атеисту плюхнуться в неизбежный поток обязательного среднего образования…)

Нескончаемое лето поворотного года сжалилось, наконец-то, над маленьким невеждой и передало беспросветного меня сентябрю, чтобы в синеватом костюмчике с блестящими оловянными пуговицами, с чубчиком подстриженным в настоящей парикмахерской для взрослых дядей, куда Мама водила меня накануне, сжимая в правой руке хруст газеты вокруг толстых стеблей

в букете георгинов, доставленных прошлым вечером из палисадничка Папиного друга Зацепина, у которого чёрный мотоцикл с коляской – я пошёл в первый раз в первый класс, под конвоем Мамы.

Уже и не вспомнить – вела ли меня Мама за руку, или мне всё же удалось настоять, что я сам понесу свой тёмно-коричневый портфельчик. Мы шагали той же дорогой, с которой давным-давно исчезли чёрные колонны *зэков*, но солнце сияло так же ярко, как и в их дни. Тем же путём в то солнечное утро шли другие первоклассники с их мамами, а так же разнокалиберно более старшие школьники, без сопровождения, вразнобой, группами и по отдельности. Однако, когда кончился спуск, мы не свернули на торную детсадную тропу, а пошли прямиком в распахнутые ворота Учебки Новобранцев, чтобы пересечь их двор и выйти через боковую калитку, и шагать вверх на взгорок по другой, пока ещё неведомой, тропе среди Осин и редких Елей.

Подъём перешёл в долгий спуск через лиственный лес с болотом по правую руку и после следующего—краткого, но крутого—подъёма нас ждала грунтовая дорога и ворота в периметре штакетного забора вокруг широкой школьной территории. Внутри ограждения дорога подводила к шести бетонным ступеням, что поднимались к бетонной дорожке перед входом в двухэтажное здание с двумя рядами широких частых окон.

Мы не вошли туда, а долго стояли перед школой, пока большие школьники бегали вокруг и сквозь толпу, чтобы взрослые на них кричали. Потом нас, первоклассников, построили лицом к зданию. Родители остались позади, но всё-таки почти рядом, и бегуны перестали бегать, но мы так и стояли с нашими новыми портфелями коричневого дерматина и цветами в газетных обёртках. Потом нам сказали встать попарно и идти следом за пожилой женщиной внутрь. И мы неуклюже двинулись вперёд. Одна девочка из нашей разнобойно движущейся колонны разрыдалась, её мама подбежала с уговорами не плакать, а идти как все.

Я оглянулся на Маму. Она помахала рукой и проговорила что-то, чего я уже не мог расслышать. Черноволосая, красивая и молодая…

~ ~ ~

Дома Мама всем сказала, что Серафима Сергеевна Касьянова очень опытная учительница, все её хвалят и хорошо, что я к ней попал… Потом эта хвалёная учительница месяца три учила нас писать в тетрадках в косую линейку, чья косина помогает вырабатывать правильный наклон почерка, и всё это время запрещала нам писать чем-либо кроме простого карандаша. Мы выписывали нескончаемые строчки косых палочек и наклонных крючочков, которые в дальнейшем, когда приспеет время, должны превратиться в буквы с элегантным перекосом даже и на нелинованной бумаге. Прошла целая вечность плюс один день, прежде чем учительница объявила нас достаточно созревшими для ручек, которые назавтра надо принести с собой и не забыть чернильницы-невыливайки и пёрышки про запас.

Эти ручки—изящно-утончённые деревянные палочки жизнерадостно однотонных цветов, с манжеткой светлой жести на конце для вставки пёрышка—я приносил с собою в школу под скользко выдвижной крышкой лакированного пенала с первого же дня занятий. А пластмассовая чернильница-невыливайка и впрямь удерживали чернила в пазухах двойных стенок, если случайно перевернёшь или осознанно поставишь вверх тормашками. Лишь бы не слишком полная была. К тому же, при переизбытке на перо цеплялось слишком много чернил, те на страницу – кап! – ой! – опять клякса!.. Самое правильное, чтобы в чернильнице их было чуть глубже чем на полпера, тогда одного обмака хватит на пару слов, а дальше суй перо сызнова.

(…жить было проще при одинаковости пишущей принадлежности. Говоришь «дай ручку» и всем понятно что имеется в виду, без всяких уточняющих вопросов:

автоматическую? шариковую? гелиевую? маркерную? цифровую? беспроводную мышиную?

– Нет мне, пожалуйста, макательную... Но фиг бы меня поняли в то время...)

В каждой школьной парте посреди её переднего края имелась неглубокая круглая выемка для установки одной чернильницы для пары сидельцев, чтобы макали, в очередь, туда, цокоча кончиками перьев о дно невыливайки. Кончик сменного пера раздвоен, однако тесно притиснутые друг к другу половинки оставляют на бумаге след не толще волосинки (если не забыл обмакнуть перо в чернильницу). Лёгкое нажатие на ручку при письме и – половинки малость раздвигаются, изливая линию чуть жирнее или совсем жирнючую, в зависимости от приложенного усилия. Чередование тонких и широких линий с равномерными переходами из одной в другую, запечатлённые в прекрасных образцах для подражания в учебнике Чистописания, доводили меня до отчаяния своей каллиграфически изысканной недостижимостью...

Много позже, уже в третьем классе, я освоил ещё одно применение пёрышек для ручки... Воткни перо в бок яблоку и проверни его на полный оборот – при вынимании перо удерживает конус яблочной плоти, а в боку яблока остаётся аккуратная дырочка. Вставляешь в неё свежеизвлечённый конус задом наперёд и... Дошло?. Да, у тебя уже яблоко с рогом. Понатыкаешь ему ещё таких же и яблоко начинает смахивать на морскую мину или ёжика, в зависимости от творческой усидчивости... В завершение можно даже и съесть своё произведение, но лично мне никогда не нравился вкус этих яблочных мутантов...

А спустя ещё один год школьного обучения, в четвёртом классе, ты узнаёшь способ превращения сменного пера в метательное оружие. Для начала, обломай одну из половинок острого кончика, чтоб тот стал ещё острее. Затем расщепи противоположный конец предназначавшийся для вставки в манжетку и зажми в

произведённой трещине небольшой кусок бумаги сложенный в четыре треугольные крыла хвостового стабилизатора, что обеспечивает прямолинейность траектории. Теперь мечи свой дротик в какую-нибудь деревянную поверхность—дверь, классная доска, оконная рама одинаково пригодны—острая половинка кончика пера воткнётся, чтобы красиво заторчать хвостом…

Путь в школу стал совсем привычным, но всякий раз немножечко другим. Листва опала, меж обнажившихся древесных стволов пошли гулять сквозняки, а школа начала виднеться ещё на спуске, от болота рядом с большой Осиной, на чьём светлом боку уместилась ножевая надпись «здесь пропадает юнность».

(…литературный ежемесячник ***Юность*** до сих пор шокирует меня какой-то зияющей ущербностью в своём названии…)

Затем пошли снегопады, но к концу дня в наметённых сугробах заново пролегала широкая тропа от Горки до школы. Солнце ослепительно искрилось по обе стороны этой дороги к знаниям, что стала уже траншеею с оранжевыми метинами мочи на снеговых стенках. Напрочь скрытые следующим снегопадом, они упрямо выпрыгнут в других местах отреставрированной и выросшей вглубь тропы через лес…

За пару недель до Нового года наш класс закончил проходить Букварь и Серафима Сергеевна привела нас на второй этаж в узкую комнату школьной библиотеки. Она торжественно представила нас сидевшей там библиотекарше как полноправных читателей готовых брать книги для личного чтения.

Вернувшись в тот день домой с моей первой книгой, я залёг на диван и не вставал, а только переворачивался с боку на бок, на спину, на живот, пока не кончил всю эту сказку про город из узеньких улочек, где бродят рослые Молоточки и стукают маленьких Колокольчиков по голове, чтобы те динькали. Сурова жизнь Города в Табакерке С. Т. Аксакова, хотя она и музыкальная…

~ ~ ~

Зимние вечера такие торопыги, едва успеешь пообедать и нацарапать домашнее задание по Чистописанию, а уже—глянь-ка! – за окном стемнело. Однако темнота не в силах приостановить общественную жизнь и ты поспешно обуваешь свои валенки, натягиваешь поверх них тёплые штаны, застёгиваешь зимнее пальто, Мама туго затягивает шарф под поднятым воротником, концами за спину, завязывает шнурки шапки и – нет тебя, ты уже выскочил на Саночную Горку. Далеко ли? Да всего-то за углом! Тот самый спуск к Учебке Новобранцев, по которому каждое утро тянется вереница школьников.

Своим твёрдо утоптанным снегом Саночная Горка идеально подходит для катанья на санках. Старт от окружной бетонной дороги. Глубокие колеи в снегу от колёс случайной автомашины подтверждают, что дорога на месте, о том же говорят и фонари своим светом с верхушек столбов на обочине. Один из этих столбов отмечает старт на Саночной Горке. Конус жёлтого света лампочки обводит неясный круг на снегу—место сбора толпы фанатов саночного спорта.

Большинство санок куплены из магазина, сразу видно по их алюминиевым полозьям и разноцветным брусочкам сиденья. А вот мои Папа сам сделал. Они покороче и из стали, а потому куда угонистей тех покупных.

Краткий разгон с упором рук в бегущие перед тобою санки и—шлёп! – животом на верёвку поверх сиденья и, вскинув валенки вверх, чтоб не тормозили, уходишь в полёт под гору – в темень с проколом одинокой лампочкой над воротами Учебки Новобранцев, которая приплясывает и дёргается вверх-вниз вместе с подскоками летящих санок под твоим животом. А ветер скоростного спуска выжимает слёзы из полузажмуренных глаз…

Вот санки и остановились на излёте, поднимаешь обледенелую верёвку продёрнутую им в нос и топаешь обратно. Санки послушно

плетутся следом, порою стукаются мордой о пятки твоих валенков. А с приближением к стартовому фонарю мириады живых искорок начинают подмигивать из сугробов утонувшей в ночной черноте обочины, переливаются на каждый твой шаг…

Ух, ты! Наверху Саночной Горки, уже выстраивают *паровозик*, увязывают санки цугом и—поехали! – вся масса с визгом, криком, морозным скрипом полозьев, катит в темноту…

В какой-то момент, как тысячи, наверное, мальчиков до меня и после, я делаю то, что никак нельзя делать, и нам это заранее хорошо известно, совсем нельзя, но нос санок в свете лампочки так красиво искрится узорами, что мы не в силах сдержаться и не лизнуть. Конечно, как мы и знали, язык прикипает к морозному металлу и приходится отрывать его обратно с болью и стыдом, и с надеждой, что никто не заметил такую полную для такого большого мальчика глупость.

А после топаешь домой, волоча за собою санки бесчувственными руками, и бросаешь их в тёмном подъезде возле узкой двери в подвал. Взбираешься по ступеням на второй этаж и колотишь носками валенков в свою дверь, а в прихожей мама сдёргивает с твоих рук варежки с ледышкой бисера на каждой-прекаждой шерстяной ворсинке, и ахает от вида набело окоченелых рук.

И она выбегает во двор зачерпнуть тазик снега, чтоб растирать твои онемелые руки, приказывает сунуть их в кастрюлю с ледяной водой из кухонного крана. Трёт их шерстью снятого шарфа и, постепенно, жизнь начинает возвращаться в твои руки. А ты скулишь и ноешь в невыносимой боли от невидимых вонзённых в твои пальцы игл, и Мама кричит: —«Так тебе и надо! То же мне – гуляка! Горе ты моё луковое!» И хотя ты всё так же скулишь от боли в непослушных пальцах и в языке ободранном безжалостным железом, но уже знаешь, что всё будет хорошо, потому что Маме известно как тебя спасти…

~ ~ ~

После зимних каникул Серафима Сергеевна принесла в класс газету *Пионерская Правда* и вместо урока читала нам, что такое Коммунизм, при котором все мы станем жить через двадцать лет, потому что к тому времени его строительство в нашей стране завершится, как только что пообещал Никита Сергеевич Хрущёв… Вернувшись домой, я поделился радостным известием, что двадцать лет спустя в магазинах всё будет бесплатно, бери что хочешь, потому что сегодня нам в школе так сказали. При этом объявлении родители взглянули друг на друга, но воздержались радоваться вместе со мной светлому будущему, что всем нам предстояло. Я не стал к ним больше приставать, а про себя вычислил, что при Коммунизме мне стукнет двадцать семь, не слишком-то и старый для бесплатных магазинов…

К тому времени все ученики нашего класса стали уже Октябрятами, когда в наш класс приходили большие пятиклассники, чтобы приколоть октябрятские значки на наши школьные формы. Значок состоял из алой пятиконечной звёздочки вокруг жёлтого кружочка откуда, как из медальона, выглядывало ангельское личико Володи Ульянова в длинных золотистых локонах его раннего детства, когда играя с сестрой, он ей приказывал: «Шагом марш из-под дивана!». Впоследствии он вырос, утратил волосы и стал Владимиром Ильичом Лениным, и про него написали много книг…

У нас дома появился проектор диафильмов – несуразное устройство с набором линз в трубке его носа, а также коробка с пластмассовыми бочоночками для хранения тугих свитков из диафильмовых плёнок. Среди них попадались старые знакомые – герой Гражданской войны Матрос Железняк или дочка подпольного революционера, которая находчиво утопила типографский шрифт для печатанья листовок в кувшине с молоком на столе её спальни, когда в их дом нежданно нагрянула полиция с обыском посреди ночи. Те так и не догадались заглянуть под молоко…

Конечно же, плёнки заряжались мною и чёрное колёсико прокрутки кадров тоже вертел я, а к тому же читал белые надписи

под картинками, но длилось это недолго. Мои сестра-брат выучили надписи наизусть и пересказывали прежде, чем соответствующая картинка вползёт, со скрипом, в квадрат света пролитый на обои детской комнаты.

Вызов моему старшинству от Наташи не так обижал меня, как Сашкина строптивость. Давно ли вбегали мы с ним ва кухню наперегонки, жаждая воды из-под крана, и он с готовностью уступал мне жестяную белую кружку с революционным крейсером Аврора на боку, как старшему, как брату который больше него. И отхлебав полкружки, я не выливал остаток, а великодушно позволял ему докончить, ведь именно так передаётся сила. А отчего, например, я такой сильный? Потому что не погребовал отпить пару глотков из бутылки с минералкой, которую начал Саша Невельский, самый сильный мальчик в нашем классе.

Мой младший брат наивно слушал мои наивные росказни и принимал протянутую кружку. Как и я, он был слишком доверчив и однажды за обедом, когда Папа достал из своей тарелки супа хрящ без мяса и пообещал кило пряников в награду тому, кто разгрызёт, Саша молча посопел и вызвался. Жевал он долго и упорно, но в конце концов смог проглотить, по частям. Жалко, что пряников он так и не получил. Папа забыл, наверное…

Почта доставила посылку, вернее, принесли бумажку, а потом Мама зашла туда после работы. Принесла ящик из обшарпанной в пути фанеры, обвязанный тонкой бечёвкой пришлёпнутой к его бокам коричневым сургучом, должно быть для надёжности, чтоб ящик не разваливался. Печатные буквы двух адресов написаны сверху химическим карандашом, который от влажности посинеет и расплывётся, но не сойдёт – в наш Почтовый Ящик из города Конотоп.

Посылку усадили в кухне на табурет и вокруг собралась всё семья. В крышке с адресами оказалось слишком много гвоздиков, но против большого кухонного ножа они не устояли даже вместе. Открылся большой кусок сала и красная резиновая грелка, чьи бока

до округлости распирал самогон. Всё прочее пространство заполнили чёрные семечки – не дать салу с грелкой болтаться по ящику.

Папа открутил пробку грелки, весело понюхал и сказал, что точно самогон. После прожарки на сковороде, совсем слегка, семечки приятно пахли и елись с аппетитом. Мы их раскусывали, складывали шелуху в блюдце посреди стола, а сплюснутые ядрышки с острым носиком – жевали. Это и называется грызть семечки. А потом Мама сказала, что если их есть не просто одну за одной, а налущить хотя бы полстакана зёрнышек, а потом слегка посыпать сахарным песком, вот это будет вкуснятина. Каждый из трёх её детей получил чайный стакан для заготовки перед посыпкой. Вместо блюдца Мама дала нам одну глубокую тарелку на всех и ловко свернула большой кулёк из газеты, чтобы насыпать семечки из сковороды.

Мы оставили взрослых есть неподслащенные семечки на кухне и перешли в детскую. Разлеглись там на кусках ковровой дорожки в редких подпалинах от давнего пожара, но почти незаметно. Как и следовало ожидать, уровень налущенных зёрнышек в Наташкином стакане возрастал быстрее, хотя она больше болтала, чем грызла. Однако когда и брат начал обгонять меня, обидно стало.

Моя заготовка шла медленнее потому, что меня отвлекала карикатура на боку газетного кулька, где толстопузый колониалист вылетал с континента Африка с чёрным отпечатком башмака, которым пнуто в зад его шортов. Так что я бросил отвлекаться на траекторию полёта и на тропический шлем, а вместо этого сосредоточился раскусывать живее и строже следить, чтоб некоторые зёрнышки не пережёвывались бы случайно. Ничто не помогало, младшие слишком далеко ушли в отрыв.

Дверь открылась и зашла Мама весело спросить как у нас дела. С собой она принесла полстакана сахарного песка и ложечку – посыпа́ть личные достижения, кто сколько нагрыз, но у меня на эти семечки уже просто зла не хватало, хоть с сахаром, хоть без, и во

всю последующую жизнь я оставался безразличным к восторгам семечковых оргий.

(…и жаль отчасти, ведь лузганье семечек не просто ленивый способ убить время, получая при этом побочный эффект обильного слюноотделения, и близко нет!. Оно переросло в самостоятельное искусство.

Взять, например, разухабисто Славянскую манеру семечкоедства, неофициально именуемую «свинячий способ», когда зёрнышки прожёвываются совместно с чёрной шелухой и, получив наслажденье вкуса, её уже не сплёвывают энергически в окружающую среду, но вялыми толчками языка выпихивают из уголка губ, чтобы сползала общеперемолотой, обильно смоченной слюной, лавообразной массой по подбородку, пока не шмякнется влажными клочьями на грудь потребляющего. Да, беситься с жиру можно всячески.

Либо, для контраста, опять-таки Славянский, но уже «филигранный» стиль, при котором семечки вбрасываются в рот ядущего по отдельности с расстояния не ближе двадцати пяти сантиметров.

И так далее вплоть до целомудренно Закавказского фасона, где грызóмая семечка вставляется в тот же таки рот зажатой между сгибом указательного пальца и концом большого, и эта пальцевая паранджа прикрывает момент приёма семени, после чего отпроцессированная лузга не выплёвывается как попадя, но возвращается в ту же пальцеконструкцию для рассеивания куда-уж-там-нибудь или сбора во что-уж-там-есть.

В целом, последний из представленных методов оставляет впечатление будто потребитель пытается украдкой укусить собственный кукиш. Ну-кось, выкусим!

О, да! Семечки подсолнуха это вам не тупой поп-корм. Однако ж хватит с них, вернёмся на зелёную ковровую дорожку неравномерного покроя…)

Именно на этих зелёных кусках мой брат нанёс сокрушительный удар по моему авторитету старшего… В тот день я пришёл домой после урока Физкультуры и с истомлённым видом опрометчиво заявил, что сделать сто приседаний за один раз выше человеческих возможностей. Саша молча посопел…

Наташа и я вели счёт. После пятнадцатого приседания я завопил, что это неправильно и нечестно, что он не подымается до конца, но Сашка продолжал, как будто я только что вот ничего и не говорил даже, а Наташа продолжала считать. Я заткнулся и вскоре присоединился к ней, хотя после «восемьдесят один!» он не мог подняться выше своих согнутых в приседе коленей. Мне было жалко брата, эти неполноценные приседы давались ему с неимоверным напряжением. Его пошатывало, в глазах стояли слёзы, но счёт был доведён до ста, прежде чем он насилу доковылял до большого дивана, а потом неделю жаловался на боль в коленях. Мой авторитет рухнул, как колониализм в Африке, хорошо хоть пряников я не обещал…

~ ~ ~

Откуда взялся диапроектор? Скорее всего родители переподарили чей-то подарок. А у них в комнате появилась Радиола – комбинация из радио и проигрывателя, 2 в 1, как принято говорить нынче. Крышка верха и боковые стенки мягко лоснились коричневым лаком. Задняя стенка—твёрдый картон без лака просверленный рядами похожих на крохотные иллюминаторами отверстий—была обёрнута к стене. Но если Радиолу чуть-чуть вытащить на себя и заглянуть в иллюминаторы, в её сумеречных недрах открывался прерывистый ландшафт, где теплились огоньки в жемчужно-чёрных башенках радиоламп разного роста посреди белых алюминиевых панелей-домиков, а из одного отверстия свисал наружу коричневый провод с вилкой на конце для подключения в розетку.

Лицевую сторону Радиолы обтягивала специальная звукопропускающая ткань, за которой угадывался овал динамика, а

над ним круглый глазок тёмного стекла, если спит, но при включении он вспыхивал зелёным. Внизу лицевой стороны невысокая, но длинная стеклянная полоса пролегла между ручками управления, справа две: включение и регулировка громкости (2 в 1), а под ней ручка выбора диапазона радиоволн, но слева одна – для плавной настройка на волну передающей станции. Четыре тонкие прозрачные полоски прорезали черноту стекла во всю горизонтальную длину и начинали светиться жёлтым, когда загорался глазок. Тонкие вертикальные засечки над полосками, за которыми шли имена различных столиц: Москва, Бухарест, Варшава… – отмечали места для ловли этих далёких городов и, когда начинаешь крутить ручку настройки на волну, через прозрачные просветы видно как ползёт от засечки к засечке красный столбик бегунка по ту сторону стекла.

Хотя включать радио не очень-то интересно, динамик шипит, трещит невыносимо, подвывает—смотря куда заполз бегунок—иногда всплывёт голос диктора с новостями на Незнакомо-Бухарестском языке, чуть дальше вдоль просвета его сменит Русский диктор и будет читать новости, которые уже сообщило радио на стене детской. Зато с поднятием крышки Радиолы, ты как бы попадал в маленький театр с круглой сценой на диске красного бархата, из которого торчит блестящий стерженёк для одевания грампластинки её дырочкой, а рядом с диском слегка кривая лапка белого пластмассового адаптера положена на свой костылёк-подпорку, чтобы отдыхала.

Когда диск крутит пластинку на своей бархатной спине, надо осторожно приподнять адаптер с костылька, отнести в сторону грампластинки и опустить его иголку между широко расставленных бороздок бегущих по её краю. Оборота два она ещё пошипит, но потом адаптер доплывёт до тесно сдвинутых бороздок и Радиола запоёт про Чико-Чико из Коста Рико или про О, Маё Кэро, или про солдата в поле вдоль берега крутого в шинели рядового.

В тумбочке под Радиолой стопки поставленных стоймя конвертов хранили от пыли чёрные блестящие пластинки, изготовленные на Апрелевской фабрике грамзаписи, о чём сообщали круглые красные наклейки у них посередине, пониже названия песни, имени исполнителя и что скорость вращения 78 об/мин. Рядом с костыльком адаптера торчал из своей щели рычажок переключения скоростей с пометками 33, 45, 78. Грампластинки на 33 оборота были чуть ли не вполовину меньше 78-оборотных, но у этих маломерок было по две песни на каждой стороне!.

Наташа показала нам, что если пластинку в 33 оборота запустить на 45, то даже Большой Хор Советской Армии и Флота имени Александрова начинает петь бравые песни кукольно-лилипуточными голосами…

~ ~ ~

Чтением Папа не слишком увлекался. Читал он только журнал *Радио* со схемами-чертежами из всяких конденсаторов-диодов-триодов, который каждый месяц приносили в самодельный почтовый ящик на нашей двери. А поскольку Папа был член Партии, туда же клали ещё каждодневную *Правду* и ежемесячный *Блокнот Агитатора,* без единой картинки и с беспросветно плотным текстом – один-два нескончаемые абзаца на всю страницу, не больше…

Ещё из-за своей партийности Папа дважды в неделю ходил на Вечерние Курсы Партийной Учёбы, когда не работал во вторую смену. А ходил он туда, чтобы записывать уроки в толстую тетрадь в коричневой дерматиновой обложке, потому что после двух лет учёбы его ждал очень трудный экзамен.

Однажды после Партийной Учёбы он принёс домой пару партийных учебников, которые там распространяли среди партийных курсантов. Однако даже и распространённые книги он не читал и в этом оказалась его ошибка. Горькие плоды недальновидности ему пришлось пожать через два года, когда в одном из партийных учебников он обнаружил свою «заначку»—

часть заработной платы припрятанную от жены на расходы по собственному усмотрению. С искренним раскаянием и громкими (но запоздалыми) упрёками в свой личный адрес, горевал Папа над находкой, которая заначивалась до денежной реформы обратившей широкие деньги в бумажные фантики…

Среди множества наименований Объекта, на котором мы жили, имелось и такое имя как «Зона», пережиток из тех времён, когда *зэки* строили Объект. (*Зэки* живут и пашут на Зоне, это известно каждому). После второго года Вечерних Курсов Партийной Учёбы, Папу и других курсантов повезли «За Зону», в ближайший районный центр. Папа заметно переживал и не уставал повторять, что он ни черта не знает, хотя исписал ту толстую тетрадь почти до самого конца. А кому охота оставаться, говорил Папа, на второй год Партийной Учёбы к чертям собачьим!

Из «За Зоны» Папа вернулся очень весёлым и радостным, потому что на экзамене он получил слабенькую троечку и теперь у него все вечера будут свободны. Мама спросила, как же он сдал, если не знал ни черта. Тогда Папа открыл толстую тетрадь Партийной Учёбы и показал свою колдовочку—карандашный рисунок, который он сделал на последней странице—осла с длинными ушами и хвостом, а под животным магическая надпись «вы-ве-зи!»

Я не знал можно ли верить Папиной истории, потому что он часто смеялся пока рассказывал. Поэтому я решил, что лучше никому не говорить про осла, который вывез Папу из Партийной Учёбы…

Читателем книг в нашей семье была Мама. Уходя на работу, она брала их с собой, чтобы читать в свою смену на Насосной Станции. Но сначала она приносила эти книги из Библиотеки Части. (Да, потому что мы жили не только в Зоне-Почтовом Ящике-Объекте, но ещё и в Войсковой Части номер какой-то там, что и делало слово «Часть» ещё одним из названий нашего места жительства)…

Библиотека Части находилась не очень далеко, примерно за километр ходьбы. Сперва по бетонной дороге до самого низа Горки,

где она пересекалась асфальтной, а сама, после перекрёстка, превращалась в грунтовую улицу между деревянных домов за невысокими заборчиками палисадников. Улица кончалась перед Домом Офицеров, однако не доходя метров сто, надо свернуть направо к одноэтажному, но кирпичному зданию Библиотеки Части.

Иногда Мама брала меня с собой за книгами и, пока она обменивала прочитанные в глубине здания, я ждал в большой пустой передней комнате без всякой мебели, но полной красочных плакатов на каждой стене. Самый главный плакат представлял схему Атомной бомбы в разрезе (потому что полным именем Объекта на котором мы жили было Атомный Объект). Кроме плакатов про атомную анатомию и грибы атомных взрывов, были ещё картинки про подготовку Натовских шпионов. В одной фотографии шпион запрыгнул на спину часового и раздирал солдату губы пальцами. Меня охватывала жуть, но я не мог отвести глаз от картинки и только думал про себя «Мама, ну, пожалуйста, меняй свои книги поскорее».

В одно из таких посещений, я набрался смелости спросить Маму можно ли и мне брать книги в Библиотеке Части. Она ответила, что вообще-то библиотека тут для взрослых, но всё же отвела меня в комнату, где сидела Библиотекарша за тумбовым столом придавленным пирамидами разнообразно толстых книг, что оставляли место только для её лампы и длинного фанерного ящичка с карточками читателей. Тут Мама сказала ей, что уже не знает что со мной делать, потому что я перечитал всю библиотеку в школе. С тех пор я всегда ходил в Библиотеку Части сам по себе, без Мамы. Иногда я обменивал её книги для дежурств и приносил домой вместе с двумя-тремя для собственного чтения.

Мои книги усеивали диван в постоянной готовности, потому что я их читал вперемешку. На одном диванном валике, я уползал через линию фронта вместе с разведгруппой Звезда, чтобы захватить Немецкого штабного офицера, а перекатившись к дальнему концу дивана я утыкался носом в кактусы Мексиканских пампасов и скакал во весь опор с Белым Вождём Майн Рида. И только солидный том

Легенды и Мифы Древней Греции я почему-то предпочитал раскрывать в ванной, опёршись спиной на паровой котёл Титан.

За этот диванно-лежачий образ жизни Папа прозвал меня Обломовым, потому что на уроках Русской Литературы в своей деревенской школе он запомнил образ этого лентяя.

~ ~ ~

Зима выдалась бесконечно долгой, затяжной; метели сменялись морозом и солнцем; в школу я выходил в густых сумерках, почти затемно… Но в один из дней случилась оттепель и по дороге из школы, на спуске между Учебкой Новобранцев и кварталом, я заметил непонятно тёмную полосу слева от дороги.

Тогда я свернул и, бороздя валенками нехоженые сугробы, пошёл взглянуть что там. Полоса оказалось землёй выступившей из-под снега – проталина чуть липкая от влаги. На следующий день она удлинилась, а кто-то успел побывать на ней и оставить почернелые Еловые шишки, скорее всего прошлогодние. И хотя через день снова ударил мороз и сковал снег твёрдым настом, а потом опять зарядили метели, бесследно укрыв снегом темневшую на взгорке проталину, я точно знал, что зима пройдёт всё равно…

Посреди марта, на первом уроке в понедельник, Серафима Сергеевна сказала нам отложить ручки и послушать её. Оказывается, два дня назад она ходила в баню со своей дочкой, а вернувшись домой обнаружила пропажу кошелька вместе со всей её учительской зарплатой. Она очень расстроилась вместе с дочкой, которая сказала ей, что невозможно построить Коммунизм, когда вокруг воры. Но на следующий день к ним домой пришёл человек, рабочий из бани. Он нашёл там кошелёк на полу и догадался у кого это выпало, вот и принёс вернуть… И Серафима Сергеевна сказала нам, что Коммунизм обязательно будет постоен и попросила запомнить имя этого рабочего человека.

(…однако имя я уже не помню, потому что, как записано в словаре Владимира Даля – «тело заплывчиво, память забывчива»…)

Субботний день купался в тёплом весеннем солнце. После школы я быстренько пообедал на кухне и поспешил во Двор на Общий Субботник. Люди вышли из домов в яркий сверкающий день и расчищали снег с бетонных дорожек широкого Двора. Ребята постарше грузили снег в большие картонные коробки и на санках оттаскивали в сторонку, чтоб не мешал ходить. В кюветах вдоль обочины прорыли глубокие каналы, нарезая лопатами целые кубы подмокшего снизу снега. И по каналам с весёлым журчанием побежала тёмная вода… Так пришла весна и всё стало меняться каждый день.

А когда в школе нам выдали жёлтые листы табелей с нашими оценками, наступило лето, а с ним каждодневные игры в *Прятки, Классики, Ножички*.

Для игры в *Ножички* нужно выбрать ровное место и начертить на земле широкий круг. Круг делится на сектора по количеству участников, которые, стоя во весь рост, по очереди мечут нож в сектор кого-либо из соседей. Если брошенный нож застревает в земле стоймя, сектор разделяется чертой, следуя направлению воткнутого лезвия. Владелец разделённого надвое сектора должен решить какую часть оставляет себе, а другая отходит метнувшему.

Участник остаётся в игре покуда имеет клочок земли достаточный для стояния хотя бы на одной ноге, в противном случае игру он покидает, а прочие игроки продолжают, пока не останется всего лишь один. You win!

(…как говорит Александр Сергеевич Пушкин:
“сказка ложь, да в ней намёк…”

Играя в Ножички я горел азартным желанием победы. Нынче же пыл сменился безмерным изумлением – как точно

простенькая детская игра сумела отразить самую суть всемирной истории!.)

А ещё мы играли *В Спички* (ошибки нет, «в спички», а не спичками), но это игра лишь на двоих. Каждый игрок отводит большой палец от кулака и вставляет спичку между его концом и суставом указательного – крепко-накрепко, как распорку. Спички соперников медленно сходятся, чтобы крест-накрест упереться одна в другую, усилие растёт покуда чья-то спичка (иногда обоих) не преломится, победа за тем, у кого продержалась. Та же, в основном, идея как и в траханьи Пасхальными яйцами, просто не нужно ждать целый год для игры, на которую ушёл не один коробок подхваченный дома на кухне…

Или же мы просто бегали туда-сюда, играя в *Войнушку*, с криками «ура!», «та-та-та!»

– Та-дах! Та-дах! Я тебя убил!

– Знаю! Просто я ещё при смерти!

И ещё долгое время номинально павший боец будет бегать при смерти рысью, вы-та-та-кивать предсмертные обоймы и разве что уракать потише, если, конечно, мальчик понятие имеет про порядочность, прежде чем упасть в конце концов, с непогрешимо театральным смаком, на траву где погуще.

Для игры в *Войнушку* нужен автомат выпиленный из куска дощечки. Хотя некоторые мальчики играли автоматическим оружием из чёрной жести – покупкой из магазина. Таким автоматам требовалась спецамуниция из скрученной в тугой рулончик бумажной ленточки с насаженными вдоль неё крапушками серы. Пружинный курок ударял по такой крапушке и та громко бахала, а полоска заправленной в автомат ленты автоматически продвигалась дальше, подтягивая свежую на место бахнутой… Ну а мне Мама купила жестяной пистолет и коробку пистонов – мелких бумажных кружочков с теми же крапушками, только их приходилось

закладывать вручную после каждого выстрела. А когда бабахнет, из-под курка всплывал крохотный дымок с кислым запахом.

Однажды я в одиночку бахал в куче песка возле Мусорки и мальчик из углового здания попросил подарить пистолет ему. Незамедлительно отдал я оружие, ведь так правильно – он сын офицера, оно ему нужнее и больше полагается, чем мне...

Мама ни в какую не хотела верить, будто мальчик способен отдать свой пистолет другому так запросто. Она требовала, чтобы я сказал настоящую правду и признался, что я потерял Мамин подарок. Но я упрямо стоял на своей. Ей даже пришлось отвести меня в квартиру того мальчика в угловом здании. Офицер стал стыдить своего сына, но Мама начала извиняться и просить прощения, потому что она просто хотела проверить и добиться, чтобы я не врал.

~ ~ ~

В то лето мальчики нашего Двора начали играть желтоватыми гильзами настоящего стрелкового оружия, которые отыскивали на стрельбище в лесу. Мне очень хотелось увидеть какое оно, это стрельбище, но старшие мальчики объяснили, что туда можно лишь в особые дни, когда не стреляют, а по остальным просто прогонят и всё.

Особый день пришлось долго ждать, но он всё же наступил и мы пошли через лес... Стрельбище оказалось широкой-прешрокой поляной с глубоким рвом, но в одном углу получается спуститься на дно. Дальнюю стенку рва закрывал высокий барьер из брёвен, весь исклёванный пулями, а на нём пара забытых мишеней – листки бумаги с изрешечёнными контурами человеческой головы на плечах.

Мы искали гильзы в песке под ногами. Попадались только два вида: продолговатые с зауженной шейкой гильзы от Автомата Калашникова и мелкие прямые цилиндрики пистолета ТТ. Находки приветствовались громким криком и тут же шли в обмен на что-то ещё. Мне совсем ничего не попадалось и я только завидовал

находчивым мальчикам, чьи громкие крики как-то гасли в жутковатой тиши стрельбища недовольного нашим приходом в запретное место…

Недалеко от глубокого рва проходила короткая траншея линии фронта, чьи песчаные стенки удерживались щитами из досок. Узкоколейка железных рельсов тянулась из конца в конец поляны, чтобы по ним каталась вагонетка с фанерным макетом большого зелёного танка, когда его тянет трос ручной лебёдки, поперёк фронтовой траншеи.

Мальчики начали играть этим всем. Я тоже посидел разок в траншее, пока над головой проедет фанерный танк громыхая вагонеткой. Потом меня позвали на край поляны, где нужно было помогать.

Мы подтягивали трос поближе к горизонтальному блоку, через который он пробегал, чтобы у мальчиков на другом краю поля боя легче бы крутилась лебёдка и танк бегал быстрее. В один момент я зазевался и не успел отдёрнуть руку вовремя; стальной трос закусил мой мизинец и втащил в ручей блока. От боли в заглоченном пальце из меня выплеснулся пронзительный крик и фонтан необузданных слёз. Услыхав мои истошные «у-ю-юй!» и как другие мальчики кричат «Стой! Палец!», крутившие лебёдку смогли остановить её, когда мизинцу оставалась какая-то пара сантиметров до освобождения из проворачивающегося блочного колеса. Они стали крутить кривой рычаг в обратном направлении, протаскивая бедный палец туда, где он в самом начале попал под трос.

Безобразно сплющенный, смертельно побледневший палец измазанный кровью лопнувшей кожи медленно высвободился из пасти блока и мгновенно вспух. Мальчики перевязали его моим носовым платком и велели бежать домой. Быстрей! И я побежал через лес, чувствуя горячие толчки пульса в пожёванном пальце…

Дома, Мама ничего не спросила, а сразу приказала сунуть раненного под струю воды из кухонного крана. Она несколько раз согнула его и выпрямила, и сказала, чтобы я мне не ревел, как

коровушка. Потом она смазала палец щипучим йодом, забинтовала его в тугой белый кокон и пообещала, что до свадьбы заживёт.

(…и вместе с тем, детство никак не питомник садомазохизма навроде: «ой, мне пальчик прищемило! ай, я головкой тюпнулся!», просто какие-то встряски оставляют более глубокие зарубки в памяти.

А жаль однако, что та же самая память, кроме текущих наказов забрать стирку из прачечной и не забыть поздравить шефа с днём рождения, не хранит то восхитительное состояние непрестанных открытий, когда песчинка на лезвии перочинного ножа полна галактик, которым несть числа, когда любая чепушинка, осколок мусорный, неясный шум в приложенной к уху морской ракушке есть обещаньем и залогом будущих далёких странствий и невообразимых приключений.

Мы вырастаем, обрастая защитной бронёй, панцирем необходимым для преуспеяния в мире взрослых—докторский халат на мне, на тебе куртка ГАИшника. Каждый из нас нужный винтик в машине общества. Всё лишнее—замирание перед огнетушителями, разглядыванье лиц в морозных узорах на стекле кухонного окна—отстругнуто.

Сейчас на моих пальцах различится не один застарелый шрам. Этот вот от ножа – не туда крутанулся, тут топором тюкнуто, и только на моих мизинцах чисто, нет и следа от той трособлочной травмы. Потому что «тело заплывчиво»…

Но – эй! Слыхал я поговорки поновей, совсем недавно и очень даже в точку пропето кем-то: «лето – это маленькая жизнь»…)

В детстве, не только лето, но и всякий день – это маленькая жизнь. В детстве время заторможено, оно не летит, не течёт, оно не шевелится даже, покуда не подпихнёшь. Бедняжки детишки давно б уж пропали, пересекая эту бескрайнюю пустыню недвижимого

времени, что раскинулась в начале их жизней, если б их не спасали игры.

А в то лето, когда игра надоедала, или не с кем было играть во Дворе, у меня появилось уже прибежище посреди пустыни, как бы «домик» в *Классиках*. Оазисом служил большой диван со спинкой и валиками подлокотников, вот где жизнь бурлит приключениями, которые переживаешь с героями книг Гайдара, Беляева, Жуля Верна… Хотя для приключений годится не один только диван. Например, балкон в комнате родителей, где однажды я провёл целый день за книгой про доисторических людей – Чунга и Пому.

На них росла шерсть, как у животных и жили они на деревьях. А потом ветка обломилась, но помогла спастись от саблезубого тигра, поэтому они стали всегда носить при себе палку вместо того, чтобы прыгать по деревьям. Потом был большой пожар в джунглях и началось Похолодание. Их племя бродило в поисках пищи, учились добывать огонь и разговаривать друг с другом.

В последней главе уже постаревшая Пома не смогла идти дальше и отстала от племени. Её верный Чунг остался – замерзать рядом с ней в снегу. Но их дети не могли ждать и пошли дальше, потому что они уже выросли и не были такими мохнатыми, как их родители, и они защищались от холода шкурами других животных…

Книга была не особо толста, но я читал её весь день пока солнце, поднявшись слева—из-за леса позади домов квартала—неприметно продвигалось в небе над Двором к закату справа – за соседним кварталом.

В какой-то момент, устав от безотрывного чтения, я протиснулся между стоек под перилами вокруг балкона и начал расхаживать по бетонной кромке снаружи. Это вовсе не страшно, ведь я крепко хватался за железные прутья ограждения, как Чунг и Пома, когда они жили ещё на деревьях. Но какой-то незнакомый дядя проходил внизу, отругал меня и сказал сейчас же вернуться на балкон. Он пригрозил даже сказать моим родителям. Только они на работе были и он наябедничал соседям снизу. Вечером они всё рассказали Маме

и мне пришлось пообещать ей никогда-никогда так не делать больше.

~ ~ ~

(...всякий путь, когда идёшь по нему впервые, кажется бесконечно долгим, ведь ты ещё не можешь соизмерять пройденное с предстоящим. При повторном прохождении, тот же путь заметно укорачивается... То же самое и с учебным годом в школе. Но я бы так и не узнал об этом, если б сошёл с дистанции в начале второго года обучения...)

Ясным осенним днём наш класс ушёл из школы на экскурсию, собирать опавшие листья для гербариев. Вместо Серафимы Сергеевны, которой не было весь день, за нами присматривала Старшая Пионервожатая школы.

Сначала она вела нас через лес, откуда мы спустились на дорогу к Дому Офицеров и Библиотеке Части, но не пошли по ней, а свернули в короткий проулок между домиками, который кончался наверху крутого обрыва. Вниз сбегали широкие и очень длинные потоки двух параллельных маршей деревянных ступеней к маленькому, с такой высоты, футбольному полю.

Когда мы спустились до самого низа, на широкую лестничную площадку тоже сколоченную из досок, то поле оказалось настоящим, а в обе стороны от площадки тянулись несколько болельщицких лавок из брусьев, совершенно пустые. На противоположной стороне никаких лавок не было вовсе, зато стоял одинокий белый домик без окон и высокий стенд картины, где пара преогромных футболистов зависли в апогее высокого прыжка увековеченные в момент борьбы за мяч ногами в гетрах различного цвета.

Девочки класса остались со Старшей Пионервожатой собирать листья между безлюдно тихих лавок под деревьями у подножия крутизны, а мальчики торопливо обогнули поле по гаревой дорожке позади ворот правой половины и гурьбой устремились к реке. Пока

я добежал, четверо уже бродили, закатав штанины до колен, по бурному потоку, что скатывался через брешь в когда-то прорванной плотине, остальные любовались тесниной с берега.

Я тут бросился стаскивать ботинки и носки, закатывать свои штаны. Загодя ёжась—а вдруг холодная? – я вошёл в воду. Нет, ничего… Течение с шумом бурунилось вокруг ног, толкало под коленки, но дно оказалось приятно гладким и ровным. Мальчик, который бродил рядом в упруго бегущей воде, пояснил, перекрикивая гул струй, что это плита от бывшей плотины – ух, класс!

Так я бродил пятым, туда-сюда, стараясь не заплескать подвёрнутые штаны, но вдруг всё—плеск шумно бегущей воды, задорные возгласы одноклассников, ясный ласковый день—как отрезало. Со всех сторон сомкнулся совершенно иной, безмолвный мир пустого жёлтого сумрака, сквозь который перед самыми глазами взбегали вверх вертлявые шарики белесого цвета. Всё ещё не понимая что случилось, я взмахнул руками, вернее они так сделали сами по себе и вскоре я вырвался на поверхность полную слепящего солнца, рёва и гула воды, что хлестала меня по щекам и носу мокрыми шлепками, со странно отдалённым криком «тонет!» через забитые водою уши. Ладони беспорядочно бились о воду, пока под пальцы не подвернулся чей-то ремень брошенный с края плиты, что так коварно обрывалась под водой…

Меня вытащили за стиснутый в руке ремень, помогли выжать воду из одежды и показали широкую тропу в обход стадиона, чтобы не наткнулся на Старшую Пионервожатую и ябедных девчонок занятых сбором листьев для своих осенних гербариев.

~ ~ ~

Вид сверху на школьное здание, скорее всего, представлял собой широкую букву «Ш» без той палочки посередине, а вместо неё, но только снаружи, в уцелевшей нижней перекладине – вход. Пол вестибюля покрывали квадратики плиточек, а в двух коридорах

расходящихся к крыльям здания их сменял лоснящийся паркет скользко-жёлтого цвета. Широкие окна продольных коридоров смотрели в охваченное зданием пространство, где вместо отсутствующей части буквы росли молодые сосенки, совершенно беспорядочно, в тонкокожей шелушащейся коре. В стенах напротив окон были только лишь двери—далеко отстоящие друг от друга, помеченные цифрами и буквами классов получающих своё образование за ними.

Однако в правом крыле, за поворотом в вертикальную палочку, окна имелись лишь на первом этаже, поскольку тут размещался школьный спортзал вобравший всю высоту и ширину здания. Громадный зал был на метр глубже уровня полов школы и оборудован «козлом» для прыжков через него, чему способствовал трамплин возле его задних ног, но мешал толстый, бугристо скрученный канат, что висел после него, от крюка в высоком потолке до узла за полметра от пола. В отместку, «козёл» не позволял раскачиваться на узле каната, а в поперечном направлении не пускала стена зала. Половину дальней глухой стены загораживали гимнастические брусья и штабель метровой высоты из тяжёлых чёрных матов, остальную половину стены прикрывали перекладины шведской стенки. Свисавшие в углу от потолка гимнастические кольца никому не мешали, потому что до них всё равно не допрыгнуть. А направо от входа-выхода находилась небольшая сцена спрятав за синим занавесом чёрное пианино и склад тройственных сидений, пока не понадобятся для превращения спортивного зала в зал зрительный или слушательный.

На верхний этаж вели два марша ступеней в левом крыле, из месте его преломления, и планировка второго этажа совпадала с первым, за исключением, конечно, вестибюля с никелированными вешалками для шапок и пальто школьников позади низких барьерчиков по сторонам от входа. Вот почему коридор наверху был такой длинный и сплошь паркетный, без вестибюльных плиточек на полу. В сезон ношения валенков, можно было слегка разбежаться и

поскользить по гладкому паркету, если, конечно, валенки не обуты в чёрную резину калош, а в коридоре не видно никаких учителей.

Мои валенки, поначалу, ужасно натирали сзади под коленками, пока Папа не надрезал их войлок особым сапожным ножом. Он всегда знал как что делается.

Зимой в школу являешься в потёмках. Я иногда бродил по пустым классам. В седьмом навещал маленький бюст Кирова на подоконнике, заглянуть в дырку его нутра. Очень похожа на утробу статуэтки фарфорового щенка на тумбочке в комнате родителей, только пыли побольше.

В другой раз, щёлкнув выключателем на стене восьмого класса, я увидел восковой муляж яблока забытый на учительском столе. Конечно, я понимал, что фрукт не настоящий, но яблоко смотрелось таким манящим, сочным, и даже как бы светилось изнутри, невозможно удержаться, вот я и куснул твёрдый неподатливый воск, оставляя отпечаток зубов в безвкусном боку. И сразу стало стыдно, что клюнул на яркую подделку. Хотя кто видит? Я тихо выключил свет и незаметно вышел в коридор.

(…двадцать пять лет спустя, в школе карабахской деревни Норагюх, я увидел точно такой же муляж из воска, с отпечатком детских зубов, и понимающе усмехнулся – а я тебя вижу, пацан!.)

Дети любой национальности и возраста очень похожи, взять, например, их любовь к игре в прятки… В прятки мы играли не только во Дворе, но даже и дома, в конце концов, у нас постоянно налицо компания из трёх, которая часто дополнялась соседскими детьми – Зимины, Савкины жили на одной площадке с нами.

В квартире мест для прятанья не густо. Ну, во-1-х, под кровать родителей, или же… за углом серванта… или… ну, конечно! Занавесочный гардероб в прихожей. Его Папа сам сделал.

Вертикальная стойка в два метра ростом закреплённая в пол метра за полтора от угла плюс два металлических прутка от макушки стойки к стенам отграничили немалый параллелепипед пространства. Его осталось только занавесить тканью на колечках, что бегают по горизонтальным макушечным пруткам и покрыть всю конструкцию куском фанеры, чтобы пыль внутрь не слишком проникала. Самоделка-раздевалка готова! Широкая доска с колышками для пальто и всякого другое скрыта висящей до пола тканью, под вешалкой встал плетёный сундук из гладко-коричневых прутьев и осталось ещё много места для обуви…

В общем-то, прятаться почти негде, но играть всё равно интересно. Затаишься в каком-то из упомянутых мест и, сдерживая дыхание, прислушиваешься к шагам водящего…чтобы… бегом! Первым добежать до дивана, откуда начинался поиск, стукнуть по его валику и крикнуть «чур, за себя!», чтобы не водить в следующем ко́не.

Но однажды Сашка умудрился так спрятаться, что я никак не мог найти. Он просто испарился! Я даже заглянул в ванную и кладовку, хотя у нас была договорённость там никогда не прятаться. И я прощупал все пальто на колышках вешалки в занавесочном гардеробе прихожей.

Потом я открыл зеркальную дверцу шкафа в комнате родителей, где в тёмном отсеке с непонятно-приятным запахом висели на плечиках Мамины платья и Папины пиджаки, но Сашки нет как нет. Просто так, на всякий, я заглянул даже за правую дверцу, где до самого верха только ящики с кипами глаженных простыней и наволочек, кроме самого нижнего, в котором я однажды обнаружил тёмно-синий прямоугольник споротого воротника матросской рубахи, который обматывал офицерский морской кортик в тугих чёрных ножнах, что таили длинное стальное тело сходящееся в иглу острия. Через пару дней я не утерпел и под большим секретом поделился тайною с Наташей, на что она фыркнула и сказала, что знает про кортик давным-давно и даже показывала его Сашке…

А теперь она стоит и радостно хихикает над моими бесплодными поисками, а на мой крик, что так и быть, я согласен водить ещё кон, и пусть он уже выходит, Наташа тоже кричит, чтобы сидел и не сдавался. Тут терпение моё лопнуло и я сказал, что больше не играю вообще, но Наташа предложила мне выйти на минутку. Возвращаюсь из коридора, а Сашка стоит посреди комнаты, молчит и сопит довольный, пока сестра объясняет, как он залез на четвёртую полку, а она присыпала его там носками.

Случались и сугубо семейные игры, без всяких соседей... Разноголосый смех раздался из комнаты родителей, я отложил книгу, вскочил с дивана и побежал туда:

– А что это вы делаете?

– Горшки проверяем!

– А как это?

– Давай и твой проверим!

Надо сесть Папе на закорки и ухватить его за шею, пока он крепко держит мои ноги. Совсем неплохо, мне понравилось. Но тут он развернул меня спиной к Маме и я почувствовал как её палец втыкается мне в попу насколько штаны пускают.

– А горшок-то дырявый! – объявляет Мама.

Все смеются и я тоже, хотя мне как-то неловко...

В другой раз Папа спрашивает: «Хочешь Москву увидать?»

– Конечно, хочу!

Подойдя сзади, он плотно прикладывает свои ладони к моим ушам и подымает меня над полом за голову стиснутую между его рук.

– Ну, как, Москву видно?

– Да! Да! – вскрикиваю я.

Он опускает меня туда, откуда брал, а я стараюсь скрыть слёзы – больно ушам расплющенным о череп.

– Ага! Купился? Как же тебя просто обмануть!

(…много позднее, я догадался, что он повторял шутки сыгранные над ним в его детстве…)

По ходу игры в прятки с исчезновением Саши, когда я проверял занавесочный гардероб в прихожей, то заприметил там одинокую бутылку ситра в расселине между стеной и плетёным сундуком. Ситро я обожал всерьёз и единственное, за что мог упрекнуть этот газированный нектар – он слишком быстро испарялся из моего стакана. А в случайно найденном кладе оно явно припасалась для какого-то праздника, а потом забыто.

Я никому не стал напоминать, а на следующий день или на послеследующий, когда никого не было дома, извлёк ситро из-за сундука и поспешил на кухню. Ещё в коридоре мои нетерпеливые пальцы ощутили слабину крышки, которую я сдёрнул и – вскинул бутылку к жаждущим губам… Посреди второго глотка мне дошло, что ситро не то, чтобы не совсем то, а вовсе даже не то. Вернув бутылку в естественную позицию, я обнаружил, что в праздник ситро всё же выпили, а бутылку потом наполнили подсолнечным маслом для хранения. Хорошо хоть никто не видел мою попытку насладиться постным маслом, кроме белого ящичка с красным крестом на дверце —хранилище бинтов, таблеток всяческих и пузырьков из тёмного стекла—посреди стены между ситцевым гардеробом и дверью в кладовку, да ещё электросчётчика над входной дверью, но они не проболтаются…

Моим следующим гастрономическим проступком стала кража свежеиспечённой пышки, которую со всей её компанией из электрической духовки «Харьков» Мама разложила на махровом полотенце расстеленном по кухонному столу. Округло-коричневатые спинки лоснились так соблазнительно, что я нарушил наказ Мамы дать им остыть до общего чаепития. Пробравшись в пустую кухню, я схватил одну и, пряча за спину, уволок в логово на плетёном сундуке в полутёмной ситцевой пещере. Наверное, пышка оказалась слишком горячей, или же чувство вины заглушило вкусовые

ощущения, но торопливо заглатывая запретный плод кулинарного искусства, я не получал привычного удовольствия и хотел лишь одного – чтоб эта пышка скорее закончилась. Когда Мама позвала всех на кухню пить чай, я пришёл последним…

Ну а в целом, хотя и неумека, и копуша, я был вполне послушливым ребёнком и чистосердечно старательным, а если что-то выходило не так, то не нарочно, а так уж оно как-то само получалось. Папа ворчал, что моя Лень-Матушка раньше меня родилась и всё на что я годен – это валяться день-деньской на диване с книжкой, ну вылитый Обломов! А Мама возражала, что читать полезно и я даже стану врачом возможно, и белый халат мне очень подойдёт… Становиться врачом я никак не хотел, мне не нравился медицинский запах их кабинетов.

~ ~ ~

В школе Серафима Сергеевна показала нам рамочку—взят квадрат фанеры со стороной в 10 см, а из него изъят квадрат со стороной в 9 см, чтобы получилась рамочка шириной в 1 см. Десяток гвоздиков равномерно вбитых в каждую из двух противоположных сторон превращают рамочку в прообраз ткацкого станка. Толстая шерстяная нить натягивается из стороны в сторону поперёк рамочки, туда-сюда, от гвоздика до гвоздика – это основа, сквозь которую надо пропустить нити всяких других цветов, чтобы получился разноцветный кукольный коврик, очень миленький квадрат 8 см х 8 см. Наше домашнее задание – изготовить рамочку с гвоздиками и принести на следующий урок, родители нам охотно помогут, сказала учительница.

Однако Папы дома не было, он в ту неделю работал во вторую смену, а Мама занята на кухне. Но всё же помогла отыскать фанерку от старой посылки и разрешила взять пилу из кладовой в прихожей. Работал я в ванной, прижимая фанерку ногой к табуреточке, и обе упрямо старались вырваться. Ножовка часто застревала, драла мелкие щепочки из верхнего слоя фанеры, но упорный труд их

переупрямил и увенчался кривобоко корявым квадратиком в частых задирках.

Отложив инструмент, я упёрся в капитальную проблему – как выпилить квадрат в квадрате, чтобы получилась рамочка? Попытка выдолбить квадратную дыру стуча молотком по кухонному ножу расщепила моё трудовое достижение надвое. К часу, когда мне было сказано идти спать, я в бесплодных усилиях извёл всю посылочную фанерку и понял, что никак не гожусь в мастера, и потому разревелся перед Мамой на кухне.

Уже совсем-совсем поздно, сквозь сон на раскладушке, я услышал как папа вернулся с работы, но у меня не хватило сил, чтоб проснуться. Не разлепляя глаз, я разобрал его сердитую отповедь Маме: «Что *Коля*? Опять *Коля*?! Сам знаю, что я *Коля*», и – уснул окончательно.

Наутро за завтраком Мама сказала: —«Посмотри что Папа сделал тебе для школы». Я обомлел от восхищения и счастья. Фанерная рамочка ткацкого станка без единой выщербинки и задирки, добела зачищена шкуркой. Рядочки гвоздиков на двух сторонах вбиты ровнее, чем под линейку…

Через пару лет Папа принёс мне лобзик с работы, а к нему маленькие пилочки. Я записался в школьный кружок *Умелые Руки*. С выпиливанием у меня не заладилось, слишком часто ломались пилочки, но всё равно я успел изготовить кружевную фанерную рамочку (с Папиной доводкой и лакировкой) для Маминой фотографии.

Выжигание по дереву получалось намного легче, к тому же мне нравился запах тлеющей фанеры. Папа принёс домой выжигатель, который сконструировал на рабочем месте, лучше чем магазинный. И я скопировал пару иллюстраций к басням Крылова из книги *Умелые Руки*.

Но это вовсе не означает, будто моё детство проходило среди самодельных игрушек и приспособлений. Ничуть не бывало! У меня имелся набор «Конструктор» из магазина в районном центре.

Большущая картонная коробка с отдельными секциями для различных панелей и полосок из чёрной жести со множеством отверстий куда продеваются болтики и закручиваются гаечками в сборке деталей и конструкций, таких как автомашина, паровоз, мельница и что вообще захочешь из книжечки чертежей в наборе Конструктора. Например, два месяца ушло и почти весь запас болтиков с гаечками на сборку башенного крана, который получился выше табурета. Я бы и быстрей закончил, если бы не Сашкино упрямство с его непрошенным содействием, не успеешь оглянуться, а он уже свинтил какую-то деталь без спроса…

Костюм Робота для Новогоднего утренника в школьном спортзале тоже Папа сделал. Мама нашла чертёж в журнале *Работница*, который приносили каждый месяц. В готовом виде костюм смахивал на ящик из тонкого, но прочного картона. Две дыры по бокам ящика служили для просовывания рук наружу, а всё сооружение в одетом виде заканчивалось ниже пояса. Коричнево-картонное тело Робота украшалось знаками “+” и “—” на груди, слева направо. Та же маркировка, как на батарейках карманного фонарика.

Внутри ящика тоже пряталась батарейка, но помощнее – чешская «Крона», а с нею неприметный переключатель. Секретно щёлкнул и – зажёгся нос, обычная лампочка накаливания, которая торчала из второго ящика, поменьше. Он служил головой Робота и она одевалась поверх моей, как шлем рыцаря. Два квадратных глаза по бокам от носа-лапочки на лице позволяли наблюдать из шлема с кем и как ты хороводишься вокруг Новогодней Ёлки.

~ ~ ~

Лелея хрупкую надежду, я попросил в Библиотеке Части позволения выбирать не из пирамид сданных книг на столе Библиотекарши, а на полках. Да, сказали мне, можно. О, какую неописуемо необъятную радость пришлось мне скромно утаить в своей груди!.

Направо от стола Библиотекарш (они меняли одна другую через день) высилась стена из *ПолныхСобранийРабот В. И. Ленина* (разных лет издания). Полки начинались от пола и возносили к потолку сплочённые ряды однообразных томов, что различались лишь оттенком синего в их твёрдых обложках, который зависел от года переиздания – чем дальше, тем голубее.

Корешки многотомных работ Маркса и Энгельса в коричневых обложках теснились вдоль стены напротив ленинской сини, а полки с трудами Сталина в шеренгах не столь многочисленных, но более рослых, построились вдоль короткой стены возле двери. Плотные неприкасаемые гряды широких книжных корешков с золотистым тиснением названий и нумерации томов, саркофаги несчётных строк меж их тяжких обложек с рельефами лиц великих творцов на передней, подобно увенчивающим надгробьям из навзничь лежащих фигур на помпезных кладбищах средневековья…

Однако, в синей стене имелась узкая щель, проталина в ту часть Библиотеки, где в лабиринте тесных проходов стояли полки книг разной степени потёртости. Они строились по алфавиту: Асеев, Беляев, Бубенцов…; или по странам: «Американская литература», «Бельгийская литература»…; или по разделам: «Экономика», «География», «Политика»…

В закоулках лабиринта тоже попадались многотомные издания: Джек Лондон, Фенимор Купер, Вальтер Скотт (в чьих трудах я так и не нашёл роман про Робин Гуда, а настырно выскакивал лишь только Роб Рой).

Я обожал бродить в плотной тиши проходов между полками, порой снимая, насколько позволял мой рост, какую-то из них прочесть название и вернуть обратно. В конце, прижимая к груди пару избранных, я возвращался к столу Библиотекарши. Иногда она откладывала какую-нибудь из принесённых книг, потому что мне это читать ещё рано…

Однажды в хождениях по тесным проходам я нечаянно пукнул. Какой конфуз! Не очень-то и громко, но, на случай если стыдный

звук всё же проник сквозь стену Марксизма-Ленинизма, я попытался сбить с толку слух Библиотекарши пустопорожним трям-блямканьем губ, что отдалённо смахивало на вырвавшийся шум, однако теперь уже звучало как невинная забава мальчика в прогулке между высоченных полок, которому ещё рано читать некоторые книги. Так я похаживал и испускал трям-блямы, пока один из камуфляжных пуков не получился таким убедительным, таким раскатисто натуральным, что я буквально обмер – если тот первый, самопроизвольный пук мог как-то остаться незамеченным, подделка прозвучала слишком круто.

(…как сказала бы мать твоей матери: «тулив, поки не перехнябив», она любила вставлять Украинские поговорки в свою речь…)

После Новогодних каникул в кипу подписной почты, которую клали в ящик на нашей двери добавилась *Пионерская Правда*. Конечно, я всё ещё был Октябрёнком, но в школе нам сказали принести деньги на подписку, чтобы заранее всячески готовиться к нашему пионерскому будущему. Протягивая мне *Пионерскую Правду* из ящика, Мама сказала: —«Ого! Тебе уже газеты носят, как взрослому». Меня преисполнила гордость, что принят в мир взрослых, хотя бы с точки зрения почтового ящика. Поэтому я читал газету весь день, чтобы по-взрослому прикончить все её четыре полосы.

Когда родители вернулись вечером с работы, я выбежал в прихожую хвастливо отрапортовать, что я прочёл всю, всю, всю! Они сказали «ну, молодец», повесили свои пальто в занавесочный гардероб и прошли на кухню.

Невозможно избежать разочарованности чувств, когда за все старания с тобой расплачиваются рассеянной безразличностью. Типа обиды богатыря после схватки не на жизнь, а на смерть со Змеем Горынычем и освобождённая красавица, переступив отрубленные

головы чудища, уделяет победителю равнодушное «молодец» вместо положенного поцелуя в уста сахарные. В следующий раз витязь да призадумается, а стоит ли выделки эдакая овчинка?.

Так что, больше я никогда не читал *Пионерскую Правду* от доски (красное название с разъяснением принадлежности данного печатного органа), до доски (телефоны редакции и её почтовый адрес в городе Москве).

Будучи обойдённым наградой, желанной и заслуженной, трудно сдерживать позывы к восстановлению попранной справедливости. И на следующее утро, в виде компенсации, я без труда забыл постоянный наказ Мамы, что три ложки сахарного песка абсолютно достаточно на одну чашку чая. В тот момент я был на кухне один и, отмеряя сахар в чай, несколько отвлёкся разглядыванием морозных узоров на стекле обледенелого окна, поэтому отсчёт засыпок был начат не совсем с первой. Эта ошибка совпала с некоторой рассеянностью и вместо чайной ложечки я загружал его столовой ложкой… Густая приторная жижа, полученная в результате, годилась лишь на то, чтобы вылить её в раковину. И это стало очередным уроком мне – слямзенные удовольствия не так сладки, как ожидалось…

Факт прочтения номера *Пионерской Правды* столь исчерпывающим образом закрепил мою уверенность в себе и, в следующее посещение Библиотеки Части, с полки «Французская литература» я ухватил увесистый, давно уж облюбованный том с букетом шпаг на обложке – *Три Мушкетёра* Дюма-отца. Библиотекарша, после заминки в кратком колебании, записала книгу в мою читательскую карточку и я гордо поволок домой объёмистую добычу.

Большой диван почему-то показался неподходящим местом для такой взрослой книги, я отнёс её на кухню и распахнул на клеёнке стола. Первая же страница, полная оцифренных примечаний кто был кто во Франции XVII века, показалась действительно сложноватой, но политика постепенно кончилась, дело двинулось и к сцене прощания Д'Артаньяна с родителями я уже самостоятельно вычислил

значение слов «г-н» и «г-жа», которых в *Пионерской Правде* и близко не бывает.

Посреди зимы Мама решила, что нужно исправить моё косоглазие, потому что нехорошо оставлять его так. Пока она этого не сказала, я вообще понятия не имел, что у меня может быть что-то подобное. Она отвела меня к окулисту в Госпиталь Части и тот заглядывал мне в глаза через дырочку в слепящем круглом зеркале, которое крепилось на его белой шапочке, когда он им не пользовался. Потом медсестра накапала каких-то холодных капель мне в глаза и сказала в следующий раз приходить одному, потому что я большой мальчик и теперь дорогу к ним знаю.

Возвращаясь домой после следующего раза, я вдруг утратил резкость зрения – свет лампочек на столбах вдоль пустой заснеженной дороги превратился в смазанные комки жёлтых пятен, а когда дома я открыл книгу, все строчки на странице оказались мутными полосками непригодными для чтения. Я испугался, но Мама сказала это ничего, просто теперь мне надо носить разностёклые очки, так что пару следующих лет я носил такие, в пластмассовой оправе.

(…моё косоглазие выровняли, глаза удерживают параллельный взгляд на вещи, только левый так и остался разфокусированным. На проверке у окулистов я не могу различить указку или палец нацеленные на букву в их таблице. Но как показала жизнь, её можно прожить и с одним рабочим глазом. Просто теперь у меня не совпадает выражение глаз, что легко заметить на фотографии прикрывая их поочерёдно— любознательное любопытство в правом сменяется мертвяще отмороженным безразличием левого.

Иногда я подмечаю подобное разночтение в портретах популярных киноактёров и про себя думаю – их тоже лечили от косоглазия или может неведомые посторонние пришельцы следят за нами через их левый глаз?.)

~ ~ ~

И снова пришло лето, но в волейбол уже никто не играл. На месте волейбольной площадки у подножия Бугорка забетонировали два квадрата для игры в городки. Там даже организовали чемпионат. Два дня обвёрнутые жестью биты хлёстко жахкали и трахали о бетон, вышибая из квадратов деревянные цилиндрики городков к барьеру из обрывистого бока Бугорка.

Как обычно, известие доползло до книжного дивана с улиточной скоростью, но я всё же не пропустил финального единоборства двух мастеров, которые могли даже с дальней позиции выбить наисложнейшую фигуру городков—«письмо»—всего лишь тремя бросками и не тратили больше одной биты на такие как «пушка», или «Аннушка-в-окошке».

Турнир закончился, а бетонные квадраты остались, где мы, дети, продолжили игру обломками окольцованных жестью бит и кусками расщеплённых городков. Но нам и такого хватало, а когда остатки тоже износились до исчезновения и бетон затерялся в высоком бурьяне, ровность под Бугорком осталась нашим излюбленным местом сбора.

Мы не только играли в игры, мы давали друг другу образование в наиважнейших вещах окружающего нас мира. О том, что если упал и ободрался, приложи к ссадине на локте или коленке лист Подорожника тыльной стороной, он остановит кровь. А стебли Солдатиков в их чешуе из мелких листиков – съедобны, так же как и Щавель, но не Конский Щавель, конечно. Или те растения на болоте с длинными листьями, обдери их до белой сердцевины и – пожалуйста. На, пожуй, сам увидишь!

Мы научались отличать кремень от других камушков и об который из остальных надо ударить кремнем, чтобы посыпались бледные искры. Точно, кремнем по этому желтоватому, будут искры и непонятный—отталкивающий, но в то же время притягательный—

запах обожжённой куриной кожицы… Так, за играми и разговорами, мы познавали мир вокруг нас и самих себя в нём…

– В прятки играешь?

– Вдвоём не игра.

– Щас ищо двое подойдут с болота.

– Зачем пошли?

– Дрочиться.

Вскоре обещанная пара возвращаются, хихикают один другому, у каждого в кулаке букетик из травинок. Мне неизвестно назначение этих букетиков и я не знаю что значит «дрочиться», но по всхрюку, которым мальчики обычно сопровождают это слово, можно догадаться, что речь о чём-то стыдном и неправильном.

(…всю свою сознательную жизнь я был поборником правильности. Всё должно быть правильно и по правилам. Любая неправильность, всё, что не так как надо, мне против шерсти. Если, скажем, подсвинок с наглым визгом сосёт вымя коровы, меня так и подмывает их разогнать… А корова тоже хороша! Стоит себе, такая вся безропотно покладистая, будто и не знает, что молоко – телятам, ну и для людей…)

Поэтому я упираю руки-в-боки и встречаю подошедших упрёком в вопросительной форме: —«Ну что? Подрочились?»

И тут я узна́ю, что сторонникам правильности порой лучше помалкивать. К тому же, какой стыд, что я такой слабак и меня так запросто можно свалить в нежданной драке…

В футбол играли на заросшем травой лугу между Мусоркой и Бугорком. Прежде всего определяются Капитаны – кто постарше, повыше и поголосистее при пререканиях. Потом мальчики расходятся попарно в стороны, чтоб сговориться:

– Ты «молот», а я «тигр», лады?

– Нет! Я «ракета», а ты «тигр».

Условившись о временных кличках, они возвращаются к предстоящим Капитанам и предлагают тому, чья очередь, выбор:

– Кто в команду, Ракета или Тигр?

Людские резервы поделены, игра начата. Как я хотел стать Капитаном! Таким, чтоб все мальчики просились бы в мою команду! Но мечта оставалась всего лишь мечтой… Я азартно рысил сквозь траву, от одного края поля до другого. Я отдавал всего себя отчаянной борьбе, самоотверженный, готовый на всё ради победы. Просто мне никак не удавалось дотянуться до мяча. Иногда он сам катился ко мне, но прежде чем изловчусь пнуть его хорошенько, налетает рой «наших» вперемешку с «ихними»—бац! – и мяч отбит далеко в поле… И я опять перехожу на неуклюжую рысь, вперёд и обратно, кричу «Пас! Мне!», но никто не слышит и все тоже кричат и бегают за мячом и игра катится без моего, фактически, участия…

~ ~ ~

Посреди лета вся наша семья, кроме Бабы Марфы, отправилась в город Конотоп Сумской области на Украине, на свадьбу Маминой сестры Людмилы и молодого (но скоропостижно лысеющего) Чемпиона области по тяжёлой атлетике в первом полусреднем весе, Анатолия Архипенко из города Сумы.

Грузовик с брезентовым верхом вывез нас через КПП—белые ворота в двойном заборе из колючей проволоки, что окружал всю Зону—на железнодорожную станцию Валдай, где мы сели на поезд пригородного сообщения до станции Бологое. Там у нас была пересадка. Вагон оказался совершенно пустым, одни только мы на жёлтых скамьях вдоль зелёных стен по обе стороны от центрального прохода. Мне нравилось покачивание вагона в такт с громыханьем колёс на стыках рельс под полом. И нравилось смотреть как за окном набегали и тут же отставали столбы из тёмных брёвен, по их перекладинам скользил бесконечный поток проводов провисая от одного к другому плавно книзу—плавно вверх, промелькивает следующий и снова плавно книзу—плавно вверх, и снова, и снова, и

снова... На остановках наш пригородный терпеливо ждал, уступая путь более скорым и важным поездам, и тихо трогался, когда утихнет гром, стук и грохот пронёсшихся мимо.

Одна особенно затяжная стоянка случилась на станции Дно, чьё имя я прочитал под стеклом вывески на её зелёной будке из ёлочно прибитых досок. И только когда мимо пропыхкал одиночный паровоз, пряча будку в завесе дыма и неспешно раздвигая своим длинным телом клубы своего же белого пара, наш поезд дёрнулся ехать дальше.

(...я вспомнил ту станцию и чёрно-влажный отблеск паровоза пронзающего выхлопы молочно-белых клубов пара, когда прочёл, что на станции Дно Полковник Российской армии, Николай Романов, подписал своё отречение от Царского престола... Только этим он не спас ни себя, ни свою жену, ни детей их Царской семьи поставленных спиной к подвальной стене для расстрела, а кто не погиб при залпе, тех добивали на полу штыками.

Ничего этого я не знал, сидя в пригородном поезде возле убогой станционной будки. Не знал и того, что разницы нет, знаю ли я это или не знаю. Хоть так, хоть эдак, всё это часть меня. Я по обе стороны тех штыков и винтовок.

Как хорошо, что не про всё мы знаем в детстве...)

Большинство домов вдоль улицы Нежинской в городе Конотопе стоят чуть отодвинувшись, отгородившись от дороги своими заборами, что отражают уровень зажиточности домовладельца, а также основные этапы и технологии местного заборостроения. Однако заборная разношерстица по левой стороне кратко прерывалась стеной Номера 19, побелке сто лет в обед вокруг пары окон в облупившейся (вероятнее всего зелёной в своё время) краске и четырёх дощатых ставен (по 2 на каждое) для запирания окон на

ночь. Неукоснительная традиция блюлась со времён послевоенно-бандитского лихолетья. Если не раньше.

Чтобы попасть в дом № 19, для начала нужно зайти в калитку из высоких, серых от старости досок, бок о бок с воротами из того же материала, но чуть пошире и вечно на запоре. Вошедшему следовало знать также который из четырёх входов ему, собственно, нужен. Четыре двери идентично располагались по бокам двух глухих верандах из доски «вагонки», примыкавших к дому между четырёх окон, разделяя их по системе 1–2 – 1.

Веранда рядом с калиткой, обе её двери по её обе стороны, как и половина всего дома, принадлежала тогда Игнату Пилюте и его жене Пилютихе, а следовательно – это их окна смотрели на улицу Нежинскую. Вагонку второй веранды оплетал Виноград в густых тёмно-зелёных листьях и редких гроздьях мелких шариков неясного назначения, но ощутимо твёрдых. Глухая дощатая перегородка разделяла вторую веранду изнутри на две продольные секции, по одной для каждого из остальных домовладельцев. Двух, разумеется.

Дом, он же *хата*, нашей бабушки, Катерины Ивановны, состоял из полутёмной веранды-прихожей, за которой шла кухня с окном обращённым на две ступеньки в межверандном закутке перед входом в *хату*, и с кирпичной плитой-печкой под стеной напротив, рядом с которой оставалось ещё место для одной из створок двери постоянно открытой в единственную комнату *хаты*. Пространство между белёных стен комнаты с утра до вечера тонуло в лимбо-сумраке, что просачивался через окно из непроглядной тени под Вязом-великаном в Пилютиной части палисадника в два метра шириной. По ту сторону невысокого палисадного штакетника та же тень затмевала половину двора Турковых из Номера 17.

Обогнув дальний угол второй веранды, посетитель выходил на четвёртую, заключительную, дверь дома, за которой находилась *хата* стариков Дузенко. Их часть состояла из такой же последовательности веранды-кухни-комнаты, как и в *хате* Бабы Кати, но имела два дополнительных окна из-за симметричной планировки – окна Пилют на проезжую улицу требовали, чтоб с противоположной стороны дома два окна смотрели бы в общий двор.

Два могучих Американских Клёна с острыми концами пальцев в каждой пятерне их листьев росли во дворе, по одному перед каждым из дополнительных окон Дузенко. Промежуток между стволами деревьев заполнялся широким и рослым (метра в полтора) штабелем красного кирпича, наполовину искрошившегося от древности, который старик Дузенко держал всю свою жизнь для возможной реконструкции своей *хаты* в каком-то из неопределённо будущих времён.

Через шесть метров за кирпичным бруствером соединившим Американские Клёны (и параллельно ему) тянулась глухая стена сарая из серых-до-тёмного досок, с глухими дверями за солидными, но ржавыми висячими замками. Их владельцы держали там топливо на зиму, дрова и сыпучий уголь «семечки», а в топливном отсеке Бабы Кати жила ещё и свинья Машка в крепко пахнущей загородке.

Напротив веранды обросшей бесплодным Виноградом рос ещё один неприступный для лазанья Вяз, а высокий забор под ним отделял от соседей в Номере 21. Рядом с Вязом стоял сарайчик оштукатуренный (но очень давно) смесью глины, навоза и резанной соломы. Висячий замок на двери служил залогом безопасности земляного погреба Пилют за нею. Сарай из голых досок над погребом Дузенко стоял ещё дальше от улицы и как бы продолжал собою длинный сарай с запасами топлива, но не впритык – их разлучил проход в огороды домовладельцев.

Между двух сараев-погребников находилась дощатая халабуда—с односкатной крышей и без висячего замка—над земляным погребом

Бабы Кати. Деревянный квадрат крышки покрывал вертикальный шурф, в чью тёмную трёхметровую глубину уходила лестница из брусьев приставленная к одной из тесных земляных стен. На дне, свет фонарика обнаруживал четыре ниши углублённые на все четыре стороны от ног лестницы. Там хранилась картошка и морковь на зиму, и бурак тоже, потому что мороз не мог добраться до запаса овощей на такой глубине.

В углу образованном погребником Дузенко и халабудой Бабы Кати стояла будка пегого пса Жульки прикованного к его дому. Он звякал своей длинной железной цепью, хлестал её о землю и остервенело лаял на всякого вошедшего во двор незнакомца. Но я подружился с ним в первый же вечер, когда (по совету Мамы) вынес и высыпал в его железную тарелку остатки еды после ужина…

Свои совсем седые и слегка волнистые волосы Баба Катя обстригала до середины шеи и держала их там в охвате гнутым пластмассовым гребешком. Чёрные и округлые (как бы распахнутые испугом) глаза вполне подходили её чуть смугловатому лицу с тонким носом. Но в сумрачной комнате за кухней, на одной из трёх глухих стен висел фотографический портрет женщины в аристократически высокой причёске чёрных волос и в галстуке (по моде завершающего периода Новой Экономической Политики в конце 20-х) – это Баба Катя в её молодые годы, когда имела отдельную пару туфлей для каждого из своих платьев. Рядом с ней висело настолько же большое фото мужчины с тяжёлым Джек Лондоновским подбородком, в пиджаке поверх рубахи косоворотки – так выглядел её муж Иосиф на должности Областного Торгового Ревизора до его ареста и ссылки на север и внезапной пропажи совпавшей с отступлением Немецких войск из Конотопа…

Гостить у Бабы Кати мне понравилось, хотя тут не было ни городков, ни игры в футбол, а только ежедневные прятки с детьми из соседних *хат*, которые тебя ни за что не найдут, если спрячешься в Жулькину будку… Поздним вечером на деревянном столбе возле угла соседней улицы зажигалась электрическая лампочка, чей

желтоватый свет не в силах был превозмочь темноту даже на дороге под собою. Майские жуки с неторопливо-бомбовозным гудом, летали совсем низко и запросто сшибались курточкой или веткой отломанной от Вишни, что перевесилась через чей-нибудь забор. Отыскание сбитых в мягкой пыли улицы оказывалось задачей потруднее.

Пойманных сажали в пустой спичечный коробок, по отдельности, ну не больше двух, и они шарудели там изнутри об стенки своими длинными неуклюжими ногами. На следующий день мы открывали камеры узников полюбоваться пластинчатым веером их усов и каштаново-блестящим цветом спин. Мы пробовали накормить их мелкими кусочками свежей зелени, но они, похоже, не голодные были, и мы выпускали их на волю со своих ладоней, как отпускаешь в полёт божью коровку. Жуки щекотно всползали на конец отставленного пальца, вскидывали жёсткие скорлупы надкрыльев и расправляли упакованные там свои длинные прозрачные крылья, прежде чем с низким гуденьем улететь прочь, без всякого «спасибо». Ну и лети – вечером ещё наловим…

Однажды из далёкого конца улицы донеслись раздирающе нестройные взвывы вперемешку с протяжным буханьем. На звуки знакомой какофонии жители Нежинской вышли из дворов на улицу, сообщить друг другу кто это умер. Впереди процессии медленно шагали три человека, втискивая губы в медный блеск нестройно рыдающих труб. Четвёртый нёс перед собой барабан, как громадное брюхо на привязи широким ремнём через плечо. Отшагав сколько нужно, он бил в брюхо короткой палкой с войлочным набалдашником. В свободной от палки руке он нёс широкую медную тарелку и время от времени брязгал ею в другую такую же, привинченную на обод барабана сверху. На это «дздень!» трубы откликались новым всплеском горестных взрыдов.

Позади музыкантов несли большое фото угрюмого мужского лица и несколько широких венков с белыми буквами надписей по чёрным лентам. Грузовик трёхтонка урчал мотором позади венков. В кузове с

отстёгнутыми бортами стоял ажурный памятник из прутьев тонкой арматуры под краской-серебрянкой. Двое мужчин одного роста с памятником хватались за него с двух сторон, чтобы не упасть в гроб к покойнику положенному напоказ у них под ногами. Небольшая пугливая толпа замыкала шествие.

Я не решился выйти на улицу, хотя Мама с тётей Людой стояли за калиткой, а также соседи и соседские дети у своих *хат*. Но всё же, движимый любопытством, я влез на изнаночную перекладину ворот и выглянул поверх досок. Нос свинцового цвета торчком из жёлтого лица показался настолько жутким, что я убежал в самую глубь двора, до будки чёрно-белого Жульки, который тоже нервничал и подскуливал трубам вдоль улицы…

Баба Катя умела из обыкновенного носового платка вывязать толстую мышь с ушами и хвостом, которую она сажала себе на ладонь и поглаживала белую голову пальцем другой руки. Мышь неожиданно подскакивала в отчаянной попытке к бегству, но Баба Катя хватала её на лету, сажала обратно и чесала дальше под наш безудержный смех. Конечно, я понимал, что это Баба Катя сама подталкивает мышь, но как ни всматривался, не мог разгадать её фокус…

Каждый вечер она выносило ведро кисло пахнущего хлёбова из очистков и объедков в свою секцию общего сарая, где свинья Машка встречала её нетерпеливо-требовательным хрюканьем. Баба Катя выливала доставленный корм в корыто, потом стояла над громко чавкающей Машкой и ругала за очередные нарушения режима и общую невоспитанность.

Она показала нам какие из грядок и деревьев в огороде были её, чтоб мы не лезли на соседские, потому что там не было заборов. Но яблоки ещё не созрели и я влезал на Белую Шелковицу, хотя Баба Катя предупреждала, что я слишком здоровый для такого молодого деревца. И действительно, однажды оно расщепилось подо мной надвое. Я испугался—ой, что теперь будет! – но Папа меня не побил. Он натуго обмотал разошедшиеся половинки деревца каким-то

желтовато-прозрачным кабелем. И Баба Катя тоже промолчала, не упрекнула меня ни словом... В тот вечер она сказала, что свинья совсем ничего не стала жрать и перевернула ведро с очистками, такая умная, чувствует, что завтра её зарежут. До поздней ночи из сарая разносился неумолчный вопль Машки...

Наутро, когда пришёл свинорез-колий́, Баба Катя ушла из хаты и уже после этого они вытаскивали истошно визжащую Машку из загородки, бегали за ней по двору и убивали длинным ножом, чтобы достал до сердца, после чего визг сменился хриплым рёвом, всё короче и тише. В это время Мама держала нас, своих детей, в хате и разрешила мне выйти только когда они обжигали тушу гудящим пламенем паяльной лампы.

На свадьбе тёти Люды под Вязом у ворот, стол был заставлен тарелками с тонко нарезанным розовым салом, чёрно-коричневыми жареными котлетами, мисками застывшего холодца под слоем белого жира. Один из гостей предложил дать невесте урок набивки домашней колбасы, но она отказалась под общий смех весёлых свадебных гостей...

Конотоп, в общем-то, мне понравился, хотя было жалко Машку и стыдно за сломанное деревце. И мне даже понравился вкус хлеба из кукурузной муки, хоть даже все его ругали, но покупали, потому что Никита Хрущёв объявил кукурузу Царицей полей и в магазинах продавался хлеб лишь из её муки...

Обратно на Объект, мы тоже ехали поездом, но путь показался намного длиннее. Меня тошнило и кружилась голова, пока в вагоне не нашлось окошко наконец-то, где можно высунуть голову под ветер. Прилипнув к тому окну, я смотрел как наш пыльно-зелёный состав, изогнувшись длинной дугой, катит по зелёному полю. Потому-то наше путешествие никак не заканчивалось, ведь поезд бежит по одному и тому же громадному кругу посреди этого поля с одними и теми же перелесками.... На какой-то из станций Папа вышел и не вернулся при отправлении. Я испугался и начал жалко всхлипывать. Но через пару минут он показался в проходе с

мороженым, из-за которого задержался на перроне и ему пришлось запрыгнуть в другой вагон уходящего поезда.

~ ~ ~

В тот год мои младшие сеста и брат тоже пошли в школу и в конце августа папа с растерянно-сердитым лицом увёз бабу Марфу в Бологое – помочь с пересадкой на Рязань. На прощанье она расплакалась и Папа сказал в утешение: —«Опять? Опять начала!» Тогда она расцеловала нас, своих внуков, и покинула мою жизнь…

Напротив угловых зданий нашего квартала стоял через дорогу бакалейный магазин и теперь, с отъездом Бабы Марфы, Мама посылала меня туда за мелкими покупками – принести хлеб, соль, спички и растительное масло. Более важные продукты она покупала сама: мясо, картошку, сметану или шоколадное масло. На праздники крупную красную икру или мелкую чёрную, потому что Объект хорошо снабжался. Вот только мороженое привозили раза два в месяц и оно тут же раскупалось. А вкусного хлеба из кукурузной муки совсем не бывало.

Вправо от магазина, на повороте дороги в охват квартала, стена леса чуть раздвигалась просветом узкой поляны, где стояла эстакада из крепких брёвен для ремонта автомобилей. Ещё одно место сбора детей для игр.

– Бежим скорей! – крикнул знакомый мальчик на рысях в том направлении. – Там ёжика поймали!

До этого я видел ёжиков только на картинках, вот и поспешил смешаться с группой громко галдящих мальчиков возле эстакады. Палками в руках, они пресекли попытки животного убежать в лес, а когда ёж свернулся в оборонительный серо-коричневый шар из иголок, теми же палками закатили его в небольшой ручей. В воде ёж развернулся, выпростал из-под иголок свою мордочку с чёрной нашлёпкой носа и попытался убежать сквозь траву на своих коротких кривых ножках. Однако его свалили наземь и крепко придавили палкой поперёк живота, чтобы он снова не свернулся.

– Смотри! – закричал какой-то мальчик. – У него запор! Пока́кать не может! – В подтверждение диагноза, потыкал твёрдым стеблем травы в тёмный бугорок между задних ног зверька. – Какашка слишком твёрдая. Надо помочь.

Я вспомнил как Баба Марфа спасла меня… У кого-то в компании нашлись плоскогубцы в кармане, пациента распяли на земле парой дополнительных палок и самозванный Доктор Айболит потянул инструментом какашку. Та, почему-то, не кончалась и была непонятного голубовато-белесого цвета.

– Дурак! Ты ему кишку выдрал! – закричал другой мальчик.

Ёжика отпустили и он опять прянул к лесу волоча за собой полметра вытащенной внутренности. Все пустились следом смотреть что будет.

Смотреть мне совсем не хотелось и, к счастью, моя сестра меня вызволила. Она прибежала бегом из квартала сказать, что Мама зовёт. Я тут же покинул компанию и поспешил за ней во Двор. Там я говорил с Мамой, здоровался с соседками и всё время, параллельно, думал одну и ту же мысль сформулированную на удивление чётко, не по-детски: «Как мне теперь дальше жить, после того, что я увидел? Как жить дальше?»

(…как ни странно, я выжил: благое свойство людской памяти, её способность забывать, отмеченная в словаре Владимира Даля, пришла на выручку.

Однако в серии зверств, свидетелем которых мне случилось стать—по большей части, когда человеческие с виду особи истязаниями обращали себе подобных в куски разлохмаченного мяса—самым первым идёт изувеченный ёжик, волоча по хрупкой траве влажно-серый кусок прямой кишки облипший твёрдыми комочками сухой земли.

И я дожил до понимания, что низменные твари нуждаются в высокопарных оправданиях своему изуверству: облегчение страданий… святая месть… очищение расы…

Но опять-таки, если уж совсем начистоту, есть ли гарантия, что сам я ни при каких обстоятельствах не совершу ничего подобного? Ну... как-то не знаю...)

Когда ты в детстве, у тебя нет времени оглядываться на все эти серии в своей памяти. Тебе нужно вперёд—мимо и – дальше! – к новым открытиям. Если кишка не тонка, держаться курса...

Однажды, чуть отклонясь от торного маршрута «школа—дом», я углубился в лиственную часть леса и там, на пологом взгорке, вышел к четырём Соснам выросшим за пару метров друг от друга по углам почти правильного квадрата. Гладкие широкие колонны их прямых стволов без веток уходили ввысь и, в шести-семи метрах от земли, смыкались помостом, куда вели перекладины из обрезков толстых сучьев прибитых к одной из Сосен, как вертикальная лестница... Кто и зачем устроил такое, я так и не узнал, узнал лишь, что не каждый трус отважится взобраться на помост в лесу, хоть даже сам его нашёл...

Куда легче шло исследование подвального мира, куда я спускался с Папой за дровами для Титана, котла нагрева воды перед купанием. В подвал, где не было ни единой лампочки, Папа приносил нажимной фонарь с упругим рычажком из его брюшка. Охватывая весь фонарик, сжимаешь его в ладони, рычажок пружинно противится, но втискивается внутрь, а при послаблении нажима он снова выдвигается наружу. Один-два жима и – внутри пластмассового тельца проснулась маленькая динамо-машина, жужжит, подаёт ток в его лампочку, чем быстрее упражняешься, тем ярче светит фонарик.

Чётко очерченный круг света прыгает по стенам из грубых досок и по таким же дверям с висячими замками, и по бетонному полу подвального коридора налево – там, в самом конце, наша секция. Папа отпирает замок, щёлкает выключателем, из тьмы выпрыгивает квадратная комната залитая светом голой лампочки. Две стены из гладкого бетона, третья – грубодосочная перегородка от соседней

секции. Поленница напиленных дров под стеной из бетона, на перегородке полки с хозяйственными принадлежностями, инструментами, и свободно висящая всячина: санки, лыжи… Когда пара широких поленьев расколоты на дрова, я собираю щепки для растопки Титана и пару дровин потоньше, а Папа ухватывает остальное в одну охапку.

Иногда он заодно и мастерил что-то в нашей секции и я, прискучив ожиданием, выходил в коридор с узкой зарешечённой канавкой вдоль середины цементного пола. Через открытую дверь, лампа бросала прямоугольник света на противоположную секцию, а дальний конец коридора, откуда мы пришли, терялся в темноте. Но мне не было страшно, потому что у меня за спиной работал Папа в старом морском бушлате с двумя рядами жёлто-медных пуговиц спереди и в каждой – храбрый выпуклый якорёк…

~ ~ ~

Дрова попадали в подвал в начале осени. Медленный самосвал осмотрительно заезжал во Двор и ссыпáл груду поленьев грубого раскола рядом с обитой жестью крышкой бетонированного приямка – строго посередине торцевой стены любого здания Двора. Под крышкой приямок оказывался прямоугольной ямой глубиной метра в полтора, а чуть выше её дна квадратная дыра-лаз, 50 см х 50 см, горизонтально уходила сквозь фундамент в темень подвального коридора, где и кончалась на высоте полутора метров над уровнем пола. Поленья сбрасывались на дно приямка, а оттуда—через лаз—в подвал, для перетаскивания в секцию того, кому их, собственно, и привезли.

Раз я уже большой мальчик, Папа сказал мне сбрасывать поленья в яму, а он через дыру продёргивал их на себя, в подвал. Сверху видеть его я не мог, но слышал приглушённый голос, когда он кричал мне из подвала повременить, если куча сброшенных поленьев грозила затором лаза. И тогда я ждал, слушая утробный стук поленьев о бетон пола глубоко внизу.

Всё шло легко и гладко до тех пор, пока Наташа не сказала Сашке, что нам привезли дрова и я помогаю Папе спускать их в подвал. Саша прибежал к груде поленьев, ухватил дровину и потащил сбрасывать её в яму. На мои запальчивые декларации, что он нарушает возрастные ограничения для таких вот именно работ и что ещё одно сброшенное им полено наверняка устроит затор дыры, он отвечал молчаливым, но упрямым сопением и продолжал делать что и делал.

(…риторика не помогает с теми, у кого Упрямство-Матушка прежде него родилась, такому хоть кол на голове теши!.)

Однако я не только произносил пылкие речи, но тоже бросал дрова, чтобы потом, за обедом на кухне, Сашка даже молча не намекнул бы, что он работал больше моего. И вдруг он отшатнулся от приямка, забрызганные кровью пальцы схватились за лицо. Наташа бросилась домой сказать Маме. Та прибежала с мокрой тряпкой протирать запрокинутое лицо Сашки. Папа тоже бегом явился из подвала и никто не слушал даже мои оправдания, что всё нечаянно так получилось, не нарочно, когда брошенное мной полено ободрало нос Саши. Мама накричала на Папу, что он допустил такое. Папа тоже рассердился и велел всем уходить домой и работу доканчивал в одиночку.

Царапина быстро зажила даже без пластыря, который Саша упрямо отлепил ещё до ужина.

(…вряд ли мой брат упомнит это происшествие, и только я до сих пор чувствую себя виноватым – да не нарочно, но меньше бы орал, оратор, а смотрел бы лучше куда швыряю…)

В школе я постоянно записывался во всевозможные кружки, стоило лишь руководителю очередного придти в наш класс с объявлением для желающих. Кружки собирались под вечер, чтобы участники смогли сходить домой после уроков, пообедать, отдохнуть

и вернуться в школу. Занятие длилось почти час и кружковцы расходились по домам в уже густой темноте ночи.

Как-то вечером после очередного кружка несколько его участников забрели в спортзал школы, где стояло пианино и где один мальчик мне показал однажды, что если ударять по одним только чёрным клавишам, то получается китайская музыка. Но в тот вечер я и думать забыл о музыке, потому что возле пианино стояли старшеклассники с парой настоящих боксёрских перчаток!

Мы несмело попросили разрешения потрогать их блестящую кожу и немножко примерять. Старшеклассники великодушно позволили, а потом решили провести матч между шпингалетами: Горка (представитель кварталов-близнецов) против Нижняков, которые жили в порядках деревянных домов у подножия Горки.

Выбор пал на меня—о! как же мне этого хотелось! – и на плотного рыжеволосого Вовку от Нижняков. Освещение сцены оказалось недостаточным, все присутствующие на спортивном событии вышли в прихожую спортзала под яркую лампочку отражённую в чернильно-чёрной зимней темноте, разлившейся за широким стеклом окна, и мне с Вовкой скомандовали «бокс!»

Сперва мы хихикали, бухая друг друга громоздкими шарами перчаток, но вскоре остервенели. Я страстно хотел (но никак не мог) влепить ему в голову, а в его глазах угадывалось взаимное желание. Безошибочно и несомненно. Вскоре моё левое плечо, которое я подставлял под все его удары, жутко заныло, а моя правая рука, который я долбил в его подставленное плечо, ослабла и выдохлась. Наверное, ему приходилось не слаще моего, наши хиханьки сменились пыхтением и кряхтом. Было плохо, больно до слёз, потому что его удары проникали, казалось, до кости предплечья, но я бы скорей умер, чем сдался. Наконец, старшим надоела такая монотонщина, они сказали «хватит!» и забрали перчатки.

На следующее утро лилово-сизый отёк расплывался у меня по предплечью и несколько дней кряду оно оставалось моим больным

местом, я крючился от дружеских похлопываний по нему и сычал словно гусь в самообороне.

~ ~ ~

Если выпадал пушистый снег, но не аж по пояс, мы всей семьёй выходили во Двор чистить ковёр и ковровую дорожку. Расстилали их лицом на снег и топтались по жёсткой изнанке. Потом ковёр переворачивался, на него веником наметался снег с ближайших сугробов и сметался начисто. Готово. И мы складывали ковёр. Длинную зелёную дорожку после протаптывания мы не переворачивали, а вчетвером—Мама и трое детей—становились сверху и Папа волок её, и всех нас на ней, оставляя вмятую борозду снега с остатками пыли за кормой. Вот какой у нас сильный Папа!.

А когда выпал мокрый снег, мальчики нашего Двора начали катать его для строительства крепости. Делаешь обычный снежок, кладёшь на снег сугроба и начинаешь катать вперёд-назад. Снежок тут же обрастает слоями мокрого снега. Превращается в футбольный мяч из снега. Вырастает тебе по колено. Становится всё плотней, тяжелеет и уже нужно звать кого-то на помощь, чтобы объединёнными усилиями двоих-троих докатить снежный ком к растущей крепости, где старшие мальчики взгромоздят и закрепят его в кольцевую стену уже выше твоего роста.

Мы разбились на две команды—защитники осаждённой крепости и нападающие. В рекордно короткое время заготовлен запас снежков-боеприпасов и – они бросились на штурм!

Гвалт, крик, вопли; снежки свистят отовсюду и во всех направлениях. Высовываюсь над стеной залепить снежком хоть в кого-то. Вспышка жёлтой молнии в глазах, слепящая как сполох лопнувшей электролампочки. Скользя спиною по белой стене, сползаю на корточки, ладонь вжата в глаз, куда стеганул снежок.

(…" ах, да – я был убит…"

так воссоздал этот момент Н. Гумилёв своим стихотворением…)

Но не стихая беснуется бой, некому оглянутся на павших. Всё сплелось и слиплось в единый общий рёв: «А-а-а-а-а-а!»…

Спустя неведомое время иссякла битва. Крепость так и не сдалась, а только превратилась в метровый холмик снега утоптанного до оледеневшей твёрдости. Но тишина не воротилась, всё тонет в том же неуёмном крике, с ним скатываемся мы по льду растоптанной твердыни на животах, немеет голова неясной глухотой от своего и общего обезумело буйного, неумолчного: «А-а-а-а-а-а!»

Глаз мой уже глядит. Сошлёпав запоздалый снежок, я вмазал им по голове мальчика старше меня. Какая непростительная промашка! Во-1-х, он старше, а значит и сильнее, да и бой давно окончен и этот мальчик пришёл уже с коньками на ногах. Как можно быть таким неосмотрительным?

Как всегда – борьба за правильность, чтобы всё как надо было. Давным-давно тому, в начале возведения крепости, старшие мальчики объявили: «Кто не строит, играть не будет», а я точно знаю, что этот мальчик на коньках совсем не строил. Но кому какое дело до справедливой правильности? Многие из мальчиков-основоположников уже разошлись. Никто вокруг не помнит договорённостей мирного времени.

И дерзости моей всё меньше оправданий, их слушать некому, и некого позвать на помощь, и попранную справедливость сейчас не восстановишь, а просто – Бе!. Ги!.

И я бегу… Едва живой, измотанный долгими часами дикой беспрерывной игры. Бегу с глухим опустошеньем в голове. Бегу к нашему подъезду. А вдруг не догонит в коньках по вытоптанному снегу?. Я всё ещё бегу. И до подъезда уже рукой подать. «А ну если догонит?»– мелькает в голове и получаю пенделя коньком под зад за этот запоздалый страх. Хлопнув дверью, влетаю на площадку первого этажа. Преследователь не отважился – тут чужой подъезд.

(…если хочешь, чтоб всё вышло как надо, не вздумай усомняться, что так оно и будет…)

Весной, что наступила позже, родители надумали заняться сельским хозяйством. В том смысле, что посадили картошку… Когда после работы, с лопатой и сумкой посевного материала, они направились к лесу, я упросил, чтобы и мне позволили пойти.

Мы вышли на узкую бесконечную просеку в лесу, здесь проходила граница Зоны, пока та не разрослась в Объект. Папа выворачивал ямки в грядке, которую вскопал днём раньше, а Мама роняла в них картошины. Лица обоих казались печальными и Папа недоверчиво качал головой, что почва совсем негожа, навряд ли вырастет хоть что в сплошном суглинке… Тихо сгустились весенние сумерки и мы отправились домой.

(…несколько забегая, должен сказать, что попытка с огородом провалилась. Суглинок виноват или ненужное сомнение в успехе предприятия?

Но что вовсе непонятно – зачем понадобился тот огород? Сэкономить на картошке? Но жили мы тогда не бедно. В комнате родителей появился раскладной диван-кровать и ещё два кресла с лакированными ручками, и овальный столик на трёх ногах – всё вместе называлось мебельный гарнитур…

Скорее всего, им просто захотелось отдохнуть от всей той мебели, вот и придумали себе отговорку для вылазки в лес…)

~ ~ ~

И снова пришло лето, причём намного раньше, чем в предыдущие годы. А вместе с летом в жизнь мою ворвалась Речка. Или же границы моего жизненного пространства достигли её пределов.

Для начала моих отношений с Речкой, сперва пришлось увязаться за компанией мальчиков более продвинутых по возрасту, которые

вели по спуску дороги, переступая размякший гудрон на стыках плит, которую я знал как часть пути в Библиотеку. Затем свернули на незнакомую тропу через густую чащу, пока—совсем уже внизу—не открылся, как-то сразу, сверкающий солнечными бликами громкий поток Речки шумевшей по бессчётным валунам и булыгам всяческого размера.

Её 10-метровую ширь можно было перейти не заходя глубже, чем по пояс, или же стоять у берега по колено в быстрых струях и смотреть как табунчики полупрозрачных мальков тычутся в твои икры в зеленоватом сумраке неудержимо катящей массы воды…

На Речке мы играли в *Ключик-Замочек*, загадывая как всплеснёт вода от брошенного в неё камня. Всплеск пошире, как бы кусточком, проходил за «замочек», а если взлетала тощая струя типа перевёрнутой живой сосульки, ей оставалось быть лишь «ключиком». В спорных случаях решающее слово оставалось за мальчиком, который лучше играл в футбол, или чей плоский камешек делал больше скачков по воде при «печении блинов»…

Вскоре я начал ходить на Речку один или на пару с кем-нибудь из мальчиков, но на берегу мы разделялись, потому что пришли ловить рыбу.

Вся снасть это удочка—длинный ивовый хлыст, срезанный ножом, но не ошкуренный от коры—и трёхметровый кусок лески привязанной с конца, что потоньше. Леска продета сквозь поплавок и кончается крючком с каплей свинца рядышком, однако не вплотную, грузило держит, чтоб крючок не всплывал, но не должно мешать его заглатыванию. Поплавком – коричневатая пробка из винной бутылки или же (если он куплен в магазине Спорттовары) начисто ощипанное гусиное перо, половинки окрашены в ярко-красный и белый. Поплавки одинаково прыгучи на торопливой ряби быстрины, и задумчиво застывают на глади крохотных тихих затонов за спиной валунов покрупнее…

Рыбалка – это нечто чисто личное. Какой-то мальчик надеется поймать в тихом заливчике, другому нравится пустить поплавок

вприпрыжку по течению. Поэтому рыбаки расходятся на речном берегу.

Рыбалка – это ракетный взмыв возбуждения на малейший вздрог поплавка. Тихо! Клюёт! Леска не подаётся, дёргает вспять, гнёт кончик удочки, режет воду зигзагами, потом вдруг сдаётся, вымётывается из воды широкой аркой над твоей головой и несёт к тебе взблёскивающее трепыханье пойманной рыбы. Потом, конечно, оказывается, что это не рыба, а мелюзга. Ничего! В следующий раз точно будет во-о-от такая!

Чаще всего на крючок попадались «горюхи». Я никогда не узнал их научного имени. Эти дуры ловились даже на голый крючок, без всякой наживки. И ловились любой своей частью – хвостом, животом, глазом. Кому придёт в голову классифицировать таких тупиц?

С рыбалки я обычно приносил штук шесть уснувшей мелочовки в молочном бидоне с речной водой и кошка Полины Зиминой, урча угрожающим голосом, пожирала их пристукивая блюдцем о плитки пола на площадке…

В тот день я начал ловлю от моста между Насосной Станцией и КПП на дороге из Зоны. Как обычно, я шагал вслед за течением, меняя наживку, глубину погружения крючка. Рыбак я упорный и почти не отвлекался, всего только раз отложил удочку на валуны и немного подправил скульптуру женщины лежащей на спине. Её за пару дней до этого слепили два солдата на песчаной косе вдоль зарослей кустарника. Сразу видно, что солдаты – по их чёрным трусам и чёрным сапогам. Кто ещё станет носить такие сапоги летом? В общем, я нарастил осевшие перси и подкруглил скульптуре бёдра. Они казались шире, чем нужно, но этого я не стал поправлять.

Зачем я вообще этим занялся? Так ведь неправильно же, чтобы произведение искусства сравнялось с остальным песком и весь солдатский труд пошёл прахом…

(...или, может, мне захотелось пошлёпать женский бюст и ляжки, хотя бы и песчаные?

И-и-и! К чёрту Фрейда и его горюшных последователей!

Айда на рыбалку! Там интересней...)

...и на неё я не ложился, как один из тех солдат два дня назад, а просто продолжил рыбалить.

Течение принесло поплавок до прорванной плотины пониже стадиона, где когда-то давно я оступился с коварной плиты, а значит половина Речки пройдена, ещё столько же и она убежит за Зону, прочь от колючей проволоки на столбах в два ряда, со взрыхлённой землёй в промежутке, чтоб оставались отпечатки следов шпионов-диверсантов из НАТО. Полречки пройдено, а в бидоне лишь пара «горюх», кошка тёти Полины обидится.

Когда ниже по течению показался второй (он же последний) мост Зоны, я решил не идти дальше, а попытать удачи на крутой излучине течения под крутым глинистым обрывом. И именно там случилось то, ради чего люди вообще ходят на рыбалку. Поплавок не дёрнулся, не дрогнул, а просто ушёл под воду, глубоко и спокойно. Я потянул на себя и удочка ответила странной неуступчивой дрожью. Никакая рыбка не выскочила из воды трепыхаясь в полёте сквозь воздух. Пришлось тянуть тугую леску всё ближе и ближе, а там и на берег... Рыбина выгибалась и билась на песке, а мне и подойти было страшно, никогда ещё не видел такой кусок живого тёмно-синего шланга.

Я выбросил «горюх» обратно в Речку, зачерпнул воды в бидон и опустил в него добычу, но там ей пришлось заторчать стоя, длина не позволяла кувыркаться в тесноте. Два мальчика подошли от моста возвращаясь домой с рыбалки. Они спросили про улов, и я показал им рыбу.

– Налим! – мгновенно определил один из них. Они ушли, а я понял, что ничего лучшего уже не поймать, пора сматывать удочку...

Я поднимался на Горку, а слава летела впереди меня – пара мальчиков прибежали метров за сто от квартала. Им хотелось взглянуть на Налима. А когда я уже подходил к нашему дому, незнакомая тётенька из углового здания остановила меня на дорожке спросить – правда ли это. Она заглянула в бидон на круглую морду торчком застывшего Налима и попросила отдать его ей. Я тут же протянул улов, потом подождал пока она отнесёт рыбу к себе и принесёт бидон обратно, потому что правильно делать то, что тебе взрослые говорят…

~ ~ ~

В те времена лето в году было намного длиннее, чем нынче, и в них умещалось намного больше такого, что стоит помнить. Например, в одно лето с Налимом мои сестра-брат и я поехали в пионерский лагерь, хотя мы мы ещё не были юными пионерами.

Ярким солнечным утром дети нашего квартала, а также соседнего, и дети-Нижнякѝ из деревянных домов у подножия Горки, сошлись у Дома Офицеров, где нас ожидали два автобуса и два грузовика с брезентовым верхом над кузовом. Родители отдали своим соответственным детям чемоданчики с одеждой и сумки с печеньем и прочими вкусностями, и помахали вслед отъехавшей колонне.

Мы пересекли Речку по мосту возле Насосной Станции, миновали белые ворота КПП и оставили Объект за колючей проволокой, что окружала его весь целиком с лесом, горами и долами, болотами и кусочком Речки.

За КПП, мы свернули вправо и долго ехали по длинному подъёму, прежде чем свернуть с асфальта на грунтовую дорогу через лес могучих Сосен. Там колонна продвигалась медленнее и минут через двадцать мы подъехали к другим воротам и другому забору из колючей проволоки, но уже не удвоенному, а у ворот никаких часовых, потому что лагерь же пионерский.

От ворот невдалеке стояло одноэтажное здание для столовой и медпункта, а также с комнатами для Воспитателей, Директора и

других работников лагеря. Позади здания раскинулось широкое поле застолблённое высокой железной мачтой Гигантских Шагов с железным колесом на макушке откуда свисали брезентовые петли на изрядно ржавых цепях, потому что никто и никогда не крутился на этом аттракционе. Под рядом высоких Берёз вдоль левого края поля протянулась ровная гаревая дорожка к яме для прыжков в длину. За полем снова начинался лес отделённый от лагеря двумя провисшими нитями колючей проволоки прибитой к стволам деревьев потолще.

Влево от здания столовой, зелёная полоса кустов отделяла четыре квадратные шатра брезентовых палаток, каждая на четыре железных койки поверх дощатого пола для девятиклассников из Первого отряда.

Потом шла ровная поляна с другой железной мачтой, намного тоньше и без ржавых цепей, но с тонким тросом продетым в два маленькие блока—один на самом верху, второй за метр от земли—для лагерного Красного Флага. Каждое утро и каждый вечер отряды выстраивались на лагерную «линейку» по трём сторонам большого прямоугольника, лицом внутрь. Железная мачта, Директор лагеря, Старшая пионервожатая и Баянист лагеря замыкали четвёртую—довольно реденькую—сторону периметра. Командиры отрядов, начиная с самого младшего, подходили, поочерёдно, к Старшей пионервожатой отрапортовать, что их отряд построен. Во время их рапорта, командиры и Старшая пионервожатая держали свой правый локоть на уровне плеча, а распрямлённую правую ладонь строго по диагонали лица каждого из них. Приняв рапорты от командиров всех отрядов на построении, Старшая пионервожатая давала общую команду «Смирно!», делала несколько шагов вперёд, но, не успев дойти до центра прямоугольника, оборачивалась кругом и возвращалась к Директору лагеря доложить, что лагерь на линейку построен, на что Директор лагеря выслушивал её доклад вскинув правую руку в пионерском салюте по диагонали своего лица, хотя и

не был юным пионером, и отдавал приказ поднять или опустить Красный Флаг лагеря, в зависимости от времени суток.

Баянист растягивал меха своего инструмента, который испускал гимн Советского Союза. Пара рядовых пионеров—назначенные Старшей пионервожатой за их недавние отличия и заслуги в жизни лагеря—приближались к мачте. Стоя по обе стороны от неё, они тянули продетый через два блока тросик, хватаясь за него попеременными руками, и Красный Флаг, с остановками и рывками, полз вдоль мачты—утром вверх, а вечером вниз—пока всё построение, кроме Баяниста, стояло держа их правые локти на уровне плеч, расправленные ладони правых рук строго по диагонали их персональных лиц, даже и дети самого младшего отряда, хотя никто из них не достиг соответствующего возраста для пионерского салюта…

За поляной с флагштоком следовал короткий спуск к приземистому деревянному бараку с двумя большими спальнями разделёнными продольной глухой перегородкой, а вдоль стен с окнами два ряда коек с панцирными сетками. Обе спальни заканчивались дверью в общую комнату, покороче, зато во всю ширину барака. Там находилась маленькая сцена с экраном для показа фильмов и десятка два рядов из сидений для зрителей.

Зайдя в свою спальню в день приезда, мальчики не спешили отправляться за матрасами, простынями и одеялами из здания столовой, но вместо этого уронили свои сумки с чемоданчиками на пол и начали гонять по пружинным дорожкам коечных сеток, которые придают бегу такую упруго приятную взлётность… (В этом виде спорта очень важно не врезаться в попрыгунчиков, что несутся в обратном направлении.)

Потом все пооткрывали свои сумки и чемоданчики и начали объедаться сладостями, запивая их глотками тягучего сгущённого молока из сине-белых жестяных банок. Как оказалось, для потребления сгущёнки никакой консервный не нужен вовсе. Просто найди гвоздь, который вытарчивает из стены, и ударь по нему

крышечной частью банки, чтобы пробилась дырка. Постарайся, чтобы пробой пришёлся с краю, а не в центре. Теперь в той же крышке сделай такую же дырку, напротив первой и тоже с краю... Чувствуешь? – Сосётся легче лёгкого, без остановок, и при этом ничуть не перемажешься, как вон тот гвоздь с висячей на нём каплищей густой сгущёнки. Ну а если ты не слишком поднаторелый дыробой или роста не хватает дотянуться до гвоздя в стене, то попроси кого-нибудь из мальчиков постарше – пробьют безотказно, всего за два долгих отсоса из твоей банки...

Середина поляны лагерных построений отводилась под квадратные грядки, каждому отряду отдельная. На ней дети выкладывали дату дня, применяя зелёные шишки или свеженащипанную листву, или оторванные у цветов головки в Соревновании на Лучший Отрядный Календарь.

По воскресеньям большой автобус привозил в лагерь толпу родителей, чтобы те кормили своих детей пряниками, конфетами и – поили ситром! Наша Мама уводила нас под зелёную сень деревьев и смотрела как мы жуём и глотаем, а Папа тем временем щёлкал своим новеньким фотоаппаратом ФЭД-2. Поглощая лакомства, мы отвечали, что жизнь в лагере, как жизнь, да. А недавно все отряды пошли на прогулку в лес, возвращаемся – сюрприз! Нас ожидает ресторан в перголе с дощатым полом, напротив барачного кинозала.

Оказывается, девочки старших отрядов в лес не ходили, а расставили в перголе стулья и столы, и приготовили обед вместе с поварихами столовой. На столах разложены листки рукописного меню и все посетители подзывают девочек взрослым словом «официант!». И они подходят получить заказ на Салат Майский, или Салат Луковый, ничего другого в меню не написано.

По окончании ресторана, я случайно подслушал, как две официантки пересмеивались между собой, что все заказывали Салат Майский, хотя Салат Луковый намного вкуснее, и официантская доля

получилась больше благодаря лопухам, которые верят словам на куске бумаги.

(…и я дал себе слова – не покупаться больше на блестящие фантики финтифлюшных слов. Да именно так, потому что моё безудержное чтение успело уже сделать из меня довольно пафосного ребёнка с ненормативным запасом странных слов…)

К сожалению, в режиме дня лагерной жизни сохранился пережиток детсадовского прошлого, хоть и под новым именем – «мёртвый час». После обеда марш по своим палатам! Всем по койкам! Отбой!

Спать посреди дня просто не получается и двухчасовый «мёртвый час» ползёт медленнее слизняка. Все ужасы рассказаны и выслушаны в миллионный раз, и про женщину в белом, которая пьёт собственную кровь, и про летающую чёрную руку, у которой даже тела нет, а всё равно душит кого попадя, и все другие жути жуткие, но до команды «Подъём!» по-прежнему всё те же 38 минут.

Однажды за обедом в столовой я заметил явно условные знаки во взмахах рук трёх мальчиков за моим столом. Обмен немыми кивками и подмигивание это ничто, конечно же, иное, как тайные сигналы секретного кода. Даже и слепому ясно – тут сговор полным ходом. Но как же я?

И я и так неотвязно пристал к одному из заговорщиков, что тому пришлось поделился их секретным планом. Уговорились на «мёртвом часе» смыться в лес, где одному из них известно место, что малины – завались, больше, чем листьев.

По окончании обеда, беглые мальчики украдчивой пробежкой подались в противоположном от барака направлении.

Бегу следом, отражаю попытку вожака повернуть меня вспять – в палату с «мёртвым часом», и проползаю замыкающим в веренице пластунов под колючей проволокой.

В лесу мы сразу же вооружаемся ружьями из тех древесных сучьев, что дали себя обломить, и пускаемся в путь по широкой тропе среди кустарников и Сосен. Вожак сворачивает на поляну, после которой мы входим в лес где уже нет тропы. Долго бродим, но никакой малины не попадается, а только кусты волчьих ягод, но они ядовитые. Наконец, нам надоедает бесполезный поиск, а вожак признаётся, что не может найти обещанную малину, за что получает разноголосое «эх, ты!», и наше блуждание по лесу продолжается дальше, пока не встретилась двойная путеводная нить колючей проволоки прибитой к стволам деревьев. Продвигаясь вдоль колючей подсказки лагерного забора, мы выходим на уже знакомую тропу, и воспрянувший вожак отдаёт команду строиться. Похоже, начнём играть в Войнушку. С охоткой подчинясь приказу, выстраиваемся в шеренгу на тропе, тесно притиснув сучья автоматического оружия к животам.

И вдруг сразу две взрослые тёти—Воспитательницы из лагеря—прыгают из-за куста с громким криком: «Бросай оружие!» Ошарашенные, мы роняем наши палки и нас, уже готовой шеренгой, конвоируют к воротам лагеря. Одна из поимщиц идёт впереди впереди, вторая замыкает строй.

Вечером на общей линейке Директор объявил, что в лагере произошло ЧП и родителям виновников сообщат о нарушении, и будет также поднят вопрос об отчислении беглецов из лагеря.

После построения сестра-брат подошли ко мне из их младшего отряда. «Ну тебе будет!»

– А! – отмахнулся я в ответ, скрывая страх перед неопределённостью наказания за поднятие вопроса об исключении. Неизвестность мучила меня до самого конца недели и Родительского Дня в воскресенье.

Родители приехали как обычно и Мама, при раздаче сгущёнки и печенья, ни словом не помянула мой проступок. Мне отлегло – наверное, Директор лагеря забыл оповестить родителей!

Когда они уехали, Наташа мне сказала, что Мама всё время знала про ЧП и в моё отсутствие спрашивала кто ещё ходил в бега со мною. Услышав исчерпывающий список имён и фамилий, она сказала Папе:

– Ну уж деток таких людей точно не исключат.

~ ~ ~

В конце лета случилась резкая перемена в образе жизни нашего квартала. Теперь каждое утро и вечер осторожный мусоровоз заезжал во Двор, громко сигналил и ждал, пока жильцы домов принесут и опорожнят свои мусорные вёдра в задний ящик его кузова. Железные ящики Мусорки позади нашего дома куда-то увезли, а ворота в заборе вокруг пустого места заколотили досками.

В сентябре на широкий луг между Бугорком и заколоченной загородкой прибыл бульдозер, который два-три дня-деньских всё тарахтел и лязгал, передвигая горы грунта. Потом он пропал оставив после себя пустое поле на два метра глубже того, где мы прежде играли в футбол, но уже без единой травинки, а со следами перекрёстных отпечатков его гусениц в голой земле…

Месяц спустя проводился Трудовой Воскресник для одних только взрослых, но Папа позволил и мне пойти с ним. На опушке леса за следующим кварталом стояло длинное здание очень похожее на барак в пионерском лагере и участники Трудового Воскресника начали его нещадно бить и разваливать.

Папа залез на самый верх. Он ломом отрывал целые куски крыши и швырял их вниз, покрикивая: – «Эх! Ломать – не строить! Душа не болит!»

Трудовой Воскресник мне совсем почти не понравился, потому что повсюду твердят «Не подходи близко!», а просто слушать издали как визжат гвозди, когда их вместе с досками отдирают от брёвен, быстро надоедает.

(...вот всё никак не вспомню – накануне того Воскресника или сразу же после него сместили Никиту Хрущёва и главным рулевым СССР стал Леонид Брежнев... И-и-и! Какая несвоевременность! Ведь до построения Коммунизма в нашей стране оставалось всего-то 18 лет...)

В своей весьма практичной книге Эрнест Сетон-Томпсон настаивает, что лук надо делать непременно из Ясеня. Но спрашивается где найдёшь ты на Объекте Ясень? В лесах вокруг кварталов лишь Сосны с Елями, а из лиственных Берёза с Осиной, всё прочее можно считать кустарником. Поэтому, следуя совету соседа по площадке, Степана Зимина, я свои луки делал из Можжевельника.

Очень важно выбрать правильный Можжевельник, потому что у слишком старого много побочных ветвей, ну а если слишком толстый, то и не согнёшь. Деревце метра в полтора – самое оно, пружинисто и крепко. Стрела пущенная из такого лука взовьётся в серое осеннее неба метров на тридцать—едва разглядишь—а потом отвесно упадёт и воткнётся в землю, потому что наконечником у неё гвоздь примотанный изолентой.

При изготовлении стрелы нужно использовать ровную рейку, из тех, что крест-накрест прибивают к стенам под штукатурку. Рейку следует продольно расщепить и обстругать ножом округло. Вот только стрелы мои оставались неоперенными, хотя Сетон-Томпсон и объяснял как это делается. Но откуда эти перья взять? Папу просить бесполезно, у него на работе одна только механика...

На зимних каникулах я узнал, что ребята обоих кварталов Горки по субботам ходят в Клуб Полка смотреть там кино. (Полк – это где солдаты продолжали службу по окончании Учебки Новобранцев). Идти туда в первый раз было страшновато из-за невнятных слухов среди детей, что какой-то солдат душил какую-то девочку в лесу. Никто не мог толком сказать как и зачем, но, наверное, то был *чернопогонник*, а в Полку на всех солдатах погоны красные.

Путь в Полк оказался неблизким, в два раза дальше, чем до школы, которую обходишь справа и тропа становится шире и прямей вдоль плотного ряда Елей-великанов, пока не выйдешь на асфальт дороги, что кончается воротами с охраной, но часовые мальчиков не останавливают и можешь идти дальше до здания с вывеской Клуб Части.

За входом – широкий длинный коридор с тремя двустворчатыми дверями в его глухой стене. Между дверями и между окнами в стене напротив, висят картинки одинакового размера с портретами солдат и офицеров и кратким описанием их беззаветных подвигов и героических смертей для защиты нашей Советской Родины.

Двустворчатые двери открываются в огромный зал без окон, наполненный рядами прибитых к полу фанерных сидений лицом к сцене с тёмно-малиновым бархатным занавесом. Бархат раздвинут в обе стороны, чтобы не закрывать широкий белый экран. От сцены к задней стене—с парой квадратных окошечек высоко под потолком для демонстрации фильмов—тянется длинный проход разделяя зал на две половины. Такие же проходы, но поперечные, проложены от каждой двери до стены напротив.

Солдаты заходили группами, громко переговариваясь и стуча сапогами о крашенные доски пола, и постепенно заполняли сиденья своей одноформенной массой, а весь зал густым неотчётливым гулом своих массовых разговоров. Время тянулось до невыносимости. На побелённых стенах картинок не было и я в который раз перечитывал, снова и снова, две надписи на рамах обтянутых красным кумачом, за которыми прятались чёрные ящики динамиков по бокам сцены.

На раме слева тонкая жёлтая линия прямоугольно охватывала портрет вырезанной головы с широкой бородой и копной седоватых волос, приклеенной над словами в одном с ней прямоугольнике: «В науке нет широкой столбовой дороги и лишь тот, кто не зная усталости, карабкается по её каменистым тропам, достигнет её

сияющих вершин». Заключительная строка без кавычек служила пояснением чья голова сказала эти слова – К. Маркс.

А рядом с бархатными складками оттянутыми вправо, голова без волос и с бородкой клинышком—не клеенная, а в привычном наброске жёлтым—сразу показывала (ещё не доходя до самой нижней строчки), что это Ленин так кратко поделился: «Кино не только хороший агитатор, но и замечательный организатор масс».

Когда солдаты заполняли зал полностью, школьники переходили из передних рядов на сцену и смотрели кино с обратной стороны туго натянутого полотна экрана. Какая разница если Человек-Амфибия нырнёт со скалы в левую сторону, а не вправо, как это кажется зрителям в зале. А бунтовщик Котовский всё равно убежит из суда… К тому же, кино со сцены можно смотреть и лёжа… Хотя некоторые мальчики оставались в зале, унасестившись на подлокотниках между сиденьями, солдаты не возражали.

Иногда в темноте прорезаемой сполохами луча проектора над головами, звучал крик от какой-нибудь из трёх двустворчатых дверей «Ефрейтор Солопов!» или «Второй взвод!», но всякий крик от любой из дверей заканчивался одинаково: «На выход!»

Если кино внезапно обрывалось и зал тонул в кромешной темноте, тут же взвивалась оглушительная стена свиста и грохота сапогами в пол, и крики «Сапожник!» со всех невидимых сторон…

После кино в Клубе Полка, мы шли домой через ночной лес, пересказывая друг другу то, что только что смотрели сообща: —«Нет! Но как он ему двинул!» – «Эй! Эй! Я те говорю! Тот даже и не понял!»

Конечно, Клуб Полка не единственное место куда ходят в кино. Всегда остаётся Дом Офицеров, но там сеансы по билетам, а значит надо приходить с родителями, у которых на кино никогда нет времени. Хотя по воскресеньям для детей бесплатно крутили чёрно-белые сказки с Бабой-Ягой или цветной фильм про юного партизана-пионера Володю Дубинина.

~ ~ ~

Воскресным утром я сказал Маме, что иду гулять.

– Думай, что говоришь! Какое гулять в такую погоду?

За стеклом кухонного окна стремительные росчерки снежной крупы полосовали мутно-серый сумрак.

– Видал что творится?

Но я ныл и канючил, и не отставал, пока Мама не рассердилась и сказала мне идти, куда уже хочу, но всё равно там никого не будет.

Я вышел в бескрайний Двор. Ни души. Пустота вокруг выглядела слишком тоскливой, чтоб оставаться в ней. Пряча лицо от секущих вихрей жёсткого снега, я обошёл угол дома, пересёк дорогу и вышел в поле возле заколоченной Мусорки. Конечно, и тут совсем никого, ведь себя же я не мог видеть, а видел только ошалелую вьюгу, что хлестала серый от страха мир змеистыми полосами колючего снега. От одиночества хотелось вернуться домой, в спокойное тепло. Но Мама скажет: —«Я же тебе говорила!» И младшие начнут подсмеиваться.

И вдруг с дальнего конца поля, где в давным-давно минувшие лета играли в волейбол и городки, донёсся голос алюминиевого репродуктора с верхушки деревянного столба не видного через всю эту кутерьму: —«Дорогие дети! Сегодня мы разучим песню про Весёлого Барабанщика. Сначала прослушайте её, пожалуйста». – И слаженный хор детских голосов запел про ясное утро у ворот и кленовые палочки в руках Весёлого Барабанщика.

Песня закончилась, и диктор начал раздельно диктовать первый куплет так, чтобы слушатели у своих приёмников записывали слово за словом: —«Встань по-рань-ше, встань по-рань-ше, встань по-рань-ше, толь-ко ут-ро за-ма-ячит у во-рот...»

И я уже не один был в этой круговерти угрюмого мира получающего свою порку. Я бродил по глубоким сугробам пустого поля, но снег не мог до меня добраться, мои тёплые штаны плотно облегали валенки. Диктор закончил диктовать первый куплет и дал

мне прослушать его в исполнении хора. Затем он перешёл к диктанту второго, тоже с последующим прослушиванием, и третьего.

– А теперь послушайте песню целиком.

И тут уже нас собралось совсем много: и Весёлый Барабанщик, и дети с весёлыми голосами, и даже вьюга стала одной из нас и бродила по полю рука об руку вместе со мной, туда-сюда. Только я проваливался сквозь корку наста в зыбкую снежную пудру под ним, а вьюга плясала поверху, рассыпая свои колючие крупинки.

Когда я вернулся домой, Мама спросила: —«Ну, видел там кого-нибудь?» Я сказал, что нет, но никто не хихикал.

~ ~ ~

Одиночная прогулка в большой компании под диктовку Весёлого Барабанщика вылезла мне боком и уложила в постель с температурой. Странная тишина сползлась вокруг, когда все ушли на работу и в школу. Потому что книги из Библиотеки Части были прочитаны, а вокруг никого, кто отнёс бы и обменял их, мне пришлось выбирать какую-нибудь из домашней библиотеки на полке внутри серванта в комнате родителей. Чуть поколебавшись, я вытащил ту, которая давно манила своим названием, но отпугивала общей толщиной собранной в четыре тома *Войны и Мира* Льва Толстого.

Начальная глава подтвердила мои опасения – шли сплошные страницы французского текста, но отлегло, как разглядел перевод в подстраничных примечаниях... Из-за этого романа, я не заметил свою болезнь, а торопливо проглатывал лекарство и спешил обратно к Пьеру, Андрею, Пете, Наташе... порой не успевая вытащить градусник из подмышки.

Я прочёл все тома и эпилог, но заключительную часть – рассуждение о предопределении, так и не смог осилить. Её нескончаемые предложения превращались в отвесную стену из стекла, вскарабкавшись на чуть-чуть, я неизменно соскальзывал вниз к её подножью. Неодолимая стеклопреграда простиралась в

обе стороны и невозможно понять откуда я сюда попал. Последнюю книгу пришлось закрыть не дочитав до доски.

(…пару лет назад я перечитал роман, от доски до доски, и сказал в заключение, что если человек может писать так, как Толстой в той последней части *Войны и Мира*, то нафиг было городить огород из той предварительной беллетристики вместе с её эпилогом?

Возможно, я выпендривался отчасти, но только лишь отчасти…)

А пока я лежал на своей раскладушке посреди бального зала и поля битвы при Аустерлице, жизнь не стояла на месте. Мои брат-сестра приносили новости о снесении заколоченной загородки бывшей Мусорки и о возведённой на том месте раздевалке. А поле от раздевалки до Бугорка превратили в каток! Да, приехала пожарная машина, сбросили наземь рукава шлангов и вылили тонны воды. И теперь там настоящий каток, а в раздевалке выдают коньки! Заходишь и получаешь или приносишь с собой, переобуваешься и – на каток!

Я не хотел отставать от жизни и поспешил выздороветь. И всё-таки я опоздал. В раздевалке уже коньков не выдавали, а нужно приносить свои. Скамейки, правда, оставались, можешь сесть и переобуться в принесённые коньки и спрятать свои валенки в шкафчик, если есть место, или оставить их под скамейкой и – иди катайся.

Вообще-то, там оказалось два помещения, на высоком крыльце рядом с дверью в раздевалку ещё и дверь в комнату обогрева с электрическим точилом коньков и печкой из широкой железной бочки. В ней потрескивает горячее пламя, чтоб мог отогреть замёрзшие руки и просушить варежки связанные ещё Бабой Марфой. Только надо вовремя снимать их с железного дна наверху, чтоб не завоняли жжёной шерстью. Йехк!.

Слов не подобрать, до чего мне хотелось научиться кататься на коньках. Как вкусно хрустит лёд под ними! А ты летишь, как крылатый стриж, опережая звук лезвий режущих морозную гладь!.

Учиться я начал с двухполозных коньков, которые надо привязывать к валенкам, и был высмеян за такие детсадовские безделушки. Их сменили «снегурки» с широко закруглёнными носами, но всё равно с бечёвками для привязывания. Но и с ними ничего не вышло, ни полёта, ни радости, просто железки привязанные к войлоку валенок. Наконец, Мама принесла откуда-то настоящие «полуканадки» приклёпанные к своим ботинкам.

С красиво подвешенными на плечо настоящими коньками, я поспешил в раздевалку у катка. Из валенков я переобулся в коньки и вышел на лёд. Всё, что там у меня получалось, было неуклюжим ковылянием туда-сюда. Коньки никак не хотели стоять ровно – подламывались то внутрь, то в стороны, до боли выкручивая мне ступни. Пришлось вернуться в раздевалку, обходя каток по снежным сугробам, где плотный снег удерживал лезвия коньков стоймя, чтоб не доламывались мои измученные пыткой щиколотки.

Последняя попытка совершалась вечером, когда Папа пришёл с работы и поужинал. По моей просьбе, поверх смягчающих шерстяных носков толстой вязки, он накрепко пришнуровал «полуканадки» к моим ногам, чтоб они стали единым целым. Я вышел за дверь и процокал по ступенькам вниз, плотно опираясь на перила. Когда те кончились, до входной двери я шёл с опорой на стену. Внешняя стена помогла обогнуть здание. Дальше начались вспомогательные сугробы, на дороге их не было и её пришлось пересекать встрёпывая руками, как канатоходец.

Наконец, я ступил на лёд катка убедиться помогла ли шнуровка, но всё повторилось сызнова – коньки выламывали мне ступни хотя и натуго примотанные Папой… Какое-то время я постоял страдая от боли и зависти в толчее крылоногих счастливчиков, что носились вокруг, прежде чем пуститься в мучительный обратный путь…

(…и больше ни разу не пытался я встать на коньки.
“ Рождённый ползать – летать не может.”…)

~ ~ ~

В яркий солнечный выходной сосед по площадке, Степан Зимин из квартиры наискосок, позвал меня и своего сына Юру сходить в лес на лыжах. По такому случаю Папа принёс лыжи из подвала. Кожаный ремешок посреди каждой лыжины можно было подтягивать на ширину носа валенка, а петля из привязанной к ремешку бельевой резинки охватывала его пятку, чтобы лыжа не соскакивала. У меня и у Юры было по паре бамбуковых палок в руках, а Степан вышел в одних лишь одетых на ноги лыжах, но—ого! – ему и этого хватало. Он ловко скатился от дороги по нетронутым белым сугробам, а мы с Юрой, замедляясь падениями, следом.

Потом мы свернули в лес налево от Учебки Новобранцев и зашли в почти непроходимые дебри из непролазных сосен с иссохшими ветвями в нижних ярусах. Там нам попалась пара квадратных ям под глубоким снегом. Степан объяснил, что они от бывших землянок, вырытых во время войны, чтобы солдатам было в чём жить. У меня это просто в уме не укладывалось, ведь война кончилась до моего рождения, то есть вечность тому назад и за такой длительный период времени все окопы, блиндажи, воронки от бомб должны были совершенно изгладиться с лица земли…

Степан никогда больше не выходил на лыжные прогулки, но мне понравилось кататься со спусков и горок рядом с дорогой окружавшей кварталы. И конечно же, я записался на участие в лыжных соревнованиях на первенство школы. По этому случаю, вечером накануне забега я попросил Папу заменить потёршиеся бельевые резинки в креплениях лыж. Он отмахнулся, сказал, что и эти сойдут.

Старт давался с поляны, где осенью завалили барак Трудовым Воскресником. Лыжня оттуда уходила в лес и, пропетляв там пару километров, возвращалась обратно, так что старт становился финишем: 2 в 1.

Нашу группу из четырёх-пятиклассников отмахнули в забег всех разом, один старшеклассник бежал впереди, чтобы мы там не сбились на какую-нибудь приблудную лыжню. Меня обгоняли и я обгонял кого-то, кричал им в спины «Лыжню! Лыжню!», чтобы уступали две наезженные дорожки для лыж. А когда мне кричали «Лыжню!», я неохотно соступал в сугробы непроезжего снега, потому что такое правило.

Мы бежали, скатывались со спусков и снова бежали. На одной особенно крутой горке, мы сбились в общую кашу-малу. Я выбрался из кутерьмы одним из первых и отчаянно ушёл в отрыв, но за двести метров до финиша эта гадская резинка лопнула и лыжина соскочила с валенка. Сдерживая злые слёзы, я пришёл к финишу в одной левой, подгоняя вторую пинками в крепление. Судьям понравилось, они хохотали, но я, придя домой, разрыдался: —«Я же знал! Ну просил же!» Мама начала выговаривать Папе, тот хотел что-то ответить, но не нашёл что. На следующий день он принёс с работы и закрепил на ремешки какую-то круглую резину толщиной в мизинец, цвета слоновой кости.

(…это крепление никогда не подводило и двадцать два года спустя резина служила как надо… Лыжи, они, вообще-то, очень живучи…)

С такими надёжными креплеными, по воскресеньям я закатывался в лес чуть ли не на весь день. Бесконечная, хорошо наезженная лыжня тянулась по просеке из ниоткуда неизвестно куда. Иногда лыжня раздваивалась и уже две одинаковые бежали рядом, бок о бок.

Мне нравились сухое щёлканье дерева лыж по тверди лыжни за спиной. Иногда на пути я встречал солдат-лыжников, которые отдыхали без шинелей оставленных в Полку, просто в широких гимнастёрках навыпуск, что плескались от ветра на спусках.

Прямая лыжня выводила к моему излюбленному месту катания – в глубокую ложбину, где скорость набранная при спуске выносила тебя на треть противоположного склона. Я очень гордился, что могу гонять там как те одиночные солдаты, хотя иногда падал голова-ноги, особенно на трамплине, который они соорудили для своих прыжков…

Однажды я заметил укромную лыжню ответвившуюся от трассы по просеке, что, как я догадался позднее, служила границей Почтового Ящика-Зоны-Части-Объекта до их расширения. Беглая лыжня вывела меня к бесподобному месту для скоростного спуска в глубине чащи. Правда, на склоне лыжной горки росли могучие Ели понуждая к резкому крену в конце его, но, если не упасть в том месте, разгон уносил тебя чёрти куда, застилая глаза выжатыми слезами и заставляя повторить спуск ещё и ещё…

На следующее воскресенье я уже почти не падал на том кручёном повороте и катался со спуска допоздна, пока глубокие сиреневые тени не начали соскальзывать с разлапистых ветвей густых Елей, отягчённых слоями плотного снега.

И вдруг нахлынуло странное чувство будто я не один тут, что кто-то ещё подглядывает за мной из-за спин неохватных Елей. Сначала стало страшно, но вслушавшись в затаённое молчание деревьев вокруг, я понял, что это он, лес, добродушно подглядывает, потому что мы заодно—я и лес… Стемнело, и я вспомнил, что до кварталом ещё два километра пути.

(…конечно же, я добрался домой уже в потёмках и получил громкий нагоняй, но до сих пор, вспоминая те сиреневые сумерки и дружелюбную тишь леса, я знаю, что не зря жил жизнь…

~ ~ ~

(…то же самое чувство растворённости и сопричастности всему остальному вокруг, когда не можешь сказать где кончается твоё «Я» и начинается «не-Я», мне довелось

пережить намного позже, уже в Карабахе. Только на этот раз подглядывал я и случилось это летом, а не зимою.

Хотя такой переход нарушает линейное развитие повествования, идёт вразрез классическому канону единства времени-места-действия, но в конце концов, это моё письмо и жизнь моя – как хочу, так и верчу.

Итак...)

В Степанакерте меня не застать за день-два до моего дня рождения и столько же, примерно, после. Это у меня период бегства на волю.

(...зацени выгодность рождаться летом...)

Мои местные родственники уже перестали удивляться или сердиться. Сделали вывод, что это просто старинный странный, но красивый Украинский обычай – на свой день рождения уходить куда глаза глядят. Что я и сделал в том августе (точного года не помню) конца девяностых. Да, никак не позднее, потому что эта вот палатка покупалась в последний год истекшего миллениума.

Тогда я пошёл на север через леса и *тумбы* без деревень, но где открываются виды красы неописа́нной. Точь-в-точь, как когда-то Мама меня предупреждала: —«Ты будешь там один».

В конце дня подъёма на цепь *тумбов*, где леса сменяются альпийскими лугами, я набрёл на почернелые от сажи куски шифера и кучу обугленных жердей. Как видно до войны пастухи поднимались сюда с отарами, вот и притащили строительный материал для халабуды. А кто спалил? Ну как узнаешь... а и нечего всегда на людей валить, могла и случайная молния трахнуть... в любом случае, какое мне дело?.

И я прошёл дальше, а ещё выше, в седловине перехода с *тумба* на *тумб*, мне попалось древнее захоронение. Откуда я узнал про древность? Ну это просто... Та могила была раскопана алчными

гробокопателями в поисках драгоценностей, осталась лишь яма и четыре или пять полутораметровых, грубо-тёсанных каменных плит по полтонны каждая. При социализме людей не хоронили таким манером. Да и в капиталистическую эпоху вряд ли. Склоны поблизости не скальной породы, значит плиты везли издалёка. Но зачем?. Впрочем, если посмотреть хоть раз по сторонам, вопрос сам собой отпадает – какое раздолье невероятной красоты! Небо бескрайнее, раздольно-волнистые цепи *тумбов*, на дальних темнеют леса, альпийские луга на тех, что поближе…

Чтобы приволочить плиты из не знаю какого далека необходима круглая сумма денег или реальная власть, или и то, и другое… Более чем достаточно для неоспоримого вывода: какой-то из Карабахских князей-меликов однажды выехал на охоту, добрался сюда и – прикипел, не захотел расстаться даже после своей кончины. Досадная промашка в расчётах – не учёл алчи осквернителей праха…

Теперь понятно? Ни одной загадке истории не избежать полного разоблачения, если приложим к ней свои вымыслы, на которые возражать некому…

Я перешёл на следующий *тумб* и на его вершине меня прихватил дождь. Впрочем, ничего страшного, для таких случаев у меня имеется чётко отработанный приём.

Как обычно, снимаю с себя всю одежду, запихиваю в целлофановый пакет и начинаю выплясывать под дождём. Эти танцы, в общем-то, вовсе не часть какого-то шаманского обряда, они для сугреву, там повыше в горах, да без солнца, да под дождём весьма даже прохладно, могу заверить. Хотя какой-то налёт ведьмацкого паганизма тоже присутствует, иначе откуда те первобытные гики-крики под танцы голяком? Короче, у одиночества есть свои преимущества – не повяжут за нарушение общественного порядка и морали своим первозданным видом. А как дождь кончится, просто обтираюсь свитером насухо и одеваю сухую

одежду, что в целлофане под кустом пережидала. Вот могу ж быть умным, когда деваться некуда…

Однако в тот раз после одного дождя вскоре пошёл следующий, и под вторым мой балет уж не блистал былым энтузиазмом. А когда и тот кончился, свечерело и я решил залечь на ночёвку в небольшой ложбине, чтобы укрыться от пронизывающего ночного ветра.

Где-то к полуночи, ко мне постучали… Капли нового дождя плюхали по ткани спального мешка, извещая, что всё – капец. Мне полный пришёл…

Торопливый поток дождевой воды покатил по лощинке. Чтоб не стать ему дамбой, я расстегнулся и выпутался из мешка, покрыл им свою спину и стоял широко расставив ноги над бурлящим течением. Вот когда я догадался, что место ночлега совпало с давней дождевой промоиной, но покинуть ложбину не мог – шквалистый ночной ветер уже во всю примазался к потехе. Мне не осталось выбора кроме как ждать рассвета в позе буквы «зю», сжимая в ладонях коленные чашечки, под мокрым как хлющ спальным мешком с бахромой из непрестанных струй поверх моей спины. Неудержимая дрожь била изнутри, извне хлестали ледяные дожди, которым я утратил счёт в ту ночь…

Утро началось сквозь густой туман, но без дождя, просто временами моросило, и ветер начал стихать… Сотрясаясь как эпилептик, я выжал спальный мешок насколько хватило сил в окоченелых кистях. У меня не осталось ни малейшего желания идти дальше, очаг и дом – вот и всё, чего хочу. И я побрёл обратно. Однако ходьба меня не согревала – ей мешала непрерывная дрожь.

Обычно идти под гору легче, чем вверх, но для меня эта разница как-то стёрлась и временами я типа как бы плыл, хотя до очагов цивилизации оставался день пути нормального ходу. Вот когда я вспомнил про шифер, до которого намного ближе, если только смогу найти. Где-то у края леса. Поэтому с того *тумба* я спускался зигзагами, чтобы не пропустить шифер в высокой траве.

И я нашёл его.

Борясь с ознобным тремором с одной стороны, и полной задубелостью с другой, я начал труд по восстановлению халабуды и работа согрела меня лучше ходьбы… Получился просторный шалаш шиферного покрытия, внутри хватало места сидеть не пригибаясь и более чем достаточно лежать во весь рост.

Потом я развёл костёр у входа, из остатков жердей и сушняка, что притащил с опушки неподалёку. У огня, я постепенно обогрел свои бока и приступил к сушке спального мешка. Когда цвет ткани посветлел и она перестала исходить паром, я поверил, что, может, и выживу.

Весь следующий день солнце жарило во всю, но у меня уже была крыша над головой. Шиферная. Её удерживали обугленные жерди, по которым прогуливались беззвучные ящерки, такие же ленивые, как я, потому что за весь день выходил только раз – набрать охапку травы на подстилку на земле под спальник…

Так оно и шло, день за днём, без перемен, если не считать демографического роста – осторожные полевые мыши пришли разделить нашу с ящерками компанию. Они не решались переступать пепел костра, так что я оставил кусок варёной картофелины снаружи, но остальное, вместе с хлебом и сыром, подвесил в вещмешке на жердяные стропила под шифером.

По ночам полная луна взбиралась повыше – наполнять мир чётко очерченными тенями. В одну из таких иллюминированных ночей, я вышел помочиться в высокой траве и по пути у меня из под ног вырвался выводок куропаток с трескучим хлопаньем крыльев и пронзительным криком: —«Разуй глаза! Лунатик грёбаный! Не вишь куда прёшь?» Как будто они меня не испугали насмерть!.

При свете дня, над широкими просторами долин плавали коршуны на неподвижных крыльях. Когда смотришь на них из долин, надо запрокидывать голову следя за их кругами в высоте, но тут, лёжа на спальнике, мне даже не приходилось высовываться из-под шифера.

Когда один из них нарушил невидимую границу охотничьих угодий, хозяин взмыл повыше и, сложив крылья, упал на браконьера сверху, словно камень. Я слышал как свободное падение с хрустом рассекло воздух у входа в шалаш. Он, впрочем, промахнулся, а может и не хотел попасть, а просто отпугивал наглюку. Ведь все мы кровные родичи, свои же как никак.

Так всё и шло…

У меня всего-то и было дел – переворачиваться с боку на бок, с живота на спину, без никаких желаний, стремлений, планов. Иногда я засыпал без оглядки на время суток, какая разница…

Ну а ещё я, конечно, смотрел. Смотрел до чего красив и совершенен этот мир… Иногда я думаю, что назначение существования человека в том, чтобы просто смотреть на эту красоту и совершенство. Человек для мира – зеркало, иначе тот и не узнал бы насколько он прекрасен…

Через шесть дней пришлось прибрести обратно в цивилизацию. Просто из чувства долга перед правильностью. На все вопросы я отвечал односложно, потому что голосовые связки от долгого безделья тоже разленились и говорить я мог лишь сиплым шёпотом.

(…то есть, хочу сказать, что в обоих случаях—в том зимнем лесу и среди летних тумбов—у меня было одинаковое ощущение, что я не один, и кто-то ещё наблюдает того пацанёнка на лыжах, и этого бездельника, что валяется на спине в тени чёрных кусков шифера и, что ещё более странно, я был частью того наблюдателя и видел себя в сумерках зимнего леса и сквозь высокую траву на склоне тумба, потому что мы все сопричастны…

Короче, полная каша, галиматья и ахинея…)

~ ~ ~

С приближением весны мы, четвероклассники, начали активно готовиться к вступлению в ряды юных пионеров, для этого переписали и выучили наизусть Торжественную Клятву Юных Ленинцев. А однажды после перемены Серафима Сергеевна пришла в класс с какой-то неизвестной женщиной. Она представила её как новую Старшую Пионервожатую школы и сказала, что сейчас у нас будет Ленинский урок, для которого надо всем выйти в коридор, но вести себя там очень тихо, потому что в других классах идут обычные занятия.

Мы вышли в коридор второго этажа, где в простенках между окнами слева и дверями в классы справа, висели разнообразные картинки одинакового размера, на каждой из которых был Ленин, но уже в другом возрасте…

Новая Старшая Пионервожатая школы начала с самого начала. Вот он совсем молодой, даже ещё юноша, после получения известия о казни его старшего брата Царским режимом, и он утешает свою мать словами: —«Мы пойдём другим путём». Так же, кстати, названа и сама эта знаменитая картина.

И наш класс тихонько проследовал к следующей картинке с его фотографией в группе товарищей подпольного комитета… Рабочая тишина царила в школе, мы проходили мимо закрытых дверей классов, за которыми сидели школьники, и только мы, как тайные сообщники, покинули обычное течение школьного режима и как бы ушли в подполье, следом за тихим голосом, что вёл нас от одной картинки к следующей…

И снова наступает весна и появляются проталины на взгорке между Учебкой Новобранцев и нашим кварталом, но я уже не хожу их проверять… Средь белого солнечного дня, возвращаясь домой из школы, я догоняю незнакомую девочку моего возраста. Наверное, из параллельного четвёртого. Обогнав её, я оборачиваюсь к лицу преисполненному незамечанием, что и я тут иду вообще-то.

Надо показать задаваке, что я мальчик имеющий вес в здешних окрестностях и даже с личной шайкой, как у Робин Гуда,

благородного разбойника. На ходу оборачиваюсь влево и красноречивыми жестами семафорю Бугорку по ту сторону раскисшего катка: —«Эй! Осторожней там! Вас же видно! Пригнитесь!» Так что, если эта воображала туда глянет, никого уже не будет заметно.

В другой раз, когда уже и снега не осталось, я шёл тем же путём и жмурился, ведь если жмурится не до самого конца, а только до соприкосновения ресниц, то весь мир видишь как бы сквозь прозрачные крылья стрекозы. И теперь я, фактически, уже не иду, а лечу на крохотном вертолёте похожем на стрекозу с кабиной из плексигласа, который я видел в журнале *Весёлые Картинки*, потому что хотя я уже вырос из дошкольного возраста, но всё равно могу полистать этот журнал для малышни, когда попадается под руку.

И тут я вспомнил, как бунтовщик Котовский, из кинофильма «Котовский», отвечает заносчивому помещику в Клубе Части: —«Я – Котовский!» А потом берёт его за грудки и выбрасывает сквозь остеклённое окно помещичьей усадьбы.

Вот и я хватаю богатея за грудки его пиджака и бросаю в придорожный кювет. И я гордо называю себя славным именем «Я – Котовский!» Ух-ты! Классно чувствовать себя таким сильным. Поэтому я повторяю эпизод несколько раз, шагая вверх по спуску от квартала. А почему нет? Кто меня видит на пустой дороге?

Дома Мама рассказала, как она и Полина Зимина ухохатывались, глядя из окна соседки на мои захваты и броски невесть кого. Но я так и не признался, что тогда я был Котовским…

В конце апреля мы стали юными пионерами. Торжественная линейка состоялась не в школе, а возле Дома Офицеров, потому что там стоит большая голова Ленина из белого гипса на высоком пьедестале.

Ещё с вечера Мама нагладила мои штаны через марлю, а также парадную белую рубашку и алый треугольник шёлка в пионерском галстуке. Все эти вещи она повесила на спинку стула, чтобы утром они были наготове. Когда в детской никого не было, я потрогал

ласковый шёлк пионерского галстука. Мама говорила, будто купила его в магазине, но разве такие вещи могут продаваться?.

Сверкало утреннее солнце. Мы, четвероклассники, стояли лицом к построению всех остальных учеников школы. Наши алые галстуки переброшены через правую, согнутую в локте, руку, воротники парадных рубашек отвёрнуты кверху, чтобы старшеклассникам легче было набрасывать галстуки нам на шеи. Остаётся лишь тягучим хором, нараспев, выговорить вызубренную Торжественную Клятву перед лицом своих товарищей, горячо любить нашу Советскую Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая Партия…

За неделю до окончания учебного года я заболел. Мама думала это простуда и велела мне лежать в постели, но никак не могла сбить температуру, а когда та поднялась до сорока, она вызвала «скорую» из Госпиталя Части, потому что ещё через два градуса температура стала бы смертельной… В голове у меня была общая вялость, чтобы гордиться или страшиться, когда целая машина пришла за мной одним. В Госпитале сразу определили воспаление лёгких и начали сбивать температуру уколами пенициллина каждые полчаса. От вялости, мне как-то было всё равно. Через день частоту уколов снизили до одного в час. Ещё на следующий – до одного в два часа…

Пациенты в палате были все взрослые. Солдаты из Полка только уже в синих пижамах. Через четыре дня я совсем поправился и гулял в саду вокруг Госпиталя, когда наш класс вместе с Учительницей пришли меня проведать и отдать табель с моими оценками.

Мне стало неловко и почему-то стыдно, и я убежал за угол вместе с мальчиками нашего класса. Но потом мы вернулись и девочки вместе с Учительницей вручили мне наградную книгу за хорошую учёбу и примерное поведение. Это оказались *Русские Былины*, которые Баба Марфа читала мне и моим сестре-брату, только пока ещё совсем не пролистанные… Вот так, мало-помалу, всё как-то начало повторяться в моей жизни…

Летом нас опять повезли в пионерский лагерь, к той же столовой, линейкам, спальням-палатам, к «мёртвому часу» и Родительским Дням. Хотя кое-что заметно поменялось, потому что я, как уже полный пионер, причислялся к Третьему отряду, который вместе со Вторым и Первым, мог купаться в озере. Но сначала нужно ждать целую неделю и тревожиться, чтобы в назначенный день не пошёл дождь.

Мы ждали с нетерпением и этот день наступил, погода тоже не подкачала, поэтому два грузовика с брезентовым верхом повезли нас на озеро Соминское. Дорога шла через лес, по какой-то узкой очень бесконечной просеке и ехали мы долго, потому что успели перепеть все пионерские песни, и мою любимую «ах, картошка – объеденье...», и не очень любимую, но всё-таки пионерскую «мы шли под грохот канонады...», и... ну в общем, все какие знали, а дорога никак не кончалась и меня начинало тошнить и укачивать на её кочках. Потом те, кто сидел у квадратно прорезанного в брезенте окошка впереди кузова, закричали, что впереди что-то виднеется, и грузовик остановился на берегу большого очень тихого озера посреди леса.

Нам разрешили заходить в воду не всем вместе, а поотрядно, а потом нам с берега кричали выходить, для запуска следующих. Вода была очень тёмная, а дно неприятно липкое, и с берега слишком сразу кричали «Третий отряд, выходить!»

Поначалу, я только стоял по грудь в воде и немножко подпрыгивал, но потом научился плавать, потому что мне дали надувной спасательный круг и показали как надо грести руками и бить ногами. Вскоре воспитателям и пионервожатым надоело выгонять нас из воды, и все оставались кто сколько хотел. Я выпустил воздух из спасательного круга и убедился, что даже так могу проплыть пару метров. В конце дня, когда уже кричали всем на берег, потому что уезжаем, я чуть-чуть задержался для окончательной проверки моих навыков плавания и с чувством благодарности сказал в уме: —«Спасибо тебе, Соминское!»

В следующий раз нас возили на озеро Глубоцкое. Старшие отряды говорили, там даже лучше, потому что на озере есть пляж, а дно песчаное. Ехать туда пришлось дольше, но по асфальту и в автобусе, так что меня совсем не укачивало…

Ух-ты! Вот это озерище! Говорят, в нём даже есть каналы, которыми оно соединяется с другими озёрами, куда заходят пассажирские суда и экскурсии на Муравьиный Остров. Он такой большой, что в старину там был монастырь окружённый лесом с громадными муравьиными кучами, в рост человека. Когда какой-нибудь монах плохо себя вёл, его связанным бросали на какую-нибудь муравьиную кучу. Муравьи думали, что это на их город нападение, выбегали защищаться и за один день от наказанного оставался лишь дочиста обглоданный скелет.

Но с места купания никаких судов с островами видно не было, а только очень далёкий другой берег. Зато дно и впрямь оказалось песчаным, твёрдым и приятным на ощупь ногами, только мелким и нужно очень далеко отбредать, пока кончится мелководье и будет достаточная глубина для купания.

Выбредая обратно, я глубоко порезал ногу возле большого пальца. Рана обильно кровоточила и на берегу мне её сразу же забинтовали. На бинту проступило тёмное пятно, но кровь перестала вытекать.

Всем покричали вдоль пляжа проявлять осторожность, а потом кто-то из взрослых нашёл разбитую бутылку в песчаном дне и зашвырнул её подальше к другому берегу, но это меня не утешило. На обратном пути я даже начал всхлипывать, потому что так нечестно и обидно, что во всём автобусе порезана только одна моя нога.

И тогда кто-то из воспитателей сказал мне: —«Стыдно! Ты парень, или тряпка?» Этот вопрос прекратил моё хныканье и в последующей жизни, я стыдился стонать при травмах, а притворялся будто мне не больно и строил из себя крутого парня…

Дважды за смену лагерников возили в баню деревни Пистово. Первый раз я пропустил, потому что сначала забыл в палате мыло, а

когда прибежал обратно, автобусы уже уехали. В лагере стало тихо и пусто, только поварихи в столовой да я. Делай что хочешь, заходи куда угодно, хоть даже в палатки Первого Отряда с железными койками на некрашеном полу, где резные тени от листвы на ближних деревьях пляшут по нагретому солнцем брезенту стен.

Но я зачем-то вскарабкался на узкую дощатую будку, где вместо крыши железная бочка наверху. Это душ для воспитателей и пионервожатых, которые наполняли бочку вёдрами воды, чтобы солнце её нагрело. Все два часа одинокого безмолвия я коротал на макушке той будки, бродя вокруг бочки по паре брусьев, пока лагерь не вернулся из Пистово…

А второй отъезд в баню я не пропустил, но она мне не понравилась—большущая полная шума комната и ни одной ванны! Чтобы помыться, надо бросать на себя воду ладонями из жестяного тазика с двумя ушами, за которые принёс его на общую скамью. На стене было два крана, один с холодной водой, а другой с кипятком, Ставишь тазик на низкий столик под кранами, их и открывай, только не сразу сообразишь из какого сколько надо набирать, потому что сзади очередь с пустыми тазиками в руках и все орут «скорее!»…

По традиции, лагерная смена кончается Прощальным Костром на традиционном поле с мачтой заброшенного аттракциона, но на дальнем его краю, у опушки леса за колючей проволокой.

Сразу после завтрака старшие отряды отправляются в лес через временный проход под проволокой, собирать сухой валежник для Прощального Костра. Сбор продолжается и после «мёртвого часа» и к вечеру на краю поля высится стог сухих ветвей и сучьев, повыше взрослого человеческого роста. В сумерках близящейся летней ночи стог поджигают со всех сторон под хоровые песни и марши баяниста на его инструменте.

Директор и воспитатели начинают спор повышено шумными голосами. Потом Директор соглашается и отдаёт распоряжение своему шофёру. Тот пожимает плечами, говорит: —«Как знаете», – и уходит в сторону столовой, откуда приезжает на «газике» Директора

лагеря. Из багажника шофёр достаёт металлическую канистру, а пионерам приказывают отступить от костра на безопасное расстояние. Он плещет из канистры на огонь, жирный клуб красно-чёрного пламени с гулом взмётывается в ночную тьму, метра на три, не меньше, и снова опадает до следующего выплеска…

Утром автобусы увозят нас домой.

~ ~ ~

Однако конец лагерной смены не означает конец лета. И снова Речка, игры в Казаков-Разбойников, Войнушку, Американку, и Двенадцать Палочек, а также новые приключения из Библиотеки Части. Но кроме странствий на далёкие планеты и таинственные острова, куда отправляешься с разных подлокотников большого дивана, я также бродил и по лесу.

Причины случались разные, например, Юра Зимин позвал сходить за Заячьей Капустой, а мне любопытно что это за неслыханная овощ такая. Да, хоть и кисленькая, вкусна капуста, только собирать замаешься, до того уж мелкие у неё листики. Или сестра Наташа прибежит с новостью, что в болоте позади соседнего квартала какой-то мальчик собрал целый молочный бидон голубики. Тут уже дух соревнования приводит меня в стоячее положение и гонит на то же самое болото. Я должен собрать больше ягод, чем какой-то там мальчик, тем более из соседнего квартала. Дойдёт до того, что «нижняки» начнут грабить болота Горки!.

Но обычно я бродил в одиночку и почти бесцельно, ну иногда найти подходящий можжевельник для следующего лука или собрать зелёных шишек Сосны для поделок-игрушек…

Воткни четыре спички в зелёную шишку и вот тебе туловище четвероногого, добавь пятую кверху – шея, на неё насади шишку помельче—ух-ты! – у тебя уже конь, не забудь только хвост придумать какой-нибудь сзади.

За зелёными шишками нужно влезать на молодые Сосны, чья нежная светло-коричневая кора отшелушивается сама собою и липнет к ладоням своей бесцветной смолой, которая через пару

минут почернеет на коже, а на штанах остаётся белой, но такой же клейкой как и твои запятнанные руки. Молодые Сосны раскачиваются под твоим весом на ветру, как мачты яхты Пятнадцатилетнего Капитана на океанских волнах. Э-гей! Здоровски! А шишки такие красивые, как будто покрыты зелёным лаком поверх тесно притиснутых чешуек, не как у тех, что подбираешь под старыми Соснами, все чёрно-серые и разъерошены врастопырку. Хотя даже и на больших Соснах попадаются зелёные шишки, только висят они на самом конце длинных веток куда не добраться и не пригнуть поближе к суку, на котором сидишь, они чересчур толсты…

Новые увлечения распространяются среди мальчиков быстрее, чем степной пожар. Стоит одному разузнать что-то новое и не успеешь даже глазом моргнуть, как все уже заняты подрывным делом.

Изготовить сухопутную мину замедленного действия проще простого. Наливаешь воды в стеклянную бутылку, на три четверти, пропихиваешь в горлышко клок травы и сверху засыпаешь карбид растолчённый до состояния синеватого порошка. (Карбида полным-полно в железной бочке на стройке пятиэтажного дома за окружной дорогой квартала, солдаты-*чернопогонники* и слова тебе не скажут, когда пригоршнями грузишь его в карманы своих шортов). Теперь плотно заткни бутылку обструганной пробкой из дерева, переверни заряд донышком кверху и воткни в какую-нибудь кучу земли, или песка. Мина готова.

(!) Внимание! Будь осторожен и не порежь пальцы при обстружке пробки, а во-вторых, когда сидишь на земле и вколачиваешь готовую пробку в горлышко, не удерживай бутылку между ног, где кончаются шорты, потому что она может лопнуть и осколок стекла распорет кожу на ляжке, как и в моём случае.

Теперь остаётся лишь дождаться, пока карбид (из-за контакта с водой) испустит больше газа, чем в силах выдержать стенки из стекла, запредельное давление разрывает бутылку с громким

«бум!», расшвыривая грунт и осколки стекла по всем направлениям…

По причине хронического книгочейства я часто отставал от основных направлений в неустанно меняющейся общественной жизни…

Утомлённый чтением, я распластал книгу страницами вниз, чтоб не искать где был, когда вернусь к ней, и встал с дивана. Спустившись в подъезд, распахиваю дверь – опа! Караван мальчиков разнообразного возраста пересекает Двор с грузом обрезков досок, брусьев, реек… Я подбежал спросить: что? как? где?

Мне объяснили скорей бежать на стройку пятиэтажки, где другая группа выпрашивает у сторожа-солдата отходы деловой древесины. И я успел вовремя ухватиться за конец доски, которую солдат уже разрешил утаскивать, но побыстрей, пока никто не видит. Как процессия трудолюбивых муравьёв мы протащили награбленное через Двор и вниз по спуску, в лес направо, к подножию откоса сдвинутой земли, когда бульдозер ровнял поле под каток. Там, меж деревьев кромки леса, под вжиканье ножовок и стук молотков кипела спорая работа.

Опытным глазом умельца натренированного чертежами Конструктора, я сразу определил, что возводится сарай без окон, но чья дверь уже висит на своих петлях и уже имеется даже потолок из досок. Во внутреннем полумраке стояла приставная лестница опёршись на стену под квадратным лазом в длинных досках потолка. По ней я и выбрался на крышу, она же потолок сооружения…

Пара старших мальчиков стояли там и обсуждали насколько прочен такой верх, и попутно поддерживали взаимную уверенность, что сарай станет штабом мальчиков нашего квартала, а из соседнего никого не принимать.

Я попросил дать мне поработать, но ни один из них не поделился своим молотком и мне даже велели поскорей спускаться, чтоб не напрягать крышу – вон как прогнулась под моим добавочным весом.

Внизу, в сумеречности сарая уже не оставалось никого из моих ровесников и по пути домой я радовался, что у мальчиков нашего квартала будет свой штаб, как у Тимура и его команды из повести Гайдара…

С тех пор в моих брождениях по лесу я непременно проведывал сарай, но там царило полное безлюдье, да ещё и подчёркивалось висячим замком на двери. Наступила осень, стожок сухого сена возник рядом с сараем уже захваченным отрядом кур через квадратный проём выпиленный внизу двери. Штаб явно отменялся.

~ ~ ~

У Папы была машинка для стрижки волос—никелированный зверёк с двумя рожками, а точнее ручками. Папа ухватывал их обеих в свою широкую ладонь и приводил машинку в движение стискивая и попуская ручки. В день стрижки мой брат и я, по очереди, усаживались посреди кухни на табурет поставленный поверх стула, чтобы мы сидели повыше и Папе не приходилось сгибаться к нам в три погибели.

Мама туго окутывала простынёй шею своего сына—смотря у кого очередь—и закрепляла её бельевой прищепкой. Потом она держала большое квадратное зеркало перед каждым из братьев, по очереди, и давала Папе советы, от которых он отмахивался одним только носом, потому что правой рукой держал машинку, а в левой сжимал голову клиента, которую поворачивал вверх-вниз и влево-вправо для удобства обработки. И даже челюсть его беззвучно двигалась вправо-влево, копируя стригущее движение машинки.

Иногда машинка заедала – не резала, а дёргала за волосы. Чтобы исправить положение, Папа сердито фыркал и резко дул зверьку в брюхо, прежде чем продолжить работу. Однажды фырканье не помогло, машинка продолжала дёргать волосы и Саша заплакал. С того дня мы с ним ходили в парикмахерскую не только перед началом учебного года, но всякий раз, когда Мама решала, что слишком уж мы с ним позарастали…

Фотографии Папа обучился сам, по толстой серой книге. Его фотоаппарат ФЭД-2 сидел ввинченным в толстый футляр коричневой кожи, на который снаружи крепился тонкий ремешок, чтобы вешать через плечо или на шею. Чтобы сделать снимок, аппарат вынимать не нужно, а просто отстегнуть две кнопки на спине футляра, уронить намордную часть вперёд – болтаться ниже объектива, а после снимка пристегнуть обратно.

Камера вывинчивалась и вынималась из футляра, только когда её счётчик показывал 36 щелчков, а значит кадры кончились и пора менять кассету с плёнкой, которая дальше уже не покрутится.

Отснятую плёнку следует перемотать—соблюдая все предосторожности, чтоб на неё при этом не попал свет—на широкую шпульку круглой банки из чёрного пластика с плотно пригнанной крышкой, где плёнка обрабатывается раствором проявителя заливаемого внутрь через светонепроницаемую дырку во вращающейся ручке, что торчит из баночной крышки.

Ручка вращается щепотью из двух пальцев, сопровождаясь погромыхиваньем шпульки внутри чёрной банки с плёнкой намотанной на неё привольной спиралью для всестороннего купания в растворе пять минут. Затем банка переворачивается и проявитель вытекает через светонепроницаемую дырку. Ему на смену заливается вода и вращение продолжается ещё пять минут. После чего вода сливается (см. выше – как и через что). Пришёл момент заливки в банку раствора закрепителя для последующего верчения на протяжении пяти минут. Уфф!. Дальше всё привычно – закрепитель слил, воды налил и вертишь ручку (да, блин! опять!) ещё пять минут для заключительного полоскания. Для просушки плёнка крепится на верёвке как обычная стирка, прищепкой. Но если до заключительного полоскания на плёнку попадёт хотя бы крохотный лучик света, она засветится и вместо кадров получаешь беспросветно чёрную ленту блестящей плёнки, выбрось и забудь какие классные ты щёлкал виды.

Когда собиралось несколько проявленных плёнок, Папа устраивал фотолабораторию в ванной комнате. Поверх ванны укладывались два щита, которые он специально сделал для превращения ванны в стол. На стол водружался увесистый фотопроектор (смахивает на гиперболоид, но линзы направлены вниз) на вертикальной штанге. Для освещения фотолаборатории Папа использовал специальный красный фонарь, к чему вынуждала чрезвычайная светочувствительность фотобумаги, которую только красный свет не портит.

По той же причине у фотопроектора имелся подвижный светофильтр из красного стекла—сразу под линзами—чтобы не испортить светочувствительную фотобумагу, пока наводишь резкость линзами.

Все кадры на плёнке – негативы: чёрные лица с белыми губами и глазницами, а волосы белы как снег. Резкость наведена и – фильтр отводится в сторону позволяя яркому свету из недр проектора изливался сквозь кадр плёнки на фотобумагу—покуда Папа отсчитывает нужное количество секунд по рекомендации толстой книги—после чего фильтр возвращается в исходное положение.

Затем всё ещё хранящий свою белизну лист фотобумаги вынимается из-под фотопроектора и утапливается в небольшой прямоугольной ванночке наполненной раствором проявителя, что стоит под красным фонарём, который не рассеивал мрак ванной, а лишь превращал её в пещеру чародея. И тут, в неярком красном свете, начинается магия пластмассовой ванночки – на чисто белом листе постепенно возникают волосы, одежда, черты лица.

Однако в проявителе нельзя передерживать, иначе бумага превратится в мокрый чёрный квадрат. Достаточно проявленные фотографии вынимаются из раствора пинцетом, споласкиваются в воде наполняющей купальную ванну, и помещаются в соседнюю ванночку с раствором закрепителя, иначе всё равно почернеют, а минут через пять-десять готовые фотографии перекладываются из

закрепительной ванночки в большой эмалированный таз с пресной водой.

Закончив распечатку кадров, Папа включал свет под потолком, колдовская пещера пропадала сменившись небольшой мастерской. Папа доставал мокрые фотографии из воды, клал их лицом вниз на листы плексигласа и раскатывал резиновым валиком со спины, чтобы хорошо прилипли.

Эти прозрачные листы он выстраивал лицом к стене в комнате родителе и на следующий день высохшие фотографии осыпались на пол, как опавшие листья осенью, но только чёрно-белые, гладкие и блестящие.

...вот я с грустными глазами и шеей перебинтованной от ангины...

...брат Сашка доверчиво смотрит в объектив из-под кепки набекрень...

...Мама, одна или с подругами, или с соседками...

...а это Наташка задрала нос кверху, глаза вправо—а что это? что это там? – ну а бантик в одной из косичек, конечно же, уже растрепался...

Кроме фотографии, Папа занимался ещё радиоделом, потому и выписывал журнал *Радио*, полный всяческих радиосхем... Мне нравился запах плавящейся канифоли на кухне, когда он работал паяльником собирая какую-нибудь из журнальных схем.

Однажды он собрал радиоприёмник чуть больше, чем футляр фотоаппарата ФЭД-2. Сначала, это была коричневая плата с припаянными к ней радиодеталями, потом он сделал фанерный ящичек, отполировал его и покрыл лаком, а плату спрятал внутри. Снаружи остались лишь две круглые ручки – одна для включения и регулировки громкости, а вторая для настройки на радиостанцию. Потом он пошил чехол для приёмничка из тонкой кожи, потому что умел работать шилом и знал как из обычной нитки делать дратву с помощью смолы и воска. В конце, он пришил тонкий ремешок футляру – вешаешь на плечо и гуляй под музыку, а руки свободны... Позднее, Папа соорудил специальный станок на табурете для

переплёта книг и переплёл свои подшивки *Радио* по годам. У него просто золотые руки.

И у Мамы руки, конечно, тоже золотые, потому что она готовила вкусную еду и шила на машинке Зингер, и раз в неделю делала генеральную стирку в стиральной машине «Ока». Иногда она доверяла мне выжимать воду из стирки кручением кривой ручки наверху машины. Суёшь кончик выстиранной вещи между двух резиновых валиков, начинаешь крутить ручку и вещь проползает между валиков, которые выжимают воду из неё обратно в машину. А с обратной стороны вещь выходит сплющенная, влажная, но отжатая.

Но развешивать стирку это работа для взрослых, потому что во Дворе нет бельевых верёвок и всем приходилось сушить свои стирки на чердаках своих зданий. Только Папе под силу поднять по вертикальной лестнице таз влажной стирки и просунуть его в лаз на чердак.

Однако своими сильными золотыми руками он однажды создал себе долговременную проблему. Это когда сделал «жучок» внутри электрического счётчика, чтобы тот не крутился, даже если везде горит свет, а ванной гудит стиральная машина… Папа называл это «экономия», но очень переживал, что контролёры нас поймают и выпишут штраф. Зачем так мучить себя из-за какой-то экономии?.

А Мама никогда не делала необдуманных поступков, кроме тех жёлтых вельветовых шортов на помочах, которые пошила мне в детский сад. Как я их ненавидел! И, как оказалось, не зря – именно в тех гадских шортах меня чуть не загрызли те людоедские рыжие муравьи…

~ ~ ~

В одну из своих одиночных прогулок, я вышел на поляну и сразу почувствовал – тут что-то не так. Но что именно?. Ага! Этот прозрачный дым никак не вписывается в обычную картину леса. И уже после этого я увидал язычки пламени, почти прозрачные в

ярком свете солнца. Они трепыхались и обугливали кору на близкой Берёзе и ползли по толстому ковру давнишней хвои на земле. Эге-ге!. Так это же лесной пожар!.

Сперва я пытался затоптать огонь на иглах хвои, но тот прятался вглубь, а потом снова выпрыгивал. Однако невысокий Можжевельник с густыми ветвями выдернулся с корнем и дело пошло на лад. Деревце запросто сбивало огонь с древесных стволов и глушило пламя под ногами.

После схватки с огнём и заслуженной победы, я увидел, что выгорело не так уж и много, метров десять на десять. На руках и рубашке чернели полосы сажи, но меня это не расстроило, потому что боевая копоть не грязь. Я даже провёл чёрной ладонью по вспотевшему лбу, чтоб и тот почернел и сразу бы стало видно – вот герой, который спас лес от гибели в огне великого пожара.

Как назло, по дороге домой меня никто не видел, пока я шёл и мечтал, как про меня напишет *Пионерская Правда*, где напечатали про пионера, который просигналил красным галстуком машинисту поезда о том, что впереди сломался железнодорожный путь.

И только заходя во Двор я, наконец-то, встретил двух прохожих. Они внимательно взглянули на меня, но ни один не догадался спросить: —«Откуда у тебя сажа на лице? Да ты, никак, боролся со огнём лесного пожара, а?»

Дома Мама меня отругала, что хожу таким замазурой и никакая стиральная машина не настирается на меня. Мне было горько и обидно, но я терпел молча...

Летними вечерами дети квартала и мамы малышни, за которыми ещё нужен присмотр, выходили со Двора на окружную бетонную дорогу. Все дожидались подхода взвода из Учебки Новобранцев на их вечернюю прогулку.

Выйдя на бетонное покрытие дороги, солдаты начинали печатать парадный шаг. Словно по волшебству, они обращались в единое создание—сомкнутый строй—с одной общей ногой во всю длину фланга, слитой из десятков чёрных сапог, что слаженно отрывалась

от дороги и жахкала на один шаг дальше, продвигая весь взвод на этот один шаг вперёд. Сплочённое создание просто завораживало.

Потом старшина, шагавший отдельно, резко вскрикивал: —«Запе-ВАЙ!» и изнутри ритмично вздрагивающей массы, в такт слитным «ждах!» подошв о бетон, упруго взвивался молодой тенор, а двумя шагами дальше громом грянувший ему в поддержку хор, подтверждал:

“...***нам – парашютистам,***
привольно на небе чистом...

Взвод удалялся ко второму кварталу, где его ждали тамошние жители, чтоб мимо них он тоже прошагал, а некоторые дети из нашего бежали следом, и молодые мамы взглядом провожали уходящий взвод, смотрели вслед солдатам, что маршируют к солнцу, которое садится за лес, пронизывая прощальными лучами вечер ставший таким спокойно безмятежным, потому что мы самые сильные в мире и надёжно защищены парашютистами против всех диверсантов НАТО из прихожей Библиотеки Части.

~ ~ ~

Во Двор привезли длинные железные трубы. Когда ударить по такой трубе палкой, она откликается громко и протяжно... Протяжнее, в общем-то, чем нужно и я, как ни старался, никак не мог выстучать на них барабанную дробь, с которой в кино «Чапаев» Беляки идут в психическую атаку против Анки с её пулемётом. День за днём, вернувшись из школы, я пробовал снова и снова наполняя весь Двор вибрацией железного лязга-брязга, но напрасно – дробь упрямо не выкаблучивалась.

Слишком вскоре трубы закопали, оборвав моё музыкальное самообразование, но в кварталы Горки пришёл газ. На кухне установили газовую плиту и повесили белый ящик на стене возле раковины, чтобы зажигать газ для мытья посуды и купания. Титан,

высокий нагревательный котёл, исчез из ванной, дрова уже стали не нужны, а Папина мастерская в подвальной секции попросторнела…

Однажды утром, когда родители уже ушли на работу, я сходил в подвал за Папиным большим топором, потому что мы с одним мальчиком собрались устроить костёр в лесу.

Мы спустились в чащу позади Бугорка и начали восхождение на следующий холм, который пониже. На крутом склоне стояла маленькая Ёлочка, ростом в метр с небольшим. А с самого начала, как только мы вошли в лес, мне так и хотелось пустить в ход топор. И вот она передо мною – полутораметровая возможность. Удар, другой и – Ёлочка свалилась наземь… Я стоял над ней не понимая – зачем? Ель не годится для луков, разве что на автомат Калашникова играть в Войнушку, но это я уже перерос. Зачем я убил Ёлочку так бесцельно?

Мне не хотелось уже ни костра, ни прогулки. Мне нужно было только одно – как можно скорее избавиться от топора, пособника моей жестокой глупости. Я отнёс его в подвальную секцию и с тех пор выходил в лес безоружным.

(…ну до чего умилительный мальчуган, а? Хотя в основу столь пафосного самолюбования посредством самобичевания положены реальные события и чувства. Только не спеши причислять своего папу к Хорошим Парням, я слишком нестабилен для такого. Сегодня, ну просто лапонька, хоть к ране прикладывай, а назавтра… даже не знаю…

Когда мой бачанах (на Карабахском Армянском этот термин означает «муж сестры жены») готовился к свадьбе своей старшей дочери, все родственники помогали как могли. Не деньгами, конечно, он бы их не принял – расходы по такому поводу несёт счастливый отец. Такова традиция.

Приемлемая помощь носит, в основном, кулинарной характер. За обычный набор свадебных закусок в Доме Торжеств платят наличными, но к стандартным яствам можно добавить

угощения приготовленные тётями, бабушками, сёстрами, дочерями ближайших и последующих родственников. Пережитки родового-общинного строя, то есть клановые отношения, весьма даже живучи и пахучи в Карабахе. Кулинарная помощь это типа трудового вклада из продуктов закупленных организатором торжества.

Однако определённые продукты нуждаются в предварительной обработке и согласись, что убой дюжины куриц на балконе пятиэтажки сопряжён с бóльшими неудобствами, чем исполнение того же процесса в частном, пусть даже и не достроенном пока ещё, доме.

Вот их привезли и свалили в широкой недостроенной прихожей, и уехали заниматься бездной прочих предсвадебных хлопот. Jedem – seiner, как говорится в популярной Немецкой поговорке… А тут пятнадцать живых существ лежат на земле в пыли, со связанными ногами, и я стою над ними со свежезаточенным ножом в руках, и всем нам прекрасно известно зачем мы тут.

Пятнадцать – это не одна, и есть определённые временные рамки до подхода женских представительниц клана, чтоб выщипать из полуфабрикатов уже не нужные им перья. Но у каждой из будущих продуктов, пока ещё живых, свой возраст и окраска, свой личный взгляд на происходящее, индивидуальный запас энергии, что определяет громкость протестов и длительность трепыхания с уже отрезанной головой.

Невозможно исполнить такую работу без опоры на методичность. Вот я и превратился в робота методично исполняющего набор одинаковых движений…

Пятнадцать раз…

Иногда я смотрел через оконный проём, всё ещё без рамы, на белое пушистое облачко в синей небесной выси… чистое, незапятнанное… само совершенство…

Такой весь типа робота с сентиментальным гличем в программе…

С той поры моё отношение к палачам несколько изменилось, понял, что ничто ихнее мне не чуждо… Короче, на той свадьбе я был вегетарианцем.

А касаемо прозвучавшего заявления, будто в убийстве Ёлочки повинен топор, который заставил меня прикончить невинное растение, так тут и вовсе ничего нового – «Я выполнял приказ».

Обычный зомби-робот недоделанный…)

~ ~ ~

В пятом классе вместо одной Учительницы к нам стали приходить разные учителя для отдельных предметов, потому что начальное образование мы уже прошли. Новую классную руководительницу звали Макаренко Любовь… Алексеевна?. Антоновна?. Отчество никак не припомню, а между собой мы называли её кратким «Макар» (Да, совпадает с погонялом самого популярного армейского пистолета с обоймой из 12 зарядов).

– *Атас*! Макар идёт!

Но это всё пришло позже, а в самый первый раз я встретил будущую класручку за день до школы, куда Мама отвела меня переписать расписание уроков и познакомиться с моей новой классной руководительницей.

Педагог Макаренко пригласила нас в классную комнату и попросила меня помочь в оформлении Классного Уголка на большом листе Ватмана размеченном линией простого карандаша с отступом в пять сантиметров от каждого края. Линия служила опорой для создания оформительной рамочки. Я получил коробку акварельных красок с кисточкой и инструкцию – использовать исключительно синюю, после чего она и Мама вышли продолжать знакомство.

Гордый оказанным мне доверием, я приступил безотлагательно и сразу же окунул кисточку в стакан воды, перенёс каплю на синий кирпичик, размешал её до посинения и принялся закрашивать ватманский лист от края до вспомогательной карандашной отметки стараясь не заезжать за неё. Дело оказалось не из лёгких, а наоборот весьма кропотливым – красишь, красишь, а вон ещё сколько красить. Но главная проблема в том, что каждый мазок акварелью отличается густотой своего оттенка от соседних – трудно добиться одинаковости. Я старался усидчиво, потому что не каждый день мальчику достаётся окраска рамочек на Ватмане для Классного Уголка. Однако к возвращению учительницы с Мамой, работа продвинулась всего где-то на четверть.

Учительница сразу же сказала что и столько хватит и, фактически, даже больше чем достаточно, потому что она хотела всего лишь одну акварельную линию по карандашу, но теперь уже поздно. Мама начала обещать, что принесёт чистый лист Ватмана с работы, на что учительница заотнекивалась «нет-нет! что вы! не надо!»

И тогда я придумал выход – взять и аккуратно заклеить кусочками бумаги избыточно окрашенные места, но и эта идея была отвергнута, даже не знаю почему… Мы ушли домой и по дороге Мама меня ничуть не упрекала, ведь я не виноват, если в жизни Макаренко не встречались прообразы ткацкого станка, а одни только жёлтые линии, как вокруг слов Ленина и Маркса в Клубе Части…

Когда начались занятия, наверное, только я один так внимательно изучал наш Классный Уголок с синими линиями вдоль края бумаги.

И всё-таки новая училка не перестала в меня верить окончательно и месяц спустя дала мне маленькое, но ответственное поручение сходить в наш бывший класс и что-то передать на словах Серафиме Сергеевне. Я постучал в такую знакомую дверь и пересказал послание своей первой Учительнице, которая сидела за столом в тёплом платке на плечах, лицом к новой поросли первоклашек. Она

поблагодарила и попросила меня закрыть форточку окна, в которую сквозят сквозняки, как только кто-нибудь открывает дверь.

Я тут же вскарабкался на подоконник, встал на цыпочки и захлопнул зловредную форточку. Задание выполнено, но для спуска я не стал ложиться животом на подоконник, а спрыгнул на пол прямо с него. Прыжок получился классно. Гордясь своей ловкостью, я покинул притихшую комнату мимо восторженного почитания в глазах притихших малышей за их партами. Неужто это мне когда-то первоклассницы заглянувшие в нашу детсадовскую группу показались такими недосягаемо взрослыми? Заносчивые гусыни!.

А дома у нас уже стоял телевизор, откуда дикторы читали новости на фоне Кремлёвских стен и башен, а хоккеисты носились от ворот к воротам в прямой трансляции с чемпионатов Европы и Мира. И в нём показывали Кинопанораму, Клуб Весёлых и Находчивых и кино!

Ни за что бы не подумал, что могут быть фильмы длиннее двух серий, но ошибался. Четырёхсерийный *Вызываю Огонь на Себя* открыл мне глаза и расширил мои горизонты. А вот Итальянское кино мне не понравилось, потому что когда Марчелло Мастрояни стал уговаривать невесту на аборт, а я переспрашивать о чём он это, тётя Полина начала смеяться, а Папа сказал, что это кино не для детей и иди-ка ты в детскую…

Гонка вооружений велась не только в программе новостей, но и в нашей мальчукóвой жизни. Мы подошли к этапу применения новых видов оружия – шпоночных пистолетов и автоматов.

Вряд ли есть нужда долго объяснять, что такое рогатка, но хочу уточнить – рогатки бывают двух видов: для стрельбы камнями, и шпоночные.

(…камнестрельные рогатки смертельное оружие, в голодные послевоенные годы Степанакертские пацаны настреливали ими воробьёв на обед…)

Шпоночная рогатка это почти игрушка из алюминиевой проволоки и круглой авиамодельной резинки (вместо полос резины нарезанных из противогазной маски для применения в рогатках стреляющих камнями). Полуигрушечные рогатки бьют маленькими кусочками алюминиевой проволоки согнутыми в короткие параболы, шпонки, длиной не превышающие 1 см. Захватываешь резинку сгибом параболы, натягиваешь, отпускаешь – шпонка полетела. Убить не убьёт, но почувствуется. Лишь бы не в глаз.

Ну а если резинку крепить не на рога, а вдоль кромки обрезка доски и натягивать по этой кромке, то при отпускании точность попаданий многократно возрастает, поскольку шпонка берёт разгон по направляющей поверхности. Остальное уже дело вкуса – выпилить из обрезка пистолет, или автомат.

В том месте, до которого оттягивается шпонка перед выстрелом, крепишь рамочку спуска—из той же алюминиевой проволоки—что охватывает кромку и прижимает к ней сунутую под неё шпонку. Рамочка спуска с подсунутой шпонкой схвачены натяжением бельевой резинки (такой же как в трусах) оттянутой на противоположной кромке в противополётном направлении. Однако резинка не в силах противиться нажиму пальца на спуск, рамочка приподымается от направляющей кромки, освобождает параболу-шпонку и та срывается в улёт.

Мальчики вооружённые таким современным оружием уже не бегают с криками «та-та-та!», как в Войнушку. Они оставляют эти наивные игры детсадникам и спускаются в подвалы, чтобы охотиться друг на друга в темноте. Металлический «циньк!» шпонки о бетон пола или по доскам стен даёт понять, что противник неподалёку и открыл огонь на поражение. Но если занять позицию в приямке в конце коридора на полутораметровой высоте от пола, то ты как бы в надёжном бункере. Сиди, не высовывайся и посылай шпонки на звук крадущихся шагов, а когда в подвальной тьме раздастся «уй!», значит шпонка не истрачена попусту…

Осенью завершилось строительство пятиэтажного жилого дома через дорогу окружавшую квартал. Счастливые новосёлы ещё только въезжали в свои квартиры, а глубоко внизу, в бесконечных подвальных коридорах и залах такого большого здания (первенца подобной высоты и размера в домостроительной практике Объекта), развернулись боевые действия беспрецедентных масштабов с применением шпоночного оружия всех видов…

На первых порах обширные территории подвала освещались жёлтым светом лампочек, но срок жизни их оказался кратким, их гасили выстрелы шпонками с дальней дистанции и они взрывались, одна за другой, на хрупкие осколки.

Пожалуй, единственным слабым местом шпоночного оружия являлась почти полная его бесшумность. Для истинного самоутверждения требуется оружие, чтоб шарахало с трах-тарарамом.

> *(…жизнь не способна стоять на месте, она может лишь течь дальше. Куда? В направлении определённом сокровенными мечтами и потребностями плывущих в её потоке…)*

Всё чаще и чаще вечернюю тишь Двора прореза́ли резкие «ба-бах!» похожие на пистолетные выстрелы («макар»?), потому что мальчики вооружились *пиликалками*, а мне из-за всегдашнего отставания от продвинутых тенденций в течении общественной жизни пришлось выспрашивать ноу-хау производства *пиликалок*.

Возьми кусок (15 см) медной трубки узкого диаметра (0.5 см) и согни в виде буквы «Г». Короткий конец «Г» сплющь молотком. В отверстие длинного конца залей небольшое количество расплавленного свинца, с тем чтобы образовалось гладкое свинцовое дно на повороте в сплюснутый конец.

Найди длинный гвоздь, который в засунутом до дна состоянии вытарчивает наружу не менее 5 см. Загни его отступив 4 см от шляпки (у тебя получилась ещё одна «Г», но без дырки).

Вставь гвоздь в трубку (вся конструкция напоминает квадратную скобку «[» или «]», в зависимости от точки зрения) и в результате ты располагаешь рабочей системой «поршень-цилиндр».

Соедини шляпку согнутого гвоздя и короткий (сплюснутый) конец трубчатой «Г» бельевой резинкой от трусов и твоя *пиликалка* готова.

Вытащи гвоздь не более, чем до середины длинной части трубки, резиночное натяжение заставляет гвоздь упереться в медную стенку в том месте, до которого он вытащен. Сожми *пиликалку* в ладони. По мере притискивания к трубке натяжение резинки возрастает, заставляя гвоздь соскользнуть внутрь и резко ударить о свинцовое дно. Ты произвёл холостой выстрел.

Теперь остаётся лишь зарядить огнестрельное оружие, для чего гвоздь вынимается полностью и в трубку о её же край соскабливается пара спичечных головок. Вставь гвоздь обратно, насторожи резинкой и – «Hello, world!» живым выстрелом. Ба-бах!

В вечерней темноте, выплеск пламени из дырки в трубке смотрится весьма убедительно. В целом, тот же принцип как у игрушечного пистолета с круглыми пистонами, но децибелы посолиднее…

Изучив теорию, я собирался изготовить свою *пиликалку*, но у Папы на работе не оказалось трубки нужного диаметра. Тем не менее, *пиликалка* у меня была. Наверное, кто-то из мальчиков отдал лишнюю из своих. Нельзя отрицать, что внеклассное обучение готовит мальчиков к реальной жизни лучше.

> (…никогда не слыхала слово *«пиликалка»*, да? И я не слыхал за пределами Объекта, но звучит ничем не хуже «бландербаса»…)

~ ~ ~

Для получения дальнейшего обязательного среднего образования, наш класс перевели в одноэтажное здание в нижней части территории школы, метров за сто от главного. Помимо нашей

классной комнаты, в здании помещались мастерские для уроков Труда в старших классах, в одном помещении тиски на столах, а в другом громадина токарного станка. Поскольку школьная программа содержит массу более важных предметов, мастерские открывались на пару часов в неделю для классов являвшихся с визитом на нашу территорию.

Учёба на отшибе имеет ряд преимуществ. Во время перемен гоняй сколько и как хочешь без риска врезаться в дежурного учителя, что патрулируют коридоры только в главном здании, такая у них там привычка.

К тому же, учителя приходили к нам в класс не сразу, а после того как доброволец дозорный или два, вбегут с объявлением какой Предмет движется к нам сверху. Дозорный становился необходимостью, когда мы мордовали розетки в нашем классе и по ходу познавательных экспериментов совали в их дырки (с напряжением в 220 V) ножки различных радиодеталей. Вследствие короткого замыкания, сопротивления плавились возмущённо плюясь красивыми искрами.

(…до сих пор изумляюсь как никого из нас не шарахнуло током. Похоже розетки попались чересчур человечные…)

В нашем доме тоже случились перемены. Семья Зиминых уехали, потому что Степан попал под сокращение из-за Хрущёва, который, когда ещё на должности главы СССР, пообещал Западу уменьшить контингент Вооружённых сил и довести его до всего-навсего 20 миллионов военнослужащих. Вскоре после этого его свергли на хорошо охраняемую пенсию, однако новое руководство сдержало обещание и политика сокращений коснулась даже нашего Объекта.

Кроме Зиминых уехали соседи жившие на первом этаже под нами. Их взрослая дочь Юля подарила нам, троим детям этажом выше, альбом со своей коллекцией спичечных этикеток.

В те времена спичечные коробки делались не из картона с наляпанной поверху картинкой, а из очень тонкого шпона в оклейке тонкой синей бумагой, поверх которой наклеивалась картинка по размеру коробка с изображением знаменитой балерины Улановой или морского животного, или Героя-космонавта. Люди коллекционировали этикетки как филателисты собирают свои марки, просто сначала коробок замачивали, чтоб отлепить картинку, ну а потом, конечно, высушить... Юлина коллекция состояла из разных отделов: спорт, авиация, Города-Герои и так далее. Что и говорить, все трое пришли в восторг от такого щедрого дара и мы продолжили пополнять её...

Вместо Юры Зимина моим другом стал опять Юра, но под другой фамилией – Николаенко. Как и предыдущий Юра, он тоже был соседом, но не по площадке, а по Двору.

Когда выпал снег, мы вышли в поисках лисьих нор или хотя бы поймать зайца. У нас были хорошие шансы на успех, потому что с нами пошёл мальчик из «нижняков», который привёл собаку из двора их деревянного дома. Но он оказался жадина и не делился верёвкой привязанной к собаке за ошейник, а дёргал только сам. Но потом, когда мы вошли в лес, уже собака начала таскать его за собой на верёвке по сугробам со множеством заячьих следов. Мы с Юрой бегали следом, чтоб не упустить момент поимки зайца.

Вскоре мы заметили, что собака не обращает на следы никакого внимания, а всё время принюхивается к чему-то ещё. Затем она упорно стала рыться в большом сугробе. У нас появилась надежда, что она унюхала лисью нору, и мы вооружились палками на зверя. Однако из-под снега она вытащила большую старую кость и мы прекратили охоту...

~ ~ ~

На зимних каникулах многих детей моего возраста пригласили в соседнее угловое здание Двора, где вновь прибывшие незнакомые соседи праздновали день рождения своей дочери, моей будущей

одноклассницы. За столом присутствовали только дети, без взрослых, и много ситра в бутылках. Именинница выглядела точь-в-точь как Мальвина из *Золотого Ключика*, но только волосы не синими локонами, а прямые и нормального цвета. Когда гости выпили всё ситро на столе, красивая девочка начала с удовольствием вспоминать, что где они жили раньше, она считалась Королевой Двора, а мальчики были её пажами как бы...

Наверное, я простудился на каникулах и пришёл в школу не в первый день занятий, потому что не мог сообразить что происходит, когда заходил в класс. Урок ещё не начался и новенькая похожая на Мальвину девочка появилась в двери вслед за мною. Как любая школьница любого класса тех времён, она носила обязательную форму в стиле Королевы Виктории—тёмно-коричневое платье с белым кружевным воротничком покрытое чёрным фартуком на лямках во всю ширину плеч.

Она переступила порог и замерла в ожидании. В следующий миг взорвался крик и вой всеобщей катавасии: —«Корова Двора!»

Она уронила свой портфель на пол, охватила руками свою голову и побежала по проходу между партами, а все остальные—и мальчики, и девочки—загораживали ей путь, орали и кричали ей в уши, а Юра Николаенко бежал сзади и тёрся об её спину, как делают собаки, пока она не села за свою парту, уронила на неё руки, а лицо в свои ладони.

Ор прекратился только лишь когда в дверях показалась учительница с вопросом: —«Что тут творится?»– Она была поражена не меньше моего.

Девочка вскочила и выбежала из класса, но даже не подобрала свой портфель с пола.

На следующий день она не пришла, а у нас состоялось собрание класса, куда вместо неё пришёл её отец с красным сердитым лицом и кричал, что мы негодяи и щипали его дочь за грудь. Он показал своими руками на себе куда именно мы её щипали.

Потом наша классная руководительница сказала собранию, что пионерам не к лицу так травить своих одноклассников, потому что похожая на Мальвину девочка такая же пионерка как и мы. И мне стало стыдно, хотя я никого не щипал и не травил… Красивая девочка больше никогда не приходила в наш класс, наверное, перевелась в параллельный.

(…" толпа – беспощадный зверь…"

написал армянский поэт Аветик Исаакян, но об этом мне стало известно ещё до прочтения его поэмы Абу-Лала Маари…)

Индивидуальная жестокость ничем не лучше коллективной. Весной меня глубоко царапнул пример материнской педагогики на эту тему… В послеобеденный пустой Двор зашла женщина направляясь мимо нашего дома к зданию на противоположной стороне периметра. Следом бежала девочка лет шести, протягивая руку к решительно шагающей женщине, и охрипшим от неумолчного рёва голосом повторяла один и тот же крик: —«Мамочка, дай ручку! Мамочка, дай ручку!». Её вопли почему-то напомнили мне визг Машки, которую пришли резать у Бабы Кати в Конотопе. Женщина не замедляла шаг, а только время оборачивалась на ходу, чтобы чёрным прутом ожечь протянутую руку девочки. Та отвечала взвизгом погромче, но руку не прятала и не переставала повторять: —«Мамочка, дай ручку!

Они пересекли Двор и зашли в подъезд, оставив меня мучиться неразрешимым вопросом – откуда могут браться в нашей стране такие Фашистские мамы?

~ ~ ~

Между левым крылом школьного здания и высоким забором из брусьев, чтоб отличать территорию школы от остального леса, тянулись две, а может три грядки пришкольного участка.

Очень сомнительно, чтоб на суглинке могло расти хоть что-то помимо слоя иссохших игл хвои нападавших с больших Сосен над

грядками. Однако когда нашему классу объявили явиться всем на воскресник для вскопки грядок, я исполнительно явился к назначенному часу.

Утро пряталось за низкими тучами, поэтому Мама попробовала уговорить меня остаться дома в такую пасмурность. И действительно, всё совпало с её предсказанием – вокруг ни души. Но может, ещё подойдут? Я немного покрутился возле запертой школы, потом прошёл мимо жалких агрономических грядок к зданию нашего класса и мастерских в нижней части школьной территории.

Напротив здания стоял приземистый склад из кирпичных стен и железных ворот, которые никогда не открывались и неизвестно склад ли это вообще, раз окон нет. Вокруг всё было заперто и стояла такая тишина, что кажется её можно потрогать. Но никакой замок не мешал взобраться на крышу этого возможно даже склада с близкого откоса за его спиной. Плоская крыша с небольшим уклоном, покрыта чёрным руберойдом, хотя некоторые называют его толью. По этой толи я покружил от угла к угла, потом в обратную сторону. Оглянулся на школьное здание. Глушь и тишь. Ладно, ещё пять минут и – ухожу.

И тут солнце проглянуло сквозь тучи, ждать стало веселее, потому что я заметил лёгкий, прозрачный парок подымавшийся от толи тут и там. «Ага, солнце нагревает!»– догадался я.

Кроме того, на чёрной толи начали проступать тёмно-серые полосы высохших мест, которые ширились, длились, сливались друг с другом и заставляли меня следить за этим ростом солнечных владений. Я отлично понимал, что никто не придёт и уже давно можно уходить домой, но пусть тот кусок влажной толи досохнет до самого угла крыши и соединится с материком Серовато-Сухого Руберойда… Домой я вернулся к обеду и не сказал Маме, что солнце завербовало меня в свои сподвижники…

В конце весны Папа пошёл на рыбалку за Зону и согласился взять и меня с собой, если я накопаю червяков для наживки. Я знал

отличные места для червекопства и принёс домой целый их клубок в ржавой банке от консервированной тушёнки. Вышли мы рано утром и возле КПП к нам присоединились ещё два человека с листком пропуска на троих на выход за Зону. Я был четвёртым, но часовые меня даже не заметили. За воротами КПП мы свернули направо и пошли через лес.

Мы всё шли и шли, и шли, а лес никак не кончался. Иногда тропа выводила к опушке, но потом снова углублялась в глушь. Я шагал терпеливо, потому что Папа меня предупредил ещё до того как послать за червями, что идти надо аж восемь километров, а я сразу же поспешил тогда ответить, что это ничего, я смогу. Поэтому я шёл и шёл, хотя удочка и наживка в тушёнке заметно потяжелели.

Наконец, мы вышли к лесному озеру и рыбаки сказали, что это Соминское, которое я даже не узнал, хотя в нём когда-то научился плавать. Мы прошли по длинному травянистому мысу, в конце которого увидели настоящий плот. Один из рыбаков остался на берегу, а мы втроём взошли на борт плота из лиственных пород с гладкой корой, что сквозь тёмную воду казалась зелёной, вероятно Осина.

Папа и второй рыбак оттолкнули плот шестами от берега и продолжали толкать в воде, пока мы не отошли метров за тридцать туда, где глубже. Там мы остановились и начали ловлю. Брёвна плота увязаны были не вплотную и под ними виднелся редкий слой поперечных брёвен утопленных в непроглядно чёрную глубь, так что приходилось проявлять осторожность. Мы забросили снасть на три разные стороны и начали удить.

Рыба клевала довольно часто, хотя оказывалась не такой крупной, как ожидалось по сопротивлению натянутой лески, и к тому же резко выкручивалась, когда снимаешь с крючка, а у неё при этом острые шипы на морде и на спине. Папа сказал, что это ёрш, а рыбак добавил, что ершовая уха самая вкусная. Позднее, уже на берегу, когда уха была сварена в котелке над костром, я конечно её ел, но не разобрал насколько она вкусная, до того оказалась горячей.

После обеда, рыбаки сказали, что клёва уже не будет, потому что в такое время дня рыба уходит спать. Они тоже растянулись на траве и уснули под деревом и Папа с ними, а потом и я от одиночества и нечего делать…

Возвращались мы уже не по короткой тропе через лес, а по плавным холмам и взгоркам, потому что бумага разрешала быть за Зоной до шести часов. С вершины одного пригорка мы увидели озерцо вдалеке, которое было совершенно круглое и обросшее камышом. Когда мы подошли, Папа захотел непременно искупаться в нём, хотя остальные рыбаки его отговаривали. Один из них сказал, что это озеро называется Ведьмин Глаз и тут слишком часто кто-нибудь тонет запутавшись в густой ряске.

Но Папа всё равно разделся до трусов, ухватился за корму маленькой лодки возле берега и поплыл, взбивая ногами большие пенистые всплески, к камышам на том берегу. На полпути он вспомнил про свои наручные часы, снял их и повесил на гвоздик в корме. Вернулся он таким же образом, и с его плечей свисали длинные космы перепутанной озёрной ряски.

Он был уже на берегу и одевался, когда мы увидели женщину в длинной деревенской одежде, которая с неясными криками бежала по наклонному полю. Когда добежала, она не сказала ничего нового, а только повторила, что мы уже знали от рыбака-попутчика.

Возле КПП нас застигло сильное ненастье и мы здорово промокли, пока дошли домой, но впоследствии никто не заболел

~ ~ ~

С велосипедами у меня дружба сызмальства. Я и близко не помню свой первый велосипед, но некоторые фотографии свидетельствуют – вот он трёхколесник с педалями на переднем, а на нём, упёршись в педали, двух-трёхлетний бутуз в тюбетеечке – я.

Однако следующий помню очень хорошо – трёхколесник с цепным приводом, потому что часто приходилось спорить с сестрой-братом чья очередь кататься. Позже Папа пересобрал его в

двухколёсный, но после пятого класса он стал мал на меня и перешёл к младшим насовсем. А потом Папа привёл мне настоящий велосипед. Да, это был подержанный ветеран, но зато не «дамский» и не какой-нибудь там «Орлёнок» для подростково-юношеского возраста.

Однажды вечером после работы Папа попробовал даже обучить меня во Дворе езде на велосипеде, но без его крепкой поддержи за седло велосипед так и норовил завалиться не на один, так на другой бок. Папе надоела моя неловкость, он махнул рукой, сказал: —«Учись сам», – и ушёл домой.

А через пару дней я уже мог ездить. Правда не в седле, у меня не хватало смелости перебросить через него ногу и сесть как надо, вместо этого я просовывал ногу под раму и ездил стоя на педалях, поэтому езда получалась с косым креном, у велосипеда вправо, а у меня наоборот.

Но потом мне стало стыдно, что один мальчик, даже младше меня, не боится разбежаться и, стоя одной ногой на педали, перебросить вторую поверх седла к педали на другой стороне. Ему не хватало длины ног, чтобы из седла доставать до педалей, поэтому он ездил сидя верхом на раме, то левой, то правой ляжкой, поочерёдно, а седло оставалось у него за спиной чуть пониже лопаток. Рядом с таким храбрым коротышкой ездить «под рамой» было совсем стыдно.

И вот наконец после стольких проб и падений с царапинами, ушибами или без, у меня получилось! Ух-ты! Как быстро несёт меня велосипед над землёю! Никто и бегом не догонит. А самое главное – до чего легко, оказывается, ездить на велосипеде! И я гонял и гонял по орбите вокруг беседок в окружении дорожек Двора, пока—с опаской, но желанием—не свернул между знаний на окружную дорогу, на орбиту вокруг двух кварталов Горки…

Позднее, уже как поднаторелый велосипедист, я даже освоил некоторые элементы велоакробатики – езду «без ручек», когда управляешь велосипедом не касаясь руля, а перемещая свой центр

тяжести в сторону предстоящего поворота, а велосипед понимал меня и слушался!.

Другим достижением того лета стало умение открывать глаза под водой. Плотину, где я когда соскользнул с плиты, починили и получился широкий водоём, куда сходилось много пляжников. Среди нас, мальчиков, любимой игрой стала *Пятнашки-в-Воде,* по тем же правилам как и в сухопутных. Но бегать в воде не получается, пловец движется быстрее, не догнать, да ещё и ныряет, меняя направление движения под водой, неизвестно где вынырнет отдышаться. Прежде, при нырянии мои глаза зажмуривались сами собой, но лишь открытыми можно различить в какую сторону умелькивают белые пятки уплывающего.

Да, под водой всё видится в желтоватом сумраке и не очень далеко, зато звуки слышны намного чётче и чище, когда сядешь на дно и постучишь парой камешков друг об друга. Наверное, потому что вода глушит все посторонние шумы. Правда, долго под водой не высидеть, набранный в лёгкие воздух стремится на поверхность и тебя тоже тянет, приходится грести в обратном направлении, а с камешками в руках не слишком-то и погребёшь.

~ ~ ~

Отпуска родителей в то лето не совпали и они уезжали по очереди. Сначала Папа навещал свою родную деревню Канино в Рязанской области. Он и меня взял с собою, только строго-настрого предупредил в дороге никому не признаваться, что мы живём на Атомном Объекте.

На станции в Бологове нам пришлось долго ждать поезд на Москву. Папа оставил меня сидеть на чемодане в переполненном зале ожидания, а сам пошёл компостировать билеты. На скамье неподалёку сидела девочка с открытой книгой на коленях. Я встал и приблизился к девочке, чтобы заглянуть в книгу через плечо. Это оказался *Таинственный Остров* Жюля Верна.

Я прочитал пару абзацев знакомых строк, которые мне так нравились. Она читала, не обращая внимания, что я стою позади спинки скамьи для ожидающих пассажиров. Мне хотелось заговорить с нею, но я не знал что сказать. Что это хорошая книга? Что я тоже читал её? Пока я подбирал правильные слова, пришли её взрослые сказать, что их поезд уже прибывает. Они ухватили свой багаж и вышли в дверь на платформу. Она ни разу не оглянулась…

Потом вернулся Папа с закомпостированными билетами. По моей просьбе, он купил мне книгу из книжного киоска в зале ожидания про Венгерского мальчика, который потом стал юношей и сражался с Австрийскими захватчиками его Венгерской родины. Потом из громкоговорителя разнеслось невнятное эхо о прибытии нашего поезда и мы вышли на перрон. Мимо прошёл мальчик лет десяти.

– Видишь? – спросил меня Папа. – Вот это называется бедность.

Я посмотрел вслед мальчику и увидел грубо нашитые заплаты на его штанах, которые перед этим не заметил.

В Москву мы прибыли на следующее утро. Мне очень хотелось увидеть столицу нашей Родины с самого начала и я всё время спрашивал, ну, когда же будет Москва, пока кондуктор не сказал, что вот она уже началась. Но за окном вагона тянулись такие же развалюшные избы как на Валдае, только побольше и потеснее друг к другу, и они никак не хотели кончаться и только когда поезд втянулся под высокую крышу вокзала, я поверил, что это мы в Москве.

Мы пошли пешком на соседний вокзал, который оказался совсем рядом. Там Папа опять закомпостировал билеты, но на этот раз поезд нужно было ждать до вечера, поэтому он сдал чемодан в камеру хранения и мы сели на экскурсионный автобус в Кремль.

Внутри Кремлёвских стен всех строго предупредили, что ничего нельзя фотографировать и Папе пришлось показать, что это его самодельный радиоприёмник у меня на плече в кожаном футляре, чтобы мне позволили носить его и дальше.

У домов посреди Кремля стены белые, а рядом тёмные Ели, но мало, хотя густые и высокие. Экскурсию привели к Царь-Колоколу, одна стенка у которого разбита. Это случилось, когда Царь-Колокол упал со своей колокольни и с тех пор не может звонить, а так и стоит на земле для экскурсий. Но жалко, послушать бы... А потом мы пришли к Царь-Пушке на высоких колёсах и я сразу же взобрался на груду больших полированных ядер у неё под носом и сунул голову в её пасть. Там оказались круглые стенки, как в большой трубе, но с глубоким слоем пыли повсюду.

– Чей это мальчик? – закричал снаружи пушки какой-то дяденька в сером костюме на бегу из-за соседней Ели, но совсем не из нашей экскурсии. – Уберите ребёнка!

Папа признался, что я – его и, пока мы не покинули Кремль, ему пришлось держать меня за руку, хотя было жарко... Когда автобус вернулся на вокзал, Папа сказал, что ему нужно купить наручные часы, вот только денег не очень много. Поэтому мы зашли в магазин, где были одни только часы в стеклянных ящиках на столах и в шкафчике, но тоже стеклянном, и Папа спросил меня какие же ему выбрать. Памятуя его жалобу на безденежье, я показал на самые дешёвые, за семь рублей, но Папа всё равно купил дорогие, за сиреневые двадцать пять рублей с белым бюстом Ленина в профиль...

В деревне Канино мы жили в избе Бабы Марфы, которая состояла из одной большой комнаты с двумя окнами напротив большой Русской печи. Из избы можно было пройти в маленький двор с дощатым забором и жильём коровы, но я туда не заходил, потому что в навозе не осталось места куда ногу поставить. Позади избы находился сарай опёртый на неё и тоже из брёвен. Окон в нём не было, а только клочки старого сухого сена и запах пыли. В углу я нашёл три книги: исторический роман про генерала Багратиона в войне 1812 года против Наполеоновского нашествия, повесть об установлении Советской власти на Чукотке, где пришлось гоняться за

Белыми на собачьих упряжках, и *Маленький Принц* Антуана Сент-Экзюпери…

Один раз сестра и брат Папы приходили в гости, они жили в той же деревне, но были слишком заняты работой в колхозе. По этому случаю Баба Марфа сготовила большой жёлтый омлет, а другие обеды я не помню.

Деревня Канино разделена надвое ложбиной, где течёт широкий тихий ручей. Оба берега в сплошной стене Ивняка с длинными листьями, который местами даже смыкался над головой. А сам ручей неглубокий, чуть выше колен, с приятным песчаным дном. Мне нравилось бродить в его медленном течении.

Один раз Папа повёл меня на речку Мостью. Идти туда неблизко, зато достаточно места для плавания от одного заросшего дёрном берега до другого. На обоих берегах было немало отдыхающих людей, наверное, из других деревень. На обратном пути мы увидели в поле комбайн, который убирал рожь в поле, и когда он проехал мимо к другому концу поля, Папа рассердился и сказал: —«Тьфу!.»

Как оказалось, комбайнёр срезал только верхушки у колосьев, чтобы побыстрее закончить, но когда увидел незнакомца в белой майке, тем более с мальчиком городского вида, то решил будто мы тут проездом – начальство из района, и начал срезать под самый корешок, как очковтиратель какой-то…

Возле сарая Бабы Марфы появился большой стог сена для её коровы, и когда Папа и его брат начали какой-то ремонт в избе, то Баба Марфа перешла ночевать в сарай, а постель для меня и Папы стелилась наверху стога. Спать там было удобно и приятно из-за запаха высыхающей травы, но немного непривычно, и даже чуть-чуть страшновато, что так много звёзд смотрят на тебя всё время. К тому же, ни свет ни заря начинают кричать петухи деревни, а потом лежи в предрассветных сумерках пока снова заснётся…

Однажды я отправился против течения, пока не добрёл до следующей деревни, где деревенские мальчики запрудили ручей земляной плотиной с дёрном, чтобы было где купаться. Но после

этого я заболел и меня отвезли в ту же самую деревню в верховьях ручья, потому что только там был лазарет с тремя койками. На одной из трёх я болел целую неделю и читал *Знаменосцы* Гончара, а также лакомился клубничным вареньем из банки, которую принесла сестра Папы, тётя Шура, а может быть жена его брата, тётя Аня, потому что они вместе тогда пришли меня проведать…

Так мы провели Папин отпуск и вернулись на Объект

~ ~ ~

Вскоре после нашего возвращения Мама взяла Сашу с Наташей и поехала на Украину проводить свой отпуск в Конотопе. Опять мы с Папой остались только два мужика. Он готовил вкусные макароны по-Флотски и рассказывал мне подробности жизни моряков. Например, на корабле многие команды подаются трубой и она не просто дудукает как пионерский горн, что вместе с барабаном идут вслед за Знаменем пионерской дружины на торжественной линейке. Корабельная труба играет по разному для каждого случая. В обед труба выпевает: —«Бери ложку, бери бак и беги на полубак». «Бак» это котелок, куда матросу выдают обед, а «полубак» то место на корабле, где корабельный повар-кок раздаёт черпаком что он там сготовил.

И Папа объяснял мне разные морские слова. «Клотик» это самый кончик самой высокой мачты на корабле, а когда хотят подшутить над молодым матросом, ему дают чайник и посылают принести чай с клотика. Новичок, конечно, не знает где это и ходит по судну с чайником, расспрашивает как пройти, а старые морские волки посылают его в разные места или в машинное отделение, так, для смеха…

А ещё Папа сказал, что некоторые *зэки*, которые прожили на Зоне слишком долго, уже не могут жить на свободе. И поэтому один рецидивист, когда закончился срок, просил начальника лагеря не выпускать его, а держать дальше. Но начальник Зоны сказал: —«Закон есть закон! Уходи!»”

А вечером рецидивиста опять привезли на Зону, потому что он убил человека в соседней деревне, и убийца кричал: —«Говорил я тебе, начальничек! Из-за тебя душу невинную пришлось загубить!» На этих словах у Папы глаза смотрели вбок и вверх, и даже голос его менялся как-то...

Некоторые книги я перечитывал не один раз, не сразу, конечно, но спустя какое-то время. В тот день я перечитывал книгу рассказов про революционера Бабушкина, которую мне вручили в конце года за хорошую учёбу и активное участие в общественной жизни школы. Он был простым рабочим и работал на богатеев-фабрикантов перед тем как стать революционером, а во время революции 1905 года пропал без вести.

Когда Папа позвал меня из кухни идти обедать, я пришёл и начал есть вермишелевый суп, а потом спросил: —«А ты знаешь, что до Октябрьской Революции на заводе Путилова рабочих однажды заставили трудиться сорок часов подряд?»

И Папа ответил: —«А ты знаешь, что твоя Мама поехала в Конотоп с другим дядей?»

Я поднял голову над тарелкой. Папа сидел перед нетронутым супом и смотрел на занавеску в кухонном окне. Мне стало страшно, я заплакал и сказал: —«Я убью его!»

Но Папа всё так же смотрел в занавеску, и он сказал: —«Не-ет, Серёжа, убивать никого не надо». – Голос его звучал чуть гнусаво, как у того рецидивиста-душегуба, который хотел и дальше оставаться на Зоне.

Потом Папа попал в Госпиталь Части и два дня соседка, которая въехала в комнаты сокращённых Зиминых, приходила к нам на кухню готовить мне обед. На третий день вернулась Мама с моими братом-сестрой...

Мама пошла проведать Папу в Госпитале и взяла меня с собой. Папа вышел во двор в синей пижаме, там всех переодевают в такие же. Родители сели на скамейке и сказали мне пойти поиграть. Я отошёл, но не очень далеко и слышал как Мама что-то быстро-

быстро говорит Папе тихим голосом. Он смотрел прямо перед собой и повторял одни и те же слова: —«Дети вырастут – поймут».

(…когда я вырос, то понял, что из Конотопа опять пришло письмо с доносом, только на этот раз прямо Папе, а не в Особый отдел. Зачем?!. Ведь это не сулило доносчику улучшения жилищных условий, или каких-то других улучшений быта. Или, может, просто по привычке? Или, может, это вовсе не сосед был?. Просто некоторые люди, когда им плохо, думают что полегча́ет, если сделать плохо кому-то ещё. Не думаю, что это срабатывает, но знаю, что есть такие мыслители…

И я ни разу не спросил моих сестру-брата ездил ли с ними в отпуск какой-то дядя, но я знаю, что так и было.

Мама построила свою защиту на контратаке против непутёвого поведения Папы в Крымском санатории, куда он ездил по путёвке профсоюза один, годом ранее. Там он стал таким легкомысленным, что не догадался даже скрыть следы своей легкомысленности и Маме пришлось отстирывать улики с его трусов в стиральной машинке «Ока»…)

Потом Папа выписался из Госпиталя и мы стали жить дальше…

~ ~ ~

В школе наш шестой класс перевели обратно на второй этаж в главном здании. Из-за беспрерывного чтения книг вперемешку с телевизором, времени на домашние задания у меня, практически, не оставалось, учителя меня стыдили, но продолжали ставить хорошие оценки, просто по привычке…

В общественной жизни школы я сыграл роль коня в инсценировке силами пионерской дружины школы. Эта роль досталась мне потому, что Папа сделал большую лошадиную голову из картона и на сцене я представлял конскую голову и передние ноги. Мои руки и плечи скрывала большая шаль, которая прятала ещё одного мальчика,

который в согнутом виде держался за мой пояс и исполнял роль задней части четвероногого. На сцене лошадь не говорила никаких слов, потому что просто приснилась лентяю в виде кошмара, чтобы он с перепугу начал хорошо учиться. Постановку мы представили в школьном спортзале, и в Клубе Части, и даже ездили на гастроли за Зону – в клуб деревни Пистово. И повсюду выход коня на сцену вызывал оживление в зале.

Кроме кино в Клубе Части, я иногда ходил в Дом Офицеров, родители давали мне деньги на билет. Там я впервые посмотрел Французскую экранизацию *Трёх Мушкетёров*.

Перед сеансом в толпе собравшихся в фойе ходили нехорошие слухи, что фильм не привезли и вместо него покажут другое кино, чтобы не возвращать деньги за проданные билеты. Я старался не вслушиваться в жуткую весть и отгораживался от неё сосредоточенным разглядыванием громадного парадного портрета Маршала Малиновского, на полстены фойе, во всех его орденах и регалиях.

> *(…моё «я» того периода ещё и слыхом не слыхивало про Эдди Мёрфи, и не сомневалось, что мы в одиночку победили Германию во второй Мировой войне, потому что Советские люди в любую минуту готовы умереть за нашу Советскую Родину бросившись под танк или на амбразуру дзота, ну и к тому же у нас имелось непревзойдённое вооружение – «катюши» (то «я» не знало, что все они монтировались на Американских «студебеккерах»)…)*

Коллекция разноцветно блестящих кружков, крестов, звёзд—пришпиленных, привинченных, приколотых для экспозиции—не оставляла ни живого, ни свободного места на его парадном кителе и медали меньшего достоинства болтались ниже пояса, на чреслах, как полы общей кольчуги.

И я дал слово окольчюженному Маршалу, что не пойду смотреть ничего другого, даже если не отдадут деньги за билет. Однако

тревога оказалась ложной и счастье, щедро сдобренное звоном шпаг, длилось целых две серии, к тому же в цвете!.

Освоение Библиотеки Части продолжалось весьма успешно. Меня давным-давно перестали пугать картинки в пустой просторной прихожей, и кроме того я стал заправским полколазом.

Полки книжного лабиринта настолько тесно толпились друг к другу, что я наловчился восходить до самого потолка упираясь ногами в полки по обе стороны узких проходов. Не скажу, что на недосягаемых прежде высотах нашлись какие-то особые книги, однако приобретённые навыки альпинизма повышали моё самоуважение. Как и тот случай, когда Наташа оторвала меня от диванного чтения известием про сову в подвале углового здания.

Конечно же, я сразу выбежал вслед за сестрой. Коридор подвала освещался одинокой лампочкой чудом уцелевшей в эпоху «шпоночных» войн. В конце коридора, под проёмом в приямок, на полу сидела большая птица, куда крупнее совы. Это был настоящий филин, который сердито вертел своей ушастой головой и щёлкал крючковатым носом, не диво, что детишки не решались подойти.

Я действовал не раздумывая, как будто каждый день общался с приблудными филинами. Сняв клетчатую рубашку, я набросил её на голову птицы. Потом ухватил за когтистые ноги и поднял над полом. Филин не сопротивлялся под покровом моей одежды. Куда? Конечно же, домой, тем более, что я в полураздетом виде.

Мама не согласилась держать дома такого великана, хотя в квартире соседей Савкиных жила здоровенная ворона. Мама возразила, что бабушка Савкиных день-деньской подтирает вороний помёт по всей квартире, а кто у нас будет, если все на работе и в школе?

Скрепя сердце, я пообещал наутро отнести филина в школьный Уголок Живой Природы, потому что там уже жили белка и ёж в отдельных клетках. Только пусть до тех пор посидит пока в ванной. Чтобы филин подкрепился, я отнёс туда краюху хлеба и блюдце молока. Он грустно сидел в углу и даже не взглянул на пищу

опущенную на плитки пола. Выйдя, я выключил свет надеясь, что, как ночной хищник, он и в темноте найдёт.

Утром я первым делом включил в ванной свет и увидел, что филин к еде и не притронулся даже. И ничего не съел, пока я завтракал на кухне, хотя я специально оставил свет в ванной гореть, но это не добавило ему аппетита. Потом я схватил его за голые ноги и понёс в школу.

Наверное, филинам неудобно висеть головой вниз, потому что этот постоянно подворачивал свою кверху, насколько пускала шея. Иногда я отдавал свой портфель брату и нёс птицу обеими руками в нормальном положении. Когда со взгорка открылся дальний вид на школу, голова филина уронилась и я понял, что он мёртв. Я даже несколько обрадовался, что ему не придётся жить в неволе плохо пахнущего Живого Уголка. Я свернул с тропы и спрятал его в кустах, потому что однажды видел ястреба повешенного на суку старого дерева на Бугорке. Я не хотел, чтобы из моего филина выдирали перья и всячески увечили, пусть даже и после его смерти…

Потом Мама говорила, что птица умерла, скорее всего, от старости и пряталась в подвале, чтобы сдохнуть.

(…но я думаю, всё так случилось затем, чтоб мы с ним встретились. Он был посланником ко мне, просто я ещё не разгадал послание… Птицы они ведь не только птицы, об этом ещё и авгуры знали…

Мой дом в Степанакерте стоит на склоне глубокого оврага позади Роддома. Самый крайний дом в тупике, воистину тихое место.

Однажды на подходе к дому я увидел птицу, не больше воробья, в сухой траве поздней осени сбоку от тропинки. Неверными путающимися шагами, она брела через ломкую траву, будто тяжко раненная, волоча за собой свои крылья. Я взглянул на ходу и пошёл дальше, слишком отягчённый собственными проблемами… На следующий день мне стало

известно, что именно в тот момент глубже в овраге зарезали молодого человека – наркушные разборки.

Та птичка была душой убитого, и никто меня не переубедит…)

~ ~ ~

Осенью после лета в раздельных отпусках, старшая часть нашей семьи ударилась в грибничество. Конечно, грибов на Объекте хватало, два шага в сторону от торной тропы дом-школа и вот тебе опята, моховики, подосиновики, не говоря уж о сыроежках и волчьем табаке, но просто у занятых прохожих нет времени на грибы… Но когда получаешь бумажку с разрешением покинуть Зону на весь воскресный день, да ещё и грузовик выделен для вывоза группы грибников за Зону, «тихая охота» начинает выглядеть привлекательней. Наверное, все эти удобства всегда предоставлялись жителям Объекта, только родители ими не пользовались, пока не решили покрепче помириться после раскольного лета.

(…хотя в то время я ничего такого и не думал даже, а просто радовался, что еду с родителями в лес собирать грибы, нет, не искать, а собирать те, которые соизволят найтись. Сколько бы ни искал, толку не будет—даже если они под самым носом—пока они тебя не окликнут. Без зова – проходишь мимо, они другого дожидаются кого-то. Понадобилась жизнь, чтобы понять – это касается не только грибов, но и любой другой неживой (Ха!.), неодушевлённой вещи…)

Специально для тех воскресений Папа сделал три ведра из крепкого картона, лёгкие и вместительные. В лесу Зонные грибники расходились почти в одиночку изредка обмениваясь далёкими «Ау!», по которым не угадать кто это кричал и откуда.

Мне нравилось настороженно бродить по тихому осеннему лесу влажному от тумана и измороси. Конечно, мы не собирали слишком хрупкие сыроежки, но подосиновики, или моховики были хорошим сбором. Папа сделал маленький нож каждому, чтобы не портить грибниц и грибы снова бы росли в том же месте, к тому же на срезе сразу видно червив гриб или нет. Самым лучшим грибом считался «белый», только он меня ни разу не окликнул. Незнакомцев я относил Папе и он объяснял – этот рыжик, это волнушка, а этого выбросить – поганка.

Дома грибы высыпали в большой эмалированный таз и замачивали на ночь, потом Мама их готовила или мариновала. Всё было очень вкусно, но ходить за ними по лесу намного вкуснее.

Однажды в воскресенье, когда родители ушли куда-то в гости, мы втроём затеяли беготню по квартире, Пятнашки на троих. Веселье оборвал резкий стук в дверь. На площадке стоял новый сосед с первого этажа, который сказал, что если родители не дома, это ещё не значит будто можно на головах ходить, а когда они вернуться им будет сказано, что мы не можем себя вести.

Совсем вечером Наташа прибежала с площадки объявить тревогу – родители уже шли домой, но на первом этаже их задержал своими жалобами сосед из квартиры под нами. Ой, что будет!

Как ей удалось оказаться в нужном месте в нужное время? Очень просто. Площадка была как бы продолжением квартиры, там хватало места играть втроём в волейбол воздушным шариком, а Мама стала даже превращать её в спортзал и, когда не на работе, прыгала там со скакалкой. Мы наперебой последовали её примеру, но у меня не получалось так же хорошо, как у Наташи, которая чуть что и – на площадку, вот и услышала соседский перехват.

Когда они вошли, лицо у Папы было очень злое. Не снимая пальто, он прошёл на кухню и принёс табурет в комнату родителей. Там он сдвинул дорожку в сторону и хлобыстнул табуретом об пол.

– Потише, да? – прокричал он доскам пола и ещё раз шарахнул по ним сиденьем табурета. – Так хорошо, а?

Я понял, что нас не станут наказывать, но всё равно как-то это было не совсем правильно…

С собою в школу мы носили бутерброды, которые Мама заворачивала нам в газету, чтобы на большой перемене мы их доставали из портфелей и кушали. Для Саши с Наташей она заворачивала два бутерброда в один свёрток, потому что они учились в одном классе. Ну и перед выходом в школу мы, конечно же, ещё и завтракали на кухне… Однако в ту субботу я вышел из дому один и без портфеля, потому что в тот день проводилась военная игра для старшеклассников, а остальным отменили занятия.

Участники игры были разбиты на два отряда «Зелёные» и «Синие», которым для начала следовало уйти в лес в разных направлениях. Задача заключалась в том, чтобы выследить противника и захватить их знамя. Бумажные погоны на плечах своим цветом показывали отрядную принадлежность игроков. Кому отрывали один погон становился военнопленным, сорваны оба – убит.

В то утро я пришёл на кухню позже обычного, потому что обычно меня будило одевание младших, но им-то в школу не идти. К тому же, весь вечер накануне я кропотливо пришивал на плечи моей курточки бумажные погоны частыми старательными стежками, чтоб их не просто было бы срывать, и из-за этих военных приготовлений лёг спать около полуночи.

Мама уже уходила на свою работу и сказала, что есть вчерашние макароны или, если захочу, могу сварить яйцо себе на завтрак. Пришлось напомнить ей, что я не умею варить яйца, но она ответила, что это проще простого – за полторы минуты получается яйцо всмятку, а если хочу вкрутую, то варить три минуты. Она даже принесла будильник из своей комнаты и поставила на подоконник кухонного окна рядом с грибной банкой…

Такие трёхлитровые банки стояли почти на каждом кухонном подоконнике Объекта, но этот не из тех грибов, что собирают в лесу, он доморощенный. С виду похожий на зелёную тину затянувшую поверхность баночной воды, он, несмотря на гадкий вид, превращал

воду в приятный напиток наподобие кваса, хотя сам гриб назывался «чайным». Когда содержимое исчерпывалось и прядки гриба начинали цепляться за дно банки, её заново наполняли водой, оставляли настояться и через пару дней можно опять пить. Хозяйки охотно делились кусками гриба одна с другой, а то разрастётся так, что воде и места в банке не останется.

Поэтому я засёк время по будильнику, налил воды в маленькую кастрюлю, как сказала Мама перед выходом, загрузил туда яйцо, зажёг упруго-голубое пламя газовой плиты и поставил кастрюльку на огонь.

Прошла ровно минута с половиной, вода вокруг яйца никак не выглядела горячей и я решил, ладно, пусть будет вкрутую. После дополнительного ожидания в полторы минуты, от воды начал подыматься редкий парок, а на стенках кастрюльки под водой собралось множество мелких пузырёчков и я выключил газ, потому что у меня была чёткая инструкция по варке яиц.

(…поговорку насчёт «первый блин комом» можно смело дополнить, что первое варёное яйцо лучше просто выпить…)

Участники военной игры в большинстве своём пришли в спортивной форме и никому не хотелось заходить в здание школы. Так что мы бездельно толпились во дворе небольшими возрастными группами. В моей, все удивились до чего плотно сидят на мне погоны. Я гордо похлопал себя по левому плечу – ни капли не оттопыривается, а? Не то, что у некоторых – всего по паре стежков и выгнуты как спина перепуганной кошки, хоть мизинцем срывай. И тут незнакомый мальчик, наверное, из параллельного класса—ни с того, ни с сего—напал на меня, завалил на землю и подрал мои погоны в клочья.

(…драться я никогда не умел, да и теперь не умею. Скорее всего, обозвал его «дураком» и убежал в лес – домой…)

В лесу я снял свою курточку… Вместо погонов осталась только узенькая полоска бумаги обвитая частыми стежками чёрной нитки сложенной вдвое. Я выщипал бумажные обрывки и рассеял их по опавшей осенней листве. Возможно, всплакнул даже, что меня так преждевременно убили, и совсем не по правилам, ещё до начала военных действий… А ведь я так мечтал захватить в плен штаб противника…

Какое-то время моим излюбленным способом коротать уроки в школе стало составление чертежей моего тайного убежища – пещеры в неприступной скале, как у героев *Таинственного Острова*

Жюля Верна. Только в отличие от ихней, в мою можно попасть лишь по подземному ходу, который начинался далеко от скалы, в чаще окружающего леса, ну а в самой пещере имелся ещё дополнительный ход наверх, в пещеру поменьше, с узкими расселинами бойниц, чтобы следить что там вокруг творится.

Конец карандаша, которым я рисовал чертежи украшала угрюмая резная маска, наподобие тех идолов с острова Пасхи… Искусство резчика карандашных концов я тоже освоил в школе. Проще простого, если есть лезвие для бритья.

Делаешь поперечный надрез и от краёв его проскрёбываешь два продольных углубления до окончания карандаша, каждое 1 см в длину и 3 мм в ширину, оставляя между ними 2 мм – это переносица.

Теперь, на 1 см ниже носа делаешь широкий продольный срез к нему. Нос начинает торчать, а срез становится нижней частью лица. Засечка поперёк него становится узкогубым ртом, а короткие прорези в продольных углублениях вдоль носа—по одной на каждое—глазами идола.

Только поосторожней с лезвием, оно страшно острое и можно пальцы порезать при невнимательности… Этих инструментов резчика полным-полно в ванной, в синей бумажной коробочке лезвий, которую Папа там держит. На синем верхе – рисунок чёрного парусника и надпись «Нева», а внутри конвертики, тоже синие, с таким же парусником и надпись та же…

С началом зимы у меня на руках начала меняться кожа. В каком-нибудь месте взбугриться сухой клочок, потрёшь его, потянешь и – снимается целая полоска кожи. Я никому не говорил и за неделю снял всю кожу, как изношенные перчатки, до запястий. Но на ладонях так и не облезла, а под снятыми полосками обнажалась новая.

(…понятия не имею есть ли какое-то научное объяснения такому явлению, однако по моему скромному мнению, причиной

послужила книга встреченная мною на полках Библиотеки Части. Её название, Человек Меняет Кожу, чем-то оттолкнуло, но, вместе с тем, и запомнилось, чтоб впечатлительный ребёнок на собственной шкуре проверил возможность такой смены...)

Меня всегда отличали две врождённые Ахиллесовы пятки: наивность и впечатлительность... Впечатлившись песней на пластинке в 33 об/мин, я наивно возжелал переписать слова, хоть пелась она на иностранном языке.

Моя попытка списывания не продвинулась дальше первой строки, но и такой результат вызывал серьёзные сомнения. Один раз явно слышится «аза лацмадери», а ставишь пластинку по второму кругу тут уже звучит «эсо дазмадери». Сколько я не бился, эти два варианта сменяли друг друга. Но невозможно же, чтоб пластинка сама собой менялась, без фабрики грамзаписи! Проект остался незавершённым...

(...много лет спустя я вновь услышал и сразу же узнал, когда Луи Армстронг запел с лазерного диска:
*“ **Yes, sir, that’s my lady...)***

Каток за дорогой с самого начала предназначался для хоккея. Со временем его окружили плотным дощатым бортиком, а в противоположных концах поля поставили хоккейные ворота. После снегопадов мальчики чистили поле парой широких металлических щитов наподобие ножа бульдозера. По верху каждого такого щита протянута длинная горизонтальная ручка для хватания и толкали него не меньше двух-трёх мальчиков.

Снег переталкивали к бортику напротив раздевалки и выбрасывали с поля широкими фанерными лопатами. Поэтому позади дальнего бортика образовалась снежная гряда вдвое выше него самого. В искусственных холмах слежавшегося снега мальчики

прокапывали туннели с развилками и закоулками, как на моих схемах секретного убежища.

Тёмными вечерами мы играли в прятки в тех туннелях полных чернильно-чёрного мрака, потому что столбы с фонарями стояли только на раздевалкиной стороне катка. Но стоило включить в туннеле фонарик и – у тесноты появлялись ледниково-белые стены с бессчётными искорками в мутной глубине.

~ ~ ~

Год заканчивался. Под чёрным блестящим корешком отрывного календаря на стене возле холодного окна на кухне остались считанные листочки размером с ладонь. Изначально, в таком календаре бывает столько же страниц, сколько дней в его году и плотная масса из сотен листиков охваченных блестяще-чёрной жестью спинки-корешка смотрится важной и солидной. Каждый листок жирной шрифтом представлял свою неповторимую дату, а нормальной печатью сообщал точное время восхода и захода солнца в этот день и в отдельном столбце символов и цифр отчитывался о текущей фазе луны. И всю эту компактно напечатанную уйму информации ты должен был оторвать и выбросить, чтобы идти в ногу со временем.

Усугубляя горечь потери, вместе с информацией безвозвратно выбрасывался и дизайн художественного оформления, который данным о движении небесных тел отводил нижний край листка, а в центре размещал того или иного Члена Политбюро Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, который родился в этот день, а если Членом день был обойдён, на выручку приходил портрет того или иного героя Гражданской или Великой Отечественной войн. На оборотной стороне представлялась их биография, но вкратце, из-за маломерности листка.

Раз в два месяца попадался кроссворд (да, подсказки на обороте), а пять дат печатались жирно красным, потому что они праздники –

Новый год, Первомай, День Победы, День Великой Октябрьской Революции, и День Конституции.

Но позднее Мама начала покупать отрывной календарь для женщин, где вместо Членов спереди шли картинки задумчивых Берёзок, а сзади выкройки для шитья, кулинарные рецепты или другие полезные советы. У одного из таких советов я научился как отучить мужа от склонности к спиртному:

“Насыпьте порцию измельчённой жжёной пробки в стакан с вином и угостите своего мужа незадолго до прихода гостей. Когда все соберутся, пробка начнёт оказывать своё действие и выпивоха не сможет сдерживать давление газов в своём желудке, он распукается, ему станет стыдно перед гостями, что и заставит его расстаться с постыдной привычкой.”

Я пересказал этот способ Маме, потому что она часто упрекала Папу за такую же склонность. Однако Мама полезным советом не воспользовалась.

(..тогдашний я не смог её понять – зачем жалуешься, если не хочешь снять причину дискомфорта? Повзрослев, я понял мою Маму, но теперь уже не могу понять способных к печатанию такого идиотизма.

Похоже, с пониманием у меня та же незадача, что и у того журавля на топком болоте – шею вытащит, глядь, крыло увязло, крыло вызволит, ан нога застряла…

А это у меня только с пониманием так?.)

За неделю до зимних каникул классная руководительница объявила, что на школьном Новогоднем вечере будет проводиться конкурс на лучший маскарадный костюм, в котором наш класс просто обязан победить. Меня воодушевила поставленная задача и тут же явилась идея бесподобного карнавального костюма – никаких медведей с роботами, я наряжусь… Цыганкой!

Мама расхохоталась, когда я поделился с нею своим планом, но обещала помочь, потому что у неё оставались связи в Танцевальной Самодеятельности.

На мои осторожные расспросы в классе—кто какой костюм задумал для конкурса? – мальчики одинаково отвечали, что никто и не собирается что-то готовить, а придут в своём обычном виде. Меня гнобила такая перспектива, потому что на Новогоднем вечере всё должно быть как в кинофильме *Карнавальная Ночь*, чтоб серпантин летал туда-сюда и конфетти кружились… Наверняка, всё это лишняя паника, как перед демонстрацией *Трёх Мушкетёров*, которая всё же состоялась. А если мальчики не явятся в карнавальном, то есть же и другие ребята, особенно в старших классах, для которых Новый год весёлый праздник…

Мама сделала мне маску как у Мистера Х в кинофильме *Мистер Х,* только из чёрного бархата и с дополнительной чёрной сеточкой до середины подбородка. Теперь меня никто не распознает, потому что из Танцевальной Самодеятельности Мама принесла настоящий парик с длинной чёрной косой до пояса, красную юбку, белую блузку с рюшечками и чёрную шаль с большими красными цветами.

Когда я одел всё конкурсное, Мама и её новая подруга, которая въехала в комнаты Зиминых, так и покатились со смеху. Потом они сказали, а что если кто-то меня пригласит на танец? Надо заранее потренироваться. По их совету, я взял стул и покружил его немного под пластинку с вальсом. Тут они вообще хохотали до упаду и сказали, что мне нужны женские туфли, а чёрные ботинки со шнурками никак не идут под красную юбку. Туфли тоже нашлись, но они оказались на каблуках, потому что зимой босоножки не носят. Ходить на каблуках было очень трудно, но Мама сказала: —«Терпи казак, тренируйся пока есть время».

За час до Новогоднего вечера мой карнавальный костюм сложили в большую сумку и я пошёл в школу через тёмный зимний лес. В школе я пробрался на второй этаж, где свет вообще не включали, и в одной из тёмных классных комнат переоделся в свой конкурсный

костюм. Я спустился на первый этаж хватаясь за перила, потому что ходить на каблуках не легче, чем с коньками на ногах.

Свет в вестибюле и коридорах первого этажа был довольно скудным, но освещения хватало, чтобы разглядеть, что все—даже ребята из старших классов—пришли хоть и не в школьном, но всё ж никак не в карнавальном. А где же праздник?! Где серпантин и конфетти?.

Пара старших ребят о чём-то пошептались и подошли ко мне: —«Погадаешь, Цыганочка?»

Но тут появилась Старшая Пионервожатая школы и отвела меня в спортзал. Вплоть до Ёлки и вокруг неё стояли ряды сидений для зрителей предстоящей постановки. Зря я кружил тот стул – танцев не предвидится.

Старшая Пионервожатая посадила меня посреди первого ряда, лицом к пока ещё закрытому синему занавесу. Потом она ненадолго отошла и вернулась с девочкой в маске и костюме Арлекино—ещё одна дура несчастная, как и я. Девочку усадили на соседнее сиденье. Других ряженых в зале не было.

Занавес распахнулся и девятиклассники стали представлять свою постановку *Золушки*. Костюмы их мне понравились, особенно клетчатая кепка Шута… Спектакль окончился, все начали хлопать, а я понял, что сейчас даже Шут переоденется в свои штаны с пиджаком.

Я покинул хлопающий зал и поднялся наверх в тёмную комнату, где оставлял свою одежду, чтобы переодеться обратно. Какое блаженство сунуть ноги в свои валенки после мучительских каблуков!

В дверях школы я столкнулся с Мамой и Наташей, которые пришли полюбоваться моим маскарадным триумфом. Я коротко им объявил, что никакого карнавала нет и мы пошли домой через всё тот же тёмный лес.

~ ~ ~

(...счастливым быть проще простого – живи не оглядываясь и очень скоро память сделает своё дело, она забудет и сотрёт все твои промахи, горести, боли. Смотри всегда вперёд – навстречу удовольствиям, успехам, праздникам...)

Хотя Новогодний вечер в школе провалился, впереди ждали долгие зимние каникулы и целых семнадцать серий*Капитана Тэнкеша* по телевизору, где он будет скакать на коне, биться на саблях и дурачить Австрийских оккупантов его Венгерской Родины.

В комнате родителей, как всегда, Новогодняя Ёлка доставала до потолка рубиновой звездой на своей макушке, а среди блеска игрушек висели шоколадные «Мишка в лесу» и «Мишка на Севере» и «Батончики», хоть и не совсем из шоколада, но тоже сладкие... После провального карнавала жизнь улыбалась вновь...

В новогоднюю ночь Папа работал в ночную смену, чтобы не гасли гирлянды огоньков на Новогодних Ёлках в домах Объекта. А в первое утро нового года Мама ушла на свою работу, чтобы не иссякала вода в кухонных кранах...

В наступившем году я проснулся поздно, когда папа уже вернулся с работы. Он спросил кто приходил минувшей ночью и я ответил, что Мамина новая подруга из квартиры Зиминых заглядывала на минутку.

Потом я читал, сходил на каток поиграть в хоккей в валенках и снова вернулся к книгам на большом диване... Я смотрел концерт Майи Кристалинской по телевизору в её обычной широкой косынке вокруг шеи—скрыть следы личной жизненной драмы—когда Мама пришла с работы. Я выбежал в прихожую из комнаты родителей, и Папа уже успел туда из кухни.

Он стоял перед Мамой, которая ещё не успела снять пальто. Потом, пока они так стояли—странно неподвижные и молча смотрящие друг на друга—что-то непонятное случилось с Папиной рукой, которая одна лишь шевельнулась в этом застывшем противостоянии и как-то без размаха шлёпнула по каждой щеке

Мамы. Она сказала: —«Коля! Что ты?»– и залилась слезами, которых я никогда не видел.

Папа начал кричать и показывать блюдце, которое он нашёл за занавеской на подоконнике кухонного окна. Мама хотела что-то объяснить про свою подругу, но Папа закричал, что женщины Беломор-Канал не курят. Он вскинул на себя свой овчинный полушубок, схватился за дверную ручку и вскрикнул напоследок: —«А ведь клялась, что даже срать не сядешь с ним на одном гектаре!»

Дверь бешено хлопнула, Мама прошла на кухню, а потом через площадку к своей новой подруге из бывших комнат Зиминых.

Я одел пальто и валенки, и снова пошёл на каток. По пути я встретил сестру-брата, которые оттуда возвращались, но ничего им не сказал про то, что там случилось.

На катке я пропадал до полной темноты. На игры не тянуло, но и домой идти я не хотел, а просто болтался без всякой цели или сидел возле печки в раздевалке. Потом Наташа подошла ко мне на совсем уже безлюдном катке. Она сказала, что Мама и брат ждут меня на дороге, и что дома Папа повалил Ёлку на пол, а Саньку пнул, и теперь мы идём ночевать у каких-то знакомых.

Под светом одиноких фонарей над пустой дорогой, мы вчетвером пошли в пятиэтажное здание, где Мама постучала в Дверь на первом этаже. Там жила семья какого-то офицера с двумя детьми. Мальчика я знал, но его сестра была из слишком старшего класса.

Мама начала раздавать нам бутерброды, которые она принесла с собой, но есть мне не хотелось. Она легла спать с моими сестрой-братом на раскладном диване, а мне постелили на полу, рядом с книжным шкафом. Через его стеклянную дверь я увидел книгу Луи Буссенара *Капитан Сорви-Голова* и попросил разрешения почитать её не раз уж читанные строки, пока свет из кухни доходил до ковра…

Утром мы ушли и пересекли Двор к одному из угловых зданий. Я знал, что это общежитие для офицеров. Но никогда ещё не заходил

туда. В длинном коридоре на втором этаже Мама сказала нам подождать, потому что ей надо поговорить с дядей (она назвала имя, но я его напрочь не помню).

Втроём, мы ждали совершенно молча на площадке, пока через какое-то время не появилась в коридоре Мама и повела нас домой. Она открыла дверь своим ключом. Из прихожей, через распахнутую дверь в комнату родителей виднелась Ёлка лёжа на боку у двери на балкон, на ковре вокруг валялись россыпью осколки её украшений. Они не блестели.

Дверь шкафа стояла настежь, перед ним грудилась мягкая куча из Маминых платьев, все до единого разодраны от верха до́низу… Мама негромко всхлипнула уже знакомыми слезами…

Папа не приходил домой целую неделю, потом Наташа сказала, что он к нам возвращается. Так это и случилось на следующий день. И мы стали жить дальше опять…

~ ~ ~

Перед началом школы я нашёл газетный свёрток у себя в портфеле. Несъеденный бутерброд валялся в нём все каникулы. Ветчина испортилась и провоняла весь портфель. Мама вымыла его изнутри с мылом и запах уменьшился, но не до конца…

В школе объявили сбор макулатуры и после уроков пионеры нашего класса, группами по трое-четверо, заходили в дома квартала, стучали в двери квартир и спрашивали нет ли макулатуры. Иногда нам давали целые кипы старых газет и журналов, но я так и не пошёл в угловое здание с общежитием офицеров. Вместо этого я предложил сходить в Библиотеку Части и там нам дали несколько стопок списанных книг. Некоторые совсем изношенные и подранные, а другие вполне свежие, как, например, *Последний из Могикан* Фенимора Купера с красивыми гравюрами, где только не хватало нескольких страниц в самом конце, но мне всё равно никогда не нравилось, что Ункас там гибнет.

Однажды вечером, когда мы играли в прятки в снежных тоннелях вдоль бортика катка, один старшеклассник начал доказывать, будто он сможет поднять пять человек сразу и очень даже запросто, одной рукой. Это казалось настолько невозможным, что я поспорил с ним. Он только предупредил, что пятеро должны лежать плотной группой, чтобы удобней поднимать.

Поэтому он и я, как поспорившие, и ещё несколько мальчиков прошли к Бугорку, куда не доходил фонарный свет катка, зато имелось ровное место. Я лёг на спину в снег и, как он объяснял, вытянул ноги и руки, чтобы четыре мальчика легли на них—по мальчику на конечность—всех вместе пять человек.

Только он даже и не попытался нас поднять – я почувствовал как чужие пальцы расстёгивают на мне штаны и лезут в трусы, но сбросить четверых мальчиков мне было не под силу и я только орал не помню что.

Потом я вдруг почувствовал, что освободился, потому что они убежали. Я застегнул штаны и пошёл домой, злясь на самого себя, что так запросто купился на дурацкую шутку. Опять ходил на клотик с чайником…

> *(…и только совсем недавно меня вдруг осенило – это не было глумливой шуткой типа «показа Москвы», но проверкой подозрений вызванных моим костюмом для несостоявшегося конкурса.*
>
> *Подумать только – чуть не вся жизнь прошла, покуда догадался… И это подчёркивает третью, но, пожалуй, главную из моих Пяток Ахиллеса – тугодумство…)*

По пути из школы мой друг Юра Николаенко поделился новостью, что на стенде в Доме Офицеров повесили карикатуру на мою Маму. Она там как бы гадает сама с собой: пойти к любовнику или к мужу?

Я не сказал ни слова, отмолчался, но больше месяца не мог и близко подойти к Дому Офицеров. Потом, конечно, пришлось,

потому что там показывали *Железную Маску* с Жаном Марэ в роли Д'Артаньяна.

Перед сеансом, со всем своим нутром как бы стиснутым стыдом и страхом, я приблизился к стенду. На пришпиленном там листе Ватмана висела уже новая карикатура про пьяного водителя в зелёной телогрейке, который уронил свой грузовик в реку, а его жена и дети проливают синие слёзы дома.

> *(...тогда я испытал огромное облегчение, но почему-то до сих пор передо мной мгновенно предстаёт карикатура, которую я в жизни и в глаза не видел. Там у Мамы острый нос и длинные красные ногти, когда она гадает: туда или сюда?.*
>
> *Нет, Юра Николаенко мне не описывал картинку, а только пересказал надпись...)*

Ранней весной Папа пришёл очень расстроенный после собрания у него на работе. Шла ещё одна волна сокращений и на собрании сказали, кого же сокращать, если не его?. Так мы начали собирать вещи для погрузки в большой железнодорожный контейнер, как остальные сокращённые люди до нас. Но грузить их остался один Папа, потому что мы вчетвером выехали на две недели раньше.

В последний вечер перед отъездом я сидел на диване новой Маминой подруги в квартире через площадку. Та женщина и Мама вышли на кухню, а я остался один с толстой книгой, которую подобрал в макулатуре Библиотеки Части, а потом подарил подруге Мамы. Там описывалась биография какого-то дореволюционного писателя, среди которой я невнимательно разглядывал изредка встречавшиеся фотопортреты незнакомых людей в непонятных одеждах из другого, дореволюционного мира. Потом я открыл макулатурный подарок где-то посредине и авторучкой на полях страницы написал «мы уезжаем».

И тут я вспомнил принцип создания мультфильмов, что если на нескольких страницах идущих друг за дружкой написать слово—по

одной букве на страницу—и потом согнуть страницы и дать им ускоренно пролистаться, то буквы, мелькая, сложатся в написанное слово. И я вписал отдельные буквы в уголках страниц идущих одна за другой «я-С-е-р-г-ей-О-г-о-л-ь-ц-о-в-у-е-з-ж-а-ю». Но мультфильма не получилось. Захлопнув книгу, я оставил её на диване и пошёл через площадку в комнату, где вдоль пустых стен стояли коробки и ящики…

Рано утром из Двора отправился небольшой автобус до станции Валдай. Кроме нас четверых, в нём ехали пара семей в свои отпуска. Когда автобус свернул на спуск с Горки, Мама вдруг меня спросила, с кем нам лучше жить дальше: с Папой или с человеком, чьё имя я забыл совершенно. И я сказал: —«Мама! Не надо нам никого! Я работать пойду, буду тебе помогать!» Она промолчала в ответ…

И это не было просто словами, я верил в то, что говорю, однако Мама лучше меня знала трудовое законодательство.

У подножия Горки автобус остановился на повороте в сторону Насосной Станции и КПП. Забытый человек, про которого только что спросила Мама, поднялся в открытую дверь. Он подошёл к ней, взял за руку, что-то негромко говорил. Я отвернулся и стал смотреть в окно… Человек вышел, автобус хлопнул дверью и покатил дальше. Через две минуты он остановился у белых решетчатых ворот КПП. Зашёл *краснопогонник* проверить нас и отпускников, а когда вышел, водитель потянул длинный никелированный рычаг закрытия двери. Автобус зафырчал…

Ясно было, что это насовсем и больше сюда уже не вернуться и не увидеть ни КПП, ни неизвестного солдата, что проплывает за стеклом в автобусном окне и говорит не слыхать что, не понять кому, ухватившись за белую трубу ворот, и минует много лет, пока мне дойдёт, что это я не расстаюсь с Объектом-Зоной-Частью-Ящиком, а именно так покидаю детство.

˜~˜~˜

~ ~ ~ отрочество

(...а ну и хватит уж, пожалуй. Совсем хватит. Пора выкатывать эти картошки из золы, пока и сами головешками не стали. В угле, конечно, килокалорий до хрена и больше, но как-то мне сомнительно насчёт вкуса такой дичи. Да и порядочно стемнело, а я не хочу переедать на ночь глядя. «А ужин оставь», – советует мудрый диетолог, – «врагам своим». А и что мне толку с его мудрости, а? Мне – взращённому и отформатированному для жизни в обществе, где каждый человек – друг, товарищ, и брат любому каждому из остальных, кто подвернётся.

Чёрт! Но таки тянет делиться лапшой когда-то на́ уши тебе навешанной. Вот и я завёлся как-то раз выдавать твоей сводной сестре, Леночке, вариации на тему, что люди от природы добры поголовно, просто из них пока ещё не каждый успел осознать насколько, в глубине души, все они хорошие. Ну не жалость, а?

Она отслушала без комментариев и—не отходя от кассы, в тот же вечер—мои грёбаные звёзды подогнали показ по телеку Шекспировского Ричарда Третьего. Образчик чарующей магии искусства! Леночка и глаз не могла оторвать, уж так её заворожило как все те люди добрые (просто не докопались ещё до залежей своей глубинной доброты) душили друг друга и в клочья рвали, а на досуге вспарывали глотки. А и кто бы сомневался, что наутро она и повтор посмотрит, потому что против Шекспира не попрёшь, это ж классика. С тех самых пор косить под проповедника я завязал, а с телевизором у меня вооружённый нейтралитет в обмен на невмешательство...

Всё это к тому, что если, допустим, у меня вдруг случайно бы завёлся враг, то я уж лучше отдам ему последнюю рубаху, но

только не ужин—а фиг тебе, вражина! – и тем более не картошку в золе костра печёную. Ведь это ж невозможно передать до чего она шедевр кулинарии, а как разломишь её чёрную хрусткую корочку, да прыснешь щепоткой соли в лёгкий парок из сердцевины, так тут же прозреваешь свет Истины, что никакие кулебяки с камызяками и бефами струганными даже в подмётки ей не годятся. Ни-ни! И близко нет.

Охотно отдаю все бланманже с фисташками поднаторелым гурмана́м, они на том собаку съели, а мы люди простые, тёмные, нам бы лишь гро́ши да харчи хоро́ши. И будь я помоложе, а не Негром преклонных годов под гнётом бытовухи и весь такой в потугах к выживанию, тогда бы ей одной сложил бы оду я, ей – картошке на костре печёной!

И нечему дивиться, что в наипронзительнейшем из эпизодов всей херни, которую настряпал Ю. Семёнов, его заглавный герой Штирлиц, он же Советский разведчик Исаев, закатывает рукава своей парадной Фашистской униформы и печёт картошку в камине на своей Берлинской хазе, отметить День Советской Армии и Флота.

Однако—с полной уважухой к его кулинарному патриотизму—фигня всё это. Чтобы по полной насладиться печёным картофаном, сидеть надо на земле и под открытым небом, да чтоб такой вот вечер темнел вокруг...)

В Конотопе, Баба Катя перецеловала нас всех, по очереди, столбами ставших от неловкости посреди кухни, и расплакалась. Мать принялась её утешать, да зубы заговаривать, потом заметила две детские головки, что потихоньку заглядывали на кухню из-за дверных створок комнаты, и для отвода глаз и смены темы спросила: —«Это Людкины, что ли?»

– Да, это у нас Ирочка и Валерик. Уже такие большие. Девочке три года, а ему скоро два будет.

Когда отец их, Дядя Толик, зашёл в дом с работы, я впервые в жизни увидал живьём, а не в кино, лысину от самого лба и до ниже затылка, но постарался не пялится слишком уж заметно. Через час мы с ним вышли встречать Тётю Люду. Её продуктовый закрывался в семь и с работы она всегда возвращалась с сумками.

Шагая рядом с Дядей Толиком, я примечаю путь до Путепровода, который в Конотопе зовётся Переездом… Смутно воспоминалось долгое ожидание перед железнодорожным шлагбаумом. Он опущен, заграждает поперечный переезд через колеи заполненные мостовой из чёрных деревянных шпал вровень с головками рельсов. Шлагбаум подымается, толпа людей с обеих сторон валит пересечь пути, пара телег в их гуще и встречная трёхтонка с деревянным кузовом… мы уезжаем из Конотопа на Объект…

За моё отсутствие, под многоколейными путями проведён глубокий бетонированный туннель, отсюда официальное название – Путепровод, но люди зовут как привыкли – Переезд…

По ту сторону Переезда-Путепровода поспешают длинно-красные трамваи из *Города* на Вокзал. Центральная часть Конотопа, *Город*, официально никогда не размечалась, так что Конотопчане могут иметь несовпадающие представления о квадратуре и границах этой части, однако, Вокзал (находясь в городской черте) никак не входит в состав *Города*. Эти и другие тонкости мне ещё предстоит усвоить.

До приезда Тёти Люды на одном из трамваев идущих из *Города*, Дядя Толик подговорил меня нагнать её под редкими фонарями спуска в Путепровод, пока он будет держаться в сторонке, ухватить одну из её сумок и хриплым голосом спросить: —«А не слишком тебе тяжёлая, а?»

Но она узнаёт меня, хотя Дядя Толик надвинул козырёк моей кепки мне на самые глаза.

Мы втроём идём на Нежинскую, Дядя Толик несёт обе сумки, за которые Тёте Люде расплачиваться с получки в её магазине.

Поднявшись из Путепровода, мы минуем тихий и пустой Базар по его центральному проходу между прилавков под высокими

односкатными крышами типа торжественной линейки задремавших беседок. Ещё минут через десять сворачиваем в Нежинскую – пара далёких огней на столбах где-то в глубине, помогают отличить её от остальных, неосвещённых улиц.

~ ~ ~

В Конотоп мы прибыли перед началом последней четверти учебного года, и все втроём стали учениками Средней Школы № 13, благодаря её выгодному расположению напротив улицы Нежинской, через мощёную неровным булыжником улицу Богдана Хмельницкого. Старожилы именовали это учебное заведение «Черевкина школа», потому что при Царе богатый житель села Подлипное, Черевко была его фамилия, построил двухэтажный кирпичный трактир на этом месте. Однако власти Царского режима не позволили ему открыть трактир расположенный слишком близко к единственному в городе заводу – Механическим Мастерским. План мироеда грозил весь местный класс рабочих массово сделать алкашами.

Черевко, видя что споить никого не удастся, подарил построенное здание городу для устройства в нём школы из четырёх классов... В Советскую эпоху самосознание рабочего класса возросло настолько, что нынешние забегаловки придвинулись к тому же производственному центру в два-три раза ближе, а «Черевкина школа» была расширена длинным одноэтажным зданием выражено барачного стиля, тоже из кирпича. Дополнение тянулось вдоль тихой улочки с уклоном к Болоту, что именовалась также Рощей—кому как привычней—которая отделяла село Подлипное от Конотопа, а может, и наоборот.

По дороге в школу в первый раз, я как-то не догнал, что это за холщовые мешочки телипаются сбоку от будничных портфелей или узких фасонистых папок из как бы кожи, но в смеси с картоном, с замком-молнией во всю длину схождения двух сторон. Пояснение, что в тех мешочках ученики несут свои чернильницы, меня неслабо

удивило. Это же отсталость, вон школьники Объекта с каких пор перешли на авторучки, чья внутренняя ампула позволяет заправлять их не чаще одного раза в неделю, а то и в месяц, если не шкрябаешь той ручкой день-деньской. Ха! Вроде как из эры двигателей внутреннего сгорания угодил во времена дилижансов и почтовых троек, от орбитальных станций – здрасьте, Лев Толстой, а мы к вам в гости! Однако на следующее утро те же мешочки стали уже привычной деталью пейзажа.

Пронзительно-затяжной трезвон электрозвонка полуметрового диаметра переполнял длинный коридор одноэтажного здания, изливался во двор «Черевкиной школы» и затоплял три прилегающие улицы. Если это был звонок на перемену, ученики спускались с двухметрового узкого крыльца одноэтажки в широкий школьный двор с могучим Вязом в центре, за чьим побелённым стволом притаилось приземистое зданьице с Пионерской комнатой, она же библиотека, с комнатой для уроков Труда и безоконной кандейкой, где стоймя хранились лыжи, но их сезон уже прошёл. Влево от крыльца дощатые ворота и несостоявшийся до революции трактир загораживали улицу Богдана Хмельницкого, но только не великанские Тополя вдоль её противоположной стороны.

Направо – спортзал с зарешечёнными изнутри окнами, чтоб уберечь их от мяча на уроках Физкультуры, примыкал к дальнему концу кирпичного барака под прямым углом. Напротив глухой стены спортзального торца стояло отдельное строение туалетов из побелённого кирпича с двумя входами: «М» и «Ж».

В Конотоп мы прибыли перед началом последней четверти учебного года, и все втроём стали учениками Средней Школы № 13, благодаря её выгодному расположению напротив улицы Нежинской, через мощёную неровным булыжником улицу Богдана Хмельницкого. Старожилы именовали это учебное заведение «Черевкина школа», потому что при Царе богатый житель села Подлипное, Черевко была его фамилия, построил двухэтажный кирпичный трактир на этом месте. Однако власти Царского режима

не позволили ему открыть трактир расположенный слишком близко к единственному в городе заводу – Механическим Мастерским. План мироеда грозил весь местный класс рабочих массово сделать алкашами.

Черевко, видя что споить никого не удастся, подарил построенное здание городу для устройства в нём школы из четырёх классов… В Советскую эпоху самосознание рабочего класса возросло настолько, что нынешние забегаловки придвинулись к тому же производственному центру в два-три раза ближе, а «Черевкина школа» была расширена длинным одноэтажным зданием выражено барачного стиля, тоже из кирпича. Дополнение тянулось вдоль тихой улочки с уклоном к Болоту, что именовалась также Рощей—кому как привычней—которая отделяла село Подлипное от Конотопа, а может, и наоборот.

По дороге в школу в первый раз, я как-то не догнал, что это за холщовые мешочки телипаются сбоку от будничных портфелей или узких фасонистых папок из как бы кожи, но в смеси с картоном, с замком-молнией во всю длину схождения двух сторон. Пояснение, что в тех мешочках ученики несут свои чернильницы, меня неслабо удивило. Это же отсталость, вон школьники Объекта с каких пор перешли на авторучки, чья внутренняя ампула позволяет заправлять их не чаще одного раза в неделю, а то и в месяц, если не шкрябаешь той ручкой день-деньской. Ха! Вроде как из эры двигателей внутреннего сгорания угодил во времена дилижансов и почтовых троек, от орбитальных станций – здрасьте, Лев Толстой, а мы к вам в гости! Однако на следующее утро те же мешочки стали уже привычной деталью пейзажа.

Пронзительно-затяжной трезвон электрозвонка полуметрового диаметра переполнял длинный коридор одноэтажного здания, изливался во двор «Черевкиной школы» и затоплял три прилегающие улицы. Если это был звонок на перемену, ученики спускались с двухметрового узкого крыльца одноэтажки в широкий школьный двор с могучим Вязом в центре, за чьим побелённым

стволом притаилось приземистое зданьице с Пионерской комнатой, она же библиотека, с комнатой для уроков Труда и безоконной кандейкой, где стоймя хранились лыжи, но их сезон уже прошёл. Влево от крыльца дощатые ворота и несостоявшийся до революции трактир загораживали улицу Богдана Хмельницкого, но только не великанские Тополя вдоль её противоположной стороны.

Направо – спортзал с зарешечёнными изнутри окнами, чтоб уберечь их от мяча на уроках Физкультуры, примыкал к дальнему концу кирпичного барака под прямым углом. Напротив глухой стены спортзального торца стояло отдельное строение туалетов из побелённого кирпича с двумя входами: «М» и «Ж.

В продолжении всей перемены плотная толпа учеников тусовалась на и вокруг крутого крыльца входной двери в школу. Ребята постарше ловко насестились на боковых перилах крылечной площадки, пока на них не рявкнет случайно проходящий педагог, от зависти, что ему не втиснуться. Ученики неохотно подчинялись, но тут же вспархивали вспять как только спина воспитателя скрывалась дверью.

Неиссякающий поток учащихся струился к и от туалетов в углу двора, однако большинство учеников (но не учениц!) сворачивали, не доходя, за угол спортзала. Тут, в узком проходе между спортзальной стеной и высоким забором соседнего сада, жизнь била ключом в бойкой игре на звонкую монету. Тут, в школьном Лас-Вегасе, шла игра в Биток, где средней ставкой был *пятак*, солидный кружок меди достоинством в 5 коп., но не меньше *двушки* (2 коп. одной монетой), если же у тебя белая деньга́, скажем, *десюлик* (10 коп.), *пятнашка* (15 коп.), *двацулик* (20 коп.), или даже *полтыш* (50 коп.), тебе их разменяют – оглянуться не успеешь.

Копейки ставятся на кон в прямом смысле – аккуратной стопочкой на землю (монетка поверх монетки, все *решки* строго вверх) и в игру вступает *биток*. Что такое *биток*? Трудно сказать, у каждого игрока свой излюбленный кусок железяки—болт, обломок костыля для приколачивания рельсов, блестящий шар из крупногабаритного

шарикоподшипника—ограничений нет, бей хоть и камешком. И даже отсутствие снаряда проблем не составляет – тебе тут всякий одолжит свой *биток*, бей только.

Что бить? Да ту самую стопку из монет, наивняк! Любая монетка перевернувшаяся *орлом* кверху— твоя. Укармань по быстрому и лупи по остальным, лишь бы переворачивались, а если нет, в игру вступает следующий – нацокать и себе *орлов*.

А начинает кто? Ну тут всё по логике, чья ставка в стопку из копеек выше, тот и начинает.

Иногда крик «шуба!» от угла спортзала сигналил о приближении кого-то из учителей мужского пола. Деньги с земли исчезали по карманам, дымящиеся сигареты заныривали в ковшики ладоней. Однако тревога неизменно оказывалась ложной – учителя следовали в туалет, где, кроме ряда общих дыр в полу, имелась загородка с дверью, а за ней такая же дырка для Директора и состава педагогов.

И игра катила дальше.

Всего за три кона я спустил пятнадцать копеек, что мать дала мне на пирожок с капустой из школьного буфета. А чего хотел? Виртуозы *битка* набивали руку дома своим излюбленным снарядом, а мне пришлось бить одолжённым. Может и к лучшему – не успел пристраститься…

> *(…Конотопская «шуба!» уходит корнями к воровскому «шухер!», который берёт начало из Еврейского «цухер!» и у всех одно значение – «берегись!». Школьный сленг «атас!», с Объекта, имеет тот же смысл, но происходит от Французского «атансьон!». Русское дворянство традиционно получали образование на Французском, n'est-ce pas, Lev Nikolaevitch?.)*

~ ~ ~

В мой первый школьный день классная руководительница, Альбина Григорьевна, посадила меня за парту с рыжей худышкой Зоей Емец. Я ничего ни разу не макал в чернильницу Зои, однако неоднократный ветеран второгодник Саша Дрыга с последней парты в среднем ряду остался очень недоволен моим там размещением, о чём и предупредил после уроков, пока сверлил меня взглядом сквозь свой засаленный чуб волос.

По пути домой я познакомился и подружился с моим одноклассником Витей. Фамилия его звучала чуть жутковато, хотя это вполне нормальная Украинская фамилия – Череп. Основанием для нашей скорой дружбы стал факт попутного шагания вдоль улицы Нежинской, на которой он тоже жил, но немного дальше, возле Нежинского магазина, расположенного на равном удалении от концов улицы.

На следующий день я попросил Альбину Григорьевну пересадить меня на последнюю парту в левом ряду, к Черепу, потому что мы с ним соседи и сможем помогать друг другу в приготовлении домашних заданий. Класрук уважила столь вескую причину и я покинул опасное соседство с Зоей.

За предпоследней партой, перед нами с Витей, сидел одинокий Вадик Кубарев и эта ситуация тут же вылилась в наш дружеский тройственный союз. Фамилии, есессна, использовались лишь со стороны учителей, а среди учеников Череп непременно становился «Чепой», Кубарев превращался в «Кубу» и так далее. Какая мне досталася кликуха? «Голый», или «Гольц»? Ни та, ни другая, потому что если тебя зовут Сергеем, никто не станет парится с фамилией и ты для всех автоматически становишься «Серым».

Дружба – это сила. Когда нас трое, даже Саша Дрыга не слишком наезжает… Дружба – это знание. Я поделился высокими образцами поэтического творчества, что не вошли в школьную программу, но известны были наизусть любому пацану на Объекте: и «Себя от холода страхуя, купил доху я…», и «Огонёк в пивной горит…», и

«Ехал на ярмарку Ванька-холуй...», а также прочие короткие, но цветистые примеры рифмованного фольклора.

В рамках культурно-филологического обмена, мои друзья растолковали мне значение таких устоявшихся Конотопских выражений как «Ты что, с Ромнов сбежал?», или «Пора тебя в Ромны отправить», потому что в городе Ромны, за семьдесят километров от Конотопа, находится областная психушка для чокнутых.

~ ~ ~

В то утро стих звяк *битков* по копейкам. В то ясное апрельское утро ребята стояли и спорили, и никто никого не слушал, все ждали подтверждения радостного слуха про ошибку допущенную вчера Центральным Телевидением в программе новостей *Время*. Глупая ошибка. Потому что один парень слышал от ребят школы № 10, что вчера вечером какой-то человек опустился на парашюте в Сарнавский лес на окраине Конотопа. И скоро приедет Саша Родионенко, он же Радя, из *Города*, куда недавно переехала его семья, но он продолжает учиться в нашей школе. Вот погоди, Радя точно знает, он подтвердит.

Я помнил полёт Гагарина, и как вскоре после него Герман Титов летал по орбите весь день, а вечером казал: —«Всем спокойной ночи. Я иду спать». И отец восторженно хихикнул и сказал настенному радио: —«Во, дают!»

Наши космонавты всегда были первые, а мы, младшеклассники, криком доказывали друг другу кто из нас первым услышал объявление по радио про полёт Поповича, или Николаева, или первой женщины-космонавта Терешковой...

Саша Родионенко приехал, но ничего не подтвердил. Значит это правда. А программа *Время* вовсе не ошиблась. И солнце померкло в трауре...

Космонавт Владимир Комаров...

В спускаемом модуле...

При входе в плотные слои атмосферы...

Погиб…

Потом приехал отец, а спустя неделю контейнер с нашими вещами с Объекта прибыл на Товарную станцию и был оттуда привезён грузовиком на Нежинскую № 19, чтоб выгрузить во двор и шкаф с зеркалом на двери, и раскладной диван-кровать, и два кресла с деревянными подлокотниками, и телевизор, и всякую другую утварь. Прибыл даже старомодный диван с дерматиновой спинкой, для которого места в *хате* совсем не нашлось.

> *(…все мои чувства уместятся в двух словах – «бескрайний ужас» от одной лишь мысли: как могли десять человек—две семьи плюс общая Баба Катя—размещаться и жить в одной кухне и одной комнате?*
>
> *Но тогда я ни о чём таком не думал, потому что раз это наш дом и мы живём как мы живём, то по-другому и быть никак не может, всё так, как надо, живу я здесь, вот и всё тут…)*

На ночь, мы с Сашкой укладывались на раскладном диване, в ногах у нас— Наташа, поперёк, а ноги положены на стул придвинутый вплотную. Нам с братом приходилось подживать свои чуть не на полдивана, а то Наташа начнёт бурчать и ябедничать родителям на их кровати под стеной напротив, что мы брыкаемся. Ничего себе, а?!. Она может вытянуть ноги насколько хочется, а когда я предлагаю поменяться местами – только носом крутит…

Семья Архипенко и Баба Катя спали на кухне.

Параллельно Нежинской, метров за триста, шла улица Профессийная, одна сторона которой была просто бесконечной стеной из высоких бетонных плит, что отгораживала Конотопский Паровозо-Вагоно-Ремонтный Завод. Но в нормальном человеческом общении это название заменялось кратким и благозвучным КаПэВэРЗэ. Завод послужил причиной тому, что часть Конотопа по эту сторону Путепровода-Переезда именовалась Посёлком КПВРЗ, или же просто Посёлком.

По ту сторону завода такая же плито-бетонная стена отделяла его от множества железнодорожных путей Конотопской Пассажирской Станции, а также прилегающей Товарной, на которой длинные товарные составы дожидались своей очереди тронуться по своим разным направлениям, потому что Конотоп – крупный железнодорожный узел.

Товарняки не только ждали, но и формировались в Конотопе. Для этого на Товарной станции имелась сортировочная горка – насыпь с пологим уклоном, на несколько метров выше остальных рельсовых путей, куда маневровый локомотив втаскивал вереницу товарных платформ и вагонов, от которой там отцепляли сколько требуется и он подталкивал их катиться обратно, вниз с горки. Поодиночно, или сцепками скатывались они, перенаправляясь стрелками на нужные сортировочные пути, визжа железом тормозных башмаков, гахкая об уже отсортированные вагоны, под невнятные крики громкоговорителей на столбах с докладами про тот или другой состав на том или ином сортировочном пути. Однако днём симфония сортировочной горки не слишком донимала, её трудовой пульс отчётливо всплывал уже на фоне ночной тиши, когда стихает шум прожитого дня…

Независимо от времени дня и ночи, когда ветер дул со стороны близкого села Поповки, воздух наполнялся характерным ароматом отходов тамошнего спиртзавода, этот атмосферный феномен сентиментальная часть населения Посёлка окрестили *Привет Поповки,* звучание нежней, чем Hugo Boss… Не то, чтоб смрад совсем уже смертельный, но особо так лучше не принюхиваться, во всяком случае, насморк по таким дням был типа как благословение.

– У бедя дасббогг.

– У, блин, везунчик!

Улица Нежинская связывалась с Профессийной частыми улочками. Первой из таких транспортных артерий являлась (считая от школы № 13) улица Литейная, поскольку выходила к бывшему литейному

цеху на заводской территории, но впоследствии упрятанному за бетонную стену.

Затем шла улица Кузнечная, предлагавшая выгодный обзор высокой кирпичной трубы заводской кузни, за той же высокой стеной.

Потом от Нежинской ответвлялась (это уже миновав нашу *хату* в № 19) улица Гоголя, невзирая на отсутствие великого классика по ту или иную сторону стены Завода.

Перечисленные три улицы отличала некоторая прямота, но дальнейшая сеть проулков перед и после Нежинского магазина представляли нескоординированную неразбериху, которая, в конечном итоге, тоже выводила к бетону стены, если знаком с навигацией в их фиордах и шхерах…

Нежинский магазин удостоился такого имени за то, что стоял на улице Нежинской и был самым большим из трёх магазинов на Посёлке. Которые помельче именовались по их номерам. Нежинский магазин занимал одноэтажное, но высокое кирпичное здание и проезжий двор со складскими сараями. Он состоял из четырёх отделов, каждый со своей отдельной дверью на улицу. Замутнённые течением времени жестяные вывески над дверями указывали куда за чем заходить: «Хлеб», «Промышленные товары», «Бакалея», «Рыба-Овощи».

«Хлеб» открывался утром и работал до того момента, пока не раскупят батоны белого и кирпичики чёрного, после чего отдел спокойно запирал свои опустошённые полки. Во второй половине дня, по прибытии крытого жестью грузовика-фургона Конотопского хлебзавода с надписью ХЛЕБ на борту, который привозил следующую партию кирпичей-батонов, отдел был вынужден открываться снова на час-полтора.

Следующий, он же самый просторный из магазинных отделов —«Промышленные Товары»—чьи две, симметрично расположенные по обе стороны могучей двери, широкие витрины были многозначительно украшены изнутри белыми коробочками

притиснувшейся к пыльному стеклу сигнализации о взломе. За товарами, потемневшими в пожизненном заключении под стеклом витрин-прилавков, присматривали три работницы торговли в полуживом от скуки состоянии, потому что за весь день к ним заглядывали от двух до трёх посетителей. Обитатели Посёлка за товарами промышленной отрасли предпочитали съездить в *Город*.

Но две продавщицы в отделе «Бакалея» трудились весь день как пчёлки. Иногда к ним даже выстраивалась очередь, особенно по дням, когда в отдел завозили масло, и ножом устрашающих размеров они шматовали его громадный жёлтый куб водружённый на прилавок рядом с весами, чтобы завернуть в рыхло-синюю бумагу твои двести грамм.

А когда в «Бакалею» заходил рабочий Завода КПВРЗ, его обслуживали вне очереди, потому что копейки зажатые у него в кулаке уже неоднократно пересчитывались—точняк на бутылку, без сдачи, хоть штангельциркулем проверь. К тому же, ему надо быстрее вернуться на рабочее место, даже замазутченную спецовку не переодел, потому что ж товарищи ждут.

Выбор водок в отделе был довольно обширным, всевозможных оттенков и наименований—«Зубровка», «Ерофеич», «Ещё по одной…» и так далее—но люди покупали только «Московскую» с бело-зелёной этикеткой.

Заключительный отдел, «Рыба-Овощи», бережно хранил запах сухой земли от проданной в прошлом году картошки и совместную дрёму початой бочки солёных огурцов и запылённых пустых полок, а потому вообще не открывался.

А за Нежинским магазином шла улица Слесарная, и улица Колёсная и, в неисследованных ещё глубинах Посёлка, другие улицы, переулки, и тупики…

~ ~ ~

В первое же воскресенье после нашего приезда Тётя Люда вывела меня с сестрой-братом по улице Кузнечной на Профессийную,

единственную заасфальтированную улицу Посёлка. По ней мы двинулись в направлении Базара и через пять минут приблизились к цели – Клубу КПВРЗ с киносеансом для детей в три часа дня.

Клуб Завода представлял собой импозантное здание из двух этажей, но высотой в четыре. Кирпичную кладку его стен и окон отличало множество выступов, арок, столбиков типа кружев из старо-копчёного кирпича. Бетонная стена Завода не упустила заграбастать и заднюю сторону Клуба. На небольшой площади перед его входом стояла Главная Проходная Завода, в таком же изощрённо дореволюционном стиле кладки, напротив модернистского сооружения нормальной двухэтажной высоты – стеклянистого куба Заводской Столовой рядом с бюстом революционера-конотопчанина Степана Радченко на чахлом газоне.

Мы вошли в высокий вестибюль Клуба КПВРЗ полный разновозрастной, но одинаково крикливой детворы в очереди к небольшому окошку в обитой жестью двери билетной кассы. Какой-то пацан, по виду второклассник, завёлся канючить 10 копеек на билет у Тёти Люды, но она гаркнула разок и он заткнулся. Её заметно наслаждала царящая вокруг атмосфера и возможность окунуться в этот галдёж малолеток перед дневным сеансом.

Так я узнал маршрут в Клуб, где, среди прочего всего, находилась библиотека Завода в двух просторных залах. Столы в первом ломились под широкими и толстыми слоями подшивок центральных газет и городской Радянський Прапор более скромных габаритов. Сквозь стекло дверей в высоких шкафах выглядывали знакомые ряды никем не читанных работ Ленина-Маркса-Энгельса и прочие многотомники такой же популярности. Следующий зал заполняли привольно расставленные полки с книгами для нормального чтения. Излишне долго объяснять, что я мгновенно записался, потому что пара полок с затрёпанными сказами в пионерской комнате школы фальсифицировали суть и назначение библиотек.

Первого мая наша школа вышла на общегородскую праздничную демонстрацию. Колонна школы оживлялась красочностью парадной

формы юных пионеров (верх – белые рубашки, красные косынки галстуков, низ – чем темнее, тем лучше) и бесформенными прикидами учащихся старших классов, что декорировали шагающе-орущую толпу более весомыми украшениями из голов Членов Политбюро Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза насаженных на оструганные палки в красной краске под чёрно-белыми портретами руководящих лиц, по одному на группу из трёх-четырёх Челеноносцев, сменяющих друг друга, пока не смоются, свалив почётный долг на самого тупого.

Под предводительством группы педагогов сплотившихся, словно личная охрана, вокруг Директора, мы прошагали по выбоинам в булыжном покрытии улицы Богдана Хмельницкого до Базара, где Профессийная делилась своим асфальтом со спуском в туннель Путепровода. Бетонированный подъём в конце туннеля вливался в Проспект Мира тянувшийся к далёкому мосту в высокой насыпи железнодорожного полотна, чтобы пройти под ним, миновать жилмассив пятиэтажек, Зеленчак, и достичь центра города – Площадь Мира. Касательно затронув Площадь Мира, Проспект Мира отделял её от здания Горсовета, укрывшегося сквером из густых Каштанов, напротив гранитного кольца фонтана посреди отделённой Площади, который никогда не работал, чтобы не закрывать вид на замыкающее Площадь здание Кинотеатра Мир, чьи фасадные ступени тоже, кстати, из гранита, но он работал без выходных.

Средняя из трёх Каштановых аллей сквера, идущая прямиком к ступеням входа в Горсовет баррикадировалась, на время демонстраций, высокой красной трибуной, мимо которой и проходил весь город в праздничных колоннах, кроме жильцов пятиэтажек окруживших Площадь, которые наблюдали эти демонстрации со своих балконов, свысока. Сперва мне было завидно, но вскоре попустило…

По пути к Площади Мира, колонне школы № 13 часто приходилось останавливаться всерьёз и надолго, дожидаясь пока школы с предыдущей нумерацией подтянутся и пройдут вперёд. Но

трудовые коллективы пропускали нас, такие как Локомотивное Депо, или Дистанция Пути Юго-Западной Железной Дороги, как стояло белыми рельефными буквами из пенопласта на малиновом бархате щитов на велосипедных колёсах во главе их колонн. Из-за демонстрации ни одно средство передвижения и носа не смело показать на всём протяжении Проспекта Мира, ни трамвай, ни грузовик, ни даже легковушка. Только люди, множество людей, шагающих пешком в потоке колонн во всю ширь Проспекта или запрудивших тротуар и стоящих, как живые берега, глазея на общее течение, что делало Первомай таким особенным и непохожим на другие дни.

При выходе на широкую Площадь Мира, мы вдруг переходили с торжественного марша на фривольную рысь и как бы бежали в атаку, задыхаясь от смеха и бега, со скособоченными Членами, потому что как всегда случилась какая-то перепутаница с колоннами и нас передержали. А поскольку школа № 13 была предпоследней среди школ города, то к моменту когда мы, смешавшись с галопирующим табуном школы № 14, миновали красную трибуну, репродукторы выкрикивали сверху: —«На Площадь вступает колонна Конотопского Железнодорожного Техникума! Ура, товарищи!»– И приходилось уракать не себе.

После Площади Мира дорога миновала вход в Городской Парк Отдыха и сворачивала вправо, под уклон к улице Ленина, но мы не опускались до такого. В ближайшем переулке мы сваливали Политбюрократических Членов и полотно красных транспарантов на грузовик, который вёз их на Посёлок, под замок в комнате Завхоза школы до следующей демонстрации. И мы тоже отправлялись обратно, пешком, далеко огибая Площадь Мира, потому что проходы меж окружающих её домов преграждали пустые автобусы, лоб в лоб, а по широкому безлюдью вокруг фонтана лениво бродили фигуры одиноких ментов.

И всё же это был праздник, потому что перед выходом на демонстрацию мама уделяла каждому из нас по пятьдесят копеек, с

которых даже оставалась сдача. Пломбир в тонкой бумажной обёртке стоил 18 коп., а Сливочное вообще 13. Женщины в белых халатах продавали мороженое из своих фанерных ящиков с двойными стенками на каждом перекрёстке Проспекта Мира свободного от передвижения всех видов транспорта.

Когда я вернулся домой, учащиеся в белых рубашках и нарядных красных галстуках всё ещё шагали вдоль Нежинской растекаясь с демонстрации по улицам Посёлка. И тогда я совершил первый подлый поступок в моей жизни. Самый первый. Я вышел за калитку нашей хаты и выстрелил из своего шпоночного пистолета в ни в чём не повинную белую спину проходившего мимо пионера. Он погнался за мной, но я убежал во двор к Жулькиной будке, так что он побоялся войти и только обзывался в открытую калитку под ответный лай рвущего свою цепь Жульки…

Летом родители купили козу на Базаре, потому что когда отцу выплатили его первую получку на Заводе и он принёс домой 74 рубля, мать растерянно посмотрела на бумажки в его руках и сказала: —«Как? Это всё?» Покупка предназначалась для облегчения жизни, но на самом деле она её лишь усложнила, потому что мне приходилось выгуливать козу на верёвке в улицу Кузнечную, или Литейную, где та грызла пыльную траву под ветхими от погодных условий заборами.

Пить козье молоко я наотрез отказывался, несмотря на ласковые уговоры матери, что оно очень полезное для здоровья. Через какое-то время козу зарезали и перекрутили на котлеты. Но их я даже и пробовать не стал.

Иногда сын Бабы Кати, Дядя Вадя, во время обеденных перерывов на Заводе приходил к нам на хату в рабочей спецовке, выпрашивать у своей матери самогон, потому что хлопцы в цеху ждут, но она умела отнекаться.

У Дяди Вади были гладкие чёрные волосы зачёсанные назад и щёточка усов, тоже чёрных, а цвет лица с оливковым оттенком, как у

Артура в романе Лилиан Войнич *Овод*. На правой руке не хватало одного пальца, который он утратил в начале трудовой карьеры.

– Я сперва не врубился. Ну ладно, вот это мой палец на станке валяется, но вода откуда? Тю! Так это ж у меня слёзы с глаз и на него, кап-кап! – Так вспоминал он этот случай. Врачи очень хорошо зашили обрубок—гладко, без швов—так что когда он скручивал дулю, получалось две. Двуствольная 2 в 1 смотрелась очень смешно, и фига с два, чтоб кто-то повторил этот номер.

Жил Дядя Вадя в доме своей тёщи возле Автовокзала. На Украинском того, кто живёт в доме родителей жены называют *примак*, от слова «принятый». Горька *примацкая* доля! Дядя Вадя рассказывал, что *примак* должен держаться ниже травы, тише воды, к тёще обращаться только на «Мама» и уступать дорогу курицам, которых она держит во дворе своей хаты. А перед их отходом ко сну на насесте, не забыть помыть курям ноги.

Мы все любили Дядю Вадю, потому что он всегда такой смешной и добрый, всё время улыбается. И здоровается, как никто другой: —«Ну, как вы, детки золотые?» Глаза у его сына разноцветные – один синий, а другой зелёный…

В возрасте десяти лет, когда Немецкий штаб роты квартировал буквально за стенкой—на половине Пилюты—юный Вадик Вакимов взобрался на забор рядом с Вязом за хатой и попытался обрезать телефонный кабель штабной связи оккупантов. Немцы на него наорали, но не стали стрелять, чтобы убить на месте.

На мой вопрос, как он набрался такой смелости, Дядя Вадя отвечал, что он уж не помнит. Однако вряд ли он мечтал стать юным пионером-партизаном, посмертным Героем Советского Союза. Скорее всего его заманили тонкие проводки в разноцветной изоляции. Из них состоит телефонный кабель, а можно ещё сплести много разных поделок – разноцветные столбики, перстеньки-колечки всякие…

~ ~ ~

По Пути в Нежинский магазин меня обогнали пара ребят на одном велосипеде. Сперва обогнали, а потом который сидел задом наперёд, развесив ноги с багажника, соскочил на землю и вкатил мне оплеуху. Конечно, это беспредельное оскорбление чести, а он на полголовы ниже меня, но я воздержался драться в ответ, потому что второй тоже уже слез с велика, здоровенный такой хлопец.

– Я ж говорил, что ещё получишь. – Сказал коротышка и они укатили. Я понял кому стрелял в спину.

Сеансы в Клубе начинались в шесть и в восемь вечера. С билетом купленным на первом этаже, кинозритель подымался на второй по прямому пролёту мощных деревянных ступеней под красной половой краской. Площадка наверху, мощёная керамическими плиточками, почему-то всегда тонула в сумраке, несмотря на два высокие окна и три двери вокруг неё.

Дверь направо открывала небольшой холл с выключенным телевизором перед аудиторией из дюжины рядов неизменно пустых сидений. За их спиной крутая металлическая лестница с чёрными перилами уходила к железной двери в кинобудку. Холл этот был проходным и в углах его, по обе стороны от коматозного телевизора, две массивные двери вели в один и тот же огромный зал Балетной Студии, где, с билетом на сеанс в кармане, делать, практически, нечего. Так что – назад, в сумерки на площадке с той парой пока что неисследованных дверей.

Первая дверь по левую руку никогда не открывалась, поскольку это дверь на балкон в зале. А следующую, приглашающе распахнутую, контролировала постоянно угрюмая Тётя Шура в своём головном платке, постоянно похожем на кованый шлём с шишаком типа витязя на часах для обрывания контрольного кончика твоему билету перед впуском.

Пол необъятного зала уходил с неприметным уклоном к широкому белому экрану—от стены, до стены—за которым находилась большая сцена с дверями и крылечками у боковых стен. Для концертов и представлений кукольного театра киноэкран сдвигался к левой

стене, открывая тёмно-синий глубокий бархат занавеса сцены. Открытые балконы с лепниной из алебастра шли вдоль боковых стен зала, но до сцены не доходили, заканчиваясь чёрно-головастыми стояками прожекторов, как боевые треноги марсиан напавших на Землю у Герберта Уэльса. У задней стены балконы резко спускались с обеих сторон к своей запертой снаружи двери, чтобы не загораживать бойницы кинобудки.

В вестибюле на первом этаже, между дверью с окошечком для продажи кинобилетов и дверью в кабинет Директора, висел список кинофильмов на текущий месяц, выписанный кистью по холсту на крепкой деревянной раме. Фильмы менялись каждый день за исключением понедельника, когда кино вообще не крутили. Так что можно заранее определиться и в нужный день попросить у матери 20 копеек на билет…

Лето совершенно отменяло расходы на кинопросмотр, потому что Парк КПВРЗ—за длинным двухэтажным очень ветхим, но жилым зданием над спуском в Путепровод—был создан для экономии. В Парке, помимо трёх аллей, запертой танцплощадки и обширной беседки пивного павильона имелся также летний кинотеатр под открытым небом, чьи дощатые, довольно высокие, задние стены по обе стороны от кинобудки имели предусмотрительно расположенные дыры и щели для кинопросмотра одним глазом.

Сеанс начинался в девять, когда в сумерках появлялся намёк на сгущение, а более точным сигналом служил резкий обрыв музыки, лившейся из мощных динамиков на сцене кинотеатра с момента появления киномехаников на своём рабочем месте. Впрочем, тот же сигнал мог означать отмену сеанса, если касса не смогла продать хотя бы четыре билета, потому что новое поколение избирает просмотр фильмов извне театральной загородки.

Однако простоять полтора часа уткнувши нос в занозы досок, ошершавленных безжалостным временем и грубостями погоды, не совсем то, что можно назвать приятным времяпрепровождением, а сиганувшего через забор бдительная тётя Шура всё равно отыщет на

скамейках зала под открытым небом и выведет со своими негромкими, но угрюмыми комментариями. Витязь-педагог. Поэтому любители киноискусства предпочитают подходящие места на старых Яблонях возросших, когда кинобудки ещё и в проекте не было. Если развилка, в которой ты примостился, не слишком удобна или сук под тобой чересчур узловат, в следующий раз придёшь пораньше, чтобы занять более ВИПное место на древокреслах.

Фильм продолжается, тёплая летняя темень сгустилась вокруг двух-трёх дальних фонарей в аллеях Парка и звёзды заглядывают из ночного неба в просветы листвы Яблонь. На серебряном экране чёрно-белые *Весёлые Ребята* Леонида Утёсова мутузят друг друга барабанами и контрабасами, а в менее уморные моменты можешь запустить руку вглубь яблоневых веток и нашарить, где-то между созвездиями Андромеды и Кассиопеи, несъедобное яблочко, чтоб мелко покусывать его твердокаменный, жутко кислющий бок.

После хорошего фильма, ну как тот с Родионом Нахапетовым, где нет драк, войны, а просто про жизнь, про смерть, про любовь и красивую езду на мотоцикле по морскому мелководью, зрители выходили за ворота Парка на булыжную мостовую улицы Будённого без обычных бандитских посвистов или кошачьих воплей, но притихшей негустой толпой людей словно бы породнённых сеансом, и шли сквозь темень тёплой ночи, редея рядами на раздорожьях, к одинокому фонарю у перекрёстка улиц Богдана Хмельницкого и Профессийной, напротив Базара…

Но главное, из-за чего ребята ждут лето, это, конечно, купание. Открытие купального сезона в конце мая на Кандыбино – знак наступившего в Конотопе лета.

Кандыбино – это ряд озёр для разведения зеркального карпа, и там же, заодно, берёт начало река Езуч. Иногда по разделяющим озёра дамбам проезжает обходчик на велосипеде, чтобы хлопцы не слишком-то браконьерили своими удочками. Однако в одном из озёр карпа не растят, оно отведено для купания отдыхающих пляжников.

Но для хождений на Кандыбино, надо сначала знать как туда дойти. Мать сказала, что хотя девушкой она и бывала там, объяснить всё равно не сможет и лучше спросить Дядю Толика, который и на работу и с работы и, фактически, везде ездит на своей «Яве», уж он-то все дороги знает.

Кандыбино, по его объяснениям, найти совсем просто. По дороге в *Город* вдоль Проспекта Мира, как проедешь под мостом железнодорожной насыпи, первый поворот направо, пропустить невозможно, начало шоссейки на Ромны. Оттуда прямо до перекрёстка и там тоже направо аж до железнодорожного шлагбаума, пересёк путь и – влево, вот тебе и Кандыбино.

Младшие, конечно же, тоже со мной увязались. Мы взяли старое постельное покрывало, чтобы на чём-то загорать, сунули его в сетку-авоську, добавили бутылку с водой и пошли на Переезд-Путепровод, где начинается Проспект Мира. До железнодорожной насыпи дорога знакома после первомайской демонстрации. Мы прошли под мостом и сразу её увидели, дорогу вправо вдоль основания высокой крутой насыпи. Вообще-то на шоссейку она не слишком похожа, потому что без асфальта, но довольно широкая и первая направо. Так что мы свернули и пошли куда ведёт.

Но чем дальше мы шли, тем у́же становилась дорога, превращалась в широкую тропу, потом просто в тропку, а там и вовсе пропала. Не оставалось ничего другого, как только взобраться на высокую заросшую травой насыпь, вытряхнуть песок из сандалий и шагать по бетонным шпалам или по бесконечно протяжённой головке рельса. Правда, равновесия идти по ней надолго не хватало, а шпалы лежали неравномерно, вынуждая делать такие же неравномерные шаги. Но мы упорно продолжали свой путь.

Наташа первой замечала настигающие нас поезда и мы сходили на неровный гравий обочины, уступая путь слитному грохоту несущихся мимо вагонов, что стегали нас тугими обрывками скоростного ветра. Когда мы дошли до следующего моста, то внизу не оказалось ни проспекта, ни улицы, а только другие

железнодорожные пути. Наша насыпь завернула вправо и начинала идти под уклон, параллельно с остальными, к далёкому Вокзалу. Стало понятно, что мы идём в обратном направлении, а вовсе не на пляж.

Впрочем, мы не успели приуныть, потому что далеко внизу под нашей насыпью и под насыпью путей проложенных под мостом, различили небольшое поле. Две группы крохотных на таком расстоянии ребят в лёгких летних одёжках и с такими же, как у нас, авоськами шагали к зелёной роще за полем и с ними даже был мяч. Куда же ещё они, если не на пляж?.

Мы спустились с двух высоких насыпей и пошли по той же тропе через поле как и предыдущие ребята, которые давно пропали из виду. Потом мы миновали Осиновую рощу вдоль одинокой железнодорожной ветки, с мягкой землёй вместо гравия между деревянных шпал, пока не вышли к шоссе и двум шлагбаумам поднятым над рельсами. Мы перешли через дорогу и свернули на широкую, местами топкую тропу через высокую поросль ярко-зелёных трав. Грудь расправилась осторожным ликованием: Ага, Кандыбино! Не уйдёшь! Потому что той же тропой шли люди явно пляжного вида, в обоих направлениях, но туда больше, чем обратно.

Тропа привела к широкому каналу тёмной воды между берегом и противоположной дамбой рыбных озёр, но на этом не кончилась, а пошла дальше вдоль берега. Мы шагали по ней среди деревьев в молодой листве, под белыми облаками и солнцем в лазурной сини летнего неба. Правильные ряды фруктовых деревьев ничейно-неухоженного сада взбирались на пологий склон вправо от тропы. Потом канал слева расширился в озеро с белым песком. Группа Сосен стояла чуть выше, а прибрежная полоса песка переходила в утоптанную траву среди высоких кустов смородины заброшенного сада.

Мы выбрали свободный кусок травы для нашего покрывало, быстренько разделись и бросились по обжигающе горячему песку к воде летящей, со всех сторон и по всем направлениям, плотными

брызгами в лица десятков купальщиков, что вопили, орали, хохотали и в безудержном веселье колошматили воду до белопенности... Лето!. Ах, Лето!..

Как выяснилось позже, Дядя Толик даже и не знал про ту исчезающую дорогу вдоль подножия насыпи ведь его мотоцикл, когда с рёвом выскакивал из-под моста на Проспекте Мира, за две секунды оказывался у поворота на Ромны, а ногами там топать метров сто с гаком.

В списке фильмов на июль стояли *Сыновья Большой Медведицы*, так что мы с Чепой уговорились не пропустить это кино, потому что Гойко Митич играл там одного из её сыновей. Этот Югославский актёр обычно снимался краснокожим героем в вестернах из ГДР и даже от восточных Немцев можно ждать неплохое кино, если с его участием, хотя в Советском прокате эти вестерны становились чёрно-белыми. Наверное, для экономии цветной плёнки.

Конечно, список не сообщал всех этих подробностей или вообще хоть что-то кроме названия и даты показа, однако фильмы добирались до Клуба не раньше, чем через два месяца после их недельного показа в Кинотеатре Мир и ещё одной недели в Кинотеатре им. Воронцова на Площади Конотопских Дивизий, так что, имея кинопосещающих друзей, мы всегда могли принять взвешенное решение. Мы не особо-то стремились посмотреть кино в перечисленных кинотеатрах не потому, что целиком полагались на мнение друзей, нет, иногда советовали полное фуфло, но по более веской причине – билет в Кинотеатре Мир стоил 50 коп., за тот же самый фильм в Воронцове, спустя неделю, выкладываешь 35 коп., а проявив терпение длиной в два с половиной месяца, в Клубе платишь вполне приемлемые 20 коп.

В то воскресенье мы втроём—Куба, Чепа и я—сгоняли на Кандыбино на великах. Там мы поплавали и поныряли, по очереди, с самодельного трамплина, когда двое, стоя по грудь в воде, сплетают руки, чтобы подбросить третьего, который на них влазит хватаясь за

две мокрые головы. Ну и конечно, в пятнашки поиграли, хотя заморишься догнать Кубу под водой.

Потом он и Чепа куда-то делись в толпе купальщиков. Я побродил среди тех брызгов-визгов – нет нигде, как в воду канули. На всякий, я ещё и на тот берег сплавал, который заодно и дамба рыбных озёр. Там пара хлопцев удили, потому что и в купальном тоже клюёт, но сами пасли момент закинуть удочки в зеркально-карповый рай за дамбой, когда сторож закончит свой объезд. Чтоб им рыбу не пугать, поплыл я обратно. Ещё раз прочесал толпу в воде, без толку, и решил, что хватит. На берег выхожу синий от холода, гусиная кожа в пупырышках как те смородины, которым даже дозреть не дают, а они навстречу гарцуют от кустов сада, волосы на головах давно сухие. «К-ку-д-да вы д-де-ли-ся?»

– Мы опять заходим! Погнали!

– Вы ч-чё ч-о-кну-лись? Я т-токо-т-токо вылаж-жу!

– Ну так и шо? Погнали!

– А-а б-блин! П-пагнали н-наши г-га-рад-ских!

И, взбивая пенные всплески в три пары ног, наперегонки бежим к местам поглубже – нырять, орать, дуреть… Лето, оно тем и лето, что лето…

Куба в кино не захотел, он этот вестерн уже видел, и Чепа тоже передумал. Но это меня не остановило. Я всё равно решил взять у матери 20 копеек и сходить на шестичасово́й сеанс. Дома, Баба Катя мне сказала, что родители ушли два часа назад вместе с младшими и она не знает куда. Ну и что? До следующего сеанса ещё три часа, успеют вернуться.

В конце третьего часа я был раздавлен неодолимой тревогой – ну где же они могут быть? И я снова спросил, уже у Тёти Люды. Та с полнейшим равнодушием (и какой-то даже злостью) ответила: —«Я б и тебя не видела». Она всегда была такая, когда Дядя Толик на рыбалку уезжал.

Прошло ещё два часа, сеанс давно закончился, но, полный предчувствием неизбежной и даже уже свершившейся катастрофы, я

не хотел уже никакого кино. В приливе отчаяния мерещились обрывистые картинки грузовика, что выскочил на тротуар, угасающая сирена «скорой», но одно проступало с полной отчётливостью – у меня больше нет ни родителей, ни брата с сестрой.

Наступила ночь. Дядя Толик затормозил перед калиткой вернувшись с рыбалки, прокатил умолкшую «Яву» через двор к секции в сарае. Он ушёл в хату, а я, замордованный, раздавленный бедой и горем, так и сидел на траве рядом с дремлющим Жулькой...

Было совсем поздно, когда звякнула клямка калитки. Послышался весёлый голос матери и Сашка с Наташкой забежали во двор. Я рванулся навстречу им разрываемый радостью и обидой: – Ну где же вы были?!

– В гостях у Дяди Вади, – сказала мать. – А ты что такой?

Взрыднув, я сбивчиво забормотал про сыновей медведицы и двадцать копеек, потому что не мог объяснить, что мне на целые полдня пришлось остаться круглым сиротой, лицом к лицу с жизнью без всякой семьи.

– Мог бы попросить деньги у Тёти Люды.

– Да? Я спросил где вы, а она говорит, глаза б её на меня не смотрели.

– Что?! А ну, пошли в хату!

Дома она скандалила с сестрой, а Тётя Люда отвечала, что всё это брехня и она сказала только, что и меня бы не видела, если б я к ней не подошёл. Но я упорно повторял свою брехню. Мать и Тётя Люда кричали друг на друга всё громче и непонятнее. Баба Катя пыталась их урезонить: —«Да, перестаньте, стыд перед людьми! Соседи слышат, на улицу слышно!»

Наташа, Саша, Ирочка, и Валерик, с глазами круглыми от страха, толпились в дверях между кухней и комнатой, где Дядя Толик и отец сидели молча уставясь в угол на ящик телевизора...

Так совершилась вторая моя подлость в жизни – возвёл напраслину, оклеветал свою ни в чём не повинную тётку. И хотя её

ответ на мой вопрос я истолковал именно так, как пересказывал позже матери, всё ж, после тёткиных разъяснений, я мог признаться, да, именно так она говорила. Нет, не признался в подлой лжи.

Эта ложь без слов наполняла меня раскаянием, также невысказанным, что скандал в хате произошёл из-за меня. Я чувствовал себя кругом виноватым – перед Тётей Людой с её детьми, перед матерью, которую я обманул, и перед всеми, что я такой рохля, разнюнился: —«Ах, папы-мамы нет дома! Остался один-одинёшенек!»

Моё раскаяние не высказалось и не облегчилось признанием, потому, что нас не учили просить извинения. Да, иногда в кино можно услышать как это делается, но в жизни, если случайно толкнёшь кого-то, наступишь, или ещё там что, нечаянно, то «Звыняй, шо мало!» за глаза хватало – ну видишь, я ж заметил же ж.

Весь этот шум из ничего положил начало медленному неприметному процессу моего отчуждения и превращения в «отре́занный ломо́ть», как обычно говаривал отец. Я начинал жить отдельной собственной жизнью, хотя, конечно, не чувствовал этого и не осознавал, а просто жил себе и всё тут…

~ ~ ~

Мать и Тётя Люда быстро помирились, после того, как Тётя Люда показала ей как правильно поётся модная песня «Всюди буйно квітнє черемшина», а кроме того с работы она приносила продукты, которые нигде не купишь, потому что в магазинах выбор товаров был крепко ограниченный, а всё более-менее стоящее продавалось из-под прилавка нужным людям, у которых и тебе придётся просить что-то. Или же родственникам.

Тётя Люда так смешно рассказывала про обеденные перерывы у них в магазине. Вот запрут на засов входную дверь с улицы Ленина, и все продавщицы собираются в раздевалке – хвастаться, кто что вкусненького принёс из дому в литровой банке на обед. Сравнивают у кого как пахнет, у кого смотрится лучше, рецепты пересказывают.

Завмаг отдельно ест, в своём кабинете, но дверь нараспашку, а когда у неё на столе зазвонит телефон, она трубку снимет—да? вам кого? – и кричит, чтоб в раздевалке услышали. Ну, вызванная бегом-бегом в кабинет, потом обратно, но всё равно от её вкусненького осталось уже на донышке, лучше один раз лизнуть, чем сто раз взглянуть, пральна? Но одна у них есть, до того сучка хитрая! Завмаг ей покричит «к телефону!», так эта зараза не спеша так подымется, делает «хырк!» и в свою банку «тьфу!», и – пошла, даже не огля́нется. И хоть полчаса по телефону говорит, никто на её обед и не смотрит. Йехк!

Мать тоже устроилась работать в торговле, на должность кассира в большом Гастрономе № 6 возле Вокзала. Но через два месяца у неё там случилась большая недостача. Она очень переживала и повторяла всё время, что не могла так ошибиться. Наверное, кто-то из работников магазина выбил чек на крупную сумму, пока она вышла в туалет, а кассовый аппарат запереть забыла. Пришлось продать пальто папы из чистой кожи, купленное ещё в бытность на Объекте. После этого мать трудилась в одиночку, в торговых точках где нет подозрительного коллектива, а только она одна – в ларьках Городского Парка Отдыха рядом с Площадью Мира, где продаётся вино, печенье, сигареты, разливное пиво…

В конце лета в хате снова был скандал, но уже не разборка между сёстрами, а между мужем и женой. А всё из-за грибов, которые Дядя Толик привёз из лесу завёрнутыми в газету. Не очень-то и много, хотя на суп хватило бы. Этот свёрток раздора Дядя Толик аккуратно обвязал и положил в сетку, чтобы повесить на руль «Явы» и не растерять по дороге. Но дома вместо благодарности Тётя Люда устроила ему бучу, как увидала, что газета обвязана бретелькой от лифчика. Напрасно Дядя Толик твердил, что подобрал в лесу эту «паварозку хренову», Тётя Люда всё громче и громче ему объявляла, что она не вчера родилась и пусть ей покажут лес, где на кустах лифчики растут, и нечего из неё дуру делать… Баба Катя уже не

пыталась утихомирить спорящих и только смотрела вокруг грустными глазами.

(И это стало уроком сразу для двоих – Дядя Толик никогда больше не привозил домой грибы, а я выучил слово «бретелька»).

Но Тётя Люда, пользуясь моментом, попыталась даже отменить выезды Дяди Толика на рыбалку, и тогда уже он начал повышать голос до тех пор, пока не был найден компромисс – ему позволено и дальше увлекаться рыбной ловлей при условии, что на рыбалку он берёт с собой меня. Так что в последующие два-три года, с весны до поздней осени, каждый выходной, с парой удочек и спиннингом примотанными к багажнику его «Явы», мы уезжали на рыбалку.

В основном, мы ездили на Сейм, иногда на далёкую Десну, туда 70 км в одну сторону и приходилось выезжать затемно… Обгоняя треск собственного мотора, проносилась «Ява» через город объятый мирным безмятежным сном для поголовно всех, включая ГАИ… Одолев 30 км колдобин Батуринского шоссе, мы вырывались на Московскую трассу, где Дядя Толик иногда выжимал из Чехословацкого мотора 120 км в час…

Когда мы сворачивали на полевые дороги, рассвет постепенно начинал догонять «Яву». Я сидел сзади, ухватив бока Дяди Толика руками засунутыми в карманы его мотоциклетной куртки искусственной кожи, чтоб они напрочь не закоченели под встречным ветром. Ночь вокруг мало-помалу превращалась в сумерки прочерченные более чёрными сгустками лесополос среди полей, небо светлело, в нём начинали различаться обрывки облаков, которые из продрогше-белого переходили к смущённо розовому от прикосновения лучей протянутых через всё небо солнцем, заранее, пока само оно ещё за горизонтом… От этих всех картин дух захватывало не меньшим восторгом, чем от скоростной езды…

Обычно мы ловили на червей из огорода, но однажды продвинутые ветераны рыбной ловли присоветовали Дяде Толику попробовать личинки стрекозы. Эти фигнюшки живут под водой в глыбах глины подмытой течением из обрывистых берегов и рыбы

устраивают бои без правил, выхватывают одна у другой крючок с личиночной наживкой. Ну или типа того.

Мы выехали на берег в предрассветных сумерках. «Ява» откашлялась и смолкла. Сонно поплескивала река, испуская полупрозрачные клочья пара-тумана над водой. Дядя Толик объяснил, что мне назначено вытаскивать те глыбы глины на берег. От одной лишь мысли оказаться в тёмной воде под сумраком ещё не прошедшей ночи, мороз пробегал по коже, однако любишь кататься – люби и личинок доставать. Я разделся и, по совету старшего, сразу нырнул под воду.

Ух-ты! Оказывается, в воде куда теплее, чем в сырой промозглости утра на берегу. Я вытаскивал скользкие глыбы из реки, а Дядя Толик разламывал их на суше и выколупывал личинок из туннелей, которые они насверлили в глине, чтобы там жить. Когда он сказал, что уже хватит, мне даже не хотелось покидать тепло неторопливых струй…

Но всё же, это являлось примером вопиющей эксплуатации труда подростка, за которую ему пришлось расплатиться в тот же день благодаря мне.

Дядя Толик предпочитал спиннинг удочке и резким взмахом посылал блесну булькнуть почти на полпути к противоположному берегу, а затем начинал стрекотать катушкой, дёргать хлыст и вести кувыркливый блеск блесны курсом из зигзагов. Хищная рыба, щука, там, или окунь, бросалась вдогонку и заглатывала тройной крючок на хвосте у блесны, если рыбаку подвалит такая удача.

Где-то к полудню мы переехали на другое место с деревянным мостом через реку и Дядя Толик перешёл на противоположный высокий берег, позабрасывать тут и там. Я остался один, присматривал за поплавками пары удочек воткнутых в песок рядом с течением, а потом растянулся в ближайшей траве.

Когда Дядя Толик возвращался обратно по дальнему берегу, я не поднял головы из травы, а только наблюдал как он продирается через джунгли травинок-былинок росших в месте моей лёжки. В

кино такой трюк применяют для комбинированных съёмок. Так что он стал у меня лилипутиком. До самого моста. Сурово, но справедливо…

Однажды Тётя Люда спросила меня с глазу на глаз, не видел ли я как её муж заходит в какую-нибудь хату во время наших рыбачьих выездов. Мне не пришлось кривить душой и, не солгав ни капли, я ответил, что, нет, ничего подобного видеть не приходилось. А что касается того раза в селе Поповка, когда он вдруг вспомнил, что мы выехали на рыбалку без наживки и ссадил меня на пустой сельской улочке, пока он сгоняет в одно место—тут не далеко—враз накопает и вернётся, то всё, что я видел, был глубокий песок дороги меж высоких стен густой крапивы, да почернелая солома в крыше сарая, возле которого он меня десантировал, но никаких вхождений, ни в какие хаты, ни-ни… Поэтому я без всякого зазрения смог сказать «нет» своей любознательной тётке.

Случались и падения, раза два. Первый раз мы гнали по полю вдоль тропы поверх метровой насыпи, а по бокам высокие бурьяны. Благодаря им, я догадался, что это насыпь – высокие, а «Яве» до полколеса, но непонятно зачем она в поле? Ответ так и не был найден, потому что насыпь вдруг прервалась и «Ява» нырнула в затяжном прыжке по воздуху, потом ткнулась, а мы полетели дальше, через руль и бензобак.

В другой раз мы не успели даже из Нежинской выехать, когда мотоцикл зацепился за кусок железяки вкопанной перед фундаментом чьей-то хаты, чтобы транспорт его не царапал, когда объезжает лужи после дождя. Однако оба раза, мы не травмировались, за исключением шишек, потому что у нас на головах одеты белые шлемы из пластмассы. Правда, после падения на Нежинской рыбалку пришлось отменить, потому что у «Явы» начало капать масло из амортизатора и потребовался срочный ремонт.

~ ~ ~

Площадь Конотопских Дивизий названа так в честь воинских формирований Красной Армии освобождавших город в годы Великой Отечественной войны, она же Вторая Мировая, которые, в свою очередь, начали носить в своих наименованиях «Конотопская». Она мне поначалу представлялась концом света, потому что до неё от Вокзала та-дахать восемь остановок на трамвае.

Площадь Конотопских Дивизий широка как три дороги вместе и очень длинная, с постепенным уклоном вдоль всей своей длины в юго-западном направлении. Ажурная металлическая башня, в правом верхнем углу Площади, в отличие от Парижской знаменитости, делала нужное дело – держала большущий водонапорный бак, что немо взывал к Площади Конотопских Дивизий, размашистой надписью с жирным нажимом кисти на его ржавом боку: «Оля, я люблю тебя!» Под башней, высокая стена красного кирпича, с плотными рядами колючей проволоки по гребню, тщательно огораживала городскую тюрьму.

Напротив башни, в верхнем левом углу, беззаботно зияли ворота Городского Колхозного Рынка, который, собственно, пребывал вне самой Площади, но его ворота служили отправной точкой для ряда площадных магазинчиков идущих плавным спуском вниз – Мебель, Одежда, Обувь…

Правый нижний угол Площади упирался в высокое двухэтажное здание, что состояло больше из окон, чем из стен – Конотопская Швейная Фабрика. Следом шло здание пониже, имевшее, для контраста, стен больше, чем окон – Городской Вытрезвитель. Впрочем, это учреждение пребывало не в пределах, а уже на улице, что лишала Площадь левого нижнего угла и безбашенно пёрла прочь – к мосту в опасный окраинный район, Загребелье. Опасность заключалась в Загребельской блатве, как заловят парня из других районов города, что вздумал провожать девушку с Загребелья, то заставляют петухом кричать или мерить длину моста спичкой, или же бьют сразу, без предисловий.

Трамвайный путь пересекал Площадь Конотопских Дивизий поперёк и вместе с тем наискосок, тяготея кверху. Трамваи с предупреждающим звоном въезжали на площадь из-за длинной глухой стены с тремя запертыми дверями-выходами Кинотеатра им. Воронцова, куда вход за углом – с улицы Ленина.

Когда в город прибывал передвижной зверинец, они выстраивали свои прицепы с клетками большим квадратом между трамвайными путями и Швейной Фабрикой. Временный корраль смахивал на оборонительный лагерь Чехов-таборитов из Гуситских войн в учебнике *История Средних Веков*. Но посреди периметра они ещё размещали два дополнительных ряда клеток, спина к спине, чтобы в воскресный день густая толпа Конотопчан и жителей близлежащих сёл ходили вокруг них, как и вдоль клеток в стене табора.

Квадратные таблички на прутьях решётки сообщали имя и возраст узника, а над Площадью Конотопских Дивизий зависал слитный гул толпы зевак прорезаемый воем и рёвом пленённых животных. Но такое случалось раз в три года…

И Гонщики по Отвесной Стене пару раз посещали Площадь Конотопских Дивизий. Перед воротами Городского Колхозного Рынка установили высокий шатёр из брезента, а внутри собрали кольцо пятиметровых стен из дощатых щитов.

Дважды в день запускали зрителей по крутой лестнице снаружи подняться под крышу шатра, свесить лица над краем стены и смотреть как два мотоциклиста кружат по арене, набирая разгон для въезда по пандусу на кольцевую стену – глушить треском моторов ротозеев и гонять по ней в горизонтальной плоскости, представляя свешенным лицам свой вид сбоку…

Покидая Площадь Конотопских Дивизий по улице Ленина, пешеход миновал Кинотеатр им. Воронцова по левую руку, а впереди уже громадился трёхэтажный куб Дом Быта со всяческими ателье и ремонтными мастерскими, не говоря уже про парикмахерские.

На тротуаре между этими двумя архитектурными достопримечательностями, вплотную к забору, высился стенд из металлических труб и листовой стали. Зазывная надпись «не проходите мимо!» венчала крепкую конструкцию для развешивания чёрно-белых снимков людей попавших в Городской Вытрезвитель. Сопроводительные полоски бумаги в остеклённых рамках массово позорного столба сообщали их имена и место работы. Жуть брала от этих фотоснимков, где кожа как бы содрана с людских лиц.

У меня эта воспитательная мера воздействия почему-то вызывала жалость к повешенным алкоголикам. Возможно, из-за того далёкого стенда на Объекте, что так меня страшил, ну а теперь роднил, как бы, с этими... по крайней мере, с их детьми...

Нет, не думаю, что в те поры я вдавался в подобные психо-аналитические этюды, но отчего-то на данном отрезке улицы Ленина мне всегда срочно требовалось рассмотреть что-нибудь и где угодно, лишь бы отвести взгляд от мерзкого стенда.

Далее по улице Ленина, за первым же перекрёстком стоял Дом Культуры завода Красный Металлист, чуть отодвинутый от дороги своей собственной маленькой площадью. Боковые стороны этой площади тоже ограждались стендами, но более весёлого назначения, для наклейки страниц из сатирических журналов – Русский «Крокодил» слева, Украинский «Перець» справа.

Между дорогой и каждым из стендов оставалось место для киоска из стекла и железа. При внешней схожести, киоски-близнецы разнились внутренним содержанием. Тот, что под боком у «Крокодила» торговал мороженым и лимонадом на разлив, а полки соседнего с «Перцем» покрыты сувенирной чепухой. Там, среди керамических курильщиков, пластмассовых бус, пачек игральных карт, я высмотрел наборы спичечных этикеток, так что в свой следующий выезд в *Город*, попросил дополнительные 30 коп. и купил один, с картинками животных.

Однако, когда я привёз их домой, чтобы пополнить коллекцию с Объекта, понял, что это неправильно. Прежние этикетки, отклеенные

со своих коробков, мелкой печатью сообщали какая спичечная фабрика их выпускала и что цена коробка – 1 коп., тогда как набор из киоска был просто стопкой картинок этикеточного размера. С этого момента я утратил интерес ко всей коллекции и переподарил её моему другу Чепе, младших я даже не спрашивал, зная, что им она давно пофиг…

Чепа жил возле Нежинского магазина со своей матерью, бабушкой и псом по имени Пират, хотя тот жил отдельно, в будке, а не в их крохотном, пропахшем борщом домике, чья кухня и спаленка разместились бы в единственной комнате нашей хаты. Правда, их дом был на одного хозяина.

Рядом с их хатой стоял сарай утеплённый снаружи навозной штукатуркой, где помимо нужных в хозяйстве инструментом и кучи угольных «семечек» на зиму стоял ещё и возок – продолговатый мелкий ящик из досок, на оси пары железных колёс, а из-под его дна вытарчивает двухметровая водопроводная труба с поперечиной на конце, чтоб управлять этой «тачкой», когда её толкаешь, или тащишь за собой.

От хаты до калитки на улицу тянулся огород, ограниченный соседскими заборами с двух длинных сторон, и те его тоже делали длинным, не то что наши две-три грядки. Весной и осенью я приходил к Чепе помочь со вскопкой. Вонзая в землю штыки своих лопат мы повторяли модную на Посёлке поговорку: —«Никаких пасок! По пирожку и – огороды копать!»

А Пират отпущенный с цепи, ошалело носился галопом вокруг старых Вишен вдоль тропки к хлипкой калитке…

Когда мы приехали в Конотоп, моей наипервейшей и постоянной обязанность стало водоснабжение хаты. Среднесуточный расход её составлял около 50 литров. Пара эмалированных вёдер с водой стояли в закутке тёмной веранды, на двух табуретах рядом с плитой-керогазом. С гвоздя в дощатой стене над вёдрами свисал пластмассовый ковш – зачерпнуть и напиться или налить воды в кастрюлю, или в чайник. Но сперва вёдра использовались для

заполнения бака рукомойника на кухне, ёмкостью ровно в два ведра.

Закреплённый над жестяной раковиной, бак закрывался сверху крышкой на петлях, а на дне из него вытарчивал кран нажимного действия, как в туалетах пассажирских вагонов – вода течёт пока жмёшь на штырёк снизу. Из раковины смывки стекали в ведро поставленное в подраковинную тумбочку. За помойным ведром нужен глаз да глаз, чтоб не переполнилось и не залило пол кухни. Просто вовремя вынеси и выплесни в сливную яму рядом с уборной в огороде.

Воду я таскал от водоразборной колонки на углу Нежинской и улицы Гоголя, метров за сорок от нашей калитки. Чугунный пенёк ростом в метр, с носом такого же материала, таил в себе водопроводную трубу. Вешаешь ведро на нос, давишь на железную рукоять у пенька на затылке и резкая струя бьёт в дно ведра, переполняет его и растекается на дороге, если задумался невесть о чём. Две ходки в день—4 ведра, вместе взятые—хватало для водоснабжения хаты, если это не день стирки, но когда стирала Тётя Люда воду ей приносил Дядя Толик.

В дождливую погоду водо-ходки малость удлинялись из-за навигации вокруг широких луж на дороге. Зимой колонку окружал небольшой, но очень скользкий каток из воды упущенной водоносами. По гладкому льду ходить нужно мелкими шажками, не отрывая ног. Тёмные зимние вечера помогли оценить мудрость размещения фонарного столба сразу над колонкой…

А ещё на мне был керосин для керогаза, который похож на газовую плиту, двухконфорочную, а сзади у него две чашки, куда заливается керосин, оттуда по двум тонким трубкам он смачивает два кольцевидных фитиля из асбеста, в горелках. Их зажигают, когда готовится обед или согреть воды для чая, или предстоящей стирки на жёлтом пламени в прыгучей кайме чёрной копоти. Потому-то керогаз и держат на веранде, чтоб хата не провонялась копотью и нефтью.

За керосином я отправлялся на Базар с 20-литровой канистрой… В стороне от Базарных прилавков стоял здоровенный кубический бак из листового железа. День продажи объявляла надписью мелом на рыже-ржавом боку куба: «керосин будет…», а дальше проставлялась дата, когда его привезут. Однако столько дат сменили друг друга—написаны, стёрты, написаны снова—что никакие цифры уже не различались в широком меловом пятне, так что писать бросили. Зато осталась навеки полная исторического оптимизма надпись – «керосин будет…!»

Мелкая траншея в кирпичной облицовке позволила вывести туда короткую трубу из-под нижней грани куба, кончавшуюся поворотным краном под опекой висячего замка. В объявленный день, продавщица в синем халате спускалась в траншею, снимала замок и садилась рядом с краном на табуреточку, которую сама же и принесла. Заодно она приносила многолитровую кастрюлю-выварку, чтобы подсунуть под кран и наполнить, примерно на три-четверти, желтоватой пенистой струёй керосина.

Очередь приходила в движение со своими бутылями, канистрами, бидонами, которые она наполняла литровым черпаком через жестяную воронку, собирая плату в свой синий карман. Когда черпак начинал погромыхивать о дно выварки, она открывала кран – восстановить удобный уровень топлива.

Вообще-то, дату мелом ни писать, ни читать не требовалось, потому что Баба Катя каждое утро ходила на Базар и двумя днями раньше приносила весть когда «керосин будет…!». Так что, в керосинный день, после уроков в школе, я брал канистру и отправлялся провести часа два в очереди ползущей к траншее под кубом. Иногда его продавали и в проездном дворе Нежинского Магазина, из точно так же обустроенной ямы, но такое случалось не часто, а очередь там длилась не меньше Базарной.

~ ~ ~

Через неделю после летних каникул меня избрали Председателем Совета Отряда пионеров нашего 7 Б класса, потому что бывшая

Председатель (рыжая тощая Емец) уехала в другой город со своими родителями. На общем пионерском собрании класса пара кандидатов отмазались самоотводом без объяснения причин и Старший Пионервожатый школы выдвинул мою кандидатуру. В попытке следовать общим кильватером, я тоже начал нехотя отнекиваться, но он прервал моё вялое «а чё я? других штоль нет?» энергичным разъяснением, что всё это не надолго – и так, и так нас скоро примут в комсомол, он же Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи (ВЛКСМ).

(…структура пионерской организации детворы Советского Союза является образцом продуманной и чёткой организации любой организации.

В каждой Советской школе ученики каждого класса по достижении надлежащего возраста автоматически становились пионерами, а их класс превращался в Отряд Юных Пионеров из четырёх-пяти Звеньев. Звеньевые совместно с Председателем Отряда входили в Совет Отряда. Председатели Советов Отрядов, вкупе, становились Советом Пионерской Дружины школы. Затем шли Районные, или Городские уровни пионерских организаций сливавшиеся в Республиканские (всех 15), из которых и складывалась Всесоюзная Пионерская Организация.

Такая вот кристально-отструктурированная пирамида для удобства пользования… И потому герои комсомольского подполья боровшиеся с Немецкой оккупацией города Краснодон не стали париться с изобретением колеса. Они скопировали знакомую с детства структуру и только лишь переименовали «звенья» в «ячейки»… Если мы, конечно, поверим на слово Молодой Гвардии, роману А. Фадеева, который он, в свою очередь, писал со слов родственников Олега Кошевого, за что и сделал свой литературный персонаж руководителем подполья. В созданном им литературном произведении, Олег Кошевой

становится предводителем, а Виктор Третьякевич, который, фактически, принимал Олега в ряды сопротивления, представлен как подлый предатель под вымышленным именем Стахевич.

Четырнадцать лет спустя после выхода романа в свет, Третьякевича реабилитировали и наградили орденом, посмертно, поскольку умер он не на допросах Советского НКВД, а был казнён Фашистскими захватчиками, когда те разгромили краснодонское подполье.

В начале шестидесятых, пара эпизодических предателей из книги, которым автор поленился переделывать имена, отбыли по десять-пятнадцать лет в лагерях НКВД и были также реабилитированы К тому времени, сам писатель уже успел пустить себе пулю в лоб, в мае 1956, вскоре после после встречи Никиты Хрущёва, тогдашнего главы СССР, с уцелевшими молодогвардейцами Краснодона.

Во время упомянутой встречи, Фадеев вёл себя неадекватно и нервозно орал на Хрущева перед лицом собравшихся, обзывал его словами особо обидными и опасными в тот период, а два дня спустя покончил жизнь самоубийством. Или же, его покончили с собой, хотя, конечно, такое выражение – «они покончили его самоубийством»—неприемлемо с точки зрения языковых норм.

Отсюда мораль – даже самая продуманная структура не застрахует от развала пирамиды, если та не сложена из каменных блоков весом, как минимум, 16 тонн каждый…)

В конце сентября Председатель Совета Дружины нашей школы заболела и я был вместо неё делегирован на Отчётное Собрание Председателей Пионерских Дружин Городской Пионерской Организации. Собрание проводилось в Конотопском Доме Пионеров расположенном в приятно уединённом местечке позади Памятника Павшим Героям над улицей Ленина.

Согласно регламента, Отчётному Собранию такого уровня полагается Председатель и Секретарь Собрания. Обязанность Председателя Собрания – вести его, а роль Секретаря – протоколировать сколько макулатуры и металлолома собрано за отчётный период пионерами дружины выступающего с докладом Председателя, какие заняли они места в каких общегородских соревнованиях и какие провели культурно-массовые мероприятия у себя в школе.

Старший Пионервожатый нашей школы снабдил меня листком бумаги для зачтения на Отчётном Собрании, но в Доме Пионеров мне добавили нагрузку, назначив Председателем Отчётного Собрания. Всего и делов-то – встаёшь, объявляешь: —«Слово для отчёта предоставляется Председателю Пионерской Дружины школы №…», а дальше Председатель от № выходит к трибуне на сцене и зачитывает свой листок от своего Старшего Пионервожатого, а как кончит, сдаёт его Секретарю Собрания, потому что какой смысл записывать все те, уже написанные, цифры, пральна?

Сначала всё шло как по маслу. Я и Секретарь Отчётного Собрания, девочка в парадной белой рубашке и алом пионерском галстуке, как и все присутствующие, сидели за небольшим столом покрытым красным кумачом, на небольшой сцене небольшого зала, где сидела небольшая группа Председателей Советов Дружин, дожидаясь очереди прочесть свои листки вслух. В последнем ряду – Второй Секретарь Горкома Комсомола, ответственная за работу с пионерскими организациями, тоже в своём алом галстуке

Председатели, как по маслу, выходили, докладывали, складывали бумажки в стопку и возвращались в зал. Я тоже исполнял что сказано, но после четвёртого объявления, что-то на меня нашло, точнее нахлынуло. Слюна затопила мой рот, едва успею сглотнуть, как слюнные железы фонтаном выдают следующую секреционную порцию, переполняя меня стыдом перед сидящей рядом Секретарём, наверняка изумлённой моими непрерывными сглотами. А если и в зал слыхать?. Чуть полегчало, когда она пошла

отчитываться за школу № 10, но как вернулась, постыдная му́ка продолжилась. Да что это со мной?!.

Потом пришла моя очередь, отчёт отбулькал и за четыре шага от трибуны до стола под кумачом я сглотнул три раза, но не помогло. Ладно, осталось только № 14 отсидеть… О, бли-и-ин! Вторая Секретарь Горкома тоже со своей заключительной речью!

(…в те безвозвратно канувшие времена—не дотянуться, не дозваться, не искупить—я не ведал ещё, что все мои горести, радости и всякое такое прочее, исходят от той недосягаемой сволочи в непостижимо далёком будущем, которая растянулась сейчас на моей спине и слагает вот это письмо, в одноместной палатке, посреди тёмного леса на краю света, под неумолчный плеск реки, которую нынче кличут Варанда…)

В октябре семиклассники начали готовиться к вступлению в ряды ВЛКСМ, он же комсомол. Членство в комсомоле не давалось просто так, за красивые глазки, туда не вступали огульными пачками, ничего подобного! Нужно сперва доказать, что ты действительно достоин и для этого пройти экзамен в Городском Комитете Комсомола на втором этаже здания Горсовета, в правом крыле, и ответить на все вопросы, потому что, вступая в эту молодёжную организацию, ты становишься соратником Партии, будущим коммунистом.

В ходе подготовки, Старший Пионервожатый школы, Володя Гуревич—молодой человек приятной наружности с чёрными волосами и сизой кожей на щеках из-за густой, но всегда гладко выбритой щетины—распространил среди будущих членов ВЛКСМ типографские распечатки Устава ВЛКСМ, очень мелким шрифтом, зато все разделы на одном в гармошку сложенном листе. Он предупредил также, что на заседании по приёму новых членов экзаменаторы Городского Комитета Комсомола особенно гоняют по правам и обязанностям комсомольца.

Володя Гуревич закончил престижную школу № 11, между Вокзалом и Переездом-Путепроводом, а также Конотопскую Музыкальную Школу по классу баяна. На работу ему приходилось ездить из *Города*, где он жил пониже Площади Мира в небольшом квартале пятиэтажек, который в Конотопе почему-то окрестили Палестиной.

Придя в школу из Палестины, он одевал смешанную атрибутику из очень чистого и хорошо наглаженного пионерского галстука и золотистого профиля лысой головы с колким клинышком бородки Владимира Ильича Ленина в комсомольском значке приколотом на грудь его пиджака. Среди своих, в узком кругу пионерских активистов, Володя Гуревич часто объявлял, чтобы подчеркнуть полное совпадение имён отчеств у себя и Вождя Революции: —«Зовите меня просто – Ильич». Вслед за этими словами он смеялся громким затяжным смехом, после которого губы его не сразу стягивались в нейтральное положение и ему приходилось помогать им, снимая большим и указательным пальцами распорки из коротких ниточек слюны в уголках рта.

Однако, Володя Шерудило, крепко скроенный чемпион игры в *Биток* на деньги, с рыжими вихрами и густой россыпью веснушек на круглом лице, который учился в нашем классе, а жил в селе Подлипное, в узком кругу своих, одноклассников, называл Володю («Ильича») Гуревича «ханорик Созовский!»

(…на начальном этапе установления Советского режима, до закабаления сельского населения в колхозах, коммунистическое руководство экспериментировало с загоном крестьянства в товарищества Совместной Обработки Земли, сокращённо СОЗ.

Однако значение «ханорика» не сыщется даже в Толковом Словаре Живого Великорусского Словаря Владимира Даля, вероятно потому, что великий лингвист не посещал село Подлипное.

Кто вспоминает нынче СОЗы? А вот коллективная память сельчан бережно хранит и передаёт от поколения к поколению.

*“**Хоть смысл забыт, но чувство неизменно…”…)***

Большое двухэтажное здание Горсовета, где размещался заодно и Горком Комсомола, чем-то смахивало на Смольный Институт из разных фильмов про Октябрьскую революцию. Особенно фасадом, обращённым к Площади Мира по ту сторону Проспекта Мира. Три короткие мощёные гладкой брусчаткой аллеи под великолепными Каштанами соединяли здание с Проспектом.

Все ребята нашей школы без сучка и задоринки сдали экзамен по Уставу ВЛКСМ. Из остальных школ города тоже никто не провалился…

~ ~ ~

Осенью Посёлок обзавёлся трамваем. Рельсовая колея взобралась из Путепровода, прошла вдоль забора Базара и нырнула под Тополя-великаны в их шеренге вдоль булыг мостовой улицы Богдана Хмельницкого. Зализанные столбы серого бетона пополнили строй их могучих стволов, чтобы держать контактный провод над рельсами. В канун Октябрьских праздников колея успела миновать нашу школу и даже завернула в улицу Первомайскую, что продолжалась аж до окраины Посёлка, где уже начинается поле.

Потом тройка маленьких трамвайных вагонов начали ходить по третьему маршруту: от конечной на городской стороне Путепровода до конечной в конце Первомайской. Протискиваясь среди пассажиров, дебелые кондукторши взимали плату за проезд – 3 коп. за билет оторванный с рулончика на шлее их пузатенькой казённой сумки подвешенной на шею для подтяжки обширных бюстов и чтоб было куда ссыпать копейки собранные с пассажиров, 2 в 1.

В больших трамваях на городских маршрутах у водителя всего одна кабинка, в голове вагона, а на конечной трамвай давал круг по кольцу разворота и отправлялся в обратный путь. Конечные же

Посёлка оправдывали своё имя и разворотами не петляли, а если уж доехал, значит – всё, конец. Поэтому у маленьких трамваев две кабинки, как головы у Тяни-Толкая, и на неокольцованных конечных водитель просто преходил из передней кабинки в заднюю, хотя кто там разберёт где у них зад, где пéред, и отправлялся вперёд, который перед этим оставался позади. На старте вспять трамваю помогала кондукторша и, стоя на ступеньке задней (на данный момент) двери, тянула крепкую брезентовую вожжу привязанную к дуге над крышей трамвая, которой полагается быть откинутой назад для гладкого скольжения по контактному проводу, чтобы не пёрла в него рогом всю дорогу до следующей конечной.

Что касается дверей, в больших трамваях их захлопывал водитель из кабинки, автоматически, а в Поселковых вагончиках дверь типа складной ширмы на шарнирах, фанерная. Приехал на свою остановку, подходишь к двери и тянешь на себя среднюю ручку, чтоб ширма малость сложилась и дала отвести себя в сторону, открывая ступеньку для спуска. А при вспять-направленном действии: поднимаешься и тянешь крайнюю ручку, чтобы ширма малость распрямилась, толкаешь среднюю ручку, чтоб полностью закрыла дверь – поехали! Но кому оно надо, всё это алгоритмичное мозгодёрство? Поэтому трамваи по Посёлку КПВРЗ катались с дверями нараспашку, пока мороз не придавит… А чтобы трамваи могли уступать друг другу путь, имелись две остановки с раздвоенной колеёй: одна возле школы № 13, а вторая по середине Первомайской…

Туалет в Клубе Завода находился на первом этаже, в самом конце очень длинного коридора, что начинался от двери библиотеки и тянулся между стен не только глухих, но и тесных. Раскинув руки дотянешься сразу до обеих. Не коридор, а штольня с плафонами лампочек на потолке. В тёмно-зелёной краске стен иногда попадались двери с табличками: «Детский сектор», «Эстрадный оркестр», «Костюмерная» и, уже на подходе к туалету, «Спортзал». Все постоянно запертые двери нерушимо хранили глубокую тишь,

только из-за двери спортзала иногда доносилось целлулоидное цоканье шарика пинг-понга или железный лязг блинов штанги.

Но вот однажды мне услышались звуки музыки на пианино за дверью Детского сектора, которые заставили меня постучать. Внутри раздался крик «заходи!», что я и сделал.

Небольшая смуглая женщина в стрижке чёрных волос, с широким, но правильным разрезом ноздрей, сидела за пианино под стеной из сплошных зеркальных квадратов. Напротив двери струился свет сквозь ряд из трёх окон вознесённых над полом, а под ними, поверх ребристой трубы отопления, балетный поручень тянулся вдоль всей стены. Левая часть комнаты скрывалась высокой ширмой для представлений кукольного театра, а перед ней необыкновенно длинный и узкий, словно в трапезной, стол с плотно-коричневой столешницей в обивке тугим линолеумом. И тогда я сказал, что хочу записаться в Детский сектор.

– Очень хорошо, давай знакомиться. Я – Раиса Григорьевна, а ты кто и откуда?

Она рассказала мне, что бывшие актёры слишком повырастали все или уехали в другие города и для возрождения Детского сектора мне надо привести своих друзей из школы. Я развернул бурную агитацию в классе. Чепа и Куба как-то сомневались, да на шо оно нада! Однако, призадумались и согласились, когда я объяснил, что длинный стол вполне пригоден для настольного тенниса, ну и что, что узкий? И пара девочек тоже пришли из любопытства. Раиса Григорьевна устроила всем восторженный приём и мы начали репетировать кукольно-театральную постановку «Колобок» по одноимённой сказке.

Наша наставница обучила нас искусству кукловодов перчаточных кукол, чтобы те не зарывали ниже ширмы покидая поле зрения зрителей. Мы собирались в Детском секторе дважды в неделю, но иногда Раиса пропускала репетиции или опаздывала и для таких случаев ключ постоянно пребывал на подоконнике в комнате художников вестибюльного списка фильмов на месяц. Они любили

свободу и вообще не запиралась, а держали свою дверь настежь для посещений как постоянными поклонниками их таланта, так и одноразовыми любителями искусств…

Ключ податливо проворачивался в двери Детского сектора и мы часами играли в теннис на длинном столе, правда, мячиком для большого тенниса. Игра шла без ракеток даже, которых запросто заменяли школьные учебники в твёрдых обложках, лишь бы не слишком толстый, а сеткой тоже служили книжки—корешком кверху и чуть раздвинуть, для устойчивости. Да, особо резкие удары их сшибали, но и чинилась такая сетка секундально.

Нелёгок и изнурителен труд кукловода, как умственно – надо переписать реплики твоего героя и выучить их наизусть, так и физически – держи, держи, ещё держи вскинутую руку с обутой на три пальца куклой. Во время репетиций актёрствующая рука немеет и даже подпорка из оставшейся не спасёт. Да ещё начинает донимать ломота в шее из-за постоянной запрокинутости головы следящей за поведением куклы-лицедейки…

Зато потом, после представления, ты выступаешь из-за ширмы, чтобы встать перед ней, а вровень с твоим плечом в зал смотрит кукла на сунутых в неё трёх пальцах, и Раиса объявляет, что роль Зайца исполнил ты. И ты киваешь с театральным шиком, а Заяц у твоего плеча тоже кланяется, вызывая восторженный смех и аплодисменты аудитории…

О, тернии! О, сладость славы!.

Впоследствии многие из кукловодов отсеялись, но становой костяк Детского сектора—Чепа, Куба, и я— стойко продолжали приходить. Раиса стала пользоваться нами для кратких инсценировок про героических пацанов и взрослых времён Октябрьской революции или Гражданской войны. Для представлений мы гримировались, наклеивали настоящие театральные усы, одевали гимнастёрки и пускали дым из самокруток с махоркой завёрнутой в кусочки газеты, как научила нас Раиса, но не затягивались, чтобы не раскашляться.

С этими инсценировками мы ходили по цехам Завода, которые покрупнее и где имелся Красный Уголок для цеховых собраний, чтобы выступать там в обеденный перерыв на крохотных сценах, пока рабочие в спецовках жуют свою сухомятку из газетных свёртков. Им особенно нравился момент с самокрутками…

Дважды в год Клуб закатывал грандиозный концерт художественной самодеятельности, на котором Директор Клуба, Павел Митрофанович, читал прочувственные стихи посвящённые Партии, а ученики Анатолия Кузько, учителя игры на баяне при Клубе, отыгрывали свои достижения. Но украшением программы являлись, конечно же, танцевальные номера Балетной Студии, потому что их балетмейстер, Нина Александровна, пользовалась заслуженной репутацией и к ней приезжали начинающие балетницы даже из других районов города. К тому же, Клуб располагал богатым гардеробом, так что для Молдаванского танца Жок студийцы красовались штанами в позументах и блёстками жилеток, а на Украинский Гопак выходили в шароварах шириною с Чёрное море и балетных сапогах красной кожи.

Аккомпанировала им всем, включая малолетних снежинок в балетных пачках, Аида, аккордеонистка-виртуоз, стоя за боковой кулисой сцены. А рядом с ней стояли и мы, в армейских гимнастёрках из костюмерной, в усах и морщинах нарисованных гримом, восхищаясь как классно она играет без всяких нот.

Красивый мужественной красотой электрик Мурашковский читал рифмованные гумористические и пел дуэтом с лысым токарем из Механического цеха «Два ко́льори мої, два кольори́» на Украинском языке. На правой руке Мурашковского не доставало трёх пальцев и прогал между большим и мизинцем он заполнял кружевным платочком как бы клешня краба и себе урвала с очередного галеона, что Билли Бонс пустил на дно. Две пожилые женщины исполняли романсы, но не дуэтом, а по очереди. Каждую в отдельности на сцену сопровождал Анатолий Кузько со своим баяном. Один глаз его не косил даже, а постоянно смотрел в потолок, с тобой

разговаривает, а сам не здесь где-то. Это выбивает. Хотя начинающим баянистам, его ученикам, наверно не слишком мешало, им ведь в ноты заглядывать надо.

Для завершающего гвоздя и пика программы, упитанный блондин Аксёнов, Руководитель Эстрадного Оркестра, вёл к сцене сквозь односторонний мрак зрительного зала свою джаз-банду. Все инструменталисты в приятно-подогретом рабочем состоянии – дай только дорваться до синкоп. Барабаны и контрабас ждали их за кулисами с самого начала концерта в маленькой гримёрной позади сцены, но свой саксофон Аксёнов приносил собственноручно. Популярная блондинка Жанна Парасюк—тоже, между прочим, выпускница нашей школы—исполняла пару текущих шлягеров в сопровождении Эстрадного Оркестра и концерт заканчивался общей овацией и бурными криками «Бис!»

Зал на таких концертах был битком, не меньше, чем на каком-нибудь Индийском фильме из двух серий. Сцену заливал свет софитов с пола на самом её краешке, а также и с подвешенных над нею, и плюс к тому лучами боевых прожекторов с оконечности каждого из балконов. В потёмках прохода вдоль стены под правым балконом, танцоры Балетной студии рысили в Костюмерную Тёти Тани на первом этаже переодеться к следующим номерам.

Для представления героических инсценировок, Раиса научила нас правильно появляться из-за кулис и уходить за них не поворачиваясь спиною к зрителям, и как надо смотреть в зал – не на кого-нибудь конкретно, а так, в общем, на пятый или, примерно, шестой ряд. Хотя в жёстком излучении направленного в лицо прожектора даже и первые ряды сливались…

Так Клуб стал частью моей жизни, и если я долго не приходил домой после школы, там не переживали – опять торчу в Клубе…

Во тьме зимних вечеров мы сходились к трамвайным путям, потому что нашим излюбленным развлечением стало катание на «колбасе» трамвая. Так называлась решёточка из труб подвешенная под кабинкой водителя. Мы устраивали засаду на остановке,

заходили трамваю в хвост, а когда тот трогался, прыгали на «колбасу» схватываясь за маленький выступ под окном в пустой кабинке водителя. Выступ совсем гладкий, уцепиться не за что, и приходилось часто перехватываться и напрягать пальцы на том, что есть. Трамвай грохочет и несётся, дрыгается на стыках рельс, «колбаса» упруго прыгает под ногами – ух-ты! клааасс!.

Самый скоростной участок между Базаром и нашей школой. Именно там трамваи начинали думать, что они гонщицкая Формула 1—та-дах! та-дах! – и там же мои закоченелые пальцы однажды начали соскальзывать со скользкого выступа, но Чепа крикнул «держись!» и притиснул их сверху своей ладонью, но тут Куба проорал «капец!», потому что его пальцы соскользнули, и он соскочил с «колбасы» несущейся с первой космической. Хорошо, что он не всадился в ствол какого-то из Тополей и выбежал навстречу нам из темноты, пока трамвай дожидался встречного, чтоб разминуться возле школы. Мы без потерь его догнали и продолжили…

Этот захватывающий аттракцион не являлся частной забавой нашей ограниченно ответственной троицы, но общим достоянием хлопцев Посёлка. Порою «колбаса» под роем поднацеплявшихся гонщиков скребла решёткой по головкам рельс в знак протеста. На остановочных «разминках» кондукторши спускались из вагонов отогнать нас. Мы отбегали во мрак морозной ночи, но когда трамвай трогался, «колбаса» вновь обвисала под грузом из пользователей средством общественного транспорта прежде, чем это средство успевало набрать крейсерскую скорость…

~ ~ ~

В 7 Б уроков не было в тот день, потому что нас повели в Завод на экскурсию. Там, первым делом, мы зашли в Пожарную Команду, она совсем рядом с Главной Проходной. Потом в цех где заправляют кислородом высокие баллоны из железа. В Кузнечном никаких объяснений не получилось, такой постоянно гул стоит от

вентиляторов, и пламя ревёт в кирпичных печах, откуда рабочие в чёрных спецовках громадными клещами тащат раскалённые болванки и небольшими подъёмными кранами перекладывают их на наковальни, под гидравлические молоты.

Наш класс немного постоял, посмотрели как один рабочий другими клещами, покороче, ворочает по наковальне разжаренную добела болванку, туда-сюда, а махина над ним пыхтит как динозавр и молотом сверху шарахает, между высоких промасленных станин, отковывает нужную форму. Молот как ахнет, аж дрожь по полу волнами расходится. Окалина от заготовки как чешуя отслаивается, а под ней цвет всё темнее – вот уже алый, потом тёмно-вишнёвый. Но самое удивительно – до чего этот молот чувствительный, может постукивать совсем слегка, и резко останавливаться на полпути, даже когда наотмашь жахкает. А управляет им женщина в платке, всего парой рычагов, которые у этой махины сбоку торчат.

Когда мы из цеха уже выходили, то у другого, примолкшего гидравлического молота, я увидел россыпь круглых металлических дисков, размером с монету юбилейного рубля, но потолще. Красивого такого фиолетового цвета, к тому же, из любого чёткий *биток* получится, копейки переворачивать. Ну приотстал я от экскурсии, наверняка ж ненужные отходы, раз на полу валяются, одну штуку подхватил и тут же выронил, пальцы чуть не до кости прожёг. А какой-то рабочий мимо проходил, смеётся: —«Шо, сильно тяжёлая?»

А в Механическом цеху я прям прибалдел от строгального станка. Такой невысокий, неспешно так обстругивает зажатую в тисках заготовку. Самое удивительное в нём – накладка из чугуна отлитая, каким заводом это «Сделано в Ригѣ 1904 годъ». Так это ж ещё до революции! Ха! Работает!. А чуть дальше большой Советский станок, тоже строгальный, резец длинными прогонами бегает, а рабочий в сторонке стул поставил, сидит наблюдает. Ничего себе работка, а?.

Когда я дома поделился впечатлениями от экскурсии, мать сказала, что я мог бы ходить в душ какого-нибудь из цехов Завода, а

не ездить в баню аж до Площади Конотопских Дивизий. Она ещё спросила знаю ли я, что мать Вадика Кубарева работает на Заводской Градирне, и это может облегчить доступ в душ башни.

Я обсудил это предложение с Чепой и тот сказал, что всю жизнь по банным дням в Завод ходит мыться и там найдутся души и получше, чем на Градирне. В основном, все открыты до восьми, но в тех цехах, что работают в три смены, вообще не закрываются. Конечно, на Главной Проходной могут и не пропустить, но кому нужна та проходная? Вон в конце завода, вдоль путей где вагоны на ремонт подают, там даже и ворот нету, хотя зачем давать такой крюк? На Профессийной столько перелазов через бетонную стену, чтоб рабочему человеку ближе было выносить шабашку после рабочего дня.

(…и опять мне приходится нарушить последовательную связь времён и скакнуть из Конотопа на речку Варанда, иначе как столичной женщине из третьего тысячелетия понять провинциальный говор середины прошлого столетия?

Иногда даже Словарь Даля не в помощь. Да, он правильно отмечает, что слово «шабаш» может служить сигналом окончания работы, но глубже этого не пошёл. Великому Русскому языку потребовалось прожить ещё сто лет и приспособиться к условиям развитого социализма в отдельно взятой стране, чтобы произвести «шабашку» из «шабаша».

Шабашка это какое-либо изделие произведённое на рабочем месте для дальнейшего использования его по месту жительства или, по крайней мере, вязанка древесины наломанная из досок на работе для обогрева хаты рабочего. Швырок шабашки через забор это как бы точка, своего рода, поставленная в завершение рабочего дня. (Вот почему на Посёлке прогулка вдоль стены Завода издавна считается плохой приметой.)

Ну, как? Заценила мои этимологические потуги? Хорошо, и пока я тут, пора уже, наверное, заползать в эту мою одноместную Китайскую пагоду. Что мне в ней нравится, так это её складные хлысты. Складно вымудрили Поднебесники – дюжина полуметровых трубочек складываются в пару трёхметровых гибких хлыстов, чтоб растянуть палатку. Ну и эта антикомариная сеточка на входе тоже хорошо работает, молнию вжикнул и ни один комар не залетит. Снаружи вон гундосят кровососы, но фиг вам, а не в мой вигвам!

Теперь сниму рубаху и штаны, залезу в спальник «Маде ин Германия», угреюсь и – кум королю. Хорошо, когда такая древняя цивилизация Востока объединяется с такой технократической державой Запада, чтоб тебе комфортно отдыхалось. Хотя, если внимательно вдуматься, они всего лишь исполнители идей накопленных всем родом людским, сообща. Любая прибамбаса, даже самая продвинутая, даже от самой развитой державы – это общее достояние, в которое индейцы Амазонии тоже вносят лепту просто фактом своего существования. Только им, как и мне, приходится платить за эту общественную собственность всего человечества… А взять, хотя бы, тот же зиппер на входе – знаешь кто его изобрёл? Вот то-то же, и я не знаю. Только вряд ли какой-то правитель из династии Цинь, и точно уж не кайзер Вильгельм, даже если бороду сбреет…)

~ ~ ~

Сцена – это сложный механизм. Помимо системы блоков для манипуляций занавесом, кроме электрощита со множеством предохранителей, рубильников и кнопок меняющих степень и направленность освещения, вдруг замечаешь там, высоко над ней, хитросплетённую паутину металлоконструкций для подвески задника, декораций, ламп и боковых кулис.

Во время концертов мы не только стояли рядом с виртуозной Аидой и перламутром в её аккордеоне, не только трепались с Молдавско-Украинскими павлинами производства птицефабрики Балетная Студия в ожидании пока объявят их номер, нет, мы также исследовали таинственный мир закулисья. Любознательность помогла обнаружить вертикальную металлическую лесенку, чьи перекладины кончались по достижении короткого балкончика на высоте четырёх метров, откуда можно вскарабкаться на швеллеры под крышей и по ним перебраться на противоположную сторону сцены, где тоже есть такой же точно балкончик, но никакой лестницы для спуска с него, так что заворачивай оглобли и тарзань под крышею обратно, недальновидный Чунг!. Но – чу! Что может находиться там, за той дощатой перегородкой, что протянулась высоко над сценой от стены до стены? Ага! Так это наверняка чердак над залом!.

Так зародился и вызрел план бесплатного доступа к просмотру фильмов – с чердака на мостик, по лесенке на сцену, дождаться пока погаснет свет в зале, занырнул под экран, вынырнул на свободное место, сиди и смотри кино.

На первом этаже Клуба, рядом с комнатой художников, пожизненно распахнутая дверь выходила в закоулочную часть территории Завода, а рядом с ней начиналась добротная лестница с железными ступенями и перилами, вплотную прилегавшая к стене, для восхождения на самую крышу, где имелся лаз слухового окна на чердак. Всего-то и проблем – преодолеть дощатую перегородку между чердаком и сценой.

Куба почему-то на дело пойти не захотел, предоставил реализацию блестящего плана мне и Чепе. Вскоре, тёмным зимним вечером с порывистым сильным ветром, которому не хватало снега, чтоб обернуться бураном, прихватив топор из Чепиного сарая, мы проникли на территорию Завода путём карабканья через один из многих перелазов. Не мешкая и беспрепятственно, мы приблизились к тыльной части здания Клуба, поднялись на чердак и огляделись…

Посреди обширного пространства замечен был непонятный объект дискообразной формы, от двух до трёх метров в диаметре, высотой около метра от пола или на чём уж мы там стояли, имевший, при ближайшем рассмотрении, крышку, тоже металлическую типа как бы забыли кастрюльку на чердаке, а потом увеличили на 999 %. Отчасти сдвинув крышку, мы убедились, что внутри диск полый, а его круглое дно заметно глубже уровня нашего стояния снаружи. Частые узкие прорези в дне центростремительно исходили от его середины к краям, не затрагивая, впрочем, ни той, ни других в неопознанной «кастрюле». Местоположение объекта относительно остального чердака, совместно со смутно знакомыми очертаниями прорезей в его дне подвели к выводу, что это именно из него свисает в зал громадная люстра с висюльками мутно-молочного стекла. Догадка тут же подтвердилась длинными автоматными очередями вперемешку с разрывами гранат сквозь прорези—кино про войну по-братски пособляло нам в наших не совсем законных намерениях.

Нервно скачущий круг света карманного фонарика по утепляющему покрытию из шлака под крадущимися шагами наших ног, вскоре упёрся в широкие доски перегородки поперёк чердака. Дедуктивно определив наиболее вероятное местоположение балкончика по ту сторону толстых досок, мы начали расщеплять и рубить их с тем, чтобы произвести, посредством топора, достаточную дыру. Древесина оказалась довольно твёрдых пород, к тому же работа замедлялась затишьями в боевых действиях в подчердачном пространстве.

И только прорубив одну из досок насквозь, мы осознали, что упёрлись в дополнительную проблему – предполагавшаяся перегородка оказалась, фактически, двойной стеной, да, с обеих сторон дощатой, но с прослойкой из листового железа. Сэндвичная технология, которая в будущем приведёт к расцвету компании Макдональдс. Рубить сталь топором неправильно, что и стало причиной не позволившей нам заиметь свой личный лаз в

волшебный мир киноискусства. В старину строители дело своё знали туго...

Как оказалось, и довольно скоро, весь план с дырой в перегородке был вовсе ни к чему, потому что Раиса научила нас колоть Директора на контрамарки...

К шести часам вечера Павел Митрофанович находился уже, как правило, на взводе и, когда кто-нибудь из Детсекторианцев возникал у него в кабинете с челобитьем, Директор отрывал полоску от листа бумаги на своём столе и, посапывая через нос, чтобы держать перегар под контролем, писал неразборчивее, чем врач в аптеку, что, при расшифровке, складывалось в «промпустить 6 (шесть) челмвк» или другое количество желающих попасть на предстоящий сеанс. Внизу он добавлял охрененно расфигуряченную подпись в два раза длиннее предыдущей строки.

После того как Тётя Шура запускала в зал Поселковых киноманов и созерцание начальных титров начинало погружать их в предстоящие грёзы, мы подымались на второй этаж и отдавали контролёрше драгоценный клочок. Она отпирала заветную дверь на балкон и колючим оком сверяла наше количество с иероглифами контрамарки...

Директор Клуба сложения был короткого и плотного, но без брюха. Его слегка припухшее, а зачастую раскраснелое лицо вполне вписывалось в подобное сложение, как и сероватые волнистые волосы, которые он зачёсывал назад. Когда работники Клуба совместно с любителями из художественной самодеятельности готовили полный спектакль по пьесе Островского *На бойком месте*, Директор Клуба просто сделал прямой пробор на своём темени, смазал волосы вазелином и превратился в более натурального купца Царских времён, чем удавалось им тогда всем вместе взятым... Электрик Мурашковский расхаживал по сцене в роли Помещика в белой черкеске из костюмерной Тёти Тани и без конца прищёлкивал нагайкой, которую держал в своей клешне вместо платочка.

Даже Заведующая Детским Сектором, Элеонора Николаевна, участвовала в той полномасштабной постановке. Её должность в Клубе явно превышала должность Художественного Руководителя Детского Сектора, которую занимала Раиса, потому что Элеонора являлась в Клуб намного реже и Раиса ей подхихикивала, когда подворачивался случай. На свои визиты, да, впрочем и повсюду, Элеонора прибывала в ниточных серёжках с вкраплениями из блестящих камушков и в первозданно белой блузке с кружевным воротником. Общий аристократизм образа подчёркивался заторможено манерными движениями рук, что контрастировали с Плебейски энергической жестикуляцией Раисы.

Единственный случай, когда в ушах Элеоноры не болтались те её блёсточки-осколочки, произошёл на представлении одноактной пьесы, где она изображала коммунистку-подпольщицу пойманную белогвардейцами. Беляки заперли её в одной тюремной камере с блатной уголовницей из Одессы-Мамы, в исполнении Раисы, и Элеонора успела перевоспитать воровку за Советскую власть всего за один (и, к счастью, единственный) акт постановки, до того как Степан, Завхоз Клуба, и Руководитель Эстрадного Оркестра Аксёнов, оба в белых черкесках и балетных сапогах, увели её на расстрел.

Если Директор отсутствовал из своего кабинета, мне приходилось покупать билет, как простому смертному, из окошечка кассы в одном строю со списком фильмов и его запертой дверью. В какой-то из таких случаев, я вошёл в общий зрительный зал и уселся впереди пары девочек—Ларисы с Таней из моего класса—потому что хотя кассирша чиркала на билетах ряд и место, но кто там в него заглядывал помимо контролёрши Тёти Шуры?

Когда-то мне нравилась Таня (втайне), но показалась слишком недосягаемой, так что я тормознул и переключился на Ларису. После уроков я старался догнать её на Нежинской, по которой она ходила домой. Однако она всегда шла вместе с Таней, своей близкой подругой, ведь они соседки.

Когда Лариса участвовала в Детском секторе, я один раз даже проводил её по Профессийной до угла улицы Гоголя, а дальше она не разрешила провожать. В тот период Таня тоже приходила в Детсектор так что, фактически, по Профессийной мы шли втроём. Таня всю дорогу подгоняла Ларису идти быстрей, а потом разозлилась и ушла вперёд одна.

Мы вдвоём дошли и расстались на упомянутом углу и я пошёл по улице Гоголя восторженно вспоминая милый девичий смех Ларисы в ответ на мой пустопорожний трёп. Однако приблизившись к обледенелой водоразборной колонке под фонарным столбом на углу Нежинской я не смог сохранять этот душевный подъём далее из-за двух, контрастно чёрных на фоне белого снега, фигур, которые окликнули меня подойти.

Я опознал обоих, один парень из параллельного класса, а второй – десятиклассник Колесников из нашей же школы, они жили где-то на улице Маруты. Доверительно угрожающим тоном, Колесников начал мне втолковывать, что если я вообще хоть раз подойду ещё к Ларисе, и если он когда-нибудь услышит или ему скажут, что я посмел, тогда, короче, в общем, я понял чтó он мне за это сделает? И эти толки об общих понятиях он повторял по кругу, малость меняя очерёдность, а меня сковал страх, как нашкодившего пятиклашку, которому учитель орёт явиться завтра в школу с родителями, когда я почувствовал как что-то схватило меня за икру и треплет. Оглянувшись, я ожидал увидеть бродячую собаку, но там оказался совершенно пустой сугроб снега и больше ничего. Вот когда мне абсолютно полностью дошёл смысл выражения «поджилки трясутся».

Он снова спрашивал, понял ли я его, и я бормотал, что понял. Тогда он переспрашивал всё ли я понял из того, что он сказал, я мямлил, да, всё. Но я не смотрел им в лица, а думал, вот бы Дядя Толик, бывший чемпион области по штанге в полутяжёлом весе пришёл сейчас к колонке за водой… Нет, он так и не пришёл. В тот день я натаскал домой достаточно воды…

И вот теперь в публичном месте, пред лицом довольно переполненного зала, я уселся перед двумя девочками, своими одноклассницами, хотя целиком сознавал неосмотрительность подобного поведения, но поступить иначе никак, почему-то, не мог. Я обернулся к ним в попытке завести разговор сквозь общий предсеансовый галдёж и гам. Однако Лариса хранила упорное молчание и смотрела в сторону, и только Таня отвечала, довольно односложно, прежде чем Лариса обратилась ко мне напрямую: —«Не бегай за мной, а то ребята меня тобою дразнят».

Я не нашёлся что ответить, лишь молча встал и направился к глухой боковой стене под балконом, чтобы зашагать к выходу, унося в груди осколки своего разбитого сердца.

Когда я достиг последних рядов зала, моя чёрная печаль и вовсе обернулась мраком—свет погас для начала сеанса. Чтоб дать глазам свыкнуться с темнотой и не спотыкаться, я опустился на крайнее в ряду сиденье и забыл страдать дальше – ведь шли титры голливудского вестерна *Винниту, Вождь Аппачей!*.

~ ~ ~

В № 19 по улице Нежинской старика Дузенко уже не было и его четверть хаты населяли теперь две старухи – его вдова и её сестра, приехавшая из села. И в полхате Игната Пилюты осталась лишь его вдова, Пилютиха. Она и носа не показывала из своего логова и ставни окон смотревших на Нежинскую неделями не открывались. Конечно, ей приходилось ходить на Базар, в Нежинский магазин, но мои и её тропы никогда не пересекались…

В феврале Бабу Катю вдруг отвезли в больницу. Наверное, только для меня с моей жизнью разбитой между школой, Клубом, книгами и телеком, это случилось вдруг. Когда стараешься поспеть повсюду, не замечаешь что творится у тебя под носом.

Приходя из школы, я звякал клямкой калитки и взбегал на две ступеньки нашего крылечка, мимо окна Пилютихи, где она стояла в профиль, концы наброшенного на голову, но не завязанного платка

свисали чёрным клобуком на черноту остального прикида, рука с угрозой вскинута к стене между её и нашей кухнями. Дома я ронял папку со школьными тетрадями в расселину между раскладным диваном-кроватью и тумбочкой под телевизором и возвращался на кухню пообедать с моими братом-сестрой, если они ещё не ели. Мать и Тётя Люда готовили отдельно для своих семей и Баба Катя ела сготовленное её младшей дочерью вместе со своими младшими внуками, Ирочкой и Валериком, за единственным кухонным столом под стеной между нашей и Дузенкиной частями хаты.

В дневное время по телевизору показывали лишь заставку с застывшим кругом и квадратиками для настройки изображения кручением мелких ручек на задней стенке ящика телевизора. Если круг не кругл, то и лицо диктора сплющится, будто ему Москву долго показывали или наоборот как бы слон на темечко наступил. Поэтому, до начала вещания Всесоюзного Телевидения в пять часов, телевизор не включали и обед протекал под невнятный речитатив Пилютихи за стеной, где временами бубнёж накручивался до воплей, не разобрать о чём.

Потом я уходил в Клуб и, возвращаясь, снова видел Пилютиху, уже в подсветке лампочкой из дальней комнаты, потому что на кухне свет она никогда не включала в своём чёрном противостоянии с ненавистной стеной. Когда все четыре родителя возвращались с работы, Пилютиха добавляла громкости, на что отец обычно морщился и говорил: —«Вот же Геббельс, опять завела свою шарманку!»

Однажды Дядя Толик приставил большую чайную чашку к стене – послушать о чём она там каркает. Я тоже разок прижался ухом к донышку, бубнёж приблизился и звучал уже не за стеной, а внутри белой чашки, но всё так же не поймёшь что. Мать советовала не обращать внимания на полоумную старуху, а Тётя Люда пояснила, что это она нас всех проклинает через стену. Тётка обернулась ко всё той же стене, но с нашей стороны, и раздельно выговорила: —«А чтоб это вот всё тебе же за пазуху».

Не знаю, была ли Пилютиха и впрямь полоумной. Как-то же умудрялась жить одна. В конце войны дочка покинула Конотоп безвозвратно, на всякий, чтоб не прижучили за вольное обращение с офицерами штаба Немецкой роты расквартированными в хате её родителей. Сын Пилютихи, Григорий, получил свои десять лет за какое-то убийство. Муж умер, телевизора нет. Может потому и проклинала, чтобы не ополоуметь…

Баба Катя насчёт Пилютихи ничего не говорила, а только виновато улыбалась. Случались дни, когда она постанывала, но не громче, чем речи Геббельса приглушённые стеной… и вдруг приехала скорая и её увезли в больницу.

Спустя три дня, Бабу Катю привезли обратно и положили на обтянутую дерматином пружинную кушетку, которую отец собрал из остатков прибывшего с Объекта чересчур крупного дивана, и та вписалась под окном кухни, напротив плиты-печки.

Баба Катя никого не узнавала и ни с кем не разговаривала, а только стонала, протяжно и громко. Вечером две наши семьи собрались перед телевизором и закрыли дверь на кухню, чтобы не слышать её стоны и тяжёлый запах. Архипенки перенесли их постели в комнату и она превратилась в спальню на девятерых.

На следующий день опять вызывали «скорую», но её не увезли, а только сделали укол. Баба Катя ненадолго затихла, но вскоре снова начала метаться лёжа на кушетке с одним и тем же криком «А, божечки! А, пробі!» Через пару лет я догадался, что «пробі» это Украинское сокращение от «прости, Боже».

Умирала Баба Катя трое суток.

Наши семьи ютились по соседям – Архипенки в № 15, а мы в № 21, на половине Ивана Крипака. Пожилые соседи давали родителям невразумительные советы типа как бы сломать порог нашей хаты, или какую-нибудь из половиц внутри. Самое практичное предложение поступило от жены Ивана Крипака, Тёти Тамары. Она сказала, что кушетка с Бабой Катей стоит под

полуоткрытой форточкой над головой и свежий воздух продлевает её муки.

В тот же вечер, мать и Тётя Люда заглянули в нашу хату прихватить ещё одеял, потом они выключили свет и вышли на крыльцо. Там Тётя Люда подошла к кухонному окну и плотно придавила форточку. Потом она украдкой ступила вниз, где стояли моя мать и я, с одеялами. На лице тётки плавала улыбка напроказившей девочки или так уж мне показалось в закутке между верандами, куда луна ещё не начала светить… Наутро мать разбудила нас троих спавших на полу гостиной хаты Крипаков известием о смерти Бабы Кати.

Похороны состоялись на следующий день, я не хотел идти, но мать сказала, что я должен. Меня жёг стыд. Мне казалось все знают, что Бабу Катю удушили её же дочери. Поэтому я распустил уши моей кроличьей шапки-ушанки и надвинул её на глаза. Так и шёл всю дорогу от хаты до кладбища, опустив повинную голову и глядя на пятки шагающие впереди. А может никто и не догадался, что это я от стыда такой, а не от резкого ветра, который хлестал меня по щекам ледяной крупой снега.

На кладбище, когда возле невысокой кучи из комков мёрзлой земли и грязного снега трубы взвыли в последний раз, все дети Бабы Кати разрыдались, и мать, и Тётя Люда и даже Дядя Вадя.

(…живя всё дальше и дальше, мы становимся необратимо черствее, придёт день и я обернусь бесчувственным железным сухарём из котомки скиталицы, что бродила, искала, ну где же, где пропал он, Финист Ясный Сокол…)

Новость о смерти Юрия Гагарина потрясла нас, хотя не так пронзительно, как смерть Владимира Комарова за одиннадцать месяцев до него – черствея дальше, мы уже научились, что космонавты тоже смертны.

Диктор Телевидения, опустив глаза на листок с текстом, прочёл, что выполняя тренировочный полёт на реактивном самолёте, Гагарин и его напарник Серёгин разбились при заходе на посадку.

Потом он поднял взгляд к толстым линзам своих очков и объявил Всесоюзный траур.

Если человек упорно смотрит вниз на лист бумаги, это ещё не значит, будто он отводит глаза скрывая стыд, просто у него работа такая, иначе откуда бы мы узнавали новости? Конечно, остаются ещё слухи, но они приходят невесть откуда и неизвестно можно ли им верить, ведь у слухов нет ни дат, ни очевидцев.

Незадолго до смерти Гагарина, в разговорах взрослых я слыхал, что в общем-то, не такой уж он и герой, потому что слишком загордился и зазнался, да ещё и жене изменяет. Вон тот широкий шрам у него на брови – сигал с балкона любовницы на втором этаже.

(…но кому нужны сегодня слухи с истёкшим сроком давности? А хоть даже и факты? Для моего сына Ашота, а значит, и для всего его поколения, Гагарин всего лишь имя из учебника истории, как для меня, скажем, Маршал Тухачевский.

Облетел Землю? Ну молодец. – Расстреляли? Да, жалко.

Однако для меня Гагарин не учебник, а часть моей собственной жизни, и пока я жив, мне важно знать что же в ней случилось, как и почему, а при таком раскладе попробуй не полюбить поисковые системы Интернета. До него, источниками информации служили радио-голоса глушимые 24/7 треском статики и воем помех либо повествования старых зэков, которым зэки предыдущих поколений передавали услышанные от очевидцев детали смерти Савинкова или поставок секс-рабынь для Берии. Первые оказывались слишком неразборчивыми, как проклятия Пилютихи внутри чашки притиснутой к стене, вторые, из-за отсутствия точной датировки и ссылок на первоисточники, смахивали на мифы. Тем не менее, ещё до расцвета несравненного Netscape, мне удалось установить, что отношение Гагарина к старшим по званию

стало недопустимо заносчивым после того, как космонавт Комаров вернулся на Земли в виде обугленной головешки...

Владимир Комаров знал, что из полёта живым он не вернётся, потому что его дублёр, Юрий Гагарин, при проверке технического состояния космического корабля Восход (первый из серии этого типа), обнаружил двести неисправностей, которые изложил в рапорте на десяти страницах. Он подал рапорт старшему командованию для передачи Леониду Брежневу, который являлся тогда главой СССР (официально: Председатель

Политбюро ЦК КПСС—читай: пахан в лагере стран победившего социализма). Командиры рапорту не дали хода, а придержали, зная, что пахан никак не позволит перенести дату запуска, иначе Американцы обгонят нас в освоении космоса.

Комаров мог отказаться идти на явную смерть, но тогда в обречённый корабль загрузили бы его дублёра и личного друга – Юрия Гагарина. В роковое утро Гагарин появился на стартовой площадке одетый в полётный скафандр и потребовал запустить его вместо Комарова, но его не послушали...

После захоронения останков Комарова в Кремлёвской стене рядом с прахом Маршала Малиновского, поведение Гагарина стало крайне вызывающим и бесконтрольным. По неподтверждённым слухам, на каком-то из правительственных банкетов Юрий Гагарин плеснул стакан водки в лицо Брежневу.

Американцы исключают возможность подобного инцидента не из-за отсутствия сообразительности, что простительно смешанной нации берущей корни от простофиль не приспособившихся к выживанию среди населения по месту их рождения, но из-за несхожести грамматик. В Русском языке слова «мать» и «смерть» принадлежат к разряду одного грамматического рода, и для Русского мужика между ними, сознательно или бессознательно, есть нечто общее. Ну как ты переведёшь на Американский язык слово «Смертушка», если у

них есть только лишь «Мистер Смерть»? Не всё укладывается в голове, если нутром не чувствуешь... И уже в виде побочного эффекта, суют под ремень противотанковую мину и, с криком «Мама, роди меня обратно!», бросаются под гусеницы наползающего танка... А потом иди, ломай голову над загадкой Русской души. Но психология тут ни при чём: всё дело в грамматике...

Неуправляемого Гагарина не получалось отчислить из Отряда Космонавтов – он уже принадлежал всей Планете. Продолжал посещать занятия, совершал тренировочные вылеты на реактивных самолётах. Понимал ли, что обратный отсчёт к его ликвидации уже тикает? Мне кажется, да, понимал. В космонавты отбирали не только за физическую, но и умственную пригодность. Не знал он лишь когда, и где...

27 марта, 1968 года, Юрий Гагарин был убит в самолёте разбившемся возле деревни Новоселово, Киржачского района, Владимирской области.

Утро было туманное, тренировочный полёт на самолёте МИГ закончен, до аэродрома оставалась пара минут лёту на высоте в пятьсот метров, когда из низких облаков свалился реактивный СУ, который по планам полётов на это утро должен был находиться на высоте четырнадцати километров в совершенно другом квадрате. Управляемый опытным лётчиком-испытателем, огромный, по сравнению с тренировочным МИГом, СУ пронёсся слишком близко к заходившему на посадку самолёту. Захваченный турбулентностью, МИГ завертелся, как щепка в буруне, вошёл в штопор и рухнул в лес. Звук взрыва донёсся до аэродрома.

Имеющий уши, да услышит... Фадеев – Хрущёв, Гагарин – Брежнев.

Имеющий смысл, да уразумеет...

И снова меня занесло, и в историю моей жизни набрели посторонние лица, с которыми я в жизни не встречался и

только недавно начал понимать, что они часть её.

Ну и хватит скорбеть о запоздалой мудрости, вернусь-ка в двадцатый век, год 68-й, когда мне четырнадцать лет и...)

...и попробуй тут не разозлиться на этих Чехов – клюнули, блин, на подрывную пропаганду ЦРУ и начали раздувать контрреволюцию в лагере братских стран социализма! А до чего бесчеловечно они загородили дорогу нашему танку детскими колясками! Конечно же, водитель свернул на полном ходу, на всякий – вдруг внутри дети, танк упал с моста и наш солдат погиб. Распространила Программа «Время» Центрального Телевидения СССР.

Потом, конечно, коммунистическая партия Чехословакии навела порядок в своей стране при помощи военных контингентов из братских стран, и мы снова стали жить дальше, в хорошо сплочённом лагере социализма...

Между прочим, Конотоп в то время намного превосходил большие города в области телевидения, потому что в наших телевизорах работали два канала. Первый показывал Центральное Телевидение, которое транслировало программу «Время» и главную развлекательную новогоднюю передачу Голубой Огонёк, а также поединки команд в Клубе Весёлых и Находчивых, он же КВН, не говоря уж про хоккей. На втором канале работала Конотопская Телестудия, которая включалась лишь по вечерам, когда люди придут с работы, зато показывала больше фильмов, чем Центральное Телевидение.

Телеприёмники в те годы были чёрно-белые, а цветные лишь эпизодически промелькивали в цветных кинофильмах из-за рубежа, так что на экран нашего отец натянул лист слюды – прозрачная, но с оттенками, чтобы придавала небу голубизны, траве зеленоватости и так далее. Поговаривали, будто через эту слюду в лицах дикторов появлялось больше телесного цвета, чем без неё. Я таких тонкостей различить не мог, хоть вроде и не дальтоник.

Слюда эта вошла в моду по всему Конотопу и Дядя Толик привёз один лист для нашего телека из Ремонтной Базы, она же РемБаза, где работал фрезеровщиком. РемБаза занималась ремонтом вертолётов, так что там должны разбираться в передовых технологиях насчёт слюды и всякое такое…

Для переключения каналов приходилось проворачивать, по направлению часовой стрелки или в обратную сторону, это без разницы, самую крупную из ручек под экраном, она в ответ громко щёлкала и перескакивала на следующий из четырнадцати каналов. Однако днём, как Центральное Телевидение, так и Конотопская Телестудия показывали один и тот же немой и неподвижный круг для настройки, а на перещёлк за пределы этих двух каналов телеприёмник реагировал невыносимо шипящим шумом и скачками нестерпимо белых полос по крупнозернистому серому «снегу».

И (опять-таки возвращаясь к доступным двум каналам) каждый день, ровно в 3 часа, кто-то из технических работников Конотопской Телестудии включал музыку минут на тридцать – *Ноктюрн* Таривердиева, песни в исполнении Ободзинского и Ларисы Мондрус на фоне всё того же неизменного круга настройки. Мы—Саша, Наташа и я—непременно включали телек в это время, чтобы в хате звучала музыка, хотя магнитофонная запись почти не менялась и мы уже на память знали кто за кем и что будет петь…

Плюс к тому, Конотоп наводнили независимые радиостанции, что выходили в эфир в диапазоне средних волн. Тут тебе и «Король Кладбища», и «Каравелла» или как там ещё вздумает назваться продвинутый хлопец. Общим недостатком всех независимых была их нерегулярность. Ты понятия не имел, когда нужно включать радиоприёмник, чтоб услышать: —«Привет всем, в эфире радиостанция „Шкет". Кто меня слышит, подтвердите…» И дальше он врубал хриплоголосого Высоцкого про Стрельца, который Царя опозорил, и что мы прём на звездолёте, а у дельфина вспорото брюхо винтом…

В какой-то момент, в трансляцию ввяжется станция «Нинуля» и начнёт доказывать «Шкету», что тот сел на чужой кусок волны и что «Нинуля» уже целую неделю выходит именно в этом отрезке диапазона. Мало-помалу они начнут переходить на личности:

– Шо ты ото возбухаешь? Я ж тебя в *Городе* заловлю, пилюле́й навешаю.

– Шмакодявка! На кого бочку катишь? Давно в чужих руках не усцыкался?

– Поварнякай ото, так допросишься.

– Закрой поддувало!

Но всё это корректно, без употребления ненормативной лексики, потому что тогда и слов таких не знали, а просто крыли матом, но не по радио, а вживую.

Отец говорил, что даже наш приёмник-радиолу можно в два счёта переделать в такую радиостанцию, только нужен микрофон. Однако на наши с Чепой умильно льстивые уговоры превратить её поскорее, а микрофон мы враз достанем, он отвечал отказом, ведь это радиохулиганство, а по городу ездят спецмашины и пеленгуют таких подпольных хулиганов и—трах-бац! – штраф с конфискацией всей радиоаппаратуры в хате, вплоть до телевизора. Оно нам надо без телека остаться, а?

Иногда всё те же хулиганы вместо желанного Высоцкого затевали нудные переговоры о том у кого какой есть конденсатор и на какие диоды он согласен его променять. Наконец, назначали друг другу взаимовыгодную встречу на Миру́.

– А как я тебя узна́ю?

– А нияк, я тебя знаю, сам подойду.

Вот и приходилось снова включать настроечный круг со всё тем же, сто раз слышанным Ободзинским, который всегда там.

~ ~ ~

Мир в Конотопе как, наверное, уже говорилось – это площадь перед кинотеатром «Мир», в конце Проспекта Мира.

Площадь Мира, перед одноимённым кинотеатром, окружала загородка из длинных параллелепипедов жилых пятиэтажек. В центре её имелось широкое круговое углубление с бортиками из гранита и железными трубами на дне. Фонтан включался раз в два года, взметнуть брандспойтно белую струю на полчасика.

Асфальтные дорожки под тёмной зеленью линейно взращённых Каштанов, брали начало от широких ступеней фасада Кинотеатра Мир и расходились к дальним углам Площади отделённым от Проспекта параллельными ему рельсами трамвайного пути, тротуаром и рядом Каштанов, которые выжили. Газоны запущенной травы под каштанами пересекались парой-другой самовольных тропинок, которые нарушали стройный замысел первоначальной планировки, но сокращали путь между аллеями, за что их хорошо утоптали. В каждой аллее под сенью деревьев прохлаждались две длинные скамьи тёмно-зелёной окраски и ещё пара той же породы паслись на незатенённом асфальте вокруг ненавязчиво усохшего фонтана.

Тёплыми вечерами Площадь превращалась в место… – что? променада? Ха! В Конотопе умеют называть вещи своими именами и поэтому: тёплыми вечерами Площадь превращалась в место «блядохода». Густые волны променадников неторопливо прохаживались по аллеям. Кругами. Не покидая Площади. Они рассматривали лица и одежду на публике циркулирующей в противоположном направлении и на тех, кому повезло с местом на скамьях.

В своём равномерном течении, они шелестели. Мягкий шелест неспешным шагам придавал тёмный слой—густеющий вокруг скамеек, но и в прочих местах неслабый—потому что как блядоходцы, так и сидячие наблюдатели сосредоточенно, споро и неустанно грызли семечки, сплёвывая чёрную несъедобную шелуху себе под ноги…

Иногда после фильма и я вливался в попутные струи до угла, за которым остановка трамвая. Случалось такое не часто, потому что от

одной серии *Фантомаса* до следующей приходилось ждать по полгода.

В дневное время скамьи, в основном, пустовали, хотя один раз меня с Кубой подозвали пара жлобов лениво откинувшихся на спинку. Они потребовали отдать им копейки. Куба тут же начал божиться, что у нас такого добра нет и близко, а я предложил им: —«Сколько выпадет – всё тебе!», и вывернул карман штанов, ещё и прихлопнул по свесившемуся мешочку. Это был левый карман, потому что правый беспокоить не стоило с его десятью копейками на трамвай.

Жлобяра в тёмных очках оглянулся по сторонам и пригрозил избить меня, но со скамьи не встал. Его лень мы истолковали как разрешение проваливать и пошли дальше. Куба читал мне яростную проповедь за наглость, с которой я нарываюсь схлопотать по моей тупой морде…

Наверное, он был прав, а я не подумал, в порыве сделать изысканный жест – выдерг пустого кармана… Что выручило? Наверно, жлоб решил, что я под крышей блатных с авторитетом, а ещё с чего бы мог я так внаглую борзеть?.

– Явление Сергея Огольцова из Конотопа! – объявила Раиса, когда мы с Чепой ступили через порог в Детский сектор. Заметив, что я не понял юмора, она протянула журнал *Пионер* раскрытый на странице, где внизу, чётким чёрным шрифтом, стояло «Сергей Огольцов, город Конотоп».

Я уже и думать забыл про две тетрадные странички, где вёл беседу с болтливым гномиком, который примерещился задремавшему мне. Полгода прошло, как я отправил их на конкурс фантастических рассказов. А тут – хватит дрыхнуть, проснись, нас обокрали!

Журнальные страницы источали сладостный запах свежей типографской краски, от которого медленно закружилась голова. Ноги мои как бы ослабели и я ощутил мягкий удар в затылок, но почему-то изнутри. Осторожно, опустился я в среднее сиденье

обшарпанного тандема-на-троих, возле балетного поручня под окном и прочёл публикацию, где из того, что я посылал на конкурс, остались лишь рожки да ножки.

Да, гном всё ещё сидел верхом на авторучке, но трепался про какого-то кинорежиссёра Птушко, неведомого мне ни сном ни духом. Однако ни в Детском секторе, ни дома я даже и не заикнулся, что моего в рассказе – гном да ручка, потому что не каждый день твоё произведение печатают в толстом журнале…

Летом мать потолстела и отец, с каким-то смущённым хмыком, спросил нас—их троих детей—что если нам завести ещё одного братика, а? Дали бы ему хорошее имя типа Алёшки. Ну, как?

Наташа сморщила свой нос и только фыркнула, Сашка тоже отмолчался, а я пожал плечами и спросил: —«Зачем?»

Предложенное прибавление в состав семьи казалось лишним не угрозой ухудшения условий жизни, но из-за вопиющей возрастной разницы между младенцем на повестке дня и предстоящими родителями. Так что отец убрал со своего лица заискивающую ухмылку и больше эту тему не затрагивал.

Через пару недель я случайно услыхал разговор матери с Тётей Людой: —«Я приняла таблетку, а тут ещё в ларёк бочки с пивом завезли, их тоже покатала и – всё». Так количественный состав семьи не изменился, но мать так и осталась толстой навсегда…

Её ларёк—будка из листового железа под жестяной крышей—был выгодно расположен на главной, заасфальтированной аллее Городского Парка Отдыха напротив Площади Мира. Висячий замок с задней двери заносился внутрь, поднималась остеклённая фрамуга окошка над торчащим снаружи прилавком и – ларёк готов к торговле в тени могучих Тополей…

Помимо разливного пива из крана внутри ларька, который мать соединяла толстым шлангом с бочками из потемневших пород дерева, одну за другой, в перечень ассортимента входили пачки печенья по 200 и 400 грамм, пара разновидностей развесных конфет-карамелек, табачные изделия, бутылочное ситро и вино в

бутылках – Украинское фруктово-ягодное «Біле Міцне», тёмно-красное Грузинское «Ркацетели» и ещё какое-то, непонятной национальности, по имени «Рислинг», которое никто никогда не брал. «Белое Крепкое» не застаивалось и расходилось как горячие как бы пирожки, всё благодаря цене – 1 руб. 02 коп. вместе с тарой, которую потом ещё можно сдать за 12 коп. Сигареты-папиросы тоже шли неплохо, но основным двигателем торговли являлось разливное пиво. Когда случался перебой и бочки с пивом долго не завозили с торговой базы ОРСа, он же Отдел Рабочего Снабжения, мать начинала вздыхать и жаловаться заранее, что и в этом месяце торговый план её ларьком не выполнится и получку ей опять срежут.

Жизнь моя катилась своими маршрутами, которые редко пересекались с Городским Парком Отдыха, хотя мои брат-сестра иногда хвастались, что выпили в ларьке у мамы бесплатного ситра. Но случился один день, который я отбыл в том ларьке от звонка до звонка, из-за Советского разведчика Александра Белова под псевдонимом Иоганн Вайс…

В те бездонно минувшие времена подписаться на журнал *Роман-Газета*не представлялось возможным. Этот ежемесячник оправдывал своё имя рыхлой газетной бумагой и текстом в две колонки на страницу, но толщиной не уступал журналам *Пионер*, или *Юность*. И хотя в отделениях почты в списках подписной периодики *Роман-Газета* не значился, его всё ещё удавалось обнаружить на полках библиотек или одолжить у счастливого обладателя, который в свою очередь, выклянчил его у предыдущего счастливчика… Если какой-то роман оказывался слишком длинным для одного номера, его продолжение допечатывалось в следующем. Иногда, игнорируя название журнала, в нём помещали рассказы, или даже (крайне редко) стихи, по паре авторов на номер.

И вот, прослышав, что *Роман-Газета* недавно напечатал *Щит и Меч* Вадима Кожевникова, я рванул в библиотеку Клуба, где мне сказали, что все три номера с романом уже выдан кому-то на руки и

у них составлен список желающих получить шедевр в порядке очереди.

Есессна, когда мать помянула, между прочим, что кто-то из её коллег дал ей все номера эпической шпионской саги, мои привычные маршруты выдрались из своих наезженных мест—с неслышным слуху тектоническим содроганием—развернулись, пересобрались и шмякнулись (опять-таки неслышно) до середины Городского Парка Отдыха, под стволы Тополей затенявших асфальт центральной аллеи вокруг стандартной будки торгового ларька, куда я и прибыл на следующее утро чуть ли не раньше его открытия.

Первый номер я прочёл в ларьке, сидя на жёстком проволочном ящике для пустых бутылок, пока не поумнел настолько, чтоб выдвинуться на ближайшую скамью снаружи, откуда возвращался лишь для смены номеров и посидеть за мать, пока она ходила в туалет парка, когда я что-то там ещё и продал.

К концу роман-газетного дня я целиком прожил карьеру Советского разведчика, он же Иоганн Вайс, от рядового Германского Вермахта до офицера по спецзаданиям в Германской разведывательной службе Абвера.

Торговля в тот день двигалась вяло, потому что пиво в ларьке уже два дня как закончилось и пустые бочки толпились снаружи вокруг задней двери. Однако с наступление сумерек, когда я вернулся в будку добивать последний номер под светом тусклой лампочки висевшей с потолка—в самом конце Второй Мировой войны—наплыв покупателей начал возрастать.

Ну вот!. И рухнувший Третий Рейх был аккуратно сложен в стопку с остальными номерами на ящик с пустой стеклотарой у двери. Я обернулся и увидел толпу рук вскинутых в Нацистском приветствии над прилавком, с мятыми рублёвками и пригоршнями копеек.

Мать обернулась ко мне и, в утешение, сказала: —«Подожди немного, я закрываюсь через полчаса, домой поедем вместе».

Я откинулся до упора спиной в железный занавес двери, чтоб не мешаться в её снование по ларьку за тем и этим… Объявленные

полчаса минули, но хоровод у прилавка не утихал.

– Мамаша! Две бутылки «Биомицина» и печенье, маленькую!

– Тётя! Тётя! Пачку «Примы»!

– Сестричка! Бутылку «Крепкой Блондинки»!

– Белое кончилось.

– А шо ото в том ящике?

– Это Ркацители, по рубль 37.

– А, да хрен с ним! Шобы дома не трандели, будем пить Рыкацытели!

Наконец, Грузинское тоже кончилось, толпа рассосалась. Мать опустила фрамугу окошка, но пришлось поднимать опять – под жёлтым светом фонарей аллеи примчался рысью опоздавший и—с горя, что всё кончилось—купил бутылку непонятного дорогого «Рислинга» за один рубль 78 копеек, пусть и на 30 минут позже времени установленного для торговли спиртным.

Когда мать заперла ларёк и мы топали на остановку трамвая, я спросил, каждый ли день у неё тут такой дурдом.

– Нет, Серёжа. Просто сегодня воскресенье.

~ ~ ~

И снова лето и Кандыбино ждёт нас, но теперь, кроме плавок и бутерброда с плавленным сырком, туда нужна колода карт.

– Чей ход?

– Да, твой же!

– Без балды?

– Разуй глаза! Чепа ж сдавал!

– Вот это хлопец! Знает, что труд сделал из Обезьяны Человека! Пара вальтов ленивому Кубе…

– И тот же труд сделал из Человека Ломовую Лошадь! Дама и туз по масти…

– У меня нет, ходи давай.

– Ходют тут всякие, а потом плавки пропадают…

На каждом пляжном одеяле между смородинных кустов – жаркие баталии в Подкидного Дурака под музыку из портативных радиоприёмников. Самый завидный это, конечно, «Спидола» собранный на Рижском радиозаводе, лицевая сторона размером с тетрадку, а сам чуть толще кирпича. Вся телескопическая антенна приёмника упрятана в пластмассу корпуса, снаружи лишь кнопочка-макушка самой тонкой секции. Тянешь за неё и получается удочка для ловли станций на коротких волна. Длинные и средние и без антенны ловятся.

Но фиг ты что поймаешь на коротких. Половина диапазона тонет в шипении, вое и треске, потому что Наши глушат все те «голоса» на службе у ЦРУ—*Голос Америки, Радио Свободы, Русскую Службу Би-Би-Си,* и такое прочее—невыносимым радиошумом. Так что, на пляже все приёмники настроены на одну и ту же Всесоюзную Радиостанцию «Маяк», которая передаёт сигналы точного времени, краткую сводку новостей, а дальше поливает концертами по заявкам радиослушателей…

Но на Кандыбино одному лучше не потыкаться, и не только, что в Подкидного не с кем, а из соображений личной безопасности тоже. Один раз я не послушал совета Кубы с Чепой и переплыл на низкую дамбу рыбных озёр. На берегу торчали хлопцы моего возраста, один из них спросил на Украинском: —«Пеку бачив?»

– А Пека кто? – переспросил я в удивлении и—а шоб панимал— удар в челюсть. Они все разом поныряли и уплыли прочь. Не то, чтоб больно, но обидно, такая падлянка ни за что. Наверно, Загребельские… Но я-то им что сделал?

(…в те безвозвратно канувшие времена—не дотянуться, не дозваться, не искупить—я не ведал ещё, что все мои горести, радости и всякое такое прочее, исходят от той недосягаемой сволочи в непостижимо далёком будущем, которая растянулась сейчас на моей спине и слагает вот это письмо, в одноместной

палатке, посреди тёмного леса на краю света, под неумолчный плеск реки, которую нынче кличут Варанда...)

Кандыбино не было единственным местом для купания. Случались моменты, когда на травянистых берегах большой заполненной водою балки в поле за Посёлком не хватало места для всех желающих, что съезжались трамваем аж из *Города* и пёрли ещё километр до неё, не поймёшь с чего.

А пару раз наша дружная троица сгоняла на великах на реку Езуч, и это уже совсем другая окраина города.

Сонное течение дремлет в тени толстых Верб, медленное до почти незаметности. И там довольно глубоко, в одном месте даже вышка стоит для прыжков в воду. Сварена из железных труб на три уровня – 1, 3 и 5 метров.

Мы по лесенке забрались на трёхметровый, сначала страшновато прыгать, хоть даже и «бомбочкой». Потом поднялись на доски пятиметрового. Посмотрели на воду—до того далеко внизу—и тихо-молча слезли пониже. Даже Куба...

А когда мы уже уезжали, какой-то мужик красиво так прыгнул с верхнего, «ласточкой». Единственный недостаток Езуча, что там пляжников ни души, кроме нас и того одиночного ныряльщика.

Но, конечно, самое популярное место летнего отдыха Конотопчан это песчаный пляж Залива на Сейму. Всего две остановки электричкой от Вокзала и там ещё с километр пройти через Берёзовую рощу и Сосновник. Однако, в то лето я туда не ездил. И не потому, что цена билета до платформы Присеймовье 20 коп., нет, туда по полвагона «зайцами» едут, столько всех понабивается, что кондуктора не успевают протиснуться через все за десять минут. И уж тем более не из-за ежелетней жатвы утопленников на Сейму—в основном подростки, а потом толпа в полгорода на похоронах. Нет, уж со мной такое не может случиться.

Причина в том, что на Сейм все отправлялись по выходным, как раз в те дни, когда у нас с Дядей Толиком рыбалка. Хотя пару раз

заскакивали на Залив, ну так, проездом, с удочками и спиннингом принайтованными к багажнику «Явы»... Один раз даже с ночёвкой, недалеко от Пляжа на Заливе. Это когда брат Дяди Толика из областного центра, города Сумы, приехал свататься к Тёте Наташе из № 15 на Нежинской, где Архипенки пережидали пока умрёт Баба Катя.

Витя не лысый как его старший брат, Дядя Толик. Нет, у Вити все волосы на месте – светло-русые, зачёсаны торчком назад, как у стиляг конца пятидесятых. Ему уже за тридцать, так и Тётя Наташа из № 15 тоже уже не девочка. С другой стороны, вся хата № 15 и большой огород безраздельно принадлежит ей с её родителями.

В ту субботу Дядя Толик и я приехали к месту ночёвки с нашим неразлучным снаряжением, потому что утром нам дальше ехать вдоль берегов Сейма. Но на условленное место Москвич Тёти Наташиного отца ещё не приехал с остальными ночёвщиками.

Чтобы скоротать время, мы с Дядей Толиком поехали в пионерлагерь в Сосновом лесу, за полкилометра от Сейма. Ну и пока Дядя Толик сгонял ещё куда-то—«тут в одно место, не далеко»—я посмотрел кино в лагерном кинотеатре под открытым небом, а Сосны вместо стен. *Миллион Лет До Нашей Эры* называется. Класс. Там Тумака изгнали из племени брюнетов, а другое племя, блондины, его приняли, потому что он насадил на кол динозавра и тем самым спас ребёнка, тоже блондина. Кино кончилось, тут и Дядя Толик подъехал предупредить, что, если что, так мы его вместе смотрели.

Подъезжаем в назначенное место, а там отец Тёти Наташи уже привёз её и Тётю Люду с Ирочкой, и жениха Витю с ещё одним, самым младшим братом Дяди Толика. Они даже успели палатку поставить, за которой смутным пятном белел Москвич в отблесках костра перед палаткой.

В ночном небе звёзд насыпало больше, чем черноты. Я спустился на песчаную косу под крутым берегом и потрогал тихо струящуюся воду. До того тёплая, что не удержался и вошёл в реку. Нырять я не

стал, а просто бродил, туда-сюда, по гладкому песчаному дну, что повторяло изгиб берега.

Скоро Витя и его невеста тоже спустились. Он захотел искупаться, хотя она уговаривала, что не надо, а я вернулся обсохнуть у костра, вокруг которого была уже сплошная ночь. Потом я подполз к краю высокого берега и посмотрел вниз. На фоне звёзд переливающихся в течении реки, два силуэта целовались, так романтично…

Наверное, моя голова тоже силуэтилась на фоне звёзд, потому что Витя крикнул «падла!» и махнул рукой. Невидимая в темноте галька ударила меня в лоб. Я крикнул: —«Мимо!»—и откатился от края. Врал, конечно, если бы мимо, то так больно не было бы.

Когда романтическая пара вернулась к костру, Витя спросил у меня – «Знаешь, что такое “напальчики”?» Я ответил, что не знаю и он сказал мне встать во весь рост и, когда я послушался, он упёр свой кулак мне в подбородок и резким толчком опрокинул на землю.

– Вот что такое «напальчики», – сказал он.

Лёжа навзничь у костра, я сказал: —«Витя, у моего друга Куба есть поговорка – *врач на больных не обижается*». – Но всё равно обидно было.

Женщины с Ирочкой провели ночь в машине, а все остальные в палатке. Утром я и Дядя Толик поехали удить по берегам, но улов совсем никудышный вышел – кот наплакал.

Больше я не видел ни Витю, ни Тётю Наташу, потому что свадьба их состоялась в Сумах, а потом молодожёны так там и остались…

Посреди лета, посреди недели и даже посреди рабочего дня, Дядя Толик вдруг вернулся домой. «Тащи удочки, быстро!»– крикнул он, вбегая в хату. Торопливо приматывая снасти к багажнику, он объяснил, что на Кандыбино прорвало дамбу рыбных озёр и вся рыба ушла в Езуч.

Мы промчались через весь город, перемахнули по Загребельскому мосту и только тогда Дядя Толик сбросил газ, выискивая свободное место на берегу реки. А это было не просто. Вдоль обоих берегов

смешанная толпа из пацанов, подростков, мужиков стояли почти плечо в плечо, с лесом удочек в постоянном движении над оживлённо вздувшимся течением и выдёргивали оттуда пустые крючки или вспых трепыханья добычи.

Это был стихийный выходной. Это была яркая, мощная, убедительная демонстрация рыбачьих сил города Конотопа.

> *(…до сих пор задаюсь вопросом: был ли прорыв рыбных озёр каким-то невообразимым образом связан с Сумасшедшим Летом 68-го во Франции, или всё же сложившаяся тогда там революционная ситуация явилась таки следствием Кандыбинских событий?*
>
> *Или же—что также возможно—и там, и там, имела место третья, пока ещё невыясненная, но, несомненно, общая причина…)*

Дядя Толик поймал трёх увесистых зеркальных карпов, а мне совсем не повезло…

Через пару дней, мы с Чепой побывали на Кандыбино пешком. Рыбные озёра тянулись как полюшко широко поле покрытое коркой подсыхающей тины. Кое-где всё ещё зеленели полёгшие водоросли. В одном из таких мест оказалась мелкая, но длинная яма битком набитая живой рыбой. Мы вытаскивали их голыми руками за скользкую чешую. Не очень крупные, правда, сантиметров по двадцать. Чепа не забыл принести с собою мелкосетчатую сумку, а мне пришлось снять майку и снизу завязать узлом, чтоб загрузить улов.

Дома нажарили рыбы на обе семьи, и даже Жульке досталось. Тётя Люда подначивала Дядю Толика, что ездит-ездит, а столько ни разу не привёз.

~ ~ ~

Лето самая правильная пора для реконструкций и ремонта. Отец выпилил проём в глухой стене над керогазом и вставил остеклённую раму на петлях. Свет дня пришёл на веранду и она стала уютнее, и не надо всякий раз щёлкать выключателем лампочки, если пить хочется.

Потом пришёл черёд кухни. Всё вынесли во двор, кроме слишком тяжёлого холодильника у двери. За один тот день, мать и Тётя Люда побелили все стены, потолок и кирпичную плиту-печку. Они работали, пока всё не закончили, до слишком позднего вечера, чтоб заносить вещи обратно, так что просто помыли пол на кухне, а ночевать всем пришлось в нашей комнате.

Наташа уступила раскладушку Ирочке с Валериком, а сама вернулась на своё давнишнее место в ногах нашего с Сашей раскладного дивана. Пружинный матрас старших Архипенко занял середину комнаты и места, практически, не осталось, надо смотреть куда ногу втиснуть, чтоб пройти.

Нам с Сашей тоже пришлось лечь, но ноги мы пока что не поджимали для освобождения места под Наташу, потому что Тётя Люда решила искупаться на кухне, пока все смотрят телевизор. Из вещей оставленных ночевать во дворе она принесла зеркало в старой раме из дерева и повесила на его прежний гвоздь над холодильником. Потом она налила горячую воду в большой жестяной таз для стирки и сдвинула полосатые шторки в дверном проёме между кухней и комнатой. Свет в комнате выключили, чтобы на экране телевизора видимость лучше различалась, а звук спустили, но я всё равно бухтел, что не могу уснуть при звуке. А в ответ, как всегда, равнодушный совет: —«А ты не слушай, накройся с головой и – спи».

Тётя Люда плескалась на кухне, а потом позвала Дядю Толика потереть ей спину. Когда он вернулся и сел обратно на раскладушку заполненную его детьми, я заметил, что между шторками остался просвет, а в нём зеркало над холодильником с отражением широких досок пола, края жестяного таза и, частично, спины Тёти Люды

сидящей в нём. И тогда я исполнил совет – накрылся одеялом с головой. Но не для сна.

Я расположил край одеяла шалашиком стоячим на деревянном подлокотнике раскладного дивана и сквозь него смотрел на отражение в далёком зеркале на стене кухни. В общем-то, смотреть почти не на что – клочки пены на мокрых досках пола и чуть шевелящаяся лопатка в спине Тёти Люды с прилипшей мокрой прядью чёрных волос. Потом остались только доски и край пустого таза, потому что Тётя Лида уже из него вылезла.

Но очень скоро она появилась вновь в раме зеркала—намного ближе и чётче—потому что подошла к нему и заслонила остальные отражения полотенцем на бёдрах и своей голой грудью. Она тонко улыбнулась хитрой улыбкой, облизнула свои губы и посмотрела прямо мне в глаза сквозь мой перископ из одеяла. Я тут же зажмурился и больше глаз не открывал, а только слушал, как она вытирает на кухне пол и пробирается в тесноту нашей комнаты…

Потом все улеглись по своим местам, телевизор и свет потушили. И только тогда я, наконец-то, медленно сдвинул жаркое одеяло со своей головы. Комната тонула в кромешной тьме. Чуть погодя в темноту вплелись различные посапывания со всех сторон, а снизу, там где на полу стоял матрас Архипенков, донеслось негромкое мерное поскрипывание, словно там ритмично стискивали и попускали тюк соломы. Я даже головы не повернул, во-первых, всё равно ни зги не видно, а к тому же, при моей начитанности, я и не глядя знал, что там занимаются любовью…

Шесть месяцев спустя, тёмным зимним вечером, когда мы с Чепой ходили в Завод помыться, он поманил меня заглянуть в окна женского отделения Заводской Бани льющие тёплый жёлтый свет на близлежащие сугробы в синеватой мгле. Я так и не подошёл. Стеснялся его присутствия? Не знаю. Но даже когда ходил в душ один, я всё равно не подглядывал в те окна…

Тем летом Раиса попросила нас тряхнуть стариной и выступить по детским садам города с гастролями кукольного театра. Меньше чем

за неделю, мы дали десяток представлений. Утром приходили в указанный с вечера детсад, устанавливали ширму в их столовой, вешали задник, ставили перед ним штативы с избушкой и Ёлкой, которые привозил грузовичок Завода, показывали спектакль достопочтенной карапузной публике и двигали в следующий детский сад—декорации на том же грузовике, мы трамваем.

Куба строил намёки, что мы пашем «за спасибо», потому что никто не знает сколько Раиса лупит с директрис, с глазу на глаз в их кабинетах, но меня это не колыхало. Во-первых, Раиса покупала на всех самое дорогое мороженое, Пломбир за 28 коп., а один раз она даже сводила нас в кинотеатр им. Воронцова и это не её вина, что *Западный Коридор* оказалсятакой леденящей жутью. А сколько бы мы ни заработали за ту неделю не покроет стоимость билетов на фильмы, что мы годами смотрели по контрамаркам, которые, с её подачи, нам беспрекословно, год за годом, выписывал Директор Клуба Павел Митрофанович…

Одного лишь Клуба не хватало для удовлетворения всех и каждой из моих врождённых наклонностей. Даже с посещениями храма Мельпомены завуалированного личиной Детского Сектора, где уверовавшим в Неё воздавалось бесплатным доступом на кинофильмы (от чего они, конечно же, укреплялись в вере своей), я всегда испытывал тягу к зодчеству, и единственным местом потянуться оставался двор нашей хаты… Родители разрешили возведение экспериментальной конструкции в его углу с опорой на забор к Турковым из № 17, если только это не перекроет остальным жителям хаты свободный доступ к их секциям в длинном сарае.

Вместе с братом и Чепой, я отправился за стройматериалами в Рощу и, бродя по топким кочкам Болота, мы нарезали пару вязанок двухметровых хлыстов, добавили к добыче объёмистые охапки зелёных веток и транспортировали заготовку домой на двух великах.

Определённое количество доставленных хлыстов превратились в каркас решетчатой крыши хитроумно скреплённый кусками

проволоки и бечёвок разного рода. Один край крыши опирался на забор к Турковым, а противоположный ему поддерживался каркасной стеной воздвигнутой по той же технологии из остальных хлыстов. Сноровистое вязание узлов и упорство в исполнении стоящей перед нами задачи вылились в конструкцию квадратно-гнездового стиля как бы крепкая клетка, в которой можно ходить на три-четыре шага, туда-обратно, почти не пригибая головы. Зелень веток продетых в клеточность хлысто-решётки обшила крышу и две стены, поскольку третьей стеной являлся дощатый забор, а четвёртая, своим отсутствием, служила удобно широким входом. Ух-ты!.. Входящему внутрь, сооружение дарило приятный аромат вянущей листвы, а снаружи ласкало взор своим присутствием в углу двора…

Через неделю листья увяли, но восторженность душевного подъёма, что появляется при творческом напряге, обшелушилась ещё раньше, поскольку встал вопрос, назойливый и неизбежный вопрос, что вынуждает всякого творца почесать в затылке: а дальше что?

Не станешь же создавать подпольную группу пионеров, как у Тимура и Его Команды, только потому, что у тебя во дворе имеется шалаш пригодный под штаб конспиративной организации, а? Тем более, когда уже перерос такие пионерские игры…

Так что мы с Чепой вернулись к своему всегдашнему занятию – метание кухонного ножа, для тренировки, в ствол старого Клёна над штабелем раскрошенных от древности кирпичей, потому что в тот год до Конотопских кинотеатров докатился, наконец-то, первый Советский вестерн *Неуловимые Мстители*, и нож Цыгана, вращаясь как пропеллер, пересёк серебряный экран, чтобы вонзиться в белый стан Берёзки.

Однако в реальной жизни это произведение неизвестного шабашника, самодельный кухонный нож, просто отскакивало от слишком твёрдой коры даже при ударе об неё концом как бы типа острия. Ну никак не вонзался зараза! Вот что значит запоздать со

своим рождением и явиться на свет, когда все романтические революции и справедливые войны уже миновали и не скакать тебе на белом коне в погоне за врагами, что рассыпались по степи наутёк, и не строчить из раскалённого пулемёта, отбивая их остервенелую атаку.

Листья сооружения высохли, почернели и осыпались, но скелет клетки выстоял ещё пару лет...

~ ~ ~

И всё же мой архитектурный зуд не унимался. Следующее, неповторимое творение создавалось уже в одиночку и не совсем во дворе.

Сарайчик над земляным погребом Дузенко и халабуда над нашим стояли не вплотную, а на полуметровом удалении друг от друга, со стороны двора промежуток этот был грубо заколочен горбылями в позиции стоймя, однако заход к ним с тыла (протиснуться вдоль забора соседей из № 21) открывал доступ в узкую расселину между глухих дощатых стенок. Там-то я и создал свой персональный кабинет.

Кусок фанеры горизонтального закрепления поперёк упомянутых горбылей стал несомненным письменным столом в самом конце узкого тупичка. Кусок доски впёртый между тесных стен—пониже упомянутой фанеры—стал табуретом, который нужно переступить, а уж потом садиться. Отсутствие какой-либо иной мебели наполняло интерьер откровенно Спартанским духом и, следовательно, уберегало кабинет от непрошеных визитов со стороны моих брата-сестры и юных Архипенко. Ну допустим, кто-то проник в моё отсутствие и – что дальше, шантрапа?

Разумеется, Наташа не преминула всё равно наведаться, чтоб после фыркнуть своим любопытным носом и сказать «фи!» на шедевр моего зодчества—воистину жемчужина кабинетного дизайна, уютное решение для закутка в междосочном пространстве.

По завершении соорудительных работ, снова поднялся тот же сволочной вопрос: что дальше, а?. Ну… допустим… ага! Будет место для уединённых умосозерцаний не приметных ни для кого, кроме Жульки, которому никак не нравилось, что я навис над его территорией, пусть даже крепко ограждённый горбылями. Он с нескрываемым презрением вставал на лапы и удалялся в будку, при этом громко втаскивал вслед звенья своей цепи—как бы дверью перед твоим носом шарах! – как только я протискивался сзади в мою Спартанскую щель…

Однако ж для чего конкретно применить уютно уединённый уголок, созданный со столь завидной изобретательностью?

И тут я дал волю своему ещё одному (издавна зудящему) зуду – графомании. Не знаю как научным жаргоном классифицируется конкретно мой случай—латентная, или выраженная графомания? – однако я всегда испытывал страстное томление в присутствии нетронутых тетрадок, альбомов, блокнотов и прочих изделий писчебумажности. Так вот и тянет разложить пошире и покрывать их невинную чистоту судорожным подрыгиванием моего корявого почерка.

Так что, дело стояло за малым – найти контент для таких вот—ошалело скребущих—строк, а это чепуха для выраженного (или латентного?) графомана. Берёшь книжку про приключения цирковых артистов посреди бурных лет Гражданской войны, берёшь ручку, берёшь толстую тетрадь, что не успела кончиться на протяжении учебного года, и отправляешься в Спартанский как бы кабинет, куда вход сзади.

(…стоит отметить странный, но интересный с научной точки зрения, факт – как только в школе давали письменное задание на дом, моя графомания переживала резкий спад и напрочь испарялась…)

А там, над книгой и тетрадью разложенными на столе неполированной фанеры, я приступил к переписыванию содержания одной в другую. Меня не занимал вопрос целесообразности такой писанины. Какая разница? Тащишься от самого процесса, вот попробуй – приколешься…

Спустя неделю или около того, процесс достиг середины второй главы, когда нагрянувшее ненастье сделало мой кабинет слишком сырым и промозглым для самозабвенного наслаждения и печатная версия приключенческой повести осталась недопереписанной от руки….

А для хорошей погоды у меня имелся читальный зал на одну персону, но зал нерукотворный...

Земельные наделы, беря начало от стен общего сарая и погребников, подразделялись узкими межами, они же (по совместительству) дорожки меж кустов смородины всех трёх её цветов, оставляя основную площадь под грядки для садово-огородных культур. Однако грядки эти не сливались в массивы принадлежащие тому или иному землевладельцу из-за изменчивости исторических процессов и в результате использования земли в качестве платы за товары и услуги в отношениях между владельцами сопредельных наделов. Как следствие, землевладение превратилось в чересполосицу довольно сложной географической конфигурации.

Например, наша помидорная грядка, начинаясь под стеной общего сарая, два метра спустя граничила с грядкой Дузенко, а та, в свою очередь, сменялась снова нашей грядкой с огурцами и подсолнухами вокруг будки нашей уборной по соседству со сливной ямой, а картошку мы сажали после Пилютиной полосы, в заключительном из всех наделов хаты, под старой развесистой Яблоней.

По ту сторону нашей картофельной грядки начинался, а вернее заканчивался земельный надел хаты на улице Коцюбинского, которая шла параллельно Нежинской и, таким образом, земельные наделы позади хат трёх улиц и одного переулка составляли обширную площадь покрытую грядками и фруктовыми деревьями разных пород.

Яблоня, на чьих полого расходящихся ветвях я с книгой коротал дни напоённые солнцем в зените синего купола неба с недвижными глыбами белейших облаков по краю горизонта, называлась Антоновкой. Длина некоторых её ветвей позволяла вытянуться, лёжа, во весь рост и слегка покачиваться всем телом, пока из жарких далей не прибежит чуть слышный ветерок.

А если твёрдость гамака начинала донимать мои бока излишней монотонностью, я спускался на грешную землю со скромным вкрадчивым визитом на клубничную грядку, где-то между №№ 15 и 13. В попутных огородах встречались иногда обрывки ветхих заборов, служившие межевыми вехами владений, но не помехой тихому налёту…

И снова уносили меня прочь из окружающих просторов *Межзвёздные Дневники Йона Тихого* и *Возвращение Со Звёзд* Станислава Лема, *Ходжа Насреддин* Владимира Соловьёва, *Одиссея Капитана Блада* Рафаело Саббатини и масса прочего бессистемного чтива для подрастающих поколений.

Но затем, ни с того, ни с сего, я вдруг решил пойти навстречу требованиям школьной программы и принялся заучивать наизусть роман в стихах Пушкина, *Евгений Онегин*, хотя из него на Русской литературе не задают напамять больше начальных десять строк. Вопреки скромным предписаниям программы, вызубрив первую строфу, я перешёл к дальнейшим и день за днём бормотал Яблоне Антоновке про неусыпность часов фирмы Брегет, и про убыточность обмена товарами с щепетильным Лондоном, и про плачевный дефицит стройных женских ног в России целой…

Когда количество заученных строф перевалило за два десятка, я начал сбиваться в несчётных тропах строк при пересказе всех подряд, пока меня не выручила мать. Вернувшись с воскресного посещения Базара, она сказала, что встретила там Людмилу Константиновну, учительницу Русского языка и литературы из нашей школы, и та спросила, не захочу ли я поехать в Ленинград с экскурсией школьников за умеренную цену.

Ещё как захочу! Но откуда у меня деньги? Мать заплатила и ещё дала с собой в дорогу неслыханную сумму из 10 руб. Я принял твёрдое решение, потратить их ни на что другое, а только на покупку миниатюрного бильярда типа того как в Детском секторе, на котором мы играли разнокалиберными шариками из разломанных подшипников.

(...а теперь, не как последовательный повествователь, но в качестве профана от археологии, укутанного в мой спальный мешок тут, в утлой палатке посреди жутковатой симфонии разгульной жизни ночного леса – смогу ли я докопаться до причины самоистязательного запоминания шедевра Пушкина?

Похоже, что только теперь и именно отсюда таки смогу.

Начать с того, что парадигма «я решил и начал...» ко мне никак не применима. Нет, с ней всё в порядке, она модель полезная, но только в моём случае всё строится наоборот. Я сначала действую, а уж потом начинаю подводить како-нить логическое обоснование всем тем дровам, что наломал. То есть, вместо того, чтоб мотивироваться чётким решением, я поддаюсь влиянию порыва.

Но кто или что, в таком случае, подсовывает мне этот порыв? Какие такие тайные пружины-побудители? Ответ прост – это результат моей доверчивости и чрезмерной податливости воздействию печатного слова. Да, именно то, чего я начитаюсь, программирует мои последующие деяния.

Эпизод, когда Советский разведчик Александр Белов заставляет Дитриха, офицера Фашистской разведки, пролистать папку секретных документов перед его, Александра, сосредоточенным взглядом, а затем на явочной квартире диктует своему помощнику сотни адресов, имён и цифр по памяти, становится потаённой причиной моей попытки запомнить рифмованные строки Александра Пушкина.

Нет, я не купился на «слабо́» и не устраивал проверку своих способностей, побудительный стимул заложен в голом факте моего доверчивого чтения Роман-Газеты с произведением Кожевникова, которое, по совести, и романом-то не назвать.

Или возьмём другой случай, когда—под впечатлением от книги Барон на Дереве, про аристократа, который отказался ходить по земле вообще и ушёл жить на деревьях—я взобрался на кучу кирпичей под неохватным Американским Клёном и уже с

такого возвышения перебрался на менее недоступную часть ствола.

Затем я стал подниматься всё выше и выше, к самым облакам, которые плыли довольно низко в тот день, почти что цеплялись за крону. При взгляде с тонких верхних ветвей, хаты на далёкой земле под деревом казались не крупнее спичечных коробков. Сдерживая страх и головокружение, обозревал я с высоты птичьего полёта Базар и Завод, который не могла уже загородить бетонная стена вдоль улицы Профессийная, а также Вокзал по ту сторону Завода.

Волшебная сила печатного слова Итало Кальвино сделала меня податливым как воск, начала вить из меня верёвки и вознесла на макушку Американского Клёна...

Конечно, тайные пружины порою холостят, ну как, чёрт побери, могу угнаться я за Д'Артаньяном и проскакать двадцать лье за один день, уморив трёх лошадей, когда у меня и одной-то нет? Как говорится – по одёжке протягивай ножки.

Вот за что я люблю этот спальный мешок. Он такой безразмерный...)

~ ~ ~

В Ленинград мы поехали через Москву. Помимо меня и Людмилы Константиновны школу № 13 в экскурсии представляли две девочки из моего класса—Лариса и Таня—а из параллельного, 7 А, Вера Литвинова и Толик Судак. Экскурсантов из остальных школ города оказалось больше, потому что за ними присматривали два педагога.

Поезд прибыл в Мокву утром и мы провели там целый день, которого мне хватило на три крупных открытия.

Сначала мне открылось, что случаются вещие сны. Существование таких снов было неоспоримо доказано, когда нас возили по городу на автобусе—посмотрите налево! посмотрите направо! – а в одном месте вообще попросили выйти, чтобы посмотреть на что-то сблизи.

Наша группа потянулась за экскурсоводом, а я замешкался, приотстал и тут, нежданно, всё вокруг показалось мне таким знакомым – и тот мост без речки под ним, и далёкая башня Московского Университета, и даже запертый киоск на тротуаре, мимо которого я проходил.

Кто-то из нашей группы обернулся и позвал: —«Не отставай, а то без тебя уедем!», а я ответил: —«Повернёте обратно, и я буду первым!» И тут мне сразу вспомнилось, что всё вокруг я уже видел, в мельчайших подробностях, и даже слова эти уже произнёс во сне, что приснился мне в то лето, а наутро был забыт. От неожиданности я остановился, но долго изумляться не пришлось – наша группа и впрямь топала вспять к автобусу.

(…в последующей жизни, мне не раз случалось оказаться в когда-то уже виденных снах. Иногда припоминание сна на долю секунды опережает реальное развитие событий и я знаю кто и что сейчас скажет, какой жест сделает через секунду, потому что происходящее – это как бы эхо, отражение моего давнего сна. Протяжённость таких моментов невелика, а между сном и его эхом иногда могут пройти годы.

Своим открытием я так ни с кем и не поделился, а через много лет—с облегчением, но и разочарованием—узнал, что такое случается не только со мной и что у шотландцев есть даже особый термин этому явлению: «повторный просмотр», second sight…)

За вторым открытием пришлось ехать на Выставку Достижений Народного Хозяйства, она же ВДНХ. Там нас повели в Павильон Астронавтики с гигантской белой стрелой корабля Восток перед входом, из одной серии с тем, на котором Гагарин облетел Землю. По просторам павильона бродили сразу несколько экскурсий между стендов и манекенов облачённых в красные космические скафандры с головастыми шлемами.

Не знаю о чём рассказывали другие гиды своим группам, но наш жевал давно известную всем жвачку, так что я то отставал, то забегал вперёд от группы, пока не свернул в широкую боковую дверь. Стрелка над каменными ступенями манила вверх надписью «Павильон Оптики».

Я поднялся на площадку, где лестничные марши делали окончательный поворот к Павильону и зачарованно застыл на месте пред яркой феерией цвета и воздушности. Кубометр пространства заполненный семейством мыльных пузырей—от совсем крохотуль до громадин—застыли в своей невесомости, переливались цветами всевозможно радостных оттенков радуги. Ух, ты!.

Моё отклонение от запрограммированного курса было замечено кем-то в группе и меня громко одёрнули снизу: —«Огольцов! Уходим!» Бросив прощальный взгляд на недостижимый уже вход в Павильон на верхней площадке, присоединяюсь к экскурсии.

> *(…что осталось за недостигнутой дверью не знаю, открытие же заключается вот в чём: порой один лишь шаг в сторону от торной колеи ведёт к новым блистающим мирам, но, как гласит народная мудрость в стране первой вставшей на путь строительства социализма: —«шаг вправо, шаг влево расценивается как попытка к бегству, предупреждать не станут, откроют огонь на поражение»…)*

Заключительное, третье, открытие того дня подстерегало меня в Государственном Универсальном Магазине, он же ГУМ, на Красной Площади, куда мы прибыли уже без экскурсовода. Там я узнал, что мечты сбываются, но только нужно быть готовым к их исполнению…

У входа в ГУМ нам сказали собраться на этом самом месте через полчаса и экскурсия была распущена в свободный поиск.

Изнутри ГУМ похож на просторный трюм океанского сухогруза – колодцы пустоты, а вокруг них многоэтажные переходы и торговые секции вдоль бортов.

В одном из отсеков на третьем этаже продавали бильярд моей мечты и именно за десять рублей. Как я проклинал своё обжорство! Из выданной матерью суммы я уже заплатил за два мороженых – одно утром на вокзале и ещё одно на ВДНХ. Пришлось сказать мечте «прощай» и, чтобы хоть как-то подсластить горечь разочарования, я съел ещё одно, прямо в ГУМе.

Вечером, усталые, но, в общем, довольные (если не вспоминать осечку с бильярдом) мы выехали из Москвы в Ленинград...

В Городе на Неве нас определили на постой в какую-то школе на Васильевском острове, недалеко от Зоосада. А в самой школе нам выделили спортзал, половину которого успела уже занять экскурсия из Полтавы. Мы их совсем не стеснили—это был просторный спортзал—и только перенесли несколько из чёрных спортивных матов из их угла в противоположный. Вдобавок, нам выдали казарменные одеяла, чтоб завернуться в них и спать с бóльшим удобством, чем королевский двор Франции при бегстве из восставшего Парижа в книге Александра Дюма *Двадцать Лет Спустя,* где бедным аристократам приходилось спать на голой соломе.

Для трёхразового питания, мы трижды в день шагали пару кварталов до столовой по ту сторону горбатого моста над рекой Мойкой. Очень тихое место, ни малейшего уличного движения вдоль набережной. Наши старшие платили вперёд бумажными талонами и девочки экскурсии накрывали квадратные столы для нас, ожидавших снаружи. Ждать иногда приходилось долго, потому что кроме нашей и Полтавской там столовались и другие группы, но не из нашего спортзала. В таком случае, мы отходили постоять на арочном мосту над узкой речкой с неприметным течением тёмной воды меж высоких берегов в гранитной облицовке.

“***На берегу Мойки***
Ели мы помойки”

Такую эпиграмму сложил кто-то из нашей группы.

(…рифма, что и говорить, безупречна, но лично я без претензий к тамошней пище – всё как всегда в любой столовой, что подворачивалась на моём жизненном пути…)

Для белых ночей мы малость припоздали, но всё остальное было на месте – и Невский Проспект, и Дворцовый мост, и пробежка рысью по залам Эрмитажа с многометровым разрушением Помпеи Карла Брюллова и с мирными, но маломерными картинами Голландских мастеров.

В Исакиевском Соборе для нас даже запустили Маятник Фуко свисавший с высот главного купола. Тот поболтался, рассекая воздух в гулком просторе храма, пред насупленными ликами настенных икон, а потом вышиб из ряда высоких деревянных кеглей одну, которую сперва как бы и не замечал.

– Вот видите? – радостно вскричал экскурсовод при Соборе. – Земля, всё-таки вертится! Маятник Фуко только что доказал это с научной достоверностью.

Революционный крейсер Аврора, почему-то не позволил нам подняться к нему на палубу, зато мы послушали выстрел пушки Адмиралтейства, которым каждый день там отмечают полдень. Посетили Пискарёвское кладбище с ровными зелёными газонами поверх братских могил людей умерших от голода во время Фашистской Блокады, с тёмной стеной, и неглубоким бассейном для мелочи, что набросали посетители на его дно.

День посещения Петергофа выдался пасмурным и, пересекая Финский залив, мы не видели моря, а только близкую пелену тумана над кругом желтоватой воды с мелкими волнами, по которым катер шёл как по озеру с песчаным дном. Было скучно и сыро, а когда я вышел из зала для пассажиров и спустился по короткой лесенке на корму, совсем близко к бурлящей мутно-жёлтой массе взбитой винтом воды, явился корабельный юнга сказать, что пассажирам тут

нельзя находиться. Я взобрался по лесенке обратно, а он повесил поперёк неё железную цепь и начал мыть палубу кормы верёвчатой шваброй.

Зато вода петергофских фонтанов рвалась вверх высокими колоннами белопенных струй, наполняя канал под дворцом на взгорке, хотя он был закрыт на реставрацию…

Всё в Ленинграде оказалось прекрасным, как и положено Колыбели Революции. Погода снова наладилась и на первом этаже Морского Музея стоял Ботик Петра Великого, размером почти с бригантину, а на втором висели картины полные воды и дыма славных побед Русского Флота, начиная с битвы в Синопской бухте.

На первом этаже Зоологического Музея громадился скелет из костей кита, а на втором раскинулась панорамная композиция про жизнь в Антарктиде, за стеклянной перегородкой. На заднике вырисовывались снега в белом поле, а ближе к стеклу стояли несколько взрослых пингвинов задрав клювы в воздух. Их окружал детский сад пингвинят различных размеров, чтобы показать как они меняются по мере роста.

Сначала они мне очень понравились – такие пушистые милашки, но всё испортила мысль, что они ведь чучела. Три дюжины живых птиц убиты в образовательных целях. Мне перехотелось смотреть дальше и я спустился к скелету кита, тоже обглоданного ни за что. Пришлось покинуть музей.

В остеклённом киоске рядом с Зоологическим Музеем я купил шариковую ручку—в Конотопе они ещё не продавались—и пару запасных ампул, поговаривали, будто с одной можешь писать целый месяц…

В тот день я первым поел в столовой и вышел на соседний мост над Мойкой дожидаться остальных. Меж высоких стен реки осторожно пробирался белый катерок раздвигая чёрную воду на две длинные бугристые волны. Пожилой человек поднялся в центр моста, где я стоял, и предупредил, что мои штаны сзади выпачканы. Меня он не удивил, потому что за пару дней до этого я где-то сел на

скамейку, которая оставила на заднице штанов беловатое пятно, как от Сосновой смолы. Неприятно носить такую метку сзади, но сколько я не скрёб пятно, оно не сходило, так что я старался просто про него не думать.

Он спросил откуда я.

– Мы на экскурсию приехали. С Украины.

Лицо его поугрюмело и осунулось: —«Украина», – сказал он. – «Мне там в войну паяльной лампой бок сожгли».

Мне вспомнился истошный визг Машки, когда пришли её резать, гуденье синего пламени из сопла паяльной лампы, трещины в почернелой шкуре неподвижной туши.

Он умолк, и я тоже, чувствуя себя виноватым, что приехал оттуда, где его пытали. Хорошо хоть наша группа вывалила, наконец-то, из столовой.

Полтавская группа уехала на два дня раньше нас. В наш последний Ленинградский вечер мы посещали цирк-шапито. Места оказались на самом верху, под колыханьем брезентовой крыши… Это было совместное представление цирковых артистов из братских стран социализма. На арену вытащили как бы детсадовские качели. Пара Монгольских акробатов дружно прыгали на конец доски, чтобы подкинуть третьего другим концом. Запущенный артист делал сальто в полёте и приземлялся на плечи силача-акробата, что дожидался на арене. Потом толкачи запускали ещё одного, а вслед ему третьего – три человека навалены на нижнего, точь-в-точь как после битвы при Калке.

Гимнасты из ГДР выступали на четырёх турниках расставленных квадратом, крутили «солнце» и перелетали на турник напротив. Потом Чешские дрессировщики вывели группу шимпанзе, которые начали вертеться на турниках оставшихся после Немцев, только куда смешнее.

На следующий день мы уехали не заходя в столовую, наверное проели уже все свои талоны. Был очень удобный поезд без пересадок, через Оршу и Конотоп. Только он отправлялся вечером, а

у меня после всего съеденного за экскурсию мороженого, покупки шариковой ручки и платы за цирковой билет, от десяти рублей, что выдала мать, осталось 20 коп.

В обед я съел пару пончиков с повидлом, но к пяти часам, когда мы сидели уже на вокзале в зале ожидания, Людмила Константиновна заметила моё уныние и спросила в чём дело. Я признался, что голоден, а деньги кончились, и она одолжила мне один рубль.

В гастрономе недалеко от вокзала я купил хлеба и рыбину в коричневато жирной чешуе, а вся обвязана тонкими бечёвками. Схватив завёрнутую в бумагу провизию, я поспешил на вокзал, где наш поезд уже подавали на посадку. Зайдя в вагон, я тут же сел за столик под окном и начал есть. Очень вкусная оказалась рыба, легко крошится, но не такая жирная как ожидаешь глядя на промасленную чешую, суховата. Половину я съел, а что осталось завернул в бумагу и положил на третью полку. Она всё равно не предусмотрена для пассажиров, а только для багажа.

Какой-то одиночный попутчик, с виду на пару лет старше меня, достал колоду карт и предложил сыграть с ним в подкидного дурака. Я пару раз выиграл, а когда он в очередной раз тасовал карты, я блеснул одной из расхожих Кандыбинских прибауток в эту тему. «Не умеешь работать головой, работай руками». Он оглянулся на пару девочек из нашей экскурсионной группы, что сидели в купе через проход и раздражённо отвечал: —«Меньше транди, целее будешь». Я заметил явную злость в его взгляде, а когда снова выиграл, то отказался продолжать игру, да он и не настаивал…

Мы прибыли в Конотоп утром следующего дня после небывало проливного дождя. Всю ночь он лил и лил за окнами вагона. Возможно, это сказалось на моих туфлях, но размер их явно уменьшился. Я их насилу натянул и то не до конца, часть пяток осталась свисать снаружи.

Болезненно ковыляя, спустился я крутыми ступенями вагона на перрон и там дождался пока экскурсанты скроются в подземном

переходе к Вокзалу. Потом я снял туфли и в одних носках пошлёпал по мокрой Четвёртой Платформе до самого её конца, к знакомому пролому в привокзальной ограде. Пролом выходил к Железнодорожному Техникуму, который я обогнул и очень скоро зашёл на Базар.

По пути никто не пялился на мои мокрые как хлющ носки, потому что не было ни пешеходов, ни транспорта, а только лужи расстилались повсеместно. За Базаром, земля совершенно исчезла под водной гладью объединившихся луж. Я плюхал вперёд по головке рельс трамвайного пути, что чуть выступала над поверхностью для канатоходца-одиночки, а когда дошёл до Нежинской – попёр вброд, что уж там оставалось…

Позднее мать посмеивалась, делясь с соседками, что из двух столиц я заявился с туфлями в руках, и те на один сантиметр короче… Никогда я не слышал и не читал нигде, что можно нарастить своей ступне один сантиметр всего за одну ночь…

Первого сентября мать дала мне один рубль, вернуть долг. Однако на торжественной линейке в школьном дворе Людмилу Константиновну не было видно, а в Учительской мне сказали, что она болеет и объяснили как найти её квартиру в двухэтажке рядом с Базаром, куда я и отправился.

У себя в квартире, она всё повторяла, ах, да зачем такая спешка. Мне как-то даже показалось, что ей не хочется, чтоб я вернул этот долг вообще. А потом в комнату вошёл её отец и я очень удивился, увидев, что это Константин Борисович, киномеханик Клуба. Вот до чего мир тесен.

(…а если бы меня сейчас спросили: что стало самым ярким из всех впечатлений полученных в Культурной Столице России, то —не колеблясь и секунды—вот оно: вечерний светлый сумрак вдоль каменного парапета с проёмом спуска по каменным ступеням к неохватной шири течения Невы возле Дворцового моста, о нижнюю ступень вдруг хлюпает случайная волна,

взлетают высокие брызги и визги девочек нашей экскурсии, что стоят у воды…)

~ ~ ~

Нет, но до чего же прав был Ленин в одном из своих томов: нет силы мощнее силы привычки… Взять, к примеру, альбомы светских барышень XIX века, куда Евгений Онегин небрежным росчерком пера врисовывал бакенбардистый профиль своего автора на странице следующей за автографом какого-нибудь поручика Ржевского. Менялись моды, поколения, но всякая мало-мальски приличная девица держала—в качестве сосуда для слива излияний несмелой девичьей души и сокровенных её мечт, и для экспромтных творческих секреций своих гостей и визитёров—такой альбом. Нет, не довелось мне прикоснуться к увядшим, но исполненным невинного очарования страницам, и тем не менее, у большинства девиц из одного со мною класса альбомчики имелись. Неистребимые как тараканы. А всё почему? Читай по губам: при! – выч! – ка!

Конечно, после массы войн, трёх революций и радикальных перемен в укладе общественной жизни, борьба за существование обучила этих сентиментальных наперсников HDD (=непостижимая девичья душа) хитро́ маскироваться – никаких шёлковых бантиков на обложке, никаких кремовых страниц. Толстая тетрадь из 48 страниц линованной бумаги общего назначения в дерматиновой обложке за 38 коп. – таким был среднестатистический внешний облик альбома HDD в нашем классе. На смену длинноносым автопортретам светских щёголей пришли вырезки из цветных иллюстраций журнала *Огонёк,* посаженные, для надёжности, на щедрую смазку из канцелярского клея… А вот стихи сумели сохраниться:

Зачем, зачем? Я не знаю

Нужны так рельсы трамваю...
Зачем, зачем? Я не знаю – зачем?
Зачем, зачем? Я не знаю
Зачем кричат попугаи...
Зачем, зачем? Я не знаю – зачем?

И, конечно же, всякие, изукрашенные завитушками глубокие мысли и крылатые выражения доказали свою бессмертность:

“***Кто любит – всё простит”***
“***Измена убивает любовь”***

Когда такой HDD альбом, случайно забытый на парте, попадал в руки кого-то из ребят, тот, пролистав пару страниц, шлёпал его назад – ОДХ (=обычная девчачья херня). Но для меня, не знаю уж зачем, эти альбомы были интересны и я погружался в глубокое их созерцание.

В результате, среди школьных товарищей мне досталась обидная кличка «бабочка». Никто ни разу не назвал меня этим словом в глаза, хотя при построении ребят на уроке Физкультуры я стоял лишь четвёртым, но, впрочем, замыкающий, Витя Маленко, мог побороть меня на матах под презрительные хаханьки девчонок. Нет, услышать эту кличку мне не довелось, но если твои брат и сестра ходят в одну с тобой школу, нет в ней секретов для тебя про тебя же, о которых бы ты не знал...

Директор школы № 13, Пётр Иванович Быковский, в отличие от своего однофамильца, космонавта Быковского, сложение имел былинно богатырское. Когда вся школа выстраивалась в длинном—от Учительской и аж до спортзала—коридоре, то доски пола под красной краской жалобно вспискивали под под его мерными шагами вдоль построения учеников. Мощный купол черепной коробки с парой длинных, но редких прядей поперёк необъятной лысины, возвышался на полголовы над самым рослым, выпускным,

классом. А полусонный взгляд тяжеловеких глаз, скользнув по твоему, окаменелому в общем строю лицу, заставлял стиснуться всё нутро, хотя оно и знало наверняка, что полученное школой письмо из Детской Комнаты милиции – не про тебя, и не тебе сейчас скажет Директор выйти вперёд и обернуться ко всем, чтобы возложить отечески увещевательную руку на загривок, хотя выражение обёрнутого лица не оставляет сомнений, что туда опустилась шпала и похлопывает.

И не удивительно, что когда наша Классная, Альбина Григорьевна, сказала мне остаться после уроков и зайти в кабинет Директора, сердце моё ёкнуло… В таком невыносимо стиснутом состоянии—с ёкнутым сердцем и поджавшейся селезёнкой—кротко постучал я в белую краску высокой двери его кабинета сопровождаемый непонимающими, но явно прощальными взглядами Кубы и Чепы… Подвела тебя твоя карма, братан, свидимся в будущей жизни, возможно…

В длинной узкой комнате с единственным окном в дальней стене, Пётр Иванович сидел за столом, что стоял в профиль к двери и малость не доставал до пояса Директора в сидячей позе. Лёгким движением подбородка он отослал меня на стул в рядочке выстроенных под стеной, лицом к его столу.

Я исполнил немой приказ, а он поднял тонкую тетрадку со своего стола и застыл в угрожающем сверлении страниц хмурым взором. Время от времени, тик раздражённости вздёргивал его толстые, чётко очерченные, губы.

– Это твоё сочинение по Русской литературе, – объявил он наконец, – и ты тут вот пишешь, будто летом небо не такое, как осенью. – Он проконсультировался с тетрадкой и вычитал, – …летом оно как бы пропылённое по краям… Хмм… Где это ты видел такое небо, вообще?

Я опознал неполную цитату из первого предложения в моём сочинении на вольную тему «Я сижу у окна и думаю…», что нам задали на дом неделю назад.

– На Нежинской, – сказал я.

Он начал мне втолковывать, что абсолютно не имеет значения на Нежинской это или на Профессийной, да хоть даже и на Деповской, но небо всегда остаётся одинаково голубого цвета, как в центре, так и по краям. А голубой, он всегда голубой и летом он голубой, и осенью тоже голубой, потому что голубой он и есть голубой.

На мою робкую попытку поиметь несколько иной взгляд на возможность градации голубизны, он заново выкатил свои увесистые аргументы, и я сдался.

– Да, одинаковый, – сказал я.

– Вот и хорошо, значит мы согласились, что это предложение у тебя неправильное.

И тем же неукоснительным образом, мы продолжили утверждать ошибочность моих воззрений. С неоспоримой неуклонностью, он вдрызг разносил каждое из предложений в моём сочинении, не упуская ни единого, одно за другим и, после непродолжительного, заранее обречённого сопротивления, я сдавал их, одно за другим...

Из левого нижнего угла в окне, тонкие прутья железной решётки в белом веерно расходились кверху, стены стискивали высокий потолок коридорообразного кабинета, тумбовый стол нависал над строем стоящих стульев и сидящего меня, выпуклолобая сфера Директорской головы парила над столом и пряди зачёса не могли скрыть, а лишь облепляли лысину, как пропылённая паутина поверх неподвижного глобуса под замком в комнате Завхоза школы.

И я отрёкся, строка за строкой, от самого начала сочинения и до последней точки, от всех и каждого из слов, что казались такими верными и правильными мне, когда писал. Да, Пётр Иванович, вы правы, а я совершенно наоборот...

Я неправильно отказался от шаблона, предложенного нашей учительницей для плавного начала сочинения: «Идя по улице, я услышал детей споривших о Татьяне Лариной из бессмертной поэмы Пушкина “Евгений Онегин”, а придя домой, я сел у окна и снова стал думать о Татьяне, анализировать её социальное происхождение и её

любовь к Русской природе…» Да, и совершенно неправильным было утверждать, будто школьники будут спорить о мотоциклах, каратэ и рыбалке, но только не о характерных чертах Татьяны Лариной. Это совершенно необдуманно и ошибочно…

Когда я согласился с ним по всем пунктам, он отдал мне мою тетрадь и сказал, что я могу идти, но должен ещё раз подумать.

Я вышел в опустевшую школу. От входной двери доносилось звяканье жестяных вёдер о железо раковин и шум воды из испускавших её кранов—уборщицы уже начали мыть полы. Я оглаушенно прошёл мимо всех пяти кранов, не взглядывая на своё отражение поочерёдно проходящее через пять зеркал над пятью раковинами.

С высокого крыльца, спускался с незнакомым ощущения круженья головы из-за того, что я был как бы не совсем я и не знал теперь что, и как, и вообще куда. Должно быть Галилео испытывал нечто подобное, только что предав своё открытие.

У ворот я остановился и раскрыл тетрадку. Под сочинением стояла дробная оценка: в числителе (за содержание) – пусто, а в знаменателе (за грамматику) – 4. Пониже оценки-незавершёнки, теми же красными чернилами, Зоя Ильинична накатала своим округло красивым почерком четыре страницы её персонального сочинения, что я выставил Советскую молодёжь в неверном свете. Мне следовало вспомнить крылатое выражение из романа Н. Островского *Как Закалялась Сталь*, а также героев Краснодонского подполья, а ещё беззаветных героев Красной Армии, которые…

(…с той поры я писал исключительно по шаблонам, не вышел из меня Виссарион Белинский, неистовый блоггер XIX-го века. Отщипнули бутончик в зародыше…

Как объяснить столь пристальное внимание педагогического коллектива школы № 13 к моей пробе шарикового пера?

Ну их поколение вырастало под урчанье моторов на холостом ходу—«чёрные воронки́» дожидались в темноте, когда выведут

очередную обезвреженную группировку «врагов народа»—вот и отреагировали загодя, на всякий…)

~ ~ ~

Не всякая из Конотопских школ могла похвастаться столь современно оборудованным кабинетом Физики. Синие плотные шторы на железных колечках свисали с проволочных растяжек над окнами. Шторы сдвигались при демонстрации учебных фильмов по тому или иному предмету из школьной программы. Причём, экрана не было, фильмы проецировались на большой квадрат матового стекла в раме над классной доской, прикинь? Телевизор 2 х 2 метра!

Но и кинопроектора в классе не было! Он стоял в глухой задней комнате позади стены с той рамой. Помимо упомянутого проектора и жестяных круглых коробок с фильмами, полки вдоль стен потайной комнаты (вход не из коридора, а из самого кабинета) ломились под грузом всевозможных линз, штативов, реостатов, разновесов и прочих несметных сокровищ в коробках, ящичках, футлярах для проведения лабораторных работ по Физике и Химии. А на отдельном табурете стояла серая бандура магнитофона «Сатурн» с плёнкой на полпути с одной белой бобины на вторую.

Киномеханик и хранитель всех этих несметных богатств – учитель Физики Эмиль Григорьевич Бинкин, спокойный красавец лет тридцати с бровями чуть вздёрнутыми на его прямой лоб, навстречу курчавым чёрным прядям, хорошо гармонирующим с его смуглым цветом лица. Во время перемен, он складывал и перераскладывал содержимое этой сокровищницы, а заодно негромко насвистывал всевозможные мелодии, прозрачно и тонко, без малейшей фальшивинки… Моё к нему отношение было несколько настороженным. Во-первых, он пресёк читальный беспредел на своих уроках…

Книги из библиотеки Завода посещали школу вместе со мной, для контрабандного чтения. Во время урока, закреплённая петлями

часть крышки парты откидывается, книга кладётся на полочку для школьных портфелей и – полный вперёд, Капитан Блад! На абордаж!

Учителям, конечно, в радость иметь такого тихого ученика в классе. Хотя кое-кто временами посягал на эквилибриум безмятежного сосуществования. Потому что видно же – занят чем угодно, но только не их уроком. А это заедает.

– Огольцов! Что я только что сказала?

Однако, при погружении в приключения на различных Марсиано-Тропико-Антарктических мирах, я не полностью отключался от реальностей школы. Малый буёк, на самом краю сознания, продолжает воспринимать, как приглушённый фон, звуки текущего урока.

– Огольцов!

…ага, пора выныривать… Память отматывает запись фона на полминуты в обратную сторону.

– Вы, Алла Иосифовна только что сказали, что 'read' это неправильный глагол.

– Садись!!

А потом на родительском собрании пожалуется матери: —«Вот и вижу ведь, что совсем не тем занят, а поймать не могу!»

У Бинкина проблем с отловом нет. Он не требует что-то повторить, он просто задаёт вопросы:

– Ну, и что из этого следует? Огольцов?

И тут уже никакая отмотка записанных шумов фона не выручает. Какие уж там выводы неизвестно из чего, да ещё под прицелом тёмных ироничных глаз поверх тонкой оправы его очков? Он убивал своей тектонической невозмутимостью и знал, казалось, на какой странице раскрыта собственность библиотеки. Так что пришлось хоть иногда готовить домашку по Физике, а в школе перенести левое чтение на Химию с Алгеброй и прочие науки. Нет, с Бинкиным, легкомыслию – но пасаран.

Всего только раз я осмелился его оспаривать, на почве термодинамики. Он спросил про температуру картошки и окружающего её супа – одинаковы или нет? Я сказал, нет, разные.

– Увы, законы Физики утверждают, что – да, одинаковые.

– А я вот вчера суп ел и – ничего, но раскусил картошку, в нём же плавала, так чуть язык не обжёг. Чёт, Физика не очень следит, чтоб законы её соблюдали.

Класс заржал в поддержку солидарности, чем вызвал цепную реакцию нескончаемого, всё подминающего своим грохотом звонка на перемену…

Вот отчего я так изумился, когда наша Классная, Альбина Григорьевна, объявила, что в воскресенье, в 11 утра, я должен явиться в школу № 11 на Городскую Олимпиаду по Физике…

В то солнечное воскресное утро я вышел из Нежинской на остановку трамвая потому что школа № 11 находится по ту сторону Путепровода-Переезда, на полдороге от конечной нашего трамвая к Вокзалу. Поселковый красный трамвайчик со своим круглым, как нос у клоуна, фонарём пониже стёкол кабинки водителя, притадахкал от Первомайской на остановку. А под этим лампо-носом, инвентарный номер вагона – 33.

Конечно, я яснее ясного осознавал, что всё это чепуха и предрассудки, но жалко было случай упустить. Потому что, когда тебе попадётся сдвоенная цифра, ну типа там 22 или 77, или так далее, в номерном знаке автомашины или в номере напечатанном на твоём кинобилете, или на том, что тебе кондукторша оторвала, значит тебе повезёт, сто процентов. Просто не забудь стиснуть руку в кулак и произнести, неслышно, колдовочку: —«Моя удача – точка!» Что я и сделал.

На Олимпиаде, в группе 14-летних восьмиклассников из 14-ти школ города, я решал что-то там про ускорение, удельный вес и плотность, но не всё. А на заключительный вопрос: —«Почему мы сначала видим молнию, а уж потом только слышим гром?»—я ещё и картинку нарисовал карандашом, для понятности явления.

На следующей неделе Бинкин с изумлённым удивлением объявил, что я занял первой место в Городской Олимпиаде по Физике в своей возрастной категории.

Не знаю, может нос циркача-трамвая и вправду принёс удачу или же проверяющих запугала загогулина карандашной молнии, но всё же приятно сознавать, что ты побил представителя престижной школы № 11, и даже парня из школы № 12, с её Физико-Математическим уклоном… Так получите, слабаки, от Поселковых хлопцев!

В Клубе показывали *Мёртвый Сезон*. Мы втроём купили билеты, чтобы сеанс состоялся, а то, если касса не продаст ни одного билета, киномеханики отказываются крутить кино для одних только контрамарочников. Но в этот раз зрители подтянулись, не столько как на Индийский *Гита и Зита*, но на треть зала потянет.

Фильм про нашего разведчика в Соединённых Штатах, в главной роли Донатас Банионис из *Никто не Хотел Умират*ь, где его в конце застрелили и он упал на стол со своей запиской, которую не успел дописать. А тут за ним долго следили, потом дали двадцать лет тюрьмы, но наши его выменяли на агента ЦРУ, которого поймали в Советском Союзе.

Чёрно-белое кино, но широкоформатный, а у Баниониса такая белая рубаха клёвая. Сразу видно, что не нейлон, но он её не снимал, даже когда на кухне ужин готовил, просто рукава слегка так подвернул. В общем, фильм – забойный.

Когда закончился, мы, медленно так, на выход подались, задумчивые малость – умеют же люди жить интересной жизнью. И тут Куба—хлясь! – своей шапкой из ондатры по кулаку: —«Всё!»– грит. – «Завтра с утра иду к Соловью нащот поступить в шпионскую школу». Мы с Чепой от хохота пошли в разнос и надолго, потому как Соловей – участковый на Посёлке.

Вообще-то, участковым его никто и не называл даже, скажут «Соловей» и всё – все врубились без пояснений. Как заходит на Базар, по рядам и по прилавкам шорох так и шебуршит: —«Сол!.

Сол!. Сол!» Бабы из Подлипного или Поповки, свои банки-грелки с самогоном поглубже по кошёлкам ныкают, чтоб неприметнее. И стоят, сама невинность, над законным ассортиментом – семечки, там, луковицы в косичку сплетённые.

Но у Соловья нюх ещё тот! Не раз, и не два под бабкины проклятья лился наземь «самохрай» конфискованный из её кошёлки. Один раз какой-то ханыга из толпы не выдержал искушения, плюхнулся на четыре кости и давай хлебать из самогонной лужи. Соловей поорал, въехал пару раз сапогом по рёбрам, а тому уже всё ништяк. Ну «спецслужба» подкатила и повезли алика в вытрезвитель, холодным душем возвращать в суровую повседневность жизни.

Но и Соловью доставалось, заловят где-нибудь по тёмному и отмете́лят по самое небалуй. Или керосином хлюпнут и зажгут. В другой разборке руки ломом поперебивали. Ну хлопцам срок дадут, он в гипсе отлежится и – опять на Базар в своей фуражке красной, а там снова: —«Сол!. Сол!. Сол!»

Короче, Куба круто выдал, насчёт пристроиться в разведшколу через Соловья.

На зимних каникулах, победителей Олимпиады по Физике повезли в город Сумы, на Областную Олимпиаду. В группе из Конотопа было четверо ребят и одна девушка-девятиклассница, но смотрелась как вполне даже взрослая девушка… В Сумах нас привели ночевать в гостинице. Количество ребят совпало с количеством коек в номере. Наш старший, учитель из школы № 12 с её Физико-Математическим уклоном, остановился где-то дальше по коридору, а девушка, которая с виду взрослая, в каком-то женском номере.

Вскоре все собрались в нашей комнате вокруг двухтомника в мягкой обложке *Сборник Задач и Упражнений по Физике для Поступающих в ВУЗы*, который принёс предводитель группы.

Охренеть! Я таких книжек отродясь не видал и до этого момента полагал, что школьный учебник – это и всё, что есть по Физике. Но

фиг я угадал. Остальным Конотопским Эйнштейнам те книжки оказались близкими знакомыми и друзьями не разлей вода. Тут же бросились активно обсуждать в каких разделах особо трудные задачи, а где так себе.

Учитель предложил порешать чуть-чуть, для разогреву. Все тут же принялись формулы строчить и объяснять их друг другу. Только я был «шестой лишний» в их трудолюбивой компании. Задачки эти далеко усвистали за пределы школьной программы, из которой Бинкин решал с нами что-то на классной доске.

Потом мы вышли в город поесть в столовой за талоны. На обратном пути я приотстал, чтобы украдкой любоваться походкой девушки, которая как взрослая. Зелёное пальто плотно облегало её широковатую фигуру и каждый шаг походки натягивал косые складки на материале спины: то к левому её бедру, то к правому… Мельк – влево, мельк – вправо. Туда-сюда. Мельк-мельк.

Фактически, кроме длинного пальто, сапог и вязаной шапочки смотреть было не на что, но эти матерчато-ритмичные складки на её спине… на жаргоне онегинских времён – они меня с ума сводили. Хоть и пустяк на первый взгляд, эти складки далеко не безделушка для знатока и коллекционера подобных жемчугов. Некоторые из прочитанных мною книг перечитывались и не однажды лишь потому, что я знал – там есть пара строк *про это*. Пара скупых строк, но они содержат конкретную деталь, которую я спрячу в свой ларец, чтобы использовать позднее.

Например, в фантастическом рассказе Гарри Гаррисона про машину времени, один кинопродюсер со своим съёмочным коллективом скакнул в год 1001, чтобы снять боевик. Исполнитель главной роли что-то там себе повредил, и они заменили его местным Викингом, который подвернулся почти на халяву – бутылка виски в день.

И вот кинорежиссёр объясняет этому новоиспечённому Шварценеггеру что, конкретно, делать в следующем эпизоде: —«Ты врываешься в спальню в захваченном тобою замке. Видишь

полусонную красотку, отбрасываешь своё оружие. Садишься рядом и медленно сдвигаешь бретельку, чтоб та упала с её плеча. Всё. Дубль снят. Остальное зрители додумают сами, а воображение у них – закачаешься».

А-га! Вот она долгожданная деталь!. Бретелька медленно соскальзывает с округлого мягкого плеча… Вот где конкретика. Не какой-то там расплывчатый «поцелуй в уста сахарные»…

И в тот же вечер, натянув одеяло на голову и крепко зажмурившись, я врываюсь в спальню полусонной красавицы. Но конечно, без всяких дурацких кинокамер и прожекторов – я не киношный Викинг, а взаправдашний и тут у нас реальное Средневековье. Я отбрасываю свой щит и меч и спускаю бретельку. Сперва, она сопротивляется, но присмотревшись повнимательнее к правильным чертам моего лица, покорно откидывается на ложе. Я ложусь поверх её тела… горячая волна прокатывает внизу живота… мой член напряжённо вибрирует… глаза зажмурены… и я… Что?!. я не знаю что дальше. Значит пора передохнуть перед следующим погружением в заветный ларчик, за какой-то другой сокровенной деталью, и уже вокруг той выстраивать новую ситуацию *про это*, и та снова приведёт к болезненно сладостному состоянию проклятого неведения.

> *(…Лев Толстой страстно порицал рукоблудие… Ибо всякий матёрый святой начинает свою карьеру с греховных мерзостей, иначе в их духовном росте не состоится стадия мук самоотречения, без коих личности не вознестись над уровнем бытия всего лишь только тварью живой, рост прекращён, он обращён в ничто, в ноль, коль боль обрыва связи с животной пуповиной упущена.*
>
> *Вот тут никак не соображу – можно ли мои эрекционные оргии классифицировать как бытовую суходрочку? С одной стороны, на член не возлагалась трущая петля из пальцев и оргазма ни разу не случилось. Но с другой стороны, что если*

это бесконтактное ласкание являлось как бы предваряющей прелюдией? Что если бы не присутствие моего брата, который мирно посапывал рядом со мной на раскладном диване, у меня бы всё вошло в нормальное русло, на смену нерукоблудному торчанию пришёл бы традиционный тактильный труд и трение в поте чела своего и я бы влился в ряды 95 % мужской части человечества с Львом Толстым и корифеями Итальянского кинематографа во главе процессии?.)

Однажды во дворе школы Куба спросил со значением: —«А вы знаете, если кто дрочит, у него волосы растут на ладонях?» Чепа и я синхронно глянули в раскрытые ладони, каждый в свои, под хохот Кубы довольного как слон. Я знал, что мои ладони безгрешны, но глянул всё равно, чисто инстинктивно… Вот и выходит, что эти складки, мелькающие впереди меня то туда, то сюда, совсем не бездельный пустяк. Может в каком-то из моих будущих бесконтактных столбняков, это зелёное пальто распахнётся и нежный голос молвит ласково: —«Мёрзнешь? Иди сюда. Вдвоём теплее…» И я… Что?.!.

Вечером наш ментор принёс всё те же мягкие задачники и настойчиво предлагал обратить внимание на упражнения под номером таким да эдаким. Городские победители расщёлкали их как семечки, а я только заглядывал через плечи с учёным видом знатока…

Областная Олимпиада по Физике проводилась в каком-то институте по высшему образованию. В аудитории для восьмиклассников, каждому соревнователю выдали тонкую тетрадь с проштампованными страницами. На первую писать только своё имя и откуда ты вообще, две следующие для переписывания заданий с доски, всех – шесть. Ни фига себе! Три задания оказались теми самыми, которые вечером накануне ментор решал у нас в комнате с теми, кому доходит. А для меня утро не стало мудренее вечера, ноль, он и спозаранку полный ноль.

Сидеть без дела скучно было, однако встать и сразу выйти, нарушить сгустившуюся тишь напряжённой работы мыслей, показалось не очень вежливым. Я открыл самую последнюю страницу в тетрадке и начал карандашный рисунок пирата. Его лицо я мог представить очень живо, широкие усы, сливы глаз из-под тюрбана на голове обернувшейся вполоборота через плечо. Но на бумаге с чернильным штампом получалось всё не то. Даже пистоль с дулом-раструбом, как у разбойников в *Снежной Королеве*, мало помог делу.

Хмм… сэр Исаак Ньютон из меня никак не вышел, и на Репина не потянул… Мне вспомнился отцовский осёл, что вывез его из Школы Партучёбы. В моём случае придётся двигать ножками. Крадущейся походкой, я отнёс тетрадку на стол проверщиков и вышел…

Конечно же, фиаско в таких основополагающих областях жизни—Физика и Живопись—меня морально сплющило. Чтобы приглушить разгромное чувство неполноценности или, короче, с горя, я приобрёл пачку сигарет с фильтром. «Орбита» за 30 коп. Содрав целлофан обёртки, я обнажил плотный рядок рыжих фильтров и понюхал. Пахло незнакомо, но без противности, по-взрослому как-то и я отложил орбитальное испытание до возвращения в Конотоп. Но и там пришлось два дня улучать благоприятный момент, чтобы удалиться с манящей пачкой в нашу уборную посреди снегов огорода.

Одна затяжка… Вторая… Неудержимый кашель… Прозрачно-зелёные бублики плывут перед взором. Тошнота. Полное совпадение симптомов с описанием Марком Твеном амбулаторного случая Тома Сойера. Да, нужно проявлять уважение к всемирно известным классикам, не пришлось бы швырять в тёмную дыру уборной непочатую, практически, «Орбиту» за 30 копеек.

~ ~ ~

Напротив привокзальной площади, за железом трамвайного пути и асфальтом дороги, раскинулся парк имени Луначарского, первого

Советского министра образования – обширное место с аллеями высоких деревьев и куртинами стриженных кустов между ними. Всех входящих со стороны площади встречал белый Ленин на высоком сером постаменте, с печальной задумчивостью созерцая, поверх голов, часы на здании Вокзала. В кулаке левой руки он защемил лацкан пиджака, а правая, опущенная на всю свою длину, чуть отвелась назад жестом исполненным политической поэтичности как бы комбайнёр поглаживает головки колосков – а не пора ли вас косить, ребята?

(…а что ещё, помимо такой лирично, задумчивой статуи—без всяких там броневиков и задушенных в кулаке кепок—можно ждать от отроду миролюбивых Конотопчан? Свидетельством их пацифизма служит количество «Мира» на душу населения: одноимённые кинотеатр, проспект и площадь, однако же довольно с них, то всё в *Городе*, а мы тут на Вокзале…)

Из-за деревьев позади монумента проглядывал массивный куб трёхэтажного Дома культуры тоже имени Луначарского, но в Конотопском обиходе его укоротили до «Лунатика» (не министра, конечно же, а Дом культуры) и, из-за двойной нагрузки на одно имя, иногда приходилось переспрашивать о чём, конкретно, речь – Лунатик парк, или ДК Лунатик?

Здание никак не отличалось какими-либо архитектурными излишествами – прямые стены, квадратные окна, прямоугольный вход. Несмотря на обманчивый внешний вид, Лунатик имел четыре этажа, утаив глубоко под собою кинозал для просмотра фильмов. Однако поскольку то же самое кино крутили в Клубе КПВРЗ ровно через неделю и забесплатно, (благодаря контрамаркам Директора Клуба) Лунатик оставался вне сферы наших интересов. Ажиотаж вокруг Лунатика ДК поднимался во второй половине учебного года, с началом сезона игр КВН, он же Клуб Весёлых и Находчивых, между командами школ города. Вот когда всем хотелось попасть на второй этаж Лунатика в зал обитых синим плюшем сидений сдвинутых в слишком тесные ряды на паркетном полу зала.

На игры КВН билетов не продавали и, чтобы попасть туда, приходилось выпрашивать у Старшего пионервожатого школы, Володи Гуревича, а тот отвечал, что билеты распределяет Горком Комсомола и квота выделенная на школу № 13 слишком мала, а когда он её привозит, из неё же дерут его старшие коллеги по Учительской, ну, разве он виноват, а?

Билеты были всегда белые и пустые, баз указания ряда и места, так что лучше приходить пораньше и усесться, чтобы не пришлось стоять всё игру в экономно узких проходах или насеститься на мраморном подоконнике какого-то из окон в конце зала, осторожно упирая спину в темнотищу за холодным стеклом, потому что зима ведь.

Зимой уроки Физкультуры проводились на улице. Учительница Любовь Ивановна отпирала тёмную «кандейку» на одном крылечке с дверью в Пионерскую комнату. Ученики с гвалтом вваливались в глухую комнатушку, расхватывали по паре лыж и палок опёртых на штукатурку стен и выходили на улицу Богдана Хмельницкого бегать «на время» под Тополями вдоль трамвайного пути. Любовь Ивановна смотрела на большой круглый секундомер подвешенный тесёмкой к ней на шею, и объявляла результаты. Рядом с ней стояли пара девочек класса, что пришли в школу даже не в спортивном и теперь вдвоём держали один классный журнал как бы фрейлины, чтоб Любовь Ивановне удобней проставлять оценки за спортивные достижения…

А и ну ничего себе равноправие полов, да? Девочки могут бегать или не бегать, как им заблагорассудится, но если ты оказался ученик, то Любовь Ивановна тебя даже и спрашивать не будет: на старт! внимание! марш! И – беги, пацан, беги!

Ремённые крепления школьных лыж врезáлись своей твёрдостью сквозь обувь, фигня, короче, по сравнению с толстым резиновым жгутом, который отец ещё на Объекте закрепил на мои лыжи. Но свои я в школу н приносил, они для внеклассного пользования…

В тот день после обеда наша неразлучная троица каталась с горок возле села Подлипное. Довольно крутой спуск, но мы съехали всего пару раз, когда из села привалили пара жлобов и прицепились – дай им лыжи. Один даже хотел ударить Кубу, но тот увернулся и съехал вниз. Чепа и я – следом, но не по самой крутизне как он.

Те два придурка кинулись догонять и, на опушке Рощи, который быстрей бегает, наступил на конец моей лыжины. Я упал. Когда поднялся, смотрю – Чепа уже лыжи скинул, перебросил через плечо своей рабочей фуфайки и улепётывает между тёмных стволов зимней Рощи. Эту картину заслонила рожа в шапке из чёрного кролика с отпущенными ушами. Налобный отворот сполз до глаз и из-под меха осталась лишь ухмылка толстой нижней губы. Но и этот фрагментарный портрет отдёрнулся резко, когда я получил удар в нос и рухнул под дерево.

– Не понял? Лыжи снимай, сука!

Тут подбежал его дружок. То ли не так выпивши или же впечатлительный от природы—снег вокруг щедро забрызган крупными каплями крови из моего носа—он сказал мне валить, и увёл своего кореша в село обратно.

Полный угрюмой апатии, я брёл на лыжах через Рощу затыкая нос комками снега, а те промокали красным один за другим. На боковой улочке возле школы меня дожидался Куба. Он заглянул мне в лицо и сказал, что лучше помыть под краном и что Володя Гуревич ждёт нас в комнате десятого класса, какой-то у него важный разговор.

В школьном дворе я снял лыжи и поднялся на высокое крыльцо уже пустого здания. К пяти уборщицы уже кончали работу и расходились по домам. Школа пустела, оставался только сторож и, когда-никогда, группа пионеров за подготовкой монтажа под баян Старшего пионервожатого.

Зеркало над раковиной показало, что кровь уже не вытекает и что это не моё лицо, а какого-то незнакомца с носом в два раза толще нормального, под которым бурым гримом нарисованы гитлеровские усы. Ну и подбородок не чище. Я умывался, пока Куба не сказал, что

лучше всё равно не станет. Я вытер носовым платком лицо. В распухшем носу глухо гу́пало.

В назначенном классе Володя Гуревич был один. Деликатно обходя взглядом мой огромный нос, чтобы случайно не зацепить, он толкнул речь насчёт позора, что наша школа который год вылетает из КВН на первой же игре. Всё из-за того, что слишком полагаемся на наши выпускные классы. Пришла пора ломать такую порочную практику. Нам нужны новые силы. Нужна свежая кровь.

Обеспокоенный, я оглянулся на Кубу. Он пожал плечами и Володя Гуревич объявил, что Капитаном команды КВН школы № 13 буду я. У меня загу́пало сильнее, но уже переместилось из распухшего носа пониже затылка, как от той публикации анонимного произведения под моим именем в журнале *Пионер*…

Через месяц команда КВН школы № 13, неожиданно для всех, одержала свою первую победу. В первом конкурсе игры—Приветствие—Куба и я вышли на сцену в настоящих фраках и треуголках из костюмерной Тёти Тани в Клубе КПВРЗ. Наполеон (в моём исполнении) в своей коронной позе—правая рука на груди фрака, левая сжата в кулак и возложена на поясницу над ягодицами—и с проникновенной лиричностью продекламировал крылатую строку:

“***Москва! Как много в этом звуке..!***”

Внезапно стряхивая невольную очарованность высокой поэзией, я обернулся к Маршалу Мюрату и отрывисто распорядился: —«Москву спалить!»

Куба шмыгнул носом и ответил: —«Бу зделана, Сир!»

Зал грянул хохотом и вся наша команды вышли на сцену в нормальной одежде и треуголках из Ватмана под звуки закулисного баяна. Мы ещё пару раз пошутили и выиграли конкурс, а там и всю игру.

И в такой же непринуждённой манере, с франтоватым шармом, дошли мы до финала в мае, потому что все уже знали, что мы команда сильная и если нашим шуткам не смеяться, то чьим же

вообще? На конкурсе Капитанов во всякой игре, мне только стоило принять Бонапартовскую позу, да повести по воздуху челюстью, справа налево, в духе Муссолини, чтоб зал с готовностью заржал.

Единственно, что мне не нравилось – сценарий нашего победного начала был списан с телека. Мы просто скопировали выход команды КВН, что играла на ЦТ за два года до нас. На мои угрызения совести Володя Гуревич отвечал затяжным смехом и многократными повторами, что победителей не судят. Но всё равно, это было как подписать своим именем не своё произведение…

И вот истекают заключительные секунды текущей финальной игры, Председатель Жюри, умело накачивая ожидания, объявляет в свой микрофон: —«И победителем становится… команда школы №… 13!»

Всё ещё не веря в услышанное, я вместе со всем залом ору: —«А-а-а-а!» и оборачиваюсь на нашу команду, что бегут на меня: и Куба, и Чепа, и Саша Униат из девятого класса, и Саша Родионенко из нашего, и все и тоже орут: —«А-а-а-а!» на бегу.

И вдруг вместо них на меня летит белый свет между синих коротких занавесей с потолка. Я не сразу понял, что это флуоресцентные лампы над сценой подлетают ко мне и уносятся прочь. Что это наша команда меня качают…

На следующий год победа тоже была за нами, но обошлось без подбросов Капитана. Отмолился.

Уже в десятом классе, перед выпуском, мы дошли до финала, но уступили престижной школе № 11. На заключительной игре сезона мы опять повторили выступление команды КВН на Центральном Телевидении, но уже за текущий год. Игра по телеку всё ещё не изгладилась у многих из памяти и нас обвинили в наглом плагиате…

Но всё это ещё оставалось для далёкого будущего, а пока что я слушал пламенную речь про смену школьных поколений, про новую кровь и свежие подходы, и гу́панье из моего носа перемещалось в затылок. С изумлением думал я о мгновенных переменах

изменчивой фортуны – в один и тот же день из потоптанного лыжника в Капитаны, чёрт побери!

Так что, мне не пристало сетовать на монотонность своей судьбы. Просто с того дня мой безупречно Римский нос так и остался малость свёрнутым вправо…

~ ~ ~

Судьба, она же фортуна, прямо не ходит, а движется по синусоиде, как алкаш на поддаче, да плюс к тому ещё и волнообразно—ей так забавнее—то вверх, то вниз, взгорок-овраг, гребень-колдобина…

Всего день тому, например, Володя Гуревич, хохоча своим весёлым смехом, передал мне почтовую открытку, что пришла в школу № 13 на моё имя. Её отправила девушка, которая как взрослая, участница Областной Олимпиады по Физике, теперь вот поздравляет с нашей победой в КВН. Ещё и строку Маяковского под конец ввернула, с пожеланием

“***светить везде, светить всегда!..***”

Что-то меня сдержало ответить на открытку, то ли смех счастливой гиены в исполнении Старшего Пионервожатого или стыдно стало, что я без её ведома не раз расстёгивал на ней зелёное пальто, когда мой брат на диван-кровати рядом похрапывал.

А уже сегодня я поехал в *Город*, потому что сестра сказала, что рядом с Площадью Мира, где летом продают квас из жёлтой бочки-автоприцепа на двух колёсах, поставили будку для наполнения ампул шариковых ручек, одна заправка – всего 10 коп. Такие ампулы можно и новые купить в любом книжном, хоть длинные, хоть короткие, но вдвое дороже – по 20 и по 24 коп.

На обратном пути в городском трамвае я приторчал у большого плаката, что стекло в кабинке водителя изнутри занавешивает, большой, как разворот листов центральной газеты, только заголовок намного длиннее

Правила Пользования Трамваем в Городе Конотопе Сумской Области

Как будто в других городах правила другие, а? Или как будто кто-то кроме меня в жизни читал эти Правила… Правила как правильно ехать трамваем… как платить 3 копейки… кому уступать места… И заключительная статья про административную ответственность и штраф 3 рубля при поимке за попытку бесплатного проезда. Хорошее качество бумаги в этом плакате. Толстая, с лоском. Сразу видно, что не газетная.

Кондукторши с их пухленькими сумками на брезентовых лямках из трамваев давно исчезли. Вместо билетов теперь бумажные талоны, которые водители продают через окошечко в двери своих кабинок. На сколько даёшь, столько и продаст. Эти окошечки так тупо расположены, приходится к ним гнуться в три погибели. Хотя для вагоновожатой, что в кабинке у себя сидит, высота, конечно, удобная.

А на стенках трамвайных вагонов, между окнами, привинтили коробочки с рычажками. Вставляешь талон в её прорезь, тянешь рычажок—клац! – и твой талон в сквозных дырочках, а если присмотреться к ним – цифры. Изредка пара контролёров поднимаются в вагон на остановках, просят предъявить талоны для проверки цифр. Они ж в Трамвайном Депо переодически их меняют, потому что такие хитрожопые, чтоб ты по одному талону целый месяц не ездил. Но и на хитрую жопу всегда найдётся болт с резьбой. Есть тут такие винторезы, что держат у себя в кармане с десяток пробитых и катаются за так. Контролёр подойдёт, а он из кармана ту кучу выгребет, потёртые, вот-вот развалятся, второй месяц в кармане ездят, и впаривает: —«А откуда я знаю какой отут с этого не с этого трамвая. Сами шукайте». Иногда, если контролёр упёртый, то может и залупиться, но чаще переходят следующего проверять.

Короче, под этими Правилами стою себе, хотя свободных мест хватает, просто зимой ехать стоя теплее, чем сидя. Один знакомый

хлопец зашёл на Зеленчаке. Правда, по имени не знаю – из выпускного класса в нашей школе и в Клубе пару раз я его видел. Ну он, короче, подходит. Привет, привет. Ну как оно? Да, так ничё. И едем дальше стоя, молча. Потом смотрю – этот долбодон начинает меня зажимать, как девчонку. Справа окно трамвайное с поручнем поперёк, за спиной у меня кабина водителя с этими долбанными Правилами и тоже поручень. Так этот клоун за эти два поручня ухватился и зажал меня в угол.

– Отвали! – говорю. – Харэ! Завязывай! – Но он только хихикает и глаза свои тупые жмурит, но не отпускает. Стыдно так. На пассажиров гляну – не много, но с десяток наберётся, а они, как один, печально так и задумчиво, в окна уставились как бы на экскурсии они, в столице, и типа что-то там видно через лёд на тех стёклах.

Короче, я еле выкрутился из его захвата и встал на ступеньку у двери. Уже там и привёл свою одежду в порядок, потому что и куртка и свитер, ну всё, короче, задралось до голой кожи. Вот же ж козёл! Если у тебя такой уклон, иди запишись на секцию Классической Борьбы в спортзале Клуба и трись об своих партнёров на матах, когда по очереди в партер друг друга ставите. Но как унизительно— прославленный Капитан КВН и ляпнулся в такой синусоидальный провал!

А следующий гребень высокой волны подкатил в конце апреля на Всесоюзной Военно-Патриотической Игре «Зарница». Хотя игра пионерская, она охватила и старшие классы тоже. А меня назначили Командиром Сводного Отряда школы № 13!

Никаких бумажных погонов, никакой делёжки на «синих» и «зелёных», но всем явиться с рюкзаком или ранцем, и чтобы в нём походная амуниция – миска, ложка, игла и нитки. После того как на построении в школьном дворе учитель Физкультуры Иван Иванович проверил пару рюкзаков на предмет наличия что было сказано при себе иметь, мы—с шестого по десятый—вышли на улицу Богдана Хмельницкого, миновали Базар и свернули в улицу Будённого. Там,

оставляя Парк КПВРЗ на левом фланге, мы спустились к Болоту, оно же Роща… Густой туман скрывал продвижение колонны на марше.^

Мы остановились и учителя Физкультуры—Любовь Ивановна и Иван Иванович—вскрыли запечатанный конверт с инструкциями относительно нашего дальнейшего маршрута и задания. Далее колонна проследовала до моста на пересечении высокой насыпи с остальными железнодорожными путями, от которых отходила ветка к Мясокомбинату. Вдоль этого одиночного пути мы обошли Рощу с левого фланга.

Туман редел, в просветах меж его клубами проглядывали куски кочковатого поля. Иван Иванович проревел: —«В атаку!» и мы побежали по полю с криком «Ура!» Я мчался в гуще беспорядочной толпы и не чувствовал собственного тела, оно словно бы растворилось в общей атаке, а из всех моих пяти чувств оставалось лишь зрение и представляло обрывочные картины косм тумана над кочками и клочьями травы, что прыгали впереди и мимо меня…

Потом, не доходя до Подлипного, мы остановились на поле с редкими древними Вязами. Туман рассеялся совершенно и день стал ярко солнечным. Из села подъехала настоящая армейская полевая кухня цвета хаки и нас накормили горячим супом. Последовал короткий переход через Рощу, мы вернулись во двор школы и снова построились. Как командир, я стоял лицом к строю—с шестого по десятый—и какой-то незнакомый оператор стрекотал своей ручной кинокамерой, снимая нас на плёнку.

В следующий понедельник Володя Шерудило обидно (но очень забавно) изображал меня перед общим строем – сутулый слабачок с провисшими плечами, но как только камера оборачивается в мою сторону, выпячиваю грудь колесом и тянусь на цыпочки.

(…иногда вот думаю: если бы не ежедневное таскание воды от колонки до хаты, смог бы я вырасти на пару сантиметров повыше, а не четвёртым в строю на уроках Физкультуры?.)

В ту весну у меня зародилась мечта про дальнее странствие и не иначе, как на плоту. Скорее всего так меня впечатлило *Путешествие на Кон-Тики* Тура Хейердала. Я поделился мечтой с Кубой и Чепой и они тоже сказали, что, да, было бы круто. Мы даже начали обсуждать детали её осуществления. Если, допустим, построить плот на Сейму, и плыть до впадения в Десну, а дальше в Днепр широкий и по его течению аж до Чёрного моря! И завершить путешествие непременно до августа, когда Кубе уже надо уезжать на вступительный экзамен в Одесскую мореходку, а Чепе в Донецк, в какой-то горный техникум

Мечта продлилась целых две недели, а потом начала потихоньку увядать. Всё более неодолимые сложности вставали на пути к её осуществлению. Из чего строить плот? Ну хорошо – договорились с обходчиком Сосновника на Сейму, а как доставить бревно к реке? На себе волочь? А на плот бревна не хватит, и двух тоже мало… А потом я напоролся на мысль, которая разнесла мечту в окончательные дребезги. Потому что я вспомнил, что поперёк Днепра, по Ленинскому плану ГОЭЛРО, построено несколько электростанций, чьи плотины исключают навигацию плотов. Разбирать его и перетаскивать, по брёвнышку, на другую сторону плотины? Проклятье! Я не сказал друзьям, что осуществление ленинской мечты об электрификации поставило крест на нашей и просто перестал обсуждать её с ними…

Володя Гуревич, он же Ильич, произнёс очередную пылкую речь и объявил, что пробил час сломить гегемонию школы № 11 на городских конкурсах Бального Танца. На первой тренировке группы бальных танцоров, составились пять пар желающих от двух параллельных восьмых. Володя Гуревич демонстрировал нам технику бального вальса, а затем играл его на баяне, чтоб мы танцевали. На второе занятие Чепа не пришёл без объяснения причин, сказал, что не хочет. Мы с Кубой продержались дольше, но вскоре группа будущих гегемоноломов распалась. И действительно, какой смысл продолжать, если, например, моя партнёрша, Наташа Григоренко, после восьмого класса уходит в школу № 12, чей

Физико-Математический уклон даёт больше шансов на поступление в институт по окончании школы?.

В конце мая Куба и я съездили на великах на Сейм открывать сезон купания. Оказывается, двенадцать километров на велосипеде по ровной тропе вдоль железнодорожной насыпи не слишком изнурительная нагрузка.

На пляже не оказалось ни души, кроме нас и наших великов разбросанных по песку. И вода была ещё здорово холодной, но мы всё равно сплавали до буёв. Потом из близстоящих кустов призудела орда комариная, грызли нас вдоль и поперёк, да и больно так! Наверно, из-за отвычки за зиму.

Чтоб спастись от кровососов, мы зарылись в песок, но песок тоже оказался слишком холодным и не спасал от укусов окрылённых людоедов. Мы орали как бешеные на весь пустой пляж, потом ещё разок искупнулись и погнали обратно в Конотоп.

Мы не знали ещё, что жизнь, в общем-то, складывается из череды неизбежных утрат, но чувствовали, что на этом пляже наши пути расходятся…

~ ~ ~

Да, в тот год средняя школа № 13 стала гегемоном по полной, за исключением бальных танцев. Мы победили даже в общегородском соревновании на заключительном этапе Общесоюзной Игры «Зарница».

В воскресный день, команды из школ города, по шесть человек в каждой, со своими учителями Физкультуры, выехали в однодневный поход в лес у реки Сейм. Там проводились различные конкурсы: эстафета с переносом «раненного» без носилок, установка двухместной палатки на скорость, бинтование рук и голов.

Мне достался конкурс глазомеров. Судья спрашивал сколько метров до во-он того дерева и молча записывал ответы конкурсантов в свой блокнот. Я следил за мимикой его лица.

Кто-то сказал, до дерева двадцать метров. Правая бровь судьи поползла вверх – явный перелёт. На угадку в четырнадцать метров, левый уголок рта судьи снисходительно ухмыльнулся – маловато. Я назвал среднее арифметическое – 17 метров. Когда все завершили свои попытки, судья сверился со своими записями и сказал, что у меня глаз – алмаз, мне и рулетки не надо.

Однако, всё решал заключительный конкурс: у кого скорее вскипит на костре вода в десятилитровом жестяном ведре. Тут уж не подсудить, и чтение выражений лица не поможет тоже.

Старт дан, зачиркали спички у кучек хвороста для костров. Плотный белый дым сменяется треском пламени – пора вешать вёдра над огнём и подкладывать ветки, чем суше, тем лучше. Красные языки пламени нервно плещутся под ведром, лижут жесть его, окрашивают чёрной сажей. Ветер сволочь! Столько пламени удерживает в стороне от нашего ведра… Команда школы № 12 пытаются управлять огнём, растянули в руках одеяло, загораживают костёр от ветра. А мы? Наш учитель Физкультуры Иван Иванович, бывший фронтовик и опытный рыбак, машет рукой – фигня всё это! Ещё валежника! Помельче да посуше. С той стороны подкладывай!

Ни один учебник не смог нагляднее представить мне этапы кипения. Разогрев, лёгкий парок над водой, образование мелких пузырьков воздуха на стенках сосуда, пузырьки всплывают на поверхность, образуют бурную пену и, наконец, вода в ведре начинает бугриться и подпрыгивать, от неё валит белый пар.

Судья останавливает секундомер. Ура! Мы – первые! А школа № 12 всё ещё вылупились на пузырьки в своём ведре с одеялом в руках…

Соревнование закончилось, команды грузятся в автобусы, кроме тех, кто захотел остаться на ночёвку в двух больших палатках – утром за ними придёт автобус, чтоб отвезти в Конотоп…

В сумерках, я оставил поляну с палатками и ушёл глубже в лес. В общем, такой же как и на Объекте, только лиственных пород больше, чем хвойных. Оглядываясь по сторонам взором лесоведческого

специалиста, я помочился. Вдруг какая-то часть окружающего ареала приходит в движение, отделяясь от картины затихшего леса, который продолжает стоять не шелохнувшись, в безмятежности позднего вечера. Что за дела? Впавший в растерянность глаз обескуражен непривычной формой, не сообщает изумлённому сознанию ничего вразумительного, пока увиденное не начинает приобретать какую-то определённость и связность…

Ух-ты! Так это ж лось! Ну, и здоровила! И так близко стоял… Глядя вслед великану исчезающему за стволами деревьев, я подумал, что не зря остался на ночёвку.

Ночью я горько пожалел, что не уехал домой. Из-за неопытности и необузданного индивидуализма, я лёг под брезентовой стенкой и оказался крайним в ряду ребят, что укладывались спать. Час спустя ночной холод разбудил меня и заставил жаться спиной к предпоследнему в ряду спящих в поисках хоть капли тепла.

Промаявшись на грани замерзания несколько тёмных часов, я вылез из палатки, когда вокруг только-только начинало сереть. Поседелый пепел костра у палаток давно уж остыл, но с ним рядом сидели двое – парень и девушка. Наверное, сдуру как и я ложились спать крайними, а не посередине…

Никакой автобус не приехал за нами утром. Вместо него на полянку вкатился «козёл» с брезентовым верхом и нам объяснили, что случилась накладка. Сложенные палатки и четыре девушки целиком заполнили внедорожник. Остальным пришлось переть в город своим ходом и нести палаточные стояки в Дом Пионеров, потому что в «козла» они не влезали.

Оказывается, двенадцать километров пешком это о-ох! как далеко, особенно когда тащишь деревянный стояк палатки из обточенной, покрашенной и не слишком-то, в общем, тяжёлой Сосны. Ребята из школы № 12 скоро скрылись из виду со своим стояком, мы тащились всё медленнее, потому что кое-кто из наших уходили вперёд и больше мы их в тот день не видели.

К трамвайной остановке на окраине города мы вышли втроём – я, мой одноклассник Саша Скосарь и стояк в зелёной масляной краске.

(…я помню, что мы устали как собаки, даже на разговоры не осталось сил, но это воспоминание сейчас не вызывает во мне никаких эмоций, наверное, они притуплены неоднократным повторением такого же состояния по ходу жизни, а вот картину тающего в вечернем сумраке лося я живо вижу и теперь и умиляюсь – это же надо как вымахал Бэмби!

Что? Бэмби не лось был, а оленёнок? Ну не вижу большой разницы…)

~ ~ ~

Весной отец сменил своё место работы. Он рассчитался из Вагоноремонтного цеха в КПВРЗ и поступил в Цех № 19 Конотопского Электро-Механического Завода, он же, КЭМЗ, он же Завод «Красный Металлист», опять-таки на должность слесаря. Зарплата рабочих в КЭМЗе была малость выше. На какую малость, я не знал, никогда не интересовался подобными вещами, в конце концов, зарабатывать это забота родителей, а у меня и своих дел по горло – КВН, Клуб, кружки всякие, не говоря уже, что надо книги обменивать в библиотеке. Ну и керосин с водой тоже на мне, а если что-то купить в Нежинском магазине, то пусть Наташку посылают, или Сашку…

Кроме зарплаты, отец ещё подрабатывал ремонтом телевизоров, на которых специалисты из Телеателье уже крест поставили. Раза два в месяц (а иногда раз в два месяца) он после работы брал свою пузатую сумку из когда-то зелёного кожзаменителя, в котором держал свой мультиметр-тестер, паяльник, запасные радиолампы и другую нужную мелочёвку, и уходил до поздней ночи. Потом возвращался, тёпленьким, и отдавал матери мятую троячку заработка. А на её шумные риторические вопросы по поводу его

склонности к спиртному, повторял одну и ту же, неотразимо резонную реплику: —«А т ы меня поила?» Возможно, настойчивое стремление матери поднять его моральный уровень подогревалось подозрением, что ещё два рубля отец от неё заначил, ну не знаю, я никогда особо не вникал в основы монетаризма…

Иногда процедура затягивалась на два вечера. В первый из них отец возвращался домой трезвым, без трёхрублёвки и без сумки оставленной на хате у клиента до окончания ремонта. Самых упорных коматозников привозили прямиком к нам. Отец ставил сдохший ящик на стол под единственным окно в комнаты, снимал с него его коробку, которая отправлялась на шкаф, и на столе оставались теле-потроха: электронная трубка со скелетом из алюминиевых панелей густо обросших разными радиолампами. Всю эту потетень он вертел то так, то эдак заглядывая со всех сторон, и бормотал: —«Так чего тебе не так, а? Родной?»

Далеко за́полночь, меня будило резкое шипенье – отец в скудном свете настольной лампы добился, чтоб по экрану кандидата в покойники забегали полосы развёртки: —«Так вот чё ты не стреляла! Не заряженная была!»

Потом пару дней мы смотрели воскрешённый телек, у которого экран шире нашего, пока за ним не приезжал владелец воскресшего Лазаря, уже почти вычеркнувший этот ящик из своей жизни. В общем, не зря отец делал подшивки из тех журналов *Радио*.

Мать тоже хотела поменять работу, но ничего не подворачивалось. Отец и ей помог устроиться в КЭМЗ. Он починил безнадёжный телевизор тамошнему Начальнику Отдела Кадров, а когда тот спросил об оплате, отец ответил, что не хочет денег, а пусть его жену примут на работу. Начальник Отдела Кадров сказал: —«Что за вопрос? Приводи, конечно.»

Сначала мать не хотела верить, потому что за полгода перед этим тот же Начальник ей наотрез сказал, работы нет и не предвидится. Когда родители пришли вместе, Начальник Отдела Кадров предложил матери пойти прессовщицей в Прессовальный цех.

Правда, работа там посменная, зато оплата сдельная, от выработки, и никто меньше ста рублей не получает. Пока мать выходила к его секретарше, чтобы написать заявление, Начальник засмеялся и сказал отцу, что он её помнит, но в прошлый раз подумал, будто она беременна. Беременных на работу брать ему не позволяется – месяц поработает, а потом плати ей целый год декретные. Начальника Отдела Кадров за такое по головке не погладят. Но оказывается это просто у неё комплекция такая.

Так мать стала прессовщицей в КЭМЗе. На работе она заполняла всякие формы специальными порошками, чтобы при нагреве пресса те, расплавляясь, превращались в такую или эдакую деталь из пластмассы. Она работала в две смены – неделю с восьми до пяти, вторую с пяти до полдвенадцатого благодаря сокращённому перерыву для еды.

Летом возле пресса адская жара, а формы круглый год тяжеленные – попробуй поворочай. Поздно ночью Конотопские трамвая ходят ох! как редко, не всегда дождёшься хоть одного после второй смены. Но хуже всего прессовать детали из стекловаты. Стеклянная пыть пробивается даже сквозь рабочий халат, всё тело жутко чешется и даже душ после работы не спасает.

Но нет худа без добра и в хате, как и во дворе, появилась целая куча всяческих коробочек и прибамбасов из пластмассы разных цветов, потому что мать приносила домой детали с дефектами, которые пресс не доварил или повредились при вытаскивании из формы. Ну и что, что уголок замят? Зато глянь какая модерно́вая получилась пепельница!. Даже Жульке досталась симпатичная ребристая ванночка для питьевой воды… Всё потому, что продукция завода «Красный Металлист» – шахтное электрооборудование и всякие агрегаты и системы безопасности для горнодобывающей промышленности.

– Мам, – спросил я однажды, по-видимому под впечатлением от какого-то автора-нигилиста. – Какой смысл в твоей жизни? Ты зачем живёшь вообще?

– Зачем? – ответил мать. – Увидеть как ты вырастешь, как счастливым станешь.

И я заткнулся, потому что мне иногда хватает ума не умничать чересчур…

~ ~ ~

Перемены происходили не только в нашей части хаты. Одна бабулька-сестричка из Дузенкиной четверь-хаты вернулась в своё село, а другая переехала к своей дочери в пятиэтажки на Зеленчаке, чтобы свою часть хаты сдавать квартирантам. Мать-одиночка, Анна Саенко, и её дочь Валентина поселились у нас за стенкой.

Валентина была на год старше меня, но такой не казалась из-за своей рыжеволосой щуплости и малого роста. Хотя нос у неё был таки довольно длинный. По вечерам она выходила играть в карты с нами, тремя соседями, на широкой скамье под окном, что выходила на две ступеньки их крыльца. Это была очень удобная для игры скамья, с которой можно было опираться на мягкую глиняную штукатурку хаты в древней побелке, что не оставляла следа на одежде.

Во время игры, пользуясь густеющими сумерками, я прикасался к плечу Валентины своим. Оно у неё такое мягонькое… И всё начинало плыть… Она чаще всего отодвигалась, но не всегда так уж и сразу и мой пульс начинал стучать быстрее, громче, горячей. Но потом она перестала выходить. Наверно, слишком уж я тиснулся к маленькому плечу…

У Дузенкиного зятя отец купил меньшую из двух секций покойного тестя в общем сарае. Это была секция с односкатной крышей, в самом конце, первая от забора Турковых. В давние времена там держали свинью, а может, пару коз и для тепла обили снаружи глинонавозом.

Отец заменил толь на крыше жестью, ну не новой, ясное дело. Глядя как ловко он работает своей киянкой сшивая «в замок» полосы жести, я поражался сколько всего он умеет, и что у него есть

инструменты на все случаи жизни. Взять хотя бы ножницы для жести, ведь в магазинах ничего такого не продают. Не удивительно, что Чепа, когда ему нужен какой-то инструмент, сразу к нам: —«Дядь Коля, дайте дрель». – «Дядь Коля, натфель надо».

В стене напротив входа, отец вставил остеклённую раму на петлях, как на веранде. Электричество привёл из следующей секции, которая наша. Дядя Толик выписал у себя на работе списанные ящики, в которых на РемБазу привозят запчасти вертолётов. Ящики разобрали и сделали щиты покрыть пол. Так переоборудованный хлев стал мастерской отца с верстаком, тисками и всем, что нужно. А пространство под стеной, где скат крыши не позволяет выпрямиться во весь рост, стало стойлом «Явы» Дяди Толика. Когда мотоцикл перекочевал из нашей старой секции в сарайчик, в секции стало просторнее, хотя остатки досок сложили в ней же, наверху под двускатной крышей. И, как обычно летом, створки двери между кухней и комнатой вынесли из хаты, потому что если в такую жарищу ту дверь закрыть, то дома и дышать нечем, вот и нечего им там висеть, только место зря занимают. Так что и створки тоже положили поверх досок под крышей в сарае.

Целый ворох ненужных, ничего не значащих деталей, а? Однако все эти перестановки имели колоссальные последствия, потому что, если подумать хорошенько, находишь способ для сверхулучшающих сдвигов… И теперь, с матрасом постеленным на створки двери, сарайная секция превратилась в мою летнюю дачу.

Надверная постель находилась на том же уровне, примерно, как вторая полка в купе вагона, но куда шире. На доски стены отец пришурупил раздвижную лампу в жестяном абажуре и – читай хоть всю ночь. К тому же, к себе на дачу я отнёс маленький радиоприёмник «Меридиан», который отцу подарил кто-то из клиентов на радостях, что его телевизор вернулся к жизни. Щедрый дар, конечно же, не работал, но за пару недель отец достал все нужные детали и моя дача стала раем на земле. Можно читать до упаду или слушать радио; на выбор. И самое главное никто не

начнёт ворчать «Когда уже ты выключишь тот свет?», или «Да заткни ты эту шарманку!»

И вот лежу тут на воздусях наедине с собою, рядом с конусом света, что льётся на страницу раскрытой книги до полночи и дальше в безмятежной тиши летней ночи. В соседних дворах собаки брешут-заливаются, но это не в счёт, они тут часть общего мироощущения. Одна начнёт, другая подхватит, а вон и соседняя улица подключилась в цепную реакцию, что расходится над всем Посёлком. Только Жулька наш редко когда поддерживает их оратории, старый уже стал, ленивый.

И—просто вдуматься—что если сложить вместе весь собачий лай и брех, включая и тот, что за пределами твоей слышимости, а? Нет, я серьёзно, вот Поселковые собаки затихли ненадолго, но псы в Подлипном завели лай, что плывёт дальше в тихом ночном воздухе и так далее, далее, лай из соседних областей, стран, континентов. Всё сложить. Тогда выходит, что—в целом—на Земле и на минуту не стихает лай, разве нет?. Тоже мне, Планета Людей называется!.

Самое правильное время включать радио это после полуночи. Во-первых, начинают передавать «Концерт после полуночи», в котором не только арии Георга Отса, но и хиты Дина Рида тоже крутят. За концертом начинается следующий: «Для Тех, Кто в Море»—с часу до двух—для моряков торгового флота и рыболовных траулеров. И там такие рокэнролы врубают – закачаешься. Ну оно и понятно, потому что те моряки западную жизнь повидали, в загранку ходят, им одной Людмилы Зыкиной на все 24 часа в сутки уже мало. А с четырёх и почти до шести – джаз. Всего два-три музыканта – пианино, контрабас, барабаны, но какую делают музыку! «Прослушайте, пожалуйста, этюд «Весеннее настроение»...», и такое сбацают – улёт!. Ну а в шесть ноль-ноль зазвучал гимн Советского Союза и пошла обычная шарманка – «Маяк» с Иосифом Кобзоном в концертах по заявкам...

Однажды я не спал всю ночь с определённой целью, потому что перед рассветом надо было смотаться на Болото за сеном, там вдоль

Рощи много стогов заготовлено, и привезти сколько уместится на велике для нашей пары кроликов. Этих кроликов Чепа дал, у него их аж пять клеток, и отец сказал мне обеспечить кормами дарёную живность.

А после набега, я подумал, что день-то всё равно уже начат, но интересно – сколько я смогу без сна продержаться? Так что где-то около полудня, когда я с Серёгой Чаном в шахматы играл на крыльце его хаты, на Гоголя, рядом с колонкой, смотрю – звуки разговоров ко мне как-то издалека доходят или как бы через ватную стенку, а к тому же, толком уже не врубаюсь кто конкретно мне что говорит. Но я всё равно смог отыскать свою да... чу... на купей... ной полке... только вот залезть на сарай... секции на...

Когда я проснулся, за дверью сарайной секции разливается дневной свет – это уже или всё ещё? Я пошёл на кухню хаты. Часы с кукушкой мотают маятником и показывают полшестого, а в отрывном календаре на стене дата нового дня. Так я, выходит, проспал больше суток!.

Все смеются – ну ты здоров спать! Чемпион по беспробудности! Правда, потом оказалось, что это Дядя Толик для смеху лишний листок в календаре оборвал, пока я там дрых...

В общем, те кролики у нас тоже совсем как-то недолго продержались.

~ ~ ~

В то воскресенье я снова подался на Сейм на велике, но уже в одиночку. Знакомый путь резво катил навстречу спицам в колесе, тем более, что я гнал совсем налегке, потому что Саша и Наташа тоже собирались на Залив двухчасовой электричкой, ну и подвезти мне чего-нибудь пожевать. Я ведь не знал, что после велопробега и купания аппетит вообще зверееt. К полудню мой желудок ввалился до самого хребта и я уже смотреть не мог как семейные компании скликают своих на разостланные поверх песка покрывала, садятся в кружок и кормят друг друга всякой всячиной, что привезли на пляж.

Прямо таки в рот закладывают. Ну и сколько мне ещё маяться?!. И я навострял уши, когда из разных точек пляжа, разные приёмники настроенные на один и тот же «Маяк» передавали Всесоюзное точное время после шестого сигнала «пи-и-и!»

Наконец, двухчасовая на Хутор Михайловский прогромыхала через мост над Сеймом. Минут через десять первые группки подъехавшего народа показались из далёкого Сосновника за полем. Однако ни в первой волне новоприбывших, ни в остальных моих сестры-брата не оказалось. Какого хрена? Ведь договорились же – жду на Пляже! Жрать охота!

Тут Саша Плаксин, что живёт на улице Гоголя, напротив колонки, подошёл ко мне сказать, что Наташа ему сказала передать мне, что они не приедут потому что все идут на день рожденье к Дяде Ваде и мне тоже надо ехать прямо туда.

– Всё? Больше ничего не передавала?

– Нет.

Ну это тоже правильно, зачем перегружать желудок, если идёшь на день рожденья? И я стартовал в Конотоп с полным вакуумом пониже диафрагмы… Путь, хоть и знакомый, уже не казался коротким. Педали налились тяжестью и я уже не спринтовал, а скрипел ими под унылую песнь разбойников из кинофильма «Морозко», что натужно крутилась в уме:

“***Ох, и холодно нам!.***
Ох, и голодно нам!.”

Лес кончился, а за ним и тропа вдоль высокой насыпи, а впереди ещё половина пути. Никогда прежде мне не доходил полный смысл слов «я голодный!» Когда на дальнем повороте дороги замаячил высокий жестяной квадрат с красавицей в Украинском уборе и надписью «Ласкаво просимо!», которая отмечала черту города, я уже не мог терпеть эти муки и свернул в заросшую травой канаву, что тянулась к лесополосе. Вдоль всей этой канавы не нашлось ни

единой съедобной травинки из тех, которые мы показывали друг другу на Объекте. Сплошь один лишь спарыш, да несъедобные одуванчики… ну ещё эти, хрен их знает, на сухих колких стеблях, с метёлочками наверху,… Я вытащил часть стебелька из его нижней секции, пожевал мягкое окончание. Нет, это не еда… Ладно, чуть отлежусь тут меж несъедобных трав перед последним броском к Дяде Ваде…

Я явился первым из гостей. До этого лета, я всегда нос воротил от сала и мать обычно говорила: —«Может, пану марципанов на серебряном блюдечке?» Но с того дня я знаю, что нет ничего вкуснее ломтя сала на краюхе чёрного ржаного хлеба.

(…кому-то не кошерно? Красота! Мне больше достанется…)

В июле мы втроём, мои сестра-брат и я, поехали в военно-патриотический лагерь в городе Щорс. Путёвку предложили в школе, почти забесплатно. Так что пришлось мне опять повязываться пионерским галстуком… Щорс стоит в стороне от основных магистралей, пришлось тащиться туда четыре часа дизель-поездом. Там вошли в колею обычной пионерлагерной жизни с линейками, «мёртвым часом» после обеда, с редкими проходами через городишко, чтоб искупаться в узкой речке под железнодорожным мостом. Хорошо хоть библиотека была при лагере…

Правда, выдался один непохожий день. Утром в столовую пришли одни ребята. Пионервожатая объявляет – наших девочек похитили, выступаем в поиск после завтрака! Ух-ты! Старая пацанская игра *Козаки-Разбойники*, но вместо стрелок мелом по бетону окружной дороги, они процарапаны сучком по утоптанным лесным тропинкам.

Когда лес кончился и пошли невысокие ряды Сосенок лесопосадки, на перекрёстке грунтовых дорог следопыты-спасатели разделились на мелкие поисковые партии и разошлись по всем направлениям. В компании с ещё двумя ребятами, я свернул

направо. Дорога привела к опушке, а там к одинокой хате за невысоким штакетником. Наверное, жилище лесника.

Во дворе ни души, даже собаки нет. Гнетущая тишь, а под Дубом поближе к хате гроб открыт выжидающе и крышка над ним стоит на ствол опёртая. Ну и как будто у тебя есть хоть малейший выбор, если тебе в детстве Баба Марфа *Русские Былины* регулярно вслух читала. Конечно, лёг я в гроб и попросил ребят накрыть меня крышкой той. Как Святогор просил своего напарника, Илью Муромца. Просьбу тут же удовлетворили. Я полежал немного в тесной темноте. Совсем не страшно, приятный запах свежих стружек. Потом стал сдвигать крышку, а она не шелохнулась – наверняка сверху уселись и старательно сдерживают свой счастливый смех идиотов.

Я не орал и в крышку не стучался. Мне слишком хорошо было известно, что от каждого крика гроб опояшется дополнительным железным обручем, как от ударов меча Ильи Муромца по гробу со старшим товарищем, который капканом оказался, точь-в-точь по росту Святогора. Молча полежал я ещё в темноте, а потом без лишних усилий сдвинул крышку в сторону, в безлюдную тишь пустого двора. Не удивительно, что у этих придурков мороз пошёл по коже от сидения на зловеще молчащем гробу и они смылись…

Когда я вернулся к распутью, все уже были там и похищенные девочки тоже, потому что лагере всех уже ждал обед…

Но до конца лагерной смены я в Щорсе не остался, потому что Старшей Пионервожатой позвонили из Конотопского Горкома Комсомола и сказали, что я должен ехать в Лагерь Подготовки Комсомольского Актива в городе Сумы.

В последний перед отъездом вечер, в лагерь пришли местные щорсовцы побить меня. Они даже всовывались в окна палаты и откровенными жестами намекали, что мне уже хана. Наверное, я слишком остроумно возразил кому-то из них при купании в речке, а может какая-то из местных девочек, которые тоже томились в лагере, им пожаловалась, что я слишком высокого о себе мнения и вообще выделываюсь. Но в окно хлопцы не влезали из-за

присутствия Старшей Пионервожатой. Чуть позже она сопроводила меня в палату с моим сестрой и братом – попрощаться, потому что дизель отправлялся слишком ранним утром.

~ ~ ~

В Лагере Подготовки Комсомольского Актива в Сумах мы, четверо ребят из Конотопа, жили в одной палатке с четырьмя железными койками на песчаном полу, а наши две землячки делили комнату в длинном здании барачного типа с девушками из других мест. Помимо того здания, на территории имелась отдельная столовая и сцена-раковина перед рядами скамеек из брусьев, в окружении молодых, но уже полуусохших Сосен задушенных нитями густой паутины. Каждое утро на тех скамьях мы конспектировали лекции, которые нам читали убей не помню о чём.

Потом весь день мы валялись поверх армейских одеял на наших койках—(в давнем пионерлагере за Зоной, палатка старшего отряда была частью зачарованного пространства из трепетанья резных теней по нагретому солнцем брезенту) – в палатке, которая была всего-навсего палаткой и никакого волшебного театра теней ни на одной из стенок.

(...как много мы теряем вырастая...)

Я был младше и мельче всех в Конотопской группе и только слушал степенную болтовню старших на полгода, что Волга куда лучше устаревшей Победы и как надо правильно производить объездку мотоцикла, и что какой-то парень с ними по соседству женился в возрасте восемнадцати лет. Ведь надо же какой придурок! Женился, когда ещё должен был с пацанвой футбол во дворе гонять...

Растянувшись на своей койке, я знал, что мне нечего добавить в элитарную беседу солидных людей и просто смотрел, как Батуринское шоссе мчит под колесо *моей* «Явы», которой даю

первую объездку или видел заросший травой луг рядом с мусоркой на Объекте и нас, ребятню в погоне за мячом, с безответными воплями «мне! пас!» И я беззвучно хмыкал, вспоминая наивные россказни друг другу про богатыря футболиста с красной повязкой на правом колене, потому что ему запрещалось бить той ногой и судьи за этим строго следили, не то штанги ворот разлетались в мелкие щепы, а не успевших увернуться вратарей замертво уносили с поля на носилках после его «пушечного» удара.

Нет, подобный детский лепет не вписывался в сырую пещеру палатки с комсомольскими активистами оброненными на их койки, тем более, что я никак не мог вспомнить как же его звали, того футболиста…

Один из нашей палатки умел играть на гитаре, которую одалживал где-то в длинном барачном здании. Весь репертуар насчитывал ровно две песни – баллада про город куда не найти пути, а жители там любят споры, потому что мысли у них поперёк, зато руки любимых вместо квартир, после которой следовал весёлый рок про скелетов, которые радостно мотают головой после хорошей анаши. Однако даже с такой скудной программой, слушатели у него всегда находились, бренчанье гитары скликало обитателей из соседних палаток и девушек из их спален в длинном здании.

Я попросил его научить меня игре на гитаре и он показал два известных ему аккорда и как нужно играть бой «восьмёрку». Глубокие борозды от гитарных струн пропахали подушечки пальцев левой руки. Давить на струны было больно, но больно уж хотелось научиться…

В игре КВН против команды активистов из города Сумы мы проиграли, но только не в конкурсе Приветствий, который я ниоткуда не сдирал. Мы вышли как заблудившиеся инопланетяне.

“***Мы на Марс собирались!***
Йе! Йе!
А попали мы к вам!

Йе! Йе! Йе! ”

~~~~~
~~~~~

~ ~ ~ ЮНОСТЬ

Немало своих одноклассников не досчитались мы после этого лета. Кто-то уехал, другие стали студентами всяческих училищ и техникумов. Куба поступил в Одесское Мореходное Училище, Володя Шерудило перешёл в Городское Профессионально-Техническое Училище № 4, оно же ГПТУ-4, но в Конотопе это заведение именовали просто «бурса», чьи учащиеся автоматически становились «бурсаками». Чепа пытался поступить в какой-то горный техникум в Донецке, но в результате оказался студентом Конотопского Железнодорожного Техникума. В параллельном классе потерь было не меньше и даже младенчик, которого одна из их девочек нагуляла и в конце каникул «в подоле принесла», не восполнял урона, и потому остатки 8 А и 8 Б классов объединили в один девятый класс, уже без всяких букв...

В первый день занятий, после торжественной линейки с традиционно бесконечным звонком на первый урок первого полугодия, в наш сводный класс вошёл Валера Парасюк (кличка Квэк). Этот блондин из десятого класса бегал за кем-то из девочек бывшего параллельного и нарисовался под предлогом случайного визита типа как бы сказать «привет-привет» ребятам.

Учительница Украинского языка и литературы, Федосья Яковлевна (кличка Феська), с прямым проборов в бесцветных волосах переходивших в тощие косички жалкой короны, пришла второй, уступив Квэку тридцать секунд. Однако, полнясь бойцовским духом настоящей спортсменки, указала ему на дверь и скомандовала выйти. Квэк не стал варить воду, а враз удовлетворил пожеланию классной дамы, избрав, однако, несколько личный путь. Он влез на подоконник и удалился красивым прыжком во двор школы. Его чёрные, хорошо начищенные туфли взбликнули на лету, в виде блестящего «пока-пока».

Недаром учительница Химии, Татьяна Фёдоровна (кличка Нуклезида) имела привычку ставить эти его туфли нам в пример. «Если у парня туфли начищены, значит он следит за собой. Берите пример с Валеры Парасюка, и с его туфлей, которые всегда начищены!»

После чего Федосья Яковлевна, она же Феська, закрыла окно оставшееся нараспах после отбытия Валеры Парасюка, он же Квэк, и призвала учащихся не обращать внимание на его выбрыки, поскольку он больше уже не наш, а переведён в школу № 14 (вторая из двух школ на Посёлке) за то, что его место жительства ближе к упомянутой школе, и пусть теперь у тамошних учителей голова болит...

Нет лучше способа узнать друг друга лучше и ближе притереться, чем совместный труд... Отзанимавшись первую неделю, старшие классы были оповещены, что утром воскресного дня они должны явиться в школу с вёдрами, поскольку мы идём в подшефный колхоз села Подлипное оказывать помощь в уборке урожая.

День выдался великолепный, тёплый сентябрьский день с ясным солнцем в просторном голубом небе. Шумная колонна учащихся пришла на край кукурузного поля, где нам объяснили порядок проведения сбора. Оторвать початок от стебля, ободрать с него длинные листья, а всё остальное бросить в ведро. Когда ведро наполнится, отнести и высыпать содержимое на общую кучу початков. Совокупность перечисленных действий становится твоей лептой в процесс «шефской помощи коллективному хозяйству».

Каждого шефа поставили во фланг ряда кукурузных стеблей, который ему предстояло обобрать по пути следования к противоположному концу поля невидимому за зелёной стеной урожая. И – двинули слитые единой целью! Вперёд, под бамканье початков по дну и в стенки вёдер, под радостные возгласы юных голосов, под наставительные окрики поднаторелых педагогов, под жахканье взрывпакетов подброшенных в безоблачное небо... Как барабанно, звонко, мудро, высоко!

Вскоре я отметил моё отставание от общего продвижения. Возвращаясь с очередным ведром собранных початков к общей куче, я обратил внимание, что далеко не все стебли освободились от початков подчистую. Так надо ж было чётче объяснять, что цель не в том, чтобы собрать сколько их есть на поле, но выборочно, лучших из лучших, початочную элиту, так сказать!

Подправив, соответственно, свои приоритеты и трудовые методы, я тут же поравнялся с общей массой шефствующих шествующих к победе в битве за урожай, затем вырвался вперёд и настиг авангардный отряд из четырёх ударников труда.

Предшествование общей массе трудящихся даёт немало преимуществ. Первое, оно же главное, что не нужно возвращаться к общей куче собранных початков. Как только ведро наполнилось, переворачиваешь и сыпешь наземь, становишься кучезачинающим основоположником для последующих трудовых всыпаний теми, кто придёт следом.

Пара ребят-авангардистов избрали путь наименьшего сопротивления и расшвыривали початки оборванные со своих рядов куда попало, тем самым избегая затраты сил и времени на обдирку листьев. Я не стал перенимать их передового метода, поскольку вдалеке уже виднелся край поля с его урожаем. Мы вышли к следующему, оставленному под паром, и полчаса валялись на густой траве, больше утомившись ожиданием пока дотопает основная масса, чем нашими сверхпроизводительными трудовыми усилиями…

В сентябре Архипенки переехали на улицу Рябошапки недалеко от РемБазы, которая выделила своему фрезеровщику, Дяде Толику, квартиру в пятиэтажке. Образ жизни в нашей хате стал просторнее, потому что родители перешли спать на кухню…

Вскоре после этого в хате появился ещё один жилец, Григорий Пилюта, который отбыл свою десятку за убийство и вернулся в родительский дом. Гладкий чуб тёмных волос облегал его лоб до бровей, а глаза постоянно смотрели лишь вниз или в сторону. Сумрачно и молча проходил он по двору между калиткой и своим

крыльцом. Его возвращение из тюрьмы не отменило концерты Пилютихи сквозь стену. Хотя Однажды проходя под окном их кухни, я услыхал его попытку грубым окриком заткнуть поток материнских проклятий кухонной стене…

Посреди ночи меня разбудил отец склоняясь надо мной в скудном свете настольной лампы. Мать стояла в дверях на кухню, а Саша и Наташа заспанно выглядывали из-под своих одеял.

Отец сказал мне, что Пилюта ломится во входную дверь с ножом и я должен вылезти через окно комнаты в палисадник и принести два топора из мастерской в сарайчике. На одевание не оставалось времени – через наполненную темнотой кухню доносились тяжёлые удары в дверь на крыльце и пьяные вопли с требованиями к матери: —«Открой, сука! Я тебе кишки выпущу!»

Я быстренько принёс необходимые инструменты и вышел с отцом на веранду охранять дверь, что сотрясалась от ударов и животных воплей Григория Пилюты. Как долго выдержит щеколда в навесном замке?.

Мы стояли наготове в трусах и майках с топорами в руках. – «Серёжа!»—сказал отец взволнованным голосом, – «как ворвётся, ты остриком не бей, обухом глуши! Обухом!» Мне было страшно, но вместе с тем хотелось, чтобы Пилюта поскорей врывался бы уже.

Он так и не ворвался. В тёмном дворе раздался вой Пилютихи и уговаривающий мужской голос. Это Юра Плаксин, друг детства Григория Пилюты, пришёл из своей хаты на улице Гоголя, напротив колонки. Он увёл пьяного с собой… Мы оставили топоры рядом с дверью и ушли досыпать ночь. Утром я осмотрел глубокие проклёвины ножом сквозь серую краску входной двери. Хорошо, что это не зимой случилось. Как бы я вылезал через окно, когда там вставлены двойные рамы, а? Потом явился Юра Плаксин с ранним визитом, просить, чтоб не говорили участковому про этот случай.

Один из топоров долго оставался на веранде, покуда Григорий Пилюта не съехал куда-то в город из материнской хаты, от греха подальше. Ну глупо же, сама его накрутит, а потом бегает за Юрой

Плаксиным, чтобы сынок опять не загремел на Зону. Возможно, у него имелись и свои причины съехать, откуда мне знать, чужая душа потёмки… Позднее я встречал его в Городе, но во дворе нашей хаты никогда.

Со смертью Пилютихи, количество населения нашей хаты скачкообразно возросло, потому что Григорий продал свой родительский дом приезжим из Сибири. Но это ещё не значит, что сами по себе они сибиряки. Туда можно ехать из любой республики, завербовался и – вперёд. Так называемая «погоня за длинным рублём» тянулась, главным образом, в таёжном направлении, потому что зарплата в необжитой Тайге намного выше. Люди оттуда возвращались с полными чемоданами денег. По слухам. Если удавалось, я имею в виду, вернуться. Недаром же сложилась поговорка «Чем рубль длиннее, тем жизнь короче», верно?

Один хлопец с Посёлка тоже завербовался на шахту где-то за Уралом, а через шесть месяцев его обратно прислали. Он в той шахте отвечал за ремонт оборудования. Что-то там застопорилось, вот он рубильник отключил и полез посмотреть что не так, а позади – то ли напарник отошёл или ещё чего – врубили снова… И оборудование его так искрошило, что останки отправляли домой в цинковом гробу типа как примите сына в фаршированном виде… В Балетной Студии у Нины Александровны он был ведущим танцором, высокий такой брюнет. При исполнении Молдавского танца Жок выше всех подпрыгивал, ноги вразброс в шпагате, ладони прихлопывают по сапогам. И Молдавская жилетка чёрного шёлка, вся в блёстках, хорошо шла его танцующим кудрям.

Приезжие, которые купили Пилютину полхаты в Сибирь не из Конотопа вербовались и даже не с Украины. Они говорили на непривычно чистом Русском и не понимали многих местных слов. Четверо их было, две бездетные пары, что разделили полхаты ещё раз пополам. Пара чуть постарше жила у нас за стенкой, а молодым досталась часть с окнами на улицу. Наверное, поэтому они были

пожизнерадостней, чем старшие. Хотя по сравнению с покойной Пилютихой, те тоже оказались вполне дружелюбными.

Наш непосредственный сосед, муж из старшей пары, затеял ремонт печки у них на кухне и нашёл клад спрятанный в дымоходе. Саше с Наташей и детям из хаты соседей Турковых он раздал кипу невиданных денежных знаков. Они удивили меня своей номинальной стоимостью. Прежде, сизые 25-рублёвки с гипсовыми бюстом Ленина в профиль казались мне пределом крупных купюр, но нет! Дети Турковых играли сотенными и даже пятисотенными банкнотами, каждая размером с носовой платок, с картинками античных скульптур и царскими портретами в овальных рамках, плюс витиеватая подпись Министра Финансов Российской Империи. Играли также также вялыми «керенками» и валютой Украинской Рады времён Гражданской войны, которая не слишком живописна, однако подпись Лебідь-Юрчика ничуть не уступает подписи Царского министра числом завитушек.

Между прочим в нашем классе учился хлопец, у которого тоже фамилия Юрчик, а звать Сергеем, как и меня. Только он повыше и на уроках Физкультуры в строю стоял вторым. Но вряд ли родственник финансовому Юрчику, потому что сам из Подлипного. Скорее всего просто однофамильцы.

Когда отец пришёл с работы, сосед позвал его показать коробочку, в которой лежал клад и место в печной трубе, откуда он его вынул. Потом отец вернулся домой и, стоя посреди кухни, задумчиво сказал: —«А ведь там не только бумажки лежали». Потом он снова полистал кипу банкнот на столе и пустился вспоминать своего канинского родственника по материнской линии. При царском режиме тот освоил выпуск таких же вот бумажек на своей специальной машинке. Широко жил, но погорел из-за нетерпеливости. К нему из города брат в гости приехал, зашли в «монопольку», так при Царе называли продуктовый магазин, и купили водки. А монопольщик заметил на своих пальцах синие следы от пятирублёвки, пока они уже где-то распивали. Братья до

того спешили отметить встречу, что даже не дали деньге как следует просохнуть.

Короче, сослали печатника в Сибирь, а всё имущество конфисковали. А жена его поехала за ним, как те жёны осуждённых Декабристов.

– Вот что значит любовь, – сказала мать, чтобы пилюлей романтичности подсластить меркантильную горечь тематики.

– Какая там любовь! – взвился отец. – Та стерва поняла, что за таким пройдохой ей и в Сибири будет лучше, чем в деревне.

Он довольно хмыкнул, и мне тоже стало приятно, что где-то в моём фамильном дереве сидит прожжённый прохиндей. Пусть даже из времён давным-давно минувших, дореволюционных, которые казались такими же далёкими, как былинные богатыри из старины суровой. Впрочем, при Змее-Горыныче бумажных денег ещё, конечно, не печатали.

Спустя неделю предположение отца косвенно подтвердил муж из пары помоложе (уже изрядно приунывший). Он поделился новостью, что его друг без всякого предупреждения исчез неведомо куда. Втихаря рассчитались с работы (его жена тоже), и уехали не попрощавшись с друзьями за стенкой. Дружба дружбой, а табачок врозь.

Вскоре молодая пара, заметно приунывшая, тоже уехали. Пилютина часть хаты осталась пустовать и надолго…

(…знакомый с Советским законодательством не станет осуждать беглецов слишком строго – любой клад найденный в СССР становился собственностью государства, минус 25 % за труды счастливчику, который нашёл. Никакой Джон Сильвер не позарился бы на такие сокровища…)

~ ~ ~

Из-за подготовки полученной в лагере комсомольских активистов в Сумах, я был избран Председателем комсомольской организации школы № 13 (сокращённо Комсоргом) и следующую неделю не посещал занятия по уважительной причине. В комиссии из пяти других комсоргов, мне пришлось посещать отчётно-выборные собрания комсомольских комитетов школ города, на которые нас водила второй секретарь горкома комсомола. Помимо меня в комиссии оказались ещё двое выпускников сумского лагеря – одна из девушек и гитарист.

Отчётно-выборные собрания убивали своей скукотищей, потому что в каждой школе одними и теми же словами говорили про одно и то же. После чего второй секретарь непременно требовала от нас, комиссионеров, выступить с нашими критическими замечаниями. Гитарист справлялся с этим лучше всех – втянулся тренькать всего на двух аккордах.

"Лелея и блюдя славные традиции своего пионерского прошлого, комсомол школы № 13 внёс свой весомый вклад в Ежегодный Общешкольный Сбор Металлолома..."

Каждую осень половина большого школьного двора вдоль забора напротив учебных зданий разделялась на сектора, а те распределялись между классами, начиная с пятого. И теперь каждый знал куда ему валить собранный металлолом. Классы соревновались, кучи всякой ржавой всячины росли, регулярно взвешивались, вес записывался и, в конце концов, ворота школьного двора распахивались для самосвала среднего возраста и такой же грузоподъёмности, который увозил коллекционный взяток неведомо куда за две, обычно, ходки. Классу победителю присуждалась Почётная Грамота, которая и вручалась на ближайшей торжественной линейке школы.

Конечно, те грамоты всем пофиг. Что привлекало, так это собраться целым классом и – ... ну не совсем, чтобы целым, вообще-то, а кто так уж и быть придёт... и – с парой возков дробно грохочущих железом своих колёс по булыжнику улицы Богдана

Хмельницкого или натружено скрипя ими же по вымощенным пылью остальным улицам Посёлка, углубиться в его географические головоломки в поисках металлолома. Куда конкретно? Да, по-всякому. Бывало кто-то из одноклассников приносил весть о соседе охотно готовом избавиться от многолетних залежей чего-то ржаво-тяжёлого в углу двора хаты. «Ай, молодцы, деточки! Та заезжайте ж уже! Ото там! Все забирайте!»

Но дырявые тазы, диванные пружины из давних режимов и гнутые гвозди слишком легковесный сброд, чтобы добавить авторитета твоей куче. К тому же с борцами за опрятный вид своего двора на Посёлке тоже не густо. «Ну и що, що там куча за сараем? А може и згодиться щось». И не поспоришь, потому что при ремонте забора доска от гвоздя рассыпается в прах, слишком уже струхла, а проволокой примотать так ещё и простоит лет пару. А проволока откуда? Та сказано ж – на куче за сараем.

Поэтому сводный коллектив нашего девятого класса—те, кто вообще пришли—двинул в свободный поиск, катя два возка вдоль заводской стены по Профессийной всей… высматривая, как стервятники вестернов, поживу… Когда завод кончился, и начались рельсовые пути товарной станции, которым нет числа, конца и краю, мы покружили вокруг явно ничейной колёсной пары, что даже и на рельсах не стояла, а сброшена была под небольшой откос, неаккуратно так. Однако невозможно погрузить многотонную махину на два возка, не то мы победили б одной ходкой.

Мы прочесали дальше вдоль путей, но безрезультатно. Но потом ребята случайно заглянули в широкую секцию бетонной трубы, что затерялась в высоких травах вдоль путей и обнаружили там арбуз и ящик винограда – сбор металлолома имеет свои плюсы иногда.

– А шо, не ясно? – прокомментировал находку Владя Сакун из бывшего параллельного. – Грузчики дерганули с какого-то товарняка и приныкали.

Необъяснимые, на первый взгляд, явления утрачивают мишуру загадочности пред умудрённым жизнью взором…

Мы повнимательнее оглянулись на составы оцепеневшие на своих путях в дремотном ожидании «зелёного», каждый – своего.

Кто-то из наших поисковиков отправляясь за металлоломом не упустил прихватить нож, как чувствовал, что встретится арбуз. Но тот оказался чересчур велик для длины ножа прорезавшего кожуру и плоть по меридиано-кругу. Пришлось жвакнуть его о край бетонного кольца торчавшего, на попа, из трав. Арбуз распался надвое, но сердцевина его, так называемая «душа», осталась в одной из половин, не отделилась. Влажно-красная, в сахарных разводах, простёганная длинными поперечными стежка́ми чёрно-коричневых семечек… душа…

С невиданною прытью, которой в жизни от себя не ожидал, нанёс я молниеносный «удар сокола» – двумя руками закогтил и вырвал арбузову душу. В изумлении самим собой и этой вселившейся невесть откуда ловкостью, я великодушно отказался потчеваться оставшимися половинками, которые ребята раскромсали на доли поудобней, и ел из собственных ладоней, обгрызая бескожурный истекающий соком ком арбузной плоти…

Ну а перед виноградом даже самые скромные девушки нашей металлосборной группы не устояли, но всё равно пол-ящика мы оставили грузчикам, чтобы не сильно прессовать… или почти половину.

Час спустя, по наводке случайного, но хорошо осведомлённого знакомого хлопца, мы вышли на залежи металлолома пригодные для промышленной разработки. Правда, в совершенно противоположном направлении… В заборе между Базаром и Бурсой, она же ГПТУ-4, имелась дыра, через которую мы натаскали столько обрезков двухдюймовых труб, что на оба возка хватило. Там были ещё, но которые короче метра мы не стали брать.

На следующий день завхоз ГПТУ-4 пришёл в школу № 13, опознал те трубы в нашей куче и, после разговора с директором, увёз их на самосвале. Утверждал, что это материал для обучения бурсаков-токарей их ремеслу. Однако Пётр Иванович нас ни в чём не

упрекнул. Да и за что? Кто мог предположить, что учебный материал станет валяться в густой крапиве? Хотя, если внимательно вдуматься, чему угодно можно подобрать подходящую причину неразличимую на первый, поверхностный взгляд. И лишь моя неудержимость в изъятии души арбуза так и остался для меня загадкой… но всё равно классно так получилось.

(…в те безвозвратно канувшие времена—не дотянуться, не дозваться, не искупить—я не ведал ещё, что все мои горести, радости и всякое такое прочее, исходят от той недосягаемой сволочи в непостижимо далёком будущем, которая растянулась сейчас на моей спине и слагает вот это письмо, в одноместной палатке, посреди тёмного леса на краю света, под неумолчный плеск реки, которую нынче кличут Варанда…)

~ ~ ~

Непредсказуемо начало дружб, идёшь себе домой со школы, а тут Витя Черевко, твой новый одноклассник из бывшего параллельного, тоже топает вдоль Нежинской, хотя живёт за Старым кладбищем.

– О! А ты чё тут?

– А… Иду на хату к Владе. Он на Литейной живёт.

– Хмм… Ну и я с тобой.

С того дня, у меня два друга-одноклассника – Чуба, он же Витя Черевко, и Владя, он же Владимир Сакун.

Прыщи на лбу у Влади скрыты волною чуба сально-каштановых прямых волос стекающих из длинного пробора над его правым ухом. Пару невызревших «хотенчиков» на щеке с лихвою искупает красота огромных карих глаз – любая кинокрасотка усохнет от зависти.

В чёрно-кучерявых волосах Чубы нет и намёка на пробор, а глаза бледно-голубые. Россыпь неприметных веснушек переходит с аккуратного носа в здоровый румянец щёк.

Мы сходимся на крыльцо Владиной хаты, где он живёт со своей матерью, Галиной Петровной. Вернее, живут они в полхате – кухня с комнатой. Квадратный стол с фанерным ящиком под столешницей, железная койка и кирпичная плита-печка насилу втиснулись в узкую кухню, больше ничего не поместилось, кроме крючков на стене рядом с дверью, чтобы вешать пальто-куртки. В бездверной комнате, что следует за печкой – шкаф, кровать, стол под истёртой клеёнкой и три стула засунутые под него—иначе не пройти—да этажерка с телеком на верхней полке. На кухне и в комнате по одному окну в неравномерной чешуе давнишней краски, постарше Влади будет. Глухая стена напротив окон отделяет их жильё от полухаты соседей.

Галина Петровна работает нянечкой в заводском детсадике, что затаился в зарослях между Парком КПВРЗ и спуском в тоннель Путепровода. Иногда её навещает кузен. Она его называет Карандаш, или Каранделя, в зависимости от её текущего настроения, которое, в свою очередь, зависит от наличия или отсутствия при кузене бутылки вина. При сухо деловых визитах с него хватает чисто официального «Карандаш». Я бы не стал уж так прямо сразу усомняться, что он и вправду родственник – в его лице порой мелькает обворожительность Владиных глаз…

Два старших брата Влади, не похожие на него, ни даже друг на друга, уехали раздельно странствовать по Советскому Союзу в погоне за длинным рублём.

Среди хлопцев как Литейной, так и Кузнечной улиц Владя пользовался заслуженной популярностью. И не просто благодаря факту, что пара его старших братьев смогли добиться правильного уважения и безоговорочного признания в глазах всего Посёлка, прежде чем махнуть в свои «погони». Да, какой-то отблеск их репутации—када они на пару, так с ними лучше ващще не связываться—определённой мерой осел на Владю, но и помимо этого всего он несомненно обладал своими собственными достоинствами. Ни один хлопец по соседству не мог сравниться с ним в умении гонять дуры.

В Поселковом обиходе «гнать дуру» означало дурачить своими россказнями в каких-то личных целях, но, главным образом, для смеха. Тематика такого развлекательного дурогонства отличалась полной безграничностью, лишь бы ржали. Вот, например, дура про шотландских мужиков, что соревнуются в метании бревна, которую Владя гонит от лица одного из тех спортивных жлобов в клетчатых юбчонках:

– Ну и тупой же в тот раз попался. Он так и не врубился, что я уже кидану́л. А деревяка отсвистала скоко смогла и – на посадку. Точняк по темечку накрыла. Он – брык! И копыта́ откинул. А шо ему ещё осталось делать? Гаплык котёнку – больше срать не будет… – Один глаз, в изнеможении от тупости покойного, дремотно закрывается, второй же, взглядывая вверх под своё полуопущенное веко, демонстрирует исподнее поле белка́.

Или же делился местной новостью, как Коля Певрий, готовый как двери, принял фонарный столб за прохожего. Сперва зашугивал, как постороннего, ну темно ж уже было, ночью, потом, грит, ланна, закурить дай, а тот не отвечает и правильного уважения не проявил, тут Коля вызверился и начал вырубать падлу. Ногами. Но ни хрена не завалил…

А в один из вечеров, всегдашний сходняк на крылечке друга разделила с нами она, гитара Васи Маркова… И Владя запел про графа и его дочь Валентину, что полюбила пажа игравшего на скрипке. И вот тогда я впал в рабство и начал умолять Владю, чтоб и меня научил. А он отнекивался, что и сам обучается у Квэка и лучше мне обратиться к тому напрямую. Только что толку, ведь гитары у меня нет, а Вася не позволяет, чтоб кто-то бренчал на его инструменте помимо Влади. Он сын в семье глухонемых, но сам вполне говорящий, вот и успел предупредить…

Если чего-то по настоящему хочешь, мечта сбывается секундально, ну плюс-минус день или два. Нашлась гитара! Вадик Глущенко, по кличке Глуща, с той же самой улицы Литейной, продал мне свою. Чётко по магазинной цене, ни копейки сверху. Через

круглую дыру деки наклейка видна в коробке «7 руб. 50 коп. Ленинградская фабрика музыкальных инструментов». Нужную сумму, почти сразу, мать выделила. Да, правда, на колышке третьей струны не хватало пластмассового кружка и для настройки приходилось крутить его плоскогубцами, но позже отец снял колышек с грифа, отнёс на работу и приварил аккуратную нашлёпку из металла вместо сломанной.

Квэк осчастливил меня мятым листком из тетрадки в клеточку, а на нём полный список и наброски (ни он, ни я тогда не знал, что это называется табулатурой) всех гитарных аккордов, какие есть на свете – «маленькая звёздочка», «большая звёздочка», «кочерга» и «барэ». Дар куда бесценнее карты Острова Сокровищ. Ещё немного, ещё чуть-чуть и я тоже запою про любимую дочь графа!.

Но нет, мне не досталось этого «чуть-чуть». Владин брат, Юра, по пути из Сыктывкара в Забайкальск (а может и в обратном направлении), привёз ему новенькую шестиструнную гитару, а я снова безнадёжно отстал, потому что на шестиструнной, она же Испанская, гитаре нет никаких «кочерёг и «звёздочек». Вот и пришлось делать пропилы в порожке грифа моей гитары для раскладки струн на международный Испанский манер вместо семиструнного, Российско-Цыганского.

Посреди октября погода всё ещё радовала теплом и Галина Петровна устроила Владин день рождения во дворе их хаты, чтобы он пригласил одноклассников посидеть на открытом воздухе. Стол из спальни вынесли в палисадник и он оказался не только раскладным, но и лакированным—от стены хаты до сарая у забора на улицу, который культурно обшит вагонкой и с остеклённым верандным переплётом, а летом в нём спальня и летняя кухня.

За этим праздничным столом впервые в жизни выпил я вина. О! какое великолепное ощущение! Этого не описать! Мир вокруг подёрнулся тончайшим пологом из прозрачных—словно стрекозиные крылья—прожилочек цветочных лепестков… Прекрасные друзья сидели вокруг—лучшие во всём мире—наша

беседа блистала остроумием, а смех Владиной матери звенел так мелодично, пока мягкие тени под кустом красной смородины темнели, расплывались, углублялись…

Пришла зима, а с нею ещё один день рожденья – у моей одноклассницы Любы Сердюк и те, кто сдавал старосте нашего класса, Тане Красножон, по два рубля, пришли на хату новорожденной.

До этого времени, все крупные празднования устраивались исключительно в школе, под присмотром Альбины Григорьевны. Мы собирались там под вечер, пили лимонад в складчину, доставленный в классную комнату парой родительниц, а когда те уходили парты сдвигались в один угол, для привольной игры в Ручеёк, а парни из более старших классов заглядывали в дверь, но бдительная Альбина спроваживала их своим педагогично властным гарканьем.

> *(…классное ощущение держать девичью руку в своей и тянуть избранницу следом, сквозь туннель из попарно воздетых рук, если, конечно, ладонь, за которую тянешь, не мокрая от пота, а то дожидайся потом, пока Вера Литвинова освободит тебя из этой влажности и потянет за собой в живой тоннель. Да, нос у неё непривлекательно приплюснут, но зато ладонь всегда сухая. Она, в общем, неплохая девушка, вот только Саша Униат за ней всерьёз бегает. Он тоже неплохой парень, спокойный, но тут нужна осмотрительность, незачем возбуждать беспричинную ревность, а тем более, что и губы у неё, вообще-то, слишком тонкие…)*

У Любы, в большой гостиной на свеже-красном полу, стоял большой стол под крахмально-белой скатертью уставленной всяческими салатами, холодцом, пирожными и ситром. Когда все приглашённые собрались, староста Таня вручила имениннице подарок купленный на собранные рубли и родители Любы ушли куда-то к соседям, чтобы дать нам возможность самостоятельного

веселья… Ребята начали втихаря отделялись от коллектива и уходить на широкую веранду с остеклённым переплётом – пить принесённый кем-то самогон.

В небольшой спальне напротив гостиной задёрнули дверные шторы и там пошла уютная дискотека в мягком освещении от лицевой панели проигрывателя под звуки инструментальных номеровнадолгоиграющем диске Поющих Гитар. Добавочная полоска света, что втискивалась из коридора через щёлку между плотно сдвинутых штор, ничуть не мешала темноте, а лишь показывала где выход… Время от времени брат Любы, обалдуй семиклассник, украдкой всовывал, под шторой, свою, из коридора, руку и щёлкал выключателем, глуша всю комнату слепящим светом с потолка. Танцоры прядали друг от друга, болезненно щурили глаза и рыкали на придурка, который тупо гыгыкал и пускался в галоп на веранду, где, на слабо́, продолжали мусолить всем уже гадостную контрабанду. А в спальне, парень из пары застигнутой ближе всех к шторе снова гасил свет.

На веранду я не пошёл, а тормознулся за столом и налегал на свой любимый салат Оливье. Когда я запил его ситром, уже не таким любимым, но до сих пор вкусным, за столом оставались, фактически, двое, с учётом меня. Таня Крутась из бывшего параллельного сидела за пару стульев от меня, с другой стороны стола. Она ничего не ела и не пила, потому что руки оставались скрещёнными на груди, а выражение лица говорило о нескрываемом неудовольствии. Я набрался решимости, обошёл вокруг стола и встал рядом со словами: —«Разрешите?» На меня она даже и не взглянула, а ещё недовольнее поджала губы, поднялась и гибко направилась в темноту танцевальной спальни.

Там не меняли партнёров и пары не расходились, когда запись заканчивалась, но дождавшись пока пластинка отшуршит промежуток между песнями, снова обхватывали руками друг друга, кто с кем и танцевал, чтобы прижаться грудью к верхней части туловища напротив.

Лёгкое покачивание тонкой талии Тани между ладоней моих рук, возложенных поверх её бёдер, хмелило меня сильнее вина. В ушах стоял пульсирующий гул, каждый мускул насторожённо напряжён, чтобы не упустить, ответить встречно малейшему движенью её рук на моих плечах. И я не злился на подпившего дебила в его игрищах с выключателем, но, вынужденный отдёрнуться от Тани, в ярком свете лампы я разглядывал профиль с чистой бледной кожей и смотрел на глаз опущенный упорно вниз. Я любовался прядью волнистых волос над ухом, переходивших в маленький миленький хвостик чуть ниже затылка. Груди её были скорее окружностями, чем полусферами, но и то, что было, ввергало меня в экстатичный транс корибантов.

(…признаюсь, что я тогда не знал таких мудрёных терминов… но так я чувствовал!. и тут отец мой не преминул бы критикнуть: —«Понахватался херни всякой, как собака блох! Всё-то вы по верхушкам скачете… Верхушечник, итит твою налево!»…)

Да, я был наверху блаженства, я был влюблён бесповоротно и навечно… После занятий, я подстерегал её у ворот школы, чтобы пройти рядом до калитки нашей хаты, потому что большинство учеников школы № 13 расходились по Посёлку через Нежинскую. И я даже пошёл в школу № 5 болеть за наших девушек, когда они проиграли в городском чемпионате по волейболу. Она тоже была в команде. Их поражение меня почти не огорчило, я был слишком занят тем, что всё дальше влюблялся в её высокие скулы. И я простил ей некоторую кривоватость ног ведь, в конце концов, это признак Амазонок, бесстрашных воинственных наездниц. Но как бесподобно она смотрелась в своей белой футболке!.

Но, при всей беззаветной неотступности моего поклонения, я так и не смог растопить её непостижимо неизменное неудовольствие. На переменах, на малейшую из моих попыток приблизиться, она

подзывала кого-нибудь из своих подружек, чаще всего старосту Красножон. Она даже изменила свой маршрут возвращений из школы и обходила Нежинскую по улице Первомайской.

Мне оставалось только отвянуть… зябкие вьюги засыпали снегом остылый пепел отвергнутого обожанья…

~ ~ ~

Обильными снегопадами встретила Москва, столица нашей необъятной Родины, участников зимнего этапа Всесоюзной военно-патриотической игры «Зарница» прибывающих из самых отдалённых уголков. И Конотоп послал туда же шестерых своих сыновей, с лыжами их и руководителем средне-сорокалетнего возраста…

Зная, что жгут крепления, сделанного отцом годы тому, не подведёт, я с лёгким сердцем забросил лыжи на третью полку, разделся и залез на вторую в отдельном купе спального вагона. Свет в потолке проводники уже выключили, но за окном тянулась 4-я платформа под коркой хорошо утоптанного снега, что отражал свет льющийся из дуговых ламп над ним.

Наконец, от локомотива в голове поезда донеслось бряканье сцепок—вагоны, друг за другом, дёргали друг друга. Эффект домино достиг и нашего, он брякнул, качнулся и, плавно ускоряясь, понёс… В Москву! В Москву!

Вечером следующего дня мы оставили свои лыжи в вестибюле громадной школы скудно освещённой и пустой, за исключением группки жителей окружающего микрорайона, которые пришли разобрать нас на ночлег по своим гостеприимным квартирам.

Наутро гостеприимцы напоили меня чаем и поспешили разойтись по своим работам, дав наказ своему сыну подросткового возраста отвести меня в ту же громадную школу, запертую на каникулы. По дороге, он настойчиво напоминал мене получше запоминать путь, чтобы вечером смог отыскать их квартиру, куда меня определили на постой оплаченный Всесоюзной игрой.

Ели мы три раза в день в громадной столовой неподалёку от громадной школы окружённой громадными многоэтажками микрорайона. Кроме того дня, когда нас, вместе с лыжами, отвезли в Таманскую дивизию в лес под Москвой.

Там мы бежали в атаку по глубоким сугробам между молодых Елей, а солдат в землисто-серой шинели тоже бежал среди нас, улыбался и постоянно строчил из автомата Калашникова холостыми патронами, а стреляные гильзы автоматически разлетались в глубокий снег. Затем нас—в числе остальных двухсот зарничников прибывших в Москву на зимний этап—покормили обедом в солдатской столовой Таманской Гвардейской дивизии.

На следующий день, после долгой экскурсии по городу, наша Конотопская группа прибыла на Красную Площадь, чтобы посетить Мавзолей Ленина с его мумией. Мы влились в густую очередь людей продвигавшихся через площадь и долго приближались к Мавзолею, а сумерки всё густели над скользкой чёрной брусчаткой, местами проступавшей сквозь снег. Ледяной холод каменной мостовой буквально пронизывал ступни даже через подошвы зимних ботинков и я сильно замёрз.

Когда до Мавзолея оставалось метров пятьдесят, мы узнали, что там кончился рабочий день и мумию заперли на ночь. Руководитель отвёл нашу группу обратно через Красную Площадь к сияющему яркими огнями зданию ГУМа, который продолжал ещё работать, чтобы полчасика погреться. Тридцать минут на обогрев казались сомнительными, чтоб мои ноги успели отойти от впечатлений с главной площади страны, но окружающая суета и феерия освещения сказались на них благоприятно…

В вагоне метро мчавшем нас в гостеприимный микрорайон, руководитель объявил, что «Зарница» кончилась, но у нас ещё один день в Москве, так что завтра с утра мы уж точно пройдём через Мавзолей и – рванём по магазинам.

Однако, выйдя наутро из квартиры гостеприимцев, я задержался в громадной столовой и, когда явился в громадную школу, мне

сказали, что наша группа уже выехала навещать Ленина в открытом гробу. Описавший ситуацию сторож тоже уходил до пяти часов и запер меня внутри здания—погода снаружи давила морозом—и весь тот день я оставался узником обширной школы.

Почти все двери внутри оказались запертыми. В комнате сторожа стоял телефон. Из-за того, что прежде они живьём мне никогда не подворачивались, а только в виде бутафории на инсценировках Детского сектора, я решил научиться что к чему. В общем, не велика премудрость – сунуть палец в любую из 10 дырок по краю наборного диска, провернуть до упора и отпустить, чтобы диск открутился в исходное положение, так вот и продолжать, покуда в трубке не пойдут долгие гудки.

– Алло?

– Алло! Это зоопарк?

– Не-ет…

– А почему трубку поднял осёл?

(…тьфу! Даже и вспоминать противно…)

Вскоре после того, как сторож меня отпер, вернулась наша группа и руководитель напомнил специально для меня, что утром мы уезжаем…

В квартире гостеприимцев я увидел *Двадцать Лет Спустя* Дюма в их стеклянном книжном шкафу и спросил где продают такие книги. Хозяева начали объяснять сколько надо пройти микрорайонных перекрёстков до книжного магазина, хотя он уже наверняка заперт… Но я всё равно пошёл.

Было темно и очень тихо. Отдельные снежинки, большие, пушистые, изредка стекали из темноты наверху. Я стоял перед стеклянной стеной запертого книжного магазина. Где-то из глубины доходил слабый свет дежурной лампочки. Какая-то сверхъестественная пустота окутывала всё вокруг необъятной тишью… Потом запоздалый прохожий прошёл беззвучно, оставляя

мелкие следы в мягком белом пуху на тротуаре, и я пошёл обратно в дом чужих людей.

По телевизору показывали «Вертикаль» с Владимиром Высоцким в роли альпиниста, которого не взяли подниматься на вершину.

~ ~ ~

Мы знали чётко чего хотим – стать вокально-инструментальным ансамблем, потому что в СССР рок-групп и близко не было. Они оставались аттрибутом капиталистического загнивающего Запада, тогда как в нашем Советском государстве, где нет эксплуатации человека человеком, рок-группы выдавались за вокально-инструментальные ансамбли, они же ВИА.

Песни про затерявшийся в памяти номер или о прокуроре поднявшем свою кровавую руку на счастье и покой честного карманника были всего лишь началом нашего большого творческого пути, а все эти выскочки—«Поющие гитары» и «Весёлые ребята»—фактически, украли наши песни. Нам и никому другому следовало спеть про кольцо Сатурна для суженой и заделать «Цыганочку» со знобящим электрогитарным вибрато. Просто, пока мы разогревались перед стартом распевками на тему, что голубей он не покупал, а у прохожих шарил по карманам, те повыскакивали раньше нас. Но мы не сдались…

На переменах в двухэтажном здании «Черевкиной школы», куда опять перевели наш девятый класс, мы собирались у окна на лестничной площадке между этажами и музыцыровали. Треугольная линейка из лёгкого металла, обычно применяемая для вычерчивания фигур в школьных тетрадках, ронялась на подоконник и превращалась в музыкальный инструмент, на котором Саша Родионенко, он же Радя, выстукивал ритмичный аккомпанемент для песен.

На моих вокальных данных Чуба сразу и безоговорочно поставил крест. Проблема крылась не в голосовых связках, а в ушах – я просто-напросто не слышал в какую степь пою. Спорить с экспертом

не имело смысла – Чуба заканчивал музшколу по классу баяна, ему слышнее. У Влади, при проверке, диагностировался музыкальный слух и даже наличие кой-какого голоса, только неясно в какой из анатомических частей тот сидит. Так что вокалистов осталось всего два – сам Чуба, и Радя. чтобы под зудливый стук треугольника петь в терцию про лунный свет и дорогую пропажу, на зависть мне и Владе…

Скорее всего, что при всём накале своего желания, мы не продвинулись бы куда-то дальше того подоконника, не появись после зимних каникул новая учительница пения у нас в школе, по имени Валентина. Она выглядела как десятиклассница, но с женской причёской, когда на голове сооружают как бы пухло-круглую подушечку из волос.

На уроках она широко и откровенно раздвигала меха своего аккордеона и туго стискивала вспять и, чуть опередив бесконечный дребезг звонка на перемену, прятала инструмент в футляр, чтобы спешить с ним вместе на остановку трамвая, потому что вела пение ещё и школе № 12.

Валентина уверяла, что мы запросто можем поехать на Областной Смотр Молодых Талантов в город Сумы, если хорошенько поработаем, потому что до назначенной даты тут уж осталось всего ничего, а петь будут девушки из двенадцатой школы под наше инструментальное сопровождение, надо только отрепетировать, чтобы выступить как молодёжный ансамбль от Клуба КПВРЗ, потому что этот смотр не для школьников… Всё решается секундально, если знаешь за какие рога брать какого быка.

Репетиции проводились по вечерам, за сдвинутыми синими шторами кабинета Физики. В гитарную группу вошёл также один десятиклассник из двенадцатой, но с виду повзрослее. У него с Валентиной были нескрываемо особые отношения, до того по-хозяйски укутывал он шарфом её шею после репетиций, а она так доверительно клала голову ему на плечо, шагая через темень длинного коридора на выход.

Девушки из школы № 12 явились на репетиции всего пару раз и не в полном составе, но Валентина успокоила, что свою партию они и так знают. При заключительном прогоне на сцене Клуба, накануне выезда в Сумы, вынырнул ещё один певец, крепко упитанный молодой человек неизвестно из какой школы и из школы ли вообще, который пел соло:

"Здравствуй Русское поле,
Я твой тонкий колосок..."

Хор из восьми девушек от школы № 12 исполнял молодёжно-патриотическую песню о том, что комсомольцы прежде всего думают о Родине, а уж потом о себе. Затем Саша Родионенко, он же Радя, полуречитативом выдавал песню Высоцкого про братские могилы. Чуба остался не у дел – нахрен баян при аккордеоне? Но и без него мы, наверное, неплохо смотрелись – строй стройных девушек (белый верх, чёрный низ) плотным полукругом полулебёдушек (низ чёрный) тянулись к паре микрофонов, Валентина с перламутром своего аккордеона, Чепа позади одиночного барабана на невысокой стойке, три гитариста с акустическими гитарами на бечёвках от грифа и через плечо, и Володя Лиман на контрабасе.

Откуда взялся Лиман и почему без клички? Ниоткуда он не брался а всегда тут и был, десятиклассник из нашей школы, а живёт в конце Кузнечной в хате рядом с вековой Берёзой. По весне из дерева сдаивают с десяток трёхлитровых банок берёзового сока. Но сок, конечно, не одному только Лиману, потому что это длинная кирпичная хата из четырёх квартир. Отсутствие клички легко объясняется фактом, что его фамилия, сама по себе, звучит как блатная кликуха.

Что касается контрабаса, то он принадлежность эстрадного ансамбля Клуба. Не мог же Аксёнов сказать «нет» барабанщику из своего ансамбля.

Трудно предположить, что Вова Лиман умел играть или разбирался что к чему на этом контрабасе, скорее всего его желание влиться неповторимой звездой в ряды музиндустрии пылало не меньше моего. Он присоединился к нам без всяких проб, а просто на генеральной репетиции припёр на сцену контрабас с первого этажа.

Валентина попросила его играть на инструменте как можно тише, и пореже. Однако рьяный Лиман, полнясь неукротимым рвением и пылом, к концу прогона номеров до крови стёр два пальца правой руки—искусство жалости не знает к своим жертвам—но, чтобы было чем и дальше дёргать безжалостные струны, свои он раны изолентой замотал – ну Контрабас, погоди!..

Элеонора Николаевна, номинальная глава Детского сектора, отправилась с нами, как официальный руководитель Молодёжного ВИА, в одной из своих блузок с рюшечками крахмальной белизны и с брошью-камеей под воротничком. И—кто бы сомневался! – серёжки-хвостики неизбежно покачивались на своём законном месте.

В Сумы мы выехали утренним дизель-поездом. Ожидая пока его подадут на посадку, я поразился видом наших гитар, составленных как пирамида из винтовок Мосина, на утоптанном снегу перрона первой платформы. От них веяло—нет, скорее сквозило даже—какой-то пронзающей обнажённостью…

Областной дворец культуры гудел как улей от молодых талантов прибывших показать себя на Смотре. Нас прослушали в отдельной комнате два человека с блокнотами, куда они поставили нам птичку на участие в гала-концерте, что начинался в пять часов. Во всех соседних комнатах тоже полным ходом шли прослушивания и репетиции. В одной из них, впервые в жизни, я услышал и застолбенел от мяучащих вибрато живой электрогитары. Вау! Вау! Вся комната тонула в могуче-плывучих звуках…

Мы вышли в столовую неподалёку, где я подпал под чары Светы Василенко, одной из хористок от школы № 12. На обратном пути в дворец культуры я шёл как привязанный с её свободного боку,

потому что другую сторону сопровождала её долговязая подружка и держала под руку. И это несмотря на тупое уханье и как бы безадресный, дебильный хохот моих друзей шагавших за спиной. Нет, это меня ничуть не отрезвило.

Во время заключительной репетиции Света забила меня окончательно. Из тесного строя чёрно-белых хористок она бросала на меня взгляд за взглядом своих блестящих, чуть подведённых тушью глаз только затем, чтоб тут же скромно опустить их в пол или выразительно устремить к пустому потолку…. Не раз, не два меня предостерегали авторы различных книг, что красавицы умеют стрелять глазами, но я и предположить не мог, что эти выстрелы сражают наповал.

После репетиции до концерта оставалось ещё два часа и я подошёл к Свете с приглашением сходить в кино. Она замялась и начала сомневаться – идти или не идти? Хотя её подружка, которая оказалась не такой уж и долговязой, поддержала моё предложение, уговаривая Свету пойти, конечно, а почему нет, а? Наши совместные усилия не смогли сломить нерешительность Светы, но, в конце концов, своей настойчивостью я добился от неё окончательного «нет» и отошёл с простреленным сердцем.

Я оставался при смерти до самого кинотеатра, где серебристый свет экрана погрузил меня в волшебный мир Франции XVII-го века с Жераром Филипом и Джиной Лолобриджитой в фильме *Фанфан-Тюльпан*. Они меня реанимировали.

Как прошло наше выступление на гала-концерте? С моим потоптанным медведем ухом, не мне судить. Однако когда три гитары дзенькают аккорды в унисон, трудно различить чья не строит. Изолента на искалеченных пальцах Вовы смягчала думканье струн контрабаса. Барабан Чепы не слишком выделялся, он вместо палочек приглушённо стучал джазовыми щётками эстрадного ансамбля. Аккордеон Валентины, прокатываясь по её энергичной фигуре, покрывал случаи непопадания в гармонию и прочие огрехи.

Думаю, что в целом всё это звучало свежо, задорно, молодо и— самое главное! – с неподдельным патриотизмом.

После концерта автобус завода КПВРЗ, поджидавший нас у дворца культуры, полностью оправдал присутствие Элеоноры Николаевны на Областном Смотре. По пути в Конотоп все бросали многозначительные взгляды на меня и Свету, хотя мы сидели вовсе не рядом. Девушки хора перепели все песни, где есть намёки на очи, что сводят с ума, а также «Светик месяц, Светик ясный…» Света огрызалась, а мне было пофиг, хотя и неловко.

На следующий день в школе Володя Гуревич сто раз повторил тупую шутку, что наши конкуренты в КВН, школа № 12, меня завербовали в свой стан, завершая каждый повтор остроты своим громким продолжительным смехом. А на следующей перемене Толик Судак из нашего класса, ни с того, ни с сего, начал вещать, что Света Василенко – дочка начальника отделения милиции и один раз пришла в свою школу в затруханной спермой юбке. За подобные выпады в адрес возлюбленной следует вызывать на дуэль. Однако, на уроках Физкультуры Толик по росту стоял первым в строю. Он был крепким хлопцем из Подлипного и всё всегда знал, потому, наверное, что его мать преподавала Математику у нас в школе. Так что я просто стоял, как будто меня это никак не касается, и молча ненавидел блондинные завитки волос и полусонный взгляд мутно-голубых глаз Толика Судака.

Вскоре объединённый Юношеский Ансамбль принял участие в концерте Клуба, после которого я даже и не дёрнулся провожать Свету домой. Что убило мою любовь? Монотонная шутка и громкий смех Володи Гуревича, или компромат на юбку от всеведающего Судака?

Правду сказать, самый тяжкий удар нанёс факт проживания Светы на улице Деповской, которая тоже неблагоприятный район для посторонних влюблённых. Вадик Глущенко, он же Глуща, однажды проводил девушку до её хаты на Деповской, а потом его остановила шобла из десятка рыл, сбили с ног и понесли на носаках, шоб

понимал – любовь зла. «Самое главное – закрыть голову руками, и дальше как-то уже и не доходит, шо тебя ногами месят», – делился он впоследствии жизненным опытом, полученным ни за что, ни про что.

~ ~ ~

Зима затянулась из-за такого небывалого снегопада, что улицу Нежинскую пришлось прогребать бульдозером. На пути из школы домой вместо того, чтоб идти по расчищенной дороге, я предпочёл перепрыгивать с глыбы на глыбу в торосах сдвинутого к заборам снега. Потеху пришлось прервать из-за резкой боли в паху и отрезок оставшийся до хаты я послушно следовал отпечаткам тракторных траков. Вечером мать, встревожившись моими стонами, потребовала показать, что там у меня не так. Я отказался и отец сказал: —«Ну мне-то можно, я тоже мужик». Мошонка распухла до размера чайной чашки и была твёрдой на ощупь. Отец нахмурился, а когда мать спросила из кухни: —«Так что там?», он ответил, что меня надо показать врачу... Это жутчайший вечер моей жизни – агония отчаяния и ужаса продлившаяся заполночь.

Утром укорочено болезненными шагами я пришёл с матерью в железнодорожную поликлинику рядом с Вокзалом. В регистратуре мне выдали бумажку с номером в очереди к врачу. Мы сели на стулья рядом с кабинетом специалиста в коридоре с гулким эхом. Когда пришёл мой черёд, пряча глаза от матери, я пробормотал, что если что я согласен на операцию, лишь бы всё было нормально.

Врач оказался женщиной, но то ли белый халат придал ей статус мужика или же страх утратить то, не знаю что, лишил меня стыдливости. Она сказала, что это растяжение и нужно делать спиртовые компрессы. За два дня мошонка вернулась в прежние очертания и я забыл панические страхи...

Седьмого марта Владя принёс в школу миниатюрную бутылочку с коньяком. Мы распили его втроём, по глотку каждому. Во рту стало тепло и мы смеялись громче и чаще, чем обычно, но ничего

подобного блаженству от вина на дне рожденья Влади. С уроков нас распустили пораньше, ведь это предпраздничный канун Женского Дня и пока я дошёл до хаты всё совершенно выветрилось, оставив только тяжесть в голове. Чтоб освежиться, я залез на крышу хаты, потому что отец уже неделю делал мне мозги посбрасывать оттуда снег.

Верхушки четырёх труб едва выступавшие над снеговым заносом помогли сориентироваться где наш участок крыши. Она на хате уклонистая и уже под конец работы мои валенки заскользили по жести и я упал в узкий палисадник. Приземление прошло удачно – на обе ноги, в глубокий сугроб, но в сантиметре от моего бедра сквозь сугроб вытарчивал ряд стреловидно запиленных штакетин заборчика перед двором Турковых. Их увидав, я – обмер.

> *(…в те безвозвратно канувшие времена—не дотянуться, не дозваться, не искупить—я не ведал ещё, что все мои горести, радости и всякое такое прочее, исходят от той недосягаемой сволочи в непостижимо далёком будущем, которая растянулась сейчас на моей спине и слагает вот это письмо, в одноместной палатке, посреди тёмного леса на краю света, под неумолчный плеск реки, которую нынче кличут Варанда…)*

В конце марта к нам в класс пришла врачебная комиссия с проверкой допризывников. Пока девушек увели в другую комнату для какой-то специальной лекции, врачи сказали нам раздеться, показать им спину, сажали на стул перед собой и стукали резиновым молоточком под коленкой, замеряли рост и смотрели члены.

В моей карточке допризывника в графе половой развитие поставили отметку N. Когда комиссия ушла, Толик Судак объяснил, что N означает «нормально» и всем ребятам поставили такую же, кроме Саши Шведова, а девушки, которые пришли обратно, когда мы уже поодевались, откуда-то о том узнали и теперь вон шепчутся и хихикают между собой с намёком.

~ ~ ~

Лето началось экзаменами за девятый класс. Больше всего боялись Химии – ни один нормальный учащийся с Посёлка не мог постичь все те бензольные кольца с валентными связями.

Как и большинство моих одноклассников, я вызубрил ответы на один из двадцати пяти экзаменационных билетов. На экзамене их номера раскладывались на столе экзаменаторов лицом книзу – выбирай! У меня имелся один шанс из двадцати пяти, я поднял номер и – проиграл. Однако, Татьяна Фёдоровна, она же Нуклезида, зачем-то начала меня вытягивать и в конце концов оценила мою безграмотность «четвёркой».

(….в те безвозвратно канувшие времена—не дотянуться, не дозваться, не искупить—я не ведал ещё, что и т. д., и т. п., и пр., и пр…)

Физик Бинкин, он же Бинкин, потому что, как ни странно, учащиеся не смогли подобрать ему кличку, ассистировал на экзамене и, пользуясь служебным положением, показывал Владе какой где номер разложен на столе. Поднимет бумажку, развернёт лицом к Владе, покивает, чтобы ободрить и вселить надежду, и кладёт где взял. Игра по-честному, без подтасовок. Хороша для заполнения досуга на длинном экзамене, называется «Введи Владю в Искушение».

Бедный Владя сидел в самом конце классной комнаты, с карманами полными шпаргалок, которые накатали прилежные одноклассницы, а после экзамена сгрузили ему, жалко же свои труды так просто выбросить. Но что ты в них поймёшь, видя впервые в жизни те формулы микроскопическим почерком на длинных, в гармошку сложенных, полосах бумаги? Ну и конечно, Владя охотно бы сменял все девичьи старания на координаты вызубренного номера. Бинкин же, своею честною игрой в искушение невинного

отрока, щекотал свои садистские наклонности, без которых и педагога не бывает. Пока Татьяна Фёдоровна вытаскивала ещё кого-то и как бы этих игр не замечала, он показал все номера без исключения.

Садисты, как правило, методичны и любят безнаказанность, потому что на таком расстоянии Владя не мог различить ни одного номера, уж как он там ни щурился. Он потянул ещё два—исчерпав лимит попыток сменить билет—и тем поднял свои шансы до трёх из двадцати пяти, но снова промазал. Тем не менее, его не завалили, и Владя получил свою «тройку», а с нею пояснение от Бинкина: —«Это тебе за беспримесно пролетарское происхождение».

К своей одежде я никогда не придирался – носил, что дадут, лишь бы не грязная и не драная, но и за этим больше следила мать, чем я. Так что моя обнова—куртка из дерматина по выкройкам журнала *Работница*—это её идея, она же потом и шила. Деньги на дерматин нашлись, потому что отец перешёл уже работать в РемБазу слесарем и получал на 10 руб. больше.

Куртка получилась классная, чисто коричневого цвета, только манжеты и пояс более тёмной ткани. Если смотреть издали, она даже и поблескивала типа как бы кожаная. Через две недели дерматин на локтях облысел до своей тканой основы, но в момент награждения куртка ещё ничего была, шикарно смотрелась.

Да, Профсоюзный комитет завода КПВРЗ наградил меня за выдающееся активное участие в самодеятельности. На общезаводской конференции Профсоюза в Клубе, Председатель профкома лично вручил мне бесполезную грамоту и объёмистый бумажный свёрток, где оказалась маска и ласты из тёмной резины для подводного плавания, но, к сожалению, без трубки.

И всё равно, я один раз вывез это снаряжение на Сейм. Правда, плавать в ластах оказалось труднее, чем может показаться на просмотре *Человека-Амфиби*и или фильмов Ива Кусто. К тому же вода постоянно просачивается в маску и попадает в нос, хотя, возможно по другому и не получается…

Однако, меня не манило изучение придонной жизни крупных водоёмов, потому что в то лето меня заботило только одно – трудоустройство. Деньги требовались позарез и много денег, потому что лишь я один оставался безлошадным.

У Влади мопед «Рига-4», у Чубы – «Десна-3», Чепа поставил бензиновый моторчик на свой велик и когда табун Поселковых мопедистов тарахтел вдоль Проспекта Мира, он типа замыкающего трещал следом метрах в тридцати… Но всё равно «Рига-4» самый крутой мопед. Владя, конечно, дал мне пару раз проехаться – мотор урчит, ветер в лицо, добавляешь скорость, красота! Но выпрашивать мопед у Чубы дохлый номер – оседлает его и стоит, ногами в землю, посмеивается, как куркуль.

– Ну, дай… чё, тебе жалко?

– Жалко у пчёлки в попке. Понял? А это – мопед.

– Ну шо ты жлобишься? Да я только до Профессийной и обратно…

В ответ только хаханьки.

– У, жлобяра!

Опять хиханьки.

Чепин велик с моторчиком я и сам не хочу. Но где взять деньги на мопед? Вот в чём вопрос…

Мать сказала, что после девятого класса принимают на Овощную базу, надо пойти в контору ОРСа на Переезде и написать заявление в Отделе кадров.

Звучало заманчиво – там же, наверное, клубника грузовиками, и арбузы в магазины тоже через базу, нет? Вот только примут ли? Мне же шестнадцать ещё не исполнилось. В тесно-тёмном длинном коридоре конторы ОРСа, я волновался сильнее, чем за все экзамены после девятого класса. Приняли!

Так начиналась моя трудовая карьера…

Овощная База в самом конце Деповской и туда я добираюсь на велике. Кроме меня на Базу трудоустроились ещё десять школьников, в основном из школы № 14. Я узнал одного з них – коротышка с длинными патлами, кликуха Люк, это он когда-то

отвесил мне пощёчину за выстрел ему в спину. Он прошлого не поминает, а я тем более нет…

Поначалу работа заключалась в сортировке ящиков, пустых, конечно, какая там клубника. Целые надо относить в сарай, а которые нуждаются в ремонте, складывать рядом с сараем, ну а те что вдрызг – тащить к тем печкам под открытым небом посреди двора Овощной Базы…

Прибывший на Базу грузовик с овощами въезжает на весовую платформу для взвешивания. После разгрузки машину взвешивают снова, разность веса гружёного и пустого грузовика показывает сколько овощей привезли на Базу. При условии, что платформа работает правильно. Тут и возникает необходимость в опытном калибровщике, который знает как настраивать платформу. Для калибровки нужна также пробная тонна груза составленная из чугунных гирь весом по 20 кГ, а также рабочая сила, мы, для перемещения этой тонны из одного угла весовой платформы на другой, на другой, на другой, на середину, пока он что-то там подкручивает…

Отладка весовой платформы показала кто среди нас есть кто. Сперва это типа спортивного состязания, мы таскали гири обгоняя друг друга, к третьему углу начали замечать кто увиливает, а кто упёрто таскает до конца…

Потом несколько дней мы чистили картофелехранилище от запасов, что сгнили там зимой. Я и представить не мог, что в мире существует настолько невыносимо мерзкий смрад. Обмотав лица майками, мы грузим эту срань лопатами в двуручные корзины, вытаскиваем вывалить в бурьяны на задворках Базы. Число трудоустроенных школьников сократилось до пяти…

Основная рабочая сила Базы это бабы в чёрных халатах и разноцветных платках на волосах. Их дело сортировать морковь или бурак в хранилищах, а наше – уносить наполненные ими ящики. Усядутся на пустые ящики вокруг пыльной горы овощей и целый день не закрывают рта ни на минуту. Рассказывают друг другу

нескончаемые повести про «него» и про «неё». О том как эта их «она» растолстела, потом стала худой, как щепка, ложилась в больницу, доказывала матери, что жить не может без «него» и умирала, потом обманывала его с другим и уезжала навсегда… А «он» высокий был, потом короткий, потом пузатый, лысый, черноволосый с кудрями, потом пропойца, «он» отказывался платить алименты и просил выйти за него замуж, его лечили от алкоголизма, а он сдирал линолеум с пола на кухне, чтоб отнести к любовнице, которая уж дважды вдова…

И так вот и будут лялякать пока белобрысый хлопец, по кличке Длинный, не скажет самой бойкой в кругу на перевёрнутой вверх дном таре у груды вялых овощей: —«Ну шо, дашь или как?»

– Да, враз! – отвечает она. – Да ещё так потяну, шо перерву надвое.

Тут бабы все начнут её зашикивать, да тю, мол, на тебя, да ты ж с дитём же ж говоришь!.

На обед я езжу домой – 20 минут туда, 20 минут обратно, 10 минут на суп и чай или, там, компот. Так что четыре раза в день я развиваю первую сумасшедше-космическую скорость, во всю накручиваю педали по бетону спуска в тоннель Путепровода. Да какой же работник Овощной Базы не любит быстрой езды? Йи-хуу!.

Каждое утро Начальник Овощной Базы распределяет кому где работать. Пару раз мне досталась должность помощника бондарей. Вся площадка перед их приземистой мастерской заставлена нуждающимися в ремонте бочками. Я вкатывал или втаскивал их волоком—с учётом степени увечья—в тесную комнату с верстаком. Два мужика в кепках и фартуках сбивали с потерпевшей железные обручи и бочка рассыпáлась кучкой гнутых дощечек, которые они именовали *клёпками*. Бондари сортировали их, безнадёжных отбрасывали, восполняли нехватку из запаса от прежних ремонтов. Они стругали их и подгоняли одну к другой, собирали круглые днища из прямых обрезков, вставляли с торцов возрождённой бочки и заново набивали обручи.

Конечно, я и раньше знал, что когда говорят «у него клёпки в голове не хватает», то это значит то же самое, как если сказать «не все дома» или просто «чокнутый», но именно в той мастерской мне полностью дошёл смысл выражения – ведь бочку без клёпки невозможно наполнить, как и чокнуто треснутый стакан.

Отходы я относил всё к тем же бездельным печкам во дворе, в которые, если присмотреться, вмурованы железные котлы. Бондари работали не спеша, восстанавливали две-три бочки в день и время рядом с ними тянулось очень медленно, зато в их мастерской приятно пахло древесными стружками…

Возле каменщиков пахло сырой землёй. Они работали в длинном подвале хранилища, заменяли стену из брёвен кирпичной. На них тоже были кепки и фартуки, кепки такие же как у бондарей, но фартуки потолще, из брезента.

Мне очень хотелось попробовать класть стену, хотя бы немного. Старый каменщик позволил мне проложить один ряд. Он стоял в стороне и чему-то усмехался, хотя его хмурый напарник всю дорогу ворчал, что у меня не так всё выходит как надо.

Мой напарник по подсобничеству, тоже ворчал всё время, но не на тему каменной кладки, а из-за того, что начальник такой сука. От злости, что ему достался такой сука начальник, он увиливал от работы, на которую Начальник отправил нас двоих. Меня не колыхало, что он работает меньше моего, просто это неправильно, и я даже обрадовался, когда он отправился брать расчёт в конторе ОРСа.

А потом пошли огурцы. Они прибывали вагонами, составами, которые небольшой дизель-локомотив впихивал на территорию Базы по боковой ветке. В вагонах стояли ящики с огурцами, которые надо переправлять к тем печкам во дворе в чьих котлах кипел пахучий рассол из укропа, а вокруг стояли шеренги пустых бочек, крышки сняты и опёрты на клёпки их стенок, в ожидании своей порции огурцов на засолку.

Здесь работала уже знакомая бабская бригада, но им уже некогда было точить лясы про «неё» и про «него». Они варили «узвар» под железными крышками котлов и разливали по бочкам уже заряженным огурцами.

Меня не манила карьера кулинара, мне хватало должности истопника, поддерживать огонь в печах обломками разбитых ящиков и треснутых клёпок, которые приходилось доламывать топором, но не все. В общем, работа не конвейерная – когда надо подбрасывать, покричат, а потом иди и сиди дальше пока не позовут.

И я и сидел на солнышке во дворе без единой тени, в стороне от печей, где вообще жарища адская. Чтобы скоротать время между зовами, на подхваченном из кучи топлива обломке гладкой клёпки я отрабатывал аккорды шестиструнной гитары: ре-минор, ля-минор, ми-мажор.

Бабы смеялись от кипящих котлов: —«Шо? Нашёл клёпку шо тебе не хватала?» Но я не обращал внимания. Я брал си-септаккорд и думал о Натали́...

~ ~ ~

Когда тебе навстречу идёт по тротуару девушка с косыночкой на шее, которая однако завязана не как пионерский галстук, а пошире, и узел сдвинут на плечо, то сразу усекаешь, что эта девушка в теме насчёт шикарного стиля. И так сразу охота с ней заговорить, познакомиться, пойти рядом.... Но как заговорить-то? А вдруг отошьёт? И будешь себя чувствовать как помидор разжваканный. Кому оно надо?

Совсем другое дело, если знаешь, что стильную девушку зовут Наташа Григоренко и ты даже пытался кружить её в бальном вальсе под баян Володи Гуревича, он же Ильич.

– Привет, Наташа! Как дела?

– О, Серёжа! Тебя не узнать! Вообще-то, в двенадцатой школе меня все зовут «Натали́».

Мы случайно шли в одинаковом направлении и я проводил её до угла улицы, на которой она жила, улица Суворова, напротив срединного въезда на Базар.

(…или всё ж таки она первой окликнула на том тротуаре? Ведь чтобы так круто повязать косынку нужно быть не только шикарной, но и решительной тоже…)

Как бы там ни было, но следующий шаг сделал я. Может не слишком сразу. Через неделю или две… Или всё-таки через месяц? Неважно! Главное, что я сделал этот шаг, вернее, очень даже решительный прыжок.

Радя и я ехали на задней ступени трамвая на Посёлок, прохлаждались встречным ветерком. И когда вагон тадахкал вдоль Базара, я вдруг зачем-то повернул голову и заглянул в промелькнувшую за дорогой улицу Суворова. Особых причин туда смотреть у меня не было, но недалеко от угла две девушки играли в бадминтон. Конечно, я сразу же узнал прямые длинные волосы Натали́.

– Пока, Радя! – И я соскочил на полном ходу не отвечая на его «Куда?»

Да, точно, это она. Вторая девушка тоже оказалась знакомой – наша бывшая одноклассница, Наташа Подрагун, которая как и Натали́ перешла в двенадцатую ради Физико-Математического уклона.

Конечно, я тут же забалаболил насчёт случайно мимо, вечерней лошадью в Одессу, даю уроки дрессировки воланчика. И тут—ну это ж надо как совпало! – из-за угла выруливает Радя. Ещё один случайный прохожий, явно спрыгнул тоже, не доезжая до остановки у школы № 13, хотя собирался навестить своего дедушку.

Наташа Подрагун скоро ушла, потому что я и Радя так мало с ней общаемся, из-за того, что она толстая. Натали́ пригласила нас во двор своей хаты, где был стол вкопанный в землю, а на нём кипа

Чешских журналов *Film a Divadlo*. И пока я увлёкся рассматривать в нём картинки из вестернов, Радя перехватил разговорную инициативу.

Но тут из соседского огорода просвистели два комка сухой земли, правда, с недолётом. Натали́ крикнула пацану, что скажет его родителям, но Раде этого показалось мало и он побежал к забору шугануть малолетку, а может хотел повыделываться своей спортивной выправкой, как никак два года в ДЮСШ ходит, на волейбольную секцию.

Наверное, Натали́ стало жалко десятилетнего Отелло, или же Радя, несмотря на физическую подготовку, примял какой-то из картофельных кустов своей пробежкой через огород, но пока он наезжал на пацана своей лекцией старшего товарища, Натали́ пригласила меня заглянуть к ней в четверг, потому что у неё ещё много таких журналов. Так мы начали встречаться – я и Натали́.

Пожалуй, правильнее будет сказать, что это Натали́ со мной встречалась, потому что я понятия не имел как это делается. Я просто приходил на улицу Суворова 8, в назначенный день, здоровался с её матерью, садился на диван и листал очередной журнал *Film a Divadlo*. А и умудряются же люди такие журналы доставать! Где?.

Потом её отец приезжал с работы на мотоцикле с коляской. У него был такой же круглый подбородок как у Натали́, и он разрешал выйти погулять до десяти, но не позже половины одиннадцатого. И мы выходили.

Она много говорила, но не ради пустой болтовни, как некоторые. Натали́ стала моим просветителем. Несмотря на долгие годы запойного чтения, я ещё столько всего не знал…

Что самые классные конфеты это «Грильяж», только в Конотопе их не продают. За ними надо в Москву ехать или в Ленинград, да и там не сразу найдёшь… Что самый вкусный бутерброд это намазать хлеб маслом, а сверху тонко нарезанный помидор и яйцо вкрутую, а хлеб

должен быть чёрный, конечно… и что самый хриплоголосый певец в мире это Луи Армстронг.

По её наводке, я взял в библиотеке книжку стихов Вознесенского. Я знал где она стоит на полках, но всегда обходил за то, что стихи. Так вот что значит настоящие стихи!

Но помимо заполнения пробелов моей необразованности, она мне нужна была—нужна неизмеримо больше—для мления. Например, когда мы шли в кинотеатр Мир и она позволила взять её под руку. Ухх! Это непередаваемо! Я ощущал нежную кожу её предплечья—округлого, мягкого—потому что на ней было летнее платье, а руку её я ухватил вокруг бицепса. Хотя какие там у девушек бицепсы. Но как я умлевал! От моста над Проспектом Мира, мимо жилмассива Зеленчак и почти до самой площади пребывал в полном улёте. Не доходя до площади, она объяснила, что правильнее когда девушка берёт под руку, а не наоборот. И дальше мы шли, как она сказала.

Тоже ничего, хотя не настолько, как перед этим… И тут меня шарахнуло шаровой молнией – шагая рядом и увлечённо говоря о чём-то, она полуобернулась ко мне и—О! – её роскошная тугая правая грудь прильнула к моему предплечью… блаженство до потери пульса…

Так что мне было о чём думать возле тех печей во дворе Овощной Базы, пока наяривал аккорды на клёпке, которой мне не хватало, но таки нашлась…

Узревшему свет истинный трудно не скатиться в просветительство… Я попытался поделиться знанием со своей сестрой. Мы шли по Литейной в сторону Клуба, когда она сказала: —«А дай-ка возьму братеню под кренделя!», – и взяла меня под руку.

– Слушай, Малá,– сказал я, потому что мы, мой брат и я, и наши друзья, и все, короче, редко звали её по имени, а только «Малá», или же «Рыжая». – Хочешь научу тебя приёмчику, что любой парень будет секундально твой?

– Да ну, – ответила моя сестра. – Это ты про этот, что ли? – И она полуобернулась ко мне на ходу, прикоснувшись грудью к моему предплечью.

Какая беспросветная наивность! Как мог я возомнить, будто смогу узнать о чём-то прежде—хоть на миг—своей проныры сестры? Мне пришлось извиниться и всю дорогу до Клуба мы хохотали как чокнутые, что я такой самоуверенный лопух.

Но счастье не бывает бесконечным… В какой-то из вечерних выходов с Натали́, между Базаром и Переездом-Путепроводом к нам подошёл парень и мы остановились для разговора, возле гастронома № 1, где кончился уже рабочий день. Точнее, разговаривали только они, поскольку из одной школы, а я стоял сбоку как посторонний столб. На нём была крутая рубаха, я таких ещё не видал – в красную и зелёную полоску, но широкая как на пижамах. Не то, чтоб я когда-нибудь имел пижаму, но в кино ведь иногда показывают…

Он бодро хвастался, в какой из московских вузов его примут, ведь его дядя дипломат и всех там знает. А после вступительных дядя зовёт его поехать на Чёрное море, дядиной Волгой, племянник станет наживкой для съёма девушек.

Потом они сказали «пока» друг другу и мы разошлись в разные стороны, но эта болтовня явно расстроила Натали́. А когда мы подошли к воротам её хаты, она мне рассказала, что однажды встречалась уже с одним парнем и они поздно вечером ехали в пустом автобусе, а он оглянулся на кондукторшу на том её сиденье у задней двери и сказал: —«Кондуктор не человек!» Взял и поцеловал Натали́

И тогда у меня тоже испортилось настроение, потому что понятно ведь, что они и без кондукторов тоже целовались. И я подумал, что наверное то был этот самый красно-зелёный хлюст, но спрашивать не стал.

В тот поздний вечер я прошагал от улицы Суворова до Нежинской навеки придавленный горем…

Определить насколько Конотопчанин преуспевает в жизни не сложно – спроси: а есть ли у них домик на Сейму?

Чуть выше по течению от пляжного Залива, на полкилометра ближе к железнодорожному мосту, заросли Ивняка на правом берегу прорезала длинная затока. В конце её, как попадя, между гибких Ив, стояли четыре-пять десятков домиков дачного товарищества «Присеймовье».

Хотя тут требовался определённый полёт фантазии, чтобы назвать «домиками» эти будки со стенками из доски-вагонки и жестяными крышами... Размер вполне минималистский – на две-три железные койки увязшие в глубоком песке пола. Окна тоже ни к чему, приехав для отдыха на лоне природы, хозяин день-деньской дверь держал настежь, чтобы она, природа, смелей заходила.

Но если владелец – рыбак, то он запрёт дверь и спустится к затоке, где ряд длинных плоскодонок стоят на недвижной воде, прикованные к столбикам и деревьям на берегу. Уложив снасть на дно лодки, он отомкнёт висячий замок цепи, усядется на единственное сиденье—корма плавсредства—и, загребая коротким веслом, выйдет из затоки на речную ширь Сейма, чтобы направить чёлн в своё излюбленное место, где он издавна прикармливает рыбу кусками макухи, она же жмых.

Иметь домик – это громадное удобство, идёшь купаться на Залив (всего двести метров через ивовую чащу), возвращаешься и готовишь обед на примусе, что гудит бензиновым пламенем на столе врытом в песок возле домика. Многие члены товарищества или члены их семей, выезжали на Сейм вечером пятницы, а возвращались последней воскресной электричкой, тогда как Конотопчанину без домика доставались лишь субботы и воскресенья, по отдельности, утром – туда, а в 17.24, или 19.07 обратно, электричками с Хутор Михайловского...

Когда Куба приехал летом, после первого года обучения в Одесской мореходке и какой-то там ещё практики, мы, конечно же, решили рвануть на Сейм. Только надо подождать до выходных, ведь

у меня работа на Овощной Базе и кроме того только по выходным грузовик-будка ОРСа приезжал на Пляж продавать мороженое.

– Чепа говорит, ты с Григоренчихой крутишь, а?

– Скажи Чепе, что её зовут Натали́.

– Ладно, замнём для ясности. Так ты и её позови.

Натали́ согласилась сразу же запросто и мы отправились вчетвером – Куба, Чепа, я и Натали́. Когда мы сошли с электрички и решали куда: на пляж Залива или на Озеро возле Сосновника? – Натали́ предложила переплыть на ту сторону Сейма, где не такой дурдом, как на Заливе.

На противоположном берегу тоже стояли домики, чьи владельцы, прибыв вечером пятницы, на следующее утро встречали своих с электрички, чтобы перевезти на отдых. Попросим так и нас переправят… Всё случилось как она предсказывала, наверное потому, что сама и обратилась к мускулистому качку с плоскодонкой.

Денёк отличный выдался. Мы нашли песчаную полянку в Ивняке, за сотню метров от домиков. На мягком белом песке расстелили единственное покрывало, потому что только Натали́ догадалась его привезти. Когда она переоделась в свой бикини, то затмила весь *Film a Divadlo* – настолько стройная—впридачу к пышной груди и округлому заду—у неё оказалась талия.

Купаться мы ходили на маленький пляж возле домиков и лодок привязанных к берегу. Натали́ предпочла сидеть в одной из них, но Куба, Чепа и я отрывались как в старые добрые времена на Кандёбе, по полной…

Потом мы съели бутерброды, выпили лимонад и начали принимать солнечные ванны. Покрывала хватало лишь на двоих – для Натали́, потому что его она привезла, и для меня, ведь это я с ней встречаюсь.

Она лежала на спине в широких противосолнечных очках, а я рядом с ней на животе, перевернуться не получалось из-за вздыбленных до упора плавок. Наши плечи чуть-чуть соприкасались.

Мои кореша растянулись на горячем песке (тоже на животах) примостив свои недальновидные головы на углы покрывала у нас в ногах… И – знойная тишь…

Конечно же, в следующие выходные на то место отправились только мы вдвоём…

И снова мы лежим бок о бок на покрывале посреди жаркой тишины. Безмолвны, не шелохнутся в настороженном ожидании длинные листья упругих Ив вокруг овальной полянки, молчим и мы, как они, как беззвучный песок, и солнце замерло склонившись к нам из неба. Глаза мои крепко зажмурены, потому что у меня нет очков от солнца, но оно всё равно просачивается сквозь кровянисто-красный туман моих опущенных век и оборачивается чёрной болью.

– Голова болит, – чуть слышно выговорил мой вдруг осипший голос.

Кровавый туман темнеет и мне становится невыразимо хорошо – она положила свою ладонь на мои веки. Не открывая глаз, я нахожу её запястье и молча стягиваю ладонь ниже, к моим губам. Я благодарно целую нежную мягкую ладонь, что унесла мою боль, и растворяюсь в неизъяснимой неге, лучше которой нет ничего на свете.

Но тут она приподнимается на локте и, склоняя своё лицо над моим, сливается губами с моими, и я узнаю́, что всё-таки есть что-то и получше, только этому имени нет.

…«поцелуй»??

Когда ты расплавлено таешь в купели встречных губ и тонешь в их необъятности, а вместе с тем пари́шь в неописуемой выси… и целый океан невыразимых ощущений… всего три слога—«по-це-луй»—для беспредельности, что безграничней мира?. хмм, ну-ну…

Как бы там ни было, немало этих слогов сложили мы в тот день…

А когда мы уже шли к заводи для перевоза на ту сторону, чтобы не упустить электричку, я остановил её в тесном Ивняке и поцеловал. Прощально. Дальше уже нельзя целоваться, там же не кондукторы.

Она ответила на поцелуй усталыми губами и, не глядя мне в лицо, сказала с грустью: —«Глупенький, тебе ещё надоест это».

Я не поверил ей…

(…некий Немецкий умник, фамилия его Бисмарк, сострил однажды: —«Только дураки учатся на собственном опыте, я предпочитаю учиться на чужих ошибках».

«… не поверил ей…» А ведь сколько раз на личном опыте я убеждался, что моя сестра Наташа, будучи на два года младше меня, превосходила мой запас знаний и не раз.

Да, далеко мне до Бисмарка при моём неверии чужим ошибкам. Немного утешает, что к дуракам я не причастен тоже, раз даже личный опыт мне не впрок. Интересно, в какую категорию подходит меня всунуть?

Ладно, не станем отклоняться, сейчас этот вопрос не в тему…)

Огурцы вконец обрыдли. Уже чисто механически привычная рука ухватит, от нечего делать, один из верхнего ящика, не глядя откушу разок-другой, и – зашвыриваю в ближайшие бурьяны на территории Овощной Базы. Короче, я тоже сошёл с дистанции и отправился в контору ОРСа рассчитываться за эти полтора месяца. Впервые в жизни я держал в руках сумму в 50 руб. А на мопед хватит? У кого бы спросить?. Разговор с матерью снял все эти вопросы:

– Серёжа, школа начинается. Тебе нужна одежда. Туфли нужны – тебе и младшим. Сам знаешь как нам приходится выкручиваться.

– Да есть у меня одежда! И я говорил тебе зачем иду на Базу.

– Те штаны, что я два раза уже перекрашивала? Это твоя одежда? В твоём возрасте стыдно в таком ходить.

Мустанг моей мечты!. Прощай!. Не мчаться нам с тобою по Проспекту Мира, обгоняя все те «Риги» и «Дёсны»…

Готовые штаны не покупали. Вместо этого, по настойчивому совету матери, я пошёл в ателье рядом с Автовокзалом. Портниха с

длинным острым носом обмеряла меня и пошила брюки из серой материи. Синтетический Лавсан. Широкий пояс с парой пуговиц друг над другом. Клёш от колена. Пятнадцать рублей.

Обнова пригодилась ещё до школы, когда Владя принёс новость, что в Городском Парке Отдыха устраивают Конкурс исполнителей молодёжной песни. Желающие участвовать записываются в горкоме комсомола, но победа никому не светит, потому что Артур тоже примет участие.

Артур – это рядовой солдат Армянин из стройбата на улице Рябошапки, рядом с РемБазой, и Владя стал его фанатом. По его мнению, Артур играл как бог. Хотя и гитарист-правша, тот не переставлял струны снизу доверху, а брал обыкновенную гитару, переворачивал её в обратную сторону и играл! В дополнение к такому сверхъестественному чуду, Артур ещё и пел, так что Владя и не сомневался в победе своего кумира на предстоящем Конкурсе. Но мы решили всё равно участвовать. На пару, Владя и я…

Как комсорг школы № 13, я водил знакомство с дверями кабинетов горкома комсомола на втором этаже здания горсовета, вот мне и пришлось отправиться туда сделать заявку, а заодно уточнить время и место проведения Конкурса. Оказывается, осталось всего два дня до проведения его на танцплощадке в Городском Парке Отдыха. Времени в обрез, и мы начали репетировать…

Киномеханик Клуба, Борис Константинович, включил свет в пустующем в дневное время зале и два микрофона на сцене. Один из них мы засунули во Владину гитару через дыру в деке и из мощных динамиков по обе стороны сцены повалил настолько окайфе́нный звук, что Борис Константинович его не выдержал и ушёл. Вместо него, пузырясь от возбуждения, в зал вбежал Глуща, который проходил по Профессийной, но забыл куда и зачем шёл, как только в стенах Клуба грянул рёв и вой этой катавасии.

Мы решили сделать два номера. Сначала басовая партия из песни «Шоколадо́ви крем» с долгоиграющего диска Польской рок-группы

Червони Гитары, а следом песня из саундтрека в кинофильме *Неуловимые Мстители*.

На репетициях всё шло довольно гладко – гитара с микрофоном в корпусе выдавала классный рок-н-рольный рифф, после чего превращалась в обычную акустическую и подыгрывала пению Влади, что тропинок в поле много, а правда одна. Тем временем, ещё и я подтрынькивал сбоку на своей.

Сюрпризы поджидали нас уже на самом Конкурсе. На сцене под крышей-раковиной танцплощадки Городского Парка Отдыха был установлен один микрофон. ОДИН МИКРОФОН. Всего один! Это для начала. Кроме того, нашему дуэту нужно хоть какое-то название…

Второй секретарь горкома комсомола предложила на выбор: Солнце или Трубадуры. Второй из вариантов меня как-то не цеплял, наверно, показался слишком длинным.

Вставка микрофона в акустическую гитару через дыру в её деке процесс довольно трудоёмкий. Надо послабить пару тонких струн на грифе, хорошо послабить, по полной, а потом оттянуть их и впихнуть микрофон внутрь, после чего, ессесна, заново настроить струны.

Ну вот, шпарит Владя рок-н-рольный рифф и как теперь, спрашивается, мне доораться в дыру его гитары, что это мы тут – дуэт «Солнце»? Композиционно, настолько порнушная картинка, что такому ещё и названия нет…

Для второго номера, точно такая тягомотина, но уже в обратном направлении, с вытаскиванием микрофона из дыры.

Во что мы вляпались, дошло уже на сцене, перед лицом плотной толпы и фонарей надзирающих со столбов позади площадочной ограды. Владя запаниковал: —«Да пошли они со своим Конкурсом!» И я начал убеждать его, что обратного пути у нас нет раз уж выткнулись сюда с гитарами или мы их тут как бы выгуливаем, а?

В общем, он начал тот басовый рифф, поддёргивая гитару повыше к микрофону, в который я объявил, что мы дуэт «Солнце». Потом я опустил микрофон к его гитаре, чтобы толпа убедилась, что это рок-н-ролл, в конце концов. Вполне само собой, что удерживая

микрофон я уже не мог поддерживать его басовую партию своей ритм-гитарой.

На втором номере всё вроде вошло в колею. Мы оба звенели гитарами, Владя пел, я смотрел поверх голов толпы, но пониже фонарей, как нас учила Раиса в Детском секторе. Но… После первого куплета с припевом Владя обернулся ко мне с круглыми глазами и выстонал:

– Я слова забыл!

Ну раз пошла такая пьянка… Да простит меня Чуба, да простят меня слушатели Конкурса исполнителей, что заполнили в тот вечер танцплощадку и прилегающие аллеи Парка Отдыха, но я сделал шаг вперёд и, себя не слыша, заорал в микрофон, что:

"И над степью широкой
Ворон пусть не кружит,
Мы ведь целую вечность,
Собираемся жить…"

К следующему куплету Владя пришёл в себя и мы добили песню вместе, дуэтом, как и обещали…

Натали́ и я больше не ездили на Сейм. Случилась размолвка, хотя я так и не понял почему она сказала мне больше не приходить…

Конечно же, я страдал и, конечно же, возликовал через полмесяца, когда моя сестра, она же Рыжая, сказала: —«Я сегодня Григоренчиху видела, так она говорит, Огольцов уехал куда-то или как, а я говорю, никуда не уехал, а что, а она говорит, так чего он тогда не приходит, так вы что, поссорились или как?»

– Ничего мы не ссорились. Мала́! Ты – солнце!!

Купальный сезон уже прошёл и мы начали гулять в Парке КПВРЗ, где она показала мне уединённую скамейку позади нестриженых кустов вдоль аллеи. Я сто раз проходил по той аллее и не догадывался что за кустами есть скамейка, что стояла как бы в гроте из листвы.

Мы приходили туда с началом сумерек, когда вдоль аллеи загорались пара бледных ещё фонарей. Самая яркая, далёкая лампочка светилась над кассой летнего кинотеатра. Киномеханик Гриша Зайченко, напарник Константина Борисовича, включал магнитофон в кинобудке и наполнял тёмный парк звучанием динамиков со сцены:

"Словно сумерки наплыла тень –
То ли ночь, то ли день..."

Потом лампочка над кассой гасла и начинался сеанс. Скамейка погружалась в темноту своей лиственной пещеры. К этому моменту наш разговор иссякал. Она откидывала голову на мою руку вытянутую вдоль верхнего бруса скамеечной спинки и – мир переставал существовать. Особенно если на ней не было лифчика и она была в зелёном платье с молнией от верху до пояса спереди...

Но всему есть какой-то предел и когда, погрузившись в иное измерение, моя ладонь соскальзывала по животу ниже впадинки её пупка и пальцы трогали резинку её трусиков, голова поверх моего плеча недовольно покачивалась и она издавала «ммм», как будто вот-вот очнётся, и я беспрекословно скользил к сокровищам повыше...

Потом сеанс кончался. Лампочка над билетной кассой вспыхивала снова. Мы пережидали пока считанные киноманы пройдут по аллее за стеною кустов, прежде чем встать со скамьи. Какая-то опустошённая охмелелость... Ей надо идти... Папа говорил... Не позже...

Мир погряз в глубочайшей осени – зябко, мокро, пусто. Листва опала и голые чёрные ветки уже не скрывали скамейку. Да и кто сядет на мокрую? По инерции, мы продолжали приходить в парк, но и он стал враждебным. Однажды посреди дня мужик за тридцать начал на меня наезжать. У меня не было шансов против него.

Хорошо, что ребята из нашей школы позвали его распивать вино за танцплощадкой, а мы тем временем ушли…

Первый снег упал и растаял, грязь прихватило морозом. Потом снова выпал снег и – началась зима… В один из свиданных вечеров, когда я расстегнул на ней пальто, чтобы добраться до любимых грудей, она отпрянула и сказала, что не может позволить всё человеку, который ей, фактически, никто.

Это я-то никто?!. После всего, что было между нами?!.

> *(…выяснение отношений в рухнувшей связи – кто был прав, а кто лев, это просто запоздалый выстрел из пушки на корме вслед паруснику уплывающему прочь своим курсом…)*

Мы расстались. Прощай, сладчайшая Натали́…

> ***"Ах, кабы на цветы да не морозы…"***

~ ~ ~

В конце февраля, год спустя после того, как я сказал матери, что согласен на хирургическую операцию, мне пришлось лечь под нож. Настоящий мужчина держит слово, нет?

С вечера и всю ночь у меня резко болел живот, а вызванная с утра «скорая» обнаружила аппендицит для срочного удаления, пока не поздно. До машины на улице я дошёл сам, но там пришлось лечь в брезентовые носилки на полу. Мать тоже хотела поехать, но по Нежинской как раз шла какая-то из её знакомых, которая опаздывала на работу и мать уступила ей место в тесном фургоне, она всегда говорила, что Юлия Семёновна очень хорошая юрконсультант и все её уважают.

В городской больнице, несмотря на неотложность диагноза, меня поленились нести в носилках и на второй этаж пришлось переть своим ходом. Там меня переодели в синий больничный халат поверх белой блузы без пуговиц и отвели в операционную.

Обтянутый кожзаменителем стол оказался слишком высоким, но мне помогли взобраться, уложили и привязали все мои руки и ноги широкими крепкими ремнями. Поверх лица поставили высокую рамку и занавесили белым, чтобы не подглядывал как меня там разделывают. Медсестра, которую я тоже не мог видеть, стояла позади моей головы и задавала всякие отвлекающие вопросы. Это заменяло общий наркоз, потому что мне сделали местную анестезию шприцем в живот.

Укол подействовал, я чувствовал как меня там внизу кромсают и лезут внутрь, но всё это как-то отстранённо, как будто режут на мне брюки, хотя в этот момент из одежды на мне оставалась лишь больничная блуза без пуговиц. Правда, пару раз стало действительно больно, я даже застонал сквозь зубы, но невидимая медсестра позади головы начала заливать какой я молодец и терпеливый, ей таких ещё не попадалось, так что пришлось заткнуться и не мешать им делать своё дело. Однако на койку в длинном коридоре меня всё-таки повезли на каталке…

Через два дня мне принесли записку от Влади, он писал, что на первом этаже его не пропускают и что наш класс придёт меня проведать, когда мне разрешат вставать, и чтобы я поскорее выздоравливал, а то Чуба оборзел вконец и прыгает на него как Мазандаранский тигр.

После операции, меня предупредили сдерживать кашель и всячески избегать нагрузок, чтобы швы не разошлись. Но попробуй избежать с такими корешами!

– «Чуба Маза…», – и, стискивая клочок бумаги в кулаке, я утыкаю лицо в подушку, чтобы сдержать накатывающий хохот.

– «Мандара… тигр.»

Хха! Хаха! Уй! Больно же!.

И когда я всё же дочитал, с осторожными передышками—чтоб ни я ни швы не лопнули—записку до конца, настырные строчки продолжали крутиться в уме:

– «Тигр чуба Мазанда…»

Хаха! Хаха!

И слёзы просачиваются через плотно стиснутые веки. Сам ты, Владя, тигр… Сука ты Мазандаранский!

Через десять дней меня выписали, а ещё через неделю я пришёл в больницу, чтоб выдернули нитки швов из живота и дали освобождение от Физкультуры на один месяц…

Кстати, почерк у Влади – непревзойдённый чемпион по неразборчивости.

Половину его сочинений по Русской литературе учительница возвращала даже без проверки, просто рисовала большую «Х» по всей странице красной пастой шариковой ручки. Иногда он и сам не врубался что у него там накуролесено и обращался ко мне за расшифровкой его пляшущих человечков.

Я был третейским экспертом в его криптографических диспутах с Зоей Ильиничной. – «Нет-нет, тут нет ошибки, он всегда так пишет «е», а вот это у него «а» такая».

– Какая «е»? Какая «а»? Да тут одни только птички!

– Вот именно! Но вот у этих птичек хвостик чуть длиннее, видите?

Когда отец сказал, что нам надо поговорить, я внутренне наёжился. Не то, чтоб у меня с ним конфликты были, на это просто не оставалось времени – пришёл, поел, и погнал дальше. Последняя разборка случилась год с чем-то назад, уже не помню из-за чего. Архипенки тогда уже на Рябошапку съехали – ристалище, хоть на конях скачи, вот и сцепились, прямо на кухне. Я сгоряча пригрозил даже уйти из дому. Или чего-то такого начитался? А отец спокойно так: —«Ну, иди».

Деваться некуда: —«Ну, и уйду!»

На крыльцо выскочил, борец за свободу от гнёта предков и – тормознул. Свобода встретила меня проливным дождём осенним. Блин! Куда? Единственное сухое место, что на ум пришло – чердак над кинозалом Клуба, но пока туда дойду, пиджак насквозь мокрый будет. А на крыльце торчать тоже не то – вот-вот кто-нибудь высунуться может: —«Так ты ж типа как идти куда-то собирался?»

Короче, порулил я в курятник во дворе. Хотя пока не скажешь, что курятник, никто и не догадается. Когда Архипенки переезжали, старый кухонный стол оставили. Ну вытащили его во двор – а дальше? На дрова пустить жалко вроде. Столешница метр на метр, под ней соответственный ящик и дверцы тоже фанерные. Ну в общем, предки как обычно, подсобное хозяйство разводить затеяли, двух кур прикупили для готового курятника.

Каждой квочке – поводок на ногу из бечёвки и за отдельную ножку стола, чтоб в огороды не подались с концами. Паситесь, дорогуши, вокруг стола, да не забудьте яйца нести.

Какие там яйца! Эти заразы бечёвками своими поперепутываются и целый день во дворе на боку валяются, хотя, между прочим, за разные ножки курятника привязаны. Ждут пока мы с Сашкой их распутывать будем. Блин! Это ж не то, что просто две верёвочки взял, да и распутал. Тут у каждой на конце по курице привязано! Лягаются как кони, но орут по-куриному, а ухватишь её, тогда распутывать – чем? Те, кому приходилось вязать морские узлы, когда обе руки заняты курицей, меня поймут.

Для меня с братом это был каждодневный кошмар вечернего представления. И весь этот цирк очень нервировал Жульку. Ещё бы! В подотчётном ему дворе, где он смотрящий, два здоровенных лба под Американскими Клёнами цыпочек тискают. На такое он тоже смолчать не мог, хотя и в возрасте. Ну кое-как с узлами разберёмся, запхнём их в стол и дверцы на крючочек, спокойной ночи, несушки.

Правда, одно на двоих они снесли. Подозреваю, что та, которая на следующий день откинулась. Видно чувствовала, что конец близок, чего уж жаться. Так мать не стала экспериментально выяснять сколько вторая в одиночестве протянет, и на суп её пустила.

В общем, дошлёпал я до курятника, в ящик стола залез и дверцы фанерные притянул. Жёстко, блин! Но хотя бы не мокну, по столешнице барабанит, а меня не достаёт. Пару раз поворочался – никак не удобно, да и холодно тоже.

Тут к шуму дождя, снаружи примешалось шлёпанье ног по грязище. Затих, лежу. Шаги те шлёп-шлёп, мимо – к сарайчику. Но как они пришли обратно, я даже и не услыхал, только дверцы всё равно и резко так – бац! Открылись. А там отец с фонариком, а сверху дождь. Хорошо хоть кепка на нём.

– Вылазь! – грит

– Шо?

– Не «шо», а вылазь! В дом иди.

А во мне уже вся охота борьбы за правое дело куда-то сникла. Тихо-молча вылез и пошёл до крылечка. Как зашли в хату, он воду стряхнул с кепки и матери грит: —«На, сама воспитывай!»– и рукой махнул.

Уже потом выяснилось, что пока я в столе-курятнике маялся, она ему истерику закатила: —«Иди! Найди ребёнка! В такую погоду выгнал!»

Нет, потом всё сгладилось как-то, нормализовалось. Но всё равно, как он сказал, что нам поговорить надо, даже и год спустя после прежнего разговора, я насторожился, это и ежу́ понятно. И как сердце чуяло:

– Постригись! – грит.

Ну и начал обычные предковские обличения, что выгляжу как чёрти что и что из-за такого моего наглого вида его замполит РемБазы на ковёр вызывал.

У них же там не просто вертолёты ремонтируются, а боевые машины, так что вместо «начальник цеха», «заведующий» и тэдэ – всё сплошь офицера́, как в армии Деникина. Этот замполит второе лицо после командира РемБазы, так что этот солдафон просто приказал отцу, чтобы его сын не ходил по городу в таком виде.

Конечно, мне хотелось носить длинные волосы как у Битлз. Хотя до их длины мне далеко, но у меня уже тоже отрастать начинали. Если наедине с зеркалом в дверце шкафа голову запрокину, чтобы краем глаза полюбоваться на свой профиль, то они уже до верха лопаток достают. На недавнем КВН я исполнял хит Дин Рида с

выключенным микрофоном, *Иерихон* называется, прыгал по сцене и лицо волосами охлёстывал, длины хватало.

Вот и допрыгался. Откуда замполиту знать, что я сын их работника? Мало, что ли, по городу битлаков шастает? Да заложили меня, как пить дать, заложили.

Но долго пререкаться с отцом я не мог. Я сидел на его шее, а замполит грозил увольнением, если не постригусь…

Весной нашу школу накрыла эпидемия. Самые острые случаи инфекции свирепствовали в нашем классе, где находился её основной очаг и распространители заразы… Началось с того, что мы с Владей подняли головы и огляделись. Сидели мы на табуретах за последним столом в кабинете Химии. Принадлежность кабинета только по этим табуретам и можно было угадать, в остальных классах везде парты. Вполне обычные табуреты, сиденья в чёрной краске и с дыркой, можешь сунуть в неё руку и переставить эту мебель куда надо. Именно эта обычность их и подставила…

Когда мы с Владей отёрли пот беззаветного труда с наших чел, а сквозь чёрную краску табуретных сидений под нами глубокими шрамами проступила их белогвардейская суть, немыми воплями «THE BEATLES! THE ROLLING STONES!», мы снова огляделись – чем заняться?.

Вот ведь наивность без конца и без края – ну чем ты можешь заняться в выпускном классе?. Практически, нечем. И всё-таки мы обманули скуку, на нас вдруг нашло и поехало – мы начали писать стихи.

Это оказалось поэтичным извержением во всевозможных формах и жанрах. На переменах мы представляли свои свежие творения одноклассникам. Сами смеялись и они хохотали тоже, не подозревая, что вирус стихоплётства уже вгрызается и в их иммунную систему. Даже Чуба чего-то там наэппиграмил. Но истинные корифеи этого поэтического цунами сидели, разумеется, на изрезьблённых табуретах за последним столом… К счастью, эпидемия постепенно сошла на нет, без летальных исходов

(…если собрать воедино все те клочки линованной бумаги выдранные из разных тетрадок, вполне бы мог получиться сборник начинающих пиитов. Пылился бы на полках книжных магазинов, мечтая сонно – ах, придёт черёд!….

Вряд ли хоть кто-нибудь из моих одноклассников вспомнит ту повальную рифмо-эпидемию. Никто б из них не опознал свои же собственные строки. Ну и что с того? Конечная цель – ничто, главный кайф в делании. Хотя я и по сей день не устыжусь длинной элегии, что помогла скоротать урок Органической Химии:

"***И я уйду когда-нибудь в разбойники***
Трудом свой хлеб насущный добывать,
Я днём всё буду спать, холодный борщ дожёвывать,
А в третью смену стану я прохожих обирать…"

Потом, конечно, меня убьют, потому что элегия это печальный жанр и, лёжа в придорожной траве:

"***Я не смогу понять***
Главой хладеющей,
Зачем меня
Понадобилось убивать?
Ведь пистолет носил я деревянный,
И людям всегда «здрасьте!» говорил
А брал лишь 3 копейки для трамвая,
И, извинившись, тихо уходил"

Немало воды утекло с той поры в речке Варанде и, цитируя иного избранника муз, кличка Обезьян, который столько тосковал о берегах Невы:

" Иных уж нет, а те – далече…"

Ладно, хватит выпендриваться крупицами эрудиции… Пора признаться, что мне не чужд и полный сволочизм. Есть вещи,

которые и вспоминать не хочется, не то что пересказывать. Однако выставлять себя всесторонним паинькой без страха и упрёка – нечестно и глупо. То есть, неправильно это. В любом случае, я не Хороший Парень, слишком уж изменчив для такого…)

Как уже говорилось, в тот год мы проиграли финал КВН престижной школе № 11. На конкурсе Приветствия мы выволокли на сцену макет корабля из картона, в точности такой, как за два месяца до нас выволакивали в КВН на Центральном Телевидении. И там же прозвучали наши шутки, за два месяца до нас. Но корабль и шутки были ещё свежи в памяти жюри и нас обвинили в наглом плагиате, наконец-то.

Команда школы № 11 вышли в шляпах цилиндрах из Ватмана закрашенного чёрным и под конец Приветствия они подарили бумажные цилиндры нашей команде, шуток у них вовсе не оказалось, но зато и в краже не обвинишь… Мне такой головной убор не достался, капитан команды противников оставил его на столе жюри и скаламбурил, что теперь дело в шляпе.

Когда, после заслуженного поражения, наша команда возвращались на Посёлок без щитов, но при цилиндрах, мне стало обидно, что всем есть что снять и раскланяться на прощанье, кроме меня.

На подходе к школе № 13, из всей команды нас оставалось только двое – Валя Писанко и я. Вот тут-то, с нежданным для самого себя коварством, я попросил цилиндр у Вали, примерить просто. Она доверчиво дала и, нахлобучив его покрепче, я убежал вдоль по Нежинской, зная что она не погонится, так как живёт в другой стороне, в Подлипном. И действительно, она не гналась, а лишь кричала сзади: —«Сергей! Отдай! Так нечестно!» Я и сам знал, что нечестно, но всё равно не вернулся и не отдал. Ещё чего!..

На следующее утро в сарайчике, который уже стал моей летней дачей, мне даже глянуть было тошно на кусок бумаги извозюканной чёрной гуашью. Награбленное позорище.

(...так что, я – разный, и подлости мне не занимать...)

~ ~ ~

Вот и минули десять лет. Долго ль, коротко ль тянулась декада не мне судить, так как десять лет спустя это был уже другой я. Десять лет назад из меня сделали ниву просвещения и принялись возделывать её для обращения меня в нужный текущему обществу член. Полагаю, пахари, сеятели и прочие пед-селекционеры достигли, в основном, стоящие перед ними цели.

Из сопливого октябрёнка, я вырос в ленивого комсорга школы, взвалив главную из своих обязанностей—сбор комсомольских взносов от рядовых членов ВЛКСМ—на свою заместительницу. И я перестал плевать в небо, осознав бессмысленность такого поведения при наличии всемирного тяготения, это бесполезно... И пусть мне не хватало комсомольского задора, чтобы на общих собраниях комсомольской организации школы петь Интернационал совместно с грамзаписью Большого Академического Хора, я твёрдо верил, что СССР оплот мира во всём мире (достаточно вспомнить красные флажки с жёлтым голубем для махания Советским народом на праздничных демонстрациях).

Вообще-то, мы самые сильные во всём, а отставание наметилось лишь в музыке. Любая песня Битлз содержит больше забойных аккордов, чем всё Советское песенное творчество. А причина столь плачевного положения одна – у нас все песни в ля-миноре... Вот только не стоит Битлам лезть в политику. Кто дал право Джону Леннону объявлять, будто Советский Союз – Фашистское государство? Это у нас 20 миллионов павших в той войне против Фашизма, так что Битлз занимались бы только музыкой.

Но всё равно Фурцева – сука поганая, что не пустила их гастролировать по Союзу. Сама-то их послушала, за закрытыми дверями, насладилась в своём министерстве культуры, а потом – извините, ребята, но наш слушатель не готов понять вашу музыку. Ну,

не крыса, а? А они ведь готовились, даже и хит уже написали «Back to the USSR», специально под это турнэ.

Что касается школьной программы, то химию я вообще не постиг, как и алгебру с тригонометрией, и ряд прочих предметов, до которых всё никак руки не доходили. Зато меня обучили отличать помещика Фамусова от его создателя дипломата Грибоедова. Даже и с меньшим запасом знаний вступают на путь в светлое будущее... А что-то менять, дополнять уже поздно – срок истёк. До выпускных экзаменов рукой подать, а там уже и Выпускной Вечер и романтическая ночь коллективного брождения выпускников, которые уже не одноклассники, но первый рассвет своей новой жизни всё ещё должны встречать вместе, по традиции.

Однако, всё это отходило на второй план перед кое-чем по настоящему важным. Конкурс на звание Лучшего Вокально-Инструментального Ансамбля, он же ВИА. Да, мы готовились участвовать в конкурсе объявленном горкомом комсомола. Так вы ВИА хотите? Вы полу́чите ВИА!

Всю предшествующую зиму, задолго до того и не подозревая даже, что будет проводиться такой конкурс, мы занимались изготовлением электрогитар по чертежам и схемам в журналах *Радио* и *Юный Техник*.

Поначалу мы экспериментировали с пьезоэлементами, устанавливали их на обычные акустические гитары. Да, звук усиливался, как от микрофона всунутого гитаре под деку, но ничего общего с тем, как звучит электрогитара. К тому же, гитары за 7 рублей 50 копеек не смотрятся как те, на чёрно-белых фотках различных рок-групп с волосами до середины спины.

Захотелось гитары с крутыми рогами? Выпиливай из трёхсантиметровой фанеры. Больше всего возни будет с грифом. Гитары, изготовленные нами в строгом соответствии чертежам журналов для продвинутых технарей, не строили.

Что значит «не строили»? Ну если дёрнешь струну прижатую на двенадцатом ладу, а потом её же, но уже отпущенную, получишь

один и тот же звук, просто через октаву. А у нас звучали неодинаковые ноты, гитары «не строили». Вот что это значит… Пришлось на корпуса из толстой фанеры ставить грифы от обычных гитар. Но на рогатом корпусе головка грифа обычной гитары с прорезями для струн смотрится как на корове седло. Для замены головки, ты должен её аккуратненько выпилить и на место фабричной подгонять самодельную, с шестью колышками в один ряд.

Схемы электрической оснастки гитары паял отец и он же принёс с РемБазы экранированный провод в металлической оплётке для подключения гитары в усилитель. Без такого провода гитары фонили диким воем за пределами всякой музыки.

Испытания проводились у нас на хате, изделие на стадии разработки подключалось в древний радиоприёмник, отец сказал, что это без разницы – если тут заиграет, то через усилитель вообще будет бацать как миленькая…

Больше всего мороки преподнёс звукосниматель. Это маленькая такая коробочка, крепится под струны, не касаясь, а внутри отдельная катушка для каждой. Одна катушка это шестьсот витков медной проволоки тонкой, как волосок, намотанных от руки, теперь остаётся умножить на шесть, по количеству струн, чтобы получился звукосниматель.

Наконец, всё собрано. Радиоприёмник подпрыгивает со своей коробкой, вот-вот лопнет от грома сталистых аккордов и ревущих риффов, заглушает вопли протеста матери на кухне. Ух-ты! Мы счастливы. Бомба! Отец вроде доволен тоже.

Теперь можешь всё разобрать по частям и заровнять фанеру корпуса наждачной бумагой, зашпаклевать и снова шлифовать уже более нежной шкуркой под пульверизатор (могу поспорить – выкрасишь красным) и заново собирать свою новую сияющую электрогитару. Балдей!

Так что мы имели полное право (и снаряжение!) представить заявку на участие в конкурсе организованном горкомом комсомола,

который шёл в ногу с требованиями жизни. Общее число претендентов на лавры лучших в Конотопе составляло 2:

1) ВИА «Кристалл» при Доме Культуры имени Луначарского (он же Лунатик);

2) ВИА «Орфеи» при Клубе Конотопского Паровозо-Вагоноремонтного Завода (он же Клуб КПВРЗ).

Ребята из Лунатика не первый год в деле. На электрооргане у них шпилил Саша Баша, который закончил музшколу по классу фортепиано. Он был не только руководителем «Кристалла», но и капитаном команды КВН престижной школы № 11, которая нас сделала напоследок. Кроме концертов в Лунатике, они играли ещё и «халтуру», то есть делали живую музыку за живую деньгу́: на свадьбах, днях рожденьях и вечерах отдыха – своим электроорганом, двумя гитарами и ударной установкой…

Нас тоже было четверо, мы ни хрена не рубили в музграмоте (кроме Чубы с его четырьмя годами в музшколе по классу баяна), но за нами стоял Клуб и мы были плотью от плоти Посёлка…

Если техническую мощь мы наращивали у нас на хате, то Клуб предоставлял «Орфеям» возможность музыкального образования. (Опять-таки не тревожа Чубу и его баян, который позволил ему запросто освоить бас гитару, партия которой совпадает с той, что баянист играет на кнопочках басов пальцами левой руки).

По совокупности всех этих причин, на концерт классической гитары в Клубе, о котором извещала скромная афиша лауреата-исполнителя Зверева из Киевской Филармонии, явились только два Орфея – Владя и я, потому что Чепе оно и вовсе не надо, он ведь не гитарист, а барабанщик нашего ВИА…

Вестибюль Клуба удивил непривычной людностью и на площадке перед залом тоже не протолкнуться, в основном молодые хлопцы. А ведь и не подумал бы никогда, что молодёжь Посёлка так любит

гитарную классику… С контрамаркой в кармане, мы тормознулись в общей толпе на площадке у входа в зал.

Вдруг снизу, от вестибюля, вверх по широким красным ступеням лестницы и среди парней вокруг нас зашелестало типа шуршащего шума ветерка со спешным сообщением «ща ливанёт!»—голоса, в полшёпота, объявляли друг другу: —«Вафлистки! Вафлистки идут!»

С первого этажа по прямому пролёту лестницы восходили две девушки. Площадка встретила их оглушительной тишиной и взглядами прикованными к ним, немо, поголовно. Меня поразила молочная чистота кожи девичьих лиц. Меж тесных стен вытаращенного молчания, они свернули вправо, пройти в зеркальный зал балетной студии, где проводился вечер отдыха бурсаков из ГПТУ-4…

А мы с Владей отделились от ожившей толпы на площадке и повернули влево, влиться в горстку зрителей-слушателей черноволосого Гитариста Лауреата в его классическом чёрном костюме «тройке» и в толстенных линзах охваченных чёрной оправой.

Пары первых рядов с лихвой хватило для рассевшихся на почтительном расстоянии друг от друга слушателей. Он сидел над нами, на стуле у самого края авансцены. Из проёма едва раздвинутого занавеса цедился скудный свет полуосвещённой сцены. Он объявлял непонятные названия произведений и никогда не слыханные имена авторов музыки, а потом исполнял их на своей акустической гитаре. Но это не было тем, что мы привыкли считать игрой на гитаре. Что-то невообразимое. Недостижимое нечто…

После концерта мы с Владей постучали в дверь комнаты на первом этаже, где он укладывал свой классический чёрный костюм в твёрдый чёрный футляр своей гитары. Мы представились, как желающие научиться играть на гитаре. Что делать? С чего начать?

И он дал нам бесплатный мастер-класс. Он вынул обратно свой сложенный чёрный костюм и достал гитару из коробки жёсткого футляра, и показал как извлекать полнозвучные флажколеты. Затем

он сложил все вещи обратно и ушёл на Вокзал со своим футляром, чтобы ехать в ночи через её беспросветность куда-то ещё. Но, прежде чем выйти из комнаты, Лауреат Зверев посоветовал нам найти Польские музыкальные журналы, где часто печатают песни Битлз со словами и табулатурой поверх нотного стана. Жаль, что в киосках Конотопа и слыхом не слыхивали про такие журналы…

Подав заявку на конкурс ВИА, мы подошли к директору Клуба, Павлу Митрофановичу. Мы объяснили, что для поддержки чести Клуба на Городском Конкурсе нам надо всего ничего, право же, ту пару чёрных динамиков от портативной киноустановки и усилитель к ним, а то ведь у нас даже места нет, где репетировать, и ни одного барабана.

Пламенея своим уже раскраснелым лицом под завитками натурально купеческих кудряшек первой гильдии, Павел Митрофанович объявил, что для парней с Посёлка Клуб сделает всё и не один раз, если потребуется. Вот что значит правильный учёт распорядка дня человека, с которым идёшь договариваться.

Директор тут же приказал завхозу Клуба, Степану, отдать нам ключ от комнаты Эстрадного ансамбля до самого конкурса. Ансамблевые музыканты во главе с их руководителем Аксёновым бесследно вынесли все инструменты из комнаты, в том числе контрабас и саксофон, тоже в неизвестном направлении. На неопределённое время Аксёнов прекратил появляться в Клубе вообще. Опустошённость комнаты скрашивал лишь письменный стол без стула и «кухня» ударника в составе из большого барабана, педали к нему, барабана «снэр», педалированных тарелок «хэт», двух том-томов и широкой тарелки «крэш» над ними. Гремящее трах-бзден-чу-чух-ба-бам «кухни» переполняло комнату и весь коридор за дверью, потому что Чепа часами отрабатывал стучать бит рока всеми своими конечностями.

Как бьётся бит Чепе показал Анатолий Мелай, парень с Посёлка только что демобилизованный из армии, а до призыва в неё он играл в Эстрадном ансамбле на трубе. Кроме того, он показал нам

аккорды песни «Жёлтая река» рок-группы Кристи. В ту пору эта песня удерживалась на верхних строчках Европейских хит-парадов. Этот факт мы знали от Радио-Швеция, которая вещала на Русском языке один час в неделю, по воскресеньям, и *наши* не глушили эту станцию обычным треском статики, потому что Шведы толковали исключительно про рок-музыку и не толкали анти-Советской пропаганды.

Анатолий знал даже слова «Жёлтой реки» на Русском:

"У Жёлтой речки гуляли мы
Вокруг прекрасно цвели цветы,
У Жёлтой речки моей мечты —
Аловерида!"

Дальше шёл припев, которому как-то удалось избежать перевода:

"Аловерида! Аловерида!
Юзы мама́! Юзы мама́!"

Мы начали репетировать эту песню для конкурса. В какой-то момент меня вдруг осенило, что раз песня про Жёлтую реку, то в припеве должно звучать *Yellow River*, а не какая-то неясная *Аловерида*. Нет, не даром всё же Алла Иосифовна вдалбливала мне на своих уроках Английского, что "London is the capital of Great Britain".

Анатолий недовольно морщил нос, но крыть ему было нечем мой запас знаний. За такой языковедческий подвиг, Чуба позволил мне подпевать ему в припеве:

"Yellow River! Yellow River!
is in my mind and in my eyes."

Меня это крайне окрылило, потому что в нашем ВИА мне досталась очень нужная, но такая неприметная роль ритм-гитариста.

Для второго номера мы выбрали «Покрась чёрным» Роллинг Стоунзов. Мы знали аккорды к песне и даже как она называется, но не знали слов и шпарили «ду-вап-ду-вап» как истые джазмены:

"Ду-вап ду-вап ду-вап ду-вап
Ду-вап ду-вап ра́-ба-баа́

Однако, если известно название, то можешь догадаться о чём она вообще, а зная размер строк – «что нам стоит дом построить? Нарисуем – будем жить!»

"А тучи чёрные на город проливают
Капли дождя чернее даже, чем смола,
Но лужи чёрные и звёзд не отражают,
Ведь даже звёзды все украла с неба мгла..."

(…в фильме *Адвокат Дьявола*, где Аль Пачино играет Князя Тьмы, эта песня сопровождает заключительные титры, оригинал её, конечно. Просто на тот момент Голливуд не успел ещё снять это кино.

Что касается Русской версии «Жёлтой реки», то наш гаражный ВИА обогнал Весёлых Ребят Александра Буйнова, которые лишь два года спустя подменили реку из оригинала Карлсоном, который живёт на крыше:

"Вот мы слышим,
Вот мы слышим,
Мотора стук,
Весёлый звук.
Это с крыши,
Прямо с крыши
Летит к нам друг,
Наш весёлый друг..."

Так песня про любовь была переувечена в гимн РемБазы…)

Накануне конкурса ВИА, мы репетировали днями напролёт, покидали Клуб лишь подкрепиться в павильоне «Встреча» рядом с Вокзалом. Мы ели там пельмени, запивали их бутылкой пива на четверых и считали себя крутыми чуваками, которым по плечу лабать рок.

Буквально за день до конкурса наши соперники—ВИА Кристалл из Лунатика—нанесли нам превентивный удар. Они явились в нашу школу играть халтуру на нашем Выпускном. Перед этим, мы

обращались к руководству школы с предложением своих услуг на вечере, бесплатно, но нас не послушали, а наняли Кристалл. В твоей родной школе тебя и за музыканта не держат! Что уж говорить про пророков с их попытками пророчить в отечестве по месту рождения…

Разумеется, «Кристалл» имел давно отстоявшуюся репутацию. Саша Баша, после музшколы по классу фортепиано, вполне прилично играл и «семь-сорок», и вальс, и рок, но всё равно обидно.

Реванш состоялся уже на конкурсе – у нас имелись скрытые резервы. Во-1-х, Павел Митрофанович позволил нам взять у киномехаников усилитель на 50 ватт. А во-2-х, мы победили ещё до того, как зазвучала музыка, и уже одним нашим появлением на сцене показали кому судьба предуготовила сегодня лавры.

Ну хорошо, допустим у тебя есть электроорган и фортепианное образование, и есть музыканты натасканные на халтурах, но кому какое до всего этого дело в минуту, когда:

– …А сейчас на эту уютную сцену летнего кинотеатра Городского Парка Отдыха, мы приглашаем вокально-инструментальный ансамбль… Орфеи!!.

И тут выходят четыре чувака с тремя (!) рогатыми (!!) гитарами!!!

А плюс к тому на них, на всех и на каждом из четверых…

…БЕЛЫЕ ШТАНЫ!!!.. ДА!!

О-о!. Нет, даже отдалённо невозможно передать смысл белых штанов в Конотопе 1971 года, прикид на уровне божественных одеяний, а яснее не объяснить, потому что наш триумф состоялся прежде всемирного рассвета джинсовой цивилизации.

Откуда белые штаны? В Универмаг напротив Главпочтамта завезли так называемую «парусину для хозяйственных нужд», 1 руб. 20 коп. за метр. После первой же стирки материал превращался в обвисшую серую мешковину, но мы-то вышли нестираными! В девственной белизне архангелов с рогатыми гитарами…

Мать пошила их—на каждого из четверых за два дня до выступления—текущая брючная мода тогда уж отбросила широкий

пояс на талии, да и вообще хоть какой, штаны модного чувака начинались у него на бёдрах, посерёдке. На одни штаны одного метра и десяти сантиметров за глаза хватало.

Ложкой дёгтя стало лишь то, что я облажался с подпеванием в «Жёлтой реке». На репетициях, Чуба морщился на мою терцию в бэкапном вокале, а на распевке перед выходом на конкурсную сцену он вообще за голову схватился. Так что когда нам надо было вдвоём орать в один микрофон "Yellow River! Yellow River!", я только лишь разевал рот по рыбьи, без звука.

Тот же фокус как с пением «Интернационала» на общем собрании комсомольцев школы № 13 или при исполнении «Иерихона» с отключённым микрофоном на игре КВН.

Чуба строил мне круглые глаза с той стороны от микрофонной стойки, что я оставил его без терции, но это не помогало. Орфеи одержали блестящую победу, но на моём вокальном будущем был поставлен бесповоротный крест.

Но всё равно – мы смогли!. Да! Мы сделали это!.

~ ~ ~

Из кожи вон лезешь, выкладываешься без остатка, изнемогаешь в усилиях дотянуться до цели и, когда она победно достигнута, всё, что тебе остаётся – просто жить дальше… Пожалуй, это самое трудное.

«Куда ж нам плыть?»– поэтически вопрошал ещё Пушкин, а Чернышевский перефразировал вопрос в безыскусную прозу: «Что делать?»

"Вот и всё,
Конец мечтам,
И теперь
Ты в жизни сам
Ответы найди,
К счастью своему приди!"

(*музыка В. Сакуна, на стихи С. Огольцова*)

Я отправился попытать счастье в Киевском госуниверситете им. Т. Шевченко. Повёз мой школьный аттестат туда, на отделение Английского языка. Безграничная, надо признать, наглость, с учётом объёма моих знаний – пара вызубренных грамматических таблиц в конце учебника English для 8-го класса.

Однако удача сопутствует смелым и весь долгий путь от Конотопа до Киева—четыре часа электричкой—я сидел рядом с Ириной Кондратенко, самой красивой девушкой из моих бывших одноклассниц. Бархат бровей над чёрными озёрами глаз, длинные чёрные волосы и вообще всё делало её такой красивой, что я к ней никогда и не пытался подкатить – такая не для простого смертного, зачем мечтать о невозможном? И вдруг—ух-ты! – четыре часа совместной езды, бок о бок, на одном сиденье, в бесконечной беседе.

Ирина тоже ехала куда-то поступать, а жить у каких-то родственников и, уже знакомая с городом, подсказала каким трамваем ехать мне от вокзала до университета…

Потолки там поражали невиданной высотой, дойдёт и тупому – тут дают высшее образование. В деканате я сдал свой аттестат и справку об отличном состоянии здоровья, а мне сказали адрес студенческого общежития. Всего час езды троллейбусом.

Заведующая общежитием, а возможно просто дежурная, что выдавала мне постельное бельё в обмен на мой паспорт, оказалась отъявленной расисткой, прям ку-клукс-клановка какая-то. Я пришёл к такому выводу, когда пара молодых Северных Вьетнамцев появились в её кабинете (или, может, складском помещении), вслед за мной, и попросили у неё клеёнку для стола в своей комнате.

Но она их грубо оборвала: —«Какую тебе ещё килиёнку?! Сам ты килиёнка! Иди отсюда!»

И они удалились, такие печальные, щуплые, робкие на фоне этой дебелой Украинской расистки. А я подумал – а сама-то ты сможешь произнести слово «клеёнка» на Вьетнамском языке?

Впрочем, не стоит торопиться с умозаключениями без достаточной информации о сопутствующей ситуации. Может здесь расизмом и не пахнет. Нельзя же со 100 %-ной гарантией отрицать возможность, что эта, да, миниатюрная, но наглая парочка явились уже в пятый раз за сегодня, с разнузданным требованием ещё одной (уже пятой) клеёнки от пожилой Украинской труженицы или же что это уже пятая, за её трудовой день, пара Северных Вьетнамцев пришли вымогать очередную клеёнку у неё, придавленной тяжкой работой и тем, что эти азиаты все на одно лицо. Как сговорились, Ватсон!

Со мною в комнате оказался ещё один абитуриент на отделение Английского языка, только он уже отслужил армию. На следующий день мы вместе поехали в университет на ознакомительно-подготовительную лекцию, где он до того бегло болтал на Английском с ознакомительно-подготовительным лектором, что я чувствовал себя как на Областной Олимпиаде по Физике, где все всё знают и друг друга понимают, и только я один, как пень пнём из Пномпеня.

И поэтому после лекции я пошёл в кабинет декана и забрал свои документы. Не помню, что я им наплёл, потому что нелегко признаться, что я струсил и поднял лапки вверх даже не попытавшись. По пути в общежитие за паспортом, хлынул такой ливень, что иногда от остановки до остановки троллейбусу приходилось добираться вплавь. Дождь смоет все следы…

Четыре часа в электричке до Конотопа прошли в унылом молчании. Малодушным трусам не полагаются никакие Ирины, тем более которые Кондратенко…

В Конотопе любые сложные вопросы решаются сходу. Куда? Да, туда же куда и все.

Чепа уже два года отучился в Железнодорожном техникуме, над тоннелем Путепровода. Владя и Чуба сдали документы для поступления туда же. Вопрос «куда?» решился до меня, мне

оставалась прямая дорожка абитуриента в Конотопский Техникум Железнодорожного Транспорта, без вариантов.

Даже Анатолий Мелай оказался там же, хотя до армии он уже закончил этот техникум. Теперь пристроился туда же на неясную должность лаборанта, а до начала учебного года просто гулял по коридорам в синей спецовке типа как бы занимается электропроводкой, но главным образом пел.

Анатолий оказался завзятым фанатом ВИА Песняры, которые недавно сделали «Тёмную ночь» в Кремлёвском Дворце Съездов. Не, ты прикинь, а? Всё то старичьё из Политбюро Центрального Комитета в первом ряду – Брежнев, Суслов… э… кто там ещё?. Подгорный… а чуваки во всю врубают гитару с ревером!. Ну и вокал, конечно, у них охрене́нный – раскладки на четыре голоса:

"Тёмная ночь
Разделяет, любимая, нас…"

И Анатолий, запрокинув лицо в оспинках на память о прыщавой юности, заполняет гулкую пустоту коридора одной из тех четырёх партий раскладки. А почему нет? Вокруг лето, занятий нет, даже вступительные экзамены ещё не начинались, а тем более, что на нём синяя спецуха и—главное—армия позади, уже полностью состоявшийся чувак.

"Скрыпять мое лапти,
Як иду до тебе!."

Он обещал замолвить словечко экзаменаторам, как бывший студент и нынешний коллега, однако из Орфеев-абитуриентов поступила только одна треть – Чубу с Владей отсеяли и те поступили рабочими на Завод КПВРЗ…

Посреди августа мы сделали предложение директору Клуба, Павлу Митрофановичу, от которого он не смог отказаться: мы будем играть на танцах в Парке КПВРЗ. Бесплатно…

В каждом из трёх Конотопских парков—Городской, Лунатик, Заводской—имелась танцплощадка. Каждая представляла точный слепок с любой из двух остальных – вертикально стоячая полусфера оркестровой раковины охватывает сцену метровой высоты, обращённую к широкому кругу бетона в кольце двухметровой ограды из труб, тоже стоймя, доступ внутрь обеспечивает калитка, снова-таки из вертикально-трубчатой решётки, диаметрально противоположная сцене. Даже окрашены все три ограды одной и той же серой «серебрянкой». Единственное отличие в том, что на трубах Городского Парка Отдыха краска облупилась не так тоскливо.

Мать вспоминала, что в пору девичества она ходила в Парк Завода на танцы, потому что летом там играл духовой оркестр. Но потом всё как-то заглохло и в тёплый сезон молодёжь Конотопа начала ходить кругами (не вальсировать) по аллеям Площади Мира, уминая расплёванную по асфальту шелуху семечек. Круг за кругом... Год за годом...

Но вот пришёл тот судьбоносный вечер воскресенья и пробудил от комы танцплощадку Заводского Парка. Со звоном рухнули оковы ржавой цепи с висячим замком, калитка со скрипом распахнулась и через круг бетона покатил возок на резиновом ходу, влекомый нами в направленьи сцены.

Обычно этим возком киномеханики перевозили пару жестяных цилиндрических коробок с катушками киноленты из Клуба в Парк для сеанса в летнем кинотеатре. Однако в то историческое воскресенье он вёз пирамиду динамиков и усилителей различной величины, словно громоздкий кубовидный стог в охранительном кольце наших подталкивающих рук.

Мы начали устанавливать и подключать аппаратуру, щёлкать, втыкать, проверять гитары резким взбряком аккорда-двух, пробежкой по струнам в крутом риффе. Резкое эхо несло эти бздыни вспять, отражёнными жалкой, многоквартирной двухэтажкой по ту сторону метровой кладки заборчика вокруг Парка. Вместе с эхом примчался выводок околопарковой пацанвы и, не решаясь войти в

распахнутую калитку, стали скапливаться в аллее за палисадом из железных труб.

Вот напыщенно чинный Чепа устанавливает «кухню» ударника, бу́хает педальной колотушкой в брюхо большого барабана, прихлопывает брязгом «хэта», бряцает по «крэшу».

Завершающая проверка микрофона: —«Ряссь! ...Ряссь-два!.»

Сухим стуком палочки о палочку, Чепа задаёт темп. Раз-два! Раз-два-три-четыре!.

Пагнаааали!!.

Так вершилась смена эпох в одном, отдельно взятом Конотопском парке...

Калитка простояла без охраны слишком долго, шпингалеты начинают исподволь втягиваться внутрь, на бетонный круг танцплощадки, держась, на всякий, поближе к ограде, кроме пары безнадзорных малышат в ещё нетвёрдой, восторженной беготне, туда-сюда.

Зашли три девушки, уселись кратким рядочком на лавочку под трубами... Замедлено вшагала молодая парочка, похоже, припозднились на укромную скамейку в пещерке из листвы... Ещё одна несмелая парочка... место не совсем интимное, зато есть где посидеть...

В первый вечер никто не танцевал, мы играли для себя. Потом перевезли инструменты и аппаратуру в тесную кассу на первом этаже кинобудки летнего кинотеатра.

В том же ключе всё повторилось в среду. Да! В среду! Потому что мы играли танцы трижды в неделю: среда, суббота, воскресенье.

В субботу, за полчаса до начала, в Парке чувствуется непривычная оживлённость, в аллеях небывало людно, невиданным досель числом блуждают гуляющие, туда-обратно. Мы решили не тянуть и в рекордный срок установили аппаратуру на сцене.

На простор танцплощадки заруливает Витя Батрак, кличка Раб, со свитой своих корефанов с Площади Мира. Широкие кудри каштановых волос привольно рассыпаны по плечам его шелковой

рубахи цвета пиратского флага. Манжеты длинных рукавов – нараспах, до упора, воротник открыт в откровенном декольте аж до солнечного сплетения.

По центру круга, с жестикуляцией ведущих звёзд индийского кино, Раб затевает картинный спор со своим эскортом на тему тикальника у себя на руке. Широколентный ремешок из кожзаменителя расстёгнут, часы подброшены в воздух, высоко, по-честному, и хряпаются на бетон. Участники диспута тесной группой вокруг точки приземления, свешивают умудрённые головы – ну как, тикают противоударные или капец котёнку?

На столбах вкруг площадки вспыхивают фонари. Поток молодёжи обоего пола вливается в калитку, обтекает кодляк экспертов по живучести часов. Всё! Город поверил, что в Парке КПВРЗ играют танцы!

В воскресенье танцуют все. Кругами, разумеется. Круг из десяти-пятнадцати танцоров образуется вокруг пары сумочек возложенных на бетонный пол. У каждого круга свой неповторимый стиль… Высокая оркестровая сцена отличный наблюдательный пункт. В кругу налево деловито твистуют, а тут, поближе к нам, танцоры имитируют конькобежцев на длинную дистанцию – шаркают подошвами в замедленных полукружьях по цементированному полу, руки сцеплены за спиной, а там, рядом с калиткой, народ до сих пор «семь-сорок» выплясывает. Иногда, из одного или другого круга, звучит пробный, с оглядкой, вопль…

В следующую субботу, Тётя Шура, Контролёрша, в своём вечном платке-шлеме, возникает у входа на танцплощадку, как витязь в дозоре, она стопорит и заворачивать полчища охотников попрыгать задарма́ в направлении кассы летнего кинотеатра: вход на танцплощадку – пятьдесят копеек.

Владя и я скандалим с Тётей Шурой, мы кипим праведным гневом. Шо за дела?! Мы ж договаривались забесплатно! Мы бесплатно играем!

Тётя Шура непробиваемо невозмутима, ей не докажешь ничего, у неё приказ Директора.

Владя, отсвечивая в темноту своей белой водолазкой с коротким рукавом, кричит в толпу, что подтягивается от лестнице к тоннелю Путепровода, не слушать её, заходить так, потому что танцы бесплатно. Бесплатные танцы!

Никто не слушает, стадо безразлично обтекает его, бредут в сторону кассы летнего кинотеатра. Будь таким же как все, делай всё как все…

Если столько лет подержать людей даже и без занюханного духового оркестра, они с готовностью выложат 50 коп. за кинобилет, на котором чёрным по синему напечатано «цена 35 коп.»…

После танцев, когда мы привезли аппаратуру в тесную каморку кассы, кассирша похвалилась, что продала 500 билетов за один вечер. На следующий день Павел Митрофанович распорядился убрать все лавки с танцплощадки, чтоб народу побольше влазило. В нём оказалось больше купеческих генов, чем я предполагал.

Что мы играли? В основном инструментальные номера, как на долгоиграющем диске Поющих Гитар, плюс песни приготовленные для конкурса ВИА, но уже без моей терции.

Иногда, по настойчивым просьбам публики, Квэк подходил к микрофону заделать «Шыз-гары». Он классно смотрелся в длинных белобрысых патлах и с усиками альбиносового цвета. Просто слишком долго заставлял себя уламывать. Но зато потом: —«Шыз-гары!»

И – взрыв ответного вопля-визга нескольких сот глоток:

– Вааааааааааа!!!!!

(…тебе, конечно, доводилось слышать эту песню. Да и не раз, могу поспорить, просто без слов. На телевидении любят ставить её фоном в рекламе женского белья и прочей атрибутики.

А в то время рок-группа из Голландии, Шокин Блу, объездила шар земной с, практически, всего одной их песней «Venus» и стала группой года, к удивлению всех музыкальных критиков и самих себя.

Конечно, их вокалистка пела: " She's a goddess!”

Однако, «килиёночное» произношение Квэка никому не мешало балдеть по полной и орать до порыва связок:

– Вааааааааааа!!!!!

То есть, хочу сказать, что возвышенное, истинное искусство всегда находит путь в массы и отклик их сердец, с каким бы ни было оно акцентом.

ШЫЗ-ГАРЫ!!!..)

А массы всё уплотнялись. Когда посреди танцев мы объявляли небольшой перерыв, не сразу получалось протолкаться через толпу и боковую аллею в длинную дощатую будку под одинокой путеводной лампой на столбе, с крупными буквами «М» и «Ж» на противоположных концах строения в густой побелке… Хорошо хоть очереди нет, а то на сцене Чуба уже выдаёт фрагменты всяких риффов на своей бас гитаре, всколыхивая лицевую обивку мощной полутораметровой колонки перевезённой из летнего кинотеатра, позади которой очередные Чепины подружки, а также подружки Чепиных подружек прячут свои сумочки на хранение.

Да, именно у Чепы такой бешеный успех среди девушек богемного круга «Орфеев». (Не скажешь ведь «групи-гёрлз», когда речь идёт о ВИА, язык не поворачивается). И что только девушки находят в этих барабанщиках, а? Взять меня, например, всего один лишь раз проводил домой блондинку Ирину. Не знаю кто из нас скорее охладился, она ли – из-за того, что после танцев приходится столько ждать пока перетаскаем инструменты и аппаратуру в кассу летнего, или я, встревожившись фактом её проживания в опасном районе Загребелье.

Позже её подхватил Анатолий Мелай, но ему достало ума провожать её на такси. Машина затормаживает у её ворот, Анатолий с ней выходит и просит водителя: —«Шеф, как на счётчике рубль настучит, ты бибикни, ладно?»

Трудно сказать ржал ли водитель после своего сигнала, когда из темноты пыхтя спешил Мелай, застёгивая ширинку на рысях, но Загребелье по-прежнему не клумба роз для романтически влюблённых.

Ну, ещё там один раз ко мне подошёл Коля Певрий. В школе он зашугал меня до состояния, когда я даже начал вычислять сколько мне ещё мучится, пока он уйдёт в Бурсу наконец, после восьмого. А тут подходит с полной уважухой, просит выйти из танцплощадки к его бывшей однокласснице Вале, которая тоже на год старше меня. Она куда-то уезжает оперироваться от врождённого порока сердца, ну в общем, хочет со мной поговорить.

В передых я вышел в полутёмную аллею. Мы оба молчали. Она вздыхала. Ну тут перерыв кончился, а с ним и романтичное свидание…

Как мы играли? Могу ответить всего одним словом:

ГРОМКО!

О, бедные жильцы многоквартирной и многострадальной двухэтажки позади заборчика Заводского Парка!

(…в начале третьего тысячелетия король Испании попросил у Евреев прощения, что 500 лет тому прапрадедушки их прапрадедушкиных прапрадедушек были депортированы из земли Испанской. Короли в курсе, что лучше поздно, чем никогда…

Простите, О, бедные жильцы, глушимые нами три раза в неделю. Мы больше так не будем! Слово даю!.

Никогда…)

~ ~ ~

Однако жизнь Клуба не зациклился на одних лишь танцах. Руководитель эстрадников, белобрысый Аксёнов, вынырнул из своего неизвестного направления обратно и интегрировал нас в ансамбль для аккомпанирования их вокалистке Жанне Парасюк на концертах художественной самодеятельности.

Одна из репетиций проводилась на сцене летнего кинотеатра со сдвинутым уже в сторону белым экраном, поскольку сезон сеансов под открытым небом подходил к концу. Мы работали перед рядами пустых скамеек и кинобудкой у них в тылу. Прогон ещё одной песни в неизбежном ля-миноре.

"Потолок ледяной —
Дверь скрипучая..."

Сгущались сумерки и тут через тоннельный вход под кинобудкой зашли две девушки, а при них какой-то малолетка. А мне подумалось – увидят, что в зале никого, и тут же завернут оглобли, но нет, медленно пошли вперёд и сели в пятом ряду, примерно. Ну пусть себе, кому мешают? У одной девушки красивые тёмные волосы, но – толстая. Другая то, что надо, в мини-юбке и клетчатой жилетке. Волосы хоть и короткие, но вьются и жёлтые, сразу видно, что крашеные.

И тут она, спокойно так, достаёт из жилетки пачку сигарет и закуривает. В открытую. Чепины подружки, прежде чем закурить всегда по сторонам пеленгуют, чтоб же ж никто их с сигаретой не засёк, а эта без малейшего мандража типа как: да нормалёк, всё путём.

В общем, они там сидят, мы тут репетируем, но я как-то случайно заметил, как та девушка с сигаретой к подружке своей поворачивается и говорит что-то. Конечно, я не слышал, что это она про меня сказала: —«Этого фраера я забила. Спорим – мой будет?»

Отыграли, в общем, эту избушку-на-опушке, и тот паренёк-малолетка подруливает ко мне на сцене: —«Вон та девушка хочет с тобой поговорить».

Через минуту я уже в пятом ряду. Оля, Света – о, как до чего приятно! А через полчаса уже провожаю девушек домой. Совсем недалеко, кстати, метров за двести от Парка КПВРЗ, третий переулок направо по улице Будённого, когда спускаешься к Болоту… Фактически, я их провожаю не один, Чепа и Квэк тоже увязались и создают излишний ажиотаж, тем более, что возникает неясность – у неё одна подружка, а этих двое. Кто кого провожает?

Ну как свернули всей шарой в переулок, Света всем «пока-пока!» и—нырь! – в калитку своей хаты. Я провожаю Ольгу до соседней, про которую она сказала, что она оттуда. Но Чепа с Квэком не отстают, сбоку тормознулись да ещё в наш разговор тупые реплики вставляют.

И только когда мы с Ольгой начали целоваться, то даже им дошло, что тут не светит. Перешли к забору напротив, помочились на столб под фонарём (богема, блин!) и ушли несолоно хлебавши. Как будто не могли до угла Будённого дотерпеть.

Откуда Квэк на репетиции взялся? Так ведь Жанна Парасюк его сеструха ро́дная…

Концерты художественной самодеятельности проходили не только в Клубе. Иногда их вывозили в сёла Конотопского района на заводском автобусе марки ПАЗ. Как раз для одного из таких концертов мы и репетировали тот скрипучий потолок с ледяной дверью.

Поскольку ПАЗ он не резиновый, везти с собой аппаратуру не получалось и снежинок-малолеток из балетной студии в их пышных пачках тоже грузить некуда, так что танцевальная часть программы урезалась до кости: один «гопак» на троих, один молдаванский «жок» в дуэтном варианте под баян Аиды.

Потом она передавала инструмент Чубе и тот играл свою партию в эстрадном ансамбле. А я как был, так и остался ритм-гитаристом, но

для села на простой, акустической гитаре. Владя оказался за бортом эстрадного ансамбля, Аксёнову, с его саксофоном, соло-гитарист без надобности. У Чепы иммунитет незаменимости, но и его «кухня» в скелетном варианте из трёх предметов для битья палочками.

Мурашковский – общепризнанный гвоздь программы; то песни поёт, то гуморески рассказывает от сатирика Павла Глазового на тему «про меня и про моего кума». Эти рифмованные анекдоты про то, «как мы с кумом» были его фирменным блюдом. Как мы с кумом на футболе его головой штангу снесли, а потом на мотоцикле в колхозного быка врезались, а тот нас через Дуб перебросил… Простые рифмы, доходчивый юмор, публике вся эта сатира нравится – гогочут и хлопают.

А потом на сцене снова певица Жанна и её музыкальное сопровождение – Эстрадный ансамбль. Чепа задаёт темп, мы вступаем и я и чувствую, что струны под моими пальцами послаблены по полной. Аксёнов пораскручивал, никто другой, во время гуморески или, может быть, гопака, для смеху. Хохмач щекастый. В общем, Чепа с Чубой дают ритм, дают баянные аккорды, а я типа живой декорация, медиатором по струнам бью, но так чтоб не звучали, как бы на клёпке аккомпанирую, которой не хватает…

В завершение концерта Мурашковский выдаёт свою основную бомбу – гумореска про Примака и его Тёщу.

(…в те времена слово «тёща» служило самым магическим заклинанием артистов-юмористов. Стоило человеку на сцене сказать «тёща!» и зал – в хохот, покатом.

Нынче население попереборчивее стало, до того избалова́лись изощрённым юморком, что артист комедийного жанра должен поднапрячься, вдохнуть поглубже и что есть мочи заорать в микрофон: –«Жопа!», а то ж им и не дойдёт, что пора смеяться…

Ладно, пойдём-ка лучше на концерт в сельском клубе начала семидесятых XX-го столетия...)

С дикими воплями, Мурашковский несётся от входа через весь короткий зал. В руках футляр баяна, который изображает чемодан с личными пожитками. Вскарабкавшись на сцену, он начинает гумореску от первого лица про горькую судьбину Примака. О том, как его жена с её мамой сдали его в милицию, чтоб не ушёл в запой. В отсидке, все 15 суток срока, он замышлял план мести и теперь, по возвращении из места заключения к месту жительства, невзначай так, между прочим, сообщает, что в земляном погребе развалилась бочка солёных огурцов...

(В зале оживление и гыканье).

Всполошившись, Жена и Тёща наперегонки спускаются по лестнице в погреб и Примак, стоя наверху, зачитывает им доктрину Ветхого Завета «око за око», объявляет им свой приговор—15 суток — и с разгону хряскает крышкой погреба, чтоб поплотнее захлопнулась.

(*Зал тонет в ликующем ржаньи.*)

С интервалом в один день, примак спускает в погреб передачу, на верёвочке. Как гуманитарная добавка к рациону из запасов свёклы и моркови на зиму.

(*Децибелы раскатов хохота докатываются до соседних сёл. Зрители с особо живым воображением уже не в силах смеяться—они лишь дёргают головой, рты судорожно распахнуты, зажмуренные глаза роняют капли слёз, которые им нечем вытирать, потому что руки стиснуты в кулаки и лупят по спинке сиденья в предыдущем ряду.*)

Четырьмя днями позже, кто-то из соседей вызвал милицию, узницы подземелья на свободе, Примаку впаяли ещё 15 суток.

(«Бу-га-га» в зале, своими симптомами, начинает смахивать на коллективный припадок.)

Мурашковский бросает им финальные строки, как тореадор, что добивает истёрзанного быка.

"Так прощай постылый брак.
Тёщины молитвы.
Хату вашу не спалю!
А захотел – спалил бы"

Обычно, на эти слова зал реагирует прощальным залпом достаточным, чтоб вынести окна и двери вместе с рамами. Мурашковский изготовился для завершающего поклона под общую овацию и —...тишина... абсолютно мёртвая... Ни звука.

(Все застыли словно массовка из Театра Восковых Фигур мадам Тюссо. Только лишь где-то из семнадцатого ряда доносится едва слышное «плюсь!» – на доски пола шлёпнулась запоздалая слезинка выхохотанная всего мгновение назад...)

Затем сиденья начинают неловко поскрипывать. Председатель сельсовета с опаской взбирается на сцену со скомканным словом благодарности за шефский концерт. Зрители расходятся в немом унынии. За кулисами Мурашковский бьётся в истерике. Чепа с Аксёновым ухватили его с двух сторон и крепко держат, чтобы не вырвался в зал. Никто не знает как его унять...

С рекордной скоростью костюмы с инструментами запхнуты в автобус. Все сели в кабинете директора клуба за традиционным угощением в благодарность артистам из города – хлеб, сало, огурцы, самогон. После первого стакана, председатель сельсовета приносит неумелые извинения Мурашковскому: —«Ну тут... таке діло... у нас на селі... теє... за місяць три хати згоріли... ніяк не знайдуть хто...»

Директор Клуба, Павел Митрофанович, всё больше и больше краснея широким лицом, держит водителя автобуса под бдительным контролем и после третьего стакана – «на посошок», мы готовы тронуться в ночь.

На том этапе моей жизни, меня всё ещё передёргивало от самогона, так что пара глотков, выпитых под закуску из хлеба с салом, быстро выветриваются. Я смотрю в непроглядную ночь за оконным стеклом натужно воющего автобуса. Водитель всю свою душу вкладывает в педаль газа, вплющивает её в пол кабины. Мы несёмся, летим вдоль мягких просёлков района. Фары выхватывают из густой темени случайные стволы и ветви придорожных деревьев. Порою промелькивают хаты маленького села... Девушка с парнем стоят у забора хаты... провожаются...

Они оглядываются на пролетевший автобус. Наверное думают «А и живут же люди!. в городе живут...» Завидуют мне.

Это странно, но я завидую им... провожаются... я тоже так хочу... в тепле Украинской ночи...

Но у меня есть Ольга, а в переулке где она живёт точно такая же ночь, а всё равно я завидую хлопцу... во, блин, непонятка...

~ ~ ~

Целоваться Ольга любила и умела, не зря же у неё такие чувственные губы. Горький привкус табака на её губах меня не слишком отвлекал. К тому же, когда мы стояли у калитки хаты в следующий раз, она поделилась со мной сигаретой. С опаской, я попробовал, но как от той Орбиты меня не замутило и я начал курить и без Ольги.

В хате, до которой я её провожал, жила её тётка, к которой она приехала на лето из Феодосии в Крыму, где жила её мать и старшая сестра. Отец погиб в катастрофе на тракторе, когда ей было двенадцать лет. Ольга так его любила, что иногда ходила на кладбище посреди ночи, плакала у ажурного памятника из прутьев арматуры, с табличкой «Абрам Косьменко». Блатное имечко, а? Но сам он не Еврей. Просто имя такое.

Мать привела отчима для них с сестрой, но, правда, в ЗАГСе не расписаны. Он музыкант, стучит на барабанах. Один раз Ольга лежала на диване с температурой, смотрела телевизор. Он сел у неё

в ногах и накрыл свои колени краем её одеяла. Мать как увидела – разоралась, конец света!.

Потом она занялась лёгкой атлетикой, бегала стометровку. Тренер сказал, у неё хорошие данные для этого вида. Их группа даже ездила в областной центр, Симферополь. Перед забегом, тренер заставил каждого съесть целый лимон, совсем без сахара. Он сказал: —«Так – прямо в кровь».

Так, между поцелуев, мы всё ближе узнавали друг друга…

После гастрольного концерта на селе, Чепа, Владя и я поехали на Сейм с ночёвкой. Вечерней электричкой мы с Чепой привезли большой виниловый мешок, который отец принёс с РемБазы. В такой упаковке туда привозили какие-то запчасти вертолётов. Винил такой толстый и мешок большой, готовая палатка на троих. Ещё мы привезли гитару, а потом и Владя прикатил на своём мопеде, ужин привёз.

На песчаной косе с редкими гибкими Ивами, мы установили мешок-палатку, недалеко от железнодорожного моста, а как стемнело костёр развели и при свете пламени распили бутылку вина. Владя привёз слишком много еды для закуси, мы больше разбросали, чем съели, ну и похрену, всё равно Владя с утра сгоняет в Конотоп за харчем.

Он начал выдавать гитарные риффы забойных хитов, брэйки всякие. Над тихой водой звук гитары расходится так балдёжно, такой чистый, наполненный и… ну ништяк, в общем, звучит там…

Какой-то рыбак со своей лодки, что заякорил посреди реки, попросил ещё сбацать, до того ему понравилось. Но когда мы заревели «Шыз-гары!», то другой ночной ловец, начал материться от дальнего берега, что мы всю рыбу ему распугали… Чепа посоветовал не связываться, а то пойдёт позовёт мужиков из домиков. Костёр угас и мы залезли под виниловую крышу…

На рассвете я проснулся от воды капавшей мне на лицо. Винил совершенно водо— и воздухонепроницаемый материал, наше тёплое дыхание оседало на охлаждённом августовской ночью

виниле и превращалось в водяные капли – конденсат. В школе об этом не проходят. Так что утро мы встретили холодными и голодными. Я еле-еле уговорил Владю, чтобы дал мне съездить в Конотоп на его «Риге-4» вместо него…

Да, моторы – это вещь, ничего крутить не надо, кроме рукоятки газа… Я въехал в город, прокладывая в уме маршрут: сперва – домой, потом на хату к Чепе, а потом уж к Владе, собрать со всех чего дадут съестного и – назад, на Сейм.

"Рассчитали на бумаге,
Да забыли про овраги…"

На входе в левый вираж между вокзалом и Лунатиком, я услышал, что меня зовут криком. Через привокзальную площадь стремительно неслась Ольга в своей красной мини-юбке. Прав был тренер, данные – что надо! Я сбросил газ и дал мопеду остановиться.

Она подбежала почти не запыхавшись на дистанции и начала вливание – уже три дня как я пропал и никто не знает куда и если я не хочу ходить с ней то и не надо она не напрашивается всё равно вчера пришла телеграмма от матери из Феодосии с вызовом на междугородний телефон говорит хватит уже сколько погостила и через два дня ей может уезжать от тётки а мне всё равно умотал себе на Сейм со дружками которые мне дороже чем она а таких друзей за хуй да в музей и она просто дура думала что встретила кого-то кому можно верить и если она нужна мне хоть чуть-чуть я должен сейчас остаться с ней.

После холодного конденсата этот тропический шквал и её предстоящий отъезд, и подскочившая вдруг надежда—а может даст на прощанье, а? – сделали своё дело. Я только выпросил пару часов – отогнать мопед на хату к Владе и переодеться перед нашим свиданием в Парке…

Вот так и становятся тряпками, вот так и предают друзей. Конечно же, мои дружки вернулись с Сейма электричкой в 17.20, после того,

как прочесали песчаную косу в поисках огрызков, что сами же, куда попадя, расшвыривали в оргии предыдущего вечера. Никто не поймёт их лучше меня – однажды я и сам чуть не сдох на Сейму с голодухи…

Они перестали со мной разговаривать и бойкотировали целых три дня. И я их прекрасно понимаю – дольше не продержаться, когда делаешь одно дело, а канал связи через недовольного Чубу.

(…нельзя представить более низкой подлости, чем предательство своих друзей… Однако, из всех подлостей совершённых мной по ходу жизни, об этой, как ни странно, я сожалею меньше всего. Хотя, конечно, сожалею.

«Бабник, тряпка, корешей предал за кусок вонючей дырки, на сучку променял!»– скажут 95 % реальных пацанов… хмм, да, это переборщил – точнее, всё-таки, 93 %.

И я их понимаю, я с ними полностью согласен и, более того, сочувствую им. Не повезло пацанам встретить такую, ради которой стоило предать…)

Итак, Ольга.

Размер груди её, конечно, уступал роскошно-дынным прелестям Натали́. И соски́ не торчали упруго, как литературная традиция предписывает этой анатомической части девственниц. Однако, расстегнув её блузку, а на себе рубаху, чтобы прижать её голую грудь к своей (она оказалась без лифчика, после захода на секунду в тёмный двор хаты), я изумился безграничности ощущения от обнажённой женской плоти. Тот факт, что грудь невелика, а соски́ не так упруги, она объясняла нырянием за рапанами со скалы. Глубина том оказалась слишком большой и потом в больнице им пришлось прокалывать ей груди.

(..лапша на уши лоху? Понятия не имею. Как чемпион лопоухости, я верю всему, что мне говорят. Нет, честно. Пока слушаю, я верю всем и вся. И, благодаря моему фундаментально заторможенному

тугодумию, логическое осмысление всей их брехни приходит через сутки, если не позже.

Однако, тогда мне плевать мне было на логику – ну рапаны, так рапаны. Это лишь теперь мне немного любопытно, что оно за херня вообще, эти рапаны. Просто мне лень их гуглить...)

Но что безоговорочно пленяло в ней, так это – ноги.

(...на тот момент исторического развития, во всём мире бурлила сексуальная революция и начинала уже доплёскивать до своего апогея, а законы революционного времени беспощадны и уж тем более законы революционной моды. Это в нынешние, демократические времена можешь одевать что угодно – макси, миди, а хочешь, так и унисекс. Можешь даже всю жизнь в трениках проходить, если, есессна, есть на штанинах тройка премилых полосок.

Сексуальная революция установила диктатуру мини в мировом масштабе, так что, если уж считаешь себя женщиной, то изволь обнажить коленки. Закон – есть закон, особенно революционный. А он был прост и краток – либо твоя юбка на семь сантиметров выше коленей или же вали на скамью к пенсионеркам у подъезда многоэтажки и пусть они тебе объясняют что значит Dura lex, sed lex...)

Мини-юбка Ольги была на 25 см выше колен. Поэтому, когда садилась, она целомудренно роняла кисть руки между своих спелых легкоатлетических ляжек, чтоб не мелькали трусики. И в тот ярко сверкающий день, когда я стоял у туннеля в Путепровод, подняв глаза к спортивной припрыжке, с которой она сбегáла по ступеням лестницы из Парка, взблескивая своей желтоволосой стрижкой, мне стало абсолютно ясно, что я родился в очень даже правильную эпоху.

Распалившись, ветер взметнул на ней набедренную повязку её мини-юбки и она, на бегу, поправила её классическим жестом

Мэрилин Монро из другой, дореволюционной эры.

(...в такие мгновения рапаны всего мира и все изголодалые братки, угрюмо жующие сухие хлебные корки, обдувая с них мелкий сеймовской песок, могут катиться в тартарары!

"...две ножки... грустный, охладелый,
Я всё их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне..."

Или как выразился другой, несомненно более прагматичный избранник Муз:

" Ольга, за такие твои ножки я отдам шо угодно,
кроме получки и выходного дня!"...)

Он был её сотрудником на Тряпках, куда она устроилась работать, потому что не уехала в Феодосию к матери, а осталась в Конотопе у своей тётки.

«Тряпками» называлась фабрика вторсырья почти за городской чертой, первая остановка электрички, что идёт на Сейм и дальше.

Зачем так далеко? Потому что на Тряпках не слишком-то оглядывались на трудовое законодательство, а Ольге в то лето едва минуло 15...

~ ~ ~

Первого сентября я пришёл в Конотопский Техникум Железнодорожного Транспорта вместе со своими сестрой и братом, потому что они тоже туда поступили по окончании их восьмого класса.

Студентов разбили по группам и построили во дворе на линейку и директор техникума толкнул свою ежегодную речь. В строю студентов, я чувствовал себя как тот зэк, который отмотал свой срок в десять лет, а ему накинули ещё три года, ни за что, просто так впаяли. И когда линейка закончилась, я пришёл в отдел кадров техникума, забрал свои документы и пошёл устраиваться на работу в

Конотопский Паравозо-Вагоноремонтный Завод. Меня там приняли в тот же коллектив, где уже трудился Владя, и на ту же должность ученика слесаря Экспериментального Участка по Монтажу Металлоконструкций Ремонтного цеха…

Как и большинство прочих цехов КПВРЗ, Механический возводился из кирпича огнеупорного цвета. В кладке стен начисто отсутствовали вычурные излишества старорежимных выкрутасов, просто, без загогулин и претензий, тянулись они от угла до угла внешнего вида здания, внутри же, имея 27 метров ширины, оно длилось 130 метров, а на высоте 8-ми метров начинались ажуры металлоконструкций арочной крыши.

Высоко над головой, по рельсам смонтированным вдоль боковых стен, разъезжал, громыхая, мостовой кран. Мощный стальной трос наматывался на барабан блока, плавно вздымая громадный крюк и что уж там к нему прицепят, а тельферная тележка перемещала груз вдоль всей длины моста за исключением кабинки управления на левом конце, куда крановщица возносилась перебирая руками и ногами по перекладинам вживлённым в кирпич стены.

Три крыла меньшей высоты примыкали к зданию Механического цеха. Крыло направо, первое после входа внутрь, досталось Инструментальному цеху, а остальные два, распростёртые друг напротив друга, оставались продолжениями Механического, но без кран-балок над головой и станки помельче, не такие махины как вдоль центрального прохода в основном корпусе.

Ширины центрального прохода в Механическом цеху вполне хватало, чтобы смогли разъехаться два встречных автокара.

Автокар это самодвижущаяся телега, только колёса в два раза меньшего диаметра, зато пошире, покрепче и без всяких пневматических шин, просто слой резины. Небольшая площадка на одном из концов приземистой самодвижки позволяет автокаровожатой стоять на ней с полным удобством. За спиной у неё размещён узкий металлический ящик, тоже стоймя, с парой рычагов параллельно торчащими из его боков, за которые она и хватается

при езде. А вот и нет, обманка! Этим бабам лишь бы тебя надуть! На самом деле рычагами ящика водительница отправляет автокар в повороты, влево-вправо. По сути своей, автокар – это Тяни-Толкай. Ему не нужно места для разворота и после погрузки или разгрузки в каком-то узком месте, сама карщица раскручивается на 180° на своей площадочке и уезжает туда, откуда приехала. Хитро придумано.

Пол в Механическом цеху бетонный, но после всех росплесков машинного масла и следов тормозного пути бесшинных автокаров, он давно стал чернее даже, чем асфальт. Метров за 30 от торцевой стены, центральный проход пересекала дорога—связующая коммуникация пристроенных крыльев Механического—с придорожной оградой из вертикальных труб вдоль дальней обочины. Эти трубы – граница, за ними начинается отсек Ремонтного цеха. Граница, разумеется, прозрачная, с тремя беспошлинными въездами – один как продолжение центрального прохода, а два другие вдоль боковых стен корпуса.

Под пролётом ступеней железной лестницы, непосредственно за левым въездом, деревянная дверь в стене являлась входом в рабочую бытовку, она же раздевалка. Следом за дверью в ту же стену упирался короткий стол с парой увесистых, изрядно потёртых картонных папок, откуда лохматились кипы загрязнённых листов с чертежами. Две неширокие лавки тесно стискивали стол с боков и тем самым завершали интерьер Гнездовья мастеров, за которым впритык начинался ряд из восьми громоздких тисков приболтованных—довольно далеко друг от друга—вдоль края общего им всем верстака из листового железа вдоль шеренги высоких окон в стене.

Тиски показывали где чьё рабочее место. Первые в ряду—считая от Гнездовья—Яшины тиски, затем Мыколы-старóго, дальше Петра, ещё дальше Мыколы-молодого и – так далее… А где кончается верстак, там начинаются ворота, под которыми в Ремонтный заходят рельсы железнодорожной колеи, что пересекает цех вдоль торцевой стены между углами.

Спереди, как и сверху, стол-верстак обшит листовым железом, а в нём под каждыми тисками дверцы ящиков с инструментом под аккуратными висячими замками. Первый – это ящик Яши, потом идёт ящик Мыколы-старóго, потом… ну в общем… и так далее…

Над раздевалкой, она же бытовка, образуя второй этаж, кабинет начальника Ремонтного цеха, именно туда ведёт железная лестница из двух пролётов с железными поручнями по бокам, которые заодно ограждают и площадку перед входом, а с той, кстати, начинаются те узкие вмурованные в стену перекладины, чтобы крановщица мостового крана подымалась по утрам или после обеда в свою кабинку и угромыхивала в пространство над Механическим цехом.

Рельсы в конце Ремонтного – это тупик для медленно вползающих железнодорожных платформ, что доставляют громоздкие конструкции, которым требуется ремонт, а которые помельче свозятся в цех автокарами.

Позади колеи, метра за полтора, проходит торцевая стена корпуса, прорезанная высоченными окнами с железным переплётом для расквадраченных кусков стекла. В центре стены, повыше окон—аж под аркой крыши—большущий диск часов, какие бывают на вокзалах. Часы электрические – спят-спят, а потом—цок! – полметровая стрелка проскакивает минуты на две дальше, чтоб снова погрузиться в летаргию, до следующего «цока».

В третьей стене цеха такие же небоскрёбные окна до самой границы у проезда из крыла в крыло Механического, но вместо КПП там стоит сверлильный станок для всех, кому понадобится, а рядом (возвращаясь вглубь территории Ремонтного) массивный акр стола разметчика с железным верхом и уже в самом углу, где кончаются рельсы тупика, токарный станок со своим токарем.

Вдоль центральной оси Ремонтного цеха установлен ещё один длинный стол-верстак, вернее два, лицом к лицу, со втиснутой между ними перегородкой из металлической сетки. Техника безопасности основанная на жизненном опыте – если молоток с размаху случайно выскользнет из рук, сетка не позволит выбить мозги работающего за верстаком напротив.

Навигация по Ремонтному цеху требовала предельной осторожности своим изменчиво-сложным фарватером. Смотри не зевай, огибая навалы червячных передач посреди лужиц машинного масла, тут кожуха в потёках мазута, там цепи не понять от чего и уйму всякой прочей всячины, которую привезли и сбросили на пол уже который месяц назад, а до неё всё никак руки не дойдут – всегда вскочит что-нибудь сверхсрочно и настырно требующее совсем уже безотлагательного ремонта.

Но это не по нашей части, мы – Экспериментальный Участок, мы за тем самым верстаком, что впритык к окнам между Гнездовьем мастеров и воротами. Нет, с ремонтом не к нам, наша задача вдыхать жизнь в проекты экспериментально начерченные Конструкторским Бюро в здании заводоуправления, мы воплощаем их в реальность металлоконструктивных форм. Возок на четырёх

колёсах вместо двух, например, или стенд «Слава Труду!» для установки перед главной проходной. Или всякие несущие конструкции из двутавров и швеллеров помощнее типа ферм, колонн, консолей.

Однако для такой крупногабаритной продукции в Ремонтном цеху недостаточно места и мы собираем их снаружи—под открытым небом—на стеллажах между будкой сварщиков у ворот тупиковой ветки и окнами раздевалки. Между прочим, на этих же стеллажах изготавливались части телевышки для Конотопской телестудии и саму вышку монтировала затем бригада нашего Экспериментального Участка. Но это было до меня…

На стартовые три месяца меня прикрепили учеником к слесарю Петру Хоменко. Для него это благая весть, потому что за обучение начинающего слесарю капает прибавка к зарплате. Но с другой стороны, Пётр не знал что со мной дальше делать после того, как выдал мне запасной ключ от ящика под его тисками, чтобы мне было куда сложить молоток с зубилом выданные мне Инструментальным цехом под расписку. Ну допустим, показал он мне как изготовлять чертилку из куска тонкой сталистой проволоки, а дальше что?

Вдоль всего нашего ряда тисков рядом с Гнездовьем редко когда увидишь работающего рабочего. За исключением, когда в конце рабочего дня кто-то варганит какую-нить шабашку для повседневных нужд своей хаты.

Тем не менее, вся рабочая сила, в принципе, постоянно при деле. Пара слесарей возятся со сварщиком на стеллажах под окном раздевалки. Несколько других пошли разбирать рольганг в Литейном цеху. Ещё одна группу возглавил старший мастер и повёл в Котельный цех монтировать четыре болта для установки тельферного крана, в дальнейшем будущем. Так что, в общем и в целом, работа движется, или даже кипит. Где-то… Если не в одном, то в другом месте. Может быть…

Руководство Ремонтного цеха трудятся на втором этаже, в кабинете начальника цеха, там их рабочее место. Сам же начальник, Лебедев, чтоб их не отвлекать, посещал свой кабинет раза два за день. Где он работал до или после этих кратких рабочих визитов, понятия не имею.

Ходил он в элегантной чёрной шинели железнодорожной формы. Летом, конечно, переключался на пиджак той же формы, с такими же серебристыми пуговицами и такой же чёрно-элегантный. При ходьбе, спина начальника цеха блюла настолько нарочитую вертикальность, что и без Шерлока Холмса ясно – неслабо принял человек на грудь готовясь к променаду. Однако даже если фасадная часть могла выдать факт, что Лебедев готов, практически, в стельку, он не шатался и не спотыкался. Ни капли. Ни-ни. Двигался аккуратно и чётко как бы заторможенная чёрная шпала с отвесной спиной… Рабочие его уважали, скорее всего за то, что в своём кабинете он никогда не засиживался дольше, чем минут на пять-десять.

Далее в табеле о рангах шли начальники участков.

Ремонтный Участок Ремонтного цеха возглавлял Мозговой, чей тонкий фальцет как-то не вязался с его упитанной комплекцией, однако его тоже уважали, за то что он безвредный.

Однажды на Ремонтном Участке восстанавливали вогнутость какой-то здоровенной непонятной хрени. У кого ни спросишь, что это такое, ответ неизменно один и тот же: —«А ху-у-у… – (все отвечали с одинаковой протяжностью, даже и с подвывом каким-то) – у-у-уй его знает!», а некоторые при этом ещё и глаза в крышу упирали, хотя в цеху она повыше, чем даже потолки в Киевском госуниверситете.

В общем, полмесяца они шабровали эту вогнутость в той хрени, по очереди. Кому делать не ху… ну в общем… шабер в руки и – погнал шабровать. Под конец довели до гладкой зеркальности и уже другой хрен (только выпуклый) начал запросто входить в ту, проскоблённую, и проворачиваться, туда-сюда, всем своим метровым пестиком с набалдашником.

Мозговой, ясное дело, обрадовался, что у него на Участке такая трудовая победа. Но тут Лёха из Подлипного, который незадолго до того из армии дембельнулся, в конце рабочего дня приставляет зубило к этому вогнутому зеркалу наполированной хрени, молоток вскинул к плечу наизготовку и спрашивает: —«Ну, что, Мозговой, ебану́ть?»

А Мозговой усталым, печальным фальцетом ему в ответ: —«Ума нет – так ебани́».

Лёха, конечно, просто прикалывался, но Мозговой его не заложил, хотя и мог бы… А Лёха впоследствии непыльно пристроился. В госбанк, и должность хорошая. Инкассатор с пистолетом.

Дальше шёл начальник Экспериментального Участка Ремонтного цеха, Лёня.

(…хмм, это же надо, широкую родинку на верхней губе у Лёни помню, а фамилию забыл начисто…)

Про него ещё не ясно было: уважать или не уважать? Зелёный ещё, до недавних пор сидел в Гнездовьи мастеров рядом с дверью в бытовку. Потом чего-то там закончил, заочно, и поднялся со своим дипломом, по железной лестнице в кабинет начальника цеха, где уже сидели инженер-технолог (за столом спиной к окну, но от него я даже имя не вспомню) и старший мастер Мелай, отец Анатолия Мелая. Он постоянно молчал своей горизонтальной прорезью рта, в отличие от своего неумолчно певучего сына…

Дважды в месяц по лестнице с поручнями в кабинет начальника цеха подымалась кассир с брезентовой сумкой, из которой выдавала рабочим аванс или зарплату, в зависимости от того, какая половина месяца. В самый первый раз она выдала мне аванс, ровно 20 рублёвок.

Когда я принёс свой первый заработок домой то, до прихода матери, рассеял все двадцать ассигнаций на кушетке, поштучно, чтобы больше казалось. А когда она пришла, я сказал: —«Это тебе,

Мам, распоряжайся». И сразу же попросил 2 рубля на сигареты, хотя не сказал зачем, потому что она ещё не знала, что я уже курящий...

Рабочий день начинался в восемь утра. Мы проходили через пока ещё тихий центральный проход Механического в нашу раздевалку с высокими фанерными шкафчиками вдоль трёх глухих стен, а ещё два ряда—спина к спине—делили бытовку пополам по продольной оси. Каждый шкафчик состоял из двух секций: одна для чистой одежды, вторая для спецовки, которая раз в год выдавалась каждому рабочему. Сверху их объединяла общая полка для шапки и свёртка с обедом. Но в перерыв Владя и я ходили домой обедать, через перелазы в бетонной стене перемахнул и до наших хат остаётся минут пять ходу.

Пока мы переодевались в рабочее и курили в раздевалке, станки Механического цеха врубались, один за другим. Вой, стукотня и громыханье их моторов сливались с визгом стали, которую резцы сдирали с заготовок. Дверь чуть приглушала какофонию трудовых будней, но вскоре резко распахивалась и мастер Боря Сакун выгонял нас на работу – к ряду тисков или на стеллажи снаружи, где мы вроде как бы типа при деле....

Остальное время рабочего дня Боря Сакун просиживал за столом Гнездовья мастеров. С той стороны, что ближе к раздевалке. Он долго упирался в стол одним локтем, а виском в ладонь той же руки, затем сменял виски́ и руки, и при этом трудолюбиво курил сигареты «Прима», одну за другой. Невысокий, с редеющими перьями блёклых волос и словно бы обесцвеченным лицом, он был всего лишь однофамильцем Влади, потому что оба отрицали всякое родство.

Частые приступы кашля заставляли его сдёргивать кепку с головы на лицо и, в попытке удушить пароксизм, кашлять сквозь неё. Когда эта терапия не срабатывала, он с размаху бросал кепку на стол, утыкался в неё кашляющим лицом и в такой сидяче-лежачей позе наощупь вытаскивал очередную сигарету, закуривал, и кашель попускал до следующего приступа. Иногда он поднимался из-за

стола, чтобы всем телом—таким тщедушным на фоне громыханья Механического цеха— по-кошачьи потянуться, вскидывая руки против гремящего прибоя станков, потом опять закуривал и снова садился.

Однажды мастер поманил меня пальцем перейти от тисков и сесть на лавку напротив и, перекрикивая рокочущий вой станков, начал рассказывать как вскоре после войны пошёл на танцы в клуб Подлипного, а хлопцы там стали присикуваться, но он убежал, а они погнались и он отстреливался из канавы своим пистолетом Вальтер, и что он видел как кончали всесоюзного вора в законе по кличке Кущ, который заехал в Конотоп, но за ним следили и просто подошли на улице Будённого и шмальнули в затылок, а через минуту подъехал «воронок» и ему, тогда ещё молодому пареньку Боре сказали взять Куща за ноги и помочь забросить в кузов.

– Так и сегодня такого материала, с какого на том Куще штаны были пошитые, нигде не купишь. – Докричал он и пальцами снял с губ табачное волоконце от сигареты «Прима».

Но не всегда Боря Сакун казался таким бедным да несчастным. Однажды Владя зазвал меня заскочить в Лунатик, полюбоваться как наш мастер муштрует балетный кружок в зале на втором этаже, где десяток девушек держались за поручень вдоль зеркальной стенки, а наш Борис выхаживает вдоль их строя как петушок карра, в коротком ромбовидном галстуке на шее. А как показывал движение, так выпулил ногу чуть ли не выше головы. Такой вот тебе Боря Сакун…

Самый трудный отрезок рабочего дня это последние полчаса. В эти полчаса время вообще перестаёт существовать, застыло и – нет его, и лучше вовсе не смотреть на ту бутафорию круглых часов над переплётами окон. Сплошное расстройство, аж подтолкнуть охота ту сдохшую стрелку соломинкой.

(…понятия не имею отчего именно соломинкой, но именно так мне хотелось в моменты отсутствия времени, хотя

прекрасно понимал, что соломинка скорее сама сломается, чем сдвинет ту железяку хренову...)

Станки в Механическом мало-помалу стихают, один за другим. Слесари Экспериментального Участка собираются, кто откуда, к верстаку, поупирались спинами в тиски, каждый в свои.

Двухметроворостый Мыкола-стары́й опорожняет свой длинный, как у лошади, нос в комочек смятой тряпицы цвета суглинка с пеплом. Оба-на! У джентльмена даже и носовичок при себе! Мыкола-молодый застыл в задумчивой ухватке за очередной прыщ у себя на щеке.

Цок! Без двадцати семи пять.

Смуглолицый Яша начинает рассказывать мне про то, как Красная Армия, когда освободила Конотоп от Немецких захватчиков, угнала его в своих рядах: Вперёд на Запад! Одиночный шабашник визжит точильным кругом в углу цеха, но он не в силах помешать спокойному течению Яшиного повествования... Они бежали в атаку, а наши поддерживали сзади огнём «сорокопяток», когда один из снарядов поддержки отшиб яйца одному из атакующих. Медленным движением обёрнутой ладонью вниз руки Яша показывает траекторию низко летящего снаряда 45-го калибра. Так бедолага ещё полкилометра пробежал, пока кончился...

Я вспоминаю, как тоже ничего не чувствовал, а только прыгала земля перед глазами, когда мы в «Зарнице» атаковали косматый туман над пустым полем и – верю Яше.

Он сдвигает свою кепку на затылок, открывает острый, как наконечник стрелы, уголок, из которого они, прямые и чёрные, текут назад, под вставшую нимбом кепку. Ни сединки нет. С виду вдвое моложе Бори Сакуна, который мне как-то рассказывал, что при монтаже телевышки что-то не заладилось с установкой самой верхней секции. А зима, мороз, так Яша сбросил полушубок, вскарабкался по тросу и направил как нужно... Мыкола-стары́й на

две головы выше Яши. Они как бы приятели, после работы едут домой одним дизель-поездом, только до разных остановок.

Цок! Без семи пять. Ну вот… можно идти переодеваться.

Чепа тоже бросил железнодорожный техникум и устроился на наш Экспериментальный Участок, и это правильно. Стипендию ему не платят, а когда выдадут диплом зашлют хрен знает куда отрабатывать два года. Оно ему надо?

Так что три Орфея снова неразлучны. А Чуба работает в Вагоноремонтном, нашлась волосатая рука, чтоб его пристроить, работа плотника почище, чем у нас и платят больше. Иногда встречаемся в заводе.

И мы продолжаем играть на танцах, даже когда Владя от души вмандячил молотком по пальцу, рубил листовое железо зубилом.

Клуб платит нам 36 рублей, каждому. Мало вроде, а что поделаешь? Заикнулись директору, а он говорит, гитару вам купили за 150 рублей, для зарплаты фондов не осталось. А гитара – полный улёт, Иоланта называется. Такая – аж лоснится и звук в сто раз лучше наших самоделок по чертежам журнала *Радио*. Те рядом с алым блеском Иоланты смотрятся кусками крашеной фанеры.

Но вскоре меня с киномехаником Борисом Константиновичем послали в город Чернигов за новыми инструментами с тамошней музыкальной фабрики – бас и ритм-гитары. Павел Митрофанович поговорил в заводоуправлении и меня освободили с работы на два дня, потому что в Чернигов путь неблизкий.

Там мы переночевали в гостинице как командировочные, а в девять утра пришли на фабрику. Константин Борисович пошёл говорить с их руководством, а мне пришлось битых два часа ждать в коридоре. Наконец, меня позвали проверить гитары, а у тех даже футляров нет, и намного тяжелее Иоланты. Да, блестят, но лак на них чёрный. Сразу видно, что фабрика ещё не освоила электрогитарное производство или же у Бориса Константиновича фондов при себе не оказалось, чтобы купить что-то получше. Хотя потом, как привезли

бесфутлярные инструменты в Конотоп, Чуба сказал, что бас-гитара ничего, годится.

В следующий понедельник Владя в раздевалке завёл агитацию, чтобы нам, Орфеям, получить освобождение от работы по состоянию здоровья. Надо идти в заводской медпункт с жалобами на колбасу, которую съели на свадебной халтуре. Да, ни свадьбы, ни халтуры не было, но говорить надо всем одно и то же. Мы нашли Чубу в Вагоноремонтном и вчетвером явились медпункт очернять ни в чём не виноватую варёнку.

Врач нас даже не осматривал, а сказал всем сесть на стулья в коридоре и послал медсестру в заводскую баню принести жестяные шайки-тазики, которые потом рядком расставили у наших ног – по тазику перед каждым недужим Орфеем. Зловещие приготовления увенчались ведром полутёплой воды, за которым она тоже сходила в баню и на наших глазах сыпанула туда горсть марганцовки. Пока она ходила за кружками, вода в ведре побагровела лиловым цветом.

Врач снова вышел из своего кабинета и объяснил, что это снадобье надо пить литрами, а потом засунуть два пальца в рот, насколько влезут, и пощекотать там корень языка—каждому свой—что и спасёт нас от явного пищевого отравления.

Жуткий вид жестяных шаек, в угрюмом ожидании на полу, а также инструктаж проведённый с нескрываемо садистским удовольствием сработали как чудодейственное зелье – у Чубы с Чепой их кризис сразу миновал и они поспешно разошлись по своим рабочим местам.

Но у меня с Владей оказался более тяжёлый случай и мы стойко выдержали лечебную процедуру до конца, выбросили в тазики всё, чем позавтракали в то утро. Врача впечатлило наше упорство и он выписал нам освобождение до конца рабочего дня.

Мы переоделись из спецовок и вышли через главную проходную в толпе рабочих, что топали в столовую на обеденный перерыв. Выходит, при всех наших стараниях и муках, мы вырвали всего лишь

четыре часа свободы, но что с нею делать с такой нежданной? А завтра с утра – пахать, сука, пахать!

Директор Клуба, Павел Митрофанович, сказал нам, что Клуб покупает электроорган Йоника, на котором с нами будет играть Леонид Кузько, как пятый Орфей… У Лёхи были редеющие, но длинные волосы рыжеватого оттенка, в тон усам скобкой, как у Мулявина из ВИА Песняры, чтобы отвлекать внимание общества от жёстко свёрнутого на́ сторону носа, памятка от давнего боя без правил. Из-за этого носа, к нему прилипла кличка Носорог, хоть он и обижался.

На семь лет старше нас, он всё же ничего был чувак, нас с Владей пригласил к себе послушать запись *Белого Альбома* Битлз на его магнитофоне. Его отец, Анатолий Ефимович Кузько, учитель по классу баяна при Клубе, во дворе своей хаты построил двухэтажный дом для Носорога, из красного кирпича. На первом этаже гараж с воротами из листового железа, а на втором две комнаты и кухня.

А и умеют же люди жить с удобством! Но гараж остался пустовать, потому что Кузько-старший не купил машину Лёхе, уж слишком он по чёрному буха́ет и жена его Татьяна от него ушла из-за этого, вместе с годовалой дочкой.

Под звуки *Белого Альбома,* Лёха разрешил нам полистать свой любимый *Учебник Судебно-Медицинской Экспертизы.* Пожелтевшие от возраста страницы полнились чёрно-белыми фотографиями с пояснительным текстом под каждой, как этот труп получился. Наизусть зная где там что, Лёха поделился своим любимым местом – ряды мелких снимков (3 на 2 см, как для удостоверения) для демонстрации разницы между нетронутой девственной плевой и пробитой.

> *(…очень подозреваю, что из-за того учебника любые порнографические издания ввергают меня в ужас. Нет, кроме шуток трепещу, а ну как переверну страницу The Playboy и там убийство с помощью портновских ножниц и кольца их торчат*

мне под нос из глубины вспоротой грудной клетки или же удавленник на перекладине табуретки, тут уж не угадать...)

В обеденный перерыв перелазы через бетонную стену завода сокращали нам путь на полкилометра по сравнению с тем, если топать через главную проходную. Так что обедать мы ходили в спецовках – зачем обтрёпывать чистое о бетон стены?

Дома я подогревал суп или вермишель на керогазе в его отсеке на веранде и относил еду на кухню, а там уже снимал штаны и куртку спецовки и оставался в майке и трусах. Никого это не смущало, потому что в такое время дня дома никого – родители на работе, сестра с братом в техникуме на занятиях.

Причиной моей полуодетости во время приёма пищи служили десять добавочных минут перед выходом обратно на завод. Есть можно и в спецовке, если сидишь на табурете, но тереться в грязном об кресло или сложенный диван-кровать – это неправильно.

В избыточные минуты я наяривал на гитаре и орал всякие песни для тренировки вокальных данных, которых у меня не было и нет. Но я всё равно пел, да простит мне Беата Тышкевич, профессиональная Польская красавица вырванная из цветного журнала и пришпиленная над диван-кроватью рядом с чёрно-белой фоткой рок-группы The Who, да простят и они мне тоже. Однажды я доголосился до того, что у меня вскочил член, я схватил со стола линейку, которую младшие забыли взять с собою в техникум, и замерял его длину. Слесарное дело прививает уважительность к точному знанию...

Однажды вернувшись с обеда, мы с Владей увидели Чепу на лавке Гнездовья мастеров в компании с Борей Сакуном и незнакомцем в чистой одежде, который просто стоял рядом.

– Вот и они, – сказал мастер и незнакомец предложил нам, не исключая и Чепу, пройти с ним. Прощальная гримаса на лице Бори Сакуна давала понять, что мы имеем дело с правоохранительными органами, но не объясняла почему.

Мы последовали за атлетической фигурой в клетчатой рубашке. Был жаркий октябрьский денёк, поэтому мы тоже шли без курток, а в одних лишь футболках и спецовочных штанах. Навстречу нам лениво брели задержавшиеся в столовой на площади за воротами главной проходной. Всё как всегда, обычной колеёй, и только мы выдернуты из заведённого течения жизни завода и отрезаны.

– Куда намылились, умники? – с широкой ухмылкой вопросил Пётр Хоменко из встречного потока рабочих, но уловив резкий разворот идущего впереди нас мужчины в чистом, вмиг стёр с лица добродушную весёлость и ускорил шаг в направлении Механического цеха, не дожидаясь ответа.

– Кто это? – бдительно спросил наш страж. Я ответил, что это мой наставник и мы покинули завод через главную проходную.

Он сказал нам садиться в Волгу—сквозь яркие блики солнца на лобовом стекле нервно улыбалось лицо Чубы—и отвёз в городской отдел милиции рядом с паспортным бюро.

За решёткой ворот городского отдела милиции оказался широкий двор в периметре из одноэтажных зданий барачного типа. Там нас разделили и развели по разным зданиям, где разные люди начали задавать вопросы и записывать наши ответы. Конечно, не всё записывалось дословно. Допрос Чепы, например, начинался так:

– Ты этого долбоёба знаешь?

– Какого долбоёба?

– Который вас привёз.

– Не. Не знаю.

– Это начальник городского уголовного розыска.

– Не. Не знаю.

И как раз в этот момент меня допрашивал этот дол… ну, в общем… начальник розыска. Сидит за столом, такой накачанный, волосы плотно облепляют черепную коробку, и спрашивает кто вчера присутствовал на репетиции в комнате эстрадного ансамбля в Клубе… А кто последний уходил?. А кто подходил к шкафу где

хранился такой дорогостоящий баян производства ГДР на четыре регистра?.

Он безотрывно писал и писал, а когда телефон на его столе начинал звонить, он подымал трубку и тиснул к уху приподнятым плечом, как Марлон Брандо в том кино, где играл шерифа, и в такой перекособоченной позе катал свои долбоёбские записи…

Когда со всех нас сняли показания, то вывели во двор и сказали, что мы свободны и можем возвращаться на своё рабочее место… С улицы Ленина мы потопали вверх к Универмагу, а там свернули влево на Площадь Мира. Четыре Орфея в измазанных спецовочных штанах и старых линялых футболках… По Проспекту Мира мы тоже шли не торопясь – рабочий день заканчивается в пять.

В районе Зеленчака мы малость побесились, прыгали друг на друга как Мазандаранские тигры и драли футболки одетые на голое тело. Пока не разодрали все четыре, от ворота и до пупа. Ну и что? День солнечный и тёплый, так что мы просто завязали клочья узлами на животах и пошли дальше, как хиппари довольные жизнью. А весь этот дурдом Чепа начал, наверное потому, что у него грудь такая волосатая…

На следующей неделе, по пути с обеда на завод, я как всегда заскочил на хату к Владе, чтоб идти вместе. Он поделился печальной вестью, что утром во дворе сдохла соседская курица и предложил оттащить её на завод и повесить в бытовке, так, для хохмы. Особого воодушевления во мне этот план не вызвал, но я всё же пособил Владе на перелазе. Чтобы хвататься за дыры в бетонных плитах стены нужны обе руки, а тут газета с мёртвой курицей.

Из потолка раздевалки свисал кусок электропроводки, но лампочки не было, да и патрона тоже. Владя взял чью-то незавершённую шабашку под окном, приставил к срединному ряду шкафчиков, взобрался на изделие и обмотал безработным проводом шею курицы. Она застыла там раскинув грязно-белые крылья поверх костлявых дохлых ног.

Обеденный перерыв закончился и станки Механического стали заводить свой визг и скрежет за дверью, через которую в раздевалку зашёл чернявый плотный слесарь с Ремонтного Участка. При виде бездыханного пернатого, он не засмеялся, а тут же покинул помещение. Секунду спустя, вместо него влетел наш мастер, Боря Сакун.

Вскинув бесцветные брови, он сложив губы в виде маленькой буквы «о» и замер. Птица с полным безразличием висела над его запрокинутым лицом. Затем он обернулся к нам:

– Волосатики! Суки! Ваша работа!

По неясным причинам, у Бори имелась странная привычка называть Орфеев Экспериментального Участка «волосатиками».

Тут мы начали отнекиваться от подобной инсинуации, но потом Владя отцепил покойницу, завернул обратно в её газетный саван и унёс куда-то зашвырнуть.

Но, по большому счёту, Боря был прав – всего при двух очевидцах, к окончанию рабочего дня весь Ремонтный знал, что «волосатики» (рабочая масса рабски следовали примеру мастера, называя нас этим прозвищем) прихомутали в раздевалке курицу, а повиси она там хотя бы полчаса, по Конотопу непременно поползли бы угрюмые слухи, что на заводе КПВРЗ как бы повесили кого-то в какой-то бытовке.

~ ~ ~

Мы с Ольгой прекратили провожаться до калитки хаты её тётки, потому что нашлось более подходящее место, вернее она показала.

Чуть дальше по улице Будённого, короткий тупик влево кончался железом запертых ворот на нефтебазу. Недалеко от них, под забором на обочине дороги стояла парковская скамья. Кто и когда припёр её так далеко от Парка сказать трудно, но расположили со стратегически безукоризненной грамотностью – в тени, куда не доходил скудный свет лампочки над запертыми воротами базы. В общем, есть где без помех выкурить сигарету в задушевной беседе.

На этой скамейке, обстоятельно, состоялось моё заочное знакомство с Конотопскими родственниками Ольги…

Сестра её матери, Нина, после войны служила связисткой при штабе Советских войск дислоцированных в Польше. После демобилизации Нина не вернулась в Советский Союз, потому что вышла замуж за Поляка и у них уже был ребёнок, так что она осталась жить на родине мужа. Четыре года спустя она приехала в Конотоп на похороны кого-то из родителей и это оказалось ошибкой. Её никогда уже не выпустили, несмотря на то, что её малолетняя дочь осталась в Польше, а сама Польша принадлежала к Лагерю Социализма… И больше она никогда ничего не узнала что сталось с её дочкой и мужем, потому что все её письма к ним остались без ответа.

Пятнадцать лет спустя тётя Нина расписалась с дядей Колей, который не пьёт и на хорошей работе в лесхозе, только ему часто надо уезжать куда-то на своём мотоцикле с коляской, зато вон какую хату отгрохал – три комнаты и кухня. Своих детей у них нет и потому они взяли приёмную дочь из роддома, назвали Олей и очень её любят. Недавно купили пианино для Оли, хотя наверное, поздно начинать в одиннадцать лет.

Тётя Нина работает на Мясокомбинате в три смены. До него идти два километра вдоль железнодорожной ветки, зато им не приходиться покупать мясо на Базаре, потому что хотя на проходной мясокомбината сумки женщин, конечно, проверяют, но в трусы не заглядывают.…

Ещё на той скамейке мы говорили об искусстве. Например, обсуждали фильм *Ромео и Джульетта* после совместного просмотра в подвальном кинозале Лунатика.

– Они всё говорят и говорят, а я не врубаюсь о чём, а слёзы так и текут, реву как дура какая-то…

(…и очень даже чёткая оценка – ведь непривычным слухом уловить смысл стихотворных строк неимоверно трудно и

пусть знакомы все слова, они, смешавшись, словно кости домино для партии в «козла», своим верлибром заслоняют смысл, что многие из знатных дам Вероны, тебя моложе, уж детей имеют…)

И там же (я всё ещё про скамейку) Ольга загарпунила меня всерьёз и надолго. Всего одна фраза, но, если ты прирождённый лопух-графоман, тебе кранты.

– Вчера я записала в своём дневнике «когда он поцеловал меня на прощание, я была безмерно счастлива».

Опаньки! Сливай воду! Ты влип по полной! Во-1-х, во многих тоннах читанной и перепрочитанной мною литературы, мне ни разу не попались слова про «безмерное счастье». Во-2-х, она ведёт дневник! В-3-х, в том дневнике про меня пишется!

После танцев мы иногда провожались на крыльцо хаты, в которой жила её подружка Света. В такое время суток в Конотопе жильцы хат во двор уже не выходят, тем более Светины дедушка с бабушкой. Похихикав рядом с нами и выкурив свою сигарету, Света отправлялась спать и всё крыльцо с узкой лавкой вдоль бортиков из доски-вагонки оставалось в нашем распоряжении.

В один из таких вечеров, Ольга сказала мне подождать, пока она сходит к себе, потому что тёте Нине сегодня в третью смену, а дядя Коля в отъезде по району.

Я долго ждал, пока услышал как звякнула клямка калитки за уходящей на работу тётей Ниной. Ещё пара долгих минут, и Ольга бесшумна возникла у крыльца, молча поманила меня идти за нею. Мы осторожно прошагали по переулку и беззвучно вошли во двор.

Дверь из веранды вела в большую кухню, отделённую шторами от ещё бóльшей гостиной, за которой, и тоже за шторами, была спальня Оли и Ольги. Туда мы не пошли, а свернули в спальню хозяев, налево от входной двери.

Ольга включила неяркий свет ночника и вышла в спальню за гостиной. Я остался наедине с отсветами никеля спинок широкой

двуспальной кровати парадного вида, вторая, попроще и будничней, стояла рядом со шторками дверного проёма на кухню… Неослабевающая напряжённость не покидала меня.

Ольга вернулась, придерживая руками халат не застёгнутый ни на одну пуговицу. Не сговариваясь, мы оба взглянули на кровать поменьше и Ольга погасила ночник. Под халатом на ней оказались только трусики. Я торопливо последовал примеру и оставил на себе такое же количество нижней одежды.

Затем, уже в кровати, последовала долгая безмолвная борьба за каждый из рукавов её халата. Наконец, я отшвырнул эту преграду на стул у стены и свёл одёжный счёт к ничейному – 1: 1.

Когда я обернулся к ней, она лежала на спине под покрывалом накрепко притиснутым к её груди скрещеньем рук, ух, холодрыга! И я тоже влез под покрывало. На возню с трусиками ушло не меньше сил и времени, чем на весь большой халат. Наконец, мы оба голые, рядом с отброшенным в сторону покрывалом, ну и жарища! А потом…

Потом она бешено вилась подо мной, увёртывалась, отталкивала мои руки. Мне оставалось и удавалось лишь тереться членом между её ляжек и о кустик волос не зная что к чему, но чувствуя, что совсем чуть-чуть… вот сейчас… почти уже… Бляаа! опять вывернулась!.

(…я бы смог, клянусь, что да, но просто не успел… В ту ночь кукушка в ходиках на кухне сошла с ума и выпрыгивала со своим пронзительным «ку-ку!» каждые две минуты и вот уже кукует шесть и скоро Оля встанет завтракать и собираться в школу, а мне нужно одеться поскорее, пока не вернулась тётя Нина…)

Конечно, в ту ночь мы разрешили себе пусть и не всё, но слишком многое, зашли чересчур далеко и пути обратно нам уже не оставалось. Просто провожаниями уже не отделаться, одних объятий с поцелуями на Светином крыльце слишком мало… Но где? И когда?

7-го ноября, сказала Ольга, когда Оля маленькая пройдёт в демонстрации со своей школой и дядя Коля отвезёт её и тётю Нину в своё село.

И тогда уже Ольге не отвертеться, а кукушкины крики не спугнут, вся ночь будет наша...

Утром на день Великой Октябрьской Социалистической Революции, я зашёл за Ольгой. Мы тоже собирались выйти в город. Она подводила карандашом свои выщипанные в ниточку брови, выделяла уголки глаз, марафетилась, одним словом. Мы были одни, но когда я полез с объятиями, она отклонилась: —«Зачем спешить? Хата сегодня наша. Вот только... знаешь, тут такое дело...»

(Я обмер в леденящем ужасе, неужто сейчас скажет, что у неё месячные?)

Ну в общем... если я хочу... ну я знаю, что... чтобы так было, я должен на кое-что согласиться...

– Что?!. Говори!.

Сейчас, перед тем как выйдем в город, она накрасит мне глаза.

Аххуеть!. Хотя, конечно, лучше, чем менструация.

Геракл меня бы понял. Его, победителя Немейского льва, Лернейской гидры, Критского быка и прочих чудищ, одна цыпочка по имени Омфала заставила одеть женское платье и прясть куделю в гинекее, наступила высоким каблуком на горло его мужского достоинства. Ну хоть в чём-то я сравняюсь с этим нечеловечески сильным полубогом... и я согласился...

Синие тени положила она мне на веки, чёрною тушью протянула стрелки вдоль ресниц... И мы вышли в город...

"...по улицам слона водили, должно быть на показ...

(...сейчас, после всех тех «голубых» и «розовых» революций, после возведения Джона Элтона в рыцарский чин, после карибского лапочки пирата Джека Воробья и т. д., и т. п., люди стали понятливее. А в те непросвещённые времена им требовалось два, а то и три взгляда, пока допрут – что-то не

так, блядь, с чуваком, а? Потом кто-то пожимал плечами, кто-то хихикал…)

Боря Сакун, выйдя из своей пятиэтажки на Зеленчаке задорно поприветствовал меня, но после дополнительного взгляда вдруг резко изменился в лице. Неподдельный страх исказил поношенные черты лица мастера, недопроизнесённое «волосати…» застряла в горле и он убежал обратно в подъезд своего места жительства.

(…и это человек переживший разгул бандитизма и всяких «чёрных кошек» в послевоенном Конотопе!

Или, может, как раз поэтому? За старым пистолетом Вальтер на нижней полке шифоньера?.)

– Ты больной и не лечишься. – Без обиняков констатировала моя сестра Наташа при встрече на тротуаре Проспекта Мира.

"…а мне плевать,
мне очень хочется…"

В Городском Парке Отдыха Ольга вынула свою косметичку и стёрла с моего лица боевую раскраску, хватит уж Гераклом прикидываться. Потом подошла Чепина подружка Нина со своей подружкой Ириной и они втроём ушли поискать место для курения…

И тут ко мне подвалили отчасти знакомые хлопцы с Посёлка, они уже праздновали по полной. Им было хорошо, им хотелось, чтобы Орфею с Посёлка тоже стало ништяк. Они сорвали нашлёпку пробки с непочатой бутылки и протянули вино мне…

За всё в этой жизни приходится платить, даже за популярность. Я приставил к своим губам стекло дула, запрокинул голову и, с прощальным взглядом на мягкое осеннее солнышко, начал пить с горла́.

Потом бутылка пошла по рукам, по кругу… потом мы пошли в гастроном ещё за вином… потом мне стало плохо и я убрёл

зигзагами домой…

Проснулся я в сарайчике на железной койке, что перекочевала туда на место «Явы», когда Архипенко переехали на свою квартиру. Мой дачный сезон уже закончился, но койка так и торчала в сарайчике и, кстати, оказалась весьма кстати.

Проснулся в плаще и в обуви на голой сетке койки, но это неважно коечной сетке. Важно, что я не проспал – в тот день мы играли прощальные танцы сезона в Парке. Только мне ещё надо как-то дойти туда, а меня корёжит по-чёрному, и этот привкус сургуча в пересохшем рту, какая гадость и—ой, бля! – так шею ломит.

Наконец, я кое-как добрёл, когда все уже таскали аппаратуру на танцплощадку. Лёха начал возбухать, что я сачкую и Ольга тоже прицепилась: —«Ты куда ващще делся?»

Я насилу смог объяснить, что мне совсем, ну очень совсем, так пло… плохо мне, ну.

Лёха сказал, что мне надо просто глотнуть хорошенько и пройдёт. Меня передёрнуло от одной лишь подобной мысли, но Лёха и Ольга начали смеяться. А паренёк Юркó, который у Ольги адъютантом, сгонял в ближайший гастроном за вином. Я вынудил себя сделать несколько глотков и—о, чудо! – ожил для дальнейшей жизни. Ольга, Лёха и Юркó прикончили бальзам до дна и мы начали играть танцы.

Танцы кончились, аппаратура перетаскана обратно в билетную кассу, мы с Ольгой вышли из парка и за две минуты напряжённого шагания дошли до её переулка. Угловая хата на углу, потом Светина, третья – ждёт нас. С полным правом я подвожу Ольгу к калитке, по-хозяйски распахиваю и… она вдруг отшатнулась!.

По возрасту я на два года старше Ольги, но мне всегда казалось, что наоборот. Она знала больше всего того, что я вычитал в книгах, и у неё был авторитет.

Если кого-то из девушек нашей богемы задевали посторонние чувихи, та обращалась к Ольге за помощью. Ольга выходила с оборзевшей сучкой и ставила на место эту тупую корову…

Редкий вечер на танцах обходился без драк…

Играем номер, и вдруг с площадки многоголосый долгий визг, но совершенно не в такт тому, что мы сейчас играем. В сверхплотной массе молодёжи сошедшейся для коллективного отдыха, вмиг, из ниоткуда, возник свободный круг, в нём мечется мельканье кулаков. Скоростным водоворотом несётся круг, словно торнадо, по танцплощадке под громкий визг девушек уворачивающихся с его пути.

Резко, асинхронно, мы обрываем игру и просим дорогих друзей соблюдать, пожалуйста, порядок. Побеждённый, в одиночку, или в кружке своих корешей, проталкивается через толпу на выход из ристалища. Чтобы снять депрессивный гул обмена комментариями в толпе отдыхающих, Чепа задаёт темп стуком палочки о другую и мы начинаем следующий номер…

Девушки из своих разборок шоу не устраивали, а приглашали одна другую выйти. Ольга вышла всего лишь пару раз, что принесло ей должное уважение и—не лишне снова подчеркнуть—авторитет, потому что в Феодосии она посещала танцы с тринадцати лет и на словесный разогрев время не тратила, а в деловитой манере приморских городов с ходу вырубала этих хуторянок. Так что, если какая-то отмороженная стерва задевала чувства девушки из нашего богемного окружения, одно лишь упоминание имени Ольги заставляло её осознать свой промах и заткнуть пасть.

Другой причиной, из-за которой Ольга казалась старше, было внимательное отношение к ней со стороны мужиков… Однажды после танцев, когда мы собирали провода и колонки со сцены, перепуганный хлопец галопом пересёк пустую танцплощадку и маханул через ограду в темень Парка. В последний момент его преследователь, мордоворот лет тридцати, нанёс удар вдогонку и беглец сверзился в кусты, но тут же подскочил и продолжил аллюр.

– Ещё поймаю, сука! – крикнул триумфатор и обернувшись к Ольге, которая стояла возле сцены, добавил, – правильно, Рыжая?

– Сам ты это слово, – дипломатично ответила Ольга и тот кичливой раскачкой покинул танцплощадку.

Вот из-за этого всего я чувствовал себя младше. Но в тот миг, когда она дрогнула перед калиткой тёмной хаты, это чувство исчезло и всё встало на свои места. Рядом с её страхом, я ощутил себя сильней её и старше, мне стало её жалко. Ведь младших нужно защищать… Даже от самого себя.

Я успокоил испуганную девочку и ушёл не заходя во двор. По пути на Нежинскую, я знал, что поступил правильно, и был собой доволен, но вместе с тем, не мог не согласиться с диагнозом моей сестры Наташи – «больной и не лечусь»…

~ ~ ~

Седьмое ноября стал последним днём необычно затянувшегося бабьего лета и мы перешли в Клуб, чтобы дальше играть танцы там…

На втором этаже, в крыле напротив кинозала, располагался зал Балетной студии. Протяжённость от его высокой входной двери до небольшой эстрады у дальней торцевой стены составляла метров сорок. Эстрадная площадка предназначалась не для концертов, а для вечеров отдыха, поэтому над полом Зала она возвышалась всего на пару продольных ступеней для восхождения отдыхающих на зов массовика-затейника принять участие в каком-либо забавном конкурсе или ещё как-то окультурить текущее мероприятие.

Возвышение занимало центральную треть ширины Балетной студии, а боковые трети были упрятаны за вертикальную решётку из изящно тонких труб в укрывистой чёрной краске. Начавшись от углов эстрады, решётка доходила до продольных стен и—совместно с прилегающими к ней занавесями лёгкой ткани—создавала как бы закулисное пространство по бокам площадки.

В центре зала, высоко над головой, среди несущих крышу металлоконструкций покрытых чёрным Кузбасс лаком, стоял большой белый шар оклеенный чешуёй из мелких зеркальных осколков по всей его сферичной поверхности. На соседнем швеллере перекрытия стоял небольшой прожектор, нацеленный на шар, и всего один щелчок выключателем запускал медленное

вращение сферы неприметным электромотором и при этом же ударял лучом прожектора в пришедшие в движение зеркальные чешуйки, которые разбивали эту подсветку на бессчётные многоугольники тихого света неспешно плывущие по стенам, полу и всем присутствующим в зале.

Боковые стены состояли, в основном, из окон позади поручня для обучающихся балетному искусству, из конца в конец зала. Как водится в балетных студиях, стену напротив эстрады (но не входную дверь в углу) закрывала высокая полоса из крупных, плотно подогнанных квадратов-зеркал, которые и дали помещению его второе им – Зеркальный Зал.

Одним словом, идеальное место для проведения любых мероприятий – новогодних утренников для малышей Посёлка, школьных выпускных вечеров, вечеров отдыха заводской молодёжи и, не в последнюю очередь, для танцев. Они же, кстати, и обнаружили слабинку идеала – его пол. Менее чем за месяц, подошвы обуви на паре сот танцоров истёрли в прах красную краску пола и оголили скрывавшиеся под нею доски половиц. Однако директор Клуба, Павел Митрофанович, сказал, что это ничего.

Позади занавесей по обе стороны от сцены установили громадные колонки динамиков перевезённых из летнего кинотеатра в заводском Парке, и те выдавали бомба звук, охренеть какой ништяк. В далёкой зеркальной стене, над ритмичным покачиванием круговращения танцующих голов в мягких сумерках пространства, по которому, ненавязчивым освещением, проплывали светлые зайчики—круг за кругом, за кругом круг—смутно возносились наши фигуры с гитарами и всё шло бомба какой ништяк.

И только Чуба бухтел и ныл, что звук его бас гитары из пары чёрных колонок от переносной киноустановки полностью теряется за мощью парковских стационарных ящиков с динамиками по полметра. Ему в утешение, Лёха повторял, что знает чувака, у которого есть низкочастотные динамики для баса на продажу, надо только достать материал для ящиков куда их вставить. И именно

Лёха предложил подходящее место, где можно раздобыть тот материал – завод КПВРЗ. Нам ведь нужен всего один лист толстой фанеры, два с половиной на полтора.

Мы, заводская часть Орфеев, приступили к осмыслению и обсуждению стоящей перед нами задачи…

В Ремонтном цеху фанеры и близко нет, всё, с чем мы имеем дело – это сталь и железо. Искать фанеру надо, конечно же, в Вагоноремонтном, где работает Чуба. Тот согласился, что, да, фанеру можно добыть из вагонов, которые пригоняют на ремонт и он может сорвать там подходящий лист, но как ты его с завода вынесешь?

Он наотрез отверг предложение распилить лист на куски по размерам предстоящего ящика и перебросить через стену вдоль Профессийной, потому что мастер начнёт задавать неприятные вопросы об источнике столь нескромных запасов такого дорогостоящего материала.

Единственно реальный путь – вынести целый, не распиленный лист через Клуб с его задней дверью вечно нараспах на территорию завода, рядом с комнатой художников ежемесячного списка кинофильмов. Но и у этого пути имелись скользкие моменты – Вагоноремонтный и Клуб находятся на противоположных концах завода. Тащить целый лист через всю территорию? Чуба отказывался так рисковать, Чепа тоже не проявил ни капли энтузиазма. Как всегда, самое трудное ложилось целиком на на наши с Владей плечи…

Ну не так чтобы совсем уж целиком, Чуба всё же сорвал фанерный лист из-под линолеума на полу вагона ожидавшего на путях снаружи цеха дальнейшего ремонта. Причём, покидая вагон он немножко забыл запереть дверь, как требуется по инструкции… Через упомянутую выше дверь мы с Владей проникли в вагон и обнаружили, где и ожидалось, искомое сокровище – стандартный лист фанеры толщиной в 30 мм, малость запачканный в двух местах, но это ничего.

Мы сбросили фанеру из вагона, ухватили за края и понесли над хрустящим под ногами гравием балласта, потом над более ровным и не таким шумным асфальтом дороги меж цехами. По пути, мы убедительно заверяли друг друга, что лист не так уж и тяжёл, и уговаривали, что нет ничего такого, если увидишь двух рабочих и кусок фанеры между ними, 1.5 х 2.5 м, тем более, что мы идём не в направлении стены вдоль Профессийной. Хотя лично нам не случалось наблюдать такой картины, поскольку грузоперевозки производились автокарами. Когда до Клуба оставалось всего ничего – Кузнечный цех, Общезаводская баня, здание пожарной команды, Станция заправки кислородных баллонов и Медпункт, Чепа рысью прибежал из Ремонтного цеха сказать, что Боря Сакун послал за нами и если сейчас же не явимся, то будем уволены.

Это было что-то новенькое, мастер Экспериментального Участка никогда не швырялся настолько пылкими угрозами. Может опять явился тот долбоёб из уголовного розыска?

Мы опёрли лист на закопчённую стену Кузнечного цеха, как раз под мраморной табличкой привинченной в кирпичную кладку для провозглашения, что в 1967 году, в день 50-летия Советской Власти, туда вмуровано послание рабочим КПВРЗ, которые будут трудиться тут в год столетнего юбилея Великой Октябрьской Социалистической Революции. Убедившись, что лист никак не помешает дорожному движению, мы направились в Ремонтный цех.

Боря бушевал почище Фантомаса – где мы, суки, шастаем, когда весь Экспериментальный участок отправлен на Заготовку?

Да, Заготовка – это не хухры-мухры. Заготовка – это как смотр рядов, демонстрация рабочей силы Экспериментального Участка. Это момент, когда уже каждый точно при деле, по полной.

Все слесаря Экспериментального участка. Все. Поголовно. След в след за старшим мастером цеха, у которого бумажка заявки с перечнем нужных материалов и указанием требуемого количества. Колонна выдвигается в направлении Центрального склада. Там, позади Общезаводской бани, груды арматурных прутьев различного

диаметра, рядом с кучами металлопроката усиленного профиля, рядом с навалами труб диаметром от 5 до 22 сантиметров хаотично бугрятся и топорщатся вдоль железнодорожной колеи.

Вскоре в поддержку передовому отряду рабочих подкатывает эскадрон… тьфу, ты!. автокар, говорю, автокар!. Вдоль путей рядом с Центральным складом раздувая пары приближается, а вот и нет, не бронепоезд, а громоздкий железнодорожный кран. Побалтывая крюком на конце своей стрелы, помахивая стальными тросами строп свисающих с крюка, он останавливается и склоняет свою стрелу над залежами переплетений всех этих груд, куч, кип металла.

Два самых опытных рабочих, вооружившись длинными стальными ломами, захлёстывают стропами трубы, арматуру, швеллера, или чего уж там накалякано в той бумажке. Остальные участники парада, удерживаясь на безопасном расстоянии, щедро делятся мудрыми советами вперемешку с возбуждёнными комментариями. Наконец, кран натужно дёргает заарканенную тросами связку металла, тянет кверху и, со скребущим скрежетом, выдирает её из кучи железа перепутанной всеми предыдущими Заготовками представителей различных цехов.

Улов победно, медленно, спускается (какой ещё трюм? да пошёл ты!) на платформу ожидающего автокара. Работник склада на глаз сравнивает примерное количество груза с цифрами в заявке и даёт своё «добро». Вернувшаяся с безопасного расстояния автокарщица дёргает рычаги кара и гонит его в Ремонтный цех, попутно скребя асфальт дороги свесившимися концами арматуры, труб, уголка или чего уж там нашкрябано в той бумажке. Слесаря Экспериментального участка выступают в обратный путь к Ремонтному цеху единой, радостной, монолитной массой гордой успешным выполнением задачи…

И вот они, победоносные Заготовщики, уже показались в центральном проходе Механического цеха, но нас нет среди них. Мы прогуляли священный обряд Заготовки…

К счастью, наш мастер незаметно симпатизирует Владе из-за одинаковости их фамилий, хотя и не родственники, и мы снова выскальзываем из Ремонтного цеха, прямиком к нашей фанере под мемориальным мрамором.

Начальник Ремонтного участка Ремонтного цеха, Мозговой, упорно стоял рядом с нашим листом, уставясь на него с такой жадностью, шо аж слюна из глаз каплет. Ну ещё бы! Такой материал кого угодно до греха доведёт. Мы закогтили вновь свою добычу, как пара ненасытных беркутов.

– Куда? – с нескрываемой болью спросил Мозговой жалобным фальцетом.

– В заводоуправление, – небрежно бросил Владя и мы потащили лист в направлении главной проходной рядом с задней стеной здания Клуба, что подменяло, на сколько длины хватало, стену вокруг завода.

Задняя дверь, ясное дело, ждала нас нараспашку. Мы втащили лист и прислонили его к обтянутым холстиной рамам напротив комнаты художников списка фильмов на месяц…

Когда мы после работы пришли в Клуб, чтобы переставить добычу к нам в комнату, кучерявый верзила, завхоз Степан, уже описывал лист сужающимися кругами. Да, такой дефицитный материал кого угодно соблазнит на непотребные мечты и планы, даже такого дармоеда, что в своих жирных лапах в жизни не держал ничего тяжелее персональной связки ключей. Впрочем, это не про Степана, который, говорят, когда-то был неплохим плотником. Это про директора клуба, который стоял рядом и науськивал завхоза на внезапно приваливший дар небес. А вот не мыться, Павел Митрофанович, сегодня бриться не будешь, как гласит поговорка популярная в те дни на Посёлке…

~ ~ ~

Зима нагрянула как-то враз, сугробы разлеглись как будто тут всегда и были… Перед танцами я зашёл за Ольгой. Она представила

меня законным владельцам хаты, которые так счастливы, оказывается, со мной познакомиться – снимай пальто, садись, выпьем! Но – нет, спасибо, мне сегодня ещё работать. Так что Ольга оделась и мы вышли.

Правда, для Клуба малость рановато, потому что аппаратуру с эстрады мы не убирали, а просто запирали Зеркальный Зал после танцев. Чтоб скоротать избыток, мы посетили скамейку возле нефтебазы. У Ольги в сумочке нашлась бутылка вина и мы выпили, не слишком очень, для общего тонуса и сугреву. А потом отправились в Клуб по хрусткой корке снега уезженного транспортом…

Уже в ночи́, безлунной, тёмной, но с мириадами ярких точек звёзд, утыканных в небо от края и до края, мы пришли проведать недобитую бутылку красного вина, заныканную в сугробе под забором… Вино оказалось слишком холодным, ничуть не грело, и безвкусное как лёд. Мы и допивать не стали, просто покурили.

Потом я расстегнул на себе пальто, она – своё и села ко мне на колени. Друг с другом мы обращались уже как с личной собственностью. Я мог запросто запустить руку в её колготки до той самой выпуклой впадинки, которую не нашёл в ночь обезумевшей кукушки. Она же без всяких расстёгивала мой ремень и ширинку, чтобы удобней обхватить мой напряжённый уд.

Всё как обычно, вперемешку с долгими, как затяжные погружения в иное измерение, поцелуями. Но неожиданно, случилось что-то из чего мне непонятно было что или как, а только что это уже где-то ещё… куда я попал… вышел из себя… сливаюсь с… сцепление всё крепче с каждым толчком… и нет уже никакого я, а только мы… мы… мы… и больше ничего… непостижимо… а… неважно… и всё плывёт… сливается в туманную непроглядность… что это?. Что?!. О, нет!. Ещё!.

Связь оборвалась. Пару рывков вдогонку показали – нет, не догнать, нечем удержать, вернуть, продолжить… Ночь медленно возникла вновь из ниоткуда… сугробы… скамья… снова тут…

Мы распались, снова стали мной и ею… Оглушённо, я поднялся.

Всё та же лампочка на своём столбе. Искорки мигают из сугробов, тут и там. Чёрное небо исколото звёздами…

Когда никто и думать не подумает…

Где моя шапка? Нафиг, пусть где хочет, может подождать…

17-е ноября… 17-летний ученик слесаря… утратил девственность…

А она?

(…не знаю до сих пор
а и не желаю
какая разница?.)

Прощаясь с ней, так странно вдруг притихшей, у тёткиной калитки, я понял, что теперь мой долг сильней быть, чем она, а всё остальное и понимать не стоит, отныне и навсегда, вовеки веков…

(…Верно! Правда! Да!!
Вот умею красиво выдать мысль, а?
Хотя не сразу… Десятилетия спустя…)

На следующий вечер я пришёл в Вечернюю Школу Рабочей Молодёжи, куда Ольга иногда заглядывала, потому что тётя Нина вымогала от неё получить бумажку об окончании восьмого класса.

После звонка на перемену она вышла в коридор и ушла со мной, прогуливать все остальные уроки. Я проводил Ольгу до хаты её тётки под бурный рапорт как сильно она кровоистекала прошлой ночью.

(…как будто это хоть что-то значит.

Что толку в целках, обрезаниях, адюльтерах и верности навек?

“***Что было – уже нет.***
Что есть – утратишь.
Что будет – того не миновать…)

Конечно, наша любовная связь не в силах была растопить снега и лёд зимы вокруг, но весь снег и лёд зимы не в силах были потушить страстный огонь нашей связи. Тем более, что мы связывались и раздували его при первом же удобном случае…

Укрытая снегом скамейка нефтебазы вскоре получила отвод из-за её совсем уж лишней спинки. Вагончик из листового железа рядом с крохотным катком в заводском Парке казался более удобным, только невыносимо долго приходилось ждать, пока хлопцы допьют своё вино и представят дотошно мелочные отчёты кто сколько выпил за текущий день и какие обстоятельства сопутствовали потреблению, а в заключение смажут друг друга по жевалам, от не хрен делать, но без ножей, пока не разойдутся.

Нож доставать – себе в убыток, если Колян у кого нож увидит – забирает с концами и уже не вернёт…

Колян с Посёлка представлял собой образчик всё более редкой породы богатырей. Не особо, впрочем, крупный экземпляр, всего 180 см и крайне немногословный. Хотя оно ему не очень-то и надо – глянь на эти кулачищи по 20 кило каждый и охота к лишним разговорам сама собой отпала. Даже из-за угла мешком пришибленный враз усекёт, что Колян его уснéдает в шесть сéкунд, как нéхрен делать. Среди братанов он мог, конечно, высказать слово или два, просто надо иметь терпение, пока у него этот процесс завершится…

Меня он зауважал по непоправимой ошибке, которую взял в голову ещё летом, в момент моего «обручения» с Ольгой, когда мы ещё только-только начали встречаться.

В тот вечер, как выходил в Парк, я себе на палец колечко надвинул, которое у сестры выпросил. Обыкновенная фигня бижутерная и стекляшка вставлена. Еле-еле у Наташи выпросил, поклялся, что только один этот раз.

В Парке, мы с Ольгой поднялись в будку киномехаников летнего кинотеатра, младший киномеханик, Гриша Зайченко, иногда со мной

ключом делился. Ольга, как увидала то колечко у меня на мизинце, сразу – кто дал?

Мала́, грю, одолжила, сестра моя младшая.

Ольга не верит ни в какую, дай, грит, гляну. Как только протянул ей – цап! и на палец себе – хоп! Только на другой, не на мизинец.

Ладно, грю, хватит сколько покрасовалась, я Наташе вернуть обещал, этот от парня её.

Ну тут Ольга послушала, стала снимать – а фиг там! Не слазит. Она и крутит его, и тянет, и на палец плюёт – всё без толку. Короче не свидание уже, а полная камера пыток, пока она то колечко через сустав по микрону протаскивала. Когда я, наконец, эту хрень в карман штанов засунул, какие уже поцелуи и всё такое, у Ольги палец распух, болит, а мне её жалко. В общем, кинобудку я запер и мы ушли.

А Колян в тот момент со сторожем в билетной кассе пары нагоняли, ну он просёк это кто там сверху спускается. А что ещё ему оставалось подумать? Тут полчаса на весь кинотеатр женские стоны из кинобудки, через обе дырки:

– Ой! М-м! У! Мама!

Тут и состоялась его ошибка, он как бы, типа, подумал, откудова в такой мелкоте как я… ну этта, вроде как бы сидит оно, а? Короче, он меня зауважал как богатырь богатыря, который просто по другому профилю.

И в результате этих всех причин, пересидев, изнемогая нетерпением, все те придурковатые дебаты, что пора подловить хиппарей с Площади Мира, да выбить им бубну, шоб сильно так не хипповали, прежде чем освободят помещение, довольные какие они крутые блатари, нам ещё приходилось дожидаться пока Колян отпроцессирует свои бесконечные объяснения куда… ну… этот… типа… ключ… этта… спрятать… ну… от вагончика… типа…

И не мог не вызвать самых тёплых чувств длиннополый овчинный кожух тёти Нины, в котором однажды вечером Ольга выбежала из

хаты. Мы спустились в укрытую снегом Рощу, на ровный лёд замёрзшего Болота и было хорошо, но как всегда, мало…

~ ~ ~

На заводе закончился срок нашего ученичества и мы начали получать по 70 руб. в месяц, почти как и все слесаря. Теперь, при рубке железа зубилом, мы не ахали молотком себе по пальцам и нам (волосатикам) доверили изготовить экспериментальное изделие с нуля… Это интересно.

Мы изучили неосязаемые движения мысли работника конструкторского бюро посредством визуально умозрительных линий в чертежах с бессчётными цифирьками размеров. Согласно этим цифрам, мы упрашиваем газорезчика нарезать кусков из 20 мм проката, упрашиваем разметчика очертить контуры, упрашиваем строгальщика обстрогать лишний метал по разметке, упрашиваем сварщика приварить эту к этой, а ту к той…

Зачем столько просьб? Ну так каждый же занят, типа как бы… Иногда от просьбы до исполнения ждёшь неделями или иди проси по новой…

Но—ты ж глянь! – скелет проекта на стеллажах снаружи Ремонтного цеха постепенно обрастает металлом деталей, начинает уже что-то вырисовываться, мастер перестаёт звать нас на каждом шагу волосатиками, а слесари Экспериментального участка уже не подначивают про дату запуска нашего Лунохода.

И тут начальник Экспериментального участка приказывает передать уже порядком загрязнившуюся картонную папку с чертежами Яше и Мыколе-старо́му, чтобы более опытная рабочая сила довела неосязаемую техническую идею до весомой ощутимости… Это обидно.

А следующее изделие мы просто запороли…

Затратили массу материала, на стеллажах собрали конструкцию здоровенного стенда «Слава Труду!» и позвали Борю Сакуна пусть полюбуется перед тем как отвезут на установку перед главной

проходной завода. Мастер посмотрел по чертежам и говорит что-то тут не то, а что именно сказать не может. Из кабинета начальника цеха, над раздевалкой, спустился инженер-технолог, стали вдвоём смотреть, он поддержал негативное мнение Бори, но тоже никак не смог определится где именно не то. Потом, на пáру, рулеткой проверяли – размеры вроде все на месте.

Пришлось вызывать автора проекта из конструкторского бюро при заводоуправлении. Так даже он не сразу понял причину, но смотрел-смотрел…и – догадался! Мы скрупулёзно воплотили в металле все детали его идеи, но только в зеркальном отражении, где лево – стало право, и наоборот. Пришлось порезать на куски наш славный труд, а площадь перед проходной так и осталась без запланированного монумента…

После Нового года меня в составе спецбригады, она же зондер-команда, послали трудиться в кормоцех подшефного села Семяновка. Бригада насчитывала трёх слесарей – Мыколу-молодого, Васю и меня, под командованием Бори Сакуна, нашего мастера.

В первое утро командировки, когда мы выехали в Семяновку под брезентовым верхом над кузовом заводского грузовика, был жуткий гололёд. Опытный шофёр вёл очень медленно, чтоб не разделить участь машин, чьи водители не справились с управлением на скользком льду и теперь валялись в поле на обочине, тут и там. Колёса задраны в густой туман, через который урчит мотор нашего грузовика. Но рядом с опрокинутой техникой ни души, и – тишина. Прям тебе панорама заключительного этапа Сталинградской битвы…

Кормоцех – это серое строение из трёх секций за полкилометра от села, в окружении обветренным снегом холодно молчащего поля. Котельная не работала, нам ещё предстояло долбить шлямбуром стены для прокладки труб. Мёрзлое железо окоченелых бункеров и занемелые ленты транспортёра заполняли полумрак соседней секции. Две недели мы ездили туда балдашить железом о железо, пробивать кладку, подтягивая ленты, и дремать над ярко

раскалённой электрической спиралью меж белых от инея стен котельной.

В одну из таких дрём, острое шило проткнуло мне мозг. Я отшатнулся, открыл глаза под ликующий хохот довольного Васиного рыла и заметил тлевший на полу кусочек ваты, чей едкий дым проник сквозь мои незащищённые ноздри и вызвал то невыносимое ощущение…

Мастер и Мыкола тоже подсмеивались, но не так радостно, как Вася, этот, мягко выражаясь, долбоёб, тридцатилетний урод-недоносок, жертва пьяной акушерки в подпольном абортарии. Вот из-за таких мудаков мой Дядя Вадя не устаёт повторять свой грустный лозунг «Родина требует героев, Пизда штампует дураков!»

Однажды Мыкола принёс картошек из одинокого бурта среди поля и мы решили её испечь, просто от нечего делать. Боря послал меня собрать куски поломанных досок, что остались после строителей. Мыкола и Вася приволокли по охапке отрытой из-под снега соломы в секцию весовой платформы, чтоб разложить костёр из добытого мною топлива.

Снятые с петель ворота не препятствовали ветру. Тот постоянно врывался, вертел дымом и втирал нам в глаза. Мы стояли вокруг огня в сквозных порывах, что налетали из белого поля под серым небом, когда мастер сказал Мыколе: —«Через четыре года я уйду на пенсию, а эта латата, так и не сготовится».

Он бросил окурок «Примы» в костёр и ушёл в угол секции слепить окружающие стены вспышками трескучего электрода сварки.

Красиво звучит – «латата», никогда не слыхал, чтобы так называли картошку… Ну, вот, Боря начал баловаться электросваркой, Вася отправился придерживать ему обрезки труб, чтоб прихватил и вокруг жалкого костерка остались лишь мы с Мыколой, поднахохлились, клювы сморщили, жмурим глаза от едкого дыма. Скукотища…

Тогда я поднял кусок мела, который мы привезли с собой, чтоб отмечать длину труб для резки, и начал рисунок на снятой с петель

половине ворот, приставленной к стене. Я творил не спеша, старался как мог, потому что до вечернего грузовика домой ещё целая вечность.

Пожалуй, именно тогда получился самый удачный рисунок за всю мою жизнь. Ню, разумеется, и почти в натуральную величину... Соблазнительные бёдра, роскошная грудь, длинные волосы спадают через плечо за спину, аппетитный треугольник, искушающий взгляд полный призыва «ну приди же! выеби меня!» из-под чуть приспущенных ресниц. Ух-ты! Ничего ни прибавить, ни убавить. А мел, как назло, всё не кончается. Ну так я его извёл на крупноблочные буквы рядом с голой красоткой: БОРЯ, Я ЖДУ ТЕБЯ!

Потом я вернулся к огню, потому что ветер здорово переохладил ноги самозабвенного художника. Мыкола тоже тут стоит, от дыма плачет, но хихикает, весь погружён в эротичность белого создания.

В этот момент Боря Сакун вытаскивает своё лицо из маски сварщика и прослеживает взгляд Мыколы аж до ворот. Ни одна система Станиславского в жизнь не передаст всю экспрессивность рожи Бори всего секунду спустя. «Хто-о-о?!»

Мы с Мыколой стоим себе у костра, изображаем наивное неведение причин бурных эмоций в душе мастера. А Вася, что сидел рядом с ним на корточках и двумя руками держал обрезок трубы, подчёркнуто так упёр глаза в пол типа как бы «знаю, но не скажу», но... при этом!.. пятак Васиного носа превращается в толстенный указательный палец и наводится на меня! Как стрелка компаса – вот он Север!

– Сука!!!

Тут сработал врождённый инстинкт самосохранения и я сорвался на короткую дистанцию вглубь секции транспортёров, опережая звон железа трубы по бетону. И вот ведь столько есть красивых матерных слов в лексиконе Бори, а он всё «сука» да «сука». Тоже мне вор в законе! Хорошо хоть он не по городошному спорту мастер...

Я вернулся минут через десять. Слово «БОРЯ» на воротах было рабски затёрто Васиной рабочей рукавицей. Остальное осталось как было.

Не поднялась рука вандалов на шедевр…

~ ~ ~

Мы играли в Зеркальном Зале, он же Балетная студия. Лёха сидел впереди, на краю эстрады за «Йоникой», Чепа у него за спиной со своей «кухней». Чуба стоял чуть правее, подёргивал струны баса в летаргической полудрёме, отсутствующий взгляд уцепился за точку где-то в слабо освещённом нигде. Медленный «белый» танец, приглашают девушки. Девушка Влади, Рая, пригласила его и увела с эстрады в общую массу, пообниматься среди зайчиков плывущих в медленных волнах от шара, что крутится за всех, поверх всего.

На левом краю, в полуприседе на захлопнутую крышку клавиш, я безотлучно исполняю свой долг ритм-гитариста. По ту сторону пианино стоит Ольга, сложив руки поверх крышки над струнами. Ей скучно. – «Поцелуй меня!»—требует она из-за инструмента между нами.

Я оборачиваю голову влево и—поверх всех пианинных крышек—сливаюсь в долгом поцелуе с её тёплыми мягкими губами. Мои пальцы и без меня знают когда и на какой аккорд переходить… Из бесплатного мастер-класса для публики, скромно оборачиваюсь лицом к гитаре, чтобы, потупившись, перевести дух.

– Ой, мама! – вскрикивает Ольга.

Её сдавленный крик просигналил, что Хеороту капец приснился!. Среди взасосных объятий и предоргазменных покачиваний парочек, неколебимою скалой, с пристально застывшим взглядом, стояла мать Ольги, которая совсем внезапно нагрянула в Конотоп из Крыма, чтобы забрать свою дочь в Феодосию …

А с другого конца нашей необъятной Родины, из другого портового города – Мурманска, группа Шпицберген прибыла в

Конотоп, чтобы начать играть танцы в Лунатике по договору с директором Лунатика, Бомштейном.

Шпицы сделали нас за две недели. Две недели спустя, Зеркальный Зал Клуба опустел, потому что толпа танцеманов в полном составе ломанулась в Лунатик, в концертный зал на втором этаже, что был когда-то полем брани в битвах КВН, а ныне, выпотрошенный от сидений, обернулся паркетным залом для танцев.

Но дело даже не в паркете. Ресторанная группа из четырёх музыкантов в возрасте от 20 до 25 лет, привезла с собою из Мурманска фирменную аппаратуру забугорного производства, гитары западного образца, которые можно достать лишь в портовых городах, плюс орган марки Роланд и (самое главное) они пели. Причём пели они в профессиональные микрофоны с эффектом эха. «Рясь!. ась… ась… Два!. ва… ва…»

Орфеям с их домодельными пиликалками пришёл капут. Да, оставались ещё концерты Клуба, оставалась «халтура», но танцы увяли на корню…

Мать Ольги с нерасписаным отчимом дочери уехала обратно в Феодосию, увозя с собой её клятву прибыть туда же через две недели, а Шпицы бросили якорь в Конотопе и надолго…

В конце февраля тёмным вечером я провожал Ольгу с 4-й платформы вокзала. Фонари над перроном вдоль глухого бетона заводской стены сочились безразличным светом. Она поднялась в последний вагон. Проводник запер дверь и ушёл из тамбура. Когда поезд дёрнулся, Ольга помахала мне через стекло.

Ухватившись за поручни по бокам запертой двери, я вспрыгнул на ступени под нею. Поезд быстро набирал скорость, она испугалась и что-то кричала за стеклом, не слыхать что. Но я знал что делаю и соскочил в самом конце платформы, потому что дальше и вправду чёрт ногу сломит на всех тех шпалах полувтопленных в гравий балласта…

В марте я написал ей письмо. Это была очень романтичное послание про то, как над моими слесарными тисками я вижу её

небесные черты. Нет, я не списывал у Пушкина, но суть и дух в точности те же, просто лексикон модернизирован на полтора столетия вперёд.

По понятиям слесарей Экспериментального участка, такое письмо мог написать только полный пиздострадатель. Впрочем, они его не читали, как не читала его и Ольга, потому что письмо не застало её в Феодосии. Ольга вернулась в Конотоп сообщить мне, что беременна…

В те глубоко продуманные времена всесторонне плановой экономики, проникнутые неуклонной заботой Партии и Советского Правительства о растущих нуждах населения, гандоны продавались в любом газетном киоске по три копейки за штуку. Но для меня «гандон» оставалось словом из похабных анекдотов, настолько же далёким от реальной жизни как Поручик Ржевский, и я понятия не имел что значит «предохраняться»…

Потом она приняла таблетку и всё обошлось.

Весна пришла ранняя, дружная, тёплая. В середине апреля был открыт мой «дачный» сезон в сарайчике. Я его подмёл и принёс постель покрыть сетку железной койки, что перезимовала там. В тот же вечер при встрече в Парке, я пригласил Ольгу «к себе». Она легко согласилась. Всю дорогу от заводского Парка до Нежинской я ступал по верхушкам облаков счастья и не боялся свалиться, потому что, благодаря темноте, мы шли плотно поймав друг друга за талии. Через двор Турковых и палисадник под окном нашей хаты мы прокрались в сарайчик и я запер дверь на крючок.

В перерывах между нашими связями я, как завещал Валье-Инклан, боролся за равноправие между «руками, которые уже познали всё и глазами, что всё ещё ничего не узрели». Для этого я зажигал спички, одну за другой, и не позволял ей прикрывать, ненадолго всплывающее из темноты в трепещущий свет крохотного факелка, мерцание своего тела…

Мы проснулись с рассветом и пошли через оглушительную тишь и странность пустых улиц на хату её подружки Светы, чтобы у Ольги

было алиби перед тётей Ниной. На обратном пути, между базаром и школой № 13, мне встретился первый пешеход зарождающегося дня, он шёл мне навстречу по противоположной стороне улицы Богдана Хмельницкого…

Мне с Ольгой было хорошо, но всё же я хотел избавиться от наших отношений. Во-1-х, хорошо было не всегда. В тот раз как мы ездили на Сейм и я разложил её в гуще Ивняка, всё вышло как-то плоско и то, что было, было не то. Хотя, конечно, мы полностью себя реабилитировали, когда она позвала меня в душ на своём рабочем месте. Да, Ольга уже нашла работу в городе и разносила телеграммы с Главпочтамта.

> *(…в это трудно поверить, но уже в 1970-е, в отсутствие мобильных телефонов, люди как-то ухитрялись выживать. Им в этом помогали телеграммы. Прямо к тебе домой приносят бланк в половину тетрадного листка, а на него наклеены бумажные ленточки из телеграфного аппарата с печатными словами «**буду пятницу 10 Москва Киев вагон 7**».*
>
> *Телеграммное сообщение передавало самую суть информации, потому отправитель платил за каждое слово, включая знаки препинания и адрес получателя… Копейки приучают к лаконичности стиля.*
>
> *Конечно, если денег некуда девать, то можно и подлиннее – «**я приеду в пятницу поездом москва-киев зпт в десять часов утра зпт в вагоне номер семь тчк**» а в конце ещё и добавить «**целую и люблю тебя навеки зпт моя дорогая цыпонька тчк всегда твой пупсик тчк**»*
>
> *А работники Главпочтамта принесут потом телеграмму в своей чёрной казённой сумочке: —«Вот здесь распишитесь,* пожалуйста…»…)

Она закончила работу в пять и мы встретились у пятиэтажной гостиницы «Чайка» обложенной квадратами жёлтых плит из

песчаника. На широком длинном крыльце кроме входа в гостиницу были ещё пара стеклянных витрин с входами в Междугороднюю Телефонную Связь и в Главпочтамт.

Мы сошли с крыльца и Ольга повела меня к служебному входу Главпочтамта позади здания. Она зашла первой и пошла по длинному коридору, в конце которого обернулась и махнула мне, что можно идти. Некоторые двери стояли настежь и там сидели женщины, спиной ко мне, перед своими окошками в стекле перегородок отделявших их от очереди посетителей.

Из коридора мы спустились в большое подвальное помещение с длинным рядом окон высоко над головой, а под ними ряд душевых кабинок вдоль стены. Войдя в одну из кабинок, мы разделись и Ольга пустила горячую.

(…в каком-то из 90-х годов, сцена в душе между Сильвестре Сталлоне и Шэрон Стоун в одном из мафиозных боевиков была признана самой горячей эротикой года.

Так это ж сука Голливуд с нас сплагиатил! Ремейк нашего визита в душевую Главпочтамта!. Двадцать лет спустя… А мне до сих пор упорно доказывают, будто в СССР не было секса! Да всё там было! Только начиналось на другую букву…)

В конце нашей горячей ебл… ну то есть… сцены… там ещё мелькнул кадр, на который Голливуд не отважился, слабо́ повторить. Это когда по её упругой белой ляжке, между широких капель и дорожек бегущей душевой воды, поползли два-три беловато-пенистых плевка… мне точно где-то уже попадался этот кадр, но где именно?. Да, я начал «предохраняться».

(…поверхностное самообразование посредством запойного чтения зачастую приводит к недопониманию… Долгое время я ошибочно полагал, будто мастурбация непременно ведётся вручную – души и мни свой член пока не кончит падла. Но нет!

Оказывается ещё в Ветхом Завете есть чудик по имени Онан, который регулярно спрыскивал земляной пол своего шатра своим же семенем на завершающей стадии вполне нормального, в остальном, полового акта. Заключительный аккорд, так сказать. Аккорд этот (используя терминологию лабухов, они же музыканты) полная лажа, совершенно не в тональности, зато служит средством предохранения от нежелательных зачатий…)

А во-2-х, я пересcал от первой беременности Ольги и не стремился к повторениям – кому оно надо? Мне никак не хотелось впутаться в брачные узы и однажды тёмным вечером на крыльце Светиной хаты, я попытался даже избавиться от сладостной причины нежелательных последствий. Я ей сказал, что нам пора расстаться. Она заплакала: —«Почему?»

Я закурил сигарету: —«Так надо. Я встретил другую».

– Кто?! Как её зовут?!

– Ты всё равно не знаешь.

– Нет, скажи!

– Ну… в общем… одна… ну… Светка.

– Где живёт?

– Возле Цыганского посёлка.

– Ты врёшь!

– Нет, не вру.

И я закурил вторую сигарету от окурка первой, как в Итальянских чёрно-белых фильмах, хотя курить мне вовсе не хотелось, вторая казалась слишком горькой меня даже подташнивает, как Тома Сойера…

Я выкурил лишь до половины и сдался. Я сдался им обеим – не смог докурить сигарету и не смог порвать с Ольгой. На следующей неделе она объявила, что снова беременна и что у неё больше нет таблетки…

Я позвал родителей в сарайчик, сказал, что нам надо поговорить. Они пришли настороженно и молча, непривычные к подобным зовам. Я сел на стул, спиной к застеклённой раме у изголовья койки. Мать осталась стоять за трубками в противоположной боковине койки и только опёрлась на неё. Отец стоял рядом с ней, положив трудовую руку на длинный ящик-верстак вдоль глухой стенки. Там и тогда я объявил, что мне надо жениться на Ольге.

– Как так жениться? – спросила мать.

– Как благородный человек, я должен жениться, – пояснил я, скрытно раздражённый, что деликатное «надо» оказалось не слишком доходчивым.

Мои родители переглянулись, отец беззвучно дёрнул головой, мать повздыхала ему в ответ. Потом они сели на койку, бок о бок, и начали обсуждать в деталях как мы будем женить благородного человека…

~ ~ ~

Когда мы с Ольгой подали в ЗАГС заявление и совместном желании вступить в брак, нам выдали там талон для Салона Новобрачных, чтоб те сделали скидку на обручальные кольца. В Конотопе такой салон находился позади Городского Парка Отдыха, но с очень ограниченным выбором – всего два покрытых пылью манекена Жениха и Невесты тупо смотрели в разные стороны из своей узкой клеткообразной витрины, вот и весь товар. Нужно было ехать в Киев… Лёха поехал с нами как эксперт, он уже проходил через всё это, когда женился на Татьяне, и знал места. В Киве мы купили кольца – для Ольги чуть желтее, зато моё пошире. Ещё мы купили туфли мне, а Ольге белое мини-платье из шёлка с пупырышками и свадебную фату.

Через месяц состоялась регистрация брака в Лунатике. Зал торжеств находился на том же этаже, что и паркетный, но в противоположном крыле. На церемонию мы прибыли в такси. При входе в Зал торжеств, нас встретила громкая музыка тамошних

лабухов, что играли халтуру при ЗАГСе. Гитарист с глубоким давним шрамом на щеке, который играл на красной Иоланте, был мне слегка знаком. Он глянул на меня округленно-непонимающим взором и приветствовал пожатием плеч… А! Плевать… какая разница… всё равно с футболом у меня никогда не получалось…

Женщина в официально-тёмном платье, очках и в химической завивке стрижки на шесть месяцев, зачитала нам с Ольгой права и обязанности молодой семьи, ячейки Советского общества. Мы расписались, что инструктаж пройден. Лёха и Света, как свидетели, заверили бумагу.

"Вот и всё,
Конец мечтам…"

Группа халтурщиков врезали марш Мендельсона, а фотограф, который явился из фотоателье через дорогу от Лунатика, пощёлкал своей камерой на треноге. На выкупленном через неделю фото оказался волосатик с неловкой улыбкой и виновато подскочившим воротником пиджака от прошлогоднего выпускного костюма. Но Ольга получилась очень хорошо, правда немножко грустная. Наверное, не хотела впутываться в узы брака в свои всего шестнадцать лет…

На свадьбе во дворе хаты играли Орфеи, бесплатно, конечно, это ж не халтура. Пара досок заперли Жульку в его будке и в свободном от травы кругу земли, который он выхлестал цепью за свою собачью жизнь, установили аппаратуру и инструменты. Вдоль общего сарая—параллельно бывшему штабелю, а теперь уже груде бывших кирпичей—был накрыт длинный стол, под сенью вековых Американских Клёнов.

Мы с Ольгой сидели спиной к забору Турковых. Два кухонных стула под нами объединял вывернутый наизнанку полушубок отца с длинными космами руна пусть не золотого, но тёмно-рыжего, во всяком случае. Вокруг стола сидели Архипенко, Дядя Вадя со своей

женой, у которой он был примаком, мать Ольги, Мария, прибывшая из Крыма со своей старшей дочерью, Витой, тётя Нина с дядей Колей, какие-то дальние родственники Солодовниковы, ближайшие и более отдалённые соседи с Нежинской и прилегающих улиц, Крепаки, Плаксины, Кожевниковы, Владина мать, Галина Петровна, и всевозможные друзья новобрачных или же бесплатных музыкантов, а также сменяющие одна другую группы Поселковых хлопцев, всегда готовых выпить надурня́к…

Свадьбу гуляли до поздней ночи при свете пары лампочек подвешенных к Американским Клёнам. Кричали «горько!», чтобы мы с Ольгой встали и целовались, под хоровой счёт застолья сколько мы протянем в поцелуе. Отца вместе с матерью Ольги посадили в возок и прокатили по Нежинской до колонки и обратно (Марии не очень понравился этот старинный красивый народный обычай). Квэк обнажился до пояса и выплясывал с большим топором в руках, который прихватил из сарайчика, но дядя Коля начал ему подхлопывать для убедительности, что он тоже рокенрольщик, улучил момент и забрал топор у весёлого Викинга. Хлопцы с Посёлка поволокли Квэка к нему на хату, потому что сам он не дошёл бы, пока Чепа и сестра Глущи совокуплялись за спиной угрюмого Вяза в палисаднике в позе раком… Короче, нормалёк получилась свадьба в стиле незыблемых канонов и лучших традиций Посёлка.

Уже за́полночь мы с Ольгой удалились в свою брачную опочивальню в сарайчике… Прежде чем приступить к первой брачной ночи, мне пришлось лопатой выскрести блёвы Квэка у двери и вымести окурки сигарет Ольгиных подружек, с которыми те тут прятались. Если б знал заранее, что дружеская открытость упрётся в такое наплевательское отношение, я бы замок на дверь повесил.

Даже плёнку в магнитофоне перекрутили хрен знает куда, а у меня ж там стояла на эротической Французской песне для момента осуществления брака. Чтобы не париться и не крутить туда-сюда в напрасных поисках, я поставил бобину с самого начала—куда

денется, рано ли поздно, заиграет—но когда мы совершили то самое осуществление, оказалось что вся сторона плёнки тоже кончилась, собралась на правую бобину и шлёпает хвостиком рядом с неподвижно-пустой левой… как-то упустил я те эротические стоны Брижжит Бардо.

Потом по жести крыши и по длинным листьям кукурузы, что тёрлись об стекло рамы распахнутой в ночной сад, хлынул ливень, а мы просто лежали тесно обнявшись и это было хорошо…

Наш медовый месяц совпал с моим отпуском на заводе. Моего отца Ольга покорила рыбой фаршированной луком и рисом, по рецепту приморского города, мне тоже очень понравилось, жаль, что редко она её готовила. А первая супружеская ссора случилась на третий медовый день. Я сидел во дворе за расшифровкой нот какого-то Испанского этюда гитарной музыки. Ольга прошла мимо, из хаты в сарайчик, и на ходу меня позвала.

Я ещё минуту подёргал струны, ну максимум две, не больше, пока пришёл. Она лежала на койке и заливалась слезами, что я не уделяю ей никакого внимания, разве с жёнами так поступают?

Так что пришлось заглаживать свою вину самым правильным, по-моему, способом, хотя так и не понял чем провинился.

> *(…это только теперь я вычислил, что так работает инстинкт женского самосохранения: если я тебе уже досталась, то для каких ещё проблядей ты тренируешься на этой ёбаной гитаре?*
>
> *Хотя, возможно, я и до сих пор чего-то не так понял…)*

~ ~ ~

Лёха Кузько принёс благую весть – мы начинаем играть танцы в ДК КЭМЗ, он там договорился. Тут любой бы обрадовался, потому что это не жизнь, если на танцах не играешь. К тому же, когда мы с

Ольгой ходили на танцы в Лунатик и на площадке вспыхивала драка, я боялся за её живот, хоть ничего ещё не видно.

На танцы в КЭМЗе собиралась толпа кому далеко до Лунатика. Пусть Шпицы играли лучше нас, но целый час дожидаться трамвая после танцев излечит любую меломанию. И даже некоторые хлопцы с Посёлка начали выныривать в Доме Культуры КЭМЗ. Люди любят вливаться в знакомую толпу.

Владю с Чубой загребли в армию. Сосед Чубы, десятиклассник Сур, сменил его на посту бас-гитариста. Один хлопец с Загребелья, кличка Фофик, начал у нас петь. Он держал длинные Цыганистые волосы и при разговоре иногда заикался, почти незаметно, наверно, из-за этого у него такая детская кликуха. Коронным номером Фофика была песня Макаревича из группы Машина Времени

"Я пью до дна за тех кто в море…"

И ни малейших тебе заиканий-пришепётываний, чётко. И ещё одна, про Американского лётчика сбитого над Вьетнамом:

"Мой «фантом» как пуля быстрый…"

(…только совсем недавно я узнал, что это Русский перевод под песню «Секретный Агент», которую Мел Тормé пел ещё в 50-е.

Всё-таки по музыке они нас всегда обгоняли…)

Один раз ночью Ольга полезла целовать мой хуй, а я крикнул: —«Мне не нужна жена-вафлистка!» Она отдёрнулась, а я тут же закаялся. Долбоёб! Почему? Ведь хорошо же было!. А самое обидное, что как-то само выкрикнулось, даже подумать не успел, а уже вякнул… и влился ещё одним идиотом в толпу тупых бурсаков.

Когда в сарайчике стало слишком холодно ночевать, мы перешли в хату на кухонную кушетку. На ночь я плотно закрывал двустворчатую дверь между кухней и комнатой, где спали родители

и брат с сестрой. Не потому что мы еженощно занимались любовью, а чтобы они не знали, в какую ночь мы занимаемся...

На танцах в КЭМЗе Ольга редко танцевала, живот стал слишком большим, а вокруг эти козлы скачут с козлихами, не смотрят куда дрыгаются. И её светло-коричневая мини-дублёнка застёгивалась уже всего лишь на две верхние пуговицы.

Однажды ночью она начала плакать, что я совсем её разлюбил такую. Но это неправда, просто мне её жалко было и хотелось защитить её от всего. Ольга всё плакала и плакала, пока не заставила заняться с ней любовью. И это было хорошо, только я старался как можно осторожнее, чтобы никак животу не повредило. Четыре дня спустя Ольга родила мою первую дочь – Леночку...

Дети цветы жизни, пока не распищатся.

"Нашу Ленку-мордочку
Выброшу я в форточку,
Чтоб она не плакала
Не писяла, не ...!"

И хоть объёмом они её не сделали бы Мисс Декольте, груди Ольги оказались очень даже и весьма млекообильными. После кормления, избыток приходилось сдаивать в гранёный стакан.

А и кто бы сомневался, что Ольга и меня заставит продегустировать продукт. Конечно, о вкусах не спорят и всё такое прочее, но какого... этого находят в нём эти младенцы? Пастеризованное и то лучше...

Тётя Нина сказала, что ребёнка надо обязательно окрестить и мы понесли Леночку в хату возле школы № 12, по адресу, который дала тётка. Во дворе толпилось немало народу. Явно прихожане церкви, хоть у неё ни паперти, ни креста над крышей типа подпольной. Но внутри хата хатой, правда без мебели. Ребёнка распаковали из конверта, наскоро смочили, чтоб заревела в знак протеста, и выдали нательный крестик со шнурком.

Я уж и думать забыл про это священнодействие, но в конце января Лёня, начальник Экспериментального участка, а по совместительству комсорг Ремонтного цеха, в конце рабочего дня позагонял молодых слесарей наверх, в кабинет начальника цеха на комсомольское собрание. Там он объявил, что ему позвонили из горкома комсомола, что я побывал в церкви и окрестил ребёнка и за это нарушение комсомольской этики собрание должно вынести мне порицание, как члену отступнику от норм ВЛКСМ.

Все тут же проголосовали «за», чтоб не тянуть и идти уже по домам, но поспешно толпясь на выход, выразили мне своё сочувствие, что не повезло и не вышибли меня из рядов ващще нахер и ещё десять лет будут удерживать комсомольские взносы из моей зарплаты.

Как выяснилось позднее, тот поп креститель ежемесячно представлял список посетителей хаты, на которой креста нет, куда следует. Такой себе подпольщик по кличке Гапон, провокатор невздёрнутый…

Хотя как знать, может только на таких условиях ему позволили нести свет веры в народ православный.

~ ~ ~

А в феврале я проштрафился по чёрному… Лёха Кузько уезжал в город Коростень за электрогитарами для ДК КЭМЗ, и я тоже хотел поехать. С утра поднялся по железной лестнице в кабинет начальника цеха, но мне сказали, что он ещё не приходил.

Когда чёрная шинель Лебедева замаячила в проходе Механического, я вышел навстречу. Но видно в такой ранний час у него спина ещё не распрямилась до нужной кондиции или же днём раньше держал её чересчур отвесно и спозарани еле-еле смог выговорить «нет». Тут я психанул и ушёл, потому что всё равно ещё в спецовку не переодевался. Но, как оказалось, Лёха уже уехал в Коростень.

Короче, мне поставили прогул за тот день, а начальник Ремонтного подписал приказ о переводе меня на нижеоплачиваемую должность, чернорабочим в Кузнечный цех, сроком на три месяца.

"Вы лучше лес рубите на гробы.
В прорыв идут штрафные батальоны..."

В Кузнечном станки не визжат, там грохочут гидравлические молоты, сотрясая асфальт между стен, в жерлах жарких печей ревёт пламя форсунок, раскаляет загруженные в их огонь болванки железа, до алой белизны. И завывания вентиляторов из круглых коробов зарешечённых сеткой намордников тоже вносят свою мощную струю в партитуру. У вентиляторов размах лопастей метровый и если случайно секанёт по руке… Вот для того и сетки.

Одним словом, лучше места не придумать для разработки вокальных данных. Ори сколько влезет – никому твою лажу не слышно. Да, я и сам себя не слышу, но ору:

"Oh, Mommy,
Oh, Mommy-Mommy blues,
Oh, Mommy blues..."

Но вопленный вокал орётся лишь пока мой напарник Боря узнаёт сколько нам грузить на сегодня. Он тоже штрафник, как и я, правда местный, кузнец из Кузнечного цеха, залетел за нарушение трудовой дисциплины, но в отличие от меня, нарушал её в нетрезвом состоянии не покидая рабочего места. Ему лет за тридцать, светловолосый, мелковатый, по виду и не скажешь даже, что кузнец.

Работа наша проста и неизменна – загрузка болванок в печи. Болванки эти нас дожидаются в левом крыле здания Кузнечного цеха. Здоровенные куски осей от колёсных пар железнодорожных вагонов и локомотивов, которые газорезчики нарезают в дневную смену. Эти экс-оси, пусть и располовиненные, слишком неподъёмны

для двух всего рабочих, хоть даже и штрафников. Поэтому в крыле имеется кран-балка наземного управления. Я ухватываю куски клещами, что болтаются на крюку, а Боря лупит по кнопкам ручного пульта, что свисает на своём кабеле от тельфера и чуть ли не до пола. Он даёт вира и клещи смыкаются на болванке, поднимают и Боря гонит тельфер к вагонетке, где я её направляю аккуратно лечь. На майну клещи раскрываются и уже пустыми возносятся за следующей, в моём сопровождении.

Так укладываем несколько болваночных слоёв с оглядкой на длину нарезки (длинные тяжельче), потому что на следующем этапе нашего процесса нам же эту вагонетку и переть по узкой колее из мини рельсов.

Мы выталкиваем её в главный корпус Кузни, на поворотный круг. Он смахивает на крышку люка канализации, но крутится на своём месте. Прикладывая силу своих тел к торчащим из вагонетки хвостам уложенных в неё болванок, разворачиваем её на 90° влево и катим дальше, к печи.

Самый трудоёмкий момент при болвано-транспортировке это сшелохнуть вагонетку из состояния покоя. Вот когда приходится рвать на себе жилы не жалея. А когда та тихо-тихо приходит в движение – ха! сука, тут уж ты наша!. допрём!.

В каждой печи—пониже жерла—широким козырьком вытарчивает железная полка. Набычившись, для отражения кепкой адского жара из жёлто-алого нутра гудящей печи. Боря зашвыривает на полку полуметровую трубу-ролик. На этот ролик мы поднимаем продолговатую кованную лопату с приподнятыми боковушками, чтобы болванки из неё не скатывались. У лопаты держак очень длинный, пять метров, и не из железа сделан, а стальной, сечением шесть на четыре сантиметра. Заканчивается он поперечиной достаточно длинной для двух чернорабочих ухватить её концы по обе стороны от держака.

Но сначала оба конца поперечины я держу один, пока Боря близстоящим стационарным краном поднимает болвану с вагонки и

кладёт на лопату, пряча своё ухо от жгущего излучения за вскинутым плечом. Потом он оборачивает кран зависнуть над вагонеткой, подходит ко мне и хватает свою половину поперечины.

– Хоп!

И мы, тесно сомкнув плечи, в три-четыре шага ускоряемся в бег навстречь геене в пещи огненной. Пробежка завершается синхронным прыжком вверх и резким толчком поперечины книзу совместным весом наших тел, чтобы упругий держак свибрировал и подкинул болванку с лопаты.

В момент приземления из прыжка, опалённое лицо само по себе отвернётся от липуче-прижигающего жара красно-белого нутра. Поэтому Боря работает в брезентовом фартуке кузнеца, а я дожигаю мой когда-то любимый красный свитер. Защитно втянув обе шеи, мы шагаем обратно, выкатывая лопату из огня по ролику на полке, и Боря отправляется к крану за следующей болванкой.

"Туда-сюда... обратно...
О!. как оно приятно!.."

Потом мы катим порожнюю вагонетку за новой партией болванок...

Внутри печи, их тоже надо укладывать в ряд, слоями, начиная от самых дальних, иначе все не поместятся. Чем больше загружено, тем короче пробежка с лопатой.

Я не сразу освоил синхронное прыгание и Боря крыл меня— неслышными за рёвом и грохотом окружающей среды – нехорошими словами, потому что болванка с недолётом упадёт поперёк ряда и будет ебать тебе мозг, а ты будешь рвать жопу при загрузке остальных. Но навыки ритм-гитариста помогли уловить размер такта.

Боря предельно немногословен. У меня больше общения с вентилятором (когда поём дуэтом, но вряд ли в терцию), чем с ним. Но однажды он прокричал мне в ухо: —«Сегодня загрузили сорок

тонн!» Багровые отблески огня играли в белках его глаз и на зубах обнажённых довольной улыбкой. Вот она – трудовая победа!. Херня, пустые слова. Это просто потому, что мы сделали это.

"You load sixteen tons and what do you get?
Another day older and deeper in debt..."

Работали мы в две смены, вторую и третью, оставляя дневную газорезчикам, чтоб нарезáли болванки, и кузнецам – освободить печи под следующую загрузку. В день получки я глазам своим не поверил— 120 рублей за месяц!

"...перевести на нижеоплачиваемую должность чернорабочим..."

" Ha-ha, Mr. Lebedev!
Ha-ha! Mr. Heath!
'Cause I'm a workman!
Yea! Yea! Yea!.."

Ну а кузнецам кассир из своей сумки вообще доставала по две-три пачки забандероленных банковской упаковкой да ещё там бумажки сверху. Больше 300 рублей! Да, Боря, пить надо меньше на рабочем месте.

" Туда-сюда... обратно...
О!. как оно приятно!.."

(...всегда проклинал, проклинаю и буду проклинать ту воробьиную ночь, когда я вякнул воплем тупого бурсака. Да не поймать выпорхнутого...)

А Ольге опять хотелось ещё чего-то. В одну из ночей, когда я бросал болванки в её печь, начала домогаться: —«...ска... А!. жи... что... ты... сейчас... дел... А!. делаешь...

– ...я... люб... лю... у!. те... бя...

– ...не... так... скажи...

– …а… А!. как… ска… зать…

– …ты… зна… А!. ешь… как…

И мне пришлось выстанывать: –«…я… е… бу… тебя…»

– А!.

– …я… те… бя… е… бу… У!.

– О! Мм!

Тёмная кухня. Ребёнок спит. Да, и что там она ещё понимает…

В другую ночь зовёт из темноты: –«Ударь меня!»

– Ты – чокнутая?

– Не чокнутая. Ударь!

Ну добилась своего, слегка шлёпнул её по щеке.

– Не так! Сильно ударь!

Так ведь всё равно не отвяжется, шлёпнул погромче. Она откинулась на спину, плачет.

– Ну, что ты, милая! Так больно?

Нет ответа, только тихие всхлипы. Пришлось утешать самым правильным, по-моему, способом. И было хорошо…

Потом лежу навзничь, в темноту думаю. Зачем это ей? Да так упорно… Пощёчина в наказание за плохое поведение?. За какого-то такого… до меня?. без меня?. вместо?.

> *(…некоторые мысли лучше и думать не начинать, а если нечаянно случится, то лучше бросить и не додумывать до самого конца, до неизбежного вывода…)*

В конце мая истёк срок моей штрафной ссылки в Кузнечный цех и в тот же день я получил повестку явиться на призывной пункт 27-го мая…

И опять во дворе хаты было застолье, потому что на Посёлке проводы в армию почти что та же свадьба, только «горько!» не орут. Все пили и пели, но не под Орфеев, а мать носила свою внучку вокруг стола в пелёнке с распашонкой. Вцепившись крохотными

пальчиками в ворот халата бабушки, та смотрела вокруг распахнув от изумления младенческие губки.

На следующее утро меня проводили во двор двухэтажного Дома Глухонемых рядом с железнодорожным мостом над Проспектом Мира. Там было много призывников в кепках на свеже-остриженных головах среди тесной толпы провожающих. Толик Архипенко всем доказывал, что в армии у меня всё будет хорошо, но его некому было слушать. Мой брат курил и пасмурно поглядывал на бритоголовых. Отец сосредоточенно хмурился. Мать уговаривала Ольгу, что хватит уже, а та рыдала уткнув лицо в мою грудь…

Призывникам скомандовали подняться в два больших автобуса Турист, которые двинулись было, но вывернув на Проспект Мира остановились – кого-то не хватало. Мы вышли на обочину. Толпа провожающих рванули через дорогу.

Ольга добежала первой. Она целовала меня своими мягкими мокрыми губами и прижималась маленькими мягкими грудями без лифчика под лёгкой блузкой в полоску, с коротким рукавом, мокрой от её слёз.

Подкатила легковушка с опоздавшим призывником и нам снова скомандовали садиться. Заурчал мотор. Дверь хлопнула, и автобус пришёл в движение увозя нас, бесповоротно и безвозвратно, туда, где армия сделает из меня настоящего мужчину и защитника нашей Советской Родины.

˜ ~˜~˜

~ ~ ~ мои университеты: часть первая

"Отшлифуем плац ногами,
Он как новый заблестит,
У солдат в груди широкой
Сердце бравое стучит..."

(*на мотив «Розпрягайте, хлопці, коней...»* ")

На сборно-распределительном пункте в областном центре я совершил последнюю отчаянную попытку отвертеться от службы в армии. На медосмотре я сказал окулисту, что не вижу левым глазом ниже второй строчки в проверочной таблице, хотя на самом деле видел даже третью. За это меня признали годным к нестроевой службе в военно-строительных войсках.

После трёх суток кантования на голых досках нар последующих сборно-распределительных пунктов и на не менее жёстких полках вагонов для призывников, в тусклом свете предстоящего утра я стоял на перроне железнодорожного вокзала города Ставрополь, мокром от дождя минувшей ночи, в туфле на одной ноге. Чтобы как-то отличить от Персея, мою необутую ногу обтягивал чёрный носок, промокший, но хлопчатобумажный.

А что оставалось делать? Ни свет, ни заря, когда нам проорали выходить, я обыскал не только отсек, в котором спал, но и пару соседних под вопли сержанта, матерившего меня из тамбура в конце уже совершенно пустого вагона. Мой правый туфель так и не нашёлся и, пока промозглая сырость из луж на асфальте просачивалась сквозь ткань носка в строю обутой шеренги, я чувствовал как в глубине сознания, несмотря на отсутствие прямых доказательств, исподволь зарождается твёрдое подозрение, что пропажа половины моей обуви дело мстящих рук Валика Назаренко из Кролевца.

Из всех ребят в нашем отсеке, только он имел при себе толстую пачку пятикопеечных почтовых открыток-поздравлений с Днём Советской Армии, Авиации и Военно-морского Флота и на каждой станции через форточку над окном приставал к прохожим по перрону с нудными просьбами опустить в почтовый ящик стопочку уже заполненных открыток. А кто откажет молодому пареньку, которого везут пусть не в тюремном, но всё же запертом вагоне?

Когда, покинув станцию, поезд начинал монотонно выстукивать километры дальнейшего пути, Валик делал умное лицо и сам себе задавал неизменный вопрос: —«Кому бы ещё написать?» И сам же себе отвечал: —«А! Знаю!» И начинал заполнять очередную открытку или две о том, что уходит в армию и уже проехал город Ростов. По окончании литературных трудов, он зачитывал произведение (или два) всем присутствующим в отсеке, из которых только один призывался из одного с ним места, но и тот не без труда припоминал кто из адресатов посланий есть кто в славном городе Кролевец, хотя с Валиком был знаком уже третий день.

Все его сочинения отличало завидное постоянство темы и композиции, верность раз и навсегда избранной совокупности слов и все, как одно, завершались неизбежной строкой «С приветом, Валик». К исходу второго дня пути, я предложил ему менять порядок слов, из чистого разнообразия и хоть иногда, через одну открытку, писать «Валик с приветом». Тогда все дружно рассмеялись, но хорошо смеётся тот, кто смеётся последний и теперь, в одном носке между двух луж, мне было не до смеха. Невинная игра слов лишила меня туфли и бедняга, скорее всего, так и не доехала до города Ставрополя, безнадёжно отстала, беспарная, странная и чуждая зарослям травы под насыпью, исхлёстанная ночным ливнем… На изящный каламбур, рыжий падла ответил грубой практической шуткой. Но коли не пойман, то и не шутил…

Нам скомандовали забраться в кузова ожидавших грузовиков, те покатили по улицам незнакомого, всё ещё спящего города и покинули его по широкому шоссе, с которого вскоре съехали на

полуразбитый асфальт дороги с невысоким лесом слева, а ещё через три километра вдоль правой обочины потянулась длинная стена из белого силикатного кирпича, метра полтора высотою.

Грузовики свернули в распахнутые ворота из высокой решётки вертикальных труб (сечение 2 дюйма). Красно-жёлтая табличка под стеклом рамки рядом с внешней дверью КПП сообщила, что это Военно-строительный Отряд № 11, Войсковая часть № 41769, а пустая дорога за воротами потянулась дальше – перевалить через близкий горизонт в просвете между зелёным леском и белым забором, что кончался метров за сто от КПП.

Сержанты отвели нас к бане, перед входом в которую появился молодой лейтенант с вопросом есть ли желающие отправить свою одежду домой, откуда призывались. Как и следовало ожидать, никто не строил подобных планов, все хранили верность давней традиции отправляться в армию в самом старье из своих вещей, которые и были сброшены на траву возле банного крыльца.

Только один раз, в столовой Ростовского сборно-распределительного пункта, мне довелось увидеть призывника в костюме и галстуке. Ещё он бросался в глаза своим возрастом – лет на десять старше бритоголовой шпаны вокруг, но двадцати семи ещё нет, раз и его загребли. Он не был острижен и ничего не ел, а просто сидел без движения, уставившись взглядом в никуда, а вернее внутрь самого себя.

(…потому что только снаружи мы все кажемся одинаковыми, а внутри есть на что посмотреть, там такие раскручиваются эпопеи, покруче всех Одиссей с Илиадами…)

Так он и сидел, с расслабленным галстуком на толстой шее, не замечая ни сочувственных, ни злорадных взглядов, сидел, не зная куда его везут и что там будет…

Военно-строительный отряд № 11, а короче ВСО-11, располагал необходимым минимумом для содержания множества людей в

одном месте.

За кирпичным забором, отделявшим отряд от асфальта дороги, теснилась группа из пяти бараков, обитых изнутри крашеной фанерой и облицованных снаружи белым кирпичом в кладке «на ребро». Бараки связывались общей системой труб парового отопления проложенной по воздуху на высоких опорах-стойках. Для теплоизоляции, трубы окутывал слой бурой стекловаты затем обмотанный белой тканью стеклополотна, что выбивалось, местами, из-под завершающего слоя чёрной толи, захлёстнутой, с трёхметровым интервалом, кусками вязальной проволоки мелкого сечения.

Три барака вправо от ворот шли вдоль стены между ними и дорогой, каждый в кайме недотрамбованного асфальта внутренних дорожек. В следующей линии, параллельно первому от КПП бараку, стояло здание равной с ним длины, но пошире и тоже в один этаж, в котором размещались столовая со своей кухней и Клуб части.

Следующее, в третьем от забора ряду, здание собрало под общую крышу: баню, кочегарку, швейно-сапожную и слесарную мастерские.

Плац, коряво покрытый бетоном, начинался от ворот КПП и продолжался до столовой. Напротив столовой, по ту сторону десятиметровой ширины плаца, стояли последние (из пяти) пара бараков, параллельно друг другу и силикатной стенке всё того же забора вдоль дорожной обочины. Позади только что упомянутой пары и вблизи дальнего левого угла плаца, находился кирпичный туалет, он же сортир, обращённый входом к выходу из столовой (у дальнего правого угла плаца). Оборудование сортира состояло из десяти равноудалённых стандартных дыр в непосредственной близости от левой стены. Каждое очко демонстрировало достаточно надёжную толщину бетона в перекрытии пола, а вдоль всей противоположной стены тянулся цементированный желоб писсуара с уклоном к углу с дальней торцевой стеной откуда, преломившись, достигал её же левого угла со сливным отверстием в подпольную выгребную яму.

Налево от сортира стояло глубокое жестяное корыто умывальника, метров десяти, приподнятое над землёй метровыми ножками из прутьев арматуры. Ещё на полметра выше пролегала вынырнувшая из грунта полдюймовая труба с десятком водопроводных кранов над корытом.

Прямо за плацем, метров через двадцать, высились три бокса без передних стен, для грузовых автомобилей, а влево от них два ряда крепких складов для пищевых продуктов и несъедобной амуниции. За ними, в самом углу прямоугольной территории в/ч 41769, различалось приземистое строение свинарника.

Ух, чуть не забыл! Напротив КПП, кирпичная коробка магазинчика Военторг, на котором висела одна половина ворот, смыкаясь со второй подвешенной от угла контрольно-пропускного пункта…

Белый забор с кирпичными же столбиками, длился лишь вдоль асфальта дороги, а остальные стороны периметра охватывались с детства привычной колючей проволокой. Позади боксов для грузовиков и провисающей «колючки» забора, плавным уклоном поднималось широкое поле, скрывая следующие за ним ложбину с заброшенным песчаным карьером и деревню Татарку, ближайшую цель солдатских «самоволок» – самовольных отлучек из расположения части. А дорога, по которой нас привезли, через шесть километров приводила в село Дёмино, куда солдаты тоже ходили в самоволку, как и в сам город Ставрополь, ясное дело.

Но ничего этого я не знал, выходя из бани свежеобмундированным в форму х/б однотонного цвета хаки с пронзительно-ацетонным запахом и в чёрные кирзовые сапоги поверх неумело наверченных портянок. Как не знал и того, что х/б (хэбэ́) означает «хлопчатобумажное» и что портянки—две полосы светлой бязевой, или байковой ткани (30 х 60 см) для обмотки ступней ног—намного практичнее носков. Летом, сняв носки, замечаешь разводы пыли вокруг пальцев и на подъёме, которая пробилась сквозь ткань носков, тогда как портянки сами грязнеют, но ноги держат чистыми. Только их надо правильно наматывать—

плотно, ровно, без складок—иначе сотрёшь ноги до крови. А зимой портянки без носков греют лучше, чем портянки поверх носков, хотя оба метода не уберегают от обморожения пальцев в переохлаждённых сапогах...

Два солдата из предыдущих призывов ворошили гражданское тряпьё сброшенное на траву перед баней, подбирая себе прикид-«гражданку» для самоволок...

Нас отвели в клуб части с голой сценой, без всякой занавеси, и рядами фанерных сидений поперёк зала с покатым полом из некрашеных досок. Нашей первой боевой задачей на армейской службе стало освобождение зала от сидений, мытьё широких серых половиц, перетаскивание и установка двухъярусных железных коек для личного состава четвёртой роты, поскольку их казарму отвели под «учебку» для нас, новобранцев.

По исполнении первого задания нестроевой службы, мы построились перед входом в четвёртую роту для разбивки на три взвода, каждый под командованием отдельного сержанта. Сержанты составили списки своих командос, сверили их с общим списком у старшего лейтенанта, он же старлей, и приступили к муштре новобранцев. Во всех трёх взводах отрабатывалась одна и та же команда.

– Взвоод! Строица!

– Взвоод! Раазайдись!

– Взвоод! Строийся!

– Взвоод! Раазайдись!

– Взвоод! Стройсь!

– Взвоод! Раазадись!

Мы исполняли команды отгоняя голод предвкушением, потому что небольшая группа новобранцев уже была послана в столовую – готовить столы для приёма пищи. И наконец: —«Строиться на обед!»

– Шагоом... арш!

В отличие от Клуба, где нужно подниматься на три ступени по крыльцу к двери, в столовой, за входной дверью, надо спускаться на

столько же, чтоб оказаться в просторном зале заполненном столами в двух плотных каре́ по сторонам центрального прохода из конца в конец.

По бокам каждого стола тянулись лавки равной с ним длины, гладко-коричневой окраски и достаточной прочности для поддержания десяти переступивших через лавку и присевших, бок о бок, едоков. Тёмно-серый гладко шлифованный пол бетонной «мозаики» наполнял зал отражённо-невнятной гулкостью, подобно переполненным залам ожидания на железнодорожных вокзалах.

Вдоль всей левой от входа стены длились две дощатые ступени для доступа трём окнам сообщающимся с помещениями вне общего зала. Крепкая полка в обивке оцинкованной жести была, как и ступени, непрерывной во всю длину.

За первым (и самым узким) в ряду окон находилась хлеборезка, по большей части запертая изнутри обитой жестью ставенкой. Следующее—полуметровой высоты и шириной в четыре метра, что исключало использование ставен—представляло панораму интерьера кухни с никелированными цилиндрами широких котлов и паром из-под полуотвинченных крышек и парой солдат-поваров, что расхаживали между ними в армейских штанах, шлёпанцах на босу ногу и в майках под полурасстёгнутыми белыми курточками в жёлтых пятнах сковородного жира. На голове одного из поваров сидел приплюснутый берет из белой ткани гнездившийся там явно не первый месяц. Завершающее—тоже без ставен, но уже двухметровое—окно выходило в посудомойку утонувшую в клубящемся тумане пара и шуме горящей воды бьющей из нескольких кранов сразу в длинное жестяное корыто с грудами эмалированных мисок, кружек и стогом алюминиевых ложек в процессе их помывки.

Дальняя стена напротив входа—глухая, покрашенная, как и всё вокруг, в практичный траурно-болотный цвет—отделяла столовую от Клуба. В правой стене, высоко над полом, тянулась сплошная полоса стекла в неоткрываемых деревянных рамах.

Расставленные на столах миски когда-то белой, но уж давно покоцанной эмали отмечали места для посадки на лавках. 20 алюминиевых ложек свалены компактной кучкой по центру стола в лужицу натёкшей с них воды, чтоб каждый едок мог выхватить себе одну. Рядом с ложками возлегал увесистый черпак и двадцать эмалированных кружек не первой молодости, в боевых отметинах от свалок и колотилова в корыте посудомойки. Два с половиной поперечно раскроённые кирпичики серого хлеба на мятом алюминиевом подносе тоже распадались ровно на двадцать кусков…

Повара принялись швырять пятилитровые эмалированные кастрюли, они же бачки, на полку под окном раздатки, и что-то неразборчиво орать. Первый армейский обед начался.

От окна раздатки принесли борщ для разливания по мисками тяжёлым черпаком. Эта еда оказалась очень красной и обжигающе горячей. Поскольку на протяжении всего обеда военнослужащий пользовался одной и той же миской, борщ следовало доесть, чтобы получить второе, либо же сразу отказаться и ждать, пока дежурный солдат принесёт следующий бачок-кастрюлю с жидкой перловой кашей именуемой в армейском обиходе *кирзуха*.

(…взгляни на голенище солдатского сапога сработанного из кирзы [от шыз-гарнутого Английского "kersey"], эту искусственную кожу изобрели в ходе Русско-Японской войны и хотя она не предотвратила поражение Российской Империи в упомянутом конфликте, однако более ста лет верно служила свою как строевую, так и нестроевую службу.

А теперь, если отвлечёшься от этих побочных замечаний и сфокусируешься на мелком узоре верхнего слоя голенища сапог Российской-Красной-Советской-(да, снова)Российской армий, то ты не сможешь не согласится с безукоризненной точностью неофициальной кликухи кирзуха, традиционного корма из крупы перловки в вышеперечисленных армиях. Не удивительно, что

рассматриваемая схожесть подсказывала военнослужащим, оказавшимся на пороге их голодной смерти, варить голенища своих сапог, как это случилось на небольшой барже унесённой штормами в Тихий океан, где она стала игрушкой ветров и течений на 49 суток, пока её не обнаружил авианосец ВМФ США у побережья Калифорнии. Четвёрке истощённых Советских моряков было предложено политическое убежище в Соединённых Штатах, потому что Холодная война, объявленная Британской наследственной звездой политического небосклона, У. Черчиллем, в его Фултонской оратории, на тот момент не успела ещё смениться Парниковым эффектом и прочими глобальными сдвигами.

Однако сержант Зиганшин вспомнил красоту как закатов, так и восходов в степях родного Татарстана и – отказался. Остальные трое моряков последовали его примеру (хотя и не были Татарами). Позднее их всех представили к высшим орденам и наградам Советского Союза, после соответствующей проверки – не стали ли они агентами ЦРУ, в процессе восстановления нормального живого веса в пресловуто изобильном Штате Калифорния [только лишь к середине 90-х, Асхат Зиганшин сумел, наконец, излечиться от алкоголической зависимости привитой ему бесконечным спаиванием на допросах, закамуфлированных под всякого рода торжественно-патриотические мероприятия].

Всё это случилось в 1960 году и дало толчок к рождению популярной тогда фольк-рок песни:

Зиганшин буги! Зиганшин рок! Зиганшин съел Чужой сапог!

И это самый странный факт во всей этой истории, поскольку в тогдашнем СССР не было ещё ни одного ВИА…)

Каша тоже оказалась жидкой и такой же горячей как борщ. Компот, разлитый по кружкам из подмятого жизнью алюминиевого чайника, горячим не был, но всё-таки жидким. Колодезный гул

суматохи на железнодорожном вокзале служил фоном чавканью и прихлёбам. Временами (правда не ежедневно) мирную симфонию животной кормёжки прорезала громкая брань метнувшего и звяканье кружки летящей, вприпрыжку и с росплесками, по полу центрального прохода. Ничего страшного, просто солдат заметил, что ему досталась кружка с изъяном, посудина изношена за пределы возможности удерживать в себе налитое и он выразил своё негодование по поводу текущего обстоятельства, потому что по освящённой временем тюремной традиции пользование дырявыми приборами – прерогатива и, вместе с тем, метка *петуха*, чьи дыры используют другие заключённые, даже если он не гомосексуалист, а просто опущенный.

После еды, орудия персонального насыщения надлежало отнести к окну посудомойки и оставить в кучах или грудах подобного же на полке. По мере накопления, посудомойщики сами сбросят эти навалы в соответствующие секции корыта под струи обжигающей воды из кранов.

Теперь можно покинуть столовую и вразброд вернуться к бараку «учебке», чтобы не пропустить следующей команды «строица!»

Последующий опыт армейский жизни показал, что борща никогда не бывает на завтрак и ужин, те сразу начинаются с *кирзухи,* но по утрам на столе, рядом с хлебом, появляется поднос с двадцатью кубиками (2.5 x 2.5 x 1.2 см) жёлтого масла полученного в окне хлеборезки, которое намазываешь на хлеб черенком алюминиевой ложки выхваченной из общей кучи. Если же масло принесено одним куском, то его делит самый авторитетный, из оказавшихся за твоим столом, военнослужащий, черенком своей ложки.

Кусок масла (либо количество кубиков) может стать ощутимо меньше стараниями прохожего мимо стола военнослужащего, который приступил отдавать свой долг Советской родине на год-полтора раньше, и хочет себя с утра пораньше вознаградить за боевые заслуги. Кусковой сахар, принесённый для утреннего чая, тоже не избегал внимания того или иного славного ветерана…

В целом рацион непритязательный, но достаточный, чтобы выжить. Осенью он достигал умиляюще неприхотливой простоты – капуста с водой на первое, капуста без воды на второе, вода без капусты на третье.

В особо удачный день в твоей миске *кирзухи* плавал кусочек сала (при части имеется свинарник, вообще-то), но ничего кроме сала. А по Советским праздникам к утреннему чаю прилагалось по булочке каждому, из тех что в школьном буфете шли по 12 коп…

Первое время я не мог есть солдатской пищи. Не то, чтобы брезговал, а просто как ни старался не мог заправить в себя этот рацион. Он упорно застревал в горле.

Во время одной из кормёжек, солдат из предыдущего призыва, глядя на мои старательные муки, засмеялся и пояснил: —«Не боись! Втянешься и начнёшь хавать всё подряд». Он оказался прав. Дело в том, что в стройбате не едят, а ха́вают.

– Рота ха́вать пошла. Догоняй!

– А шо за ха́вка сегодня?

Как только я перестал есть и начал ха́вать, всё пришло в норму. Иногда я мог заха́вать даже и добавку.

Но это пришло позже, потому что если солдат в первые полгода своей службы (которого в означенный период кличут «молодой», или «салага», или «салабо́н») осмелится подойти к окну раздатки с миской в руках, то повар, скорее всего, поленится плеснуть в неё черпак ха́вки, а просто гаркнет: —«Пошёл на́хуй, салабо́н!» И не потому, что он генетический мизантроп, а просто и его также вот шугали, когда он был *салагой*. Однако, может и не послать, ведь исключения где угодно встретишь.

(…за два года срочной службы, Советский солдат восходил по иерархической служебной лестнице.

В свои первые шесть месяцев он был «сала́га», он же «молодой», он же салабо́н».

На следующие полгода—вслед за призывом новых «молодых»—он становился «черпаком».

Год службы позади, ещё два призыва привезены уже после тебя, и ты – «фазан».

Последние полгода над тобой нет старослужащих, ты уже «дед».

И наконец, министр обороны СССР подписал приказ об увольнении в запас военнослужащих призванных, как и ты, два года назад, начинается демобилизация, ты – «дембель»!

Терминология иерархии не слишком иероглифична.

«Молодой» стало быть младший по службе.

«Черпаку» доверено разливать ха́вку за столом – «салагам» ещё рано, более старшим западло́.

«Фазан» ушивает хэбэ́ штаны, шоб в облипочку и в обтяжечку, и пижонит как фраер Лондонский.

«Дед» как противоположность «молодому», а «дембель» симпатично удобопроизносимая аббревиатура от «демобилизованный».

Чтобы подняться по этой лестнице, надо прожить два года… В возрасте 18 или 20 лет, такое количество времени кажется вечностью.

Кроме того, качество времени в армии непредсказуемо, какие-то дни пролетают чуть начавшись, а бывает наоборот – чувствуешь, что уже неделя прошла—эва, губу раскатал! – а оно-то ещё сегодня. В армии, общее количество времени упомянутого вторым в разы больше упомянутого первым.

Всех тяжелее дембелям, они допёрли до финиша эту глыбищу в два года. И теперь каждый час оборачивается вечностью исполненной томлением души, неотвязной тревогой, неверием, что такое вообще возможно…

Солдаты на нижних перекладинах лестницы пробуют пришпорить время, используя для этой цели карточные календарики, где все 12 месяцев напечатаны на одной стороне, а

на другой призыв летать самолётами Аэрофлота или хранить деньги в Сберегательном банке.

Они безжалостно прокалывают каждый прожитый день иглой насквозь, один за другим. Карточный календарик утрачивал свой лоск и глянец, но если поднять его против неба, видны аккуратные группки мелких дырочек.

Для календарного иглоукалывания необходим дисциплинированный ум и недюжинная силы воли. Ни у одного «фазана» не видел я подобных календариков. Вечность кого угодно укротит, она смирит любую гордыню…)

Первый день службы кончился заполночь – нас муштровали укладываться в 45 секунд при отходе ко сну и подниматься за столько же. За указанный период, нужно снять всё обмундирование, аккуратно сложить его на табурет в центральном проходе казармы освещённом длинными лампами дневного света под потолком, нырнуть на койку в кубрике и укрыться простынёй и одеялом.

Кубрик – это составленные плотной группой четыре двухъярусные койки, отделённые от соседних кубриков тесными проходами, где ты наталкиваешься на остальных ныряльщиков. А как не толкаться? Ширина межкубричного пространства определена шириной тумбочки стоящей у стены в конце прохода между кубриками. по которому ломятся 8 новобранцев, каждый к своей. Йо! Убля!

Вся из себя такая невысокая тумбочка с верхом 40 х 40 см, а под ним выдвижной ящик, под которым дверца, а за ней ещё две полочки. Разве мало на восемь человек—по четыре от каждого кубрика—чьи койки обступили проход шириной в полметра? Если в проходе есть койка «деда», тогда вся тумбочка – его суверенное владение, и тут уж без вопросов. А обитающий в проходе «фазан» мог и уделить остальной семёрке нижнюю из полочек, но опять-таки не всякий.

Стройбат приучает жить налегке, не обременяя себя лишним вещизмом. Ну а лезвия «Нева» и станок безопасной бритвы может

приютится на полке ребят твоего призыва, кому повезло и в проходе кубрика не оказалось ни старцев, ни пернатых.

Искать сочувствия и помощи офицеров в решении проблем солдатского быта – вредно для здоровья. «Фазано-дедовская» система это залог воинской дисциплины и посягнувший на неё офицер пилит сук под собственным седалищем. Поэтому, если ты ему пожалуешься он пожалуется на тебя «дедам», вечером офицер уедет домой после дня на службе, а ночью тебе повредят здоровье… Шатание устоев опаснее никотина.

Но всё это узнается позднее, а пока что сержанты прохаживаются по центральному проходу казармы «учебки», выискивая портянку неаккуратно обёрнутую вокруг голенища или ремень не скрученный спиралью поверх формы, или отсутствие какой-либо части обмундирования – нырнул под одеяло недораздевшись, сука!

Найдя к чему придраться, они командуют общий «подъём!» и муштра начинается заново.

Вряд ли мы улучшили свой результат, скорее всего, сержантам и самим спать захотелось. После очередного «отбой!» длинные флуоресцентные трубки в потолке над центральным проходом погасли, кроме одной над тумбочкой дневального у входа в барак. Её далёкий свет не помеха, можно закрыть глаза и…

– Учебка, пааадйом!!!

Что? За что? Бляаадь! Уже утро! А ночь где?

(…я уже говорил, нет? что время в армии – это сука паскудная…)

~ ~ ~

Нам пару раз устроили «падйоом!», но не особо придираясь, просто шоб панимали – тут вам, сука, армия. Объясняется такая потачка предстоящим завтраком, ведь если мы на него запоздаем,

повар-«дед» выдаст сержанту своё «*J'ai presque dû attendre*» из окна раздатки.

(...французские короли имели при своём дворе специально обученного придворного на должности полового долбодолба. Работа несложная – долбодолб всего лишь трахал палкой в пол, предупреждая о вхождении короля в тот или иной зал того, или иного из королевских дворцов. Трахал и орал: —«Его Величество Король!»

И вот однажды в Лувре, очередной Людовик—под соответствующим порядковым номером—на подходе к двери для вхождения приметил, что этот полодолб—(или таки долбопол? блин, надо всё же заняться Французским...) – не на месте. Может, прикрутило за угол заскочить, обнаружил какой-то непорядок в своём придворном обмундировании и – заскочил застегнуть... Но всё же успел проныра, в самый последний момент, буквально из ниоткуда, ввернулся в дверь и—чин-чинарём, по уставу—трах! в пол палкой: —«Его Величество Король!»

Фактически, Людовику даже не пришлось маршировать на месте и, проходя мимо спецпридворного, он его малость пожурил, с королевской, эдак, укоризной:

– J'ai presque dû attendre, – грит, и пошёл себе дальше, прочим придворным мозги делать.

А упрёк его, в переводе с Французского, означает – «Прикинь! Мне чуть ждать не пришлось!»...)

Но «дед» в окошке совсем иначе эту монаршью фразу выдаст:

– Ты, мудак ху́ев! Оборзел, сучара? Тебе соплю сержантскую на погон кинули, так ты и нюх потерял? Ебал я твой погон и тебя с ним вместе! Ещё раз опоздаешь сам пойдёшь на раздатку! Петух ёбаный!

И сержанту нечем крыть такой изыскано придворный панегирик, потому что хоть и не «петух», но он пока ещё всего лишь «фазан».

(…что могут короли вообще иметь общего со стройбатом? Самая близкая связь. Общеупотребительно, пусть и неофициально, военно-строительные отряды Советской армии именовались «королевскими войсками». Кого трахало, тот знает.

Смекаешь? Идём дальше.

Обмундирование солдата военно-строительного отряда, он же стройбатовец, состояло из пилотки цвета хаки с ввинченной спереди звёздочкой вишнёвого цвета, а у неё малюсенький такой, жёлтенький серп-и-молот на брюшке. Весьма, кстати, важный элемент, именно эта звёздочка помогает не путать пе́ред-зад.

Исходя из своего кроя, пилотка не в состоянии защитить уши солдата. При сильном ветре или под дождём, ты мог лишь вывернуть ей отвороты наизнанку и натянуть на череп, однако, подобный вариант придавал военнослужащему вид гопника в колпаке типа «гандон».

При определённых обстоятельствах, стройбатовец мог одеть свою пилотку поперёк, когда звёздочка со лба переводится в положение над ухом, тем или иным. Подобный выкрутас имел целью придать пилотке залихватский мотив «а là треуголка Бонапарта», но в целом, композиция смотрелось как всё тот же долбоёб и сбоку звёздочка.

Альтернативно, голову солдата стройбатовца могла покрывать фуражка, однако согласно устава внутренней службы, данный головной убор сопровождается кителем и брюками поверх тупорыло уставной обуви из чёрной кожи. Описанный комплект кратко именовался «парадкой» (парадная форма) с чёрными погонами на плечах кителя (чёрный всегда в моде, ja, immer so, Meinen Herren…)

Чёрные петлицы в отворотах воротника парадной формы декорировались украшением в виде миниатюрных эмблем военно-строительных войск из лёгкого жёлтого сплава. Та же

эмблема дублировалась, уже увеличенной, в шевроне на предплечье левого рукава кителя, но уже без металлических примесей.

Краткое Геральдическое Истолкование Эмблемы Стройбата
«Комбат мечет Гром-и-Молнии;
Прапорщик вертится как Белка в Колесе;
Я бросил Якорь,
На всё хуй забил –
Заебу́тся и Бульдозером сдвинуть».

* * *

Меж лацканов кителя парадки выглядывала рубаха цвета хаки и галстук более тёмного хаки с белой резинкой от трусов продёрнутой сквозь его узел. Она пряталась под воротник

рубашки и скрытно удерживала галстук на предусмотренном уставом месте.

Однако вернёмся к прочим частям «повседневки» (повседневная форма), которая начиналась с пилотки уже, в общих чертах, представленной.

Самым глубинным слоем укрывающей стройбатовца одежды служили трусы и майка (зимой нательная рубаха без воротника, но с длинным рукавом из фланели/байки, и длинные кальсоны).

Второй (считая от кожного покрова) слой также являлся составным покровом из двух предметов – штанов хаки и такого же цвета курточки без погон (если тебе бросят лычку, сам раздобудешь всё, что надо, и пришьёшь).

Начнём с верхнего составляющего – с курточки. Пять круглых пуговиц лёгкого зелёного пластика для пришивания предоставляли не дырки, а одну выступающую сзади петлю, чтобы сохранить выпуклую лицевую сторону для рельефного изображения пятиконечной звезды со всё теми же сиамскими близнецами—серп и молот в позиции крест-накрест—в центре. Они пришивались на правую полку курточки напротив вертикального ряда горизонтальных пуговичных петель регулярно расположенных на левой полке. Полы курточки достигали середины ляжек, а по бокам, чуть ниже пояса, имели прямые достаточно глубокие, но не накладные карманы, которые предохранялись широкими клапанами от засорения грунтом, когда роешь яму. Пуговицы в широких манжетах полностью повторяли состав и дизайн вперёдсмотрящих пуговиц, несмотря на свой втрое меньший размер.

Под левым бортом курточки, на уровне сердца, внутренний карман из холстины цвета хаки.

Штаны, вторая составная часть второго слоя повседневной формы, являлись ярким (метафорически) образчиком всепобеждающего прагматизма – две хлопчатобумажные трубы сужающихся книзу штанин усиленные на коленях

накладными заплатами для упрочнения и продолжения срока их службы. Вертикальные карманы на бёдрах (в количестве двух) клапанов не имели, как не имели эмблематичных украшений мелкие пуговицы для управления состоянием ширинки. Нижние отверстия штанин, для просовывания ног насквозь и наружу, перекрывались широкими прочными лентами штрипок пристроченных поперёк направления ступни, однако, данное изящное добавление сразу же спарывалось военнослужащими, чтоб не ебло́ мозги и не натирало ноги.

Зимой головным убором становилась шапка-ушанка из серого искусственного меха. Шнурочные завязки на концах достаточно длинных искусственных ушей позволяли носить шапку четырьмя различными стилями:

1. *стиль «уши вверх», он же Венец Соломона;*
2. *стиль «уши ниже затылка», он же Кролик Затаился;*
3. *стиль «уши нараспашку», он же Гордо Реет Буревестник;*
4. *стиль «уши под челюсть», он же Партнёр по Спаррингу.*

Ватная телогрейка представляла собой самый внешний и единственный слой обмундирования зимой. Вертикальная прострочка, для закрепления утепляющей ватной прослойки под тканью, придавала телогрейке вид чего-то среднего между ферязью древних воинских доспехов и униформой узников концлагерей, но конечно же, в неизменно однотонной гамме хаки.

Вместо телогрейки, на солдате мог быть бушлат с гладкой лицевой поверхностью. Он превосходил её во многих отношениях. Во-1-х, подбит вдвое большим количеством ваты и, следовательно, теплее. Во-2-х, он доходил до середины ляжек, защищая пах и ягодицы от изуверств зимней непогоды.

Что же касается «парадки», то в зимний период поверх неё одевалась двубортная шинель суконно-войлочной ткани для завершения церемониально-парадного ансамбля сообразно сезону.

Шинель заканчивалась чуть ниже колен и имела два ряда (один из который декоративный) жёлтых металлических пуговиц (да, с тем же рельефом оплодотворённой звезды и т. д.) на груди.

Сзади, поперёк крестца, у шинели имелся короткий хлястик с парой декоративных пуговиц по краям, и под ним, напротив прямого прохода, начинался вертикальный разрез до́низу – на случай надобности прибавить шаг и для прочих сопутствующих необходимостей.

И в завершение крайне важная деталь – широкий поясной ремень с увесистой металлической пряжкой, она же бляха, которая могла применяться всячески и всевозможно, то как шанцевый инструмент, то как оружие большой убойной силы в драке типа кистеня на запястье. Ремень не предназначался для поддержания штанов солдата, а исключительно для препоясывания курточки или шинели, а в парадке он неприметно присутствовал под кителем, на всякий.

Так, вкратце, одевался военный строитель, он же стройбатовец. Правда мы, весенний призыв 1973 года, на первых порах имели честь донашивать гимнастёрки классического образца Российской и Красной армий (одеваются исключительно через голову, с воротником стойкой, он же «ошейник»), что перешли в наследство и завалялись на складах Советской армии. Позднее, когда мы вдрызг их износили и превратили в крайний раритет, «фазаны» кипятком ссали, чтобы найти себе такую же, каких уже не встретишь ни на ком.

Сравнительный анализ представленных компонентов обмундирования свидетельствует, что самым идиотическим предметом является фуражка с твёрдым козырьком, ни в которой, ни на которой спать не удаётся, и которую на уши не натянешь…)

Вход в казармы, как и выход, производился через пристроенный снаружи—посередине длинной стороны—тамбур. Эта узкая прихожая (3 х 3 м) вымощена крупными плитками цвета влажного пепла. Соразмерный ей потолок не кобенясь позволяет потрогать свою фанеру. Две стены до пояса сменяются стеклом в переплёте из брусьев, две другие – двери, одна напротив другой.

Перед входной дверью, прямоугольник параллельно приваренных прутьев арматуры покрывает мелкую зацементированную яму – есть куда свалиться грязи с оскрёбываемых о прутья сапог.

Снаружи, рядом с тамбуром и такого же размера, беседка без стен, но с бортиками метрового роста. Четыре стойки по углам поддерживают шатровую крышу, вдоль трёх дощатых бортиков – лавка из трёх брусьев. В центре бетонной стяжки пола снова ямка, на этот раз круглая и без решётки, чтобы военнослужащие бросали в неё свои окурки, а дневальный солдат выгребал бы, в дальнейшем.

Вправо от беседки, трёхметровая труба в горизонтальной позитуре на ножках приемлемой высоты позволяет нескольким солдатам одновременно поставить на предоставленную опору ту или иную из своих ног и начистить сапоги.

Ничего не забыл? Ах, да! Трава по обе стороны от асфальтной дорожки вокруг барака. Когда сержантам становится слишком жарко муштровать нас на плацу под палящим солнцем в окружении ворот, столовой и сортира или устанут втолковывать нам дух и букву брошюрки Устава Внутренней Службы Вооружённых Сил Советского Союза, они нас распускают с приказом искоренять амброзию.

В детстве, при поддержке титана за спиной, я точно знал, что амброзия это тонизирующий напиток на пирах вечно юных бессмертных богов Олимпа, но ни сном, ни духом не подозревал, что она же жуть какая опасная трава. Нам показали листки с нашлёпками чёрно-белых картинок вроде как на вокзалах, найти-и-обезвредить-преступника, и с призывами не щадить распространителя опасной сенной лихорадки.

Одна из немногих команд, которой мы рады, потому что сержанты исчезают на часок, а мы валяемся в траве и можем не спеша знакомиться...

Из Конотопа я один, а остальные призывались из других городов—Бурыни, Шостки, Кролевца—общей всем Сумской области.

И вообще, весь весенний призыв в ВСО-11 с Украины. Днепропетровских привезли раньше нас. Они уже закончили «учебку» и распределены по ротам батальона. Пользуясь отсутствием сержантов, пара днепропетровских пробрались в беседку выудить бычки покрупнее из круглой ямы, куда мы побросали их под команду «строица!»

Никто толком не знал за что так взъелись на двуличную Амброзию, которой вокруг днём с огнём нет и близко, но лежачие разговоры помогали отвлечься от накинутой нам вечности длиной в два года...

~ ~ ~

Новонадёванное обмундирование таило подводные камни при исполнении команд «атбоой!» и «падйоом!» – пуговицы то не лезли, то застревали в петлях. По совету опытного сослуживца, Вити Стреляного из Шостки, за завтраком в столовой сквозь петли в ширинке и на манжетах я пропустил черенок алюминиевой ложки. Скрипя, тот всё ж пролез, и после этого скрипучего ключа пуговицы начали влетать с присвистом и выскакивать в темпе твиста. А и откуда только люди черпают столько знаний?.

Непосредственной целью нашей бесконечной строевой подготовки на плацу был показ бравой маршировки в день предстоящей присяги. Печатать шаг обучались три взвода, а строевая песня одна на всех, её так часто крутили на Всесоюзной радиостанции Маяк, что весь Советский Союз был неизбежно обречён её запомнить, и не важно откуда тебя загребли – из Конотопа или Владивостока:

"Через две,

Через две зимы,
Через две,
Через две весны,
Отслужу,
Отслужу как надо
И вернусь..."

Когда первый взвод, по команде «стой! раз-два!» прекращал бить плац подошвами и голосить её хрипло-фальшивым хором, на тот же плац вышлёпывал второй взвод и запевал её сначала и бодренькая песня становилась нестерпимо длинной. В конце концов, они затыкались и тут притопывали мы, третий взвод, орать про третью пару зим и вёсен, что ощущалось как вообще кричащий перебор.

Новобранцы хмыкали, сержанты первого и второго взводов смеялись в открытую, а наш заметно нервничал… Когда я сказал ему, что могу приготовить другую песню для нас, только надо ручку с бумагой, он как-то не сразу понял о чём речь, но затем отпустил меня с плаца для умственного труда во благо взвода.

За писчебумажными принадлежностями, по инструкции сержанта, я обратился к дневальному, что стоял на входе охраняя тумбочку, в которой и впрямь нашлась бумага и ручка…

В какой бы ни зашёл барак, первым делом видишь солдата стоящего на пару с тумбочкой. Этот солдат – дневальный, а тумбочка – его пост. Со своего поста он должен отдавать команду «рота! смирна!» всякий раз, когда в казарму заходит какой-нибудь офицер.

Два рядовых дневалят целые сутки, сменяя друг друга возле тумбочки каждые четыре часа, а перед кормёжкой роты один из них (который не на часах) идёт в столовую накрывать, под присмотром дежурного сержанта, столы ха́вкой для сослуживцев. Эти трое (дежурный по роте сержант и пара рядовых дневальных) называются «наряд» и по утрам, до завтрака, сменяют предыдущий наряд, чтобы их через 24 часа сменил следующий.

Пройдя в конец барака, я свернул в комнату, которую лейтенант на должности заместителя командира роты по политической части, он же замполит, называет Ленинской комнатой, поскольку стены обиты не простой фанерой, а прессованной и там висит жёлто-коричневая иконка с профилем Вождя Революции в стиле минимализма, чья лысина и клинышек бородки заставят тебя сразу же опознать Его в любых стилизованных мазках и с признаками любой расовой принадлежности.

Однако в солдатском обиходе она именуется «бытовкой», потому что имеет розетки в стене для утюга или электробритвы, стол и настенное зеркало достаточно широкое, чтобы одновременного отразить две-три намыленные для бритья военно-строительные рожи.

Мелодия проблем не представляла, все и без Маяка знали вечно популярный хит:

"Маруся, раз-два-три,
Калина, чорнявая дівчина
В саду ягоди брала..."

Но не каждому известно, что изначально эта песня была обращением к хлопцам, чтобы распрягали уже, в конце концов, коней и, следовательно, ей не привыкать к переделкам:

"Мы громче всех споём,
И строевым лучше всех пройдём,
Во-о-т идёт
Наш третий взвод!."

Сидя над листком бумаги, я вертел в пальцах ручку, подбирал в уме слова, подгонял их так и эдак. И постепенно Ленинская бытовка вокруг меня и запах ацетона от моей необношенной формы, и щипучая боль в правой ступне растёртой до крови безжалостным сапогом – растворялись. Я ушёл в самоволку из армии.

Да, мы разучили её и спели очень даже браво…

~ ~ ~

В конце дня выдалась минута покурить в беседке и вокруг неё. Старшина четвёртой роты, мужик лет под сорок с круглым добродушным лицом и тугим пузом, проходил мимо. Он остановился спросить откуда мы призывались. Наверное, просто хотел скоротать полчаса до отъезда – в пять часов всех старшин, прапорщиков и прочих командиров, и две пары женщин из бухгалтерии при штабе части отвозили в Ставрополь. На ночь в отряде из офицеров оставался лишь дежурный по части.

Один из нас, по имени Ваня, видя гуманное расположение человека в годах и погонах, спросил с подхалимской улыбочкой: —«Товарищ старшина, а меня могут комиссовать за это?» Набычившись, он упёр указательный палец в широкий шрам на темени, что проступал в щетине обритых волос.

– Умник ёбаный, нашёл чем от армии закосить? – ответил старшина. – А хуй ты угадал! – Широкая и толстая ладонь благодушно хлопнула Ваню промеж лопаток.

От звучного шлепка Ваня прогнулся в обратную сторону и болезненно скривил рот: —«Ой!»

Солдаты с готовностью засмеялись шутке старшего по званию…

А что касается тактических занятий, те мне даже понравились. Все три взвода «учебки» построились в одну колонну и помаршировали из расположения части в поле рядом со свинарником ВСО-11. Сержанты объяснили, что «вспышка» означает взрыв атомной бомбы и нужно залечь, головой в направлении вспышки. Прозвучала команда «бегом марш!» и, когда вся колонна перешла на несуразную рысь, один из сержантов проорал: —«Вспышка справа!». С оживлёнными восклицаниями и вскриками, мы вразнобой повалились на траву. Учения повторилось несколько раз.

(…вечность спустя, когда мы уже сами стали «дедами» и ребята моего призыва вспоминали те «вспышка слева!», «вспышка справа!», как мытарство и измывательство над невинными «молодыми», я их не понимал… И до сих пор не понимаю. Бегать по летнему полю, кувыркаться в зелёной траве, когда есть на то охота и силы – это ж в кайф!

"Как молоды мы были!
Как молоды мы были!."…)

После неустанной, интенсивной учёбы сопряжённой с отдачей всех физических, моральных и умственных сил на протяжении незабвенных четырёх дней, мы приняли Воинскую Присягу (хоть до сих пор не знаю у кого, но министерству обороны виднее) и стали военнослужащими Вооружённых Сил Союза Советских Социалистических Республик.

Нет, мы не стискивали никакого автоматического, ни даже холодного оружия, традиционно украшающего этот торжественный ритуал в Советской армии. Мы просто по очереди выходили из строя в затоптанной траве, чтобы приблизиться к столу на дорожке чёрного хрупкого асфальта, поднять с него листок с текстом Воинской Присяги, прочесть вслух и положить обратно, и поставить подпись в другом листке (лейтенант покажет где именно), вернуться в строй, сделать оборот «крууугом!» (нет, без команды, чтоб никого не сбить с темпа) и встать лицом к длинной стене барака из силикатного белого кирпича в кладке «на ребро».

Позади стола, лицом к нам, спиной к стене, стояли два офицера. Если кто-то по ходу приёма Военной Присяги не вполне справлялся с печатным текстом, особо и не придирались, лишь бы добубнил и поставил свою закорючку где скажут. В завершение торжества, лейтенант спросил нет ли у кого из присутствующих медицинского образования. Спустя несколько секунд сдержанного недопонимания и замешательства в рядах, молодой солдат сделал шаг вперёд и доложил, что помогал фельдшеру в медпункте своего села. Его

отделили для прохождения службы в четвёртой роте, как и трёх профессиональных водителей из нашего призыва.

(…о, сколько раз в последующие два года я крыл себя наираспромногоэтажным матом, что на вопрос старлея не сделал шаг вперёд и не доложил о трёх годах упорной подготовки для поступления в медицинский вуз на отделение нейрохирургии!.)

Затем нам объявили кому где служить. Я попал в первую роту, роту каменщиков. Штукатуры служили во второй и третьей ротах. Четвёртая рота была для водителей и ещё всякого прочего.

Нас развели по баракам нашей принадлежности и передали командирам наших «молодых» взводов, которые указали свободные койки в кубриках пустой и тихой казармы, потому что в такое время дня личный состав роты работает на строительных объектах в городе…

Во всей живой природе вряд ли найдутся звуки гадостнее, чем тысячекратно проклятая команда «рота! падйом!»

(…забегая вперёд, я должен покаяться – будучи дневальным и выждав, когда стрелки в большом остеклённом квадрате часов над тумбочкой образуют идеально вертикальную прямую, я делал глубокий вдох и вопил самым мерзопакостнейшим голосом, на какой только способен:

– Рёть-ааа падь-оооом!

Око за око. Ухо за изнасилованное ухо…)

После первой ночи в казарме первой роты, из всех моих личных принадлежностей в тумбочке кубрика где я спал, осталась лишь наполовину початая пачка лезвий «Нева», ценою 25 коп. когда нетронутая. Пропажа зубной щётки с пастой и станка безопасной бритвы не ввергли меня в такую депрессию, как пропажа 30 коп. из кармана штанов ночевавших на табурете в центральном проходе,

копеек мне хватило бы на две пачки Примы… Вспомнились днепропетровские, что стреляли бычки в беседочной яме «учебки»…

Старательно и плотно укутав матрас моей постели одеялом (иначе дежурный сержант сдёрнет нахер и потребует перезастелить), я охомутал шею армейским вафельным полотенцем, как и все вокруг, и покинул казарму в общем потоке цвета хаки в направлении сортира.

Над каждым из десяти очок кто-то тужился в глубоком приседе, перед стоящей над ним очередью в составе из двух-трёх ожидающих, и даже к жёлобу мочестока длиною во всю стену не сразу получалось протолпиться. С теснотой мешался шум струй, пердежа и обмена новостями за минувший день.

– Так он чё? готовый был?

– Сам знайиш.

– Поймали?

– А хуй его знает. Ищут.

– Поймают.

– Сам знайиш.

У корыта умывальника перетиралась та же новость, но уже с подробностями.

К восьми часам, дежурные сержанты повыгоняли «молодых» и «черпаков» из своих рот на плац, провели общую зарядку, сводили на завтрак и снова построили личный состав неплотными рядами, в пять шеренг, на плацу, кроме «дедов», которые на всю эту хуйню забили уже по полной и казармы покидали только в столовую.

Без малого восемь, «козёл» командира батальона и маленький автобус с офицерами и бухгалтершами затормозили у ворот. Командир батальона, он же Комбат, его заместитель по политической части, он же Замполит, и начальник штаба, он ж Начштаба, вышли на край плаца, посередине, возле правого угла столовой. Прибывшие офицеры возглавили ряды соответствующих рот, бухгалтерши обогнули угол третьей роты в направлении

казармы четвёртой роты – половина того барака отведена под штаб ВСО-11, просто вход с обратной стороны.

Утренний развод начат. Дежурный по части—локоть правой руки поднят на высоту плеча, плотно стиснутые пальцы выпрямленной кисти той же руки на три сантиметра не дотягиваются до козырька фуражки—докладывает старшему в троице старших офицеров, что период его дежурства в Военно-строительном Отряде № 11 обошёлся без происшествий и нарушений воинской дисциплины. Начштаба приказывает «два шага вперёд!» и «кругом!» двум солдатам третьей роты. Они оказываются лицом к построению. Вчера эти двое нарушали воинскую дисциплину на строительных объектах в городе. Майор объявляет меру наказания – десять дней ареста на гауптвахте, каждому.

Седовласый Комбат, ворочая из стороны в сторону роговой оправой очковых стёкол, толкает обличительную речь. Этот жемчуг ораторского искусства, как и прочие его шедевры, за пределами какого-либо постижения из-за хронической течи в мозгах, что позволяет ему доспотыкаться не далее как до середины текущего предложения, а оттуда перескочить на следующее, тоже до половины, оставил бы в полном неведении любого дешифратора – эт чё было: сложноподчинённые без главных членов вообще или апокриф зачина Слова о полку Игореве?

По асфальту дорожки за спиной Комбата, надвигается Отдельная рота хавать свою ха́вку в столовой. Им этот утренний развод вообще похуй, они – отдельная рота и напрямую подчиняются более высокому командованию. Они – сантехники.

Наконец, Замполит оповещает Комбата, что ну хватит уже. Комбат выдаёт пару бессвязно-заключительных «эби-о-бля» и утихает. Дежурный офицер сдаёт дежурство другому офицеру на следующие 24 часа.

Нарушители воинской дисциплины сдают свои поясные ремни новому помощнику дежурного по части и бредут в направлении

проходной КПП, где их запрут «на губу», в каморке с обитой жестью дверью без единого окошка, но с нарами для лежания.

Начштаба приказывает остальным военнослужащим «напраа-ВУ!» и шагом марш на свои рабочие места. Мы выходим за ворота, где нас уже ждут грузовики. Комбат встрепенулся – обрывок какого-то предложения, который выскользнул, когда он был ещё не уже, плюхнулся назад в подполковничьи извилины: —«Так, этта… эби-о-бля!.»

А вот ху́я тебе, мудозвон! Развод кончился! Мы уже грузимся в грузовики – прыжок ногой в покрышку, руки ухватываются за борт, перемахнул поверх и – проскакивай дальше, чтоб следующий попрыгунчик не втаранился тебе в спину. Поехали!

Ворота остались позади, слева бегут прогоны белой стены между белыми столбиками кладки. Ничего, что сидеть не на чем – мы держимся за борта и друг за друга, мы в город едем!.

Вообще-то, это оказалось окраиной и возле строительного объекта куда нас привезли, всё ещё угадывались останки бывшей лесополосы. Строительным объектом оказался девятиэтажный жилой дом из двух подъездов-секций, кладка стен которого (белым силикатным кирпичом) доросла уже до половины спроектированной высоты.

Командир нашего отделения-бригады отдаёт приказ расставить поддоны вокруг белой кучи силикатного кирпича насыпанной самосвалами и укладывать его на них.

Каждый поддон это просто четыре обрезка толстой доски, метр двадцать в длину, прибитые к двум поперечным брусьям, 90 см x 6 см x 6 см, и те становятся ножками поддона за десять см от его краёв, позволяя завести под него стальные стропы башенного крана. Но сначала поддон нужно нагрузить. Груз из двенадцати рядов кирпича (около 300 штук, всех вместе) превратится в, примерно, один кубический метр кладки, но на поддон кирпич нужно укладывать вперевязку, перекрывая расселины одного ряда

кирпичами следующего, чтоб груз этот не сыпанул вниз, когда кран возносит поддон каменщикам на стенах.

В общем, дело нехитрое, но мелкая силикатная пыль въедается в кожу рук, подушечки пальцев, которыми мы выдёргиваем кирпичи из кучи, стёрлись прежде, чем закончилась укладка первого поддона, они начинают щемить, а защитных рукавиц нам как-то не выдали… Гриша Дорфман, с видом унылого хироманта, изучает линии судьбы на своих ладонях… Зачем-то сразу в двух… Или выискивает разночтения?.

К тому же, белая силикатная пыль облепляет форму, а потом заморишься её оттуда вытряхнуть, но спецовки нам как-то даже и не предлагали…

Покинув шоссе на развилке за городом, грузовик несётся мимо группы строений производственного типа в стороне от правой обочины, наша бригада-отделение взрывается диким криком-свистом. Ребята машут пилотками промузлу типа футбольных фанатов, чья команда выбегает на поле.

Витя Стреляный неохотно поясняет, что это не промузел, а Зона. Так бы и говорил – корпоративный дух тех, кто срок мотал и пайку хавал.

(…30 % военнослужащих строительных батальонов составляли граждане, которые до призыва в ряды Советской армии отбыли тот или иной срок тюремного заключения за преступления умеренной тяжести.

Остальные 70 % оказались не годными для строевой службы из-за слишком отсутствующего образовательного уровня, по состоянию здоровья или же, подобно мне, неудачно косили от армии.

При случайных просветлениях рассудка посреди его хронического маразматизма, Комбат ВСО-11 порой выдавал неоспоримые истины: —«Сброд калек и зэков, эби-о-бля, мать вашу!»…)

С работы нас привезли уже в сумерках. Вечернюю проверку после ужина проводил командир первой роты, капитан Писак. Рота построилась в две шеренги вдоль проходов по обе стороны от тумбочки на входе в казарму, «молодые»—таков закон—в первом ряду.

Стоя лицом к строю, Писак читал фамилии, не подымая головы от списка, но вслушиваясь в ответные:

– Я!

– Я!

– Я!

Смотреть ему было незачем, он на слух распознавал каждого «я», а по окраске тембра голоса определял текущее состояние воина.

Когда перекличка дошла до «молодых», Писак подходил и становился напротив каждого из новых «я!», чтобы пару секунд в молчании ощупать твоё лицо немигающим взглядом из-под чёрного козырька фуражки, затем выкликал следующего. И – всё, его фотографическая память зафиксировала тебя на два года вперёд и спустя месяц, вместо: —«Как фамилия, рядовой?», он скажет: —«Рядовой Огольцов!»

– Слушаю, товарищ капитан!

– Блатуешь, Огольцов?

– Никак нет, товарищ капитан!

– А бляха почему на яйцах?. Сержант Баточкин!

– Слушаю, товарищ капитан!

– Рядовому Огольцову пять нарядов вне очереди.

– Слушаюсь, товарищ капитан!

Ну да, когда мы подходили к строящейся девятиэтажке, я послабил ремень на гимнастёрке, совсем немного, откуда я мог знать, что он вывернет из-за деревьев лесополосы. И начал прокручивать застёгнутый на мне ремень, за каждый оборот бляхи на 360° – один наряд.

В тот день я во всю старался выслужиться перед сержантом, который послал меня ровнять лопатой грунт под прокладку

бордюров. Как я хуярил! Метров двести, не меньше, в надежде, что за моё усердие сержант похерит наряды.

"Два солдата из стройбата
Заменяют экскаватор..."

Пара прохожих по близлежащему тротуару, под впечатлением от моего рвения, подошли с предложением распить бутылку вина, которую они несли мимо.

– Нет, спасибо! Я не могу.

На вечерней проверке, сержант поманил меня пальцем – «на полы!»

"На полы» значит – когда все улягутся на свои койки, подметёшь центральный проход и проходы между кубриков, принесёшь воды от умывального корыта рядом с сортиром и промоешь всю шестидесятисемиметровую казарму с её кубриками, бытовкой и тамбуром впридачу.

Делай это в два приёма. Шаг первый: мокрой как хлющ тряпкой, промой каждый ёбаный сантиметр линолеума на полу. Шаг второй: прополощи тряпку, выжми насухо и повтори Шаг первый. И чем чаще меняешь воду в мытье полов, тем лучше, чтоб из-за мутных разводов по линолеуму не нарваться на приказ дежурного сержанта перемыть заново.

Потом пойди и доложи сержанту, что наряд исполнен и ждёт проверки. И если он примет с первого раза, можешь делать запоздалый отбой и радоваться, что сегодня вечером тебя не послали «на полы» в столовую, откуда такие же «нарядчики» как ты ещё не возвращались. Разденешься, ляжешь и в тот миг, когда голова твоя коснётся подушки, услышишь:

– Рётьааа падьоооом!

~ ~ ~

– Ванька́ в психушку увезли.

– Какого Ванька́?
– А, сам знайиш – шрам на темени.
– За что?
– Утром не стал обуваться, грит, в сапоги мыши влезли.
– Косит или заёб зашёл в голову?
– Да, хуй его знает, там разберутся.

Первый выходной у нас случился в августе. До того дня с полдевятого и до темна пахали на объектах. И вдруг—ни с того, ни с сего—целое воскресенье в расположении части. «Молодые» постирали свою пропылённую вонючую хэбэ́ форму. Развесили стирку по белой кирпичной стене вдоль пустынной дороги и бродили между бараков в чёрных трусах, белых майках и чёрных кирзовых сапогах, как те спортивные Фрицы с автоматическими шмайсерами в кино *Один Шанс из Тысячи*.

За период до первого выходного, наша бригада-отделение забросила привычку салютовать свистом-криками придорожной Зоне у развилки с шоссе. А по утрам с безоблачной погодой, на пути в сортир, мы перестали замирать уставясь на невиданную диковину – снега далёкой вершины Эльбруса, зависшие в небе над свинарником. Рядовой Алимонов, он же Алимоша, научил меня докуривать стрельнутый у товарищей бычок Примы, покуда не останется миллиметра три бумаги от обреза сигареты.

А один раз у нас даже была получка. Старшина первой роты, седой мужик под пятьдесят, под крепким градусом, вызывал нас, по одному в свою комнату-каптёрку и выдавал по рублю с мелочью каждому, а остальное натурой – кусок белой тряпки на подворотнички, пару баночек сапожной ваксы и катушку белых ниток для пришивания подворотничка, когда его простирнёшь. Но в его ведомости мы расписывались за 3 рубля 80 копеек, конечно, потому что каждому известно, кого ни спроси – зарплата рядового Советской армии составляет 3 руб. 80 коп. в месяц, это такая же аксиома, как про впадание Волги в Каспийское море.

Посреди лета, на вечерней проверке, замполит роты объявил, что моей жене послана справка, по её просьбе, что я прохожу службу в армии.

– А ты не говорил, что женат, Голиков.

– А ты не спрашивал.

(…им-то некогда было в колониях для малолетних преступников…)

Ольга, Конотоп, завод, танцы, всё начало казаться чем-то нереальным, словно сны из другой далёкой жизни. От неё приходили письма – «…а как вечером вижу как девушки со своими парнями идут гулять а только я всё одна и одна то так обидно аж плачу…»

Мать тоже письма писала, сестра-брат прислали по паре штук. Я не знаю что писать в ответ «Здравствуй, получил твоё письмо, за которое большое спасибо…» А дальше? Что дальше писать? «…отслужу, как надо, и – вернусь…»?

Ничего в голову не лезет. И уже даже самой простой мысли подумать не могу, чтобы без матерщины. Как-то слова не связываются. Просто пиздец до чего блядь деградировал на́хуй.

И ведь же – самые близкие люди, роднее некуда, а какая-то во мне отстранённость.

Отстранённость?

Ну, типа той, что я почувствовал, когда уже в глубоких сумерках сидели мы в грузовике под белой стеной незавершённой девятиэтажки и дожидались какого-то «деда» каменщика, который ещё не переоделся. Ещё один «дед», уже в кузове, начал приёбываться к Мише Хмельницкому—от не́хуй делать, просто время скоротать—за то, что тот хохол.

Миша отводил глаза за борт и бормотал, что он не хохол, а просто фамилия такая. Остальные «молодые» угрюмо помалкивали, а «дед»

начал насмехаться – что за паршивый призыв с Украины, что ни одного хохла не привезли!

– Ладно, я – хохол, ну и что?

Только лишь когда эти слова каким-то странным эхом вернулись от массы кирпичной стены белеющей в темноте, мне дошло, что это я сказал. Странно слышать себя со стороны, особенно, когда не ожидаешь, какая-то чувствуется при этом непонятная самоотстранённость. «Дед» заткнулся. И правда – что с того? Или вообще хоть с чего-то?

Позже Миша Хмельницкий открылся мне как бы вроде заступнику, который отманивал угрозу от гнезда, что он тоже женат и добавил интимных подробностей, как ему всегда хотелось поссать жене в пизду после этого, ну для хохмы просто, только никак не выходило.

Я промолчал, но про себя порадовался, что процесс эволюции хомо сапиенса предусмотрел анатомический механизм предотвращающий хуёвые шутки таких вот пизданутых на всю голову ёбарей-хохмачей…

Конечно, мои товарищи по оружию не знали таких терминов как «эволюция» или «сапиенс», зато без запинки могли пересказывать нерифмованные строки какой-нибудь статьи из Уголовного Кодекса СССР.

– А ты по какой ходил?

– Статья шестьсот седьмая, часть вторая, пункт Б, при отягчающих обстоятельствах.

– Чё пиздишь? Такой статьи ващще нету!

– Не пижжу. Ввели недавно. За людоедство.

Как оказалось, татуировка не просто симпатично романтичное украшение, но и изотерические письмена—для посвящённых, которые в курсе—отчёт и летопись: за что осуждён, как высоко поднялся в лагерном Табеле о Рангах носитель данной татуированной кожи. А кто загремел по полной и пожизненный получил, так те у себя на лбу делают наколку «Раб СССР».

Но опять-таки не все одинаковы. Один из моих корешей по службе вернулся с Зоны с аккуратной строкой на предплечье, неброским скромным шрифтом, из трёх слов – «in vino veritas». С такой татуировкой запросто можешь и за доктора философии проконать. Латинист, ебёна вошь….

Но имеются и определённые табу. За татуировку не по чину, попытку прибавить себе авторитета через наколку превышающую воровской статус индивидуума в преступной среде, предусматривается жестокая, зверская расправа, порой вплоть до высшей меры наказания.

И со словом «вафли» тоже надо осторожней обращаться. После той ополовиненной получки от старшины, Алимоша зашёл в магазинчик военторга у ворот и, уставя палец на пачку вафлей, сказал продавщице: —«А дай мне тех печений в клеточку». Но уловка не спасла от замечаний сослуживцев.

– Чё, Алимоша, на вафли потянуло, а?

– Пошёл на́хуй, – огрызнулся Алимоша.

На языке Зоны, имя невинного продукта питания издавна обозначает сперму проглоченную при минете, такая вот игра слов.

(…а как не восхититься, не прийти в умиление и восторг от незатейливо непритязательных—но при всей своей неприхотливой безыскусности, исполненных искромётно поэтичного задора—дуэлей из пересмешливых частушочных двустиший Зонного фольклора?!

" Я ебал тебя на пне,
Вот и справочка при мне!.."

"Я ебал тебя в лесу,
Хочешь справку принесу?.."

"Я ебал тебя в малине
Со всеми справками твоими!.."

И завершающая победная точка:
" Нечем крыть? Нет туза??
На! Вот хуй – протри глаза!."...)

Кроме игры слов, случались и практические подъёбки... После обеда стоим у ворот, дожидаемся грузовика. Саша Хворостюк и Витя Стреляный прошлым вечером обрили головы лезвиями безопасных бритв и выделяются меж нами резким контрастом молочной белизны скальпов лишённых растительности с их кирпично-загорелыми рожами.

– А вот, если мне на темени зарубку сделать, стану я на хуй похожим? – спрашивает меня Витя.

– Не переживай, Витёк, ты и без зарубки один в один.

– Слушай, будь другом, за уши меня возьми – сдрочи, а?

Разве другу откажешь? Стиснув его уши, дёргаю вверх-вниз.

– Тьфу-тьфу-тьфу...

Я сразу как-то не врубился – белая пена слюны мелких плевков окропила грудь моей гимнастёрки.

– Это я кончил, – поясняет он.

Перед КПП тормозит грузовик с группой штукатуров в кузове. Днепропетровские, нашего призыва, заходят в распахнутые ворота. Пятеро «черпаков» выскакивают из двери проходной, чтобы всей кодлой наброситься на здоровенного «молодого», как стая волков на быка.

Но он оказался им не по зубам, отмахался-таки, и свора убирается восвояси сыпя матерными угрозами. Бык подбирает свою сбитую в потасовке пилотку.

«Молодые» из бригады здоровилы и мы придерживаемся политики невмешательства, остаёмся сторонними наблюдателями внутренних разборок третьей роты. Водитель грузовика сигналит нам заскакивать уже в кузов...

~ ~ ~

Кладка стен девятиэтажки велась круглые сутки, с утра при свете дня, а ночью под гирляндой электролампочек подвешенных над рабочим участком стены. Двух солдат нашего призыва перевели в ночную смену – долговязого парня, что работал каменщиком на гражданке, то есть до армии, и меня. Ему выдали мастерок и он тоже ложит кирпичи, а я лопатой квалифицированно подношу раствор из ящика и шлёпаю его на стену. Ночи Ставрополя и летом холодны, так что мы обрядились в затасканные бушлаты и телогрейки, неизвестно после кого и сколько пятилеток переходивших со спины на спину.

В ночном мраке за стеной без гирлянды вырисовывается кабинка недвижимо застывшего башенного крана, а в ней неясное пятно лица кранового. Каменщики, по очереди, уговаривают его поднять наверх чайник питьевой воды, но тому лень спускаться вниз по длинной лесенке внутри башни, чтобы наполнить чайник из крана водопроводной трубы рядом с растворной площадкой, а потом карабкаться обратно.

Наконец, один из каменщиков взбирается на поддон с кирпичами, руки хватают тросы «паука»—связка четырёх стальных тросов с крючками, которыми цепляют груз—ноги становятся на два паучьих крюка, что болтаются тут без дела. Крановой врубает свою махину, под вой и треск электромоторов, кран подымает и разворачивает свою стрелу, с железным лязгом уносит стоящую на крючках фигуру далеко вниз, где одинокая лампочка льёт печальный свет на высокую кучу раствора посреди площадки. (Какая техника безопасности? В королевских войсках всё по понятиям…)

Снизу кран поднял дополнительный поддон кирпича с победным чайником на верхнем ряду. Каменщики приняли поддон на подмости, покричали крановому отвести стрелу прочь.

Один из крючков уплывающего вверх «паука», подцепил «молодого» каменщика за хлястик на спине бушлата, когда тот с мастерком в руке горбатился над кладкой, и поднял вверх. Вознёсся тот не так уж и высоко – на метр, не более, потому что со всех сторон поднялся свист и крики «майна».

Крановой исполнил команду, тем дело и кончилось, но что успел пережить бедолага, пока висел в воздухе, болтая во все стороны ногами, крича: —«Харэ! Харэ!»?

(…наверное, всё произошло случайно, потому что «деды» на линии тоже кричали крановому «майна! вниз!»…)

Потом бригадир каменщиков переходит на дальний угол возводимой секции, становится на край кладки и ссыт вниз, на невидимые в темноте останки лесополосы, арочно выгнутой пунктиро-струёй отражённого света лампочек гирлянды.

"Нету лучшей красоты
Чем поссать с высоты…"

Когда струя иссякла, сержант спрыгнул с угла – присоединиться к шеренге каменщиков и продолжить кладку…

Но не всегда и не всем всё сходит с рук так же браво…

При свете дня, два солдата схватились в шутейном борцовском поединке на стене недовозведённой шахты лифта. Вернее, тот что поздоровее ухватил того, который помельче – у здоровых долбоёбов шутливое настроение чаще в голову заходит. Они оба, не на шутку, сверзились в шахту и страховочный слой досок этажом ниже проломился под ними. Благодаря закону ускорения тел в свободном падении, здоровила достиг дна шахты первым и расплющился всмятку на кусках битого кирпича и прочих строительных обломках.

Солдатик помельче долетел вторым и приземлился на подстилку из тела покойного шутника, отделался множественными переломами. После госпиталя его не комиссовали, так и дослуживал до своего дембеля сторожем на разных строительных объектах, которые возводила рабсила одиннадцатого ВСО…

С интервалом в полтора месяца, на утренних разводах нам зачитывали приказ-циркуляр о летальном исходе в результате

злостного нарушения правил техники безопасности в военно-строительных отрядах Бакинского Округа ПВО, которому подчинялся и наш батальон…

~ ~ ~

Всех «молодых» по началу службы грузят, но наше отделение оказалось самым «молодым» из «молодых». Настолько подло связалась цепь случайных обстоятельств.

Сначала прапорщик, командир нашего взвода, поймал сержанта, командира нашего отделения, с двумя бутылками вина из ближайшего гастронома.

Что такое прапорщик, он же прапор, он же кусок (никто не добавлял чего именно, но все и так знали)? Это – «дед», которому нравится блатовать (ух-ты! «молодые» перед ним трепещут) и которому хватает мозгов осознать, что после дембеля, на гражданке, эта лафа кирдыкнет, там он полный никто.

(…в гражданской жизни другая иерархия…)

Такие вот мотивы подсказывают «деду» остаться на сверхсрочную службу в армии. Четыре месяца отшугают его в школе прапорщиков и – вот он является в ту же часть, где служил срочную с маленькой звёздочкой в погоне без просветов. Ходит в парадке каждый день, шугает солдатиков и за это своё хобби получает сто двадцать рублей в месяц. Как не порадоваться за человека, что нашёл своё место в жизни?

Так что, по случаю удачной охоты, бойцы нашего отделения созваны и собраны из разных мест, где каждый выполнял свою боевую задачу – кто-то клал перегородки, ещё кто-то траншею рыл, совсем третий кто-то укладывал кирпичи на поддон, пока не поступил приказ построиться рядом с грудой щебня у входа во вторую, всё ещё незавершённую секцию.

Сержант наш стоит перед строем без поясного ремня—явный признак арестанта—и в одной шеренге с его сапогами две бутылки ёмкостью 0.5 л с идентичными наклейками цвета бордо. Белобрысый прапор в парадной рубашке с коротким рукавом (лето ж ведь) занимает позицию по левому флангу нашего запылённо-загрязнённо-заляпанного построения.

Короче, этот молокосос, который даже и не «дед» уже, надумал закатить воспитательно-показательную ораторию. Типа, вот этот предатель нашей великой социалистической Родины изменнически бросил своих товарищей по оружию и дезертировал в гастроном, но бдительный кусок поймал его с поличным...

А как всю эту херню выдал, стоит, носом шмыгает, а дальше что – не знает. Но, по-видимому, в школе прапорщиков смотрел какой-то телесериал про жизнь военных курсантов, где кому-то там посылку из дому прислали, а он её втихаря хавал, с корешами не делился. Но в следующей серии его застукали и замполит училища заставляет его схавать плитку шоколада перед лицом его товарищей в строю. И тот жмот, понурив голову, сгорает от стыда и просит общего прощения. Смотрите следующую серию завтра, после программы Время...

Ну и теперь этот Песталоцци, с одной занюханной звёздочкой в погоне, начал перед нами звезду сериала из себя корчить, теле-замполита изображать: —«Так ты товарищей своих на вино променял?! Ну-ну... Так пей же его!»– Только он не учёл, что в реальной жизни совсем другое кино, не похожее на ЦТ херню...

Вместо того, чтобы понурить голову, сержант её задрал и забулькал из бутылки с горлá, исполняя приказ. Прапорщик застыл на месте, шеренга зрителей изголодало гоняли кадыки—всухую, но синхронно с глотками сержанта—и тот засадил её безотрывно. Вторую, правда, не успел – прапор очнулся, рванул, как спринтер, и ахнул её о кучу гравия.

Сержанта отвезли в часть и заперли «на губу» в проходной. Назавтра его разжаловали в рядовые на утреннем разводе и он

вернулся простым каменщиком в бригаду, где и работал пока наш призыв не привезли в одиннадцатый ВСО. А как же иначе? Чтоб он десять суток бока на «губе» отлёживал и хлеб ел даром? Не выйдет! У нас пятилетний план, Партия и Правительство всесторонне его вынашивали, потому что даже и без пояснительной наколки на лбу все мы – рабы СССР…

Нашему отделению назначили нового командира, а тот всего лишь «черпак», по фамилии Простомоло́тов. «Зовите меня просто… Мо́лотов».

Интеллектуал, блядь, очки носит, Молотова знает. Но он же всего-навсего «черпак»! И хотя ему вскоре кинули лычку ефрейтора, «деды» им помыкали, как хотели, а он и пикнуть не смел, чтобы хотя бы иногда грузили другое отделение «молодых», для разнообразия. При таком раскладе, после трудового дня, вместо отбоя, наше отделение получало наряд на кухню и мы чистили картофель, чтобы завтра всему личному составу плюс Отдельной роте было что хавать, несмотря на облом картофелечистки… Всю ночь напролёт, до пяти утра. Последний мешок вынесли, конечно, по частям на мусорку, вёдер шесть, а сверху очистками присыпа́ли, чтобы дежурный по кухне не врубился. Ну а в шесть – «рёть-аа падйоом!», утренний развод и марш, сука, на работу!.

Или же, привозят вечером с работы, прямиком в столовую – хавайте быстрее, грузовик ждёт! И отвозят назад, на девятиэтажный, потому что самосвалы возят туда алебастр с железнодорожной станции и если задождит, то накроется целый вагон ценного строительного материала. И, стоя по колено в сыпучем алебастре, загоняем его лопатами в подвал первой секции через проём в блоках фундамента под торцевой стеной, а как только один холм перелопатим, подъезжает следующий Камаз со своими 13-ю тоннами груза, а потом следующий, и следующий, и… очень эффективный способ практически усвоить, что вместимость железнодорожного вагона 68 тонн… А внутри подвала этот же алебастр надо перегнать в соседний отсек, иначе всё не влезет.

(…ни один фильм ужасов не в силах передать тот лилово-синюшный оттенок в лице Васи из Бурыни. Когда тот уснул на дюне белого алебастра под тусклым светом подвальной лампочки…)

Короче, Простой-Молотов, права армейская мудрость – «Лучше иметь дочь проститутку, чем сына ефрейтора».

Приехал папа Гриши Дорфмана, с кем-то там переговорил в штабном бараке, а как уехал, Гришу перевели в четвёртую роту, дали должность портного. Скоро Гриша уже щеголяет в «пэшá», а в казарме и не ночует даже, ведь у него швейная мастерская в том же здании, где кочегарка.

«Пэшá» значит обмундирование из полушерстяной ткани, материал поплотнее хэбэ́, цвета тёмной болотной тины – одного из оттенков хаки. «Пэшá» отличительный знак аристократов срочной службы, таких как водитель Комбатовского «козла» или киномеханик Клуба, который заодно и почтальон. Хорошо иметь папу, который умеет вести переговоры…

А Ваню, с его мышками в сапогах, всё-таки комиссовали. Сержант, который сопровождал его на родину из психушки, рассказывал потом, что в Ставрополе на вокзале Ваня бросил свою сетку-авоську с газетным свёртком на пол в зале ожидания. Орать начал: —«Тикáйтэ! Там бомба! Она ти́кает!» Люди шарахнулись на выход, а хуй его знает – солдатик в форме тревогу объявил!

А уже когда сержант привёз Ваню к нему на хату и отправлялся в обратный путь, доставленный ему вполне ровным тоном, объяснил на прощанье: —«Учись, «фазан», как умные люди в армии служат!»

Вот, в общих чертах, из-за всего этого, в тот первый выходной в августе, в попытке уединится от пляжной толпы в кирзовых сапогах, я обогнул угол Клуба и сквозь решётку в окне возле крыльца с запертой дверью кинобудки услыхал звук акустической гитары. Гитара…

Я стоял и слушал, хотя слушать особо так было нечего – кто-то неуклюже пытался сыграть аккорды «Шыз-гары», но с ритмом не ладилось – он шпилил балалаечным боем. Не в силах вынести, я вернулся ко входу в Клуб.

В конце зала, по обе стороны от бойниц кинобудки – две двери; одна из них настежь, звук гитары доносится оттуда. Под окном с решёткой, стоит твёрдая больничная кушетка, на ней солдат в щетине сливающейся с космами волос, что мягко дыбятся из распахнутой чёрной спецовки, расшлёпанная пилотка на голове, на ногах – шлёпанцы покрытые прядями из-под чёрных штанин, а в лапах у него гитара. Ещё один солдат, тоже в шлёпанцах, сидит на стуле уткнутом спинкой в стену напротив.

– Чё на́хуй нада?

– Это вы тут Шокин Блу сыграть хотите. Могу показать.

Они переглянулись: —«Ну, покажи».

(…«красота спасёт мир…» Ну, это ещё бабушка надвое сказала. Уж больно расплывчатая это штука – красота. То ли дело музыка. Она осязаема, может творить конкретные чудеса, наводить мосты, отбрасывать лишнее.

Вместо «фазана» Замешкевича, «черпака» Рассолова, «салаги» Огольцова остаются просто три парня, которые передают гитару из рук в руки…)

Пару дней спустя, «молодой» из Днепропетровска, Саша Рудько, постучал в обитую жестью дверь пальцами изъеденными известковым раствором – «грязью» для штукатурки. Музыкант Александр Рудько, который в своей гражданской жизни работал бас-гитаристом в областной филармонии.

Так в одиннадцатом военно-строительном отряде началось создание ВИА «Орион» на аппаратуре и инструментах сохранившихся после предыдущих призывов.

Ребята ходили в штабной барак, говорили с Замполитом ВСО-11. Александра назначили завклубом части. Но он так и не завёл себе форму из «пэша́», он спал в казарме второй роты и стоял там на вечерних проверках… Он умел читать ноты, играл на всём, что только подвернётся. Он научил нас делать распевку «ми-мэ-ма-мо-му» и моргал, болезненно и немо, на мою лажу в пении… Его большой нос постоянно припухал от насморка, и он картавил. Но он был Музыкант…

А я начал жить двойной жизнью. После рабочего дня и ха́вки в столовой, я сворачивал налево – в Клуб, до вечерней проверки…

– Разрешите встать в строй, товарищ старшина!

– А ты чё опаздываешь, Огольцов?

– Был в Клубе.

– И чем это вы, клубники, там занимаетесь?

В строю раздаются подхалимские хиханьки в поддержку намёка.

– Мы занимаемся там сольфеджио, товарищ старшина.

Лицо командира тупо застывает, он таких слов отродясь не слыхивал. Хаханьки в строю усиливаются, но уже в обратном направлении

– Замполит батальона в курсе, товарищ старшина.

– Встань в строй, суфл… салфа… Ссука!

Ну а в рабочее время я – как все… Нас перебросили на пятиэтажку – её готовят к сдаче. Витя Новиков и Валик Назаренко зазвали меня в пустую квартиру. У них оказалась бутылка вина. Распили её с горла́. Забытый кайф. Всё выветрилось до вечерней проверки, да, и что там было-то на троих?

На вечерней проверке капитан Писак послал дневального в посудомойку за чистой кружкой для теста на употребления алкоголя. Продвигаясь вдоль строя, Писак, выборочно, даёт солдатам кружку – дыхнуть, потом вынюхивает полученную смесь. Двоим уже приказал выйти из строя и сделать поворот кругом.

Когда он протянул кружку мне, я понял, что мне пиздец приснился, даже без проверки. Я выдал сам себя ещё до выдоха тем, что меня

сейчас бросает то в жар, то в холод. За послабленный ремень Писак впаял мне пять нарядов, а теперь мне полный пиздец. Писак нюхнул из кружки, садистски опустил взгляд и сказал: —«Ну, вот, если человек не пил – сразу же видно».

После вечерней проверки, Витя Стреляный с усмешкой поделился: —«Ты был белее стенки».

Как будто я и сам не знаю… Писак, суча́ра, что за кошки—мышки?

~ ~ ~

И снова выходной, аж не верится. Вечером даже кино показали. Польский фильм, *Анатомия Любви* с намёками на эротику. Может, в Польше было больше намёков этих, но пока кино досюда докатилось, покромсали кому не лень, начиная с цензуры и до прыщавых киномехаников, что отчикивают плёнку кусками, где только мелькнут голые титьки. Для близких друзей и личного пользования. Кретины.

На следующее утро, в строю журчащих в жёлоб мочестока, я с печалью встряхнул свой от последних капель и безмолвно сказал ему среди общего гама: —«Такие дела, кореш, быть тебе два года просто сливным краном». И застегнул ширинку.

На объекте мы таскали строительный мусор и излишки грунта из подвала носилками, это называется делать планировку. Все какие-то задумчиво угнетённые, молчаливые. Такими плачевными оказались последствия недорезанного Польского фильма, хотя по виду вроде б не трагедия.

В перекуре, от нечего делать, я начал Алимошу доставать. Он не отзывался или же кратко посылал, а потом подскочил ко мне с кулаками. Пришлось отбиваться как могу, а могу я, прямо скажем, хуёвенько.

Тут в подвал зашёл Простомолотов, крикнул прекратить, и мы опять впряглись в носилки. Я пару ходок сделал, смотрю, боль в правой руке никак не утихает. Видно, совсем неправильно

приложился большим пальцем к Татаро-Монгольской Алимошиной роже…

Наутро вся кисть распухла и после развода помощник фельдшера из медпункта части (тот самый деревенщина из нашего призыва, но уже в «пэша́» обмундировании) повёз меня в ставропольский военный госпиталь. До города на грузовике с какой-то бригадой, а там на автобусе, потому что городской транспорт для солдат бесплатный.

Когда мы в госпиталь приехали, он мне сказал подождать и зашёл в какое-то здание. Вокруг хорошо так, густой сад с деревьями жёлтой алычи, жаль аппетита нет – рука, сука, ноет. Ну сел я на скамейку в тенистой аллее между зданий и заснул.

Открываю глаза, а прямо перед носом круглая такая морда и усы кошачьи. Я аж дёрнулся, хорошо скамейка со спинкой, не дала свалиться. Ещё раз глянул – вижу капитанские погоны у кота на плечах. Ну всё ясно-понятно, увидал, что солдатик дрыхнет спозаранку и взялся обнюхивать на предмет наличия алкоголя в дыхании.

Потом пришёл мой сопровождающий и отвёл в другое здание, чтобы руку проверили. Они мне большой палец крутят, а я в ответ гусиное шипенье издаю, а свободной рукой сам себя по левому боку хлопаю, словно крылом перебитым. За такие симптомы вывели мне диагноз перелома кости, руку перебинтовали, гипсом обмазали и оставили в госпитале. Спасибо, Алимоша!. Но умываться одной левой всё равно неудобно…

Что может быть лучше перелома? Никаких уколов, валяйся себе да жди пока кость срастётся. В столовой квадратные столы на четыре посадочных места и стулья вместо лавок. И ха́вка куда лучше, чем у нас в столовой. Оно и понятно, потому что тут и офицера́ тоже лечатся. Конечно, пациенты все в пижамах, без знаков различия, только офицерские палаты на втором этаже, а для рядового состава в полуподвальном. Какая разница где спать? Тем более отсюда к столовой ближе, она у нас под боком, в конце коридора.

Госпиталь место тихое и не переполненное. В моей палате, кроме меня и Грузина по имени Резó, четыре свободные койки. Чёрные волосы Резó такие длинные, что ему получается зачёсывать их назад. Явный признак «деда». Левую руку он обычно притискивает к своему боку, эта поза вызвана его шефской помощью степному колхозу, куда его послали водителем грузовика.

На полевом стане он начал крутить любовь со стряпухой, а её муж ударил его в спину большим кухонным ножом и теперь стряпуха приходит проведывать пострадавшего в госпитале. Они уходят в запущенный сад и вернувшись оттуда Резó предлагает мне угощаться алычой из кармана его пижамы, но мне не хочется, хотя рука уже не болит…

А соседняя палата полным полна. Там даже есть один из нашего стройбата, тоже «дед», как и Резо, но Русский, а зовут его Санёк. К тому же волосы у него русые и не хватает одной брови, слизнута плоским шрамом. И он тоже водителем был и ушёл в самоволку на своём тракторе, а дальше во что-то там врезался или перевернулся. Ноги ему ампутировали выше колен.

В столовую он не ходит. Ребята оттуда хáвку ему в палату на тумбочку носят, хотя у него есть костыли и пара высоких протезов стоят у стены рядом с койкой. На обложке журнала *Сельская Жизнь* ему понравилась ударница труда из Ставрополья, на фоне её комбайна в колосистом поле, и он начал писать ей письма – «Здравствуйте, незнакомая Валентина…»

Иногда его кореша, водители из нашего стройбата, приходят навестить. После этих встреч за закрытыми дверями он орёт песни и скандалит с медперсоналом. Но ему это сходит с рук, потому что из армии его всё равно комиссуют…

На втором этаже нашлась библиотека типа вроде, потому что обе полки заполнены исключительно переводами китайских романистов о строительстве социализма в китайской деревне. Книги издавались в пятидесятые, ещё до того как Двадцатый Съезд КПСС разоблачил культ личности, а Мао Цзэдун обиделся за своего корефана,

Генералиссимуса Сталина, и в обеих великих державах перестали петь:

"Москва – Пекин,
Навеки дружба..."

А и куда денешься при таких суровых раскладах? Вот и читаешь шедевры соцреализма в лучших традициях центральной газеты Жеминь Жибао...

В соседней палате переполох на весь коридор – комбайнёрка Валентина ответила на письмо Санька личным визитом вживую. Сидит во дворе на скамейке под деревом. Вся такая смуглянка-Молдаванка лет за тридцать, в стиле киноактрис из первых советских цветных кинолент про колхозы в казачьих станицах. Самый красава из пациентов соседней палаты к ней присоседился, токует-толкует, что Санёк сейчас выйдет – у него лечебная процедура вот-вот закончится.

А Санёк, трясётся в истерике сидя на своей койке, пристёгивает протезы. Ему помогают натянуть штаны пижамы поверх них и, сунув два костыля подмышки, он неумело волочит своё тело на выход. Но Валентина – молодец, целых минуты три отсидела на скамейке, когда он, наконец, туда дотащился. Потом всё тот же красава проводил её короткой тропкой к неофициальному выходу через пролом в стене. А Санёк в тот день опять нажрался...

Два дня спустя по той же тропке... смотрю и – не могу врубиться... да не может быть! А кто же ещё, если не Ольга?. Да, точно она!.

Подбежала, мы обнялись, только волосы у неё уже тёмно-рыжие и незнакомые брюки-клёш в больших жёлтых цветах. В тот ж вечер я в тех самых брюках вышел с ней в парк, а к ним в комплект ещё и водолазка в обтяжечку, ну на ней, ясное дело, её мини.

На танцплощадке какие-то местные вязаться начали, видно, те жёлтые розы на моих штанах за живое их зацепили. Но меня два «черпака» из нашей части опознали и подошли... Один в гражданку

одет, на втором «пэша́», не знаю даже из какой роты. Местные врубились, что стройбат гуляет в самоволке, и рассеялись…

У Ольги в жизни – ворох новостей. Она опять уехала в Феодосию, а там в яслях мест нет для младенцев. Ну дождалась когда у председателя горисполкома приёмный день, взяла Леночку и пошла. А тот тоже самое – нету места и всё. Тогда она просто положила Леночку к нему на стол и вышла. Председатель в коридор выскочил и следом бежал аж до лестниц: —«Гражданка! Заберите ребёнка!» Короче, нашлось место.

Сейчас за Леночкой её мама смотрит, чтоб она смогла ко мне поехать, вот только по пути в Ставрополь у неё в поезде деньги вытащили. И моё обручальное кольцо тоже пропало. Но это ещё в Конотопе. Она ж его на пальце носила, хоть и широкое, а когда пелёнки стирала, не заметила как оно в таз соскользнула, так вместе с водой в сливную яму и выплеснула.

На следующий день она одолжила деньги на обратный путь у стряпухи, которая как раз Резо́ проведывала, и ушла по той же тропке через пролом…

Мне сняли гипс и выписали. На бесплатных троллейбусах я проехал на юго-восточную окраину Ставрополя и от кольцевой дороги пошёл под высокими деревьями вдоль трассы на Элисту, к Дёминской развилке. На грунтовой обочине лежали редкие ярко-жёлтые листья, сияло солнце, но чувствовалось, что уже осень. А где же лето?.

На трассе затормозил один из стройбатовских грузовиков, шофёр гражданский крикнул мне из кабины: —«Домой?»

Я сказал, да, домой, и запрыгнул в кузов. Потому что ни с работы, ни из самоволки, мы никогда не возвращались «в казарму», или «в часть». Мы возвращались домой…

~ ~ ~

Дома тоже оказалось не без новостей. За время моего загипсованного отсутствия, отделение пережило дикий разгул

«дедовщины», их выгоняли на плац после отбоя и заставляли ходить по кругу «гусиным шагом», в полуприседе, перед тем как избить. Хуже всех зверствовал Карлуха из второй роты, ему нравилось колоть «молодых» ножом. Не слишком глубоко, но до крови. А сам просто шибздик, на полголовы ниже нормального человеческого роста.

Потом в подвале 50-квартирного он со своим ножом на Сергея Черненко ломанулся, по кличке Серый, из Днепропетровска. Но у Серого наработаны Зонные навыки для подобных разборок и он его вырубил. Карлуха блатовал только на том основании, что он «дед», но те «деды» из его призыва, кто срок мотал и пайку хавал, за него не писанулись на Серого. Так что всё вроде как улеглось, но напряжённость сохраняется.

На волне этой сохранённой напряжённости, ко мне прицепился какой-то «фазан» из нашей роты: —«Ты чё? Блатной?»

При утвердительном ответе на вопрос, излагай потом сколько и по какой статье прокурор требовал для наказания и чем дело кончилось, а для меня статьи уголовного кодекса такой же зарытый свиток, как и формулы органической химии. Скажешь «да» не обоснованное отбытым сроком, становишься самозванцем, по кодексу Зоны, и нарываешься на тяжкие последствия.

Так что я сказал «нет» и он завёл меня в Ленинскую комнату, начал волосы мне стричь «под ноль» ручной машинкой, потому что слишком борзая длина для «молодого». А мне не жалко, за два года снова отрастут. Однако машинка заедала и пару раз дёрнула очень даже больно.

А в комнате был штукатур из третьей роты, который пришёл проведать своих земляков из Армении. Ну он и предложил этому самозваному парикмахеру докончить стрижку вместо него. «Фазан» и сам уже не рад был, что всё это затеял и – отдал ему машинку.

Короче, достригал меня Роберт Закарян, а когда машинка заедала он повторял: —«Извини!»

Я уж и забыл, что такие слова вообще есть…

Позднее, Роберт начал приходить в Клуб и стал вокалистом Ориона. У него было чистейшее Русское произношение, потому что он вырос на Дальнем Севере, где его отец отбывал срок в лагере по статье за диссидентство или вроде того. Когда предка выпустили на «химию» в том же регионе, мать Роберта переехала туда, увозя Роберта и его младшего брата из солнечной Армении.

Потом срок закончился и отец Роберта подал на эмиграцию своей семьи из Советского Союза. Через два года разрешение выдали, но он уже успел умереть.

До отъезда в эмиграцию оставалось какое-то время и Роберт поехал проведать своих Армянских родственников в городе Сочи. Там он познакомился с Русской девушкой по имени Валя и влюбился. Они обменялись адресами и, вернувшись на Север, Роберт объявил, что отказывается покинуть Советский Союз.

Но бумаги были уже все оформлены на семью в полном составе и без него ни мать, ни брата не выпустили бы. Брат пытался донести ситуацию до сознания Роберта ежевечерними дракам на дому, но Роберт отстаивал своё намерение исполнить обещанное своей возлюбленной. Потом мать завела ежедневные плачи и, в результате, они приземлились в Париже, где их встретили родственники, благодаря приглашению которых их вообще выпустили.

В Париже он нашёл работу на строительном объекте. Он не знал языка, у него не было друзей и все его мечты были только о Вале из Тулы…

Год спустя, в составе туристической группы из Франции, Роберт Закарян прибыл в Москву и в первый же вечер, отделившись от своей группы в гостинице, махнул в Тулу. Десять дней он прожил там в доме родителей Вали, прежде чем её мать уговорила его сдаться властям.

Когда он явился в КГБ города Тулы, они там ахуели от радости, потому что их начальство в Москве уже на ушах стояли из-за

пропажи туриста из Парижа. Его отвезли в аэропорт и депортировали во Францию.

В Париже он обратился в Советское посольство с просьбой пусть его обратно в СССР (Back to the USSR! Но Английского он тоже не знал) к его любимой. Он приходил туда каждую неделю и работник посольства, с татуировкой «Толик» на тыльной стороне ладони, качал головой и говорил, что ответа на его заявление нет… Толику потребовался целый год, чтоб, наконец, кивнуть вместо качания и сказать, что получен положительный ответ.

Роберт приехал в Тулу, женился на Вале, у них родилась дочка, и его загребли в наш стройбат. Он любил показывать чёрно-белую фотографию своей семьи – сам он слева, широколицый, черноволосый, с серьёзным взглядом широко расставленных глаз под широкими чёрными бровями положительного семьянина, его жена Валя справа, в белой блузке и русыми кудряшками вокруг круглого лиц, младенчик-дочка между ними в кружевном чепчике…

Так что, хуй ты угадал, Батяня-Комбат! В наших рядах не только калеки и зэки, но даже двойные эмигранты имеются!.

Седьмого ноября Орион дал свой первый концерт на сцене Клуба ВСО-11. На барабане в паре с хэтом стучал и бацал Владимир Карпешин, он же Карпеша. Владимир Рассолов и Роберт Закарян были ведущими вокалистами. Александр Рудько им подпевал, играя на бас-гитаре, на ритм-гитаре молча играл я.

В нашем вокально-инструментальном ансамбле имелся даже трубач, Коля Комиссаренко, он же Комиссар, невысокий черноволосый солдат из Днепропетровска жизнерадостно Еврейской наружности. Играл он очень старательно, но лажáл не меньше, чем я в моём пении. Каждая фальшивая нота трубы явно терзала Рудько, но он терпел стоически. Вероятно, присутствие на сцене трубы щекотало щемящую ностальгию по его филармоническому прошлому. Чтобы как-то пережить сверхджазные заезды, он раз за разом урезáл партию трубы до минимальной краткости…

Для концерта мы переоделись в парадку (трое из нас в одолжённую у кого попало, потому что стройбатовец получает свою парадную форму лишь отслужив один год в рядах Советской армии).

Первым номером концерта стало «Полюшко-Поле» (как бы патриотическая). Рудько мечтал сделать её с раскладкой на четыре голоса, как у Песняров, но из-за ограниченности голосового диапазона вокалистов и ахуенной лажи Комиссаровой трубы (на которую он и сам оторопело пучил свои и без того выпуклые очи, но упорно продолжал дуть не в ту степь, до победного) эту филармоническую херню чуть не освистали.

Зато Роберту Закаряну тепло похлопали за его (как бы лирическая). Он исполнил переделку Французской песни, которая в программе новостей Время на Центральном Телевидении год за годом сопровождала прогноз погоды:

"Я тебя могу простить,
Как птицу в небо отпустить..."

Военнослужащие Кавказских национальностей (главным образом Отдельная рота), с воодушевлением встретили песню «Эмина», в исполнении Владимира Рассолова (как бы восточно-комическая):

"Под чадрой твоей подружки
Не подружка, а твой дед...
Э! Эмина.."

Ну а песня «Дожди» из репертуара Фофика (ВИА Орфеи при ДК КЭМЗ, город Конотоп) подверглась единодушной овации (как бы хит сезона).

Однако в устной рецензии Замполита батальона, он же Заместитель по Политической части Командира ВСО-11, в узком кругу музыкантов после концерта, заключительная песня оказалась нижайшей по рейтингу: —«Рудько! Эти твои ёбаные дожди всем уже настопиздили!»– Он придал голосу слащаво-пидарастический

оттенок в манере начинающих поп-звёзд: —«Дожди… опять дожди… но ты жди… нет, не буду я ждать… и пошёл ты на́хуй…»

Мы не смогли удержаться от смеха. Эту песню Замполит слышал впервые в жизни, но чётко уловил суть лирики массового продукта данного пошиба.

> ***"Я сквозь дожди пройду,***
> ***Ведь я тебя люблю! У-у-у!.."***

~ ~ ~

И снова в нашем отделении произошла смена командного состава. Простомолотова перевели обратно в его отделение, но из ефрейторов не разжаловали, потому что его ни с чем не поймали. Просто прапор на него залупился, командир взвода, что и послужило причиной ротации. Скорее всего, в какой-то момент он не смог скрыть своего интеллектуального превосходства над куском. «Заблатовал», как говорят в стройбате.

Алик Алиев, Азербайджанец в тугих, «фазанисто» ушитых штанах, пришёл вместо него. Это был высокий стройный парень с красивым круглым лицом, где тонкая чистая кожа обтягивала высокие скулы и хорошо развитую челюсть.

Через неделю он получил звание ефрейтора. По такому торжественному случаю, Алик Алиев отдал отделению приказ построиться, хлопнул кулаком правой руки в ладонь левой и объявил, пузырясь от восторга: —«Юбатт буду!»

Однако, он несколько поторопился в своих прогнозах и радостных предвкушениях. Нашлись не менее рослые, но более эмоционально сдержанные рядовые в нашем отделении, которые со спокойной рассудительностью поделились с ефрейтором своими понятиями (и он их понял и принял), что если люди попавшие в стройбат после Зоны не блатуют, то ему, удостоившемуся этой высокой чести всего лишь на основании слабого владения Русским, правильнее будет

проявлять сдержанность и скромность, что многим позволяет выжить в нашем суровом мире борьбы за существование.

Ну а к мне лично у него изначально претензий не имелось. Ещё будучи рядовым, ему случилось стать свидетелем ситуации в Ленинской комнате нашей роты, когда два старослужащих объясняли Простомолотову, на тот момент командиру нашего отделения, постулат о неподлежимости музыкантов ряду положений из Устава внутренней службы…

Так что мы просто делали своё дело—копали, клали, таскали, подымали—а после работы получали отдых в пределах очерченных стройбатовским бытом. Конечно, нам не позволялось улечься поверх одеял на свои койки в кубрике (это привилегия «дедов»), но в центральном проходе казармы имелись табуреты – можно сесть и посидеть, как и в бытовке, потому что сидеть в беседке у входа в барак стало уже слишком холодно…

Потом пришла зима. Нам выдали тёплые шапки и зябкие телогрейки. На ГАЗонах и УАЗах, которыми нас возили на работу, натянули брезентовый верх, а в них установили даже деревянные лавки-доски—от борта до борта—и мы уже не ездили сидя на корточках…

В синих потёмках начинающейся ночи, наше отделение собралось после работы у подножия девятиэтажки, но грузовик за нами запаздывал. Мы даже вышли ему навстречу, по ту сторону останков лесополосы, потом ещё на сотню метров, на тротуар протянувшийся к дальнему кварталу пятиэтажек, пустому от прохожих в такое время. Там и стояли широким кругом, пристукивая замерзающим сапогом о другой… Подначки, смех, пиханье локтем, прихлопы по плечам – обычное оживление в конце обычного рабочего дня перед отъездом к обычной ха́вке в стройбатовской столовой.

Мне наскучило слушать не раз уж слышанные прибаутки, и я пошёл обратно к светящейся точке далёкой лампочки на торцевой стене девятиэтажки.

(…один из способов преодолеть тягучесть времени – топать по доступному пространству…)

Вот я и топал туда оттуда мы пришли, зная что без меня всё равно не уедут, как и без пары «дедов», что всё ещё переодеваются в девятиэтажке… Вскрики, хохоты и гики товарищей приглушались отдалённостью… Я шёл размеренным шагом, думая ни о чём…

(…такие размышления именуются ещё «прекраснодушным томлением», когда не можешь чётко оформить свою мысль, а всё равно – тоска…)

Всё так же медленно вошёл я в останки лесополосы, когда из грустного далёка донёсся приглушённый зов. Что-то позвало меня.

Возвращаясь в сейчас-и-здесь, я неохотно оглянулся к заднему борту грузовика, что вовсю гнал задним. Отпрыгнуть времени не оставалось, хотя ноги мои инстинктивно согнулись ударить о дорогу. Именно этот недовершённый наклон в направлении будущего прыжка и спас – удар дощатого борта, довершая начатое движение, отшвырнул меня под дерево, а не под вертящиеся колёса машины…

– Мы тебе столько кричали, – сказал Витя Стреляный, уже в кузове по пути домой.

Ну не знаю. Я слышал всего один крик, и очень издалека…

Два дня болело правое плечо…

~ ~ ~

В конце декабря наше отделение отвезли на строительство многоквартирного здания. Вернее в начальную фазу строительства этого объекта. Там встретил нас глубокий кратер прямоугольного котлован, пустой—даже ещё без блоков фундамента—рельсы подкранового пути под башней замёрзшего без дела крана. А и, да, ещё вагончик из доски-вагонки, с одной дверью и парой окон по бокам, стоял, снятый с колёс, на снегу.

Перед нами поставили чёткую оперативную задачу—одну на всех —прокопать траншею для монтажа блоков фундамента под боковую стену здания, которая должна пройти на два метра ближе к вагончику. Как бы расширить и без того широкий котлован. Оказывается, при проведении земляных работ как-то не учли, что здание садится на водопровод для целого городского района и, в случае аварии с коррозией труб, многоэтажку ждёт участь ковчега Ноя, которому удельный вес кирпича-бетона не даст всплыть. В общем, пришлось проснуться, почесаться и принять решение о передвижке всего здания ещё до начала строительства.

Однако пока велись расчёты с просчётами и прочие согласования, пришла зима, ударил мороз и никакому экскаватору уже не по зубам угрызть мёрзлый грунт для расширения котлована, вот потому в прорыв бросили нас – спасителей от безысходных случаев и неразрешимых задач…

Полвагончика заполняли новюсенькие—муха не сидела! – штыковые и совковые лопаты. Нам даже выдали неслыханную роскошь – тряпичные рукавицы. Конечно же, грунт был слишком твёрд для любых лопат, хоть с рукавицами, хоть без, тут требовались ломы.

И их привезли, целый самосвал, и со звоном высыпали между вагончиком и котлованом. Тяжёлые, железные, полутораметровые ломы, единственное слабое место в них, что оказались самодельными. На каком-то из местных производств взяли толстую арматуру, нарезали кусками нужной длины, в кузне подплющили концы, чтобы придать заострённую форму и – высыпали над котлованом.

Однако, лом должен быть гладким, потому что это ручной инструмент. Тогда как назначение арматуры – усиливать бетон и потому она покрыта косыми частыми рубцами, для лучшего схватывания с бетонной жижей. Эти рубцы, хоть и заокруглены, протрут любую рукавицу за десяток ударов «ломом» в грунт, а затем

этот вроде как бы ручной инструмент начнёт стирать кожу с ладоней, и неважно насколько они обмозолены и загрубелы.

Но если не мы, то кто же защитит нашу любимую Родину-Мать от занятых планированием долбоёбов? Стройбат всё покроет и выправит любую ситуацию…

Ветер рыщет, как пёс сорвавшийся с цепи, наскакивает со всех сторон, треплет отвязанные уши наших шапок, хлещет ихними шнурками по лицу. Но это между прочим, его основная забава волочить чёрно-серые тучи и раздирать их о стрелу башенного крана. Из-за этих туч всё вокруг, с утра до ночи, тонет в беспросветном сумраке. Отогреваемся в вагончике обогреваемом нашим дыханием.

Рукавицы давно стёрлись в прах, вместо них ухватываем морозную арматуру тряпками из найденной в вагончике ветоши. Удар арматурины в грунт отколупывает от него корявый кусочек размером с грецкий орех. И так кусочек за кусочком. Напарник стоит нахохленной спиной к ветру, ждёт пока наколешь скорлупы на совок лопаты. Он сгребёт и отбросит её. После трёх-четырёх наскрёбанных лопат вы с ним меняетесь орудиями и местами…. Как выразился Витя Стреляный:

"Прывезлы́ нас у Ставро́поль
Зэ́млю колупа́ты,
А вона́ ж така́ твэрда́,
В рот йийи́ еба́ты."

(…но у меня остаётся невысказанное подозрение, что это переделка Зонной частушки из эпохи первых Советских пятилеток, которую сложили в шахтах Донбасса…)

Но где угодно встретишь миг услады – о! как сладостно дремлется, сидя на досках пола оперевшись спиной на спины товарищей по вагончику!

Спустя полдня откалываний-отгребаний, обнаруживаем, что на глубине где-то в полметра вечная мерзлота сменяется грунтом почти такой же твёрдости, но та всё ж поддаётся ударам штыковой лопаты.

На третий день мы разработали технологию проходки. Сначала роешь яму-шурф, метр на метр и два в глубину. Затем, отступив на метр, роешь вторую такую же. Соединяешь две ямы норой (два шурфа штольней), побивая её в более мягком грунте (ниже окаменевшего от мороза слоя). Затем – захлестнуть потолок штольни стропою башенного крана, продетой из шурфа в шурф, и долбать вдоль краёв мостика из промёрзшего грунта до того момента, когда крану хватит сил вырвать цельную глыбищу мерзлоты. Ага! Бляадь!.

Да, стройбат сделал это!. И хотя впереди остаётся ещё много дней долбёжки, скребни и пахоты до самого конца траншеи, победа будет за нами. Мы сломили хребет сумраку заполярной ночи спустившейся аж до Ставрополя…

Кроме вагончика, от холода можно укрыться в подъездах многоквартирного дома на противоположном берегу пустого котлована. Когда не стоишь на пронизывающем ветру, то и сигарета греет, если найдётся у кого стрельнуть…

Пока я сибаритствовал по ту сторону котлована, Алимоша и Новиков исследовали прилегающие земли. За пеленою вьюг обнаружились молочная фабрика и хлебозавод. Первопроходцы вернулись в телогрейках раздавшихся шарообразно от картонных пирамидок молока по 0.5 литра и буханок тёплого хлеба. С того дня мы отправляем туда фуражиров. Всего лишь перелезть через пару стен. А рабочие обоих предприятий в упор не видят как ты загружаешься готовой продукцией с конвейерной линии…

Иногда выходим на улицу просить у прохожих деньги: —«Брат, 27 копеек на бутылку не хватает, выручишь, а?»—«Сестрёнка, 11 копеек на Беломор, не дашь? Два дня без курева. Уши попухли».

Алимоша объяснил мне нюансы. Никогда не просить у пенсионеров – пустой номер, а могут и разораться воспитательно.

Ни в коем случае не просить круглую сумму. Вместо 27 коп. он и так тебе 30 отвалит, а вместо 11 получишь 15 копеек.

Зачем деньги? Ну вместо махорки в пачках по 9 коп., или прогорклого Памира за 11 коп. можешь купить «термоядерный» кубинский Портогас или ту же Приму, но только не индийские Red and White – кислятина в золотистых фантиках. А иногда и винишком балуемся, с устатку, под хлебозаводскую закусь.

О, как низко я пал! Побираюсь на улицах, словно нищий! Где мои порядочность и гордость? И как же только от стыда я не сгорел?!

(…ну во-1-х, у нас это определено более точным термином, мы не «побираемся», а «шакалим».

А насчёт местонахождения моей порядочности и самоуважения, так они всегда при мне, просто вид их меняется, в отличие от некоторых неизменных величин вроде той бесконечной Пи, которую нам вдалбливали в школе, не знаю нахера.

Что касается стыда, тут я, наверно, извращенец. Мне куда стыднее за тот цилиндр из Ватмана украденный у Вали Писанко, чем за копейки принятые от прохожих в мою протянутую ладонь.

И хотя, в определённые моменты, удаётся проявить присущее мне благородство, но, в целом, я не Испанский гранд, уж это точно…)

В февраля кончилась наша хлебозаводская масленица. Нас перебросили на строительство Медицинского центра, где фундамент был уже перекрыт бетонными плитами, но не полностью. Под теми плитами мы прятались от зимнего ветра и грелись у костра из всего деревянного, что только подвернётся под лом, потому что вагончика там не было. И хотя территория будущего Медицинского центра раскинулась довольно широко, она пребывала на окраине города, где не у кого шакалить…

Транспорт для перевозки нас на работу и обратно предоставляла городская автобаза с её гражданскими водителями… Нашему отделению попался ухарь-асс. Влетал на территорию будущего Медицинского центра на своём УАЗ-66, лупил свой грузовик по тормозам и дрессированная техника скользила по льду замёрзших луж в техничном пируэте разворота кормой к нам. Момент полной остановки совпадал с ржаньем сигнала: —«Го-го-гоним! Домо-го-го-гой!»

При исполнении трюка, плохо закреплённый драный брезент с широкими прорехами вспузыривался, как парашют в объятиях приземлившегося диверсанта. Шофёр скалился своей кривозубой ухмылкой из-под тощих усов – ему в кайф было блатовать такой бродяче-таборной романтикой. Выхлопную трубу он натренировал бабахать, но стрельбу приберегал для езды вдоль городских тротуаров – шугать прохожих. Ба-бах!.

– Ой, мамочка! – … и руками за грудь. Но авоську не роняет.

Ребята что-то пытались объяснить мне про мотор и карбюратор, но мне такое всё выше понимания…

В какой-то из первых дней на новом месте, я отправился в домик туалета, типа М-и-Ж, на самой границе территории. По малой нужде, мы оборачиваем свою систему слива к чему угодно, лишь бы сошло за ширму, наверное, чтоб уберечь её от сквозняков, так что за этим я так далеко не пошёл бы. Однако из-за морозов пользование сортиром части было сопряжено с немалым риском. Весь пол там превратился в ровный жёлтый каток, слишком скользкий для ходьбы и даже в приседе над очком подошвы кирзовых сапог норовили разъехаться по глади льду…

По ходу дефекации в территориальных руинах туалета на отшибе, у меня появились странные слуховые ощущения. Мне послышались… ну не совсем, чтоб так уж сразу голоса… скорее отголоски голосов… их отдалённый слитный гул вроде как бы невнятный бубнёж толпы, без всплесков, смысла, без чётких слов…

Потом я достал какое-то из писем, у меня от них давно уже внутренний карман вспух. Перечитывать я никогда не перечитывал, но всё-таки держал там. Не проверяя от кого письмо, я им подтёрся, поднялся, застегнул штаны и вдруг наткнулся на источник шума.

Ветхие доски стен и перегородок между кабинками испещрены надписями, сплошь, без единого живого места. Имена, даты, названия населённых пунктов написаны, вцарапаны карандашами и шариковыми ручками. Какие-то вползли поверх других, потому что больше некуда... Мне стало ясно, что прежде на территории размещался ставропольский сборно-распределительный пункт призывников и они, погружаясь в вечность из двух лет, торопливо оставляли на заплесневелых досках свои прощальные меты:

«Саха, станица...»

«Афос, посёлок...»

«Дран, город...»

Они уже там—сметены, заглочены—потому-то и не слышно голосов, те превратились в некий общий бессловесный гул, но руки всё ещё дописывают прощание с самими собою:

«Андрон...»

(...в стройбате общечеловеческая тяга—оставлять после себя отметину—не исчезает, но становится анонимной. Ты не увидишь здесь классического «Тут был Вася», стройбатовец расписывается за всех:

*«**Орёл, дмб-73**».*

Читай: «Призывались из города Орёл (или области) демобилизуемся в 1973».

Графитом, мелом, краской по стенам, по трубам, по жести, по чему угодно. На каждом строительном объекте возведённом Ставропольским Строительным Батальоном, за год или два до 1973, был такой знак.

Его сменил

***Тула, дмб-74**.*

Придёт черёд и для
***Сумы, дмб-75**,*
***Днепр, дмб-75**,*
но это ещё так нескоро...)

~ ~ ~

ВИА Орион принял участие в городском музыкальном конкурсе. Мы представили два номера, но не заняли ни одного места. Похоже всё мероприятие проводилось ради одного единственного местного певца. Молодой человек пел без микрофона, но его голос заполнял весь зал. Вот это певец!

(...никогда больше мне не довелось его услышать. Ни по радио, ни на телевидении. Нет местов – муслимы магомаевы с иосифами кобзонами окопались там на десятилетия...)

Вторым из наших номеров на конкурсе звучала «Песня Индейца», из репертуара Тома Джонса. Никто не знал о чём он пел в ней, а Советская переделка оплакивала горькую долю Американских краснокожих (впоследствии выяснилось, что Тому Джонсу хватало и своих хитов, а это песня Джона Ди в исполнении группы Рэйдеры, но перемена мест слагаемых не облегчила участь коренных туземцев):

"Из резерваций, брат мой, знай,
Одна дорога – прямо в рай..."

На конкурсе группа «меди» в Орионе насчитывала уже двух трубачей. Прапорщик Джафар Джафаров был переведён в наш батальон не знаю откуда или за что, потому что меня это не колыхало. Просто однажды он пришёл в Клуб и объявил, что играет на трубе...

Восточная внешность Джафарова оставляла приятное впечатление мягкости. Круглое лицо с мягкой смуглой кожей, мягкий отблеск его чёрных, оливкоподобных глаз, его мягкая улыбка, когда он произносил своё «Мамой клянусь!» И он действительно играл на трубе, которую приносил на репетиции в Клуб и уносил с собою в неожиданно твёрдом футляре. Коля Комиссар начал дуть в клубную намного лучше при Джафаре...

Серый, укротитель Карлухи, зачастил в Клуб, правда, не ради музыки, а за сравнительную уединённость – редкая роскошь в стройбатовском быту. На работу он забил в самом начале службы и просто мотал ещё один срок в два года в строительном батальоне. А какая вхуй разница от исправительной колонии?. Режим малость мягче и спецуха цвета хаки вместо синего.

Привезеный утром на стройку, он уходил в город и возвращался лишь к вечернему грузовику. Время от времени его запирали на губу при КПП, пару раз раскрутился и на гарнизонную, но даже Комбат, с его хронической мозговой течью, ясно понимал бесполезность подобных воспитательных подходов к этому крепко сложенному, тонкогубому продукту исправительной системы. Лысинка шрама на левой брови делала как-то человечнее резко очерченное лицо, по-волчьи свешенное вперёд с широких плеч... Серый шёл по жизни незатейливой стезёй потомственного вора. В музыкантской он делился историями своих недавних похождений в городе, или же шугал Комиссара. Это неправильно, потому что оба они из одного призыва, но для Серого Зонный кодекс шёл прежде стройбатовских заповедей.

Готовясь стать «фазаном», Комиссар набил броскую тату на тыл своей правой кисти – два треугольника горных пиков, а в промежутке между их вершин дуга солнца с колюче острыми лучами, и весь этот сияющий новый мир из основательно жирных линий покоился на пояснительно-образовательной надписи для вовсе непонятливых – «**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ**». На сцене Комиссар держался татуировкой к залу и, вскидывая трубу для извлечения нот,

он гордым оком косил на широко расползшийся шедевр неизвестного живописца-кольщика.

Наверное, Серому не в жилу было, что Комиссар блатует более красочной кляксой, чем его синеватый паук-крестовик (знак Зоны для посвящённых) едва ли больше шарика для пинг-понга. Настолько наглое неравенство, даже в отсутствие каких-либо ограничений Зоны на татуировки географического характера, подзуживало Серого приёбываться к жизнерадостному Трубачу.

(…впрочем, там где использовано слово «наверное» не сто́ит прямо так с разгону верить на́ слово – наверняка за ним у меня пойдут сплошь домыслы, предположения да измышления досужие. Возможных вариантов с толкованиями может быть масса, уйма, вагон, в конце концов, но сказанное «наверное» всех их отметает и оставляет что-то одно, возможно, и не самое верное.

Слово требует осторожного с ним обращения. Иной раз ляпнешь чего-то такого разухабистого вроде: —«Лабухи это ж одна семья. Мы друг за друга – горой!», а потом за себя же неловко – опять херню сморозил!

Потому что обобщающие высказывания лишь для лозунгов хороши, ну там: «Пролетарии всех стран – объединяйтесь!» Или ещё: «Двуногие! Возлюбите друг друга!»

Такие словесные кренделя срабатывают лишь покуда общие интересы совпадают с интересами данного, отдельно взятого млекопитающего, а стоит им чуть разойтись, так враз: —«Вы – себе, а мы – себе»…)

Возьмём, к примеру, того же самого Юру Замешкевича. Заперев кочегарку, он укрывается в Клубе, чтоб не мозолить глаза Отцам-Командирам. Побренчит на гитаре, безмятежно оприходует кружечку чифира (смешать пачку чая, 250 гр, с водой, 250 мл, довести до кипения), где он свой, один из нас – личность тонкого

душевного склада, искушённый ценитель истинной музыки, которая то, шо нада, верный друг, надёжный товарищ, и просто брат – лабух, одним словом.

Но вот приехала к нему жена из Тулы, ждёт на проходной КПП, покуда он бегает за парадкой и шинелью, чтобы уйти с ней в город. Соскабливает, на бегу, шерсть с морды, получает в штабе бумажку увольнительной записки, заскакивает зачем-то в Клуб, где в пустом зале мирно сижу я в последнем ряду. Прыг – в музыкантскую, скок – обратно и, по пути на выход, хватает мой ничего не подозревающий хуй своей медвежьей хваткой и поднимает меня всего в воздух. Конечно, я ору!

Затем боль постепенно рассасывается, оставляя неизбывное недоумение. Зачем?

(…ответа на данный вопрос не встретил я ни в писаниях наивного примитивиста Фрейда с его братией, ни в Упанишадах с Бгхагаватами, ни в обоих Заветах, ни в Коране. И только лишь в Истории Россиис Древнейших Времён В. Соловьёв упоминает мельком случай с Лже-Дмитрием, когда тот прятался в дальних покоях дворца, но зверовидый казак его там обнаружил, схватил за «потаённый узел» и выволок узурпатора к беснующейся толпе на расправу. Но там хотя бы прослеживается какая-никакая практическая цель… Но мой-то Юре зачем?

Есть вопросы, непостижимые уму людей, мы можем лишь указать на них для вразумления любознательных умозрительным назиданием, а далее пожать, с печалию, плечьми, да и руками развести широ́ко – ахти нам! сие за пределами доступного разумению человецей.

Кстати, именно для подобных случаев наукою изобретён красивый, звучный термин. Допустим, ты настолько крут, что на три метра лёд гляциальный проссыка́ешь, как не́хуй делать, но вдруг выскакивает такая поебень, что и ты не проссышь, то

знай – вот это уж оно и есть, тот самый трансцендентализм…)

Так чем же мы, клубники, занимались помимо сольфеджио, репетиций и угрюмого трения мозгами об трансцендентальные вопросы? Промелькнувшим, вскользь, чифиром? Увы, горечь его была редким лакомством. Да и водка случалась не чаще…

У нас имелся кодовый стук в дверь музыкантской для беспрепятственного допуска. Выстучал правильный ритм – дверь откроется, а нет, так иди откуда пришёл или покричи снаружи чё те ващще на́хуй нада.

Один раз после правильного стука и звяка открываемого замка, в двери нарисовалась плотная фигура Замполита и прапор из четвёртой роты как бы телохрана, наверняка и код он выстучал, гид ёбаный.

У нашего повара-вокалиста, Володи Рассолова, он же Рассол, реакция будь-будь, пока экскурсанты налево-направо ебальники свои развернули – прощёлкать кто тут, шо и почём, он бутылку ненавязчивым движением переставил в кирзовый сапог той пары, что рядом с этажеркою стояли. Конечно, Замполит всё равно нас в результате обозвал притоном алкашей и тунеядцев, однако, прямые улики уже отсутствовали…

Так что основу времяпрепровождения составляли разговоры кто кем был на гражданке, как станет жить после дембеля, когда вернётся (мы наивно верили, что можно хоть куда-нибудь вернуться вообще в потоке текучего, вечно меняющегося пространства), и про то как третья рота ходили мочить Отдельную роту, но чурки бляхами отмахались, а рядовой-свинарь наверняка поёбывает свой гарем свиноматок, а ещё с чего бы они так верещали по ночам после отбоя?…

Лавры чемпиона говорения бесспорно принадлежали Карпеше. Негромким, по-братски доверительным тоном голоса, он тебе часами будет шелестать как ездил в свой отпуск и за десять дней

шесть раз расставался и мирился с подвернувшейся ему девушкой, своей бывшей одноклассницей…

Тебе не интересно слушать в седьмой раз? Выходи в пустой зал Клуба, сядь рядом с Робертом в последнем ряду сидений и он тебе расскажет про жизнь в Париже, где все всё знают друг про друга. Что, например, Жан Марэ – голубой. И это жаль, конечно, потому что хотя он мне и не понравился как Фантомас, зато его Д'Артаньян в *Железной Маске* это же полный мачо, воплощение мужественности. Вот что этот ёбаный Париж с людьми делает.

Серый выдаст, как шугал влюблённых, если неосторожно забредут на его улицу. За калитку выйдет, на батиной двустволке курки взведёт и собеседовательно интересуется: —«Ну, шо, Ромео, догулялся? Или о любви поговорим?» А спрошенный, теряя шанс интересной дискуссии, рвёт когти прочь, но, сука, упорно зигзагами, а на прощанье, через плечо, инструкции орёт: —«Беги, Света! Беги-и!»… Или, для перемены темы, как он впервые свою жену отпиздил и наутро у неё глаза позаплывали, как у китаёзы…

А Джафаров, задумчиво лаская красивый мягкий блеск своей трубы, поведает, что он ещё совсем пацан был и на халтуре какого-то вечера отдыха подсмотрел ребяческим оком, сквозь замочную скважину, как одна блядь какому-то офицеру делала минет, а потом вернулась в зал и танцевала там, и целовалась взасос с другим офицером, по званию старше того, у которого в рот брала: —«Но такая, блядь, женщина. Клянусь честным словом! Красавица!»

А когда он служил в сводном военном оркестре, их руководитель по городу в тубе ходил. Самая большая труба в оркестре, в неё через плечо продеваться надо. Вот так оденет и ходит в тубе, халтуру ловит, такой пройдоха, мамой клянусь. Как увидит куда-то похоронные венки понесли и – он туда же: —«Военный оркестр на похороны хотите? Можем договориться». Мамой клянусь, такой деляга, но халтуру играли не полным, конечно составом. Такая халтура называется «жмурика лабать». Да.

Ну один раз так же вот лабать явились. Второй этаж, дверь на площадку открыта, всё как положено. Заходим. В первой комнате родственники под стенками сидят, плачут, как положено. Только как-то слишком чересчур и ноль внимания, что люди с трубами пришли. Ну руководитель к той, с кем договаривался: —«Шо за делá ващще?»

– Ой! У нас такое горе! Наверно, похороны придётся отменить. – И заводит во вторую комнату, тоже полна родственников и все ващще ревут – громче, чем в первой.

А посреди комнаты стол стоит, а на нём гроб, чин-чинарём, всё как положено, а в том гробу покойник сидит. Клянусь честным словом! В натуре – сидит!

Понимаешь, он при жизни горбатый был, большой такой горб, уложить не получается. Короче, накрылась халтура… Но руководитель, сукин сын, не сдаётся. Подошёл и на лоб жмурика надавил, тот через горб перекинулся и лёг как положено. Только теперь ноги кверху—брык! – из гроба выставил, крышка не закроется.

– Мы уже так пробовали, – говорит та, с кем договаривалось, и ревёт громче всех в комнате.

Но я ж говорил, что руководитель был полный пройдоха, э? Догадался: —«Всё», – грит, – «пусть все, кроме музыкантов покинут помещение».

Ну короче, достали жмурика, опустили лицом в пол и сверху гробом по горбу – хрясь! Кому охота халтуру терять, э?

(«По… о… могло-о?»– вопрошаю заливаясь слезами).

Ну что-то хрустнуло, но—мамой клянусь! – распрямился. Загружаем гроб на стол и покойника сверху. Всё как положено… вот только…

(«??»– (у меня уже нет сил спрашивать).

Ноги на десять сантиметров из гроба вытарчивают, он же, мамой клянусь, длиннее стал…

В байке лабуха про горбатого жмурика реальность переплетается с вымыслом… Вразнос, в отрубе, сползаю спиной на фанерное

сиденье киноместа, лежу, испускаю последний дух задохшись хохотом и не догадываюсь даже, что в Ставрополе есть Краевой Комитет КПСС, а у Председателя Крайкома фамилия Горбачёв, и он будущий могильщик СССР, по кличке Горбатый, но среди ставропольских цеховиков того периода за ним закрепилась кличка Конверт.

(…"цеховиками» назывались люди, которые хотели делать бизнес в условиях развитого социализма и им приходилось платить, чтобы мечта их становилась явью.

М. Горбачёв приучил ставропольских цеховиков, чтобы свою плату те приносили ему в конверте, как это принято во всём цивилизованном мире…)

~ ~ ~

Не хочу, чтоб сложилось поспешное мнение будто стройбат – это сплошь каторжный труд без всяких просветов. Порой и к нам приходила весна, чтобы мы перешли на летнюю форму одежды. Мы сдаём нательные рубахи, кальсоны, бушлаты и телогрейки ротному старшине, потому что зимняя форма, почему-то, стала слишком тяжёлой. Меняем жаркие ушанки искусственного меха на пижонистые пилотки.

Так здорово – стоять в легко одетых шеренгах на утреннем разводе под свежей синью неба в полупрозрачных перьях облаков в бездонной выси, въезжать, в сиянии утреннего солнца, в открытом кузове, в город, где вдоль тротуаров ходит столько разноцветных платьев и юбок… Весной народонаселение девушек резко возрастает, и начинает даже выплёскивать за тротуары.

Во всяком случае, в конце рабочего дня две девушки появились даже на территории будущего Медицинского центра… Я приближался к месту сбора, куда за нами приезжает грузовик и пара этих девушек шли впереди метров за тридцать. Наверное, куда-то

путь срезали и потому не торопясь шагают, что-то друг другу говорят, по очереди. Вдруг разговор их оборвался, минуя место сбора они перешли на скорый шаг и скрылись из виду.

А там уже сидит Саша Хворостюк – заявился первым. Уселся на полуметровый столбик, колени широко раздвинул, руками в них опёрся, в коронной позе ППП—Пахана Параши Петухов—такой весь собою довольный, клювом, свысока так, из стороны в сторону водит. Из расстёгнутой ширинки хэбэ́ свисает его хуй… Потому-то и девушки продёрнули рысью, и фиг они тут ещё когда срезать будут. Из-за этого утконоса ёбаного!.

А иногда в стройбате вдруг попадаешь в совершенно иной мир, далёкий от всех этих траншей, лопат, поддонов, шуганины… В то воскресное утро всё шло как заведено, однако от кольцевой дороги грузовик свернул в непривычную сторону.

Наверное, ефрейтор Алик Алиев знал куда мы едем, но ограниченный словарный минимум мешал его общению за пределом общеупотребительных команд и откликов. Поэтому он помалкивал с загадочно важным видом.

Грузовик затормозил возле здания городского цирка. Мы спрыгнули вслед за Аликом и мужик в гражданке, который ждал на тротуаре, объяснил задачу стоящую перед нами в переходный момент, когда в цирке идёт пересменка. Одна цирковая труппа покидает цирк и ей на смену прибывает с гастролями цирк лилипутов.

(…какая роль отводится стройбату в промежутке между двумя цирками?

Вот именно! Погрузить один, и разгрузить другой…)

Но всё-таки это был праздник, и мы празднично втаскивали большие ящики в длинные прицепные фургоны с брезентовым верхом, и празднично вытаскивали точно такие же ящики из точно таких же, но уже других, фургонов-трейлров. А потом мы съели по

мороженому и выпили кваса из жёлтой бочки на колёсах у тротуара цирковой площади, зашли внутрь здания и расселись, кому где нравится, на малиновом бархате кресел в пустом амфитеатре вокруг арены.

Артисты только что прибывшей труппы лилипутов ходили восхищёнными кругами вокруг самого низкорослого солдата в нашей погрузочно-разгрузочной команде особого назначения. Будь он поумнее, то вырос бы на два сантиметра короче и не загребли бы его в армию, а так – больше метра пятьдесят шесть? Ух-ты! Самое оно для годного к нестроевой!

Один из лилипутов о чём-то говорил с ним вполголоса—солдатик никогда не признался о чём. Скорее всего зазывали в группу силовых акробатов, когда целая пирамида легковесных лилипутов выстраивается на плечах могучего карлика…

Какая-то лилипуточка позвала меня пойти с нею. Мы покинули здание через боковой выход и она повела меня к жилым вагончикам-трейлерам.

(…как-то странно идти за женщиной, которая тебе по пояс, чувствуешь себя слоном в Индийской деревушке…)

Она взобралась на высокое крыльцо, вскинула руку высоко над головой и подёргала неподдающуюся дверную ручку. Опечаленно попросила она помочь. Я опустил руку на ручку, которая с готовностью повернулась вниз, и распахнул дверь.

– Спасибо! – произнёс голосок звучащий тоньше флейты пикколо.

– Пожалуйста.

Так неудобно жить в мире заточенном не под тебя…

Я вернулся в цирк, где Алик Алиев самозабвенным галопом гонял по кругу арены в погоне за белым пони, который в гробу видал приблудных флиртующих джигитов в кирзовых сапогах, пусть даже и ефрейторов.

В оркестровой яме над занавесом выхода на арену, духовой оркестр торопливо репетировал бравурные марши с той нагловатой фальшивинкой присущей всем цирковым оркестрам.

Группка лилипутов собралась у тяжких складок занавеси выхода с арены, внимая как одна из них, размером с детсадницу средней группы, закатывает сцену ревности мужу, которого застукала в трейлере с другой лилипуточкой… Матерщина озвученная цыплячьим писком, теряет свой удельный вес, но накал эмоций скандалистки не уступал глубине страстей в шекспировских твореньях…

Ольга приехала посреди дня. Нас привезли на обед и мне сказали: —«Твоя жена ждёт на проходной». Я побежал туда, потом в штабной барак, мне дали увольнительную до утра. Комбат не здесь, сказали, завтра после утреннего развода продлим, сказали. Потом я насилу нашёл парадку, старшины нет, вместе с ключом от каптёрки, а в хэбэ́ военный патруль в городе враз загребёт, пусть хоть у тебя пачка тех увольнительных записок.

В общем, в город мы приехали только вечером, но у неё уже была комната в гостинице. Одноместный номер с краном и раковиной на стене.

Потом какой-то рыжий постучал в дверь. Ольга его представила, познакомься, мы приехали одним поездом. Попутчик пригласил в свою комнату, где у него шёл вечер встречи друзей. А как мы по коридору шли, Ольга попросила прикинуться, что я как бы брат её, она в поезде тому попутчику лапшу вешала, будто брата едет навещать.

(…а и ладно, чё там…
Авраам и Сара такие же номера откалывали…)

У него в комнате оказался длинный стол весь вином заставленный – гусарская пирушка. Он раньше был курсантом в ставропольском авиационном военном училище лётчиков-штурманов, но его за что-

то попёрли и вот приехал навестить друзей, которые уже на третьем курсе…

Их Авиаучилище я знаю, там с нашим отделением перегородки ставил в подвале какого-то здания. Когда звенел звонок и курсанты разбегались со двора по классам, мы ворошили урны в их беседках, бычки стреляли…

Теперь они тут вокруг стола общими воспоминаниями делятся, тосты поднимают за то, другое из своего совместного прошлого. Мы тоже пьём. Но гляжу, этот курсант-недоучка неприметно роняет свою ладонь на Ольгину коленку – она между ним и мной сидела. Что делать? Приветить его бутылкой по темечку? Так брату не положено, а вдруг спугну потенциального зятя?

Конечно, она его руку сняла, а я вроде как бы ничего не видел. Ушли мы, в общем, к себе в номер, а она говорит: —«Ну а что такого?»

Это правда, когда в Конотопе на Площади Мира мы всей шарой садились на скамью покурить у высохшего фонтана, ей тоже коленки гладили и Ольга, затягиваясь сигаретой, точно так же смахивала ручки шаловливые, как муху приставучую. Но мы ж тогда не состояли в браке!.

Утром, когда я бежал к фургону УАЗа, что привозит прапорщиков в часть к утреннему разводу, Джафаров ухохатывался по всему кузову.

– Ты бежал как в замедленной съёмке. Видно, что стараешься, но на одном месте, мамой клянусь. Хорошо хоть встречного ветра не было.

Увольнительную мне дали только до вечерней проверки, суки. Когда я вернулся, Ольга спала, уже в кофточке, но почему-то наизнанку… Потом уже надо было освобождать номер – он сдаётся на одни сутки, до двенадцати… Я сказал, что должен вернуться к вечерней проверке, а она сказала, что у неё тоже поезд вечером. Мы сходили в кино, какая-то сказка про Персидского Геркулеса по имени Рустам… Потом посидели на скамейке внизу Комсомольской Горки.

Она сказала, что ей пора на вокзал, но провожать не надо, и начала плакать. Случайные прохожие хмыкали себе под нос – классический сюжет картины Репина: девушка забеременела, а солдату похуй.

Когда она ушла, я ещё посидел немного и поехал домой…

На следующий день, в столовой я опрокинул миску супа со стола. Вылилось мне на ноги, горячий падла, обжёг даже через хэбэ́ штаны. Сам не знаю как получилось. Все за столом оглянулись на меня, странно так и молча, никто не засмеялся…

Миску на себя перевернул… Что за знак?. Кофточка наизнанку…

(…некоторые мысли лучше и думать не начинать, а если нечаянно случится, то лучше бросить и не додумывать до самого конца, до неизбежного вывода…)

~ ~ ~

Замполит приказал завклубу, Александру Рудько, чтобы ко Дню Победы, 9-го мая, был духовой оркестр, иначе он слетит с должности и пойдёт пахать на стройку помощником штукатура, а старшина роты получит приказ гноить его «на полах» до самого дембеля.

Конечно же, мы встали горой за лабуха, руководителя Ориона, и – не подвели. За три недели и у нас уже готов оркестр. Джафаров с Комиссаром, ясное дело, в трубы дудят, Рассол хрипит на баритоне, Замешкевич в тубу бу-бу-бу-бу. Оказывается, они в свои школьные дни на духовой кружок ходили. Карпеша барабанит. Рудько на кларнете шпилит, а клубный художник бух, да бух в большой барабан. А у меня самый главный инструмент духового оркестра – две медные тарелки. Бзденц!.

Саша Лопатко начинал свою службу в одном отделении со мной, но потом его папа приехал, провёл переговоры в штабном бараке и Сашу назначили художником при Клубе… А папа его, между прочим,

поп и, наверное, по этой причине Сашу загребли в стройбат как поповича, ведь боевую технику не кому попало доверить можно…

Мы подготовили два номера: «На сопках Маньчжурии» и «Прощание Славянки», не потому что испугались угроз Замполита, а просто лабух для лабуха сделает всё возможное в человеческих силах.

Девятого мая мы переоделись в парадки и фургончиком УАЗа разъезжали по разным строительным объектам в сопровождении «козла» с Замполитом. Праздники это для бездельников, а стройбат всегда на боевом посту. Отделения-бригады строительных объектов на пути этой колонны из двух автомобилей получали приказ временно покинуть фронт работ и построиться. Замполит толкал очень кратенькую речь (Комбат с его маразмом завёлся бы на полчаса, сам не ведая о чём), мы играли «Славянку» и «Сопки», а солнце играло на меди начищенных труб… Духовой оркестр – первая необходимость, чтобы получился праздник.

Следующим шагом в карьере Ориона стал вечер танцев в клубе села Дёмино, с которым нас объединял один и тот же коцаный асфальт. Откликаясь на приглашения, солдаты не только играли, но и, сменяя друг друга на инструментах, спускались, по очереди, с маленькой сцены в маленький зал, чтобы танцевать среди местной молодёжи. Из всего Ориона, обойдённым остался лишь Александр Рудько, незаменимый бас-гитарист… Под нескончаемую песню о птичколюбивом орнитологе в исполнении Роберта Закаряна, я обнимал обильные формы сельчанки Ирины. Жизнь улыбалась мне…

Накануне своей демобилизации, Юра Замешкевич поставил в известность Заместителя Командира Батальона по Тылу и Снабжению, Аветисяна, что только я и никто другой смогу заменить его на должности Батальонного Кочегара. Заявление Замешкевича убедительно поддержал Батальонный Повар Владимир Рассолов, он же Рассол, которому оставалось служить ещё полгода. По ходу ходатайства, повар не преминул поздравить Зампотыла с недавним

получением долгожданного майорского звания. В результате, майор Аветисян санкционировал принятие меня в славные ряды *чмо*.

Собирательное наименование «чмо» охватывало всех военнослужащих задействованных во внутренних службах батальона: свинарь, посудомойщики, кочегары, повара, слесарь, портной, сапожник, художник, киномеханик, штабной писарь, водители автомашин командного состава и даже помощник фельдшера в медпункте, одним словом – все, кому не посчастливилось пахать на стройке, составляли «чмо», под командованием майора Аветисяна.

(...изначально, ЧМО служило аббревиатурой выражения «человек мешающий обществу», но слишком выразительное звучание заставила забыть первоначальное значение и нынче все считают будто «чмо», то же самое, что «пидор», только ещё хуже...)

Перед возвращением к гражданской жизни, Юра Замешкевич показал мне место нахождение колодца с главной водоразборной задвижкой для поддержания надлежащего уровня воды в водонапорном баке над кочегаркой. Он обучил меня зажигать форсунку в печи парового котла, читать показания манометра давления и водомерной трубки на котле. Меня перевели в четвёртую роту, где числилось всё чмо и Юру демобилизовали.

Из призыва крымских «молодых» майор Аветисян назначил мне напарника по имени Ваня с редкими волосами на месте усов, зато с густыми бровями. Сомнительно, что выбор майора Аветисяна пал на Ваню из-за густоты бровей. Скорее всего, папа Вани, который явился навестить сынка на третий день его службы, нашёл достаточно убедительные аргументы для переговоров с майором в штабном бараке. Я поделился лекциями Юры Замешкевича с Ваней и мы начали сменять друг друга посуточно.

Кочегарка воинской части № 41769, она же ВСО-11, это два высокие зала в здании из красного кирпича. Каждый зал насчитывал два массивных паровых котла в общей для обоих кубообразной обмуровке огнеупорным кирпичом и множество труб с различными вентилями и задвижками – для горячей воды, для холодной, для пара, для подачи топлива... В бетонном полу перед котлами вмонтированы воздушные насосы высокого давления для распыления топлива в форсунке печи соответствующего котла. Однако использовался всего один котёл из четырёх, самый дальний от входа, остальные – резервные, на зимний отопительный сезон.

Задача кочегара в летний период – подавать пар в котлы кухни для варки пищи и горячую воду в посудомойку. И, раз в месяц, мы грели воду для бани всего личного состава ВСО-11 и Отдельной роты. Так что трижды за смену приходилось высиживать по три-четыре часа за старым столом с круглой столешницей в фанерных задирках, под высоким окном напротив оглушительного тарахтенья воздушного насоса и воя пламени рвущегося из форсунки в нутро печи, пока дежурный повар не постучит в запертую на крючок дверь кочегарки сказать, что ха́вка готова. Тогда уже можно вырубить всё. Тишина – бесценная благодать... До следующего включения... кайфуй...

Направо от входной двери – узкая секция насосной, гонять зимой горячую воду по отопительной системе. Но если пройти прямиком, в угол позади спаренных котлов первого зала, увидишь дверь в маленькую мастерскую направо. А там окно и верстак без тисков, напротив входа, и небольшой железный ящик изнасилованного сейфа между дверью и окном, с молотком и тупым зубилом на полке внутри, а над ним, рядом с выключателем лампочки, узкий кусок вмурованного в штукатурку зеркала, где при бритье видно всего пол-лица.

~ ~ ~

Приход лета *чмо* ВСО-11 отметило общей попойкой. Батальонный УАЗ-66, что развозит ужин сторожам на объекты и тем, кого ударная штурмовщина держит на стройке даже ночью, вернулся из города с ящиком водки внутри большого котла-термоса из-под розданной ха́вки. Дежурный офицер на проходной мимолётно заглянул в кузов на предмет обнаружения случайного самовольщика (как будто кто-то доезжает до ворот! как будто он о том не знает!) и грузовик проехал к боксу.

Не забыли и меня пригласить, кочегар – нужный в солдатском быту человек. Возлияние началась после отбоя возле дальний боксов. В ярко-летней иллюминации полной луной, пятнадцать чмошников уселись на земле широким кругом типа аборигенов поля пересечённого колючей проволокой – все лицом к центру круга, где отблескивало стекло водочных бутылок и белели эмалью стенок пара бачков набитых мясом, которое повара пожарили в громадных противнях на электроплитах кухни. На разостланной мешковине двух пустых мешков вздымалась куча из нескольких буханок хлеба нашинкованного в хлеборезке…

Никогда прежде мне не приходилось пить водку с горла́. Стартовые глотки гадостны, но последующие льются соко́лом.

Закуска, к сожалению, исчезла слишком скоро… Свою бутылку я так и не допил. Поднявшись на нетвёрдые ноги, с полным почтением к честной компании, я известил присутствующих об немедленном отбытии меня в село Дёмино.

– Спакуха, кенты! Сё ништяк! Ккой нах держур фц… ыр… я сам держур… Блядь!

И всё же, чтобы не нарваться, ограждение я форсировал возле свинарника, подальше от казарм. А там уже взял курс на круглое лицо полной луны блиставшей с небосвода над селом Дёмино, но при этом раскачивалось туда-сюда, как на качели. Я бормотал ей выговоры за такое коварное непостоянство и полю тоже, что устроило тут морскую качку, тоже мне…паимаишь… Потом я упал и

попытался приподняться на локте, но земное притяжение оказалось слишком неодолимым, а поле таким приветливо мягким…

Проснулся я сумерках брезжащего рассвета, метров за сто от свинарника и побрёл в кочегарку – напиться воды из-под крана и рухнуть на деревянный верстак в мастерской…

Похоже, я слишком чересчур раскатал губу, размечтался, что до конца службы буду кантоваться между Клубом и кочегаркой. Однажды утром после ночной смены, майор Аветисян застал меня спящим в мастерской и отдал приказ отправляться в казарму роты. И это в то время, когда большинство чмошников манкировали даже вечерней проверкой! Солдат штабной писарь, например, спал в медпункте, на одной из двух тамошних нормальных коек, а у кого жалобы на состояние здоровья, тех помощник фельдшера без задержки спроваживал в городской военный госпиталь. Слесарь Тер-Терян кантовался в швейной мастерской с Гришей Дорфманом. У клубного художника, Саши Лопатка, ващще своя комната в Клубе. А несчастный кочегар, отсидев целый день среди воя и грохота, должен топать на вечернюю проверку, где вместо отсутствующего чмошника чей-то голос из рядов выкрикнет «на дежурстве!» и – нет вопросов…

Чтобы как-то убить время, пока на кухне готовится ха́вка, я взял книгу из библиотеки в штабном бараке, через писаря. Выбрал её за толщину, чтобы на до́льше хватило. *Идиот* Достоевского. Ё-моё! Вот это вещь! Кульминация за кульминацией… После тех книг навязанных школьной программой, и не подумаешь, что он так круто пишет… А больше в штабе и брать нечего, там всего одна полка, а на шедевры Б. Полевого с Н. Островским после книги Фёдора Михалыча совсем не сто́ит.

В Клубе Рудько дал мне буклет *The Beatles in America* про их турнэ там. Кто-то из «молодых» с собой привёз. Я начал переводить, потому что в буклете фоток больше, чем текста. Однако без словаря под рукой, моего школьного запаса хватало лишь с пятое на десятое,

кое-где приходилось по картинкам догадываться, но Рудько и такое устроило…

Так оно и идёт, по кругу, рутина из шипения пара, насосного воя, потом Клуб, вечерняя проверка, и опять в Клуб. А с утра всё по новой… Вон Джафаров галопом несётся, глаза круглые, из орбит лезут, лицо белое, рубаха н спине тоже – где-то неслабо о побелку терану́лся.

– Спрячь меня! Начштаба за мной!

Я через дверь секану́л, ну а кто ж ещё от кухни сюда прямиком на сближение прёт своей боксёрской походочкой враскачку? Джафаров едва успел через окно в мастерской в бурьяны выпрыгнуть.

– Никак нет, товарищ майор, сюда никто не заходил.

Да только у майора нюх как у охотничьей собаки, и уже из-за угла:

– Прапорщик Джафаров! Ко мне!

Пиздарики тебе, прапорщик, клянусь мамой… А с чего это Начштаба за Джафаром как с ху́я сорвался? Хотя какая вхуй разница?

А под вечер в поле другая охота. Смуглые ковбои из Отдельной роты крысу обложили и в обрезок железной трубы загнали. Плеснули туда бензина и подожгли. Крыса выскочила вся пламенем объята, по полю мечется как огненный шар, а они не отстают – культурно-спортивный досуг…

В ночную смену, в проходе вокруг спаренных котлов, я крысиный выводок увидел – заорал, кинулся сапогами потоптать, но разбежались. Но с чего это вдруг во мне такая ненависть на крыс взыграла?. Инстинкт самосохранения в чистом виде. Они же не простят людям, включая и меня, мученическую смерть той сожжённой крысы, вот я и кинулся их превентивно истребить. Придурок….

Однажды ночью, сплю я на верстаке, и что-то непонятное мне на грудь уселось. Ну как бы сгусток чёрного тумана и – давит; хочу сбросить, а сил нет ни шевельнуться, ни даже криком спугнуть и тягостно так… Еле-еле проснулся.

Позднее Ваня с умным видом начал меня поучать, что это домовой был. Вот они в Крыму том ёбнутые. Кочегарка это – дом? Откуда тут домовой возьмётся?.

Единственное, что я Ване не сказал – та тварь сидела как раз в том месте на груди, что я побрил станком перед зеркальцем в штукатурке. Ну чтоб видуха стала как у мачо, а то у меня там волосни не больше, чем у Вани на верхней губе. Но хуй я угадал, как было, так и осталось…

После вечерней проверки я ушёл в Дёмино, и нашёл там дом Ирины, с которой танцевал, когда мы играли танцы в их клубе. В доме ещё её старшая сестра оказалась. А как Ирина из кухни вышла, старшая тут же начала мне тет-а-теты устраивать, что её сестрёнка да за свои девятнадцать лет ещё ни единого подлеца да и не встретила, и не мог бы я показать свой военный билет, кстати. В общем, такой она намёк произвела, что у неё сестра – целка.

– Не бойся, я не подлец.

По уставу внутренней службы, каждый военнослужащий должен постоянно иметь при себе военный билет и мой исправно соблюдал устав – во внутреннем кармане курточки. Но там же как раскроешь, на первой страничке аккуратно так выведено «жена – Ольга Абрамовна Огольцова». Из-за этой записи пришлось гнать дуру, что военные билеты всех стройбатовцев хранятся в штабе, в большом таком сейфе, а выдают их только когда выпускают в увольнение, но я в село к ним самовольно отрядился, не беспокоил штаб насчёт военного билета…

Потом к этой старшей сестре ещё и муж явился, по имени Сеня, который сначала ревновать начинал типа вроде, но потом все вместе дружно чаю попили, и я ушёл…

Через неделю в кочегарку зарулил солдат из Отдельной роты. Там, грит, девушка, на углу кирпичной стены, меня спрашивает. Я – туда, а там – Ирина… Дёминские иногда из города до своего села по шоссе пешком шли, парами, по три, а тут – одна… Привет. А ты как? Поцелуи… Договорились что приду в село после вечерней проверки.

– Проводишь меня немного?

Эт сталбыть вдоль всей стены, мимо штабного барака, мимо КПП. «Нет, я лучше тебя на том углу встречу». Прошёл через батальон по дорожкам, параллельно асфальту снаружи. А от дальнего угла ещё и проводил немного.

(…теперь вот жалею – какую возможность упустил! Ведь как красиво могли бы мы пройти вдоль всего батальона. Не спеша, поглощённые друг другом, не замечая унылого мира вокруг. А если б дежурный кусок на проходной меня стал останавливать, я бы мог ему сказать…

Хотя какая разница что именно мог бы я сказать, если упустил – струсил и пошёл между казарм, как шавка…)

Ночью она разделась до трусов, которые отказывалась снять и упорно обороняла. Оспариваемая часть туалета была довольно вместительной и легко растягивалась, должно быть после всех других, которые, подобно мне, и хотели бы стать подлецами, да не вышло.

Под утро я ушёл несолоно хлебавши, на этот раз без чая даже…

Шесть километров по асфальту, когда природа пробуждается для нового дня, это – прекрасно. Светало, но солнце ещё не взошло. На пригорке за обочиной, я увидел коня в зеленях и не задумываясь свернул к нему… Полный идиотизм. Я ведь в жизни не садился верхом, но так вдруг захотелось.

Конь стал уходить, а я побежал следом, но не догнал, а только промочил хэбэ́ штаны густой росой высоких трав. Я вернулся на дорогу и пошёл дальше, орал всякие песни – всё равно тут некому услышать мою лажу.

"Спи! Ночь в и-ю-не тоолькоо ше-е-е-е-е-есть часов!"

Через неделю пришло её письмо, из Ставрополя, «…болит душа – по ком? по тебе!..»

Красивые слова, а попусту потрачены, потому что меня уже загарпунила та, что была «...безмерно счастлива....»

(...я не ответил на письмо, но искренне надеюсь, что Ирине таки попался подходящий подлец и стали они жить-поживать да добра наживать...)

~ ~ ~

По истечении одного года службы в вооружённых силах СССР, солдату предоставляется 10-дневный отпуск для побывки на родине, откуда призывался. Когда я заикнулся об этом майору Аветисяну, он и слушать не захотел. Разве Ваня выдержит отработать десять дней без пересменки?

Ваня сказал, что, да, ему по плечу такое и майор Аветисян пообещал отпустить меня на десять дней, если сделаю косметический ремонт кочегарки, то есть, побелю изнутри.

Слесарь ВСО-11, рядовой Тер-Терян, показал мне место захоронения в бурьяне извести, которую не вывели в расход предыдущие косметологи. Я нагружал её порциями в банную шайку (жестяной тазик с ушами для хватания), добавлял воды по пропорции, затаскивал на печи, чтоб дотянуться до потолка, и широкой кистью—...плюх-шлёп... плюх-шлип... – белил, куда достану.

Потом я взял длинную железную лестницу у рядового Тер-Теряна и начал опирать её на стены, а местами на трубы под потолком и—... плюх-шляп... плюх-шлуп... – так и продолжал, потому что это просто цирк и больше ничего—...плюх-шлёп ... плюх-шлип... – но, с другой стороны, разве мальчикам каждый день достаётся белить забор?

Однако, никакой Том Сойер не выдержал бы целую неделю цирковой побелки – два—огромадно высокие, охрененно широкие—зала и две необъятные печи, по две топки в каждой под сдвоенными котлами внутри.

Предвкушение и распалённость – вот что помогло мне продержаться в ту неделю... ведь Ольга и я—...шлуп-шлип... – ещё столько всего не перепробовали—...шлёп-шляп... – такого, например, у нас не было—...шлип-шлип-шлёп!.. – мы и так будем, и наоборот, а потом ещё и в перевёрнутой позиции—...шлоп!..шлоп!..шлёп-щлап!.. – десять ночей отпуска, которые потрясут ёбаный мир—... шлип-шлип-шлоп!.. ШЛЁЁЁП-плюююююх!.

И вот ремонт окончен. Бетонный пол в обоих залах испятнан разнокалиберными звёздами шлёпнутых капель, хоть я их и подмёл. Трубы под потолком наскоро протёрты. Побелка хоть и неравномерная, но повсеместная, без пропусков. Общий объём – два необъятных зала и две печи-великанши.

– Товарищ майор, ремонт окончен!

– И ты это называешь ремонтом?

– Товарищ майор, вы же обещали...

– Я ничего не обещал!

Вот так майор Аветисян поимел Тома Сойера... ПЛЮХ-ЛОХ!!.

В конце дня в кочегарку пришёл Серый: —«Наеба́л?»

В стройбате все всё про всех знают.

– Хуй с ним. Мы ща в Париж полетаем.

Из внутреннего кармана курточки, он достаёт многократно сложенную страницу газеты, открывает на закладке из тонкой плитки горчичного цвета, отламывает щепотку, остальное сворачивает и прячет обратно. Щепотка раскрошена в кучку крошек на ладони, туда же ссыпается табак из папиросы Беломор-Канал, которую разминают пальцы другой руки, пока не высыпались две трети. Резкий выдув в папиросу рассеивает оставшуюся треть. Он закусывает кончик бумажного мундштука папиросы и стягивает верхний, выпотрошенный от табака, слой тонкой бумаги, но не до конца. Папироса превратилась в удлинённый цилиндр из разных сортов бумаги, толстая половина переходит в полупрозрачную, папиросную. Табак смешивается с кучкой в ладони и удлинённая папироса, подёргиваясь мелкой дрожью, поглощает смесь.

Хоть я никогда ещё не видел как это делается, мне всё же ясно, что это он забивает косяк.

– Взрывай, – он подносит горящую спичку. – Дым в себе держи.

Мы выкуриваем косяк, передавая папиросу из рук в руки, я старательно повторяю его способ втягивать и задерживать дым в лёгких.

– Ну, чё?

– Чё чё?

– Тебя чё, не цапану́ло? Ну, ты блядь, лосяра!

– Извини.

Он разочарованно сваливает на вечернюю проверку…

~ ~ ~

Неделю спустя, в мою дневную смену, два солдата Центральноазиатской наружности скромно зашли в кочегарку полную дуэтного воя форсунки и насоса. Наверное, из Отдельной роты или же наши из Крымского призыва.

– Нам пробитт нада, – несмело говорит один из них.

– Что?

– Дрянь. Сам знайиш.

Я как-то не врубаюсь о чём базар, но нехорошо казаться бестолочью перед «молодыми»: —«Ланна».

Они вышли и вернулись уже вчетвером и с парой сумой из мешковины. Я отвёл их в мастерскую и вернулся в рёв музыкальной шкатулки.

Пару раз я заглядывал в мастерскую со слоем травы поверх верстака. Они привечали меня улыбками молчаливой признательности и я уходил – зачем отвлекать людей, которые знают что делают? Через два часа, когда в кочегарке было уже тихо, их караван потянулся на выход. «Мы тама аставлятт», – благодарно улыбнулся мне замыкающий их строя.

В мелкой фанерной коробке, что давно уже валялась на верстаке, оказалась пригоршня коричневатой липкой пыли. Я прибрал её в

ящик сейфа на полу, к молотку с тупым зубилом, и забыл вспоминать о ней…

Но, конечно же, я вспомнил про ту пыль в коробке, когда, после получки, что-то меня прям толкнуло купить в магазинчике у проходной вместо привычной Примы пачку Беломора, зачем-то. Воспроизводя процедуру в исполнении Серого, я забил косяк и взорвал.

Ахх-хху-хэ? Эт шоо за этта ващщ?

И я подплыл к зеркальцу шо подглядывало из стены ну убедиться шо у меня там сзади никого потому шо чётко же чую шо голова моя вроде как воздушный шарик когда не сильно надуть и можна двумя пальцами с боков сдавить но так шоб его не лопнуть а просто покрутить там пальцами внутри где они не дотягиваются друг до другу и у меня щас будто два пальца зашли через виски в извилины мозгов и там ворочаются но в зеркальце же я один и никого сзади и плаваю так не спеша а как бы дирижабль да точняк ну только нада очень пойти нада глянуть водомерную стекляху а то мы тута все улетим высоко так высоко и в разные стороны… сам ты лосяра Серый…

(…так я стал нашаваном, он же анашист, одним из посвящённых в ловлю кайфа от марухи, она же дурь, она же анаша, она же конопля, она же план, он же дрянь… и т. д., и т..п., и проч, и проч…)

Первым мой переход в расширенное измерение отметил прапорщик Гирок, потомок немецких колонистов на Северном Кавказе. Он увидел меня обездвижено стоящим лицом к лицу с жестяным стендом, что вытарчивал из иссохшей травы за гранью плаца, погружённым в глубинное изучение обрывков Всесоюзной ежедневной армейской *Красной Звезды*, наклеенной туда в предыдущее десятилетие.

Солнце изливало свой палящий зной на мою пилотку. А чё? Как бы к политзанятиям готовлюсь тут типа… у! глянь!. Американцам опять во Вьетнаме пизды дали… наш специальный корреспондент из Сайгона…

Материализуясь у правого края стенда, он усёк, что Беломорина в пальцах пристального читателя выкурена до бумажки её мундштука, даже «пяточки» не осталось. Прапор слабо улыбнулся, пробежал сухим языком по пересохшим губам и устало расплавился в приливе жары…

Пелена неведения свалилась с моих просвещённых глаз и открылось мне, что весь Орион знается с дурью, но всяк по своему… Карпеша и Рассол, в манере деловых предпринимателей. Джафаров, о, так мягко… У Рудько гомеопатическая система небольших «маячков» с равномерными интервалами между. Роберт – когда угостят, но и то не всегда… Похоже, я едва не отстал от поезда.

Но самая крутая дрянь у Саши Лопатко, художника Клуба. В его непритязательно обставленной студии я впадал в состояние полуневесомости, грациозно перемещаясь движениями ламинарий влекомых подводным течением или же в полную, как на орбитальной станции Салют, но не часто, потому что он жмотяра и жлоб. Рудько тоже соглашался, что в жизни не встречал настолько страшного эгоиста. И вот ведь странность – отец у него такой хороший, служитель культа, должен же как-то сына вразумить насчёт любви к ближнему…

(…по укурке тáска бывает разная. В основном, приходит умиротворённость и тихое всепрощение, становишься такой весь обходительный, тебе хорошо и пушисто и хочется, чтобы всем тоже было хорошо, вот и стараешься никому не обломать пушнину.

А то вдруг подметишь какую-то забавную грань в окружающей действительности и – всё, ты идёшь вразнос, смеёшься до полного изнеможения, потом отдышишься и снова

впадаешь в бесконтрольный смех. Такой вид таскáлова называется «поймать приход». Это очень опасная разновидность, если ты работаешь диктором на телевидении.

Ещё, бывает, приколешься что-то делать и – ну всё делаешь, и делаешь, и делаешь, причём с необычайным вниманием к деталям, с упорной такой методичностью и хоть давным-давно нужно было бросить всё это нахер, ты всё равно делаешь, и делаешь… Вроде той бригады зэков, что парой лобзиков дубовую рощу завалили.

Или, к примеру, так называемая «поросячья» таска. Это когда ты что-то есть начал и совершенно неожиданно тут раскрывается такая гамма вкусовых ощущений, что даже не заметишь как прикончил полкастрюли холодных макарон двухдневной давности и выскреб дно.

А в целом, становишься такой вдумчивый, рассудительный. К тебе кентюха подвалил, ну как бы «привет, как твоё ничё?», а ты уже заранее знаешь в какой момент своего бескорыстного общения он у тебя на косячок попросит.

Или к тебе начинают такие глубокие мысли подкатывать— ёбаный Исаак Ньютон! – только надолго они не задерживаются, не дают, чтоб ты их чётко сформулировал, потому что они на что-то ещё перетекают и ты уже там хуеешь от открытий чудных. В общем, игра теней на пелене тумана.

Музыку укуренным слушать – вот высший кайф…)

В музыкантской у нас имелся проигрыватель на этажерке и всего одна пластинка – альбом Бёрн от Дип Пёрпла… Сяду на пол, ухом в динамик, и держу в руках обложку диска, безотрывно рассматриваю, пока вся сторона не кончится – а там их бюсты вроде как бы из бронзы, и у каждого из головы язычок пламени, будто из зажигалки, чуваки в курсе насчёт правильно тащиться…

Самый облом, когда дрянь внезапно иссякнет, к кому ни подвалишь – нету. Такой период называется «подсос». Все злые, как

собаки, патамушта ж кумар ахуеть как долбает. В натуре, у чуваков такие ломки, аж смотреть жалко…

Один раз Серый меня колёсами подогрел, когда из города привёз.

– Буишь?

– А эт чё?

– Ништяк.

– Ну давай.

Он по одной достаёт, а я глотаю. Полпачки захавал, грю: —«А какая доза?»

– Всё ништяк.

Так и добил всю пачку. Потом в ушах шум поднялся, как от водопада, а ночь такая тёмная вся и плотная стала, прям продираешься сквозь неё.

о… так тут кочегарка… Ваня на смене… захожу… он мне чёта грит а я не врубаюсь… потом начал вокруг печи ходить зачем-то…

Уже потом он мне рассказывал, что я в темноте запечного прохода встал и полчаса не двигался типа памятника из бронзы как бы… А главное – боюсь ложиться, это ж я каким-то снотворным облопался, а вдруг усну беспробудно? Обошлось, однако. А этот падла, он и сам дозы не знает, эксперименты на людях, сука, ставит – выживу или нет.

– Ну, ты ж блядь и лосяра!

К Ване жена приехала из их деревни в Крыму… Этот стройбат прям тебе сборище скоропостижно женатых придурков. Опять мне в кочегарке пахать смену за сменой.

Когда она уехала, Ваня парадку скинул и уже в повседневке в кочегарку явился. Воплощение унылой печали. Ну я солдатику размышлять не мешаю, за столом свою смену досиживаю. За окнами мгла и тоже сдержанно помалкивает.

Но тут Рудько, завклубом, к столу с другого края пришвартовывается. У него как всегда насморк и в санчасти ему какой-то порошок дали ингаляцию делать. Вот он в посудомойке

кружку прихватил и приплыл в кочегарку для очередной безнадёжной попытки обуздать свои аденоиды.

Порошок из бумажки в кружку высыпал бережно и туда же кипяточку из крана, а сверху всё это дело ещё и картонкой прикрыл какой-то как бы крышка, чтоб сразу бы не выстыло.

Сидим с ним за круглым столом, аккуратно о чём-то беседуем; он картонку сдвинет, занюхает – дела там как ващще, накроет и – дальше беседуем.

Ну а Ваня к этому моменту своего священного долга перед Родиной уже всяких видов в кочегарке насмотрелся и потому из полутьмы соседнего зала все эти манипуляции просёк и сделал свои поспешные выводы. Решительным шагом подходит к столу и, – «Рудько! Дай и мне!»

– Шо дать?

– Ну это! – и показывает на Рудьково снаряжение.

А Рудько ж интеллигент, думает – если у него насморк, так и у других случиться может: – «На».

Ваня стаскивает ту картонку и—от души, по полной, шоб аж до пяток пробрало—делает пару занюхонов. Смотрю, а у него глаза под лоб закатило и к тому же крест-накрест.

А шо? Лично я бы поверил. Самовнушение великая сила и плюс к тому – вера горами движет. Вот он щас поверил, что Рудько тут «голубую фею» вёдрами херячит и в любой момент может на земляничные поля галлюцинаций занырнуть. Причём, как нéхуй делать. Спасать надо служивого.

– Ваня, – грю, – я тут на днях в столовой с одним Татарином из твоего призыва беседовал.

– И чё?

– Да, ничё так просто… я ему грю – "тебя как зовут, военный?"… а он мне – "моя Руску не паниматт"… "ну, это ясное дело", – грю, – "а до дембеля тебе скоко?"… тут он за голову как схватится: —"вуй, блятт, дохуя!"… так, Ваня, может, то дружбан твой был, а?

Короче, откачал напарника от его галлюцинаций, потому что таков закон армейской дружбы – сам погибай, а товарища выручай.

~ ~ ~

(…мне кажется, Орион предоставлял свои музыкальные услуги безвозмездно, то есть даром, во всяком случае, не помню, чтоб в разговорах поминались какие-либо башли за халтуру.

Для нас, музыкантов Ориона, сама лишь возможность вырваться за пределы воинской части 41769, играть танцы для людей одетых в гражданское являлось бесценной платой. Так что, если угодно, нам платили минутами свободы. Время – деньги. Иногда.

Прилипало ли что-то на лапу командного состава? Скажем, Замполиту? Понятия не имею, а врать неохота…)

С призывом из Симферополя, в Орион влился ещё один музыкант. Юра Николаев знал себе цену, свой прейскурант он изучил на гражданке, играя на ритм-гитаре в ресторанной группе. Он также пел (без особого диапазона, без особой лажи) в пределах обычных заказов от ресторанных кутил подогретых парой графинчиков водки:

"Есть вода! Холодная вода!
Пейте воду с водкой, господа!"

После третьего графинчика шёл тяжёлый-рок:

"...где течёт журча водою, Нил,
Жил своею жизнью беззаботной,
Маленький зелёный крокодил!.."

А когда клиент полностью дозреет, катил сюрреализм, переливаясь:

"Цвели дрова, и лошади чирикали,
Верблюд из Африки приехал на коньках...
Ему понравилась колхозная Бурёнушка
В зелёной кофточке и в розовых чулках!. "

Так что моё присутствие в Орионе оправдывалось лишь парой старых номеров, зато кусок приставленный присматривать за нами на гастролях вне батальона не мог заложить Замполиту, будто я разъезжаю с ансамблем просто так. Ну а на фиктивную должность звукооператора обычно примазывались от двух до трёх чмошников

Но танцы – дело сезонное, они для новогодних вечеров, а летом, вернее в начале осени, нас пригласили играть только один раз. Вечер танцев на хлебозаводе. Был ли этот тот самый, где наша бригада-отделение побиралась с конвейерной линии, не могу знать. На этот раз я увидал лишь обнесённый запертыми боксами двор да трёхэтажное здание заводоуправления, где, на втором, светился и гудел вечер отдыха.

Конечно же, я много танцевал и одна из партнёрш настолько очаровалась своим жиголо в хаки (в моём лице), что не кобенясь покинула зал, на моё предложение. По неосвещённой лестнице мы поднялись на третий этаж, но на площадке перед запертой дверью в коридор пили вино эти чмошные звукооператоры.

На первом этаже картина почти повторилась, только тут уже были её сотрудницы со своими сигаретами. Просто из принципа, я повлёк её, согласную, на выход.

БЛЯААДЬ!!

Безжалостный свет дуговой лампы изливался на голый асфальт двора. Ни одного закутка вокруг. Единственный кусочек тени отбрасывал столб со своей лампой в центре двора. Тощая полоска черноты пролегла от его комля его до гаража, где преломлялась вертикально вверх мимо висячего замка на железе ворот… Сам себе я показался тем самым щенком по кличке Тузик, что спёр резиновую

грелку, но не может найти место шоб её подрать. Пришлось давать обратный ход…

Вероятно, девушку разочаровала моя непредприимчивость и что так не по-солдатски спасовал перед неприхотливым минимализмом обстановки в застолблённом лампой дворе. Во всяком случае, на свидание в парке, как мы договаривались, она не явилась.

Я покружил по полутёмным аллеям, немного постоял под фонарями ярко освещённого корраля танцплощадки, где активно отдыхала молодёжь Ставрополя, хотя это опасно – солдат в повседневке сразу бросится в глаза военным патрулям. Её нигде не оказалось и шансы, что придёт упали до нуля. Заворачивай оглобли, рядовой.

– Солдат, спички найдутся? – ко мне обращался патлатый парень с сумкой на широком ремне через плечо.

Я достал спички из кармана хэбэ́ штанов, он взял коробок и вжикнул зиппером открывая сумку. Поверх всего прочего лежала пачка сигарет и коробок спичек.

– О! Я такой забывчивый. Закуришь? – Он взял сигареты и распахнул крышечку пачки над плотным рядком фильтров. Я вытащил одну.

– Ах! Здесь такой шум, даже голова разболелась. Может отойдём? – Правой рукой он взворошил ширококудрую стрижку тёмных волос до плеч.

…шо за дела ващще?.. он клеит меня или как?. невысокий аккуратный парень, длинные волосы, сумка под локтем…

– Можно.

Мы отошли в сопровождении взглядов обычной возле танцплощадок части публики – тех, кто никогда не заходят внутрь. Медленным шагом, направляемся никуда, в общем-то. Он всё говорит, говорит. Такие женственные интонации. Потом рассказал мне анекдот из жизни голубых.

Одного в Москве поймали, метелят в ментовке, а он пищит: —«Ну капитан! Я же хотел только в ротик, а не в зубы!» Игра слов, но не

смешно, хотя понятно. И с ним тоже всё понятно, просто любопытно – что же дальше?

– Хочешь вина?

– Можно.

Мы зашли в ближайший гастроном у парка, очереди почти никакой. С нескрываемым душевным подъёмом, он спрашивает моего совета, вон то, на стене позади прилавка – подойдёт? А мне как знать? Впервые вижу этот «Горный Цветок». Почти пустой магазин залит резким светом, но те, кто есть упорно молча пялятся. Он выбивает в кассе чек. Радостно несёт его продавщице, обменивает бумажку на бутылку и вкладывает себе в сумку.

Мы возвращаемся в парк, в его верхнюю, неосвещённую часть, где нет скамеек, нет фонарей, а деревья заслоняют экономное освещение ближайшей улицы.

Стоя в темноте у ряда постриженных кустов, мы распили вино, не окончательно. Потом он опускается на колени возле моих сапог и поспешно расстёгивает ширинку хэбэ́…

Ну сперва возбуждает, да, потом остаётся лишь ощущения тёплой влажности там. Его голова, едва различаясь в темноте, без остановки качает, как поршень, взад-вперёд. Я передвигаю бляху послабленного солдатского ремня себе на позвоночник, чтоб он случайно лбом не стукнулся. Он меняет ритм, темп. Передохнул. Снова начал.

…как-то оно монотонно… долго мне ещё так торчать?.

Чмо-ок!

… опять тайм-аут?.

– Нигадяй! Ты был с блядью! Поэтому не можешь кончить! Какой же ты нигадяй!

– Да не был я. – Застёгиваюсь под его жалобные причитания, что у меня такой подходящий—ровно тринадцать—а ничего не вышло. Расхождение его экспертной оценки с измерениями во время обеденного перерыва на заводе КПВРЗ, меня не задевает, с учётом

его разочарования – старался как мог и всё впустую, к тому же за вино он платил.

– Тут ещё осталось – будешь?

– Ах, нет!

Я кончил вяленький горный цветок под его удручённую исповедь, что он тут проездом из города Нальчик, где какой-то очень важный директор, какого-то очень важного производства сделал его таким, когда он ещё был совсем мальчиком.

Потом он обнял меня на прощанье, но никаких поцелуев для такого негодяя, который с блядью был, который наказан, вот и пусть ходит голодный… И он уходит своей сентиментально манящей походкой в сторону уличных фонарей за парком.

Из душераздирающего анекдота от печального мальчика из Нальчика очень даже ясно, что жизнь у них не сахар – таись и прячься, а под конец менты метелят. Бедолаги… Ну, чё? Пора домой двигать, а?.

Почтальон вручил мне письмо от Ольги про письмо, которое она получила от моего сослуживца. Тот анонимно её информировал о моих амурных самовольных похождениях в разных направлениях от дислокации войсковой части 41769, она же ВСО-11…

Наглость грязных инсинуаций возмутила меня до глубины души, тем более, что ни в селе, ни на хлебозаводе ничего не получилось! А тот голубой вообще не в счёт, ведь я даже не кончил. Поэтому в ответном послании я с полным правом подчеркнул, что ничего такого, что он там наподразумевал и близко не было и пусть она пришлёт мне эту анонимную херню, для проведения графологической экспертизы и принятия соответствующих мер пресечения к оборзелому суке подколодному.

В ответ, она известила, что измышления о моём, якобы неустойчивом, поведении ввергли её в состояние аффекта, переживая который она подрала письмо в невосстановимо мелкие клочья.

(…и вот опять я упираюсь в эти трансцендентальные вопросы. Зачем? Какой в этом прок анонимщику? А если Ольга просто брала меня на пушку, то всё равно – зачем?

Эти вопросы в очередной раз доказывают как ограничены возможности человеческого разума… Во всяком случае моего…)

~ ~ ~

Ваня ушёл на вечернюю проверку, потому что сегодня в кочегарке моя смена. Чуть погодя притопал Серый, а с ним, прицепом, «молодой» водитель из Симферопольского призыва. Оба на поддаче. У «молодого» явно деньги есть, вот Серый с ним и кентует.

И тут Серый заводит какую-то полную херню типа как вроде у ребят на меня обиды. Я ващще не врубаюсь. Какие ребята? Шо за обиды?

Ща паймёшь, грит, пашли, и дверь – на крючок. Втроём переходим в мастерскую и Серый как-то враз оттуда слинял, я не понял.

А этот верзила «молодой», в глаза мне не смотрит, грит, чё ты ребят закладываешь? И кулаком в лицо мне. Я удар плечом парировал и мимо него за дверь, а жлоб следом. За печью в закутке лом стоял, я его – хвать, ору: —«Серый! Кого я на́хуй закладывал?»

А он тут же стоял, в тёмном проходе. Увидел, что я при оружии и – серию ударов мне по корпусу. Я лом выронил. Да и хватался-то чисто инстинктивно, скорее для острастки.

В этот момент висячая ширмочка из листового железа под окном, что первое от двери, отклоняется и внутрь вползает Саша Хворостюк, на четвереньках. В одних сапогах и в трусах, а вокруг шеи полотенце обмотано, ну а этот лист железный, что он приоткрыл, об спину его ржавчину свою обскабливает. Явно пришёл душ принять в насосной, но входная дверь закрытой оказалась.

Серый, как его увидел, полкана́ спустил: —«Пошёл отсюда на́хуй!» Ну Саша Хворостюк дальше и вникать не стал. Врубил заднюю и, не

поднимаясь, ногами вперёд уполз.

Серый опять ко мне. А у меня грудь в крови. Курточка на мне всю дорогу нараспашку была и один из ударов по корпусу родинку там сорвал.

Ну он видит, что дохуя кровищи и хуй его знает что в той мастерской у нас с «молодым» было, а он не такой был готовый, чтоб не просечь – тут дисбатом светит, а там режим ахуеть какой жёсткий, даже для воров в законе из третьего поколения. Ещё чёт покаркал: —«Смотри! Ребята! Если что!.» И – свалили они.

А я всё не догоняю – чё за хуйня ващще? Позже поговорил с ним, спросил напрямую, но он опять ту же поебень гонит: —«Смотри! Если чё!.» Короче, просто пахана из себя строил перед тем богатеньким на башли «молодым».

С той поры на своих сменах мне уже нашлось занятие. Насос воет, котёл шипит, а я—локтями в стол, подбородком в оба кулака—сижу и думу думаю. Одну и ту же. Часами. Как мне Серого грохнуть?

Грохнуть не проблема, тем более, что лом есть, но потом? Грохнуть так надо, чтобы самому не загреметь. Но как? Мне даже яму в поле вырыть нечем, в мастерской лишь молоток с зубилом. Попросить лопату у Тер-Теряна? Пиздец, как смешно...

Или, скажем, в насосную, в ту яму где постоянно вода. Груз привязать и опустить. Но что если вода начнёт вонять при разложении трупа? Надёжнее всего в печь под котлом, там из форсунки пламя бьёт на два метра, испепелит бесследно. Вот только Ваня придёт на смену заступать, а в кочегарке жареным воняет, попробуй объясни.

Проблема явно не имела решения и я просто ходил, неделю за неделей, по замкнутому кругу, пока дежурный повар не придёт сказать, что можно выключать котёл...

Кто знает, может я б и расколол задачу с квадратурой круга, но Тульский призыв демобилизовался и к нам пригнали новых «молодых», из Узбекистана и Ставропольского края, и майор

Аветисян вышиб меня из кочегарки, чтобы заменить договорным «молодым» из Пятигорска.

Прощай, Ванюша! И ты, Круглый Стол, наперсник безмолвный раздумий бесплодных…

Да, я стал «дедом» и с особой выразительностью прочувствовал это в сортире. Захожу, а там – Вася из Бурыни, с которым нас шугали, как «салаг», в бригаде ефрейтора Простомолотова. А теперь этот Вася, такой весь из себя вальяжный, в полном приседе над «очком», держит перед носом распахнутую газету. Настолько деловой стал, что его новости уже, блядь, интересуют!

Аххуеть! Нашли давно утраченную картину великого Русского художника-передвижника Репина И. Е. – «Усидчивый читатель»! Обратите внимание, как грациозно свисает бляха ремня повешенного типа кашне, на шею, пока он, с видом умудрённого У. Черчилля, степенно просматривает новости дня вроде как. И тут он, сука, добил меня по полной. Приподымается из глубокого приседа, где-то до уровня книксена, как учитель танцев, что демонстрирует технику реверанса той чёрной дыре между его сапог, и провозглашает: —«Добрый вечер!»

Тут мне ващще пиздец приснился! Распроебу́т твою, блядь, каркалыгу! Где он ващще такие слова берёт нахуй?!

~ ~ ~

«Дедовско́й» период моей армейской службы протекал довольно хаотично. Моя принадлежность к шаре чмошников оборвалась, но командному составу лень было переводить меня ещё куда-то из четвёртой роты всего на шесть месяцев. Так что, мне пришлось работать то там, то сям. Главным образом, на БРУ.

БРУ это никак не боевая-ракетная установка, это бетоно-растворный узел. Хотя «дед» не загнётся от нагрузок даже и на таком напряжённом участке работ. Я мог побросать песочек совочком, а мог и не бросать, смотря как карта ляжет.

Бригадой БРУ командовал Миша Хмельницкий из нашего призыва, который крепко забурел с теми соплями-лычками поперёк сержантского погона.

Потом на какое-то время меня отрядили на кирпичный завод, а там уже ни бригад, ни «молодых». И я самолично укладывал необожжённый кирпич-сырец внутри кольцевой печи для последующего обжига.

Кольцевая печь изнутри – это низкий арочный туннель и она работает безостановочно. Тут тебе, через узкий проём в стене, лента передвижного транспортёра гонит внутрь сырой кирпич—успевай хватать и укладывать! не то навалит груду! укладывай широкими рядами, от пола до потолка—а там, на противоположной стороне диаметра кольцевой печи, из форсунок в тесных стенах бушует пламя, обжигает кирпичи. Жара, конечно, чувствуется по всей печи и приходится работать в нательной рубахе, но всё равно – жара. Скинуть рубаху не получается – случайно тернёшься о стену, а думаешь, что об утюг.

Ещё жарчее свежеобожжёный кирпич на те же ленты транспортёра выгружать – он крутит уже в обратную сторону, а кирпич через рукавицы руки припекает и печные стены таким жаром пышут, что забываешь об утюгах, раздеваешься до сапог и штанов хэбэ́, которые, заодно, и простирнутся твоим потом. А следующая смена будут штабелевать сырец на этом самом месте. И так без конца, потому что у кольцевой печи закольцованный цикл, она – прообраз вечного двигателя…

А дома я стал больше времени проводить в казарме. При нештатных ситуациях «молодые» ко мне за консультацией обращались. Например, за силикатной стеной ограды такси тормознуло, а в нём сержант из нашей роты на заднем сиденьи – в хлам. Меня позвали, я опознал – точно наш, хотя без знаков различия, а по пояс голый. Таксист от платы отказывается, не, грит, спасибо, просто дерьмо это отсюда вытащите.

А сержант – здоровенный боров, три «молодых» потребовалось, чтоб через стенку переплюхнуть тело в сугроб, что там намело. Потом затащили в сушилку, рядом с тумбочкой дневального, где бушлаты с телогрейками после рабочего дня сушатся. Он тоже к ним добавился, на арматурины поверх электротэнов, ничком, как после «вспышки справа»...

Один раз Узбеки угостили меня сушёной дыней. Из дома к ним пришла, в косичку сплетена, сладкая. Я даже вспомнил посылку, что родители прислали мне в начале службы – четыре банки сгущёнки. Враз рассосалась в музыкантской. А Узбеки сами подошли и угостили, откуда бы я ващще знал, что им посылка. Наверное, потому, что пайки сахара и масла с их столов я никогда не отжимал, хотя и «дед» уже.

Командир четвёртой роты, капитан Черных куда-то перевёлся или же кончился его штрафной срок в стройбате. По этому поводу командование принял на себя старлей, заместитель командира четвёртой роты. Но кулаки его, по сравнению с паровыми молотами уехавшего Черныха – фигня. И ребята начали бухтеть на тему телевизора, вона в Отдельной роте и в третьей тоже футбол смотрят и прочую херню, а наш ящик уже год как сдох. Мы чё? Не люди? Блядь!.

Для подавления подрывных настроений, Комбат собрал личный состав в комнате для политзанятий. Я ващще представления не имел, что за той дверью есть такая, думал, может, что-то приблудное от штабной части барака. Короче, приказали нам прихватить табуреты из центрального прохода, мы и вошли. А тут и он припожаловал, лейтенант с левого фланга в виде боевого охранения. Водрузился Комбат поверх самого переднего стола типа как под князя из рода Рюриковичей косит, брюки чуть не до колен вздёрнулись, а из-под них носки с туфлями и волосня седая. А тута мы все, со своих табуреток, преданно рты пораскрывали, в ожидании мудрых наставлений... У Испанского художника Гойи целая куча таких картинок есть... сериалами...

– Вы, эби-о-бля, бастовать надумали, а? Так хуй вы угадали, долбоёбы! Тут вам не ёбаная Италия, потому что у них, эби-о-бля, там макароны! Одна ёбаная макаронина длинная аж хуй чего, а другая – нет! Потому что пополам, блядь, обломана!

Тут он передых берёт в своём крипто-монологе—жопу поудобней унасестить и, поверх наших голов, стёклами очков туда-сюда повертеть. Ёбнутый на всю голову, филин мохноногий, переваривает что это за хуйню он только что сморозил. А мы все перед ним сидим с тупыми взглядами лихой готовности и веры, как Уставом предписано перед лицом старшего по званию…

Но позади моего уставного взгляда, прокручивается, где-то в глубине, рассказ Рассола про гермафродита/ку (?) Софочку из Орловского призыва. Рассол не мог обосновать какую именно сумму её родителям пришлось отслюнить медкомиссии, чтоб та закрыла свой врачебный взгляд на некоторые особенности физиологического строения их чада. Хотели от неё-него отдохнуть. Хотя бы в эти два ёбаные года.

Таким путём Софочку признали годной для нестроевой и отправили в стройбат, где настоящего мужчину из кого хочешь сделают… Незадолго до демобилизации Орловского призыва, в казарме четвёртой роты назрел взрывоопасный любовный треугольник из-за слабых моральных устоев милашки-дембеля. Она делила свою благосклонность между двух дембелей с её призыва, но, впрочем, по очереди. Ребята не могли найти мирное решение вопросу: на чьё ложе в кубрике ей следует являться после отбоя.

И тогда тоже был дан приказ личному составу четвёртой роты явиться на общее собрание. Вполне возможно, я щас сижу на том же табурете, что был под Рассолом, когда Комбат поставил вопрос ребром:

– Софочка, ну ты, эби-о-бля, скажи чё у тебя там – хуй или пизда?

Рядовой, которому был обращён вопрос, поднялся с табурета, приблизился к старшему по званию и влепил плавную пощёчину:

—«Козёл старый!». Затем, гордо поигрывая бёдрами, она вернулась сесть на табурет, под радостное уханье филина за спиной.

Отцы-командиры… Ну блядь и армия! По любому, я не могу списать историю Рассола в разряд эротических фантазий – при пересказах он ни разу не сбился в деталях и слишком уж всё сходится с окружающим дерьмом.

Я очнулся к текущему собранию в момент заключительного воззвания подполковника с его насеста:

– Эби-о-бля! Вам дана высшая материя – мозг! Серое, блядь, вещество!

Опаньки! Эт уже добрался пробуриться в следующую извилину своего серого вещества… Ну блядь и армия! Аххуеть!

~ ~ ~

На утреннем разводе, Начштаба объявил, что он вчера засёк нашего солдата в городе. Шатался, падла, в самоволке. Майор даже погнался за нарушителем, но не догнал. Однако, возмездия не избежать, сейчас он пройдёт вдоль строя и выведет из него ёбаное пятно на славном имени нашего стройбата… И он пошёл вглядываясь в мгновенно окаменевшие лица первой роты, второй роты, третьей роты, четвёртой.

…а хуй ты угадал, майор – дупель-пусто! дальше только КПП и дорога за воротами…

Храня угрюмое молчание, он прочесал строй в обратном направлении.

…ну, не долбоёб, а?. если ты за кем-то там гонялся, хуй он тебе явится на утренний развод, жди больше, глазки закрой – ротик открой…… служивый щас кантуется в сушилке своей роты… или дневального подменил… а может ващще из тех бригад, что месяцами пашут на городских заводах…

Майор начал третью попытку, ёбаный оптимист… Первая рота, вторая рота, треться рота и четвёртая рота.

…ну теперь доволен?. из-за ёбнутой головы и ногам покоя нет… ну блядь и ар..

– Вот он!

Указательный палец из боксёрского кулака майора уставлен на меня.

– Чё? Да если б за мной гонялся, ещё до развода б вывел!

– На гауптвахту!

Дежурный по части и два «черпака в красных повязках на рукаве подошли с требованием сдать поясной ремень и ведут меня в кутузку на проходной. По дороге, я продолжаю аргументы, что он, сука, и сам же знает, что это не я был. Но меня всё равно запирают в тёмной глухой комнатушке «губы»…

Через час дежурный по части отпер дверь и вернул мне бляху – меня назначили на штрафные работы, посыпать песком гололёд на дороге в город. Грузовик с полным кузовом уже ждёт за воротами…

Жмуря глаза на свистящем ветру, я не сачкую, швыряю песок поверх заднего борта. Но когда транспортное средство оказалось в городе, наши пути расходятся у первого же светофора.

Потом я нашакалил на бутылку или две и очнулся уже в сумерках, на скамейке у подножия Комсомольской Горки. Оказывается, метель тем временем уже утихла и только медленные крупные снежинки спускаются из плотной темноты наверху и тают у меня на лице и на груди в широко распахнутом бушлате. Прохожих прибавляется – конец рабочего дня у служащих. Они торопятся по домам, им дела нет до солдатика, что мирно и культурно отдыхает на скамейке.

– Эй! Замёрзнешь! – Один всё же подёргал мою коленку.

– Пшёл… нах… бля.!

– Как ты смеешь? Я работник КГБ!

– И твою КГБ тоже на́хуй!

– Ну погоди! Вот я патруль позову!

Потом я подымаюсь в автобус набитый до предела. Меня колбасит от долгого пребывания на холоде той скамейки. И вдруг в плотной массе пассажиров открывается расселина прямиком к

высвобожденному месту. А таки любит наш народ защитников социалистического Отечества…

Мы играли Новогодний вечер в кулинарном училище. Точнее, они играли, а я собою представлял небесно тело инертно влекомое Орионом, ну типа астероида.

Осенний призыв из Пятигорска привёз в наш батальон такого себе Володю, по кличке Длинный. Он был не только длинный, но и тощий, с тёмными кругами вокруг впавших глаз, как и положено наркуше, который на игле сидит. Но на гитаре он играл как гитарист Лед Зепа в альбоме *Лестница в Небо*. Рудько его боготворил, и меня его техника тоже впечатляла, но как личность он был просто сука. «Длинный! Ну, чё ты такой, а?»

– Я всегда своё говно вперёд толкаю, чтобы отъеблись и в покое оставили.

Смех у него был хороший, но смеялся он крайне редко. В общем, пацан пацаном, но на гитаре – бог… Само собой, ансамбль стройбата не исполнял номеров из *Лестницы в Небо*, но Длинный иногда вставлял в репертуар Ориона такие брейки, что не устыдился бы и Джимми Пейдж.

Какой-то кореш Длинного из Пятигорска привёз на тот Новогодний сезон его собственную гитару, с фузбустером, а сам стучал на барабанах в Орионе, потому что они с Длинным из одной рок-группы, которая развалилась, когда гитариста в армию загребли. А когда Новогодние танцы кончились, он гитару Длинного обратно в Пятигорск увёз, не держать же такую ценность в Клубе…

Юра Николаев, звезда Крымских кабаков и Саша Рудько, виртуоз из Днепропетровской филармонии обеспечивали вокал на праздники. Они пели, каждый в своей неповторимой манере, под шквалы импровизов в духе Джимми Пейджа, а случалось и Хендрикса, который тоже, кстати, Джимми. Однако, нормальному любителю музыки из глубинки, вскормленному на бессмертных образцах Советской эстрады, подобные вариации звучали неприемлемо какафонически, поскольку явно не кобзонны. Так что,

одна из будущих кулинарш имела полное право подойти к Юре Николаеву и спросить: —«Извините, а вы Гусские нагодные иггаете?» Это она так картавила слова.

А Юра знал, что Рудько полностью подпал под влияние Длинного, как тот скажет, так и будет. Вот он и направил девушку прямиком к Длинному, чтоб время зря не теряла.

У Длинного на тот момент полный сушняк, полулежит на стуле с твёрдой спинкой, ноги враскорячку по полу, широ́ко и далёко, китель свисает с той же спинки, но галстук хаки на своём уставном месте, просто переброшен через плечо. Упорно вдаль уставился – чего-то там за барханами высматривает и облизывает спёкшиеся губы тёркой сухого языка.

– А Русские нагодные в вашем гепегтуаге есть?"

Нечеловеческим усилием, воин на стуле собрал всю свою волю в кулак, сосредоточился, навёл резкость органов своей оптики в направлении расплывчатых звуков и – различил, что к нему девушка обращается.

– Гусские? Гепегтуаг? Это пгямо к товагищу Гудько, – и пальцем указал на Александра, который стоял у колонки и тоскливо покручивал ручку громкости на усилителе бас гитары.

Девушку нагрузило, есессна, что так её повторно отсылают, но как видно, упорная попалась – дошла до номинального руководителя Ориона и вопрос свой повторила.

– Извините, – грит Рудько и смотрит тем своим страдальчески туманным взором, акварельно-расплывчатого оттенка. – Но Гусские мы пгинципиально не иггаем. – Ещё и своим вечным насморком пришмыгнул, интеллигент грёбаный.

Он и рад бы сказать по-другому, но не может – сам картавый. Но она-то об этом всём не знала! Вот иди и толкуй о врождённых комплексах, но всё—я говорю ВСЁ!! – благоприобретается с опытом…

На том вечере я целовался с Валей Папаяни, ставропольской Гречанкой. Ничего помимо поцелуев. Она сказала, что она

учительница в этом кулинарном училище, и что ей двадцать семь лет. Так утром Комбат объявил на разводе: —«Вчера один из наших, эби-о-бля, музыкантов шестидесятисемилетнюю проблядь под лестницей разложил!» Вот ведь маразматик – двадцать семь от шестидесяти семи не отличает. Конечно, это тот кусок, прапор-надсмотрщик заложил…

Через пару дней опять где-то играли Новогодний вечер, но там я вообще не танцевал. Потому что там такая дурь оказалась – всем дурям дурь. Мы взорвали пару косяков на лестничной площадке, а потом зашли в зал. Ребята взяли свои инструменты, так мягко, прочувствованно, и начали играть. А музыка как-то странно издалека, как будто из-за горизонта доносится и—что характерно—тихая. Головой к динамикам прильнёшь, ну видно же – ткань аж содрогается от звука, а всё равно приглушённо как-то.

Потом я пошёл по залу побродить, для перемены. А люди там – все сколько есть вроде как из фанеры выпилены, двухмерные, то есть, все поголовно. Хочу заглянуть что у них на оборотной стороне плоскости, а не получается – кто-то уже следующий нарисовался и тоже двухмерный. А издалека и медленно так – музыка…

Иногда над этими головами фанерными проплывали глазные яблоки на своих стеблях—как перископики—это те псевдо-звукооператоры, насмерть укуренные, бродят в пространстве. Во они тащатся! Смешные такие! И тоже смеются. А и откуда они только такую дурь достали?

Домой нас привезли уже заполночь. Стоял скрипучий Арктический мороз… Под светом колючих звёзд в небе, мы перетаскали аппаратуру на сцену пустого, вымершего, замороженного кинозала. Никто не говорил ни слова. Ни сил, ни желания. Ибо всё есть Пустота.

Пустота пустот и всяческая пустота.

~ ~ ~

Ах, да! С тем же осенним призывом пригнали ещё «молодых» из Молдавии и Москвы. Немного, голов по десять… У Молдован такие чудны́е фамилии – Ра́ру, Шу́шу, хотя имена вполне нормальные… Вася Шушу получил уведомление про посылку до востребования на главпочтамте. Когда он за ней ехал, позвал Лёлика из Москвы, Виталика из Симферополя и меня. Посылку мы забрали и нашли столовую в городе, на втором этаже. Вася её открыл, а там—

> ***"Вино, Молдавское вино,***
> ***Оно на радость нам дано!.***

Вася, как хлебосольный хозяин, принёс макароны с чем-то сверху и под столом по стаканам вино разливает, чтоб работникам общепита проблем не создавать. И в таком плане мы прикончили не знаю сколько литров.

Ну чё? Пагнаали! И мы спустились на первый этаж, где Лёлик поссал в урну, пока Виталик его как бы загораживал для соблюдения приличий в глазах общественности.

Этот Лёлик, он ващще бля полный отморозок. Однажды я пришёл на комбинат стройматериалов, там ещё такой длинный транспортёр, в основном под открытым небом, что тянется наверх холма, под крышу, и подаёт туда глину или типа того. Работа Лёлика заключалась, чтобы ходить вверх-вниз по лестнице вдоль ленты транспортёра и ломом пробивать, если где глина застрянет. Не помню уже зачем конкретно я туда пришёл, но Лёлик, как меня увидел, тот лом так и затрепетал в его в руках и по глазам видно, до чего ж ему охота меня грохнуть. Ничего личного, просто так, раз ему в руки тот лом подвернулся. Однако, у него квадратура круга тоже ещё не решённая, похоже. Грохнуть – грохнешь, а труп куда? Короче, сдержался он…

Мы покинули столовую и прогулочным шагом двинули вперёд в дружеской беседе. Яркое солнце, белый снег, жизнь прекрасна… Потом Вася и Лёлик начали выяснять чья родина лучше: Москва или

Молдова? Так, слово по слову, начали друг на друге бушлаты за грудки хватать. Но Виталик – вот молодец! Зачем, грит, на улице, пошли в какой-нито двор зайдём.

Заруливаем во двор каких-то двухэтажек, Виталик им типа Лондонского рефери попричитал, шо бляхами не бить и сапогами тоже, если соперник сковырнулся. Скинули они пояса и шапки и – понеслась потеха молодецкая! Оба под метр восемьдесят, кулаки – как гири, один другого ахнет – по двору эхо отдаётся. Эгей! Окропим снежок красненьким!

Вася разбил Лёлику бровь. Лёлик, обливаясь кровью, упал на одно колено. Вася отошёл к бельевым верёвкам с какой-то стиркой там и не идёт на добивание – богатыри блюдут правила.

Тут по крылечку двухэтажки какой-то мужик в тельняшке рысцою прибежал, грит, кто-то из его крысяр-соседей в ментуру брякнул. Короче, матч откладывается по независящим причинам. Лёлик морду снегом протёр, противники поодевались и мы покинули спортивную арену.

Но боевой задор молодцев никак не унимается. Вот-вот опять сцепятся, мы с Виталиком их развели и держим по отдельности. Потом на пары разделились. Лёлика я вперёд увёл и на ходу убеждаю, что Москва – столица нашей Родины, лучший город Земли. Метрах в десяти сзади Виталик и Вася шагают, поглощены обсуждением подвигов Фет-Фрумоса из Молдавского эпоса. Так, в мирных беседах, неспешно движемся, но тут нежданно, справа, Волга тормознула и два мента в шинелях – прыг на тротуар!. Обложили.

Мы с Лёликом бляхи скинули да на запястьях захлестнули, чисто для самообороны. Ну и помахиваем ненавязчиво так, чтобы донести до сознания как бы не подходи ко мне без ну́жды. Мент слева пушку выхватил. И маленькая такая чёрная дырочка, а вкруг неё кружочек солнечного блика на срезе ствола, смотрит мне прямо в лицо.

В этот момент вторая пара собеседников-перипатетиков прибывают в эпицентр раздора. Увлечённые темой обсуждений, они

по сторонам не секли. И вдруг—опаньки! – резкая смена декораций – два солдата с бляхами противостоят двум ментам с пистолетом. От переизбытка чувств и ассоциаций, ноги Виталика подкосились, рот распахнулся широко и лишь в последнюю секунду успел он опереться о забор спиною…

Исполать тебе, благословенная земля Молдавская! Ты зачала и вскормила Васю Шушу Доблестного! Истинный воин, преисполненный духом товарищества и боевого братства, могучим объятием охватил он ближайшего к нему мента—без пистолета который—и крикнул: —«Беги!» Дважды повторять не понадобилось.

“ ***О боги! Как я боялся! Как бежал!***

Вокруг и подо мною промелькивали какие-то заборы, деревья, холмы, буераки, крепостные валы и горные кряжи… Пришёл в себя я лишь посреди какого-то сарая с продольными щелями в стенах из горизонтально прибитых горбылей и долго приводил своё дыхание в порядок.

Вечером в казарму явился только Лёлик. Ему нужно было застирать бушлат от крови пролитой разбитой бровью. Я отвёл его в кочегарку.

У них там тоже свои новости. Обмуровка печи в дальнем зале вся потрескалась, скорее всего из-за перегрева котла. (Так вот почему в прошлом месяце нас возили в городскую баню!) Во время аварии из всех тех трещин валил, по всей видимости, дым с чёрной сажей, которая пушистым слоем осела на печах и потолках в обоих залах. Накрылся мой косметический ремонт равномерно чёрным.

(…испытывал ли я чувство злорадства? Если да, то недолго – до того мне это всё уже остоебенило…)

Сыпучие материалы перевозят в особых вагонах без крыши, а дно в таких вагонах – два ряда железных люков, которые распахиваются за пределы железнодорожной колеи. При разгрузке сшибаешь на

сторону крюк-запор скрепляющий дно со стенкой, наружный край люка сваливается и перестаёт быть дном, материал ссыпается через произведённый выход.

Не знаю для какой организации прибыли на станцию Ставрополь те пять вагонов песка, однако, когда на станции распахнули люки, оттуда ничего не ссы́палось. Тогда заглянули снизу и увидали гладкий мелкозернистый монолит. Песок отгружался мокрым или же попал в дожди на нескончаемых путях нашей необъятной Родины, а потом морозы превратили его в пять громадных параллелепипедов многотонного груза намертво смёрзшегося в формах из железных стен вагонов.

Ждать, пока всё оттает обратно, не получается, потому что если вагон не возвращён железной дороге в течение трёх дней после прибытия его на станцию или ветку твоей организации, то это классифицируется как «простой подвижного состава», за который накручивается громадный штраф и продолжает крутиться дальше. У получателей замороженного песка головы пошли кру́гом – проблема выглядела неразрешимой абсолютно.

А и кто это есть у нас для решения проблем любой степени неразрешимости? Кто разгребает дерьмо навороченное руководящей, но тупой элитой, которым отроду и до могилы не приходится трудится головой, а только языками, губками и прочим? Ну да конечно, извини, это слишком лёгкая про рабов СССР… Но просто на всякий, какой фактор нужно вбросить для решения проблемы любого уровня сложности?. Да, ладно, брось кокетничать! Я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь… И потому на станцию Ставрополя привезли четыре грузовика нас. И для такого случая нам даже выдали гладкие стальные ломы.

Решать проблему снизу через распахнутые воротца на дне вагонов не имело смысла, потому что на удары снизу монолит отбрасывал лом обратно в тебя, как это предусматривается соответствующим законом Физики. Придётся еба́шить сверху и—

через борта вагонов—лопатами. Ходят слухи, что подвезут отбойный молоток, а может – два, ну а пока что в атаку с тем, что под рукой!

Я малость подолбил, но скоро бросил, слишком уж задолбала монотонность ёбаного процесса за годы моей службы. Но стоять без дела тоже не выход на таком холоде с моими нежными ногами, которым столько раз довелось замерзать до полного анабиоза, а потом оттаивать обратно…

Миша Хмельницкий выдал мне деньги сходить за «сугревом». Сам он не может, он сержант, ему за Узбеками присматривать надо…

А и откуда только у военнослужащие деньги берутся?

Да, ланна, тут и думать нечего. БРУ производит различные количества цементного и/или известкового раствора. Сколько написано в заявке, которую передаст водитель самосвала, столько и произведут. А если заявка с подписью прораба как-то как бы затерялась? Водитель передаёт другую бумажку. Кому? Командиру бригады работающей на БРУ…

И я вышел в город… Район попался незнакомый и нужный магазин не сразу отыскался. После загрузки бутылок под бушлат натуго препоясанный ремнём по чреслам, я толстенький такой стал. Кто сказал, будто стройбат плохо кормят?

Назад я шёл склонив голову. Не от стеснительности, а просто снег, сука, лицо сечёт.

– Почему честь не отдаёте? Вас что, не учили?

По Уставу внутренней службы, ты обязан отдавать честь любому старшему по званию, даже если это всего лишь ефрейтор. Но эта снежная крупа помешала вовремя засечь офицера, который меня остановил. А и к тому же, как только вскину руку ему козырнуть, те бутылки начнут из-под бушлата Джингл Белз вызванивать.

– Виноват, товарищ… – глянул ему на погон и – не врубаюсь. Просветов нет, как на погоне прапора, а звезда побольше, чем у майора, но тут листочки у него в петлицах углядел. – …товарищ генерал-майор. Я задумался.

– Задумался он! Идите!

И это правильно – генералу и рядовому в чёрных погонах, практически, невозможно найти взаимную тему общения.

Единственный офицер, который за два года мне «Вы» сказал…

~ ~ ~

На место сибиряка капитана Черных, к нам новый комроты перевёлся, или его перевели, из Монгольских степей; тоже капитан. Очень даже гуманного вида, правда нос настораживает, до того длинный, что за улыбку цепляется, хотя за одну только верхнюю губу, но всё равно настораживает. А сам общительный такой, когда у него дежурство он в кабинете не сидит, всё по казарме расхаживает, солдатикам про сертификаты рассказывает, которые с собой привёз из Монголии или бороться с кем-нибудь затеет. И после борьбы радостный весь из себя становится, глазки блестят, по щекам красные пятна, а нос уже об обе губы трётся.

Сразу я как-то не мог определиться, что-то знакомое мелькало в его ужимках, интонациях, но что именно никак не вруба… блядь! Вспомнил! Мальчик из Нальчика! Но постой, ведь офицер же… и потом жена у него есть…

Короче, я окрестил его названием Монгольской валюты и кликуха тут же прижилась среди личного состава роты. И вот как-то на вечерней проверке Тугрик опять завёл байду какой он богатый на эти сертификаты для тугриков и что завтра с утра пойдёт с женой холодильник покупать, а для него часы наручные, потому что в которых сейчас ходит, просто паазор каакой-то, придётся выкинуть, хотя и называются «Командирские».

Ну тут я больше уже не смог сдерживаться, грю: —«Не хочешь выбросить, кому-то из солдат отдай». А он так резко: —«Кто это сказал? Два шага вперёд!»

Я вышел из строя. Он ко мне подходит и, демонстративно так, часы с руки отстёгивает: —«На!»

Беру часы и засовываю в карман штанов хэбэ́, хотя он явно на другой исход рассчитывал. Да, жизнь полна сюрпризов.

Но как на следующий день я с этим тикалом намучился! Полдня хожу по улицам, но никто покупать не хочет. Думают, раз стройбатовец часы толкает, значит обязательно краденые или же с холодного трупа срезаны. А и ведь хорошие часы, клянусь, отец мой однажды в Москве за точно такие же двадцать пять рублей платил, а я всего-навсего за семь предлагаю. Первый раз не шакалю, честная сделка… Нет, коммерция – это дохлятина, когда спросу нет.

Под конец, отнёс часы в часовую мастерскую и когда мужик предложил три рубля, мне просто уже выбора не оставалось… С чувством облегчения выхожу от часовщика с честно заработанной наличкой, и что же, первым делом, слышу от случайного прохожего?

– Солдат! Купи у меня часы! За трёшку отдам!

Совпадение, конечно, но не об этом речь. Прикинь, как оборзели эти шаромыжники! Даже к стройбату пристают уже!

Неделей позже мне Ваня рассказал, как «молодой» повар недавно у него в мастерской спал. Тугрик в тот день был дежурным по части так даже и в кочегарку свой длинный нос сунул. Увидел на верстаке матрас со спящим солдатиком – хвать его за хуй и пристал, как банный лист к жопе: —«Ну, дай! Ну, дай!» И теперь (заключил Ваня свой рассказ) Тугрик уже двух «молодых» поваров сосает, а один из них жену его поёбывает…

Однажды в казарме этот вафлист начал на меня наезжать: —«Что-то ты себя чересчур «дедом» ставишь».

Я в ответ ничего не сказал, ни единого слова. Просто губы так вытянул и три звука издал: —«Чмо-чмо-чмок!»

Он молча развернулся и ушёл по центральному проходу с непрощающе напряжённой спиной. С тех пор меня вообще замечать перестал, потому что я такой негодяй оказался. Нигаадяй праативный!.

В бараке роты появился новенький «черпак», которого перевели к нам из другого стройбата аж где-то в Дагестане. Он там ушёл в самоволку и застал жену с кем-то ещё. Начал кипиш подымать по этому поводу, но его повязали и прикрыли на губу, которую он

наводнил такими убедительными обещаньями грохнуть всех причастных к бытовому недоразумению, а потом и себя порешить, что его перевели к нам – в самую географически отдалённую точку в одном и том же военном округе… Кавказец какой-то, определённее сказать не могу, их в одном только Дагестане сорок восемь разных национальностей.

Он всё время молчал и с ним никто не разговаривал. Опасались типа как от встречи с новым зверем в привычной клетке.

Однажды вечером сидит он на табурете в центральном проходе с газетой в руках. Я просто мимо проходил и какой-то заголовок привлёк моё внимание. В натуре, просто хотел глянуть и вернуть. Но он ответил: —«Уйди».

– Ты чё? Блатуешь, *салага*?

Он вскочил на ноги. Так я даже притронуться к нему не успел – сразу сворой налетели и начали метелить. Рядовой вырвался и убежал из казармы. И—что характерно—ни одного «деда» в том кодляке, сплошь одни «черпаки». Позже я вычислил, что это они несколько дней на него злобу и страх копили за то, что не такой как они. Нет, без всяких этнических намёков, а что на основании семейной трагедии запросто мог грохнуть тебя без оглядки на квадратуру круга. Любая стая страхом цементируется…

Но служивый убежал не дальше штабного барака, кишка тонка оказалась, чтобы податься в родимый Дагестан… Дежурный по части офицер пришёл в нашу казарму и отвёл меня в кутузку на проходной частично занятую «дедом» из Днепра, который уже там отдыхал. У военнослужащего ништяк дурь оказалась и мы раскумарились.

Потом мы залегли на нары, где несколько залёжанных телогреек прикидывались матрасами, и он начал выдвигать на тему, что вся наша великая держава давно уже под контролем тайной сети определённой теневой организации с хорошо развитой структурой взаимодействия всех разветвлений, потому что мы все движемся к одной великой цели и неважно осознаём мы это или нет… В целом,

он гнал намного лучше, чем замполит роты на воскресных политзанятиях, такой себе Рыцарь Храмовник из Днепропетровска с проповедью к непроглядной тьме кутузки.

Но если ты такой ахуенный Франк-Масон, то хуй бы тебя загребли в стройбат, верно? Однако я не стал его задвигать и не вмешивался в структурный анализ бесконтрольных сетей поскольку дурь же у него.

Тут дверь открылась и пролила немного света от лампочки в коридоре проходной, а заодно позволила вкатиться внутрь Колобку Татарского происхождения. Ух-ты! А и кто это тут у нас такой смешной и кругленький? Алимоша! А тебя за что, брат?

Дежурный старлей снял с грузовика по подозрению, что прибывая он пребывает в нетрезвом состоянии, и хотел даже обыскать Алимошу на предмет выявления попытки контрабандного ввоза спиртного в расположение воинской части. Но в ответ Алимоша начал бить себя в грудь, даже бушлат расстегнул, чтоб легче фуфло толкать было: нате! Смотрите, какой он честный боец, а причина запаха в Жигулёвском пиве, которое он выпил по нечаянности, потому что думал там ситро или другая безалкогольная хрень, в той бутылке, на которую наткнулся в темноте, в подвале, потому что там света не было, какая сука вообще её подкинул? Старлей сдался первым, приказал забрать у Алимоши бляху, а самого прикрыть, но тот уже втянулся и аж до нашей двери продолжал вплетать и расцвечивать трандёж всё новыми уликами своей невинности и потому вкатился в конференц-зал в таком нескромно расстёгнутом виде.

Через пять минут Алимоша постучал в дверь и спросил дежурных по КПП, старлей ушёл уже или как? Те так глухо, через дверь – ушёл, мол.

Тогда Алимоша достал из рукава бутылку вина и приказал отнести её Вите Новику в первую роту, потому что ребята ждут уже. Дежурный «черпак» снова запер нас и побежал выполнять задание.

Тогда Алимоша достал вторую бутылку из второго рукава и, как провидчески всё это успел уже описать великий классик:

"Бойцы вспоминали минувшие дни,
И битвы где вместе рубились они..."

Утром нас троих вернули в ряды рабсилы для выполнения пятилетнего плана начертанного Коммунистической Партией и Правительством Советского Союза… А кавказца, что шантажировал самоубийством поверх серии расправ в родном Дагестане, перевели в Отдельную роту.

~ ~ ~

Я уже видел этого Узбека в столовой и запомнил, потому что именно из-за него ко мне пришла мысль, что тащиться можно и без дури, на ша́ру, прицепом к таска́лову ближнего… В тот раз мы пошли в столовую после отбоя, где «молодые» уже отрабатывали свои наряды на серой мозаике пола.

Мы выбрали стол в углу, чтобы не препятствовать стараниям зомбиглазых от недосыпа поломоев, а до угла им ещё неблизко. Аккуратненько сели, косячок культурно ходит по кругу избранных и полных взаимной внимательности, а та́ска на смехуёчки завернула. На обдолбанную рожу друг другу глянем и уссыкаемся со́ смеху.

И тот Узбек, что метрах в пяти-семи от нас таскал свою тряпку по полу, туда-сюда, вдруг тоже заржал!.. Короче, от нашего скромного веселья подзарядился и его тем же руслом поволокло неудержимо – на ша́ру, без дури, прицепом к нашей.

Ну подозвали его, «пяточку» добить предложили, но он отказался. Хотя оно и понятно, шугается ещё – вдруг кусок из его роты нагрянет просечь как тут оно что…

А потом смотрю – он в бригаде БРУ, в кузове одного со мной грузовика домой ездит, а по дороге иногда песни поёт на родном языке и в своих центральноазиатских модуляциях тона. Непривычно, да, но слушать можно, типа, как Джимми Хендрикс, когда если без гитары. Узбеки под его пение в задумчивость

впадают, а дорога быстрее кончается. Молодец *акын*, или может *ашуг*? Ну короче – лабух.

Сержант Миша Хмельницкий никак не мог освоить как его имя произносится и, чтобы не париться, грит: —«Ланна! Буишь – Вася!» И вот как-то едем домой и Хмель ему командует: —«Вася – пой!»

А видно, что тому неохота, настроя нет, но Хмель не унимается: —«Чё? Не понял, *салабóн*? Была команда петь!»

Ну тот и запел… Узбеки на него волком смотрят, матерят по-своему типа как ты чё? у этой падлы канарейкой заделался? Языка я, конечно, не знаю, но некоторые высказывания и без слов понятны.

Ну лабух проаманил один куплет и на коду, но Хмель опять пристаёт: —«Давай, Вася, жги!» И солдат завёлся снова на высоких нотах. И я смотрю – Узбеки расцвели, в одном месте хохотнули даже. Ну тоже вполне понятно, исполнитель подправил слова до соответствия ситуации:

"Вай, сержант, вай, я твою маму ебал!."

А Хмелю ж не доходит: —«Во это оно! Ещё!"

И получает чего просит:

"Вай, сержант, вай, я твой рот ебал!."

Узбеки сó смеху сдыхают, а сержант кайфует:

– Ух, хорошо! Молодец Вася!

Ну тут грузовик на нужном перекрёстке у семафора тормознул и я, не прощаясь с милой компанией меломанов, через задний борт по лесенке, с достоинством, слинял… А линял я тогда к Тихой Мышке.

Вообще-то имя её Таня, но она не знала, что про себя я её «Тихой Мышкой» кличу, потому что когда я в первый раз к ней в троллейбусе подошёл, она тихонько так отвечала. А как не подойти? Несколько в одном и том же троллейбусе её видел, в котором от Кольцевой до БРУ добирался.

Она мне позже сказала: —«Я тебя ещё в феврале приметила, в самый мороз у тебя бушлат незастёгнутый и вся шея голая». Такая по-матерински заботливая. На два года старше меня.

"... лишь тех мы женщин выбираем,
которые нас выбрали уже..."

Утром когда она согласилась на свидание после рабочего дня, я не один на БРУ троллейбусом ехал. От остановки там ещё надо длинной улочкой пердолить и я тому Молдаванину сказал: —«Ра́ру! Спорим – разденусь?» В общем, вокруг ещё снега лежат, хотя уже март, а я до пояса голый вымáхую вдоль по Питерской в одних сапогах и хэбэ́шных штанах, пока Ра́ру сзади несёт прочие частности обмундирования. Потому что такое меня воодушевление охватило, но это было ещё до того, как она про мою голую шею мне сказала...

Скорее всего, в тот момент на мне сказалась встреча с юродивым... Ещё в феврале я около недели околачивался на строительстве 50-квартирного – того самого, что мы когда-то начинали ломами из арматуры, но теперь его уже сдавать готовились. Ну и ребята мне там сказали про старика, который босиком гуляет по близлежащей улице. Я туда дважды ходил, специально, пока его застал.

Старик с бородой; борода седая – аж жёлтая, шапка на нём, пальто. Штаны подвернул до колен, а ниже одни только голые ноги. Он в сугробах дорожку метлой прометал. Длинный и тощий, но вряд ли наркуше, потому что у него своё таскалово... Снег тихо падал большими редкими хлопьями, а он босиком ходит и дорожку метёт вдоль пустой улицы. Я немного постоял наблюдая, он тоже пару раз на меня глаз скосил. Помолчали мы, каждый себе, и я ушёл.

(...каждый верит, что его вера самая правильная.

В ставропольских мужиках вера, не знаю почему, крепко с ногами связана. Уже в третьем тысячелетии по телевизору

показали человека, который от Ставрополя до Москвы на коленках прополз. Чтобы выдержать тяжкий подвиг, привязывал куски автопокрышек себе на колени и полз вдоль обочин шоссейных. Покрышки по мере износа заменял. Для возрождения благочиния, благолепия и веры в христолюбивом народе православном…

Ну лично я не возражаю. Хоть сам и неверующий, но веротерпимый. Истинная веротерпимость только среди неверующих и бывает. Остальные все только прикидываются, а на самом деле им хочется всех в свою веру обратить. Даже те же атеисты, всех бы переманили в свою секту верующих в то, что Бога нет.

Неверующий это когда верить нечем из-за отсутствия соответствующего органа.

"… доктор сказал: —«мы отрежем только аппендикс»…"

но лишку хряпнул и оттяпал то, что вырабатывает необходимые для веры флюиды и секреции… Зато если веры нет, то и обращать не во что.

Так что ползайте на любые дистанции, сидите лотосом по самый пестик, толчитесь лбом оземь—да что угодно! – только не в моём огороде. Пусть я и дальше останусь терпимым, ну пожалуйста…)

Но в ту стройбатовскую весну, мне все те теологии и на́хуй нужны не были, пока я дожидался троллейбус № 5 на остановке Кольцевая Дорога… Таких прошло несколько, пока она подъехала наконец…

Мы тихо шагали по тротуару вдоль шеренги пятиэтажек сложенных из белого силикатного кирпича Липецкой кладкой. Потом зашли в один из подъездов одной из пятиэтажек. Долго и тихо мы обнимались стоя у батареи отопления под лестничным маршем первого этажа. Всё так же стоя и совокупились, тихо.

Потом мы снова вышли на бесконечный тротуар и я проводил её к другому подъезду в другой пятиэтажке. И долго поле этого никак не

получалось повторить то жаркое тихое наслаждение, подъезды почему-то стали слишком людными. Пару раз мы ходили в кино на дневной сеанс, но слишком много детворы сидели рядом.

Однажды капитан Писак усёк нас на выходе из кинотеатра. Он отозвал меня в сторону и потребовал тут же прервать всякие с ней отношения, хотя ничего конкретного предъявить на неё не мог. И, что сильнее всего раздражает, ну допустим, ты – Писак, так иди и командуй в свою первую роту, накручивай наряды бляхами, а у меня свой комроты – Тугрик.

Но, в конце концов, я нанёс ей визит на дому. Это оказался не тот подъезд куда я провожал её в самый первый раз, да и пятиэтажка на полквартала дальше.

Когда я снял сапоги у неё в прихожей и затолкал портянки в них, как можно глубже, чтоб сдержаннее выдавали свою брутальную арому, стало видно, что я совсем босой и даже шлёпанцы не могли скрыть этот факт, вроде юродивый, только без метлы…

Дома у неё оказалась ещё мама и дочка в трёхлетнем возрасте. Потом её мама взяла её дочку на прогулку в магазин, а мы опустились на ковёр, куда она принесла и распахнула свой альбом с фотографиями. На фотках и на ковре она смотрелась очень классно, эта тихая мышка-блондинка Таня. Мне стоило всего лишь руку протянуть, дотронуться до кожи её плеча под халатиком, чтобы разложить на этом ковре рядом с распахнутым альбомом, но что-то меня удержало от такого самого естественного движения. Не знаю что именно меня остановило. Чего ещё я дожидался?

(…в те безвозвратно канувшие времена—не дотянуться, не дозваться, не искупить—я не ведал ещё, что все мои горести, радости и всякое такое прочее, исходят от той недосягаемой сволочи в непостижимо далёком будущем, которая растянулась сейчас на моей спине и слагает вот это письмо, в одноместной палатке, посреди тёмного леса на краю света, под неумолчный плеск реки, которую нынче кличут Варанда…)

Потом её мать вернулась из магазина вместе с Таниной дочкой и оранжевыми апельсинами в сетке…

Наши последующие встречи случались уже не у неё на квартире и она начала высказывать заинтересованность заглянуть в мой военный билет. Туфта насчёт военных билетов запертых в сейфе Комбата с нею не прокатила – она была на два года старше… или об этом я говорил уже?

Потом как-то всё захороводилось, возникли недоразуменные обстоятельства и лишний сумбур на фоне вполне мирного, в остальном, течения моей службы. И мы потеряли друг друга из виду. Уже незадолго до демобилизации я пошёл навестить её снова, но дверь открыла мама сообщить, что Тани нет дома.

Я подождал её у подъезда, а когда она наконец появилась, мы прошли в широкий ночной двор между пятиэтажками, где она отдалась мне незамедлительно и тихо на столе детской площадки. Однако я кончил слишком быстро, куда быстрее, чем в подъезде, что мне совсем не понравилось и я прервал с ней отношения, как того и добивался капитан Писак, командир первой роты. Потому что в Уставе Внутренней Службы чётко определено: «приказ старшего по званию – закон для подчинённых»…

~ ~ ~

Чем ближе дембель, тем меньше спишь. Куда, куда вы удалились благие ночи, когда я засыпал едва упав главою на подушку? Завидное качество *салаги*… А нынче… эээх!. Прошла вечерняя проверка, завершён долгий бесцельный визит в Клуб, я притопал обратно в казарму, сна ни в одном глазу… Вот и собираемся мы, полуночники, бессонное спецподразделение королевских войск в рядах Советской армии, залегаем в каком-нибудь кубрике в круговую оборону против застывшей ночи. Базарим о том, о сём, или просто дуры гоняем.

(...через много лет из Архипелага ГУЛАГ Солженицына я узнáю, что это старинный способ зэков убивать время, наследие Царских времён, когда кто-то из сокамерников пересказывает какой-нибудь роман какого-нибудь Диккенса подгоняя детали под современную повседневность. Только вместо «гнать дуру», у зэков это звалось «тискать роман»...)

Когда пришёл мой черёд, я тискаю роман возмездия про двух юных влюблённых и жестокого барона из замка на холме. Этот падла барон заточил юношу в темницу, где свет появлялся лишь от пары факелов, которые втыкали в стену, чтобы на глазах несчастного делать из его любимой секс-рабыню. Месяц спустя узник расшатал «ёрш», которым цепь крепилась в стену, и расплатился за хлеб-соль и гостеприимные развлечения.

(...сюжет не имел ничего общего с Диккенсом, ни с каким-либо конкретным произведением литературы, потому что когда я гнал эту дуру, моим, устало сомкнутым глазам, являлась полупрозрачная блузка Мишель Мерсье для демонстрации её сосков в первой серии Анжелики. Но тут встаёт вопрос: если я сдал мою Мишель в пользование (на целый месяц!) барону для ущекотания его сенильных фантазий, чередуясь со своим волкодавом, а также различными предметами средневековой утвари и инвентаря, то (пусть даже дёргаясь на цепи и расшатывая «ёрш», но всё же как-то слишком в такт представляемым актам насилия) может я извращенец?

Конечно, вопрос этот предстанет не от слушателей в ночной казарме, а от себя самого и много позже, но всё же?..)

В ходе эпилога, рядом с безмолвным, но пока что тёплым трупом свежезадушенного голыми руками волкодава, и бароном всё ещё живым для проведения леденящей кровь разборки его на составные части, с неимоверно изуверской методичностью, с чудовищной

графичностью подробностей (…ему всё ещё было чем издавать утробные визги…), Хмель вдруг вскричал: —«Дневальный!»

От тумбочки у далёкого входа в казарму пришёл дневальный.

– Он уже заеба́л своим храпом, – пояснил ему Хмель. – Ебани́ в лобе́шник суча́ру.

– Кого?

– Вон тот, через два кубрика.

Дневальный склонился над ничего не подозревающим нарушителем ночной безмятежности, прислушался к сонному дыханию: —«Не. Вроде не этот».

Лёлик примкнул к разговору: —«Ну всё равно ебани́ – какая в хуй разница?»

(…и по сю пору философическая глубь его слов застит мой взор слезами умилённого восхищения —

"всё равно ебани́ – какая в хуй разница?."

Вот! Вот она основа и квинтэссенция уставных и прочих отношений! Вот где залог боевой выучки, боеготовности и боеспособности армии… хотелось бы добавить «Советской армии», ушедшей в небытие… Но кто нынче верит в Деда Мороза?..)

Солдат-дембель постоянно пребывает под гнётом неизбывной тревоги. Состояние необъяснимого беспочвенного беспокойства лишает его сна, аппетита, способности оценивать и соизмерять свои действия с требованиями элементарной логики и здравого смысла… Ежедневно твои однопризывники выстраиваются группами лицом к построению на утренний развод и, после кратного напутствия Замполита или Начштаба, с чемоданчиками или сумками маршируют к воротам КПП. Идут на дембель. А я когда же?. И чем заполнить ещё и этот день тягостного, нескончаемого ожидания?.

Промаявшись до трёх часов в расположении ВСО-11, я сел в кабину УАЗ-66, хлебовозки, что отправлялась в Ставрополь. Под

брезентовый верх над кузовом влез Лёлик и кто-то из его кентов, тоже в самоволку.

Грузовик выехал за ворота и погнал в город по мокрой после недавней грозы дороге. Асфальт ближе к обочинам был сплошь лотки да ямы полные дождевой воды, поэтому белая Волга, что выпрыгнула из-за поворота, шпарила по центру дороги. Водитель УАЗа увернулся, соскочил правыми колёсами грузовика на грязь обочины. На него мчал дорожный поворот, он ударил по тормозам и крутанул руль влево. Грузовик вспрыгнул обратно на асфальт и пошёл юзом в свободном стиле.

Водитель, по левую руку от меня, вертел руль быстрее, чем колесо рулетки, туда-обратно, и опять туда. Грузовик продолжал скольжение вперёд то левым, то правым бортом, ноль внимания что там вытворяют с его рулём. Под конец нас развернуло лицом в обратную сторону и, проскользив сколько-то ещё задом-наперёд, грузовик опрокинулся под откос… Откос был невысоким, метра два, так что и перевернулись мы только пару раз.

Находясь в кабине кувыркающегося грузовика, испытываешь странное ощущение рыбы в аквариуме. Наверное, это и есть невесомость. Мимо тебя медленно проплывает шофёр зависший над сидением, руль, дверь, опять шофёр… Я опал на него, когда движение прекратилось. УАЗ неподвижно лежал на боку. Однако через окно над головой первым выбрался водитель. Я вылез следом.

Ребята из кузова уже стояли рядом с водителем. Повезло… На дороге завизжал тормозами «козёл» Комбата. Чтобы упростить им оценку ситуации, я смешался с зеленью листвы на опушке леса.

– А это кто был?

– Не знаю. Солдат из Отдельной роты попросился до города.

Через два километра лес кончился, а у меня улеглась напряжённая дрожь в руках и я вошёл в Ставрополь. Чтобы снять прилив адреналина, двинул в кино. Это был *Как Украсть Миллион* с Питером О'Тулом. Или, всё-таки, *Повторный Брак* с Бельмондо?

Не! После Бельмондо я встретил Надю, студентку чего-то там. Мы долго гуляли, обнимались тут и там, но когда я перешёл к поцелуям, она укусила меня за язык. «Я знаю, на что ты намекаешь!»

Аххуэтт! Какие там намёки? Больно так, что и говорить уже не мог, пока провожал до какой-то хаты, где она снимала комнату.

Она зашла к себе на минутку и вынесла банку сгущённого молока типа как бы подсластить страдания изувеченного воина. Я обнял её на прощание, но целовать поостерёгся. Оставшись один, я взглянул на банку в руке, потом на стену хаты. Ни один гвоздь не вытарчивал... Оставалось лишь поставить угощение на перила крыльца и уйти, унося восвояси прокушенный за ни за что язык...

Число дембелей в отряде сократилось до четырёх – я, Серый, Рыжий из Днепра, и Александр Рудько. У меня уже был решён вопрос парадки, одолжил её у «фазана» из третьей роты. Из-за перевода после года службы из первой роты в четвёртую, по случаю карьеры кочегара, старшины обеих рот забыли мне её выдать.

Перед утренним разводом у сортира захороводилось. Возбуждённые зрители рысцой сбегаются не упустить развлекуху, обмениваются краткими оповещениями, что прошлой ночью Серый заставил «молодого» кранового везти его со стройки в батальон, а как доехали уже до Отдельной роты, сам сел порулить и в столб врезался. Ничего страшного не произошло, вмятина останется, но автокран и без ремонта обойдётся. Но Начштаба, как приехал и ему сказали, ахуел и кинулся отпиздить Серого, которого и застиг выходящим из сортира.

– Бляаадь!

Какой замах! Какой хук! Каждое кило массивного майорского тела вложилось в сокрушительный удар и!. хуй там!. увернулся Серый. Хмм... тю, майор!. а я-то думал ты боксёр...

Начштабу помогают подняться, обходительно стряхивают пыль с его всё ещё малость опешившей формы... Красноповязочные дежурные сопровождают обезбляшенного Серого на губу...

Во время развода Замполит объявил, что на дембель уходит Рыжий, а мы с Рудько – на следующий день… Я подошёл к нему в штабном бараке.

– Товарищ замполит, мне характеристика нужна.

– Какая ещё характеристика?

– Для поступления в институт.

– Ну, ты, Огольцов, борзо́й! – вскричал Замполит. – Ахуел? Алкаш, наркуша, дебошир! Я те такую характеристику, блядь, выдам, что ни одна зона не примет – прямиком на крытку повезут. Это наша, сука, вина, что ты вообще отсюда выходишь. Но погоди! Общество с тобой разберётся! В мелкий порошок сотрёт!

Потом нам выдали деньги в штабной бухгалтерии. Ух-ты! Так я ещё и заработал! Сто двадцать рублей за два года беспорочной пахоты…

Рудько и я пошли проводить Рыжего, а заодно и экипироваться. В городе, Рудько купил спортивную сумку для обратного пути домой, а я выбрал себе кейс-«дипломат», они только-только тогда появились. Нутро его стенок из чёрной лоснящейся пластмассы приняло дембельские гостинцы – прозрачный целлофан с прозрачными колготками для Ольги, бутылка водки для нас с отцом, малиновая шёлковая скатерть с бахромой за 7 руб. 50 коп., которую Рыжий купил своей мамане и попросил, пусть в «дипломате» полежит, пока мы спрыскиваем его дорожку домой. Туда же я загрузил пару туфлей – лёгкая практичная обувь из чёрного вельвета, всего за шесть пятьдесят, потому что в батальоне я не смог найти ботинки под одолжённую парадку и в город выехал в паре, которую мне выдал дежурный третьей роты из их каптёрки, всего на день.

Дорожку спрыснули от души, пылить не будет, и когда тормознулись для шумных прощаний-пожеланий, чуть не доходя до остановки откуда Рыжему ехать на вокзал, я не был пьяным и чётко помнил про малиновую шёлковую скатерть в моём кейсе. Я не напомнил Рыжему о ней. Я её украл.

Предоставляя мне последний шанс, он протрезвел, всего лишь на секунду, но полностью, хотел проверить – вдруг скажу, а? И Рыжий посмотрел мне в глаза. Его попытка спасти—в последнюю минуту, но спасти меня! – наткнулась на высокомерный блеф непонимания в моём лице. С пьяным смирением пред неизбежностью, голова обронилась на грудь и он захмелело пошатался к автобусу, больше уже не оглядываясь. Вот между нами десять метров… двадцать… Но я так и не крикнул: —«Рыжий! Ты же забыл, брат!»

(…и никакая чистоплюйная сука с берегов речки Варанды никогда не отмоет и не отмолит эту мою подлость…)

На следующее утро Рудько и я стояли перед строем из сразу ставшими чужими лиц, когда Начштаба объявил, что мы уходим на дембель. Мы сделали поворот «налеву!» – я со своим дипломатом и Рудько с синей спортивной сумкой. И просто зашагали… Ни мыслей, ни радости, странная пустота. Просто два дембеля идут на дембель, к воротам, оставляя позади четыре ампутированных из их жизней года.

Через пару шагов, Комбат усёк вельветовые туфли, которые направляются мимо него за ворота, прямиком в пасть общества, что затаилось в засаде, готовясь при первой же возможности стереть меня в порошок. Батяня-Комбат сделал последнюю отчаянную попытку спасти обречённого: —«О!…этта… эби-о-бля!. Этот хуй ващще в бальных тапках?!.»

Но Начштаба, бездушно и раздражённо, обломал отечески защитный порыв:

– Да, пошёл он к ебéне-Фéне! – сказал майор. – Заебáл, уже, блядь, тут всех нáхуй.

Прощайте и вы, отцы-командиры…

~ ~ ~

Но и 24 часа спустя я всё ещё торчал в Ставрополе, в его аэропорту сельхоз образца. Мало просто отслужить «только две зимы, только две весны», надо ещё суметь вернуться.

У меня имелся билет до Киева купленный в городской кассе Аэрофлота, но когда я приехал на колхозное поле аэропорта, вылет отложили на час, потом ещё на час и только к полудню поршневой АН-24 пробежал по взлётной полосе и под крылом самолёта, под глухой гул моторов, поплыли реденькие облака поверх топографических ландшафтов. Стройбат остался в прошлом, но я всё ещё оставался в стройбате и думал о старшине первой роты, который прицепился ко мне в городском автобусе на прошлой неделе.

Главное, оно ему надо? Он же в гражданке был. Поддатый, вот и захотелось народу показать какой он важный кусок, вот зачем.

– Ты что тут делаешь? Быстро в казарму! Я утром Комбату доложу!

– А я скажу, что ты был пьян как свинья, потому обознался.

Никто никому ничего не сказал…

И на том майор тоже была гражданка, откуда мне знать, если первый раз вижу?

– Я – майор! Ты что себе позволяешь!

А где видно, что ты майор в этих гражданских тряпках? На мой погон глянь, ни одной лычки—чистый погон – чистая совесть—рядовой стройбата!

Это мы из-за той буфетчицы в кафе сцепились. Ядрёная бабень, и сперва в мою сторону грудь поколыхивала. Пока он майорством не козырнул или может нахлебаловка? Не, такое бабо не проведёшь…

Я всё ещё принадлежу стройбату, часть меня остаётся в нём. Навсегда. Какую-то его частицу я уношу в себе. До конца…

Но ни о чём таком я тогда не думал, я был просто «дембель», который летит домой. Не «домой» в смысле в казарму, а «домой» в смысле домой. Хотя мать в письме писала, что они продали свою четверть хаты на Нежинской и купили полхаты где-то дальше на Посёлке. Ничего, адрес есть, найду.

Но долго думать про Конотоп не получается, думать о нём я отвык, вот и думаю о привычном… Как мы водили барабанщика из Пятигорска в то военное авиационное училище показать, что этот чувак профи.

Втроём пошли, Длинный я и тот барабанщик. Хотели чтоб курсанты из тамошнего вокально-инструментального ансамбля убедились – лабух клёво стучит и замолвили бы слово своему замполиту приткнуть его в *чмо* при училище, потому что его должны загрести в армию. Такой был план.

Курсанты как раз на сцене репетировали, а зал как бы летний кинотеатр, без крыши. Дали они Длинному свою гитару, ударник за барабаны уселся… Ваааа! Чуваки заделали дуэт ля бомб! Врезали попурри из Джимми и Джимми, оторвались по полной, отвели душу… Придурки! Они вроде как бульдозером прошлись по тем румяным курсантикам в их голубых погонах. Тем ведь барабанщик нужен навродь того, что с горнистом на пару сзади знамени пионерской дружины ходит:

ду-ду-ду-ду́! ду-ду-ду-ду́!

Да, нихуя́ они не сказали своему замполиту про такого Барабанщика. Такие, блядь, холёные, чистенькие… кадеты эти…

Неужто всё? Не будет больше вечерних проверок? Ни Замполита, ни Начштаба, ни кусков… Домой лечу, дома всё будет ништяк! Не зря же все эти два года я мечтал, вернее, даже подумать себе не позволял о доме…

Это мой первый раз на самолёте, не тащиться же два дня поездом. Запястье щемит малость. Та дура вчера вечером в гостинице. Она бы дала, просто негде было. Грит, пошли к тебе в номер. Я мужиков попросил, они вышли. Ну пока она из себя непорочную целку строила и ногтями мне кисть увечила, они по одному возвращаться начали. Сеанс окончен. А я ведь и не налягáл, сама ни с того, ни с сего за руку схватила и давай когти запускать. Этот Ставрополь просто питомник садисток, мамой клянусь… Может Ольга не

заметит… а если даже и да, так что? каких только ранений не получишь на боевом посту…

АН-24 совершил посадку в Ростове. Я вышел в будку сортира рядом со взлётной полосой, на обратном пути меня остановил военный патруль. Да! Конечно! Вельветовые туфли совсем не по уставу, но «дембель» я, пролётом к дому! Вон самолёт мой уже винтами крутит! Отпустили… На дозаправке в Харькове и с места не вставал.

И, наконец, посадка в аэропорту Борисполь, где до краёв уже по-летнему яркого солнца…

В тот первый прилёт, я думал это Киев и, выйдя на солнечную площадь, запруженную всевозможным транспортом и ручьями снующих пешеходов, я сразу же направился к большому щиту с буквой «Т» над шахматкой-двухрядкой, взять такси.

Таксистом оказался малость патлатый мужик лет под тридцать в добротных туфлях коричневой кожи, шнурки широкие такие. Я попросил отвезти меня на железнодорожный вокзал, а он мне сказал подождать в машине, пока сходит найти попутчиков. До Киева оставалось ещё сорок восемь километров… Он отошёл, а я остался ждать на переднем сиденьи. Из-за жары я снял китель парадки и, чтобы скоротать время и снять нарастающее нетерпение, забил и выкурил косяк.

Водитель привёл двух пассажиров для заднего сиденья – один майор, а другой подполковник, но помоложе нашего Комбата, и мы поехали. Наверное, водитель в коричневых туфлях унюхал дым от косяка в салоне и улетел от персональных воспоминаний, но гнал он как бешеный, а как пересекли Днепр по мосту Патона и вовсе перестал замечать светофоры… А может у светофоров случился выходной и это был залитый солнцем праздник свободного вождения – обгоняй кто кого хочет как может… Расплачиваясь у вокзала, подполковник сказал: —«Ну, шеф, ты и летаешь!» Так что, скорее всего, водителя цапану́ло на ша́ру, прицепом к моему улёту…

В 1975 кейс-«дипломат» встречался ещё не при каждом втором и привлекал внимание своим непривычно деловым стилем. Да, в руках старших офицеров такой модерн смотрелся бы извинительно, но рядового менявоенный патруль тормознул на первом же шаге внутрь вокзала. Опять, кстати, курсанты оказались, правда, на этот раз в красных погонах. Проверили мою дембельскую ксиву, сличили меня с фоткой двухлетней давности в моём военном билете, придраться не к чему.

Но тут я совершил ошибку и взглянул на свои туфли. Старший патруля проследил мой взгляд и выявил вопиющее нарушение уставной формы одежды. Меня отвели в комендатуру вокзала под ступенями лестницы, что подымалась к гигантской скульптуре головы Ленина на площадке, а от неё расходилась надвое, в разные стороны второго этажа.

Дежурный офицер комендатуры вокзала приказал мне открыть «дипломат» и с одного взгляда понял, что имеет дело с дембелем – прозрачные колготы, бутылка водки и краденая скатерть с бахромой.

– Иди, – сказал он. – Вернёшься в ботинках, получишь свой кейс.

Я рванул в громадный кассовый зал налево от лестницы. Там стояла длинная очередь в кассу поездов московского направления. В очереди, метров за тридцать до кассы, я высмотрел солдата в парадке. Здоровый увалень, значит и нога не маленькая, и печальный, потому что (это элементарно) возвращается из отпуска дослуживать ещё год.

– Куда едешь?

– В Москву.

– Пошли.

Я подвёл его прямо к окошку кассы и объяснил вдруг громко и несдержанно загалдевшей очереди, что у нас срочный приказ защитить их покой и сон на дальних рубежах Отчизны. Он взял билет до Москвы, а я до Конотопа.

Когда мы отошли, я описал ему ситуацию с кейсом. «Фазан» не может сказать *нет* «дембелю». В огромном зале ожидания, напротив кассового, мы сели на одну из скамеек и обменялись обувью.

– Где это ты так быстро? – спросил дежурный офицер комендатуры.

– Купил у Цыгана на перроне.

С освобождённым «дипломатом», я поспешил туда, где печальный отпускник прятал свои нарушающие устав ноги поглубже под сиденье скамейки. Я сел рядом, но переобуться мы не успели – голос в репродукторе заорал про отправление поезда на Москву от шестой платформы и мы побежали… Шнурки одолжённых ботинок поразвязывались и хлестали пол на бегу, но мы всё равно успели…

Состав торопливо стучал по рельсам, нёсся в Конотоп, а напряжение во мне не спадало, я подгонял поезд и не находил себе места… Лишь поздно вечером, когда я покинул вагон и спустился на четвёртую платформу станции Конотоп, поверил, что и вправду – всё.

"Отслужил солдат службу долгую,
Службу долгую, службу ратную…"

И снова я еду знакомым трамвайчиком № 3, но теперь уже до конечной. Темень за окном превратила стекло в неясное зеркало со смутным отражением кителя и фуражки солдатской парадки… На конечной я спросил где улица Декабристов и мне сказали идти вправо…

Длинные заборы, тёмные хаты за своими воротами, изредка встреченный фонарь. Незнакомая окраина. Переспросив случайного встречного, я вышел на улицу Декабристов и шёл вдоль неё пока не различил в темноте табличку 13. Я зашёл во двор, постучал в первую дверь хаты. Она открылась… Это мой отец так поседел? Когда?.

В свете падавшем через раскрытую за его спиной дверь, он недоверчиво посмотрел на мою парадку: —«Сергей?»– потом

обернулся внутрь хаты, – «Галя! Сергей приехал!»

Моя мать вышла на крыльцо и уткнувшись головой в грудь кителя, разрыдалась. Стоя одной ступенькой ниже, я неловко погладил её вздрагивающее плечо.: —«Ну, чё ты, мам. Вернулся же». Я и впрямь не врубался о чём тут плакать.

> *(…это только теперь мне понятно, что плакала она по себе, по жизни своей пролетевшей так сразу. Совсем недавно вприпрыжку бежала с подружками в балетную школу и тут— здрасьте, приехали! – мужик перед ней в кителе как бы сын из армии вернулся. Когда?..)*

Она оглянулась на девочку испуганно замершую у кухонного стола и, доканчивая последний взрыд, сказала: —«Ну, что ты, глупенькая? Это папа твой приехал».

Потом она снова обернулась ко мне: —«А как же ты Ольгу не встретил? Разминулись? У неё третья смена. Она на кирпичном работает».

“***…отслужил…***

~ ~~~

~ ~ ~ мои университеты: часть вторая

Как раз вот про этот момент не позволял я себе мечтать и думать все эти оба года, чтобы проснуться утром не от гнусавого вопля дневального, а от женских объятий. Ольгиных. Она пришла с работы, легла на меня поверх одеяла и обняла, и я проснулся ответить на её поцелуй. Наш разговор как-то не клеился, если обмен однословными репликами вообще можно считать за разговор. И мы смотрели друг на друга так, что мать моя, у которой был отпуск, быстренько собрала нашу дочь, Леночку, и поехала с ней на базар…

До чего же всё повторяется в жизни. Что было, то и будет. А разница, если вообще случится, только лишь в сопутствующих деталях… Например, что моя мать вернулась с базара (а не из магазина) без апельсинов, и что на этот раз меня ничто не сдерживало… Что касается иероглифов оставленных на моём запястье когтями гостиничной садистки, то Ольга—кто бы сомневался! – их углядела, изучила и внимательно прочла, но не вслух. Вообще-то, я и не настаивал…

(…нет ничего эластичнее времени. Текущий год длится без конца и края, а год прожитый скукоживается, превращается в точку во времени. Точка не имеет протяжённости, она кончается даже не начавшись.

Любые отрезки прошлого, которые короче года, не тянут даже и на точку. Ну что ты скажешь про минувший месяц? Что там было несколько пятниц и одно тринадцатое число? Правильно. А про минувший час? Ах да!. Там были шестьдесят минут… Пустое тасованье цифр. Пустопорожнее жонглирование числами…

Десятилетие – та же точка… После отбытия этой точки в школе, у человека начинает расти щетина. Если она случилась в

«местах не столь отдалённых» – ноют суставы, особенно в правом плече, но это всего лишь точка…)

Через неделю после демобилизации стройбатовская вечность превратилась в несвязные лоскуты воспоминаний наколотые на точку в прошлом, которую течением жизни снесло уже невесть куда, да и не важно куда, потому что нужно струиться дальше…

У купальщиков есть два способа захода в воду: при первом заходишь в воду мелкими шажками, поахивая, вздёргивая плечи, приподымаясь—по мере углубления дна—на цыпочки; а второй проще – зайти по колено и с криком или без, бултыхнуться нырком вперёд.

Пришла пора окунуться в течение гражданской жизни…

Мастер Боря Сакун умер, не исполнив своё обещание уйти на пенсию через четыре года.

Архипенко уехали на Камчатку, обетованный рай рыбачий, где рыба, по слухам, сама по доброй воле запрыгивает тебе в лодку.

Мои брат с сестрой закончили железнодорожный техникум и послали их на Урал, отрабатывать за дипломы изысканием и строительством железных дорог между Уфой и Оренбургом.

Владя и Чуба вернулись из армии на полгода раньше меня и у них уже было время искупаться, приладиться к этому течению. А Чепу оно обточило до солидной лысины и он продолжал дожидался пока ему стукнет двадцать семь – возраст, при котором у граждан СССР истекает срок годности для призыва в армию. На текущий момент у него отсрочка, как у единственного кормильца матери-одиночки с её матерью-одиночкой. Дай Боже здоровья обеим пенсионеркам до его двадцатисемилетия!

Первый выход в свет в компании друзей не слишком-то меня потешил. Мы собрались у Влади, я забил праздничный косяк, но они затянулись лишь пару раз – проявить вежливость… Оттуда мы двинули в Лунатик, где Шпицы всё ещё играли танцы. На тротуаре около гастронома № 6 Владя пёрднул на зажжённую спичку,

которую Чепа поднёс к его жопе. Пук аммония вспыхнул голубоватым пуком пламени. Меня не слишком восхитил опыт наглядной физики, в стройбате отмачивали и не такое и благодарности за непрошенное напоминание я не испытывал.

В общем, мой кайф их не вставлял, а я не догонял их способа тащиться. Мы остались друзьями, но в последующей жизни барахтались, в общем-то, в раздельных струях.

Из библиотеки Клуба я взял *Одиссею Капитана Блада*, но не добрёл и до половины его приключений, а ведь когда-то эта пустая дребедень была моей настольной книгой…

– Что ты там в газете на шкафу держишь? – спросила Ольга.

– Гандон с усиками. Показать?

– Нет!

Как будто сама не заглянула, перед тем как спросить. Или я её переоценил?

Она представила меня незнакомому брызгу в течении гражданской повседневности – её сотрудник с кирпичного завода встретился нам возле гастронома № 1. Мужик за тридцать назвал своё имя, я в ответ – своё и оба тут же забыли услышанное. Мне не понравилась его улыбка обнажавшая дёсна съеденные до корней. И какая-то в нём натянутость, сразу видно, что ни встреча, ни знакомство ему не в жилу, я даже пожалел, что мы вообще подходили.

А по ту сторону Переезда-Путепровода уже к нам подошёл, у гастронома № 5, полузнакомый Халимоненко, он же Халимон, желавший переговорить отдельно с Ольгой. Она попросила меня подождать и отошла с ним метра на четыре в сторону на том же двуступенчатом крыльце у входа в № 5. До меня доносились обрывки их беседы: «участковый», «мало не будет»… Мало приятного стоять так вот, сдвинутым в сторону, но уж так меня попросили.

(...есть у меня эта ненужная черта – бездумно исполнять о чём просят, а думать – стоит ли оно того, начинаю только когда уж слишком поздно...)

Беседа их подошла к концу, она вернулась ко мне в сопровождении его хозяйского «смотри!» вдогонку. Ольга объяснила, что кто-то пытался украсть мотоцикл Халимона из сарая во дворе его хаты и он по ошибке предположил, будто она как-то причастна.

(...мифы бывают разные. Есть полезные, как мифы древней Греции, а есть и бесполезные, как, например, будто армия делает из тебя мужчину.

Полная херня! Будь это так, я бы сказал Халимону: —«Это моя женщина, со мной говори». Не то, чтобы я его боялся, просто и в голову не пришло сказать так. Армия не сделала из меня мужчину...)

Ольга предложила сходить в заводской парк в субботу, где танцы играют Песнедары, группа из Бахмача. То есть, являются из райцентра, четвёртая остановка на электричке в сторону Киева, отыграют и – домой, туда от Конотопа полчаса езды. Ну и что за группа может вылупиться из такой дыры? Но Ольга сказала, что всё равно играют бахмачане хорошо, а на танцах она познакомит меня с Валентином Батраком, он же Лялька, который брат Вити Батрака по кличке Раб.

Лабухи из Бахмача звучали очень даже неплохо благодаря их клавишнику – чувак баскетбольного роста в причёске как у Анжелы Дэвис, пока ей не пришлось скрываться от ареста. Пел, правда, не он, а барабанщик. Они вполне пристойно делали *Дым на Воде* Дип Пёрпла и *Мексико* группы Чикаго. Потом к нам подошёл Лялька и Ольга представила нас друг другу.

Высокий и тощий, с длинными светлыми волосами чуть взбитыми на темени, Лялька держал бородку à la Кардинал Ришелье, сходного с волосами цвета. Лишь один только взгляд в просвещённые глаза друг другу подсказал, что для продолжения общения нам требуется место более уединённое, чем танцплощадка. Такое место было найдено и там мы обменялись верительными грамотами и достигли согласия относительно качества обоюдно предложенной дури, что заложило основу отношениям дружбы и взаимопонимания на предстоящие годы…

~ ~ ~

Мой отец поделился своим стратегическим планом по использованию навыков и умений приобретённых мною в армии. Предполагалось строительство дополнительной комнаты и веранды примыкающих к недавно приобретённой полухате, а также облицовкой её внешней стороны кирпичом и—раз уж, то уж заодно—возведение кирпичного сарая во дворе, из двух секций – одна для дров и угля на зиму, вторая жилая типа летней комнаты.

Как-то не хотелось объяснять, что по ходу армейской службы я стал квалифицированным землекопом, хорошо освоил лом с лопатой, но и не далее того. Факт не вызывал во мне стыда, но и ломать явный восторг, что есть на кого взвалить стратегию, мне тоже не хотелось. Я воздержался от омрачающих признаний, что «специальность – каменщик» в моём военном билете, это стандартная туфта. Поэтому я сказал, да, конечно, без проблем…

Грузовик кирпича был закуплен на кирпичном заводе, на карьере самосвал песка, полтонны цемента со склада и – стартовала стройка века! Вода, к сожалению, оказалась удалённее, чем на Нежинской, потому что водопровод не достигал окраин Посёлка и приходилось крутить, крутить и крутить ближайший колодезный ворот (за углом, на улице Котовского), чтоб из глубин земной коры к свету дня всплыло жестяное ведро на мокрой громыхающей цепи, роняя пригоршни воды поверх краёв…

Лето выдалось жарким как погодой, так и трудовым накалом работ воплотивших планы отца в быль. Что касается качества... Ну швы кладки потолще идеальных, однако отвесность углов и оконных проёмов не заставят меня краснеть и поныне...

По прибытии к месту жительства, дембель обязан явиться для регистрации в военкомате обряженным в парадку. Исполнив эту обязанность, я отправил посылку в в/ч 41769 владельцу парадного обмундирования с добавлением трёхрублёвой ассигнации во внутренний карман кителя. Дошли ли деньги? Мать мне сказала, что вкладывала «троячку» в каждое из своих писем. Блин! Ну хоть бы раз упомянула, а? Я попросил бы хранить деньги в сберегательной кассе, потому что мне доходили лишь письма в чистом виде. Хоть и они солдату в радость, о чём речь...

Вскоре я получил письмо из Ставрополя, анонимное, от солдата-писаря при штабе ВСО-11. Не написав ни строчки, он вложил в конверт, как и договаривались, чистый лист бумаги с оттиском печати в/ч 41769. Оставалось лишь добавить характеристику для поступления в вуз и заверить её подписью Комбата.

Текст характеристики пришлось составить самому, в котором я обрисовал себя с довольно положительной стороны, как отличника боевой и политической подготовки, активного участника художественной самодеятельности воинского подразделения, надёжного товарища, опытного воина вооружённых сил Советского Союза в целом и военно-строительных войск в частности... Не только замполиты характеристики лепят, то есть обжигают... или наоборот?. ну в общем...

Потом я попросил отца переписать сочинение на лист, повыше печати, поскольку его почерк больше смахивал на каракули матёрого кадрового офицера. Он скопировал перечень моих достоинств, но засомневался малость как подошёл момент подписывать всё это: —«А если поймают?» Пришлось убедить его, что наш Комбат не сможет отказаться от своего автографа, для каждой представленной ему на подпись бумаги он вынужден

изобретать новый росчерк с вензелями благодаря хронически текущей памяти. В благодарность за мой доблестный труд в то лето, а возможно сказалась фальшивомонетная наследственность по материнской линии, но мой отец нацарапал подпись (любой полковник гордился бы такою) рядом с печатью в/ч 41769...

Поступать я отправился не в Киев, а по совету матери сдал бумаги в Нежинский Государственный Педагогический Институт. До Нежина всего два часа езды электричкой и вуз располагал Отделением Английского Языка. Педагогический уклон заведения меня не сильно колебал, я никаким боком не собирался работать ни в какой школе зато смогу читать на Английском...

На время вступительных экзаменов мне, как абитуриенту, выделили койку в общежитии на главной площади города Нежина, лицом к лицу с памятником Ленина и массивным зданием Горкома Партии и Райкома Партии (2 в 1) позади его белой спины. До института от площади всего одна остановка на автобусе, но пешком намного быстрее.

Английский факультет размещался на третьем этаже Старого Здания, который построил Граф Разумовский во времена Декабристов и с тех же пор использовался как очаг образования всевозможной студенческой шантрапы наряду с Гоголем, великим Российским писателем. Опираясь на этот факт, очаг прикрепил к своему наименованию «Н. В. Гоголя» и обставил себя тремя его памятниками различной величины и возраста.

Мне понравилась чёрно-белая аллея мощных Берёз, начавшись у подножия ступеней высокого крыльца она, при всей своей краткости, успевала укрыть своей сенью дореволюционно чёрного Гоголя (вероятно, первого из трёх). Понравились необъятные белые столпы колоннады подпиравшей фронтон над входом и головокружительные Ели до того высокие, что их макушки не могли уже заглядывать в окно коридора Английского факультета, где по паркетной мостовой гуляло лоснящееся эхо, и недосягаемые потолки аудиторий тоже не смогли не понравиться.

И мне даже стал симпатичен декан Английского факультета по фамилии Антонюк. Он нисколько не придирался к моему хромому на обе ноги владению Английским в объёме пятого класса средней школы. Вряд ли бы сошло мне это с рук, знай он, что имя моего деда Иосиф, а тестя моего звали Абрам. Декан Антонюк являл собою образец воинствующего Антисемита. Под покровом вечерней темноты, Антонюк подкрадывался к расписанию для всех четырёх курсов Английского Отделения (оно же факультет) и яростным карандашом вычёркивал оттуда имена преподавателей-Евреев, а также из висящей рядом факультетской стенгазеты. Словно юный подпольщик в непримиримой борьбе с оккупантами, *gegen Befehle*. Но Александр Близнюк, один из тех самых преподавателей-Евреев, неусыпный как Гестапо Третьего Рейха, выследил Антонюка, поймал с поличным (он был не один в группе захвата) и декана разжаловали в рядового преподавателя на том же факультете. Но всё это случится позже…

На письменном экзамене по Русскому я выдал сочинение на твёрдую четвёрку, хотя оно, по сути, являлось неуличимым плагиатом – воспроизведением достославной отповеди, которую Зоя Ильинична, учительница Русского языка и Литературы конотопской средней школы № 13, накатала красным под моим подрывным лепетом о чём я думаю, когда сижу у окна. А на устном экзамене мне посчастливилось вытащить билет, где просилось вспомнить Князя Андрея, как его представил Лев Толстой в романе Война и Мир. Однако падла экзаменатор попытался посадить меня своим дополнительным вопросом: —«Вы не смогли бы рассказать стихотворение, любое, какого-нибудь Советского поэта? На ваш выбор». Вопрос, что называется ниже пояса, но я вовремя вспомнил, что Есенин заключительную часть своей жизни чуть-чуть пожил и при Советском строе, перед тем как в петлю полезть, и погнал с ресторанным подвывом (пальцы левой руки сами собой сложились в ля-минор):

"Клён ты мой опавший,
Клён заледенелый..."

До перехода на второй куплет, экзаменатор сдался и поставил проходной балл...

В промежутке между экзаменами, я купил пару воздушных шариков для Леночки. В торговой сети Конотопа этот товар встречался редко, а мне не нравилось, что своей паре потрёпанных кукол она предпочитает обшарпанный чемодан. Выволакивала его из спальни на кухню, чтобы объявить: —«Плачь, Баба! Деда, плачь! Леночка на БАМ едет!»

Уже не меньше года программа новостей Центрального Телевидения *Время* каждый божий вечер представляла репортажи о трудовых победах на строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, она же БАМ.

"Приезжай ко мне на БАМ,
Я тебе на рельсах дам...

Мне не нравилось, что ребёнок растёт чересчур политизированным, и сюда же примешивались тёплые воспоминания как мы играли шариками на лестничной площадке второго этажа, ещё когда на Объекте.

И вот в один из межэкзаменационных вечеров распростёршись на койке общежития, я наблюдал разнообразно волнистые клубы папиросного дыма всплывающие к потолку. Своими змеящимися кверху выкрутасами, дым натолкнул меня на ленивую мысль о проведении эксперимента из области Физики, поскольку делать мне было абсолютно нех... хмм... то есть... нехватка общения в абсолютно пустой комнате довела до такой мысли... Поведение дыма ясно свидетельствовало, что он легче воздуха. Следовательно, если им заполнить шарик, то шарик взлетит! Остаётся только решить чисто техническую проблему – как засунуть в шарик дым?

Жизненный опыт подсказал эффективное решение. Мне не однажды доводилось наблюдать взаимопомощь пары анашистов по обеспечению улёта друг другу, по-братски, высоко и, главное, быстро. Метод носит кодовое название «паровозик». Один чувак суёт раскуренный косяк себе в рот, но задом-наперёд, соблюдая, есессна, необходимую осторожность, чтобы его там ни обо что не погасить, внутри полости, и дует с напором, однако размеренно. Он – донор. В результате, из незадействованного мундштука беломорины валит плотная струя густого дыма незамедлительно всасываемая получателем братской помощи.

Но шарик ведь не анашист, верно? Ему и просто Беломор сгодится. Так что я прикурил, вставил мундштук шарику в пипетку, ну через что он там надувается, и вдул с другого конца что есть мочи. Но следует учесть один нюанс – дым «паровозика» жадно поглощается потребителем, тогда как вдутый в баллон воздух стремится покинуть теснины резиновых стен тем же путём. Короче, тот полувоздух-полудым, который мне удалось подать в шарик, своим давлением, как только я прекратил дуть, двинул сквозь мундштук обратно и вышиб тлеющий табак папиросы мне прямо в глотку.

(…«Тузику нехер делать, так он себе яйца лижет», – говаривал мой отец.

Иногда лучше лизать, чем заниматься аэронавтикой…)

Табак, конечно, пришлось выкашлять, но его тлеющие волоконца прижгли мне гланды, если не глубже. Вот что случается, когда Филолог забредает в область Физики. Во-1-х, больно, а потом иди ищи дежурную аптеку в поисках Фурацелина для полоскания гортани прожжённого донора.

(…но что действительно обидно, обидно до слёз, что никакой урок не идёт впрок. Есть категория придурков неспособных учиться даже и на собственном опыте, ведь невозможно же

предугадать какие шарики с паровозиками взбредут завтра на мой пытливый ум...)

Меня зачислили студентом первого курса, однако комендант общежития попытался омрачить мой триумфальный отъезд домой. Он обнаружил нехватку одного стекла в раме окна занимаемой мной комнаты. Стекло отсутствовало там ещё при моём вселении, но комендант и слушать хотел – плати и всё! или ищи мастера, который вставит. Означенной суммой я не располагал и это обстоятельство усугублялось возмущением по причине столь наглого грабежа. Когда вымогатель покинул комнату, я поднялся этажом выше и вынул стекло из окна в туалете. Размер совпал идеально, обожаю стандартизацию! Комендант ещё побухтел, что стекло явно где-то уже употреблялось, но я заявил, что в спешке исполнить его наказ, не заметил следы краски по краям при покупке стекла у случайного продавца на базаре.

(...наш старый добрый мир лениво воспроизводит сам себя, для диспутов с меняющимися комендантами вполне хватает стандартной лапши...)

~ ~ ~

Ольге никак не нравилось моё стремление к высшему образованию, тем более на учителя. Английский же она и вовсе за специальность не считала, поскольку нынче каждый должен владеть этим языком, так ей доктор говорил, которого однажды вызывали по случаю простуды Леночки. В ответ я охарактеризовал доктора как чересчур умного падлу и аргументировано обещал приезжать в Конотоп каждую субботу. Тем не менее, Ольга не прекращала возмущений покуда я не согласился с требованием о её собственноручной перекраски моих волос перекисью водорода. Вот почему на общем снимке студентов первого курса Английского

факультета Нежинского Государственного Педагогического Института, он же НГПИ, я—как и предписано герою нашего времени —блондин с тёмными усами…

Наш курс разбили на четыре группы по двенадцать учащихся, из которых только один оставался представителем мужского пола (порою крашеным). Такое же процентное соотношение инь-янь, оно же ♀ / ♂ , неукоснительно соблюдалось и на остальных курсах Английского отделения.

Из-за моих явно знакомых с перекисью волос, вокруг меня начал навязчиво виться какой-то местный юноша с интонациями мальчика из Нальчика. Он получил шокирующую дозу мата стройбата, однако оправился и, перед тем как испариться, трагически объявил свою жизнь непоправимо разбитой – из-за меня он упустил возможность поехать в Москву.

Ольга немедленно поставила меня в известность, что в Нежине я тусуюсь с педиками. На моё требование указать источник фальсификации, она упомянула некоего Шурика, чья сестра училась на Физико-Математическом отделении НГПИ.

По моей просьбе Лялька вызвал Шурика из танцплощадки Лунатика в тёмную парковую аллею, где я как бы хочу с ним поговорить. Там я ударил Шурика по лицу и он убежал с завидной стартовой скоростью. Преследовать я не стал, а только орал вслед в лучших традициях королевских войск: —«Иди сюда, блядь!» Довольно странный, возможно даже контрпродуктивный, способ вернуть спасающегося бегством, если внимательно вдуматься…

Занятия в Старом Здании начавшись в девять длились до почти трёх, а потом я шёл по асфальту хорошего качества к облицованному плитами песчаника Новому Корпусу, перед фасадом которого тянулся ряд густых Ив скрывавших своими раскидистыми шатрами длинные скамейки без спинок… За тридцать метров от левого угла Нового Корпуса начинался левый угол пятиэтажного студенческого общежития, оно же Общага, а перед её фасадом

стояла столовая – высокий двухэтажный Мавзолей стилизованный под пару застеклённых кубиков.

В большом зале на втором этаже паслось тесное стадо квадратных столиков, утопая в гуле студенческих голосов, шуме хлещущей воды в посудомойке, звяке кухонной утвари, стуке фаянса с выбранной хавкой совершающего посадку на пластмассу подносов, перестук тех же подносов, пока тащатся по никелированным рейкам вдоль кухонного прилавка к женщине в белом крахмальном раструбе на голове за серым кассовым аппаратом в конце многореечного пути.

Бросив беглый взгляд на груз прибывшего подноса, монахиня ордена кассиреанок-белотрубниц оглашала приговор—от 60 коп. до 1 руб. – принимала плату, отсыпала сдачу, и её ящик с брезгливым грохотом выплёвывал очередную бумажку поверх кучи таких же невостребованных чеков… Порой некоторые студенты с жилкой исследователя в своих темпераментах брали идентичные наборы хавки (продвигаясь в различных частях очереди) просто так, из чисто научного любопытства. Плата за контрольные наборы варьировалась. Монахиня творила цены на лету, по вдохновению, в зависимости от внешнего вида клиента, погодных условий на дворе, уровня шума в зале…

Закончив приём хавки, посетители спускались на первый этаж, минуя запредельно краткое воплощение человеческой мудрости $E = mc^2$, что поджидало их в рисунке на лестничной площадке. Спору нет – пустое брюхо к ученью глухо, но раз уж чего-то захавал – включай соображалку, глядишь и переварится теория относительности.

(…кстати, ещё неизвестно кто мудрей – Эйнштейн или указавший столь правильное место для настенной росписи с применением формулы гения…)

На первом этаже за вечно запертыми дверями, летаргически спал зал торжеств для проведения пары случайных свадеб за год. Выйдя

на керамические плитки высокого крыльца, можно было ещё завернуть в стеклянную дверь тесной кондитерской с двумя продавщицами в монашеском белом и с обычным ассортиментом песочных пирожных за 22 коп., вчерашних пончиков и табачных изделий. Сигареты не очень хороши, влажноваты, но Беломор-Канал всегда самого высшего качества, папиросы набиты сухим, хорошо измельчённым табаком, что очень важно.

Расчувствовавшись по укурке, я потребовал от продавщиц *Книгу Жалоб и Предложений*, чьё присутствие в любом Советском магазине было обязательным, хотя имела место порочная тенденция припрятывать её, справедливо опасаясь заслуженных жалоб. Эти тоже помялись, но вынесли и я вписал туда туда благодарность за качество Беломора «…спасибо, родимые…». Графоман всегда найдёт повод предаться своей тайной страсти…

Ну а теперь можно возвращаться к пятиэтажке Общаги. Три колонны из поставленных на попа железных труб большого сечения (36 см), окрашенные в тон проступающей ржавчины, поддерживали плоский бетонный навес над площадкой двуступенчатого крыльца перед входом. Колонны, если трахнуть, звучали по разному и на них получалось сыграть небезызвестную музыкальную фразу «до-ре-ми-до-ре-до», благодаря выверенности тонального лада железных труб. И хотя в институте помимо всего прочего имелось Музыкально-Педагогическое Отделение, честь данного музыкального открытия принадлежит студенту Английского факультета, звали его Фортельный и он закончил до моего поступления. Что касается упомянутой фразы, то это освящённый временем лабуховский мат – исполни на каком угодно инструменте (да хоть и а капелла) и любой лабух в пределах слышимости враз определит, что ты кого-то посылаешь: «да пошёл ты нахуй» – по одному слогу под каждую ноту…

Левая в паре дверей на предвходной площадке оставалась постоянно запертой, а соседняя пропускала в стеклянную клетку крохотного тамбура из которого уже можно ступить в вестибюль. В

правом углу, на бетонной мозаике пола стоял внушительный стол дежурной вахтёрши, а у неё за спиной, но так чтоб можно доступиться, щиток фанеры на стене ёжился горизонтальными рядами гвоздиков, на которые одевались ключи от комнат Общаги. Если гвоздик под чернильной цифрой «72» пустует, значит кто-то из моих сожителей уже схватил ключ и поднялся в нашу комнату. В длинном коридоре за вестибюлем неважно куда свернёшь: направо иль налево – и там, и там окажется лестничная клетка на верхние этажи, но налево ближе.

Каждый из этажей принадлежал отдельному факультету/отделению. Так, второй населяли студенты Биологического факультета, он же Биофак. Английский факультет (ну же!. Попробуй!. Ты сможешь, это просто!. Йесс!!.) АнглоФак занимал третий этаж. Математики ФизМата (без фака) имели в своём распоряжении четвёртый, ну а пятый, он же завершающий вследствие отсутствия чердака, достался Музыкально-Педагогическому Отделению, оно же МузПед…

На любом из этажей, покинув лестничную площадку (любую из двух), пришедший оказывался в длинном полутёмном коридоре, куда свет заходил через два окна (по одному в каждом конце) растянутые от потолка до пола. Остальной ландшафт составляли стены в тёмно-зелёной краске экономного оттенка и ряды серо-белых нумерованных дверей над гладко-шлифованным тёмно-серым бетоном пола. Побелка потолка тянула лямку не первый год и утомлённо сливалась с основной коридорной гаммой.

Комната 72 шла второй от концевого окна, потому что первую занимал умывальник из шести фаянсовых раковин, напротив двери в мужской туалет по ту сторону коридора. В далёком противоположном конце коридора планировка точно такая же, только туалет там женский.

За дверью комнаты начиналось её самое узкое место стиснутое с обеих сторон фанерными шкафчиками встроенными до самого потолка, по два в каждом углу. По окончании этой фиктивной

прихожей, комната набирала свою полную ширину, чтобы до следующих углов (вдоль тех же стен) поместились кровать-тумбочка-кровать. Широкое окно разделявшее дальние углы имело две створки по краям недвижимой центральной фрамуги и гладкий подоконник из шлифованного бетона над чугунным радиатором центрального отопления в белой краске, отчасти скрытым ещё парой тумбочек. Центр комнаты отводился под тёмно-коричневый стол-ветеран в застарелых рубцах-шрамах по полировке. Четыре стула прятались под него, как цыплята под квочку, для беспрепятственного доступа к окну.

Засалено-тёмные области обоев отмечали места, куда обитатели или их гости чаще всего прислонялись затылком сидя на коечных покрывалах, а более свежие места покрывались убористыми колонками цифр текущих карточных долгов, где вычитание чередовалось с прибавлением, и турнирными таблицами (тоже от руки) чемпионатов по Подкидному Дураку.

Круглая коробка тёмной жести в центре побелённого потолка содержала две лампочки по 60 ватт, полагающийся им плафон матового стекла отсутствовал и от этого освещение только выигрывало. Из двух стенных розеток комнаты та которая в левом углу вываливалась наружу, а иногда заваливалась в промежуток внутреннего пространства гипсовой двойной перегородки от соседней, 73-й комнаты, поэтому привыкаешь помнить о состоянии розетки и воздерживаться от слишком резкой жестикуляции сидя на койке под нею, а кассетный магнитофон, приносимый на подоконник из пункта проката, втыкать исключительно в перегородку отделявшую от умывальника. Выключать находился рядом с дверью. Однако ровно в полночь и до шести утра электричество в комнатах Общаги отключала дежурная вахтёрша общим рубильником неподалёку от своего поста. Отбой, Исус Христос Суперзвезда и паства прокатных магнитофонов на подоконниках всех пяти этажей Общаги!.

Для грызунов гранита науки оставалась комната читалки со столами, налево по коридору первого этажа, возле зала с телевизором на высокой подставке и рядами обтянутых тканью сидений. Эти два помещения обеспечивались круглосуточной электроэнергией. Однако читалка пустела задолго до полуночи как и зал с телевизором, если только не показывают международный матч по футболу или премьеру очередного водевиля из четырёх серий с Андреем Мироновым в главной роли…

Мои сожители по комнате-пеналу все четверокурсники…

Фёдор Величко выходец из далёкого села на просторной Неньке-Украине. Дружно нависая над его широким лбом, прямые волосы напоминают чем-то соломенную крышу сарая на тихом хуторке.

Саша Остролуцкий воспитывался в детском доме, а теперь собирается жениться на дочери профессора Соколова из Москвы. Никто кроме него не встречал и ничего не слышал даже про такого профессора и его дочь. Как и Фёдор, он невысок, но пощуплее и его светлые волосы мягче, а нос длиннее, и у него репутация Казановы.

Любимое занятие Остролуцкого – ходить в гости по комнатам девушек на этаже и пить у них чай со сладостями. В чайных утехах его зачастую сопровождает Марик Новоселицкий из Киева. У Марка широкое лицо, сосульки чёрных волос свисающие до широких стёкол очков, и неизменная усмешечка под редкими усами. Он самый упитанный среди жителей комнаты.

При посещении комнаты Светочки Хавкиной и трёх других первокурсниц, Марик и Саша отплатили за чай с вареньем самой чёрной неблагодарностью. Выпили, съели и, пересев из-за стола на покрывала девичьих коек, принялись презрительно хаять этих нехороших людей – Евреев.

Света, миловидная чернокудрая дочь какого-то из осевших в Чернигове колен Израилевых, менялась в лице на каждое из их антисемитских замечаний, но терпела молча. Потом два дня она просто места себе не находила, пока Илюша Липес, третьекурсник с

бакенбардами как на автопортретах Пушкина, не объяснил ей, что эти неблагодарные свиньи на самом деле сами Евреи.

Четверокурсник Яков Демьянко из Полтавы снимает комнату где-то в городе, но ежевечерне навещает однокурсников. Всё своё свободное время (а другого в нашей комнате не бывает) мы проводим в непрестанный баталиях в *подкидного* и Якову в этом нет равных. Ростом он тоже выше всех. У него длинное лицо Прибалта в обрамлении длинных каштановых волос и, так же как и Фёдор, он разговаривает только лишь на Украинской мове. Остальные общаются на Русском, но мы прекрасно понимаем друг друга…

Помимо Яши, нашу комнату регулярно посещает четверокурсница Света из Нежина. Она официальная невеста Марка, потому что и родители их тоже уже знакомы. В карты Света не играет, она сидит на койке Марка—и только Марка—и держит его в ежовых рукавицах:

– Что такое, Марик? Я не поняла?

– Ну Светик, ну я просто… – опасливо опустив глаза за стёклами своих очков начинает оправдывать обвиняемый, пока остальные не начнут орать, чтоб не тянул уже с ходом – берёт или бьёт?

Потом он провожает её домой, возвращается, а когда в комнатах отключат свет, приводит свою однокурсницу Катраниху. Пару минут они молчком поскрипывают его койкой и расходятся. И это правильно, потому что назавтра всех снова ждёт долгий день напряжённой учёбы…

~ ~ ~

У Катранихи широко открытая натура, а вдобавок хроническая гостеприимность. Один урка грабанул Республиканский Дом Мод в Киеве и решил залечь на дно. Он сошёл с электрички в Нежине и целую неделю провёл у неё в комнате, потому что они случайно познакомились в вагоне. И каждый вечер он её и всех её сокомнатниц водил в ресторан, не в один, так в другой.

Через неделю, по горячим следам импортных тканей из Республиканского Дом Мод, которые взломщик пытался толкнуть на

нежинском базаре, два оперативника уголовного розыска поднялись на третий этаж Общаги. Один из них достал чёрный пистолет из-под пальто и постучал в дверь комнаты Катранихи, где взломщика уже и след простыл. Взяли его лишь спустя месяц в Мариуполе, по свидетельству жены оперативника с пистолетом, тоже студентки четвёртого курса АнглоФака.

Вскоре Катраниха пригласила меня в кинотеатр Ленинского Комсомола, метров за двести от столовой, напротив дорожки к озеру в Графском Парке. Мы смотрели *Зорро* с Аленом Делоном в главной роли. Ну не знаю, но по-моему финальная сцена фехтования слишком уж затянута, аж скучно.

В общем, зря она на меня столько времени тратила. Я не мог смотреть на неё как на женщину зная, что она девушка моего сожителя по пеналу. Чего греха таить, меня всегда отличала некая старомодность…

Начиная свою студенческую жизнь, я даже и не помышлял нарушить свою супружескую верность, это было просто немыслимым, во всяком случае неделю или около того. Но потом на нашем этаже Общаги подвернулась пустая комната, чей ключ попал мне в руки, а к этому стечению приложилась ещё и однокурсница в кудряшках, Ирина из Бахмача. Мы провели в той комнате всю ночь, где она показала свою пылкую приверженность чисто тактильным утехам и стойкий негативизм к поползновениям ниже резинки её трусиков.

Опять?!. За что?!. Слов нет, грудь у неё пышная, правда, с довольно диковинными соска́ми – в жизни не видал настолько крохотных типа головок английских булавок. Однако всю ночь заниматься лишь бюстом убийственно монотонное занятие.

Через два дня, в полутьме коридора Общаги, её пышная грудь решительно преградила мне путь.

– Ты не говорил, что ты женатый!

– Ты не спрашивала.

(…и в этом, на мой взгляд, основной изъян цивилизации. Взять, например, меня. Побуждаемый самыми чистыми намерениями—совершить честную сделку по схеме «ты – мне, я – тебе», то есть обменяться удовольствиями—я готов предоставить все интересующие её услады и ресурсы моего мужского тела—без всяких ограничений—в обмен на утехи предусмотренные устройством её женских прелестей. Однако вместо Вакханки вьющейся в моих объятиях змеёй я нарываюсь (аххуеть в который раз!) на факт использования влагалища в качестве капкана.

Горьки плоды твои, о, цивилизация! На вот, титьками поиграйся и – закатай губу обратно! Сперва женись, а там уж хоть ложкой хлебай… И никому и дела нет до твоих самоугрызений, что не смог пробудить ответного пыла… Хмм… и называешь себя мужчиной после этого? Не смог – значит импотент. И с этим не поспоришь, отчасти. Ведь и впрямь не способен я самоутверждаться посредством изнасилования. При чём—здесь самая непостижимая загадка—само лишь начертание слова «rape» вызывает у меня эрекцию, а вот чтоб претворить его в жизнь – тут меня нет… даже с отказницей, которая легла со мной по доброй воле без оглашения своих долгосрочных планов. Скажет: —«нет! ну, не нада!» и я начинаю обуздывать свою вставшую на дыбы амбицию, чего бы мне это не стоило… Наверное оттого, что я люблю честные сделки… Хотя более садо-мазо-грёбаной ситуации и представить невозможно, ну кроме как разве что, когда уже по ходу скажет «перестань, вынь, пожалуйста». Тут даже и не знаю хватит ли моих устоев морального благородства. Это пострашнее садизма, на такое даже слов не подобрать. Ну да, я всё понимаю, она тут ни при чём и не её вина, что подвернулась мне, а всё это судьба, кисмет, на роду написано, предопределено движением звёзд… Но нахер мне упала такая астрология? Она там где-то в своём мутно-юном возрасте наткнулась на утконоса недоношенного

и теперь отыгрывается на ни в чём не повинных лопухах со сдвигом в джентльменство типа меня. Вот что обидно-то… Ну и к тому же, родился я слишком поздно, после возникновения семьи, частной собственности и государства…)

Это теперь в Нежине городские автобусы останавливаются рядом с железнодорожным вокзалом, а тогда автомобильный мост над железнодорожными путями ещё не построили и до остановки приходилось топать по высокому пешеходному переходу… Потом долго ждать автобуса, штурмом втискиваться в него и не менее долго ехать до главной площади, стоя стиснутым толпой всю дорогу. От площади уже пешком спускаешься до моста через реку Остёр, на правом берегу которой и Общага, и Новый Корпус, и Старое Здание и Графский Парк у них за спиной—в охвате длинной подковой озера —чьи Вязы-великаны подпирают небо над Нежином…

Мне понадобилась одна из тех затяжных поездок от вокзала до площади, целиком, чтобы уговорить Якова Демьянко продать мне рубашку. Белая рубашка в широкую клетку из тонких жёлто-синих полосок. Возвращаясь в Нежин после отдыха в родной Полтаве, Яков привёз рубашку на продажу по договорной цене и в переполненном автобусе приоткрыл свой портфель блеснуть передо мной товаром.

Мне она сразу понравилась, вот и пристал, но он никак не соглашался продавать, потому что на нём такая же, а мы с ним на одном факультете. Нельзя же, чтобы двое носили одно и то же в том же самом месте или как?. Самыми торжественными клятвами, я обещал не одевать её без его согласия или если постирает, или когда оставит в Полтаве

(…мы жили в эру дефицита и отлично об этом знали. Меня нисколько не смущало, что у однокурсницы, когда та села во время общей лекции на одну скамью со мной, из-под юбки завиднелись затяжки от верха колготок заклеенные на ляжках

синей изолентой… А что такого? Она вот встанет и юбка скроет изоленту, останутся одни только ноги в фирмóвых колготках Conte… да, звонкая нота эпохи высокого мини успела уж стихнуть вдали…)

~ ~ ~

Фёдор, Яков и я стали не разлей вода на почве сухого вина. После занятий мы отправлялись в гастроном за углом универмага напротив церкви, где столетия тому Богдан Хмельницкий бракосочетался с очередной из своих жён, чтобы купить четыре-пять бутылок сухого белого вина ёмкостью по 0.75 л. Яков был убеждённым адептом умеренности и его дозу составляла «одна довга», тогда как мы с Фёдором придерживались более либеральных взглядов.

Из гастронома мы шли мимо базара и ресторана «Полісся» ко второму мосту через Остёр, от которого начиналась длинная улица Красных Партизан к далёкому повороту вправо, в сторону Московской трассы за городской чертой. Но наш маршрут был покороче и с моста мы спускались в высокую траву на левом берегу реки возле католической часовни переоборудованной под детско-юношескую спортивную школу, чтобы улечься в уютном тихом месте для возлияний..

Дно каждой бутылки покрывал осадок в палец толщиной, но мы натренировались пить с горлá так, чтоб там он и остался. Испитые бутылки бултыхались в почти недвижимые воды Остра, из-за закрытых шлюзов где-то в плотине ниже по течению. Недолго, с укоризной, покачавшись, бутылки застывали на воде, их горлышки, как поплавки, взывали к Рыбарям на небе.

(…как поборнику чистоты окружающей среды, мне претит подобная неряшливость, но молодым беспечным студентам всё это как с гуся вода, им море по колено.

К тому же, по сравнению с фортелями, которые отмачивал Михаил Ломоносов в Германских университетах, мы были агнцами невинными. Читая о его подвигах, лишний раз убеждаешься – не зря прошагал человек пешком от самого́ Архангельска аж до Москвы… тяга к знанию знает куда тянуть…)

И лёжа средь высоких трав мы вели просвещённые беседы о том, о сём и прочей всячине, перемежая обсуждение затяжным бульканьем перед сменой темы. Болтовня служила нам закуской, как, например, пережёвывание давно известного факта, что когда Остёр был судоходною рекой в нём где-то затонул купеческий корабль с драгоценностями. А недавно Японцы предложили произвести полную очистку русла за свой счёт при условии, что найденное достаётся им. Но наши им ответили: —«Отгребись Страна Восходящего Солнца, чересчур вы умные!»

Переходя с глобальных тем на местные, мы сплетничали о латинисте Литвинове, безжалостном зверюге со склонностями палача:

– Прочтите предложение 7 из упражнения 5.

А как прочтёшь, если впервые в жизни видишь? Конечно, это упражнение из домашнего задания, но где ты найдёшь в Общаге время на всё те задания?

– Предложение 7 идёт за предложением 6.

– …

– Предложение 7 стоит перед предложением 8.

– …

– Садитесь, «два».

Упокоённо холоден, как огурец, голова похожая на электрическую лампочку, ну может, волос побольше, поворачивается к следующей жертве… Студентам не осталось иного выбора, кроме как окрестить его Люпусом, от Латинского "Lupus".

Его красавица жена учится уже на четвёртом курсе, а в зимнюю сессию на первом зачёт по Латыни сдала лишь с шестого захода. Люпус сделал запись в её зачётке и невозмутимо произнёс: —«Будьте благоразумны, выходите за меня замуж». Она прикинула, что в летнюю сессию будет уже не зачёт, а экзамен, и поняла – сопротивляться бесполезно…

Сойдясь во мнении и отношении к общей кадровой политике в НГПИ, мы переходили к жизни Общаги в целом и такого её аборигена как Остролуцкий в частности, который только с виду крут (нам же виднее, мы из одного с ним пенала), а сам полный наивняк, до сих пор верит—не, ну ты прикинь, а! – в победу Коммунизма, тайком… хотя, кто его знает… ведь зачем-то ж держат мумию Ленина в Мавзолее… представь какие немыслимые технологии они разработают в том грёбаном грядущем, а?. Медицина сможет восстанавливать индивида по одним только шнуркам с его ботинок… а потом чё? опять Зимний штурмовать? так там одни экскурсанты и никого из Романовых, чтоб к стенке – отомстить за повешенного брата…

И именно там мы условились, что когда Фёдор с Яковом получат свои дипломы, на их выпускном вечере я войду в воды Острa, по пояс, со стаканом шампанского в поднятой руке. Как в фильме *Земля Санникова* поручик Царской армии бредёт в полосу прибоя, провожает шхуну, которая уходит навстречу открытиям.

"Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется «жизнь»…"

А потом в счастливо размягчённом состоянии, мы поднимались из травы и шли в сторону Общаги, обгоняя ленивые горлышки бутылок посреди реки.

(…мы жили в эпоху застоя, но ещё не знали об этом…)

В облицованном голубым кафелем душе на первом этаже Общаги, я обнаружил у себя довольно звучный голос. Поэтому я привёз гитару из Конотопа и пел в распахнутое окно нашей комнаты серенады никому конкретно… Конечно же, Ирина из Бахмача оповестила всех охочих Артемид на Английском отделении, что я не кошерная дичь. В результате, томная грусть в глазах девушек сменилось выражением настороженной бдительности, а моё появление в их комнатах не вызывало автоматического приглашения попить чайќу. Но я пел всё равно… Иногда студенты МузПеда спускались со своего пятого этажа постучать в дверь 72-й и попросить гитару хоть на один вечер. Наверное, отдохнуть хотели…

Более того, в конце сентября, когда наш курс был приглашён на свадьбу однокурсницы Гали из райцентра Борзна, я там всю ночь бренчал на гитаре номера из репертуаров Орфеев, Ориона и Дюка Эллингтона. И люди танцевали под меня! Стройная невеста в длинном белом платье, прижимаясь к массивной фигур жениха, одаривала меня благодарными взглядами, а её брат отваживал от проигрывателя желающих поставить пластинку. Не каждая свадьба может похвастать живой музыкой…

~ ~ ~

В начале октября меня вызвали в отдел кадров НГПИ. Начальник отдела кадров, не взглядывая мне в лицо, предложил проследовать в дополнительную комнату позади стола в его кабинете, а сам остался сидеть где и сидел.

В его захребетной комнате тоже имелся стол, а за ним физкультурного вида мужчина с бритым лицом, лет за сорок, с блекло-тёмными волосами неопределённой длины. Он пригласил меня сесть напротив, сцепил длинные пальцы рук поверх стола и представился капитаном Комитета Государственной Безопасности, он же КГБ, после чего поделился информацией, что в целях пресечения шпионской деятельности агентов ЦРУ, которые приезжают в нашу страну под видом корреспондентов зарубежных

газет и журналов, в КГБ нужны молодые люди владеющие Английским языком. Они пройдут соответствующую спецподготовку и в дальнейшем их пошлют в зарубежные страны для обеспечения нашей государственной безопасности.

Ух-ты! Безудержные мечты становились явью и даже без посредничества участкового Соловья! Капитан КГБ лично делал мне предложение, от которого я и не собирался отказываться. Не зря же в своих подростковых грёзах я примерял рубаху Донатаса Баниониса из *Мёртвого Сезона*! Оставалось лишь обсудить детали… Если после занятий по пути в общежитие я увижу его с газетой в руках, значит через час мне нужно позвонить ему вот по этому номеру для получения дальнейших инструкций. На этом мы расстались…

Неделю спустя я позвонил ему по телефону-автомату в стеклянном тамбуре-отсеке пожизненно запертой двери в Общагу (рядом с той, что открыта) и получил инструкцию приехать на железнодорожный вокзал, проследовать в деревянный дом привокзальной милиции (рядом с общественным туалетом) и зайти в первую дверь по коридору направо… За этой дверью под его диктовку я написал заявление с просьбой принять меня в штат секретных сотрудников КГБ и в целях конспирации считать моим оперативным псевдонимом имя «Павел»…

В нашу третью встречу, капитан сказал, что замполит войсковой части, где я прослужил два года срочной службы, слишком невысокого обо мне мнения и сообщает, что я такой, сякой, и даже этакий.

> *(…похоже, в КГБ всё поставлено с ног на голову – сперва меня вербуют в секретные агенты, а потом наводят справки стоит ли оно того… Хотя если вдуматься, в этом есть доля и моей вины: слишком красивую нарисовал фальшивку в своей характеристике для поступления в вуз. Как говорил великий*

мудрый Гавкалов, водитель автокрана в СМП-615 (об обоих позже) – «что слишком хорошо – уже нехорошо»...)

Тогда я спросил, сообщает ли Замполит о моём активном участии в ограблении банка, на что капитан хмыкнул, но всё равно хотел бы знать чем вызвано столь отрицательное мнение обо мне со стороны старшего по званию.

Тут я не стал юлить в пустопорожних самооправданиях или запутываться в жалком вранье, нет, ничего подобного, я прямо и без обиняков изложил как всё и было на самом деле и, ни на йоту не отклоняясь от правды фактов, влез в шкуру почтальона части (получай, сука, за выпотрошенные материнские троячки). Я подставил себя на место почтальона, он же киномеханик Клуба части, он же посыльный Замполита для передачи сообщений и подарочков его (Замполитовским) юным пассиям.

По этой, слегка подправленной мною версии, именно я перепихнулся с одной из девушек, а та дура ляпнула Замполиту и тот, в ослеплении ревностью, теперь малюет меня самыми чёрными красками, как наркомана и дебошира, ведь малолеткам он платил...

После этого разговора, позолота моих надежд стать шпионом на территории США заметно облупилась. Мне дошло, что я понадобился для местных нужд и только, ещё один стукач, ещё одно «ухо Гестапо» вживлённое в карман обывателя.

Будущее подтвердило мои унылые опасения... Тема разведшколы больше уж не поднималась (вербовочная наживка, чтобы дурачок заглотил крючок), а вместо этого, дважды в месяц, я приходил в первую дверь направо в коридоре привокзальной милиции возле общественного туалета, сообщить, что никаких разговоров о политике среди студентов НГПИ я не слышал.

С одной стороны, как бы и неловко так вот подводить капитана, а с другой, ну что я мог ему сообщить? Разве КГБ заинтересуется, что Игорь Рекун, мой однокурсник из Конотопа, поступивший в институт

прямиком со школьной скамьи, влюбился в четверокурсницу Ольгу Жидову из Чернигова?

Все вечера Игорь безвылазно проводит в её комнате, а её сожительницы эксплуатируют чувства юного влюблённого, посылают его с чайником в умывальник, набрать воды из-под крана. Однажды в коридоре его перехватил их однокурсник, мой сокомнатник, Марик Новоселицкий.

– Што? Сделали из тебя водоноса?. – Спросил Марик со своей всегдашней ухмылочкой.

– Ну, и што? – Вчерашний школьник не сробел, а вскинул свой острый носик с очками чайного цвета и, с независимым видом крутого чувака, продолжал жевать свой *буббле гум*.

– В Ольгу Жидову влюбился, да?

– Ну, и што?

– Жениться на ней хочешь, да?

– Ну, и што?

– Как можешь ты на ней жениться, если я её ебал?

– Ну, и што?

Игорёк вынес и этот смертельный удар и только предатель-чайник чуть свесил свой нос во вдруг ослабевшей руке, испуская тонкую, как спица, струйку на серый бетон бездушного пола. Бедный мальчик…

Сожитель мой не врал, конечно, и объяснил свой поступок желанием спасти юного Игоря от роковой ошибки. Но всё равно, этот Новоселицкий просто сволочь, хоть и Еврей…

Короче, нечем мне было выслужиться перед КГБ и подштопать свою репутацию, на которую настучал Замполит.

(…и всё-таки, не обрати они внимания на то, что он на меня накатал, и если бы закрыли ещё глаза на крещение дочери в подпольной церкви, и что я обматерил незнакомого работника КГБ у подножия Комсомольской Горки в городе Ставрополь, то— как знать! – я вполне мог бы подняться на пост Президента в

нынешней России… Моя мама всегда говорила, что я очень умный…

А так, я отравил свои студенческие годы собственными руками. Встречи с капитаном дважды в месяц изводили меня, как неотступная зубная боль. Я глушил и гнал прочь мысли о предстоящей встрече, старался думать о чём-то другом… ну, хоть о чём-нибудь… они возвращались насесть снова, как мысль о неизбежном конце возвращается к неизлечимо больному.

Средь подогретого веселья в духе разгулов Ломоносова, вдруг всплывала мысль, что через три дня мне опять в ту дверь направо возле общественного туалета, выламывала меня из текущего увеселения и переключала на угрюмые раздумья, что «сексот», хотя всего лишь сокращённое «секретный сотрудник», звучит куда отвратнее, чем даже «чмо».

И никуда ведь не денешься – у них моё заявление и доносы, хотя ни на кого конкретно, но подписанные псевдонимом «Павел». Так что, если я даже, скажем, залечу на Зону, там ко мне подойдёт другой замполит-«кум» и прикажет стучать на остальных зэков, а то какая-то часть архивов КГБ дотечёт до пахана Зоны.

Жизнь моя превратилась в смятую жестянку, как у Синдбада в каком-то из его странствий, когда мерзкий старикашка примостился к нему на шею, душил и пинал ногами за малейшее непослушание.

Но почему капитан КГБ остался безымянным? Он называл мне своё имя и отчество, но хоть убей – не вспомню…. Дело не в том, будто боюсь я КГБ, или во что там его сейчас переименовали – нет, просто провал в памяти. Как ни стараюсь вспомнить, ничего не выходит… Хотя не очень-то и хочется…)

~ ~ ~

В ту пору в Нежине насчитывалось два ресторана – «Полісся», на площади перед базаром, и «Чайка», в одноимённой гостинице направо от здания Горкома-Райкома Партии за спиной Ленина на главной площади. Третий находился на первом этаже железнодорожного вокзала, но я его не считаю, потому что до 17.00 он был столовой.

Эпически провинциальная глушь – до щемоты, до умиления…с памятником земляку, чьё парусное судно на заре XIX века стало первым предупреждением пингвинам о приближении цивилизации к обледенелым берегам Антарктики, но эти глупые пернатые не вычислили какими чучелодельными последствиями чревато появление на тёмных полярных водах странной деревянной льдины с пингвинами, которые базарили совсем не по-пингвиньи… с высоким храмом запертым на ремонт с конца 50-х… с первенцем Советского танкостроения образца 1929 года перед входом в парк Шевченко, без всякого постамента, на асфальте тротуара, заливай солярку и – вперёд!. и даже площадь перед базаром была, в сущности, всего лишь очень широкой улицей, от моста к универмагу…

Рестораны мы посещали крайне редко и то не все, потому что Яков и Фёдор избегали оба заведения данного пошиба. На такие случаи их подменяла Света, официальная невеста Марка. Белые скатерти на столах и зелёная дорожка от входной двери и к ширме в углу, которая камуфлировала ход на кухню, сразу же показывали, что тут тебе не забегаловка, а ресторан. И, как и положено в ресторанах, приходилось очень долго ждать, пока официантка принесёт заказанный гуляш с картошкой.

Чтобы скоротать время, Саша Остролуцкий начинал полировать свои ложку-вилку-нож из разложенного перед ним на скатерти прибора, чей строй замыкала башенка из скрученной стоймя салфетки, хотя никто не знал, что ею надо застилать штаны. Вот он и наяривал у неё под боком типа как бы такой весь чистоплотный и

благовоспитанный. Хорошо хоть мизинчик в сторону не отставлял, чистоплюй детдомовский…

Света продолжала шпынять Марка своим «что такое, Марик? Я не поняла!», но уже вполголоса… Наконец, из-за ширмы показывается официантка с подносом в руках… Не, опять понесла мимо, к другому столу. Ждём-с…

Ну наконец-то, вот уже и к нам. Она переставляет тарелки с подноса на скатерть. Саша деловито разливает водочку из круглого, как химическая колба, графинчика. Ну-с, вздрогнем!

И, после второй стопки, ты уже участник остроумной застольной беседы. Твои пальцы так изящно поигрывают ресторанной вилкой. Музыка из-за ширмы уже не режет слух чрезмерной громкостью. Ты ненавязчиво обводишь взглядом зал. Какую тут пригласить для медленных объятий на зелёной дорожке?.

Марик их всех знает, с какого, скажем, факультета та пара девушек, и даже курс какой. А если просто местные, то уже Светик выложит всю их подноготную… Золотая молодёжь. Прожигатели жизни… В конце Марик платит по счёту из своего мягкого коричневого кошелька, в Общаге вернём свои доли…

Если бы не его любовь к поучениям, Марик был бы вполне нормальный чувак. Возвращаясь из душа на первом этаже, он непременно заглянет в вестибюль, поблагодарить вахтёршу, тётю Дину, за горячую водичку. И тут же начнёт тебе толкать, что хоть она к водичке ни при чём, но это неважно, зато теперь готова делать одолжения. Это как пообещать кому-то что-то. Никто ж не знает когда ты выполнишь обещанное и выполнишь ли вообще, но тот, кого ты обнадёжил, начинает надеяться и, в ходе ожидания, человек уже зависит от тебя, он – за тебя.

(…сдаётся мне, Марк просто повторял то, что папаша с малых лет вбивал ему в голову. Еврейская мудрость из поколения в поколение, смекаешь?. Вот от кого чекисты

научились прищучивать долбоёбов обещанными разведшколами…)

За обучение меня уму-разуму я расплатился книгой*Замок Отранто* в тиснёной коричневой обложке, что лежала поверх моей тумбочки. Библиотечная из Клуба КПВРЗ. Она его так глубоко восхитила, что я ему её подарил. Только сперва мне пришлось вернуть, а украл уже через неделю. Проще простого – впихнул книгу за пояс штанов под полушубком и выходишь из-за полок с какой-нибудь другой для записи в карточку…

Пирушки по месту жительства обходятся дешевле…

Пока Яков и Фёдор отряжены за Кальвадосом в плоских бутылках зарубежного вида, мы с Остролуцким заходим на кухню. На каждом этаже Общаги по две кухни, на входе в коридор с лестничных площадок налево. В каждой кухне две газовых плиты, один кран над раковиной, а вдоль двух стен три ряда ящиков на уровне от пояса до головы. Похожи на автоматические камеры хранения на вокзале, но вместо железа склёпаны из прессованной фанеры… Мы чистим картошку на подоконнике. Много картошки.

У Саши спортивно-подтянутый вид, зиппер курточки вжикнут вверх до упора, висюлька бегунка элегантно болтается под подбородком. «Ладно, хватит. Теперь нарежем. Ты постой там у двери, просто обопрись Да, так… Посмотрим что тут у нас…»

Остролуцкий открывает дверцу одной из камер-хранительниц и выгружает кусище сливочного масла на преогромную сковороду. «О, а тут и лучок есть! Отлично…»

Остролуцкий с такой элегантной лёгкостью проходится по ящикам, что мне не сразу доходит – это мы потрошим «торбы», они же запасы провизии, однофакультетниц. Так запросто и ловко, язык не повернётся назвать это воровством.

(…ну ладно, Сашу может оправдать полуголодное детство в детдоме. А мне-то как смотреть в благородные глаза Робин

Гуда после этого?

Но всё-таки (при всех угрызениях раскаянной совести) я в жизни не ел ничего вкуснее той студенческой картошки на награбленном масле... А Кальвадос – пойло паршивое, им даже опохмеляться противно. Кубинский, наверное, закупили в виде братской помощи Острову Свободы, как и несладкий сахар из тростника...)

Жора Ильченко вернулся из Индии, где проработал год в Советском посольстве. Нужно быть очень прилежным студентом, чтобы в достаточной мере овладеть Английским для такой работы, проучившись два курса на АнглоФаке НГПИ или же возникли другие веские причины куда не хочу вдаваться. Как бы там ни было, Жора Ильченко вернулся доучиться и получить диплом с теми же, с кем поступал. Опять придётся поупражняться в прилежании.

С Жорой я не был знаком и только видел издали коридорах Старого Здания. Кудрявые волосы в поспешной эмиграции с головы (за прилежание тоже приходится платить) по цвету совпадали с чернотой усов, которые охватывали и заодно подчёркивали яркую красноту губ. Конечно же, я ему завидовал – целый год в Индии! По АнглоФаку начали циркулировать книги, которые он там поднакупил. и когда мой однокурсник Игорь Рекун подружился с Жорой, я одолжил у Игоря книгу, которую он одолжил у Жоры. Сборник рассказов Вильяма Сомерсета Моэма, печатано Издательством Пингвин.

Читать рассказы оказалось трудно – столько там всяких заковырных слов. Мне даже пришлось взять*Большой Англо-Русский Словарь* Гальперина у моей одногруппницы Наташи Жабы (никаких кликух, нормальная Украинская фамилия, но в её случае только до ЗАГСа, могу поспорить).

В книге взятой у Игоря, взятой у Жоры, мне встретился совсем кратенький рассказик (страницы на две с чем-то), *Человек со Шрамом* и такая малогабаритность подбила меня перевести его на Русский,

тем более, что с публикацией проблем нет – на третьем этаже Старого Здания, в углу напротив Лингафонного кабинета висит лист ватмана, озаглавленный *Translator,* где вклеены плотные ряды машинописных страниц студенческих переводов, бок о бок с Расписанием занятий всех четырёх курсов Английского отделения…

Рассказ хоть и короткий, но высветил самую суть всех тех Латино-Американских революционеров. У них ведь оно там как – присваиваешь себе звание полковника или генерала, собираешь банду и начинаешь освободительную войну под лозунгом «Свобода или смерть!», пока не станешь диктатором.

Однако у кандидата в диктаторы в рассказе преждевременно закончились патроны и его схватили вместе с бандой. На рассвете он перед расстрелом на минуту отошёл от стенки, где стоял в строю соратников в ожидании предстоящего залпа и обнял свою возлюбленную, которая подбежала проститься, получить прощальный поцелуй и глубокий удар ножом в сонную артерию, потому что так сильно они любили друг друга. *Alma de mi corazon!*

Текущего диктатора, который приехал любоваться казнью, настолько восхитила такая страсть, что приказал вывести конкурента из строя, а когда остальных расстреляли, депортировал помилованного в соседнюю страну, тоже Латино-Американскую, где тот спивался и шакалил под видом продажи лотерейных билетов по барам. Однажды в руках его вдруг лопнула бутылка и порезала лицо стеклом, чтоб оправдать название произведения.

Бесхитростный такой рассказик, без лишних завитушек. Однако Моэм мастак подать чёткие до ощутимости детали. Ёмко пишет этот сс… хмм… сын туманного Альбиона.

(…почти все Английские слова односложны, кроме заимствованных из других языков, и предложение сложенное из них смахивает на пригоршню просыпанного риса, но смыслов в них на полмешка. А в Русском – наоборот, слова из-за своих приставок-суффиксов-окончаний длинные, как спагетти или

нити паутины, из которых и выплетаешь о чём, собственно, речь…)

Стенной газетой заправлял и редактировал её преподаватель Теоретической грамматики или чего-то ещё такого, которое проходят на старших курсах АнглоФака, Александр Васильевич Жомнир. Ещё тот ходок!

(…нынче подобного индивида назвали бы неформалом, но в те времена это означало диссидент, которого пока что не поймали…)

Внешне он больше смахивал на Украинского националиста, чем диссидента, но всё равно непойманного, иначе фиг бы ему позволили преподавать в институте. Свои длинные серые волосы он зачёсывал назад, но те тут же спадали обратно на широкий лоб и кустистые брови. Плечи чуть вскинуты, словно готовятся принять мешок с картошкой, а в движениях неуклюжесть, для отработки которой требуется не один год. Весь такой из себя пасечник или мельник с хутора, что пробурился в профессуру лингво-нейрохирургии… В институт он приезжал на велосипеде, как мужик, но оставляя своё средство передвижения под Берёзой, интеллектуально стреножил его замком за спицы.

Когда в широком коридоре возле Лингофонки я подал Жомниру тонкую тетрадь с моим переводом, он пролистал пару страниц и на чересчур старательном Русском пояснил, что русскоязычные тексты не его специальность, потому-то *Translator* сплошь на Украинском, за исключением стихов…

Да, в моём школьном аттестате за Украинскую мову и литературу стоит «н/а», она же «не аттестован». Благодаря переезду в Конотоп уже после того, как отбыл половину школьного срока, я имел законное основание не посещать уроки по данной дисциплине, в отличие от младших, которые переехали слишком рано для данной

привилегии. Тем не менее, спустя полмесяца жизни в Конотопе я уже читал книги на Украинском. Поэтому всего через две недели я огорошил Жомнира Украинской версией всё того же человека со шрамом.

Он встрепенулся, заблистал глазами и камня на камне не оставил от моих трудов, стёр их в мельчайший порошок. Меня взбесила эта порка, но я видел, что он прав. Тем не менее послать всю эту шрамотень нах… хмм… все четыре стороны, я не мог не по причине уязвлённой гордости, а просто вошёл во вкус борьбы с упёртыми Славянскими словами для выражения того, что смог уразуметь в Британском бисере языка Моэма. Борьба оказалась настолько увлекательной, что я отвёз гитару обратно в Конотоп…

~ ~ ~

Слухи—дошедшие до меня годом позже, будто приезжая по субботам в Конотоп, я бросал свой чёрный «дипломат» в прихожей, чтобы тут же отправиться по блядям, ничуть не беспокоясь, что жена моя в моё отсутствие гуляет регулярно и напропалую—были сильно преувеличены. На самом деле, мои отношения с Ольгой оставались неизменно бурными и приносили чувство глубокого удовлетворения. Кроме того раза с хронометражем…

Мой сожитель по комнате, Марик Новоселицкий, ни с того, ни с сего, спросил меня про длительность моих половых актов с женой. Я навскидку назвал скромную цифру в десять-пятнадцать минут, вряд ли больше. Он стал насмехаться, что это полный трёп и мечты о невозможном и мы поспорили…

Ольга не поняла зачем я притащил из кухни будильник в спальню, но я не стал пояснять… Тот гад стоял на подоконнике, но так цокал мне по мозгам, что результат оказался плачевным. Вернувшись в воскресенье вечером в Общагу, я честно признался, что всё вылилось в жалкие пять минут. Марик расплылся в победной улыбке… Но в остальные разы всё было как надо – минуты теряли всякий смысл…

Перед этим мы шли в Лунатик и танцевали медленные с глубоким чувством, проникновенно, а с переходом на быстрые давали себе волю и отрывались по полной. Она была хорошо и так, и так. Наблюдали пару драк на паркете—Лялька называл это гладиаторским боем быков—и покидали зал передохнуть в неосвещённом библиотечном крыле.

Приопёршись на высокий подоконник молчаливо чёрного окна за спиной, мы с Лялькой делились неспешным косяком, всё глубже вникая в аквариумную суть окружающего интерьера, а Ольга курила рядом свои сигареты с рыжим фильтром. Всё становилось ништяк и мысли о стукачестве на Нежинский КГБ опускались на самое дно аквариума…

Так что супружеский долг я исполнял сполна, не отлынивал и когда Ольга сказала, что беременна и для аборта муж должен сдать стакан крови в больнице, я беспрекословно туда пошёл, хотя вроде ж предохранялся.

В кабинете переливания крови меня обрядили в белые бахилы и сказали лечь на стол с холодной клеёнкой. Меня поразило выражение глаз двух кабинетных работниц. Вернее, отсутствие всяческого выражения, глаза подёрнуты стылой плёнкой, как у снулых рыб. Они подступили ко мне с иглой на конце тонкого гибкого шланга, попытались проткнуть мне вену, чтобы кровь куда-то там стекала. Однако на каждую из их трёх попыток, упругая вена упрямо откатывалась от иглы заново сунутой мне под кожу. Мертвоглазые медсёстры то ли сжалились, то ли утратили веру в успех предприятия и поставили отметку в бумажке, будто кровь сдана, так что аборт обошёлся бесплатно… Всего лишь три дырки за бланк приглажено выхолощенных слов, как и в любой другой бумажке любого другого госучереждения, или госоргана.

(…и шоб вы, хлопцы, знали – эти все органы, предназначены для питания работников органов, которые давным-давно уж обкатали свой заумнословный госсуржик, чтоб напускать

тумана в самые простые вещи. Тут всего-то и надо «за бесконтрольную еблю – штраф 250 мл крови». Точка. И все заплесневелые вампиры усыхают нахер от чёрной зависти в своих увялых сумерках…)

Отступать я не мог да и не хотел. Мне пришлось изучить ещё одну письменность—схожа с Арабской вязью, но поразмашистей—почерк Жомнира, которым он вписывал пометки поверх и между строк рукописи, что я продолжал сдавать ему. Наконец, он приподнял кустик правой брови и сказал, что это уже похоже на что-то и пойдёт в следующий выпуск *Translator'a*. А потом пришёл тот день, когда Фёдор и Яков, стоя возле рядочка машинописных страниц на листе ватмана рядом с Расписанием, витиевато поздравили Жомнира с открытием нового таланта на ниве украинских переводов со столь неоспоримо украинским окончанием в его фамилии «Огольц-ОВ». Жомнир без вычурностей отвечал – не его вина, когда такие щирі украинцы – Демьян-КО и Велич-КО не удосужились почухать свой зад за все четыре года их учёбы на АнглоФаке…

Пришла весна, а вместе с нею самая безоблачно чистая любовь моей жизни. Все называли её «Швыдча», а для меня она была Надей. Это она воскресила мою веру в то, что истинное женское начало всё ещё живо в нашем затруханном цивилизацией мире… Мы с ненасытным упоением любили друг друга, любовь переполняла нас, выплёскивалась через край. Любовь ради любви есть высшей формой любви, это – любовь в чистом виде.

Но с чего это я расписываюсь за обоих? Где основание столь размашистым заявлениям? Ответ прост – Надя была девственницей неискушённой, покуда что, в притворстве, пошлой имитации, жалкой симуляции и прочих уловках.

Так может быть, я снова позабыл предупредить, что я женатый? Факт не нуждался в оглашении – она заканчивала четвёртый курс АнглоФака и жила на третьем этаже Общаги.

Довольно редкостное сочетание: четвёртый курс и девственность, не так ли?

***"Немало встретишь на земле и в небе, друг Горацио,
Такого, что и не снилось философии твоей..."***

Четверокурсники из комнаты напротив устроили вечеринку, куда позвали и меня. За столом мы с Надей оказались сидящими на одной койке и когда кто-то выключил свет в комнате, я чисто рефлективно расстегнул курточку её спортивки. Она тут же вжикнула молнию обратно и вспыхнувшая вскоре заново лампа засвидетельствовала: всё чин-чином, никакая полиция нравов не придерётся. Но Марик просёк звучанье зиппера в потёмках: вниз-вверх и начал хаханьки строить. Надя обиделась и ушла. Вот и всё.

На следующий день она встретила меня в длинном полутёмном коридоре нашего этажа, всё в той же спортивке, заговорила со мной и улыбнулась. О, улыбка Нади просто что-то! Эти ямочки на её щеках, эти чёртовы искры в чёрных глазах!

Она отвечала всем параметрам Украинской красотки – волна чёрных гладких волос до середины спины, бархатные дуги бровей над сиянием карих глаз в круглом лице, налитые груди. Округлые плечи плавно перетекали в руки упёртые в крепкий стан над роскошными бёдрами тренированной пловчихи. Потому что этим видом спорта она занималась.

И при всё этом, зачем я ей сдался такой некошерный? А и снова очень простой ответ – она собиралась замуж тем летом. Нет-нет! Не за меня, конечно. Какой-то лейтенант заканчивал какое-то военное училище, чтобы жениться на ней и увезти в гарнизон, куда распределят на службу. Времени оставалось немного и мы не хотели его терять. Мы любили любить друг друга и хотели ещё и ещё. Но это после, а сперва нужно было разобраться с её девственностью...

Пару первых свиданий мы провели в узком отсеке умывальника—с одним окном, одной раковиной, одним подоконником—зачем-то

отгороженном одной дверью от остальных раковин. Истинно спартанский стиль тесного интерьера не слишком сказывался на стадиях предварительного ознакомления с чем мы имеем дело и тем более, что дверь отсека открывалась внутрь и легко блокировалась, что восполняло нехватку в ней какой-либо задвижки.

А затем ребята из комнаты 73 уехали на пару дней куда-то, оставив свой ключ Жоре Ильченко. Он, вообще-то, снимал квартиру в городе, но кто откажется от ключа свободной комнаты в Общаге? Они его ему не передали из рук в руки, а повесили на гвоздик фанерного щита за спиной вахтёрши. Трудно проследить как вся эта информация досочилась до меня, но ждать повторного приглашения к такому подарку судьбы я не стал и снял ключ раньше Жоры.

Вечером мы с Надей уединились в комнате 73… Когда стук в её дверь прекратился, а в коридоре утихло эхо безответных воплей Жоры «Кто-нибудь видел Огольцова?!», Надя начала одну за другой снимать части своей спортивки, сопровождая стриптиз эпохи застоя припевкой из довоенного чёрно-белого кинофильма Цирк:

"Тики-тики-ду!
Я в небо из пушки уйду!."

Хотя заметно нервничала…

Мы легли на койку у окна. По другую сторону двойной гипсовой перегородки находилась моя комната 72. Там у окна стояла койка Фёдора под розеткой, в которую лучше не втыкать магнитофон. Надин вскрик из розетки привлёк внимание Фёдора, он вынул её вовсе, оставил свисать на проводах и долго за полночь вслушивался в последующие стоны. Мы не знали, что нас прослушивают через ухо Дионисия, а если бы и знали нас это бы не усмирило…

На следующий день ребята Комнаты 73 вернулись и забрали ключ…

На свидании в умывальнике в понедельник, Надя была молчаливой и печальной, но я таки смог вызнать причину. Марик

Новоселицкий распускает на четвёртом курсе грязный слух, будто Огольцов Швыдчу в умывальнике сзади… Я всегда чувствовал, что он к ней неравнодушен, а то с чего бы так уж вслушивался в зиппер на той вечеринке? Ну погоди, морда Жидовская!.

Во вторник, когда он вернулся из душа с влажными волосами и полотенцем через плечо, то в комнате застал только меня. Я запер дверь, сунул ключ в задний карман штанов и сказал: —«Снимай очки, Марик, я тебя бить буду!» Очки он так и не снял, а начал бегать вокруг коричневого стола с подсунутыми под него стульями. Мне пришлось придвинуть стол к окну и лишить его пространства, где мог и дальше бы крутиться по орбите вокруг и без того утомлённой мебели.

В закутке между подоконником, койкой и столом стоял он понурив голову, как Андрий, сын Тараса Бульбы – безропотный агнец готовый к закланию. Я ударил его в подбородок, чтобы не повредить очки, и повышенным тоном голоса пообещал, что если он, блядь, ещё хоть слово про Швыдчу… Когда я закончил свою нагорную проповедь, он поправил очки и сказал с заискивающей улыбкой: —«А здорово ты меня ебану́л, а?»

(…мудрость веков впитанная с молоком матери… И—что характерно—на лету ухватил фразеологию из моей проповеди. Способность к языкам у них в крови…)

В четверг, в конце свидания в отсеке умывальника, она задумчиво сказала: —«А ведь он правду говорил…» Меня заело, что как бы вроде исполняю предначертания Марика Новоселицкого. Тоже мне, пророк Натан грёбаный… Но как быть?

Манна небесная явилась в виде первокурсника МузПеда. В жёлтых ангельских кудрях, сияя золотистой оправой своих очков, спустился он свыше—с тверди пятого этажа—на наш грешный третий этаж и протянул мне ключ от свободной комнаты в их коридоре. Аллилуйя!

Но почему? Ведь я ни о чём его не просил, и даже понятия не имел, что там есть эта комната. Что его побудило? Ну да, осенью я пару раз давал ему свою гитару, но с тех пор мы не общались. Откуда он узнал??!!

> *(…в те безвозвратно канувшие времена—не дотянуться, не дозваться, не искупить—я не ведал ещё, что все мои…*
>
> *– ДА ТЫ КОГДА-НИБУДЬ УЖЕ ЗАТКНЁШЬСЯ НАХУЙ В СВОЁМ ЁБАНОМ СПАЛЬНИКЕ?!.)*

И всё. Ключ переключил меня и Надю на ночной образ жизни. Когда в коридорах уже по вечернему стихает шум жизни студенческой Общаги, мы поднимались на пятый этаж и возвращались к прощальному поцелую на третьем в серой тиши предрассветного сумрака.

Она опять превратилась в первокурсницу типа как бы. И когда в целях обучения наш курс возили в Киев, на экскурсию в автобусе для интуристов, она тоже участвовала. Молодой гид в том автобусе говорил исключительно на Английском: —«Look to your left!. Look to your right!.» Под конец экскурсии он спросил есть ли у нас какие-то вопросы. К тому времени я до того втянулся быть иностранцем, что спросил: —«Are you a Communist, Mr. Guide?»

Он не ожидал такой вопрос из захолустного Нежина, но всё же собрался и ответил: —«I am a Candidate for the Communist Party Membership.»

– Okay, I see, Comrade Guide.

Потом мы Надей сидели в сквере на скамейке, в одном из тех крутых спусков к Хрещатику. Солнце ласково сияло в небе, вокруг него плавали пушистые облачка. Надя и я целовались долгими поцелуями. Рядом с нами сидел Игорь Рекун и печально крошил печенье стае разномастных голубей, что шумно толпились у наших ног на асфальте.

Надеюсь, Киев в тот день почувствовал, что он тоже—пусть и маленький, но—Париж…

~ ~ ~

(…отчего так невыносимо быть сексотом? Никого я не закладывал, и кагебист всякий раз лишь недовольно качал головой на мои доносы из двух предложений и нуля информации. И всё же ощущение, что пойман на крючок, стиснут обстоятельствами, из которых нет выхода, не исчезало, а мешаясь со страхом, что меня раскроют, становилось источником постоянных терзаний: шестёрка, даже если и не капает, всё равно шестёрка.

С другой стороны, перед капитаном тоже как-то неудобно. Особенно после того, как я не уважил его зимой…)

В тот раз капитан попросил продать ему мой кожух, чтобы он в нём ходил на охоту. Короткий кожух из косматой рыже-чёрной овчины, отцовский кожух ещё с Объекта. Кожух, на котором мы с Ольгой сидели на нашей свадьбе. Он был частью моего имиджда, вместе с дипломатом из чёрной пластмассы и полуцензурного клича в ответ на любые передряги с нестыковками: —«А хули нам? Прорвёмся!» Продать кожух, всё равно, что продать часть самого себя. Всё это капитану я не объяснял, ответил просто, что нет, не могу. Он не стал настаивать, возможно, это просто тест был – смогу ли я себя продать, хотя бы по частям.

Но в мае я осчастливил его по полной программе. Вознаградил за все те пустопорожние доносы, которые писались под его диктовку, что ничего заслуживающего внимания не замечено и не произошло. Да, дважды в месяц он диктовал, чтобы бумаги с моим почерком, с подписью «Павел», скапливались у него в сейфе и чтобы я всё глубже насаживался на их крюк…

Итак, в конце мая, прямиком с вокзала Марик принёс в комнату свой восторг от новой игры, в которую на выходных он научился в

Киеве. Называется «Игра в Партии», нам нужно попробовать и сами увидим, до чего завлекательная. Мы с Фёдором оторвались от подкидного на покрывале его койки. Остролуцкий сел на свою, упёрся затылком в цифры карточных долгов на обоях, поджикнул зиппер своей спортивки и Марик изложил правила.

Цель в том, чтобы переиграть историю заново. Начиная с лета 1917, до установления однопартийной системы, когда всё ещё были всякие Меньшевики, Эсеры, Анархисты и прочее такое. Каждый участник избирает себе партию по вкусу и старается переманить других игроков на свою сторону. Нет, вы попробуйте и увидите сами как интересно!

В Общаге, Комната 72 пользовалась не меньшей популярностью, чем общественный туалет по соседству с пивным баром и каждого, кто заглянул туда в тот вечер, встречал радостный смех Марика и предложение поучаствовать в такой захватывающей ролевой игре. Сам он, Илюша Липес и Остролуцкий, по общему национальному признаку, сперва назвались Бундом, но после скорого раскола переметнулись к Меньшевикам и Социал-демократам. Саша Нестерук зашёл и вышел, но на прощание встрепенул игриво свой чёрный шарф и объявил анархию матерью порядка.

Мы с Фёдором объявили себя бойцами Крестьянской армии Нестора Махно и пригрозили физической расправой любому агитатору, кто попытается отвлечь нас от подкидного. Полтавчанин Яков стал, «безсумнівно», представителем Украинской Центральной рады. Дурачились недолго, но громко, как всегда…

На следующее утро никто и не вспоминал о шумной забаве и никогда б уже не вспомнил, если бы в тот день я сдуру не проболтался на встрече с кагебистом. Капитан подтянулся, сел стоймя и вместо обычных двух строчек выдоил из меня целую страницу с именами находившихся в комнате и кто к какой партии примкнул. Ему не понравилась концовка моего доноса, что игра сдохла в тот же вечер, оттого что наскучила. Мне пришлось

переписывать всю страницу, когда он отредактировал и вычеркнул эту информацию… И понеслась!.

Студентов Английского отделения начали вызывать в КГБ для дачи показаний, даже тех, кто и не заходил в 72-ю в ту проклятую ночь. Их показания записывались – кто заходил потом? где сидел? почему примкнул к Эсерам? Кого-то вызывали повторно. Ребята возвращались в Общагу с вытянутыми лицами, пересказывали ход дознания, тревожно обсуждали возможные последствия. При однопартийной системе можно и не получить диплом после четырёх лет обучения.

Через три недели состоялось общее собрание Английского факультета, потому что Органы выявили нездоровые тенденции в студенческой среде. Собранию был представлен капитан КГБ, который зачитал список участников подрывной Игры в Партии. Мне малость отлегло, когда прозвучала моя фамилия – не догадаются, что настучал я. Затем игроков начали выборочно вызывать к большой доске аудитории.

Липес сказал, что заходил абсолютно случайно, чайник искал, на поиски ушло лишь полминуты, он даже и вникнуть не успел, что там за игра вообще такая.

Киевлянин Сергей Нестеренко, без предупреждения, с места в карьер врубил декламацию из пьесы Шекспира:

"Romans! Countrymen! Lend me your ears!.."

Его призвали прекратить балаган и немедленно вернуться на место.

Ну а Яков Демьянко так даже и рад был случаю опереться локтями на ящик фанерной кафедры и строить логические силлогизмы по случаю беспрецедентного случая на изысканно вычурной Украинской мове.

Под занавес, Марик Новоселицкий предстал перед собранием, как зачинщик, и повинился насколько ему жаль, что сразу не распознал всю вредность этой игры и дал честное слово никогда больше в неё не играть.

По дороге в Общагу мне казалось все косятся на меня и шепчутся за спиной.

Саша Остролуцкий, для снятия стресса вызванного допросами в КГБ, выпил бутылку водки натощак и его вырвало, но он успел выбежать в туалет.

Все доучились и получили свои дипломы. Капитан КГБ не смог раздуть пресловутую Игру в Партии до масштабов «врачей-отравителей» покусившихся на жизнь Вождя Всех Народов, Товарища Сталина своим лечением. Но он, несомненно, доказал своему руководству, что не зря получает жалование…

(…а я вот думаю до сих пор, что не зря приходил Серый в кочегарку стройбата избить меня за стукачество. Просто он перепутал время, опередил события…)

Первый раз эта мысль пришла ко мне на прощальной встрече с капитаном КГБ за текущий учебный год. Он дал мне двадцать рублей и взял расписку, что я получил деньги за секретное сотрудничество. Блядь! Деньги были не серебром и сумма тоже не совпадала, но две бумажные десятки жгли мне руки, хотелось поскорее уехать в Конотоп и обменять на дурь, всё… Но и это не принесло успокоения. Я ехал на подножке трамвая № 3, смотрел на своё отражение в стекле сложенной вдвое двери (мне всегда нравилось как оно меня отражает), а сейчас меня тянуло плюнуть в эту рожу. Зачем я исковеркал себе жизнь?.

~ ~ ~

Новый Корпус и Общагу разделял довольно широкий ров для сброса избытка воды в озере Графского парка в Остёр. Мы шли втроём – Надя, я и Игорь Рекун, почему-то огибая Новый Корпус с обратной стороны, когда я заметил железную трубу объединившую берега рва. Она чуть провисала за метр, примерно, над полями тины в стоячей воде.

– Спорим, что перейду? – сказал я.

– Нет! Не надо! – вскрикнула Надя.

А Игорёк тут же сказал: —«Спорим!»

Труба не слишком широкая (сечение 10 см) и над серединой рва она стала качаться у меня под ногами из стороны в сторону. С Надиными «ой!» и «ай!» за спиной, я удержал равновесие, махая руками продвинулся ещё на пару метров, а остаток пути пробежал.

– А-а! – заорал я и оглянулся. Игорёк помахал мне:

– Спорим, не сможешь вернуться?

Вот такой землячок подколодный! Я хоть и Огольцов, но не на всю ж голову!.

А с чего я вообще туда полез? Гордость чокнутого мачо, что ж ещё. Подштопать мужское самолюбие… За день перед этим наш курс устроил пикник на Остре, окраина почти за городской чертой. Надя вызвала меня соревноваться в плавании, заплыв на 100 метров вниз по реке. Она сразу ушла в отрыв, а ещё через двадцать метров мне окончательно дошло, что мой полукроль «маде ин Кандыбино» – ничто по сравнению с её мощным баттерфляем. Что оставалось делать? Я вылез на берег и первым добежал до финишной черты, где встретил победительницу букетом цветов, что на бегу успел нарвать в траве: —«Надя, ты – чемпион!»

Когда мы втроём (Фёдор, Яков и я) пришли с грузом «довгих» под сень гигантских Вязов в Графском парке и разлеглись в траве для возлияния под зелёный шум листвы над головой, Яков спросил, всерьёз ли я тренируюсь на циркового трубоходца. Я удивился, потому что его тогда там не было, но Фёдор сказал, что уже весь АнглоФак знает про хождение над водами.

Мы выпили и Фёдор начал изливать свою обиду на проректора Будовского, который подло, назло, испортил всю зачётную книжку потерпевшего. За четыре года все оценки там, одна в одну, лишь тройки – залюбуешься, но этот сука Будовский поставил ему «четыре», хотя Фёдор усиленно просил его не делать этого.

Тут Яков поднял свой указательный палец и огласил философский вывод, что Фёдор «плыв, плыв, та у берега втопывся».

Мы выпили ещё и, под воздействием яркого тёплого дня, я сказал, что трубоходство ерунда и мне по силам взобраться даже на вон тот Вяз. Его широкий неохватный ствол раздваивался на высоте восьми метров над землёй.

Яков снова воздел свой философический палец и объявил это за пределами человеческих возможностей, но он готов поставить две «довгих», если я помашу ему рукой из кроны дерева.

По ходу пари я малость смухлевал, потому что позади Вяза росло дерево потоньше, доступное карабканью, с которого получалось перебраться в развилку Вяза. Таким путём я достиг условленную высоту и вернулся на твердь земную. Яков завёлся витийствовать, что про подставу не уславливались, но Федя, в качестве третейского судьи, сказал ему заткнуться – оговорённая точка достигнута и – с него две бутылки…

По пути из парка в Общагу, я показал им трубу надо рвом – тренажёр грядущих звёзд цирка. У Яши взыграло ретивое и он сказал, что тут и переходить-то нечего и он запросто докажет это за две «довгих». Только пусть я подержу его штаны. Я не мог отказать товарищу с более старшего курса, моему наставнику в преферанс и затяжного дурака…

Он ступил на трубу и пошёл вперёд, в своей элегантной белой рубахе в широкую клетку из «жовто-блакитних» полосок, из-под которой шагали его длинные ноги в носках и чёрных туфлях. Он не знал как коварна эта труба над серединой рва… В общем, там оказалось не так уж и глубоко.

Когда Яков выбрел к нам, к цветовой гамме рубахи, рельефно облепившей его торс, добавилась зелень тины. Терять ему уже было нечего и он пошёл повторно, впрочем, вторичность не принесла успеха. Мой хохот подзадорил Фёдора и для поддержания чести выпускного курса, он тоже сдал свои штаны мне и двинулся по

шаткой железяке. После приводнения, ему хватило ума вылезти на противоположный берег.

Дьявольщина! Как я угорал с их штанами в руках. А ведь могли бы и пройти, кстати, если б не перечеркнули шансы на успех предварительными сомнениями. Но проиграли, заранее сняв штаны. Однако Общага – вот она, а четверокурсники без штанов там не в диковинку…

Но смеялся я, похоже, не к добру. По приезду в Конотоп я узнал, что Ольга пропала – ушла на работу вчера и с тех пор её не видели. Моя мать ходила к тётке Ольги, но и той ничего не известно… По настоянию матери, я всё-таки поужинал перед выходом к тёте Нине, в надежде на новости… Та опечалено качала головой – нет, ничего.

Тогда я пошёл на кирпичный завод. Уже стемнело и в цеху основного корпуса горел жёлтый свет. Оказывается, на Конотопском кирпичном печь не кольцевая, а с вагонетками, на которых и подают в неё сырец, а после обжига вытаскиваются продукцию обратно, по принципу туда-сюда… Цех тих был и пуст, наверно, я угодил в перерыв или на пересменку. Мне встретился только один мужик и я и спросил где Ольга.

– А где ей быть? – ответил он со злостью. – Блядует по городу.

И тут я его узнал – тот самый, с кем она знакомила у гастронома № 1, когда я вернулся из армии. А он меня припомнил? Не знаю…

Я вышел из цеха в ночь… блядует… Но может ещё придёт на третью смену? Идти мне всё равно некуда…

Неподалёку от цеха, я взобрался на кладку стены недостроенного здания и уселся там как тот филин или сова, что прилетала в моё детство на Объекте, посланники неведомо кого… Вот так я и сидел там, посреди ночи, думая мысли, которые лучше и думать не начинать, а если нечаянно случится, то лучше бросить и не додумывать до самого конца, до неизбежного вывода, потому что подходит момент, когда их критическая масса минует точку возврата, бесповоротно, когда—хочешь, не хочешь—надо уже что-то делать и неважно, додуманы они у тебя или нет… но делать-то что?

В чёрной ночи распахнулся прямоугольник жёлтого света, из двери цеха вышел мужик и захлопнул свет темнотой. Вскоре свет выпрыгнул вновь, он зашёл в него, закрыл и – опять тёмная ночь. Выходил поссать. Тут делать нечего. Пойду домой…

Следующий день принёс новости. Саша Плаксин, он же Эса, с улицы Гоголя, видел Ольгу на Сейму, у домиков. Он не говорил с ней, но видел, два дня подряд.

Я не стал ждать дальнейшего развития событий и уехал в Нежин, главное – жива-здорова, а у меня завтра с утра экзамен.

Моё знание Латыни Латинист Люпус оценил на четыре, потому что перед дверью в аудиторию, где он экзаменовал первый курс, я зычным голосом взревел на весь громадный коридор:

"Gaudeamus igitur!.."

Пропажа и заочное возникновение жены совсем не там, где хочется думать дальше, меня, конечно, попримяли, но главное начать, а дальше оно само пойдёт, тем более с таким гулким эхом от паркетного пола:

"Juvenes dum sumus!.."

Люпус выпрыгнул из аудитории убедиться, что это я так громко возлюбил Латынь, а потом, когда я сел напротив него за экзаменационный стол, он принимал как полуавтомат на конвейере – открыл зачётку, поставил четвёрку, закрыл зачётку, протянул мне. Прощай, Lingua Latina…

С экзамена я поспешил в Конотоп и мать моя сказала, что Ольга приходила утром. Та не заметила, что мать в спальне, и сразу бросилась в комнату, расстегнула блузку перед зеркалом в шкафу и начала рассматривать свою испятнанную грудь.

…клеймо владельца – каждому своё… кому-то отметины ногтей на запястье, другому ожерелье из засосов на груди…

– Накричала я на неё, чтоб убиралась где была. Она собрала одежду и ушла. Что теперь будет?

Я пожал плечами: —«А что тут может быть?»

– Ленку я ей не отдам, – решительно сказала моя мать.

Всё это было очень тягостно…

Ольга пришла на следующее утро, но уже в водолазке. Сказала, что ночует у тёти Нины, потому что моя мать её выгнала. Потом начала гнать дуру, что ездила на Сейм со Светой и жила в домике кого-то из друзей дяди Коли. Я попросил её не напрягаться, всё равно мы разводимся.

– А Леночка?

– Останется тут.

Она начала грозить, что увезёт дочь к своей матери в Крым. Потом сказала, что это я довёл её своими блядками в Нежине, про которые ей всё докладывали, но она молчала. И да, она ездила на Сейм, позлить меня, но там ничего не было, а у нас ещё может всё наладиться.

(…в жизни всегда есть выбор: можешь копать яму, а можешь не копать…

Подав на развод, признаёшь себя рогоносцем, который мстит в рамках текущих правил общественной морали. Не подав на развод, всё равно остаёшься рогоносцем, но только если смотришь на себя глазами общества или же—правда не всякий пойдёт на это «или»—становишься ахулинамистом, которому это всё похуй и он/она живёт в своё удовольствие. Крохотный нюанс в том, что истинный ахулинамист и не заметит никаких дилемм, он/она—и так, и так—живёт в своё удовольствие всё время.

Мне всегда хорошо было с Ольгой, но тут на меня навалилась масса вековых устоев морали и кодексов «чести», поставили перед выбором: стать рогоносцем или переходить в другую

лигу? Выбор – это всегда трагедия, выбирая одно, утрачиваешь другое…)

Выбирать, как правило, мне неохота, лучше сплавить трагедию другим – судьбе или, там, случаю. В тот раз Ольге досталась роль решающей монетки. Я сказал ей, что всё будет зачёркнуто и забыто, если она достанет дури, всего лишь на один косяк, до конца дня. Она ушла и вернулась уже вечером, усталая. Сказала что обошла весь город, но дури нет ни у кого.

Тяжёлый случай, жестокий перст судьбы, нежданно подкативший подсос. *Alea jacta est!*.

(…если бы Ольга достала косяк, то мне, как благородному человеку, осталось бы только сдержать своё слово. Нам пришлось бы жить дальше и теперь кто-то другой слагал бы это письмо. А может оно и вовсе бы не понадобилось, а были бы у тебя и папа, и мама, и всё такое прочее. Ведь изменение всего одной, казалось бы самой незначительной, детали влечёт неисчислимое множество совсем иных последствий…

Если, к примеру, скакнёшь машиной времени в Мезозойскую эру и там случайно ляпнешь-пришлёпнешь одного-единственного комарика – куснул гад, а по возвращении оказываешься в необратимо изменённом будущем – да, год тот же, откуда вылетал, но сам ты уже не вписываешься в текущие стандарты. А и некого винить, лучше надо было смотреть во что вляпываешься в том мезозойском прошлом…

Всего один косяк вернул бы мне семейную идиллию с идеальной женщиной. Она ведь не торговала собой, не обменивала себя на деньги или прочие выгоды, а изменяла мне ради личного удовольствия. Натуральный обмен утехами: ты – мне, я – тебе.

Факт, что обменивалась ещё там с кем-то, никак не сказывался на том, что мне с ней хорошо. Зачем я безмозгло

отверг то, чего хотел и получал в полной мере? Моральные устои общества лишили меня всякого выбора, кроме как влиться в толпу тупорылых бурсаков...)

Она сделала мне бесподобный минет на прощанье и попросила назавтра придти к тёте Нине для чего-то важного... Так, по воле жестокого случая, я стал рогоносцем.

(...я долгое время не мог понять за что не люблю Лермонтова, но теперь знаю – это из-за его лжи. Лермонтов лгал с самого первого шага, со стихотворения на смерть Пушкина:

"...с свинцом в груди и с жаждой мести поник он гордой головой..."

Ну допустим, эта ложь случилась из-за слабого знакомства с анатомией. Гусар – не лекарь, в конце концов, ему что пах, куда, фактически, попала пуля, что грудь – всё едино. На полметра выше или ниже, какая разница? Но следующей лжи нет оправдания:

"...восстал он против мнений света..."

Ба, голубчик Лермонтуша! Не тупи! И близко он не восставал, а в точности исполнил предписания света на подобные случаи. Неукоснительно, с рабской верноподданностью исполнил. А коль скоро Пушкин не смел ослушаться морального устава, то нам, простым обывателям, и подавно сам бог Аполлон велел, в случае нарушения супружеской верности подавать на развод...

И всё ж любимым ищешь оправданья... А что если вдруг Пушкин вовсе и не подчинялся диктату обычаев и нравов, но наоборот – с умыслом использовал их в личных целях? Что если стареющий, истрёпанный поэтическими излишествами, он прицепился к залётному из Франции пацану Дантесу, за излишнее внимание к своей жене, и симулировал из себя шекспировского Отелло с единственной целью – красиво уйти?

Однако развитие такой гипотезы требует трёх докторских: по геронтологии, психологии и филологии, а у меня есть дело поважней – письмо к дочери, а посему поспешим вспять, с Варанды в Конотоп…)

На следующий день, на хате у тёти Нины, та повторила уже слышанное мною от Ольги, на тему нового старта нашей совместной жизни, которая наладится. Потом тётка ушла работать во вторую смену, а мы с Ольгой выпили по стакану самогона и около часа терзали друг друга в пустой гостиной с чёрным пианино и на кухне с ходиками на стене. Когда мы оделись, Ольга спросила, что теперь? Я ответил, что этот вопрос решён и, увы, не мною. Она заплакала и сказала, что знает что ей теперь делать, и начала глотать какие-то таблетки. Сколько-то из них мне удалось отнять, но не все.

Я выскочил из хаты, свернул на улицу Будённого и мимо заводского Парка побежал к базару, где рядом с перекрёстком висел телефон-автомат. К счастью, пацанва ещё не срезали трубку и я смог вызвать «скорую».

Наверное, у них не каждый день бывает вызов на глотание таблеток и машина «скорой» обогнала меня на обратном пути. В хате тёти Нины Ольга вяло, но самостоятельно сидела на табурете посреди кухни и нехотя отвечала на вопросы врача и медсестры в белых халатах. В руках у неё была большая кружка, а на полу возле ног – таз, куда производилось промывание желудка.

Кризис был явно позади и я ушёл не вдаваясь в детали. Вряд ли у неё найдётся вторая доза, а по личному опыту я знал, что эта процедура приводит к общей переоценке ценностей и дарит новый взгляд на вещи…

Через пару дней мне сказали, что Ольгу видели на вокзале. Она садилась на московский поезд с каким-то чернявым парнем. Скорее всего тот самый, кому она изменяла со мной двумя днями раньше…

~ ~ ~

Через неделю я поехал в Нежин на выпускной четвёртого курса, как обещал Наде. Вечер проходил в зале торжеств на первом этаже столовой. Надя была там самой красивой, в длинном платье из лёгкого шифона, словно невеста на своей свадьбе, только в розовом.

В конце, все вышли на берег Остра позади Общаги и разожгли костёр из толстых тетрадей с конспектами лекций, которые писали все эти четыре года. Фёдор с Яковом на вносили свой вклад в костёр, во-1-х, я никогда не замечал у них чего-то похожего на конспект, а к тому же на выпускной они не приехали.

Светила полная луна, костёр пожирал националистическими жовто-блакитними языками пламени страницы когда-то таких нужных записей. Бывшие студенты разобщённо и молча глазели в огонь, каждый уже сам по себе, без одногруппников и однокурсников. Охватывая костёр широкими кругами, в тёмных зарослях высокой травы, бродил преподаватель теоретической грамматики. Он был карлик, всем по пояс, но говорили, что очень умный. Одна из выпускниц, самая неказистая и, по сплетням, тупая и грубая, согласилась выйти за него замуж, чтобы не ехать в село, куда её распределили отрабатывать свой диплом. Она и сама была из села, так что знала от чего отказывается таким своим выбором…

Для нашей прощальной брачной ночи мы с Надей поднялись в её комнату, где были даже занавесочки на окнах. Мы прощались и засыпали, потом просыпались и снова прощались: и брассом, и кролем, и по-собачьи, и на спине, и вольным стилем… Когда бледный свет начинающегося утра начал просачиваться сквозь занавесочки, она потянулась за первым минетом в своей жизни, но я устало отстранился. Пусть её завтрашнему мужу хоть в чём-то достанется быть первым. Всем нам—компашке рогатиков—надо делиться друг с другом, по братски…

~ ~ ~

Когда мужику нехрен делать, он всегда найдёт во что впрячься. Хата на Декабристов 13 не скупясь давала чем заполнить досуг и

отец напланировал реконструкцию инфраструктуры: выложить кирпичом земляной погреб под кухней, заменить забор и ворота, построить летний душ рядом с сараем, утеплить туалет в огороде, вымостить дорожки кирпичом, чтобы грязь не месить после каждого ливня. Летом мужик беспросветно занят...

Для заполнения своего культурного досуга я отправлялся к Ляльке. Он жил рядом с Площадью Мира в квартале пятиэтажек из красного кирпича между кинотеатром Мир и Универмагом, рядом со «Снежинкой», павильоном мороженого.

Отец его в годы молодости блатовал, а под старость стал идейным вдохновителем следующего поколения блатняков. Вернувшись с Зоны, они с умилением вспоминали как Лялькин стары́й являлся на их суд в пиджаке поверх майки, давал напутственные наставления и там держать хвост пистолетом, пререкался с судьёй и принудительно выводился ментурой из зала... Я его не застал. Но его тёща, мать Ляльки, всё ещё жила отшельницей в спальне с видом на руберойд в крыше «Снежинки». Вместе с дряхлой, но злобной болонкой Бебой и со своей дочерью Марией Антоновной, матерью Рабентуса и Ляльки.

Лялька сменил своего пахана насчёт моральной поддержки хлопцам, когда подзалетят. На суды он не ходил, но знал когда кого отправляют в места отбывания срока и приходил на вокзал попрощаться через решётку прицепного спецвагона, он же *столыпин*...

Балкон гостиной комнаты Лялькиной квартиры выходил в широкий тихий двор обставленный пятиэтажками, где изредка росли тенистые Яблони и стояла заколоченная хата-инкубатор подрастающих блатарей. В голубятне над хатой младший брат Ляльки, с двойной кликухой – Раб и Рабентус, держал голубей, когда не отдыхал на Зоне.

Их мать, Мария Антоновна, портниха из ателье позади Главной почты, когда-то мечтала, чтобы старшенький стал скрипачом и даже купила ему скрипку, которую Лялька прятал в заколоченной досками, крест-накрест, хате, когда как бы отправлялся на урок.

Поэтому все, что она смогла привить, это любовь к хорошей одежде – рубашечки, джинсы, туфли Ляльки всегда смотрелись тип-топ. Правда, музыку он тоже любил, не то что Рабентус, у которого все интересы ограничены только голубями и насчёт пожрать, потому-то он в два раза толще шотландистого Ляльки…

На том балконе мы слушали пластинки Чеслава Немана, Slade, AC/DC… Когда начинал жужжать звонок, Лялька выходил в прихожую и отводил посетителей на кухню, толкнуть им шмотки по мелочам, какие-нибудь джинсы или рубашки с иностранными лейбами.

Иногда это оказывался не клиент, а кто-то из братанов его брата или городских резаков, типа Графа Младшего или Коня, или так далее, что продёргивал через двор и завернул на звук динамиков (хата Ляльки пользовалась династическим уважением), ну и, короче, типа, заскочил, да, побазарить по понятиями, что всё должно быть честно, и чтоб по справедливости.

Для таких случаев Лялька ставил совсем уже тяжёлый тяжёлый рок – Arrowsmith, или Black Sabath. Эти доморощенные натур-философы понятий справедливости больше одной песни не выдерживали и, вспомнив про какое-то неотложное дело в *Городе*, покидали диван покрытый жёстким негнущимся ковром. Лялька вздыхал им вслед и, подкатив глаза, качал головой, что это жлобьё вконец окабанели—но что поделаешь, традиции обязывают—приглаживал свою кардинальскую бородку и ставил Энгельберта Хампердинка….

Вообще-то, у него имелась тяга к знаниям, чего он не скрывал и не стыдился. Так, например, однажды Лялька попросил меня объяснить слово «эксцесс», которое только что услышал от меня же. Короче, я нужен был ему как оазис среди всех этих любителей справедливости местного разлива.

Безусловно, основным связующим нас звеном была дурь, а в период предсезонного подсоса колёса—ноксирон, седуксен, кодеин —главное, знать что с чем и в каких пропорциях…

В Лунатике на танцах он встречался со своей девушкой Валентиной, у которой были прекрасные Испанские глаза. Как выразился один резак, в виде комплимента: «Вот так бы взял, вырезал и – на стенку». В один из вечеров я танцевал с её подругой, Верой Яценко, хотя и знал, что Квэк не первый год по ней страдает, а Вера походит с ним неделю и после месяцами, да отстань ты.

После танцев Квэк остановил меня с Верой в аллее парка, попросил у неё извинений и позволения поговорить со мной. Она пошла дальше в толпе неспешно продвигавшейся на выход из парка. Мы с Квэком отодвинулись к постриженным кустам, чтоб не мешать течению. Я различал, что Квэк поддатый, не то чтобы в отрубе, но неслабо. Он облокотился лбом о моё плечо и, на всякий, подпёрся взглядом в землю: —«Сергей, я был с Ольгой».

Конечно, эта дружеская чистосердечность меня царапнула довольно глубоко, но вскрывать несостоятельность подобного воззрения я воздержался, что это не он был с ней, а она с ним, и что он не единственный кем она пользовалась. Во-1-х, такие тонкости он и по трезвянке не догонит, не то что под бухаловом, а во-2-х, мне ещё Веру Яценко догонять…

Я проводил её до одной из двухэтажек вдоль проспекта Мира, но когда мы стояли в тихом тёмном дворе, Квэк нарисовался в воротах и попёр вперёд с восклицаниями не вяжущимися с безмятежным покоем летней ночи. Не оставалась иного выбора, как сделать пару превентивных шагов навстречу и заткнуть его отрезвляющим в челюсть. Он упал на спину, но продолжал орать: —«Так вот как вы встречаете? Подготовились?»

Наверное, у пьяных и вправду есть ангел-хранитель, но тем упреждающим ударом я выбил себе палец на руке и больше бить не мог, а когда Квэк поднялся, наш поединок обернулся борцовским единоборством. Мы покатились по земле, а после громкого обещания Веры позвать отца и брата к месту разногласий, покинули двор.

Шагая в одинаковом направлении, мы постепенно восстановили общение, вкратце обсудили детали нашего недавнего противостояния, слегка коснулись неоспоримо сочных привлекательностей Веры Яценко. К теме Ольги мы никак не возвращались.

На Переезде-Путепроводе он сел в трамвай № 3 отправлявшийся на Посёлок, а я пошёл дальше, обогнул вокзал и вдоль железнодорожных путей пошагал на улицу Декабристов, поскольку моё плечо слегка кровоточило ободравшись о шлаковое покрытие дорожки во дворе двухэтажки. Шлак хорош от осенней слякоти, но на тата́ми он никак не тянет…. На следующее утро мне пришлось прогнать дуру родителям о своём падении с велосипеда – традиционная отмазка, что вызывает понимающую ухмылку спросившего.

(…наверное, ангелы-хранители тоже уходят на пенсию. Много лет спустя Квэк умер традиционной мужичьей смертью – уснул в сугробе и замёрз в паре метров от своей хаты… Иногда мне кажется, что единственное место, где он ещё существует – это мои воспоминания о нём…)

Вскоре меня вызвали в ментовку позади гастронома № 5 для объяснения моей роли в Ольгиной попытке самоубийства, о которой им сообщила «скорая». Я дал показания, что в данном правонарушении ни наводчиком, ни соучастником не был и мня отпустили.

Мать моя собрала оставшуюся в доме обувь и одежду Ольги: осеннюю, зимнюю – всю, на любой сезон. Получился изрядный тюк, который она обшила белой тканью для отправки почтовым вагоном. Я позвал Владю на помощь и мы потащили тот тюк вдоль железнодорожных путей на вокзал, в багажное отделение. Его мы несли продев никелированную трубу оконного карниза под верёвку, как доисторические охотники или Аборигены носят добычу в своё

стойбище. Только мы тащили в обратном направлении, прочь, потому что это была не добыча, а утрата.

В багажном отделении я написал Феодосийский адрес по белой ткани и мне выдали квитанцию с указанием веса посылки. Когда мы вышли оттуда, Владя явно порывался что-то мне сказать, но сдержался. Я всегда знал, что он намного тактичнее Квэка.

...некоторые мысли лучше и думать не начинать...

Трубка от карниза прогнулась посредине от нагрузки пока несли, и я зашвырнул её в кусты позади первой платформы вокзала, не тащиться же с ней к Ляльке...

~ ~ ~

Первого сентября, на торжественной линейке вокруг унылого бюста Гоголя между Старым Зданием и Новым Корпусом, ректор института, как всегда, объявил, что занятия начинаются для всех, кроме студентов вторых и третьих курсов, которые поедут в сёла со своей шефской помощью. Студенты вторых и третьих курсов всех отделений, как всегда, прокричали «ура!»

На следующее утро колонна из двух больших автобусов повезла груз второкурсников по Московской трассе до райцентра Борзна, а оттуда свернула на ухабистую грунтовку в сторону села Большевик, но не смогла преодолеть заключительный километр непролазной грязи. Студенты и полдюжины преподавателей-надсмотрщиков выгрузились на обочину и друг за другом потянулись, не особо выдерживая какой-либо интервал, по мокрой после дождя тропе через зелёную, и тоже мокрую, чащу кукурузных стеблей в село, где им предстояло трудиться на уборке хмеля. Пешая колонна недовезенных тащили, практически, поголовно, неброские, но увесистые «торбы» – груботканые сумки с провизией прихваченной из дому.

Моя ноша не слишком напрягает – гитара, грифом поперёк плеча, да курево в кармане и незапланированная прогулка была бы в кайф, если бы не промокали кеды. А остальное всё ништяк, в натуре, хотя

бы вон тот красный свитер, синие джинсы в чёрных резиновых сапогах и венец из козырька-косынки. Пыхтят, совместно волокут свою персональную «торбу». От сапог я бы не отказался, да и остальное по делу…

(…порою удивляюсь сам себе, чуть попадётся особь с волосами длинней, чем у меня, а бёдра шире и круглее и – всё, спёкся. Я побеждён, повержен, покорён, лапки кверху и – готов сдаться на милость победительницы…)

– Девушка! Сапоги у вас какой размер? 45?

Надменный взгляд через плечо: —«46-й».

Подкат, конечно, не ахти. Не клеится на этой сырости, но хотя бы ответила. Обгоняя, я обернулся улыбнуться неприступно недовольному лицу и пошёл дальше, потому что нет у меня привычки подмигивать девушкам, хоть, говорят, им это нравится…

Село Большевик оказалось одной широкой и пустой улицей из десятка хат и каких-то неразборчивых строений, что терялись в глубине промозгло серого тумана за спиной больших деревьев с тяжёлыми каплями, которые изредка роняла их листва. Все зашли в одноэтажную столовую и без того полную давящим сумраком ненастья за низкими окнами. Длинные столы в древней иссеченой клеёнке и заткнутое фанеркой окно раздатки подтверждали назначении комнаты.

После долгих переговоров преп-надсмотрщиков с местным руководством, студенты приступили к пребыванию в селе… Пара деревянных двухэтажек, поделённых внутри на четырёхкоечные пеналы, достались студенткам. Студентов же разместили в общем зале на втором этаже клуба, тоже деревянного. Каждому выдали матрас с подушкой, армейское одеяло, и пару простыней.

Со скаткой постельных принадлежностей под правою рукой и с гитарой в левой, я взошёл на второй этаж клуба, где и получил глубокое впечатление от дизайна общей спальни. Обширный настил

из дощатых щитов создавал щемяще знакомый пейзаж вроде как загремел на переполненную «губу» на месяц. Около тридцати матрасов уже покрывали настил, бок о бок, так что в дальнейшем каждый шеф должен был вползать на четвереньках от узкого края матраса в изножье своего ложа отдохновения. К счастью, возле входной двери оставался высокий бильярдный стол, чьё неравномерно поблёкшее, но когда-то зелёное сукно орнаментировали ассиметричные ножевые раны. Заняв его под свою постель, я не блатовал и пахана из себя не строил, а просто обратил внимание, что буквально каждый бильярдный шар на полочках их сбора на стене, был жестоко выщерблен и это превращало весь набор в бесполезную коллекцию яблочных огрызков. Самое богатое воображение забуксует и откажется представлять возможность игры этим сбродом жадно надкусанных калек, что превращало стол в бесплодную часть унылой декорации.

На этом основании, около месяца я спал в четырёх метрах от коммунального лежбища на нарах, и на полметра выше привычного мне уровня залегания, зато никто не храпел мне в оба уха. Ширина стола позволяла поместить рядом с матрасом обломок лакированного кия из-за циркуляции в студенческой среде зловещих слухов про враждебные настроения местной молодёжи к понавезённым городским… Кормили нас трижды в день. Студенты воротили носы и издавали всхрюки отвращения, но мне их театральщина казалась слабой – хавка достаточно хавабельная, как и повсюду.

Утром следующего дня после завтрака мы вышли собирать хмель, чьи многостебельные жгуты взбирались на трёхметровую высоту к проволоке специально для них натянутой над полем.

Густые гирлянды переплетённых стеблей, подобные живым колоннам тёмно-зелёной листвы, следовало сдёрнуть наземь и обобрать гроздья мягких бледно-зелёных шишечек. Наполнив шишечками мелкую корзину с двумя ручками (да, как шайка в бане, но не жестяная) их высыпали в ящик на весах. Преп-надзиратель

записывал в блокнот доставленные тобою килограммы для последующего начисления зарплаты, минус плата за ночлег и кормёжку. Но расценки на кило собранного урожая своею мизерностью сразу же укладывали весь трудовой энтузиазм наповал. Навыки элементарной арифметики иногда мешают чувствовать себя счастливым.

Конечно, оставалась ещё стимуляция из звонкой разноголосицы задорных молодых возгласов над полем и из таких разнообразных, но одинаково притягательных (каждая по своему) форм институток с разных факультетов. Однако пальцы мои привыкшие к металлу лома и гитарных струн тормозились на такой, по-Китайски кропотливо-крестьянской работе. Мой первый день на плантации хмеля стал также и последним, 2 в 1, если кто понимает. В дальнейшем, я исполнял различные работы: раза два ездил в райцентр на погрузку продовольствия для столовой, и настилал пол на ферме из всяких горбылей и прочих обрезков, и пилил дрова для местной жительницы в обмен на непроглядно мутный самогон… и я также… ещё… ну может, это и всё… но не так уж и мало, вообще-то.

Хмелеуборщики заработали по сорок рублей в тот месяц. Пара студентов, которые пристроились в сушилку, по сто с чем-то, а я за все свои шефские труды получил двенадцать рублей с копейками в кассе института, когда уже вернулись в Нежин. Скорее всего, деньги были заработаны в те три дня, что я пилил и приколачивал доски над навозными хлябями по земельному полу.

Один раз, от резкого удара молотком, навозная жижа цвиркнула в щель меж горбылей, прямо мне в лицо, а корова из соседнего стойла покосилась на меня левым глазом и ухмыльнулась с таким довольным видом, что теперь я точно знаю – эти скотины не настолько тупые, какими прикидываются. Фактически, основным моим занятие на ферме была игра в подкидного с тремя местными мужиками. Моя фотографическая колода карт (вполне пристойная чёрно-белая порнушка) приводила их в кататонический ступор, ну до того же ж они вникали шо за карта им пришла, невыносимо долго

обдумывали каждый свой ход, и сокрушённо отрывали подбрасывая или отбиваясь, голую красотульку от корневища своего сердца.

(…нынче эра поменялась и такие же колоды карт, но уже в цвете, продаются в привокзальных киосках…)

Один из пристроившихся в сушилку студентов, рыжий Гриша с БиоФака, тоже играл со мной в подкидного, после работы. Он страстно хотел выиграть. Азартный парень нашёл даже обычную колоду карт вместо моей пегой галереи, но школа Якова Демьянко приносила свои плоды и под конец месяца он проиграл мне ящик водки, ровно двадцать пять бутылок. Однако помня детдомовскую мудрость Саши Остролуцкого, что синица в руке лучше неба в алмазах, в наш последний день в хмелесовхозе я сказал огненнокудрому Грише, что одна бутылка на месте спишет весь его долг, и он радостно побежал в сельский магазин, а то бы я и того не видел.

Не то чтобы водка или самогон и вправду так уж меня вставляли, нет, на безоглядное питиё меня толкало моё общественное положение и мнение окружающих.

(…окружающие держат нас узниками своего мнения о нас. Любой наш поступок (и неважно какого свойства) будет лишь чернить нашу и без того беспросветную репутацию либо же раздувать их безмерное восхищение нами. Смотря во что уже втянулись… Чаще всего, мы просто начинаем подстраиваться, послушно оправдывать возложенные на нас ожидания. И если мне скажут, что кто-то стал алкашом из-за того, что noblesse oblige, я поверю…)

Например, студент Филфака и пара девушек его курса зашли на ферму. Они тормознулись у стойла с быком на цепи. Этот умник подбросил исполину клок сена от коровы в соседнем стойле. Учуяв

знакомый дух в подброшенном сене, бык начал яриться, реветь и заметно возбуждаться, несмотря на цепь в ноздрях.

Абсолютно случайно, мимо прошёл я и – всё! За ужином в столовой жуют и пережёвывают горячую новость – Огольцов повёл ФилФаковок на экскурсию вокруг бычьего члена. Крайне лживое искажение фактов, извращённое представление моей сути! Но отпечаток персонального имиджа на коллективное сознание – это страшная сила и никому ничем никогда не докажешь, что с моим трепетным отношением к девушкам, я им даже и не подмигиваю, по причине врождённого благородства и грёбаной деликатности чувств…

Ознакомившись с Большевистскими условиями труда и быта, я, для начала, уехал в Конотоп. Прежде всего, сменить промокшие кеды, а и к тому же там меня ожидала не менее насущная страда уборки урожая… Ещё в августе, мы с Лялькой провели пару краеведческих обходов по уголкам города удалённым от шума его основных магистралей. В дремотной тиши безлюдных улочек провели мы учёт небольших, но пышных плантаций конопли, что приветливо помахивала нам из-за заборов мягкими абрисами густых ветвей с махрово вызревающими головками. Гидом был он, а я экскурсантом, восхищённым трудолюбием Конотопчан культивирующих, с любовным прилежанием, свои участки. Пришла пора помочь им в сборе урожая. И хотя не все дождались моей бескорыстной шефской помощи, кое-где ещё оставались несжатые нивки.

Я был благородный грабитель, не раз ознакомленный с понятиями справедливости и не уносил более пары растений с одной плантации, да и те попробуй ещё допри. Куда? В ближайший закоулок для слишком поверхностной и, с горечью должен признать, хищнической переработки. То есть конечный результат составлял жалкие 10 % того, что можно получить из того же количества сырья при рационально взвешенном, сбалансированном подходе. Вот к чему приводит элементарная безграмотность в столь

фундаментальной, жизненно важной сфере. Постыдное невежество и некомпетентность…

После бессонных бдений ночного труда в Конотопе, мне уже было с чем окунуться в рабочие будни Большевика… Когда в первый по прибытии вечер я с проникновенной вдумчивостью настраивал гитару—…оставь без присмотра и крутят кому не лень, хорошо хоть струны не порвали… – два местных хлопца зашли в камеру-спальню с объявлением своего желания сыграть на бильярде.

Из чистого любопытства—как можно играть подобным раздолбанством—я скатал свой матрас и переложил на стул под стенкой. Ну да, точно, что никак нельзя. Мало того, что изувеченные шары катаются с прискоком, так ещё сам прискок выбирает куда дальше заложить вираж. Абсолютно непредсказуемая хаотичность исключала всякое эстетическое удовольствие предполагаемое чётко выверенной гармонией этой игры… Когда им тоже дошло, хлопцы представились как два брата из соседнего села… Информация не вызвала особого отклика в шеренге студентов сидящих вдоль края своих покрытых матрасами нар. Братья покинули камеру…

На следующий день один из них, по имени Степан, вызвал меня из столовой во время обеда. В знак благодарности за понимание проявленное мною во время визита предыдущим вечером, он предложил съездить в его село, куда мы и отправились на его «Яве»… Степан затормозил перед добротным домом и попросил убедить его родителей, что мы вместе отбывали срочную службу в Ограниченной Контингенте Советских войск в Германии, а теперь случайно встретились в Большевике.

Его родители пришли в восторг от столь редкого совпадения и накрыли стол для товарищей по оружию… После второго стакана я уже хорошо вжился в роль и спросил Степана вспоминает ли он Эльзу, блондиночку-официантку из гаштета за углом штрассе. Степан опешил и принялся присматриваться ко мне повнимательнее, а вдруг я и вправду спал в дальнем кубрике?.

На следующий день мы с ним пошли наносить визиты в разные комнаты девичьих общежитий, когда девушки вернулись с ужина на отдых. Он тормознулся в комнате с моими однокурсницами, но я (глубоко осознавая полный бесперспективняк таких охотничьих угодий для меня лично) на этом не остановился и продолжил прочёсывать пеналы, пока не достиг, уже на втором этаже следующего общежития, последнюю комнату налево.

Там проживали девушки с ФилФака: Анна, Ира, Оля, и Вера, с которыми всеми я был так очень рад познакомиться. Ну а им, есессна, оставалось лишь взаимно радоваться, без танцплощадок, кинотеатров и даже телека в пределах досягаемости.

Оля, невысокая задорная девушка с волнисто-жёлтой стрижкой волос, спросила, где же моя визитная карточка, подразумевая гитару. Я тут же переправил её из камеры в клубе, прогнусавил какую-то сентиментально-романтичную херню и передал гитару Оле, которой вдруг загорелось научиться играть. Тем временем, я подсел на койку молчаливой Иры затеять разговор ни о чём, в котором неважно про что, а лишь бы вслушиваться в тон голоса и отслеживать мимолётность выражения глаз и лица в целом…

Трудно сказать, именно в тот, или на следующий вечер, мы вдвоём вышли из общежития под жёлтый свет лампочки на столбе между двух этих ветхих строений, когда у меня случилось то, что Северо-Американские Индейцы называют «vision».

Мне привиделась бескрайняя Украинская ночь обступившая нас отовсюду, а в окончательно чёрной тьме по краям её уже гудели осенние холода. Единственным светлым пятном, помимо лампочки на столбе, было это лицо напротив, уже улыбающееся. От него исходили тонкие частые лучиками, как бывает если прижмуришься, но не до конца. Но я не жмурился ни капельки, а даже шире распахнул глаза, поражённый красотой этого непривычного к улыбкам лица. А vision состояло в том, что всё это я видел как бы со стороны, даже самого себя, уставившегося на эту небывалую, невероятную красоту – её лицо. Оно словно круг света в

обступившей нас тьме, спасательный круг, что поможет выстоять во мраке подступающего от дальних горизонтов с гудящим свистом холодных ветров.

(...конечно же, в тот момент всей этой пафосной херни у меня и в мыслях не было, я просто смотрел на её лицо и всё больше и больше влюблялся, безвозвратно и непоправимо...)

На следующий день Ира не пришла в столовую на обед, Вера сказала, что она дежурная – делает уборку в комнате. Когда я подходил к общежитию, она появилась на крыльце со шваброй в руках, в коротком халатике.

(...самый широко распространённый метод определения женской красоты и привлекательности это счисление объёмов. Эксперты самоучки и признанные ценители исходят из объёма грудей, бёдер. Гурманы прикидывают охват талии... Абсолютный дилетантизм. Но что ещё можно ждать от всех этих разновозрастно недоразвитых недорослей-задротов?.

Самая пленительная часть женщины, которой она покорит тебя сразу и навсегда, это её коленки. Если от взгляда на них у тебя теплеет в груди, расправляются плечи, дыхание становится глубже – будь уверен, это она, ничего красивее уже не встретить... Если же такого не случится, ищи дальше – авось повезёт...)

При виде её коленок, я тут же понял, что правильно вскидывал лапки и тупил насчёт размера сапог, потому что на мокрой тропе через кукурузные джунгли, под синими джинсами, были вот эти самые коленки.

Ты, конечно же, уже догадалась, что в тот день дежурила твоя мать...

~ ~ ~

Итак, до твоего рождения оставалось ещё целых три года, времени предостаточно, чтобы скончались как минимум пара любовей, если согласимся с наивными выкладками последователей преподобного Зигмунда Фрейда.

(…неслыханное посягательство на святость догмы! Но глумливый выпад легко парировать традиционным фехтовальным трюком «терц», читай: «нет правил без исключений». Старый добрый приёмчик, стольких спас… Но это смотря какие правила, ты ж понимаешь…

Если бы некий учёный по имени Галилей, роняя свои шары с Пизанской башни, вдруг заметил бы, что один из них (с меткой «И+С» для научной отчётности) вдруг начал парить и закладывать фигуры высшего пилотажа, то и закона всемирного тяготения не случилось бы. Правда, ещё и до закона любой дурак знал куда шары те упадут, но Галилей упёрто продолжал ронять – а вдруг? Вот это и называется научный темперамент.

В этом отношении, нашего распролюбезного Зигги не получается причислить к учёным сухарям. Куда как лучше подойдёт ему совсем другая лига. Послать бы его в славную плеяду таких корифеев как Шарль Перро, Ганс Кристиан Андерсен и так далее, вплоть до безымянных творцов *Тысячи и Одной Ночи*. Уж там-то он сразу впишется своим Мальчик-с-Пальчиком (он же «эго»), Злым Великаном («супер эго»), Царскими палатами («сознание»), Дремучим Лесом тропических болотных джунглей («подсознание»), по чьей совместной канве плетёт он узоры своей теории.

Да как я смею?! Столько поколений были зачаты и, в свою очередь, зачали следующие поколения с благословения его психоанализа!.

Природа не терпит пустоты, человек необходимо должен чем-то заполнять подаренное ему природой серое вещество, оно же мозг, он же (как метко подметил недопонятый комбат ВСО-11) «высшая, эби-о-бля, материя». И это неоспоримая истина. Ничто иное, как

неприятие пустоты, и привело к созданию всевозможных Библий-Коранов-Вед-Саг-Илиад, азартных игр и веры в домовых.

И, послушные наивной мудрости природы, мы прекращаем пороть чушь—это непедагогично в любом смысле—и начинаем заполнять три года, пока ты соизволишь произвестись на свет….)

В комнате девушек уже и без Пизанской башни разобрались за кем я к ним конкретно. Охота Оли овладеть игрой на инструменте иссякла, но всё равно я не спешил унести гитару обратно в камеру. На всякий, чтоб если что, был повод возникнуть тут опять типа как: ой, я же забыл, да… Вполне уместная страховка, когда к твоей любимой бегут кому не лень: «ой! а ты не знала? да он же ведь женатый!» Данного изъяна в истекшей биографии я не отрицал, хотя сам факт давно в бездонном прошлом, между прочим. А она не стала даже паспорт проверять!.

(…краснокожая книжица паспорта из широких штанин Советского гражданина не только грузила посторонних завистью, что ты из СССР. Она имела массу прочих полезных функций: следить за твоими перемещениями по нашей необъятной Советской Отчизне, отмечать перемены матримониального состояния, отражать перемены выражения твоего лица каждые десять лет и многое другое… В народе складывалась вера в безграничное всеведение Органона, он же паспорт. Вера наделяла книжицу магическими свойствами…

Простодушный привокзальный мент, заметно взвинченный чем-то, потребовал мой паспорт и на какой-то из пустых страниц (зачем он туда листал? она же для предстоящих штампов) углядел букву «З» закамуфлированную под случайное пятнышко. Нарытый знак сообщил ему, что я бывший *зэк*. Правда, он не смог вычитать какой конкретно срок я отмотал и потому сопроводил меня к старшему по званию, который отечески посоветовал ему не принимать всякого в плаще непривычного кроя за угрозу общественному и государственному строю.

Даже социализм не смог извести умных людей. Спасибо тебе, неизвестный Капитан!.)

В тот вечер молодая преподавательница ФилФака заглянула в комнату девушек. Наверное, удостовериться что там вообще такое творится. Потому что, помимо меня, ещё один влюблённый зачастил в угловую комнату – Чех Ян.

Натуральный Чех среднего возраста, прикомандированный в рамках братской интеграции соцлагеря, показать Большевику (а это не только село, но и одноимённый хмелепроизводственный совхоз) тонкое искусство сушки хмеля, чтоб получалось правильное пиво. Чехи и пиво испокон веков сиамские близнецы.

Супруга Яна осталась пестовать их чадушек в Чехословацкой Социалистической Республике. Он, есессна, тосковал и, чтобы снять страдание, влюбился в Олю. Что и стало причиной его вечерних посещений и долгих разговоров с нею, не понять о чём, потому что говорил он на Чешском. А если бы не языковой барьер, я б его поспрашивал про 1968…

Однажды девушки устроили вечеринку в комнате, так он вообще в галстуке заявился, до того, блин, цивилизованный. Он тогда ещё шампанское принёс и консервы, но явно не из сельмага, потому что куда вкуснее, чем даже печень трески, которую ближе Москвы с Ленинградом даже и не спрашивай. А водку пить наотрез отказался. На стакан укажет пальцем, из лица гримасу сделает и возле галстука по груди себя хлопает, в переводе с Чешского-Глухонемого «у меня несовместимость с этим пойлом»…

Но когда училка та пришла со своим контрольным визитом, Яна в комнате не было. Ну так она сама могла убедиться, что да, мы с Ирой сидим на одной койке, но в разных концах – всё чинно и пристойненько. Ну так давайте же чайку попьёмте. И только-только за стол она присела – в коридоре: Гуй! Х-хто! Буй! Мать! Незамать! Дверь комнаты: шарах! – настежь. А в темноте коридора пять-шесть хлопцев в две шеренги, взволнованные такие.

Контролёрша от чашки обернулась: —«Что тут происходит?»

– А ты хто така?!

Так она решила их авторитетом задавить: —«Девочки! Скажите им кто я!»

И все четыре девочки, в унисон, как будто этот хоровой стишок с детсадика готовили: —«Это препо-давательница!»

А те в ответ, церковным антифоном: —«Ну и идёт она НАхуй!»

(…м-да, чего уж скрывать, плохо мы ещё воспитываем нашу молодёжь и, к сожалению, не только сельскую…)

По ходу этого утренника я, конечно, догадался, что это явление по мою душу. За вечер до этого, девушка из соседнего общежития прибегала в клуб тревогу объявить, что местные хлопцы у неё в комнате безобразят. Я, конечно, побежал, а там на первом этаже неразбериха – одна девушка плачет, три местных хлопца и три студента обоюдно противостоят в бесплодных пререканиях на тему «а ты хто такой?» Короче, позиция патовая.

Для решения этюда, я выбрал который среди местных покрупнее и у плачущей спрашиваю: —«Этот обидел?»

– Да!

Нна! Засветил я парню. Местные неуловимо удалились, общее возбуждение улеглось. Потом он и ещё с ним двое дождались меня у входа в клуб.

– То не я был, – грит.

– Извини, – грю. – У меня выбора не было. – А как мне ему объяснить, что это меня начштаба приучил – факт нарушения должно влечь факт наказания? Хотя начштаба—что характерно—у меня извинения не просил.

Похоже, извинения мои не приняты и непрошеные гости к спонтанному чаепитию явились показать Большевистскую вендетту. Я из-под койки бутылку от шампанского выудил и встал перед дверью. Они снаружи лают, но порог переступить стесняются – у бутылки вид увесистый. Откуда им знать, что у меня по боевым искусствам фиг с минусом?

Тут в коридоре раздались шаги и позади хлопцев Степан завиднелся. Он с ходу просёк что почём и – атаковал с тыла. Я тоже

выскочил в коридор с боевым кличем «Иди сюда блядь!» Сработало не хуже, чем на Шурика, хлопцы дрогнули и ринулись в отступление. Мы со Степаном добавляли стимуляции их порыву, но бутылки у меня в руках уже не было, не помню куда она девалась. Память сохранила лишь их дружный топот по деревянным ступеням и галоп Степана им вослед.

Я остался один на один с хлопцем, которому в общей сумятице не удалось протиснуться к ступенькам узкой лестницы и застрял наверху. Но дух его был сломлен, сам собою он вяло обвис на перилах площадки, как сполоснутый коврик у двери пенсионерки. Покорный судьбе, озирал он ступеньки внизу, на которые предстояло шмякнуться.

Я ухватил его—*noblesse oblige*! – но тут услышал вдруг крик, очень далёкий, едва различимый, похожий на тот, что позвал меня на обледенелой дороге у недостроенной девятиэтажки в Ставрополе. Я глянул вниз, потом на висячее желе капитулянта. Зачем?. И я ушёл по коридору обратно в комнату.

(…не спорю, всё это более чем странно, но странные вещи случаются иногда. Кто-то слышит голоса, а я слышал крики, тихие, издалека…)

И опять она не пришла на обед. Я пошёл в их комнату. Ира сидела одна и не хотела разговаривать. Я сел рядом на койку, взял её за руку… Мне нравилась эта рука, и эти пальцы, длинные, а чем дальше от ладони – всё тоньше. Не нравились только беловатые шрамики на запястье, как от подростковой игры в самоубийство, но я никогда про них не спрашивал. И на этот раз спросил только что случилось.

Она расплакалась и сказала, что утром старший преп-надзиратель приходил на плантацию стыдить её. Сказал, недостойно для дочери преподавателя иметь что-то общее с таким женатым и пропащим, как я. Что он обязательно позвонит и всё расскажет её матери, как только вернёмся в Нежин.

А что рассказывать-то? Какая мать-преподаватель?

– По Немец… ко… муу… – и она разрыдалась снова.

– А, да пошли они! Идём со мной!

– Куда?

Как будто бы я знал куда, но она согласилась, и мы пошли… Сначала это было кукурузное поле, но не то, через которое мы проходили когда приехали, тут стебли намного короче и реже. Потом начался склон и другое, скошенное поле и мы вышли к большой уединённой скирде сена.

День был тёплый и ясный. Мы легли на сено вывороченное из бока скирды и так валялись, говорили, целовались. Мне хотелось открыть ей всю мою душу и даже признаться, что я анашист. И я ужасно хотел её, только солнце мешало… Но с приближением вечера уединённость пропала. Рядом со скирдой пролегла грунтовка, какие-то грузовики и мотоциклы начали по ней ездить, пялиться на её красный свитер…

Вернулись мы в темноте и нас встретила Анна, которая нас дожидалась между двух общежитий, предупредить, что в комнате засада. Ещё она сказала, что старший преп-надзиратель тоже приходил в комнату, орал, что Ира и я прогуливаем работу, но нас видели возле села, и что деканаты наших факультетов будут поставлены в известность, а институтский ректорат, займётся таким кричащим нарушением дисциплины.

По ходу сводки новостей, Оля, Вера и Ян тоже собрались из темноты и начали держать совет: что делать? Ян всё качал головой и повторял уже не совсем по-Чешски, что «так ни ест харашо». Оля прикрикнула на него, что молчал бы уж, а лучше бы сходил в столовую за едой для нас, потому что только ему там откроют… Олю он понимал без перевода и скоро вернулся с газетным свёртком для гонимых «миловици». Я и не знал, что я такой голодный.

Тем временем, девушки на раз составили план кампании угнетённых студентов против препов-притеснителей. Мы с Ирой пойдём в Борзну, откуда Вера родом, и переночуем в хате её родителей. Утром Ира уедет в Нежин, как будто два дня назад, а я вернусь в Большевик, как будто приезжаю из Конотопа и без

понятия, что тут за шухер вообще… Чех Ян вывел нас за околицу с благословением «миловат, миловици миловат», и мы вышли в ночь…

Ночь выдалась тёмной и ветреной, а дорога сплошь в колдобинах и длиннее, чем 10 километров, про которые говорила Вера. Ира очень устала, под конец я даже понёс её на закорках, как Гоголевский Хома Брут оседлавшую его ведьму, от одного столба электролинии до следующего вдоль обочины.

Ире уже приходилось гостить в хате Веры и она нашла её даже посреди ночи. Мать Веры постелила нам на полу в гостиной и обещала разбудить Иру к семичасовому автобусу на Нежин. Мы легли и, на моё объятие, Ира сказала, что она слишком устала и ей рано вставать. Через минуту она уже спала, а я ещё долго не мог – сна ни в одном глазу, лежал и злорадно лыбился в темноту, что так мы сделали этого придурка надзирателя… Нечем крыть? Нет туза? На вот хуй – протри глаза!.

Когда я утром проснулся, Ира уже уехала, и брат Веры отвёз меня в Большевик на своей «Яве». Студенты и преподаватели как раз выходили из столовой и он, неспешно треща мотором, провёз меня вдоль толпы, как триумфатора. Кое-какой долбоёб стоял отвесив челюсть, а глазами чуть стёкла из своих очков не вышиб… Правда, брат Веры разочаровался, когда на его вопрос я ответил, что на полу в их гостиной у меня с Ирой ничего не было…

~ ~ ~

Она долго не приезжала из Нежина, и я опять пошёл на поводу у имиджа навязанного мне обществом… Трое мужиков приехали из Борзны проложить водопровод через полдюймовую трубу в траншее по колено. Я мимо проходил и помог от нечего делать. Мужики расчувствовались и достали водку, но без закуси. Нашли какую-то старую кухонную клеёнку, под Вишней разостлали и уселись, а ноги в траншею поопускали, для удобства. Прикончили бутылку. А тут старший преп-надзиратель нагрянул засвидетельствовать рецидив – вместо работы беспробудно пьянствую. Завёл свою обычную шарманку: ну, погоди, вернёмся в Нежин… Пока молодой из рабочих

в сельмаг за добавкой сходил, я заглянул на плантацию. Девушки с моего курса выступать начали, что я своих не замечаю, только с ФилФаковками знаюсь. Я ответил, что с детства рос Славянофилом и Аглицкие говяды до пят меня не вставляют. Короче – ФилФак for ever!

Тут меня мужики к траншее позвали. Мы кончили догоняльную бутылку, на этот раз под пару пряников, и я отключился на той же клеёнке-самобранке. Вроде как фирменный десерт заведения под Вишней… Впоследствии, старший преподаватель, в своей обвинительной речи, особый упор делал, что возвращаясь с плантации студентам приходилось наблюдать меня в таком неприглядно сервированном виде. И хотя расстояние от дороги до Вишни составляло метров пять, мне всё равно стыдно было это слушать. Но это уж потом…

Через три дня Вера поехала в Борзну и я тоже залез в кузов позвонить от неё Ире в Нежин.

– Привет.

– Привет.

– Ты как?

– Ничего.

– Ты… ну… приезжай, а?. Я тут… это… песню тебе написал…

Ну а что ещё взять с меня такого? Хотя на деле, не песню я написал, а только лишь переделку на Русский популярной тогда It's raining, it's pouring (you might be sorry).

"Снова шепчет дождь под окном моим,
Мне напомнил солнечные дни,
Капли шелестом своим
Всё твердят, что счастье дым,
Так трудно не поверить им,
Когда один, один.
Ну скажи о чём ты плачешь, дождь?
Что ты хочешь от меня и ждёшь?

Ты мне не поможешь
И понять не сможешь,
Что давно прошло всё,
Ветер листья носит,
Ты мне дней минувших не вернёшь..."

Замполит наверняка бы не одобрил, что опять про дождь, бля, но так в оригинале было, а аккорды у песни классные...

Возвращались мы с Верой пешком, но не по дороге, а через поля, коротким путём, который она знала. Там в одном месте рядом с тропой квадратная яма попалась вроде как от бывшей землянки, вся зелёной травой заросла, густая такая, с мелкими листиками, прям тебе ковёр. Мы зашли туда передохнуть. Вера девушка красивая – черноволосая смуглянка с правильными чертами лица, а характером – бой-девка, решительная и деловая. Когда ей надоело, что я всё только про Иру говорю, мы дальше пошли. На выходе из землянки я заметил в траве конфетные фантики, похоже, то был местный дом свиданий, где я никак не оправдал свой имидж...

Спустя несколько лет, Ира мне рассказывала, что в один из длинных вечеров в Большевике, до того как я к ним прибился, они устроили шаманские танцы за закрытыми дверями. Вера прицепила колбасу и пару луковиц на штаны своей спортивки, так и выплясывала: у! У!

(...эти смуглые Славянки любому секс-шопу форы дадут, в чём и кроется разгадка музыки Стравинского...)

Ира вернулась в село и я провёл ночь в их комнате. Всё само по себе получилось. Свет давно был потушен. Мы лежали одетыми на её койке, обнимались, прижимаясь друг к другу всё тесней и теснее, а потом тесней уже стало некуда. Только я не хотел скрипеть койкой как Марик с Катранихой и как-то оно не то, чтобы...

...Анна не спала и позже рассказывала Ире, что в какой-то момент не могла сдержаться, взяла и поцеловала сама себя повыше локтя...

...но мне всё равно понравилось.

На следующий день Ира призналась: —«Похоже, я преодолела психологический барьер».

– Блин! Я думал и физический тоже!

~ ~ ~

Как только Оля отказала Яну выйти за него замуж, он резко обрусел. Неразделённая любовь враз ободрала с него весь Чехо-Европейский лак цивилизации. Язык он, правда, так и не выучил, но бриться перестал, ходил в щетине и чёрной телогрейке, из-под которой вынимал, с неравномерными интервалами, бутылку водки и глотал с горлá как бы валидол или ещё какое лекарство. Гомеопатия по-Большевистски...

В последнюю ночь перед отъездом из села, Вера заботливо постелила ложе для нас с Ирой в соседней комнате, которая уже освободилась. Свет я не стал выключать и позднее Ира рассказывала как испугалась при виде с чем я на неё лезу.

Утром, до прибытия автобусов, она со мной почти не разговаривала, кроме как: да, нет, ничего. Я так и не смог тогда узнать, что причиною стало предсказание Оли, будто всё, что было между нами, это «колхозный роман», а в Нежине я на Иру даже и смотреть не стану... Когда подошли автобусы, я не сел ни в один из них, а перебросил гитару через плечо и зашагал к далёкой лесополосе на горизонте, где проходила Московская трасса, чтобы ловить попутку до Батурина, а оттуда уже в Конотоп...

– Говорят, ты с дочкой преподавателя романы крутишь?

– Говорят, ты замуж вышла.

Да, вышла, а в Нежин на день за какой-то справкой, и заглянула в Комнату 72, перед отъездом в Монголию, куда её мужа распределили по окончании его военного училища. Кстати, он догадался, что она не девочка. После первой брачной ночи ночи

спросил, ну ему говорили типа, будто женщины вроде как бы сравнивают... «Это так», – ответила она и больше не добавила ни слова.

(...вот так взяла и придурка размазала. Тапком наступила и, с оттяжкой, блин, размазала нахер.

Нет чтоб утешить словом ласковым: «Как с тобой, милый, мне ещё не было. Ты лучший, тебе никто в подмётки не годится»... Убудет с тебя?

Нет более жестокой твари, чем бабы, если хотите знать. А потом мы ещё удивляемся: а и откуда только у нас Тугрики берутся?.)

Но иногда лучше заниматься любовью, чем говорить. И мы легли на бывшую койку Фёдора, а теперь мою, потому что она у окна. Первый и последний раз в своей жизни я был с посторонне замужней женщиной, и то лишь по знакомству.

Когда мы оделись и обнялись на прощанье, она перед выходом воскликнула, дважды:

– Я – блядь!

Да так же ж радостно, прям как Архимед в своей знаменитой пробежке после ванны: —«Эврика! Я нашла себя! Буду знать чем мне в Монголии заняться!»

Прощай, Надя. Что бы там ни было, ты самая безоблачная моя любовь...

Преп-надзиратель сдержал свою угрозу в отношении меня. И снова было созвано общее собрание Английского факультета с одним всего вопросом на повестке дня: просить ректорат института о моём отчислении.

Накануне, по совету Вирича, я созвал превентивное собрание своих однокурсников—ну которые в Общаге живут—и они собрались в Комнате 72 для, так сказать, сплочения рядов. А Вирич это

четверокурсник и квартирует в городе, но в институт тоже после армии поступал, так что имеет опыт жизни.

Втолпились они, битком, друг у дружки на коленях уселись – сплошь девушки, кроме Игорька с Володей. Я бы ни за что не поверил, что столько могут втиснуться в наш пенал. Пришлось мне на подоконнике ютиться вроде щегол на жёрдочке. Так ещё ж ведь как сплотились! Блин! Объединённые общим желанием – увидеть меня раздавленным, из имиджа выдранным, на подоконнике распятым. Аж слюна из глаз капала, как у тех, что сбегались любоваться публичными казнями на площадях. Сбежались линчевать меня не дожидаясь факультетского собрания, за то что в Большевике нос воротил от однокурсниц. Аукнулся мне тот откровенный лозунг «Филфак for ever!»

Одна из девушек на меня пожаловалась, что я ей с глазу на глаз сказал такое, чего она до смерти не забудет и не простит меня никогда. Она даже взрыднула излагая свою печальную повесть. Все тут же бросились её расспрашивать – что именно сказал? Но она только сморкалась и повторяла клятву унести их с собою в могилу. Даже меня заинтриговала – ничё сибе, какие я неизгладимые слова знаю! Тем более, что до этого момента и не подозревал даже, что она со мной на одном курсе учится. Мамой клянусь, в первый раз вижу!

Тут я уже утомился от этой выездной сессии суда Линча. «Ладно», – грю, – «Премного благодарен за поддержку, но мне ещё назавтра домашние задания выполнять». Ирина из Бахмача аж заржала…

А на факультетском, когда преп-надзиратель свою декламацию закончил, пара однокурсниц брали слово подтвердить, что да, на работу выходил когда и куда вздумается, а на клеёнке спал.

Потом Вирич попытался переломить монотонное настроение. За кафедру встал как бы лектор и начал вещать какой я надёжный товарищ и друг, а недавно спас двух первокурсниц от хулиганских посягательств посреди Графского парка. Бесстрашно ринулся я на

негодяев, хотя в руке у одного было горлышко от разбитой бутылки… Тут Вирич выступил из-за кафедры продемонстрировать аудитории как надо правильно держать такое горлышко и прокомментировал, что это оружие опаснее чем даже нож. Информацию восприняли похолодев от внимания…

В целом, он не слишком отклонялся. В тот день Славик с Двойкой прибежали с первого этажа, грят, там девушка в истерике, какие-то хлопцы её подружку в парке держат и не отпускают. Мы втроём побежали куда она сказала и шуганули там трёх местных. А та спасённая полонянка раскрыла пасть аж до аппендикса, что мы, подонки, всю ей личную жизнь обломали. Похоже, кого-то из насильников она себе мишенью выбрала. Блядь! Чтоб я ещё хоть раз спасал кошёлок в активном поиске! Но деталь с горлышком это уже плод полёта фантазии Вирича, я никаких бутылок не видел.

Под конец слово дали мне. – «Каждый кузнец своей судьбы. Тут вот моя, с пылу, с жару, прямиком с наковальни, и от вас зависит, как она обернётся дальше…»– потом я принёс покаяние в духе Марика Новоселицкого на собрании посвящённом пресловутой Игре в Партии и с минимальным отрывом—кто за? против! воздержался? – я получил строгий выговор с последним предупреждением.

(…хотя исход собрания был ясен ещё до его начала – если б меня вышибли, откуда бы ты взялась? Некоторые осколки просто обязаны пролетать мимо…)

~ ~ ~

Нет худа без добра, но ещё меньше добра без худа. Не успел я нарадоваться, что отчисление просвистало мимо, как уж пора снова впрягаться в постылую лямку—кагебист помаячил газеткой: явиться для доклада и дальнейших инструкций. На секретной встрече выяснилось, что я в их конторе по рукам пошёл. Капитан за его героизм и бдительность проявленные при пресечении Игры в

Партии получил повышение из Нежинского захолустья в стольный град Киев. Радость бурлила в нём по ходу приёма-сдачи производственного инвентаря, меня то есть, своему преемнику.

Сменщик оказался чернявый, молодой, только что выпущенный каким-то институтом Чернигова. В том вузе имелось среди прочих факультетов Историческое отделение, где ковались партийные кадры. После того отделения не нужно ехать отрабатывать свой диплом, а получаешь должность как минимум в райкоме партии и – расти хоть в Члены Политбюро ЦК КПСС, если печень выдюжит весь алкоголь необходимый для карьерного роста, а позвоночник наделён счастливым даром правильно принимать гибкую позицию под любым текущим руководством.

Но не каждому под силу закончить это Отделение. Два студента с ФилФака НГПИ перевелись туда, а через месяц плюнули на все радужные перспективы и вернулись обратно. Дисциплина на спец Отделении как в кадетском училище. Когда лектор входит в аудиторию, нужно встать по стойке смирно, иначе староста курса, такой же студент, вызверится на тебя не хуже, чем *фазан* на *салагу*. А в общежитии все по струнке ходят и следят друг за другом, чтобы чуть что всучить вышестоящим. Ведь райком райкому рознь – может оказаться в занюханном райцентре, а может и в каком-то из районов столичного города. Классический пример борьбы за выживание – чем больше выживешь других, тем труднее тебя выжить…

Этот молодой чернявый ходил в длинном кожухе и на мой полушубок не зарился. И он куда был романтичнее повышенного капитана или, может, не успел ещё облениться. В всяком случае, секретные встречи со мной назначались в различных городских учреждениях. То в ЗАГС позовёт, когда тот закрыт уже после рабочего дня, то в Туристическое Бюро приглашает. Однажды на кухне пустой квартиры на четвёртом этаже пятиэтажки недалеко от главной площади. На ту встречу он привёл своего нового начальника. Когда-то таких называли «интересный мужчина» –

седые волосы в стрижке бобриком над моложавым загорелым лицом, сразу чувствуется Европейская лакировка. Из Венгрии его за что-то там попёрли в это захолустье, вот он и заинтересовался шестёркой, через которого его предшественник поднялся в Киев. Однако стать и ему трамплином я не мог. Кончились игривые времена, я этого дерьма нахлебался по полной.

Чернявый чуть не плакал от моего неизменного доноса, что нынешняя студенческая молодёжь это застойно аморфная масса, безразличная ко всему, кроме наличия сала в их «торбах». Но и ему помочь я не мог ничем, потому что в одностороннем порядке завязал сотрудничество и перестал стучать на студентов. А ему, неуёмному, так уж хотелось что-нибудь нарыть, ну хоть что-то. От рьяности он даже подослал своего секретного сотрудника в Комнату 72, на случай если я двойной агент и у меня под койкой подпольная типография.

Конечно, этот сексот мне не представился, как стукач с рабочим псевдонимом «Вова», но я его всё равно вычислил. Нормальный ФизМатовец меня попросит, чтоб я подтянул его по Английскому? При моём-то имидже? То-то и оно. А этот умник начал гнать мне дуру, что такую идею ему подсказал не юный кагебист, а наше проживание в одном общежитии. Ну конечно, Вован! Нет проблем!

И вот он приходит, я гостеприимно предоставляю ему сидячее место на койке первокурсника и называю номер упражнения из учебника, с которым он явился для отвода глаз. Сексот приступил к исполнению задания. Теперь я могу вернуться за стол к игрокам и начатой «пульке» в преферанс. Ну и что, спрашивается, он украдкой запишет для доклада чернявому? «Семь треф», «вист», «пас», «мизер»? В те беззаботные времена Минздрав ещё не докатился, чтоб штамповать угрозы на пачках сигарет и табачный дым беспечно плавал по 72-й, свиваясь в многослойные клубы. Некурящий «шестёрка» убедился на собственной шкуре, что стукачество опасно для здоровья. С него хватило всего пары уроков,

чтобы подтвердить, да, студенчество беспробудно аморфно – всего две копейки за вист.

Но упёртый молодой однажды продиктовал мне донос на Жомнира. Правда, без какого-либо компромата, просто, что в такой-то день, в такой-то час Жомнир выходил из Лингафонного кабинета. Всё. Точка.

Ну Лингафонка это не явочная квартира, слишком людно. Там кроме лаборантки за своим столом ещё и куча первокурсников за стеклянными дверями кабинок, сидят попугаят записанные на плёнку тексты Meet the Parkers из наушников на своих головах. Ни с какой стороны не подходящее место для разжигания Украинского национализма. Я так думаю, диктант ему понадобился, когда пронюхал, что я бываю на дому у Жомнира из-за моих переводов в *Translator,* с которыми я так и не завязал. Такая бумажка всегда пригодиться может: —«Почерк узнаёте, Александр Васильевич?»

Моим последним заданием стал контакт с Американцами. Тогда в Киеве проходила 10-дневная Сельскохозяйственная Выставка США и по инструкции мне следовало посетить её и завести знакомство хоть с кем-нибудь из выставочного персонала. Я взял Славика с собой и мы махнули электричкой в Киев, а там на территорию Республиканской ВДНХ, где заокеанские товарищи проводили это мероприятие в жестяном ангаре внушительной внешности.

Американец да ещё живьём, в те времена был экзотикой, так что толкучка на ту выставку оказалась погуще, чем в Мавзолей Ленина на Красной Площади в Москве или в передвижной зверинец воскресным днём в Конотопе. Внутри, под гнутыми стропилами арочной крыши, над волнами толпы парил чёрно-белый Джимми Картер как бы ведущий Ангарного Шоу с наилучшими пожеланиями Советскому Народу, белым по чёрному. А течение несло тебя дальше, змеясь меж турникетов и барьерчиков, что поблескивая рассекали пространство на отсеки по обе тороны от основного русла – трактора, косилки с сеялками, картинки фермерского счастья. Смотрю – в загородке из тех же барьеров, свинья надувная да вся

такая симпатяшка, на боках цветы нарисованы, большие, в стиле мультика Битлз Yellow Submarine. А и рядом с тем психоделическим созданием девушка стоит, но живая. Не совсем в моём вкусе, если не знать, что Американка, во второй раз и не глянешь даже.

В общем, стоит там и попискивает как заведённая «This is a piglet! This is a piglet!» Глаза обалдело распахнуты, но ничего не различают, а только отражают остекленелостью своей толпу, которая не первый час уж валит мимо, как Ниагарский водопад, без отклика на её призыв, без мало-мальски привычного лица. Жалко стало, притормозил я у её загородки:

– Hey, girl, – грю. – Call it *porosyonok*.

– This is a piglet! This is a piglet!

(…в ту пору две великие державы не доросли ещё до диалога…)

Вышли мы со Славиком и раскумарились на промозглом весеннем ветру, что гулял вокруг гигантского Ангара. А как вернулись в Нежин, я чернявому донёс, что эти Американцы слишком интровертны для контакта. Он понял, что на интровертных, как и на аморфных карьеру не построить и – закручинился…

Та невыполнимая миссия оказалась последней потому, что вскоре я вырыл яму, в которую упасть… Чернявый кагебист меня уже вконец достал своими домогательствами написать донос, а не играть с порядком слов и предложений. И тут подвернулось самое оно – и ему в радость, и мирным гражданам не в убыток… В институтской читалке на втором этаже Нового Корпуса, я перелистывал биографию Богдана Хмельницкого и на одной странице увидал пометку, культурно, карандашиком – «Богдан Хмельницкий предатель Украинского народа». Вот этот карандаш я и заложил в следующем доносе.

Как он окрылился весь! Назвать пособника воссоединения России с Украиной предателем – тут так и пёрло махровым Украинским национализмом.

– А страница какая?

– Ну где-то в середине.

В общем, книгу арестовали, вышли на подрывную страницу и на следующей секретной встрече:

– А это ты в книге писал.

– Что?!

– Почерк твой, вот что. Лучше сам, по-хорошему признайся. – И начинает угрожать мне полномасштабной экспертизой. Через две недели, объяснил, что буква «а» у карандаша очень на мою похожа, но чуть-чуть другая, так ему графолог говорил. Но—что характерно—даже не извинился.

Короче, я типа обиделся и перестал ходить на эти гадостные свиданки, сколько бы он ни семафорил своей газеткой. А при случайных встречах в городском транспорте его поползновения к общению упирались в безразличную незаинтересованность постороннего. Ему, похоже, дошло, что от такого сексота прибыли, как от пары тузов в прикупе, когда играешь мизер с дырками, и отвял. Так в архивах КГБ прекратили скапливаться доносы моим почерком с подписью «Павел», о чём я ни разу не пожалел. Особой любви между мной и органами никогда не было…

~ ~ ~

(…да, но теперь придётся отмотать назад – что это за Славик с Двойкой?..)

Два первокурсника, они пришли в мою общажную жизнь на смену Фёдору с Яковом. Славик из Чернигова поступил на Английский факультет и даже поселился в одной со мной комнате. И он тоже служил в стройбате, однако отбыл свой срок чмошником, на должности завскладом. Следовательно, происходил из зажиточной прослойки общества. Ну в смысле, родители располагали средствами для проведения успешных переговоров с командованием его воинской части.

(…много чего в моей жизни потекло не вызывая вопросов, потому что школа не учит анализировать, тебе там вкладывают знание, будь добр запомнить, принять за положенное и – живи дальше в согласии с навешанною тебе лапшой. Теперь я знаю отчего в нашей великой Советской Отчизне трудящихся на благо трудящихся, с равными правами для любого и каждого, у некоторых людей права оказывались равнее среднестатистических.

Да только вот не получается передать мою нынешнюю умудрённость тому невежде волосатику, довольному его/моим благим неведением. Не дотянуться, не докричаться, не могу я прожить свою жизнь заново, могу только пересказать… Но эй! Какая нахрен разница?. Может, те сверхравные приблудный клад нашли у себя в дымоходе…)

В стройбат он тоже угодил из-за зрения, которое скрывал за дымчатыми стёклами очков. Длинный чуб из прямых каштановых волос покрывал его лоб наискось—от края и до края—вдоль оправы очков и свою верхнюю губу он не брил, а иногда ножницами равнял женственно мягкую поросль.

Прошедшему школу стройбатовской службы не нужно пояснять смысл и происхождение всеобъемлющего всепрощения и всепонимания во взгляде сожителя по комнате после недолгой отлучки в Графский парк. Бывший стройбатовец найдёт в себе решимость задать прямой вопрос и—после прямого ответа—попросить. В просвещённых кругах это называется «упасть на хвост».

Дурь сплотила нас, сделала, практически неразлучными. Вспоминается случай зимнего подсоса, когда посреди недели я сорвался в Конотоп, трёхчасовой электричкой туда, семичасовой обратно в Нежин. Так Славик тоже со мной поехал, вот до чего настоящий друг.

В Конотопе мы проехали к Ляльке, а тот меня спросил, помню ли я того фраера Питерского.

Как не помнить? Мне ещё ботинки на нём понравились, увесистые, явно видно, что выносливые. Лялька в тот раз покорял гостя широтой размаха нашей девственной глуши. Повёл питерского в свою секцию в подвале, где конопелька до кондиции доходила. Мы там же и косяк курнули, нехилая оказалась дурь, доходчивая.

– Так тот гнида, – грит Лялька, – на той неделе подвал мой бомбанул. Дверь сломал и всё вынес. Серёга Король его на вокзале видел, как тот с рюкзаком на ленинградский садился.

Да, ничё не скажешь, чистая работа, не зря же Питер, в державе нашей, завсегда культурная столица... Короче, Лялька уделил пару головок, но с предупреждением, что качество ещё не проверял. Тогда я, ну на всякий, ещё и на Декабристов заскочил, там на чердаке сарая пара веточек отыскалась.

На обратной электричке совсем невмоготу стало, я в тамбуре косяк забил из Лялькиной гуманитарной помощи, покуда Славик вокруг меня ширму изображал в меховой шапке сверху... Мы прям там и взорвали, выкурили, в вагон зашли и сели на сиденья друг друга напротив. Он на меня поглядывает, я на него в надежде, так сказать, может это меня просто ещё цапануть не успело? Но это всё херня. Если начинаешь культивировать такие ожидания, значит в косяке не больше дозы, чем если настрижёшь из кухонного веника.

В Нежин приехали поздно. Подавленные такие, обезнадёженные. Пока до общаги доехали совсем темно стало. Уже просто на всякий, прошлись до Старого Здания... Ночь. Безлюдье. Зима... Я забил из чердачной. Взорвал. Славик рядом стоит, но сдерживается.

Я ещё раз затянулся и грю: —«Славик… (…а от мраморной дощечки на углу Старого Здания с надписью «Здесь учился Н. В. Гоголь…» мои же слова эхом возвращаются…)…а мы не зря сегодня трёх лошадей загнали». – И передал косяк в его вожделенно скрюченные пальцы.

Ну а Двойка из Бахмача, вообще-то был Сашей, пока я не прозвал его Вечным Двоечником, но позже оно до Двойки укоротилось. В отместку, он прозвал меня Ахулей, тоже сокращая мой боевой клич на случай стрессовых раскладов «А хули нам? Прорвёмся!»

Фактически, он даже не из Бахмача, а из села, но настолько близкого, что в него даже асфальт заходит, ну до половины. Вот он и строил из себя наивное дитё природы, сельского простачка. Родители его неслабо харчевали и каждый выходной, как отправлялся он обратно на учёбу, добрячую собирали «торбу» ему на неделю, так что здоровый получился детинушка.

Суть человека яснее всего проступает в его способе смеяться. У Двойки выходило так: глаза зажмурены, лицо запрокинуто, испускает два квохчущие вскрика, потом широкое лицо возвращается в исходное положение, пара булавочных зрачков—в щель расступающихся век—обшаривают ситуацию: как оно что? Такой вот бесшабашно осмотрительный характер…

Как студент БиоФака Двойка, ессесна, жил на втором этаже Общаги. Он тоже был из породы хвостопадов, но не в такой мере, как Славик. Основным фактором, что связал нас в неразлучную троицу стал преферанс. Величайшая из игр, если вникнуть. Покер, храп, кинг и его облегчённая модификация – ералаш, те для лицедеев, театральный конкурс актёрского мастерства. Преферанс – не такой, это интеллектуальная игра разума. Просто мне в него катастрофически не везло… Я пытался обуздать и укротить судьбу, и потому жутко рисковал. «Сизые» мизера́ стали визитной карточкой Ахули.

Прекрасно сознавая, что из-за кражи малиновой скатерти рыжеволосого дембеля Удача от меня отвернулась, я пытался во что

бы то ни стало переломить такой status quo и снова ухватить за чуб Фортуну. В результате, отхватив две-три взятки (а то и «паровоз») в заявленном мизере, я досиживал, безучастно и вяло, в безразличной прострации до конца расписываемого «сороковничка».

Мне платили студенческую стипендию в размере 45 руб. Почти каждые выходные мать давала мне десятку перед отъездом в Нежин. Все деньги уходили на карточные долги, ну плюс хавку в столовой. «Довгі» бутылки сухого вина остались в прошлом, я перешёл на здоровый образ трезвой жизни. Хотя безвылазное безденежье заколёбывало.

Плюс к этому, Двойка и Славик, сговорившись, играли «на лапу», как единая команда, и следовательно, оставь наивную надежду на взятку вторым королём, или третьей дамой. Хорошо сыгранный тандем оставит одиночку без виста в 50 % игр за «пулю». Таков закон, суровый, но справедливый – в картишки нет братишки, среди друзей еблом не щёлкай.

(…конечно, тебе ни к чему вся эта преферансная терминология, но чтобы прочувствовать суть представь пару грабителей в маршрутке, один выкручивает жертве руки, пока второй обшаривает карманы. Разница лишь в том, что ты больше не сядешь в одну маршрутку с ними, а в преферансе ты назавтра придёшь к ним же и скажешь: —«Ну, чё? Распишем «пульку»? Или всё-таки распишем?»… Об их сговоре мне сказано было напрямую годы спустя после окончания НГПИ. Особого труда не составляло вычислить инициатора их спортивной коалиции, но я не стал, мне лень…)

Разумеется, я замечал их «налапную» педальную систему из почёсывания брови или дёрганья себя за мочку уха под видом рефлексивных телодвижений организма, но мне это было краями. У меня шла разборка с судьбой, один на один, даже если она применяет пару подставных пешек… Зная, что в 72-й «играют», к

нам собирались преферансисты из других отделений. С этими я удерживал паритет, мог бы и выигрывать, если б не втянулся падать на ненадёжные—«сизые»—мизерá...

Кроме постоянной готовности сыграть в карты, Двойка служил источником полезных знакомств. Через его посредничество, пара симпатичных «голубых» из местных раза два посетили нашу 72-ю. Один из них рассказывал «голубые» анекдоты: «Так паалучи, Фашист прааклятый, гранату от Савецкава гомосексуалиста!» С большим вкусом и очень смешно передавал он педерастические интонации. А Доктор Гриша делился впечатлениями от отдыха на пляжах Золотые Пески в Болгарии, где он загораживал обзор Англичанину, который зашёл в море, пока Гришин партнёр вытаскивал солидные часы из шмоток Мистера... Мы снова хохотали.

Нет, Двойка не был «голубым». Я вообще ни одного не встретил в институте. Какой смысл? Поступить и оказаться в группе из сплошь девушек? Так что они просто промелькнули, как забавный эпизод со стороны. Хотя Доктор Гриша оказался полезным. Один раз он сделал мне освобождение аж на двенадцать дней, написал какой-то бронхитис в диагнозе. Такой милый мужчинка. И волосы очень красивые, хотя «волосы» даже не очень-то и подходит, лучше сказать волнистая шевелюра. А лицо приятное, просто ростом невелик. Но коричневый мягкий портфель солидных размеров, как и бёдра в зовущей походке. У меня с ним сложились вполне дружеские отношения несмотря на различие ориентаций, не то что как с тем Тугриком. Кстати, Доктор Гриша тоже был женат, имел двух детей, оба мальчики...

Ну а больничный на три дня за острое респираторное заболевание, оно же ОРЗ, я и сам себе делал, без Гришиного диагностического вмешательства. Позади Старого здания стояла хата институтского медпункта. Приходить надо утром, до начала занятий, тебе выдают градусник и если есть температура, получаешь бумажку с печатью ОРЗ и – гуляй три дня. Только надо ещё старосту

предупредить, чтобы журнал зря не пачкала, всё равно через три дня справку принесу.

Двойка, как светило биологии, объяснял, что температура резко возрастает в области напряжённого сокращения мышц, но ведь подмышка вся из мускулов. Засунув градусник в неё, я начинал интенсивно сокращать и расслаблять мышцы той области под покровом одежды, пока старшая медсестра, по кличке Пилюля, не скажет «Хватит!» Конечный результат ни разу не оказался ниже 37.3° по Цельсию.

Пилюля диву давалась, что у меня такая частая простуда, где мой иммунитет? Затем изумление переросло в озлобленную подозрительность и она начала выдавать мне по два градусника за раз, в каждую подмышку по одному. Стабильность она этим не спугнула, а разница составляла только одну десятую: 37.3° на 37.2° – всё равно ОРЗ.

И тогда Пилюля озверела:

– Хватит! Вот тебе направление – пусть с тобой больница разбирается.

Но я не пошёл на попятную, отправился куда послан, и пролежал в больнице полторы недели. Ни за что, фактически, из чистой принципиальности.

При всём при этом, не следует забывать моё основное занятие – учёбу. Я отсиживал практические занятия в моей группе, временами посещал лекции для студентов всего курса. Сдавал зачёты и экзамены. И кроме того, я никогда не прекращал своё самообразование.

На втором курсе мне посчастливилось встретить *Конармию* и *Одесские рассказы* Ивана Бабеля. Он убедил меня, что даже после Великой Октябрьской Социалистической Революции не перевелись в России писатели, не погрязли в беспросветной трясине шолохово-марково-проскуринской муры. На третьем курсе, в читальном зале института, я обнаружил журналы с *Мастером и Маргаритой* Булгакова. Он меня потряс… В последний год обучения,

нескончаемая, как течение Нила, *Иосиф и Его Братья* Томаса Манна ходила со мной в институт коротать долгие часы лекций.

Я уж не говорю уже про обычное чтиво, не имеющее отношения к моему образованию, когда читаешь от безделья. Как в тот раз, шорох пошёл по всей Общаге: «У, Ефремов! *Таис Афинская*! Потолок! Вершина и предел мечтаний!» Илюша Липес дал мне эту гетеру только на два дня. Так что после общего отбоя в полночь, мне приходилось тащиться в коридор и читать под светом лампы в потолке между умывальником и мужским туалетом.

Там я сидел на стуле из нашей комнаты, в овчинном полушубке на плечах, слишком коротком, чтобы закрыть мои бледные ноги, потому что перед этим читал в постели, свет вырубили, а мне лениво одеваться полностью. А что такого? Нечего гулять вокруг в такое время суток, а кому приспичило пусть представят что это я на пляже. На Золотых, блин, на Песках…

Но при всём уважении к Липесу, это не литература, а ещё одна картинка из учебника *История Древнего Мира* для пятого класса среднеобразовательной школы. Школьником, я любил рассматривать эти цветные иллюстрации в конце книги, где рабы Египта волокут каменные блоки к пирамиде и Римские легионы маршируют усмирять варваров. Красочно, спору нет, но литература и лубки не одно и то же… Впрочем, невозможно угадать, где найдёшь, где потеряешь…

Когда я там, под тёмным стеклом замёрзшего окна, пробегал глазами строки описания античного праздника, где участники мчат среди ночи в ритуальном забеге нагишом, у меня снова случилось видение. На какую-то долю секунды я оказался в потёмках Греческой ночи и бежал, голый как нудист, по чёрным теням тёмных деревьев, среди влажного мерцания звёзд над головой… Потом— цок! – и снова на мне полушубок, а я на стуле под холодным светом одинокой флуоресцентной лампы в потолке и серый бетон пола уходит в коридорную мглу объятого сном общежитии, но тело моё всё ещё напряжено той парой скачков неудержимого бега в ту долю

секунды, а кожа моя всё ещё ощущает прохладу той ночи из далёкого прошлого…

(…ну и что ты тут будешь делать? А делай как все – пожми плечами, забудь и живи дальше. Так же, как все, как все, как все… Но сама книга, всё равно полная херня…)

Не лучшей хернёй были все те Теоретические Грамматики, ТеорФонетики, Научные Коммунизмы, Коммунистические Эстетики и кучи прочего всего ни в склад, ни в лад, из обязательной институтской программы… Хотя отчасти, я понимаю лекторов, которые нам всё это вливали. Во глубине времён минувших, им тоже приходилось это всё это заучивать и ныне, на основании перенесённых мук, они вымещают на нас, студентах, персональную неудовлетворённость таким дерьмовым устройством жизни.

"Приходи ко мне в перинхму
Позиготимся чуток…"

По-настоящему мне всего лишь одна лекция понравилась по… грамматике?. фонетике?. Ну короче, Скнар её читал. Это точно, потому что он выдал Лекцию Лекций. Хотя фамилия звучит как глумливое погоняло, сам он мужик неплохой. Когда я отправился, чтоб меня прикрыли в горбольнице, потому что медперсонал института не имел антивирусных средств привести мою, галопирующую с такой нескромной регулярностью, температуру в норму, он одолжил мне *Тихого Американца* Грэма Грина, на Английском. Без того тихони вряд ли бы я пережил ту неделю с чем-то, потому что мой сопалатник храпел так – аж шторы на окнах пузырились…

Ну в общем, перед той невероятной лекцией, на выходных в Конотопе, я к Ляльке зашёл, но его дома не было, и меня брат его, Рабентус, подогрел. Мне никогда ещё такая дурь не попадалась, как бы иссушенные скелетики тонких веточек. И никогда ещё я так не

улетал. Мы на двоих один косяк выкурили, я на Рабентуса смотрю, как через линзу – лоб и челюсть узкие, в отдалении, а середина растянута горизонтальным образом. Он усёк, что у меня зашкаливает, посоветовал мне улыбальник водой сполоснуть, из-под крана. Но что толку?

Однако я помнил, что мне ещё в Нежин. По пути на вокзал захожу к Игорю Рекуну на Проспекте Мира. У мамаши его, от гостеприимности, радость неизбывная: —«Ах, как приятно познакомиться! Садитесь за стол, покушайте на дорожку».

Как будто я сидеть могу! Меня таскает туда-сюда – из гостиной на балкон, с балкона в гостиную. И по ходу таскалова по этому маршруту, я Игорёшу попросил найти бумагу с ручкой и записывать чего говорить буду. Типа там:

"Мир обезглавленный небом..."

потом вроде как:

"...ватные тучи лезут и трутся об мозг сквозь череп..."

И тому подобная, сюрреалистическая хренотень, но мы реально с натуры списывали, а не то б меня накрыло зыбучими песками Сюрреализма полностью навеки. В общем, только уже в электричке я кое-как в себя пришёл, между станциями Плиски и Круты.

А те сюр-сюр огрызки Жомнир потом в факультетской стенгазете разместил, рядом с *Translator'ом,* до того ему понравились.

Но всё это не про то, а про лекцию Скнара, просто воспоминания про ту дурь меня постоянно отвлекают, малость. В тот раз Рабентус, на прощанье, мне уделил щепотку на пару косяков и, с полным осознанием какая это термоядерная дурь, я уже больше не злоупотреблял, а проявлял умеренность...

Ну в общем, в таком вот состоянии—от умеренного до совсем тихого—я медленно заплыл на лекцию типа как свинцовый дирижаблик, потому что до Общаги тащиться совсем как бы далеко

показалось на тот момент. И вот все мы садимся, с изысканной аккуратностью, чтобы один только Скнар стоять остался за той кафедрой со своей лекцией. А я смотрю и всё сильней и сильней восхищаюсь, до чего ж классная вещь! Вся фанера в той кафедре жёлтая такая и хорошо полированная, поблёскивает приятно так, старательно и уже неловко даже куда-то взгляд передвигать с этой лакированной хрени.

Но потом я чёт не понял, чё за дела, ващще? – резкий вылом из мирного течения колеи, причём заметно очень. Опаньки! Так это Скнар зачем-то на Латынь переключился! Я сконцентрировался, но— да! – точно Латынь… Причём шпарит на более беглой Латыни, чем Латинист Люпус, только звучит как-то глуховато, и глаза постоянно кверху подворачивает как бы к тебе взываю *de Profundis*! Я насторожился – Скнар это или не Скнар?.

Из-за этого всего, начинаю всерьёз присматриваться и что же оказывается? За кафедрой от всего Скнара ничего не осталось, кроме его бюста. Ну в натуре! На жёлтом ящике стоит тебе бюст Скнара, без рук даже – одни только плечи. Но голова всё так же говорит, не унимается. А на верхней губе её лица такая ложбинка миниатюрная, как раз по середине. И начинает она чёт темнеть, углубляться, пока не превратилась в усы Адольфа Гитлера. Аххуеть! В Советском институте бюст Гитлера лекцию читает, мало того – на Латыни! Ай, да Скнар!. Не всякий преп отважится такое закаблучить. А без него я бы до сих пор думал, что если лекция, то обязательно – туфта. Стереотипы, они такие привязчивые очень…

А с Жомниром я у него на дому учился… Как очередной перевод закончу, приношу к нему, садимся в гостиной, за стол к стене придвинутый, и он его драконит в пух и прах – тут хлипко, там жидко…

Ну да, я ещё до его вивисекции знал, что это слабые места, но почему? А как по-другому можно?

– А то вже твоя справа. Шукай.

– А что, если так: «лорд жвакнувся на рейки»?

– Ні! Це вже перебір.

Угодить на него невозможно, всегда найдёт к чему придраться. Поэтому работа с Жомниром стала хорошей школой не сдаваться…

После тисков украинской «мови» тянуло расслабиться, и я попросил у Жоры Ильченко одну из книг, с которыми он из Индии вернулся, и начал переводить её на Русский. Карманная такая книжица, страниц на двести, автор Питер Бенчли, писатель в третьем поколении, то есть и дедушка и папа тем же ремеслом на жизнь зарабатывали. Называлась она *Челюсти*, про акулу людоедку. В целом, профессионально наструганный винегрет – от всего понемножку: откушенные конечности, любовный треугольник, краткий, но выразительный визит мафии, убедить благородного шерифа, чтоб не умничал чересчур и проявлял уважение. Правда, финальная сцена убийства акулы без зазрения списана из *Моби Дика*, но кто нынче читает Мелвилла?

Перелопачивая всё это на Русский, я прикончил пачку толстых тетрадок. Перевод был завершён в Конотопе, зимой. Значит, это была ночь с субботы на воскресенье, или же зимние каникулы… Часы на стене кухни показывали далеко за полночь. Последнюю точку, я намалевал на полстраницы, хотел извести пасту в ручке, но она так и не кончилась. Я выключил свет и лёг на диван-кровать в гостиной, ногами к обеим окнам. Там стояла чуть белесая ночь, наверное, снег отсвечивал. И такое впечатление, что эта ночь как-то чересчур тяжко налегает на стёкла, вот-вот вломится. Пришлось заснуть поскорее, только Виев мне тут не хватало – я никогда не любил ужастики.

К весне моя сестра Наташа дочитала те тетрадки, а потом дала кому-то ещё почитать и они бесследно ушли по рукам, в никуда…

Ладно, всё это хорошо, но когда же о главном?

Ира…

~ ~ ~

Мои отношения с ней в тот период можно запросто определить всего лишь одним словом – «му́ка» (сущ., жен. род, ед. число). А если всё же поднапрячься, определение это расширяется до – «му́ка му́ченическая». Начать с того, что само даже возобновление отношений в Нежине шло, что называется, через пень-колоду.

Зачем возобновлять? Странный вопрос. Ведь я же был влюблён, чёрт побери! Влюблён с первого взгляда на мокрой тропе меж, тоже мокрых, кукурузных стеблей. Как можно до сих пор не догадаться, что по своей природе я – однолюб, раз уж влюбился, то это навсегда. Ну в смысле, влюбляться, разлюбляться, потом, иди, опять влюбляйся… столько усилий, нет, это не моё. Не зря ведь отец мой никогда не уставал применять ко мне свою крылатую поговорку про Лень-матушку, которая раньше меня родилась. К тому же, возвращение в Нежин полностью подтвердило правильность моего выбора. При всей многоликости, многогубости, многоногости, многогрудости ассортимента, Ира оставалась непревзойдённой. Начиная с одежды: в эпоху тоталитарных дефицитов, она умудрялась придерживаться изысканно Европейского стиля, как в фильмах совместного Итало-Франко-Западно-Германского производства. Переходя глубже, да, к приправам с пряностями из ленточек-с-кружецами – я в жизни не видал на женщинах столь утончённого нижнего белья. Наконец, самое жизненно главное – тело, такие как у неё тела встречались мне лишь в ванной на Объекте, где, с жарким огнём в топке Титана за спиной, разглядывал я изваяния Богинь, Дриад и Нимф Эллады на чёрно-белых иллюстрациях в книге *Легенды и Мифы Древней Греции*.

А вот походка у неё ещё какая современная – по-Немецки размашистый шаг от бедра, мерные взмахи правой руки. Всё было совершенным – круглое лицо с высокими скулами и крохотной горбинкой носа, широкие, но не вывороченные губы. Светло-каштановые волосы идеальной длины в моём любимом стиле причёски. Я любил смотреть как своим решительным шагом она приближается вдоль улицы, направляясь к Старому Зданию, и

наблюдать преображение нерезких, как на полной луне, разводов и контуров в расплывчато отдалённом круге её лица, в черты моей Иры. Но всё это пришло не стразу...

Поначалу Ира доверилась зловещим прогнозам Оли. И Вера, которая с такой заботой готовила в Большевике ложе для наших с Ирой плотских утех в потоках бурных сладострастья, даже и та неопределённо пожимала плечами, ну не знаю, про него такое рассказывают... Так что, наши первые встречи в Нежине никак не обнадёживали. У меня возникло даже подозрение, что всё бывшее между нами в Большевике, это «колхозный роман» дочки преподавательницы, которая просто попользовалась мною, поскольку в городе наши встречи напрочь иссякли.

Спустя какое-то время одногруппница Иры, Анна, отыскала меня в Общаге сказать, что Ира ждёт в комнате их общежития на главной площади. Я проследовал туда вместе с посланницей, незаметно кляня себя за постыдное отсутствие элементарной мужской гордости... Ира лежала на одной из коек, почему-то без кофты, в одной только юбке и, как всегда невыносимо соблазнительном, нижнем белье. Девушки этой комнаты тактично оставили нас наедине. Присев на койку рядом с ней, я старательно пытался не показывать насколько пленён красотой её торса и странно бледного лица. Она сказала, что была беременной и молодой хирург-гинеколог сделал ей аборт у себя на квартире под наркозом. Аборт под наркозом? На квартире? Молодой?

(...некоторые мысли лучше и думать не начинать, а если нечаянно случится, то лучше бросить и не додумывать до самого конца, до неизбежного вывода...)

Чувство вины и сострадания только усилили мою любовь. Я ничего не мог с собой поделать, обнял её за плечи и, приподняв с подушки, прижал к своей груди: —«Я люблю тебя, Ира. Ты всегда знай, что я люблю тебя».

(… и снова упираюсь в несвоевременность своего рождения. Веду себя как древний Грек из античных времён, когда контроль рождаемости лежал на женщинах – особые травы, спец амулеты, притирания всякие… А в нынешний просвещённый век слабый пол уже на шею нам уселся и ножки свесил, но так и продолжает прикидываться слабым…)

Начальные недоразумения (благодаря заботливости её подружек) усугубились неурядицами в установлении нормальных половых отношений в начальной стадии нашей любви. Дело не в отсутствии благоприятных условий для еб… гмм… то есть… для отношений. Никоим образом! Стоило Ире появиться в комнате 72, и мои сожители-первокурсники, по личному почину, отправлялись на первый этаж перещёлкивать каналы телевизора или сидеть в буфете над бутылкой лимонада. Проблема коренилась глубже…

Как-то не сразу, но я заметил, что после нашей… да, то есть… после секса, Ира впадала в грусть и по пути из Общаги к её дому говорила о реально грустном… как грустно по стадиону, куда два года ты ходила на лёгкую атлетику, осенний ветер гонит опавшие листья, а тебе тут уже больше не бегать – ты зашла попрощаться после растяжения связок…. до чего грустно сидеть за праздничным столом и не спеша ронять на пол тарелки, одну поверх другой, потому что родители так увлеклись выяснением взаимных отношений, вот и третья—бздынь! – пока папа, наконец-то, к тебе обернётся…

Чем дальше, тем грустнее. Смены настроения переросли в открытый саботаж! А как ещё это назвать? Когда в конце, твоя партнёрша по… короче, когда она из-под тебя выдёргивается? А и попробуй ещё добиться признания о поводе к такой непостижимости… Ну у неё как бы такое ощущение, что вот-вот случиться мочеиспускание в постель… Oh, fuck!

(…Да здравствует наша Советская система образования – самая лучшая система в мире! Ура, товарищи!. Правда, сельских школьников она не смогла изувечить до такой степени. Их спасало непосредственное наблюдение естественных фактов жизни. Деревенская девушка с одного взгляда определит с чем именно ты на неё лезешь. Но как быть несчастным горожанам?

На одной из цветных картинок в конце школьного учебника Анатомии для 8-го класса имелось частичное изображение мужского члена, деликатно прикрытого кишками выпущенными из живота, на общей схеме внутренних органов. Эти дополнительные иллюстрации учащиеся изучали самостоятельно, потому что на протяжении учебного года класс насилу успевал пройти половину учебника.

Откуда же бедной дочке преподавательницы знать разницу между оргазмом и мочеиспусканием?..)

Не берусь утверждать, что проблема нашла решение благодаря моим настоятельным просьбам, чтобы она больше доверяла своему телу, которое мудрее неё. Во всяком случае, выдёргиваться перестала…

Все эти мучительные кризисы в отношениях требовали перепроверки личных возможностей и рихтовки вмятин в потоптанном самоуважении. Что и привело к возникновению Светы, которая тоже жила в Общаге, и Марии, которая там не жила, но туда приходила, но чаще я ночевал у неё…

Хотя и студентка БиоФака, Света жила на пятом, МузПедном, этаже Общаги. В ходе одного из её визитов из верхов на наш, третий, этаж её покорила моя благородная сдержанность как бы такой весь рыцарь без страха и упрёка, которого несдержанность мерзопакостной погоды загнала в придорожный бордель.

Я как раз вернулся с провожания Иры в подъезд её дома, когда мне сказали, что на столе Комнаты 77 стоит куриный суп. Одно из преимуществ студенческой столовой в том, что после неё в твоём

организме в любое время суток найдётся место для куриного супа. Я зашёл в комнату и включил свет.

На койке у окна лежала девушка обвёрнутая простынёй, которая не делала секрета, что кроме обёртки на ней ничего нет. Но самое главное, на столе была кастрюля и две ложки. Под поднятой крышкой обнаружился суп, где-то порции две. Я обтёр ложку, сел на свободную койку и начал есть. Суп был холодный, но явно куриный. Девушка под простынёй стала выражать недовольство светом, который ей мешает спать. С присущей мне галантностью, я щёлкнул выключателем и распахнул дверь в коридор, потому что есть суп в полной темноте неудобно. Прикончил его уже при свете отдалённой лампы в коридоре. Очень вкусный суп, мне понравился, хотя и холодный. И я ушёл.

"Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей..."

Так, я начал зализывать раны нанесённые мучительной любовью посредством чисто терапевтических визитов на пятый этаж Общаги. Света была буквально создана для этого. Невысокого роста, в мальчишеской стрижке, она располагала стройным телом и грудями от *Playboy*. Хороша была по всякому, но фирменным её достоинством служил минет. Кроме того, Природа-Мать наделила это медицинское сокровище бесценным даром – малейшее прикосновение к её соскам давало старт обезумелой ебле, скулящим стонам, пока не дойдёт, ну и ты, за ней следом, впридачу...

Помимо квази-физиологических препон, наследия Советской системы образования, у меня с Ирой порою возникали непримиримые идеологические разногласия. Как в том случае, когда ректорат объявил добровольный субботник по уборке Графского парка. Девушки моего курса сгребали опавшие листья, а мы с Игорем Рекуном поджигали высокие нагрёбанные кучи.

После перевода *Челюстей* я знал, что жечь листья на открытом воздухе – это экологическое преступление против окружающей атмосферы, там есть небольшой абзац на эту тему. Но разве ты хоть что-нибудь кому-нибудь докажешь? «Сергей, не ломайся. Все так делают. Мы тут не в Америке».

С волками жить – вой как Римляне делают. Графский парк утонул в густых клубах дыма и мы разошлись... Проходя мимо Старого Здания, я приметил девушку в спортивке и она мне чем-то сразу понравилась, издалека. Даже не знаю чем именно. Ну широкая косынка в крупный чёрный горошек, это понятно, но не только же этим. И не кедами. Подхожу ближе – ё... то есть, ахху... моё! Так это же Ира! И до того растрогался приятным сюрпризом, что тут же доложил ей, как только что я заново в неё влюбился.

– Ты не знал, что это я и – влюбился?

– Да! Представляешь?

– Как ты мог!

– Так я ж в тебя!

– Ты не знал, что это я!

– Ну ты сама подумай! Раз это оказалась ты, значит на других у меня шансов нет. Я только в тебя могу влюбляться.

– Ты только что влюбился не в меня! И ещё сможешь!

– Как это не в тебя? А в кого ж ещё? Разве не ясно, что других как ты нет?

– Ты ничего не понимаешь.

– Ладно. Значит мне нельзя в тебя влюбляться?

– Нет!

– Никогда?

– Никогда!

Замкнутый круг – люби меня, но никогда в меня не влюбляйся. Но она красиво смотрелась в той спортивке, и двигается так классно...

(...при всех потугах выпятить себя как помесь записного Казановы с утончённым аристократом духа, по своей сути я –

прирождённый лох. Почему? Чересчур губошлёп и падок на новые цацки...)

Стоило Илюше Липесу обмолвится незнакомым словом «волы» и я за ним увязался как цуцик Тузик. «Давай к волам сходим». Случайно оброненный термин дал старт полёту фантазии рисующей сборище бесплатных гетер без лишних комплексов. Но на деле там оказались тёлки, каких и в Общаге ва́лом, а у одной из волиц день рождения.

И теперь в этой полутёмной комнате частного дома древней застройки мы вроде отрываемся типа как бы и полной шарой быстрый танец наяриваем. Оно мне надо? Потом я с какой-нибудь из этих лягу на кровать в соседней комнате. И будет она меня, в манере волиц-лисиц, открытым верхом, закрытым низом потчевать да приговаривать: —«Не мучай ни себя, ни меня!» Как будто я её насильно завалил или шантажировал, чтобы разделась. Зачем пошла, раз уж такая убеждённая лесба или в пожизненно непросыхающих месяцах? Чтоб изнасиловали забесплатно?!. И от этой тоски воловьей, вышел я в коридор к телефону позвонить и сообщить Ире, что я её люблю, подпись: «эмо лох».

А она моментально врубилась: —«Что там за музыка? Ты где?»

Обычно я ей из тамбура запертой двери звоню, на первом этаже Общаги. Вокруг стекло, почти полная звукоизоляция. Разговор совершенно ни о чём, я просто люблю её голос слушать. Она там скажет слово, а я тут млею, пока её родителям телефон не понадобится или из вестибюля в стекло отсека затарабанят: сколько можно?...

– Да так в одном месте, потом расскажу. Не телефонный разговор.

(...тогда каждому было известно, что телефоны прослушиваются органами, так что фраза «не телефонный разговор» исключала дальнейшие расспросы...)

Ну а потом пришлось гнать парашу про знакомого наркодилера, что заехал в Нежин с визитом, попросил отвести его на блатхату, где врубили музыку проявить уважение, но я не остался, а ушёл сразу, как ей позвонил… Полная ху… галиматья, то есть… такая, что и слону даже в оба уха не вместится, чтобы в такое поверить, надо чтоб очень уж поверить хотелось. Хотя могла и поверить после тех икон… Ах, да, иконы…

Мне сказали, что Вирич хочет меня видеть, я и пошёл к нему. Он на зимних каникулах в Карпатах катался, сломал одну ногу и обе лыжины. Постельный режим, гипс, костыли. Вместе с женой-студенткой они квартиру в городе снимали. Когда она на кухню вышла, он и погнал свой монолог про длинную грязную руку Сионизма, что тянется к нашим духовным ценностям. Всё подводил к тому, что у Илюши Липеса в портфеле три-четыре православные иконы, под койкой в Общаге. Где-то сельскую церковь бомбанули и теперь Липес стремится толкнуть награбленное как антиквариат. Как можно стерпеть такую наглость? Если бы не гипс, Вирич ни за что бы не позволил топтать наши святыни и наследие… Короче, не мог бы я бомбануть те иконы обратно и восстановить историческую справедливость?

(…для меня все эти межконфессиональные трения херня хернёй, так что в этом вопросе Вирич стал ещё одним из голосов вопиющих в пустыне. Я бы ещё мог поверить в Зевса или там, Посейдона, но все те боги, что нынче в моде, особой у меня симпатии не вызывают, а и в то же время (что характерно) в атеизм я тоже не верю… А вот насчёт бомбануть, это он по адресу. Без проблем! Я ж сперва делаю, а думать после начинаю…)

Утром я дождался пока студенты уйдут на свои занятия и стихнет коридорный шум. Один пинок из дремотной тиши и – замок от неожиданности выпрыгнул… Всё, как описывалось – портфель под

койкой, иконы в портфеле. Вот у них, Сербов, нюх на такие вещи. Даже в третьем поколении. Иконы похожи на ту, что Баба Катя у себя в хате держала, только доски побольше.

Я оставил портфель, где тот и был, и вынес иконы в умывальник, там мой чёрный «дипломат» уже дожидался в отсеке с одной раковиной. Добыча вписалась чётко по размерам. И тут я на себе прочувствовал справедливость поговорки про кражу пернатых. «Чё эт у тя руки трясутся? Курей воровал, што ли?»

Пальцы буквально ходуном ходили в неудержимом треморе. Но не так, как было когда перевернулся с грузовиком УАЗа. Та дрожь такая мелкая была, а в умывальнике так крупно бьёт, зараза, аж пальцы друг об дружку стукают. Вот до чего святотатство-то доводит… За отпечатки я не переживал. Илюша ж не пойдёт в угрозыск: —«Пожалуйста, снимите отпечатки с портфеля, где я держал иконы из ограбленного храма». Но и сразу нести добычу к Виричу было неправильно. Так что я попросил Иру подержать «дипломат» пару дней у себя дома, она как раз болела.

Потом, как примерный студент, я ещё и на занятия сходил, а уже после столовой поднимаюсь на третий этаж Общаги, где гам стоит по всему коридору – у Липеса дверь вышибли!

Я подхожу к его комнате, смотрю, да, действительно дверь нуждается в ремонте. От же, суки! А что пропало-то?

Молчит Илюша, только цыкает от расстройства…

~ ~ ~

Но потом я решил окончательно порвать с Ирой, ну, сколько можно мучится? Тем более, что она ко мне не питает ни малейшего доверия и это стопудово.

Вахтёрша в вестибюле Общаги передаёт мне письмо:

Сергей,

Я давно увлечена тобой, но сказать не решалась.

Сегодня буду ждать тебя в семь часов у Старого Здания.

Люба

В тот вечер, как обычно, я проводил Иру домой и там, в подъезде, она вдруг такой нежданной страстью воспылала: —«Не уходи! Побудь со мною! Ещё немного! Совсем чуть-чуть!»

Блин! Так неудержимо, мне аж понравилось. Я взглянул на часы – без десяти семь: —«Да там ребята в Общаге ждут. Договорились «пулю» расписать».

– Подождут. Не уходи!

Насилу вырвался… К Старому Зданию я успел чётко в семь, потому что по пути сверил часы под фонарным столбом. А на площади перед Старым Зданием ни души. Но я не стал останавливаться, курить, по сторонам высматривать, ничуть нет. Пересёк площадь. Ну может, малость шаг замедлил: могу же я на ходу полюбоваться природой зимнего вечера? Вон та Сосна на углу похожа на Кедр, может и вправду он? Там в тесной гуще ветвей сова живёт, где у неё всегда сумрак, даже при свете дня. Глянь-ка, на сугробе под кедровой Сосной остатки её трапез мелкими грызунами, потому что это санитар природы…

И между прочим, я не врал ни капли – стоило зайти в 72-ю, тут же и Славик с Двойкой, следом: —«Ну, чё? Распишем «пулю»? Или всё-таки распишем?»

Я не сразу узнал, что то письмо писала подружка Иры, которая совсем не Люба, но так ей Ира диктовала. Любой клюёт на новизну, но только лохи попадаются…

Ну и кроме того появилась Мария, брюнетка в возрасте, который так жарко рекламировал популярный Французский писатель Бальзак. Когда она мне улыбнулась на тротуаре, я сразу не врубился. Оказывается, она на минутку заскакивала на день рожденья той волицы, только я не заметил когда. Ну в общем, объяснила в какой пятиэтажке живёт и номер квартиры – 42.

Хотя следующий день у меня был довольно напряжённый, я нашёл время для визита к новой знакомой и деньги на бутылку водки, которую нёс по методу Алимоши, в рукаве. Такой твёрдый бицепс получается. В общем, пришёл по адресу, четвёртый этаж, дверь

налево. Она открыла. Мы чуть перекусили и – на диван... Терпеть ненавижу кончать едва начавши, хотя иногда случается, горячая струйка протачивает насквозь, шлюзы вразнос, стандартная квота наслаждений псу под хвост. Блядь!

– Извини, – грю, – Спешу ужасно. В пять часов концерт.

Какой концерт? Где?. Короче, она тоже в актовом зале Старого Здания во втором ряду сидела, когда со сцены, уже с бас-гитарой, уже как ведущий вокалист, я орал:

"Ты помнишь плыли две звезды-ы?!
И вдруг пропали в вышине-е?!.."

Третьекурсник Витя Кононевич играл на ритм-гитаре и подпевал, в терцию, а на барабанах, как бишь его? Лёша, кажется. С того же курса из местных жевжиков.

После концерта мы с Марией пошли гулять. Она отвела меня к своей подруге. Та вынесла кружку спирта на лестничную площадку и кусок какой-то рыбы, закусить. Спирт оказался медицинский, 96 %, потому что язык прилип к нёбу. Зато после этого наши акты с Марией по длительности не уступали актам в пьесах Шекспира...

У неё был сын, шестиклассник, с которым я ни разу не пересекался в её однокомнатной квартире. Кроме дивана, там была ещё двуспальная кровать и радиоприёмник на ночном столике. Всю ночь наигрывает сам себе чего-то, на средних волнах, и шкала мерцает жёлтым...

Кончала она красиво. «Ещё! А! Ещё хочу-у-у!» Может, напрактикованная кода, но всё равно класс. Не выносила запах семени, сразу же просила пойти в ванную. Я шёл беспрекословно – оно того стоило. За послушание, делала мне массаж. Такая у неё профессия. Не догоняю, чего из-за него такой ажиотаж. Ах, массаж! Но я и тут не прекословил...

Иногда, совсем среди ночи, в дверь звонили. Она накидывала свой длинный халат и выходила на лестничную площадку объяснить

несвоевременность визита. Я претензий не строил, медицинской сестре, даже и массажистке, как-то надо выживать в этом мире. Тело у неё было красивое, как на чёрно-белых фотках любительской Советской порнографии, где пепельница с окурками и пустые бутылки на кухонном подоконнике за спиной модели. Да и сама ничего, в таком Закарпатском стиле. Но сорочку в постели почти не снимала, говорила проблемы с грудью, мастит какой-то.

А меня, после всех упоров в верх-нараспах-низ-на-запоре, оно так даже освежало. Тем более, что низ она умела применять. «А можно я так?» И такой «так» устраивает, что я и не представлял, будто такое возможно, да и вообще не представлял. Ещё как можно!

При посещениях Комнаты 72, она умело пользовалась незамысловатым набором пенальной мебели… В перерывах между еблей мы были на вполне дружеской ноге. Она делилась планами купить пару домашников для меня и вылечить, когда я заболею венерической болезнью. Она рассказывала…

Впрочем, неважно, а то я никогда не кончу, как после кружки спирта типа как. Короче, хочу сказать, что Бальзак совсем не дурак, хотя и Француз…

~ ~ ~

В день Первомайской демонстрации, раз ты один из четырёх мальчиков на курсе, хочешь, не хочешь, придётся нести портрет того или или иного Члена Политбюро Центрального Комитета КПСС. А как прогуляешь своего Члена по главной площади, тащи его потом в Старое Здание, сдать завхозу… Когда я налегке покидал комнату завхоза, Славик дружески меня предупредил, что перед Старым Зданием он видел Иру и она его спросила где я. Славик знал, что с ней у меня всё кончено уже почти что месяц как, потому и предупредил.

Разлука эта далась мне нелегко. Пустынно длились вечера без её голоса по телефону. И не хватало её Немецкой походки издалека… Случайно увидав её в институтских коридорах, я убеждался вновь и

вновь, что нет ей равных, и сердце моё горестно сжималось. Но лучше уж перетерпеть и поставить, в конце концов, точку.

Поэтому, чтоб избежать боль встречи, я решил отсидеться в Старом Здании, пока она уйдёт. Тем более, что днём раньше на загородной вылазке с Марией, мы договорились провести Первомай у неё…

Для прогулки мы поехали на вокзал и в прощальных лучах заходящего солнца пошли по тропе вдоль железнодорожной насыпи к лесу за городской чертой. Навстречу случилась пара мужиков в рабочем. Один начал что-то вякать, но я не обратил внимания – кого угодно проймёт зависть, когда идёшь в лесок с такой красоткой, а вокруг соловьи надрываются такими плотными трелями, что те аж стеной стоят…

Мы нашли поляну и в густых сумерках я разложил костёр. Было совсем тепло, она даже свой плащ сняла. С вином мы обошлись без стаканов… «Ещё! А! Ещё!»

Костёр, оказывается, уже догорел и в переливчатом мерцании его углей неясная тень метнулась поперёк поляны. Бездомный пёс. Как он её напугал!

Нет ничего умилительнее женских страхов, когда ты, такой весь как бы витязь камелотский, охранительно её приобнимешь и конь твой снова рвётся в путь… «Ещё! Хочу-у-у! А!»

Возвращались мы уже среди ночи и долго ждали последний автобус с рабочими оборонного завода Прогресс, после второй смены. Вернее, работниц – в салоне одни женщины. Они так неприязненно смотрели на Марию: мы пашем, как проклятые, а эта проблядь со своим ёбарем таскается.

Весной даже бабы стервенеют…

Всё это к тому, что встреча с Ирой мне не нужна была и я поволынил ещё минут двадцать, прежде чем покинуть Старое Здание.

– Серёжа! – Она всё ж дождалась среди колонн высокого крыльца.

Ну что я могу поделать, если она такая красивая? Если у меня перехватывает дыхание и ёкает сердце?

Мы зашли за угол с мраморной платой «Здесь учился Н. В. Го...», и остановились под одним из высоких окон XIX-го столетия над головой. Меня поразил оттенок её лица, не болезненно серая бледность, а словно бы тонкий, до прозрачности белый фарфор. Уже и не знаю что больше теснит мне сердце – её красота или моя жалость к ней.

Конечно же, я тупой урод! Столько мучил её и себя! Наконец-то я снова её обнимаю. Она и смеётся, и плачет у меня на груди. Как я люблю её!.

Этот проклятый месяц она приходила домой и просто пластом лежала. Боль буквально физическая и полное ко всему безразличие. Мама не знала что делать: —«Что с тобой, Ира?»

– Ничего.

Подлец! Изверг! Какая бледная... Как отчаянно красива. «Приходи. В комнате никого».

Она радостно торопится домой переодеться и сказать маме, что празднует и ночует у подруги.

> *(...в Советских праздниках мне больше всего нравилось именно это вот затишье после демонстраций... Улицы пустеют, машин и пешеходов почти нет... Люди разошлись по домам, начинают праздновать...)*

Общага тоже опустела. Кроме Комнаты 72 на третьем этаже. Это наша комната, наша общага, наше празднество. День Примирения...

Света чуть было не испортила праздник... Обнадёженный вакуумной тишиной в коридоре запертых дверей, я вышел в туалет в одних трусах, а потом заскочил в умывальник. Там-то она меня и прищучила.

– Это что за дела?!

И погнала причёсывать мне ухо, что не допустит расширения штата без предварительных консультаций. Она мне прощает Ирку, прощает Машку, но что это за новая лярва у меня в комнате?

– Ты охренела? Это же Ира!

Точно? Ну она просто в дверь заглянула, а там кто-то у окна стоит. А откуда у Иры такой крутой пеньюар?

Как будто я знаю. Сам первый раз вижу. (Так эта штука так называется? В книжках «пеньюары», кажись, попадались. Между прочим, классная хрень, надо запомнить.)

На второй день я утром вышел из Общаги. На главной площади толпа штурмовала гастроном, там выбросили дефицит – сине-белые банки сгущёнки. С чувством гордости удачливого охотника возвращаюсь в Комнату 72, а Ира с койки у окна: —«Ух-ты! Сгущёнку принёс?»

Я аххуел… опешил, то есть: —«Ты… какого… то есть как?»

– У тебя такой довольный нос, сразу видно.

И с такими способностями писать подмётные письма? Что-то тут не то… Короче, я сдался и мы стали жить дальше единой дружной семьёй. В учёных книгах такой образ жизни именуется «полигамия» и я в ней выступал в образе связующего звена, так сказать.

> *(…связующему звену следует усвоить и строго соблюдать золотое правило – никаких имён. «Милая» самое оно – и звучит приятно, и не грозит создать лишние недоразумения. Возможно, кто-то предпочтёт «зайку» или там, «рыбоньку», но по моему скромному мнению, на кой лишний зоопарк разводить?*
>
> *– Да, милая. Конечно, милая..")*

Излишней пыли Света уже не поднимала. Она чётко знало своё место – после Иры, перед Марией. Официально, девушки не были представлены друг другу, но знали о существовании остальных. Ира и Света наверняка, а Мария, скорее всего, тоже.

В разговорах с милыми, я особо эту тему не затрагивал – кто кого знает или не знает, однако Нежин провинциальный городишко, где все всё про всех… Когда на третьем курсе я проходил педагогическую практику в городской школе № 2, на большой перемене одна из тамошних училок начала выдавать порочащую инфу про Марию. При этом она старательно смотрела не на меня и свой брифинг обращала к моей однокурснице, что тоже практиковалась в той же школе.

Эта однокурсница такая была паинька, прилежная такая. Она так старательно готовилась к своему первому уроку! У себя дома она собрала всех-всех своих кукол и куколок, усадила рядком на крышку пианино и – готовилась: —«Good morning, children! Who is on duty today?.»

(…инфантилизм – смертельное оружие, страшнее пулемёта. В смысле, меня от него до рвоты воротит…)

То ли дело молодожёны на нашем этаже Общаги. Как поженились, им целую комнату выделили. Студентов отселили, а мебель осталась. Иногда, для релаксации от напряжённого умственного труда, они устраивали «скачки» по субботам. Приглашали пару студентов к себе на ночёвку и после ужина устраивали забеги со сменой партнёров. Правда, детали мне не известны, Витя Кононевич гостевал там как жокей-фаворит…

(…и вот как на духу, если б меня спросили, ебля это занятие лишь для двоих. Природа её настолько интимна, что между любовниками даже гандон – третий лишний… Кого-то может шокировать моя старомодность, но уж таким уродился…)

~ ~ ~

Летом я поехал на пионерскую практику в лагере Юный Строитель возле райцентра Седнев. В пору расцвета Черниговского княжества

там стояла мощная крепость для обороны от Татар, Литвы или Новгородцев, это уж кто нагрянет. А в наши дни о крепости напоминает всего лишь одна башня. Мимо неё крутой извилистый спуск скатывается к мосту, что соединяет песчаные берега реки Снов. А за мостом и Сосновым лесом, на дальней опушке два лагеря, бок о бок, через забор один от другого: Юный Строитель и Юный Химик, и дальше идут уже необъятные пшеничные поля…

В Строителе я практиковался на должности подменного воспитателя. То есть, когда какая-то из воспитательниц поедет в Чернигов, мне надо надзирать как дежурные её отряда расставляют в столовой еду на завтрак-обед-полдник-ужин, а при выводе детей на речной пляж следить за тем, чтобы пионеры не плескались вне железной решётки, а исключительно в огороженной части русла.

От Седнева в Чернигов путь не близок, не все воспитательницы отваживались на поездку, а с тех, кто посмелее, хватало и одного раза. Так что работа моя заключалась в том, чтобы транслировать музыку в лагерные репродукторы, а также объявлять отбой на «мёртвый час» и на ночь, через микрофон. Я почему-то делал это пидорским тоном голоса: —«Вынимание! В лагири абивляица аутбой. Павтаряйиу! Вынимание – аутбой!»

В радиоузле жила старшая пионервожатая, а за дощатой перегородкой находился небольшой спортзал, но без всякого оборудования, кроме одной койки, на которой я спал. Дверь в дальней стене спортзала открывалась на сцену маленького зала под открытым небом в окружении Сосен среднего возраста.

Я валялся где попало, читал что подвернётся из шкафа лагерной библиотеки в одной комнате с радиоузлом и отпускал бороду, потому что после лагеря собирался поехать со строительным отрядом НГПИ. Короче, вёл жизнь небритого отщепенца…

Должность старшей пионервожатой исполняла моя однокурсница Ирина из Бахмача. Мне как-то не сразу дошло, что она меня обхаживает, пока не пригласила в древнюю башню Седнева, где встроен был маленький романтичный ресторан. Через бойницы в

толстой (полтора метра кладки) стене видно как по равнине далеко внизу галопом пролетают тени летних облаков, словно всадники разбойной ватаги… Она щедро угощала меня ликёром из ежевики, но мне не понравилось переслащённое пойло.

За два года обучения в педагогическом институте, у Ирина явно поменялись приоритеты по сравнению с той ночью, которую мы совместно провели на одной койке, когда были ещё первокурсниками. Однако, я не мог откликнуться на её авансы самым естественным способом. Не от подлой злопамятности: «чё? не дала тогда? ну так иди – гуляй!». Нет, я не такой. Причина кроется в моей послушливой исполнительности: мне скажут «нет» и – я послушно отступаю, а чтобы впоследствии я снова приступил, мне нужно сказать: «иди сюда». Она же понадеялась обойтись одним только ликёром…

Не мог я сосредоточиться и на другой практикантке, ещё одна Ирина, но уже из Нежина. Дочка проректора Будовского. Во-1-х, мне не нравилась его лысина и общий моральный облик, а во-2-х, кто позарится на такую несомненную целку, как его дочь.

Так что, лавры первенства, вполне предсказуемо и неизбежно, достались блондинке, опять-таки Ирине, физручке из соседнего лагеря Юный Химик. Сначала мы встречались на берегу реки в сопровождении её приёмника Спидола, но у меня в спортзале оказалось намного теплее…

Один раз меня навестила группа гостей: Славик, Двойка и Петюня – для игры в преферанс и Света для всего прочего. После игры, мальчики расшалились и начали гоняться по спортзалу за ёжиком, которого в тот день мне принесли дети-пионеры. Я попросил их не мучить бедное животное и они переключились на подслушивание эротических арий из радиоузла, за тонкой перегородкой Ирина из Бахмача принимала гостя, который посещал её в тот же день, тоже из Бахмача. Всё так совпало… Потом я раздал ребятам лагерные шерстяные одеяла, не спать же им на голых досках, и выключил свет. Света имела законное право на часть моей койки и с этого

возвышения исполнила для трёх, благоговейно притихших на полу меломанов, концерт для флейты без оркестра...

В другой раз я ездил в Нежин типа как на выходной, но повёл себя там как свинья. Облопался колёсами и во время обеда в столовой на вокзале чуть не заснул на тарелке с борщом, как на подушке. Ира возмутилась и ушла. Славику, который тоже ехал в Чернигов, пришлось волочь меня, как овощ, на дизель-поезд. Всё потому, что ветка до Чернигова не электрофицирована... Пока доехали, я проспался, но всё так и осталось нудно, муторно...

Всю практику я пропадал от этой нудности. Таким ненужно нудным было моё враньё мужику в поле, который спросил из какого я лагеря. Зачем сказал, что я из Химика?

Нудно, что когда в лес, на чьей-то папиной Волге, заехали черниговские недоросли, начали блатовать и один из них достал красивый нож-тесак, я заоглядывался за какой-нибудь палкой, хотя и ясно было, что пацан только и ждёт, чтоб у него отняли взрослую игрушку. Секунда промедления, момент упущен и приз уходит шофёру лагеря. Молодец, мужик!

И из-за муторной несобранности, ныряя в речку с кручи, я вроде как вывихнул какой-то позвонок в спине и пару дней пришлось оборачиваться всем телом, как волку.

Нудно, что при ночном купании в реке на берег прикатила вдруг какая-то легковушка и светом фар слепила девушек, которые и без того уж передумали, и мне пришлось выходить из воды в чём мать родила, вооружённым всего лишь перекошенным выражением небритого лица. Не знаю маску каких Аборигенов я в тот момент изображал, но фары выключили. На следующий день Ирина из Бахмача хаханьки строила, что, визуально, хуй мой не дорос до её представлений. Но меня и это не задело, до того всё мурово и скучно...

"Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?."

А вот когда на день Посейдона пионеры двух лагерей объединёнными усилиями поймали, доволокли и бросили меня в пруд возле речки, это уже не нудно, а правильно. Сперва обидно и мокро, но потом смех разбирает. Молодцы, шпингалеты! Так и надо паскуде!

В последнюю лагерную ночь, Ирина физрук и я снова сидели на берегу реки. Звёзд высыпало столько, что за ними и неба не видать, а на меня томление напало, что как-то всё течёт, уходит… Она, почему-то, не дала, и мы просто сидели, опершись спиной в спину. Звёзды блестели снизу, из широкого плёса тихого Снова, и сверху тоже. Вот они столпились со всех сторон, всегда были и будут, а всё равно невозможно их удержать. Всё течёт, утекает…

Наверное, во всём виновата Спидола, что завелась вдруг бухтеть проповедь на Английском. О чём конкретно я не понял, потому что говорилось не про семью Паркеров из институтских текстов Лингафонки, но догадаться можно – проповедь.

Потом я проводил Ирину в Юный Химик. Она зашла и заперла ворота, но я окликнул. Мы взобрались на решётку ворот с обеих сторон и поцеловались. Лагерный поцелуй поверх железа. Прости-прощай, утрата…

~ ~ ~

С городом Прилуки я знаком был давно, но заочно. Печатный текст на обороте каждой пачки Примы извещал «сигаретна ф-ка м. Прилуки». За время Немецкой оккупации, город Прилуки подвергся радикальной перестройке, его улицы стали строго параллельны либо же перпендикулярны одна другой. Кроме окраины, где в 60-е построили автовокзал…

Командиром студенческого строительного отряда, он же ССО, был Владимир Майба с отделения Физики и Математики. Отрядный Комиссар Игорь с ФилФака, Украинский националист, подозревал Майбу в секретном сотрудничестве с КГБ и за это постоянно над ним насмехался, дискредитировал в глазах бойцов и подрывал авторитет

при всяком удобном случае. А я оказался Ведущим Специалистом, потому что мой военный билет упорно продолжал рекламировать меня как «каменщика».

Помимо вышеизложенного командного звена, отряд насчитывал двух девушек и пятнадцать парней. В городе мы остановились в общежитии «химиков», но только на одну ночь, а утром уезжали в АвтоБазу № 4, расположенную между селом Ивковцы и городом Ладан.

«Химики» это заключённые, которых за примерное поведение выпускают из зоны доматывать свой срок «на химии». Какой-нибудь завод, или фабрика с вредным для здоровья производством, шахта, стройка – всё годится, чтобы стать «химией» для примерных *зэков*. Режим у «химиков» довольно строгий, они должны являться в общагу не позже установленного часа, не попадаться выпившими, на приводить блядей и много всяких прочих «не». Однако уже не под конвоем вертухаев, и спать не в общей камере. И даже какую-никакую зарплату получают, доля которой идёт смотрящему менту, он же воспитатель, чтоб не в обиде был, чтобы не отвезли опять на Зону…

После душа, мы с Игорем, который несмотря на свой Украинский национализм, говорил на весьма хорошем Русском и лелеял мечту переселится в Ленинград, нашу культурную столицу, вышли убедиться в геометрической правильности Прилук.

– Катраниха! Ты ли это?!

– Не ори! Мои ученики могут услышать. Я ж тут учительница.

Ну да, конечно, извини, как я мог запамятовать… Она уж год как сеет тут разумное, доброе вечное…

4-я автобаза была ни в селе, ни в городе, а сама по себе – за деревьями лесополосы вдоль обочины. Первым стояло старое здание из двух этажей. На первом какие-то запертые склады, а на втором пространный зал с койками для бойцов ССО и с небольшой комнатой для двух отрядных девушек. Затем шла одноэтажная кочегарка, а уж за ней, за высоким забором красного кирпича,

раскинулась обширная территория АвтоБазы № 4. Кроме гаражей и столовой, там было много и других строений, по большей части незавершённых, а середину территории занимал широченно глубоченный котлован с натянутой над ним проволочной разметкой по воздуху – вдоль и поперёк. На дне котлована, под точками пересечения проволок, нашему отряду предстояло забетонировать армированные площадки, собрать на них опалубки форм из дощатых щитов и залить их бетоном, чтоб получились «стаканы», куда в дальнейшем вмонтируются опорные колонны. Но это потом, а для начала есть лопаты, есть в котловане недорытые места и – «бери больше—кидай дальше». Всё так ностальгически знакомо, только форма не хаки.

После рабочего дня, кочегары-«химики», Юра и Помидор, открывают водную задвижку и из трубы—высоко в стене их здания—бьёт широкая брандспойтная струя, горизонтально улетая метров за двадцать. Становись у неё на излёте и – купайся. Вода, конечно же, холодная, но ведь вокруг лето.

Через неделю Командир Майба созвал общее собрание отряда. На повестке один вопрос – питание личного состава, потому что в столовой не еда, а…

(…ну не знаю, хавка как хавка…)

Постановили: питаться собственными силами, используя аванс, который Командир возьмёт у автобазы в счёт наших будущих трудовых побед, а девушки отныне не только санитарки, но и поварихи тоже…

Ежевечерне, с наступлением темноты, отряжаем двух-трёх фуражиров в рейд на картофельное поле близлежащего колхоза, ну и что там ещё съедобного подвернётся.

"Яростный стройотряд,
Словно степной пожар!."

Студенты нахваливают кулинарную одарённость девушек ФизМатовок. Ну не знаю, да, в целом, горячée, чем в столовой, а в остальном такая же хавка как и везде…

Пару раз ездили на танцы в село Ивковцы на водовозке молодого водителя. Девушки в кабине, остальные – кто во что вцепится вокруг цистерны, чтоб в клубе поплясать под хиты Лещенко:

"Из полей уносится печаль,
Из души уходит прочь тревога,
Впереди у жизни только даль…"

После танцев, сквозь ночь, с ветерком на цистерне. Холодна, однако, железяка…

Один раз поехали обедать в Ладан. Многосмысленное имя носит этот населённый пункт. Но и Ведущий Специалист отряда не лыком шит, бородушка кудрява и волосы до плеч, а поперёк лба жгутом грязного бинта обмотаны, чтоб в глаза не падали. Призадумался тут Ладан – ужли поп-расстрига? аль Рембо с чёрно-белых фоток? Но как возжелал Рэмбо в центральной забегаловке подать ему бутылку белого в един пивной бокал влитою, утешился люд Ладанский разгадкою – алкаш с АвтоБазы!

Возвращаюсь из Ладана в состоянии приятно утолённой жажды, глядь – знакомое лицо в нашем спальном зале, Саша Чалов, АнглоФаковец с третьего курса. Приехал из Прилук, места своего постоянного жительства, а при нём ещё какой-то прилучанин и обширный портфелем, что аж бугрится амуницией.

Солнце в Бокале

Ай, люли!. А и научились-таки на нашей одной шестой планеты продуцировать поэтичные наклейки для бормотухи!. Но как расталдыкнулось поэтическое Солнце по прозе Ладанского плодово-ягодного, почуял я потребность отдышаться и хотел залечь в кустах лесополосы для сна богатырского, но разве с такими друзьями надышишься? Саша совместно с его кентом оторвали меня, усталого

Антея, от общей нам всем Земли-Матушки, на второй этаж откантовали да на койку сверзили. «Медвежья услуга» в действии! Пришлось блевать из окна второго этажа как та труба из стены кочегарки…

А приезжали они по поводу, что бас-гитарист импонадобился для свадебных «халтур» в городе Прилуки. За субботу с воскресеньем мы отхалтурили две свадьбы, но забесплатно, потому что брачующиеся родственниками Сашиного напарника оказались. Короче, отпахали за харчи.

К воскресенью я поумнел и привёз с собою трёх ФизМатовцев типа как бы незаменимо необходимые звукооператоры…

~ ~ ~

Кликуха «Помидор» сидела на кочегаре-«химике» как влитая, ни одна любящая мать не дала б ему более подходящего имени, благодаря празднично красной коже лица и волосам натурально оранжевого цвета. Он был самым жизнерадостным «химиком» на свете. И я бы шагал по жизни счастливо улыбаясь всей розе ветров с его даром заряжать колоду. Совсем недолго потасует, сдаст и – у него на руках восьмерная в чирве. И даже зная, что ведёт перезагрузку, не уследишь как…

Во глубине подпроволочного котлована работали мы неумело, но с энтузиазмом, пока не ознакомились с нарядами прораба в конце месяца, за исполнение работ. Его расчёты уравнивали среднемесячный заработок бойца студенческого отряда (после вычета аванса на провизию) с ежемесячной студенческой стипендии в 45 руб. А тут ещё на складе АвтоБазы гвозди кончились и нечем стало сколачивать опалубку под «стаканы». Энтузиазм усох до нулевой отметки, поскольку за оставшиеся отряду 10 дней мы проедим всё нарисованное прорабом.

Для переговоров с директором АвтоБазы № 4, ССО направил делегацию из меня и одной девушки. Санитарка-повариха ни черта не смыслила в строительстве, ещё меньше в гвоздях для плотницких

работ, но она была блондинка, что придаёт правильный импульс течению любых переговоров… Главный инженер, которого мы встретили в конторе АвтоБазы, сказал, что директора нет, вторую неделю жнёт урожай на подшефных колхозных полях. Но скоро на полевой стан отправится машина с запчастями, может и нас отвезти. Без наличия блондинки в делегации, он вряд бы вспомнил про попутный грузовик, за рулём которого сам же и сидел, рядом с блондинкой, а я с краю возле двери в кабине.

Меня удивила его способность распознавать машины АвтоБазы № 4 среди встречного транспорта прежде, чем различатся их номерные знаки. Главный инженер ответил, что своих он узнаёт по рогам, и спросил знаю ли я Чомбе. Конечно да, я знал Чомбе, который расстрелял Патриса Лулумбу из пулемёта, когда я ещё был пионером. Однако я не мог уловить связи между грузовиками, мчавшимися в противоположном направлении по залитому солнцем шоссе и диктатором из не помню уж какой страны в Африке, потому что тогда я ещё пионером был. Поэтому, я предпочёл скрыть знакомство и сказал, что нет, не знаю.

Главный инженер объяснил, что Чомбе – это директор АвтоБазы № 4, к которому мы как раз едем. И этот местный Чомбе приказал нарисовать на радиаторах машин АвтоБазы римскую цифру V, на всех поголовно, белой краской. Отметина видна издалека и, по мнению водителей, смахивает на рога, по которым сразу же опознают своих, вот они (водители) и кроют Чомбе по матери, потому что теперь трудней делать левые ходки. Впрочем, его и раньше Чомбе звали, ещё до всех этих рогов…

На полевом стане из четырёх больших вагончиков на колёсах, директора не оказалось, сказали, что он жнёт другое поле. Главный инженер, запчасти и блондинка остались на стане, а я поехал к Чомбе. Новенький, с иголочки, УАЗ-66 с цистерной для воды вёл десятилетний мальчик, сын директора.

По жёлтому жаркому полю в облаке густой пыли кружил коричневый комбайн с белой надписью НИВА на боку. Я вышел

навстречу, махнул, но комбайн проехал мимо и мне пришлось побежать следом и вспрыгнуть на короткую лесенку, что вела к склонённой вперёд кабине машины. С рычаньем и грохотом комбайн катил дальше сквозь пыль. Первый раз в жизни попал я на борт такой громадины, но всё друг за друга цеплялось – вот лесенка, вот дверь…

В тесной кабине человек в кепке рабочего сидел спиной ко мне и смотрел через наклонное стекло передней стенки как его комбайн валит и втягивает неровные ряды скошенных колосьев. Я захлопнул дверь, отсекая грохотанье в бункере у меня за спиной, и тоже уставился на жмутья ползущих колосьев, по ходу своего доклада пуговице на макушке кепки, что наш студенческий отряд сидит без дела, гвозди кончились и мы ничего не заработаем. Под грохот мотора колосья дёргались, падали на широкий вращающийся вал и всклоченными пучками плыли вверх по ленте транспортёра. Директор не оборачиваясь сказал, что посмотрит, что можно сделать, и пусть к нему приедет главный инженер.

Я выбрался из кабинки в пылевое облако вокруг громыхающего бункера, слез по лесенке и спрыгнул. Ни лица, ни цвета кожи человека, с которым только что говорил, я так и не увидел, но чувствовал, что некоторые диктаторы достойны уважения…

На полевом стане делегацию пригласили в вагончик с длинным столом, пообедать. Такой обед не получится назвать хавкой, это уже харч взвеселяющий сердце. Повар в своей белой, с камуфляжными пятнами жира, курточке, плеснул полчерпака сметаны в громадную эмалевую миску и залил борщом, но не до краёв, чтобы осталось место мослу с мясом, венчающе-торчащему из обжигающей глади красного моря. Съев всё, за исключением кости, я переполнился до краёв.

На второе, он подал золотисто обжаренные шарики молодой картошки под тонкой вуалью укропа и покрыл их густым соусом с кусочками мяса. Вкусно до беспредела, но некуда и я съел уже просто из принципа.

Для компота категорически не оставалось места, но, постепенно, я вцедил и его.

С благодарностью за хлеб-соль, я осторожно встал и с крайней осмотрительностью спустился по ступеням приставного крыльца. Достигнув земной поверхности, я расстегнул пряжку ремня и походкой полураздвинутого циркуля направился в сад на краю поля. Там, сдержанно и чинно, я опустил себя на охапку сухого сена под Яблоней, в надежде, что вдруг не лопну, а отлежусь. Может быть.

А таки, попустило! К моменту, когда в сад пришла блондинка, я себя чувствовал в норме. Она села под ту же Яблоню, опёрлась спиною о ствол и улыбнулась мне своей милой, ожидающей улыбкой. Меня изумило настолько точное стечение обстоятельств – она и я под Яблоней, вокруг сад и только Змий чуть-чуть запаздывал. И тогда, с тёплой нежностью и умилением, я начал думать об Ире и гордиться до чего я ей верный. Сдержался вот, не впал в наезженную колею, не клюнул на благоприятность момента – сено, райский сад, блондинка…

На следующее утро, главный инженер, я и рулетка делали разметку будущих стен в двух смотровых ямах строящихся боксов. Чомбе придумал чем нас занять…

За пару дней до окончания ССО срока, Саша Чалов заявился под вечер без особой причины, просто позагорать под солнцем из бокала. Чуть призвякнув обширным портфелем, он выдал свою традиционную речёвку:

" Одна звенеть не будет,
А две звенят не так,
Когда такие люди
В стране Советской есть!"

С оглядкой на правила стихосложения, стишок ни в какие ворота не лезет, но вселяет, своим жизнеутверждающим посылом, оптимизм и воодушевление. Кочегары-«химики» оказали содействие в

экспертной оценке портфолио, вышло по бутылке на рыло. Когда повестка дня симпозиума исчерпалась, Саша ушёл, уже стемнело, а ему ещё в Прилуки добираться.

Помидор с Юрой тоже порулили было в кочегарку, но по дороге постучали в дверь комнаты девушек. Та оказалась запертой. Они постучали настойчивее, а затем, по волне воспоминаний подросткового прошлого и себя, юных хулиганов, затеяли озорничать вокруг высокомерной двери. Зажигали бумажки, совали их в щель под дверью. Девушки внутри держали оборону водой из чайника. Звуковой фон безобразию обеспечивал валявшийся на своей койке я. Во мне зачем-то вспенилась злость на весь женский род как вроде из-за них всё мне так нудно и наперекосяк, и не понять чё мне выщще нада. Вот потому я там валялся и подстрекательски орал в потолок:

– Ату их!

Если бы дверь была открыта с самого начала, «химики» зашли бы, потрандели и вышли, но теперь в них играл охотничий азарт. Оно и ежу понятно, что под висячим над ними Дамокловым мечом обратной отправки на Зону, они никак не собирались усугублять ситуацию, им просто развлечение подвернулось.

Однако девушки в осаждённой комнате не поднимались до всех этих логических выкладок, их не забавляли *зэки* с горящими бумажками и вопли гугнявого придурка в зале спальни: —«Суки поганые! Пидараски!»

Лишь когда один из ФизМатовцев подошёл ко мне и сказал, что так нельзя, я покричал кочегарам, что хватит уже, и Помидор с Юрой тут же умотали, у «химиков» с логикой полный порядок.

На следующее утро я постучал в дверь комнаты девушек. Он была открыта. Я зашёл и попросил прощения за минувший вечер. «Боишься вылететь из института?»– спросила та, которая шатенка.

Вряд ли бы она поверила, что мне просто стыдно. Ещё меньше сумел бы я ей объяснить, что и сам уже толком не врубаюсь – боюсь или хочу, чтоб меня выгнали.

(...подводить итоги негигиенично, слишком часто тянет плюнуть себе в морду. Но правда остаётся правдой лишь когда её не педикюрят и вся эта мерзость – тоже я...)

~ ~ ~

На гроши́ ССО заработка, я решил купить куклу Леночке. Конечно, сам бы и не догадался, но Всесоюзная радиостанция «Маяк» не менее трёх раз за день крутила самый популярный хит сезона:

"Папа, подари,
Папа, подари,
Папа, подари,
Мне куклу!."

И на протяжении дня, если не там, то где-нибудь ещё она тебя непременно догонит или же сама по себе начинает крутиться в мозгах, даже без всякого радио рядом, покуда вдруг—цок! – эй, так это ж идея! Вот я и поехал в Универмаг за куклой, но их там не оказалось... И нечего всё валить на эпоху дефицитов. Эпоха ни при чём, если хорошая мысль некоторым тормозам доходит слишком поздно... Поэтому мне не оставалось другого выбора, кроме как купить собаку. Самого крупного размера, ну и цена соответственная. Зверюга был не меньше метра ростом, в штанах и рубашке. Та же, практически, кукла только голова собачья...

Леночка росла здоровым ребёнком, она ходила в детсад-комбинат «Солнышко» недалеко от конечной трамвая, в Яблоневом саду между Первомайской и улицей Сосновской. Весь сентябрь я водил её в «Солнышко» и обратно, потому что кто работал в студенческом строительном отряде освобождался от шефской помощи колхозам.

Бороду я сбрил, но волосы оставил. Один раз мы с братом пошли на танцы вместе. К тому времени Саша Баша уже сменил Шпицов на

танцплощадке Лунатика. А мой брат отбыл срок службы на космодроме Байконур и за это ему пришлось дать подписку о невыезде из страны в дальнейшие 20 лет. Даже на курорты социалистической Болгарии никак нельзя. А ну как там, на Золотых Песках, будет загорать агент из ЦРУ, а брат возьмёт и проболтается, что на Байконуре помимо космонавтов, еженедельно ведут пуски всякой баллистической херни, втайне от спутников-шпионов, которые над нами уже в три слоя витают по орбите…

Плюс к патлам, я в Лунатик пододел свои тёмные очки, Мона-Лиза. Хоть вечером тёмные очки и ни к чему, Мона-Лиза своей тонкой золотистой оправой это – попсóвый символ модного чувака, как и потёртые джинсы. Такие джинсы идут по 120–150 руб., выше среднемесячной зарплаты рабочего, неслабый навар. Доставка джинсов в Конотоп забота смуглокожих Алжирцев, которые учатся в Строительном техникуме на Проспекте Мира. Эти Алжирцы до того наивные. «Он моя сказаль пойдём говориль. Я пойдём он моя удариль. Зачему?» Но при всей наивности, цену на джинсы они не спускают.

А моя джиннота всего за 30 руб., на столько и смотрятся. Какая-то Бразильская хрень, не трётся вовсе, не то, что Лялькины "Levi's". Поэтому хотя вечером через тёмные стёкла плохо видно, на танцах они себя оправдывают, прикрывая нищету в джинсах…

На танцплощадку мы с братом подошли после перерыва, когда толпа уже в полном наплыве. Саша пошёл высматривать свою девушку, а я тормознул у сцены и там торчал, слушал Марика, он у Баши соло гитарист, классные брейки выдаёт.

Потом какой-то салабон подваливает и вылупился на меня. Ну ещё бы – патлы хипповские, Мона-Лиза, видуха столичная, в общем. Полюбовался и свалил в толкучку.

Я дальше стою и минуты через две—добрый вечер ваше хате! – тот же резак выныривает уже с кентом. Подходят и, синхронно так, назад откачнулись да и—гугух! – летят в меня два кулака за раз.

Плечом отгородился, но общая масса двойного удара меня смела, и я скопытился в типа как вроде параллельное пространство.

Без балды, совсем иное измерение, как на морском дне. Звук танцев моментально отключился и я качусь, точнее, верчусь по бетонному полу. Со всех сторон немого пространства ко мне ноги ломятся, приложиться. Причём не цельные, а как бы обрезки, от ступни до колена, не выше. Так и просвистывают, отсюда-оттуда, только беззвучно, но мажут. Промах за промахом.

Я взвился аж на скамейку под круговой оградой, спиной к трубам. Тут и звук вернулся, девушки визжат, Баша микрофону проповедует: —«Дорогие друзья, соблюдайте...» А вокруг скамейки несколько хлопцев ко мне лицом обёрнуты, а один, здоровый такой жлоб, кричит: —«Ты кто? Ты кто? Очки сними!»

Мону-Лизу скидываю и кто-то сбоку крикнул: —«Из Орфеев!» Хлопцы явно с Посёлка, только никого не знаю.

В общем, сдёрнули меня со скамьи в свой тесный круг и вывели с танцплощадки, а сами назад подались, где уже общая разборка полным ходом. В тот раз новое поколение Деповской хотели застолбить Лунатик как свою территорию.

На выходе из парка я брата встретил, у него бровь разбита. Пришлось идти на вокзал и кровь замывать под краном в мужском туалете.

Труднее всего найти рукавицы, которые сам же заткнул себе за пояс. Я грабил плантации конопли аж у Кандыбино, а в соседском огороде, за забором, густая рощица произрастает. Вот что значит ограниченный кругозор. Смотрю за горизонты, под носом не вижу. Баланс справедливости восстанавливался ночью, а для сокрытия следов коноплю срубленную у соседа в огороде, перебросил через следующий забор, на улицу, а уже оттуда оттуда угол обогнул, допёр к нашей калитке и – в сарай на чердак... Проба показала, что у соседа качество ништяк и я отнёс малость Ляльке, чтоб и ему запушистилось, не зря же он меня эти два года подогревал...

Подвалила удача – растворяй воротá. В Нежине, на участке неприметной хаты в Графском парке, через дорогу от кинотеатра Ленинского Комсомола, стояли пять объёмистых кустов и абсолютно без всякого забора вообще. Тут и святой не устоял бы шефскую помощь оказать... Но потом во весь рост встала проблема – как сохранить собранное без потерь? Под койкой в Общаге? Ага, очень смешно.

Я все этажи обошёл, закуток высматривал, всё без толку. Но потом в умывальнике, на четвёртом, приметил стол. Не такой, как в комнатах студентов, а с ящиком под столешницей. Кто его туда притаскал и на как долго, я понятия не имел, но проблема складирования уже вконец зашкаливала (не в парке же под куст в дожди). Вынужденно загрузил дурь в ящик стола. В виде предосторожности, стол вокруг его же оси обернул и ящиком в стену упёр, чтоб кто попало не открывал бы от нечего делать. Потом, по мере надобности, заглядывал в умывальник отщипнуть головку-две для текущего потребления...

Из подшефного колхоза мои однокурсницы вернулись в полном шоке, без дара речи и в глубокой задумчивости насчёт смысла жизни. Ну то есть, смыслят ли они в ней вообще? Оказывается, во время шефской помощи два хлопца в том селе подрались на ножах. Из-за кого? Из-за Тани, что учится в моей группе.

Год назад, эти сучки безжалостные, мои однокурсницы, меня попросили изобразить будто я в неё влюбился. Просто для смеху, раз она такая тихоня и невзрачная. Ну а меня—тупого лосяру—долго подбивать не надо. «Таня! Я люблю тебя всей глубиной. Какое твоё взаимное влечение?» Два дня донимал её на переменах, пока не попросила меня отстать. Смотрю, вот-вот расплачется, ну стыдно ж стало, я и заткнулся.

Ну что? Съели, стервы? Кого хлопцы избрали до беспамятства? И теперь девушки на неё исподтишка и уважительно с завистью косятся. А она по коридорам ходит такая вся задумчиво торжественная, будто что-то такое про себя узнала, чего узнать

никак не ожидала вообще. И на меня уже не так враждебно смотрит. Что если я взаправду тогда к ней приставал? Спасибо фехтовальщикам за алиби…

Но меня продолжала долбить мысль про настолько неправильный способ хранения дури. Ящик стола в умывальнике, это уму непостижимо, это пускает под откос всякий здравый смысл. Любой чувак с элементарным уровнем грамотности и понятиями в области, о которой речь, враз унюшит её влекущий аромат и вычислит источник, потому что тумбовый стол как-то не вписывался в интерьер стен из голого кафеля. А и если у ФизМатовцев зародится ненужный вопрос: с чего это я зачастил в умывальник на их этаже? Своего мало?

И вот по первому ноябрьскому снежку, как стемнело, я понёс запас к новому месту хранения. Планировалось спрятать её на чердаке Старого здания через слуховое окно, потому что в его заднем дворе я приметил мощную приставную лестницу из железа, до самой крыши.

Славик, Двойка и Ира сопроводили меня в задний двор Старого здания типа государственной комиссии при запуске космонавта в орбитальный полёт с площадки Байконура.

Пальто и шапку я отдал Ире, сунул пакет с дурью под рубашку и двинулся… Первые минуты после старта проходили в штатном режиме, вибрация лестницы не превышала нормы, вот только железяка оказалась жутко холодной и очень длинной – во времена Гоголя этажи строили в два-три раза выше нынешних.

В момент выхода на крышу возникли непредвиденные затруднения. Лестница не доставала до само́й крыши, а заканчивалась под нависающим карнизом. Пришлось цепляться за жесть жёлоба и переваливать через него. Из этого момента помню лишь беспросветную темень ночи, нас осталось только трое – жесть, я и тьма…

Крыша оказалась довольно скользкой, хоть и не слишком крутой, пришлось передвигаться наступая на гребешки соединения листов

жести. Добравшись до слухового окна, я обнаружил, что оно наглухо заколочено толстыми досками изнутри. Спасибо за посещение! Нас порадовал ваш визит!

На обратном пути я вдруг оскользнулся на подходе к месту, где надо переваливать с жести на лестницу, но не упал. Я выпрямился, стиснул зубы, ощерился и, обращаясь сам к себе, проговорил в темноту:

– На публику работаешь, падла? – Потом я опустился на четвереньки, свесил ноги через край и нашарил ногами верхнюю перекладину лестницы.

На полпути вниз меня догнала и пронзила ужасом запоздалая мысль, что падение с крыши ничто по сравнению с приземлением на кого-нибудь из комиссии на стартовой площадке.

(…некоторые мысли лучше и думать не начинать…)

И снова я высадил дверь. Что примечательно – ту же самую, хотя Илья Липес больше уже там не жил. Комнату населяли текущие четверокурсники и среди них Витя Кононевич, который неосмотрительно взял у Жоры Ильченко роман М. Пьюзо The *Godfather*, и Англо-Английский словарь А. С. Хорнби *A Learner's Dictionary of Current English*, две книги из Индийского привоза.

Какие незначительные, на первый взгляд, мелочи могут привести к резким всплескам в спокойном течении жизни. Допустим, ты сказал: «Жора, дай Годфазера почитать», потом приходишь в общагу, а у твоей комнаты дверь выбита. Самым брутальным образом.

Кстати, на этот раз ни какого дрожания пальцев не наблюдалось. Как, всё-таки, быстро формируются основополагающие навыки. Возможно, сказалось и то, что в этом случае я работал не на Вирича, а на себя.

Криминальный роман Марио Пьюзо, *Крёстный Отец*, украден был не из праздного любопытства (задрожат ли пальцы?) и не ради повышения двероломной квалификации, но для перевода его на

Русский. Роман, как и сам автор, оказался довольно толстым, около 400 страниц. С учётом образа каким он раздобывался, работу над переводом пришлось вести исключительно в Конотопе.

Потребовалось несколько месяцев напряжённой работы, чтобы превратить книгу напечатанную Издательством Пингвин в кипу толстых пронумерованных тетрадей, исписанных моим почерком на Русском языке, синей пастой шариковых ручек, различных оттенков. Эту кипу я передал затем Ляльке и его жене Валентине для прочтения, предположительно. О дальнейших передвижениях и общей судьбе этих килограммов исписанной бумаги мне известно не больше, чем куда заплыла и чем промышляла людоедка акула из *Челюстей*, тоже в исполнении моим почерком, на Русском.

По ходу исполнения второго из переводов, где-то на полпути до его завершению, мой отец поделился со мной своими критическими замечаниями…

У Пьюзо там шла речь о вечерах отдыха голливудских кинозвёзд в специально оборудованном для этого клубе и мне никак не удавалось подобрать Русский эквивалент Англо-Американскому термину «blow job». Описательные вариации казались мне чересчур длинными, а опции покороче явной нецензурщиной. При этом слово «минет» я отметал с порога за его излишнюю Французистость. Одну из неудачных проб, в порыве творческих мук, я выдрал из тетради и сунул в печь-плиту для утилизации в предстоящей растопке.

Вечером мой отец открыл чугунную дверцу, чтобы положить дрова в топку, достал скомканный тетрадный листок, расправил и внимательно ознакомился с его содержимым, а затем задал вопрос: —«Что это за херню ты тут понаписывал?»

Я не стал оспаривать его мгновенно сложившееся мнение по двум причинам. Во-1-х, то, что в печатном тексте воспринимается как эротика, в переписанном от руки виде смотрится как пошлая порнуха… Достаточно вспомнить тонкую тетрадку рукописного рассказа, ходившую по рукам среди старшеклассников Конотопской средней школы № 13, где имелся такой пассаж: «…она забросила

свои ажурные ножки ему на плечи…» Трудно определить почему, но эти ажурные ножки вызвали у меня стойкую ассоциацию с Эйфелевой башней в Париже, сразу же и неразрывно. Спрашивается: какая может быть эротика с Эйфелевой башней на плечах? С другой стороны, вовсе неизвестно как на меня подействовали бы те же самые ножки, попадись они в ровной строке типографского набора. По одёжке встречают, сам знайиш…

Во-2-х, я всегда с уважением относился к тонкому литературному чутью моего отца. Так например, из центральной газеты *ТРУД* он читал лишь последнюю страницу с программой телепередач на неделю и ему хватало беглого взгляда на заголовки, чтобы дать определение всему прочему: —«Ни в склад, ни в лад – поцелуй блоха кирпич». Точнее не скажешь.

Помимо этого, он обладал поистине изумительной лингвистическая изобретательностью. Вероятно, из-за своих Рязанских корней. Рязанщина всегда лежала на перепутье языковых контактов…

Ну например. За кухонным столом мастерит какую-то «железку», напряжённо сдвинув поседелые брови над пластмассой оправы очков, вправляет «энту» в «энту». Я резко прохожу мимо, между столом и печкой к окну, лишь только за тем, чтобы развернуться и пройти обратно. Не отрывая внимательных глаз от «энтих» у себя руках, отец мой вопрошает: —«Чё вздыркался?»

Ни в одном словаре не найти этого слова. Но до чего сочный глагол! Сколько в нём упругой пластики, как точно ухвачена суть действия и внутреннее состояние производящего это действие задрота! И—самое главное—слово это родилось спонтанно, только что, пока эта поебень никак, сука, не влазит.

– А как не вздыркаться, если сикулька запенькала?

Он роняет «железку» на стол. Долгий взгляд поверх оправы сдвинутых на нос очков. Потом произносит:

– Тьфу!

И в этом, кстати, ключ к периодически модной теме «отцов и детей» – наплодят себе подобных, а потом сами же тюкают-тьфукают.

(…возвращаясь к Крёстному Отцу…

К сожалению, в Американской литературе почти не осталось писателей – Пирсон, Сэлинджер, Пинчон и… обчёлся. Остальные превратились в сценаристов кропающих мультяшные сюжеты и мыльно-оперные диалоги для сбыта в Голливуд.

Конечно нет! У меня и в мыслях нет кого-то упрекать! Ни-ни! Все мы одним миром мазаны, разнимся лишь в умении скрывать и глубже прятать наше стремление продать себя—да, подороже—той или иной модной индустрии. Вот почему, при всех моих персональных расхождениях с доктринами и практикой Христианства, я не могу не восхититься инструкцией М-ра И. Я. Христа: «Пусть кто ни разу не ходил налево станет зачинщиком убийства этой бляди». Так весь сброд рода человеческого, оптом, получил отпущение грехов на множество грядущих тысячелетий.

Но существует ли альтернатива? Конечно и абсолютно – да. Она вся выразима словами похвалы самому себе за результат приложенных усилий: —«А чё, так, в общем, вроде как ничё. Местами. Кой-де до хохота вставляло. И лет двенадцать срока скоротал». Но каши, безусловно, из этой альтернативы не сварганишь. А насчёт нагреть руки, то и совсем не сюда. Так что – ну их, заоблачные материи, идём на мягкую посадку, пристегните ремни безопасности – под крылом литература.

Оглянёмтесь-ка на Британца Моэма. У него первый абзац рассказа как аккорд, вступление к фуге. В нём, среди случайных, якобы, деталей, рассыпаны узелки-зёрнышки, что вырастут в дальнейшее повествование и в развязку с далёкими отголосками нот первого абзаца. Вот где мастерство ремесла! А а у

подёнщиков-голливудистов ремесло без мастерства. Отец мой сказал бы «тьфу!»

Пьюзо – ролевая модель для всё тех же и таких же как он голливудописцев. Он стал первым, кто отшматовал шестизначную сумму долларов за выстаранное изделие. Честь, хвала и зависть бухгалтерному первопроходцу! Однако, Крёстный Отец страдает немочью общей всем боевичным бестселлерам: покуда герой борется за выживание в неблагоприятной среде из враждебных мафиозных кланов, читать ещё можно, но как только начинается раздача слоников, то есть, планомерное истребление плохих парней, вся вина которых лишь в том, что не менее плохие парни оказаться хитрожопее (так не честно! автор подсуживает!), интерес сникает, иссякает, испаряется. И, при всём респекте к мистеру Линкольну впортреченному в зелень купюр, зево́та нападает.

Та же херня, что и с 19-й песней Одиссеи Гомера (?), где герой возвращается из долгих скитаний и мочит претендентов на его жену, одного за другим, с эстетически анатомическими подробностями о растекании мозгов из проломленных черепных коробок и расползании потрохов из вспоротых брюх. Мне так и удалось дочитать эту песнь даже в добротном Украинском переводе, не из брезгливости, нет, просто скучно стало…)

~ ~ ~

На самую малую долю секунды я опередил и усёк его прежде, чем он меня. Взгляды сцепились, склещились неотвратимо. Та же неотвратимость и в нашем сближение вдоль тротуара под стеной двухэтажки Профкома Отделения Пути. Обоим предельно ясно – в живых останется лишь один. Или будет два трупа.

Боковым зрением отмечаю фигуры редких в этот час прохожих. Испуганно, торопливо и не сговариваясь, спешат очистить невидимую линию огня, кратчайшую линию между ним и мной.

Размеренно, неумолимо мы укорачиваем её – эту прямую. Сходимся. Шаг за шагом.

Убывающее расстояние обратило предстоящий поединок в неизбежно смертельный. Его рука метнулась к правому бедру, но ладонь успела всего лишь коснулась рукояти Смит&Вессона, когда грянул гром выстрелов моего Кольта слившихся в неудержимое стакатто… Если хочешь выжить в Конотопе, успевай вскинуть ствол первым.

Руки его хватаются за изрешечённую пулями грудь. Шатаясь, крючится он над шеренгой безжалостно обкорнанных кустиков газона, куда, через мгновенье, рухнет. Я сую свой Кольт обратно в кобуру, он распрямляется для нашего объятья.

– Куба!

– Серый!

Прохожие обходят нас – всем есть куда идти вдоль тротуара… Конечно да, это Куба. Лыбится золотом, что сменило зубы утраченные в портовых драках дальних странствий, но это он – Куба.

– Как ты?^

Странно, что все меняются—толстеют, лысеют—кроме твоих корешей. Всего лишь раз встретился глазами и – всё, ты уже не видишь шрамов, вставных зубов и прочих лишних мелочей в плавняке нанесённом течением времени. Ты видишь своего друга Кубу, с которым гонял великом на Сейм или Кандёбу, ходил в Детский сектор, объезжал «колбасу» трамвая. Только теперь Кубе есть что рассказать про жизнь бороздящую Мировой океан…

Мы сидим у Кубы на хате. Старики его на работе, фарватер чист. Нашлось три яйца для яишницы, а в трёхлитровой банке прозрачно-убойного самогона корочки лимона дрейфуют чуть выше тропика Козерога. Мы пьём, закусываем, слушаем рассказы Морехода Кубы.

…в тот раз он опоздал из отпуска к отплытию, точнее корабль вышел раньше срока. Так его почти на месяц приписали к самоходной барже, покуда подвернётся подходящее судно. Экипаж

подобрался надёжный – он сам один. Но славные морские традиции свято блюлись на барже у дальней пристани в устье реки.

Стоя на мостике, он громко командовал: —«Отдать швартовы!» Перебегал на пристань: —«Есть отдать швартовы!»– И отцеплялся с кнехта трос. Потом обратная пробежка на мостик – отдать и исполнить «Малый вперёд!»…

Хха! Молодец, Куба! Это по-нашенски! Выпьем!

…а в иностранных портах есть специально дома для отдыха моряков. Оборудованы как отели-люкс: ресторан, номера, бассейн. Ну дак как токо Советские моряки нырнут в бассейн, вода вокруг них так враз и пошла пятнами. Они там, за бугром, чересчур развитые стали и добавляют в воду хрень какую-то, а та краснеет от контакта с мочой. Ну дак а у наших же, сам знайиш, чуть в воду, первым делом ссать… Карочи, теперь они из-за этого всю воду спускают и в бассейн свежую льют, а Немцы битый час сидят за столиками над своим пивом, ждут: —«*Rusishe Schweinen*!»

– Сами они свиньи! Фашистюги недобитые! Выппем!

…в Гонконге, а мож в Таиланде. Наши пришвартовались, сходили в город, идут на борт обратно. Ну а в порту бригада грузчиков. Все тощие такие, живут же на одном рисе и морепродуктах. Наш боцман – два метра росту, одного докера за шкирки, хап, шутя так приподнял, как котёнка.

– Чё, брат? Так всю жизнь и пашешь, а? – Поставил, где брал, и пошёл дальше.

Так тот азиат не понял братской солидарности и широты души Славянской. Наперёд забегает, подпрыгнул «йа!» и боцмана кедой в нос. Так наши его потом полчаса на пирсе водой обливали, пока к жизни вернулся…

– И пральна! За Брус Ли! Ппём!

…не! Ни-ни! Куба жениться и не думает. Они ж все бляди… Сухогруз на рейде, перед выходом в море. Капитанова жена на буксире подваливает платочком помахать. Счастливого плавания,

милый! По пути обратно в гавань рулевого и двух механиков чуть не заебла, по очереди, ну отчасти. В рубке буксира…

– За савбоду! За блядей! Выпыпь!

…из загранки так трудно уже товары провозить. На каждом судне у замполита не меньше пары сексотов. Ящик вискаря везёшь, и то – всу́чат.,

– Да ланна… я не пойал… так на суддах замполит есть?

– Абзательна.

– Да я тада пусь лучче буду тока сухапуный крыс!

– Пральн! За крыс! Выйп!

Но я помнил, чётко, что шёл в аптеку, потому что мать просила принести ей лекарство перед отъездом в Нежин. Поэтому я тепло простился с водоплавающим Кубой, хотя лимонные корки не скребли ещё дно банки в районе Южного полюса, а в сковороде поблескивали, кой-где, капли подсолнечного масла не дотёртые хлебом насухо.

– Не! Не! Я зна! Сё бу ништяк!

За Переездом-Путепроводом я погрузился на трамвай в *Город*. Возле Универмага сошёл, чётко так, и двинул за угол в аптеку, в которой, как мать объяснила, будет то самое лекарство. Войдя в стеклянную дверь, я подошёл к прозрачной перегородке, а на вопрос женщины в белом вдохнул поглубже, для ответа, но вдруг понял, что если даже вспомню как то лекарство называется, выговорить его или вообще хоть что-то, за пределами возможного. С обидой, я сделал поворот «кругом!», выдохнул и сокрушённо выбрел.

Несмотря ни на что, площадь Мира я сумел пересечь, прежде чем понял, что готов, и переключился на автопилот моего ангела-хранителя. Он направил меня во двор незнакомой пятиэтажки, выбрал нужный подъезд и проследил, чтоб я не сверзился на ступеньках лестницы в чужой подвал. Потом он отвёл меня по бесконечно бетонному коридору туда, где рассеянный свет из приямка обнаружил кроватную сетку опёртую к стене. Оставалось

только опустить сетку на пол, лечь сверху и – вырубиться. Полушубок и шапка послужили спальником.

Я проснулся в крепко негнущемся состоянии, но всё же успел на последнюю электричку до Нежина... На следующие выходные, я снова вызвался сходить в аптеку, если мать напомнит название лекарства, но она сказала, что нет, больше уже не надо...

~ ~ ~

В фойе Нового Корпуса устроили Новогодний вечер. Мы с Ирой танцевали там и какая-то преподавалка с БиоФака начала умиляться и с восторгом убеждать нас как мы отлично подходим друг другу. Приятно нарваться на такой комплимент от специалиста по особям. Но вскоре у меня на джинсах лопнул зиппер, а свитер не такой длинный, чтоб прикрыть прореху настолько ниже пояса. Я попробовал пристегнуть его к ширинке булавкой, которую мне Славик одолжил. Плюс к верности, он ещё и запасливый друг. Но это не сняло проблему. Свитер с туго натянутым вниз краем смотрелся как девочковое трико для балетной студии, а сверх того добавилась тревога, что булавка в любой момент может расстегнуться и уколоть не в одно, так в другое что-нибудь. Другого выбора не оставалось, как пойти в Общагу и переодеть штаны. Обычно, я запасной одежды в комнате не держал – в чём из Конотопа приеду, в том и уеду, дома переоденусь. Но это был особый случай и я привёз парадные джинсы для танцев, однако в ходе вечера пришлось их поменять на повседневку.

Вернувшись в фойе, я нашёл Иру за оживлённой беседой с каким-то чуваком. Мне он сразу же не понравился и даже когда она сказала, что они давно знакомы, неприязнь никак не улеглась. По-видимому, я не смог скрыть свой отрицательный негативизм и перерос во взаимность. Противостояние не вылилось в активное рукоприкладство, но тембр голосов зазвучал нотами угрожающего диапазона. В какой-то момент я отвлёкся от навязчивого мудозвона, перевёл взгляд на Иру и поразился до полного изумления. Она цвела счастьем! Никогда прежде не видел я столько радости в её

глазах… На пути к её дому, Ира бурно обличала мою дикую реакцию на совершенно нормальную ситуацию, а я вяло, вполуха, оборонялся, занятый укладкой в голове своего нового открытия.

(…момент высшего блаженства в жизни женщины, когда пара самцов готовы сцепиться рогами в схватке за неё, призовую самку.

Так-то вот. Ты жилы рвёшь, как грёбаный Пигмалион, чтобы статую превратить в живую плоть. Наяриваешь, как взопрелый папа Карло, до потери пульса и дыхания, а в итоге что?

О, долбоёб! Ты пашешь на чужого дядю, на стрекулиста, который явится потом на всё готовенькое! Это честно?! Где же она, эта ё… тьфу, ты… может э?… да, точно – э… элементарная справедливость, а?..)

Новый год Ира встречала в Общаге… До её прихода я накрыл романтический стол на двоих. Бутылка красного вина рядом с незажжённой, пока что, свечой и уже вскрытой баночкой шпротов в масле. Да, дороговато, но у кильки в томате нет такой праздничности. Времени оставалось ещё достаточно и меня вдруг посетила мысль устроить ей сюрприз, а вернее – Новогодний подарок…

С момента возникновения во мне интереса к такой тематике, большинство авторитетов упорно склоняли меня ко мнению, что чем дольше, тем лучше. В смысле, продолжительность акта есть показатель его качества. Людская раса изобрела немало способов повышения качества. Самый простой – хряпнуть стакан-другой, я имею в виду стандартный гранёный стакан в 250 мл. Но на этом пути требуется правильная закусь. Проспер Мэриме, например, рекомендует суп из петушиных гребней. При мне же даже сала не было.

Стеснённые обстоятельства подталкивали идти другим путём, изыскивать нестандартные методы и подходы. Мой личный опыт в

грубых фактах жизни подсказывал, что из двух ходок вторая всегда дольше. Это верняковый лайфхак. Всё сходилось на неизбежном выборе предварить акт актом.

Вполне кстати, по коридору бегала Пляма, туда-сюда, такая вся в хлопотах встретить Новый год. Угадала время. Подоплёку моего внезапного к ней интереса я обсуждать не стал, ни даже уточнять, что от неё всего лишь требуется техническое содействие. Не то, чтобы её задела такая откровенность. Эта профура навидалась больше, чем в самых распро-ХХХ снах увидишь, прежде чем перевелась в Нежинский Государственный Педагогический Институт из Киевского универа, где ей грозило отчисление за разнузданное блядство в студенческой среде, включая активное совращение неустойчивой части преподавателей. Возможно, были и какие-то ещё причины, она упоминала вскользь, что её муж под джинсы вообще ничего не одевает. Ну не знаю, для меня, неискушённого хлопца с Посёлка, подобные экстраваганцы ващще непостижимы…

Техническое содействие проводилось в нейтральной, есессна, комнате и отстранённо орогенитальным, разумеется, образом. Деловито предупредив не мять ей грудь по причине отсутствия там эрогенных зон, она расстегнула на мне джинсы, выпустила хуй мой на свободу и – погнала. Он встретил атаку несломимой эрекцией, которую браво удерживал на протяжении всей процедуры. К сожалению…

Время шло, она явно исчерпала запас своих шаблонов и приёмов для данного вида деятельности, а я никак не мог кончить. Ситуация начала скатываться в монотонность и даже созерцание её буйных кудрей цвета вороного крыла и очков, которые она так и не сняла, не не приближала нужный результат. А тут ещё начали всплывать ненужные аналогии и непрошенные воспоминания тёмной аллеи в парке Ставрополя… Так что я протрубил отбой и ретировался, хотя это достаточно сложный манёвр с дневальным в упрямой стойке «смирно!» у тебя в штанине.

А ведь какой был элегантный план! Какая беззаветная готовность к самопожертвованию. Вот что отличает истинного рыцаря, если внимательно вдуматься… Уговорить себя на минет Пляме, у которой уже стёрлись на… гмм… начисто… все эти ё… нет, опять э… эрогенные зоны. Пойти на всё, лишь бы сделать подарок возлюбленной! Уж если и это не пример преданной любви и нежной заботы, тогда я и не знаю что ещё может быть…

Тем не менее, я не стал рассказывать Ире через что мне пришлось пройти, чтоб ей было хорошо. Потому что у меня нет привычки афишировать свои положительные черты и благородные поступки… Позднее в ту Новогоднюю ночь, когда Ира и я снова сели за стол, завёрнутыми в простыни, как Римляне в их тоги, Пляма проходила мимо двери распахнутой в коридор. Там, с шумной радостью, те, кто встречал Новый год в Общаге, поздравляли друг друга.

Пляма воспитанно постучала в дверной косяк, была приглашена за стол, угощена вином и получила благосклонное дозволение расспрашивать Иру о её обстоятельствах жизни. При свете мерцающей свечи, Ира погнала ей дуру вроде она замужем, но муж её геолог и редко бывает дома. Пляма, которая совсем недавно перевелась из Киева в Нежин, верила всему, а мы смеялись до изнеможения.

Заносчиво наивные Римляне в широких простынных тогах, мы потешались над легковерной Плямой, не зная, что любая шутка это – правда, которой просто нужно время, чтобы сбыться…

Закончилась зимняя сессия и мы с Ирой поехали в Борзну на свадьбу её однокурсницы Веры с солидным женихом в чине майора. В отличие от свадьбы моей однокурсницы в той же Борзне два года назад, это событие отмечалось не на хате, а в кафе-столовой на главной площади райцентра, и гуляли два дня.

Ночь после первого, мы с Ирой провели в небольшой хате среди заметённых снегами огородов окраины. Хозяйке хаты, дальней родственнице Веры, нас представили как мужа и жену и та, как оприходовала свою норму свадебного пира, ушла ночевать к какой-

то ещё родственнице, потому что её хата состояла из одной комнаты с побелённой печью, столом, стулом и кроватью. Кровать стояла у широкого подоконника расчерченного чёрной тенью переплёта, в небе за которым висела полная луна и отблескивая в промытых стенках порожней трёхлитровой банки на том же исполосованном контрастной тенью подоконнике.

Мне нравилось тут всё – и земляной пол из крепкой прометённой глины, и кровать с досками вместо сетки, и набитый охапками сена матрас... Вряд ли хозяйка поверила, что мы муж и жена, потому что в ходе застолья я пару раз уловил её взгляд, поощрительно усмешливый, из-за стола где та сидела среди прочих пожилых баб в парадных чёрных телогрейках-«плюшках» и многослойных платках в клетку расхристанных по плечам...

Свою одежду мы сбросили на стул и взошли на супружеское ложе, каким оно было и сто, и двести лет тому в этих самых хатах затерянных в таких же вот сугробах. Луна неохотно уплыла из окошка в тёмное небо, откуда ей уже не получалось наблюдать игрища пары молодожёнов прессующих сено в попеременных концах кровати вросшей в земляной пол древней хаты...

В конце второго дня пиршества Ира меня приревновала к местной красотке, посланцем от которой брат Веры, он же Моцарт. Я толком не врубился, что именно сквозь свадебный галдёж он прокричал на ухо мне.

Покинув зал следом за ним, я оказался в заднем дворе, где красивая, в общем-то, красотка закатывала театрально-патетическую истерику на затоптанном снегу как бы вроде рвалась из рук пары подружек в таких же лёгких нарядных платьях. Группа молодых зрителей, что тоже вышли просвежиться, толпились тут же выкрикивая советы подружкам и увещевания актрисе. Без наименьшего участия в этой любительской постановке, я развернулся уходить и напоролся на непрощающий взгляд Иры. За столом мне пришлось долго убеждать её, что я не имею никакого отношения к выбрыкам поддатой красотули. Меня поддерживала

Валентина, женщина замечательного телосложения, по ту сторону Иры. За нею сидел мелковатый, на фоне её мощных форм, Армянин.

Его Армянская принадлежность выяснилась, когда в сгущающихся сумерках он повёз нас прокатиться… На улице выводящей к Московской трассе, пышнотелая Валентина сказала ему притормозить и вышла из Жигулей накричать на своего допоздна заигравшегося сына, пятиклассника Толика. Мальчик отвечал матери на чистейшем Украинском, и это резко выламывало, как и снег зимы вокруг своим резким контрастом с Негритянским лицом мальчика.

Впоследствии Ира мне объясняла, что Валентина родила Толика после того, как поработала в кафе-столовой в Киеве или, может, устроилась в столовую, после того, как родила, с ними всегда какая-нибудь путаница, я имею ввиду со столовыми, которые к тому же и кафе.

Текущий спутник жизни Валентины, Армянин, не вмешивался в процесс воспитания. Мы выехали на трассу и через пару километров остановились на заснеженной обочине. Водитель включил кассетный магнитофон в приборной доске и достал бутылку шампанского с укутанным фольгою горлом.

(…красота Армянской музыки доходит не с бухты-барахты, к ней нужно обвыкнуться. В ту пору для меня она оставалась за семью печатями, но я терпел – кто катает, того и музыка…)

Патрульная машина остановилась на дороге и два мента в шинелях и, несмотря на зиму, фуражках подступили к Жигулю. Армянин вышел провести переговоры, а заодно объяснить, что тут у нас всё путём. Тем временем Валентина начала возмущаться, что меня с Ирой определили на постой в такую развалюху и заявила о своём намерении донести это возмущение до родителей невесты, которым она тоже родственница. В результате, на вторую ночь нас приютила большая обустроенная хата в зажиточной части Борзны.

Луна на новом месте не подглядывала, лишь неяркий отсвет её пробивался к нам через стеклянную дверь смежной веранды. Сетка кровати оказалась слишком скрипучей и пришлось сбросить матрас на доски крашеного пола. В общем-то, ничего, хотя не настолько, как в предыдущую ночь…

В Нежин нас отвозил Армянин… По дороге, я зачем-то думал про Толика, мальчика Негритёнка. При виде его Борзнянские бабы отвешивают челюсти и крестят морщины своих лиц. Каково это – видеть, что ты не такой, как все?

(…дед Пушкина был чистопородным Эфиопом, но тот хотя бы в детстве успел встретить нормальных людей. Которые не станут у тебя за спиной креститься…)

Когда мы у Общаги покидали машину, Армянин попросил меня чуть задержаться. Ира отошла, а он стал расспрашивать не знаю ли я адрес красотки с театральными замашками, она тут учится в каком-то техникуме. Я не знал и знать не хотел…

Мы с Ирой поднялись в свободную комнату на третьем этаже и после получасовой качки на более привычной сетке, она сказала что почувствовала нечто такое, чего с ней раньше не случалось… Аллелуйа! Значит не зря я из кожи вон лез все эти полтора года. Или ей просто стало меня жалко?

~ ~ ~

Как уже говорилось, в феврале я отправился в горбольницу из-за своей неумолимой верности принципам. Спустя неделю Наташа нашла меня там. На всей улице Декабристов в Конотопе телефон был только в № 26, через четыре хаты от родительской. Их номер я не знал, а если бы и знал вряд ли б догадался позвонить. В конце концов, полторы недели не два года…

Я вышел из палаты и в конце коридора мы опустились на один марш лестницы в подвал. Наташа вынула свои сигареты с фильтром,

я забил косяк и мы смешали дымы.

– Ну а ещё ты как вообще? – спросила моя сестра, когда я уже рассказал ей про оборзелую Пилюлю.

– А ещё у меня есть Ира, – сказал я и начал поспешно убеждать сестру, что Ира вовсе не такая, как все, ну совсем нет.

– Ну-ну, – неопределённо ответила Наташа…

Когда меня выписали, я вдруг почувствовал, что борьба за правое дело меня неслабо подкосила. По дороге в Общагу пришлось даже отпустить уши моей кроличьей шапки и оставить болтаться. Никогда прежде даже в самый жестокий мороз я до такого не опускался, а только потирал свои уши о поднятый воротник овчинного полушубка и требовал у продавщицы привокзального киоска продать мне бутылку отмороженного пива и пил, без внимания к её жалостливым уговорам, мелкими глотками сквозь колечко пивного льда растущего на глазах – вот-вот замкнёт горлышко бутылки… А теперь до чего докатился? И сколько бы не умничал Минздрав, нет ничего опасней для здоровья, чем больница…

В разгар весны, ко мне подошёл Витя с МузПеда. Тот самый, с древне Римской стрижкой завитков его жёлтых волос, которому на первом курсе я одалживал свою гитару, а он потом дал мне ключ от ничейной комнаты на пятом этаже. А теперь подошёл с просьбой за своего сокурсника Володю.

Так чё сам-то не подошёл? Мы ж вместе играли в составе сборной МузПеда с АнглоФаком в институтском КВН и заняли почётное третье место из трёх имевшихся. Жюри подсуживали внаглую ФилФаку и ФизМату, суки.

Ну он вроде как бы стесняется. В общем, у него жена забеременела, он должен кровь сдать для аборта, а у него ещё лечение не кончилось. Три пера, сечёшь?.

Ага, усёк. Конечно сдам за него, какие проблемы. Они же выдали мне ключ для нашей любви с Надей… Стакан крови что? Весной такого добра не жалко. Надя и не такого стоит…

Мужской туалет на третьем этаже Общаги, помимо своего прямого назначения, ещё и заставлял студенчество очнуться от своей аморфной спячки. Масса, которая клеит листовки, уже не безропотная толпа. И тут не агитатор-одиночка, это уже мода такая пошла. Но самым рьяным органам со всеми их сексотами ловить тут было нефиг – заголовки центральных газет, даже вырезанные и посаженные на клей, к делу не пришьёшь.

В туалетах Общаги, как и в любых других туалетах общественного пользования, чистоплотные люди на сиденья унитазов не садились, а вставали на них, чтоб опуститься на корточки, как над очком, до того негигиенично те были затоптаны предшествующими пользователями. Большинство населения полагали, что для того и нужны сиденья, чтобы не скользить ногами как на голом фаянсе унитаза. И в такой, отчасти птичьей, позе облегчающийся неизбежно оказывался нос к носу с внутренней плоскостью запертой дверцы оклеенной упомянутыми заголовками, без всякой системы, без каких-либо подрывных комментариев. Просто такой себе коллаж ни о чём типа как. Однако оставшись один на один с запершимся в кабинке индивидом, эти заголовки постепенно наполнялись странным смыслом, навеивали извращённые подтексты, понуждали сидельца взглянуть на них под углом никак не предусмотренным редакцией печатного органа. Присед над унитазом проливал какой-то игривый свет на вполне банальные, ежедневные:

"Ответим на Заботу Партии
Цепь Крепка Своими Звеньями
Всё Те Же 45 Минут
Качество Прежде Всего
По Ускоренному Графику
Никакой Амнистии Бракоделам!
Во Имя Мира и Процветания"

Сила, так сказать, обстоятельств пробуждала отзыв на подспудное. И этот туалетный юмор доплёскивался из кабинок до кафельной облицовки стены напротив с её двумя писсуарами…

Как всегда, я проскочил мимо первого из них под заголовком:

"Воды Севера Потекут на Юг"

и тормознулся у второго, с двумя разъяснениями из двух разных газет:

"Биатлон – Спорт Смелых
Наша Цель – Коммунизм"

Я поссал и при финально осушающем встряхе хуя явилось незнакомое ощущение жжения. Опустив взгляд, я проследил как непонятная мутная капля лениво выползла из глазка мочеточника. Я обмер… что?!. Нет! Не может быть!

Но никакой немой мольбой не отменить факт, что тремя днями ранее, по глупому стечению обстоятельств, в тот миг, когда в комнатах Общаги вырубили свет, в моей никого не было, кроме случайной четверокурсницы, которую я разложил на ближайшей койке. Это произошло чисто механически, на рефлективном уровне. Она во мне никогда ничего не вызывала, ну говорю ж – дурацкое стечение. С ней я почувствовал не больше, чем партнёры Люси Манчини из *Крёстного Отца*, до того как её подправил хирург по этим вопросам, приятель д-ра Кеннеди. Натурально типа как в церковный колокол…

Зуд и жжение не прекращались, всю полигамию пришлось отставить в карантин на неозначенный период. Двойка посоветовал проконсультироваться у Доктора Гриши, который понимающе покивал и согласился, что в общежитии уже отмечены несколько случаев заражения гонореей.

Какая нах!.. чё, в натуре, гонорея?

Да. Симптомы очень сходны, но для окончательной ясности необходим лабораторный анализ семени.

Что за ё… э… то есть… Но я ж не знаю как. В жизни не дрочил.

Доктор Гриша вызвался помочь. Мы заперлись в одной из комнат – он, я и Света. Ну она на всякий, как бы вспомогательный контингент… Из своего большого мягкого портфеля Гриша выудил стеклянную пробирку с пробкой и отдал мне, для сбора материала на анализ. Я спустил джинсы и трусы до колен и опустился на стул для предстоящей процедуры. Гриша сел на койку напротив. Света рядом с ним, если что – на подхвате.

Он начал гонять мою крайнюю плоть по залупе, туда-сюда. Все трое с напряжённым вниманием уставились на торчащий хуй, по которому ускоренно мельтешила кисть Гришиной руки, вверх-вниз… Через пару минут врачебной помощи, Гриша начал часто сглатывать слюну и объявил изменившимся голосом, что пенис слишком сух и требует увлажнения.

Меня порадовало присутствие Светы, хоть какой-то сдерживающий фактор от его человеколюбия и стремления помочь. И я сказал, да ланна чё там, я уже врубился, совсем несложно, только пробирку с собой, наверно, заберу, да?

Я застегнул джинсы, а на прощанье Гриша дал мне очень хорошее средство, Рифадин в капсулах…

Памятуя обещание Марии вылечить меня в случае венерического заболевания, я ей позвонил и она назначила явиться в тот же вечер. Когда я объяснил, что у меня гонорея и нужно добыть семя для анализа, она раскрыла постель и начала раздеваться. Пришлось ещё раз объяснять, что у меня гонорея, но она сказала, что это ничего.

Тогда я тоже начал раздеваться, но предупредил, что соберу семя в пробирку. Она согласилась. Возможно, та противозачаточная пружина предохраняет не только от беременности, но и от триппера заодно. Поэтому я положил пробирку на тумбочку с приёмником, чтобы по рукой, и мы приступили…

Таис Афинская скормила Александру Македонскому какое-то зелье, чтобы они сексовались всю ночь. Не буду утверждать, что всю ту ночь у меня стоял непрестанно. Вслед за её очередным «Ещё! А! Хочу-у!», мы малость отлёживались перед тем, как снова приняться, потому что я не мог кончить до тех пор, пока серый рассвет за оконными шторами не утонул в широко разлившемся свете утра. (Может, задержку вызвало присутствие раскупоренной пробирки в выжидающей позе на тумбочке? Не знаю, я не специалист.)

И вот, наконец, я вокально поддерживаю её страстные «Ещё! Хочу! А!» своим атональным хроканьем и выдёргиваюсь.

– Нет! Нет! – вскричала она. – В меня!

Но было поздно. С таким упорством добытый миг последних содроганий залупа разделила с твёрдым краем узкого отверстия пробирки. С чувством исполненного долга, я излился и заткнул её. Марии явно не понравился такой финал, но уговор есть уговор...

Крайне довольный своим достижением, я поспешил к Доктору Грише и гордо показал извлечённую самоотверженным трудом влагу, в теснине из стеклянных стенок.

Он снял свой белый докторский халат, ухватил свой большой мягкий портфель и мы покинули его рабочий кабинет... В тот день портфель его можно было наблюдать в различных, достаточно удалённых друг от друга точках Нежина в сопровождении животрепещущих Гришиных ягодиц с одной стороны и моей походки встревоженно-удручённого лося с другой. Не отставала и затаившаяся в заднем кармане моих джинсов пробирка со всё ещё не проанализированным семенем. Мне кажется, Гриша искренне хотел помочь, просто выдался такой день, что венерический диспансер не работал, в какой-то лаборатории кто-то куда-то уехал, в другой что-то там кончилось и так далее.

Около двух часов пополудни, наша неразлучная четвёрка (Гриша, портфель, я и пробирка) зачем-то оказались даже на вокзале, где приняли решение, что хватит уже, симптомы и без анализа сходятся. Я выбросил пробирку в урну из обрезка серой азбесто-цементной

трубы рядом с бюстом Ленина, напротив телефона-автомата в будке под щедрыми потёками масляной краски, жёлтой и красной, на полпути между вокзалом и высокой платформой поездов пригородного сообщения в Киевском направлении.

Выбрасывать как-то и жалко было вроде ж не чужие и как бы через столько всего прошли уже вместе с момента нашей первой встречи, но и достаточно веской причины держать дальше не находилось…

Я поехал в Общагу, а потом вернулся на вокзал, неделя кончалась и мне нужно показаться в Конотопе, чтобы родители не переживали. До электрички на Конотоп оставалось минут десять и вдруг—меня просто как что-то толкнуло посетить бюст Ленина. Увиденное там меня буквально ошарашило. Из жерла серой урны *упруго и неудержимо пёр плотный пук зелёной поросли*… В изумлённый ум не сразу как-то уложилось, что за время моего отсутствия тут подравняли кустики, вокруг постамента с Лениным.

Подкатил пригородный поезд и, пересекая перрон к вагону, я бросил на урну прощальный и гордый взгляд – кустики или не кустики, но ё… то есть… э-это ж до чего ядрёная сила в том ё… эксклюзивном семени, эби-о-бля! Ну когда абстрагируемся от излишне малозначительных деталей…

Помимо придания моей моче жизнеутверждающе яркого цвета, Рифадин от Гриши не вызвал ни прямых, ни побочных эффектов. Благодаря капсулам, я ссал бравурно-бордовым и, превозмогая зуд и жжение, клял свою тупую невоздержанность с Люси Манчини.

Мария вероломно умыла руки от меня как бы обиделась, что я предпочёл какую-то стекляшку её природной вазе…

Меня исцелила Ира. Просто отвела к своей знакомой пожилой женщине в баракообразной детской больнице. Женщина в белом завела меня за ширму в коридоре, чтоб скрыть от взоров очереди. Я приспустил штаны, прогнулся, получил укол в ягодицу и… И всё! Ничего больше не потребовалось.

И наступило лето…

~ ~ ~

Как я провёл лето?. Как и подобает скромному, прилежному, трудолюбивому Хомо Сапиенсу… Прежде всего, я стал селекционером (так за бугром называют мичуринцев). Среди грядок вскопанной земли в конце огорода на Декабристов 13, зазеленели дружные всходы конопли благодаря посевному материалу от прошлогоднего грабежа по-соседски. Назвать растения «кустами» язык не поворачивается, они больше смахивали на молодые саженцы деревьев. И деревья эти росли единой дружной устремлённой вверх семьёй и превращались в густую рощицу, которой, разумеется, требуется прореживание и селекционная выбраковка. С улицы посадка не просматривалась, прикрытая фруктовыми деревьями, но взор внимательного соседа преград не знает. Соседка справа спросила мою мать о назначении выращиваемой культуры.

Мать моя ответила, что конопля производит множество семян (такие маленькие, кругленькие, маслянистого вида бусинки, сам знайиш), а на базаре любители канареек просто с руками рвут эту бижутерию на корм своим пернатым свиристельчикам…

Ах, как изобретательна материнская любовь! Я, например, не дотумкал бы выдать столь безупречную дуру. Самое большее, наплёл бы про компрессы, ножные ванны, варикоз и отложение солей. А это опасный промах, потому что канарейко-держателей на Посёлке неизмеримо меньше, чем ветеранов труда с подорванным здоровьем. Так ли уж трудно представить заслуженного ветерана с любящим внуком подросткового возраста, который готов пожертвовать часом-другим своего ночного отдыха, но добыть дедуле панацею с близлежащей плантации?. Ну хватит запугивать себя же понапрасну, отметим лишь, что непродуманная реклама вредна нормальной деловой активности.

И, кстати, вопрос задала жена соседа претерпевшего грабёж, который вдобавок к своей пенсии пристроился спать сторожем на

ПМС, по соседству.

(...и нет моей вины в том, что в сокращении Путевая Машинная Станция настолько совпадает с аббревиатурой Предменструального Синдрома...)

Я не особо совестился по поводу экспроприации его конопли, мародёрский рейд оставил предостаточно, чтоб он безбедно дотянул до следующего сезона.

(...это лишь теперь, ретроспективно, на ум приходит возможное наличие и у него своих клиентов с канарейками...)

К тому времени, мать уже несколько лет как перетрудоустроилась из КЭМЗа в РемБазу, на комплектовку, где велся учёт наличия вертолётных запчастей или того вроде. Физически, работа её не утомляла и, вернувшись домой после трудового дня, она частенько делилась новостями о межличностных отношениях в коллективе из одних только женщин, за исключением начальника и мастера.

На работе ей, главным образом, доставалась роль конфликтотушителя в среде сотоварок, а в периоды затишья она забавлялась игрой в комплименты. То есть, сказав кому-нибудь очередную приятность, она засчитывала себе зачётное очко.

(...необходима хорошая школа и неусыпный самоконтроль, чтоб сыпать комплиментами без повторов того, чем уже делалась приятность...)

И не раз начальник их участка крутил головой, приговаривая: —«От же ж жидовка! И тут исхитрилась!»

И моя мать радостно ему в ответ смеялась, а потом ещё и дома при пересказе зачётного комплимента.

Мой брат Саша работал в ПМС, ездил в бригаде ремонтников менять шпалы и трамбовать под ними гальку ручным вибратором

модели «штопка» на различных участках железнодорожных магистралей. Он единственный среди рабочих его бригады имел среднетехническое образование с железнодорожным уклоном.

Наша сестра Наташа, пока не найдётся работа, отводила мою дочь Леночку в садик и приводила обратно…

Меня же по ходатайству отца отдел кадров РемБазы временно принял в строительный цех, до конца лета. С тремя постоянными рабочими, я разбивал какие-то стены и возводил другие, не покидая территории РемБазы. Самой изнурительной частью трудового процесса были затяжные ожидания, пока привезут раствор. Заработок составлял фиг и нифига, но и работа – где посижу, где полежу. Во всяком случае, работодателя совершенно удовлетворяло моё качество исполнения работы.

От безделья, я снова оброс бородой и рабочие РемБазы окрестили меня «Фиделем Кастро». Моему отцу это нравилось, скорее всего оттого, что они с Фиделем одногодки. Когда в процессе ожидания раствора кончалось курево, я ходил к нему стрельнуть папиросу-другую. Он слесарил в цеху с культурным режимом, где привычка удовлетворялась в специально отведённых местах, как та беседка во дворе…

В цеху отца уважали за золотые руки и готовность показать как что делается… Когда видишь человека, который упорно сам себя мучает, чтобы испортить работу, можно втихаря посмеяться, да и пойти дальше, но мой отец не таков, он не терпит безграмотности. Постоит в сторонке, болезненно дёргая щекой, подойдёт, возьмёт инструмент из рук дилетанта – покажет.

– Ну, что ж тут такого заумного?

Поэтому его уважали и не обижались, когда он бурчит: —«Всё-то у вас си́кось-на́кось! Чему вас только учат?»

Большая часть рабочих РемБазы пришли туда из ближнего села Поповка и в «бурсах» не обучались. А сама Поповка настолько плотно интегрировалась с РемБазой, что в селе можно встретить изгороди из вертолётных лопастей, списанных конечно. Но лопасть

примотанная проволокой смотрится безобразно, другое дело на креплении, как дядя Коля подсказал…

В необлицованной полхате на Декабристов 13 проживала тётя Зина, одинокая пенсионерка. Свои полуседые волосы она заплетала в тугие девичьи косички и подвязывала их крендельками под затылком. На крыльце её под жестью свеса над входом бо́льшую часть года висела жёлто-высохшая косичка венка с вплетёнными в неё луковицами… В жизнь двора хаты тётя Зина не вмешивалась и улыбалась всем подряд. Каждую весну, по указке отца, мы с братом вскапывали её часть огорода. Когда-то тётя Зина очень дружила с Ольгой и затаила на меня обиду за наш развод, но продолжала улыбаться даже мне…

В нашей, облицованной кирпичом, полхате из трёх комнат с кухней и верандой, не считая летней комнаты под одной крышей с сараем, жизненного пространства хватало на всех. Среди обитателей перечисленного пространства одна только пятилетняя Леночка воздерживалась от курения. Остальные смолили Беломор-Канал за 22 коп., кроме Наташи с её Столичными с рыжим фильтром, по 40 коп. за пачку. Пока не нашлась работа, времени девать ей было некуда и она подсчитала, что общий расход семьи на табачные изделия составляет 25–30 руб. в месяц…

Лето кончилось и перед моим первым выездом на четвёртый курс Английского отделения, моя мать спросила, что это я никак не привезу мою Иру из Нежина, познакомиться. Про Иру она знала от Наташи и последующих расспросов меня. И она даже видела Иру на общем снимке свадьбы в Борзне. В фотоателье райцентра гостей и родственников молодых построили на лавках снижающейся высоты за спиной у счастливых жениха с невестой, которым достались два стула.

Мать моя попросила меня показать ей кто в этой толпе Ира, а я ответил: —«Сама найди». На фото я стоял в правом верхнем углу в окружении трёх девушек, а Ира в диагонально нижнем. Палец матери прикоснулся к лицу на снимке: —«Она?» Я чувствовал, что ей

почему-то ужасно не хочется, чтобы это оказалась она, но я не мог солгать матери: —«Как ты угадала?»

– Не знаю.

(…первым произведением на Украинском языке (в прозе) стала Конотопская Ведьма Квитки-Основьяненко 1833 года издания.

Кого хочешь спроси: —«Почему?», и тебе любой скажет: —«Не знаю»…)

Поэтому в сентябре, последовавшем за безмятежным летом 1977-го, состоялось знакомство твоей матери и Конотопской бабки…

Конечно, я привозил Иру в Конотоп и до этого, представил ей светскую жизнь высших кругов местного общества. Мы посетили Лунатик, где в честь её визита проводились показательные гладиаторские бои на паркете. Мне даже пришлось заслонить её, на всякий, около сцены. Потом Лялька повёл нас к своему кенту-казначею, в сокровищнице которого, изготовленного из натурального человечьего черепа, хранилась высококачественная дурь «инвалидка», названная так в честь достохвального производителя-поставщика.

Лялькин кент жил на четвёртом этаже вместе со своей кошкой, которую регулярно хватал и швырял обо что попадя. Не все воспитывают своих любимцев бессистемной лаской. Он поделился, что иногда ночами просыпается от нежного прикосновения её клыков к своему кадыку. Правда, кожу горла она не портила, а слегка так придерживала, в виде мягкого напоминания кто ночью правит бал на их жилплощади.

Когда мы уже выходили, Ира заметила пропажу своих перчаток. Кент клялся, что вообще их не видал. Сгорая от стыда, я начал строить предположения будто перчатки забыты в Лунатике, но Лялька не пустил ситуацию краями и настоял на продолжении поисков, пока те не нашлись, наконец, позади рамы с зеркалом,

стоявшей на полу в углу прихожей. Некоторые кошки вороватее сорок…

В подъезде, естественно, света не было и я шагал первым, нащупывая ногами ступеньки в темноте, и даже не держался за перила, как бравый оловянный солдатик или одноглазый поводырь шараги слепцов из фильма *Уленшпигель*, потому что рука Иры лежала у меня на плече, а Лялька держался за её. Так мы и спускались в кромешной тьме…

В тот раз мы ночевали у Чепы, который уже стал примаком и жил в довольно-таки крупной хате, в гараже стояли две «Явы» – одна его, вторая подрастающего брата жены

Иру и меня сопроводили в отдельную спальню и, выходя, Чепа с женой многозначительно повесили махровое полотенце на спинку кровати… Когда мы легли и из Спидолы зазвучало вступление моей любимой Since I'm loving you от Лед Зепа, я понял, что ничего лучше не смог бы предоставить никакой Лас Вегас…

В другой приезд, мы посетили даже Декабристов 13—в дневное, конечно, время, когда никого. После шампанского и косяка мы так расшалились, что тётя Зина на своей половине хаты запаниковала, выбежала во двор и начала тарабанить в дверь веранды. Вероятно, отголоски наших утех дошли через стену на её половину, навеяли ассоциации с кровавым душегубством в стиле послевоенно-бандитского периода истории города, поскольку невозможно вообразить, что невинная старушка имела какое-то понятие про хардкор и такое прочее…

Так что, Ира знакомилась с моими сестрой и братом на танцах в Лунатике и знала Леночку, в одностороннем порядке, из снимков на фотосессии вокруг голубятни Рабентуса, которые я потом наклеил на обои над моей койкой в Общаге…

Кроме Иры ехавшей в Конотоп для знакомства с моими родителями, я прихватил ещё Славика. Он и моя сестра смерили друг друга насторожёнными взглядами, но обнюхиваться

воздержались. И это правильно, потому что Славика я привёз в иных целях – чтоб он на стрёме постоял.

(...«самая страшная сила – сила привычки» или что-то в этом роде говорит Ленин в одном из 58-ми томов собрания сочинений и, цитируя белогвардейского полковника из кинофильма Чапаев: —«В этом Большевицкий вождь прав»...)

Взять, к примеру, меня. У меня солидная плантация конопли, которой хватит до следующего сезона, даже с учётом этих двух хвостопадов – Славика с Двойкой. С другой стороны, у меня имеется привычка грабить чужие плантации. Кто возьмёт верх – холодный расчёт или укоренившаяся привычка? Делайте ставки, господа!.

(...порою трудно спорить с правотою Ленинских тезисов...)

А что ещё, помимо привычки, вдрызг разбивает все расчёты? Что нас в даль ведёт? Толкает к новому, неизведанному?

Надежда – а вдруг повезёт?

Вера – но есть же, где-то должно быть!

И любовь, разумеется. Любовь к познанию и переменам...

Всё истекшее лето, проезжая трамваем № 3 вдоль Первомайской, я неизменно отслеживал стадии роста конопли во дворе хаты Батюка, и я надеялся, мечтал и верил, а вдруг окажется столь же непревзойдённый сорт, как в дури, которую мне уделил Рабентус для глубинного постижения незабвенной лекции Скнара?

В дни старины суровой, Батюк был легендой и моделью для подражания не только подрастающему поколению Посёлка, но и всего города. Все знали Батюка, которому пофиг менты госавтоинспекции, она же ГАИ, да и вся остальная ментура оптом. Заморятся они его догнать и штраф выписать за езду на мотоцикле без шлема в одних вздыбленных ветром патлах.

Что? Вождение в нетрезвом виде? Ты сперва догони и понюхай!. Облаву на него устроили на Зеленчаке, так он на своей «Яве»

скакнул меж Тополей и укатил по одной трамвайной рельсине. Слово «байкер» приковыляло в Конотоп намного позже – у нас был Батюк…

Но грянула вдруг весть, сотрясла хлопцев как Башню Вавилона – Батюк разбился!

– Брехня! Живой он, токо в хирургическом.

А скорость была какие-то 60 км в час плюс скорость встречного автобуса, которому Батюк втаранился в радиатор головой, на которой—ну этта ж нада! – в тот момент случайно шлем оказался.

– Ото ж, хлопцы! Шлём нужная вещь – потом мозги с дороги соскрёбывать не надо: всё дерьмо в шлёме, аккуратненько так, остаётся.

Батюк выжил, но морда так и осталась в клеточку, после реставрации. Мотоцикл и водительские права у него отобрали с концами. В знак протеста и возмущения, он облысел и устроился куда-то грузчиком. Короче, Батюк уже не легенда.

Однако купил себе мопед и сделал из него конфетку – ветровое стекло, зеркала заднего обзора, висюльки всякие со всех сторон болтаются, при всех делах да. Седловащще мехом покрыл, такое длинное белое руно. И (что характерно) на мопед без шлема не садится. Надёжный такой шлем, пластмассовый. Тоже, сука, белый, под цвет руна под жопой…

Теперь представим бытовую ситуацию – я прихожу бомбануть его коноплю, а он во двор выскочил: откуда мне знать сколько у него под тем белым шлемом осталось? Вот я и привёз Славика, раз жизненного пространства хватает…

Стемнело и мы с ним вышли.

"Раз пошли на дело – я и Рабинович…"

А как мы выходили, Ира вдруг разнервничалась и попросила запереть её в летней комнате.

– В чём проблема? Изнутри запрись.

– Нет – ты!

Ну снаружи запер я и ключ ей через форточку отдал, неизвестно ж когда вернёмся.

(...столько всего я до сих пор не понял...)

А когда вернулись, Ира провела дегустацию добытого... Нет! Она даже простые сигареты не курила, но умела определять качество дури просто по запаху, даст или нет. С точностью до 80 %... В общем-то, конопля от Батюка оказалась из остальных 20 %, я б у себя на плантации такую не держал...

Позднее в Нежине Славик ещё одну посадку конопли надыбал, рядом с мостом через Остёр возле базарной площади. Он привёл меня на место, показал пышных красотуль. Однако участок обнесён был высоким забором.

Да, я тоже не сторонник монотонности, но снова, как стемнело, вышли мы, потому что привычка самая неодолимая сила, если нет привычки перечить классикам марксизма... Вот форсировал я тот забор и, призрачной походкой краснокожего по тропе войны, приблизился к вымахавшим за лето деревцам. Хата в стороне стоит и не мешает, свет только в одном окошке. Ну пусть человек свою телепрограмму смотрит, никто ж не против.

Но стоило мне слегка шелестнуть стройным станом первой из красотулек, чую земля пришла в содрогание от сейсмических толчков топота, что раздался со стороны хаты и свет в окошке да и хата тоже – всё заслонилось чёрным силуэтом этой галопирующей Собаки Баскервилей.

Всё дальнейшее уместилось в одну седьмую секунды и, фактически, без моего участия. Инстинкт, заложенный в наш спинной мозг бесчисленными поколениями загрызенных и в клочья подранных далёких предков, сделал своё дело. Мне оставалось только наблюдать, как забор метнулся мне навстречу и моя правая нижняя конечность лягнула его верхушку.

Где-то невообразимо далеко внизу, узкая прожилка реки Остёр поблескивала во мгле Украинской ночи, а уже неразличимый забор содрогнулся и завибрировал от броска волкодава… Я покинул верхние слои стратосферы, но уже на полпути к луне, опомнился, что запаса воздуха в лёгких не хватит для возвращения на родную планету. Так я не стал «Апполоном 14» из программы НАСА по освоению нашей прекрасной соседки…

Славика спас лишь отчаянный рывок с места моего приземления. Потому что среди предков, которые общими усилиями формировали наш спинной мозг, немало кого и поплющило нахер.

~ ~ ~

Четвёртый курс в колхоз не посылали, мы отбывали месяц практики в сельских школах. В отличие от городской практики на третьем, которая кончалась распиской школьной учительницы Английского в том, что все мы, поголовно и без вариантов, станем невероятно бесподобными педагогами будущих поколений, теперь уже за каждой группой практикантов присматривал преподаватель Английского факультета, чтобы дать оценку нашей профессиональной пригодности по результатам стараний практикантов. Око за око, так сказать, ведь мы их тоже оценивали на протяжении четырёх лет…

Когда нас, студентов-первокурсников, разбили на четыре группы, Лидия Панова стала куратором моей. Это была старая дева с безответной любовью незамужней женщины к замдекану Английского отделения, Александру Близнюку, который, в свою очередь, испытывал безответную любовь к своей молодой красавице-жене. Используя личное служебное положение, Близнюк пристроил спутницу жизни преподавать Английский на Английском факультете, как только та получила диплом об окончании НГПИ, но неблагодарная его бросила и смоталась в Киев к другому.

У Лидии Пановой, с её гормональными усиками, толстыми стёклами очков и не менее толстой маской марафета на лице, и

близко не имелось шанса заарканить Близнюка, хотя девушки моей группы за неё болели. Она жила в пятиэтажке институтских преподавателей рядом со спортплощадкой в Графском парке и когда Близнюк имел неосторожность проходить под её балконом, затевала с ним настойчивый разговор на Английском, а на следующий день обучала нас с заметно большим пылом.

Куратором второй группы стала Нонна Панченко (не родственница известного боксёра пострадавшего от хулиганья в подземном переходе Киева), которая также носила очки, а косметическую штукатурку – нет, но несмотря на это выглядела значительно моложе Пановой. Однажды в ходе добровольного субботника Вирич подослал меня к ней с полным стаканом вина (белого) как бы не хотите ли утолить трудовую жажду лимонадом? Она мне мило улыбнулась и отказалась. Нонна всем мило улыбалась, но никого не арканила.

Куратор третьей группы носила очки (опять!) была блондинкой и полной дурой (да монотонность). Английским она владела в пределах упражнений из учебника Гальперина для студентов первого курса и неосознанно изнемогала от любви к Саше Брюнчугину, единственному мальчику в группе под её кураторством. К выводу о необузданности её подсознания меня подвела её привычка на каждом факультетском собрании склонять имя Саши, как тот сдвинутый Древнеримский сенатор с его обязательным призывом разрушить Карфаген, даже если обсуждается вопрос дополнительного сортира на Форуме.

Местный юноша из зажиточной семьи, вежливый, всегда с улыбкой на лице, два раза в месяц посещает занятия. Чего тебе ещё надо? А вот прикопалась к нему на все четыре года обучения. Она буквально зае… то есть… заелозила всем слух своими стенаниями вопиющей в пустыне.

Когда мы, уже студенты четвёртого курса, сидели в большой 4-й аудитории, она опять завела свою шарманку: —«Полюбуйтесь! Брюнчугин даже на общее собрание не явился!»

И тут уже даже ветер снаружи не выдержал и с размаху—шарах! – захлопнул высокие окна открытые по случаю весны и хорошей погоды. Чуть стёкла не посыпались.

Она за кафедру пригнулась и забыла, что там у неё дальше идёт про Карфаген…

И, наконец, куратор без очков, куратор не женского рода, куратор четвёртой группы, Рома Гуревич. Тоже еврей, как и все Гуревичи, которых я встречал или тот же Близнюк, только постарше и полысее. И такой он всегда занятый, весь в дебатах и разговорах, не с кем-то так с тем-то, весь увлечённо жестикулирует и булькает от энтузиазма…

Один раз я зачёт пересдавал по его предмету. В Старом, разумеется, Здании. Убедившись, что Рома покинул Новый Корпус и двинулся в правильном направлении, я прошёл к Старому Зданию и стал дожидаться его подхода. Через десть минут я забеспокоился и прочесал 120 метров асфальта между между Старым и Новым. Он ещё только поравнялся с углом Нового Корпуса, останавливая и оживлённо дебатируя с каждым встречным-поперечным преподавателем. Я вернулся на исходную позицию у Старого Здания, но теперь уже сел на скамью под Берёзами. Через двадцать минут он завиднелся у большого унылого бюста Гоголя. Ай, да Рома! Половина дистанции пройдена! А куда денешься, если у тебя несданный зачёт?

62 минуты потребовалось этому энтузиасту на преодоление тех грёбаных 120 метров, но думаю, это не предел его возможностей. За что и обозначил его прозвищем «кипучий бездельник», хотя его официальным погонялом было «Рома-Фонетист», потому что среди преподавателей АнглоФака его отличало самое чистое произношением звука «th». Это он начитывал все те тексы про семью Паркеров на магнитофонную плёнку, чтобы студенты их попугаили в кабинках Лингафонной лаборатории. Не зря же его звали «Фонетист»…

Кроме Фонетики имелся ещё целый кибуц других предметов, нужных и важных. Взять, например, ту Сравнительную Лексикосемантосурдографосемасиологию—язык вывихнешь, пока экзамен сдашь. Эту Сравнительную Лекси—ну вощщем! – логию нам преподносила потомственная преподавательница. На ней эта династия обрывалась, потому что она вышла на пенсию девственницей и целомудренно застёгивала свой длинный преповский плащ громадной булавкой под самую складку сухой кожи под её подбородком.

Заменить пенсионерку никто не мог – именно она написала учебник по этой нужной важности. Тощая такая брошюрка со смазанным типографским шрифтом, автор… как там… память ни к чёрту… фамилия такая, с шипящими… или свистящие? В общем, фамилия намного короче названия предмета… А таки вспомнил!. Шахрай! (и я не при чём, что некоторые Украинские фамилии звучат как готовое погоняло).

Если во время лекции она начинала позволять себе чего-то лишнего, пойдёт по проходам между длинных столов-парт— типа там а как тут мои сравнительно-шрифто-смазанные перлы конспектируются? – то поставить её на место, это что два пальца об асфальт. Расстёгиваешь рубашку на груди, на две-три пуговицы и так задумчиво пощипываешь волосы на солнечном сплетении – всё! Шипящая свистопляска прекращена – до звонка сидит как паинька за своим столом и пялится в план лекции, которую наизусть знает. Обожаю девственниц.

Жомнир однажды говорил, что даже после минутного разговора с ней его тянет душ принять. Ну о вкусах не спорят. Не помню, ходил ли я в душ после экзамена по Сравнительной Лекс-этой-самой, на котором тоже пришлось грудь чесать…

Но это всё предметы по специальности, не говоря об общих, но обязательных лекциях преподавателей с других отделений. И каждый мнит себя Доном Корлеоне, а ну покажь как ты его уважаешь как бы оне сделали мне предложение, от которого не

смогу отказаться и, как только дойду до Общаги, весь без остатка погружусь в изучение ихого предмета… Ага, как только – так сразу…

Единственный преподаватель, который пробудил во мне симпатию, это Самородницкий по какой-то из философий, потому что на экзамене он закурил сигарету. Воткрытую так, вальяжно и при всё при том вполне культурно – пепельницу достал с крышечкой и туда стряхивал… Я на тот экзамен явился прямиком из Общаги, с другого этажа, погнал какую-то околёсицу, абсолютно от фонаря, возможно даже из другой философии, но он вдруг заинтересовался, сел повнимательней, отложил сигарету. Короче, четвёрку мне поставил. Говорил, что мне надо сменить факультет и что он мною займётся. Но не успел, в Израиль уехал…

В итоге всего этого, практику я проходил в школе при сахарном заводе на станции Носовка (двадцать минут электричкой от Нежина в Киевском направлении), а руководителем практикантов приставлен был Жомнир. Каждое утро мы отъезжали от высокой платформы Нежинского вокзала – 10 студентов из разных групп и Жомнир в его преповском плаще, лилово-синем берете, в руках портфель с ввалившимися боками.

(…каждый одевается под свою роль. Беретка, плащ, портфель: читай – «преподаватель». Можно представить сантехника в таком прикиде? Сам знайиш…)

Перед практикой, мать пошила мне куртку. Покроем как энцефалитка у геологов, но из плотного тёмно-зелёного брезента. Цвет мне особенно понравился, Робин-Гудовский такой… Самым ярким впечатлением из той практики стал футбольный матч между сборной Носовки и командой локомотивного депо станции Фастов. Игра проходила в рамках чемпионата на Кубок Профсоюза Юго-Западной Железной дороги. Я вышел из школьного здания на перемену и – заторчал.

Был тёплый сентябрьский денёк. На зелёной траве поля двадцать мужиков гонялись за одним мячом, а отдельный мужик бегал следом и издавал пронзительные трели. Толпа болельщиков насчитывала, прежде всего, угрюмого мужика в рабочей спецовке и меня. Счёт начат с мужика, потому что он тут раньше стоял, у края поля, и следил внимательнее (мне пришлось ненадолго отлучиться под деревья за воротами хозяев поля, чтобы забить косяк). По возвращении, я удерживал почтительную дистанцию между первым болельщиком и собой, чтоб не будить несбыточных надежд, ни причудливых воспоминаний. Я просто стоял, наслаждался теплом ласкового солнца и матчем чемпионата.

Резкий укол в шею обломал кайф. Я дёрнулся, шлёпнул осу, оглянулся и увидел Игоря Рекуна, который подкрадывался с коварной усмешкой. Я не стал прятать ни косяка, ни аромата: —«Игорёк, если спросить чего хочешь, говори прямо и спереди».

Он стёр улыбку со своего лица, сказал, что нет, он так просто, и поспешил в школу, где заливался продолжительный звонок на занятия.

Юный велосипедист выехал на поле с грузом допинга в сетке на руле. Хозяева поля сбегались, как куры к кормушке, глотали, передавали бутылки следующему и рвались в атаку. Правый полузащитник гостей отдал пас центральному нападающему, тот прошёл до угла штрафной и лёгким, но точным ударом послал мяч в нижний левый угол ворот.

– Гол! – заорал центровой в унисон с остальными игроками своей команды.

– Нету! – взревели местные жлобы.

Отбегая назад, центральный нападающий наткнулся на стенку из троих игроков местной команды: —«Нету гола!»– прорычали они.

– Как будто я спорю, – ответит тот, оббегая фалангу с довольной улыбочкой, которую нахально не мог утаить.

Что-то доказывать не имело смысла, потому что сетка в воротах отсутствовала, а судья в момент голевой ситуации смотрел в небо

вместе с донышком бутылки полученной от местного футболиста.

Я подошёл к первой половине зрителей и спросил напрямик: —«Чё, был гол или как?»

Мужик в спецовке угрюмо кивнул. Меня порадовало, что правда, хоть и немая, всё ещё есть в этом мире, по крайней мере в рядах рабочего класса.

Судья назначил свободный от ворот местных… Матч чемпионата на Кубок Профсоюза Юго-Западной Железной дороги закончился вничью 0:0…

Жомнир предупредил, что как Руководитель Практики, он не может поставить мне что-либо выше «тройки» за хроническое отсутствие написанных мною планов урока. А я не мог себя заставить хотя бы списать эти ё… ну да… эфемерные план-конспекты у Игоря Рекуна, потому что физически не способен рассаживать куколок по крышке пианино.

Я попросил Жомнира не переживать и ставить что сможет. Мне всё это действительно было пое… то есть… я находил это лишённым смысла… Когда на третьем этаже Старого Здания повесили результаты практики студентов четвёртого курса, рядом с Расписанием, я оказался единственным у кого тройка. Жомнир всполошился и начал доказывать деканше, что это неправильно и он не подразумевал во мне такую уникальность. Она неприступно посоветовала ему думать до заседания кафедры.

Текущая деканша всегда старалась косить под Алису Фрейндлих из *Служебного Романа*, но Мягков ей не подвернулся и она осталась непоправимой бюрократкой. Хотя и в её персональном шкафу прятался скелет развода на почве половой несовместимости, потому что девушки АнглоФака не выдают непроверенную информацию.

Ладно, хватит о посторонних…

И наконец!. Явление главное!. Все те же и… ТЫ!.

~ ~ ~

Место зачатия тебя раздобыла Ира, потому что местом послужила комната на четвёртом этаже Общаги, а среди ФизМатовок я знал только блондинку и шатенку из ССО, но те жили в городе и на четвёртом этаже я получал доступ только в те комнаты, где играли в преферанс.

Незадолго до события, я ещё раз влюбился в Иру, но сначала положил конец полигамии. А как же иначе? Ведь только Ире я обязан спасительным уколом против гонореи.

Так что на четвёртый курс я приехал осознавшим и перекованным, о чём сухо оповестил Свету при её поползновениях к прежней фамильярности. Мы остались лишь шапочным знакомством и праздным воспоминанием друг для друга... И я также вернул Марии книжку Бабеля, хотя зачем-то выбрал для этого поздний час. Она открыла дверь на лестничную площадку в незастёгнутом халате поверх ночной сорочки. Если предположить возможность временных сдвигов, то в тот момент в её кровати вполне мог лежать я и думать, когда она уже спровадит этого придурка за дверью... Я не стал развивать эту теорию, сдал книгу, поблагодарил и ушёл...

И той поры моя любовь принадлежала только Ире. Безраздельно. Тем более, что я опять в неё влюбился. Это произошло из-за случайной встречи на третьем этаже Старого Здания в крыле ФилФака, когда я уговорил Иру прогулять урок и, когда звонок, наконец, заткнулся, мы украдкой поспешили широким пустым коридором к боковой лестничной клетке. Там мы не пошли вниз, но свернули на ступени ведущие вверх, хотя в здании нет четвёртого этажа и подъём преграждает перегородка с запертой дверью на чердак. Мы остановились посреди этого лестничного марша и целовались там.

(...её классическая грудь под вязаным свитером оттенка речных водорослей – под стать её русалочьей причёске; шёлковая юбка на крепких бёдрах—абстрактно тонкие штрихи белых гроздьев по чёрному полю—от портнихи Марии

Антоновны, матери Ляльки; высокие Австрийские сапоги на танкетке, её глаза, улыбка; стройный белый лотарингский крест переплёта в высоком окне у неё за спиной, которое смотрит в лазурную синь неба, яркую, как на полотнах эпохи Возрождения; всплеск крыльев белых голубей за крестом – всё сложилось в картину, которую я буду видеть и вспоминать всю жизнь…)

Но мне мало одних только воспоминаний, я хотел оставить её себе или самому остаться с ней, среди этой отчаянно невыразимой красоты. Поцелуи не помогли остановить мгновенье. И мне уже не оставалось выбора, кроме как влюбиться вновь. Хоть в чём-то я, без вариантов, постоянен…

Тем же вечером на лестнице в общаге Ира дала мне ключ от комнаты ФизМатовок, чтоб я открыл и зашёл, а она придёт минуту погодя, в целях конспирации. Мы не включили свет. Это была койка у окна с видом на невидимый за темнотою берег Остра.

С Ирой предохранение лежало на мне, то есть это я следил за тем, чтоб вовремя убраться во избежание абортов под наркозом или без. Но в тот вечер… ещё чуть-чуть!. я ведь контролирую!. е-щё!. секундочк… у-у-у!. опаньки… поздно… поезд ушёл…

Ты была в том же поезде, в толкучке множества таких же попутчиков, просто оказалась малость пошустрее…

Ну а затем плавный переход к отработанной уже однажды технологии: как благородный человек, я обязан жениться. Тем более, что я не вынес бы ещё один отчёт Иры об аборте под общим наркозом…

Когда Ира была ещё школьницей, она нашла колечко на мосту через Остёр. Обычное жёлтое колечко, какими торгуют киоски среди прочей бижутерии. Ира принесла его домой и её мама, Гаина Михайловна, огорчилась и опечалилась, но ничего не сказала дочери…

Был ли брак Иры с разведённым мной мезальянсом? Несомненно и неоспоримо. Самое беглое сравнение родительских пар предстоящих молодожёнов докажет это с полной очевидностью:

Комплектовщица РемБазы

– vs.–

Преподавательница Немецкого языка Нежинского Государственного ордена Трудового Красного Знамени Педагогического Института имени Николая Васильевича Гоголя

…

Слесарь РемБазы

– vs.–

Заместитель Директора Нежинского ХлебоКомбината

Однако, фактор присутствия тебя, пусть даже ещё нерождённой, смягчал кастовые предрассудки, которые, кстати, давно упразднены Советским строем.

И всё же, даже в эпоху развитого социализма в нашей стране, всё восставало и противилось нашему браку. И на протяжении всей предсвадебной поездки в Киев, мой зад был посажен на кол, в виде предупреждения наглому парии.

Киев понадобился, чтобы в салонах для новобрачных отоварить талоны из ЗАГСа. Мне, заклеймённому паспортным штампом развода, никаких скидок на обручальное кольцо не полагалось, однако моя сестра Наташа пообещала одолжить мне узкое золотое колечко, которое носила почему-то на большом пальце руки. Касаемо кола, то снаружи он не торчал, но причинял жутко острую боль в прямом проходе и превращал мою походку в замедленное шарканье полупарализованного старца или же молодого запорожца, снятого с упомянутого орудия казни по чуть запоздавшей амнистии: —«Добейте меня, паны-братья!.»

Бедная Ира! О таком ли спутнике в салон для новобрачных мечтает любая девушка в своих заветных грёзах? Нет! И ещё раз отнюдь!

Ну а мне адские му́ки перенесённые в ту поездку служат наглядно ощутимым напоминанием поучения Гераклита: не суйся в ту же реку, не то быть твоей заднице драной!

Увы! Мудрость предыдущих поколений не делает нас мудрее, покуда мы не (цитируя известное письмо Запорожских казаков Султану Турции) «...сядем на ежа своею личной голой жопой».

Тем не менее, в Киеве невеста невеста была укомплектована, а мне куплены коричневые туфли голландской фирмы «Topman». Обувка оказалась малость велика, но реалии эпохи дефицита приучили хватать любую подвернувшуюся под руку синицу, а месяц спустя я подарил туфли тестю. Пришлись как раз впору. Вот ради кого волочил я тот кол!

Вскоре мне полегчало и мы приступили к поискам костюма жениху. Прочесали универмаги крупных железнодорожных станций между Нежином и Киевом: Носовка, Кобыжчи, Бобровица – безрезультатно. Костюм отыскался только в Чернигове—вдали от электрофицированных магистралей—и на мне сидел вполне прилично. За неделю до свадьбы, я покинул Общагу и вместе с моим «дипломатом» перешёл в трёхкомнатную квартиру родителей Иры...

Старший из четырёх их детей, Игорь, служил майором непонятных войск в городе Киев. Виктория, следующая за ним, жила в Чернигове и работала в городском музее.

Затем шла Тоня, которая по распределению после окончания НГПИ обучала Русскому языку и литературе детишек в Закарпатской деревушке, покуда местный хлопец Иван не добился (в простом и безыскусном стиле Бандеровца) от неё ответного чувства взаимности ... Не в силах преодолеть языковой барьер, он тёмным вечером постучал в дверь молодой учительницы, а когда та открыла, в грудь её упёрся ствол охотничьего ружья. (Безмолвный, но красноречивый код неподдельного чувства – будь моей или ничьей не будешь). Братья Ивана успели вовремя его обезоружить, однако глубина чувств молодого влюблённого тронула Тоню, что и дало ей шанс выжить среди красот Закарпатской природы. Она вышла за

него замуж, родила пару милых деток, вернулась в Нежин и, вместе со всей своей молодой семьёй, жила в одной из двух узких спален трёхкомнатной квартиры своих родителей.

Для ночного отдыха родители использовали раскладной диван-кровать под стеной в гостиной комнате, которая давала также возможность прохода в каждую из спален. Напротив этой глухой стены находилось широкое окно позади тюлевой занавеси отгородившей подоконник с парой горшков захирелых алоэ от придвинутого к нему стола с громоздким ящиком телевизора по центру. За ней же (занавесью) скрывались спинки стульев, изобретательно втиснутых между столом и подоконником, чтобы не занимали места зря пока не понадобятся. Стулья, под роскошно-тёмным лаком и с плюшевыми сиденьями, составляли общий гарнитур со столом, который, если снять с него электрический утюг, беспорядочный навал центральных газет, телевизор и клеёнку в красную клетку по белому, начинал поблескивать лакировкой и мог раскладываться для застолья на двенадцать персон.

В свободное от застолий время, гарнитурные стулья, которые не поместились под сложенный обратно стол, стояли в углах гостиной обвешенные домашней одеждой и заваленные всё теми же газетами и прочей всячиной, что кладётся на пару минут и забывается там на пару месяцев.

Ещё в гостиной обитал одёжный шкаф с широким зеркалом в двери и лакированный сервант со стопками посуды на двух полках за спиной передвижных заслонок против пыли из прозрачного оргстекла, увенчанный «Неизвестною» Крамского, что приопёрлась рамкой на обои и оттого ещё снисходительней взирала из-под своего страусиного пера на весь этот бедлам, а также на переполох в «Сватовстве майора», повешенный на гвоздь в противоположной стене.

Балкона в квартире не было, благодаря её расположению на первом этаже, но имелась ниша-кладовка с дверцей из ДСП, в проходе из гостиной в спальню заселённую семьёй Тони.

Нас с Ирой разместили во второй, более узкой спальне с большим фанерным шифоньером времён XX-го Съезда КПСС в дальнем углу и обветшалым трюмо на высоком столике под тюлевой попоной, в промежутке между дверью и подоконником. Вдоль стены под висячим ковром, с почти таким же узором, как в ковре моих родителей, стояла двуспальная кровать уступленная предстоящим молодожёнам... Оставалось только пожениться.

~ ~ ~

Поздно вечером накануне бракосочетания Гаина Михайловна предложила свои услуги для глажки брюк моего свадебного костюма, поскольку гладила она, по её мнению, виртуозно. В годы Немецкой оккупации её, молодую девушку Гаину из глухого Украинского села, угнали в Германию, где она больше двух лет работала в зажиточной Германской семье в качестве «гастарбайтера» и овладела этим искусством... Странно тасуется колода передачи знания, но именно от неё я узнал что

Брюки Гладятся со Всех Четырёх Сторон.

Это правило я чётко усвоил и неуклонно исполнял всю свою последующую жизнь, но в тот конкретно момент во мне взыграл непокорённый дух юного пионера-партизана и я отклонил предложение моей завтрашней тёщи на том основании, что мне не впервой гладить штаны через кусок смоченной марли... Закончив глажку, я повесил брюки на спинку стула, подпихнутого под стол со стороны комнаты, и пошёл спать.

Утром меня разбудил плач Иры. Я вышел в гостиную, где к неутихающим рыданиям добавилось угрюмо-траурное молчание Гаины Михайловны. Взгляд её прикипел к отпечатку горячего утюга на штанине брюк аккуратно висящих через спинку стула. Бедная Ира!

Припалина, при своей общей расплывчатости и отсутствии чётких очертаний, заметно меняла дымчатый оттенок тёмно-серой синтетики брюк во что-то зеленоватое. Я мог поклясться, что ничего

подобного прошлым вечером там не было, но ожог сидел на одной из двух проглаженных мною сторон. Аххy... Ах, скольких усилий мне стоило уговорить Иру не отменять посещение ЗАГСа—через слишком многое пришлось нам пройти, чтобы в последний момент дать задний. Я поклялся всем, чем можно, прятать повреждённую часть прикида в складки её длинного подвенечного платья.

И почему только невесты перед свадьбой всегда плачут? Бедная Ира!

Потом пришлось очень долго ждать в ЗАГСе, потому что свидетель со стороны жениха, этот сука Славик, явился только после того, как мой брат Саша поставил свою подпись вместо него. Хорошо хоть в ЗАГСе у свидетелей паспорт не проверяют.

Да, мои брат с сестрой приезжали на свадьбу из Конотопа и отбыли обратно электричкой в 17:15.

И вот он, волнующий, самый головокружительный миг обряда бракосочетания! Счастливая пара обмениваются кольцами в знак супружеской любви и верности. Мягко скользнуло кольцо на утончённо изящный палец Иры—жёлтое с бледным—золото поверх алебастрово белой кожи... А теперь, уже не как невеста, а законная жена, поднимает она с белого блюдца второе, окольцевать мой палец. Кольцо одева... Одевается коль... Мой палец просовы...

Почему кольцо от Наташи застряло, сука, на суставе, не имею понятия, потому что в предварительных пробах вроде же как бы налазило, хотя и туго. Вполголоса, я обещаю моей молодой жене, что, ланна, я его потом досуну, и стискиваю руку в кулак для сокрытия недонатянутого кольца.

"Обручальное кольцо-о!.
Не простое украшенье..."

Бедная Ира!.

Но что ещё ей оставалось делать? Зарождающийся материнский инстинкт не позволял оставить тебя незаконноро́жденной.... Воспоминания о моих свиданках с КГБистом в этом же ЗАГСе и необходимость присматривать, чтобы зелёное пятно на моей ноге не слишком-то вылазило из белых подвенечных складок, вынуждали меня пристыженно держать глаза книзу, однако мой брат Саша на свадебных снимках вышел очень хорошо, как Сицилианский мафиозо молодой и курчавый...

По установившейся Нежинской традиции, новобрачные вместе со своими свидетелями (Славик уже подменил Сашу) прокатились на

такси. Такси поехало на вокзал, бибикнуть на его площади (автомобильный мост над железнодорожными путями успели уже ввести в строй), а оттуда до городской черты на шоссе в сторону Прилук, где открыли бутылку шампанского, не допили и вернулись на улицу Красных партизан, 26, кв. 11.

Свадьбу гуляли скромно, по-семейному: население квартиры плюс двое свидетелей. Телевизор был на время сослан в угол, раздвижной стол накрыт яствами и угощеньями (в основном салат Оливье, которого Гаина Михайловна нашинковала полный бельевой таз, эмалированный).

Напитки тоже были сказочные. Как в заключительной концовке каждой второй народной Русской сказки «и я на той свадьбе был, мёд-пиво пил…» Только без «мёда», одно голое пиво…. Гаина Михайловна, как всякая правильно эрудированная женщина, давно уже свила верёвки из мужа и обмотала вокруг своего мизинца, пользуясь паническим страхом мужского рода перед возможностью стать рогатиком.

(…ходи по струнке и довольствуйся парой стаканчиков пива на праздник, авось и пронесёт…)

Так что пиво на столе присутствовало, но ничего более градусного… Тоня и Иван по очереди держали свою малютку-дочь в спальне, а их трёхлетний сын Игорь стола не покидал. Потом младенчика тоже принесли в гостиную, чтобы молодые со свидетелями сменили её в освобождённой спальне, которая хоть и узкая, но позволила им вчетвером поплясать под кассетный магнитофон одолжённый в Общаге…

Когда мы с Ирой удалились в свою спальню для первой брачной ночи, я включил транзистор на столике под трюмо. В ногах постели от побелки стены вытарчивал ночник-бра, переливчатые блики его красной лампочки создавали переменчиво трепещущий полумрак, словно факел в стене средневекового замка… Одеяло показалось

слишком жарим и навязчивым, пришлось сдвинуть его на дальний край, чтоб не теснило наших, уже узаконенных, супружеских объятий. Мы исполняли их самозабвенно, с огоньком, когда дверь спальни распахнулась и мой тесть вошёл и резко выщелкнул радио на столе.

В изумлении, я не стал прятать свою наготу, просто притормозил. Ира тоже застыла сидя… В немом помаргивании факелка из ниши между ковром и шифоньером, Иван Алексеевич не поднимая глаз покинул спальню. Владетельный князь трёхкомнатного замка. Откуда я знал, что ему слишком громко? Мог бы покричать с диван-кровати. Ладно, милая, на чём мы остановились?.

Три следующие дня на завтрак, обед и ужин был салат Оливье, но полтаза скисло всё равно. А кто бы сомневался? Попробуй умять такую порву без выпивки.

Так, в общих чертах, заключаются неравные браки…

~ ~ ~

В целом, мой тесть мне нравился и я прощал ему отсутствие минимального набора нормальных инструментов в кладовке-нише и его неверие в мою способность отремонтировать электрический утюг, наследие сталинской эпохи. Более того, когда трёхлетний исследователь доставшегося нам мира, Игорёк, вытащил из заднего кармана оставленных в спальне джинсов пригоршню семян конопли и уличающе разложил свою находку по сиденью табурета в кухне, тесть не стал усугублять разоблачение излишними вопросами, хотя в силу своей должности на Нежинском ХлебоКомбинате наверняка разбирался в видах зерновых культур…

Сын Брянского мужика, 18-летний новобранец Иван, угодил в «Харьковскую Мясорубку», когда Германский Вермахт, очнувшись после поражения под Москвой, доказал, что дело своё знает и разнёс несколько Советский армий… Оглушённый мощью, потрясённый зрелищем артиллерийского расстрела, Иван, в

бесконечных толпах десятков тысяч других уцелевших, отправлен был в лагерь для военнопленных на территории Германии.

Между воюющими тогда сторонами имелась негласная договорённость – возмещать друг другу расходы на содержание пленных через банки нейтральных стран. И только страна Советов была выше этих закулисных игр, поскольку всякий попавший в плен красноармеец автоматически становился предателем Советской Родины. Отсюда разница в хавке для военнопленных различных национальностей.

Чтобы хоть как-то кормить пленных красноармейцев, с оккупированных Советских территорий в лагеря иногда приходили эшелоны с награбленными сельхозпродуктами. Среди прочих продуктов прибывших в лагерь Ивана оказалось несколько мешков чёрных семечек. Немцы никак не могли угадать назначение данного зернопродукта, не описанного ни в одной кулинарной книге. Когда пленные показали как пользоваться семечками, рациональные Немцы никак не могли вобрать в голову, что важен не конечный результат (разжёвывание мизерного зёрнышка) но сам процесс – грызи и выделяй слюну в предвкушении.

Так эти мешки и валялись нерационально загромождая складское помещение, пока один из охранников не догадался как их употребить. Он организовал спортивный тотализатор: забег на сто метров, где победителю достаётся пакет семечек. Под крик и свист болельщиков из охраны (бесчеловечно делавших ставки на людей), молодой и рослый, хотя и отощавший как все прочие узники, Иван прибежал первым и получил свой приз. Во втором забеге, он тоже был недосягаем, однако судья-охранник сказал, что хватит с него, и отдал пакет пришедшему вторым. Мой тесть обиделся и перестал принимать участие в последующих соревнованиях, но со мной поделился, что в жизни не ел ничего вкуснее тех призовых семечек…

Пленные бегали не только на 100 метров, но и из лагеря тоже. Их неизменно ловили, привозили обратно и казнили перед строем остальных узников, что не предотвращало новых попыток побега.

Что вполне естественно, потому что порой приходит момент почувствовать, что тебе уже похуй и пошло оно всё к ебеням. Когда такой момент подкатил Ивану, он, с учётом опыта предыдущих товарищей, вместо того чтобы идти к востоку, свернул на запад и это отклонение привело его во Францию.

Около года семья Французского фермера прятала его в сарае от Германских патрулей, а когда всё спокойно, он помогал по хозяйству. Однажды трёхлетний сын фермера, который не говорил ещё ни на одном языке, жестами предупредил его о неожиданно нагрянувшем патруле Немецкой полевой жандармерии…

Потом Американцы открыли Второй Фронт и освободили Ивана. Это их не остановило и они продвигались всё дальше и дальше, пока не принесли свободу Украинской девушке Гаине от неоплачиваемой работы на семью зажиточных Немцев… Когда Сталин потребовал от своих союзников отдать всех Советских граждан освобождённых от Германского плена, Американцы не противились.

Иван и Гаина, среди прочих сынов и дочерей страны Советов, были привезены в один из портов Франции, где, кстати, они и познакомились перед посадкой на пароход, который повёз их в Ленинград. Судьба благоволила им, потому что подавляющее большинство Советских военнопленных на восток отправлялись в товарных составах. На границе СССР, там где ширина железнодорожной колеи меняется, они переходили в ожидавшие их теплушки эшелонов и через необъятные просторы нашей Родины отвозились в лагеря ГУЛАГа в Сибири и на Крайнем Севере.

За что? Заранее. Чтобы воспоминаниями об увиденном в Германском плену не подпортили картину старательно создаваемую в промытых мозгах и коллективной памяти Советского народа.

"Никто не забыт, ничто не забыто…"

При условии что эти незабываемости правильно подретушированы цензурой… Даже такой лопух как я, взращённый

на ярких примерах из Советской литературы и непревзойдённых шедеврах Советской кинематографии, утратил уйму стереотипов, случайно услыхав разговор тёщи по телефону с её подругой, также прошедшей через ад Германской неволи:

– … а помнишь, как 23-го февраля мы купили шампанского и пошли поздравлять наших ребят, лётчиков?

Та-дах! Оказывается, на День Советской Армии и Флота не только разведчик Штирлиц употреблял алкоголь, но и сбитые Советские ассы тоже!.

В Ленинграде, Иван с Гаиной узаконили свой пароходный брак и безотлагательно завербовались на работу в одной из Советских республик в Центральной Азии. Это было мудрое решение. Последующие чистки и отловы бывших военнопленных и прочих перемещённых лиц, которым довелось повидать не-Советский образ жизни, не дотянулись до них туда. В Советских лагерях им не пришлось бы грызть семечки. Наша лагерная система, она же Зона, самая гуманная в мире и не станет продлевать твои страдания унизительными призами за спортивные достижения….

Когда в центральной прессе объявили ликвидацию последствий культа личности, они переехали на Украину и осели в сельской местности, на всякий, а оттуда доросли до Нежина.

(…когда-то отец мой пытался втолковать мне, что процесс жизни идёт по спирали. Я не смог его понять, несмотря на указательный палец, который для наглядности чертил широкие круги по воздуху…

Судьба Ивана Алексеевича могла бы послужить аргументом в пользу такой теории. В своей жизни, мы движемся по кругу одних и тех же событий, однако они, в силу спиралевидного продвижения жизни, обрастают новыми гранями, перекрученными деталями, и мы не распознаём их повторения, двигаясь мимо и – дальше…

Не знаю проводил ли мой тесть когда-либо какие-то параллели между семечками, которые он выиграл в стометровке, и его должностью на Нежинском ХлебоКомбинате. В обоих случаях, это распоряжение зерновыми. Хотя к чему ему такая Геометрия?.)

Перед тем как забивать косяк за столиком обременённым трюмо-ветераном, я прежде всего выключал транзисторный радиоприёмник. Редкие зёрнышки, спадавшие на стол из высушенных головок конопли, сгребались и ссыпались в задний карман джинсов. Рязанско-крестьянская прослойка в моих генах, которая противилась безотлагательному избавлению от них, оказалась ненужным атавизмом, потому что посев произведённый по весне в Графском парке не дал всходов…

На четвёртом году обучения я стал почти примерным студентом, моя посещаемость возросла невыразимо. Я не мог оставаться в квартире, когда Ира выходила в институт… На лекциях я погружался в бесконечную историю Иосифа и его Братьев. Она становилась глубже и зримее как вроде бы барельеф неспешного потока, в кильватере косяка выкуренного на перемене в туалете.

После невыносимо долгого трезвона заключительного звонка, я нисходил по боковой лестнице на первый этаж, заполненный верхней одеждой студентов на колышках вдоль стен, и помогал Ире одеть её пальто. В неумолчной галдени одевающихся студентов, я отыскивал белую пушинку на своём пальто и снимал её, только после этого осмотра я продевал руки в рукава, застёгивался и мы шли домой.

Этот белый клочок арахноидной пряжи возникал на ткани моего пальто всякий раз после косяка в очаге высшего образования. Да, вместо овчинного полушубка я носил демисезонное пальто верблюжьей, но почему-то тёмно-серой шерсти, купленное у Алёши Очерета, когда он ещё учился на своём последнем курсе. Ни с кем не делясь открытым мною феноменом возникающей пушинки, я про

себя обозначил его термином «Бог шельму метит»... Иногда, для экспериментальной проверки выводов, я воздерживался от косяка в учебном заведении и в таком случае пушинка не появлялась. Поэтому, прежде чем одеть пальто, я проверял его на наличие белой метки. Она ни разу не подвела...

Моя любовь к Ире всё углублялась. Иногда она просила не глазеть на неё так упорно в присутствии публики, но я всё ещё надеялся остановить утекающий миг.

***"Он смотрел на неё, как смотрит пёс на хрустальную вазу,
а она на него – взглядом хрустальной вазы на пса..."***

Иногда мы посещали Общагу чинно расписать «пулю» в 72-й. Из-за того, что Ира в положении, мы за преферансом не курили, только Двойка изредка, с видом муштрованного кадетским корпусом корнета, испрашивал её позволения закурить и дымил на зависть мне и Славику... А Ира с отсутствующим видом сидела у окна и мелко крошила ножницами взятую у меня беломорину...

Она не делала тайны из своей беременности и ещё на втором месяце заказала у Лялькиной матери элегантный широкий сарафан из коричневой ткани.

Однажды, уже по весне, она вышла из Общаги первой, пока я задержался с Двойкой в вестибюле. Когда я вышел на крыльцо, Ира стояла возле угла здания и пререкалась со студентом БиоФака, свесившимся через подоконник на втором этаже. Неспособный понять смысл сарафана, борзóй второкурсник пытался тупо подцепить незнакомку и её отповедь его не образумила. Я потребовал от Дантесиного отродья извинений даме и получил наглый отказ.

Пока я подымался к нему в комнату, ко мне примкнул Двойка, но там оказались ещё трое. Последовала неразборчивая стычка с переменным успехом, к жильцам постоянно прибегало подкрепление из соседних комнат. Вспоминается мелькнувший

эпизод, когда я стоял на чьей-то койке, а кто-то из противников, стоя на полу, упорно подставлял свою тупую рожу под пинок моей туфли, но я воздержался – слишком уж явно он этого добивался.

Вскоре я был повержен на пол и завален телами трёх противоборцев, пытавшихся обездвижить меня своим общим весом, но слышал, что где-то в углу Двойка всё ещё отбивается от превосходящих сил. И вдруг дверь распахнулась – на пороге встала Ира с короткой деревянной линейкой в руках и пронзительным воплем: —«Я их всех перережу!»

Меня настолько поразила абсурдность ситуации – пиратский боевой клич Иры, эта незнакомая линейка в руке, и ты у неё в животе, что я расхохотался. Все присутствующие последовали моему примеру.

Невозможно всерьёз драться с тем, с кем только что смеялся заодно. Мне помогли подняться и мы ушли…

~ ~ ~

Что можно противопоставить необратимости мгновения? Отсутствие ответа заставило менять приоритеты. Охрана стала непосредственной задачей. Оберегать её в галдящей толкучке одевающихся студентов, противодействовать укусам ближайших подруг с их змеино-раздвоенными языками: —«Приветик! У, какая ты сегодня уродина!» Развеивать страхи перед предстоящим – фельдшерица Кердун в роддоме такая грубая, все роженицы, уже потом, на неё жалуются. И охранять против совсем уж непонятного, но отрицательного Резус-фактора внутри неё самой… Защищать от всего мира, что готовится нанести удар в любой момент, когда не ждёшь. Поэтому я затаился и неотвязно следил за ним. Постоянно начеку. Такая позиция обрывала связь с Общагой, контакт с однокурсниками, отчуждала от института.

Только с Жомниром я продолжал общаться. Он стал научным руководителем моей курсовой работы *The Means of Irony in 'The Judgment Seat' Story by W. S. Maugham*. Кроме того, он был нужен мне

как средство отгородить какое-то место для нас с Ирой в этом чуждом мире. Жомнир обещал «засватать» мои переводы в каком-то издательстве в Киеве, где у него есть связи. Но потребуется сборник из 20–25 рассказов на Украинском. Поэтому я продолжал приходить к нему домой, а он в шутку повторял, что его жена, Мария Антоновна, в меня влюбилась.

Они жили вдвоём в трёхкомнатной квартире на пятом этаже пятиэтажки вдоль улицы Шевченко, потому что их дети уже выросли и отделились. Сыновья – в Россию, дочка – к мужу, но тоже в Нежине. Жомнирам хватало двух комнат, третью Александр Васильевич превратил в архивный кабинет: стол, стул и – стеллажи до потолка из мощных досок, заваленные кипами картонных папок, книг, журналов, стопками бумаг, и вся эта неразбериха выплёскивалась и громоздилась даже на подоконнике окна без всяких штор, единственного на всю комнату… Мне это нравилось.

И мне нравился рассказ Иры о бесчеловечности Жомнира… Тогда его семья жила ещё в полном составе в пятиэтажке родителей Иры и во время квартирного ремонта он разделил площадь пола по числу членов семьи, покрасил квадратуру своей доли, опустил кисть в банку с водой, пожелал остальной семье трудовых успехов и – умыл руки…

Его жена, Мария Антоновна, бесшумная женщина с седыми до чистой белизны волосами, подарила мне книжку стихов Марины Цветаевой и заставила полюбить её стихи. Прежде я думал, что поэтессы годятся лишь кружева плести из рифм. Марина не такая, она умеет, когда нужно, изнасиловать слово.

Я живо вспомнил её стихи в электричке из Конотопа, потому что продолжал туда ездить, хотя не каждую неделю, как прежде. Из чувства долга перед Леночкой. Она всегда была хорошим ребёнком и я даже любил её, по-своему. Просто никогда не умел тетешкать и сюсюкать, больше чем минут на десять меня не хватает… В тамбуре вагона я курнул, а потом, неожиданно для самого себя, начал прощупывать отворот своего верблюжьего пальто. Даже не знаю

зачем. И – точно: в самом уголке таилась длинная портновская игла, вонзённая между слоями ткани. Как же я намучился пока её вытащил! Всё повторилось и с отворотом напротив.

(...воткнута игла точь-в-точь как в той ранней поэме Цветаевой...)

Я выбросил иглы в прорези над стеклом в двери вагона грохотавшего в сторону Нежина. Откуда они взялись? Воткнула ревнивая мать как в той поэме? Или куплены вместе с пальто от Алёши? И (это уж вообще непостижимо!) что заставило меня их найти?

(...так много ещё вопросов, на которые мне не найти ответа. Никогда...)

Мои визиты к Жомнирам тревожили тёщу. Всего более её тревожило – как бы меня не угостили там варёной колбасой. Она явно опасалась, что такая колбаса позволяет изменять человека, превращать его в зомби, как в фильме *Матрица*, снятом в Голливуде лет тридцать спустя. Она не знала, что я робот нового поколения, которое зомбируется и форматируется посредством печатного текста. А ничего, Гаина Михайловна, что Жомнир скормил мне книгу Гессе, у которого один абзац может тянуться полторы страницы?

(...возможность воздействия текста на окружающую действительность через зомбированного меня не однажды удостоверялась личным опытом.

Простой пример. В туалете квартиры родителей жены, сталкиваюсь с журналом ***За Рулём****, нарезан в удобном для гигиенических нужд формате. Сидя на унитазе, ознакамливаюсь с обрезками статьи про большегрузные Советские автомобили. Использую источник информации по назначению, выхожу в институт, сворачиваю за угол пятиэтажки и – оба-на! Улицу*

Красных Партизан пересечь невозможно, по ней бурлит, ревёт и валит поток БЕЛАЗов и КАМАЗов. Прут лавой, сплошняком, табунами!

Ну и конечно, позже мне пытались пудрить мозги насчёт ремонтных работ на Московской трассе и объезд через Нежин. (Хотя яни о чёмне спрашивал).

Так это они ждали со своим ремонтом, пока я найду время прочесть ту нарезку из ***За Рулём****?.)*

Мои отношения с Гаиной Михайловной пришли в полное соответствие с традиционной схемой отношений «тёща—зять», просто с поправкой на интеллигентность соотносящихся. Поначалу всё шло душа в душу, но через неделю или около того, она вдруг начала застёгивать широкий отложной ворот своего халата большой булавкой. Халат для домашней носки с глубоким вырезом, но я этого даже и не замечал, пока не появилась та булавка.

Преображение прикида лишило меня блаженного неведения, потому что между булавкой и первой пуговицей под вырезом образовалась прореха, а любая щель, есессна, притягивает взгляд. Я не стал интересоваться у её предыдущего зятя (Тониного мужа Ивана, из соседней спальни) наблюдал ли он подобный симптом до моего появления в квартире родителей его жены и с какой регулярностью. Просто мне пришлось держать свой взгляд на привязи. Хотя на что там смотреть? Женщина давно привяла…

Однажды нам довелось остаться наедине во всей квартире, лишь она и я. За окном темнело. Она стояла заложив руки за спину опёртую на зеркало в дверце шкафа и рассказывала мне, сидящему на раздвижной диван-кровати, сложенной по случаю всё ещё дневного времени, как её увозили в Германию в товарном вагоне. Её и много других молодых девушек. Стуча железом колёс о стыки рельсов, вагон пошатывал, всколыхивал свой живой груз. Страшила неизвестность—что же будет? – и очень хотелось пить. Некоторые девушки плакали…

Поезд остановился в поле. Охранники распахнули двери вагонов и что-то кричали, но тогда она не знала ещё Немецкий. В недалёкой ложбине протекал ручей, охранники жестами показали, что можно пройти к воде.

Они радостно бросились к ручью, пили, ополаскивали свои лица. Вдруг раздались громкие крики и застрочил автомат – одна из девушек пыталась убежать и её убили. Обратно к вагонам всех провели мимо убитой. Она лежала на спине с открытыми глазами и была такая красивая и молодая... Сумрак сгустился в комнате. Гаина Михайловна стояла, прижав ладони к стеклу туманно темневшего за её спиной зеркала, опустив голову над убитой красавицей. Сейчас она была там и чувствовала себя той молодой опечаленной Гаиной.

Мне жалко было убитую и жалко Гаину Михайловну пережившую весь этот ужас, я хотел что-то сказать или сделать, только не знал что. Поэтому я поднялся с дивана и молча щёлкнул выключателем, чтобы сделать хоть что-нибудь. Свет люстры вмиг разбил всё вдребезги. Вместо испуганной девушки Гаины, у шкафа стояла пожилая женщина с нелепой прорехой под воротником и непрощающим, колючим взглядом из под пряди крашеных волос. Кто просил меня разбивать чары? Так я оказался традиционно неприемлемым зятем...

Лично я никогда не испытывал особого антагонизма к своей тёще, но не могу не отметить, что у бабушки твоей чувства порою брали верх над разумом... Она была стойкой и непримиримой Антисемиткой. Должно быть, годы поведённые в зажиточной Немецкой семье сказались на её отношении ко всем этим Евреям. Люди втягиваются разделять чувства окружающих. Бывший декан Английского отделения Антонюк (который потерял должность в ходе своих партизанских рейдов с карандашом против фамилий Близнюка и Гуревича в листах ватмана на стене) остался героем в её глазах. Её возмущало, что вокруг одни Евреи и возмущало безразличие её мужа к её возмущению по поводу эскалации Сионизма.

Сидит с газетой перед своим увесистым носом и, когда уже забудешь о чём ему говорила, очнётся, чтобы сказать: —«А? Ну да…». И опять опять зарылся носом в газету. Опора в жизни, называется!

В своей непримиримой борьбе против Сионизма, она даже ходила на приём к новоназначенному ректору – открыть его глаза на вопиющее размножение колен Израилевых по всем факультетам.

(…до смешного доходит – пойти к ректору НГПИ, Одесскому Еврею Арвату, чтобы пожаловаться на засилье нежинских Евреев в институте Нежина!

*“ **Eine lächerlich Wasserkunst!.”***

Или как там выразился Рильке?..)

Но жизнь не стояла на месте, живот у Иры рос, по нему уже начали ходить волны от твоих коленей и пяток. Довольно крепкие были пятки, мой нос это помнит. И пришёл день, когда Ира испуганно сказала мне позвать её маму… Гаина Михайловна вошла в спальню.

– Что это, мама?

На безупречно гладкой статуэтной коже, внизу, под совсем уже большим животом наметились неровные бороздки

– Растяжки.

– Это пройдёт после родов?

Мать Иры хмуро опустила голову и промолчала…

~ ~ ~

Началась последняя экзаменационная сессия, но экзаменаторы, вместо вопросов, у Иры спрашивали зачётку и вписывали туда свои оценки…

Поздно вечером 14 июня, и Иры отошли воды и мы пошли в роддом. Там очень удивились, что твоя мать явилась на роды пешком, отдали мне её одежду, а саму Иру увели в предродовую палату. Там я уже не мог её охранять…

Одежду я отнёс домой и вышел обратно. Метров за двести до роддома, у тротуара высилась туша КАМАЗа с потушенными фарами. Он не шевелился. Лишь три глаза мерцали красной злобой поверх его кабинки, гребень дракона.

При моём приближении КАМАЗ вдруг резко скакнул вперёд. Поверх бордюра, из длинной лужи на дороге, взметнулась сеть шипящей грязной пены. Но я успел подпрыгнуть. Сеть промахнулась и, разочарованно кряхтя, сдохла. Я приземлился на мокрый тротуар.

Убирайся, грязный дракон! Пошёл в логово! Мне некогда с тобой возиться, в эту ночь дела есть поважнее.

КАМАЗ покорно уфырчал в сторону Красных Партизан…

В приёмной мне сказали, что роды будут утром и я вышел. Роддом состоял из длинного одноэтажного здания, вход с торца. Напротив середины боковой стены имелась круглая беседка из железных труб, пошире той стройбатовской и без ямы в центре для бычков.

Я зашёл под жесть крыши ажурного шатра, сел на брусья лавки оббегающей круг бетона под ногами и, уперев спину в трубу бортика, начал ждать. Без Иры мне невыносимо в пустой узкой спальне у её родителей.

Запоздалая пара прошагала от ворот ко входу в роддом, вскоре мужчина, уже один, пошёл к воротам. Сталбыть не только мы пришли пешком, наверно, день такой. Полная луна блистала высоко над роддомом… Я выкурил косяк и она обернулось в мерцающий выход в конце длинного туннеля из тёмных пульсирующих стен.

Распахнутое окно родильной смотрело точно на беседку. Назначение палаты я вычислил когда там вспыхнул свет зачернённый частой сеткой от комаров и в ночь рванулись вопли роженицы. Это не Ира кричала, голос не её. Наверное, из той пешей пары после нас.

Когда комната снова смолкла и свет угас, я пошёл в приёмную. А вдруг голос меняется при родах? Мне сказали, ещё не время…

Больше я не забивал, тот косяк в начале вахты остался единственным во всю ту ночь. Когда крики раздались по новой, я

узнал родной голос – это Ира!

Но вот всё кончилось и свет погашен, я пошёл в приёмную, но мне сказали, нет ещё, послали к окну предродовой с обратной, длинной стороны роддома. Ира приподнялась до подоконника и посмотрела из-под приспущенных болью век вниз, не веря, что я тут до сих пор. Она сказала, чтоб я уходил, что роды будут в девять. Откуда ей знать, что я охраняю её от этого мира с его КАМАЗными драконами, палаческими фельдшерицами: —«Кердун на смене?»

– Нет.

Я ушёл в беседку… Там и сидел и стискивал в ладонях дрожь своих плеч, насилу обороняясь от холода ночи, а тот всё прибывал.

В мутном предрассветном мраке, круг пола пересёк вдруг неясный чёрный шар с белым цилиндром носа. И лишь когда он пропал в траве, я догадался – это ёжик был застрявший мордочкой в стаканчик от мороженого.

Лучи невидимого солнца притронулись к высоким белым облакам, скоро уж согреюсь. Из центра в куполе шатра нить тонкой паутины ринулась вниз, ускоряясь весом паука на её конце. Лишь тот коснулся пола, воздушное пространство под куполом рассёк воробей порхнувший в направлении, что указал стаканоносый ёжик. Паук последовал за ними.

(…я умею видеть знаки, но—вот же жалость! – читать их не обучен.

Паук, Птица, Ёж… Троица Волхвов?..)

В родильне снова кто-то закричал. Когда утихли крики, две женщины меня окликнули из-за вуали антикомариной сетки, чтобы подошёл. У одной в приподнятых руках – младенчик, что-то болтается между ножек.

«Сын», – успел подумать я.

– Поздравляем с дочкой!

«Пупок», – поправил я себя.

Тёща встретила меня улыбкой и поздравлениями, она уже успела позвонить в роддом.

Заняв у Тони денег, я рванулся на базар. Это была серьёзная банкнота в двадцать пять рублей, мельче не случилось у неё. Я метался по базару, скупал букеты роз. Розы, мне нужны только розы, ничего кроме роз. До холостого щелчка полностью выпущенной обоймы в двадцать пять рублей.

Потом я поспешил в роддом с охапкою букетов. Одноногий инвалид на костылях, возле пятиэтажки тёщи, счастливо улыбнулся мне, он знал куда я так спешу.

Медсестре в роддоме пришлось позвать ещё двух на помощь, чтоб занести цветы из приёмной в коридор за дверью. Позднее, Ира мне сказала, она ещё лежала на каталке там и они укрыли розами всю простыню поверх неё, но ненадолго, потому что увозили уже в палату, а туда цветы не разрешают… Потом медсёстры с акушерками букеты поделили меж собой, один достался даже фельдшерице Кердун, что пришла утром заступать на смену. Неважно. Главное, что ты родилась.

"…миллион, миллион, миллион алых роз…"

~ ~ ~

(…Египтологи до сих пор спорят – зачем прекрасным женским лицам сфинксов приделывались бороды?…)

Разгадку показала Ира. То есть, сначала она показала мне в окно тебя. Белая ткань туго обвивала тебя с головой, оставив лишь кружок лица с накрепко зажмуренными глазами. Такая же ткань прятала волосы Иры, а половину её лица скрывала маска, как у банковских грабителей, только белая. Она отнесла тебя куда-то, а потом вернулась сказать через стекло, что глаза у тебя синие-пресиние, просто ты уже спишь после кормления. Чтобы сказать это, она

отвязала верхние тесёмки, а нижние остались и маска повисла ниже подбородка.

> *(…прекрасное лицо, под ним бородка! Сфинксы только что покормили своих детёнышей! Вот что изображали Египтяне древности…)*

Вернувшись в квартиру на Красный Партизан, я ужаснулся жутким видом двери в нашу спальню. Как мог я раньше не увидеть всю эту грязь и мутные набрызги. И ту длинную волосину прилепленную куском грязи чуть повыше пола? Я согрел воды и вымыл дверь с обеих сторон и оконную раму, изнутри. Чистота послужит линией обороны, как охранительный меловой круг Хомы Брута от Вия и прочей нежити.

Когда Тоня дала мне коляску своих детей, чтобы тебе было в чём спать, я вымыл и её во дворе, под окном спальни. И там я понял, что делаю всё правильно, когда из складок верха коляски выколупал кусок засохшей детской какашки. Нет, я никому ничего не сказал, тут никто ни при чём – это у нас с миром своя разборка, один на один…

В институте у Иры оставался один последни экзамен, а если пропустит, придётся сдавать через год, со следующим выпускным курсом. Но ты родилась очень удачно – сразу после предпоследнего экзамена и оставалась неделя для подготовки плюс ещё три дня, потому что на курсе четыре группы и они сдают экзамен не в один день, а друг за другом, что в сумме давало десять дней на ваше пребывание в роддоме.

На шестой день твоей жизни, Ира вышла в приёмную и сказала, что ты уже совсем в порядке, угроза желтухи из-за разнорезусных родителей миновала и можно хоть сейчас домой, если выпишут. Я развил бурную деятельность, побежал к заведующей родильным отделением с требованием немедленной выписки на основании государственного экзамена у матери. Заведующая начала колебаться, что нужно разрешение от ещё какого-то роддомного

начальства, которое сидит аж в каком-то из переулков улицы Шевченко.

У незнакомой медсестры, которая приехала на работу на велосипеде, я одолжил её транспорт, что бездельно дремал прислонённым в тенёчке, ожидая конца её смены, и погнал туда. Над автобусными остановками, в недосягаемой выси бездонного неба, висели облака в форме спиральных галактик, под ними уже скапливались пассажиры конца рабочего дня. Велосипед проносился мимо, как метла Маргариты спешащая на бал Сатаны… Когда я спрыгнул с него у небольшой родильной конторы притаившейся в переулке, этот ведьмацкий сучонок лягнул меня в пах задним колесом и неслышно, но злорадно заигогокал.

Я вбежал в кабинет и всполошил двух женщин, что мирно дожидались конца своего рабочего дня. Сдерживая запыханность, я завёл те же самые переговоры. Они куда-то позвонили и заявили наотрез – никакой выписки без БЦЖ, завтра тебе сделают прививку и отпустят.

На обратном пути я крутил куда медленнее, удручённо вправлял цепь, что соскакивала слишком часто. Вернув транспорт хозяйке, я прошёл в приёмную, где застал Тоню и начал ей пылко доказывать, что мы запросто можем похитить Иру с младенцем, только сбегаю за одеждой для Иры.

Тоня не соглашалась и неприметно окропляла меня вязаным пояском её жакета, как делают экзорцисты для изгнания бесов из своей клиентуры. Поясок был, конечно, сухой, но я всё равно перестал пугать Тоню, хотя отлично понимал, что если не вытащить Иру сейчас, я её непременно потеряю.

В комнату пришла Ира и стала с Тоней наперебой объяснять мне, что один день ничего не значит. Вечер уже начался и я проводил Тоню в квартиру её родителей, но оставаться в спальне не смог, пусть даже с тщательно вымытой дверью.

Я снова вернулся в роддом, но в беседку не заходил, мне не вынести ещё одну ночь с животным воем и воплями рожениц.

Поэтому я пошёл в дозор, как последний в поле воин из дружины Дядьки Черномора.

Я шёл медленным неторопливым шагом, потому что впереди ещё целая ночь, которая оказалась до того тёмной, что минуя пятиэтажку Жомнира я угодил правой ногой в глубокую лужу-выбоину на тротуаре. Тю! С драконом справился, а рядом с логовом Лавана так бесславно опростоволосился.

Не останавливаясь и тем же ходом, я пришёл к водоразборной колонке через дорогу от запертых ворот Нежинского Консервного Комбината, где промыл ступню, а заодно постирал носок. Кавалькада автобусов ярко иллюминированных изнутри вывернула из-за поворота к оборонному заводу Прогресс, они продребезжали мимо до странности пустые. Я выжал из носка воду и одел его обратно.

В таком виде, один носок сухой, а второй влажный, хотя оба скрыты под штанинами, пришёл я на вокзал. Витязь-охранитель не должен останавливаться в дозоре.

Я дал пару кругов в полутёмном и абсолютно пустом кассовом зале, плитки его пола негромким эхом откликались на мои неспешные шаги сквозь ночное время осевшее на них. Следующий круг пришёлся на зал ожидания с неподвижно молчащими фигурами усаженных тесными рядами людей вдоль сидений из гнутой фанеры.

Мимо запертой двери ресторана-столовой я поднялся на второй этаж – обойти верхний зал ожидания. Никогда прежде не замечал я как странно выглядят глаза людей ночью. Не у всех, но некоторые смотрят сквозь пелену какого-то неестественного свечения. Этих моё появление всполошило, они пытались прятать потусторонний блеск своих глаз, но я легко их различал в рядах ни о чём не подозревающих пассажиров сидевших в сонном полузабытьи среди ночной тиши вокзала… Смотрите мне, стеклоглазые! Витязь-охранитель не спит, он в дозоре!.

Дождь нагнал меня под светом фонарей на столбах автодорожного моста. Тихий летний дождь. Я не собирался идти в

Прилуки, а когда достиг городской черты, развернулся обратно и пошёл через весь город на Красных Партизан. Дождь не усиливался и не переставал. Так мы и шли вдвоём, не спеша, через пустой город.

Дверь открыл Иван Алексеевич, Гаина Михайловна выглядывала из неосвещённой темноты в гостиной комнате.

– Ты где бродишь? Дождь идёт!

– Он тёплый.

– Может, мне тебя побить?

– Не стоит.

В спальне я сбросил всю мокрую одежду и лёг в постель голым. Как и во все предыдущие ночи без Иры, я расправил её ночнушку во всю длину и обнял, чтобы охранять её хотя бы так, когда она не рядом… Много позже, я узнал что домашние решили, будто в ту ночь я ходил на блядки.

Посреди наступившего дня, я нёс тебя из роддома, завёрнутую в толстое одеяло с шёлковым верхом и какие-то кружевца. Ира шагала рядом, с букетом который Тоня занесла к ней заранее. Но цветы были совсем не розы…

~ ~ ~

Последний экзамен Ира сдавала с другой группой своего курса. Я ждал её между колонн высокого крыльца и, обняв за талию, помог спуститься по крутым ступеням. На ней была жёлтая вязаная кофта с рукавом в три-четверти. Староста моей группы, Лида, которая случайно оказалась на крыльце, смотрела нам вслед и умилённо улыбалась.

Мне нравилась эта жёлтая кофта, а попалась случайно. Ира мне тогда сказала, что в универмаг на главной площади завезли товар и послала посмотреть что продают. Как обычно в таких случаях, универмаг заполняла возбуждённая штурмом толпа. Кофта была последней и размер как раз на Иру, но пока я радовался удаче, её схватила какая-то девушка со своей матерью. Пронырливая деревня!

Девушка примерила кофту и вопросительно взглянула на мать, которая держала куртку дочери. А в момент посещения универмага Славик составлял мне компанию. Мы сделали шаг в сторону и начали обмениваться комментариями: —«Так ничё, ващще-та, но рукава слишком короткие».

– Ланна, пошли глянем шо ищо тут есть.

Мать покачала головой и девушка неохотно сняла кофту. Я тут же ухватил и послал Славика выбить чек.

Ире даже понравилось, что на три-четверти… Всё это было ещё до тебя…

А по случаю твоего рождения, по давней красивой Славянской традиции, я должен был поставить друзьям *магарыч*. В ресторане Чайка, на первом этаже одноимённой гостиницы, Славик, Двойка и я распили пару графинчиков водки. На официантке была юбка в чёрно-белую полоску и Двойке очень понравилось, когда я назвал этот прикид «строката сукня». Он потребовал тост.

– Это не просто рождение, – объявил я, – это начало новой жизни, а жизнь есть переход из одной формы в другую, так выпьем, чтобы новорожденная, и все мы, в жизни заполняли бы только прекрасные формы.

Двойка начал крякать, что идею с переходом форм я спёр у Томаса Манна, потому что тоже читал *Иосифа и Его Братьев*, и тут моя вина – дал ему наводку про книгу в институтской библиотеке.

Затем я поднял тост за девочку с прекрасными синими глазами, то есть, за тебя.

Но Двойка натянул умный вид на свою сельскую рожу и погнал лекцию про какие-то каузальные гены—умник с факультета Биологии—и что цвет через месяц станет карим, возможно, тёмно-карим. Сучара БиоФачный со своими каузальными кляузами!.

Перед выдачей дипломов и распределением по местам отработки за него, всех выпускников института созвали в актовый зал Нового Корпуса. Там мы отсидели обычное бла-бля-блю насчёт высоко держать честь НГПИ там, куда нас порасты́кают.

Потом какой-то чернявый незнакомец поднялся на авансцену и объявил, что каждому из нас на входе в зал выдали карандаш и лист бумаги и это не спроста, а для чего он объяснит.

Следует признать, что далеко не всё ещё хорошо и правильно у нас в школах. Так давайте же напишем что именно нам, выпускникам, не понравилась в школах, где мы проходили практику, или даже ещё раньше, когда мы сами были школьниками. Опишем случай, когда кто-то из учителей неправильно себя повёл, по нашему мнению, или позволял себе неправильные высказывания. Начнём же все одинаково, такими вот словами «А ещё помню как..», а дальше оно само пойдёт.

Его общеобразовательная речь преисполнила меня общим восхищением и осознанием насколько я отстал от нарастающего темпа жизни! КГБ явно перешёл на конвейерное производство стукачей. Сотни сексотов в один присест! И без наивных наживок в виде разведшколы.

(…в глубине каждого из нас сидит маленький запуганный зверёк, сидит и логично думает: —«Если не напишу, могут диплом не дать или зашлют в самую дырявую дыру. Ладно, напишу, один раз – не пидарас».

Но этот раз, который не в счёт, всего лишь начало. Потом, в той дыре, подойдут к тебе и покажут твоё сочинение, и ещё чевой-то продиктуют…)

Ну ладно, суки, напишу! В спинке каждого столика в актовом зале была вделана такая вроде будто досочка из пластмассы: отстёгиваешь в кресле предыдущего ряда и – пиши. Вот я отстегнул и написал.

«А ещё помню как наша классная руководительница, Серафима Сергеевна, сказала:

– Молодец, Серёжа! В нашем четвёртом классе, ты больше всех собрал макулатуры!

И я был рад и горд».

Свой последний донос в КГБ я подписал моим настоящим именем и до сих пор горжусь им…

~ ~ ~

(…Великое открытие Карла Маркса о возникновении прибавочной стоимости осталось и, к сожалению, остаётся половинчатым, без развития до заложенного в нём беспредельного потенциала. Основоположник марксизма абсолютно верно подметил, что какую-то часть рабочего времени производитель работает на себя, а остальной свой трудовой день на владельца фабрики. Молодец Карл – в яблочко! Но это далеко не всё, что кроется в их производственных отношениях.

Основной (и пока ещё не раскрытый) подвох в том, что, практически, невозможно определить на кого конкретно из соучастников в помянутых отношениях пашет производитель в ту или иную долю секунды. И эта, недооткрытая Марксом (хотя и неоспоримая) истина приложима не только к способам производства, но и к любой иной сфере человеческой жизнедеятельности.

(Надеюсь, я не слишком быстро излагаю и вы успеваете конспектировать? Хорошо, дописывайте, пока откупорю вторую бутылку…)

Отсюда вытекает, что в мире нет плохих парней, но нет в нём и хороших. Ускользающая, неуловимая доля секунды разделяет добро и зло.

Ты говоришь, отой мудила хороший человек? Наивненький ты мой! Да тебе просто повезло подвернуться ему в правильную долю секунды. Мигом раньше или позже и этот вампирюга отшвырнул бы твой бездыханный труп с насухо высосанной кровяной системой и лимфатическими узлами изглоданными в лоскуты!

Или, скажем, те же самые ведьмы в очереди на сожжение, чтоб осветить мрак Средних Веков. Беспросветно тупые палачи-мракобесы не понимали, что горят совсем не те и не в ту секунду.

Я имею ввиду, неважно как – на плахе, колу, гильотине, электрическом стуле, в петле, у стенки… да как угодно!.. казнят всегда невинных. Эти – не те, те – не эти. Нет-нет!. Подождите ещё ведь!. Ёпсь!!. слишком поздно… Опять всё повторилось наезженною колеёй заколдованного круга…

Но даже и те, в миг злодеяния, всего лишь исполняли приказ. Чей? На кого пахал?

Хе! Зная ответ, разве б я *тут* жил, а?

Кристально ясно одно – исполнителя и дона мафии разделяет цепочка из нескольких звеньев и отследить «кто», практически, невозможно. Потому что, если мы перефразируем любимое изречение моего Дяди Вади, которое он вынес из уроков Истории в средней школе № 13:

"зомби моего зомби – не мой зомби"…)

Услышав твой душераздирающий крик, я вбежал в спальню как раз вовремя. Ты выкручивалась в коляске под открытой форточкой окна, а твоя бабушка, слоняясь над тобой, льстиво уговаривала: —«Ангелочек! Ангелочек!», а ты буквально разрывалась плачем.

– Гаина Михайловна! Она не ангелочек, а девочка!

В ответном взоре тёщи блеснула злоба пославшего её, но аргументировано опровергнуть сказанное она не могла и молча вышла.

Я точно знал, что уговаривать младенца с ещё неокрепшей психикой и слабо ориентирующегося в мире, будто она ангелочек – неправильно. Да ещё под широко открытой форточкой! Типа приглашения – лети туда, где хорошо, где радостно порхают такие же как ты ангелочки!

Я начал уговаривать тебя, что ты девочка, Лилечка, а никакой не ангелочек. Ты продолжала плакать, но уже не так истошно как в момент, когда душа пыталась вырваться из смертной оболочки телом.

Но что же не так? Я переложил тебя на кровать и распеленал, ты плакала выгибаясь младенческим тельцем… Причина обнаружилась на подошвах крохотных ступней, их покрывал белесый паутинный налёт той же фактуры, как у пушинок метивших моё пальто шельмы. Я снял его с обеих ножек. Удивлённо хлопая синевой своих глаз, ты смолкла. Я запеленал тебя обратно и отнёс в коляску, где ты уснула спокойным сном.

Твои пелёнки гладил я, чтоб всё держать под бдительным контролем. И я же развешивал стирку на общих верёвках во дворе, которые солнцеобразно расходились от центрального столба, как спицы от маточины в колесе. Под ними я узнал, что в этом мире у меня есть союзники, потому что в одиночку вряд ли бы сумел решить проблему правильного развешивания пелёнок – изнанкой на верёвку или же лицом? Первую я повесил так, вторую наоборот. И в тот же миг с небес спустился белый голубь на центральный столб и протестующе заворковал.

Ага! Спасибо, друг! Буду знать!

С тех пор все пелёнки я развешивал исключительно той стороной к верёвке…

Жомнир утратил вдруг весь интерес к моим переводам Моэма. Он перестал жизнерадостно грозиться, что повезёт их в Киев на «засватання». Начал вяло пояснять, что нужно брать в учёт меняющиеся коньюктуры. Что в будущем году состоится столетие другого Английского писателя. Переводы из него, ради юбилея, легче будет протолкнуть. А Моэм, вообще-то, голубой…

Как будто при переводе рассказа про молодого пианиста самоубийцу я не смог догадаться про его ориентацию. Но в какой сточной канаве был бы сегодня этот лучший из миров без голубого Чайковского? Или Моэм, или ничего!

Александр Васильевич пожал плечами…

В гостиной на Красных Партизан, в присутствии Гаины Михайловны, я пожаловался Ире на двурушничество Жомнира. Они обе знали о моих неясных амбициях стать литературным переводчиком. Ира заохала, а моя тёща, без комментариев, зашла в спальню Тони и вернулась с пудреницей. Она открыла её, припудрила лицо перед зеркалом в двери шкафа и так же молча унесла обратно. Всё.

Вечером в дверь квартиры позвонил Жомнир и пригласил меня выйти с ним во двор. У подъезда его велосипед опирался на красный кирпич стены здания. Под тёмной листвой густых Вишен позади общих бельевых верёвок уже собирались сумерки и ползли к развешенным стиркам. От предыдущей пятиэтажки группа Иглз выдавали *Отель Калифорния*:

"Warm smell of colitas rising up in the air…"

В то время я ещё не знал насколько трагично жуткий конец у этой песни, а просто балдел от финального брейка соло-гитары…

Жомнир явно завидовал окружающей атмосфере, но повёл деловой разговор. На данный момент, мои переводы уже не черновики, но пока что ещё и не чистовая версия. Он не настаивает на перемене автора, но пусть они станут беловиками.

Он уехал, а я уважительно восхитился мастерству старой школы. Пускай они понятия не имеют о текстуальном программировании и наивно верят в чары варёной колбасы, но всего одного припудривания хватило, чтоб взять Жомнира за жабры! Ай, да тёща!.

Пелёнки я гладил не только из оборонных соображений, но и чтоб время скоротать… Ира, как мать с ребёнком, освобождалась от отработки за диплом. Меня распределили куда-то в Закарпатье. Куда точно я не вникал, потому что не собирался работать в школе нигде и никогда. Поэтому Гаина Михайловна (раз я такой храбрый) подала идею последовать примеру комсомольцев былых поколений, они

очертя голову уезжали строить города, которых ещё и на карте нет. А вот, кстати, в газете пишут, что возле Одессы строится город-спутник Южный…

Решено было, что я отправлюсь туда, когда тебе исполнится один месяц, потому что Ире ещё трудно одной держать ребёнка. Вот я и коротал предстартовый месяц глажкой и выгуливанием коляски, в которой спала ты. Только мне настрого запретили опускать верх с наброшенным тюлем, чтоб тебя не сглазили. А в конце месяца, когда ты пройдёшь медосмотр, тюль можно снять и ограничиться обычной булавкой от дурного глаза…

Мой брат Саша приехал из Конотопа, и ты впервые посетила Графский парк. Ира и Славик тоже пошли. Возле озера в парке мы со Славиком взорвали косяк, но мой брат таким не баловался. Возвращались мы через узкую калитку возле здания МузПеда. В ней была приварена поперечина на высоте 30 см от земли, коляске не проехать. Томным после косяка голосом, я попросил Славика помочь с переправой, но едва он протянул руки ухватиться, мой брат резко вызверился на него: —«Пошёл отсюда!»

Славик послушно стушевался и тебя перенесли мы с Сашей. Я был горд, что у меня такой брат, а у тебя заботливый дядя – не уступил племянницу Славику…

Второй твой выезд туда же состоялся по приезду из Киева брата Иры. Игорь приехал с женой и она его постоянно шпыняла, а он примирительным тоном пытался сглаживать острые углы. Мне тогда подумалось, что у неё, наверно, ПМС, но в дальнейшем выяснилось, что ПМС этот у неё пожизненно.

Во время прогулки она раз за разом распахивала свой зонт и тут же начинало накрапывать. На десятый раз Ира тоже разобралась про причину и следствие и попросила больше зонт не открывать. Жена Игоря обрадовалась, что её заметили и оставила зонт в покое, так что на обратном пути верх коляски приспустили…

«Князь» было семейным прозвищем Ивана Алексеевича и такое обращение его тешило. Естественная реакция, из крестьянского сына

– в князи. Ну и вид у него тоже был княжеский, особенно с настежь открытой газетой в руках – весь такой сытно вальяжный, в белой майке и синих штанах от спортивки. В общем, баловали его этим прозвищем и было за что, ведь он – доставала.

В эпоху дефицитов, дефицит мог приключиться не только на свадебные костюмы, но и на любой другой вид продуктов, а тесть мой их доставал… Однажды привёз даже целый мешок гречки. У батареи центрального отопления под подоконником поставил. В левом углу от окна газовая плита, в правом – титан для нагрева воды, так что мешок гречки по центру доводил композицию до совершенства. К тому же есть чем гордиться, люди вон специально в Москву ездят за таким продуктом, и вдруг на кухне в провинциальном Нежине целый мешок гречки!

(…это как предмет гордости вроде как охотничий трофей – пара бивней или меч от рыбы отпиленный, или эти ещё… ветвистые такие… в общем, их тоже на стену вешают…)

Ладно, доставала, ну погордись неделю, пусть две, обходя этот грё… то есть… гречки мешок, а то ж уже столько, что даже тёща бурчать начинает, чтоб получить заслуженный ответ: —«А? Ну да…», и опять в газету зарылся.

Но тут в куче газет рядом с ящиком телевизора меня какой-то заголовок зацепил. Саму статью я не читал, но полагаю на тему Археологии. Главное заголовок броский такой, даже туалет Общаги вспомнился.

Я прихватил газету и сложил определённым образом, чтобы один только заголовок виднелся. Отнёс вечером на кухню и нежно так—голубоватым жестом—разместил его поверх мешка с гречкой. Потом вернулся к двери, потушил свет и ушёл спать, оставив в темноте мешок под заголовком:

Гробница Князя

То есть, как зять, я – классический «оте падло», но утром, когда встал, мешка на кухне уже не было…

За день до отъезда на строительные площадки города-спутника, я съездил в Конотоп повидать Леночку, которая отдыхала на Сейму в пионерском лагере. Когда она подтвердила, что я её папа, воспитательница отряда разрешила нам покинуть территорию лагеря.

В Сосновом лесу Леночка подобрала серое перо неизвестной птицы, я сунул его ей в волосы и дальше оно там само держалось.

(…Индейцы не дураки – такие перья делают человека частью свободного дикого мира, возникает контакт, причастность, и негласное взаимопонимание…)

Когда мы возвращались в лагерную цивилизацию, порыв ветра подбежал сзади, тихонько встрепенул перо из её волос и уронил его на прошлогоднюю хвою на тропе. Она даже и не заметила.

~~~~
~~~~

~ ~ ~ парад планет

В день отъезда всё висело на волоске, точнее – на паутинке. Мне это сразу стало ясно, как только вышел в подъезд раскумариться, потому что в квартире я не курил даже просто Беломор. Паутинка свесилась от верхней перекладины рассохшейся дверной рамы входа и не могла вернуться – не пускала прилипшая на конце обгорелая спичка.... Долго ли продержится?

Горелые спички в щель между рамой и небрежно белённой штукатуркой стены всегда запихивал я, потому что урны в подъезде не было, а меня, после того как Тонин пацанёнок изобличил мою сопричастность с дурью, не колебало что там мимоходные соседи унюшат в моём дыму... Выдержит ли паутина до отъезда?

Я выглянул из перегретой тени подъезда во двор. В зноем расплавленном небе проплывала эскадрилья чёрных воронов. Курс северо-восток, планируют, ни один и крылом не шевельнёт—кому оно надо в такую жарынь—чёрные перья по краю крыльев обездвижены, врастопырку, чтоб обдувало, прочёсывают горячий воздух... Сумею ли прорваться?.

Ира провожала меня на вокзал. Когда мы подошли к автобусной остановке, от ближней пятиэтажки Алла Пугачёва взрыднула вслед недавним из своих хитов:

"Приезжай хоть на часок!.."

Багажа при мне немного – портфель, в нём книга рассказов Моэма на Английском (мягкая розовая обложка, Московское издательство «Просвещение»), Learners' Dictionary Хорнби, школьная тетрадь в линейку, 12 листов, с наброском перевода начальных абзацев рассказа Моэма *Дождь* (4 страницы карандашно-чернового варианта со множеством исправлений), трудовая книжка (первая запись от 13 сентября 1971 г., Конотопский Паравозо-

Вагоноремонтный Завод), паспорт, военный билет, бритвенные принадлежности.

Попутчиком портфелю – синяя спортивная сумка с плечевым ремнём, в ней пара трусов, две майки, пара рубашек, джинсы и курка геолога пошитая матерью из плотно-зелёного брезента… Поднявшись в электричку, я забросил их на бегущие повыше окон тонкие трубки багажной полки вдоль всего вагона, и вернулся на перрон.

Ира переживала, что двери захлопнутся и электричка уйдёт без меня. Я поднялся на одну ступеньку в тамбур и стоял там стиснув блестящий никель отвесного поручня: —«Я что-то оставил на подоконнике, пусть там и будет пока не приеду».

– Что там?

– Сама посмотри. Приеду за вами ровно через месяц.

– Как доедешь, сразу позвони.

Это был последний вагон. По перрону подбежала старуха, о чём-то спрашивала меня, но я не слушал и не слышал, а только смотрел на Иру, пока вагонные динамики не заорали «Осторожно! Двери закрываются!» И они отрезали меня от неё. Электричка дёрнулась и, набирая ход, застучала по рельсам в Киевском направлении…

Накануне вечером мы с Ирой вышли отовариться. Универмаг уже был закрыт, но стеклянный киоск у него под боком ещё работал. Там сидела дебелая цыганка средних лет, у которой я купил новый станок для бритья, помазок, стоячее зеркало и два платочка. По полю каждого бежали волнистые ряды тонких синих линий типа как море, а в центре – кружочек в тонкой рамочке, но уже красной. У одного в рамочке кораблик с парусом, а у другого – якорь. В моём кармане уезжает платок с парусником, а тот что с якорем оставлен на подоконнике. Когда приеду, приложу кружок на кружок. Кораблик на якорь. Это будет ритуал возвращения…

А уже совсем запоздно тёща вдруг впала в мандраж и начала тревожно меня уговаривать, что никуда ехать не надо, а билет на

поезд Киев-Одесса всё ещё не поздно сдать в кассу предварительной продажи на вокзале.

Я чуть не ахх… ну в общем… какая нахер сдача билетов? Ира и Тоня тоже подключились в разговор, только тестя не хватало, срочно вызван тушить ЧП на ХлебоКомбинате. Не отводя взгляд от клеёнки притиснутой к столу бандурой телевизора, Гаина Михайловна невразумительно долдонила про слишком сложное положение, что даже вон Ваня не смог пробиться… Неделей раньше муж Тони, Иван, выехал в Закарпатье, но не доехал и через день вернулся из Киева—я так и не врубился что за дела—и теперь безвылазно отсиживался в спальне со своими детьми.

На тот момент я уже просёк, что мир безвылазно погружён в состояние постоянной битвы – но между кем и кем? Вот в чём вопрос! Конечно, всё закамуфлировано поверхностным слоем жизни, но сквозь этот покров для отвода глаз и дымовую завесу обыденности, я начинал уже подмечать прогалы, нестыковки, тайные сигналы—довольно-таки часто—ловить моменты, когда люди проговариваются о чём-то запредельном для обычной жизни, которую нам настырно впаривают за действительность.

Но точно ли люди? Ну я пока не разобрался как их ещё назвать… Проговариваются? О чём конкретно? Как?. О вещах, которые нам привито видеть только такими и не глубже.

…Ваню отрядили эмиссаром, он не пробился… а вы за кого?. (пожар на ХлебоКомбинате лишь эпизод вселенской битвы)… Кто на кого? Кто за кого?

Первая необходимость – собрать кусочки обмолвок и отбликов рассыпанной головоломки из подспудной реальности, сложить в нечто умопостижимое и при том не сбиться с курса, не заплутать в полунамёках на утаённо голую истину…

Гроза разразилась за чёрным окном гостиной. Шум ринувшей сквозь ночь воды раз за разом глох в грохоте грома от слепящих вспышек в фехтовальных перехлёстах молний. Невыносимо белый

столб огня ударил в центр двора по будке трансформатора. Кромешная непроглядность сомкнулась вокруг.

Тоня наощупь ушла в спальню – успокоить детей и Ваню. Она вернулась с горящей свечой. В неверных бликах трепетного огонька, я различил, что говорю с Матерями. Те самые, помянутые—совсем вскользь и с такой опаскою—у Гёте… Три Матери тут: старая, но могучая, средняя, но опытная, и совсем начинающая – Ира. На неё нельзя рассчитывать, она одна из них. Я должен их убедить, иначе ничего не выйдет.

С грозой беснующейся снаружи, за отражением мерцающей в чёрном стекле свечи, мне всё же удалось получить их позволение… А под конец их предводительница сказала: —«Если что-то случится, пойдёт не так… в совсем крайнем случае… обращайся к Главному…»

Ночью мне явился вещий сон… лёжа на спине я таился поверх каталки в холодном флуоресцентном свете, что лился отовсюду сквозь стены с потолком и всё тонуло в светлой серости лишённой и малейшей тени. Вокруг стояли кого-то в белом. Позади моей головы, не видно кто подтвердил: —«Если жир убрать, то может, и получится…» Даже не глядя, я знал, что сказавший это – тоже я. Неприметно, чтоб себя не выдать, я скосил взгляд на свой живот лежащего на каталке, где сквозь прозрачность кожи различалась тонкая прослойка чего-то желтоватого – жир, о котором я говорил…

Я вышел в тамбур вагона и взорвал косяк. В пыльном небе стекла автоматических дверей плыл табунчик морских коньков, подвернув хвосты колечком, себе под брюха. По росту – от матёрой кобылицы до малого жеребёнка, тоже любят системность, как те утерянные фигурки белых слоников. Электричка наддала в галоп, но так и не смогла их обойти…

В тамбур вышел мужик с рядочком медалей на груди его пиджака. Ветеран войны, он тогда знал кто против кого. Мы малость потрандели, не выдвигая особо отчётливых тезисов, из чистой дружелюбности, пока с очередной высокой платформы к нам не вшагнул мужик помоложе со связкой длинных тонких реек. Он

разделил нас ими и зашёл в вагон. Ветеран вдруг смолк, испуганно уставился в верхний угол тамбура позади меня. Я знал, что там нет ничего, но раз он углядел, значит есть. Я их оставил, пусть сами разбираются кто за кого и, вслед за рейконосцем, пошёл в вагон, потому что Киев бежал навстречу электричке…

~ ~ ~

На вокзале я отнёс вещи в прохладу подземного зала хранения багажа. Затем вернулся на поверхность, в жару привокзальной площади, и в правом её углу скользнул в неприметный проход к длинным пролётам лестницы в глубокую лощину со столовой, которую Лёха Кузько показал нам с Ольгой.

Когда лестница кончилась, я закурил косяк, но перестал затягиваться, потому что со стороны столовой навстречу мне топал взвод ментов. Так и пришлось идти сквозь строй правоохраны с тлеющим меж пальцев косяком.

Из столовой я вернулся на вокзал и начал обход. Стеклоглазых оказалось меньше, чем в ночном дозоре на Нежинском вокзале, вероятно, сказывалось время суток. Однако же были и тут, а при моём приближении спешили прикинуться, что это они просто так ну типа обычных пассажиров как и все.

Я поднялся на третий этаж в комнату матери и ребёнка, объяснил вахтёрше, что через месяц буду проездом через их вокзал с женой и дочерью-младенцем, вот зашёл посмотреть условия. Ну в общем, вполне чистый коридор, да, спасибо.

У туалетов на первом этаже молодой мент с тёмно-фиолетовым фонарём под глазом старательно отводил взгляд, хотя мы оба прекрасно знали, что фингал ему привесили из-за моего прохода через ментовский строй и он, пострадавший во вселенской битве, мне это в жизни не простит.

Потом, довольно продолжительно, я стоял в зале ожидания на втором этаже возле громадного стола «Союзпечать», заваленного кипами различных газет, журналов, почтовых конвертов. Но всё это

время я смотрел исключительно на одну почтовую открытку с синим-синим небом на картинке.

Ждать пришлось долго пока, наконец-то, у меня за спиной раздались шаги едва слышные в общем вокзальном гуле громадного зала… Я не сводил с картинки глаз. Шаги остановились. На ярко синий цвет легла тёмная монетка, диаметром с радужку. Только тогда я развернулся и ушёл не оглядываясь—отныне никаким каузальным генам не удастся изменить цвет твоих глаз… Вот когда вокзальные репродукторы сумели, наконец, ко мне прорваться:

– Поезд Киев-Одесса отправляется от третьей платформы. Просим провожающих покинуть вагоны.

Вряд ли нужно особо уточнять, что в те давние, простые, коммуникационно недоразвитые дни, ни одни даже самые бесстрашные умы в наиболее безудержных из своих грёзах, ни сном, ни духом и помыслить не могли об установке камер наблюдения в местах общественного пользования. Что же тогда, с учётом условий помянутого периода, могло стать причиной необъяснимой сцены разыгравшейся вечером того же дня в очереди пассажиров на автобусной остановке возле Киевского автовокзала? Ответ один – бдительность таксиста.

(…в данном контексте, термин «причина» использован без углубления во многослойность его смыслов, но в соответствии его издавна устоявшемуся значению для расположения реалий окружающей действительности в линейно ортодоксальную и конвенционально воспринимаемую последовательность схематично стандартной цепочки «причина-следствие».

Однако в описываемый период я выходил за пределы устаревшей этиологии вследствие избыточно глубокой поглощённости отслеживанием хитросплетений в прерывистой и недовершённо сочленённой последовательности трансцендентальных символов и знаков различного содержания, являвшихся мне в нежданных всплесках откровений, которые

побуждали дерзать в изыскании новых, ускользающих, но таких манящих уровней всеобъемлющего понимания сопредельно реальной действительности под наносной фальшивой легковесностью, чтобы посредством провидческих озарений достичь истинного понимания мира и моей роли в нём, ведь «зачастую края могут приподыматься, ненадолго, и мы зрим то, что нам не полагалось...», цитируя достославного Американского трансценденталиста...)

Итак, вернёмся к таксисту на стоянке такси возле перехода в подземный зал хранения багажа Киевского Вокзала Поездов Дальнего Следования... В 17:06 молодой человек лет двадцати пяти-семи, рост метр семьдесят шесть-восемь сантиметров, шатен, прямые волосы, подстриженные усы, поднялся из подземного перехода. На нём был серый пиджак и серые брюки, несовпадающего с пиджаком оттенка. Под пиджаком виднелась летняя рубаха синего цвета. Заметно чем-то расстроенный, шатен сел в такси с предложением водителю сходить вместо него в зал хранения багажа и принести портфель и сумку из автоматической камеры хранения, номер и код которой он предоставит. Таксист, естественно, отказался.

Индивид впал в раздумье, покручивая горелую спичку в пальцах правой руки. Затем вздохнул, сломал спичку, попросил немного подождать и скрылся вниз по ступеням перехода. Пять минут спустя, он появился снова уже с вещами и просьбой отвезти его на Киевский автовокзал. По прибытии в означенное место, пассажир расплатился, повесил сумку через левое плечо, ручку портфеля также ухватил левой и захлопнул дверь. Синхронно и, якобы, случайно он вытер никелированную ручку дверцы правой полой своего пиджака, уничтожая, по всем канонам криминальных фильмов, свои отпечатки пальцев. После перечисленных манипуляций шатен скрылся в дверях автовокзала междугороднего сообщения.

Что оставалось делать таксисту? Естественно, он позвонил оперативному работнику, с которым секретно сотрудничал под рабочим псевдонимом «Трактор».

Чему стала свидетелем очередь пассажиров, к которой присоединился и я, вернувшись из автовокзала, после посещения там мужского туалета и неподвижного стояния на протяжении пяти минут посреди вестибюля, не отрывая взгляд от многометровой улыбки стюардессы в синей форменной пилотке на громадном плакате «Летайте самолётами Аэрофлота!»?

Рядом с остановкой резко затормозила машина марки «Жигули» ярко-красного чисто вымытого цвета. Из неё вышел темноволосый мужчина в тёмных очках, подошёл о мне и, протянув ключ зажигания в связке с различными остальными ключами, произнёс: —«Садись в машину, сейчас поедем». Храня молчание, я отвернулся. Мужчина проследовал в здание автовокзала.

Вскоре два молодых человека появились из-за правого угла здания—один в форме милиционера, второй в гражданской одежде —оба заняли позицию справа от очереди. Из-за левого угла появился тот же мужчина в чёрных очках со спутником невысокого роста в матерчатой кепке, они остановились с противоположной стороны очереди. Человек в кепке (явный ханыга и алкаш) смешался с очередью пассажиров, приблизился ко мне и начал тереться сзади. Очередь непонимающе оглядывалась. Я безучастно стоял с сумкой на одном плече и портфелем в другой руке.

Омерзительную сцену прервало прибытие к остановке автобуса с надписью «Полёт» на борту... По пути в аэропорт Борисполя я не отвечал на недоуменные взгляды попутчиков, возвращаясь умственным взором к тому, чего не записала камера наблюдения (которая ещё не существовала, что и привело к её отсутствию) в пустом мужском туалете Киевского автовокзала междугороднего сообщения.

Я подошёл к наклонному жёлобу общего писсуара вдоль стены и высыпал в него горчично-коричневую пыль всей дури, что была при

мне. Упаковочный лист бумаги я смял и бросил в урну. Как меня обучили Французские криминальные драмы с Бельмондо в главной роли.

> *(…это свидетельствует о том, что меня получается программировать не только текстом, но и посредством кинематографии тоже.*
>
> *Всю дальнейшую жизнь вплоть до текущей ночи в этом лесу возле речки Варанды, я прожил до противного упорным воздержанцем…)*

В аэропорту Борисполя я не воспользовался автоматической камерой хранения, а сдал вещи на полки общей, пусть прошманают багаж и поймут, что незачем тереть их ханыг-провокаторов об мой зад… Билет до Одессы на попутный самолёт из Москвы стоил 17 руб., что не превышало наличного запаса в 20 рублей для прожития до первого аванса на строительных площадках портового города-спутника…

Одесский аэропорт за темнотою я не разглядел и городским автобусом приехал на автовокзал, где билетные кассы были уже все заперты, но камера хранения работала, а в зале ожидания имелись скамьи для сидячей ночёвки.

Конечно да, я чувствовал себя победителем, потому что сумел несмотря ни на что прорваться через Киев. Головокружение от успеха заверяло меня в полной моей неуязвимости.

Возврат к реальному положению вещей был не слишком приятным, когда редкая череда пассажиров сонно потянулась в рассвет утра через заднюю дверь вокзала на первый автобус. В брезжащем свете начала дня, они прошаркивали мимо меня, в вязкой полудрёме запрокинувшего (с демонстративной наглостью победителя) поверх спинки скамьи голову на беззащитно открытой всем и вся шее. Боль от иглы вонзённой правее кадыка заставила меня ущипнуть кожу в районе сонной артерии. Конечно, никакой

иглы там не оказалось, но явственное ощущение воткнутой или, скорее, выдернутой впопыхах иголки не проходило. Последующие полчаса я морщился, время от времени потирая пустую шею.

Открылась билетная касса и мне сказали, что на Южный рейсов нет, туда мне надо ехать автобусом местного сообщения с автостанции № 3, которая рядом с Новым Базаром.

Добравшись туда и изучив расписание движения автобусов автостанции, где строчка «Южный» неоднократно повторялась, я решил перед отъездом прогуляться, ведь это ж—боже ж ты, чёрт побери, мой! – это же Одесса-Мама!. Я в Одессе! Ахх… ё-моё!.

В конце небольшого зала (скорее даже комнаты) автостанции стояли всего пара секций автоматических камер хранения. Все ячейки заперты, кроме одной – в верхнем ряду секции. Я засунул туда вещи, составил код, бросил 15 коп. в щель и захлопнул. Замок не щёлкнул и не запер, потому-то ячейка осталась свободной.

Я переложил документы из портфеля во внутренний карман пиджака, потом потихоньку прикрыл дверцу, чтобы она не распахивалась. На гребне волны (подкатившей горой) эйфории, я покинул станцию и вошёл в Одессу…

~ ~ ~

Не всем суждено испытать состояние полного счастья в их жизни. Мне удалось надуть судебные власти. Более того, я могу указать время и место пережитого мной абсолютного счастья. Это те недолгие часы моей первой прогулки по Одессе.

Радостный свет солнца разливался по улицам, где шагал я. Я был частью всего вокруг и всё было частью меня в этом незнакомом городе, где каждый встречный узнавал меня и все так долго ждали моего прибытия. Мне передавалось что думают люди и я мысленно отвечал на их мысли… Вот шагает женщина радуясь своей красоте.

…ах!.. она хороша!.

И она расцветает победно.

…но у меня есть Ира…

И женщина, погрустнев, опускает голову, проходит мимо.

Кавказцу средних лет, что скучал на углу озираясь зевающим взглядом, подбрасываю мысль – «Э, Джавад, я помню твой удар кинжалом!» Скуки как не бывало – скатилась прочь по горестно опавшим плечам, ус дёрнулся в ошеломлении от вдруг всплывшего припоминания про вероломный выпад Джавада, о котором, секунду назад, ни сном, ни духом. Джавад, ты кто, э?

...ладно, не будем о грустном...

Быстроногая стайка пионеров в алых галстуках и белых рубашках спешит мимо на торжества по случаю, что я, наконец, тут.

Захожу в большой книжный магазин, сделать выбор на будущее, общаюсь с продавцами и покупателями не открывая рта.

Поднимаюсь ступенями многократно кинозвёздной лестницы, мимо памятника Ришелье, который никогда не стал кардиналом. В зелёной роще неподалёку снова пионеры, но уже другое звено. Чересчур увлеклись наблюдением обыденных вагонов с товарами для порта.

– Пионеры! – кричу им. – Корабли красивее вагонов!

Оглядываются, машут, улыбаются, узнали меня.

Таксист отвозит меня в ресторан «Братислава», по пути объясняет, что по будням она столовая. Но сегодня праздник – мой приезд, и он тоже знает, что это долгожданный я.

Я вымыл руки и лицо водой из-под крана в туалете, потом поднялся этажом выше, в громадный зал на одного меня. Откуда ни возьмись, возникает одинокая официантка и я заказываю суп. Когда она отошла, замечаю складку на скатерти – последствие неловкой глажки. Провожу ладонь поверх складки. Та исчезает...

...ну ещё бы, после стольких пелёнок запросто сниму любую складку простым возложением рук...

Официантка пришла и вышла, вокруг тишь тенистого зала. Начинаю есть рыбный суп по рецептам портового города. На невысокой эстраде рядом молчат динамики и усилители отсутствующей ресторанной группы.

…и что бы такое послушать?. что-нибудь лёгкое… ладно, пусть будет The Smokie…

Щёлкаю пальцами.

Ни звука.

…что?!. я не всемогущ?!. или тут у них по-другому включается?.

И грянуло сокрушительное, как нежданный удар в сплетение, чувство просчёта. Где-то случился непоправимый промах. Я допустил жуткую ошибку.

Совсем не могу есть этот суп. Рис превратился в ракушки стёртые в порошок и те осели на дно тарелки слоем мелких перламутровых осколков.

…где-то что-то катастрофически не то, я упустил, не так истолковал… но что?!.

В напряжённом раздумьи я начинаю похаживать между столами, туда-обратно. Подошедшей официантке объясняю, что я не могу есть, я что-то забыл.

– Что?

– Мой пиджак в туалете, – говорю первое, что взбрело на ум.

И в этот миг распахивается дверь зала, аккуратненький пенсионер оглашает, что мой пиджак внизу, в раздевалке.

Я спускаюсь вниз – к барьеру раздевалки, где женщина с Одесским сочным говорком передаёт мне пиджак, что ей принёс старичок из туалета.

– А карманы же ж полные были, – говорит гардеробщица с горьким укором понятным нам обоим. Это она сказала, что Солнечный Город меня всё же дождался и одарил всячески, а я растерял дары из-за непростительно глупой ошибки, хоть и не знаю какой. Я уныло иду наверх расплатиться за суп из молотого перламутра…

Это как в той настольной игре – поднимаешься всё выше и выше извилистой дорожкой из цифр, а потом проваливаешься в трубу прочерченную до самого низа… Я выкатился на улицу из ресторана «Братислава», где сознательно оставлял пиджак в туалете, потому

что в нём документы и деньги, а я достиг и вошёл в новый сияющий мир, где документы и деньги ни к чему.

По пути к автобусной станции, замечаю длинную прореху в своих штанах. На бедре. Шов лопнул от правого кармана вниз. И дальше иду прикрывая дыру пиджаком с пустыми карманами – рассыпал, не сумел сохранить подарки... Распахнутая настежь ячейка автоматической камеры, где я оставлял портфель и сумку, пуста.

На последний рубль я купил билет до Южного и вместе с копейками сдачи сунул в задний карман. Автобус битком, пассажиры тесно стоят в проходе. Моя соседка по сиденью неслышно вздыхает, трёт несводимое пятно на своей юбке. Я знаю, она запятнана из-за моей промашки. И по моей вине душный автобус тормозит перед каждым, красными от гнева светофором. Потом он надолго застревает на перекопанной траншеями улице, пропуская нескончаемую дружину унылых пионеров, что плетутся в пыли вдоль земляных куч... Моя вина – испортил праздник...

Мало-помалу, автобус выбрался из города, пассажиры сходили на остановках. Я тоже сошёл на предпоследней – неправильно явиться в Южный с дырой, как рана от копья в бедре у Спартака.

На окраине посёлка я почтительно приветствовал пацана лет двенадцати и попросил иголку с ниткой. Он понимающе отвёл меня в укромную заросль бурьяна за оградой из неравномерно крупных параллелепипедов светлого камня в кладке с широкими швами раствора. Убежал и вернулся с другом, у которого есть при себе игла на длинной чёрной нити.

Пацаны уселись на забор спиной ко мне. Я снял штаны и начинаю зашивать лопнувший шов. По ту сторону стенки из камня визжат тормоза, ревут и грохочут моторы машин по трудным дорогам нескончаемой вселенской битвы.... Пацаны сидят, как будто они совсем ни при чём и это вовсе не у них за спиною в густых бурьянах член РВС штопает набедренную рану...

С искренней благодарностью, я вернул им иглу и всё ещё достаточно длинную нить. Оставшись один, я опускаюсь под Яблоню,

достаю «Беломор», закуриваю, а остаток обгоревшей спички вгоняю в землю целиком. О! Как она взвыла! Истошным, отчаянным воплем – та пегая корова под деревом неподалёку, вскинув протестующую морду к небу… Да не знал же я! Что настолько тесно переплелось всё и срослось одно с другим!

Потом я шёл через густой Ивняк, а в небе сверху зависла большая, как аист, птица. Реет почти без движения. Эскорт из пернатых помельче приклеился к воздуху вокруг него…

…так вот он – вышний Главный… Бог ты или Дьявол, или Что ещё, мне уже не понять… суматошный мир сплёлся в слишком неразборчивую путаницу… и вот он я, без всего, только документы, карманный блокнот, ручка и платок с маленьким парусником… давай же заключать договор, так ведь оно вроде заведено?

Достаю ручку и автобусный билет. Не зная как составляют подобные контракты, я просто ставлю подпись под колонкой цифр выбитых кассовым аппаратом автостанции. Ручку кладу в карман, а билет на листья гибкой ивовой развилки. Оборачиваюсь спиной к документу – играем по честному, без подглядки.

Резкий выдох ветра взвихрил кусты, но когда я обернулся, билет по прежнему всё в той же развилке лишь перевёрнут обратной, чистой стороной кверху… так вот какая у тебя подпись?. чётко! такую не подделать…

Из зарослей я вышел к высокому кирпичному зданию вроде как центральный склад на заводе КПВРЗ и начал спрашивать где отдел кадров. Мне сказали, что всё уже закрыто, но после второй смены будет автобус в город, мне надо подождать.

Я долго ждал, потом долго ехал через ночь маленьким автобусом ПАЗ. Попутчики, по двое-трое, сходили на тускло освещённых улицах, пока шофёр и мне не сказал покинуть опустевший салон на углу широкой пустой площади.

Впереди мерцал жёлтый свет фонарей в узкой улице и я пошёл между её заборов, потом свернул налево, на следующем раздорожье повторил этот выбор. Сухое цоканье когтей по асфальту

шло следом за моей спиной, не отставая. Судя по звуку пёс был здоровенный, но я совсем не боялся и не оглядывался, просто медленно шагал дальше.

Впереди открылась всё та же площадь и я остановился не доходя метро двадцать, потому что это был мой пост. Жёлтый световой конус охватил столб с фонарём, но я стоял вне круга размыто очерченного на асфальте и он не мог дотянуться до моих ног.

Из чёрного силуэта пятиэтажки слева, осторожной рысцой кошка пересекла дорогу – раствориться в тёмном дворе хаты за забором справа, где её встретил радостный звяк собачьей цепи. Свиданка противоположностей. Иногда и рабам перепадает…

Ночь продолжалась, а я стоял не шевелясь, прикидывался, будто ни при чём, и не имею отношения к невыносимому скрежету за горизонтом, где визжа металлом, стопорилось движение гигантских шестерней вселенского механизма из-за моей непоправимой ошибки…

Когда у меня за спиной затормозил самосвал, я обернулся, но не уступил дороги, а только вскинул вверх правую руку, потому что это мой пост. У сидевших в кабине голов не было, непроницаемо чёрная тьма срезала их по самые плечи облитые скудным отсветом фонаря на столбе.

Водитель, когда вышел из кабины, оказался с головой и даже в кепке. Он бережно отвёл меня в сторону. Я не противился. Самосвал уехал, увозя второго с аспидно-чёрной тьмой на плечах. Чёрным прочертились на дороге следы его покрышек. Так нельзя оставить – тьма последует по этим указующим отметинам. Я принялся затирать их подошвами моих туфель. Надолго ли их хватит?

В ответ поднялся ветер, со стороны площади прибежала распахнутая газета потереться об мою ногу. Я различил заголовок **Гробница Князя**. Долго же ты добиралась. Она прощально шелестнула и поскользила дальше по асфальту.

Небо посерело… Усталая после пса, но довольная, кошка осторожно перешла дорогу обратно к пятиэтажке, к своей барской

дневной жизни на чердаках высшего света. Жалобный скулёж отчаяния и умоляющее звяканье цепи звучали ей вслед.

Наступил рассвет нового дня, но я всё так же стоял там, пока женщина в белом не пересекла в отдалении площадь к её левому краю, невидному с моего поста. Вскоре старуха в чёрном поковыляла в том же направлении, толкая детскую коляску. Но я знал, что никакого младенца в коляске нет. Это она толкала яйца. Белые и круглые, как шары бильярда. Яйца. Гроздьями.

Мне стало ясно, что теперь могу оставить свой пост, и я вышел в безлюдье площади… Дальше и дальше шагал я, не нарушая тишины пустых улиц, пока не свернул в открытую проходную какой-то фабрики.

В тесной дежурке, я попросил воды у высокого старика в очках, чёрной робе и кепке. Он дал мне стакан воды и мы оба внимательно следили: проглочу ли я чёрную соринку, что плавала на поверхности?.

Я выпил до дна. Соринка осталась на стенке стакана. Чёрный старик сказал мне как пройти в Бюро по трудоустройству…

~ ~ ~

Бюро оказалось запертым, но потом пришла женщина с ключом и открыла. Я сказал ей, что ищу работу, а она ответила, что нужно подождать ещё одну работницу, которая скоро придёт. Недалеко от бюро нашлось открытое молочное кафе. На оставшиеся копейки я купил большую бутылку молока, но выпил только половину. Сколько поместилось в высокий стакан из тонкого стекла. Над ним я произнёс прощальные слова Ромео с отравой в кулаке: —«Пью за тебя, любовь!» А потом выпил.

К моему возвращению, вторая работница успела появиться. С первого взгляда различалось – это Смерть, а которая пришла первой – Любовь. Смерть проверила мои документы и раздражённо объявила, что я уже разводился, но Любовь улыбнулась и сказала, ну и что? Потом она вышла в другую комнату позвонить куда-то, а я

остался с недовольной Смертью, которая чем-то походила на Ольгу. Наверное из-за крашеных волос, только подлиннее.

Вернувшаяся Любовь сказала, что для меня есть работа в Одесском Шахтоуправлении, мне нужно пойти на Площадь Полярников и найти там главного инженера, а ещё напомнить ему про машину, она забыла по телефону сказать. Машину для Марии. Хорошо? Он знает…

Главный инженер сказал, что в Управлении мест нет, есть лишь работа крепильщиком на шахте, но у меня ведь высшее образование. Я сразу же пообещал, что оно мешать не станет и тогда он послал меня в кузов грузовика, что стоял у крыльца на площади. Тот тронулся и вскоре мы выбрались за город. Кроме меня в кузове ехал высокий и белый, но потрёпанный холодильник и пара чёрных цепей, как для бензопилы, только намного длиннее и более мощные. Они казались парой змеищ в случке и от постоянной тряски кузова на лотках дороги подползали ко мне всё ближе и ближе по обшарпанным доскам кузовного днища.

В посёлке Вапнярка грузовик заехал на территорию производственного вида. Инженер сказам мне сбросить цепи из кузова и я сошвырнул хищных тварей в глубокую лужу, хотя рядом хватало и сухого места.

– Ты что творишь? – закричал главный инженер, хотя я видел, что ему понравилась моя расправа.

Водитель поволок утопленниц в раскрытую дверь склада. Потом мы поехали в другое место посёлка и перенесли холодильник в один из дачных домиков обнесённых общим невысоким штакетником. Главный инженер сунул шнур в розетку, удостовериться, и холодильник удовлетворённо заурчал.

– Чуть не забыл, – сказал я, – Мария просила прислать машину. – На самом деле, я помнил эту условную фразу всю дорогу, просто выбирал подходящий момент…

Главный инженер объяснил как пройти к водопроводному крану на улице. Я пошёл туда, снял пиджак, обмыл ладони и руки до

коротких рукавом рубашки, а также лицо и шею. Два милиционера в офицерских погонах стояли сбоку от меня, а с другой стороны двое военных в общевойсковой форме. Они терпеливо ждали, пока я плескался, потому что я с главным и после этой воды никакая игла уже не прокусит мне кожу на шее. Потом я отошёл и утёрся крохотным носовиком, вмиг промокшим.

Грузовик выехал из села и продолжил путь с одним только мной на весь кузов. Шоссе нырнуло в глубокий спуск и справа открылась необъятная пустота. Необозримое поле. Я не мог понять что это, но через секунду оно шевельнулось, пришло в движение, белые гребешки длинных волн побежали к берегу. Так, это же море!

Я вынул блокнотик и, сверяясь с часами на запястье, написал на обороте задней обложки:

«20 июля, 1979

13: 30: 15

Ира

Сергей

Лилиана»

Шоссе снова устремилось вверх. Наверху подъёма грузовик свернул на грунтовку влево и через околицу села выехал в поле, где просёлок пошёл вдоль лесополосы. Через два километра, после затяжного уклона, показались два-три строения барачного типа, а ещё через сотню метров дорога закончилась широким котлованом карьера с рельсами узкоколейки, которые, минуя контору с вывеской «Шахта Дофиновка», тянулись в тёмный зев тоннеля в противоположной стене…

В тройке трёпанных жизнью кресел с обшарпанно-прочными подлокотниками в тенисто зашторенной комнате сидели трое. В придвинутом к шторе окна располагался усатый мастер шахты, лет сорока пяти для соответствия разреженному числу волос на темени.

Из кресла напротив главный инженер с жизнерадостным смехом описывал мой швырок цепных змей в лужу. Мастер никак не разделил его веселья и главный инженер беспрекословно умерил

свою оживлённость. Его неотступное внимание к сидевшему напротив без увёрток свидетельствовало кто тут на самом деле главный.

Сидевший справа от мастера я протянул, по его слову, мой паспорт стесняясь малость, что такой вот замызганный. Он раскрыл книжицу и, не прикасаясь, повёл правой ладонью над страницами.

И узрел я как бумага в них прояснилась наполняясь жизнью, словно только что из типографии, и даже стала испускать некое эктоплазменное сияние, изнутри. Мы с главным инженером заворожённо наблюдали, нам не дано творить чудес. Похоже, я всё же сумел дойти до Главного...

Он издавна покинул облака и принял облик мастера заштатной шахты. Имя? Всуе поминать не след. Могу лишь поделиться, что отчеством себе избрал он «Яковлевич»...

Потом я сказал, что мои вещи пропали на автостанции в Одессе, денег нет, а мне надо позвонить жене, она там беспокоится. Главный инженер мгновенно протянул мне тёмно-синюю пятирублёвку и объявил, что жить я буду в общежитии у въезда в котлован карьера.

Мне не требовалось объяснять, что общежитие, как и сама шахта, всего лишь обманчивая иллюзорность для легковерных простачков в мире, где следует быть постоянно начеку. Поэтому я выщипнул коричневатую пушинку из складки денежного знака и, технично ненавязчивым жестом, плавно переложил мягкую метку на исцарапанный подлокотник – мы все тут понимаем друг друга, не так ли?.

~ ~ ~

Помимо исполнения своих непосредственных обязанностей—сперва крепильщика, а впоследствии помощника машиниста камнерезной машины, не говоря уже о более краткосрочных работах и заданиях—я пребывал в непрестанном состоянии поисков ответа на вопрос: что скрывается за фасадом окружающей видимости? Отыскивание ясности продолжалось также и в Одессе,

куда я нередко наезжал позвонить в Нежин из переговорного пункта междугородней телефонной связи на улице Пушкинской. Откуда деньги? Занимал в общежитии до аванса или зарплаты у Славика Аксянова или его жены Люды.

В этом, скажем так, общежитии, переделанном из, якобы, коровьей фермы, насчитывались четыре, допустим, комнаты по обе стороны длинного коридора всего сооружения барачного типа. В одной из комнат обитала молодая бездетная семья Аксяновых. Соседнюю занимала Бессарабская семья с годовалым ребёнком. Из-за следующей по коридору двери изредка появлялся пожилой электрик-одиночка.

Мне досталась комната в противоположной стене коридора, из которой, как меня пытались убедить, рацию убрали, но решётку оставили. Прежде всего я извлёк из окна железную раму с такими же прутьями и поставил её снаружи в густой бурьян доросший до подоконника. Затем я побелил стены и целый вечер вёл баталии с мириадами прикинувшихся комарами вампиров, вооружённый холодным оружием из свёрнутой в трубку газеты. На следующее утро Славик Аксянов, в крепко помятом состоянием внешности, спросил меня, чем это я занимался весь вечер после ремонта.

– Сафари, – кратко ответил я не вдаваясь в подробности, видно было что ему и без того досталось в битве.

Остальные двери коридора стояли запертыми, за исключение первой направо от входа, где находился душ.

Работники шахты прибывали утренним грузовиком из Вапнярки и Новой Дофиновки. Подъезжая, они гикали и свистели в кузове как черти, но сами себя называли махновцами. Раз в два дня они, па́рами, наполняли большой бак душа водой, которую натаскивали из небольшой халабуды в овраге, метров за тридцать от общежития. Она скрывала глубокий колодец с ведром на цепи железного ворота. Электрические тэны нагревали содержимое бака задолго до окончания рабочей смены.

В стороне от барачного общежития, из высокой травы на склоне виднелась верхняя часть будки одноместного сортира с жестяными стенками. Дверь отсутствовала и к сооружению следовало приближаться с каким-либо упреждающим насвистыванием, чтобы не застать пользователя в позе орла на жёрдочке… Из бездверной коробки сортира открывался великолепный вид на водную гладь лимана и его крутой противоположный берег.

(…существует общее понятие «поток сознания», которым предполагается, будто человек способен мысленно (т. е., про себя) комментировать происходящее вокруг либо думать о чём-то постороннем, не имеющем ничего, на первый взгляд, общего с происходящим. Первым литератором применившим идею «потока» принято считать Ирландца по имени Джеймс Джойс, хотя сам он делал попытки подставить некоего Француза, у которого, якобы, перенял приём. Однако задолго перед этим, хоть и в меньших масштабах, «поточные» размышления отмечались у несостоявшейся тёщи князя Мышкина в романе Идиот Фёдора Достоевского.

Таким образом, «поток сознания» явно из разряда открытий, которые приходится делать неоднократно и в различных местах, на всякий, чтоб не затерялись. Сам же «поток», вкратце, доводит до сознания людской расы, что человек способен обмениваться мыслями сам с собой.

То, что творилось со мной в то сумасшедшее лето 79-го, которое оказалось самым прекрасным летом в моей жизни, вряд ли можно назвать «потоком сознания». Поток? Помилуйте! Какое там! Нахлынуло половодье, безудержное, освежавшее каждое из моих пяти чувств в их постоянной неусыпно напряжённой настороженности.

Я обменивался мыслями не только сам с собою, но и с каждым встречным-поперечным, от мелкого камешка на пыльной обочине дороги и до ночных звёзд влажно мерцающих в вышине.

– Нет, ну вы такое видели?

А те, с высокомерным безразличием, отвечали: —«Видели и похлеще, и не только тут». И продолжали перемаргиваться дальше, как миллионы миллионов лет до нашей эры.

И меня ничуть не напрягало это непрерывное вулканическое извержение неустанного мыслепотока. В конце концов, человеческий мозг использует всего лишь 10 % заложенного в нём природного потенциала. Так пусть разомнётся, сметёт паутину и пыль скопившиеся в остальных процентах!

Разумеется, в рабочее время интенсивность моего одиночного мозгового шторма несколько снижалась – рабочее место казалось более статичным и устоявшимся по сравнению с ежесекундными переменами обстоятельств в жизни улиц большого города. Однако с гордостью могу констатировать, что даже на глубине 38 метров под поверхностью Земли, интенсивность моей умственной деятельности значительно превышала убогий 10 %-ный стандарт…)

Шахта «Дофиновка» добывала «кубик» – трёхмерные каменные блоки 20 см х 20 см х 40 см вырезанные из подземных залежей известняка. Для этой цели из котлована образованного давно выработанным карьером круто, но не вертикально, углублялся центральный, он же стволовой, тоннель, от которого там внизу, под 38-метровой толщей других напластований, расходились штольни – тоже тоннели, но пониже и поуже—как ветви от ствола дерева. В конце каждой такой ветви-штольни стояла камнерезная машина, которая и нарезала «кубик» из стены перед своим носом. Такова общая картина с высоты птичьего полёта, если можешь прозревать сквозь земную твердь…

Ну а в частности, моего наставника для работы крепильщиком звали звучным именем древних князей Руси – Ростислав. Однако на это имя он не откликался, оно звучало слишком чуждым даже для

него лично, поскольку для всех он был Чарликом и по-другому никто не обращались.

Прежде всего он повёл меня в штольню Машины № 3, потому что трепетал перед её машинистом, которого Чарлик именовал исключительно по отчеству – Капитонович. Будучи мелким бесом, Чарлик всячески подлизывался к Капитоновичу, заслуженному чертяке, который отмотал когда-то срок в десять лет.

Мы с Чарликом шагали с фонарями в руках. Перед спуском в шахту Люда Аксянова, ламповщица, давала каждому фонарь в её пещере, налево от входа в стволовой тоннель. Без света внизу оказываешься во тьме кромешной и, не различая под ногами тонких рельс узкоколейки поверх изредка подложенных шпал, так навернёшься, что мало не покажется. Поэтому в шахте все носят пластмассовые каски и каждое утро перед спуском ставят подпись в журнале, что их только что ознакомили с техникой безопасности и теперь они знают на что идут. Такова традиция.

Температура в шахте неизменно плюсовая, даже зимой. Постоянный штиль и давящая в уши глубоководная тишь наполняют штольни, если никто ни с кем не разговаривает и рядом не работает какой-то механизм… Мы шли и шли вдоль тесной узкой галереи, правая стена – сплошной камень в засечках от камнерезной пилы, а другую загораживает кладка из обломков кубика уложенных всухую. Кладка довольно высокая, но не до самого потолка, который в шахте называется «кровлей», однако об этом чуть позже… Пара привольно висящих проводов «гупера» в белой изоляции тянулась поверх кладки всю дорогу.

Наконец далеко впереди заяснел тусклый жёлтый свет пары электрических лампочек облепленных плотной пылью. Камнерезная машина стояла перед лицом глухой стены и Капитонович сидел, в тишине и безветрии, на её открытом сиденьи в ожидании нас. Он работал без помощника, потому что мечтал когда-нибудь получить 300 руб. за месяц.

Каменная стена проходки перед машиной (4,5 м x 2,5 м) была уже расквадрачена бороздами «зарисовки»—глубокие параллельные пропилы от одной боковой стены до другой пересекались такими же вертикальными, от потолка до пола, и образовывали торцы будущих кубиков. Теперь вгоняешь лом посреди зарисовки и выламываешь кубик. Потом пару кубиков рядом, пока не образуется ниша достаточная, чтобы выломать остальные кувалдой.

Капитонович ждал нас, потому что за минувшие пару дней его машина продвинулась далеко вперёд от места окончания узкоколейки.

Продлив железную дорогу двумя парами 4-метровых рельс (подвезённых днём раньше), мы с Чарликом создали возможность подгонять вагонетки на 8 метров ближе для переброски на них кубиков наломанных из «зарисовки». Однако в шахте вагонеток нет, их там именуют «вагонками» или «капелевками».

(…не исключаю, что в честь белогвардейского генерала Каппеля, но за достоверность не поручусь…)

Когда вагонка сходит с рельсов, ситуация называется «забури́лась», два-три рабочих возвращают забурившуюся обратно, вручную, предварительно освободив от груза, упираясь рогом по полной – так называемый «метод пердячего пара». Потом маленький шахтный локомотив приедет из карьера и вытащит вагонку на-гора́, попутно прицепляя те, что дожидаются на выходах из других штолен.

Напиленные в стене проходки кубики обламываются не идеально, поэтому перед следующей «зарисовкой» особо выдающиеся куски сшибаются всё тою же кувалдой. Эти обломки, а также брак—обломившиеся слишком коротко или расщеплённые из-за трещин в породе кубики—служат материалом для продолжения кладки вдоль одной из стен. Без этой кладки-перегородки некуда было б девать песок.

Откуда тут песок? Когда машина, мешая вой электромотора с лязгом цепной пилы, делает пропил в стене, от цепи бьёт длинная струя песка, а не опилок. Щит из металла и стекла прикрывает машиниста от секущих струй, но не от пыли. Высоким барханом растёт груда песка, вокруг машины и если её не перелопатить в «карман» (пространство между кладкой и стеной штольни), не оставит места для узкоколейки.

Вслед за нашей трудовой победы по путеукладке, Чарлик снимает каску с головы и садится в неё сверху, как на горшок, так удобнее, чем на пол или на песок, или на бутовые обломки. Он закуривает Приму, которую стрельнул у Капитоновича и с осторожным подхалимажем вопрошает о значении широкого кроваво-красного пятна в камне правой стены.

Капитонович с важной оттяжкой выдвигает объяснение, что когда тут было море, на нём горел пароход, а когда затонул, отложился в породе красным. Чарлик тут же хихикает, а я отгоняю ненужные мысли, что десятка стандартный срок за убийство, потому что мне нравится Капитонович.

Прежде чем уйти в остальные камнерезные штольни, мы крепим кровлю. Для этого Капитонович врубает машину, чтобы под самым потолком боковой стены пропилить ряд коротких горизонтальных щелей. Ломая ломом перепонки между щелями, получаем глубокую нишу с квадратным входом (20 см x 20 см). Точно такую же производим в противоположной стене. Теперь в одну из дыр мы с Чарликом запихиваем конец не слишком толстого бревна, до упора. Второй конец приподымаем к противоположной нише и заводим внутрь, но не до конца, чтоб не вытащить бревно из первой. Это бревно называется «площак». Площак мы подпираем двумя брёвнами покороче—«стояками»—впритык к боковым стенам. Крепление кровли шахты готово.

Откуда взялись три бревна? Очень просто – отошли метров на тридцать обратно в темноту штольни и выдернули какое-то из прежних креплений. Откуда ж ещё? За весь период моей работы в

шахте «Дофиновка» туда поступили ровным счётом три бревна. Я собственноручно обдирал их кору приспособой «струг» (типа топора приваренного на конец лома остриком вперёд) перед тем как Славик Аксянов увёз их в стволовой тоннель на вагонке. Так что кровля в штольнях держалась на сэкономленных материалах...

Иногда кровля начинает «капать» или «дождить». Это когда она трещит и трескается, и от неё отрываются и падают вниз куски породы. Типа обвала, но не наглухо.

Чарлик попал под такой «дождь» у меня на глазах, когда выдёргивал очередной «сэкономленный» *площак*. Ему повезло, он лежал между кладкой и стеной, на высокой, под потолок, куче песка. У каменной плиты, что с кровли капнула, лишённой места для разгона, не оставалось выбора кроме как просто лечь ему на грудь, мягко так. Не слишком большой кусок, полметра на полметра и толщиной в десять.

Он сразу же завспоминал Алика Армянина. Когда над тем «задождило», Алику пришлось пятиться шестнадцать метров, задом-наперёд. Бегом конечно. На развороты времени не оставалось. Кровля трещит и валится, догоняет. Так вот и бежал, вперёд пятками, и орал при этом: —«Ебал шахту! Ебал деньги!» Но кто? Имя не назвал как бы угадай с трёх раз... Так что, кровля шахты, она не крыша в привычном смысле...

Кроме действующих штолен, в шахте есть ещё и заброшенные, это где пласт хорошего камня выработан и дальше углубляться бесполезно. Ход в такие штольни замуровывают бракованным кубиком, который называется «бут», но при закупорке штолен его кладут уже не насухо, а на раствор, чтоб сквозняки не получались.

Правда, не все выработанные штольни замурованы. Однажды мастер показал мне аварийный выход. Через такой же вот незамурованый ход штольня выводит в бывший стволовой тоннель, где когда-то вагонки лошадьми ещё таскали, а тоннель тот тоже начинался в котловане, только повыше нынешнего. Так и в том, уже выработанном, тоже свои штольни имеются. Когда Чарлик в отпуск

ушёл и я остался крепильщиком-одиночкой, то из тех штолен *площаки* выдёргивал.

Один раз возвращаюсь в новую половину шахты, в штольню № 4, такой весь гордый и довольный – ну, как же!в одиночку бревно припёр. Ещё и острю тупым концом: —«Машине № 4, по спецзаказу прямиком из Рио де Жанейро!» С плеча бревно сронил, а эта сука— тресь! – точно пополам. Слишком древний материал оказался.

Но те сплетни, будто я по заброшенным штольням без фонаря шастаю – полная брехня. Толчком к подобным россказням послужило то, что когда чей-нибудь фонарь горит, я свой выключаю. Сам не знаю зачем, всё равно ж после смены Люда его на зарядку поставит. Чёрный провод от фонаря заходит в брезентовую сумочку с лямкой, чтоб носить её на плече. В сумочке аккумуляторная коробка фонаря и на ней цифра. Фонарь с корявой 16 на коробке – это мой.

В заброшенных штольнях я его всегда включал и один раз в его свете увидел неземную красу. Смотрю и не пойму – что это оно там такое белое сверкает под кровлей посреди всей подземной тишины. Описать невозможно как вроде чисто белая, клочкасто-лапчатая инопланетная структура или из глубин океана, куда батискафы не доныривают, а в ней как бы мелкие бриллианты в луче переливаются. Красиво – аж жуть берёт.

А у меня топор в руке, для проверки *площаков* на гнилость. Топор просвистал в темноте поверх света и белизна опала на пол. И— вместо необъяснимой красоты—стою над большим плевком. Тут только мне дошло, что это гирлянда плесени была. Потом ещё такие же гирлянды попадались, но одни только коричневые – в наказание, что чистую красоту убил.

Потом Чарлик вернулся из отпуска и на шахту поступил Вася. Он стал крепильщиком, а меня перевели помощником машиниста камнерезной машины. Ну уже не так романтично как шастанье по старым штольням без фонаря и машина ревёт, а нос и рот завязан

повязкой от пыли зато – ба! Знакомые всё лица! Братаны: Лом, Совок и Кувалдóметр!.

~ ~ ~

Однако всё вышесказанное являлось таким лишь на первый, непросвещённый, взгляд. Что на самом деле производила шахта «Дофиновка» под негласным надзором главного из главных, он же Яковлевич? Да разное. Кому что… *Jedem das Seine*.

Инженера шахты Пугачёва с его пирамидально правильным носом, который возникал внизу раз в месяц минут на пять, интересовало только золото. Вернее золотой песок. Прицыкнет клыком в золотой фиксе и у машиниста негромко спрашивает: —«Что, есть песочек сегодня?»

Когда я (непреднамеренно) услышал как он это говорит, то начал после каждой смены вытряхивать карманы своей робы. Меня на золото не купишь! Тем более, что без понятия как превращать песок в презренный металл.… Толик, машинист с машины № 2, аж опупел, когда увидел от чего я избавляюсь.

Но там из него точно золото изготовляли, а потом под видом алюминиевых отливок штабелевали в бурьяне рядом с общежитием. Точь-в-точь как слитки банковского золотого запаса только под цвета алюминия, для маскировки конечно.

Мастер мне почти прямым текстом об этом и сказал, когда мы с ним проходили мимо: —«Такая ценность, и никто не догадается поднять. Валяются тут»… А откуда и зачем на шахте по добыче камня возьмутся алюминиевые слитки?.

Что касается самих кубиков, то это—без вопросов—души. Машина № 5, например, где машинистом Гитлер или же Адольф (ну во всяком случае, никак иначе его никто не называл, а только Адольф или же Гитлер), производила людские души.

Иван, с машины № 1, громко обижался – когда его вагонки вытащат наверх, много кубиков уходит в брак, а от Адольфа—и треснутые, и короткие—всякий бут проходит. Но если вдуматься, так

оно и есть – много попадается людских душ с изъяном. И что парадоксально, его тёзка—Гитлер—столько душ погубил, а этот тут под землёй их тяп-ляп штампует да ещё над Иваном подсмеивается.

Для кого пилят души остальными машинами я могу только догадываться. Архангелам? Демонам? Титанам?. Вот это-то и удручало меня сильнее всего – моё невежество. Да, я, конечно, чувствовал, что я избранный, но оставался до слёз безграмотным избранным типа пешки в игре, правила которой всем известны кроме тебя.

Продвижение к пониманию шло методом проб и ошибок, наощупь, по наитию. Иногда случались озарения как в том случае, когда после смены я поехал на грузовике в Новую Дофиновку за съестным на завтрашний обед. Среди рабочих в кузове находилась женщина в летах, а на голове косынка. Грузовик как раз отъезжал от общежития и тут в дверях показалась Бессарабка с ребёнком на руках. «Ой, какая деточка-красавичка!»– с этими словами женщина распустила косынку у себя на голове и повязала заново, но уже по-другому как-то...

Вернувшись домой через поля вдоль лесополосы, я зашёл в свою комнату, но отдыхать не получалось – годовалая девочка бессарабской семьи захлёбывалась визжащим криком, а её мать, не зная как унять ребёнка, носила её по коридору – из конца в конец, качала на руках, напевно приговаривала «а-а-á!», но безрезультатно.

Я плохо переношу детский плач, но общежитие не электричка, где можно перейти в другой вагон. И вдруг мне вспомнилась как попутчица по кузову перевязала свою косынку на другой манер, нахваливая этого, тогда ещё молчавшего ребёнка. Выйдя в коридор и молча, но упорно глядя на мать младенца, я вынул мой платочек из кармана, развернул его и сложил заново, но уже на другую сторону, после чего отправился в овраг, достать воды из колодца.

По возвращении, меня встретил радостный взгляд женщины – девочка у неё на руках была совершенно спокойна, а на голове у неё появилась косыночка завязанная узлом на лбу. Бинго!.

Но случались и осечки тоже. Петух, что выгуливал у входа в общежитие, не принял моих добрых намерений и и презрительно отвернулся от предложенных ему крупинок синьки для полоскания белья, которую кто-то забыл на широкой лавке у входа. Попытка внести разнообразие в рацион птицы проистекала из добрых побуждений и свежеприобретённого опыта: в тот день открылось мне, что сочетание синего и чёрного есть знаком силы и из петуха, в его чёрных перьях, склюнутая синька сделала бы петухо-Годзиллу…

А факт того, что меня, как избранного, оберегают, проявился, когда ко мне подкрадывался стеклоглазый в несомненно злонамеренных целях…

Среди стеклоглазых есть три разновидности. У кого остекленелость органов зрения сочетается с ярко выраженной белизной белков – безвредны. Они, разумеется, одержимы, но остаются всего лишь орудием получения информации – как оно тут что? Своего рода подзорная труба, но не более того. Куда утекает информация? Кто получатель? Наивный вопрос – к бывшим обитателям Олимпа в их нынешней, конечно, форме.

Вторая разновидность, с мутным блеском в поверхности глазных яблок, работают сами на себя, ищут где бы «кровцы испить» или как-то иначе подзарядится за твой счёт.

– Там будет подземный переход для людей, но и нам тоже можно, – одна из таких сказала мне, явно приняв за своего в незнакомом и плохо освещённом районе ночной Одессы. Я спрашивал как пройти к автовокзалу – их излюбленной кормушке. Именно такие поджидали меня и торопили гардеробщицу «Братиславы», чтоб меньше базарила, (но на самом деле это был разговор полный глубокого смысла, понятного нам обоим, хоть и не в равной степени ясности) да поскорее отправляла б дичь за дверь – меня с разодранным бедром…

При прохождении медицинской комиссии для трудоустройства (задним числом, недели через две) кровь на анализ брали у меня в

медпункте Вапнярки. Войдя в кабинет, я обнаружил там, помимо медсестры, тучную даму в штатском с такой же вот мутью в глазах, которая сидела на кушетке, а между губ, из уголка, свисает длинная гибкая трубочка защитного цвета. Тут медсестра спешит заверить, что трубка это всего лишь зонд и дама нам никак не помеха. Будто бы я по глазам не вижу какого пошиба эта дама и зачем она тут.

Медсестра, как водится, проколола мне палец и стиснула, но вместо обычной капельки крови он выдал крохотный фонтан, не толще иголки, как при сцеживании молока из груди кормящей женщины. Я в жизни ничего подобного не видел!

И изумился не только я один – у дамы челюсть распахнулась и этот, якобы, зонд вот-вот выскочит. Типа алика – подставлял стопочку, а ему туда плюхнули всю трёхлитровую банку самогона – вуй! сколько добра пропало!

А насчёт добычи крови клыками, это всё бабушкины сказки для деток малых. Они заправку производят неприметно, используя (хоть не совсем понятую мною, но) весьма эффективную технологию...

Тот стеклоглазый замутнённого типа, который хотел подпитаться мною, прикатил на Волге, привёз своего начальника в общежитие. В коридоре имелся также редко отпираемый кабинет, куда являлись договариваться о вывозе кубика из котлована перед шахтой.

В тот день, как обычно, я поднялся из шахты в общежитие на обед и мыл руки под рукомойником, недалеко от входа. Стеклоглазый меня не знал, он был проездом, и подкрадывался с оружием в руках – артефакт из, якобы, алюминиевой проволоки странной конфигурации, общая длина, ориентировочно, составляла сантиметров двадцать.

Заметив мутную стеклянность разлитую в его глазах и мягкость, с которой тот подкрадывался, я понял, что мне каюк. На минимальной дистанции, когда он мог уже дотянуться своей закарлючиной, серый котёнок выпрыгнул из травы и терну́лся загривком о чёрную штанину моей робы. Стеклоглазый браконьер тут же утратил всякий интерес, опустил оружие и вернулся в машину. Неизвестный

спаситель котёнок, которого я никогда—ни прежде, ни впоследствии—не видел в округе, вновь скрылся в траву…

Но чаще приходилось полагаться на свою собственную осмотрительность. Как на том узком галечном пляже под обрывом Чабанки… Я хотел поплавать в море и уже вошёл в спокойные медленные волны, но остановился – два рыбака в плавках и с удочками в руках стояли на паре раздельных валунов между мной и морем. Пространства между ними хватало, чтобы проплыть, но я понял, что удочки это шлагбаум запирающий путь в необозримую ширь моря. И только улучив момент когда оба они синхронно выдернули свои удочки (хороший клёв!), я нырнул и поплыл прочь от пляжа.

Плыл я долго, порою отдыхал лёжа на воде и удивляясь – почему это мой отец говорил, будто солёная вода моря поддерживает пловца? Никакой разницы с лежанием на пресной воде… Потом я плыл дальше, главным образом на спине, лицом к тёплому яркому небу, пока не ощутил толчок в плечо.

Я оглянулся и увидал в воде медузу, белесо-прозрачную и широкую как таз. Я обплыл её и продолжил путь, но потом медузы начали встречаться всё чаще и чаще – огибая одну, утыкаешься в следующую. Приподнявшись торчком из воды, я посмотрел вперёд и увидел, что их тут скопилось непроходимое стадо и своими полупрозрачными телами они превратили спокойные блестящие солнцем волны в какой-то медузий кисель. Мне не хватило отваги переть напролом раздвигая кисель, я развернулся и поплыл к уже довольно далёкому берегу…

Пляж Чабанки покрывала разноцветная, довольно крупная галька, но попадались и полосы влажного песка. На одной из таких полос у самой кромки воды я хотел написать ИРА, но волны не позволяли. Они набегали и заравнивали бороздки в мокром песке прежде, чем получалось выписать все буквы и я только раскровянил палец об неприметно мелкие осколки ракушек, пока не сдался…

Но моя первая встреча с морем состоялась на пляже Новой Дофиновки, куда я пошёл после работы вдоль берега морского лимана, который дотягивался аж до общежития. Вода в нём гладкая и очень прозрачная. Я шёл пока не увидел в ней лысые автопокрышки от грузовика, которые сбросил с берега какой-то придурок. Пришлось снять штаны и заходить в мелкую воду, чтобы вытащить этот хлам, но за следующим поворотом лимана я увидел, что дальше в нём вообще свалка – жизни н хватит, чтоб всё повытаскивать, а уже вечер. Дальше пошли заросли камыша до самого шоссе, за которым одно только море…

Но когда от шахты идёшь в Новую Дофиновку просёлочной дорогой, то иногда там над полями висят громадные корабли. Корабли эти, конечно же, в море стоят, но оно у горизонта сливается с небом, поэтому смотришь – поле, а над ним корабль и, чуть касаясь его носа, переливается красным огромный шар заходящего солнца. Эти корабли из-за своей громадности не помещаются в порту, вот и вынуждены стоять посреди неба с морем…

~ ~ ~

Со Славиком Аксяновым у меня сперва были нормальные отношения, хоть я и видел, что в прошлой жизни он служил Нацистским офицером в лагере смерти либо начальником лагеря на Колыме, а в нынешней чересчур любит привлекать к себе внимание пустыми базарами. Но я даже помог ему пилить доски для семейного топчана.

Расстояние от Чабанки до шахты составляло километра два, как и от Новой Дофиновки только без лесополосы вдоль дороги. И посреди пустого поля за мной постоянно увязывались мухи – целым роем. Летят и не отстают. А мне не хотелось привести «хвост» и тем выдать местоположение, якобы, шахты, так что я нашёл чёткий способ сбрасывать мух с хвоста.

Рядом с общежитием стояло длинное строение бывшей фермы. Его-то я и начал применять в качестве шлюза дезинфекции на

космическом корабле, который прилетел исследовать неизвестные планеты. Захожу в здание с одного конца—в мушином сопровождении—и топаю на выход в другом конце. Учуяв дух навозный из дней былого, рой впадал в растерянность и рассыпался кто куда в активном поиске того же, но посвежее, а я спокойно выходил на воздух с продуктами из Чабанки, без единой жужжалки следом...

Славик попросил в конторе разрешение на доски с пола в той старой ферме, чтоб сделать топчан для себя с женой, потому что ожидал приезда тёщи. Вот мы и понадёргали оттуда сколько их нужно. Ничего, крепкие оказались, только прибиты слишком длинными гвоздями, но с нами лом был.

Закончили мы заготовку и он заводит обсуждение размеров предстоящего предмета меблировки. На тот момент, у меня уже имелась определённая, чётко развитая нумерологическая система, в которой значение отдельных цифр доводилось до неоспоримой ясности. Так, например, 22 значит «смерть», 24 – «жена», 10 – «секс», и так далее, остаётся лишь комбинировать значения с учётом ситуации. Исходя из назначения изделия, предлагаю ему самый оптимальный вариант длины – 2 метра 10 сантиметров, то есть, 10 на двоих – самое оно, что нужно для молодой семьи. Но он упёрся:

– Хочу 2 метра и 30!

Ну тебе виднее, чего ты там хочешь...

Он раздобыл «козла» откуда-то, на которых дрова пилят, и мы начали. Доску на козла, рулеткой две отметки и – погнали! А когда остановились перекурить, его жена, Люда, проходит к общежитию. На *козла* показывает и, с явным отвращением, заявляет Славику: —«Даже не надейся, что я на эту гадость лягу!» И ушла, такая вся возмущённая, а я окончательно убедился, что она часть иного мира. Какая нормальная женщина «козла» не видала?

Плюс к тому, она умела читать мысли... Я однажды зашёл к ним в комнату, Славик в телевизор залип и борщ наяривает. Я сказал, что не голодный, сел возле двери и жду пока добьёт свою хавку. А у

него за спиной – холодильник, а на холодильнике – зеркало, лицом вниз положено, а у зеркала на рамке – две пластмассовые ножки сзади, чтобы стояло, когда не в лежачем положении. А с того стула, где я сижу, такая открывается картина: Славик упорно ест глазами телевизор и лопатит в себя ложкой борщ, а из волос его вытарчивают две зелёные ножки в форме изогнутых рогов типа лиры, только без струн, они-то зеркалу, конечно, ни к чему. Вот тут я и подумал, совершенно мысленно: —«Эге! Так ты не только Нацист, но ещё и рогатик оказывается!»

Люда эту мою мысль прочитала и прямиком к холодильнику, ножки те зелёные сложить, а потом ещё меня таким выразительно-красноречивым взором одарила. Как бы а тебе какое дело до скелетов в нашем семейном шкафу?! И доедал он уже без рогов.

Ну в общем, когда Славик тот аэродром из половой доски к ним в комнату уволок для испытательных полётов, какая-то, видно, нестыковочка нарисовалась. Через три дня он эту взлётную полосу в бурьяне ножовкой укорачивал. Вот это и называется метод проб и ошибок в действии.

– А шо он ото клеплет? – спросил один махновец другого, когда проходили мимо.

– А то ж как будто бы не видно – станок ебальный.

– А-а…

А что ещё можно ждать от мужиков? Не умеют они изящно преподнести, нумерологически, нет, так и ляпнут навпрямки…

А когда его тёща приехала, он вообще звереть начал. Приходил ко мне в комнату и рожи корчил. Цель его гримас насквозь просматривалась, это он хотел меня до сумасшествия довести…

Один раз Иван, машинист машины № 1, позвал меня пообедать с ним и его помощником у них в штольне. Его жена в Одессе работала, в столовой какого-то военного училища, где обучались также Негры из стран пробудившейся Африки. Ну так эти Афро-Африканцы спросонок не очень-то и голодные, судя по количеству провизии, что она оттуда приносила. Иван как крышку снял с алюминиевой

кастрюли, там там до краёв мяса на рёбрах, правда, без гарнира. Мы втроём—Иван, его помощник и я—насилу гекатомбу ту приговорили, костей получилась целая куча. На песке, рядом с опустошённой 5-литровой кастрюлей. А тут Славик за какой-то запчастью пришёл и как увидел тот обглоданный натюрморт каннибалов – аж затрясло его, рожу без симуляции перекосило, должно быть тёщин супчик вспомнился.

Возможно из-за этого, спустя несколько часов, когда жильцы общежития наслаждались прохладой позднего вечера на досках широкой скамьи у входа, он на меня буром попёр, даже один слиток из золотого запаса в бурьянах выхватил, двумя руками над головой вскинул и – в меня запустил. Красивое зрелище получилось – полная луна изливается ясным светом на дугообразную траекторию, по которой летит этот слиток и поблескивает белым, якобы, алюминиевым цветом на фоне бархатной темноты роскошной ночи. (Или я ошибся и шахта, всё же, добывала платину?)

Тут уже мне пришёл черёд убегать в стиле Алика Армянина. Жена Славика, Люда, увела домой Циклопа с арены показательных выступлений…

В следующее своё посещение Одессы, я зашёл в юридическую консультацию, чего совсем не планировал, всё так спонтанно получилось, просто вывеска на глаза подвернулась. Там я спросил, без обнародования имён и географических координат, рекомендаций на случай, если сосед по общежитию донимает.

– Обратитесь в комитет комсомола вашего предприятия.

Ну, блин, и эти из иного мира. Говорю ж – они уже повсюду.

Но если Главный главный это Яковлевич, то кто тогда, чёрт побери, главный инженер? Угадать несложно – кто антипод Творца? Князь тьмы и повелитель всех нечистых во всей его красе.

Это сразу замечалось даже по их отношениям – уважительный, но вооружённый нейтралитет. Вспоминаю как они стояли в стволовом тоннеле и говорили с глазу на глаз – воплощённая корректность! Мастер в его чёрной робе и главный инженер в летней рубашечке и

широкий носовой платок вокруг воротничка заломил, чтобы пыль не садилась. Ему б ещё пробковый шлем вместо пластмассовой каски и – готовая картина «Я тут хозяин!» Хотя, конечно, мир подземный его вотчина.

(…ты можешь возразить: возможен ли контакт меж столь диаметральными противоположностями? Не забывай – шёл двадцатый век, когда все настолько переплелось и перепуталось, что элементарная Геометрия уже не помогала…)

Я занял позицию сочувствующего Мастеру. Он мне понравился просто так, без доказательств, в виде преумножения хлеба с рыбой и тому подобное. С меня, фактически, хватило одного чуда с омоложением паспорта.

Кстати, главный под Главным тоже предъявлял свои верительные грамоты. Однажды во время обеденного перерыва приехал проводить профсоюзное собрание трудового коллектива. (Ага! Какая преисподняя без профсоюза?)

Мы расположились под деревьями возле общежития. Он на стул уселся, снял туфли и носки тоже. Типа, ну не глупость разве все эти сплетни про мои копыта! Нетути!

Но мне-то баки не забьёшь всей этой мякиной иллюзорности.

Чертяки махновцы разлеглись на траве в тени деревьев в своих чёрных робах. Только я в белой нейлоновой рубахе, которую под спецовкой носил, а каждый вечер простирывал, когда в душе мылся.

(…нейлон для стирки идеален – шесть секунд потрёшь и чистый, а сохнет и того быстрей…)

В виде корректного, хоть и ехидного ответа, я каску снял. Типа, ты бескопытность тут демонстрируешь? Так полюбуйся на мою безрогость! А остальные, кто из шахты, все поголовно в касках, особенно Славик Аксянов.

И в таком раскладе минут десять попрофсоюзились, как вдруг петух кукарекнул. Батюшки-светы! Тут главный, который не Главный, носки – в карман, голые ноги в туфли вколотил и – ходу! И сразу же, как из под земли, выскакивает байкер в чёрном и в каске чёрной кожи, как на шахтёрах их кинохроники первых пятилеток. И усвистали в сторону Новой Дофиновки. Неясно разве? Кто когти рвёт при крике петуха?.

Не то, чтобы я конфронтовал с… ну, скажем… главным инженером, но некоторые трения случались. Как в тот раз, когда у заднего конца общежития самосвал ссыпал кучу угля на зиму, а я весь тот антрацит в кочегарку перелопатил. В конце дня, он заявился из Вапнярки и спрашивает, высокомерно так: —«Ну, что ты хочешь? Трёшки хватит?»

Меня заело: полдня на солнцепёке карячился, а он как типа подачки последнему ханыге. Ладно, ты – князь тьмы, но так и я ведь избранный, хотя и беспросветный.

– Нет! – грю. – Пусть мне заплатят по расценкам.

– Так ты и этого тогда не получишь.

Я ему не поверил, а на следующий день взял отгул и поехал в Одессу на Площадь Полярников. Мне в коридоре показали дверь главного бухгалтера, фамилия Вицман. И только я шагнул в тот кабинет, на столе главбуха телефон затрезвонил, тот снимает трубку: —«Вас слушают».

(…вот буквально так, слово в слово «Вас слушают». Чисто, гладко, безлично. Ни с какого боку не укулупнёшь. Ай, да Вицман!.)

Излагаю суть, мигом усекает и достаёт толстую книгу в мягкой серой обложке *Единые Нормы и Расценки,* отыскивает, что там насчёт погрузочно-разгрузочных работ сыпучего угля, и даёт прочесть. Так там, чёрным по белому стоит, что если бы я лопатил в Заполярье—для оплаты по наивысшим северным коэффициентам—и при этом каждый совок трижды обносил вокруг всего общежития, прежде чем

швырну в окно кочегарки, чтобы накрутить расстояние перемещения груза, то и тогда по расценкам этой нормативной библии, мне полагается 1 руб. 20 коп.

(...и открылось мне, неведавшему истины дотоль, что мастерам, прорабам, инженерам и т. д. и т. п. в ножки кланяйся, работный люд, за туфту, которую они рисуют в нарядах на исполнение работ. Без тех приписок рабочий класс вымер бы давным-давно, совместно с семьями. Молись за благодетелей своих, хлеб твой насущный подающих, О, пролетариат!

Но какой пáдел гнусный все те расценки составлял? Я б с ним, по-братски, лопатой поделился...)

А в другой раз выплату аванса задержали и я к главному инженеру на дом пошёл, в Одессу. По случаю субботы отгул не понадобился. А окопался он возле Горбатого Моста. Жил в собственном доме с женой и сыном пятиклассником. Угостил меня стаканом томатного сока домашней выделки. (Ага!..) Всё как положено – красная такая, густая солоноватая жидкость. А как откажешься? Маргарита тоже пила, на ежегодном балу Воланда в Москве. Зато чай я до сих пор завариваю по его рецепту, как он поделился... В тот вечер он ещё делился воспоминаниями про трудовую деятельность в Арктике, где после работы клал пару кирпичей на электроплитку, а сверху жену сажал, для приведения в рабочее состояние на ночь...

Один раз нечистые затеяли попытку путча, хотели изменить расклад стратификаций мира. За день до этого инженер Пугачёв нарисовался в общежитии и открыл одну из запертых дверей коридора, под видом раздачи продовольственных продуктов до зарплаты.

Я по коридору проходил, мне Славик Аксянов из комнаты кричит: —«Иди, тоже получай!»

Пятёрка махновцев в пустой комнате и ящик с пачками Примы на столе без стула. Пугачёв им выдаёт по пять-десять пачек каждому.

Продукты питания, да? Боеприпасы! «Нет, спасибо, я Беломор курю.»

На выходе уже, слышу Славик чертей мотивирует: —«Не боись! Молодость всё спишет!»

На следующий день в Одессе не работал ни один светофор. Творился полный кавардак. Посторонние люди орали друг на друга. Троллейбусы прыгали как угорелые. Стрельбы, конечно, не слыхать, потому что путч проводился на другом уровне. Но, по моим оценкам, он провалился, поскольку я успел купить *Атлас Мира*, тонкий буклет в мягкой нежно-зелёной обложке.

В Одессе тех дней, самым устоявшемся и общеупотребительным выражением одобрения было «то, шо любишь!»

– И как вам последний Сонечкин жених?

– То, шо любишь!

А вместо «нет» говорили «хуй маме!»

– Так, шо? Черноморец выграл или шо?

– Хуй маме!

Но поскольку вокруг была Одесса-Мама, это звучало даже патриотично.

В скверу на Дерибасовской росли невиданные деревья, словно сбросившие собственную кору. Или, всё-таки, Платаны? Вечерами там играл духовой оркестр, почти как во времена Иоганна Штрауса, только реже. А в другом парке, в дневное время, я нырнул в бассейн с пятиметровой вышки, в полёте аж ветер свистел в ушах. Чуть позже два парня тоже спрыгнули держась за руки, но «бомбочкой», пятками вниз. На одном из них носки были, чёрные. Это так они мой след заметали от возможных хвостов…

В переговорном пункте междугородной телефонной связи на Пушкинской, меня однажды неслабо прикололи. Я заказ сделал и вышел за дверь распахнутую прямо на тротуар и только лишь папиросу закурил – внутри динамики орут «Нежин! Кто-нибудь

ожидает Нежин?» Я папиросу – в урну. Заскакиваю: —«Я! Я ожидаю!» А телефонистка за барьером в свой микрофон: —«Ну так и ожидайте!» Весь зал прям грохнул… Это опять меня от чего-то спасали.

Один мужик там стоял. Его номер соединили. «Челябинск на линии! Кабина № 5!» А он, перед тем как идти куда сказано, разочарованно так: —«Э-э!» Вот это просвещённый! По одному номеру кабины уже знает наперёд чем разговор закончится.

С Одессой я познакомился довольно хорошо, в основном, пешком. Нашёл Публичную библиотеку № 2 и Привоз, где грузчики толкают перед собой вокзальные тележки и орут «Ноги! Ноги!», чтоб толпа им дорогу уступала. Там же на Привозе старая Цыганка на меня заклятье наложила по своим канонам, когда я ел гроздь винограда. Я даже и не понял за что, но ей виднее, а может просто под горячую руку подвернулся, не в ту долю секунды…

Фабрика Желудочного Сока. Кто бы мог представить что и такие предприятия бывают?!. Когда я проходил через дворы пятиэтажек, мужики, что «козла» забивают, начинали громче костями об столики трахать, чтоб кошек отпугнуть, что целились перебежать мне дорогу. Тоже союзники…

В Одессу я автобусом ездил, всего пару раз пешком. Там всего 20 км или около того. Один раз прогулялся от Вапнярки до Новой Дофиновки вдоль моря, по высокому берегу. В одном месте какая-то военная установка стояла, за забором из колючки. Часовой кричать начал, что мимо них нельзя ходить, подошёл, начал документы требовать. Я ему через проволоку свой платочек показал, с парусником. Он сразу понял, что уровень иной: —«Ладно, проходи по быстрому».

С той кручи вид очень красивый. Море спокойное, почти гладкое, но искрится и взблёскивает под солнцем. Иногда ветер набежит и ерошит воду, получается рисунок галактики. Спиральные, в основном. Ветер их с облаков срисовывал, что над морем висели…

В трамвае № 5 маршрута на пляж Аркадия, я Серого встретил, который в стройбате пахана из себя строил. Только удивительно малость – четыре года прошло, а он такой молоденький и, почему-то, в форме морского курсанта, бескозырка, ленточки на спине висят.

Я рядом стал, негромко так спрашиваю, ему на ухо: —«Серый, это ты?» Он никак не отреагировал, не шевельнулся даже, хотя меня наверняка услыхал, курсанты ж медкомиссию проходят… Может, решил затихариться в мичмана́х.

А в другой раз это отец мой оказался, возле газетного киоска. На отца совершенно не похож, я его только по голосу и узнал. Именно этим голосом он изображал душегуба, которого начальник лагеря до нового убийства довёл.

Когда он ко мне заговорил, я прикинулся, будто слишком углубился рассматривать портрет психиатра Бурденко на обложке журнала Огонёк, что за стеклом висел, в киоске, так что ему продавец отвечал.

(…такие встречи кого угодно доведут задаться вопросом: что происходит? Но тут без монады не разобраться.

Монада это такая прибамбаса Германского производства для содействия философам, которую всякий понимает по своему. Для кого-то это может быть единичностью из совокупной множественности, а для другого множественностью из совокупных единичностей.

Например, когда парень спрашивает девушку: —«Я для тебя один из многих или из многих один?» Тут вот второй «один» в его вопросе и есть та самая монада, хотя, возможно, и наоборот…

В одной Индийской библии, есть красочная картинка ребёнка, который ползёт по траве, а на шаг впереди него бежит пацанёнок, перед которым шагает мужчина, вот-вот нагонит согбенного старца, а дальше опять только зелень травы.

Картинка называется Круг Жизни. В смысле, из ничего – в ничего.

Так вот вместе они составляют единую монаду, потому что это один и тот же человек.

Теперь остаётся лишь предположить, что монады способны составляться по каким-то другим признакам, например, по тембру голоса, и всё становится на свои места. Смотря каким концом к тебе монада развёрнута: отсюда – твой отец, оттуда – шаромыга к тебе обращается возле киоска с Бурденко.

Конечно, это малость сложнее, чем выучить наизусть: «если споткнулся на левую ногу – всё получится, если на правую – даже и не пробуй, сразу заворачивай оглобли», однако монада, в которой даже среднестатистический Немец ни уха, ни рыла, многое объясняет…)

~ ~ ~

Один Одесский преферансист был в молодости частью преступного мира. Затем он перековался и начал сотрудничать с Одесской телестудией в качестве комментатора свежих криминальных новостей. Он даже книжку написал о впечатлениях полученных в своём бандитском прошлом. И в ней он утверждает, будто год твоего рождения и особенно лето, отмечались критически бурной криминогенной обстановкой в Одессе.

Это редчайший случай, когда печатный текст не смог меня убедить, потом что в то лето я присутствовал там лично и ничего такого не заметил. Что говорит в пользу теории о существовании параллельных миров. Перекованный комментатор и я жили каждый в своём параллельном мире, от которого и получали свои несовпадающие впечатления. Общим оставался лишь номер текущего года. Но не исключено, что два раздельных мира, при всём своём параллелизме могли, время от времени, соприкасаться и это

даёт объяснение паре эпизодов с криминальным оттенком в течение совершенно спокойного, в остальном, лета 79-го.

Да, за все мои обходы Одессы и проходы по ней же, мне довелось наблюдать два случая контакта и взаимопроникновения наших параллельных миров. Первый случай произошёл в утреннем автобусе Гвардейское-Одесса, когда молодой жлоб на втором сиденьи слева устроил выговор водителю за незначительное изменение маршрута на городской окраине.

По прибытии на автостанцию у Нового Базара, водитель прибежал из своей кабины в салон автобуса с извинениями и техническими (в какой-то мере чересчур подобострастными) объяснениями. Он был прощён, благодаря заступничеству молодой пассажирки с того же сиденья перед своим столь легко возбудимым спутником...

Второе взаимопроникновение имело место в здании железнодорожного вокзала, где я обратился к милиционеру с вопросом о количестве населения в городе Одессе. За ответом страж порядка послал меня в отделение милиции на первом этаже вокзала. Дежурный лейтенант, услыхав тот же вопрос, сказал мне подождать.

Исполняя его пожелание, я облокотился на разделявшую нас стойку и наблюдал как червячки его красных губ похотливо стискивают, ёлзают и ласкают фильтр его незажжённой сигареты, под аккомпанемент громких возгласов и тяжёлых ударов за моей спиной.

Беглым взглядом в том направлении, я отметил широко открытую дверь в соседнее помещение, где женщина в прозрачной косынке на волосах и в чёрном халате уборщицы умело применяла увесистый держак своей деревянной швабры, вырубая ханыгу задрапированного в одни лишь его красные трусы. Точно такие же красные трусы с узором из синих теннисных ракеток были и на мне, под штанами, разве что не такие линялые по причине приобретения всего пару месяцев назад. Поэтому меня не тянуло досматривать его неизбежное поражение в текущем матче. Обернувшись назад, я

опустил свой взгляд в кротком созерцании поверхности высокой стойки, что разделяла меня и лейтенанта… Получив причитавшуюся ему—соответственно роду службы и ранга—квоту наслаждения, офицер всё-таки закурил и сказал, что миллиона пока что нет, но может, тысяч 600 наберётся…

Поэтому во время моего следующего визита в город и опоздав на последний автобус в Новую Дофиновку, я предпочёл провести ночь в скверике внутри кольца дороги перед железнодорожным вокзалом. Он оказался совершенно безлюдным из-за отсутствия освещения в подземном переходе под кольцом.

Избрав наиболее удалённую от фонарного столба скамейку, я лёг. Она оказалась настолько твёрдой, что мне вспомнился Эдгар По, зарезанный на скамейке в Балтиморе, штат Мэриленд, ради $40 литературного гонорара, который он перед этим получил, и поэтому частично вытащил из нагрудного кармана рубашки аванс, полученный мною в тот день на Площади Полярников, типа кокетливой бутоньерки из трёхрублёвок, в целях самовоспитания и развития моей личной храбрости. Движение по кольцу дороги почти прекратилось, а скамейка стала даже ещё твёрже. Но я держал глаза закрытыми из принципа, потому что ночь для сна. Поэтому я не спал, когда послышались тихие звуки осторожных шагов по асфальту.

Он подошёл и около минуты стоял надо мною, лежащим на скамейке, в усах Эдгара По, синей рубашке с коротким рукавом и частично торчащими из кармана банкнотами Советских денежных знаков. Затем он удалился, так же тихо, как и при появлении. Ради принципа и тренировки, я не открыл глаза посмотреть кто.

Утром, я очнулся на той же скамье порядком продрогший и крайне задубелый, но в отличие от великого Американского романтика, живой. Я встал и засунул деньги поглубже. Группа воронов, с карканьем и хлопаньем крыльями, пролетала в рассветном небе. По виду, те же самые, что парили над Нежином в день моего отъезда в Одессу. Сюда явно не по прямой летели. От крыла кого-то в их

эскадрильи отделилось перо и, зигзагообразно кувыркаясь, падало в сквер.

Запрокинув лицо, я следил за траекторией пера и шёл на сближение, невзирая на плохо вскопанные грядки с чахлой календулой… Подставив ладонь под перо, я поймал его, вернулся обратно на тротуар аллеи и нежно опустил в урну со словами: —«Не при мне, пожалуйста».

(…не слишком широко известный Немецкий поэт первой половины XX-го века, однажды посетовал на свою бездарность, иначе бы не допустил самоубийственной мировой бойни.

Мало кто из маститых поднимается до столь глубокого понимания ответственности поэта за судьбы мира. Инертно цепляются они за общепринятые понятия и ритуалы своего времени, а ведь если внимательно вдуматься…)

Однако просто думать – мало, надо ещё и придумывать что-то, как выразился Валентин Батрак, он же Лялька, где-то…

Когда вышел условленный срок и настало время ехать за тобой и Ирой, то везти вас, фактически, было некуда. Но давши слово, мне не оставалось выбора, кроме как приехать и хотя бы объяснить причины задержки переезда. Денег на дорогу у меня не было как и у всех, кого я просил о займе. Крайняя надобность подкинула идею обмена обручального кольца на деньги в ломбарде.

Пока я нашёл его в городе, ломбард уже работал, а очередь начиналась на улице перед входом… Внутри он состоял из одной длинной комнаты с перегородками вдоль трёх стен. В перегородках из листового железа имелись окошечки, а в одном, в самом конце комнаты, даже решётка, и именно туда все толпились, потому что в стенах поверх других перегородок чернокудрый, но унылый юноша вёл косметический ремонт нитрокраской. Перед закрытием на обед, для чего всех попросили выйти, мне оставалось метра за четыре от финишного окошка.

В нагрудном кармане моей рубашки с коротким рукавом лежало кольцо, которое накануне вечером я насилу смог содрать с пальца. Даже мыло и вода из рукомойника на дереве рядом с общежитием мало чем помогли. По ходу самоистязания, я вспоминал кинобудку Парка КПВРЗ и в очередной раз сочувствовал Ольге.

Ломбард опять открылся и выстояв ещё час, я с тревогой протянул кольцо в окошко, потому что у той, что передо мной стояла, серьги оказались не золотыми и она ушла ни с чем. Мой заклад испытание выдержал, я получил 30 руб. и бумажку квитанции...

На следующее утро я приехал на Новый Базар и купил синюю пластмассовую кошёлку и четыре кило абрикосов для её заполнения, хотя ещё не слишком зрелые. Потом я подошёл к цветочной будке и сказал, что мне нужны три красные розы. Для цветочницы это прозвучало как условный пароль и из какого-то укромного места позади прилавка она достала некрупные розы, тёмно-красные, ровно три, на длинных крепких стеблях: —«Эти?»

– Да.

С Базара я поехал в аэропорт—немногим лучше Ставропольского—и простоял в очереди до обеденного перерыва. Когда касса закрылась, я так и остался стоять рядом, словно изваяние с тремя красными розами в руке, только кошёлку на пол опустил под окошечком. За час перерыва четыре кило и руки оборвут.

Когда я купил билет, до самолёта оставалось ещё часа четыре, а я уже устал от жизни с занятыми руками и понёс цветы с фруктами к автоматическим камерам хранения, но положить их внутрь не смог – задохнуться без воздуха и света в железной тесноте. Свернув за угол в небольшой коридор, я нашёл комнату уборщиц, они позволили оставить там цветы и абрикосы. В город я вышел имея полную свободу рук, но постарался не слишком отдаляться.

В шесть я пришёл за розами. Уборщицы как раз мыли полы в своём коридоре и одна из них сказала, что лучше подождать. Я проявил настойчивость, потому что у меня вылет через полчаса. Она усмехнулась и без дальнейших пререканий позволила забрать розы,

которые торчали из жестяного ведра с водой в их комнате, только предупредила, что её коллеги и она немножко угостились абрикосами.

Я прошёл в длинную загородку с крышей на краю взлётной полосы и в группе других пассажиров с билетами на этот рейс прождал до полуночи, потому что репродуктор каждые полчаса объявлял задержку вылета на Киев. Мои попутчики тоже попробовали абрикосы и одобрили вкус.

После полуночи, в ярком свете дуговых ламп над взлётной полосой, две стюардессы пересчитали нас на ступеньках трапа, чтоб не получилось больше 27 пассажиров, потому что мы подсаживались на попутный рейс до Киева в маленький АН-24. Уже на борту, пришлось ждать пока согреюсь после пронзительного морского бриза сквозь летнюю рубашку при ночном ожидании… С тех пор, я стараюсь избегать разногласий с уборщицами…

При взлёте, я боролся с мыслями, что таки могут привезти асфальт за время моего отсутствия. В ходе уже помянутого собрания членов профсоюза валявшихся в траве, главный инженер проинформировал, что у бригады строителей начались диезы в партитуре. Для незнакомых с нотной грамотой, он приложил два пальца левой руки поперёк двух на правой, символизируя тюремную решётку. Поэтому заканчивать придётся тем, кто захочет жить. Аксяновы и я записались на переезд туда, а Бессарабская семья (в лице мужа) воздержалась.

Запланированное общежитие находилось за двадцать метров от старого и прежде тоже представляло собой животноводческую ферму. В каждой квартире, после реконструкции, получалось по две большие комнаты с одним стандартным окном на двоих. Я выбрал ту, что смотрит на лиман.

Однако стены ещё предстояло оштукатурить и застеклить окно, но мне всё равно нравилось наше будущее жильё, хотя пол в нём пока что тоже отсутствовал, как и входная дверь.

Для пола один раз привезли кучу чёрного горячего асфальта. Аксянов с помощником своей камнерезной машины возили асфальт в комнаты Аксяновых тачкой, а я носил в наши парой вёдер. Они успели покрыть пол в обеих комнатах, а я только в одной, наполовину, но намного качественнее, прежде чем та куча снаружи кончилась. Поэтому, пока самолёт набирал высоту, я не хотел, чтобы привезли асфальт, пока меня не будет.

Потом я начал смотреть в иллюминатор. Луна в безоблачном небе отсутствовала, но звёзды сияли отовсюду. А глубоко внизу светились фонари городов и посёлков, не крупнее, чем далёкие звёздочки. И я подумал, как бы пилот не заблудился среди такого повсеместного обилия. Но потом в темноте под крылом самолёта, я увидел группу огоньков, наверное, из какого-то села, которые сложились в абсолютную копию одного из двух известных мне созвездий ночного неба. Они повторяли расположение звёзд в Малой Медведице и я успокоился, потому что невозможно заблудиться, когда есть путеводная – Полярная Звезда…

~ ~ ~

В шесть утра я сошёл с поезда Киев-Москва на станции Нежин и первым утренним автобусом приехал на Красных Партизан. Дверь открыл Иван Алексеевич, который насилу меня узнал из-за того, что я такой исхудавший. Я отнёс синюю пластмассовую кошёлку с абрикосами на кухню, откуда с тёмно-красными розами пошёл в спальню мимо диван-кровати в гостиной, на котором начинала уже ворочаться тёща.

Вы обе ещё спали, я вставил длинные стебли роз в узкое горлышко небольшой фиолетовой вазы на столе с трюмо и заглянул за тюль на окне. Платочка с якорем на подоконнике не оказалось. Ладно, потом найду… Я разделся, лёг на кровать и обнял Иру в её длинной белой ночнушке.

– Ой! Это ты?

– Да.

– Ой! Ты что такой тощий?!

– Тихо! Ребёнка разбудишь.

Потом мне Ира рассказала, что её сестра Вита ездила в Одессу к родственникам и хотела повидать меня на шахте. Она доехала до Новой Дофиновки, но жительница посёлка, Наталья Курило, отсоветовала ехать дальше – дорога слишком непроходимая.

– Да, эта Наталья сидит в конторе шахты, наверху, в котловане.

– Она жаловалась, что ты вообще никого там не слушаешься, только мастера.

– Ей-то откуда знать? Она ж наверху сидит.

– Значит знает, раз говорит... А как там вообще?

– Там всё так... класс... море такое... вообще!. корабли над полем...

– Ну, ты и тощий... Ты там был с кем-нибудь?

– Ты что, сдурела?!

– Тихо! Ребёнка разбудишь... ну... ты сейчас что-то делал... ты раньше так никогда не делал.

– А... эт у камнерезной машин перенял... диски у неё так ходят.

– А какая тебя там должность?

– Уй, длинная – помощник машиниста камнерезной машины. Только сам про себя, я себя короче называю – фалличный ассоциатор.

– Это что?

– Это из древне-Греческого. Долго рассказывать...

– А жилищные условия там как?

– Две комнаты. Большие. Толик со второй машины говорит, они хорошо расположены. Зимой ветер задувать не будет, он там с другой стороны. А под окном – лиман.

– Ну, ты худющий!

– Тише! Ребёнка разбудишь!

Но ты всю равно проснулась...

– Слушай, а платочек где? Я на окне оставлял.

– Какой платочек? Я не видела.

В общем-то, правильно. Чтобы увидеть, надо знать что ищешь. Я вон сразу даже море не узнал.

(…так парусник и не нашёл своё пристанище, а потом и вовсе пропал. Как знать, может до сих пор бороздит просторы вселенной где-то…)

Конечно да, не очень-то приятно было услышать, когда Ира сказала, что в роддоме ей сказали, что её девственная плева до конца не была пробитой и тебе пришлось доканчивать начатое, но с обратной стороны… Хоть и пристыжённый, я не ощутил особой, да и вообще какой-то разницы, что моя жена утратила девственность в обратном направлении. Отчасти оставалось какое-то чувство вины за ту чересчур осторожную ночь в Большевике, но с тех пор я наяривал как мог, беззаветно. К тому же, истории известен по крайней мере один случай, когда рожала дева…

(…что касается случая в нашем, не Святом Семействе, то это результат программирования текстом посредством романа Эрве Базена, который я читал в своём отрочестве. Хотя там до родов у него дело не дошло, но всё равно, я бы не стал давать мне читать всё что ни попадя…)

Я поехал в Конотоп забрать тёплую одежду, полушубок, резиновые сапоги. Отец отдал мне свой чёрный матросский бушлат с медными пуговицами в два ряда. Я даже взял с собой гитару, потому что ехал обосновываться всерьёз и надолго.

В Конотопе все тоже ахали, что от меня только половина осталась, но чувствовал я себя как никогда великолепно… Моя мать обернула вещи белой холстиной и зашила, получился большой толстый тюк.

Однако, оставалось ещё кое-что сделать. Сделать и – рвать когти. Сделать и – залечь на дно в шахте «Дофиновка».

(…на протяжении всех этих пяти с чем-то лет я знал, что за всё нужно платить. Ничто не даётся за так. Речь идёт не про деньги за дурь, это само собой. Я имею в виду плату за «пушнину» по большому счёту, за все приходы и улёты. И чем ближе к финальной черте в корыте общего писсуара на Киевском вокзале междугородного сообщения, тем глубже я осознавал, что мне известно даже кто именно платит слишком высокую—дороже всяких денег—цену за мой кайф.

У меня не было ни желания, ни случая поделиться этим знанием хоть с кем-нибудь – настолько это полный бред и ахинея. Вот почему я глушил его и таил даже от самого себя, но оно неумолимым фактом всплывало снова и опять—причём не только по уку́рке—что я в неоплатном долгу перед многострадальным народом Камбоджи, парящимся в субэкваториальном климате юго-восточной Азии. И нет мне прощения…

Ничто не берётся ниоткуда, это – непреложная истина. Тактильные ощущения моего первого улёта в кочегарке стройбата установили неразрывную связь между кайфом и получением по мозгам. Впоследствии эти ощущения сгладились, но кайф продолжал поступать.

Вопрос: если не я, то кто же получает по мозгам?

К концу 5-(с-чем-то) – летнего срока употребления пришёл ответ… Отряды красных кхмеров, захватывая очередную деревню, убивали жителей-крестьян, таких же камбоджийцев как и сами. Для экономии патронов они убивали их ударами бамбуковых палок по черепу. Затем переворачивали трупы на спину и фотографировали мёртвые лица, как для паспорта.

На этих снимках правый глаз зажмурен, а левый выпучен. Многорядные ленты таких снимков—мертвецы с кошачьим выражением лица—регулярно помещались на страницах центральных газет. Я их видел. Они походили на иную, чуждую

расу людей с кожей ободранной с их лиц. Мне было за что чувствовать себя виноватым.

Конечно, с учётом событий сопровождавших мой первый вылет в Одессу, красные кхмеры уже не вышибали крестьянские мозги для меня, но продолжали вышибать их, чтоб кайфовал кто-то ещё, помимо.

В Одессе я угодил в самую гущу вселенской битвы неизвестно кого неизвестно с кем остальным. В ходе непостижимых перипетий я стал кому-то союзником, а кому-то остальному – врагом, оставаясь в полном неведении: кому?

Кристально ясно лишь одно – те, с кем я, волею судеб, оказался по разные стороны баррикад, не преминут выследить меня и свести счёты. Не случайно, сходя—ни свет, ни заря—в Нежине с поезда Киев-Москва, я видел как в одном из вагонов приоткрылось окно и стеклоглазый—по наружности явный член монады главного инженера—выплюнул длинную струю слюны на перрон. Это – несомненный знак для других боевиков их тёмного легиона, метка, где именно брать дальнейший след, а проследить мои последующие передвижения вплоть до Конотопа им особого труда не составит. Ну а там они неизбежно выйдут на плантацию конопли в конце огорода хаты моих родителей на Посёлке. С неисчислимыми и невообразимыми последствиями непоправимо ужасного свойства.

Мой долг перед неизвестными мне союзниками и недобитыми крестьянами жалких деревушек в мокрых джунглях юго-восточной Азии подсказывал единственно верное решение…)

В сарае на Декабристов 13 я взял штыковую лопату и направился к плантации на крайней

грядке.

Они стояли махрово-гордые своей почти трёхметровой высотой. Налитые, источающие пронзительно пряный, густой аромат.

…простите меня вам тоже хочется жить но так надо иначе произойдёт непоправимое…это не месть за моё опоздание на одесский поезд это необходимость я делаю то что должен… простите…

И они падали—одна за другой, одна рядом с другой, одна на другую—от глубоких ударов штыка отсекающих от корней, прерывающих жизнь…

Я сложил их высокой грудой, снова пошёл в сарай и вернулся с канистрой бензина. Высоко поднялось трескучее пламя, поплыл густой белый дым.

Тётя Зина объявила тревогу, мать моя поспешила на огород: —«Серёжа! Что ты… Зачем? Как это?»

Не отрывая глаз от огня, я ответил на её застрявший вопрос:

– Так надо.

Она ушла и вместо неё пришёл мой брат: —«Серёга, ты что делаешь?»

– Так надо.

Мой брат всегда думал, что я знаю что делаю, даже когда я и сам не знал. Он перестал спрашивать, а просто стоял рядом и мы вдвоём смотрели на огонь, что превращал пышную зелень стволов и веток в кучу чёрных, обугленных палок и мелкий пепел… рассыпчатый… белый…

~ ~ ~

Самолёт приземлился в аэропорту Одессы затемно и я успел на утренний в 6:00 от автостанции у Нового Базара до Гвардейского через Новую Дофиновку. За городом меня свалила необоримая сонливость, так что я проспал остановку и очнулся только через 300 метров. По моей просьбе, водитель остановил наверху подъёма и я пересёк лесополосу.

В огороде крайнего домика в тающем сумраке отступающей ночи, пожилой мужик в исподнем и баба в белой ночной сорочке прометали, зачем-то, грядки вениками. Движения их отличала

странная угловатость вроде роботов. Глаза мужика застила стеклянность. У бабы я не разглядел, она старательно их отводила. Довольно странная агротехника для такого времени суток, но меня уже ничто не удивляло…

За моё 4-дневное отсутствие, асфальт не привозили, но древне-розовую побелку стен старого общежития зачем-то забрызгали синими пятнами и разводами типа маскировочного камуфляжа. Но почему синькой?.

Я снова втянулся в трудовые будни. Погода поменялась, потому что однажды возвращаясь из Одессы я увидел, что в кармане осталась всего лишь трёхкопеечная монета позеленевшей меди. «Это не деньги», – подумал я про себя и швырнул монету через плечо, между деревьев лесополосы. Ровно три дня после этого холодный ветер дул с моря, опровергая моё пренебрежительное мнение о трёх копейках и заставляя чётко уяснить смысл выражения «бросать деньги на ветер».

Умер электрик-одиночка не дойдя из Чабанки до общежития. Его нашли на третий день. Я всегда знал, что это опасный отрезок пути; летом там постоянно летают круглые шарообразные пушинки, похожие на морские мины, но конечно, белые и размером меньше. Наверное, он не успел увернуться.

Его хоронили на обрыве между шоссе и морем. На кладбище посёлка. Капитонович нёс впереди деревянный крест словно знамя наизготовку, а сам обвязался узким длинным рушником через плечо, как дружки жениха на сельских свадьбах, вместо того, чтобы пришпилить булавкой носовой платок на рукав пиджака, как принято на похоронах в Конотопе. Хотя что с них взять? Они людских обычаев не знают, просто слышали звон и творят чёрти что.

В отцовском бушлате моряка с жёлтыми пуговицами, я изображал колоритную фигуру типа персонажа в кино *Мы – из Кронштадта*, но тоже помог засыпа́ть могилу. Потом автобусом нас отвезли в общежитие, женщины из конторы шахты в котловане приготовили поминальную тризну из своих домашних припасов. Я всего

попробовал – облопался не меньше, чем при визите на полевой стан Чомбе в студенческие годы…

В общежитие снова привезли отремонтированную рацию и мне пришлось перейти в комнату покинутую электриком. Вскоре ко мне подселили Васю, нового крепильщика. Я поначалу засомневался какого он пола, когда случайно заметил красно-бурые следы на простыне его койки, словно от менструации. Но он принялся объяснять, что ему под одеяло закатился помидор, который он во сне забрыкал ногами, хотя я его ни о чём и не спрашивал.

Тут просто остров Беллами какой-то, все читают твои мысли, не дают даже до конца додумать. Однако до чего простые объяснения порой находятся для непостижимых, на первый взгляд, фактов…

Осень вступила в свои права. Я вставил стёкла в раму окна нашей будущей двухкомнатной квартиры, но асфальт всё ещё не привозили… Так оно и шло будничной колеёй до того момента, когда главный инженер приехал из Вапнярки объявить, что на меня объявлен Всесоюзный розыск и в шахтоуправление пришло письмо из НГПИ с обвинениями в укрывательстве беглеца от работы по распределению.

– Так что – пиши заявление.

– Какое?

– На увольнение по собственному желанию.

– У меня такого желания нет.

– Держать тебя после такого письма мы не можем.

Поскольку я упорно отрицал всякую охоту к увольнению, был найден компромисс на основании одной из множества статей Трудового Кодекса СССР: «увольнение по соглашению сторон». Так вместо избранного я стал всего лишь стороною…

Напоследок я прогулялся по улицам Одессы в овчине нараспашку, как боец Крестьянской Армии Нестора Махно. Резиновые сапоги бесшабашно пёрли через лужи от недавних ливней. Вернувшись в общежитие, я упаковал их в тюк с остальной одеждой и инструментами, которыми начал было потихоньку обрастать:

молоток, топор, пила, утюг, электронагреватель, чайник, эмалевый белый.

(…ночь, когда я привозил его из Одессы, выдалась особо тёмной, какой-то первобытный мрак, подобный случается не больше пары раз за жизнь, темнее, чем в заброшенной штольне без фонаря. Всю дорогу от посёлка Дофиновки к одноимённой шахте мне пришлось петь чайнику песни, чтоб он не очень боялся. Нет не свистел, а распевал во всё горло и наощупь шаркал ногами об дорогу, чтоб не пропустить развилки. Ну может, и затем тоже, чтобы себя взбодрить, но совсем чуть-чуть, ведь избранному, которым я тогда являлся, стыдно пугаться темноты. Мрак нужен, чтобы видеть свет и просвещаться, не так разве? Чтоб стать просвещённым избранным. Да, только выследили они меня и прекратили эти детские игры. Чорт!. Чорт!. Чоооорт!.)

Тюк я отправил багажом с железнодорожного вокзала. Потом я вернулся в общежитие, где ещё оставался недавно купленный портфель и Болгарская сумка Aerobica, вместе с гитарой, чтобы наутро ехать уже в аэропорт.

Славик Аксянов зашёл к нам в комнату. Мы втроём приговорили целую сковороду картошки под *Болеро* Равеля из Васиного приёмника. Я сказал Славику, чтоб он навесил дверь в туалете над лиманом. Она там в бурьяне валяется, я видел. Он поклялся исполнить моё последнее желание. Но всё равно, на всякий, я припугнул, что если не навесит, я буду ему являться как тень отца Гамлету. Неподдельный ужас мелькнул в его глазах. Кто бы мог подумать, что они тоже боятся привидений!.

~ ~ ~

Из Закарпатья, рассказала Ира, пришёл сигнал о моей неявке по распределению. Гаину Михайловну вызывали в ректорат и

требовали открыть моё местопребывание. Припёртая к стене свидетельским показанием ректора Арвата о нашей с ним случайной летней встрече в Одессе, она вынуждена была сдать меня вплоть до шахты «Дофиновка». Теперь ей грозили неприятности на работе, а у меня отнимут диплом, если только Республиканское Министерство Образования не аннулирует моё распределение.

Пришлось незамедлительно отправляться в Киев, до остановки метро им. Карла Маркса и вверх по улице напротив площади Октябрьской Революции, до серокаменного дома в ряду ему подобных, но с министерской вывеской, чтобы подняться по беломраморным ступеням лестницы в паркетный коридор второго этажа, к широкой двери обитой чёрной кожей.

Глава отдела по борьбе с уклонистами, товарищ Баранов, выглядел лет на пять старше меня. Холён, лощён, отёсан, и отшлифовано наполирован как и обязывает должность в таком учреждении. Единственный изъянец в доспехах – одинокий светлый волос на тёмно-сером плече пиджака, поверх изящной обтяжки тонким шерстяным жилетом с мелким вырезом, что прикрывался галстуком в тонюсенькую полоску, продетым под воротничок рубашки в клеточку, надёжно плотную, как из тетради Арифметики для учеников начальной школы – непробиваемые латы.

(…да, потому что мы одежду носим не затем лишь, чтобы проветрить свой дресскод. Хранить нас – вот она зачем, и не только от погоды (что слишком тривиально). Прежде (и важней) всего – хранить нас от людей одетых с большим соответствием текущей ситуации.

Ялтинскую Конференцию помнишь? Сталин, Черчилль в шинелях высшего командного состава своих вооружённых сил? И Франклин Д. Рузвельт, в тисках броненосно носорожьей пары, показывает подбитый ветром демократичный шик. Угадай, чья страна одела траур по лидеру два месяца спустя? Насилу сдерживаю сочувственные слёзы от одного лишь взгляда на его

наивный галстук и беззащитную ширинку в снимках Крымской встречи.

Хотя как знать? Мог и устать уж Рузвельт, на самоубийство потянуло...)

Он гладенько протараторил, что государство четыре года несло расходы на моё бесплатное образование, пришло время компенсировать бесплатность и вернуть долг честным трудом в Закарпатье или – диплом на бочку.

Я не тратил время на бесполезные препирательства. Не стал впадать в тактическую тягомотину Мидльшпиля и мелочно доказывать, что с прекращением моих сношений с КГБ на втором курсе, моя стипендия – как в песок ушла и мне пришлось доучиваться с шеи родителей, по десятке в неделю. Всё это частности, а тут шла речь об интересах государства и мы совместно понимали, что зайдено со слишком священного туза, чтобы надеяться на козырной марьяж или длинную масть в трефах, тем более, что в Общаге раз или два за семестр меняли постельное бельё, и я не платил за электричество потребляемое до полуночи. Поэтому свою защиту я построил на моём пылком желании работать на ниве просвещения подрастающих поколений и нигде инде, а лишь на склонах гор Карпатских. Однако как же быть с семьёй?

Он, не задумываясь, предложил мне забрать и Иру, и тебя туда же.

Но как же быть с моей второй, точнее, первой дочкой?

К наличию Леночки товарищ готов не был. По инерции, предложил депортировать её с остальными.

Мне пришлось предъявить паспорт в доказательство, что она продукт предыдущего моего брака. Выдержав нервическую паузу (вполне уместную в подобных мизансценах), я с горечью признал отсутствие информации о местонахождении её матери.

В просторном кабинете запахло «спёртым» матом. Гроссмейстер Баранов не готовился к парированию такого хода. И, угодив в Цуцванг, вынужденно признал, что у меня слишком лихо

закрученный сюжет. Я получу свободный диплом—зачёркиваем долги на обоях… то есть, обязанность вернуть долг государству, честный труд, и всё такое—если представлю справку от председателя уличного комитета, что Леночка действительно проживает в Конотопе, по улице Декабристов, 13.

Тем временем отправленный из Одессы тюк прибыл на станцию Нежин. Инструменты не слишком впечатлили тестя, но он был очарован ситечком для заварочного чайника. Пусть не хрустальная, но давняя мечта, по магазинам таких не найти даже за деньги… Мы с Ирой начали уже обсуждать в какую строительную организацию Нежина мне устроиться для скорейшего получения квартиры, когда она вдруг сказала, что мне нужно провериться сначала, так посоветовала её мама.

Меня это даже слегка удивило, ведь медкомиссию всегда проходишь при поступлении, даже без материных советов. Оказывается, мне нужно понять, что тут необходима специальная проверка, на нормальность. Некоторые факты моего поведения вызывали определённые опасения и могли дискредитировать в глазах общественности совершенно респектабельную—в остальном, кроме меня—репутацию семьи родителей Иры.

Например, совсем недавно я вышел на улицу в драных туфлях и я собираю каждую пушинку вокруг коляски ребёнка, и самые элементарные вопросы вызывают у меня слишком долгую задумчивость, и когда Ира была в роддоме, я пришёл домой среди ночи и заявил, будто дождь тёплый. Вдобавок ко всему, Иру потрясло известие из Конотопа о моём изуверском всесожжении плантации конопли и это, хоть и не включалось в список отклонений, говорило о многом.

Возражать на этот марьяж в козырной масти мне было нечем, она права по всем пунктам.

Да, незадолго до разговора, пользуясь тихим и ясным осенним днём, я вышел на прогулку в своих туфлях. Отнюдь не драных, нет, но изрядно обтрёпанных вдоль тротуаров Одессы и просёлочных

дорог прилегающего Коминтерновского района. Прогулка навеяла элегическое настроение. Вспоминались далёкие галактики на глади моря у высоких берегов Вапнярки, нескончаемая улица Котовского и до смешного короткая им. Шолом Алейхема, пройденные этими туфлями коричневой кожи с продольными вставками от носка к шнуркам. Они словно космический корабль по возвращении из экспедиции на другой конец вселенной, всё ещё живы, но безнадёжно устарели… Когда я снимал их в прихожей, Гаина Михайловна заметила, что пора переходить на сапоги. Меня умилила такая заботливая внимательность со стороны тёщи…

Не поспоришь и с заторможенностью моих ответов. Всякий обращённый ко мне вопрос запускал неслышный гул компьютера в моём мозгу (хоть я даже и не знал ещё слово «компьютер) для лихорадочных операций ввода комбинаторных вариаций способствующих выдаче ответа, который не утратил бы валидность даже и за пределами необозримо отдалённого будущего.

(…идиот! Всего-то и надо было:
– А?. Ну да…)

Что касается эшелонированной стерильной обороны вокруг твоей коляски, то она уже упоминалась. Однако хотя и совершенно убеждённый в своей невинности, я и не подумал упираться или что-то доказывать—тем более, что за дождь и коноплю оправданий нет—а просто пошёл туда, куда повела меня Ира.

Там оказался коридор второго этажа в незнакомом здании с широкими досками крашеного пола. Было людно. На побелённой стене висел лист ватмана с картиной исполненной цветными карандашами в стиле журнала*Весёлые Картинки*, где чайник обращался к мочалке с вопросом: —«Ты зачем сказала блюдцу, что я дуршлаг?» По всей видимости, дар учреждению от покровителя искусств приведённого до меня. Молодой человек в офицерском бушлате, без знаков различия, с радостным изумлением

всматривался в эту живопись. Фуражка на его голове сидела с весёлым сдвигом набекрень, даже чуть-чуть озорновато.

Ира зашла в какой-то кабинет изложить жалобы. Потом и меня позвали, но разговор не получился. Врач, обращаясь к одной только Ире, заявил, что меня надо везти в Чернигов, а сам он не специалист по таким случаям, даже и не компетентен.

(…в точности как говорил мой отец: —«Сидят, зарплату получают, а чуть что "Я не Копенгаген! Я не Копенгаген!"»…)

Черниговская психбольница располагалась за четыре километра от города, с подсказкой, для особо непонятливых, в названии конечной остановки автобуса «4-й километр». Ворота в высокой бетонной стене заведения весьма удобно соседствовали с остановкой. Внутри ограды медучреждение выглядело как комплекс зданий в современном стиле крупноблочной архитектуры способной украсить и городской центр, если бы не загородное местонахождение.

Мы приблизились к этим, облицованным красноватой плиткой, сооружениям различной высоты. Некоторые из них соединялись герметичными мостами переходов на уровне второго этажа, другие наземными галереями. Иру явно угнетал этот угловатый Bau Stile, потому что не каждый приемлет авангардистский минимализм столь характерный для этого направления. Нет, я не пропагандирую рококо или барокко, но работы архитектора Корбюзье мне больше по душе.

Я сопроводил погрустневшую Иру до нужного отделения. В небольшом кабинете с одним окном, нас приняла черноволосая женщина в докторском белом халате по имени Тамара… э-э… Тамара… к сожалению, отчество память не сохранила. А за столом у окна сидел мужчина хорошо тренированной наружности, тоже в белом.

Тамара гостеприимно пригласила нас сесть на мягкий диван под белым холстяным чехлом вдоль стенки, а сама вернулась в кресло напротив. Затем последовала беседа ни о чём конкретно, но когда она спросила меня о моих предпочтениях в музыке, качок под окном принялся громко подсказывать: —«Эстрада, конечно!», и я понял, что его присутствие тут не только гарантия безопасности Тамары на случай, если я окажусь буйный. Поэтому мне пришлось признаться в двоякости предпочтений: Элла Фицджеральд и Иоганн Себастьян Бах ведь я дуру не гоню, когда речь заходит о чём-то главном в жизни.

Тамара сказала Ире, что мои отклонения не носят опасный характер, однако, если Ира хочет и я не возражаю, они могли бы меня подержать для более пристального наблюдения.

Я не возражал, только предупредил, что в субботу у моего брата свадьба, на которую мы с Ирой приглашены и, если Тамара сочтёт это возможным, я бы вернулся на 4-й километр в понедельник. Даю слово.

Тамара благожелательно выразила согласие и проводила нас в коридор. Из-за стеклянной двери в конце его доносился приглушённый шум многочисленного сборища…

~ ~ ~

К тому времени мой брат Саша уже перешёл из ПМС в ХАЗ и работал на каком-то усложнённо-продвинутом фрезерно-шлифовальном станке… ХАЗ, вообще-то, не являлся ХАЗом, а лишь филиалом Харьковского авиационного завода. В филиале самолётов не собирали, а изготавливали запчасти различной конфигурации, паковали в ящики и отправляли в сам ХАЗ или другие его филиалы в других городах. Конотопчане филиал ХАЗа для краткости именовали просто ХАЗ и стремились туда устроиться ради высоких заработков. Саша получал 200 руб. в месяц! У остальных рабочих выходило меньше, потому что там был только один такой сверхточный станок.

Следующее преимущество ХАЗа – его его географическое положение на Посёлке, в обед можно сходить домой и похавать.

Имелся всего один, но довольно досадный недостаток – ХАЗ заставлял работать больше восьми часов в день. Нет, трудовое законодательство не нарушалось. Саша покидал рабочее место ровно в пять часов. Однако работа настигала его и дома. Он жаловался мне, что даже наблюдая футбольный матч по телевизору, он прикидывает в уме рабочий план на завтра: какие детали точить с утра, а какие после обеда. Мне жалко было брата, но как помочь ему я не знал…

С зарплатой в 200 руб., на Посёлке можно смело заводить семью. Избранница Саши, Люда, работала в «Оптике» на Зеленчаке, и тоже была с Посёлка. К тому же, она была завидной невестой с двумя отдельными хатами – папиной и маминой. Родители разошлись, но без развода, что сразу же снимало проблему жилья для молодых: не так, так – так. Остаётся только жить припеваючи… Так брат мой стал примаком.

В подарок молодым, Ира хотела купить постельное бельё, но в магазинах даже след простыл всех этих простыней. Плановая экономика развитого социализма оправдывала пропажу Всемирной Спортивной Олимпиадой, которую предстояло через год принимать в Москве, исчезнувший товар понадобится столице для застилки коек в Олимпийской Деревне.

(…забегая вперёд скажу, что и два года спустя постельное бельё оставалось острым дефицитом, мне жутко представить что понаехавшие в Москву всемирные спортсмены вытворяли на койках в той Деревне…)

Поэтому Ира мудро рассудила, что постельное бельё быстро износится, а кувшин из симпатично-красного стекла—если не разбить—может запросто и до серебряной свадьбы простоять в серванте со своими стаканчиками.

Поскольку свадебная суббота совпала с днём рождения нашей матери, я решил подарить ей цветы. Гаина Михайловна настойчиво спрашивала, какие могут быть цветы на двадцать четвёртое ноября, но я всё равно пошёл на базар.

На мосту через Остёр я увидел мужчину с букетом в руках, в сопровождении двух дам. Вид всех троих не имел ничего общего с торговлей, но и место своё на тротуаре они не покидали. Тогда я почувствовал, что они тут неспроста, подошёл и спросил, не продаст ли мне он цветы… Изумлению тёщи не было границ, а я продолжал чувствовать, что где-то в Одессе или в каких-то параллельных ей мирах, мною сделано что-то правильное и благодарные союзники об этом не забыли…

Мы поехали в Конотоп электричкой 15:15. Счастливое событие происходило в трёхкомнатной хате на улице Сосновской, где цветы тоже вызвали общее удивление, которое переросло в изумлённость, когда я вручил их не невесте. Тут Саша вспомнил какой это день и успокоил гостей.

Затем последовала традиционная свадьба примака. Единственное отличие, что в ходе её я бросил курить. Это случилось из-за соседа по застолью, который начал меня убеждать, что невозможно расстаться с этой привычкой, особенно на любой гулянке. Я потушил папиросу и – всё.

> *(…и до сих пор я некурящий. Даже и не знал, что завязывать так просто – дождись свадьбы брата и – вуаля́! как сказал Пушкин в юношеской пробе пера на Французском…)*

Утром следующего дня на Декабристов, 13, Ира объявила о моём намерении ехать на 4-й километр под Черниговом. Последовал бурный обмен мнениями между мной и моими родителями. Они категорически разбушевались и настоятельно требовали, чтобы моя нога и близко не появлялась в упомянутой окрестности. Мне никак не удавалось донести до их сознания разгорячённых ораторов, что я

уже пообещал быть там в понедельник. Как выжить в мире, где не можешь положиться даже на собственное слово?

После этого риторического вопроса, Ира перешла на сторону моих родителей и уже объединёнными усилиями они пытались переубедить меня. Только Леночка молча сидела в дальнем углу раздвижного, но сложенного диван-кровати.

– Ну, что? Выучила на свою голову? – упрекнул мой отец мою мать. Затем он обернулся ко мне. – Всё для тебя делали. Теперь ты сделай что тебе говорят. Или отец с матерью тебе не такие? Чем это? Скажи!

– А и скажу! – ответил я и пристукнул кулаком по скатерти стола. – Ты почему перестал писать стихи?

Отец осёкся. В явном замешательстве, он прятал глаза от жены и невестки. Даже в глубоких морщинах на лбу проступала невиданная прежде застенчивость: —«Ну… я молодой был… тогда война была…»

(…вот жизнь, а? Начинаешь элементарно дуру гнать и нарываешься на чистосердечное признание…

А нынче он с поэзией завязал по полной, переключился на ораторское искусство. Долгими зимними вечерами одевает валенки и отправляется на сходку соседей своего возраста под фонарь на столбе у хаты Колесниковых. Стоят кружком там на утоптанном снегу, перетирают новости, что им вчера вливала программа Время на ЦТ, спорят до хрипоты, рожают истину – Муамар Каддафи стоящий мужик или такой же клоун, как Ясир Арафат?..)

В виде компромисса, постановили, что перед отъездом в Чернигов я схожу с матерью к местному психиатру Тарасенко, от которого (тут мой отец жёстко прищурил глаз) ещё никто не уходил. Потом я проводил Иру на электричку и всю дорогу она старалась убедить меня не ездить на 4-й километр. Однако моё слово Тамаре уже выпорхнуло и возвращаться в клетку не желало…

В большом светлом здании Конотопского Медицинского Центра, недалеко от стадиона Авангард в городском парке отдыха, люди толпились у каждой двери и только дверь в кабинет психиатра резала глаз своей безлюдной невостребованностью. Когда мы с матерью туда зашли, Тарасенко объяснил этот факт несознательностью населения, тогда как там, за бугром, каждый четвёртый ходит на приём.

Кабинет Тарасенко содержал медсестру-помощницу и стандартную меблировку медицинского учреждения. Но в расстановке мебели чувствовался тревожащий диссонанс. Основную странность вносил стол. Мало того, что стоял он в центре кабинета, так ещё и развёрнут не в ту степь – все дверцы-ящики лицом к двери.

Мне предложили сесть за стол. Мать опустилась на стул под стеной, а врачебный персонал так и остался стоять по обе стороны от стола. Слева и справа, наизготовку.

Мне совершенно не понравилась такая диспозиция, призванная раздувать во мне манию величия – сидишь тут, как Председатель Мао, а эти двое в белом над тобой, как золотые рыбки на посылках. Поэтому мы со стулом чуть выдвинулись вспять и развернулись на 90 градусов вправо, чтобы подчеркнуть свою непричастность к столу со странностями. Для вящей убедительности я ещё и ноги вытянул вперёд и положил одну ступню на предыдущую, в позе ковбоя на привале.

Но Тарасенко со своей помощницей не дали отдохнуть и, словно по команде, бросились распахивать и хлопать дверцами стола, выдёргивать ему ящики и с треском шарахать обратно… Оказавшись в гуще такой буйной сцены насилия, ноги я, конечно, подтянул поближе, но продолжал сидеть, хотя насторожился: шо за херня тут ващще творится?!.

Когда изуверы убедились, что я не выпрыгнул за дверь и не пытаюсь вскарабкаться на шторы-жалюзи, Тарасенко прекратил мытарить стол и объявил меня здоровым как бык.

– Вы это ему скажите! – воскликнула со всхлипом моя мать. – Хочет в Чернигов ехать, в психбольницу!

– Зачем?

– Его жена послала.

– Она врач?

– Нет!

– Тогда зачем? Мало ли кого куда посылают. Он что ей? Раб, что ли?

– Да! Да! Раб!

> *(…послушай Иосиф Яковлевич, он же Прекрасный. Оно, конечно, не в кайф, когда твои же братаны́ продают тебя в рабство, но что запел бы ты, красава, если тебя матушка родимая сдала?.)*

Тарасенко ещё раз запретил мне, уже как рабу, куда-либо ехать и мы покинули весёлый кабинет, куда по-прежнему не было желающих.

– Ну что? Убедился? – спросила моя мать, когда мы шли на остановку трамвая.

– Это ничего не меняет.

– Если с тобой что-то сделают, я убью её! – сказала моя мать и заплакала.

– Мам, – ответил я, – какую ты недавно книжку прочитала?

Конечно, я отлично знал, что мать моя давным-давно уж перестала читать книги, но если ты благовоспитанный собеседник, то обязан вежливо поддерживать разговор…

Из-за приём-сдачи меня в рабство и нестыковок в расписании движения поездов, на 4-й от Чернигова километр я добрался лишь поздно вечером. Однако оговорённый понедельник всё ещё длился и я с полным правом стал долбить в железо ворот, что нашло отклик в неразборчивых воплях охранников из домика проходной. Они недовольно включили свет и начали выспрашивать сквозь дверь чё

мне нада, имя Тамары послужило паролем. Подошли ещё двое в байковых синих халатах и повели меня в приёмную.

Там пришлось обменять свою одежду на пижаму и пару армейских кирзовых сапог. Левый был моего размера, но правый жал бесчеловечно. Вероятно в отместку, что побеспокоил их в столь поздний час.

Затем, сквозь леденящий мрак снаружи, меня в одной пижаме повели в пятое отделение сдать дежурному медбрату. Тот препроводил полученного в просторный зал, скудно освещённый из пары плафонов на стене плюс тусклое их отражение в тёмном стекле далёкого окна на противоположном краю зала. Шеренга остеклённых дверей выстроилась в левой стене, имелись и в правой, но намного меньше. Медбрат завёл меня в одну из левых, указал свободную койку и вышел…

В останках света сочившихся через стекло в двери, я различил полдюжины коек с укрытыми фигурами поверх них и призрачно-белыми тумбочками между. Подавляя невольный страх, я разделся и лёг.

По-видимому, меня не ждали и появление незнакомца вынудило обитателей палаты затаиться, но постепенно они оттаяли. Кто-то невидимый спросил меня из угла я ли это, на него зашикали и он умолк…. Я воздержался отвечать. Из зала за стеклянной дверью донёсся отдалённый вопль и – тоже оборвался. Я лежал—укрытая фигура, как и все здесь—и, с одной стороны, радовался, что таки успел в понедельник, но одновременно боролся с приливами настороженности, понимая среди какого окружения оказался.

– А что, Костя, хотел бы сейчас домашней колбаски? – обратился один из невидимых фигур к неразличимому собеседнику.

Меня охватил необоримый смех – до чего же быстро они меня вычислили!. Тремя днями ранее, когда мы с Ирой покидали Чернигов после совместного посещения 4-го километра, она рядом с вокзалом купила кольцо спиралевидно закрученной домашней колбасы. Вкусная оказалась.

Несколько голосов из темноты подхватили и продолжили экспертное обсуждение той самой колбасы и её специй, а я давился смехом, выфыркивал его ноздрями, а зубами стискивал уголок подушки, чтобы меня случайно не сочли за психа. В какой-то момент мне не хватило сил сдержаться и дискуссия испуганно прервалась…

~ ~ ~

Утро началось слитным шарканьем множества шлёпанцев за дверью в зал. Охомутанный белотканым вафельным полотенцем на шее, в тяжких копытах из кирзовых сапог, я вышел туда же и, следуя стрежню течения пришлёпывающих пешеходов, нашёл умывальник и туалет. Затем последовал завтрак из хавки, как хавка.

С прибытием врачей на 4-й километр, Тамара заглянула в зал и окликнула меня по фамилии. Я приблизился принести извинения за позднюю явку (но в понедельник!), она простила меня великодушно и скрылась восвояси.

Общество в зале оказалось смешанным, многолюдным, многообразным и пребывающим в состоянии шумного Брауновского движения. Абсолютно бессистемного… Единственным (за исключением меня) кирзовым вкраплением оказался индивидуум среднего возраста с обритой, как у *зэка*, головой. В отличие от меня, он валялся на плитках пола возле белой батареи отопления под подоконником окна в дальнем конце зала. Временами бритоголовый притискивал свой перед к заду не менее теплолюбивого сибарита, что валялся там же. Старания ухажёра вызывали утомлённое ворчанье и ленивый отпор вялыми толчками всё того же зада.

Бродившая по залу толпа в шлёпанцах сосредоточенно хранила погружённость в свои персонально-внутренние миры, выныривая, порой, оттуда с непостижимыми для посторонних восклицаниями.

И только инвалид на низенькой тележке не бродил, а ездил сноровисто толкая пол руками и умело выбирая курс в потоке их бродячих ног. Он явно банковал в непогружённом сегменте

общества способных понимать инструкции и разъяснения и являлся мобильным центром тусовки в стиле стихийного чёрного рынка.

Пара щеголевато Реальных Пацанов держались особняком, прогуливаясь сквозь окружающую неразбериху. Темноволосый косил под пахана и подавлял блондина своим как бы наличием интеллекта.

Молодой человек Центрально-Азиатской внешности пригласил меня сыграть с ним в шашки за столиком в дальнем углу. Каждый глаз в его лице двигался отдельно от соседнего, как после лоботомии, благодаря которой полушария мозга перестают вмешиваются во внутренние дела друг друга и каждое рулит отдельным глазом. Игра давалась нелегко, он умел оказать неосознанное, но эффективное психологическое давление—залипнуть взглядом в доску и вместе с тем блуждать вторым по движущейся вокруг толпе, чтобы затем поменять их ролями. Становилось жутковато. Впрочем, играть жертва удачного хирургического вмешательства вовсе не умел и когда на доске осталась лишь одна из его шашек, я предложил ничью, а от последующих приглашений уклонялся. Как отказался и от предложения сыграть в картишки с Реальными Пацанами…

Спиной к окну между запертой дверью во двор и дверью в коридор медперсонала восседала белая фигура тучной медсестры и ни во что не вмешивалась. Трон свой она оставляла лишь после обеда – чинно прошествовать рядом с каталкой, что неспешно въезжала из коридора, торжественно поворачивала и достигала центра зала.

– Лекарства! – Взвивался радостный клич в различных концах толпы.

Они сбегались, грудились в толкучку вокруг кормушки на колёсах, выхватывали кому что приглянётся в россыпи поверх клеёнки—таблетки аптечных расцветок и величин. Вскоре после в толпе появлялись стеклоглазые. Чёрный рынок переживал заметный рост обменных операций.

Чтоб чем-то коротать безгранично свободное время, я пошёл путём Ленина и Дин Рида, разминочно меривших камеру шагами. Зал, разумеется, предоставлял больше простора и позволял выписывать широкие эллипсы орбиты. От окна в одном краю до окна и запертой двери в другом. И снова. И снова. И снова. Безжалостный убийца времени…

Движущихся тел в зале хватало с избытком, мне приходилось лавировать, уклоняться, избегать столкновений, тем более, что пространство я преодолевал довольно скорым шагом.

Некоторые обратили внимание. Блондин из пары Реальных Пацанов принялся выбивать ритм барабанов судьбы по обложке толстой книги, которую постоянно носил подмышкой, в такт топоту моих сапог по полу.

– Чё ты дуру гонишь? Оно те нада? – прокричал мне вслед его пахановатый кент, который косил под издёрганного интеллигента.

– Попробуй – сам приколешься! – откликнулся я, уносясь к дальнейшему апогею в моём эллипсе.

Один из активистов Брауновского движения, плотно роившегося у стен, вдруг раскусил в чём суть. С радостным курлыканьем он тоже начал выписывать эллипсы орбиты, правда не вдоль,

а поперёк зала.

– Огольцов заразил Баранова! – заверещал из толпы какой-то сексот с доносом белой королеве на троне. Но та ни во что не вмешивалась.

Ходить было больно, потому что правый оказался «испанским сапогом» из арсенала орудий пыток Святой Инквизиции – на два размера меньше моего. Я продержался всего день, а на второй решил, что хватит из себя Русалочку строить и обратился к медсестре. Она покинула свой трон и отлучилась в медкоридорчик, принести мне тапочки общего образца, только расшлёпанные вдрызг. Моё движение по орбите обрело безболезненность, но и ощутимо замедлилось…

Стоит что-либо поправить, как тут же м вылезет следующее нестерпимое неудобство. Например, пуговица в поясе пижамных штанов, что постоянно выстёгивается из чересчур раздолбанной петли. Мне надоела жизнь с подстраховочной ухваткой за верх штанов, чтобы они не падали. и я вновь вывел медсестру из состояния летаргического невмешательства просьбой об иголке с ниткой.

Как только ремонт завершился, другая медсестра взошла из врачебного коридора и огласила список идущих в Клуб. Среди оглашённых прозвучало и моё имя…

Наш недюжинный караван (тринадцатою оказалась медсестра, она же предводитель-проводник) неспешно поглощал пространство по прямой, хотя случались и повороты, замыкающий в строю нашей пижамной цепочки оказался одетым в чёрную робу рабочего. Одолев подъём ступеней, мы оказались в длинной галерее перехода в следующее здание. Пожухлое предзимнее поле за окнами подсказывало отдалёнными стрелами в чёрно-жёлтых щитах-указателях путь к невидимому аэродрому. На подоконниках теснились кактусы в горшочках в сопровождении рукописных инструкции на случай сердобольных, но агрономически безграмотных караванов: «кактусы не поливать!»…

Клуб оказался классическим клубом со сценой перед залом фанерных сидений и наглядной агитацией по стенам:

Хлеб – всему голова!
Экономика должна быть экономной!
Будет хлеб, будет и песня!

вперемешку с листами блошино-кирпичных поцелуев подлиннее, убористым шрифтом.

Наш замыкающий тормознулся у первого же от входа текста и – прикипел задрав голову вверх и временами почёсывая кепку в районе темени, для чего ему приходилось вынимать руки из-за

спины в традиционной народно-бытовой позиции привитой вездесущей Зоной.

Я сел в последний ряд. Над сценой зажглись софиты, на неё вышел человек в докторском халате с баяном на ремне через плечо и выражением неудовольствия лица потревоженного в неурочный час.

Ещё две медсестры приконвоировали следующий караван – дюжину женщин в серых халатах поверх казённо-белого исподнего белья. Две-три из них прошли к сиденьям в середине зала, где их тут же обсели пара Реальных Пацанов. Им бы семечек туда и клуб из классического превратится в реальный…

Баянист заиграл и в проходе перед сценой начались танцы… По центральному проходу женщина лет сорока летящей девичьей походкой пронесла милую улыбку в конец зала и пригласила меня на белый танец.

– Извините, вальс никак не умею.

Она ушла унося опущенное лицо. Утрата. Утрата…

Всё дальше катились *Дунайские Волны* Штрауса, но вальса никто не танцевал, а просто топтались на месте, по парно. Пара пар поднялись на сцену. В одной из показательных оказался юноша с асинхронными глазами. Но на этот раз оба его взгляда скрестились в общей точке, запутавшись в высоком мягком пуху серой мохеровой шапочки его партнёрши – медсестры в белом халате. Кто кого приглашал?.

Дам увели первыми, а затем уже и наш караван. Замыкавший нас рабочий мужик оторвался от всё той же цитаты в настенном плакате и занял привычное место в строю, так и не разжав извечной зэковской смычки рук за спиной…

~ ~ ~

Помимо накручивания орбитальных витков по залу и визитации клубного бала, я ещё читал. Пришлось попросить блондина из пары Реальных Пацанов выдать мне его подмышечный том, по которому

тот барабанил и он с готовностью согласился. Это оказался сборник рассказов Тамаза Чиладзе в переводе с Грузинского. Мне понравился, хотя в оригинале, наверняка, лучше. Он способен прозрить невидимое всем, которые как все. Они незрячи. Не обучены.

На третий день я сидел у окна рядом с запертой дверью во двор, куда опускался первый снег из медленных тихих снежинок. Я то посматривал на них, то читал *Судьюи Палача* Дюренматта, из соседней палаты, читанную много лет назад. У меня за спиной, суматошил, орал, бормотал, спотыкался весь этот современный мир в срезе и преломлении пятым отделением четвёртого километра. Он мне уже наскучил.

Но дочитать я не успел – лёгкий стук в стекло снаружи заставил поднять голову. На тонком покрове мягкого снега стояла Ира, она улыбалась мне. Медленные снежинки безмолвно проплывали вокруг её лица в охвате плотной шапочкой из чёрных ниток. Так красиво…

Медсестра принесла мою одежду и я вошёл в палату переодеться. Потом я вернулся в зал, где частицы общества не вполне утратившие связь со здесь и сейчас пришли в изумление, что я так скоро покидаю придворную жизнь. Кто-то, пряча своё истинное лицо за столпотворением Брауновского движения, злобно выкрикнул, что так нельзя. Но это, наверняка, не Баранов был, он – жизнерадостный.

Взвинченный близостью освобождения, я сделал шаг вперёд, вскинул руку со стиснутым в ораторской манере кулаком и выкрикнул, что благодарен всем за всё и обещаю помнить. В ответ вспыхнул стихийный митинг, но я уже сделал шаг за стеклянную дверь во врачебный коридор. По пути в кабинет Тамары, в какой-то открытой пустой комнате, я увидал одинокую старуху в халате и головном платке. Она ползала на четвереньках по полу выстраивая большие кубики, размером чуть крупнее кирпичей, в две неровные линии.

Тамара сказала Ире, что моё лечение ещё не начато, но раз уж она так настаивает то пусть забирает и не надо слишком переживать

– такие отклонения как у меня вполне обычная аномалия среди докторов наук. Это она так утешала Иру.

(…правда на меня этот капкан не сработал, к тому времени я уже нашёл эффективный способ держать свою мегаломанию в узде, но Ира, по-видимому, поверила мнению специалиста. Во всяком случае, два года спустя на мой день рождения она подарила мне однотомник Валентина Плеханова, да, того самого сукина сына, что завёз инфекцию марксизма в Россию.

На обороте твёрдой обложки его сочинений, она пожелала мне стать таким же умным как он, потому что она ждёт этого. Выходит, ждала как минимум ещё два года, хотя Фрейдисты утверждают, что полтора самый крайний срок…)

Обращаясь ко мне, Тамара прописала мне специальное средство для возвращения в себя – каждый вечер смотреть программу *Время*.

Несколько лет я неукоснительно исполнял её предписания и навострился с точностью до трёх дней предсказывать авиакатастрофы или прибытие в Москву делегации Коммунистической партии Парагвая с кратким рабочим визитом. Но потом мне наскучило и я бросил принимать эту микстуру, оправдываясь поговоркой, что горбатого могила исправит и тогда я уже точно буду как все.

(…О, до чего обворожительно, приятно, прекрасно устроен этот мир, если не зрить ему в корень.

*“**…состоялся симпозиум под эгидой ЮНЕСКО…**”*

Какой чарующий звон исходит от каждого слова этой великолепной строки!.

Но стоит дорыться до грубых, простецких корней, где «эгида» – шкура ободранная с козла, а «симпозиум» обозначает коллективную попойку, то, стиснув виски, восклицаешь совместно с классиком: скучно жить на свете, господа, ничего

нового—опять и снова, как всегда—пьянка с групповухой под козьей дублёнкой простипомы Юнески…)

"Как прекрасен этот мир,
Посмотри!
Как прекра-а-а-сен этот ми-и-ир!.."

~~~~
~~~~

~ ~ ~ супружеская жизнь

СМП-615, он же Строительно-Монтажный Поезд под тем же номером, находился примерно там, где я когда-то жевал траву оголодавши в достопамятном велопробеге на Сейм и обратно, только на другой обочине дороги. Незабвенный выпас происходил за городской чертой, но Конотоп рос и пастбище стало частью окраинного района неофициально именуемого «На-Семи-Ветрах». Конотопчанам не занимать поэтичного ви́дения мира.

7 декабря 1979, после непродолжительного визита на 4-й километр под Черниговом, я пришёл в СМП-615, потому что ни один трамвайный или автобусный маршрут туда не дотягивался, это же у чёрта на куличках, у самого края На-Семи-Ветрах.

И близко не могу представить причин, подтолкнувших начальника отдела кадров по ходу нашего собеседования корёжиться лицом так, что рожи Славика Аксянова на фоне таких корчей блекли до уровня бездарно пресного дилетантизма. В какой-то момент, он вдруг схватил широкую деревянную линейку со своего стола и начал прикрывать ею свой левый глаз. Боялся меня сглазить? Предположить похмелье источником столь извращённых передёргов не получалось – шла вторая половина рабочего дня и оно—даже если допустить с натяжкой, что как-то не сложилось чем утушить—уже должно бы было своё отколбасить. Один из тех случаев, на которые остаётся лишь пожать плечами и забыть.

Тем не менее, ему удалось принять меня на работу и даже объяснить, что организации достаются 10 % построенных ею квартир для последующего распределения между работниками СМП-615 в порядке установленной очереди на улучшение жилищных условий. В текущий момент идёт строительство 110-квартирного дома, а в очереди стоят 23 желающих. Конечно да, я подал заявление и стал двадцать четвёртым. Меня не отпугнул даже тот факт, что после

сдачи 110-квартирного мне автоматически придётся стать тринадцатым. Зато не более чем через два дома я точно получу квартиру для своей семьи. Тогда я не подозревал, что далеко не всё настолько арифметически прямолинейно. А начальник отдела кадров не успел ввести меня в курс нюансов, потому что сменил место работы и на его должность пришёл моложавый пенсионер из вооружённых сил.

С новым начальником отдела кадров всё было ясно и субординатно, поскольку отставной майор Петухов держал выражения лица под контролем натренированным армейскими буднями... Впрочем, физиогномика чехарды начальников не так уж и важна, ведь главными людьми в моей жизни на предстоящие шесть лет стала бригада каменщиков.

В СМП-615 насчитывалась всего одна такая бригада, все остальные—штукатуры, сварщики, плотники, сантехники—приходили на возводимые объекты после нас. Рабочие растворо-бетонного узла, как и крановщики, снабженцы, грузчики являлись вспомогательным звеном, работали на нас, ну и ещё куда пошлют... Даже инженеры и счетоводы вторичны по сравнению с нами.

Именно мы приходили в глубокие котлованы и заполняли их кладкой многотонных бетонных блоков фундамента при помощи автокрановщика Гавкалова. Затем начиналась эпопея роста стен и «начинки» здания методом «кирпич на кирпич», чему содействовали крановщики башенного крана – Микола, Коля и Виталя – каждый в свой черёд. Менялись крановые, менялись сварщики, но мы оставались и делали своё дело, ибо кто, если не мы изменит пространство?.

Вместо заполненной воздухом пустоты для пролёта бродячих вороньих стай и прочих пернатых, поднялись лестничные марши, а по ним, на недосягаемые прежде высоты, пошли жильцы к своим домашним очагам и обратно. Бездельным воронам пришлось менять маршруты полётов. Бесспорно, многоквартирные жилые дома являлись результатом совместного труда всех перечисленных, а

также и не упомянутых структур СМП, но остриём продвижения к осуществлению вековечной мечты человечества о нормальных жилищных условиях являлись именно мы – каменщики.

Непросто быть остриём. Ни стены кабинета, ни стёкла кабины, ни шпангоуты бортов не укроют тебя от низких капризов и пакостных взбрыков погодных условий. Вся твоя защита – спецовка, каска и кирзовые башмаки (зимой добавится бушлат и шапка) всё остальное —не укрытое ими—становится добычей палящего солнца, хлещущих дождей, безжалостных вихрей и трескучих морозов. Не каждый выдержит, не всякому дано быть каменщиком день за днём.

Много с кем довелось мне работать и в СМП-615 и за его пределами, но именно эти двенадцать навсегда остаются «нашей бригадой»:

Мыкола Хижняк – бригадир;

два Петра—Лысун и Кирпа—каменщики;

два Григория—Григорий Григорьевич и Гриня, его тёзка, по прозвищу Мелехов (вследствие сериала *Тихий Дон* на ЦТ) – каменщики;

две Андреевны (от разных отцов, в разных семьях) – Любовь и Анна—каменщицы;

Лида и Вита – каменщицы;

Вера Шарапова и Катерина – строповщицы; и

Серёга Огольцов – каменщик.

В Конотопе легко распознать многоквартирные здания построенные нашей бригадой, все они полосатые. Начиная стены этажа, мы поднимали пояс периметра кладкой красного кирпича (6 см х 12 см х 25 см) с клеймом «КК» на ребре – «Конотопский Кирпичный». «З»– «завод»—отсутствовала, вместо неё стояли палочки: «I» – выработан в первую смену, «II» – вторая смена, и так далее.

Когда пояс вырастал до нижнего уровня оконных проёмов, кладку столбиков между оконными проёмами и откосы балконных дверей

мы продолжали уже белым силикатным кирпичом (9 см х 12 см х 25 см), без опознавательных знаков происхождения.

Столбики, выложенные на всю высоту окна, соединялись бетонными перемычками, которые подавал башенный кран. В завершающие ряды поверх перемычек снова шёл красный кирпич.

Глядя со стороны – ещё один этаж готов (красно-бело-красный), но быстро лишь сказка сказывается… Пришло время «начинки» – кладки внутренних стен: несущей продольно-осевой, она же «капиталка» и поперечных, что разделяют секции соседствующих подъездов, а также соседние квартире в одной и той же секции. Затем сложить из гипсовых плит (8 см х 40 см х 80 см) перегородки разделяющие каждую квартиру на коридоры и комнаты и поставить раздельные санузлы из красного кирпича «на ребро» (и только из красного, потому что силикатный, как и гипс, боится влаги.)

Вот теперь этаж можно перекрывать бетонными плитами, подплывающими по воздуху под стрелой башенного крана на туго натянутых стальных тросах с крюками, которые Катерина и Вера Шарапова внизу, на земле, завели в четыре петли самой верхней из штабеля таких же плит длиною в 5,6 метров и шириною 1,2 метров или же в 1 метр ровно.

Разница в ширине плит даёт возможность точно уложиться в ширину подъезда, не наезжая на стены лестничной клетки, потому что перекрывать их наглухо нельзя – именно в них выложены вентиляционные каналы кухонь и санузлов… А если завезены плиты только одной ширины и варьировать нечем?

> *(…дефициты эпохи плановой экономики научили не привередничать и хватать что подвернётся, пока хоть это есть…)*

Что если не из чего выбирать в штабелях плит перекрытия, а?

Тоже не беда! Есть лом, кувалда, два Петра, два Григория, один Серёга и бригадир Хижняк – сменяя друг друга на инструменте, они

доведут плиту до нужной кондиции.

Перекрытие этажа – ответственный момент (первые год-полтора мне эта честь не выпадала).

Кран постепенно опускает поднесённую плиту на две несущие стены: наружную и осевую (капиталку) покрытые раствором на ширину соединяющей их плиты. Бригадир вместе с доверенным каменщиком ложатся животами поперёк уложенной плиты и свешивают головы за её край, проверить как хорошо вписалось её брюхо в ряд смонтированных до неё, потому что их низ станет потолком будущей квартиры. Если надо – кран приподымет плиту и отведёт в сторону, а в месте её опирания на стену будет добавлен раствор или же наоборот – соскре́бен. Ведь тут людям жить!

Наконец, придирчивые взгляды двух свешенных голов удовлетворены её соответствием общей ровности перекрытия и бригадир кричит долгожданное слово:

– Поедя́т!

Это так он переиначил слово «пойдёт!», что означает «будущие жильцы будут счастливы и глубоко удовлетворены качеством строительных работ!»

Кран даёт слабину натянутым тросам, крючки вынуты из железа петель и со звоном брошены на бетон верхнего слоя плиты. Стрела крана приподымается и разворачивается, унося свой массивный крюк с висячими на нём четырьмя стропами «паука», у каждой на конце недавно вынутый крючок. Пошатывая—с грохотом и лязгом— ажурный каркас башни, кран катит прочь по рельсам подкранового пути, к штабелю плит, где, на верхней, стоят уже и ждут Вера Шарапова и Катерина, чтоб растащить крючки строп по дырам с петлями на её концах… Технология выверенная десятилетиями пользования…

~ ~ ~

Утром, к половине восьмого, работники СМП-615 собирались на привокзальной площади в ожидании, когда от угла двухэтажного, но

мощного здания вокзала хлынет густой поток рабочих и служащих прибывших в Конотоп первой электричкой со станций Бахмач, Халимоново, Хутор Халимоново и Куколка. Подъехавшие коллеги смешивались с присутствующими и уже все вместе начинали ждать свой автобус.

Мы образовывали широкий круг, но не для хоровода, а для неспешного обмена новостями, приколами или замечаниями о мелочах текущей жизни привокзальной площади, что возвращалась уже в своё тихое русло после ежеутреннего наплыва. Движения транспорта на площади не отмечалось, а только шевеление (вдоль её периметра) других кругов в ожидании их автобусов, но наш – шире всех и самый весёлый.

(...в кругу есть что-то семейное, зачаток общности. В кругу видишь больше людских лиц, чем стоя в строю...)

Наконец, из улицы Клубная появлялся наш автобус, Наша Чаечка, названный так из-за машин марки Чайка, для провоза правительственных делегаций из аэропорта Шереметьево в Кремль на переговоры. Она осторожно переваливала через рельсы трамвайного пути и миновала одноэтажное здание вокзальной милиции на углу площади, потом столб со знаком стоянки такси, хотя те, почему-то, этот столб избегали. Завершая медленный круг почёта, автобус останавливался возле нашего весёлого круга и, чихнув дверями, распахивал их.

От площади, он повезёт нас мимо Лунатика, мимо школы № 12, мимо трамвайного депо к оконечности На-Семи-Ветрах, чтобы наша бригада сошла возле 110-квартирного, а автобус отправится дальше и ещё через полкилометра или того около, доставит своих пассажиров на обширную территорию базы СМП-615 в оцеплении оградой из бетонных плит. Однако не все рабочие нашей бригады приезжали Чаечкой, поскольку большинство их жили в 50-

квартирной пятиэтажке или в бараках общежития и они приходили пешком.

Мы переодевались в бесколёсном вагончике из горизонтально-длинных досок коричневой окраски. В левом углу тамбура за входной дверью толпились держаки прислонённых к стене лопат в засохшем цементном растворе, над стопками вёдер разнообразно помятой жести, откуда торчали рукояти наших кельм и кирочек и свисали витки белесой лески—хвостики железных отвесов.

Внутрення дверь тамбура открывала комнату под низким потолком из той же доски-вагонки, но уже без краски и с одним окном над рубцами-шрамами в длинном столе и лавке вдоль его края, рядочек узких шкафчиков для одежды скрывал каждую из торцевых стен. Большую часть помещения поглощал обширный короб вроде как бы нары в обшивке из азбесто-цементных листов, что прятали электрические потроха тэнов отопления. Сваренная из арматуры продольная рама над ним, выдерживала навал наших утяжелённых влагой бушлатов для просушки после дождя.

Женщины переодевались в вагончике мастера. В отличие от нашего, тот стоял на высоких колёсах и нуждался в приставном крыльце под дверью в центре длинной стороны. Вагончик мастера обит был жестью в краске выгорело-защитного цвета и имел два окна, разделяясь в тамбуре на два отсека – одно для текущего мастера и пухлых пачек чертежей сооружаемого объекта, второе для женщин бригады.

В тёмное время суток в отсеке мастера спали два сторожа-пенсионера, сменявшие друг друга еженощно. Один из них, с бравой фамилией Рогов, носил гимнастёрку *пэша* с рядками орденских планок, офицерский ремень, галифе и сапоги из хромовой кожи, а на голове суконную фуражку по моде тридцатых годов, как у маршала Жукова на Халкин-Голе, когда тот был ещё комбригом. Под длинным козырьком фуражки суровилось лицо Римского легионера, изношенное в походах против варваров-тевтонов и проступала неизгладимая обида на заведующего Конотопским собесом. Это

чувство укоренилось в Рогове из-за одной всего лишь реплики, которой упомянутое должностное лицо утешало своего зама за неплотно прикрытой дверью: —«Терпение, коллега, их уже немного осталось».

Второй сторож ходил в гражданке, а прежде носил форму мента и подвергал задержанных по пьяни мужиков садистскому тесту собственного изобретения: кто мог выговорить «Джавахарлал Неру», тех отпускал, а фонетически безнадёжных отправлял в вытрезвитель.

(…Конотоп есть Конотоп, тут даже рядовой мент знает и популяризирует имя первого президента Индии…)

В ночь своего дежурства бывший милиционер перекрывал листом картона окно в отсеке мастера, изнутри. Иначе он не мог заснуть. Аукнулись годы молодости – его армейская служба проходила в подразделениях по борьбе с Бандеровцами, а в закарпатских гарнизонах окна казарм на ночь закрывали щитами из толстых досок, чтоб сон военнослужащих не потревожили гранаты партизан сквозь стёкла…

Переодевшись в рабочее, вся бригада сходилась в мужском вагончике на сводку новостей Семи Ветров, барачных общежитий и самого СМП-615. Иногда, для разнообразия, Григорий Григорьевич начинал наезжать на Гриню, что в восемь часов тот обязан стоять на линии, звякать кельмой и мантулить кирпич на кирпич. Гриня на это радостно хихикал и с готовность соглашался: —«А то ж!» Потому что, покуда не подвезут раствор и кран не подаст его на линию, каменщикам там делать, практически, нечего.

Раствор, он же *грязь*, доставлен будет самосвалом. Тот даст задний и задерёт свой кузов над рядами пустых растворных ящиков из листового железа. Груз поползёт вниз по крутому уклону, но целиком не вывалится. Хорошо, если половина… Во-1-х, по пути с растворобетонного узла раствор осел и уплотнился, выжимая воду из жижи и это, в основном, вода скатилась в ящики на земле. А во-2-х, дно

кузова и его стенки уже давно и далеко не гладки, а покрыты слоями замёрзшего, поверх замёрзшего, поверх замёрзшего раствора зимой или засохшего, поверх засохшего, поверх засохшего при подвозе летом. Поэтому нужно взобраться на задний борт отвисающий от поднятого кузова. Он будет качаться под ногами в своих петлях, так что одну из ног нужно упереть в боковой, поднятый к небу борт, для устойчивости. Стоя оставшейся ногой на узкой кромке заднего, качающегося, борта, подрезай лопатой слежавшийся в кузове раствор, чтобы он пластами соскальзывал в кучу на ящиках. Когда подрезанный пласт с шуршащим шумом поползёт и свалиться, кузов дрогнет и бурно зашатается от облегчения. Тут важно не утратить равновесие, а устоять на заднем борту..

Самосвал уедет, оставив груду раствора поверх четырёх-пяти ящиков. Но это неправильно – каждому каменщику полагается отдельный ящик. Катерина и Вера Шарапова восстанавливают справедливое распределение своими совковыми лопатами.

Хотя к ящику приварены четыре петли для крючков, они его цепляют лишь за две, по диагонали, чтобы кран одной ходкой мог подать раствор сразу двум каменщикам. Больше не получится – на «пауке» всего лишь четыре крючка…

А тем временем каменщики подняли из вагончика на линию свои инструменты… Та часть стены, на которой предстоит работать бригаде, называется «захватка». Из конца в конец *захватки* зачаливается «шну́рка»—толстая рыболовная леска, местами испачканная присохшим раствором, с хвостатыми узлами там, где чья-то неосмотрительная кельмы рассекла надвое её—туго натянутую вдоль растущей стены—чем вызвала разноголосую, но единогласно укоризненную реакцию каменщиков вдоль *захватки*:

– Какая опять падла?..

Шну́рка нужна для поддержания общей горизонтальности в порядовке кирпичной кладки, тем-то и объясняется непрестанно пристальное к ней внимание, не одним так другим каменщиком.

Справа от каждого каменщика, кран оставляет ящик с раствором, он же «банка». Объём такого ящиканевелик – всего на четверть тонны. Когда раствор из *банки* выработан, порожняя тара краном же отправляется на растворную площадку, чтоб строповщицы пополнили запас из остающейся или же вновь подвезённой кучи *грязи*. Забанкованный раствор постепенно теряет эластичность, в таком случае надо просто добавить воды, принесённой помятым ведром их многотонной ёмкости неподалёку от *захватки*, и перемешать его с ней совковой лопатой. Поэтому из каждого ящика торчит черенок вонзённой туда лопаты. Но основное назначение лопаты – перешлёпывать раствор на свою часть *захватки*. После чего лопата возвращается в позицию торчащей из ящика, а каменщик берёт свою кельму—размером с солидный кухонный нож, но с треугольной лопаткой вместо лезвия—и разравнивает ею раствор шлёпнутый поверх предыдущего ряда кирпичей для укладки следующего.

Слева от каменщика стоит поддон с кирпичом, по три-четыре сотни штук уложенных плотными рядами поверх друг друга. Ухватив кирпич из верхнего ряда, каменщик кладёт его на слой разровненного раствора и пристукивает обитым жестью концом рукояти кельмы, чтобы привести кирпич в позицию продиктованную натянутой *шну́ркой,* если это лицевой ряд либо с уже проложенным лицевым рядом, когда кладётся ряд задний.

Если по ходу кладки требуется кирпич особого размера – половинка, трёхчетвёрка или (самая мелкая, но стандартная) «чекушка», каменщик пускает в ход кирочку—кайло в миниатюре—обрубая лишнее. Когда кирпичи на поддоне закончатся, крановщик подаст следующий поддон зацепленный внизу Катериной и Верой Шараповой, из уложенных ими же.

Такая вот ритмичная смена движений: наклон – бросок, наклон – шлепок, а плюс к тому неограниченное пребывание на открытом воздухе, сводит трудовой процесс к чистопробной аэробике слегка приправленной элементами тяжёлой атлетики. Упорядоченное,

последовательно зацикленное движение, можно даже сказать – спиралевидное. Смекаешь?

Ну а теперь можешь наплевать и забыть всю эту патетическую хрень, потому что стройка – это не цирк с разглаженным песочком арены. Стройплощадка это опасная зона, где острые концы арматуры таятся в закоулках, крепкая, с виду, доска, проламывается под ногой, ведро кипящей смолы падает с крыши и тебе чертовски повезло, если при упреждающем крике «беги!» ты без раздумий метнулся прочь, а не разинул варежку кверху – «а эт чё тама?» Плюссь!

Тут хряскает оземь секция чугунной батареи отопления – её швырнул в проём окна на четвёртом этаже блатной, что недавно вернулся из очередной ходки на Зону. Он ни в кого персонально не метил, а просто так швырнул, не глядя – тут уж на кого Бог пошлёт.

По большому счёту, стройка – это жизнь. И тут, как в жизни, надо не только жить, но и—извини за рецидивный пафос—выживать. Ну и сами каменщики, конечно же, не роботы, а люди. А люди, если хорошенько окрысятся, то кого угодно выживут… хотя, о чём это я?.. Ах да – стройка!.

На стройке у каменщика не много остаётся времени для истолкования причудливо изотерических посланий от посвящённых избранным, не больше и на расшифровку знаков начертанных по небу вязью облаков.

Дождись перекура и – пожалуйста! Вплетай какой хошь символ в куда душе угодно. Тасуй их, вычитывай смысл криптограмм – посланий белым по синему… Покуда бригадир Хижняк не поднял *шну́рку* на следующий ряд и не прокричал вдоль линии *захватки*:

– Гоним-гоним!

На что Пётр Лысун откликнется уныло:

– Чё? Опять вперёд? А где он, перёд этот?

И тут – просто хватай свою лопату, шлёпай *грязь* на стену и – живи дальше…

~ ~ ~

(…в позапрошлом веке, на границе с Англией, а может наоборот с Шотландией, жил себе фермер, который неслабо так зарабатывал исцелениями. Без какого-либо шарлатанства. Приводил в норму всякого рода умственно тронутых, чокнутых, сдвинутых или же как-то ещё повреждённых по той же линии. При условии, что любящие родственники не ошиваются поблизости по ходу курса лечения.

Вот привозят к нему такого, скажем, своеобразного, чьё специфическое восприятие окружающего мира всех домочадцев уже по полной заеб… то есть… наотрез отказываются всерьёз считать его чайником. «Ах, осторожней! Я фарфоровый. Не разбейте!»

На следующее утро, выводит фермер этого чайника в поле, вместе с некомплектом от других сервизов—фужер из хрусталя, солонка, там, с утерянной крышечкой, бижутерия тоже случалась—и аккуратно впрягает всю дзинь-компанию в плуг. А и потом, само собой, пашет поле.

К вечеру дня, 88 % стеклотары вспоминали теорию происхождения видов и высказывали ему замечания, с людьми, мол, нельзя так. Самые упорные скороварки на второй день начинали прикидываться, что и они такие же люди как все. И фермер возвращал семьям и обществу полностью восстановленных членов. За оговорённую плату, есессна, плюс приятный бонус – поле вспаханное надурня́к…)

Ира не верила в трудотерапию на свежем воздухе, она больше полагалась на народные средства. В ту зиму она повезла показать меня колдуну в Ичнянском райцентре, Черниговской области. Туда мы приехали в сумерках, потому что зимой быстро темнеет. До отправления автобуса обратно оставалось полчаса и местные дети на улице, с какой-то даже гордостью, указали нам дом колдуна.

Дверь добротного дома открыла обычная сельская баба среднего возраста и прочий интерьер оказался такой же непримечательный,

без всякой бесовщины. На кухне сидели пара посетителей, но не из нашего автобуса, а то бы я запомнил. Следовательно, откуда-то неподалёку. Молодая пара, с виду может даже и молодожёны, оба за столом сидят. Молодожён наворачивает миску борща, а она – нет, а типа как, прослеживает. Время для борща не совсем подходящее, но я не вмешиваюсь – может, колдун прописал в виде терапии…

Баба отвела Иру в соседнюю комнату и через пару минут они вернулись вместе с колдуном. Черноволосый мужик лет пятидесяти в рубашке хаки от общевойсковой парадки. Посмотрели мы друг на друга, не моргая, и он ушёл в комнату вместе с Ирой. Я остался с борщеедом и двумя медсёстрами без халатов.

Вскоре Ира вернулась, вся такая взволнованная, и мы пошли на автобус. По пути в Нежин, Ира поделилась – я не тот стал оттого, что мне скормили «дання», но случилась передозировка, однако сегодня лечить меня бесполезно, потому что «кватера» не та, то есть луна находится в неподходящей для процедур фазе. (Или таки борщ кончился?)

А ещё колдун сказал, чтобы я больше не приезжал, а меня надо подменить каким-нибудь родственником единокровным. Так что, вместо меня потом моя сестра Наташа ездила с Ирой в Ичню.

(…всем известно, что «дання» это приворотное зелье, которое применяют женщины, чтобы в них влюблялись. Намеченной жертве дают что-нибудь съесть с приправой из менструальных выделений браконьерши… Всё-таки, они первыми начали эксперименты на людях проводить…)

Я не верю в чары, загово́ры и прочую суеверную херню, но пока звякаешь кельмой о кирпич или *грязь* лопатишь, голова остаётся, в основном, не занятой и в ней много чего проворачивается.

(…если, чисто гипотетически, «дання» имело таки место, то – кто, где, когда?

Не помню в который год моей работы в СМП-615, мне в голову подвернулись два предположения:

1. кефир, который Мария принесла мне в горбольницу, когда я там лежал из принципа;

2. варёная колбаса, которой меня угостила моя однокурсница Валя с чёрными сросшимися на переносице бровями, во время совместной школьной практики на станции Носовка, хотя мне есть тогда особо не хотелось.

Однако раз я ни на одну из них не запал, гипотеза с треском проваливается, Ичнянский колдун остаётся с носом и отправляется на скамейку шарлатанов...)

~ ~ ~

Когда Гаина Михайловна, потупя взгляд, осторожно поинтересовалась как относятся ко мне в нашей бригаде, я моментально вычислил откуда ветер дует. Хочет краями выспросить как там вообще терпят мою подмоченную репутацию... Чего уж скрывать, не каждый коллектив потерпит в своих рядах члена на должности не соответствующей диплому. Именно этим объясняется крик души крепильщика Васи на шахте «Дофиновка»: –«Ты своим дипломом позоришь нашу шахту!» Ну в смысле, диплом делает из неё непонятный сброд и полный бомжатник...

Мою репутацию в СМП-615 подмочила кассирша Комос, которая знала, что в Нежине я доучился до диплома и знала даже на кого. У её дочери, Аллы, когда-то шли длинные серьёзные отношения с моим братом Сашей. В тот период я даже посетил однажды квартиру Комосов. Но позднее Алла постригла свои дивные длинные волосы лишком коротко, а мой брат пошёл в примаки к Люде с её матерью.

Кассирша Комос выдавала зарплату работникам СМП-615. Для этой цели раз в месяц Наша Чаечка отвозила рабочих со стройки на территорию базы СМП-615 и мы там выстраивались возбуждённой

очередью, в вестибюле на первом этаже административного здания, к маленькому квадратному окошку в глухой стене налево от входа.

Достоявшись в разгорячённой предстоящим событием очереди рабочих, склоняешься к этому квадратному иллюминатору, довольно низко в стене, и расписываешься в ведомости… Вот именно эта заключительная поза мне как раз вовсе не нравилась. Голова твоя где-то там, не ясно где, а зад торчит снаружи на милость и усмотрение очереди в состоянии взвинченного предвкушения…

Когда пришёл мой черёд, я не стал подгибаться, а просто ведомость на край окошка подтащил и расписался, тем более Комос видела, что это я уже на подходе. Тут-то она и закричала из-за окошечного стекла: —«Серёжа! А голова где?»

– Меня гильотинировали.

– Чего? Да брось выделываться, думаешь, диплом получил так и – всё? Ты же к нам в гости с Ольгой приходил. Забыл? Мы ещё самогон вместе пили!

Именно это мне никогда не нравилось в людях, когда лезут с непрошенной фамильярностью и затевают панибратство. И, разумеется, мой ответ кассирше Комос был достаточно прямым, чтоб ей дошло это:

– Вы глубоко заблуждаетесь. У вас в гостях мы пили спирт и берёзовый сок, а самогона там не оказалось.

Ну поставил, в общем, её на место. Но зарплату она мне всё равно выдала и даже хватило вернуть Тоне 25 руб. за розы в день рождения, когда тебе только-только полчаса исполнилось. А то до этого всё как-то не получалось…

Поэтому из-за болтливой развязности кассирши мне так и не удалось скрыть от нашей бригады свою дипломированность. Но особой дискриминации ко мне по этому поводу не применяли, а через четыре года я даже привинтил на курточку спецовки «поплавок». Это такой значок, что вместе с дипломом выдаётся. Просто подумалось: а чё он тут в ящике серванта валяться будет? Потому и привинтил, летом конечно. Такой денди-каменщик

получился – ромбик эмали нежно голубой расцветки, а в ней золочёная книга нараспашку, на фоне выгорело-чёрной х/б спецовки.

Больше месяца так и ходил. А потом утром открываю шкафчик с одеждой: в спецовке только дырка, а «поплавок» уплыл. Но это не наша бригада отвинтили, нет, тогда объект к сдаче готовился и нагнали рабочую силу откуда попадя, из других организаций, ради солидарности управленческих соплежуев…

Так что, в свой следующий приезд в Нежин, я тёще дал вполне предсказуемый ответ:

– Гаина Михайловна, десять человек нашей бригады ко мне хорошо относятся, а один положительно.

– Откуда ты знаешь?

– Анкетирование провёл. Устно. По отдельности конечно.

– Так прямо и спрашивал «как ты ко мне относишься?»

(…интересно, а откуда бы я эти цифры взял?

Кстати, некоторые из опрошенных потом тоже спрашивали: —«А ты ко мне как?»…)

Да, жизнь перевернулась. Трудно сказать с ног на голову, или наоборот, однако целиком. Раньше на выходные я ездил из Нежина в Конотоп, а теперь из Конотопа в Нежин. По пятницам пригородным в 17:40 в Нежин, по понедельникам первой электричкой в 6:00 – обратно. Трижды я проспал шестичасовую утреннюю и начал уезжать в Конотоп по воскресеньям в 19:40. Сильно боялся, что опоздания повлияют на моё место в очереди на квартиру.

(…когда в Америке существовало рабство Негров, многие Афро-Американские семьи разлучались. Скажем, муж пашет на плантации у одного хозяина, а его жена за много миль на плантации другого. По праздникам муж её навещал. Такая женщина называлась «broad wife»… Когда я об этом узнал, то

пожалел даже, что вообще Английский учил, очень меня это словосочетание, почему-то, расстроило...)

Из-за того, что трамвая в Нежине нет, автобусы, с оглядкой на свою незаменимость, совершенно распоясались. На каждой остановке специальный столб с жестяной табличкой, где чёрным по жёлтому сказано когда автобус номер такой-то должен подойти, но в те таблички лучше не смотреть – одно расстройство. Жестянка говорит, что уже как минимум три № 5 должны были проехать, а ты ещё и одного не дождался... Хотя-ка? Погоди-ка? Точно! Замаячил вдалеке, вселяя шаткую надежду... Нет – мимо, и без тебя битком...

Однако в тот вечер нам с Ирой повезло. Подходим к остановке – тут и автобус подкатил. Это была суббота и мы вышли, потому что звонил Двойка и пригласил к себе на преферанс. На последнем курсе он жил уже не в общаге, а где-то на квартире, вот мы и условились встретиться на главной площади. С Красных Партизан до площади всего две остановки и мы дошли бы и пешком, но автобус подвернулся. Ира держалась бы за мою руку, чтоб не скользить в сапогах по снегу такому ярко-белому в кругах света от фонарных ламп над тротуаром...

Когда мы одевались в спальне, Ира попросила передать ей поясок от платья – длинную полоску ткани. Из-за узости спальни и чтоб лишний раз не протискиваться между кроватью и коляской, я просто бросил поясок ей. Но один его конец держал пальцами, на всякий, если не поймает. А именно в этот момент она как раз наклонилась застегнуть молнию на сапогах и долетевший конец пояска охлестнул её согнутую спину.

Я изумился – до чего же совпало с тем эпизодом в фильме *Цыган*, когда Будулай стегал свою жену кнутом на прощанье, потому что он уходил на войну и как бы это такая Цыганская традиция перед разлукой. Но Ира ничего и не заметила, а я утешил себя мыслью, что я не Цыган и войны тоже нет...

Автобус затормозил у остановки на площади, где уже такая толпа скопилась, что и два автобуса не вывезут. Я сошёл первым и протянул Ире руку, помочь. Как только она ступила на остановку, толпа ломанулась на штурм двери. Но я успел прикрыть Иру спиной. Тут вскрикнула какая-то девушка, её чуть не потоптали в толчее. К счастью, она успела схватиться за борт автобуса, а стадо так пёрло наверх сплошняком внутрь по ступенькам.

Как человек не только благородный, но и галантный, я счёл это абсолютно неправильным, тем более в присутствии моей жены, вот и крикнул девушке, поверх валившей между нами массы – за весь этот дурдом: —«Извините!»

Кто-то в толпе не пожелал уступить мне в галантности или же решил, что это я её толкнул, и крутанувшись из давки он резко двинул меня в скулу. А может, просто имел выучку такую, что за фактом нарушения должен последовать факт наказания.

И тогда я громко объявил ему и толпе, что на секунду забыла про автобус в ожидании моего ответа и даже полная луна как-то внимательно застыла в небе, услыхать: —«При всём моём непротивленстве такое не могу стерпеть!» И я ответил ударом на удар.

Наверное, он не один был или взъярённые ожиданием хлопцы вмиг обернулись единой сворой, но удары посыпались со всех сторон – нашли козла отпущения, чтоб сорвать зло по поводу неправильного устройства жизни. Всё, что мне оставалось, так это прятать лицо и голову между локтей, хотя, по-моему, тело знало и само, не дожидаясь моих решений, что делать. Мой личный вклад был восприятием неясных воплей. Кто кому? Кто о чём?

Когда зарычал стартующий мотор, я почему-то был уже по ту сторону автобуса, под перекрёстным светом фонарей в периметре площади, но, что ещё непонятнее, по-прежнему на ногах, только без шапки. Наверное, разгневанных сбежалось чересчур и помешали друг другу сшибить меня на корку плотно укатанного снега. Свора рванула оббегать автобус к дверям. Он отошёл, открывая вид на

остановку, где среди десятка невтиснувшихся стояла Ира с моей кроличьей шапкой в руках. Чуть дальше, в тени киоска Союзпечать, темнел Двойка, что вышел встречать нас…

Он отвёл нас на свою квартиру, которую снимал в частном доме вместе с Петюней Рафаловским, где я и расписал с ними «пулю». Потом они вышли проводить меня и Иру. На узком тротуаре идти получалось лишь только по двое. Ира с Двойкой ушли впереди – он, в длинном кожухе и мохнатой шапке-малахай, казался медведем рядом с нею в пальто прямого кроя и круглой вязанной шапочке, а мне пришлось идти с Петюней, сзади. Поддерживать с ним разговор казалось выше моих сил, меня душила горечь, что не со мной она идёт. Но что мне оставалось делать – устроить сцену? Оттаскивать Иру от Двойки? А и кто я такой? Потоптанный стадом Ахуля в демисезонном пальто от Алёши Очерета. Не каждая позарится на такого, пусть даже она тебе и жена. Площадное побоище не принесло мне особых повреждений, но каждый шаг бок о бок с овчинным кожухом Петюни отдавался нестерпимой болью.

Он и Двойка дошли до самой площади, а оттуда провожали нас вниз, до моста возле Общаги, где нам таки удалось расстаться. На прощанье Двойка, учащённо затягиваясь сигаретой и пряча от меня глаза, изложил детали своей недавней случки с какой-то из БиоФачных прошмандовок, когда она вцепилась ногами ему на поясе, а он таскал её по комнате ухватив за титьки. Меня буквально оглушила эта быдлячья самореклама самца-победителя. Таким я бы не стал делиться даже при его лоханках. Мудак ёбаный…

Когда мы шли на Красных Партизан, Ира ни разу не взяла меня под руку и всё больше отмалчивалась. Пришлось и мне заткнуться. Желательно вычеркнуть из рыцарского кодекса непрошеные извинения перед незнакомками…

~ ~ ~

И всё же руководство СМП-615 изыскало способ сгладить, хотя бы отчасти, факт наличия в нём каменщика с высшим образованием.

Меня назначили заседателем товарищеского суда. Суды этой инстанции рассматривали правонарушения не вошедшие в свод статей уголовного кодекса или же предусмотренные там, но не слишком тяжко наказуемые, если хулиганство, то мелкое, а кража, опять-таки, по мелочам. Товарищеский суд это скорее мера морального воздействия, чем воздаяние по всей строгости.

Должность заседателя товарищеского суда не оплачивалась и заседатель избирался голосованием. Однако не всегда получается провести отчётливую грань между избранием и назначением. Слова «кто за?» в ходе собраний профсоюза это не столько вопрос обращённый к присутствующим, а скорее сигнал трубы, что нужно поднять руки. Слаженность единогласия служит чёткой демонстрацией вторичного рефлекса, не менее доказательной, но не настолько омерзительной как трубки вшитые собакам Павлова, чтоб капали через стекло слюной.

И точно та же рефлексология повторяется на комсомольских собраниях. Правда, за годы моей трудовой деятельности в СМП-615, там случилось ровным счётом одно такое собрание, по причине нагрянувшего инспектора из горкома комсомола. Глубоко сомневаюсь, что он явился в актовый зал на втором этаже административного здания на базе СМП-615 по свой доброй воле, скорее послали проверить и доложить каким ключом бьёт задорная жизнь молодёжи в возрасте до 28 в сфере строительства. Поэтому Нашей Чаечке пришлось сделать неурочный объезд объектов и отвезти нас на базу, но осознание, что не за получкой, заметно притупило наш рефлекс по поводу таких поездок в это время дня.

Комсомольского кадра настолько удручило полное отсутствие наималейшей полемики по самым актуально-животрепещущим вопросам современности среди пассажиров прибывших отсидеть собрание (и оно катастрофически скоропостижно катилось к своему завершению), что он, ломая условности, задал экзотический вопрос: —«Да что ж вы такие пассивные?»

От таких—не привитых—звуков, народ просто не знал что им с руками делать. Тут уж мне пришлось подняться и обуздать его эмоции, риторически: —«А кого, любезнейший, начнут вести активные, если пассивных изведёте?» Всё-таки, этот грёб... то есть... свободный диплом обязывает держаться определённой линии поведения.

Пламенный комсомолец в своих ликбезах ещё не проходил как опровергнуть подобный контр-вопрос от окопавшейся в рабочей среде контры, и собрание благополучно закрылось.

Вот руководство СМП-615 и решило, что проявит правильное уважение системе высшего образования в нашем государстве, если воткнут меня, носителя диплома о таком образовании, Заседателем Товарищеского Суда, которому требовался один Председатель и два Заседателя сроком на один год, до следующего отчётно-выборного профсоюзного собрания

На должности Заседателя, я открыл в себе затаившегося тирана, который выдвигал предложения самых драконовских мер пресечения. Потребовал, например, месяц одиночных (*sic*!) исправительных работ для штукатурши Трепетилихи в самых северных, мало обжитых местах территории базы СМП-615. И это при том, что для неё и день, считай что пропал, если за одну рабочую смену (плюс время на проезд в Нашей Чаечкой от вокзала и обратно) она не забалакает до комы двух-трёх коллег как минимум.

Конечно, дистанция от производственного корпуса до сторожки у ворот всего две сотни метров. А в сторожке днём сидит Свайциха и у той тоже язык кошками не обволо́чен. И всё же суд не внял мне и вынес приговор снять Трепетилиху с должности бригадира штукатуров сроком на три месяца, что сре́зало ей зарплату на десять рублей в каждый месяц наказания. И это она ещё дёшево отделалась, поскольку деяние её запросто могло раскрутиться на политический резонанс.

Суд восстановил следующая цепь событий:

Трепетилиха выглянула из оконного проёма 110-квартирной пятиэтажки, где уже шли отделочные работы, и увидела, что бухгалтерша СМП-615 идёт домой.

Ну а почему не идти? Живёт она На Семи Ветрах – идти не далеко, а время уже полпятого… Грубая ошибка бухгалтерши заключалась в том, что эта дура ответила на вопрос свесившейся из окна Трепетилихи: —«А шо ты там ото несёшь?»– имея ввиду целлофановый пакет в руках прохожей.

– Рыбу.

Слово «рыба» послужило детонатором. Трепетилиха всколонтырилась, собрала баб своей бригады и, с протяжными интонациями, оповестила их о несправедливом распределении жизненных благ, несмотря на эпоху развитóго социализма.

– Они в конторе там сидят! В добре, в тепле! У каждой сучки нагреватель под сракой! А мы тут на холоде загибаемось! А рыбу – им?! Всё, девчата! Собирайте мастерки, тёрки! Да ещё ж нагло так – «рыбу я несу!» А у нас шо? Семей нету?

Дело в том, что Наша Чаечка иногда привозил продукты из ОРСа, он же Отдел Рабочего Снабжения. Однажды когда мы были на 110-квартирном, туда доставились булочки, вполне даже свежие, а в следующий раз, но уже на 100-квартирный, минеральную воду в бутылках по 0,5 л.

Когда и что распределялось в административном корпусе СМП-615, понятия не имею, но на следующий день бригада Трепетилихи к работе не приступила, а это, как ни крути, забастовка.

Не знаю, рыбу ли им привезли или какой другой эквивалент, но штукатурные работы продолжились, а Трепетилиха пошла под суд. Наш. Товарищеский. Руководство СМП-615 не могла закрыть глаза на подобную вопиющесть с политической подоплёкой, особенно если зам главного технолога носит галстук с узором серп-и-молот. Что говорит о многом. Спору нет, мой шарфик украшали пять колечек под Кремлёвской башней и надпись «Москва-80», но мне

выбирать было не из чего, а галстуков в Универмаге – завались! И в клеточку, и в полосочку, и даже в горошек.

По зрелому размышлению, нельзя не согласиться с мудростью отвода моего предложения о переводе Трепетилихи на базу СМП-615. Товарищеский суд принял верное решение. Держать её там – это игра с огнём на бочке с порохом. Привезли б там чего-то, от чего ей ничего не досталось, она б всю базу разнесла, осиротила бы ограду вокруг глубокой впадины воронки.

"Есть женщины в Русских селеньях..."

Без ложной скромности, следует отметить, что в сёлах Конотопского района есть бабы и покруче, их потенциал измерить можно только в мегатоннах, или даже по шкале Рихтера.

– Тю! Шо за за народ пошёл? Навалились всем селом – еле-еле одгавкалася…

А взять Володю Шевцова, который проходил у нас по делу о его неудержимости? Тот вообще бы в ссылку загремел, если б суд согласился с моим предложением.

Очень профессиональный сварщик, двадцать лет проработал на заводе «Красный Металлист». Чувствовался в нём какая-то наследственная интеллигентность. Может, оттого и чемергесил он по чёрному.

При взгляде на его чуть тронутые сединой рассыпчатые кудри, у меня всплывали ассоциации с Городом на Неве. Присутствовал у Володи какой-то флёр… ускользающее касание белых ночей Питера… ажурность фонтанов Петергофа… Но пил как безграмотная лошадь, особенно с получки.

На заседании суда, Председательствующий обрисовал такую картину: —«Сходим у вокзала, так Володя, пока до светофора дотелипает – уже готовый».

Ха! Пример пропагандистской подтасовки – от вокзала до светофора на Путепроводе-Переезде два гастронома, не считая

павильон Встреча на привокзальной площади.

И тогда я предложил депортировать Володю в какую-нибудь сельскую местность, где коварные светофоры в соблазн не вводят невинность чистых души своим бесовским подмигиванием, и это лишит Володю повода накачиваться до газообразности.

Суд отклонил подобную бесчеловечность, а сам Володя на меня обиделся, хоть и не подал виду. И это жаль, мне таки не хватало его благовоспитанных манер «Идите Вас на хуй, пожалуйста!», и – враз повеяло лёгким бризом набережных нашей Культурной Столицы.

СМП-615 базировался в Конотопе, но имел филиалы и в разных других местах: пара грузчиков в Киеве, строительная бригада с автокраном в Бахмаче, трактор Беларусь с бригадой на станции Ворожба... Вспоминается случай прораба из Бахмача. Там закончили какой-то строительный объект и бульдозер, одолженный в других организациях райцентра, делал зачистку – равнял прилегающую площадь. Прораб заметил, что груда земли вот-вот засыплет бракованную плиту перекрытия, что завалялась после завершения строительных работ. Так он перебросил плиту во двор какого-то соседа или, возможно, родственника для покрытия ямы земляного погреба. Объект благополучно сдали, а какая-то шестёрка заложил прораба – расхищение социалистической собственности.

В ходе разбирательства, у меня был всего один вопрос к обвиняемому: —«Что стало бы с той дефективно-треснувшей плитой, если б не перекрыла земляной погреб?»

Он недовольно пожал плечами:

– Похоронили бы под грунтом. Что ж ещё?

Я потребовал объявить прорабу общественную благодарность за его вклад в подъём общего благосостояния Советского народа. Неважно, кто чей родственник, ведь все мы – единая семья.

Но монотонность – закон жизни судебных инстанций, и это предложение прокатили на вороных... На следующем отчётно-выборном собрании профсоюза, никто и не заикнулся с мой кандидатурой для Товарищеского Суда. Как будто у меня в жизни не

было этого ё… ну, то есть… ой?… да! точно!. Ой, как честно отработанного диплома…

~ ~ ~

Когда тебе исполнился год, ты приезжала в Конотоп. Правда, совсем ненадолго, на неделю-две. В то лето зачастили грозы. После одной из них, я вывез тебя на прогулку в коляске. Моя мать и Ира долго были против, но мне не хотелось сидеть дома и ждать следующего ливня. Наконец, Ира позволила и они легли спать дальше, потому что в дождь всегда на сон тянет.

Нам пришлось объезжать множество больших луж на дороге, но всё равно мы с тобой дали круг чуть ли не по всему пустому мокрому Посёлку – от конечной трамвая до Богдана Хмельницкого и обратно по Профессийной. Ты была тепло одета и спала под поднятым верхом и застёгнутым фартуком коляски. Только уже в конце Профессийной, когда с обода переднего колеса соскочило кольцо резины, ты проснулась, села и ухватила кольцо, которое я положил поверх застёгнутого фартука. Ты ухватила его обеими руками, как рулевое колесо, но я отобрал у тебя эту мокрую резину. Ты немного похныкала и успокоилась, но спать больше не стала. Декабристов была уже совсем близко и мы доехали туда на паре задних колёс…

Кстати, твой дед Коля так и не научился выговаривать слово «коляска», и твою он упорно называл тележкой. Такой вот языковой стереотип впечатался в гены Рязанских крестьян, ведь коляски это барский транспорт, а наши телегами обходились…

Потом погода разгулялась и через пару дней я вывез тебя в поле, недалеко от конечной трамвая. Там я вынул тебя из из твоего транспортного средства и поставил на зелёную траву. Ты ещё не очень крепко стояла на ножках и нашла опору в шатком бортике.

Я лёг рядом в траву. Зелёное поле уходило вверх, в синее небо, и над ним пели жаворонки. Громко. Звонко. Ты стояла, пока на твоих колготках не проступило влажное пятно. Пришлось увозить тебя

домой, потому что до появления памперсов в продаже оставалось ждать ещё двенадцать лет…

В другой раз, я взял запасные колготки и повёз тебя на Шаповаловский пруд, куда мы с Кубой гоняли на великах. Там недалеко, всего-то километров пять. Ты всю дорогу спала… В Шаповаловке пруд довольно большой. Я поставил коляску на отлогий песчаный берег, чтобы посмотреть твою реакцию на незнакомый мир. Ты ещё не знала, что такое пруд. Это как первый выход из космического корабля на неизвестную планету.

Ты проснулась и села перед чем-то, что никогда ещё в жизни не видела. Я стоял позади поднятого верха, чтобы не вмешиваться в первое впечатление… Ты повернулась влево—видна была лишь ширь пруда подёрнутая мелкой рябью; направо тоже оказалась непонятная, невиданная за всю твою жизнь субстанция—и разревелась. Ну ещё бы! Проснуться неизвестно где, к тому же в одиночестве. Мне пришлось показаться и успокоить тебя, перед стартом обратно…

Бельевая верёвка с уже высохшей стиркой протянулась от калитки Декабристов 13 и до крыльца. По пути, она проходила над тобой, сидящей в коляске. Мать моя стояла рядом и собирала в таз сухие вещи. Вдруг ты ухватилась за что-то висящее над головой, поднялась и встала на дно коляски во весь свой рост. Моя мать сказала мне убрать ребёнка, а ты как бы в ответ вскинула обе руки кверху, будто в танце, словно говорила «смотри, какая я большая! делаю, что сама хочу!»

И тут в глазах моей матери промелькнуло что-то настолько тёмное и жуткое, что я инстинктивно отдёрнул тебя. Вернее, я дёрнул ручку коляски и тем самым выдернул дно у тебя из-под ног. Ты кувыркнулась из коляски на землю. Хорошо, что на рыхлую, хорошо, что удачно – ровно на спину.

Я тут же подхватил тебя, орущую во всё горло, но Ира уже неслась из сада пантерьими прыжками – колотить кулаками мою голову и плечи, потому что руки у меня были заняты тобой…

Электричка, что увозила тебя в Нежин оказалась битком, плотная масса людей стояла даже в проходах между сиденьями, до самых окон вагона… Когда я выносил твой пластмассовый горшок с крышкой в тамбурный туалет, пришлось держать его над головой как поднос официанта в переполненном трактире…

> *(…в моей памяти есть два набора картинок, которые легко вызвать и рассмотреть в деталях. Первый – это апокалиптическая коллекция, там полно ревущей тьмы, мятущейся толпы, холодного ужаса.*
>
> *Второй рассматривать приятно, но картинки оставляют томление по несбыточному или несбывшемуся. Как та, увиденная в распахнутую дверь автобуса, что притормозил повыше Вапнярки, где бетонный столбик с голубой жестянкой 379, а рядом просёлок тянется вверх меж тесных берегов из высоких колосьев и незнакомый пацан лет десяти прощально вскинул руку «пока!», и ветер встрепенул его вихры пшеничного цвета.*
>
> *Хочу сказать, все слайды, на которых ты, у меня во втором наборе…)*

~ ~ ~

По возвращении из Одессы, я жил в постоянной агонии страха перед тем, что неизбежно должно произойти, а может быть уже и случилось. Страх сопровождался муками ревности не к кому-то конкретно, а к тому, что отнимет у меня мою Иру. Этот страх и муки я скрывал, как нечто постыдное, но они оставались при мне неизбывно.

Мне легчало лишь, когда Ира находилась рядом или когда я пахал на стройке, или переводил очередной рассказ. Но и в таких случаях сокрушающая тревога, которая давила меня постоянно, не исчезала совершенно, а только отступала на второй план. Физическая боль

милосерднее – области мозга, куда направлены её сигналы, через какое-то время отключатся совсем и боль уже не доходит.

Я не пытался облегчить своё положение. Прежде всего потому, что не был обучен анализировать и составлять планы на дальнейшее, я так и живу, не жалуясь где болит, молча снося нестерпимое. А во-вторых, альтернатива этой пытке не уступала ей своей жутью…

Нашу бригаду перебросили на остановку электрички «Присеймовье» возле моста через Сейм строить двухквартирный домик для обходчиков и их семей. Полмесяца мы трудились там…

В какой-то из перерывов на обед, я расстелил спецовку на траве и лёг рядом с иссушенной солнцем тропой, но и частые трещины не могли остановить суету дорожного движения муравьёв. Чтобы скоротать время перерывов, у меня имелся *Всесвіт*, который я получал по подписке: толстый ежемесячник, где печатались переводы на Украинский из мировой литературы всех времён и народов. Скоро чтение мне надоело и я опустил голову на страницу раскрытого журнала.

Шёл солнечный день заполненный до краёв деловитой летней жизнью. Муравьи волочили всякую всячину по растресканной тропке. Высокая трава покачивалась от редких порывов приятно холодящего ветерка и по ней трепетала резная тень листвы растущих из неё кустов и деревьев. Жаркий воздух гудел от непрестанного жужжания пчёл, слепней, ос и просто мух.

Время от времени ветерок лениво приподымал страницу рядом с той, на которой лежала моя голова, и тогда всё вокруг застилалось белизной с размытыми пятнами букв поднесённых к зрачку слишком близко. За вздыбленной страницей уже не видны были быки моста через реку с пустынным длинным островком песка намытого под ними бурлящим течением. И одинокий рыбак с длинной удочкой на краю островка тоже пропадал за белой запоной.

Потом страница опадала и оказывалось, что рыбак уже зашёл в течение по щиколотки своих резиновых сапог. Леска вдруг напряглась, согнула хлыст удочки и из бурной ряби струй он

выхватил трепещущий блеск рыбы. Снял и бросил добычу за́ спину, где та продолжила биться на пустом песке. Он наживил крючок, снова забросил в реку и, следя на поплавком, не замечал речную чайку, которая бочком подкрадывалась по песку к биенью рыбы. Схватив добычу, птица взвилась.

Рыбак не видел этого, как не увидел и того, что со стороны моста на чайку спикировала другая такая же. Они сшиблись в ближнем воздушном бою, а рыбина упала с пятиметровой высоты обратно в реку. Рыбак ничего не заметил, он упорно следил за поплавком.

Всё разворачивалось лишь для одного зрителя, но меня ничто не трогало; я даже не придерживал страницу, чтоб не мешала досмотреть. Я смотрел и видел, что всё это – Ничто. Вся эта бурлящая, полная событий, борьбы и перемен жизнь – всего лишь серия картинок поверх Ничего. Я смотрел, а мог не смотреть, и ничего Ничего не меняло. Всё утопало в Ничего. Даже всегдашняя боль отступила, её затопило Ничего, от которого мне ничего не надо.

Я лежал, как тот вытянутый островок, вокруг которого журчит и плещет течение жизни, но он знает, что всё это одно и то же сплошное Ничего. Это очень страшное знание. Как жить с таким? Как жить, когда ничего не хочешь и ничего не ждёшь? Так что, выбор у меня невелик: либо Ира и с нею агония, либо Ничего…

Ира приезжала в Конотоп и без тебя. Например, на Владину свадьбу в начале зимы. Он женился на Алле, которая уже имела ребёнка и работала в большой столовой. Свадьба состоялась в той же самой столовой на окраине города, рядом с остановкой дизель-поезда на Дубовязовку. В состав «живой музыки» входили крепко уже облысевший Чепа и пока ещё кучерявый Чуба. Временами, по настоятельным требованиям гостей, жених тоже подходил к микрофону попеть с экс-Орфеями. Всё было вкусно, громко и весело.

Но это было на второй день приезда Иры, а поздним вечером первого дня у меня случились два открытия. Первое про скрытые резервы человеческого организма…

В начавшейся ночи, мы с Ирой через веранду зашли в пристроенную комнату. Зимой она не отапливалась и туда просто сносили всякие домашние вещи. Поэтому, покидая кухню, Ира набросила на плечи какую-то куртку с крючков у двери, ей всегда нравилось что-то примерять. Среди прочих ненужностей, в комнате стояли пара старых кресел, реликвия времён Объекта, в старинной жёлтой лакировке, кое-где, на подлокотниках достаточно прочных для проникновенного и глубоко удовлетворяющего секса среди складского помещения. В такие минуты, я не думаю ни про какие агонии... Мне показалось, что кончили мы вместе, но Ира, полузакрыв глаза, стала стонать «ещё! ещё!». До этого момента, я точно знал, что после оргазма нужно отлежаться хотя бы с полчаса.

– Ещё!

И я встал, чтоб вновь войти и мы продолжили над блеском свежих выбрызгов, что окропили доски пола всего минуту назад. Такое невозможно, но, оказывается, всё же бывает...

Второе открытие про белые пятна в человеческом сознании, случилось, когда мы с Ирой вернулись в гостиную.

Мой отец уже ушёл в спальню, а мать, которая в тот вечер совершенно расклеилась, сидела на диване широко раскинув руки по сиденью и глядя перед собой, а не в телевизор на этажерке между парой окон. На экран смотрела только Леночка из своего, покуда ещё не раздвинутого, кресла-кровати. Свет горел лишь в гостиной и здесь же негромко бубнил телевизор. Моя мать немного ещё поохала и попросила меня с Ирой отвести её в спальню, а то сил больше нет. Мы взяли её под руки с двух сторон и помогли подняться.

Постанывая и шаркая тапками по полу, она двинулась, с нашей поддержкой, к шторам дверного проёма в тёмную кухню.

Так втроём, мы миновали середину комнаты под люстрой с пятью белыми плафонами, из которых только один рисовал тускло-жёлтый круг электрического света на побелке потолка. Когда до кухни оставалось метра два, окружающий нас свет вдруг померк и я

оказался в темноте, но не кромешной, потому что мог различить, что занимаюсь этим со своей матерью в основной позе нецивилизованных приматов. Ужас тряханул меня, словно удар током, и я вновь очутился в гостиной.

До штор в проёме оставался ещё метр пути. Я испуганно взглянул на Иру поверх белого платка на голове моей матери. Ира, сдвинув брови, старательно смотрела не на меня, а на опущенный профиль свекрови, как будто ничего не заметила. Значит, опять видение, но дольше той секунды бега сквозь древнегреческую ночь…

Я попросил Иру остановиться, выскочил на кухню и включил там свет. Мы отвели мою мать в спальню и посадили на кровать, где мой отец что-то бормотнул во сне. Потом мы вернулись в гостиную.

Оглаушенный до головокружения, я раздвинул кресло-кровать для Леночки и диван-кровать для нас. Скоро в хате наступило сонное царство. Только гулкое тиканье из пластмассовой коробки настенных часов над телевизором мерно стучало мне по вискам. Они тоже не знали что это было и за что мне такое…

~ ~ ~

Как и прежде, принимая тетрадки с моим переводом, Жомнир вскидывал правый кустик своих бровей и начинал читать, вставляя карандашные пометки между широко расставленных строк, хоть и соглашался, что его варианты тоже не то.

– Твоя беда, Сергей, что мова не родной тебе язык. Ты не впитал её с молоком матери.

Я воздержался пояснять, что первые месяцы жизни меня прикармливали молоком коров Гуцульщины.

Он вышел в свою архивную камеру и вернулся с небольшой книжкой:

– Рассказы Гуцало… Вот как надо писать.

И Жомнир принялся вычитывать оттуда отдельные предложения, прищёлкивая языком после особо «красномовных», потом вручил книжечку мне – учись пацан.

(…я прочёл тот сборник и другие книжечки Е. Гуцало. Все, что подвернулись. Ну что поделать, если воспевание перезвона утренней росы на огуречной рассаде меня не вставляет? (По этой же причине и Есенина не люблю, хоть он и Рязанский.) К тому же, после Зачарованной Десны Довженко, который так великолепно исчерпал эту тематику, соваться в неё глупо, ты в ней обречён на жалкое крохоборство.

А когда Гуцало попытался писать о жизни в городе, то съехал до уровня фейлетонов сатирического журнала Перець. Да, бесспорно, в каком-то из рассказов он сумел подметить красную пыль на чёрных телогрейках каменщиков, но деталь эта никак ни к чему не пристёгнута. Хорошая, но лишняя деталь так и осталась попусту болтаться, как вялый хуй в пизде бездонной…

Детали должны работать на конструкцию в целом. Созвездие Южного Креста и красный отсвет лампы в рыжих волосах доктора на пустой палубе корабля, с первых же абзацев исподволь подводят читателя к предстоящему конфликту священничества и проституции, о котором поведает Моэм в ***Дожде****…)*

Но Жомниру виднее и для компенсации просчёта с выбором молочного питания в детстве, а также восполнения неаттестованности по Украинской литературы в отрочестве, я взял тонкую тетрадь, озаглавил её «Укр. Лит-ра» и прочёл все книги украинских литераторов с двух длинных полок в библиотеке Клуба КПВРЗ, записывая в тетрадку имена пройденных авторов с названиями их творений. («Социализм – это прежде всего учёт», – ответил Ленин левым эсерам).

Перепись населения полок учла и Лесю Украинку, и её маму Олену Бджилку, и Панаса Мирного с его волами, и великого Кобзаря, и Марко Вовчок, и Ивана Франко, и Янковского (кумир Жомнира) и много-много всячины в алфавитном порядке. О некоторых из них

даже сам Жомнир знал лишь по торопливым записям в своих конспектах обзорных лекций, которые он посещал студентом.

(...просеяв это всё через сито внимательного чтения, с уверенностью могу сказать, что в плане художественной ценности, большинство обязательных авторов не потянули сотворить что-либо выше уровня «Мороз крепчал...» из не-одноимённого рассказа Чехова про писательницу-надомницу. Как подметила Украинская народная пословица – де немає співця, послухаєш і горобця. Коль скоро во всех просвещённых странах Европы есть писатели, то давайте и у себя заведём!

Вот и чирикают воробышки в пересказах текущих Европейских мод. Честь им и хвала за это – родная мова начинает печататься на бумаге! Но это уже политика, а я говорю о литературе.

Из Украинской литературы только трое не ударят лицом в грязь при сравнении с мировыми литературными стандартами:

1. поэт Кандыба, он же Олесь, который годами ходил по колено в крови на Киевской скотобойне и при этом писал пронзающие своей нежностью стихи;

2. писатель Василь Стефаник;

3. писатель Лесь Марто́вич.

Мастер знает что хочет сказать, потому что ему есть что сказать и, в результате, он умеет сказать это. Сорбонны мастеров не производят, ведь люди не учатся искусству дышать.

Прочие бумагомараки просто динькают Валдайскими колокольчиками в потугах изобразить новомодные вальсы Штрауса, которые Маэстро создаёт к восторгу и восхищению приличной европейской публики.

Не боись! Додинькаем и перетилинькаем весь его оркестр! А и у нас жа ишшо естя балалайки неповторимыя!.)

Так что, после работы мне было чем заняться. И даже электричка запросто превращается в рабочий кабинет. Полтора часа – это огромный кус времени. Поэтому по пятницам я выходил на работу с портфелем, а после работы, в вагоне электрички, доставал из него тонкую тетрадь, ручку и томик рассказов Моэма на Английском языке.

Склонясь над над чёрными значками в плотной печати книжных страниц, я погружался в густую ласковую ночь экзотических южных морей, где пряный аромат цветущих джунглей разносится за много миль от островов и, вынырнув оттуда с парой корявых строк для тетрадки, укладывал добычу в арифметические клеточки, чтоб снова пойти на погружение и там опять брести по песку пляжа вдоль белопенного, даже в темноте, прибоя и заторможено вглядывался в ночь через стекло вагонного окна...Что?. Приостёрный?.. Так быстро? ...следующая Нежин.

Это было вкусное время...

Раскладывать тетрадь и книгу поверх портфеля на коленях – неудобно, но и проблеме письменного стола нашлось элегантное решение. По пятницам, переодевшись после работы, я вынимал из своего шкафчика кусок фанеры, служившей в нём полкой для головных уборов. Кусок фанеры 50 см х 60 см подмышкой не бросается в глаза и не мешает заходить в автобус или вагон электрички.

По прибытии в Нежин, письменный стол отлично умещался в ячейку камеры хранения, а портфель ехал на Красных Партизан, под стол покрытый тюлем, поверх которого стояло зеркало старого трюмо. Расходы на хранение фанеры в ячейке составляли 30 коп.: 15 коп. – чтобы установить шифр внутри дверцы и захлопнуть её, 15 коп. – чтобы открыть, набрав шифр с наружной стороны.

Один раз на обратном пути дверь ячейки заклинило. В таких случаях её вскрывает дежурная по вокзалу особым ключом и в присутствии милиционера. Правоохранитель предварительно спросил какие вещи я туда поставил.

Чтобы не напрягать мужика, я и не заикнулся про письменный стол или полку шкафа, однако, неблагодарный отказывался поверить даже в кусок фанеры. Когда дежурная открыла ячейку, а я, вытащив эти свои 50 см х 60 см, отошёл, мент ещё долго заглядывал в пыльную пустоту ячейки. Инсценировка поговорки нашего бригадира, Мыколы Хижняка, *зазирав, як та сорока у порожню кістку*. Чё, мебельный гарнитур присматриваешь?.

А иногда в портфеле я привозил ещё и вещи в стирку, потому что Ира так сказала. Мне приятно было исполнять эту её инструкцию, мы как бы становились семьёй, пусть хоть и в тёщиной стиральной машинке, но всё же вроде как бы да…

А вот первый наш семейный праздник не удался… Тебе исполнился ровно год и я пригласил Иру в ресторан. Она отказалась, потому что Гаина Михайловна была против хождений по ресторанам.

Вообще-то, сперва Ира колебалась: идти или не идти? Но я так и не смог её убедить из-за своего косноязычия. Чаще всего оно на меня нападает в самых элементарных, бытовых ситуациях. Я просто не умею объяснять то, что и само собой понятно: —«Ну ладно, ну пошли, да?»

Да, убедительнее не придумать… Тогда как тёща, опершись на косяк двери в спальню, сыплет аргументами – порядочная женщина два дня готовится, чтоб в ресторан пойти.

– Ну ладно, чё ты. Ну пойдём, да?

И тому подобное жалкое блеяние, вместо того, чтобы сказать, что это первый день рождения дочки и такого уже не будет, а экспромты иногда бывают лучше, чем отрепетированные торжества. На такое, видите ли, язык не поворачивается. Косноязычие – просто кара. Это только на отвлечённые темы я за словом в карман не лезу.

Когда Брежнев первый и последний раз проезжал через Конотоп спецпоездом из трёх вагонов, то на два месяца раньше срока у вокзала возвели жестяной щит, выше самого здания, а на нём гигантски дорогой Леонид Ильич—ум, честь и совесть нашей эпохи—со всей его коллекцией Золотых Звёзд Героя Советского Союза на

груди пиджака. Вот глянет он в окно какого-то из трёх вагонов в проносящемся мимо поезде и усечёт как мы тут все Его тотально любим.

За два часа до События вокзал был оцеплен милицией на триста метров во все стороны, на всякий, хоть даже поезд следует без остановки. Меня как-то не успели предупредить и я шёл с Посёлка вдоль путей, пока сержант милиции не остановил сказать, что на вокзал нельзя.

Ланна, грю, мне не на вокзал, на Переезд иду, вон тем служебным проходом обойду, чтоб джинсы об мазут на рельсах не попачкать.

Мент любил и уважал Брежнева не больше моего, но с учётом сопутствующих обстоятельств – чувак в гражданке чего-то там хочет доказать хлопцу в форме при исполнении, он задал мне абсолютно правомерный и обоснованный вопрос:

– Ты чё, больной?

И тут же, без запинки, мгновенно выскочил гордый ответ:

– Я неизлечимо болен жизнью.

Во сказанул – аж самому понравилось! Сержант, от восхищения, не нашёлся что сказать, но всё равно не пропустил…

Поэтому семейный праздник пришлось отмечать в одиночку, хотя Ира и Гаина Михайловна дуэтом предрекали, что ничего хорошего из этого не выйдет.

А и таки ж не вышло… В «Полесье» мне насилу дали стопку водки – последняя, говорят, а коньяк продаётся только бутылкой. Но я же не алкаш, чтоб в одиночку поллитра коньяка на грудь принять. Вот и пришлось сосредоточиться на той, последней из Могикан стопке под закусь из унылых размышлений, что бесполезно спорить с Матерями, и что в условиях тоталитарного матриархата наверняка есть система сообщающихся сосудов между тёщей и неприязненно настроенной официанткой.

В ресторане «Чайка», расположенном на большем удалении от Красных Партизан, я купил случайно завалявшуюся бутылку

шампанского и салат из петрушки… На обратном пути с празднества шампанское, есессна, ударило мне в мочевой пузырь.

В те дни, я старался всё делать правильно (в надежде избежать неизбежное). Ну типа как для страховки, ведь жена праведника не может же ему изменить… или как? Гарантии, конечно, никакой, но если особо так не вдумываться, вселяет робкую надежду… Мочиться на тротуар – неправильно, поэтому я пошёл в туалет на базаре. Ворота оказались запертыми задолго до моего появления и их пришлось перелезать. Это тоже не совсем правильно, но в темноте не очень заметно.

На тот момент, когда в углу безлюдного и тёмного базара я приблизился к двери туалета, изготовленной из листового железа, на ней уже стояла надпись РЕМОНТ заглавными буквами, исполненная мелом. Тем временем, шампанское достигло пика своей борьбы за свободу, так что мне пришлось излить своё негодование по поводу диктатуры сообщающихся сосудов на всё ту же дверь. Но надпись я не стал смывать.

А и ну да кто б ещё мог меня встретить, карабкающимся обратно через ворота, если не патруль ментов? С благополучным приземлением на родную Землю! Конечно нет, не поверили, что кто-то пойдёт искать туалет, когда тут столько тротуара в темноте, и меня отвезли в вытрезвитель.

Вышел вроде такой доктор, но белый халат в подозрительно желтоватых подпалинах матриархатного оттенка, оставлял общее впечатление неопрятности, заплечных дел и прочей крипто-Скуратовщины, впрочем, возможно давно не выдавали верхнюю спецодежду.

Этот, карочи, доктор, для проверки моего уровня интоксикации предложил мне выполнить несколько наклонов вперёд.

– Пятки вместе, носки врозь? – спросил я, просто из вежливости, поддержать общение… Но этот капилляр мухортый усложнил задачу и наклоны пришлось исполнять с плотно сдвинутыми ступнями.

Врач уточнил сколько и чего я принимал, получив чёткую информацию, пожал плечами и передал меня лейтенанту.

Лейтенант хотел узнать место моей работы, но услыхав, что я не местный, спросил номер тёщи и позвонил Гаине Михайловне для опознания моего голоса по телефону. Затем мне просто указали на дверь и даже отказались подвезти, а то вообще прикроют, если буду много варнякать.

Так что, несмотря на жёсткое противодействие женского начала и его приспешников, твой первый день рождения всё-таки стал уникально единственным случаем, когда я попадал в вытрезвитель…

~ ~ ~

Развитие наших с Ирой супружеских отношений постепенно продвигалась через вполне предсказуемые этапы. На первых порах, когда я приезжал после рабочей недели в Нежин и взволнованно жал желанную кнопку дверного звонка, Ира моментально распахивала дверь. Я обнимал её в прихожей и мы целовались. А ещё она смазывала глицерином мои запястья с потрескавшейся от мороза кожей. – «Ну, какой же ты дурачок!»– говорила Ира и мне было очень приятно, хотя и больно.

На следующем этапе, мы перестали целоваться. Потом и объятия отошли. Обходились дежурными: —«Как ты?»—«Нормально». И это правильно. Что-то же надо говорить.

Отношения на этом не остановились, а пошли дальше и дверь мне начали открывать её родители, тесть, в основном. Иногда мне приходилось жать эту грёбаную кнопку дважды…

В зимы, когда состояние кожи моих рук уже не вызывало интереса, я перестал их обмораживать. Наверное, опыта набрался или же кожа догадалась, что больше не видать ей глицерина.

При нашем заключительном поцелуе в прихожей, я сразу же почувствовал неладное. Отняв губы, Ира как-то по виноватому изогнула шею и от неё пахну́ло по́том лисицы. Нет, я никогда не нюхал лисьих самок, но моментально определил – лисою пахнет.

Позже в тот приезд, она мне рассказала, что была дома одна, в дверь позвонили и там оказался её знакомый, ещё со школы. Он на кухне упал перед нею ниц, обнимал и целовал её колени, но она сказала ему уходить и ничего не было.

И тут, конечно, случился очередной приступ спрятанной агонии, но я до онемения зажал зубами совсем неправильный стук сердца, а когда дыхание вернулось в норму, начал как-то жить дальше…

Из прихожей я проходил в ванную, помыть руки, а оттуда в гостиную сказать «добрый вечер» всем уткнувшимся в телевизор и сесть за стол придвинутый к подоконнику позади тюля.

Посреди стола стоял телевизор, но на клеёнке оставалось достаточно места для тарелки, вилки и хлебницы, чтобы я поужинал. Экран я не загораживали и никому не мешал; разве что эстетически – демонстрацией своего жующего профиля налево от телепрограммы… Потом я относил посуду на кухню и мыл её, а заодно и ту, что скопилась в раковине под краном после обеда и общего ужина в этот день. И я не стыдился мыть посуду, даже когда на кухню заходил муж Тони, Ваня, наоборот, я гордился, что Гаина Михайловна оказала мне такое доверие, после пары придирчивых проверок в начале моей карьеры уик-эндного посудомоя.

Для начала, я согревал чайник воды на газовой плите, потому что греть её в титане слишком долго и надо дрова приносить из подвала. Процесс мытья шёл в большой эмалированной миске под краном. Цивилизация тогда ещё не докатилась до моющих средств и прочих посудомоечных полезностей и, прежде всего, я брал кусок хозяйственного мыла, чтобы хорошенько намылить кусок марли и уже ею мыл, перекладывая посудину за посудиной или ложко-вилку за ложко-вилкой на клеёнку ящика-тумбочки сбоку от раковины. Затем я хорошенько прополаскивал марлю, чтобы ею же промыть посуду под струёй из крана. Всё по технологии Гаины Михайловны, как она показала. Мне даже нравилось, особенно в той части процесса, когда включенный газ шипит под чайниковым дном и горит синим пламенем.

Кроме этого, мне доверяли выбивать ковёр с пола гостиной, который я выносил во двор. Он старый уже был, очень потёртый, так что и бить не жалко. Иногда, когда я его мутузил, Ира выходила во двор сказать, что хватит уже, а то соседи из других квартир тоже ведь люди и их уже жалко. Гаина Михайловна однажды заметила, что по методу моего выбивания ковра сразу виден прирождённый переводчик. Вот удивительно даже, где она видела переводчиков-ковробоев?

Иногда я и сам проявлял инициативу сделать что-нибудь. Один раз Гаина Михайловна очень переживала, что её сын Игорь попал в Киеве в госпиталь по болезни, а она не может поехать и узнать как он там и я предложил, что съезжу.

Игорь был крайне удивлён и не мог поверить, что в Киев я приехал единственно с целью повидать его. Четыре часа электричкой, чтобы повидать шурина, с которым не знаю о чём говорить. Если бы я признался, что за эти четыре часа наконец-то прочитал *Путешествие из Петербурга в Москву* Радищева, ему бы легче стало?

Потом столько раз пришлось повторять тёще, что сын её хорошо выглядит. Ну вполне нормально, если не считать, что на монаха смахивал, как и остальные пациенты. Этот госпиталь офицерский и всем выдают длинные синие халаты, а их армейские фуражки не забирают. Дивное вышло сочетание, особенно когда видишь как пара пациентов гуляют в перипатетическом диалоге по аллее крохотного сада при госпитале – долгополые синие рясы под нимбами цвета хаки с кокардой надо лбом. Древний славный орден – монахи-Фуражканцы…

А ещё мне доверили красить пол блестяще-красной половой краской. Не за один присест, разумеется, потому что людям же надо где-то жить и по ходу ремонта. В два приезда на выходные. Но кухню с прихожей и коридор между ними Иван Алексеевич красил в моё отсутствие.

И он мне очень помог, когда я решил сделать книжный шкаф, но без дверей и стенок, чтоб из полок складывался. Для нашей семейной библиотеки, в будущем. Уже собрались восемь томов *Словника Української Мови*. Я опоздал подписаться на *Словник*, но потом многие подписчики решили не тратить деньги попусту и нераспроданные тома отказников выставлялись в книжных на продажу. Кроме неполного собрания *Словника,* был весь Квітка-Основьяненко в четырёх томах, на которого я успел подписаться, десяток книг на Английском и всякий разнобой из книжных магазинов.

В СМП-615 подходящего материала для полок не оказалось и тогда я попросил тестя, чтобы в столярном цеху на ХлебоКомбинате мне простроганы рейки по списку с размерами. Он когда привёз их вязанку и поставил в прихожей, то начал мне доказывать, что ничего не выйдет. Потом ещё и Иру позвал, говорит:

– Сама посмотри – разве из такого полки получатся?

Да, они действительно казались слишком тонкими, но перед тем как попросить, я тщательно продумал как сделать полки – лёгкие, но прочные. Те заготовки я отвёз, конечно, на Декабристов 13 – в Нежине нет ни условий, ни инструмента для такой работы.

И когда я нарезал шипы на рейках, выдолбил гнёзда и посадил на казеиновый клей, а потом уже прошкурил и покрыл светло-жёлтым лаком, то полки даже моему отцу понравились.

Ира, в один из её одиночных визитов в Конотоп, особо не впечатлилась – да, полки, ну и что?. Вон в мебельных и не такие продаются. А неутешительный прогноз Ивана Алексеевича тоже понять можно – у него на производстве работник столярного цеха сказал, что не получится, и он доверился мнению специалиста…

~ ~ ~

А потом мои начальные хождения по квартире родителей Иры сделались короче, потому что я перестал ужинать в гостиной… Это решение было принято после того, как слишком долго пришлось

ждать под дверью, пока тесть откроет дверь, а когда я всё-таки зашёл в прихожую, то услыхал шум скандала. Дело житейское, сам знайиш, в семье бывает. Слышались разгорячённые восклицания Вани, Тониного мужа, на повышенных тонах, потом сама она с заплаканным лицом шмыгнула на кухню и обратно, где ещё пара голосов вмешались в неразбериху. Ира выглянула в прихожую: —«Хлеб на столе, остальное сам положи», – и скрылась дальше пререкаться с Ваней.

По поводу моего приезда, театр военных действий переместился в спальню Тониной семьи. Из гостиной слышно было только, что Ваня занял круговую оборону в углу возле окна, а тесть с тёщей и золовка, по очереди и хором, выкрикивают что у кого на него наболело. Слов не разобрать, как проклятия Пилютихи через стену, да к содержанию я и не прислушивался, но различал, что Ваня отбивается короткими очередями, по-Бандеровски. Они патроны берегут. Иногда кто-нибудь из атакующих выбегал в гостиную, припомнить чем ещё они забыли поделиться и, очертя голову бросались вспять, снова ввязаться в бой. Кроме Тони, которая спальню не покидала, а упорно долбала одной и той же монотонно-бронебойной репликой из угла напротив. Я туда не заглядывал, но всё и так понятно, семейные скандалы не блещут разнообразием тактических решений.

И вся та заваруха бушевала на фоне диких воплей бунтующих дехкан в Центральной Азии, потому что на ЦТ шёл сериал *Человек Меняет Кожу,* где они яростно метались от одного края экрана до другого. Отсюда и голоса. Потом дехкане вконец обнаглели – прыг из телека! И продолжают беготню по клеёнке. На стол с ногами! Поймали момент пока зрители заняты личными разборками в спальне.

А я так и знал, что от этого ЦТ чего угодно ожидать можно… Как-то в воскресенье тёща сготовила супчик из голой, но здоровенной кости и поставила мою тарелку рядом с ящиком, где мафиозный клан заставил честного судью покончить с собой. И когда он выстрелил себе в висок, мозги точняк в тарелку ко мне шмякнулись

– шрямп! А что делать, когда тёща над головой бдительно стоит, чтобы ты её стряпне должный респект оказывал? Пришлось хлебать, с пылу, с жару…

Но не уйдёт никто от справедливого возмездия! И теперь, безнаказанно пользуясь моментом, что мы с телеком с глазу на глаз остались, я его гада—цок! – на другой канал. А там милый такой струнный квартет камерной музыки. Окайфенно! Самое оно.

Но тут тесть из спальни прирысил на подзарядку. И чует – что-то не то, не стимулирует, как ожидалось. Он как-то не враз понял, что это из-за виолончели. Какая нахрен виолончель в Центральной Азии? Но, к сожалению, врубился что к чему и на прежний канал – тресь! А благодарные дехкане ему оттуда дружным хором:: —«Ал-ал-ала!» Он залпом заглотал, как банку энергетика и, с полным боекомплектом, ринулся обратно – в извечный бой…

С того вечера, как приеду, после прихожей и ванной, прямой маршрут на кухню. Хавку на стол поставлю, что там есть. Но холодильник никогда не открывал, чтобы Гаина Михайловна потом Ире не зудела свои укоры из-под носа.

Пока я ел, и ты на кухню прибегала со своей радостной болтовнёй, на личном, пока ещё не очень понятном языке… Но это я опять вперёд забегаю…

~ ~ ~

Чтобы удержать Иру, мою Иру, чтобы она оставалась моей и только моей, я ступил на путь праведный. Начал жить правильной жизнью.

> *(..в газетных киосках не продают кодексов правильности, потому что они никому не нужны. Каждому и без кодексов известно, когда он правильно поступил, когда нет. Даже если твоя неправильность подпёрта тоннами оправданий, обоснований, а хоть и писаным законом, и все вокруг тебя упорно нахваливают: —«Ай, молодец! Так и надо!», ты всё равно знаешь, про себя, что так совсем не надо было, так нехорошо, и*

будешь прав, потому что самого себя не обмануть – уж тебе-то известно, что правильно, а что нет.

Их хор пустых похвал утихнет и они разойдутся кто куда, а тебе жить дальше, через отвращение к самому себе и бесполезные попытки отделаться от угрызений или, может быть, глушить их в ещё более мерзких, но достохвальных неправильностях…

Сказать по чести, моё стремление к правильности основывалось на личном интересе: если я всё делаю правильно, то и в отношении меня не может случится неправильного, это было бы слишком подло. Вот на что я рассчитывал. Эту тайную надежду я даже и не пытался тогда определять словами, а только лишь старался—что есть мочи—всё и всегда делать правильно…)

И поэтому каменщику Петру Лысуну требовалось на 2–3 часа меньше, чтобы поставить стены санузла. Нет деревянных закладных? А тебе оно нада? Плюнь и – клади стенку дальше. Плотники, когда придут дверь вставлять, чего-нибудь схимичат.

Перегородка положена с «пузом»? Ну и шо? Скажи «поедят!» и оставь как есть. Придут штукатуры решат вопрос накидом *грязи* потолще.

Но это неправильно. И потому моей специализацией в бригаде были гипсовые перегородки, а у Петра санузлы. Хотя это не догма и всегда случаются моменты для общих «гоним-гоним!» и вынужденных рокировок.

Да, на то, чтоб всё делать правильно, уходит больше времени, но это ещё не всё, потому что ступив на путь праведности, уже не можешь ограничиться пределами текущей жизни, тебя уже тянет исправлять неправильности совершённые в жизни прошлой, и тут уж без покаяния не обойтись…

Когда я пришёл в Общагу института, бывший первокурсник Сергей из Яблунивки уже доучивался на четвёртом и всё ещё жил в 72-й. Я

вернул ему увесистый *English-Russian Dictionary* под редакцией В. К. Мюллера.

– Хо-хо! А это откуда?

– Я у тебя украл.

После краткого замешательства, все присутствующие в комнате расхохотались, невольно поучаствовал и я.

(…что тут смешного? В своём рассказе Jane, Моэм поясняет, что нет ничего смешнее правды…)

А вот в библиотеке Клуба КПВРЗ никто не засмеялся, когда я вернул пару книг украденных оттуда и признался, что ещё одной не хватает, я очень сожалею и готов возместить. Извините. Они оприходовали неучтённо исчезавшие, от компенсации отказались и даже не аннулировали мой формуляр.

Спустя две недели, отец начал мне выговаривать, что я веду себя как будто не того. Он отставил указательный из кулака и ожесточённо посверлил воздух возле своего правого виска.

Я перевёл жест на феню Святого Писания: —«Пойдите и возьмите Его, ибо Он не в себе».

– И опять херню сморозил! Заучился! Тебя за этим в институт посылали?

Тогда я понизил планку и перешёл на Украинский фольклор: —«А когда батькова хата згорить, где воробьям ночувати?»

К сожалению, эта довольно известная притча не входила в багаж воспитателя. (Следующие полмесяца, или около того, пара коробков со спичками, что всегда валялись наготове возле плитки газового баллона на веранде, куда-то запропастились. Но потом всё устаканилось и вернулось на круги своя).

– Мне перед людьми стыдно! Ты в трамвай зашёл и – застыл как статуя, в окно уставился.

– Так мне что? Вдоль вагона чечётку бить?

– Нет! Просто будь как всё – «привет! – здорово! – как дела?». Не будь ты отщепенцем!

И тут по Центральному Телевидению в программе *Время* показали работника Центральной Библиотеки им. Ленина в Москве, который пришёл с повинной, что на протяжении нескольких лет выносил ценные издания из архивного отдела под серым халатом своей рабочей формы. Я понял, что не один каюсь в неправильностях прошлой жизни. Ну а его-то что довело до праведничества?

– Шубовидная форма шизофрении.

Неожиданно войдя на кухню, я услыхал как мой отец оглашает матери диагноз Тамары на 4-м километре под Черниговом, который, скорей всего, дошёл к нему через посредничество Иры…

Однако впоследствии, Ичнянский колдун, после пары визитов туда моей сестры Наташи, сказал, что дело сделано и я в порядке. Иру это обрадовало, но меня нет. Жизнь поскучнела. Затих мощный гул потока сознания, в котором приходилось выбрать правильную струю, как тем плотогонам, что спускают свои плоты по кипящим пеной рекам Карпат. Меня окружила гладкая заводь. Я всё ещё мог видеть прорывы невозможного в мир повседневности—где все, такие же как все—но видел уже как бы через ту пыльную решётку из романа Булгакова, которая отменяет пиратские бригантины среди неведомых морей. Пропал нака́л и полнокровное биение сопричастности.

> *(…одно дело в натуре гнать плот через пороги, втискивая ступни ног в брёвна, что прядают в безумной пляске вопреки всем ритмам, и совсем другой коленкор, если в любой момент можешь кликнуть кнопку ПАУЗА и заморозить всё, пока пивасика хлебнёшь…)*

– Верните мне мою шизофрению! – с искренней грустью я попросил Наташу, но было поздно…

В Нежине, на перроне возле угла вокзала, где круглые двуличные часы выносились железной штангой подальше от оштукатуренной стены, Ира и я ждали электричку в Конотоп. На ней была жёлтая кофта на три-четверти и день вокруг тоже был солнечный, хороший летний день. Ира улыбнулась мне и сказала: —«Когда я стану плохой, ты меня такую помни, как сейчас, когда люблю тебя».

– Что ты мелешь? Ты не можешь стать плохой!

– Не спорь. Я знаю.

– Как ты можешь знать?

– Знаю. Я – ведьма.

Глаза её погрустнели и неприметно лёгкая косинка вкралась в них. Совсем лёгонькая, как моя разочарованность, ведь я когда-то думал, что она влюблённый дьявол, как в книге, которую я украл для Новоселицкого.

– Не переживай, – сказал я, – я ведь тоже ведьмак.

Хотя какой из меня ведьмак? Самое большее полусонный чернокнижник... К этой мысли меня подвела чёрная обложка *Феноменологии Духа* Гегеля, которую я купил в Одессе и читал в вагончике нашей бригады во время обеденных перерывов.

Ну ладно, «читал» – слишком громко сказано. Больше одной страницы в перерыв, осилить я не мог и неизбежно засыпал... Вот мне интересно, сам переводчик понимал что он там выдаёт или переводил «недоумевающим умом»?

В том книжном магазине в Одессе, её мне не хотели продавать. Две продавщицы переглядывались, тянули время. В тот момент, причина замешательства была предельно ясной, они ведь ждали, что за книгой в грубом чёрном переплёте придёт более подходящий чернокнижник, но теперь я даже и не знаю, что подумать... Какая разница кто покупает что в мире, где каждый, как все? Да я вас умоляю, лишь бы план продаж выполнялся.

Гегеля я держал в шкафчике. В вагончике нашей бригады они без замков, но из шкафчиков никогда ничего не пропадало. Ну кроме

дипломного значка и книжки какого-то Московского литератора с бубенчиком (динь-динь!).

Я ту херню читал просто из чувства долга, поскольку взята из из серванта тёщи, но на полпути меня спасли. И тогда я принёс *Феноменологию Духа*, ну в виде эксперимента, проверить, может и эту унесут. Так хер там! Пришлось дочитывать до самого конца. А в конце оказалось, что Гегель её вовсе не писал, а это какой-то Розенкранц конспектировал лекции философа. Потом он публиковал свои записи, чтобы их потом перевели на Русский, чтобы мне слаще спалось в вагончике нашей бригады. Вот и спасибоньки!

(…порою задаю себе вопрос, ну а сам лектор понимал о чём он вазще? Или просто нашёл заковыристый способ зарабатывать на жизнь жонглированием «вещью-в-себе», «вещью-при-себе» и прочими вещами в фривольных позах?…)

Но один абзац я понял досконально, это где Георгий Георгиевич дискурсивно показывает, что Немецкому каменщику для выполнения дневной нормы нужно съесть фунт хлеба и полфунта ветчины, тогда как Французский её же выполняет пообедав гроздью винограда, ещё и песни распевает, пока кельмой звякает.

~ ~ ~

Летом на Декабристов 13 состоялась реконструкция. Мой отец решил сделать ход в пристроенную комнату прямиком из гостиной, а дверь с веранды заложить. Зимой в комнату будет доходить тепло от печки и в ней уже можно жить круглый год. Заодно и всей хате сделали капитальный ремонт.

После перестройки, я перешёл в пристроенную комнату, а к Наташе приехала подруга из Шостки. Они вместе учились в Конотопском железнодорожном техникуме. Впоследствии Наташина подруга вышла замуж и развелась, но не жалела, благодаря своему

умению шить джинсы в точности как Levi's, правда, ткань не совпадала, но она всё равно хорошо зарабатывала.

Она была невысокая, но с красивым загаром и красила волосы, чтобы подчеркнуть аппетитность своей фигуры. Тем не менее, пребывая на стезе праведности, я, конечно же, держал свои наблюдения на узде и не спрашивал у Наташи, когда уже у её подруги отпуск закончится.

Вернувшись с работы, я садился за стол в своей комнате и читал книгу на Английском, со словарём под рукой, или же *Morning Star,* газетуБританских коммунистов. Ну возможно, они не совсем уж и коммунисты были, но тем не менее их газета продавалась в киосках страны победившего социализма по 13 коп. за номер. После ужина я занимался переводами, так что времени для общения с гостьей не находилось как-то.

Не знаю, откуда Ире стало известно о приросте населения на Декабристов, но она вдруг начала меня расспрашивать про Наташину подругу, а потом объявила о своём желании переехать в Конотоп и что мне надо поговорить с родителями.

Я вернулся вечерней электричкой на распростёртых крыльях и сразу же позвал отца с матерью во двор. Они сели, бок о бок, на лавочку под деревом возле крыльца, на ступеньках которого продолжал стоять я, сдерживая пенящуюся внутри радость. Тогда я сказал о желании Иры переехать на Декабристов 13. И оказался совершенно неготовым к тому, что произошло дальше.

Моя мать скрестила руки на груди и сказала, что она не примет Иру, потому что им вдвоём не ужиться вместе. Я слышал её слова, но никак не мог понять – что творится? Моя мать всегда была за меня, а теперь сидит на лавочке, скрестивши руки, и говорит, что Иру сюда не пустит? Я обернулся к отцу за помощью. Он пожал плечами: —«А что я? Хата на неё записана, она тут хозяйка».

Во дворе давно уже стемнело, но в свете лампочки на веранде я видел полную непоколебимость матери. Отчаянно напрягал я ум ища

чем возразить, просить, что-то сказать, хоть что-нибудь. Но он оставался пустым и абсолютно уверенным, что ничто её не смягчит.

Отец ушёл в дом, а я, поражённый гулкой пустотой в моей голове, вяло опустился на ступеньку крыльца… Звякнула клямка калитки, во двор зашла подруга Наташи. Она была одна, без моей сестры.

– А чё эт вы такие? – спросила она и села рядом с моей матерью.

Моя мать оживлённо начала ей объяснять, что утром они вчетвером—мои родители, Наташа, и Леночка—уедут на неделю, отдыхать в лагере РемБазы на Сейму. Но холодильник полнёхонек и кто остаётся сами разберутся.

Подруга со всем согласилась и повернулась так, чтобы свет из веранды рельефнее обрисовал её большие груди обтянутые мягкой водолазкой.

Даже сидя, и ошарашенный результатом переговоров с моими родителями, я понял, что обречён. Оставленным один на один с такой грудью, без кого-то ещё на всю хату… тут лопнет любая узда. Трезвая оценка своих сил откровенно подсказывала – за целую неделю мою праведность не спасёт даже факт совпадения имён гостьи и моей матери, и неважно чем набит холодильник, но это именно я – агнец преуготованный к закланию…

На следующий день после работы, на Декабристов 13 я не пошёл как обычно вдоль путей и стены вокруг завода КПВРЗ, а сел на Поселковый трамвай и доехал до школы № 13. Оттуда я двинулся вдоль по Нежинской, заходя во дворы хат с одним и тем же вопросом: —«Где тут можно найти квартиру?»

В номере тридцать каком-то мне сказали, что в хате под большой Берёзой напротив Нежинского магазина вроде бы как сдают.

Берёза нашлась в указанном месте и оказалась такой великанской, что хата красного кирпича под ней выглядела совсем лилипутошной. Однако в ней имелись две комнаты и кухня, не считая дощатой прихожей.

Хозяйка, одинокая пенсионерка Прасковья Хвост, подозрительно меня изучила, но отвела в комнатушку два на три метра, плюс окно и

с видом на широкий ствол Берёзы в запущенном палисаднике. Треть помещения занимала железная кровать довоенного образца, а от кухни оно отгораживалось парой висячих в дверном проёме штор. Направо от кухни, за такими же шторами в таком же проёме находилась комната хозяйки. Для меня важно было покинуть Декабристов 13 в тот же день, и мы условились за 20 руб. в месяц.

(…позднее Лида из нашей бригады мне говорила, что На Семи Ветрах можно найти квартиру за 18 руб., но я так и остался у Прасковьи…)

Придя на улицу Декабристов, я одолжил у соседей возок, поставил его у калитки номера 13 и только после этого зашёл во двор… Галя сидела на кресле в гостиной и смотрела телевизор, я вежливо поздоровался, сказал, что я не голоден, и прошёл в свою комнату – снимать книги с полок и разбирать этажерку.

Окна комнаты не открываются, в них сделаны только форточки, и чтобы всякий раз не переобуваться на веранде в домашники и обратно, я простелил через гостиную и кухню развёрнутые листы Morning Star, по которым и ходил туфлями. Молодая женщина непонимающе следила из своего кресла за моими манипуляциями с газетным тротуаром и как я утаскиваю книги и запчасти этажерки. Возок, ожидавший на улице ей не был виден.

Всё уместилось, только ехать пришлось медленно, лакированные полки уложенные поверх книг скользили друг по дружке. В хате на Нежинской к домохозяйке успела присоединиться ещё какая-то старуха и они, притихнув, наблюдали как подпольщик заносит стопки нелегальной литературы на свою новую явочную квартиру.

Вернувшись на улицу Декабристов, я вернул возок владельцам, собрал кое-что из одежды—портфель из Одессы стоял в ожидании—вежливо попрощался с Галей и ушёл, оставляя её наедине с телевизором, потому что я умею побеждать с достоинством.

(…не по собственному хотению угодила Галина смуглянка в эпицентр распри семейной, зато впоследствии ей удалось выйти замуж за хлопца с Посёлка, ну не так, чтобы очень надолго, однако это уже её личная история…)

~~~~
~~~~

~ ~ ~ против течения

Домохозяйка любила цитировать покойного мужа и через день устраивала попойки со своими подругами-ветеранками, правда не на кухне, из-за квартиранта, а за закрытыми шторами дверного проёма в её комнату… А я сидел в своей, чуть слышно шелестел страницами и ни во что не вмешивался – красиво жить не запретишь.

С Декабристами 13 я полностью не порывал – пришлось попросить моего отца, чтобы сделал мне в РемБазе стойку и трубочку с креплениями по моему чертежу, а моя мать пошила из дешёвого материала стенки и получился ситцевый гардероб, как когда-то в прихожей на Объекте. Но с той поры передовые технологии шагнули далеко вперёд и я накрыл его лёгким куском толстого пенопласта, которым утепляют вагоны на заводе КПВРЗ.

Явочной моя квартира не стала, как видно, конспираторов спугнул слишком убогий интерьер. Они так и не появились. Так что, я начал считать её кельей монаха-затворника, но мне она нравилась, особенно черно-белый ствол могучей Берёзы, что целиком заполнял вид из окна. Иногда, отложив перевод, я просто сидел и опирался взглядом на чёрные метины коры.

Моя мать в сопровождении отца приходила посмотреть как я обустроился. Посреди проходной кухни, мои бывшая и нынешняя домохозяйки обменялись непримиримыми взглядами и кивками, храня официальное молчание. Затем мои родители постояли, с тихими вздохами, под голой лампочкой свисавшей с потолка на зачернённых пылью проводах. На их вопросы я отвечал вежливо, односложно и они вскоре ушли, потому что единственный стул комнаты не мотивировал задержаться дольше.

Посреди сентября и рабочей недели, Ира приехала из Нежина. Она нашла нашу стройку На Семи Ветрах, я переоделся в вагончике

и мы ушли в город. Мне всегда нравился этот её романтически широкий плащ ниже колен.

Мы сходили в гости к Ляльке. Его жена Валентина с облегчением обрадовалась, что у нас всё хорошо. Пару раз, когда у нас с Ирой случались размолвки и она приезжала потом из Нежина, то просила Валентину съездить за мной на Посёлок, а это не ближний свет. И в результате, мы с Ирой мирились на диване с жёстким ковром в гостиной Валентины и Ляльки…

Фактически, их даже нельзя назвать размолвками. Просто иногда Ира была не в настроении и хотела выкричаться. Например, почему я такой некрасивый? Она разглядела это, когда мы сходили на комедию свежевоскрешённого Шестого объединения киностудии Мосфильм, с голубоватым юморком. Или же, да никому они не нужны, эти твои переводы!.

Но настоящих ссор между нами просто не получалось. Несмотря на косноязычие, мне как-то удавалось её убедить, что это не наша роль, зачем нам чужие слова повторять? Глупо так выходит, сам я себя понимаю вроде, а высказать не могу.

Всего один лишь раз я повёл себя совсем неправильно. Когда привёз получку из СМП-615 и положил на стол возле старого трюмо. Ира спросила сколько там, а потом начала кричать, разве это деньги? Ей таких денег не надо!

Тогда я схватил ту тощую стопочку, но мельчиться не стал, порвал ровно надвое и выбросил в форточку… Пока Ира выскакивала во двор, я просто места себе не находил, проклинал свою глупую несдержанность.

В следующий мой приезд, Ира с какой-то стыдливостью поделилась, что в банке принимают даже склеенные купюры.

(…и это правильно, потому что банку тоже деньги нужны, а 70 рублей на дороге не валяются, разве что случайно свернёшь под окно на первом этаже, но и там в порванном состоянии…)

Меня в тот раз конкретно удивило качество бумаги для печатанья денег. Допустим, нарезать газеты—такое же количество бумажек—и то труднее было бы порвать, чем ту получку. Буквально сама собой – раз! и – надвое…

Потом ещё мы зашли в новый Дом Культуры завода КПВРЗ, рядом с базаром. Говорят на строительство ушло шесть миллионов рублей. Директор Лунатика, Болштейн, перешёл туда занять ту же должность. На втором этаже нового ДК оказался бар и танцзал со столиками.

Ко мне мы пришли в момент расходняка оргии вдовых вековух. Посреди кухни я представил взаимно Прасковью и Иру. Домовладелица внимательно её осмотрела и как мне кажется, ей тоже понравился широкий плащ. Она даже вдруг поцеловала Иру, а с разгону и меня заодно, потом ушла спать за свои шторы.

Ира состроила гримаску непонимания, но противится не отважилась, ну а мне оно вообще как-то одинаково. Однажды мы с Ирой ехали электричкой и какой-то голубой с сиденья напротив начал клинья ко мне подбивать. Ира так разъярилась! Даже начала с ним пререкаться, но это же смешно, потому что я к ним равнодушный. Безразличен на постоянке. Ну да, папа Саши Чалова меня в щёку целовал однажды, теперь вот поддатая Прасковья. Какая разница?

Однако за всю свою жизнь мне не случалось ощутить более ласкающего, вожделеюще-нежного и, вместе с тем, столь жадно льнущего и настойчиво облегающего влагалища, чем в ту ночь, даже и с Ирой у меня такое было в первый и последний раз.

Но что явилось первоисточником такой непревзойдённой плотской утехи – суровый интерьер затворнической кельи или раздвоенный поцелуй-благословение от наклюкавшейся Прасковьи Хвост?

(…на некоторые вопросы я так и не смогу узнать ответа. Никогда…)

~ ~ ~

Посреди осени меня отрядили на жел. дор. станцию Ворожба, принять участие в строительстве трёхэтажного Дома Связи, где стены и крышу воздвигли до меня и мне оставалось лишь класть перегородки, но не гипсовые, а из кирпича. В ходе командировки я получил ещё одно доказательство, что организм человека намного умнее его самого…

Для сообщения между этажами предусматривались лестничные марши в двух лестничных клетках по краям здания, из которых до моего приезда завершить успели только одну. По причине недавнего прибытия на объект и недостаточного знакомства с текущей ситуацией, я поднимался по лестничной клетке в правом крыле, когда заметил отсутствие наборных ступеней между вторым и третьим этажами, а пространство до следующей лестничной площадки перекрывалось лишь парой наклонных швеллеров для последующего монтажа ступеней. Мне чёт лень было пересекать здание во всю его длину (до маршей в левом крыле) и я предпочёл завершить подъём по наклону швеллера проложенному вдоль глухой стены, чья ширина в 10 см показалась мне достаточной для исполнения такого намерения. Я принял позицию лицом к стене отворачиваясь тем самым от направления предполагаемого подъёма на 90°. Затем последовала пара осторожных шагов вверх, свисая пятками за пределы опоры.

И тут я с полной очевидностью прочувствовал ошибочность такого действия – не принятая в учёт близость стены к швеллеру опасно отклонила мой центр тяжести от невидимой, но существующей вертикали между ним (центром) и опорой под моими ногами. Стена неуступчиво выдвинула его (центр) чересчур далеко в окружающую пустоту, малейший добавочный крен перейдёт в неуправляемое падение сквозь 10 метров заполненного лишь воздухом пространства до твёрдой посадки на битый кирпич и небрежно торчащие куски арматуры в неосвещённой глубине подвала.

Задуманное восхождение утратило всякую привлекательность. Однако переместившись ступнями на швеллер я уже не мог повторить те же два шага в обратном направлении из-за повёрнутости лица в направлении начатого движения, а попытка развернуть его обратно предполагала отклон от стены и утрату равновесия вследствие чрезмерного смещения уже неоднократно помянутого центра тяжести. Я притиснулся к твёрдой красной кирпичной стене словно к самому дорогому для меня существу и стал свидетелем незабываемого зрелища – мои руки превратились в крохотных асинхронных осьминогов. Каждый палец жил своей особной жизнью выгибаясь в самых немыслимых направлениях и выискивая щели между кирпичинами в кладке стены. Когда оба укоренялись в ней, я подтягивал к ним остальное тело, одновременно подтаскивая ступни вверх занять новую точку опоры в наклонном швеллере. Повторив этот трюк множество раз, мы взобрались до недостигнутой ступенями площадки.

Однако у меня нет ни малейшего сомнения, что если бы швы между кирпичами заполнял какой-нибудь грёбаный правильник—как требует свод правил СНиП—а не в поспешливой манере «гоним-гоним!», то никакие неучтённые резервы человеческого тела не спасли бы мой отважный, но тупой зад.

Приливная волна адреналина неудержимо пенясь через весь организм конкретно показала что именно так тянет скалолазов в горы. Кайф, бесспорно, крут, но лично я бы так не рисковал…

Зимой перекопали всю улицу Профессийную. По слухам, для проведения канализации, но выглядело это котлованом длиною в километр и глубиной в четыре-пять метров. Изредка провал пересекался толстой лианой телефонного кабеля внезапно утратившего земной покров и зависшего многометровым прогибом по воздуху, от стены до стены. На далёком дне кряхтел бульдозер, двигая груды земли и разравнивая гравий, что подвозили туда КАМАЗы. Только вдоль бетонной стены вокруг завода КПВРЗ

оставался выступ метровой ширины с тропкой поверх неровных куч грунта...

С целлофановым пакетом в руках, я шёл той тропой змеящейся, вверх-вниз, по грудам, когда заметил впереди школьницу идущую в том же направлении. Скрещения жёлтых и серых полос в клетках её пальто показали, что дальше мне нельзя, это не мой путь. К счастью, рядом провисал телефонный кабель, направляясь к противоположной стене котлована. Я ступил на него и продолжил идти не снижая темпа. Мне даже не мешало, что в одной руке пакет. Но через пару метров повторилась обычная история – я начал задумываться, разве я канатоходец, чтобы так запросто ходить по телефонным кабелям?

(...из-за подобных же сомнений Симон, кличка Камень, он же Пётр, вместо приятной прогулки по воде начал в неё проваливаться...)

Кабель испуганно затрепетал, дрожь перешла в качку нарастающей амплитуды. Я взмахнул руками и – полетел. Вниз. К счастью, в падении мои руки успели уцепиться за проносящийся кверху кабель. Пару секунд я повисел переводя дыхание, затем разжал пальцы и, как парашютист, спрыгнул на дно котлована.

Там я склонился на распростёртой на снегу проституткой в широкополой шляпе с красным подбоем, лицом к лицу, но взгляд её, минуя меня, устремлялся в низкое серое небо. Откуда в снегу проститутка? Зачем я тут? Ну с падшей женщиной всё просто – она вывалилась из целлофана. И я тут тоже правильно, мой путь окончен на этом кабеле, другой начинался из этих глубин...

Поэтому я пошёл вдоль усыпанного гравием дна котлована к его далёкому окончанию, чтобы подняться на поверхность по спуску для КАМАЗов, который им не нужен в этот ранний час, и поехать на работу, а в конце дня сойти с Нашей Чаечки у автовокзала, купить билет и вбежать, размахивая им, в уже зафырчавший автобус:

– У меня билет! У меня билет!

Потому что Ира рассказала мне про свою поездку в Заячьи Сосны на Московской трассе, чтобы хранить там супружескую верность несмотря на бутылку шампанского в бардачке. Потому что что ещё мне оставалось делать? Вот почему я поехал в Ромны…

В Ромнах было совершенно темно и холодно, но я нашёл гостиницу. Дежурная не знала куда определить постояльца с тощим целлофаном в руках и выделила мне четырёхместный номер одному. Хотя могла бы присовокупить к той паре командировочных, которые подошли следом за мной с того же автобуса.

Номер оказался комнатой-пеналом на четверых, пустым и свежеокрашенным поверх двадцати предыдущих ремонтов. На спинках четырёх коек висели толстые махровые полотенца и радио на стене густым басом пело романс про утро туманное, утро холодное.

Делать мне было нечего. Я выключил радио и свет тоже, лёг и смотрел в темноту, пока не уснул…

~ ~ ~

Утро опровергло прогноз романса сияньем солнца из ясной выси и я быстро нашёл психбольницу. По икры утопая в сверкании нетронутого снега на газоне возле входа, я приблизился к пустому, по-зимнему чёрному дереву посреди сугроба, поставил пакет у кряжистого комля и проложил дальнейшую тропу к воротам, куда и вошёл без багажа, держа свободные руки на виду, чтобы охрана видела.

Когда сторожам дошло, что я никого не посещаю, но сам хочу тут остаться, меня отвели в небольшой кабинет. Молодой человек похожий на лейтенанта милиции, однако в белом халате, спросил зачем я пришёл.

– Мне нужна справка, что я не сумасшедший. – Я отлично сознавал, что этими словами сжигаю все корабли и взрываю мосты за собою и теперь меня точно прикроют.

– А кто говорит, что вы сумасшедший?

– Ну в трамвае там.

Его оживлённость росла обгоняя минуты. Он начал выспрашивать какую мне желательно печать на справку: круглую, или треугольником?

– Это неважно. Лишь бы с подписью.

Поэтому он позвал молодую докторшу и пожилую медсестру, чтобы меня отвели в душ, а оттуда в пятое отделение. Перед душем медсестра состригла волосы у меня в паху механической парикмахерской машинкой. Я чувствовал неловкость, но не сопротивлялся – в чужой монастырь со своим уставом не прут.

После душа, докторша взяла у меня интервью. Для закрепления успеха, я прогнал ей пару дур, она лишь сладострастно пристанывала и безостановочно строчила в толстую тетрадь. Когда мы вышли во двор, я сказал, что оставил целлофановый пакет за воротами. Медсестра отказывалась верить, но сходила и с изумлением принесла.

(…а чему было удивляться? У кого очко не сыграет сквозануть пакет оставленный как бы наживка перед гостеприимным распахом ворот областной психиатрической больницы?.)

Докторша прошманала целлофан и позволила оставить при себе его содержимое: тонкую тетрадку, ручку и книгу на Английском с портретом озабоченной женщины в широкополой шляпе на мягкой обложке…

Пятое отделение роменской психиатрической больницы располагалось на третьем этаже здания возведённого по чертежам Сталинских времён, когда лестничные марши монтировались вдоль стен оставляя широкий колодец в центре лестничной клетки. По пути наверх, клетку пересекала железная сеть – подсунуть неудачу спонтанным самоубийцам. Ступени приводили к запертой двери

между двух длинных скамей вдоль боковых стен широкой площадки.

За дверью, как и следует ожидать, начинался коридор уходящий вправо. Начинался он от окна с вертикально-отчётливыми прутьями решётки и, мимо запертой двери с табличкой «главврач», уходил к своему глухому—смутно различимому из-за удалённости—концу с краном и раковиной в поперечной стене.

В обеих боковых стенах длинного коридора зияли прямоугольные дверные проёмы палат, которые на первый, необвыклый взгляд своим отсутствием дверей смахивали на пещерные зевы. Свет внешнего мира проникал в палаты через решётку и стёкла окон и только после этого, дополнительно обескровленный коечным интерьером, достигал выхода, но на коридор ничего уже не оставалось. Поэтому в пасмурную погоду свисающие из его потолка лампочки горели весь день. Их скудный свет скорее подчёркивал, чем рассеивал неодолимый сумрак.

На полпути к дальней глухой стене одной палаты слева не хватало, её подменял небольшой холл с решётками в двух окнах. В углу холла у правого окна стояло видавшее виды трюмо с пустой тумбочкой, а возвращающуюся из угла в коридор перегородку прореза́ла белая дверь с табличкой «манипуляционный кабинет». Левое окно загораживал высокий ящик неизвестного назначения (может и гардероб мордой в угол, наказанный) в роли пьедестала под выключенным телевизором. К их общей пирамиде примыкала больничная кушетка под стеной второй перегородки холла, а в ней его вторая дверь, тоже белая, с табличкой «старшая медсестра», аккурат напротив манипуляционного кабинета.

Пол коридора своими квадратами коричневато-тёмной плитки вливался в общую гамму всеобъемлющей сумеречности. При этом он лоснился влажной чистотой, поскольку дважды в день привилегированные пациенты пошлёпывали вдоль него мокрыми тряпками на швабрах…

Для начала—установить степени буйности—меня поместили в палату наблюдения, напротив холла с трюмо. Обтянутый коричневым кожзаменителем креслообразный стул упирался спинкой в откос бездверного проёма. Тощие трубки ножек отсвечивали никелем и несли груз пожилого, но дебелого мужика в халате мини и такой же белой шапочке медперсонала. Медбрат при исполнении.

Одно его ухо сканировало палату, а лицо устремлялось вдоль коридора с парой случайных прохожих в пижамах и ещё одним сидячим медбратом различавшимся у дальних палат, где его содержал точно такой же стул-полукресло, из которого он скрашивал свой досуг болтая, сверху-вниз, с молодым человеком в пижаме и кирзовых сапогах. Неравенство статуса собеседников подчёркивалось позой сидевшего на корточках—глубокий висячий присед, распрямлённые в локтях руки просительно возложены на вздёрнутость коленей, кисти заискивающе повиливают пред восседающим над головой.

Медбрат завёл меня в палату, попутно брязгнув увесистой связкой ключей на привязи к его поясной перевязи об спинку первой от входа койки, где молодой блондин в ярко-красной пижаме лежал, вгоняя взгляд в глубокие трещины побелки потолка, и, самозабвенно ускоряясь, дрочил под простынёй. Из угла напротив грянул театрально сатанинский хохот, но тут же осёкся.

Объёмистый палец указал на третью от окна и я смиренно лёг на койку. На следующей лежала навзничь фигура молодого человека, который зябко обтягивал воротником синего больничного халата торчащую из него шею с крупной обритой головой. Взор, безотрывно устремлённый вверх, отслеживал изменчивые переходы пятен в потолке, из одного в другое, но он не мастурбировал. И не спускал с воротника рук.

Вскоре он обратил ко мне испытующий взгляд из синеватых кругов под глазами и спросил зовут ли моего брата Сашей и есть ли у меня сестра. Не дожидаясь моего ответа, он зажал голову между

ладоней для пояснения, что учился с ними вместе в техникуме, но однажды вечером отец послал его собрать коров, когда через Подлипное продирался холодный злой туман, чтобы простудить ему голову без шапки, совсем беззащитную, которая с тех пор так вот и болит.

Пару раз он прерывал своё повествование резкими выкриками, отшугивая прибабахнутых, что приближались к изножию моей койки с гугняво невнятными вопросами. Потом он сказал, что его тоже зовут Саша, отвернулся и уснул.

Пара сопалатников без проблем речи уговорили блондина в красном спеть и тот визгливо завёлся верещать последний хит Всесоюзной радиостанции *Маяк*:

> ***"Спасите, спасите, спасите разбитое сердце моё,***
> ***Найдите, найдите, найдите, найдите, найдите её..."***

Два часа беспорочного и безропотного лежания засвидетельствовали мою безобидность и старшая сестра позвала меня в коридор, чтобы отвести в 9-ю палату, поближе к двери с табличкой «главврач».

9-я смотрелась намного уютней – всего пять коек. Только белый стол в левом углу малость выпирал в дверной проём, но благодаря отсутствию двери это неудобство почти не ощущалось. А зоосадные вопли, докатываясь вдоль коридора, мало-помалу одомашниваются и хоть по-прежнему вызывают в груди резкий вздрог своей первобытно-джунглевой мощью, его уже легче сдерживать..

Вечером вдоль коридора раздался крик «на кухню!» и к выходу протопатала группа привилегированных во главе с медбратом. Через полчаса они вернулись и торопливо промаршировали вспять, ускоряемые тяжестью двух котлов-термосов с завинченными крышками. Ещё через несколько минут из конца коридора донеслось: —«Рабочие, на ужин!»

Рабочих всегда звали в столовую первыми. Вместо пижам они носили чёрные спецовки и после завтрака и обеда их куда-то уводили.

Через определённый отрезок времени кричали – «Вторая партия, на ужин!»

И уже в последнюю очередь, тоже после паузы затишья: —«Третья партия, на ужин!»

Три запертые двери стояли шеренгой в левой стене коридора в самом его конце: душ, раздатка и столовая. Табличек на них не было, но все знали где что. В душевой никто никогда не мылся, она прибежище жестяные вёдер и швабр для мытья пола. Дверь отпирала медсестра или медбрат, чтобы привилегированные разобрали инструменты своего времяпрепровождения и её тут же запирали вновь. Однако несмотря на неусыпный контроль, один прикрытый умудрился-таки там повеситься. Правда, не с первого раза...

Перед кормёжкой отпирали сразу две двери: раздатку – чтобы занести туда термосы, и столовую, чтобы было куда звать партии.

И без того узкую раздатку теснили устроенные в ней стеллажи для привольной лёжки целлофанов с передачами посещений. Дважды в неделю во второй половине дня коридор оглашался неурочным кличем «Передача! У кого передача? В столовую!» Те из прикрытых, кто знал, что в раздатке хранится передача от родственников, которую он не доел во время свидания, отправлялся в столовую, чтобы доесть. Некоторые об этом не знали или знать не желали, но чуткие сопалатники им об этом напоминали и даже с заботой отводили в столовую, посодействовать в доедании...

К рабочим я не относился, так что ел во второй партии сбившейся в шумливую, разнообразно одетую, но одинаково голодную очередь вдоль стены у двери в столовую, уже не запертую, а подпёртую спиной медбрата, пока внутри протрут столы после предыдущей партии едоков. Медбрат заодно присматривал, чтоб кто-нибудь не затесался по второму разу, из только что кормленных.

Наконец он командовал «давай!» и мы с разноголосым шумом вливались через непривычно узкую дверь в комнату с тремя окнами и длинными столами, совсем как в средневековой трапезной, если бы не клеёнка. Они стояли в три ряда, от стены до стены, и узкий проход посередине делил их на́ шестеро. Мы садились за них, переступая через прибитые к полу лавки.

Затем следовало ожидание, полное оживлённого шума и раскованных жестикуляций, пока на постоянке дежурный белобрысый мастурбант из палаты наблюдения не принесёт широкий фанерный поднос с алюминиевыми мисками, ложками и хлебом. Поднос разгружался и те, кому досталось, приступали есть, а остальные смотрели на них и ждали пока чмо-раздатчик, тоже из прикрытых, заряжает следующий за окошком в перегородке.

Мы съедали всё и начинали ждать всё тот же поднос, но уже уставленный кружками с тягучим кисло-сладким киселём, чью пенку я так ненавидел в детстве.

Один раз я проспал в палате и мне пришлось есть с третьей партией. Тяжкое зрелище. Там люди обращаются со своими лицами как с пластилином, выкорёживают что попало. Зато мне стало известно кто издаёт крики бабуина, когда я лежу в своей палате и кто отвечает ему рёвом раненного слона. Членораздельных разговоров в третьей партии не ведут.

Правда, иногда в их партию замешивался кто-нибудь из второпартийцев и отнюдь не из любви к живой природе, а чтобы съесть заодно и пайку соседа, пока тот корчит рожи оконной решётке. Саша, который знал моего брата Сашу, в одностороннем порядке дружил с контингентом третьей партии и часто ел вместе с ними как раз для обуздания таких больных на голову, но хитрожопых нахлебников.

Эти три кормления были самым громогласным временем дня в жизни пятого отделения. Если кто-то начинал производить излишний шум в необоснованный период, в палату сбегались пара медбратьев и, увещевательно огрев связкой железных ключей по голове,

фиксировали нарушителя покоя. То есть, они его распинали в позиции навзничь, привязывая запястья и лодыжки к железу уголка вдоль коечной сетки пожелтелыми тряпками из явно ещё при жизни растёрзанных простыней…

После кормёжки все расходились по своим палатам либо бродили бесцельными парами по коричневым плиткам коридорного пола.

Не скажу, будто мы там голодали – хавка, как хавка. Один раз нам раздали даже по две оладьи на ужин. Да, холодные и без хлеба, но на каждой оказалась смазка из капли какого-то липкого джема.

Отдельной строкой стоит непостижимый пир горой совсем поздно вечером, когда в холле откуда-то появились два бельевых таза с колбасой: в одном ливерка, в другом кровянка. И кто сколько хотел, столько и брал. За исключением пары третьепартийцев, на которых нежданно снизошло просветление, и хотя говорить они так и не начали, но упорно подкрадывались к тазам. Однако банковавший на пиршестве толстяк-прикрытый отшугивал их прочь. Дискриминация случается где угодно…

Но главную усладу в жизнь пятого отделения вносила статная льноволосая медсестра в наволочке бугрящейся—вместо подушки—кусками сахара рафинада. Эту наволочку она заносила в комнату «старшая медсестра» и каждый день, кому хватала мозгов придти и попросить, а дверь оказывалась незапертой, получал пару кусков не прессованного, а настоящего рафинированного сахара, который не тает на языке всего за две секунды.

Мне, например, мозгов хватало дважды в день. И этот сахар я старался потреблять неприметно, потому что у кого не хватало клёпки обратиться к первоисточнику в наволочке, становились досадно сообразительными, чтобы клянчить у меня. Я говорил, что кончился, и выразительно хлопал по пустому карману пижамы, но вспомнив, что это неправильно, делился из второго …

Раз в двадцать дней стройная черноволосая женщина с острым носом и, естественно, в белом халате приходила в холл посреди коридора. Сразу видно было, что она из стеклоглазых, только я уже с

этим всем завязал и потому принимал версию старожилов пятого отделения, что она бывшая цирковая акробатка. Циркачка состригала щетину с наших лиц зудящей машинкой для стрижки, а ножницами делала причёску, если не попросишь, чтоб и голову тоже «под ноль».

Культурную жизнь обеспечивал телевизор в холле. Час до и час после программы *Время*, во время которой он отключался на перерыв для процедур. Собиралось до десяти зрителей, которые приносили табуреты или стулья из своих палат, потому что с кушетки неудобно задирать голову к экрану. Медбрат у палаты наблюдения тоже придвигался поближе…

На ночь в палатах включался свет до самого утра. Наверное, чтобы никто ничего себе не сделал или соседу. Спать при свете неудобно, потому что даже если во сне гуляешь на воле, по городским улицам или на природе, присутствие лампочки над головой неизбежно чувствуется и там. Поэтому ночь наступала только в коридоре, который не слишком сильно освещался, чтобы создать медбратьям нормальные условия для сна в их полукреслах.

Часам к двум ночи в девятую палату являлся бритоголовый юноша – показать как ловко он жонглирует парой варёных яиц из передачи. Иногда он показывал небольшую, но мастерски исполненную жанровую картинку карандашом, где голый мужик с угрюмой сосредоточенностью гнался за девкой убегавшей в одних сапогах и треугольном кокошнике, по округлому заду спринтерши плескалась её длинная тугая коса, а сама она испуганно косилась через плечо на полуметровый член целеустремлённого преследователя. Судя по всему – копия с оригинала первой половины XIX столетия.

Уводить юношу приходил щуплый мужик с неуловимыми глазами. По его личной, не однажды излагавшейся версии, прикрыли его за стёкла в окнах сельсовета, которые он нечаянно разбил палкой. Все, сколько было… Он целовал юношу в темечко под неотросшими волосами, называл его «мнемормыш» и уводил в их палату. Такая у

него была привычка, он всех юношей целовал в темечко даже совсем чокнутых, и каждому говорил «мнемормыш».

(...никогда раньше или позже, не слыхал я, а ты ни в одном словаре не найдёшь это неслыханное слово, но всё равно нежность звучания делает его таким миленьким, мягким, как, скажем, «тюленёнок», чувствуешь, а? – нет, я серьёзно, не типа там за своих тяну, сам знайиш, за прикрытых, вот повтори любое из этих двух раз десять перед бритьём и стопудово не порежешься, даже если в станок заправлено лезвие «Нева»...)

~ ~ ~

Медбратья объявляли подъём брязгом железа увесистых ключе-связок о железо коечных спинок, чтобы к приходу заведующей и медперсонала жизнь пятого отделения уже текла обычным руслом.

Прежде всего все стекались в туалет.

2 / 80 = FUCKING(0)!

Два унитаза на 80 прикрытых ПИЗДЕЦ как мало (!),

поэтому очередь к ним начиналась ещё в коридоре. Внутри она продолжалась параллельно или трясь о стены двух комнат – сперва прихожей, а затем и самого туалета.

В первой из них со мной впервые в жизни случился обморок, совершенно без всякого повода. Чёрная темень сгустилась в глазах и, оползая спиной по стене, я соскользнул до пола и сидел там в полной мгле. Однако окончательно я не отключился и спустя какое-то время в темноте послышались эха отдалённых голосов, которые объясняли друг другу, что это у меня обморок. Потом стало светать постепенно, я открыл глаза и вернулся в очередь.

Для тех, кому совсем уж невтерпёж, по центру туалетной комнаты, за два метра не доходя до унитазов, на плитках пола стоял жестяной таз-шайка с ручками. При наполнении до краёв, кто-нибудь из

чокнутых вычерпывал говно руками в отдельное ведро и выливал в какой-нибудь из унитазов, уступленный для этой цели очередным сидельцем, остаточная моча выливалась из шайки в обрезок сливной трубы в углу.

Для приседа над унитазом отводилась негласная квота времени и когда она истекала, очередь в непосредственной близи начинала роптать, а ещё через минуту какой-нибудь свихнутый глухонемой из толпы в прихожей молча подходил и сдёргивал тебя с унитаза без объяснения причин...

Туалет запирали перед началом завтрака и уже до окончания обеда, после которого он открывался на непродолжительное время, пока там мыли пол. Последняя помывка дня давала шанс доступа в туалет в полчаса после ужина.

Из-за довольно бездумного отношения к вопросам мочеиспускания, мой мочевой пузырь на протяжении додурдомной жизни не получил надлежащей выучки и дисциплины, чтобы соотносить исполнение своих функций с таким бесхитростным режимом. Ощутив позывы, я впадал в панику, что не дотерплю до следующего получаса открытых дверей. Обращаться к медбратьям—в железе связки каждого из них болтался вожделенный ключ—не имело смысла из-за их неизменной отповеди: —«Отъебись! В туалет нельзя, там полы помыты». Чтобы не огрести всей вразумляюще-увесистой связкой по голове, правильнее было отъебтись.

Однажды доведённый до отчаяния, я попытался незаметно помочиться в раковину торцевой стены в конце коридора, чей кран всё равно не работал, но получил удар по рёбрам от прикрытого, который частенько курил там втихаря, любуясь высохшим фаянсом вроде как фонтаном в парке, который на ремонте.

В ходе другого кризиса, преодолевая стыд, я обратился к пожилой медсестре с ключами на поясе, в попытке поделикатнее объяснить свою нужду и бедственное положение.

Довольно продолжительное время она не могла понять моё описательное бормотание об ощущениях в области мочевого

пузыря, но затем открыла душ и, указуя на трап слива, молвила: —«Сцы тута». Недаром в Царской армии их звали сёстрами милосердия…

~ ~ ~

В баню тоже водили партиями, в какое-то другое здание. Надо было встать под душ в скользкую чугунную ванну с бурой прозеленью на стенках, заново намылить мочалку оставленную на её стенке предыдущим однопартийцем, а потом смыть с себя пену под почти что тёплой водой, а рядом с ванной уже стоял следующий, такой же голый, но пока ещё сухой, и дёргался щекой и шеей, упёршись взглядом в никуда под низким потолком. Вафельное полотенце промокало раньше, чем успеваешь обтереть хотя бы половину себя, а остаточную влагу впитывало исподнее бельё по пути в отделение…

Днём к окнам в холле лучше не подходить вовсе. Через их стёкла вдалеке виднеется пара башенных кранов, что медленно майнуют стрелами на своих стройках, а с автостанции долетают невнятные объявления счастливого пути автобусам неразборчивого направления. Светит солнце, тает снег. Там жизнь идёт и продолжается, а ты с этой стороны вертикальной решётки…

День приёма посетителей в пятом отделении – суббота, а по другим дням никого не принимали. На трезвонный зов звонка ближайшая к двери медсестра отпирала её узнать к кому это, и кричала вдоль коридора фамилию, чтоб шёл на свидание.

Мои родители приехали в первую же субботу. Я очень удивился, потому что никому не говорил, что поеду в Ромны. Оказывается, на следующий день Прасковья дала им знать, что я не ночевал, они позвонили в СМП-615, им сказали где я сошёл с автобуса накануне. На автовокзале меня тоже кто-то припомнил и – клубок распутался…

Свидание проходило на лестничной площадке на одной из длинных скамеек перед дверью пятого отделения. Мы сидели трое в

ряд, моя мать, сдвинув серый пуховой платок на плечи, говорила:

– Как же это, сы́ночка? – и начинала плакать круглыми слезами, а отец, чтобы как-то её утешить, недовольно объявлял:

– Ну начала́! Начала́!

Шапку он не снимал и не плакал, а хмурился и смотрел на скамейку напротив, где двое других родителей кормили всякими вкусностями из целлофана своего – худого парня, который вообще не разговаривал, потому что его укусил энцефалитный клещ.

Я тоже ел – моя мать привезла всякие домашние пирожки и плюшки и пирожные эклер с заварным кремом из магазина «Кулинария» на Переезде-Путепроводе. Она знала что́ я люблю.

Ещё в целлофане было сало, но я отказался наотрез и моя мать в конце свидания отдала его медсестре, чтобы положили в раздатке – когда захочу, тогда и съем, но я из принципа не ходил в столовую, когда зазывали есть передачи.

В остальные субботы приезжали мои брат с сестрой. И вместе, и по очереди. Мой брат был без шапки на голове, но хмурился в точности как отец и говорил: —«Ну, чё ты, Серёга? Это ты зря».

А Наташа не плакала. Она воспитывала меня: —«Вот скажи, оно тебе надо? Маладец!.»

Она сказала, что Ира не приезжала, хотя она ей позвонила, чтобы она знала…

Ира ни разу не приехала в Ромны, но я понимал, что ей нужно смотреть за ребёнком… К 8-му марта на столике-каталке из «манипуляционного кабинета» в коридор привезли пустые поздравительные открытки и я заполнил одну в Нежин Ире, что поздравляю и люблю. Пока писал, аж сам ужасался до чего трясучие выходят строчки и почерк совсем не мой. Наверное, из-за уколов…

~ ~ ~

Заведующую отделением, она же главврач, мои предпочтения в музыке не интересовали, ей было не до этого, она меня лечила. Мне кололи аминазин внутримышечно, три раза в день. Первые пару

дней ещё как-то терпишь, но потом на ягодицах живого места не осталось. Укол поверх укола, болезненные желваки покрыли мой зад и срослись в сплошняк туго вспухших бугров, стало трудно ходить, какие уж там коридорные витки по орбите. Кроме того, кожа, не успевая затянуться, начала кровить, понемногу, но постоянно, больничные кальсоны промокли и выкрасили пижамные штаны изнутри, хотя местами проступало и насквозь.

Самым непереносимым был третий, заключительный укол дня. Его кололи вечером, чуть позже девяти. От звяканья стальных коробок со шприцами на столике-каталке, всё ближе и ближе в коридоре, судорога стискивала мои зубы. Перезвяк обрывался у входа и дежурная медсестра появлялась в проёме со шприцем в руке. Сделав укол, она возвращалась в коридор за следующим шприцем для следующего прикрытого.

Один раз медсестра меня пропустила и чтобы ей не напоминать, я притворился спящим, а когда каталка позвякала дальше, к восьмой палате, я не мог поверить собственному счастью. Через час медсестра позвала меня от входа. Держа шприц во вскинутой руке, она победно улыбалась: —«Хотел увернуться, Огольцов?»

В манипуляционном кабинете, перед обходом, они заряжают шприцы по списку, а когда на каталке оказался один лишний, она догадалась, что кто-то пропущен… Ты вспомнила? Молодец. А улыбаться зачем? В этот момент она напомнила мне Свету из моего полигамного прошлого, причёской, наверное…

Ещё мне кололи инсулин внутривенно, но сперва главврач предупредила родителей, чтобы они согласились. Бельтюков, молодой, но опытный сосед по палате, говорил, что инсулин добывают из бычьей печени, потому что больше неоткуда. Назначение этих уколов в том, чтобы довести прикрытого до комы. Говорили, что такое лечение хорошо сказывается на пациентах, кроме того процента на кого препарат неправильно действовал. Но выживших больше. Лишь бы успеть вовремя вывести уколотого из коматозного состояния.

Инсулин вводили мне и Бельтюкову по утрам. Один укол в вену ниже локтевого сгиба. Потом медсестра звала ближайшего медбрата и тот приводил пару добровольцев из прикрытых, чтобы прификсировать нас тряпками к железу коек, на которых мы валялись. Они фиксировали только руки, но потуже, чтоб мы не вырывались, когда нас поведут обратно из текущей комы.

Минут через двадцать, медсестра возвращалась в палату заполнять какие-то журналы за белым столом в углу. Вот отчего он оказался в таком неподходящем месте. Она присматривала за нами как за молоком на огне, чтобы не убежало когда вскипит.

Бельтюков и я лежали на соседних койках, привязанные, бок о бок, и разговаривали глядя в потолок. Он был общительный парень и чем-то смахивал на водителя Виталика из стройбата, а может и не очень. Потом наша беседа переходила в бессвязные восклицания. Бельтюков кричал про засилье блядского матриархата, а я, что все люди братья, ну как вы можете не видеть это? При восклицаниях, голова моя заламывалась назад до отказа, чтобы посмотреть вдоль своего позвоночника, но только подушка всегда мешала.

Это служило сигналом медсестре отложить журналы и ввести нам глюкозу внутривенно, что предотвращало впадение в фатальную фазу комы. Потом нас развязывали и давали по стакану воды густой от растворённого в ней сахара, потому что во рту ужасно горело… Но это не значит, будто мы с Бельтюковым каждый раз орали одно и тоже, просто такой была основная тематика наших бесконтрольных лозунгов, когда под инсулином. По воскресеньям нам эту херню не кололи…

Самым тяжким испытание стал укол серы. Обычно её колют алкашам в виде наказания, однако заведующая могла иметь какие-то свои экспериментальные соображения или оптимистические надежды. Она же хотела как лучше, наверное. Это тоже укол в зад, но постепенно эффект распространяются и ниже вдоль костной ткани. После лечения серой два дня приходится волочить ногу из-за болевых ощущений, будто сустав берцовой кости мелко раздроблён.

Укол серы сломил мою волю. Волоча ногу, я пришкандыбал в столовую, чтобы есть сало передачи, но когда чмо-раздатчик выдал мне целлофановый пакет, оттуда пахну́ло моим портфелем в шестом классе, когда я забыл съесть в школе бутерброд с ветчиной и тот провалялся взаперти все зимние каникулы. Пришлось выбросить сало вместе с целлофаном…

Мои отношения с остальными прикрытыми оставались ровными и корректными, как везде и повсюду, я оставался негласным отщепенцем. Те, кто по полной отщипнулся и ушёл на погружение в неразбериху их индивидуальных миров, меня не замечали, но способные к мыслительной деятельности—кому насколько удаётся—те уважали ради сочувствия, что мне колют инсулин. Только один хлопец, Подрез, какое-то время передо мной лебезил непонятно с чего, а потом в очереди в столовую ударил в живот, непонятно зачем.

Спустя минуту Бельтюков, в той же очереди, нашёл повод придраться к Подрезу, сделал захват и держал прификсированно. Он ничего мне не намекнул, даже и взглядом, но тут и без рекламы видно, что Подрез обездвижен, чтоб я ему врезал куда захочу. Но я не стал – жалко бить душевнобольных, хоть и живот болит…

Куда более жестокий удар нанесла мне пропажа книги на Английском. На белом столе в нашей палате осталась лишь одинокая тетрадка, с давно уже оконченным переводом, да ручка между её страниц. Я расстроился невыносимо, потому что книга одолжена у Жомнира, который одолжил её на Английском отделении у Ноны, которая всегда мило улыбается. Но когда я, в таком ужасном состоянии, обратился к главврачу, та, с бесконечным безразличием, ответила, что книга никуда не денется… И не ошиблась. Три дня спустя мне вернул её прикрытый, который отобрал у полуотщипнутого похитителя из седьмой палаты. Дольше тот не смог её утаивать.

(…я понимаю чувства вора. В те времена с Советском Союзе ещё не научились делать книг в мягких глянцевых обложках, и вдруг – женщина в цвете, крупным планом, на фоне пятого отделения… Кто бы удержался?..)

Он её ни капли не помял и только на обратной стороне обложки нежными прикосновениями карандаша излил своё обожание. Слегка напоминало набросок коры головного мозга или замысловато вьющихся клубов лёгкого дыма. Возможно даже это были формулы на неизвестном научном языке из запредельного будущего, только я уже завязал отклоняться в ту сторону…

Прикрытые все такие разные. По ком-то сразу видно, что у него поток сознания не в ту степь, если даже вообще не высох, а на другого даже и не подумал бы.

В общем, там были виды всех сортов и даже вполне дружелюбные типы, как тот хорошо упитанный брюнет. Однако один раз, лёжа на больничной кушетке под выключенным телевизором, он мне признался в убийстве и, обычно такой жизнерадостный, вдруг весь так посуровел. Может и наврал, потому что убийц во втором отделении держат, там где медбратья вообще зверюги, а его исповедь это просто сон на яву, как мои мечты грохнуть Серого, за круглым столом в кочегарке ВСО-11. Хотя не знаю, ведь тот пенсионер полковник, что за своей снохой с топором гонялся, к нам попал…

Да, попадались неизлечимые вруны. Один из них, с жирной татуировкой КОЛЯ на руке, без всякого повода начал убеждать меня, что его зовут Пётр, а на меня же и обиделся, хотя я никак не противоречил.

А Цыба тот вообще поразил своей эрудицией, когда перечислил все неудачные попытки Эрнеста Хемингуэя покончить с собой, пока не дошло, наконец, что пистолетом самое оно. А я его до этого за явного не все дома держал…

Был один с виду нормальный старикан и только его чрезмерная сентиментальность выдавала, что тютю. Он становился безмерно несчастлив как только услышит, что мы живём в дурдоме. Всегда. Пожизненно. Полный дурдом – что там, снаружи, что тут, у нас, без разницы.

– Не говорите так. По крайней мере тут – психиатрическая больница.

Уж до того субтильная деликатность души…

Или, скажем, тот мужик, которого я долго глухонемым считал. Наоборот, он весьма любознательный, просто свои вопросы очень долго подготавливает. Потребовался целый месяц, чтобы он ко мне подошёл и, с глазу на глаз, спросил за самое за наболевшее: —«А жена твоя была целомудренна?»

Во-первых, глухонемые слов таких в своём лексиконе не держат, а во-вторых, я ей в уши не заглядывал, как говорит Рабентус.

А глухонемой, как услыхал такое, плакать начал. Он опять умолк и только капал беззвучными слезами.

В общем, довольно-таки смурной дурдом…

~ ~ ~

При всей своей чокнутости, прикрытые всё наперёд знают и за четыре дня меня предупредили, что в пятницу мне предстоит предстать перед комиссией, которая решит выпустить меня или же лечить дальше. В комиссию входил главный врач психушки, главврач пятого отделения и дежурная медсестра. Я очень боялся сказать что-нибудь не так и торопливо со всеми во всём соглашался, пресмыкался даже перед медсестрой: —«Да! Да! Конечно да!»

Главврач сказала, что меня будут готовить на выписку, но не выпустят пока родственники не заберут… Как я испугался, что вдруг никто не приедет в субботу!. Ведь была же такая, когда зря ждал. Весь вечер после комиссии мне приходилось сдерживать себя, чтобы не расплакаться. Буквально давил рыдание в горле – я не выдержу ещё неделю уколов…

Мои родители приехали вдвоём и с площадки перед дверью нас позвали в кабинет «главврач» и заведующая сказала, что на воле мне следует продолжить лечение таблетками аминазина. Моя мать очень её благодарила, а отец вынул деньги из кармана куртки и протянул матери. Она подошла к заведующей и опустила деньги в карман её белого халата, но главврач даже как-то и внимания не обратила.

(…как потом выяснилось, сумма составляла сорок рублей – дневной заработок бригады каменщиков из 6 человек. В тот день на выписку пошли трое, значит она за одно утро заработала мою месячную зарплату.

Как говорят в Конотопе – кто на что учился…)

На автобусе из Ромнов, мать осторожно сообщила мне, что мои вещи перевезены из дома под большой Берёзой обратно на Декабристов 13. Меня огорчила эта новость, но противиться не нашлось сил…

Поначалу, наша бригада встретила меня с осторожностью, как человека вернувшегося из Ромнов. Но на стройке подобное отношение быстро сглаживается, если до конца рабочего дня никого не приветил лопатой по кумполу и не сиганул с пятого этажа, значит такой же, как все.

Правда, Лида заметила, как я прикорнул к поддону кирпича и задремал на солнышке, покуда кран отъехал за следующей *банкой грязи*, чего прежде со мной не случалось. А Григорий сказал Грине, что я уже не тот и в доказательство отвёл его на лестничную площадку, где над нишей для ящика электросчётчиков я неправильно положил перемычку— один край на пять сантиметров ниже другого. Гриня ответил, что всё равно поедят, потому что всю нишу загородит ящик под счётчики. Так что мне пришлось переделывать во время обеденного, но до Ромнов я бы себе такого брака не позволил.

И в целом, я стал более покладистым. Единственно, что лечение не смогло из меня вытравить, так это нежелание опускаться на четыре кости при выравнивании боковой опорной стены с уровнем панелей перекрытия. Все делают это с колен, так удобнее и безопасней. Но я хоть мучился, но ниже корточек не опускался при кладке рядов кирпича ниже собственных ступней, несмотря на протесты моего центра тяжести. Вита тоже иногда оставалась коленонепреклонной.

> *(…иногда трудно избавиться от всаженного в тебя юного пионера:*
>
> ***"Лучше нахитнуться с четвёртого этажа, чем класть стену стоя на коленях!"..)***

Когда я поехал а Нежин на выходные, то следил за собой, чтоб держать глаза чуть прижмуренными и не пугать людей своим видом контуженного, потому что нижние веки обвисли и обнажили белки глаз, как будто меня долго принуждали смотреть документальный сериал про лагеря смерти, газовые камеры и трубы крематориев… Как Заводного Апельсина из фильма Кубрика. Сам фильм я не видел и знал, что не увижу, когда в кочегарке стройбата читал про него большую статью в журнале *Москва*…

Когда я заметил, что у меня под челюстью начал появляться второй подбородок, я выбросил 200-граммовую склянку с таблетками аминазина, прощальный дар главврача пятого отделения, в сливную яму на Декабристов 13. На следующий день моя мать её там углядела и начала кричать, что сообщит психиатру Тарасенко про моё нарушение предписаний от психспециалиста из Ромнов.

– Мама, как ты не понимаешь? Эти таблетки, чтоб сделать меня ненормальным.

Я всегда гордился своей стройной поджаростью, хоть и сутуловат, и не хотел её утратить…

Всё стало как раньше. Почти…

Стройка. Нежин.

Веки вернулись на своё место, уже не надо было жмуриться.

Переводы.

Стихи…

Стихи стали появляться с началом моей строительной карьеры в СМП-615. Сначала они даже и стихами-то не были, просто бессвязные куски обрывков фраз, словосочетания. Какое-то привлекало переменчивым чередованием звучания слов, другое своей двусмысленностью, но не в смысле охальности, а тем, что можно по разному его истолковать.

Занятый трудовым процессом, я незаметно для коллег-каменщиков переворачивал эти слова, переиначивал, выбрасывал из головы к чёртовой матери или чертям собачьим, но самые упорные возвращались вновь, как будто никуда и не отлучались. Тогда оставалось последнее средство – перенести неотвязных на бумагу и забыть.

> *(…за шесть лет собрались штук 30 таких непрошенных приставал на двух языках, потому что каждый приходил как ему вздумается.*
>
> *Среди них были чисто графические, срисованные с натуры вокруг стройки: «яблоко неба пронзённое шпагой луча», были и звукоподражательные: «каркаломна баркарола», философские, как про съеденного Бога, или просто ритмо-шагательные речёвки для маршировки: «ах о чём мы хохочем»…)*

Один из первых опытов я показал Ире, и она тут же встрепенулась – кто это та Мадонна в чёрной телогрейке? Как будто я знаю, просто стояла в очереди в рабочей столовой № 3 в обеденный перерыв.

Ну а про стихи «На мелодию В. Косма» она ничего не спросила, сразу видно, что это про неё, тут без вопросов. А когда она сказала, что ей сказали, что это неплохое стихотворение, то я перестал их ей

показывать. Наверное, из ревности к неизвестному кому-то, кому она давала их для оценки.

Когда я прочитал моему брату Саше «Интервью Скифа», он тут же откликнулся: —«Я тебя заложу!»

(...если на твой стих первым делом выскакивает мысль про КГБ, значит в нём стоящая идея...)

Ивана, плотника СМП-615, почему-то затронул капустный лист на жале ноже. Полгода спустя он попросил ещё раз прочесть ему про капусту. Я и подумать не мог, что этот здоровила такой любитель салата.

Случалось, что до конца обеденного перерыва есть ещё минут пять, а делать нечего, тогда в вагончике женщины-каменщицы просили прочитать чего-нибудь новенькое, а после Гриня кричал:

– Серёга! Коней огнём не подковывают! Для этого подковы есть. Мерин ты пере́рваный!

Он рос, учился и мужал в селе Красное на Батуринском шоссе и сызмальства в этих делах разбирался.

Когда количество стихов перевалило за двадцать, моё отношение к ним качественно поменялось. А чё валяться будут? Жалко же. И я начал рассылать их в разные издательства и ежемесячники, как Мартин Иден из одноимённого романа Джека Лондона. И они постоянно ко мне возвращались, как и к нему, с ответами отстуканными пишущей машинкой, и даже словно бы через копирку.

Ответ сообщал, что присланный мною материал не отвечает тематической направленности их издания, а редакторский портфель заполнен на предстоящие 3–4 года, но ни слова про сами стихи. Так что, рецензия Грини осталась непревзойдённой – «Мерин пере́рваный!»

Правда, литсотрудник одного из журналов поделился, что в подобный стиль был в моде в 1930-е. Возможно, он хотел тонко

намекнуть на устарелость писанины, но случайно осчастливил – у моих стихов даже и стиль есть!

(…да ещё какой! В 1930-е Союз Писателей ещё не успели охолостить политическими чистками и репрессиями в облавах на шпионов. В те дни люди ещё писали стихи, а не готовили коньюктурный материал в преддверии очередного Съезда Партии…)

Мне тихо-тихо стало доходить, что умникам, которые пристроились хлебать из корыта литературного сотрудничества, все эти поэтические «шпаги в небе» нужны не больше, чем прозаичные шампуры в их персональном заду.

Окончательным вразумлением для открывания моих глаза, стал ответ из ежемесячника *Москва* на *Усталую Аллу*. С первого взгляда заметно, что московский литературный сотрудник со всей ответственностью проявил вдумчивый подход при рассмотрении полученного стихотворения. Смысл одного слова во второй части показался ему не слишком ясным и он не преминул даже в словарь заглянуть и выяснить что же оно означает… Он позабыл стереть в моём стихе пометки своего усидчивого карандаша. Слово «вожделение» осталось подчёркнутым, а рядом добавлено его значение «похоть». Не знаю, каким словарём он пользовался, но такой перевод оскорбил меня.

Последней каплей стала фамилия рецензента, отстуканная рядом с виньетистой подписью – Пушкин!

БЛЯДЬ! Представшая умственному взору картина, где Пушкин ищет в словаре слово «вожделение» заставила меня подвести черту, и больше не ебать мозги редакторам своею ё… то есть… непревзойдЁнной простотой. Я понял, наконец, что никакой я не Мартин Иден, и никакая мне тут не Америка.

Осознание своего не-Американского происхождения и местонахождения сняло почтовые расходы на заказные письма с

марками. Хотя расход не так уж и велик, одно письмо обходилась в 50 коп., эквивалент двух пачек папирос «Беломор-Канал» и шести коробок спичек, поскольку стоимость жизни в Советском Союзе была достаточно доступной, а от иллюзий лечили, практически, бесплатно.

~ ~ ~

Летом ты снова приезжала в Конотоп, но уже без коляски. Наша бригада работала тогда на 50-квартирном возле Путепровода-Переезда и строповщица Катерина покричала снизу, что ко мне пришли. Я спустился и вышел на тротуар за воротами. Ты стояла рядом с Ирой, на ней был красный сарафан с белыми Монгольскими узорами. А в чём ты не помню. Зато помню до чего классно ты улыбалась… Я осторожно опустил свою пластмассовую каску на твои прямые волосы, козырёк съехал до самого носа, но не смог угасить твою довольную улыбку. Я помню эту улыбку из-под каски.

Через пару минут вы обе ушли вдоль тротуара, а я смотрел вслед и строповщицы, Катерина и Вера Шарапова, тоже смотрели из-за ворот, такие вдруг присмирелые и погруснелые, потому что такая красота уходит – женщина в красном и ребёнок со светлыми прямыми волосами.

Тебе как раз исполнялось три года и я решил, что лучшим подарком станет привычное лицо среди незнакомцев на Декабристов 13. Я поехал в Нежин и, несмотря на своё косноязычие, сумел-таки уговорить Тоню, чтобы отпустила своего сына Игорька со мной, на твой день рождения в Конотопе, а тесть на следующий день за ним приедет. Тоня по настоящему смелая женщина, не испугалась моей репутации безвозвратно промокшей после Ромнов… Пригородная оказалась переполненной и нам с мальчиком пришлось стоять в проходе около часа, до самого Бахмача. Зато как же вы потом друг другу обрадовались! Когда я привёз Игорька на Декабристов 13. Феерический визг!

А на следующей неделе начался мой отпуск и мы поехали на Сейм вчетвером—ты, Ира, я и Леночка. Мои родители взяли в РемБазе

путёвку для нас в их лагерь отдыха. Внутри его периметра за невысоким штакетником между высоких редких Сосен стояли деревянные домики на четыре койки каждый, а окна шли вкруговую, как на веранде. Когда мы в первый раз вышли на речной пляж, там все просто окаменели, никогда не видели как ходят статуи Греческих богинь, тем более с такой белоснежной кожей как у Иры.

Ещё мы вчетвером ходили искать грибы в лесопосадке у хутора Таранский. На полпути нам встретились пара лошадей, но испугалась одна только Ира – она их всегда боялась.

Лесопосадка состояла из тонкоствольных Сосен в параллельных шеренгах; длинные нити паутин, натянутые поперёк, делали их почти непроходимыми, но под хвоей на земле попадались маслята. Мы прочёсывали эти коридоры – туда и обратно. Ты захотела пить и я попросил Леночку отвести тебя лагерь—там всего 300 метров по широкой тропе—потому что ужасно хотел Иру… Ты долго не соглашалась идти с сестрой, но потом всё-таки пошла, а через минуту твой рёв раздался от входа в межсосенный коридор и Леночка объяснила, что ты её совсем не слушаешься, хотя лошадей давно уже нет.

Вечером был сильный дождь с грозой, но ты не боялась, а наоборот хохотала, потому что я лежал на койке и ты топталась у меня по животу. Кому-то весело, а кому и больно – в три года ты была увесистым ребёнком, но Ира прикрикнула, чтобы терпел своё дитятко. Я ещё немного потерпел, а потом еле-еле тебя уговорил, что хватит уже, ну пожалуйста.

Это было хорошее лето…

В день вашего отъезда ты снова сводила счёты с бельевой верёвкой, которой, конечно же, совсем не место от калитки до крыльца. Ты взяла швабру и начала стукать ею по полувысохшей стирке вдоль верёвки. Мать моя на тебя заорала и жутко потемнела лицом, но ты уже крепко стояла на ногах, только пришлось отнять у тебя швабру.

Мы собирались уже выйти на трамвай и Леночка вызвалась подвезти тебя на багажнике её дамского велосипеда. Все согласились, кроме меня, потому что у меня возникло плохое предчувствие от взглядов, которыми обменялись моя мать и Леночка.

Они посмотрели не друг на друга, а друг другу под ноги, но в этих спрятанных в землю взглядах виделся диалог:

– Точно да?.

– Сделай это!.

Я не выдумываю и не передёргиваю – этот диалог состоялся до того, как случилось остальное, когда Леночка увезла тебя сидящей на багажнике.

Мы с Ирой тоже вышли за калитку. Я очень торопился и даже ушёл вперёд с сумками, пока Ира с матерью всё ещё перебрасывались пустыми, как шарик пинг-понга, фразами.

До конца переулка Котовского оставалось метров тридцать, когда я понял, что правильно торопился, потому что услышал твой пронзительный крик из-за угла. Ты стояла и орала широко раскрытым ртом. Леночка держала свой дамский велосипед и пыталась уговорить тебя не плакать, но ты её не слушала. Рядом торчал из земли врытый в неё ржавый швеллер полуметровой высоты. Единственная железяка вдоль всех заборов на всём полукилометре от Декабристов 13 до конечной трамвая номер три…. Мне всё стало ясно и, чтобы не показать этого, я очень сдержанно попросил Леночку ехать домой, спасибо, дальше мы сами.

Подошедшая Ира начала тебя утешать, но ты ревела до самой конечной из-за такой большой шишки на лбу… Мы ехали трамваем молча, Ира пустым взглядом смотрела в окно. Ты хмуро сидела у неё на коленях, а я на сиденье напротив, абсолютно раздавленный. Как можно жить в мире, где бабушка благословляет внучку на убийство своей другой внучки – этой милой малявки с медным пятаком на лбу, который прижимает её мама, чтобы шишка скорей сошла?. Ира

молчала и в электричке, а я даже и не пытался говорить о том, о чём говорить нельзя…

(…теперь у Леночки двое детей, две красивые дочки. Илона и Сашенька… Вы с ней незнакомые друг другу женщины и никто ничего не помнит. Тем более она. Человек устроен забывать о плохом.

Моя мать, впоследствии, стала свидетельницей Иеговы, собрала кипы радужно-глянцевых буклетов для уже спасённых и тех кто ещё только начинает спасаться. И только я во всём и кругом виноват, но честное слово, в том лагере отдыха я не выдержал бы Леночку на своём животе – ей было уже девять лет…)

~ ~ ~

Когда я вернулся в нашу бригаду после отпуска, тротуар перед 50-квартирным прореза́ла глубокая траншея для соединения с основными коммуникациями под асфальтом проспекта Мира. Но плотники СМП-615 сколотили надёжный мостик поперёк неё с перилами для удобства пешеходов.

Я работал лопатой на дне траншеи, когда увидел на мосту Бельтюкова. Он там шагал наряженный в пижонисто-колониальном стиле. Я не хотел привлекать его внимание, но он узнал меня, несмотря на спецовку и каску, поздоровался сверху и представил своей маме – даме в агрессивном декольте, даже и с такой глубины.

Потом они пошли дальше. Он нервничал, а она его опекала чересчур плотно, и я понял истоки его негодования на блядский матриархат, когда под инсулином. И ещё мне подумалось, что та отбывка в психбольнице не была у него последней, ведь он же ходит по́верху, совсем беззащитный от неотступного контроля мамаши, которая, как пить дать, доведёт до следующей ходки. Учись у меня, пацан! Видал? Я-то тут, в глубокой трещине, при каске, и вся сучья

медбратия заморятся меня достать. А в Ромнах я был добровольцем и полученных там вразумлений—через в клочья исколотый зад—мне выше горла хватит…

Принимая мой очередной перевод, Жомнир в ответ подогрел меня толстым томом в твёрдой обложке. Монография про шизофрению, которую он купил, когда у его дочери были проблемы на этой почве, перед тем как замуж вышла. Монография – это сборник статей разных авторов посвящённый одной и той же теме. Я проштудировал одолженный от всего сердца фолиант. В конце концов, это же не варёная колбаса с любовно-приворотными специями.

(…в своих статьях, авторы рассматривают различные аспекты заглавного предмета со всевозможных точек зрения, подходя с различных и весьма несхожих позиций, в соответствии со специализацией каждого из них. Так, писатель натасканный в области химии представляет сравнительный анализ биохимических компонентов крови ряда отъявленных шизофреников между моментами обострения их духовной активности и периодами относительного затишья. Увы, уровень аминокислот в лейкоцитах остаётся без изменений.

Следующий исследователь скрупулёзно замеряет всё, что подвернётся под его измерительные инструменты, с не менее неутешительной неопределённостью результатов.

Третий просто садится рядом с койкой и, пока прификсированный фантазёр гонит ему дуру, записывает окайфенно крутой эпизод. Типа как он садился в свой троллейбус 47 очень аккуратно, чтоб ни до кого не коснуться, но всё равно вокруг вдруг оказалась песчаная пустыня, а он голый, ну только драная набедренная повязка, как и на всех таких же тощих и палимых солнцем вокруг него, и тут из-за песчаного бугра вырывается отряд всадников и начинает убивать их, безоружных, копьями…

Но в целом, вполне даже полезная монография, потому что авторам, несмотря на их поголовную принадлежность к загнивающему Западу, хватает смелости настоящих учёных честно развести руками и сказать: —«А хуй его знает, что оно за херня эта грёбаная шизофрения!»

"А подойди-ка с ласкою,
Да загляни ты в глазки ей,
Откроешь клад какого не видал!.."

На данном этапе, при всей продвинутости методов современных исследований, всё чем располагает конкретно данная область науки, это всего лишь термин – «шизофрения», всё прочее покрыто туманом неопределённости.

Главный козырь, пробный камень и лакмусова бумажка в распоряжении науки это – «голоса», которые встречаешь в любом учебнике психиатрии. Если тебе слышатся голоса, а вокруг ни одной живой души, значит ты – шизофреник. Но если эти же бесплотные голоса твердят тебе «Спаси Францию!», значит ты святая – Жанна Д'Арк.

Помянутой монографии до боли не хватило специалиста-теолога. Достаточно вспомнить Святую Инес, чьё тело мгновенно обросло длинным мехом, что обломал намерения насильников сломать её девственную целомудренность.

Не жизнь, а малина специалистом от науки, чьи светила в беспросветном неведении о чём она, собственно. Состряпать диагноз проще, чем два пальца об асфальт. Налить полстакана неразбавленного термина, заправить щепоткой прилагательных... сталбыть, «шизофрения» – какая? круглая... двуствольная...шубовидная... этта! В самый раз! Как у Святой Инес...

Тамара на 4-м километре не ведала о всех моих подвигах. За сожжение плантации конопли могла бы запросто нарисовать в диагноз "аутодафевидная форма шизофрении», а и если не с той ноги вставши, туда бы ещё впаяла «отягчённая комплексом

Торквемады», да как нехрен делать, в честь абсолютно нормального инквизитора, что пачками отправлял еретиков на костёр, справьтесь у Шарля де Костера.

Сам термин, «шизофрения», как и большинство его научных собратьев, взят из Греческого и при исследовании корней обозначает «надтреснутый ум».

«Надтреснутый ум в виде шубы». Ну и кто из нас шизик?!.

Они думают, что если обрядились в белые халаты и козыряют терминологией, в которых сами ни бельмеса, то я им больше поверю, чем Ичнянскому колдуну в рубахе хаки, с его теревенями про «кватеру» луны?

Эскулапики вы мои дорогие! Да я ж из Конотопа! Мой одноклассник Володя Шерудило выдавал, как нефиг делать: – «Я не могу игнорировать данных квази-псевдоиллюзии во избежание ультрадиффузии моей транскоммуникабельности».

После восьмого класса он ушёл в бурсу, она же ГПТУ-4, на сварщика, а то бы уже стал Главой Академии Наук и сидели бы вы сейчас у него в приёмной, в трепетном ожидании, как после кражи кур – примет он или нет, вас, хanoриков Созовских.

Карочи, пока никто не знает откуда берётся шизофрения, куда уходит и сколько берёт за визит, то не пошли бы вы на х… да!.. на Хутор Халимоново махаонов отлавливать с бабочками-капустницами вместе, а диагнозы свои засуньте себе… сами знаете куда, а кто запамятовал, то хлопцы с Посёлка могут и маршрут нарисовать для наглядности.

То есть, хочу сказать, продёргивайте отсюда, радости мои ненаглядные…)

С наступлением осени я уже знал, что это последняя наша осень вместе. Никто мне этого не говорил, но я чувствовал. Постоянно…

Когда я приезжал из Конотопа, то мы втроём шли в детсад в узких улочках частного сектора неподалёку. По субботам он не работал и вся игровая площадка доставалась тебе безраздельно, со всеми

теремками-горками. Качель на железных прутьях рвала сердце краткими вскриками.

Ира стояла в стороне. Потом ты начинала бегать по жёлтым листьям на площадке, от меня к ней и обратно, но даже это нас не сближало. Мы возвращались через безлюдье тех же улочек без тротуаров. Я держал тебя за руку и не сводил глаз с плавной игры круглых бёдер под лёгким платьем шагающей впереди Иры… Она не оглядывалась.

Тоня получила квартиру для своей семьи где-то на улице Шевченко. Гаина Михайловна строила планы сдавать освободившуюся спальню кому-нибудь из военных лётчиков с аэродрома в авиагородке, чьи тренировочные полёты выли в небе по вторникам и пятницам. Меня не было ни в каких планах, да и быть не могло – со мной Леночка; а оставить её ещё и без папы я не мог. Слишком неправильно.

Наши размолвки с Ирой стали менее отчаянными, но более частыми. Я чувствовал неуклонное продвижение к концу, когда окажусь уже напрочь отрезанным ломтём.

> *(…наверное, это же чувствовал и Достоевский, когда его везли на эшафот, а он по знакомым улицам вычислял сколько ещё осталось до казни… Разница лишь в том, что я не знал сколько ещё осталось до этих слов Иры: —«Убирайся в свой Конотоп! И чтоб ноги твоей в Нежине не было!»… Но я знал, что услышу их…)*

Когда Ира так и сказала, вместе с болью пришло крохотное облегчение – не стало чего бояться. Свершилось.

~ ~ ~

Я уехал в Конотоп и начал жить половинчатой жизнью. Работал в нашей бригаде, читал, писал, разговаривал, но половина меня куда-

то исчезла, вместе с целью, ради которой я всё это делал раньше, то того как меня отрезали.

Косность полужизни немного развеяла командировка в Киев. От СМП-615 там был только я и не знал откуда съехались остальные рабочие на реконструкцию молочной фабрики. Мы жили в пассажирском вагоне загнанном в тупик на территории этого производства. Нам выдали постельное бельё, жёлтое от ветхости, но из-за неё же ласкательно мягкое. Я занимал вторую полку плацкартного купе, чтобы не приходилось сворачивать матрас по утрам. По всему Киеву, отовсюду звучала одна и та же песня:

"Листья жёлтые по городу кружатся..."

И я вспоминал листья на безлюдной площадке детского сада...

По выходным я ходил в библиотеку Киевского Университета, слева от глыбастой фигуры Тараса Шевченко. Туда пускали и без диплома, с одним только паспортом. В тиши огромного читального зала с длинными столами, для каждого читателя стояла отдельная лампа с зелёным абажурчиком. Под одним из них я читал трактат Джона Стюарта Милла *О Свободе*, в оригинале. Вот что значит настоящая философия! Он объяснил мне, что есть только два вида людей:

1) законопослушные подданные;

2) эксперименталисты.

А всякие расы, классы, вероисповедания и прочие различия всего лишь средство разделять людей и натравливать друг на друга...

Потом я нашёл Дом Органной Музыки, который раньше наверняка был католическим храмом. Это на улице Красноармейской, пониже Республиканского Стадиона. На концерт я опоздал немного и дверь уже заперли, пришлось тарабанить.

Дверь открылась и я закричал как на Роменском автобусе: —«У меня билет! У меня билет!»

– Хорошо, но потише можно? Концерт идёт.

Там зал начинается почти от двери, без вестибюля.

– Извините.

Но придверный продолжал недовольно бухтеть.

– Мне что – по второму разу извиняться?

И он утих, потому что из-под интеллигентно-коричневого плаща я обнажил рабоче-крестьянский вельветовый пиджак яростно-синего цвета. Любой не чересчур отвлечённый привратник сразу усечёт, что тут ему не светит изгаляться над бесхребетной интеллигенцией. Тем более, что как только я снял свою шляпу секретного агента, с темени подскочила широкая прядь волос, как пружина, одолеть её никак не получалось, даже после душа, как подсохнет, вскакивала снова.

(…тридцать лет спустя такие взрывы из волос стали повседневной нормой. Так меня шибанула разлука с Ирой…)

Вот он и заткнулся. Мудрое решение.

В первом отделении исполнялась какая-то современно-атональная симфония – живодёрное пильбище скребучих нот из фраз обкромсанных, разбитых вдрызг, в острые осколки, местами сгрёбанные в кучи, но чаще нет. Но Альфреду Шнитке, конечно же, я не указ. В конце народ похлопал, ну кто смог дожить. Музыкантам за милосердие, что пытку кончили… Зато во втором орган изливал фуги Баха…

Чудо случилось в январе… Я приехал в Нежин к Жомниру и в автобусе на вокзале увидел Ивана Алексеевича. Он спросил меня, что это я не приезжаю.

Сдерживая в горле ком обиды, я ответил, что Ира запретила мне.

– Да брось ты! Поехали!

Я всё-таки сошёл с автобуса на Шевченко, а позже позвонил от Жомнира. Ира тоже сказала, да приезжай. Оставшиеся семь остановок до Красных Партизан я ехал спокойным наружно, но захлёстнутый бурей внутри…

За месяцы моего отсутствия случилось немало перемен. Ира, вместе с тобой, перешла в бывшую спальню Тониной семьи. Её родители ушли в узкую спальню.

Гостиная осталась как была: «Неизвестная» всё так же высокомерно смотрела поверх серванта, а сдобная купеческая дочь жеманно рысила от сватающегося майора и тот, ей вслед, подкручивал свой ус. Зато у вас в спальне появилось новое трюмо уставленное толпой непонятных, но очень нужных косметических баночек. Вплотную к зеркалу трюмо лежало широкое жёлтое кольцо из золота. На мои осторожные расспросы Ира сказала, что трюмо ей купил папа, а кольцо – мамин подарок.

И мы начали жить дальше…

Стройка… Нежин… Стройка… Нежин…

Ира работала воспитательницей в детском саду на Красных Партизан, за сто метров от дома. В её обязанности входила запись состояния здоровья детей её группы. На столике трюмо лежала тонкая тетрадка с записями её левонаклонным почерком, по числам месяца.

Я ту тетрадку только раз открыл, а потом старался даже не взглядывать на неё, чтобы не умирать от ревности. Стало слишком ясно, что больше нет смысла в подвигах праведности, что от неизбежного не убежать – оно уже произошло.

> *(…некоторые мысли лучше и думать не начинать, а если нечаянно случится, то лучше бросить и не додумывать до самого конца, до неизбежного вывода…)*

Стыд не давал мне спросить Иру как она жила в эти месяцы или что делает между моими приездами по выходным, но когда я в той тетрадке увидал, что в четверг в детсад пришла лишь половина группы Иры, да и половина половины растёрзаны простудой, я знал, что в среду у неё было свидание.

Я умирал от ревности, но молчал. Жизнь стала вроде пробежки по наезженному лабиринту – сюда не сверни, туда не смотри, про то не думай, чтобы не нарваться на агонию…

Потом Ира ввела новый порядок укладывать тебя рядом с собой на двуспальной кровати, а для меня стелила кресло-кровать. Иногда она приходила ко мне в темноте, иногда нет, и тогда я не мог заснуть долго за полночь, мучась ревностью и обидой…

Всего один лишь раз я обрадовался её отказу. Это случилось после поездки в переполненном автобусе с заледенелыми стёклами от вокзала до Красных Партизан. Где-то на полпути я вдруг явственно ощутил вхождение в прямой проход. Ни разу в жизни мне не делали клизмы и не вводили зонд, так что ощущение было непривычным и необъяснимым в толпе пассажиров в пальто и дублёнках. После главной площади толпа резко уполовинилась, но я по прежнему чувствовал себя как изнасилованный в жопу среди автобусной толпы.

Именно поэтому я и не настаивал на сексе, леденея от страха, что поимевший меня в автобусе впоследствии и Иру поимеет. Конечно, очерёдность могла быть и обратной, но я гнал от себя эту мысль…

~ ~ ~

В конце февраля была рабочая суббота, она же «чёрная суббота». Каждый год шесть суббот такого цвета случались повсеместно, не только в СМП-615. Но я твёрдо сказал, что не приду и в пятницу уехал в Нежин.

Ужинал я на кухне в одиночку, потому что Ира сказала тебе не мешать папе, когда он кушает и забрала тебя в гостиную. Затем я прошёл в спальню, чтобы не побеспокоить никого из телезрителей в гостиной. Да там и сесть-то было негде, потому что твоя тётя Вита приехала из Чернигова провести свой отпуск у родителей.

Ты тоже прибежала в спальню и мы немножко пошумели, Ира пришла утихомирить нас и приготовить постели. Потом она

выключила свет, чтобы ты скорее засыпала, а сама вернулась к телевизору, потому что шёл повтор новогодней Кинопанорамы.

Я остался сидеть в темноте перед столиком трюмо… Никаких планов я не составлял, а всё шло само по себе… Когда по звуку твоего дыхания стало видно, что ты спишь, я подождал ещё минут пять, а потом отнёс тебя в кресло-кровать. Потом я разделся и лёг на двуспальное супружеское ложе.

Я долго лежал на спине, задвинув руки под голову. Машины всё реже проезжали вдоль Красных Партизан, но их шум стал ещё невыносимее, как и свет фар проползавший по тюлевой шторе… Бедная Тоня, как они тут жили?

Потом я начал думать про Иру и про себя: как мы до́жили до такого? Дамы, конечно, первыми, но проще начать с меня для простоты отчётности, потому что во мне ничего не осталось помимо смеси из ненасытного желания и ревности, горькой, жгучей. Все остальные чувства успешно удавлены, чтобы не делали больно, только эти два оказались сильнее меня.

Ну а с нею как? В институте ей пофартило вытащить такого козырного туза из колоды. Все подружки усохли от зависти. Потом подружек заслали по распределению, отрабатывать за дипломы, а у козыря подмокла репутация. И тут подкатывает мама с золотым колечком: ты молодая, ещё встретишь хорошего человека, желательно военного лётчика, у них зарплата выше, чем жалкие 120 руб.

И что в итоге? Имеем то, что имеем… тот Советский Пушкин, лизоблюд литсотрудник, назвал это похотью… придурок… похоть приходит, когда уже нет вожделения…

Снова машина воет, издалека, со стороны авиагородка, по свету видно, вон взбирается по шторам, выгибает спину, как гусеница, клонится вперёд, да а мы таки нашли метод снятия стресса от прерывания естественного течения акта в его завершающей фазе для контроля рождаемости применяя способ космонавтов у Артура Кларка что без скафандров сигают из шлюза в раскрытый напротив

через открытый космос с побочным бонусом утилизации семени в притираниях чья эффективность благотворного воздействия на кожу многажды выше чем у всяких мумиёв жень-шеней и даже у легендарной травки оджилбой пытливая затейливость любящих любить друг друга переплюнет любую Кама-Сутру я это всегда чувствовал хоть не читал и строчки… а оно нада?. ну не знаю… я их всегда любил какие есть, без акробатики, садомаза, ролевых игр и прочей херни… просто «давай, крошка, сделаем нам хорошо»… простодушное наслаждение, сам знайиш… без лишних вычурностей и да здравствует примитивная ебля…

"All you need is ПЕ!
All you need is ПЕ!
ПЕ is all you need!
rrata-ta-ra-ra-ta-ta
(All together now!)
All you nee…

но погоди-ка-погоди-ка!. а как же насчёт фона эротической музыки? зеркала в потолке, как в спальнях древних Римских поэтов?.. я завязал с поэзией… а и вступительного минета или там завершающего… готов от всего отказаться?. ну это игра на двоих, в конце концов, и крошка чего хочет должна получать… как благородно-самодельный джентльмен я не могу отказывать ей в удовольствиях, верно?. вот ещё одна… до чего же душу выматывают, пока прово́ют мимо… бедная Тоня, как они тут жили?.

Потом из-за двери в гостиную донеслись голоса с пожеланиями спокойной ночи друг другу.

Ира зашла в спальню. Свет уличного фонаря по ту сторону сеточки тюля и оконной рамы помог ей найти нужный флакончик из выводка перед трюмо и она снова вышла. Я напрягся.

Она долго не возвращалась, а когда пришла и закрыла дверь, то склонилась над тобою – проверить крепко ли я сплю. Ты спала сном

младенца и всё дальнейшее тебя не разбудило.

Ира легла рядом со мной под одеяло, пощупала пальцами моё плечо и резко отпрянула:

– Ты? Убирайся отсюда!

– Да тише ты...

– Папа!

ОНА ПОЗВАЛА НА ПОМОЩЬ! ПРОСИЛА ЗАЩИТИТЬ ОТ МЕНЯ!

Я не притрагивался к ей, а просто лежал на боку, подбородком в ладонь согнутой и упёртой в подушку руки, в позе безмятежного пляжника, что прикидывает много ли народу в воде. Меня охватила созерцательная отстранённость, безразличие стороннего наблюдателя, потому что всё стало как-то краями, похер.

Спокойно и раздельно, я произнёс:

– Ты мне надоела.

Так я сказал? Нет! Неправда! Не надоела! Это не я!

И всё же я выговорил слова, и это часть ритуала. Какой ещё ритуал?!. Неважно какой, потому что мне всё было уже... всё равно...

Всё также опирая голову на руку, я протянул свободную ладонь и слегка шлёпнул её о мягкую щёку.

Я?!. Ударил её?! Нет конечно. Это не пощёчина, просто часть ритуала.

Она окаменела в немом изумлении, но было поздно. Я откинулся на подушку и подтянул одеяло до подбородка.

Щёлкнул выключатель. В безжалостно резком свете с потолка, её родители и сестра толпились в дверях. Она выпрыгнула из кровати и влилась в общую массу. Вита принялась издавать традиционные клики семейных скандалов. Иван Алексеевич стоял в пижаме низко понурив голову.

Я видел как трудно даётся ему решение. Или же исполнение. Что если я голый? Перед его княжьим гаремом? Но я ничем не мог ему помочь. У меня тут роль созерцателя. Наконец, он сделал решительный шаг, даже два, ухватился за торчащую из-под одеяла

кисть и – выдернул всего меня. Репка рухнула на истёртый коврик поверх пола. Одеяло досталось кровати.

Я ещё чуть-чуть полежал, чтоб не мешать тёще, которая как раз зачитывала над моей головой отходную по моей бестактности, что позволяю себе беспардонно валяться в таком виде перед женщинами. Потому что бегать трусцой по утрам в трусах и майке – пристойный прикид, но только не перед тёщей на её коврике.

Я молча поднялся и, совершенно неожиданно даже для самого себя, глубоко поклонился стряхнуть несуществующую пыль с волос пониже своих коленей. Ритуал заставляет блюсти его каноны, даже когда ты без понятия что это за… ритуал такой.

"Отречёмся от старого ми-ира,
Отряхнём его прах с наших ног!.."

Я оделся и вышел в прихожую. Тёща проследовала туда же. Проследить, чтоб не совался в холодильник? Её сменила притихшая, внимательная Ира. Я дал ей один рубль и попросил передать Вите, которая одолжила мне эту сумму в прошлое воскресенье. Она кивнула. Я достал лист бумаги из портфеля и написал Вите записку с благодарностью за рубль. Даже могила заморится исправлять графомана…

Ночь оказалась тихой и безветренной. Я провёл её стоя на ближайшей автобусной остановке, как перед той билетной кассой запертой на обед в Одесском аэропорту. Только теперь в руках у меня уже не было трёх роз.

"Дождь и солнце вместе не живут,
Разве что на несколько минут,
Кратких и прекрасных,
Когда в безумной ласке
Два самых-самых разных
От счастья слёзы льют…"

Это была тихая, безразличная ночь посреди зимы… За всю ту ночь мимо автобусной остановки проехали три машины, одна из них Волга. Мне было всё равно. Онемение чувств.

В одноэтажном здании через дорогу дважды загорался и гас свет; должно быть пожилой человек ходил в туалет и обратно. В тёмно-серых сумерках рассвета со стороны авиагородка появился первый утренний автобус и отвёз меня на вокзал…

~ ~ ~

В половине восьмого я сошёл с электрички в Конотопе. Не знаю где я провёл ещё около часа, потому что когда я пришёл на 50-квартирный, чёрная суббота шла полным ходом. Рыча в облаке сизого тумана своих выхлопных газов, бульдозер зарывался в гору грунта посреди будущего двора. Гриня и Лида были уже в рабочем. – «Ты не поехал в Нежин?»– спросила Лида.

– Нет.

Я достал из своего портфеля листок в клеточку с отчётом профкому, что мною истрачены три рубля.

> *(…моей текущей общественной нагрузкой было посещение попавших в больницу работников СМП-615 для оказания им утешения на сумму в три рубля, которую профсоюзный комитет выделял на передачу… Коллег я посещал в одиночку, но под бумажкой про выведение в расход трёх рублей требовалось три подписи – деньги немалые…)*

Я положил бумагу на бок бетонного кольца, 1,2 м в диаметре, возле подъезда, и они расписались. – «Ну шо?»– сказал Гриня. – «Переодеваешься или как?»

Моё отношение к чёрным субботам всегда было твёрдо негативным, но что ещё мне оставалось делать? Я переоделся в рабочее, взял лопату и пошёл обскребать только что подвезённый раствор из задранного кузова самосвала, вместо Веры Шараповой. Она давно уже просекла, что так я лечусь ревности…

Ночью на Декабристов 13, я лежал навзничь в узком кресле-кровати посреди почти кромешной тьмы гостиной. Я лежал по стойке «смирно», только немного расслабленной.

Всё время лежать на спине утомительно, мне хотелось поменять положение и перевернуться, но я не позволял себе лишнего, потому мне нужно стать как можно неприметнее, а всякое движение выдаёт. Мне нужно слиться с глубоким дном безграничного и безмерно пустого мира. На дне требуется обтекаемость, чтобы ничто не цеплялось за тебя, а катилось бы мимо и – дальше… Но до чего же она бескрайняя – эта пустота!..

(…нет страшнее проклятия, чем старинное «чтоб тебе пусто было!», цель любых утрат и потерь в том, чтоб заставить тебя ощутить пустоту – чтобы тебе было пусто…

Любовь приходит как защитная реакция на пустопорожнее повторение витков жизни возвращающихся на круги своя, где что было, то и будет, в одной и той же неизменной пустоте…

Она приходит от безысходности, когда не знаешь как распорядиться случайным и напрасным даром – своей жизнью, не находишь средств убить отмерянную тебе вечность и живёшь не ради чего-то, а просто, чтобы жить дальше.

Любовь приходит, чтобы освободить от пустых исканий, дать жизни смысл – служение! указать цель – служение!

Любовь это добровольное рабство и ревностное служение объекту любви – двуногому млекопитающему, коллекции марок или… ну, вощщем, неважно… кому как повезёт…

И вдруг – гром с ясного неба, оковы пали, тебе сказано: —«Ты свободен! Вали отсюда!» И оказываешься в пустоте, где нет цели, нет смысла, где просто надо жить дальше, как кристалл, как былинка, как дождевой червяк…

Мы не рабы, рабы не мы!

Нет! Я хочу обратно. Туда где любовь… она укроет от жути видеть эту пустоту, придаст значение бессмысленной пустой

суете. Она станет тем, кто всё за нас решит, я буду лишь покорно исполнять приказы!.

Любовь это песок, куда в панике зарываешь свою страусиную голову…

Будь ты проклята, любовь! Как же без тебя пусто!.)

Выживание в разрежено выхолощенной пустоте задача не из лёгких. Конечно, всегда есть выбор. Зачем выживать, если можешь в любой момент прекратить мучения? Однако никогда в жизни я даже не игрался с мыслью о самоубийстве, не так отформатирован. Ну а раз выбора нет – остаётся лишь решать задачу.

Решение только одно – систематичность. Ничем иным пустоту не одолеть. Систематически глушить водку или систематически бегать трусцой – это уже без разницы, суть в повторении определённого цикла. И тут у меня уже имелись определённые наработки, пригодные послужить опорой барахтанью в пустоте. Пятидневная рабочая неделя – это раз. Участие в общественной жизни СМП-615 – два. Периодические наезды в Нежин с интервалом в два или три месяца для интеллектуального общения с Жомниром. Ха! Не так уж мало.

Любой системе, чтоб она работала, нужны морковки-пряники вознаградить вертящегося в ней винтика за успешное прохождение очередного замкнутого круга и стимулировать его верчение в таком же точно круге следующем.

По четвергам я посещал баню, с двумя заходами в парную. Мыло и веники продавались в кассе бани на первом этаже. Получив еженедельную квоту, я оставлял инструменты наслаждения на тёмно-мраморном верху низких столиков общего помывочного зала на втором этаже, унося с собой лишь сетку с грязным бельём для предстоящей стирки.

По пути из бани к месту жительства, я потреблял две бутылки пива Жигулёвское и покупал номер *Morning Star* в газетном киоске на площади Мира, для чтения со словарём до следующего четверга.

По понедельникам я устраивал стирку в жестяном тазу на лавочке во дворе, зимой она проводилась в пристроенной к сараю летней комнате.

День глажки зависел от погодных условий вокруг бельевой верёвки, натянутой от крыльца к сараю, вместо калитки. Лучше позже, чем никогда.

Выходные труднее было заполнять, но раз в месяц в кинотеатре Мир показывали очередной боевик с Бельмондо в главной роли, или комедию с Пьером Ришаром.

Летние выходные вообще проблем не представляли, я проводил их на Сеймовском пляже, лёжа на розовом с красными кольцами младенческом покрывальце. То самое, которое по будням подкладывалось на стол для глажки высохшего белья. Покрывальце осталось на Декабристов 13 после одного из твоих ранних визитов туда. Оно было коротковато и мои ноги, частично, оставались протянутыми на песке, но какая разница?

Трижды в течение пляжного дня я выплывал за буйки, где не оставалось визжащих купальщиков. Там я ложился на спину, широко раскинув руки-ноги, и произносил ритуальную формулу собственного производства:

> ***"Oh, water! Ran into each corner of mine!***
> ***We be of one blood – thou and me."***
>
> *(…чтобы свинтить такую фразу, мне пришлось привлечь к сотрудничеству Ф. С. К. Фицджеральда и Дж. Р. Киплинга, но они не возражали на мой плагиат…)*

Потом я плыл обратно, к визгам и брызгам, выходил из воды к покрывальцу, чтобы лечь и ворочаться с боку на бок под жарящим солнцем, вперемешку с чтением *Morning Star*. На пляже я читал её без словаря, просто подчёркивал слова, которые позже надо будет выписать в тетрадку.

В обед я покидал пляж и шёл на Хутор Таранский, в магазин. Это была обычная хата под соломенной крышей, но с увесистым висячим замком на широкой железной полосе, что косо подпоясывала дверь.

Завмаг, дебелая баба, которая гордилась тем, что повидала даже остров Сахалин, снимала замок всего на один час. Когда она роняла грохочущий конец железной полосы на крыльцо, дверь открывалась в комнату с парой пыльных окон в одной стене с дверью и тремя деревянными прилавками вдоль трёх глухих стен, но не вплотную, а чтоб оставался проход под широкими полками в два яруса.

Я систематически покупал одну консерву, пачку печенья и бутылку лимонада. Вскрыв провизию одолжённой у завмага открывалкой, я выносил свой обед в пустую улицу из четырёх хат и глубоко прожаренного песка дороги, что аж потрескивал своей раскалённостью. Там, под старым кряжистым Вязом, я садился на широкую лавку из треснутой, но мощной доски ставшей тёмно-серой от многих лет круговорота времён года вокруг маточины-Вяза над лавкой рядом с чёрной соломой в крыше хаты-магазина.

Ассортимент на полках магазина не менялся. Покупая банку «Завтрак Туриста», я видел, что в следующий выходной меня ждёт жестянка «Кильки в Томатном Соусе», а через неделю «Икра Кабачковая». Банка с наклейкой «Аджика» вызывала смутные опасения, я где-то слышал, что вкусом она не уступит горчице, но до неё ещё целый месяц. Может совместить с баночкой вишнёвого джема, а? Получится комплексный обед.

Алюминиевую ложку я протирал обёрткой от печенья и прятал с обратной стороны хаты в соломенную стреху над глухой стеной, как кулаки-бандиты, борцы против Советской Власти, прятали свои обрезы… И самому Марчелло Мастрояни даже не снилась такая *СладкаяЖизнь*…

Как раз в той хате я купил куклу тебе на день рождения. На полках стояли всего две куколки – девочка и обезьяна, обе из резины. У каждой в спине пищик, чтобы пищать, когда надавят. Пара

случайных покупателей в плавках, которым как-то удалось преодолеть на мотоцикле глубь дорожного песка, советовали мне купить обезьяну, но я взял девочку, как и собирался все предыдущие выходные, в цветастом платье, тоже из резины, до колен.

Я мог бы купить подарок и в Универмаге, в *Городе*, но там все игрушки поголовно пластмассовые. К тому же я хотел подарить что-то из этой зачарованной хаты с прохладной тенью посреди летнего зноя…

~ ~ ~

Хотя не знаю даже, спасла ли бы меня какая угодно система без приложения к ней нашей бригады. Что вовсе не означает, что члены бригады окружали друг друга заботой, нежностью и моральной поддержкой. Ха! Держи карман шире! В нашей бригаде, как в любой другой, все только рады погыгыкать за твой счёт. И у каждого семья и дети для слива своей нежной заботы. Кроме рыжего Петра Кирпы, он же Кирпонос, хотя никто вокруг даже понятия не имел о прославленном стахановце первых пятилеток с такой же фамилией, а кличка являлась данью очертаниям Кирпиного носа. Но и его потом захомутала Рая из бригады штукатурш.

И всё-таки, с 8 до 5, наша бригада, хоть каждого и отвлекали персональные заботы и проблемы, становилась единой семьёй. При всех едких шуточках относительно личных качеств друг друга, тебе тут не грозила опасность стать жертвой членовредительных хаханек типа укола в мозг вонью тлеющей ваты или другого опасного для здоровья идиотизма.

Матерятся ли каменщики при каменщицах? И да, и нет. Я не слыхал ни одного матерного слова обращённого к женщинам нашей бригады. Никогда. Но когда крановщик башенного крана опускает поддон кирпича на пальцы ступни, ты сообщаешь об этом на весь широкий мир и очень громко, без оглядки на пол присутствующих.

Матерятся ли женщины в бригаде каменщиков? И нет, и да. В момент грозящий травмой или утратой жизни, они скорее закричат

«Ой! Мамочки!» или зайдутся неразборчивым визгом. Тогда как, в перерывах между наполнением лопатой ящиков из кучи *грязи* на растворной площадке или заводкой колючих, неподатливо перекрученных строп под кирпичные поддоны, Катерина могла запросто поделиться фольклором:

"Эх, ёб вашу мать,
С вашими делами,
Не хотите отдать дочь?
Так ебите сами!.."

Не скрою, беззвучное проигрывание этой охальной частушки в извилинах коры головного мозга порой служило мне болеутоляющим. Паллиатив, но помогает.

Но, в конце концов, свет не сошёлся клином на одном лишь мате. Каменщица Любовь Андреевна однажды пожаловалась главному инженеру, который случайно заехал на стройку, про обидные слова нашего бригадира, Мыколы Хижняка, которыми тот определял всех женщин вместе взятыми: «За́сланки навыворот!» Хоть убей, я до сих пор без понятия что это значит, а вот она взяла и обиделась. Наверное, потому что она была самой красивой женщиной в нашей бригаде, только иногда печальной.

Грустно женщине знать, что она красива, но что с этой красотой делать неизвестно, а только смотри как та уходит ни за что, ни про что.

Муж на пять лет её моложе. Перед тем как они расписались, он гулял с ножом за голенищем сапога, а она сделала из него примерного семьянина и безопасного члена общества. Но всё равно печалилась, особенно в зимние морозы, когда раствор в ящиках обрастает сантиметровой коркой льда, пока доплывёт на *пауке* до *захватки*. «Ой, мама! Как же у меня рученьки помёрзли!»

А этот паразит Серёга, с другого конца *захватки*, враз: —«Так то ещё и мало! Мама-папа сколько раз говорили – учись, дочечка!

счетоводом будешь! А ты им – шо? "Нет! Я лопату люблю!" Вот и люби теперь до посинения!»

– Паразит!

Анна Андреевна не такая красивая, как Любовь Андреевна, но она очень добрая, особенно после обеденного перерыва. Как и большинство бригады, она жила На Семи Ветрах и на обед домой ходила. Ну там, под борщец, рюмашки две клюкнет и возвращается вся такая размякшая и подобрелая. Единственный её недостаток, что она на мою кирочку охотится. Стоит мне зазеваться, она мою кирочку – хвать! в стену заложит, раствором заровняет. Большинство каменщиков рубят кирпич кельмами, а мне, ради правильности, кирочку подавай. А может из-за созвучия имён...

Мужья Лиды и Виты тоже работники СМП-615. Слесарят в производственном корпусе на территории базы, под началом главного механика. Ну и как любой слесарь, они, есессна, выпивают. А на следующее утро в вагончике каменщиков мне полчаса выслушивать проклятья этим падлам, которых тут и близко нет... Хотя проклятья Лиды слушать можно, она их выводит словно народную песню, ну а Вита, вторит, бэк-вокалом...

Сама Вита красноречием не блещет. Когда мы кончали кладку стен на 110-квартирном, уже под перекрытия крыши, она на линии рядом со мной стояла и всё, что она сказала вслед мне пролетавшему мимо, было: —«Сергей! Ты куда?»

Та часть стены, что я поднимал, осталась незатёртой и нерасшитой, поэтому, чтоб удобнее затирать было, я спрыгнул наружу, на бетонный козырёк над балконом на пятом этаже. Но она же про тот козырёк не в курсе! У неё на глазах человек сигает за борт чердака пятиэтажки и всё, на что она способна: —«Сергей! Ты куда?» Вот, в двух словах, женская логика и знание Физики – вниз конечно! Куда ж я ещё денусь?

Бригада у нас молодая, самому старшему, Григорию Григорьевичу, сорок лет. Он так прямо и говорит: —«Мы ещё молодые»... У него исключительный педагогический дар, если заметит, что его сын-

девятиклассник в трамвае или на улице засмотрелся на женщину при всех делах, сразу ловит момент: —«Хочешь, чтоб у тебя такая же была? Учись, зараза!»

Лицо у него круглое, наполеоновское, из-за редкой пряди поперёк лба, а сам такой крепкий, солидный. Сколько раз я пытался обогнать его в кладке кирпичного ряда, бесполезно! Он закончит, с ухмылочкой, а мне ещё кирпичин десять положить надо.

И он очень рассудительный. Рассудительность подвела его всего один единственный раз, это когда он после обеда с двустволкой вернулся.

Мы же строим в чистом поле – «строительный угодья» на самом краю На Семи Ветров. А тут ещё молодой прораб Середа с базы заехал. Григорий Григорьевич и ему дал ружьё подержать. А потом даже спор завёл с Середой, что тот не попадёт в его шапку, если в воздух подбросить. Мы зашли за торцевую стену строящегося здания. Вокруг расстилается белое безмолвие, только лесополоса среди снегов чернеет.

И он подбросил свою шапку – так высоко-высоко! А Середа чуток помедлил и шмальнул. Шапка дёрнулась в полёте и упала, как подбитая птица. Григорий Григорьевич её поднял, а в донышке дырка, два пальца пролазят. Картечь крупной оказалась. На кабана. А хорошая шапка была, из нутрии. Он только не вдумался логически, что Середа из Закарпатья, а там хоть Бандеровцев уже не найти, но огнестрельное оружие остаётся. Отсюда и навыки…

А строповщица Вера Шарапова никогда не грустит. Всё время песни поёт, смеётся. Разговорчивая со всеми… И она тоже была самая красивая, но только пока на работе, когда на ней спецовка с телогрейкой. Но как переоденется, чтобы электричкой ехать на свою остановку Куколка, то красота девается куда-то.

Сам не знаю отчего мне грустно стало, когда она про свою свадьбу рассказывала и все смеялись вместе с нею.

– Дети плачут! Петя играет!

Петя это тот горбатый мужик, который взял её вместе с двумя её детьми. Он тоже ездит из Куколки в Конотоп работать и на баяне играть умеет. Весёлая получилась свадьба.

Вера Шарапова поумней любых литературных сыщиков и подметила, что когда кто-то при мне на головную боль жалуется, я молча достаю из штанов носовой платок, перескладываю его наизнанку и прячу обратно. Вот и придумала театральную постановку – локтем Катерину толкнёт, мол, смотри на чудеса моей дрессировки, руку ко лбу приложит и делает страдальческое лицо:: —«Ой, до чего ж голова болит!»

Конечно, я всю эту комедию насквозь вижу, но процедуру исполняю. Однако когда Катерина и за свою начинает хвататься, я говорю, что приём окончен – средство обслуживает только одного пациента в день. Гарри Поттера тогда ещё и в зародыше не было…

Пётр Лысун не всю жизнь в каменщиках… Раньше он служил в охране перевозок золота по железной дороге. Специальная группа вооружённых охранников сопровождали сейфы в багажных вагонах. Ехать приходится далеко, иногда неделями. Пол вагона качается, колёсные пары на стыках гахкают и мысли всякие крутятся и крутятся. К примеру, как можно это золото взять?

День крутятся, два… иногда неделями. Но безответно крутятся – неразрешимая задача. На лица со-охранников посмотрит – тоже задумчивые. А о чём?

И начинает закрадываться страх: вдруг кто-то додумался уже до ответа? Составит план, найдёт подельников и на одном из перегонов положит всех одной обоймой, да и уйдёт с золотом.

Устал Пётр дожидаться и ушёл в каменщики…

Низкорослый щуплый Гриня мне почему-то напоминал Гудериана, которого я в жизни не видел. Мелькало в нём что-то такое генштабовское, причём явно из Вермахта. По выходным он отдыхал от блицкригов и на пару с Григорием Григорьевичем ездил рыбачить. Повсеместно, в пределах досягаемости пригородных и дизельных поездов. На удочку или мормышку, смотря по сезону.

Меня подкупила его вера в мой дар целителя. Он тогда остановил меня на лестничном марше уходящем в открытое небо, потому что крыши ещё не было.

– Серёга, помоги! – Он приподнял пальцами верхнюю губу показать беловатый прыщик на десне. Потом отстегнул булавку со внутреннего кармана телогрейки, где в рабочее время держал свои наручные часы, и протянул мне. – «Проколи, а то болит зараза».

Я начал отнекиваться, что невозможно же среди этой пыли, грязи, и всё такое, без антисептиков, потому что для таких операций дезинфекция нужна.

– А где я тебе дезинфекцию возьму?

Ну в боевиках, обычно открытым огнём обеззараживают… Он подержал конец булавки над зажжённой спичкой. Правда, результат меня не удовлетворил – острие покрылось чёрной сажей.

Гриня окинул булавку критическим взглядом, вытер сажу об корку кирпичной пыли и прочих напластований на рукаве своей телогрейки: —«На! Коли!»

А куда денешься? Человек столько внимания уделил дезинфекции…

Мыкола Хижняк прибыл в Конотоп как те темноволосые кудрявые герои Французских романов, что приезжают в Париж с парой су в кармане и честолюбивыми планами покорить столицу.

Правда, у него была при себе троячка и, вместо шляпы с пером, кепка, которая не спасала в тридцатиградусный мороз той ночи.

Он не стал Капитаном мушкетёров, но он единственный известный мне каменщик шестого разряда. Помимо этого, он имел квартиру, мотоцикл УРАЛ без коляски, и жену Катерину, которую, когда не спится, можно притянуть зá уши и разложить… И именно Мыкола Хижняк восполнил знания недополученные мною в институте.

Во время учёбы на Английском факультете НГПИ, я как-то не мог себя заставить прочесть хоть что-нибудь из Томаса Гарди, хотя он был в вопросах экзамена по зарубежке. Даже сам не знаю почему, может какие-то аллюзии нездоровые с его честным именем

Саксонских корней, но прям-таки несовместимость у меня с ним. Вот и знаю же, что надо, а всё равно не могу...

Однажды среди штабелей плит перекрытия мы с ним вдвоём рулеткой ширину выбирали и Мыкола начал мне рассказывать мне какую-то длинную путанную историю. Сначала я думал это какой-то сериал из телевизора и только под конец, когда погоня её настигла, но она беспробудно спала от усталости, а он сказал, дайте ей ещё поспать, пока не знает, что её поймали, мне дошло – это так и не прочитанная мной *Тэсс из Рода Д'Эбервилей,* хотя Хижняк, по ходу сюжета, туда ещё вплёл какой-то билет на самолёт...

Но официально, самой красивой женщиной в нашей бригаде считалась строповщица Катерина. Вера Шарапова ей прямо в глаза так и говорила, хотя она и сама это знала, тем более, что она жена бригадира, а и что такого что не расписаны? Зато у них уже есть сын-семиклассник, от её первого брака.

На голове Катерины косынка из полупрозрачного газа поверх жёлтых кудряшек, а на шее ожерелье из крупных красных бусин. Под цвет помады на губах. Где-то в штабелях бетонных плит перекрытия, недалеко от растворной площадки, у неё заныкан треугольный осколок толстого зеркала, чтобы смотреться в свободное от лопаты время.

Сама себя она считала ничем не хуже Анфисы из сериала «Угрюм-река», особенно когда та явилась видением, чтобы Громов со скалы метнулся. Во всяком случае именно анфисиным призрачным жестом зазывала она меня на битый кирпич на земле, когда я клал угол четвёртого этажа, наутро после той серии: —«Иди, Прошенька! Иди ко мне!» А может просто проверяла хватит ли у меня дури, чтоб кинуться. Ведь ясно же, что не того, после того как от живой порнухи отвернулся...

В тот раз две парочки захотели секса на лоне природы и они всей шарой отошли за городскую черту На Семи Ветрах, метров на двести. Использовали полосу кустов отгородиться от дороги. В пылу спаривания, они не учли недалёкую стройку, где наша бригада

отложили инструменты и обменивались экспертными комментариями по ходу командного выступления, как Римляне на трибунах Колизей, когда тому ещё не требовался капитальный ремонт.

(...в эпоху застоя тотализатор ещё не был известен в нашей стране, так что ставок не делали, которая из пар кончит первой...)

Но как же всё до обидного относительно в этом мире! Приходишь к финишу первым, а Анна Андреевна, плотно унасестившись на держаке своей лопаты поперёк *банки* с *грязью*, презрительно скажет: —«Тю! Ото и все на шо ты годный?»

И только тот, который не того, отвернулся, сел за поддон и смотрел в обратном направлении, на дальнюю группу Берёз посреди «строительных угодий». Высокие как деревья в Африканской саванне. Нормальные так не поступают...

До женитьбы, Пётр Кирпа жил вдвоём с матерью и зимою регулярно похвалялся, как выйдя поутру в коридор, он ломал кружкой лёд в ведре и пил воду до того холодную, шо аж в зубы заходит.

Из нашей бригады он нравился мне меньше всех, но именно он помог мне доказать всем и, в первую очередь, самому себе, что я настоящий каменщик. Это случилось позднее, когда в бригаду влилась свежая кровь в лице пары девчат, что только-только вышли в свет с ПТУшной скамьи где-то в Западной Украине, и демобилизованного десантника Вовки. Мы тогда кончали второй этаж механического корпуса возле круглосуточной столовой для локомотивных бригад.

При высоте стены свыше 1,2 метров кладка ведётся со столов-риштовок. Между мной и Кирпой было два таких стола, значит метров пятнадцать. Он хотел покрасоваться перед парой

молоденьких девчат в свежих ещё телогрейках, которые так смешно выговаривали «йой!», вот он и крикнул: —«Держи, Серёга!»

И метнул в мою сторону кирочку поверх разделяющих нас поддонов и ящиков. Инструмент летел, как томагавк Американских Индейцев, крутясь вокруг своей рукояти.

Я ничего не рассчитывал и не прикидывал. Я просто сделал шаг навстречу и поднял правую руку, а в момент, когда рукоять достигла ладони, мне оставалось лишь стиснуть пальцы. Всё случилось само собой.

Увидев, что я не нырнул за кирпичи на поддоне, чтоб увернуться от броска, а стою с гордо поднятой кирочкой в руке, Кирпа тут же сменил пластинку и похвастался притихшим вдруг девчатам: —«Вот такие у нас в бригаде каменщики!»

Так что, мне есть чем в своей жизни гордиться…

~ ~ ~

Кроме куколки с пищиком, к твоему дню рождения я собрал ещё целый подарочный набор. Такие чёрные пластмассовые фиговинки, которые электрики вставляют в распределительные коробки. Они похожи на черепашек-ниндзя, хотя до создания этого мультика оставалось ещё лет двадцать с гаком. Сходство с черепашками замечалось сразу же, а что они ниндзи я тогда ещё не знал. К ним ещё добавились белые такие керамические шашечки. Всех в наборе по двое. Кроме куколки.

> *(…это как если солдат на передней линии фронта собирает подарок из стреляных гильз. Хотя наша бригада и была на передовой освоенного мира. Подарки с края Ойкумены…)*

Но из Универмага я тоже прикупил пару пупсиков, которые не пищали, потому что пластмассовые, но вносили разнообразие. В конце концов, не война же.

Для меня важно было попасть в Нежин в неурочное время, когда там никто не ожидает. Чтоб не испортили праздник. Электричку из Конотопа, тем более на твой день рождения слишком просто встретить засадой в чёрно-белой шахматке, на ходу слегка тернýтся об мои джинсы и – готово. Правильнее зайти с тыла, в час когда не ждут.

Автобус Харьков-Чернигов идеально подходил для такого манёвра, но через Конотоп он проезжает в пять тридцать утра. Поэтому я совсем в ту ночь не ложился, чтобы не проспать. А просто ходил по Конотопу, туда-сюда, в разных направлениях.

Когда я проходил мимо бетонной ограды мясокомбината, там по крытой галерее наверху перегоняли толпу скотины в убойный цех. До чего ж человечьими голосами они там кричат! Хуже, чем в *Западном Коридоре*. И ведь абсолютно всё понимают – куда их гонят и зачем…

Около полуночи я оказался на Кандыбино и решил искупаться. Разделся догола и зашёл в воду. А кто увидит? Кусты смородины или звёзды с луной? Они и не такого насмотрелись. Вот я и нырнул головой вперёд. А темнота вокруг аж вибрирует от лягушачьих стонов…

Одна штукатурша, пожилая уже, но с длинными тугими косами, рассказывала, что собиралась покончить жизнь самоубийством у себя в селе, как раз в такую же вот ночь, и всё вокруг настойчиво шумело-гудело: —«Иди! Вот он пруд! Заходи же!» Но у меня голосов не было, одни только лягушки.

А потом я поплыл к луне. Она только-только взошла над рыбными озёрами и ещё не успела уменьшится в небе. Громадная полная луна на волосок от горизонта.

Я плыл по морскому, без всплесков, но всё же толкал воду перед собой. Гладкие округлые волны, как те линии напечатанные на платочке с парусником. Только те синие по белому полю, а тут серебристые на чёрной тьме. Так я и плыл, как по волнам эфира, пока прибрежные водоросли не начали цепляться мне за ноги.

Жутковато стало, русалки всякие в голову лезут, и я поплыл обратно, но уже на спине, чтобы всё время на луну смотреть.

Волосы после купания у меня остались мокрыми и на железнодорожный вокзал я пошёл обходным путём, чтобы по дороге высохнуть. На вокзале есть пара здоровенных квадратных часов, спереди и сзади, да ещё внутри в каждом зале, правда, те круглые. Поэтому я туда и пошёл.

У меня часов нет. Начинаю носить на руке – за пару дней останавливаются или врать начинают – неси в мастерскую или новые покупай…

По пути я вспоминал того несчастного из *Тысячи и Одной Ночи*, который всю дорогу плакал и рвал одежды у себя на груди, потому что он любил прекрасную волшебницу, а она его тоже любила, но только настрого запрещала подходить к одной из дверей в её дворце, а тем более не вздумал бы открыть, но он открыл—из чистого любопытства—и попал в другое измерение, где только песок и камни вокруг и нет пути обратно. Вот ему и осталось только плакать и портить одежду у себя на груди…

За два года перед этим, мы с Ирой ездили на Десну. Вдвоём, только она и я. Гаина Михайловна держала тебя в тот день. Мы выехали утром Черниговским автобусом. А обратно? Да, ланна, чё-нибудь подвернётся… Когда я увидел реку вдалеке, из окна автобуса, то попросил водителя остановить и мы сошли на обочину. Дальше прямиком через поле. На другом поле, по соседству, женщины в белых платках сгребали сено в копны, издалека и не различишь даже какое столетие на дворе.

Потом я перенёс Иру на спине через протоку на длинную песчаную косу заросшую широкими зелёными листьями, рядом с которыми незаметно текла зачарованная Десна. Мы развернули одеяло поверх листьев и провели там весь день.

Когда мне нужно было помочиться, я переплыл на другой берег, река там не слишком широка. Ира строго-настрого предупредила, чтобы я не замочил головы. Я помнил это, но всё равно с обрыва на

другом берегу бросился нырком. А теперь мне только и осталось, что плакать и рвать эту летнюю рубашку из синего ацетатного шёлка…

Остаток ночи я просидел на площади между зданием вокзала и первой платформой. Скамейки там не очень удобные, без спинок. На одной из них, я встречал редкие ночные поезда вместе с тележками дежурных работников багажного отделения, куда работники багажных вагонов вышвыривают ящики и тюки посылок. И с той же скамейки я провожал тесные группки зябко зевающих пассажиров. Счастливого пути!.

Когда чёрная коробка часов на лицевой стене вокзала высветила 05:00, я пошёл в зал ожидания забрать подарки из автоматической камеры хранения, а оттуда на автовокзал. Это недалеко, почти сразу же за парком Лунатика… Автобус Харьков-Чернигов через Нежин не проходит, но от поворота шоссе, рядом с круглым зданием ГАИ, опять чёт-там подвернулось, так что около девяти утра я был уже в Нежине, когда электричка из Конотопа только-только ещё к Бахмачу подходит. Но я не собирался стать снегом на голову, поэтому телефоном-автоматом позвонил на работу Ире.

Какой у неё красивый голос! Такой родной и близкий. Я сказал, что хочу повидать тебя и отдать подарок на день рождения, а она ответила, да конечно, и что ты дома с её мамой.

Я пошёл на Красных Партизан с приливом радости в груди, потому что Ира по телефону звучала совсем дружески и как бы даже обрадованно.

Дверь не открылась, только глазок на секунду затемнился и опять посветлел. Я ещё раз нажал кнопку звонка, но уже покороче, и услышал шаги осторожно уходящие из прихожей. И ещё я услышал твой голос, ты о чём-то жалобно спрашивала от двери в гостиную и бабушка зашикивала тебя в ответ шёпотом.

Если у человека голоса из учебника по психиатрии, то они ему что-то да говорят. Я не мог разобрать слов, но сквозь входную дверь я видел, и очень отчётливо, тебя, четырёхлетнего ребёнка, как ты подняла лицо к бабушке – кто там? Серый Волк? Плохой Дядя? И

ещё я видел как мать Иры, в халате и шестимесячной химической завивке, приложила палец к своим губам: —«Тшш!»

Я не из тех, кто ломится в запертую дверь, и не хотел пугать тебя ещё сильнее. Просто позвонил в дверь напротив и она открылась.

Там жили пара преподавателей из НГПИ. Гроза-муж, который преподавал Научный Коммунизм, и Гроза-жена, она учила меня Немецкому на втором курсе. Я оставил коробку с подарками Грозам и попросил передать тебе лично в руки. Ну а в Конотоп можно и пригородным возвращаться. Какая разница? Всего-то 1 руб. 10 коп…

~ ~ ~

(…попытка жить правильной жизнью вызывает в человеке вредную привычку. Не то, чтобы пагубную, но бессмысленную – втягиваешься в это дело, хоть и понимаешь, что разницы никакой…)

После окончательного и ритуально подкреплённого разрыва с Ирой возвращать *The Godfather*—последнюю из украденный мною книг—смысла не имело, но было поздно, я уже подсел на это дело. Книга у меня завалялась потому, что я не знал куда распределили Витю Кононевича, а тут вдруг стороной прослышал, что книгу Вите дал вовсе не Жора, а Саша Нестерук, настоящий её владелец. Мне снова пришлось поехать в Нежин… Однако по адресу, который мне сказал Вася Кропин, Саша Нестерук уже не жил, а ту квартиру уже снимала пара молодожёнов. Молодожён ходил в белой майке, его жена в халате и по квартире густо пахло селёдкой жирного копчения.

Что ещё нужно для счастья, если не отдельную квартиру с молодой женщиной в любое время дня и ночи?

Когда они предложили адрес домохозяйки, которой, возможно, известно куда переехал Саша Нестерук, я отказался и прекратил дальнейший поиск, потому что вспомнил, что в последний год учёбы Игорь Рекун, мой однокурсник из Конотопа, очень сдружился с

Нестеруком. Легче будет отдать книгу Игорю, чтобы он передал вместо меня. В любом случае, мне уже вот где сидит это праведность.

В электричке, меня впервые посетила мысль – а может так всё и надо? Женщина под рукой, конечно, вещь хорошая, как ни крути, но почему тогда я не завидую молодому квартиранту? И что это за странный смех, что непрошено меня разбирает, как вспомню селёдку под майкой и всё такое?.

Мама Игоря сказала, что он не дома и работает на первом этаже здания Горкома Партии. Здание горкома партии это на Миру, позади серого памятника Ленина, там где когда-то стояла вышка городской телестудии, до того, как её демонтировали. На входе в Горком Партии, я доложил менту номер комнаты и кто именно мне там нужен, так что он меня пропустил.

Комната оказалась пустой, но стоило мне приблизиться к подоконнику, Игорь тут же возник в дверях, явно не желая, чтоб я посмотрел в окно. Он совсем не изменился. Те же очки чайного цвета в золотистой оправе, та же улыбочка под острым носиком. Только уже снисходительная. Понятное дело! Человек встал на рельсы широкой дороги в светлое будущее.

Крестному Отцу он почти не удивился и обещал передать Саше Нестеруку.... Наверное, приятно чувствовать себя выше кого-то, кому выкал поступая в НГПИ всего через месяц как тебе дали школьный аттестат, а тот кто-то уже и армию отслужил. Зато теперь тот пашет на стройке, а у тебя кабинет в Горкоме Партии, пусть хоть и на двоих ещё с одним молодым партийным кадром…

И больше никогда мы не встречались с Игорьком, но я успел бросить взгляд за стекло трамплина в его карьерном росте и увидел потресканный асфальт отмостки под окном, выжженный зноем газончик и фасадную штукатурку «шуба» в глухой стене напротив с укрывистой побелкой тёмно-серым и… больше ничего. До каких бы высот не поднялся он в своей будущей кадровой карьере, ему никогда не увидеть группу высоких Берёз среди строительных

площадок На Семи Ветрах, что так похожи на стройные деревья в летнем мареве Африканской саванны. Даже если показать, он не увидит…

~ ~ ~

И всё же меня неотвязно преследовала томящая надежда, что по телефону Ира говорила со мной радостным таки голосом. Что если?. А и она же не при чём, если тёща надумала выставить меня перед тобой двероломным быдлом. Она наверняка даже не посоветовалась с Ирой, чей голос звучал совсем как у моей Иры…

За подтверждением этих упований, я отправился на Переговорный Пункт Междугородней Телефонной Связи, на одном крыльце с главпочтамтом… Стеклянная дверь и витринные стены отрезали шум трамваев и площадной суеты перед Универмагом. Женщина за длинным прилавком со стеклянным барьерчиком записала в квитанцию город и номер телефона, которому звоню. Я заплатил за три минуты разговора.

Сняв трубку с телефона на своём столе, она сказала кому-то чтобы дали Нежин 4-59-83.

Я сунул квитанцию в задний карман джинсов и стал ещё одним из немногочисленных ожидающих. Когда где-то в другом городе кто-то снимал трубку телефона с заказанным номером, им говорили, что это Конотоп на связи, а чёрный ящик динамика в зале переговорного пункта кричал женским голосом в какую кабину зайти для разговора с тем городом. За стеклом в двери названной кабины вспыхивала лампочка, заливая жёлтым светом тесные стены из прессованных жёлтых листов ДСП. Ожидающий заходил в указанную кабину к телефону на маленькой фанерной полочке в углу над высоким табуретом с малиновым плюшем в обивке сиденья. Не знаю мягким ли было оно или твёрдым, я никогда не садился…

– Алма-Ата! Номер не отвечает. Что будем делать?

– Повторите! – Из динамика плывут отголоски долгих гудков телефона где-то в далёкой Алма-Ате.

– Петрозаводск! Двенадцатая кабина!

О чём разговор в зале станции не слышно, если не начнут орать в трубку из-за плохой связи.

– Алма-Ата! Номер не отвечает. Что будем делать?

– Снимайте! – Посетитель с несбывшимися ожиданиями возвращает квитанцию и получает свои деньги обратно.

– Нежин на линии!

Я захожу в кабину и поворачиваюсь спиной к залу за стеклом врезанным в верхнюю половину туго притянутой двери. Очень трудно говорить, когда сердце трепыхается в са́мом горле.

– Позовите Иру, пожалуйста.

– Кто говорит?

– Сергей Огольцов.

– Сейчас…

– …Да.

И трепыханье вмиг оборвалось, схваченное холодом вечной мерзлоты, что веет из её голоса. Я здороваюсь, что-то ещё говорю, но слышу, что мне никогда не пробиться сквозь этот намертво схватившийся лёд.

– Послушай, я ничего не прошу, но девочке нужен отец.

– Можешь не беспокоиться, у неё уже есть отец.

– Да? Это… это хорошо.

Разговор окончен.

Я направляюсь прямиком на выход, но из стеклянной клетки тамбура оглядываюсь на кабину, где свет уже погас. И я говорю себе: —«Хороше́нько смотри – номер 7. Усёк? Семёрка – это где тебя распинают»…

~ ~ ~

Столько миль и километров и три часовых пояса между Великобританией и Конотопом, но—поди ж ты! – из-за этого

закудыканного королевства или, вернее, из-за коммунистов этого королевства, а если уж совсем в точку, из-за их газеты *Morning Star,* я не присутствовал на свадьбе своей сестры. Потому что—если внимательно вдуматься—именно из-за *Morning Star* меня прикрыли в дурдом по новой.

(…ежедневно читая новости, которые полмесяца назад были новостями в Объединённом Королевстве, начинаешь сопереживать лейбористскому движению, а имена Майкла Фута и Тони Бенна уже не настолько пустопорожний звук типа Суслова, или Подгорного или кто там ещё в тех членах их Политбюро того ЦК КПСС.

Глава Британского правительства, Маргарет Тэтчер перестаёт быть «Дорогая госпожа Маргарет Тэтчер!» как при встрече на высшем уровне вычитывает с листа написанной для него речи Леонид Брежнев с троекратным старческим причмоком на каждом втором слове. Она становится той «железной сучкой», которая заморила голодом 29 ирландских парней, за то что они хотели носить свитера домашней вязки в своих тюремных камерах.

То есть, происходит сдвиг в сторону неадекватного восприятия окружающих реалий. Начинаешь вести себя как шахтёр из графства Кент или работник коммунального хозяйства города Манчестер.

Конечно, я мог бы сослаться на недостаточную информированность, ведь жил же я в эпоху застоя, совершенно о том не догадываясь. Но это слабое оправдание, потому что в одинаково недогадливых условиях жил и тот работник КГБ, который ответил на звонок из СМП-615…)

В разгар лета, когда на бескрайних полях нашей необъятной Родины разворачивается страда ежегодной битвы за урожай, когда шахтёры Кузбасса обещают выдать на гора́ миллионную тонну угля в

текущем году, когда он, упомянутый работник КГБ, всё ещё никак не решит ехать ли ему в субботу на дачу в село Жолдаки или же всё-таки махнуть на Десну, откуда вот уже вторую неделю подряд мужики возвращаются с неплохим уловом…

Разбивая летнюю мягкость ленивых раздумий, зазвонил телефон на столе с известием, которое ему нужно как зайцу стоп-сигнал. ЧП. Сидячая забастовка в СМП-615.

Сколько человек?

Один.

Где конкретно?

На крыльце административного корпуса.

– Ничего не предпринимайте до приезда сотрудников.

Да, я сидел на широком бетонном двуступенчатом крыльце двухэтажного административного корпуса.

Да, это была забастовка, потому что в 10 утра, вместо того, чтобы звякать кельмой и мантулить кирпич на кирпич, я переоделся в вагончике нашей бригады На Семи Ветрах и припёрся на базу СМП-615.

Да, формой протеста была избрана именно сидячая забастовка и, чтобы сидеть за правое дело с комфортом, я приволок деревянный стул, негласно реквизированный на проходной, к двери административного корпуса.

Вокруг шёл классически летний день, в синем небе над производственным корпусом завис плотный клуб одиночного, слепяще-белого облака, ни клочка тени на весь двор, но это его мало колышет, всё что могло – уже расплавилось. Нескончаемая ограда серо-бетонных плит не доросла даже по пояс высокой двухколейной насыпи с быстролётным стуком скорых поездов, за спиной растворо-бетонного узла, в промежутках между солидным погромыхиваньем вагонов и платформ в бесконечных товарных составах в том или противоположном направлении.

Это был обычный деловой день и только я ничего не делал, а только потел в этой рубашке ацетатного шёлка, который такая же

херня как и нейлон, просто малость помягче. Я сидел чуть в стороне от входа, чтобы случайно не стать помехой изредка пользующимся дверью работникам СМП-615.

Два слесаря, мужья Лиды и Виты из нашей бригады, остановились спросить чё эт я тут, а не на работе. Не тратя слов на объяснения, я красноречиво указал большим пальцем правой руки на доску трудовых показателей за месяц, из глянцево-коричневого линолеума, по другую сторону от входа. А главный механик и сам догадался внимательно изучить...

Вообще-то, доска показателей пожизненно висела в вестибюле на первом этаже, не доходя до окошечка, через которое раз в месяц мы получали свою зарплату. Год за годом, задвинутая в самый угол, целомудренная доска хранила нетронутую девственность своего линолеума, хотя кусок мела лежал на нижней планке её рамы... Но вот и пробил её звёздный час и, сдёрнутая с привычных крючков прозябания, избоченилась, опершись на стену в извращённо-наглой позиции, покрытая, как профура панельная татуировками, напыщенным почерком, по которому любой и каждый, без всякой графологии, одной левой и с закрытыми глазами, тотчас же распознает графомана:

Наш профсоюзный босс – лжец!

Слаушевского к ногтю!

Я знаю, что случись нечто подобное где-нибудь в Англии, к доске уже, по очереди, пристраивались бы молодые представители от обеих фракций Лейбористской партии сфотографироваться на фоне, а репортёры всё той же *Morning Star* уже бы брали у меня интервью – за что такая непримиримость к лидеру местного профсоюза?

До сегодняшнего утра, я и сам испытывал к нему одни только симпатии.

Бригадир плотников, Анатолий Слаушевский, имел приятную наружность под стрижкой молочно-белой седины на голове. В Голливуде он запросто сделал бы карьеру на роли благородного шерифа в каждом втором вестерне. Но и у нас благородный вид в

цене и Слаушевский год за годом избирался председателем профкома СМП-615. Должность, считай что, неоплачиваемая, так что он из тех, кто живёт на одну зарплату. Как все. И он думал, что я его пойму, как все, когда утром сказал мне на стройке: —«Не будет дела».

– Как не будет дела?

– А так, шо не будет.

Никогда, даже в самых жутких кошмарах, он и предположить не мог, что его обзовут за это непонятным, но явно закордонным словом «босс» и потребуют—белым по коричневому—ногтевой расправы.

У симпатий короткий век. Месяц назад я готов был его обнять, когда он сказал мне про путёвку в пионерлагерь Артек.

Да ещё как хочу! Всё своё пионерское детство я мечтал поехать в солнечный Артек на побережье Крыма. Теперь-то я не вписываюсь возрастом, конечно, но Леночка рада будет повидать Чёрное море...

Вообще-то, Леночка малость испугалась и стала спрашивать у бабушки, но та сказала, что Артек это очень хорошо. И Леночка уже обошла всех докторов комиссии в детской поликлинике. И даже выбрала уже какой возьмёт с собою чемодан с вещами для Артека.

– Не будет дела.

Месяц назад Слаушевский не знал, что кто-то ещё догадается, что Артек это очень хорошо. Потому-то и предложил путёвку мне, за счёт профсоюза. И не важно, что догадливый оказался из другой организации, и не важно кто из начальства СМП-615 сболтнул тому, другому, про эту путёвку; важно, что в той, другой, организации должность у догадливого повыше, чем кельмой звякать. Консолидация управленческих аппаратов – залог координировано-взвешенных решений, товарищи.

– Не будет дела.

Если живёшь на одну зарплату, ты должен думать логически. Как все. Плюнь всердцах, поскреби в затылке, скажи «блядь!» и вали на

своё рабочее место. Зачем бочку катить на Слаушевского? Он такой же, как всё…

Я в точности знаю как это всё обернулось бы в Англии, но понятия не имею что будет дальше тут, на родной земле. Так что у меня роль созерцателя в ацетатных шелках, вот только пару пуговок расстегну, а то жарища спасу нет…

Из-за бело-кирпичного угла административного корпуса по дорожному покрытию из мягчайше мельчайшей пыли замедлено вплыла белая Волга, осторожно исполнила круг разворота и остановилась возле крыльца – носом туда, откуда возникала. Мотор затих. Водитель выступил, прихлопнул дверь. Два пассажира на заднем сиденьи хранят неподвижность. Он ступил на крыльцо, прочёл две строки поперёк линолеума месячных трудовых показателей и, упорно не глядя на меня, зашёл в здание. Последовал невнятно-краткий диалог в вестибюле. Он вышел, сел в машину, а два его дебелых пассажира вышли и приблизились ко мне.

– Пошли.

– Куда?

– Там увидишь.

Неудобно разговаривать задирая голову в обе стороны. Я поднялся и положил руку на спинку стула: —«Ну хоть стул отнесу».

– Без тебя отнесут.

И каждый, двумя руками, уже ухватил мой бицепс – кому за какой ближе. Аккуратно и медленно, они повели меня к Волге.

Вдалеке, в тени распахнутого входа в производственный корпус, группа наблюдателей из двух слесарей и одного сварщика. Утраченный, но по счастливой случайности вновь найденный этюд-набросок к небезызвестной картине Репина «Арест Пропагандиста».

Архангел слева, подлаживаясь под моё кроткое непротивленство, слегка послабил хватку. Он уже типа как бы прогуливается по братски, приобняв ладонями моё предплечье.

Я кричу водителю: —«Этот левый сачкует!» Хватки тут же твердеют, с обеих сторон. Их «лево» от «право» отличать не учат? И

вот мы втроём на заднем сиденьи, я неизменно в центре. Как тот ё… то есть… своёобразный король на именинах.

Пока Свайциха открывала ворота—первый и последний раз я видел их запертыми—я покричал ей, чтобы забрала стул с крыльца, который я одолжил на проходной. И Волга погнала в Конотоп.

После ещё одних ворот, мне сказали пересесть в УАЗ-фургончик с глухими стенками. Через окошечко в кабину водителя и последующее ветровое стекло виднелись Тополя возле Медицинского Центра.

Последовало долгое ожидание, затем задняя дверь распахнулась. На тротуаре стоял психиатр Тарасенко. – «Да, это он». На эти его слова дверь хлопнула снова, как опадающие веки Вия вслед за успешным опознанием Хомы, и меня повезли в Ромны. Без всякой добровольности с моей стороны.

~ ~ ~

То, как ты выглядишь, напрямую зависит от того насколько хорошо относится к тебе зеркало, в которое смотришься. Я не раз замечал это: в одном – я шикарен! В другом: и этот упырь – я?!

Самое влюблённое в меня зеркало представило моё отражение из видавшего виды трюмо в правом углу холла пятого отделения областной психбольницы в городе Ромны (50.75 с.ш., 33.47 в.д.). Оно без обиняков мне показало до чего я всё-таки красив. Да, по-мужски, и причём без всякой кинематографической слащавости, как типа там Бельмондо или Ник Нолти, нет, вот просто мужская красота какой и должна быть.

В те три месяца в Одессе я смахивал на Владимира Конкина или же его под меня гримировали в *Место Встречи Изменить Нельзя*. Но не суть важно кто на кого смахивал, а кого под кого и так далее, главное, что тут, из трюмо, на меня смотрел необычайный, для стереотипных стандартов, красавец кисти Тициана. Красная пижама в тонкую, как иголочка, прерывисто-жёлтую полоску, коричнево-мягкие, слегка осветлённые солнцем волосы, но главное

достоинство – цвет глаз. Небывалый цвет, невиданный. Цвет плавящегося мёда.

И пусть капитан Писак, составляя мой словесный портрет перед строем первой роты твердит: —«Вы на глаза ему гляньте! Глаза-то рысьи!» Но нет, капитан, зеркалу врать незачем – хорош красава! Жаль только, что кроме меня никто меня не видит. Холл пуст и тих коридор. Десяток прикрытых в палате наблюдения, а остальной личный состав пятого отделения весь световой день (с перерывом на обед) держат на Площадке.

Ведь это ж лето!.

Когда на Экспериментальном Участке Ремонтного цеха Конотопского Паровозо-Вагоноремонтного завода мы, слесаря этого участка, в конце рабочего дня дожидались пока истечёт самый тормознуто-тягучий, заключительный получас рабочего времени и, упёршись спинами в тиски поверх верстака, болтали о том, о сём, но в общем-то, ни о чём, некоторые из молодых слесарей сходились во мнении, что неплохо было бы опять попасть на службу в армии, но только уже теперь, когда знаешь что к чему и, конечно же, не на весь срок в два года, а пусть там на неделю, может две, но не больше как на месяц…

Мне, на тот момент предстоящему призывнику, такие разговоры казались малоубедительными, однако, теперь я готов согласиться, что одни и те же явления действительно могут выглядеть довольно-таки по разному.

На первый взгляд, недоуменно округлёнными глазами, вещи могут показаться такими, но наблюдая их же с высот приобретённого опыта, начинаешь в них различать отнюдь даже эдакое. А месяц это херня. В дурдом меньше как на 45 дней тебя не прикроют. Сорок пять дней это половина сезона: половина лета, половина весны или когда уж там тебя хапанули на ходку.

Как завсегдатай пятого отделения, я это уже знал, совместно с некоторыми прочими нюансами, но бывать летом тут ещё не приходилось. На меня, как закоренелого рецидивиста уже не стали

тратить столь ценный инсулин. Меня ведь не лечиться сюда направили, а для принятия воспитательно-карательных мер через аминазин. 3 экзекуции в день помноженные на 45… я знал во что они превратят мой зад в предстоящие полсезона. И, как пациента экономкласса, меня поместили в палату пошире, № 8. Чем больше страждущих проводят ночь вокруг тебя, тем выше шанс пробудиться ночью воем их ночных кошмаров или стать свидетелем диких разборок при свете неумолимо негасимых ламп.

> *(…у всякого лета есть свои минусы, прежде всего наплыв. Любой житель любого курортного города согласится – как эти толпы понаедут, житья нет…)*

В летний период пятое отделение обслуживало, в среднем, на 40 прикрытых больше, чем в другие сезоны. Чтобы всем досталось где спать, в восьмой, например, палате, две вплотную поставленные койки служили для размещения от трёх до четырёх постояльцев на ночь, смотря как повезёт. В те полсезона мне везло и так, и эдак.

Зато имелось громадное «зато!» – лето снимало проблему помытого и, следовательно, запертого туалета, потому что мы весь день проводили на Площадке.

Площадка это площадь 40 м х 40 м. Три стороны периметра, включая ту, где входная калитка (левая сторона квадрата площади), представляли собой крепкий забор из грубых серых досок высотой 2,2 м, вертикально прибитых бок о бок. Четвёртую сторону обтягивала крупная железная сетка на высоту двух метров от земной поверхности, чему способствовали стройные бетонные стойки. Вдоль забора в основании квадрата тянулся тридцатиметровый навес – двускатная крыша из ржавой жести с опорой на столбики из красного кирпича.

Десятки поломанных железных коек беспорядочным навалом грудились почти до самой жести в крыше навеса, треть тени которого уходила на покрытие этой трофейной пирамиды. Две ещё

живые койки стояли у склона навала, поверх сетки каждой синее сукно лагерно-армейско-больничного одеяла. Когда шприцы дневных уколов спускали с третьего этажа на Площадку, прикрытые, вызываемые пофамильно, подходили к застланным койкам, спускали штаны, ложились спиной кверху и получали свою дозу, в порядке очереди.

Пара полукресел в чешуйках хромировки на откровенно ржавых ножках, игриво проглядывающих через лохмотья кожзаменителя, приткнуты спинками, страховочно, в кирпич опор крыши – ох, избалованы комфортом медбратья пятого. В дальнем конце навеса, возле ограды из сетки, одиноко грустила пара низкорослых скамеечек из фанеры, перпендикулярно встопорщив спинки, жёсткие, как в школьных партах.

По ту сторону площади, под забором, ставшим верхней стороной квадрата, три толстые доски, приколоченные поверх врытых в землю обрубков, образовывали пунктир из трёх последовательных лавок. Дополнительная шеренга из трёх лавок такого же точно дизайна тянулась вдоль третьей дощатой стены (та, где входная калитка (левая сторона квадрата площади)).

Возле железо-сетчатой стороны квадрата сидеть было не на чем, но недалеко от неё—в правой верхнем углу площади—стоял туалет типа сортир: будка из трёх ржавых стенок и такого же куска жести на крыше, над одной общей кучей. Дверь в сортире отсутствовала, для удобства медбратьев надзирающих, чтобы посетитель не пытался покончить с собой или как-то иначе осквернить помещение.

Грунтовое покрытие Площадки было голым и твёрдым, с добавкой мелкой глинистой пыли вытоптанной из грунта… И это всё?.

Нет! Есть ещё целых два «зато!» – полоска зелёной невытоптанной травы по ту сторону сетки-забора, и летнее небо с белыми облаками поверх всех и вся.

~ ~ ~

Солнце всходило из-за высокой крыши пятого отделения и отброшенная крышей тень начинала неприметное возвратно-поступательное движение от железной сетки к противоположному забору из досок. Пока нас водили на обед, тень переваливала через забор и мы её уже не заставали, но знали, что солнце с прежней неуклонностью продолжит путь над стройкой одноэтажного корпуса, метров за шесть от железной сетки, и ещё дальше, не видать куда, а чётко очерченная вечерняя тень поползёт всё выше по стене пятого отделения, аж до самой крыши, где затеряется в густых сумерках, а значит скоро поведут в отделение на третью кормёжку, уколы и ночёвку.

Но только после омовения ног в подъезде. Все 120 человек, по очереди, вступят, один за другим, в один и тот же жестяной таз, наполненный одной и той же водой. Два полудурка, коленопреклонённые на выходе из таза, оботрут все 240 ног, по очереди, одной и той же парой вафельных полотенцев, мокрых как хлющ. Этот обряд заставлял соприкоснуться с чем-то Библейским, Новозаветным даже… мытьё ног очереди составленной из ну как бы апостолов. Должно быть, это впечатление складывалось из-за полутьмы, которую не мог рассеять скудный отсвет лампочки откуда-то на лестнице, над вторым этажом…

Знакомых лиц встретилось штук десять. Цыба в первый же, после моего привоза, вечер поспешно подошёл по коридору, мельком взглянул и отвернулся:

– Э! Не тот уже!

И больше он не пожелал со мной общаться.

Саша, который знал моего брата Сашу, по прежнему придерживался бритоголовости, но беспробудно спал. Утром, когда наш бурно-радостный поток вливался сквозь калитку на Площадку, он падал на койку для уколов и только в середине дня, не просыпаясь, уделял часть её для укладки—по очереди, спинами вверх—тех на кого принесли шприцы экзекуции, заправленные в манипуляционном кабинете…

С приходом на Площадку первые час-полтора, покуда солнце не выжарит прохладную свежесть утра, я валялся на одной из лавок вдоль верхней стороны квадрата. По ту сторону забора находилась Площадка четвёртого отделения, чей вой и визг по мощности не уступал нашему.

Иногда надо мною стоймя зависал кто-нибудь из малость сдвинутых и сам себе бубнил как это нечестно, что подо мною одним столько места для меня одного. Приходилось спустить ноги на землю и сесть, потому что я не мог его послать на три доски-лавки вдоль забора с калиткой – там территория достигших полного освобождения, гимнософистов.

Те общались криками бабуинов и варились в собственном соку жизни свободной от лишних условностей, не обращая внимания, что кожа их голых тел, не однажды сожжённая солнцем, потрескалась до крови, впрочем, та прожаривалась и бралась корочкой…

Вот лидер сообщества, где никому ни до кого нет дела, наскучив монотонностью качанья торсом—как метроном, но только взад-вперёд, и в сидячем положении—с рёвом Тарзана срывается на пару метров вглубь Площадки, затем лишь, чтобы вернуться вспять, на доску-лавку, и продолжить маяться маятой метрономаятника. Попутно он одним пинком заваливает философа такого же прожарено-керамического оттенка, который сидел на корточках, поближе к земле, и отвлечённо вычерчивал что-то пальцем в пыли, а локтем сдвигал свои висячие яйца в сторону, чтоб не заслоняли формулу.

"Noli turbare circulos meos!”

В свой тайм-аут следующий вожак одним ударом сметёт с лавки другого голого соседа, чего тот и не заметит даже, поглощённый верчением в пальцах безлиственного прутика (длина 16 см, один конец надломлен за 4 см от края, образуя угол в 163°) не прекращая, уже лёжа на земле, с той же безмятежностью как до нежданного разряда шаровой молнии, сосредоточенно добывать

огонь трением верчения о воздух (ОТКУДА ОН ВАЩЩЕ МОГ ВЗЯТЬ ЭТОТ ПРУТИК?).

Медбратья никогда не вмешиваются в суверенно внутренние дела на досках самоуглубившихся, покуда вой-визг-рёв на их свободных территориях не зашкалит предел допустимого. А если да, медбратья берут на себя роль мирового жандарма и, при содействии добровольцев из полудурков или из совсем того, выдёргивают бесноватого нудиста с лавок-досок и фиксируют его распятым на вторую из недобитых коек у склона металлоломного Монблана под навесом, рядом с той, где спит Саша, который знал моего брата Сашу…

Жара и меня под навес загоняла, там я садился на одну из фанерных скамеечек, которые честна́я компания чокнутых игнорировала из-за их безжалостных спинок. Действительно, высидеть целый день на бескомпромиссно плоской плоскости задача не из лёгких, под вечер уже не знаешь на какую из половинок переваливаться.

Сама же Площадка пребывала в состоянии безостановочного движения: туда-сюда, взад-вперёд: кругами, зигзагами… Куда? Зачем?.

У забора позади лавок, на которых я валялся утром, сменяются спины в шеренге прикипевших к щелям между досками. Кто-то хихикает в расселину, другой подзывает приятеля со сдвигом, третий дрочит сквозь карманы в штанах (да, пижамы не догма, так и передайте Маргарет Тэтчер), потому что четвёртое отделение, пребывая на одном с нами уровне умственного развития, сформировано из больных противоположного пола, среди которых тоже имеются абсолютно свободные, раскрепощённые догола сторонницы гимнософизма.

Это всего лишь мои предположения, потому что я никогда не приближался к щелям вертепа и повидал всего одну из наших соседок. Черноволосая, худая, лет тридцати, она всплыла с голой грудью над забором и балетно заторможенным взмахом руки

бросила пышный цветок в пыль под нашими ногами. Полудурки затеяли свалку вокруг её цветка, а саму её резко сдёрнули с той стороны забора, но грудь была красивой формы…

Трижды в день, для разминки уплотнённых уколами ягодиц, я покидал сень навеса и ходил по Площадке замедлено широкими кругами. При этом, я наизусть воссоздавал уме строки *Романа Без Картинок*, который зародился у меня ещё на воле, но окончательно оформился уже тут.

Общий объём романа не превышал одной страницы текста и мне было важно не утерять ни одной запятой и не допустить подмены слов ползучими синонимами, ведь ни карандаша, ни бумаги у меня при аресте не было.

Заправка

[роман без картинок]

Возможно, он выложил сил больше, чем стоило, налегая на ручку, но сбой и повторная попытка, как ни крути, ведут к подрыву самоуважения, то есть – к концу.

За дверью его встретил тёплый густой полумрак. Сбросив плащ на поперечину справа от входа, он двинулся между чёрных силуэтов столов и стульищ к мутному световому пятну в глубине. Оно заключало лицо и пальцы женщины занятой рукодельем.

– Здравствуйте, – сказал он. – Стакан сока и бутерброд.

Женщина придвинула заказ и приняла плату.

Он опустился за ближайший стол и принялся жевать, раз-другой поведя взглядом по сторонам.

– Что нового в прекрасном вашем городе?

– А вы разве не наш?

– Я? Всехний.

– Как это?

– Куда ни попаду, там и местный.

– А что у нас? Ничего нового…

…над городским стадионом висит вонь нечистот из разодранных кишок христианских мучеников, которых рвали днём хищники на

потеху почтенной публики...

– И не происходит ничего...

... ***на центральной площади ветерок играет пеплом нечестивых еретиков, сожжённых добрыми христианами...***

– Каждый день одно и то же...

...в скверу группа аристократов-недорослей сечёт тростями тело изнасилованной ими крестьянской девки, любуясь как набрякает кровью и лопается белая кожа...

– Что вчера, что сегодня...

...дюжина крестьянских чад, покачивая иглами штыков на ружьях, ведёт переулком табунчик аристократов к ближайшему оврагу за городской чертой...

– Одно и то же, каждый день...

...на тротуаре блондинка с чёрным дипломатом настигает заджинсованную парочку, через миг её вельветовый балахон черкнёт под коленкой крайнего...

– Какие уж тут новости...

... ***над песочницей детского сада сходятся в лобовой атаке летающая тарелка кассиопеянцев и боевая капсула антимирян...***

– Завидная участь, по-людски живёте, – заключил он, опуская пустой стакан. – В мире и добре.

Однажды, чересчур поглощённый пунктуацией ненаписанных строк, я неосторожно переступил невидимую границу вдоль досок абсолютно свободных, но серия быстрых ударов по корпусу и в голову вернула меня в окружающую действительность...

Я не мог позволить этой действительности поломать мою систему выживания в пустоте и по воскресеньям отправлялся на пляж. Для этой цели, я выволакивал две фанерные скамеечки из-под жести навеса к сеточной ограде—подальше от слишком свободных среди прикрытых—и весь день принимал солнечные ванны, с перерывом на обед и когда крикнут идти получать свой шприц в задницу.

Упрямо, вылёживал я целый день, жмуря глаза под горячим солнцем, а окружающий звуковой фон в точности воспроизводил

визг и крики переполненного пляжа…

По привозу в пятое отделение, вместо трусов мне выдали кальсоны с тесёмками, чтобы привязывать их к лодыжкам. Как ни старался я, никак не получалось закатать их штанины повыше колен. Вынужденный, наконец, сдаться, на фанерно-скамеечном пляже я их вовсе снимал, а чресла обматывал майкой.

В одно из воскресений дежурила заведующая и до глубины души вознегодовала, из-под навеса, на фривольность моего костюма:

– И это человек с высшим образованием! – возмущённо воскликнула она из тени.

Как она вычислила на таком расстоянии, что под майкой нет ничего, кроме голого меня? Дедукция подсказывает, что её выручила детская считалочка про «А и Б сидели…»: если пижама под головой, а перемазанные сукровицей подштанники висят на спинке скамеечки, то какая труба осталась под гульфиком из майки?.

На следующий день после того, как она подмочила мою репутацию оглашением компрометирующей связи с вузом, ко мне подошёл Таратун, из новой волны прикрытых. Он пригласил меня к сотрудничеству в деле создания ядерной бомбы, где у них уже подобралась неплохая рабочая группа.

Я сказал, что спасибо, но, сказал я, такая задача потребует расщепления ядер, а мне все эти кувалды-ломы и прочая хренотень уже в кишках сидят… Он больше не повторял приглашение…

Среди медбратии тоже вынырнули новые лица. Один невысокий такой, с прекрасной шевелюрой мелких рыжих кудряшек и перебитой правой ногой, например. Или, может, она просто у него короче оказалась, но он глубоко припадал на ту сторону.

Другим был стройный черноволосый юноша в крахмально-белом халате медперсонала. Только он один обращался ко мне на «вы» и собирался стать студентом медицины в Ленинграде.

Ну, а тем временем, набивал руку уколами в мою многострадальную ж…, повыше спущенных штанов с кальсонами и—

мне в утешение—постоянно жаловался, что просто места не осталось куда воткнуть, потому и кровит столько.

Однажды вечером, когда мы, с гиканьем, вернулись после дня на Площадке, тот голый пропечённый солнцем качок-маятник – весь потный и облипший пылью (кроме мокрых ног), прижался к двери «манипуляционный кабинет» в холле перед палатой наблюдения. Юноша-медбрат, так чтобы не запачкать свой белоснежный прикид, отогнал его прочь высокими пинками своих начищенных до чёрного блеска туфлей.

– Вы представляете? Теперь дверь мыть придётся! – поделился он своим возмущением.

В тот момент мне показалось, что могу понять качка гимнософиста – прижать своё истёрзанное солнцем тело к такой чистой, источающей прохладу двери... даже хоть и заперта...

Когда-то Г. Дж. Уэльс написал роман *Когда Спящий Проснётся*... Бритоголовый спящий Саша проснулся на койке под навесом и, не открывая глаз, произнёс: —«До чего смешная фамилия – Таратун!» Секунду спустя вопли медбратьев слились с повседневным гвалтом Площадки... Я повернул голову.

Позвякав железом сетки, Таратун перемахнул её двухметровую высоту и скрылся за близлежащей стройплощадкой. Медбрат, припадая на правую ногу, подбежал к ограждению, но хватило мозгов сообразить, что даже пробовать не стоит.

Он снял свою белую робу, передал напарнику медбрату и ушёл. Вскоре другой медбрат явился заполнить его место на излохмаченном полукресле.

Площадка пребывала в возбуждении до позднего вечера, даже дрочить перестали. Перед обрядом мытья ног, колченогий красноголовец прихромал на Площадку, довольный как слон. Поймал эту падлу!

Мы поднялись наверх на этаж отделения, некоторые наведались в шестую палату, где Таратун уже лежал на койке, прификсированный и умиротворённый уколом серы.

Затягиваясь окурком сигареты, которую один из полудурков коленопреклонённо удерживал перед его губами, он утомлённо повествовал. Убежал на окраину города и спрятался за кустом в глубоком овраге, никто его не видел, там даже и хат нет. Как этот рыжий падла ващще его там нашёл?

(…а меня снеда́ла грусть-тоска из-за белых пятен в учебниках психиатрии. Они там зациклились на своей шизофрении из монографий, а тут раскрываются необозримые просторы непостижимых человеческих возможностей!

Как спящий Саша узнал о побеге Таратуна, прежде, чем тот случился?

Что привело рыжего в нужный овраг и к тому самому кусту, за которым застыл беглец?

Целой уйме вопросов не найду я ответа. Никогда… А остальным до них и дела нет…)

~ ~ ~

Этот высокий, озабоченно исхудалый брюнет выделялся среди представителей новой волны прикрытых выражением нормальности на своём задумчивом лице, но легко возбуждался от дежурных фраз. Однажды он начал говорить о каких-то фашистах готовых идти по трупам для достижения своих фашистских целей.

Я пожал плечами и вежливо поддержал беседу: —«Цель оправдывает средства». А это был неправильный ответ, потому что он решил будто я выгораживаю неизвестных мне фашистов и тут же вспылил. Но обошлось без рукоприкладства за неловкую реплику.

Так совпало, что он тоже работал на стройке и его привезли в пятое отделение около восьми часов вечера прямо со стройплощадки.

– Ваша бригада работает в две смены?

– Нет, мы кончаем в пять. Я пошёл туда прикинуть с чего начну на следующий день.

Голу́ба душа! Так ты припёрся на рабочее место после пяти, да? Они правы – твоё место тут, с нами!

Ах да! На Площадке была даже музыка! Её поставлял прикрытый с баяном. Репертуар охватывал две-три песни: «По Дону гуляет..», «Ты легавый, я блатной» и… и это всё, кажется.

Исполнятся номера начинались утром с интервалом в один час. Интервалы всё укорачивались и таким путём он достигал совершенной виртуозности исполнения, к которой под вечер добавлялось пение, без претензий, но в тональности.

В сумерках номера катили один за другим, без паузы, один за другим, и снова один за другим. Упорно гоняя эту пару, после захода солнца баянист вводил Площадку в состояние предоргазменно экстатичной сумеречности, он превращал нас в единый организм, где каждый орган делает что ему положено.

Кто-то хором подпевал, другие плясали, даже абсолютно свободные, сливаясь с вечером своим керамическим загаром Аборигенов, начинали привизгивать как-то в такт, хотя и без прихлопов. Я видел пожилую медсестру, обуянная общим порывом к оргазму, она вовсю выплясывала и гейкала в кругу полудурков под лампочкой, что изливалась жёлтым светом в густеющие сумерки… Не скажу, что подобная эйфория накатывала каждый вечер, но случалась.

Потом баяниста выписали, его сорокопятидневка истекла. Два дня нам на Площадке чего-то не хватало. Но вдруг, после полуденной кормёжки, с неловкой улыбкой на лице, он ступил в калитку с баяном подмышкой, потому что утром того дня он одел свой галстук и пошёл в горисполком указывать руководству на их просчёты-недочёты в управлении городом Ромны…

Иван Король оставался бы вполне нормальным, но фамилия всё же довела человека до мании величия и вот он тут, среди нас, один из нас, хоть и с высокомерно монаршими замашками.

Династическое достоинство не позволяло ему залипать у щелей в четвёртое отделение, он был гурман. Король Солнце (Louis le Roi Soleil, если кого-то бабушка мучила Французским). Он устраивал засаду на штукатурш соседней стройки, выжидая когда те выйдут на крылечко в заляпанных раствором спецовках, и отправлялся в ржавую коробку сортира, где, выглядывая сквозь дырки от гвоздей в долгой карьере кусков жести, размашисто гонял широкое кольцо из пальцев вдоль своего августейшего члена—туда-сюда—стоя в профиль к остальным придворным Площадки. Хорошенький пример для подражания суверенным подданным, а? Отсудоровжись, он покидал Версаль опустошённой, но царственно церемониальной походкой.

Одна из штукатурш взяла щётку для побелки, положила на крыльцо и принялась тюкать топором по концу типа как бы подравнять, а может просто мстила.

Звучный мужской голос прорезал джунглевую какофонию Площадки: —«Доску подложи! Топор тупишь, дура!»

У неё аж челюсть отвалилась, никак не ждала поучений с этой стороны, она думала тут одни керамические.

Ну просто терпеть не могу, когда инструмент портят. Наверное, тут наследственная идиосинкразия…

(…пока что, я всего лишь обозначил внешние контуры Площадки, скорлупу, так сказать, оболочку. Но в чём же суть её? В чём смысл во всём этом хаотичном движении, либо же в застывшей, забившей на всё неподвижности? Существует ли он вообще? Безусловно и несомненно..

Бульонно кипящий хаос похлёбки из суматошных ингредиентов и недвижно залёгших на дно овощей, не что иное как срез составных и, вместе с тем, слепок духовного состояния рода людского. Вопрос «а вкусно ли варево?» к делу не относится. Итак—навскидку, но без промаха—нутро Площадки легко распределяется по следующим категориям:

а) медперсонал, они же суки в белом, они же… и т. д, и т. д;

б) малость того́, они же не все дома, они же сдвинутые, они же долбонутые, они же… и т. д, и т. д;

в) чокнутые, они же шизики, они же… и т. д, и т. д;

г) полудурки, они же ебанаты, они же… и т. д, и т. д;

д) совсем того́, они же отъеханные, они же безвозвратно свободные, они же… и т. д, и т. д;

Прежде всего, исследователю необходимо чётко уяснить размытость и подвижность границ между вышеизложенными категориями – некоторых медбратьев от некоторых категорий отделяет лишь цвет униформы.

Во-вторых (и это архиважно!), пробным камнем, что позволяет проводить разделительную черту, является возможность использования индивида в интересах текущей общественной формации, которая создаёт подобные Площадки. Такая формация необходимо должна быть текущей. (выделено мною.)

Теперь по порядку.

Страдающие сдвигом по фазе отличаются от нормальных своей неспособностью всегда и при любых условиях оставаться таким же как все. Отсюда, для всех, кто постоянно как все, они – не все дома. Дон Кихот, например, будучи сдвинутым по фазе, превосходно вписался бы в ряды нормальных предыдущей формации, где выглядел бы таким же как все.

Шизики, эти непостижимые гении, создают теории относительности, вероятности, и т. д., пишут Поминки Финнигана, после чего нормальные вынуждены прикидываться, что они смыслят хотя бы малейший бельмес из всех тех теорий и литературных произведений. Естественно, они ищут лазейки во избежание напряга и, если ты пытаешься толкать свои бредовые идеи не прикрываясь соответствующим дипломом – добро пожаловать в пятое отделение.

Гостеприимный курорт Площадки ждёт вас распахнув братские объятья!

Полудурки не в состоянии последовательно изложить логику своих действий, однако, располагая опорно-двигательным аппаратом достаточным для перемещения тяжестей и способностью к размножению, они являются становым хребтом любой формации. Просто порой требуется вправлять мозги этим санчо пансам, чтоб утирали своё раззявленное хлебало и не переходили бы улицу на красный.

Ревущий Тарзаньим воем отъеханный, достигший абсолютной свободы от условностей морали и поведенческих моделей человечьей породы, легко станет своим в семье бурых медведей, или же в утраченном и, к сожалению, так и не найденном м-ром Ч. Дарвином, переходном звене от обезьяньего к человеческому стаду, но текущие нормальные не находят применения его способностям.

Да, но зачем мы друг другу? Зачем нормальному абсолютно свободный? Не будемте забывать о подвижности и взаимоналожении категорий, до прихода к абсолюту, отъеханный начинал в категориях нижней лиги. Кроме того, некоторые нормальные (или же исключительно одарённые притворщики) могут всё ещё лелеять надежду на возвращение отъеханных из необъятностей свободы.

"Shine! Shine on!
You, crazy diamond!"

Не бойся, партнёр! Фиг они догонят! Им не дано подняться до сияющих вершин твоей абсолютной свободы…

Из какой лично я категории? Методом исключения лишнего, я неопровержимо оказываюсь в не все дома. Ведь нормальный не позволит себе роскошь ржания, когда наедине с самим собою, а по телевизору, при этом, не включён на Comedy Club.

К тому же я слышу голоса, таить не стану. Во сне. Я сплю, а они мне читают – таким отстранённо обезличенным тоном—

куски прозы. Неплохо сложенная ёмкая проза – я так не умею. Смахивает на сценарии голливудовских фильмов. Голос сменяется визуальной иллюстрацией, а при смене в сюжетной линии, он снова начинает бубнить. Мне лично эти голоса не нравятся – спать мешают, просто выключатель их никак не найду.

Моя принадлежность к отъехавшим и полудуркам исключается моим отвращение к нечистотам, как физическим, так и умственным… Ну и с моим IQ я не потяну на гения. Я не проверялся, но точно знаю – не моя категория.

По ходу жизни, приходится промелькивать в любой из категорий, потому что любой из нас всего лишь капля в потоках и приливах текущей формации. Иногда поток выносит меня на стрежень, а инде и в тихой заводи прохлаждаюсь.

О чём, собственно, и речь в моём письме, к которому, кстати, давно пора вернуться…)

~ ~ ~

Всё возвращается на круги своя и сорок пять дней спустя я вернулся в нашу бригаде. Через пару месяцев или того около, ягодицы тоже вернулись к своей прежней нормальности. Тело заплывчиво. Вот только, проходя по улицам Посёлка, чьи пыльные колдобины под будущие лужи уже заполнились россыпями яблок-падалок, щедро вытащенных вёдрами из огородов на дорогу, я печалился, что как-то всё катится без меня.

"Вот и лето прошло,
Словно и не бывало..."

На Декабристов 13 появился Гена, муж моей сестры Наташи, отпрыск зажиточной прослойки населения. Его мать, Наталья Савельевна, лицом и синими глазами походила на заслуженную киноактрису из Мосфильма, а работала в ресторане на Вокзале, откуда каждый вечер приходила с сумками съестного. Муж её, Анатолий Филиппович, уже вышел на пенсию, на всех покрикивал и пил свои лекарства – неоспоримый представитель руководящего звена. У молодожёнов пока не всё ладится с родителями мужа, но на всё своё время...

Да, свадьбу я пропустил, но нет худа без добра – Леночка всё же поехала в Артек. Дело выгорело, несмотря на пессимистический прогноз председателя Слаушевского, он же «босс». К тому же дёшево так – я и копейки не заплатил, всё за счёт профсоюза.

Повидала ли Леночка свою мать Ольгу? Ведь Феодосия тоже в Крыму. Я не знаю. Я никогда не умел задавать элементарно-бытовые, простые вопросы...

Молодожёны вернулись жить с родителями Гены и, в виде свадебного подарка, я поставил во дворе их хаты стены для гаража и летней кухни объединённых в один сарай. Крыша, конечно, не моя забота – от меня лишь стены, углы и проёмы. Ну ещё там перегородки в ванной внутри хаты. Так, по мелочам....

Почту, которую мне доставляли на Декабристов 13, домашние перекладывали на вторую полку этажерки, под ноги Иры на фотографии сделанной во время её пионерской практики в городе Козельск на севере Черниговской области. Она стояла посреди летнего ручья в чёрных спортивных штанах закатанных выше коленок, и улыбалась из-под пластмассового козырька её косынки… Почта не менялась – раз в месяц журнал *Всесвiт* на Украинском языке. Я раскрывал его, с закрытыми глазами, и нюхал где-нибудь из середины – мне всегда нравился запах свежей типографской краски…

Однако на этот раз нюхать было нечего, у ручья лежал конверт, который мне не понравился с первого взгляда. Такое впечатление, будто его второпях вспороли кухонным ножом, а потом, в испуге, заклеили канцелярским клеем, навозюкавши, на всякий, втрое больше, чем надо. Тут явственно чувствовалась рука дилетанта, проба пера подрастающего поколения.

Я открыл конверт сбоку, но всё равно пришлось отдирать бумажку прихваченную клеем, пожертвовав частью машинописного текста.

– Что там, Серёжа? – с тревогой спросила моя мать.

– А Леночка тебе не говорила?

– Нет.

– Ну ещё скажет.

Это был вызов в городской народный суд по случаю иска жительницы Нежина, гражданки Иры, о расторжении брака, поскольку семьи никогда, фактически, не было, а я безвылазно зависаю в психбольницах с диагнозом шизофреника…

В бракоразводной очереди на втором этаже народного суда я оказался вторым – вслед за парой местных расторженцев крупной комплекции разочаровавшихся в институте брака. Они смахивали на пару разобижено напыженных голубей-дутышей, никак друг с другом не разговаривали и старательно смотрели в разные стороны.

Девушка, чуть старше двадцати, пригласила их зайти на процедуру.

Несколько минут из-за двери слышались монологи различной громкости, но одинаковой неразборчивости. Потом голубки вышли из двери, не воркуя и всё так же не глядя друг на друга, но одинаково раскраснелые, словно из одной парной. Друг за другом—мужик первым—они удалились.

В комнате похожей на коридор, чьи продолжением она, собственно, и была, два стола образовывали букву «Т». Судья сидел по центру верхней перекладины подпёртый парой заседателей, по одному с каждого бока. Это были белобрысый мужик военно-спортивной выправки лет за тридцать и женщина превалившая за сорок, которой всё это вот уже где. Девушка-писарь сидела за столом вертикальной палочки буквы, где тот стыковался с верхней.

Судья мне сразу понравился – интересный мужчина тридцати пяти лет, похожий на судей из вестернов. Пиджак он снял ещё до меня и даже расстегнул жилет на пару верхних пуговиц – показать воплощение истинно Западной демократии.

Я решил подыграть ему и, расположившись на стуле за метр от основания «Т», принял свою излюбленную позу ковбоя на привале – левая нога вытянута и упёрта в пол пяткой, а правая пятка отдыхает поверх левой ступни.

– А ну сядь как положено! Не понял куда пришёл? – вызверился белобрысый.

– Если вы продемонстрируете как сидеть по стойке «смирно», я с удовольствием повторю, товарищ ефрей…

– Хорошо-хорошо! – вмешался судья как рефери на ринге криком «брейк!», чтобы боксёры не превратили благородное искусство мордобоя в неуправляемую грызню уличной потасовки: —«Пусть сидит как хочет!»

Затем он зачитал иск гражданки Иры про отсутствие семьи и психушки с диагнозами. Закончив, он обратился с вопросом к ответчику: —«Что вы на это скажете?»

– Моя жена всегда и во всём права. Каждое слово её – святая, чистая правда.

Девушка-писарь запротоколировала, что не только у Цезаря жена вне подозрений.

Тут судья применил свою домашнюю заготовку, козырь, которым втянулся раскочегаривать разводников: —«Но неужели в вашем браке не было хоть чего-то хорошего?»

– Как не быть, – отвечал я, приосанившись. – Мы были не просто хорошими, а лучшими любовниками в институте. На нас равнялись.

Покосившись на невинный румянец, что вспыхнул на щеках девушки-писаря, судья объявил, что этого достаточно и суду всё ясно.

Так расторглись мои брачные узы с Ирой.

~-~-~

~ ~ ~ бурлак-одиночка

Хлёсткие отповеди народному судье расправили мою грудь, но не надолго. Всё скатилось обратно в страдальческую колею – увязать-буксовать: за что?! я же ж так любил! я так старался... Вместо ответа являлось прилипчиво томящее мечтание, что в один прекрасный день Ира всё равно придёт и всё снова станет хорошо, как-то...

Факт, что этим разводом Ира с прямолинейно логичной неоспоримостью расчищала путь в свою дальнейшую жизнь без меня, ничуть не умалял томления по несбыточному и не снимал беспочвенных надежд, что всё равно всё как-то будет хорошо...

Однако страдать без передыху заколёбывает своей монотонностью и мало-помалу у меня сложилось твёрдое мнение, что развод как-то надо отметить. Но как? Никаких конкретно обрядов для такого повода я не знал и оставалось лишь импровизировать. Несомненно одно – мне нужен день не такой как остальные прочие. И именно за таким днём я и поехал в Киев.

Бабье лето в тот год настолько распоясалось, что туда я отправился в пиджаке, хотя шла уже первая неделя ноября. С учётом показаний календаря о глубине погружения в осень, под пиджаком ехал, частично виднеясь, жилет тёмно-серого сукна. Он не являлся составной частью какого-либо костюма «тройки» и пошит был ещё в мои школьные годы всё той же остроносой портнихой в ателье у автовокзала... Таким вот фраером (плюс рубаха и штаны, не говоря уже про туфли) я вынырнул из инфернальных глубин киевского метрополитена на станции Хрещатик и не спеша двинулся вдоль его привольного тротуара меж колонн могучих Каштанов.

Дошагав до улицы Красноармейская покрытой серой, до блеска отшлифованной движением брусчаткой, я пошёл под уклон к магазину Зарубежная Книга, чтобы сделать себе подарок по случаю текущего празднества, который облюбовал уже давно, во времена

командировки на реконструкцию молочного завода. Но дождался ли избранный? Досадную тревогу пришлось рассеивать праздным наблюдением событий несвязной жизни тротуара. Однако я был почти уверен и не слишком-то удивился, когда ярко-красная суперобложка *Chamber's 20th Century Dictionary* замаячила всё с той же самой полки большого магазина.

Продавец, с оглядкой на мой праздничный наряд—из-под жилета виднелся также распахнутый на шее ворот моей линяло-красной рубахи—с осторожной вежливостью переспросил, вполне ли я уверен, что хочу ли именно эту книгу.

> *(…меня не удивило его сомнение – в тот год, тогда ещё текущего 20-го столетия, в отсутствие олигархов и интуристов-миллионеров, не всякий мог себе позволить покупку книги за 31 руб. 60 коп. Кроме, конечно, каменщиков празднующих свой развод…)*

Я покинул магазин с толстым томом в тугой обёртке их фирменной упаковочной бумаги нежно-лавандового цвета. Её следовало доставить в ячейку камеры хранения на вокзале, вопрос лишь: каким путём? Опять на метро? Нет, не такой это был день. И я приблизился к бордюру дороги вдоль которого пришепётывали шины шелеставших мимо стаек такси…

С вокзала я ещё зашёл в магазин «Охотник» по адресу, что дал мне Гриня. Он хотел какую-то сверхскладную удочку оттуда. Да, вполне привольно разместилась в одной ячейке с книгой…

После разгульного шопинга и последующего складирования товаров, стартовала культурная часть программы. В тот вечер Дом Органной Музыки полнился трепетом солнечных бликов на всплесках волн морского простора в эскизах Дебюсси и прочих творениях Клода… Когда я был маленьким, отец мне говорил, что слушая такую музыку, надо представлять какие-то подходящие ей картины. Все культурные люди так делают. У меня никогда не

получалось исполнить его совет, звуки слишком подчиняют себе, не оставляя места для культурных намерений…

В после-концертных сумерках подступивших ко мне на выходе из Дома Органной Музыки, холод глубокой осени давал себя знать, да и просто жрать захотелось. Очередное такси доставило меня в ресторан гостиницы «Золотой Колос».

Для начала, я сделал попытку снять номер на ночь, но регистратор, отметив мой прикид не по сезону, а также отсутствие багажа, осадил меня их обычным вопросом ниже пояса о наличии брони на номер. Они давно уж навострились давать от ворот поворот праздношатающимся ронинам без лат и доспехов.

В ресторане, чтобы сориентироваться, я заказал бутылку вина и за мой стол тут же присоседился мужик в летах и в берете.

(…если есть берет, но нет портфеля – значит судьба свела тебя с электриком…)

Мы не успели распить и по стакану, когда белобрысый молодчик бросил якорь с третьей стороны стола. По непонятному какому-то поводу, новоприбывший принялся складывать пальцы в композицию «моргала выколю!», сопровождая эту калистенику агрессивным мычанием. Электрик затаился под своим беретом… Программа праздника не предусматривала гладиаторских увеселений, я встал: —«Ланно, юноша. Оставляю это застолье вам. Наслаждайтесь».

Отойдя к официантам, я заплатил за вино и покинул ресторан. Белобрысый рванул за мной в вестибюль, но из трёх стеклянных тамбуров наружу открывались не все двери. Он заскочил в не тот. Прощально взмахнув рукой, я спустился с крыльца продолжить праздник в другом месте…

Ночевать на вокзале не празднично. Следующий таксист отвёз меня в гостиницу «Старая Прага» в районе Оперного театра. Тамошняя молодая регистраторша тоже завела было волынку по теме предварительного бронирования мест, но вдруг сменила гнев

на милость и нашла для меня номер. Она, правда, предупредила, что это будет подороже, что и понятно, потому что в номере, помимо комнаты, имелась ещё прихожая с сервантом.

Расположившись в номере, я решил не испытывать больше судьбу своим нарядом и ужин заказал по телефону в номер – рыбу с картошкой и вино, непременно белое, пожалуйста...

Проснувшись поздним утром, я ушёл на прогулку по городу... Когда я проходил мимо Золотых Ворот (недавно возведённый памятник древнего оборонного зодчества, доступен для осмотра со стороны близлежащего тротуара 24 часа в сутки), меня обогнал светловолосый молодой человек, тяжко дыша на бегу. Явно из монады вчерашнего долбонутого быдла, что застрял в стеклянной коробке тамбурного лабиринта гостиницы «Золотой Колос». Похоже всей монаде придётся попыхтеть, чтоб выпутаться из полосы плохой кармы по поводу дарёного застолья. Но тот придурок сам нарвался...

На спуске к Бессарабскому Рынку пришло ощущение, что мне пора пообедать и я направился в подвернувшийся слева ресторан «Ленинград». Опережая меня, группа Негров втянулись в то же самое заведение, но расистом я никогда не был и пошёл следом. Хотя мне совсем не понравился чересчур жирный загривок замыкающего в их строю. Зажравшаяся Африки. В безмолвной дневной сумеречности ресторана я как-то не углядел куда они рассосались, но в обеденном зале кроме меня никого не оказалось и весь зал достался мне одному.

Я заказал какое-то блюдо в горшочке – в меню так прямо и стояло что-то там такое «в горшочке». И действительно, принесли керамический горшочек, как и обещалось, а в нём картошка с мясом. Да, ещё и соус был. Коричневый.

Есть из горшочка оказалось совершенно неудобно и слишком горячо. Пришлось догадаться выложить часть исходящего паром блюда в присутствующую на столе тарелку, а потом добавлять в неё же из него же, по мере убывания.

Расплатившись, я посетил безлюдный тихий туалет ресторана и вышел оттуда совершенно иным человеком. Не таким, как входил в ресторан «Ленинград». В голове медленно проворачивались строки Ивана Франко:

"Обриваються звільна всі пута,
Що в'язали нас з давнім життєм..."

Не вдаваясь в прочее творчество известного поэта-прозаика, основным различием между мною входящим и мною покидающим один и тот же ресторан являлось отсутствие пиджака, который я умышленно оставил висеть в туалете. Тот самый свадебный пиджак, что присутствовал на регистрации моего брака с Ирой в Нежинском ЗАГСе. И он же, которому удалось пережить мою преждевременную попытку забыть его в туалете ресторана «Братислава» в Одессе. Тот момент был явно недостаточно созревшим для избавления.

Стоял ли этот пункт в программе праздника? Нет, просто нахлынуло вдохновение, экспромтом. Но мне понравилось.

Налегке, я зашагал вверх по Хрещатику. Там готовились к ноябрьской демонстрации – громко играл духовой оркестр и маршировали войска киевского гарнизона.

Вдоль тротуара уже проложили бесконечные ступени для зрителей. Всех три, но очень широкие, чтобы граждане стояли на них счастливой толпой и массово махали руками в знак одобрения и общей радости. Тут ведь не угадаешь, соседка по площадке говорила, что как-то раз увидела себя в вечерней программе новостей, с воздушным шариком. Вапщета, она тогда с флажком ходила. Маленький такой, «миру—мир». Но куртка точно её. Розовая. Раньше красная была. Но потом в химчистке сказали, что так ей даже лучше. С румянцем гармонирует...

До предстоящего события оставалось два дня и ступени всё ещё простаивали пустыми. Я шагал по средней из них, гулко пристукивая каблуками о деревянную твердь толстых досок, мужик в расцвете

сил, в красной рубахе под серым жилетом, и солнце приветственно вибрировало сквозь ветви могучих Каштанов над моей головой.

Я держал путь в метро и на вокзал, и снова был готов к траншеям, стенам и перегородкам. Людям и впрямь нужны праздники и духовые оркестры, чтобы жить дальше…

~ ~ ~

Когда Панченко—даже не глянув, что может кому-то череп развалить—швырнул чугунный радиатор из четырёх секций в окно с четвёртого этажа вроде от нехер делать, его прикол, по сути, имел под собой достаточно здраво обоснованную подоплёку. Этой демонстрацией грома с ясного неба, собственного изготовления, он посигналил всем, кого это может касаться, что яйца ветерана-блатного вполне даже очень ещё волосаты, а под его кепкой-восьмиклинкой с пипочкой (любимый фасон блатняков конца пятидесятых) он всё ещё достаточно ёбнутый резвак.

Сигнал был адресован, в первую очередь, его мастеру, который выписывал его наряды на работу, а также главному механику, который те наряды принимал для последующего начисления зарплаты, чтобы он мог начинать новую, честную жизнь с очередного чистого листа. Да и пора уж, как никак мужику пятьдесят стукнуло. И ему ни с какого боку не щемило, что после повторной ходки в Ромны мне уже и близко не светит должность посещающего от лица профкома СМП-615.

Эту, поначалу довольно хаотичную, должность я сумел довести до безукоризненного совершенства. Забылись времена растерянного хлопанья глазами, когда кто-то из грузчиков или плотников, вернувшись в трудовой строй после пары дней парковки в железнодорожной больнице, делился громогласными упрёками, что он остался обойдённо-непосещённым, тогда как ни один из нашей бригады каменщиков не забывается. Но я-то при чём? Их бригадир мне не докладывает!

Проблеме нашлось радикальное решение – после каждого рабочего дня, я звонил по телефону-автомату на вокзальной площади в регистратуру больницы: а не поступал ли к вам кто-то из наших? Они, кстати, быстро втянулись и уже без уточнений типа «а наши это кто?» чётко выдавали информацию на хворых из СМП-615, даже про аборты, которые меня никак не касались, поскольку пациенток сразу же отправляли домой.

Затем встал вопрос калибровки использования трёх рублей выделяемых профсоюзом на посещение госпитализированного сотрудника. Как потратить эту сумму, чтобы каждый страждущий получал равную меру утешения, не взирая на его/её возраст, пол и прочие наклонности?

Не сразу, но и эта сложность получила надлежащее и—без ложной скромности—сверх-чёткое решение. Один рубль тратился на питьё – неизменные три бутылки: одно пиво, один лимонад, один кефир. Тебе не нравится пиво? Отдай соседям по палате.

Пирожные, зефиры и/или прочие сладости покупались на второй рубль. Для траты третьего, заключительного, рубля совершался визит на вокзал, чтобы выбрать с широкого прилавка СОЮЗПЕЧАТЬ, рядом с дверью ресторана, всегда популярный сатирический журнала *Перець* с картинками, Конотопскую городскую газету *Советское Знамя* (на Украинском «Прапорець» или, как его ласково именовал мой отец «наш брехунок») и пару центральных переодических изданий на копейки сдачи. С вокзала, с полной обоймой пакета-утешителя, я отправлялся в больницу.

Трения возникали позже, при сдаче отчёта для возмещения мне трёх рублей профсоюзом. «Босс» Слаушевский буквально в штыки встречал упоминание бутылки пива в документе. (Профсоюз и пиво две вещи несовместные… ну как бы… или как?) Затем, в виде компромисса, я предложил ему самому составлять доклад, а я подпишу, что угодно.

И теперь этой (безукоризненно сбалансированной) системе осталось жить лишь до отчётно-выборного собрания профсоюза

СМП-615, в конце ноября. Но тем не менее, я успел накормить Панченко вафлями…

Услыхав в трубке доклад регистратуры, что у них имеется некий Панченко из СМП-615, я понял что откладывать нельзя, мне ни к чему риск скоропостижной выписки.

Прежде всего, я купил ему вафли. Потом снова вафли. И опять-таки – вафли, на весь усладительный рубль, в разных обёртках, из разных магазинов…

Кратко взглянув через плечо на размытое отражение нас двоих в чёрном предзимнем мраке за окном без решёток, я похвалил интерьер больничного холла. Целлофановый пакет в моей руке издал мягко зазывное «дзиньк», когда я протянул его пациенту. Он не мог не взять, как любой и каждый в СМП-615, он знал не глядя, что и пиво там…

Отчего я хохотал как чокнутый, мотаясь тёмными задворками, срезая от магазина к магазину для покупки вафлей различных оттенков? Не берусь объяснить, но это был смех на выживание, до потери пульса, до жгучих слёз из глаз, до остановки в поисках опоры, чтобы не рухнуть в снег…

Пару дней спустя Лида, каменщица нашей бригады, спросила меня, конфиденциально, в вагончике, с глазу на глаз: —«Панченко посещал?»

– А то.

– Тоже пирожные?

– Не. Ему без вариантов – только вафли.

Она знала, что я никогда не вру, из принципа. Я замолчал и напрягся, потому что мне опять пришлось подавлять прилив необъяснимо беспричинного смеха.

Через минуту, Панченко зашёл за чем-то в вагончик. Аккуратно, взвешивая каждое слово, Лида его спросила приходил ли я к нему с визитом.

– Да.

– С пакетом?

– Ну какие-то там газетки были. Я их даже и не читал.

Больше не было сказано ни слова. Остальные она излила дома своему мужу Мыколе. Что он уже семейный человек и меньше пусть заглядывает в рот этому вафлеглоту Панченко…

~ ~ ~

Как-то не сразу я понял почему бракоразводный процесс оставил неясное впечатление какой-то недовершённости. Чего-то ему не хватало.

> *(…отличительная черта моего тугодумия в том, что в конце концов мне всё же доходит то, о чём поначалу я даже и думать бы не подумал…)*

Конечно! Этот народный судья и словом не обмолвился про алименты! Как будто я бездетный… Задача исправления судебной ошибки легла на мои плечи…

С декабря месяца я начал ежемесячно пересылать по 30 руб. на Красных партизан. Для этой цели в день получки я пользовался почтовым отделением напротив автовокзала. Но поскольку ты была не единственным моим ребёнком, точно такую же сумму я отправлял и на Декабристов 13. «30 в Нежин, 30 в Конотоп» на несколько лет стало моим финансовым образом жизни и самой повторяемой строчкой в записной книжке. Почему именно такая сумма? Я не знаю. Вдвоём они составляли половину моего заработка. Из второй половины, помимо моих расходов на баню, стиральный порошок и гигиенические принадлежности, я иногда покупал книги и ежедневно обедал в столовых.

На первых порах, моя мать пыталась меня убедить, что Конотопскую «30» можно приносить на Декабристов 13 и отдавать из рук в руки, хотя ей эти деньги ни к чему, но я аргументировано отвечал, что так мне удобней.

От бригады, конечно, не укрылось, что я алиментщик – при моём принципе отвечать на прямые вопросы без увёрток, им достаточно было спросить: а чё эт я каждую получку заскакиваю на почту возле автовокзала? И некоторые каменщицы тоже задавали этот же вопрос: почему ровно 30 руб.?

Борясь с волной непонятно откуда и на кого нахлынувшей вдруг злости, я отвечал, что большего и не надо, и даже если моя зарплата составила бы 3,000 руб., «тридцатки» в Нежин и Конотоп так и остались бы «тридцатками».

Случались моменты, когда я не мог разослать алименты и строчке «30 в Нежин, 30 в Конотоп» приходилось ждать пока наскребётся искомая сумма и, после отправления, корявая птичка замкнёт строку.

Временами, я высылал лишь 15 рублей в каждом направлении. Один такой период случился, когда я случайно подслушал разговор моей матери с моей сестрой Наташей. Они осуждали Иру за то, что продала мой овчинный полушубок и вырученные деньги оставила себе. Я, конечно же, замечал отсутствие своего полушубка, но понятия не имел куда он делся, как, и почему.

Теперь, для реставрации репутации жены Цезаря, мне пришлось понизить алиментную планку до 15 рублей, пока не набрались 90 руб… Я отвёз деньги в Нежин и в почтовом отделении на Красных Партизан попросил случайную посетительницу заполнить адрес на бланке почтового перевода под мою диктовку. В отведённом на бланке месте для сообщений личного характера, я написал, с корявым наклоном влево, «за кожух».

Почему 90 рублей? Ну рыночная цена нового овчинного кожуха с длинными полами составляла 120 рублей. Мой был короткий и ещё с Объекта, остальное чистая Арифметика.

Получив такой крупный перевод, моя мать порывалась спросить меня о чём-то, но к тому времени я уже не разговаривал со своими родителями, так что спрашивать тупо молчащего меня «за кожух» не имело смысла.

(...тут будет нелишне отметить, что мудрость посторонних не делает нас умнее. В одном из своих рассказов, повествуя о молодом человеке, который прекратил общаться с родителями, Моэм замечает, что в этом суровом и враждебном мире люди всегда исхитряются найти способ сделать своё положение ещё хуже.

Я огласился с мудростью высказывания, но не воспользовался им. Потребовалось десять лет разлуки (четыре из которых пришлись на полномасштабную войну), чтобы, приехав на побывку в Конотоп, я снова начал разговаривать со своими родителями.

И было приятно произносить слова «мама», «папа». Только приятность эта как бы обволакивалась слоем войлока, не давая прочувствовать её, как будто я обращался не к своим родителям или это не совсем я говорил с ними. Наверное, с отвычки или же слишком мы все изменились к тому времени...)

Профсоюзно-общественную деятельность, как и предвиделось, мне перекрыли наглухо, но никто не мог посягнуть на моё право исполнять свой общественный долг. Я имею в виду ежемесячные дежурства добровольной народной дружины по охране общественного порядка.

К семи часам, работники СМП-615 мужского пола собирались в «Опорном пункте отряда народной дружины» в торцевой стене нескончаемой пятиэтажки возле Путепровода-Переезда. То самое здание, где с другого конца рабочая столовая № 3.

Первым обычно являлся водитель автокрана Мыкола Кот, и это не кличка и не какое-нибудь кодовое имя, а вполне невинная Украинская фамилия. Он усаживался за упёртый в стену стол с кипой старых газет, натягивал свой головной убор из дешёвого, но элегантного, кроличьего меха поглубже на уши, и начинал листать новости скопившиеся после нашего предыдущего дежурства.

Потом, один за другим, подтягивались и мы, рассаживались кто где и начинали свой, полный пристойной мужественности, разговор на ту или иную тему. На что Кот, не отрываясь от прессы дней минувших, предрекал из-под чёрного меха павшего животного, что даже если б мы начали свою мудрую беседу с высот орбитальной станции Салют, конец один – мы неизбежно скатимся к пизде Аллы Пугачёвой или какой-нибудь более доступной пробляди местного разлива. И, как правило, он не ошибался из-за опоздавших, которые пропустили его наглое, но безошибочное предсказание.

Где-то минут в десять восьмого, приходил мент – в звании от лейтенанта до капитана—внести свою лепту в наш мужском трандёж и раздать из ящика в своём столе красные повязки с чёрно-плотным шрифтом «Дружинник».

Группами по трое, мы покидали опорный пункт патрулировать вечерний тротуар своими обходами: на вокзал, на Деповскую, в Лунатик, и вдоль проспекта Мира, но не дальше моста в жел. дор. насыпи. Обход длился минут сорок пять, после чего мы возвращались в опорный пункт—некоторые из троек размякше-сентиментальные—и, посидев под более оживлённый галдёж, выходили в заключительный обход, чтоб к десяти разойтись по домам до следующего дежурства…

Пару раз работники КГБ, появлялись на наших вечерних утренниках со своими ориентировками. Первое случилось накануне праздника Великой Октябрьской Социалистической Революции, и нас предупредили быть особо бдительными и пресекать любые выходки провокационного анти-Советского характера. Когда кагебист ушёл, явился припоздавший мент-офицер поиздеваться над своим предшественником (которого и след уже простыл) своими вопросами насколько хорошо мы уяснили, что при виде шпиона его надо тут же обезвреживать.

Второй и последний раз, работник КГБ, уже другой, делился конфиденциальной информацией, призванной ускорить поимку бывшей сотрудницы КГБ, которая вдруг скрылась в неизвестном

направлении и залегла на дно. Она могла сменить причёску и цвет волос, пояснил работник КГБ, показывая нам её чёрно-белый портрет, но у неё есть особая примета упрощающая опознание – противозачаточное кольцо в её вагине. Голландского производства… Мужики не сразу врубились про шо он тута ващще, а когда допéтрили, то сыпанýли таких наводящих вопросов, что кагебист выпулился на первой космической. В конце концов, он всего лишь исполнял приказ, за тупость которого не нёс ответственности…

В один из обходов, мужики моей тройки меня киданýли. Ходить в группе из трёх дружинников не то, чтобы почётно, но терпимо, однако когда оглянёшься по сторонам и в свете витрин шестого гастронома увидишь, что среди прохожих, снующих по утоптанному снегу тротуара, лишь только твой рукав обвязан красной тряпочкой, начинаешь воспринимать себя как «малость тогó».

Удерживая наглость рожи для показа, что мне это пофиг, я дошёл до привокзальной площади. Однако плотник Мыкола и водитель Иван не различались среди торопливых силуэтов прохожих. Те, что помоложе, оглядывались на странный феномен – оборзелый дружинник-одиночка. Большого ума не требовалось для безошибочного вывода, что мои сопатрульники содрали свои повязки, купили бутылку *бормотухи* не в том, так в другом гастрономе и теперь, в тихом закутке, гурголят её с горлá, по очереди, для сугреву и общего тонуса. Где? Вот в чём вопрос.

Скорее всего в тихой неразберихе из кратких улочек и тупичков между шестым гастрономом и высоким перроном первой платформы, в той мешанине из складов, кож-вен кабинета, пары частных хат без огородов и прочих дощатых строений. Туда-то я и свернул, не потому что имелся хоть малейший шанс или желание присосаться к той же бутылке, но дабы устыдились и поразились эти два хитрожопика силе дедуктивного метода, способного обнаружить их в тихом закоулке под фонарным столбом, что пойдёт лишь на пользу обоим падлам.

Однако, вместо водителя с плотником, в конусе жёлтого света от лампочки на столбе, я нарвался на жанровую сцену. Девушка гуляла с молодым человеком, когда их общий знакомый, другой молодой человек—поплотнее и повыше—застал их за этим занятием и начал разборку.

Появление четвёртого лишнего с красной тряпкой на рукаве (матадор?) замедлило развитие сюжета, но всего лишь на минуту. Вычислив, что дополнительных дружинников не предвидится, здоровяк начал метелить хотя и мелкого, но более удачливого в любви соперника. Тот упал на одно колено, сбросил с плеч свою болоневую куртку «на рыбьем меху» в ближний сугроб, куда уже откатилась, секунду назад, его шапка, и ринулся в ответную атаку.

Я остался безучастным наблюдателем с тряпкой. Девушка подобрала куртку с шапкой и держала их, как когда-то Ира держала мою кроличью на главной площади Нежина. Силы были слишком неравны, а когда легковес рухнул на снег, девушка сложила его носильные вещи под фонарный столб, взяла победителя под руку и ушла с ним в лабиринт непонятных проулков.

Поверженный поднялся и, видя, что я всё ещё тут, разразился пылкой сумбурной речью, воспевая силу духа, перед которой физическая сила – ничто, потому что в духе вся сила… В Конотопе каждый второй – прирождённый лорд-спикер.

В виде моральной поддержки сокрушённому Демосфену, я заметил, что во время схватки девушка держала как раз таки его вещи, а не меховую шапку-пирожок его оппонента, которая тоже была сшиблена в снег. Услыхав слова утешения, он заткнулся и торопливо прошманал карманы своей куртки, потому что, при всей врождённой любви к ораторскому искусству, основная отличительная черта Конотопчан – это здравый смысл.

И точно так же, никто не мог мне запретить, чтобы женщины нашей бригады каждый год на 8-е марта получали цветы—каллы—по одному цветку на каменщицу, потому что я не миллионер, а мужики нашей бригады не каждый год догадывались спросить сколько

платил и скинуться по рублю с носа. Впрочем, возмещение расходов меня не слишком-то и волновало – я сделал открытие, что мне нравится дарить подарки намного больше, чем получать их самому.

Но сначала пришлось найти городскую оранжерею, которая, практически, у чёрта на куличках. Надо сойти с трамвая № 2 за одну остановку до его конечной. Потом свернуть налево и полкилометра топать улочками времён Гражданской войны. Типа улицы Юденича или, там, переулка Деникина. Конечно же, на самом деле названия у них были вполне Советские, но вид ностальгически Белогвардейский...

Когда я пришёл в оранжерею в первый раз, заведующая завела меня в длинное приземистое строение с двускатной крышей из квадратов мутного стекла, откуда падали тяжкие редкие капли конденсата. Она хотела, чтобы я сам убедился, что цветов нет. А ростки на тех грядках, это каллы, которые ещё не созрели, они «нерозцвічені», то есть белые цветки ещё не превратился в широкие раструбы с отворотами..

И тут всё моё косноязычие как в воду кануло, я выдал образчик Конотопского красноречия. Что это для неё, кто каждый день минует зеленя тепличных грядок, каллы кажутся нерасцветшими. Но для женщин нашей бригады каменщиков, что видят лишь кирпич, раствор да обледенелые торосы грязного снега, эти каллы, пусть даже и «нерозцвічені» – самые прекрасные цветы на свете

С того дня и пока я работал в нашей бригаде, мне не разу не сказали «нет» в городской оранжерее накануне 8-го марта. И я с гордостью вёз на сиденьи трамвая вязанку зелёно-белых калл, которые в магазине Цветы на углу площади Мира появятся не раньше, чем через полмесяца.

~ ~ ~

Моё решение было окончательным и бесповоротным – пора подвести черту. Рассказ, который перевожу сейчас, станет последним в книге. Хватит с меня Моэма. Даже то обстоятельство, что

заключительный рассказ пришлось переводить дважды, не смог поколебать мою решимость

Переводить вторично меня вынудил Толик Полос, когда сквозану́л мой портфель. В нём ничего и не было, кроме тетрадки с последним переводом, когда я рано утром нёс его на Вокзал в ячейку камеры хранения, чтобы после работы отвезти к Жомниру в Нежин.

На Посёлке в такое время прохожих нет, во всяком случае вдоль путей в сторону Вокзала. В том месте, где заканчивалась бетонная стена завода КПВРЗ, я вспомнил, что забыл взять деньги на электричку. Пришлось возвращаться, оставив портфель одиноко стоять с краю служебного прохода.

По пути на Декабристов 13, я встретил лишь Толика Полоса, который тоже закончил школу № 13 на два года позже меня и теперь шёл в противоположном направлении, а он, вообще-то, не на этом краю живёт, значит возвращался после романтической ночи… Схватив забытые деньги, я вернулся к переходу через железнодорожные колеи. Портфеля нигде не видать. Только Толик и я шли этим путём. Или кто-то ещё?

Ответ был получен неделю спустя в трамвае № 3. Толик не сказал «привет», а вместо этого, развалившись на сиденьи, строил мне рожи в развязной манере Славика Аксянова из общежития шахты Дофиновка. Но – самое главное—его правая рука была загипсована. Нужны ли более прямые улики, что одинокий портфель в пустынном месте подхватил именно он? Мне – нет.

(…иногда в своей жизни я могу не только видеть знаки, но и прочитывать…)

В сущности, последовавшая работа не стала повторным переводом, история бедной Джулии, которую вынудили предать её любовника, всё ещё живо сидела у меня в памяти и через месяц я отвёз мой последний перевод Жомниру, но уже без портфеля. Так что, пусть и с месячной задержкой, решение завязать с переводом

рассказов Моэма осуществилось. Однако оно представляло собой лишь часть более широкого плана действий.

Как любой другой из моих планов, он не имел конкретных деталей. Мои планы, вообще-то, даже и не планы вовсе, а ощущения, что надо сделать то или другое. Детали примазываются к плану позже, по ходу его исполнения. Уже упоминавшийся широкий план возник потому, что мне, наконец, дошло – никаких моих переводов Жомнир «сватать» не станет. Нигде и никогда. И неважно почему, главное – что это точно. И выходит что? Очень просто – взять вопрос публикации в собственные руки.

Чтобы идти таким путём, мне нужно забрать у Жомнира все мои переводы в тонких разнообложечных тетрадочках, что заштабелёваны где-то там, среди прочих бумажных кип на стеллажах его архивной комнаты… Я приехал в Нежин и объявил ему о своём намерении забрать мои чёрно-серо-беловики. Жомнир не возражал и ни о чём не спрашивал.

Он устроил застолье, потому что за эти годы я стал как бы дальним родственником в его доме. Бедный родственник, но иногда полезный, когда, например, переклеиваешь обои в гостиной… Мы сели за квадратный стол, выдвинутый от стены в центр комнаты и ели всё, что приносила из кухни Мария Антоновна. Мы пили крепкий сельский самогон. Жомнир увлечённо делился новостью про золотую пектораль большой художественной ценности, которую недавно раскопали в каком-то из степных курганов. Когда тема раскопок исчерпалась, он спросил какие у меня отношения с Нежином, имея ввиду Иру.

Я с гордостью назвал эти отношения плодотворными, имея в виду тебя. Затем я осторожно спросил, как Ира.

– Что как? – ответил Жомнир. – Блядует по городу.

Разумеется, я располагал достаточно дедуктивной логикой для самостоятельного ответа на такой элементарный «как». Я вполне мог бы даже живо представить «как», если бы постоянно что-нибудь не отвлекало, типа «ой! гля какая там птичка непонятная!» или же «куда

я тогда запроторил ту хрень… в четверг, кажется? точно помню, что что-то не мог найти в четверг, но что именно?» и тому подобное… А и вот донаивничался пока не схлопотал по носу, отечески-увещевательно. Н, да, не совсем по носу, удар, в общем-то, пришёлся «под ложечку», но не нокаутировал, как слова Иры, что «а у меня есть Саша», чем она и поделилась с моей сестрой Наташей, но та придержала информацию, пока не миновал бракоразводный процесс, как утешительный приз, скорее всего. Но что меня изумило, поразило, фактически, что Жомнир буквально повторил ответ жлоба, которого я спросил про Ольгу на Конотопском кирпичном… слово в слово, один в один…

(…при всех различиях в образовательном и интеллектуальном уровне, когда нужно вышибить мозги соседу, мы хватаем старый добрый каменный топор…)

Когда пришло время выдвигаться на электричку, Жомнир сложил все тетрадки моих переводов в целлофановый пакет, такой получился плотный, увесистый, и пошёл провожать меня на вокзал. Самогон был охренеть какой крепкий, но я помню как электричка встала и с шипеньем распахнула двери на перрон. Отклонив предложенную Жомниром помощь, я направился в круглый тоннель вагонного тамбура, окаймлённый никельным блеском дугообразных поручней по шатким сторонам. Ухватив левого, я поднялся внутрь, прошёл к противоположной, запертой двери, повесил пакет на головку поручня там. Последнее, что помню, был звук захлопывающейся двери за спиной.

Медленно приходя в себя в постепенно возникающем вокруг меня тамбуре, я всё ещё держал головку поручня левой рукой рядом с закрытой дверью. Поезд стоял, тих и неподвижен как и я, возле четвёртой платформы Конотопского вокзала. Пассажиров не было, потому что по расписанию поезд отправляется на Хутор Михайловский через два часа после своего прибытия в Конотоп.

Вид пустого поручня, пониже моей стиснутой ладони, заставил меня окаменеть мышцами пресса и прекратить дыхание. На остальных трёх поручнях тамбура пакет тоже отсутствовал. Хряснув раздвижной дверью, я прошёл в вагон и посмотрел вдоль пустых багажных реек над окнами, затем вернулся в тамбур и выдохнул: ххуууу!

Мне не хотелось сидеть на кожзаменителе сидений пустой электрички. Через подземный переход и привокзальную площадь, я пошёл в парк Лунатика на твёрдую, деревянную скамью. Там я долго сидел без каких-либо мыслей, только время от времени видел себя в роли тупо застывшей статуи возле поручня, пока они снимали с него целлофан. Кто?!. Какая разница, не имеет значения… Кто бы ни был, добыча радости не принесла – полнейшая бесполезность. Разве что печку растапливать – хватит на несколько зим…

Отсидев около часа в контуженном состоянии, я вспомнил, что это день дежурства СМП-615 по охране общественного порядка и побрёл в опорный пункт дружины, чтобы сидеть дальше – безучастно, молча, отстранённо.

И только когда пришёл мент, я понял что следует делать дальше.: —«Товарищ капитан, одолжите мне три рубля до следующего дежурства».

– Я рублями не одалживаю, только сутками ареста. Пятнадцать хватит?

Его ослоумие лишний раз подтвердило правильность возникшего плана… На следующий день три рубля мне одолжили в бригаде и, после работы, я поехал в Нежин. Там, в пятиэтажке преподавательского состава института в Графском Парке, я нашёл квартиру мило улыбающейся Нонны и сказал, что я потерял переводы Моэма, над которыми работал несколько лет. Теперь для их восстановления мне нужны оригиналы, все из которых собраны в имеющемся у неё четырёхтомнике. Не могла бы она?.

С её всегдашней милой улыбкой, Нонна принесла книги, сложила в целлофановый пакет и протянула мне. От необъятной радости,

сердце моё забыло стучать – спасибо!.

– Как тебе это нравится, Мария Антоновна? Этот негідник Огольцов потерял все свои переводы в электричке!

– А вот не надо было так поить бедного хлопца!

Мария Антоновна тоже не знала, что все мои горести, радости и всякое такое прочее, проистекают от той недосягаемой сволочи в непостижимо далёком будущем, которая слагает сейчас это письмо тебе, лёжа в палатке посреди тёмного леса возле журчащей мимо речки Варанда́...

~ ~ ~

"Привычка свыше нам дана,
Замена счастию она..."

Эти бессмертные строки великого классика без обиняков намекают, что на третью ходку они меня хапанули исключительно по привычке. Втянулись суки... И на этот раз почти все в СМП-615 знали, что меня со дня на день прикроют.

Два года спустя, при случайной встрече на узкой тропке вдоль жел. дор. насыпи, позади спортплощадки инженерного техникума, этим знанием поделился со мной майор в отставке Петухов, тогдашний начальник отдела кадров СМП-615. Без малейшего нажима, или наводящих вопросов с моей стороны, Петухов изложил, как мастер Ваня, чуть ни каждый день являлся в отдел кадров, чтобы позвонить психиатру Тарасенко о моих очередных отклонениях.

– Он сегодня утром пел. Может пора?

– Пусть поёт.

– Написал объяснительную записку стихами.

– Какую ещё записку?

– Он каску потерял, а я потребовал, чтоб написал объяснительную. Заберёте?

– Рано.?

– Засунул свою рубаху в дыру панели перекрытия и раствором забил.

– Это самое оно! Проследите, чтоб не ушёл.

Пение на рабочем месте я себе позволял не ежедневно, но довольно часто. Иногда, особенно когда стройка На-Семи-Ветрах утопала в холодном густом тумане и мы плыли сквозь него словно ладья викингов в извилисто-скользких фиордах, кто-нибудь из нашей бригады просил:

– Спой, Серёга!

"У меня была жена,
Она меня люби-и-и-и-ила,
Изменила только раз,
А потом, потом реши-ила:
"***Эх раз! Да ещё раз! Да ещё много,***
много-много-много-много-много раз..."

Однако *Цыганочке* Высоцкого наша бригада почти единогласно предпочитала его же *Балладу о Гипсе*:

" И лежу я на спине – загипсованный,
Кажный член у мине – расфасованный!.."

А каску я не терял, а просто шиканул джентльменством. Я тогда шёл среди стройплощадок «строительных угодий» и возле крупноблочной девятиэтажки увидал пару штукатурш из ПМК-7. Они какие-то цветочки собирали в свеже-зелёной траве, скорее всего одуванчики, судя по жёлтому цвету. Штукатурши обратились ко мне с просьбой о целлофановом пакете, которого у меня не было и, широким гусарским жестом, я швырнул свою каску в траву под ногами дам, чтоб как в лукошко собирали. Потом ещё показал даже наш коричневый вагончик, чтоб знали куда возвращать головной убор. Я видел их в первый раз, а мою каску – в последний.

Во всей нашей бригаде только я носил каску, вот Ваня и прицепился со своей объяснительной. Но называть «стихами» то, что

я ему накропал это наглая лесть, там, в лучшем случае, верлибр был…

А вот насчёт рубахи, это да, тут я вляпался по полной. Недальновидно дал поблажку своей склонности к самодельным ритуалам, потому что наступил первый день лета. Ну как можно не откликнуться на событие? Летом, даже если под спецовкой одета только майка, всё равно паришься по чёрному, летом рубаха лишний элемент.

Ту зелёную рубаху из какой-то жмаканой синтетики я носил шесть лет, а она никак не снашивалась, падлюга; а потеешь в ней как в любой другой синтетике, несмотря что жмаканая. И вот, 1-го июня, я вышел из вагончика словно свободный художник Монмартра в его зелёной накидке, что живописно обнимала своими рукавами мою чёрную спецовку одетую, в свою очередь, на мой голый торс. Я поднялся на этаж текущей *захватки*, и похоронил рубаху в одной из всё ещё незабитых дыр какой-то из панелей перекрытия среди незавершённых стен… Мусорных баков на стройке отродясь не бывало, а просто бросить в очко дощатого сортира рука не поднялась – столько лет вместе потели…

Потом я ушёл на третий этаж соседней секции, где в одиночку клал поперечную с вентканалами, пока не появился Пётр Лысун позвать меня к вагончику. По дороге, он почему-то отводил глаза и говорил на отвлечённо ботанические темы.

Все эти странные симптомы вылетели у меня из головы, когда перед вагончиком я увидел фургончик УАЗ, а впридачу здоровенного мента в фуражке с красным околышком под присмотром психиатра Тарасенко в строгом деловом пиджаке… Наша бригада вместе с прорабом Карениным и мастером Ваней образовывали неровный полукруг лицом к посетителям.

Тарасенко объявил присутствующим, что моё поведение всегда отличалось ненормальностью, а сегодня я переступил всякую меру несанкционированными похоронами рубахи в дыре бетонной плиты.

Затем он демократично поинтересовался у массы, какие ещё аномалии за мой замечались.

Народ безмолвствовал... Кто-то из наших женщин попыталась объяснить, что рубаха была совсем струхлая, а Тарасенко, во избежание жалостно-лишних тенденций на посторонние темы, приказал мне зайти в вагончик и переодеться.

Я беспрекословно исполнил, а потом поднялся в фургончик, в трюме которого оказался уже какой-то дополнительный алкаш и нас увезли... Во время стоянки возле Медицинского Центра, алкаш начал меня убеждать рвануть когти в разных направлениях – мент не может гнаться сразу за двумя. Я отмалчивался, понимая, что лучше 45 дней под шприцами, чем пожизненно в бегах. Потом к нам присоединился молодой вертухай в гражданке, а также ещё один алик и нас, наезженной дорожкой, повезли в город Ромны.

По пути мы заехали в какое-то придорожное село принять дополнительный груз из двух старух в трагично-чёрном и встревоженного мужика, который клялся, всем по очереди, что ничего не помнит что вчера было.

По прибытии в психбольницу, нас развели в разных направлениях и, непонятно зачем, мне сделали рентген в лежачем положении. Может быть, испытывали только что установленное оборудование... Никого из алкашей я больше не видел, такими случаями занимается третье отделение, ну а я – инвентарь пятой...

И снова Площадка стала ареной ежедневного промывания моих мозгов через зад, сменяясь ночным отдохновением в переполненной палате... Из знакомых во всех категория выше абсолютно свободных, я увидал только Сашу, который знал моего брата Сашу, но он уже совсем не просыпался.

Как ветеран и во имя человеколюбия, я обратился к заведующей с мольбой заменить мне уколы аминазина на аминазин в таблетках. Она обещала подумать и за десять дней до окончания моего срока отменила третий, заключительный укол на ночь. И за это, вот только что, имя её всплыло в моей благодарной памяти – её звали Нина.

Более ничего примечательного не произошло, кроме того, что я узнал как оказывать первую помощь в случае припадка эпилепсии. Эпилептика надо схватить за ноги и отволочь с Площадки в тень под навесом. Там он тоже будет биться спиной о землю, однако темп постепенно начнёт снижаться, покуда возбуждение не уляжется, в конце концов. Некоторые полудурки считают полезным прихлопывать мух у него на лице своими грязными лапами. Однако на течении припадка это мало сказывается, если вообще да...

На той узкой тропке под высокой железнодорожной насыпью, Петухов не сказал мне лишь одного – почему меня так пристально пасли под колпаком неусыпного наблюдения. Но в этом не было нужды, поскольку причину я знал не хуже него.

Причиной послужила реконструкция роддома, длинной двухэтажки у перекрёстка улицы Ленина и спуска от Универмага. Каждая строительная организация Конотопа исполняла свою часть работ. СМП-615 достались перегородки и пара санузлов в правом крыле первого этажа. Исполнителями стали четыре штукатурши и я. Мы уложились в одну неделю.

Когда женщины уже штукатурили положенные мной перегородки, в коридоре появился мужик в чистом костюме и при галстуке. При виде четырёх ядрёных баб, посетитель начал распускать свой хвост на фоне занюханного подсобника, который подавал им раствор.

Я вежливо попросил его умерить пыл и не кашлять во всех направлениях.

– Да ты знаешь на кого пурхаешь? Я – Первый Секретарь Горкома Партии!

– А я каменщик четвёртого разряда.

– Ну ты получишь!

Он ушёл, а полчаса спустя в коридор влетел взмыленный главный инженер, потому что он ещё и председатель партийного комитета СМП-615: —«Как ты смел материть Первого Секретаря Горкома Партии?!»

Штукатурши в один голос громко засвидетельствовали, что никакого мата не было. Впрочем, главного инженера это не утешило, но он ушёл.

Вот и всё. Проще не бывает – самец с рычагами власти, против самца в заляпанной раствором спецовке. Но что обидно, обидно до боли, так это облыжное обвинение в использовании ненормативной лексики. Я праведно воздерживался от подобных слов даже в глубине души и грузчики со стажем удивлялись моей способности разгрузить вагон леса, ну в смысле, стропы заводить, и при этом даже разу не сказать «у, бля!»...

~ ~ ~

Наступила осень и, намыливаясь в бане, я вдруг заметил, что мой живот стал выпуклым, как жёсткие надкрылья майского жука, и так же как они не поддаётся втягиванию... Вскоре и мать моя заметила, что у меня начал отвисать второй подбородок. После одного из поздних обедов на Декабристов 13, она положила руку мне на плечо и радостно объявила: —«Толстеешь, Братец-Кролик! И никуда не денешься – ты из нашей породы!»

Я не ответил на улыбку её круглого лица, под которым—я знал не глядя—расширяется ещё более круглая фигура, и просто промолчал. Я не хотел стать круглой породой и превратиться в жиртрест. Я не поддамся их аминазину! Нужны радикальные меры.

Начать с тех самых вечерних обедо-ужинов на Декабристов 13, где моя мать искусно взгромождала две порции риса или картошки на одну тарелку. При этом всё так вкусно, что, незаметно для себя, съедаешь без остатка.

Отказ от хлеба стал первым шагом в моей борьбе за стройность. Ланна, съедаю сколько навалите, но хлеб есть не обязан и не хочу. Так что я убрал его из своего рациона, даже в столовых.

Хотя насчёт «не хочу» – полная брехня, хлеб я всегда любил, особенно ржаной, а уж тем более, когда тёплый. Я мог прикончить целую буханку такого хлеба без ничего, про себя приговаривая

отцову поговорку: —«Хлеб мягкий, рот большой, откусишь и сердце радуется».

Через месяц, убедившись, что бесхлебная диета полная фигня, я просто перестал ездить в столовые в обеденный перерыв. Это восстановило нарушенный баланс. Завтрак в столовой, плюс две порции позднего обеда составляют традиционно трёхра́зовое питание. Что касается обеденного перерыва, то я, по определению нашей бригады, хавал *Всесвіт*, который раз в месяц приносил в вагончик каменщиков для чтения в перерыв. В результате, в канун Нового года, в той же городской бане по ту сторону площади Конотопских Дивизий, я с гордостью обозревал своё впалое, как у здорового волка, брюхо. Мне всегда нравилась именно такая его форм… Нарцисс вогнутобрюхий…

(..есть немало слов, которые ты, как бы, знаешь – слыхал, читал и даже выговаривал не раз. Но лучше бы не спрашивали что оно значит. Однако, настолько въедливых сволочей негусто, вот и продолжаешь толковать известные (типа ж как бы) слова по своим смутным личным понятиям…

Слово «аскетизм» один из самых курьёзных примеров, насколько люди не понимают что они ващще говорят. 90 % населения, кому это слово вроде да как бы ясно, при слове «аскет» вообразят изношенного самоистязанием мужика с клочьями нечёсанной бороды вокруг горящих глаз. Это настолько же неверно, как словом «спортсмен» обозначать одних лишь сумоистов.

На самом деле, смысл корневого слова «аскеза» передаётся словом «тренировка». Если, лелея честолюбивые мечты о победе в пивном турнире, ты ежедневно хлопаешь три литра пива— для тренировки и поддержания надлежащей формы—ты – аскет. Как и соседняя девочка, что каждый божий день пиликает скрипичные гаммы за стеной твоей квартиры. Да распрогреби ж твою аскезу со всеми теми бл… то есть… бемолями-диезами!.

То есть, аскет-отшельник, готовящий себя к жизни грядущей на небесах, всего лишь частный случай среди остальных аскетов.

Аскеза может быть затяжной или краткосрочной, в зависимости от её цели…)

И какие же—позвольте поинтересоваться—такие цели заставляли меня ревностно держать себя тощим как швабра и каждый будний день выписывать незнакомые слова из газеты *Morning Star*? Как я уже пытался объяснить, с конкретными деталями к общим планам у меня всё несколько туманно – я просто чувствую, что так надо, потому и делаю так…

За выписками из*Morning Star* требовался глаз да глаз. При встрече непонятного слова, про которое я стопроцентно знал, что оно мне уже попадалось в газете, так и подмывало пропустить его – ведь точно же встречалось! Но что означает?

Рыться в кипе исписанных тетрадок – нудно, легче заново посмотреть в словаре и выписать его значение. Поэтому иногда попадались такие слова, про которые я знал какую страницу *Chamber's Dictionary* надо открыть, чтобы посмотреть их значение. Такая вот не память, а решето – тут помню, а тут не помню. Вот до чего доводит человека аскетизм, когда и сам без понятия – на кой оно мне ващще?. И повторяешь определённый набор действий сам толком не зная зачем…

Происшествие того вечера не стало для меня искушением, а только лишь изумило. И она меня не соблазняла, а просто пыталась востребовать исполнения родительского долга. Перед Леночкой я был кругом в долгу: никогда не брал её на руки, не сажал к себе на колени, не ерошил ласково волосы, не гладил щёку, не говоря уж про прочие «не», которые я ей задолжал. Мы просто жили в одной хате, где ей когда-то сказали, что я её папа, но какой из меня, в сущности, отец? Так – сухая формула. Бесконтактно символический папа.

Конечно же, я не отталкивал её, а иногда мог даже увлечься разговором с нею, но для ребёнка такого, наверное, мало, а для отца этого наверняка мало, но так уж сложились мои отношения со всеми и каждым из моих пятерых детей…

Когда родилась Леночка, я просто не созрел ещё для роли отца. Папа в восемнадцать лет? При всём уважении к Лебедю Эйвона, это просто смешно. Затем нас развели стройбат с институтом.

При появлении на свет тебя, я уже годился в отцы и любил тебя беззаветно, но чересчур недолго – моя репутация разлучила нас.

Рузанну я встретил в её шесть лет. Она всегда звала меня папой и я любил её как дочь, но только лишь при её отъезде в Грецию, к мужу Апостолосу, мы обнялись с Рузанной в первый раз, на зависть водителю маршрутки Степанакерт-Ереван:

– Бола цес ли! Ушанум ынк!.

Последствия всё той же хронической, проклятой бесконтактности…

Ашота и родившуюся после него Эмку я не мог обнимать и ласкать – ведь рядом была Рузанна, которой ничего такого от меня не досталось; вот и вышла бы несправедливость. Вот так отец пятерых детей остался всего лишь формальным папой. Бедные дети!. Но жалеть одних лишь их их нечестно, а как же я, проживший жизнь лишённым детского тепла и ласки?

Кроме того единственного случая, когда четырёхлетняя Эмка разбила голову во дворе нашего недостроенного дома в попытке повторить номер артистов Китайского цирка, который увидела по телевизору. Кровь промочила её волосы и запачкала плечо моей рубахи, когда я нёс её на руках в бывшую областную, а ныне республиканскую больницу, рядом с роддомом. Невесомый испуганный птенец прижавшийся к моей груди в ожидании чего-то неведомо страшного, она совсем не плакала, верила – раз папа рядом, всё будет хорошо.

(…дети в таком возрасте смотрят на своего отца как на Бога, а потом вырастают и становятся атеистами, потому что Всемогущий, оказывается, всего-навсего упрямый морщинистый сморчок и к тому же совсем ничего не понимает…)

Медсестра травматологии обработала рану, а дежурный врач выписал антибиотики, а через два дня, когда я привёл Эмку на повторную проверку, орал на меня – какой я жмот, экономлю на лекарствах для собственного ребёнка! Идиотизм не лечится, и тут никакой диплом не поможет.

Конец месяца в конце 90-х, до зарплаты полторы недели. Я брал хлеб в ближайшей лавке под честное слово и продавец Размик меня даже не записывал в свою тетрадку неимущих должников. В аптеках лекарств без денег не давали…

В получку, отстояв очередь к университетской кассе, я первым делом относил долг чести, остальные, до последней лумы, отдавал Сатик. Какие там заначки, всё равно в конце месяца придётся выпрашивать хлеб у Размика…

Кстати, нет ничего проще, чем создать университет. Берёшь степанакертский пединститут и называешь его государственным университетом, только и делов.

Туда я устроился, когда меня вышибли из Верховного Совета. И правильно – война, официально, закончилась и руководство имело полное право выяснить – кто ж это у них тут в аналитиках ходит с такой наглой мордой?

Но это лишь наружне, а внутри я боялся как любой и каждый, но просто сдерживался и при взрывах не рысил в бомбоубежище в подвале и только крючился в углу своего кабинета, подальше от окна. И ровно в 18:00 покидал здание бывшего обкома партии и размеренным шагом шёл под грохот канонады вдоль пустых улиц домой. Во-первых, какая разница? А во-вторых, невозможно же угадать где взорвётся следующий снаряд или ракета, или бомба…

На должность аналитика меня принимал Артур Мкртчян, первый Председатель Верховного Совета НКР, до того как его казнили под видом самоубийства, чтоб никому не повадно было ослушаться Большого Брата.

Ну да как бы пускаешь себе пулю в лоб, потом прячешь гильзу и аккуратно чистишь пистолет. Однако из Еревана прилетел более высокопоставленный следователь и объяснил как такое возможно, а жена Артура отказалась от своих показаний про черноволосого гостя, который постучал к ним в квартиру за две минуты до трагедии, потому что ей ещё сына растить надо, а это сложно для матери-одиночки.

Теперь, по подправленной из Еревана версии, она весь тот день провела в спальне с высокой температурой и ничего не слышала. Да, жильцы соседних пятиэтажек видели как она выбегала на балкон своей квартиры с криками «убили!» вслед КАМАЗу без кузова и номерных знаков, что покидал общий двор, но в материалах следствия таких данных нет, потому что соседей никто не опрашивал. Так что, сын её вырастет, получит диплом местного университета, а там и непыльную должность в тихом учреждении, Охрана Памятников или типа того. Женится, а когда жена родит сына, назовут его Артуром в честь дедушки. Я так себе думаю…

С Артуром Мкртчяном общаться мне, практически, не пришлось, слишком быстро всё произошло. Он вызвал меня, безработного сотрудника покойной газеты *Советский Карабах* (впоследствии *Азат Арцах*), и дал мне должность аналитика-переводчика в Пресс-Центре при Верховном Совете НКР. Через вторые руки, я узнал, что человек он был жизнерадостный и немного странный, сам знайиш, мог ни с того ни с сего засмеяться, даже без свежего анекдота про Вартаника и Учительницу Марго.

Степанакерт окружён, полгорода в руинах, люди в подвалах живут, Карабах в блокаде а он, ни с того ни с его, смеётся!

Но всё равно, я у него в долгу и всё ещё продолжаю анализировать. Забесплатно…

Кто Убил Артура Мкртчяна?

Чернявый из КАМАЗа не в счёт, а то можно скатиться до обвинений сплаву, из которого отлита пуля. Нет, убийца тот, кто говорит кого убить и вкладывает оружие в руки палача.

Версия 1:

До войны, в деревне, где Артур работал школьным учителем, он кого-то обидел и, пользуясь неразберихой войны за независимость, обиженник свёл счёты. Разборка на районном уровне.

(*Отпадает полностью, принимая во внимание труды изобразить это самоубийством.*)

Версия 2:

Обиженник Ереванская шишка в со связями в местном Комитете Национальной безопасности. Разборка на республиканском уровне.

(*Не исключается.*)

Версия 3:

Обиженник действует через Федеральную Службу Безопасности России, которому Комитет Национальной Безопасности Армении не подчиняется, но оба один и тот же КГБ в разном макияже. Разборка на федеральном уровне.

(*Не исключается.*)

На тот момент борьбы за независимость Нагорного Карабаха—начало который положил щедрый дар Генерального Секретаря ЦК ВКП(б) Сталина данной части Закавказья, населённой Армянами, Советскому Азербайджану—Верховный Совет самопровозглашённой Республики Нагорный Карабах размещался в здании бывшего облисполкома, рядом с круглым сквером «Пятачок».

Пресс-Центр ВС НКР занимал одну комнату с одним окном, одной дверью и двумя здоровенными столами (да, составлены буквой «Т») на втором этаже направо. В штате числился глава пресс-центра, Гегам, его секретарша, Агавни, оператор профессиональной видеокамеры, Беник, и аналитик-переводчик, Сергей.

В комната постоянно толпился густой сигаретный дым вперемешку с корреспондентами мульти-национальной масс-медии, как

группами, так и бесстрашными одиночками с фото- и видеокамерами, рюкзаками и прочим снаряжением для посещения горячих точек планеты. Прибывали они, главным образом, из бывшего братского лагеря социализма преобразившегося в свободные Европейские государства убедиться, что старый страшила СССР кончился. Хотя даже и снаружи было уже видно, что великий Союз Победившего Социализма с Человеческим Лицом (чтобы не путать с моделью Шведской подделки или отвратительным ширпотребом Китайского производства от Председателя Мао) хватила кондрашка, что он рухнул и распался, но интересно всё же посмотреть как поживают Армяне Нагорного Карабаха. Те самые, что первыми поднялись против Советской машины террора и собрались на массовые митинги на главной площади Степанакерта перед зданием Областного Комитета КПСС. Толпа заполнила площадь, люди скандировали «Тре-бу-ем!. Тре-бу-ем!», они держали плакаты с рисунком стиснутого кулака, а в дополнение свои живые кулаки, над головами.

Для соблюдения международных норм предусмотренных для подобных случаев, Областной Исполнительный Комитет принял резолюцию об отправке в Баку и Москву петиций с просьбой передать регион под юрисдикцию Армянской Советской Социалистической Республики. Ежедневные митинги на главной площади продолжались, но им был положен конец. Для разгона демонстраций в Степанакерте на применялись ни водомёты, ни слезоточивый газ. Неслыханному за все времена Советского правления явлению отпор был дан в другом городе.

Сумгаитская трагедия. Три дня и три ночи погромов в городе на расстоянии 36 километров, 42 минут, от Баку, столицы Азербайджана. Три дня убийств, изнасилований, сбрасывания людей с балконов их квартир, волочения трупов младенцев верёвочной петлёй привязанной к мотоциклу, да что угодно.

Это было немыслимым, подобные зверства могли случаться лишь в далёкой Руанде или Джакарте, но не в нашей единой общей

Родине. Три дня и три ночи геноцида, когда ломают дверь твоего дома творят несказанные зверства над твоей семьёй у тебя на глазах, прежде чем убить тебя на том основании, что твоя фамилия кончается на «-ян». Причём в озверелых бандах тоже попадались «-яны», потому что Сумгаит, город молодых нефтяников, строился *зэками* и многие остались там же по окончании срока, в лучших традициях Советского градостроения: Зона закладывает основы будущих городов.

Когда экс-*зэков* и химиков спустили с цепи, множество Азербайджанских граждан примкнули к ним, другие Азербайджанские граждане укрывали своих соседей Армянского происхождения. Человечность и национальность вещи разные.

После трёх дней и ночей выжидающего пребывания в полной боевой готовности, подразделения Советской Армии восстановили в городе порядок… В конце того же года Михаил Горбачёв был избран первым Президентом Советского Союза, который тут же распался на множество независимых государств, потому что слишком много где люди начали скандировать «Тре-бу-ем!»

Короче, СССР рухнул, и Армянам Нагорного Карабаха пришлось защищать свою землю и жизни в войне за независимость, а всевозможные корреспонденты международной (в основном Европейской) масс-медии прибывали из Еревана (столица независимой республики Армения) в Степанакерт (столица самопровозглашённой, но так и не признанной Республики Нагорный Карабах) ночными вертолётами, чтобы их не обстреливали в *тумбах*, приходили в пресс-центр и вручали свои визитные карточки Гегаму, который сваливал их в ящик своего стола, поверх залежей точно таких же кусочков бумаги.

Теми же ночными рейсами прилетали, но намного реже, активисты различных политических партий, что расплодились в регионах и столицах бывшего СССР, сколотить личный политический капитал, типа «Я даже в Карабахе был!» В Степанакерте той поры ни гостиниц, ни ресторанов не было, зато сколько угодно

артиллерийских и ракетных обстрелов и авиационных бомбардировок, так что посетители обеих категорий надолго не задерживались (кроме двухметрового блондина Викинга из Голландии, который заблудился в *тумбах* и был захвачен Азербайджанской стороной, но через неделю его привезли в тот же лес и показали дорогу в ближайшую Армянскую деревню, потому что представители масс-медии и международного сообщества направили властям Баку бурную ноту протеста на его счёт).

Чемпионом по продолжительности пребывания стал инженер из Москвы, который приехал просто навестить своих родственников. Он продержался в Степанакерте 10 дней. Родители увезли его в Москву ещё ребёнком и, в ходе своей марафонской побывки, он иногда заглядывал в комнату Пресс-Центра подтащить стул от стены комнаты к моему концу стола для подчинённых, чтобы поболтать на Русском, который давно уже стал его родным языком, пока остальная Греко-Чехо-Голандо-Эстон-(да что угодно) – ская толпа грудились вокруг стола Гегама, курили свои сигареты и оживлённо галдели на Масс-Медийном… О! Прошу прощения! Голландец оказался некурящим.

В общем, инженеру хотелось собеседника без акцента, а его родственники не могли предоставить ему такое удобство. Хотя, возможно, имелись и скрытые причины тоже, потому что его мучил вопрос, которому он не находил ответа: – Зачем он тут? Вот и обратился ко мне за помощью, так сказать, специалиста. Аналитик ведь должен знать ответы, не так ли?

Случай развивался следующим образом: один из многих инженеров, на одном из многих Московских производств, почти аутохтонный Московский Армянин, в конце рабочего дня мирно покидает предприятие через проходную и получает неожиданное предложение сесть в ожидающую машину Волга чёрного цвета, отвозят в КГБ (его язык не привык ещё произносить это как ФСБ). В очень просторном кабинете ему вежливо предлагают навестить своих родственников в Степанакерте, сумма на дорожные расходы

выделена, дирекция его завода уже подписала приказ о предоставлении ему отпуска на неопределённый период. А какое его задание? Никаких заданий, кроме как пожить у своих родственников, по которым он так скучал с тех самых пор как переехал в Москву в возрасте четырёх лет.

И вот он тут, глотает чуждый ему сигаретный дым, заглядывает мне в глаза и вопрошает в общем гвалте: —«Зачем?»

Два дня спустя после убийства Артура, он зашёл проститься, ему просемафорили вернуться в Москву и он уходит, унося в глазах недоумение: —«Зачем?»

Для моего сугубо личного пользования, я дал ему рабочий псевдоним «Метеозонд», это такие воздушные шары оснащённые аппаратурой для запуска в верхние слои атмосферы и регистрации текущих метеорологических условий в тех слоях. Когда вернётся в Москву, его опять бесплатно покатают на вежливое собеседование в просторном кабинете. Ничего не значащий разговор о том, о сём, потому что метеозонду ни к чему знать о данных, которые поставляют его записывающие устройства. А может и совсем кратким выйдет разговор, чистая формальность, сам знайиш, незачем углубляться в завершённую миссию. Молодец брюнет из Армянского КГБ!. тьфу, пропасть!. как бишь?. Ну КНБ, то есть, Комитет Национальной Безопасности независимой Республики Армения…

Идёт секретное заседание Верховного Совета Республики Нагорный Карабах. Нагорный Карабах в плотной кольце блокады, силы Азербайджана широко применяют ракетные установки ГРАД для артобстрелов Степанакерта, деревни, в упорных боях, переходят из рук в руки, нужно горючее, нужны боеприпасы…. Особо тревожна новость: Азербайджан пытается договориться о поставках тепловых ракет типа земля-воздух, тех самых, которыми СССР был изгнан из Афгана. Доставка топлива и амуниции вертолётами под угрозой.

(Как выяснилось позднее, покупателем выступала Чечня в их первой войне с Россией, но два эмиссара Чеченца были убиты в

Лондоне агентом Армянского КНБ. Британской полиции удалось арестовать агента, однако в тюрьме он отравился цианистым калием, полученным в передаче хлеба от посетителя. «Я не хочу, чтобы пострадала моя семья, у КГБ слишком длинные руки». – Было его последними словами перед успешным использованием полученной дозы.)

Необходима «дорога жизни», срочно нужен «коридор», что свяжет Карабах с Матерью Арменией, а для этого нужно занять город Лачин, он контролирует 50-километровый отрезок шоссе до Армении.

И тут Артур засмеялся. Кому нужен Лачин? У нас Иран под боком. Открытие коридора в том направлении не потребует людских потерь. Так мы создадим коммуникацию с внешним миром, с Армянской Диаспорой…

Через полмесяца Артура не стало. Он захотел слишком много – самому решать как бороться за независимость, а не исполнять указы из просторных кабинетов, заведомо ведущие на убой тысячи молодых парней. Но Версия 3, она и в Карабахе Версия 3.

Поэтому следующий, и. о. Председателя обратился в КГБ, чьи структуры не пострадали от обломком рухнувшего СССР, а стали наднациональными (несмотря на его переименование в бывших Советских республика), охранили единый и неделимый Центр и нетленные архивы КГБ

Так что упомянутому и. о., скорее всего, вставили клизму от Большого Брата за такой небрежный подход к подбору аналитических кадров при Верховном Совете совершенно независимой Республики Нагорного Карабаха. Либо же, чтобы не катить под чересчур большую цацу, решение было принято на основании старой доброй ксенофобии.

Тем более, что как инородцу, мне следовало себя сдержаннее проявлять. Тут тогда все ударились в создание госатрибутики, сплошь министерства, законодательные собрания, гимн, флаг, тыры-пыры, ну подошёл один за советом профи аналитика, но я ж от души

давал, хотел как лучше. «А есть ли у НКР шанс стать признанной?» Да легко – ты, как законодатель, создай такие мудрые законы, чтоб весь Азербайджан плюнул на своих правителей и прибежал бы просить у тебя Карабахского гражданства, а там и остальные подтянутся, от Москвы до самых до окраин. Обиделся наверно, а я ж не шутил. Я ж ещё наивный был, верил в то, что говорю, не знал, что всё выльется в 35 министерств на 50 тыс. тягловых шей трудоспособного населения… Зря он обиделся.

В любом случае, меня сократили как экстравагантное излишество для условий мирного времени. Через месяц, на моём месте был создан аналитический отдел из 30 работников, который возглавил известный местный филателист, но очень умный. Несомненно, размер штата на этом не остановился, чтобы отвечать велениям времени, так как не все ещё родственники успели вернуться из эмиграции в Москве и Ереване…

Может, где-то в Англии чиновник слуга общества, а у нас это гнида кровососная на теле народном. И не сколупнуть сучар – они на это давно учились…

Все стёкла в каждом из окон Государственного Университета были, есессна, вдрызг после всех тех бомбардировок. Однако три окна в кабинете Ректора востановили, а все прочие затянули виниловой плёнкой. Ветер, вполне предсказуемо и запросто, все эти полупрозрачные заплаты прорвал, а как только он усиливался, виниловые клочья восторженно аплодировали своему герою из каждой оконной рамы.

В аудиториях установили жестяные ящики печечек, а от них жестяные трубы на улицу, для которых зимой по утрам завхоз Университета выдавал старостам групп по два полена из сарая во дворе.

К середине второй пары печечки становились холодными как лёд, бездельные ржавые ящики с мёртвым пеплом, и девушки-студентки начинали жаловаться, что они тоже мёрзнут. Студенты-юноши,

правда, не жаловались, по причине отсутствия, они мёрзли в траншеях на передовой, ну и что что война кончилась?

И тогда я отдавал девушкам приказ: —«Стройсь! По кругу шагом… Арш!» И они маршировали вокруг Печечки, скандируя то или другое упражнение из брошюрки сборника, жёлтого от дряхлости, изданного для вузов СССР в 1957 году. А когда начинали ныть, что у них уже голова кружится от хождения по замкнутому кругу, я командовал: кругом! и шагом марш! В противоположном направлении. Они хихикали, но подчинялись и скандировали дальше… Типа Перипатетической Методологии фельдфебеля Огольцова, однако помогала продержаться до простуженного трезвона в ветровейных коридорах.

Блин!. Куда это меня повело опять?!. Ага, вспомнил – дети цветы жизни…

Но хватит об этом, вернёмся к попытке Леночки исправить мою вопиющую неприкосновенность и её неимение нормального папы… Она вошла в комнату и уселась ко мне на колени, отделяя от стола с раскрытым словарём, тетрадкой и номером *Morning Star*. Обернув лицо вверх, она подняла руку и приложила маленькую ладонь к моей ежеутрене бритой щеке. Наверное, хотела научить зааскетированного папашу как это делается.

(…что оттолкнуло меня? Боязнь скатиться в инцест? Невозможно при моём встроенном робото-самоконтроле.

Скорее всего, жалостливая улыбка на её лице «ах, ты, бедняжка» вздыбила мою шерсть…)

– Ну, хватит, Леночка, мне надо работать.

Улыбка сменилась выражением угрюмой злости и она принялась мстительно подпрыгивать, всё так же сидя на моих коленях.

– Что?! Размечталась о сладких пирожках? Не рано ли? – И я встал на ноги, бездушный робот, лишив её площадки для подскоков.

Через пару дней, вернувшись с работы я заметил перемену на моих полках. Там появилась чёрная дыра. Высокая скула лица Иры на любительском фото посреди ручья была пробита. Инструментом этого вандализма, а возможно даже и Вудуизма, послужил острый карандаш или, возможно, шариковая ручка. Вопрос «кто?» у меня не возникал. Какая разница?

– Леночка, поди сюда!

– Что?

– Как отец, я обязан заботиться о твоём образовании, чтобы ты разбиралась: что есть что. Посмотри на фотографию на полке.

– Что?

– Вот это называется «подлость».

– Это не я.

– Я не говорю, что ты. Просто запомни что такое «подлость». А кто её сделал уже неважно.

Фотографию пришлось отнести в фотоателье напротив Лунатика. Фотомастер Артур, молодой Армянин, который специализировался на переносе фотопортретов на керамику, сказал, что это поправимо. Только я попросил увеличить до размера настенного портрета, оставив всё как есть, и ручей тоже... Для восстановленного и увеличенного фото я купил картонную рамочку и поставил обратно на полку.

Увидав результат, мать моя глумливо хохотнула, что и осталось единственным её комментарием. Никаких педагогических бесед по этой теме я больше не затевал, а фотография так и стояла в полной неприкосновенности, потихоньку собирая пыль...

~ ~ ~

Накануне дня рождения своего сына Андрея, моя сестра Наташа пожаловалась, что нигде невозможно найти игрушечную железную дорогу. Если я помню тот большой круг из маленьких рельсов с крохотным поездом, что бегал по ним на Объекте... Конечно же, я помнил прекрасную игрушку и принял жалобу за повод вырваться из

повседневной колеи Конотопской жизни. Я ведь любящий дядя! Просто малость неудобно Наташу спросить, это ему два или три года будет?

Для начала я поехал в Киев. Продавщица специализированного универмага «Детский Мир» угрюмо сидела за прилавком, скрестив руки под чёрной телогрейкой разнорабочих поверх её специализировано синей униформы. Её чуть взвеселило, когда я сообщил, что «хóчу паравóза». Она хмыкнула и ответила по-селянски, чтоб мне, деревенщине, скорее доходило:

– Паравоза немає.

Что, впрочем, меня не удивило, потому что сказанное Наташей надо принимать как данность объективной реальности, и тут уже без вариантов.

Следующей деталью, которой подошла очередь возникнуть в плане, стала столица нашей общей Матери-Родины – Москва… Именно туда тянулись караванные пути натоптанные потребителем изнеможённым полупустыней на полках хронических дефицитов… В столичном «Детском Мире» нашлись паровозики с вагончиками и рельсами, и мостиками, чтобы по ним мог бегать маленький поезд с питанием от маленькой батарейки. Я отвёз добычу на Киевский вокзал в автоматическую камеру хранения и вернулся в центр города – урвать свою долю культурной жизни Столицы.

В билетной кассе Большого Театра мне пояснили, что билеты нужно заказывать за две недели до посещения их Гранд-заведения. Несколько разочарованный, я покинул прославленный очаг культуры, где нефиг ловить обогрева приблудным любящим дядьям.

Тут же на тротуаре стояла стеклянная будка наглухо зашторенная изнутри всевозможными афишами, которая торговала билетами в театры и концертные залы Москвы. Для предстоящий вечер, мне предложили на выбор: концерт звёзд эстрады в Кремлёвском Дворце Съездов, либо концерт джаз-группы в Центральном Театре Советской Армии. То есть у меня появилась возможность побывать в

Кремле ради всей той зевотной преснятины, что годами журчит из ЦТ-канализации, или же…

– Конечно джаз!

(…говорят, что вокзал в Чернигове построен при Немцах, во время оккупации. И я верю таким говорильщикам. Почему? Хотя бы за то, что не получают зарплату за своё говорение, в отличие от официальных составителей постоянно переписываемых Советских учебников истории.

А ещё говорят, что с высоты птичьего полёта Черниговский вокзал смотрится как Тевтонский крест. Я никогда не обозревал данное здание сверху, но могу засвидетельствовать, что из всех вокзалов, где мне довелось побывать, только в нём можешь набрать кипяток из большого медного крана в любое время суток…)

Ловкий подвод (нет?) сказать, что здание Центрального Театра Советской Армии выглядит как пятиконечная звезда для тех мимолётных пернатых, которым делать больше нечего, кроме как под себя смотреть. Внутри же это добротное здание с большим зрительным залом на первом этаже и выставочными стендами в широких галереях на втором.

Я скрупулёзно изучил выставку почтовых конвертов и спичечных этикеток выпускавшихся во время Великой Отечественной войны, потому что я прибыл туда за два часа до концерта. А что ещё оставалось делать в незнакомой зимней Москве? Картинки на конвертах и этикетках, при всём своём наивном примитивизме, вызывали ностальгический отклик, потому что я вырос на чёрно-белых кинофильмах той поры.

Затем я спустился в зал, куда вскоре явились джазмены устанавливать и опробовать свои инструменты на сцене – ударник, виброфон, колонки… Закончив с приготовлениями, музыканты дружно набросились на лысого Еврея за то что слишком умный и

опять опоздал. В целях обороны, он прогнал им дуру про тяготы Московской жизни, а потом перешёл в контратаку с угрозами, что скоро он ващще завяжет с этой музыкой, не ну оно ему нада, а? Они покинули сцену и зал начал медленно заполняться. Для аудитории из сотни любителей джаза, кресел лилового плюша хватало в рядах с избытком.

И концерт начался… Вела его высокая толстая девушка в чёрном и она же иногда пела. Я впитывал номер за номером и хотел только одного – пусть они не кончаются. Какой Диксиленд выдавал виброфон! Какие риффы на бас-гитаре! В одном номере басист, его гитара с длинным грифом, и девушка остались втроём на сцене, они сделали блюз такой откровенной сексуальности, что низвела всю масс-порнуху до уровня дождевой лужи у ног Статуи Свободы.

Еврей выходил только раз, он играл на бонгах. Играл?!. Весь Африканский континент не выдаст на их барабанах чего-либо подобного. Я простил ему его лысину и тупой базар перед концертом, потому что он стал совершенной иным человеком. Он забыл, что оно ему ващще не нада и творил ритмы наполняющие тебя неудержимо радостным восторгом. «Браво!»

По-видимому, в одной из пяти конечностей ЦТСА проводилось какое-то параллельное мероприятие, потому что к стойке раздевалки толпилось много офицеров в парадной форме, которых на концерте не было. Девушка гардеробщица принесла одежды сразу для двоих и сложила их поверх стойки: генеральскую шинель с красно-шёлковой подкладкой и каракулевым воротником (так этот опёнок засушенный слева от меня – генерал?) и демисезонную шинелку от Алёши Очерета. Она их опустила и испустила чуть слышный вздох печали.

(…а куда денешься? Обычная неразрешимая задача – либо гусар, кровь с молоком, но без копейки в кармане, либо замухрышка генерал, но с обеспеченным доходом.

У каждого найдутся рычаги утешить дам, када их чёт на вздохи потянуло, но часто это рычаги для разных мест…)

Московские таксисты профессиональнее своих Киевских коллег. Во всяком случае тот, который подобрал меня после концерта, оценил верблюжье-шерстяную внешность, безбагажность и с первого же раза отвёз в гостиницу, где не заводят навязшую на зубах херню про предварительное бронирование…

Гостиница «Полярная» начиналась от тротуара и терялась где-то во тьме наверху… Регистраторша запустила меня лифтом на невообразимые высоты между двенадцатым и шестнадцатым этажами.

Номер оказался схожим с комнатами отдыха на Украинских вокзалах, куда всегда принимают, был бы только паспорт и рубль за койку. Только в Полярной ночлежке коек оказалось больше – штук двадцать, на которых уже валялись постояльцы переодетые в свои спортивки. В этот момент желудок упрекнул меня в забывчивости пообедать после культурной жизни, а так же и за то, что не перекусил в пылу охоты на паравоза. Пришлось спросить где тут столовая или буфет какой-нито, на что отдыхающие спортсмены, с каким-то даже злорадством, разъяснили, что всё такое подобное тут закрывают в семь. Чувство голода и нарастающее желание осадить соседей (да ещё ж радостно так – «всё уже закрыто!») заставили меня скинуть верблюжье пальто и вжикнуть вниз на лифте.

На широкой приступке снаружи, рядом с гостиничным входом находилась также высокая дверь в ресторан, ессесна, запертая, однако в глубине различался свет и некоторое шевеление… Я принялся колотить в коричневую раму остеклённой двери. Человек в фуражке и жёлтых полосах на пиджачных рукавах возник за стеклом. При виде меня, стоящего на фоне чернильной темени позднего вечера в мелком снегу без шапки, в распахнутом на белой рубахе пиджаке, дедуктивная логика подвела его к выводу, что я как бы носик выходил припудрить или там ещё чего-то по свежему

снежку на открытом воздухе, а теперь хочу обратно. Он отпер дверь и я устремился в зал.

Ресторан занимал довольно обширную площадь, что позволяла гулять сразу две свадьбы, параллельно, и ещё оставались столики. Ждать пришлось довольно долго, пока подошёл официант, которому я сообщил о своём желании поесть, что-нибудь попроще, без излишеств. Чтобы скоротать время пока он вернётся с моим Спартанским заказом, я пронаблюдал танец молодых в ближайшей от меня свадьбе. Под конец их типа танго, дебелая невеста чего-то психанула, заехала подлым ударом локтя в грудную клетку тщедушного жениха и вернулась за стол. Он стиснул свой галстук, продержаться до восстановления дыхалки, лицо искривилось в поддельной улыбке, что обнаружила отсутствие резца с клыком. Фундамент брачных отношений закладывался прямиком на свадьбе.

Бедолага!. Ну ты, бля, вляпался, полный пи… то есть… Совет да любовь!

По счёту за ужин мне не хватило одного рубля. Вернее, рубль у меня ещё оставался, но его я берёг на расходы следующего дня. Не вдаваясь в подробности, я объявил официанту про нехватку, пообещал, что непременно верну и спросил его имя. Он назвался и не стал настаивать на рубле.

В номер я поднялся сытым и довольным, а на расспросы постояльцев, с рассеянным зевком, пояснил, что ресторан внизу ещё работает.

24 часа спустя я прибыл в Конотоп и гордо повёз денрожденный подарок На Семь Ветров. Семья Наташи уже жила там в крупноблочной девятиэтажке построенной ПМК-7. Их адрес был известен мне, потому что в виде помощи молодой семье я писал для Гены контрольные по философии и истории, которые ему задавали в его заочном институте в Полтаве. С подмоченного шурина хоть шерсти клок… Поездка лифтом на четвёртый этаж показалась провинциально краткой, но дверь мне не открыли. Гена иногда

уезжал на сессии, а Наташа могла выйти к какой-то из соседок, которым я не писал работ.

По пути на Декабристов 13, я свернул в один из тупичков улицы Пирогова, где стояла хата родителей Гены. Отец его уже спал, а Наталья Савельевна сидела с Андреем, он же её внук, он же мой племянник, в гостиной. Я хотел оставить коробку и уйти, но она попросила собрать игрушку, всё равно Андрюша ещё не спит. Когда поезд, чуть жужжа, начал бегать кругами по полу гостиной, там не осталось ни дядей, ни племянников, мы с Андреем сравнялись по возрасту…

~ ~ ~

На восстановление переводов, утраченных по ходу кататонического в стельку ступора в тамбуре электрички, ушло около года. Растянуть удовольствие на дольше не получалось – они оставались ещё слишком свежи в моей памяти. Поставив заключительную точку в последнем из переведённых рассказов, я повёз четырёхтомник Моэма в Нежин, чтобы вернуть его Нонне.

На подходе к пятиэтажке преподавателей в Графском Парке, я догнал Нонну в паре с Лидией Пановой, что когда-то кураторствовала в моей группе на Англофаке. Они направлялись к общему подъезду своих квартир, но заметив меня, остановились… Я поздоровался с дамами и сообщил Нонне о невозможности передать словами всю глубину моей благодарности за одолжённый у неё четырёхтомник, который вот он, обратно.

Она мило улыбнулась из-под своих очков и протянула руку принять целлофановый пакет. Я перехватил руку, якобы, для демократичного пожатия в стиле героев Джека Лондона. Но вместо этого, неожиданно и для себя самого, в галантном полупоклоне поцеловал тыл её ладони. Только после этого пакет перешёл по назначению. Окончательно распрямившись, я уделил Пановой чопорный кивок и удалился… Ну хорошо хоть каблуками не прищёлкнул, грёбаный поручик Ржевский.

Моя эйфория сошла с электрички на первой же остановке после Нежина и вместо неё насела неотвязная озабоченность. Какое всё-таки благо – неумение строить подробные планы! Планы должны быть краткими как строки телеграфных сообщений: Подготовить сборник переводов для печати тиражом 150 000. Тчк.

Продумывая план в деталях, подвергаешь его смертельному риску. Непременно всплывёт какая-то неодолимая подробность, в которую твой план упрётся, как «Титаник» в свой айсберг.

Гля-гля-гля! Эт чё за ё..!

Бенц! Кррчбрдзз!

...и наплывает упокоенное бульканье... какая нах... разн?.. зачем стремиться к невоможн?.. буль... бл...

И какое нормальное издательство станет рассматривать закорючки моего почерка?. Но как превратить переводы в машинописный текст? Может научиться печатать? Заманчиво! А где машинку взять? Ты видел их в продаже?

...и следующий айсберг врывается в трюм...

У секретарши начальника СМП-615 на столе стоит бандура с нашлёпкой «Ятрань» и с электрическим шнуром, чтобы совать в розетку. Целый станок с чёрным проводом на 220 вольт. Чуть коснёшься кнопки и—трах-та-да-дах! – неудержимая очередь в ответ типа автомата Калашникова. Ничего похожего на зазывное цокотанье пишущих машинок в кино. К тому же секретарша не знает Украинского и даже на Русском печатает указательным пальцем одной руки.

...ну, допустим, после работы, я приходил бы в приёмную и потихоньку...

Этот план булькнул на дно добровольно, не дожидаясь деталей – с учётом ревностного подхода нового начальника СМП-615 к его обязанностям руководителя и его воззрений на административный корпус как на персональный курятник, он не потерпит там приблудных каменщиков, даже после работы.

Айсберги неодолимых деталей обложили план со всех сторон и остановили навигацию…

Мы работали работала в локомотивном депо на строительстве трёхэтажного административного корпуса, когда моя сестра Наташа при случайной встрече в трамвае поделилась, что Ира, кстати, выходит замуж в Нежине. Сомневаться в информации от моей сестры не имело смысла, её должно принимать как факт… Мимолётное известие придавило меня не на один день.

Но я оправился, благодаря поручению нашего бригадира Мыколы Хижняка разобрать *рацуху* вдоль завершённой перегородки на втором этаже… Чтобы поднять перегородку до плит перекрытия, приходится устанавливать ко́злы, настилать на них доски и уже с них продолжать кладку. Такая вспомогательная конструкция именуется *риштовкой*. Перегородок на этаже было много и ко́злов на всех не хватало, поэтому мы громоздили «рацу́хи»(это так наша бригада усовершенствовала сочетание «рационализаторское предложение»).

Рацуха, это серия из попарно сшитых гвоздями поддонов, каждая пара устанавливается в форме «шалашика» и работает как ко́злы. Поскольку поддоны ростом ниже, по ходу кладки поверх первого настила водружаются новые пары «ко́злов-шалашиков», что, в свою очередь, также перекрываются досками, образуя *риштовку* следующего уровня. Вся эта приспособа выглядит как карточный домик, более хлипкая-шаткая, чем законные ко́злы, однако работает. Самый скользкий момент возникает при разборке *рацушной риштовки*. Какие-то из досок прибиты к поддонам, какие-то – нет и все они высоко над твоей головой, начинаешь сшибать их на пол, а сверху сыпется скопившийся на подмостях кирпичный бой, слои расшлёпанного и засохшего раствора. Мало кто в нашей бригаде любил разбирать даже нормальные *риштовки*. Ну а мне это представлялось как бы многоходовый шахматный этюд, а иногда и наугад типа минёра в боевике, какой проводок перерезать, чтобы не рвануло, но и так и эдак – успевай от осколков уворачиваться… Однако для конкретно той разборки, я послал шахматы к чёрту.

Взбеленясь, как облопавшийся мухоморами Викинг, что прёт в атаку в одной льняной рубахе, я выдирал железным ломом доски визжавшие застрявшими гвоздями. Когда верх подмостей рухнул вниз, мечась и беснуясь по навалу изувеченного пиломатериала под ногами, я расшибал опорные шалашики сшитых поддонов ударами разъярённого лома наотмашь и то ли рыкал, то ли орал: —«Свадьба?! Вот вам свадьба!»

Ноздри мои округлились, распираемые бешеным гневом и прерывисто гоняли взбитую валящейся *риштовкой* сухую пыль, в себя и обратно…

А хорошо таки дать себе полную волю, плюнуть на все стоп-краны, рассвирепеть до самозабвения ну хотя б иногда… трепеща крыльями носа, на гребне волны-цунами буйного гнева, позабыв обо всём в этом прекрасном, безумном, божественном крушении всего, что подвернётся на земле и в небесах. Ха! Нна!!.

Да только не каждому дано это возвышенное наслаждение. Мне – точно нет, слишком чётко я осознавал, что повторяю игру актёра изобразившего лютую злобу в недавно виденной экранизации странствий Одиссея. Он так же вот стягивал губы поверх оскала зубов, когда вернулся домой и начал мочить, одного за другим, женихов своей жены Пенелопы. И насчёт свадьбы, которая «вот вам!», то даже это цитата из фильма.

В любом случае, за пару минут вместо подмостей осталась груда досок вперемешку с раскуроченными поддонами. Пыль клубами курилась над полем утихшей битвы, а в коридоре, затаясь у дверного проёма, жена бригадира стропопщица Катерина вслушивалась напряжённо – про какую это я свадьбу?

Моя сестра Наташа так никогда и не сообщила о следующем замужестве Иры. Похоже, мы с Одисеем сломали нормальный ход жизни посторонней нам женщины, ни в чём не повинной, кроме случайной промашки носить то же имя и жить в том же месте, где когда-то жила моя Ира… Просто ещё одна моя очередная дурость…

(...вот и вылезло, что никакой я не волк и не ахулинамист, а обыкновенный собака на сене. Типа тех королей, что посылали своих разведённых жён под домашний арест в монастырь. Хотя, если при монастыре хороший садовником с крепким рычагом, как описывает Боккаччо...

У бля, снова меня покатило, составляю планы королям, будто мне своих проблем мало...)

Зато именно Наташа подарила мне решение титанически непреодолимой проблемы превращения рукописей в печатный текст. Она сказала, что по улице между площадью Конотопских дивизий и Сенным рынком есть машинописное бюро. Может там кто-нибудь согласиться напечатать мои переводы?....

Двухэтажное здание пишбюро напоминало «Черевкину школу». Широкие ступени деревянной лестницы устремлялись от входа прямо вверх, где в паре просторных смежных комнат сидели машинистки за отдельными столами и с изумительной скоростью стрекотали своими пишмашинками. Одна из них, по имени Валя, с короткой стрижкой светлых волос, согласилась напечатать самый короткий из рассказов, который я принёс в тонкой тетрадке на пробу. Она назначила день, когда придти за готовым текстом. Замирая сердцем, я сказал, что у меня есть ещё переводы. Она ответила, что могу приносить их тоже, по одному-два за раз. На мой вопрос об оплате, Валя непонятно отмахнулась...

Пару месяцев я пробирался в пишбюро в назначенные Валей дни. К зданию я шёл по тротуару на противоположной стороне улицы, как обучают друг друга подпольщики и конспираторы. Нырнув в широко распахнутую дверь входа, я осторожно крался на второй этаж – только бы не спугнуть подвернувшуюся шальную удачу...

Передавая Вале тетрадку с последним рассказом, я опять попытался выяснить насчёт оплаты и она снова отрицательно покачала головой. Труд обязан вознаграждаться, поэтому я решил всё равно заплатить, не деньгами, так натурой...

У остановки трамвая на площади Мира, в первом этаже пятиэтажки тянулся ряд магазинов нависавших над тротуаром своими косыми витринами. Крайний справа – «Цветы», а на другом конце, ближе к площади, магазин ювелирных изделий. Там, дав несколько кругов между стеклянными шкафами с непомерно дорогими ожерельями, браслетами, и золотыми кольцами, я купил серебряную цепочку за 25 руб. В виде подходящего футляра, я к ней добавил лакированную круглую пудреницу с орнаментом за 5 рублей с чем-то, но это уже из отдела «Сувениры» в Универмаге.

Забирая машинописные страницы последнего рассказа, я дал Вале пудреницу и попросил заглянуть под крышку. Оттуда потянулась длинная цепочка белого металла.

– Мельхиор? – спросила пишбарышня из-за соседнего стола. Но я не стал никому ничего объяснять: кто захочет – найдёт способ определить что из чего.

В тот месяц алименты в Конотоп и Нежин опять съехали на 15 руб. в каждом направлении.

За пару дней до Первомая меня снова потянуло на ритуалы. С Декабристов 13 я принёс кусок яркокрасного кумача, 40 см х 40 см, на стройку в локомотивном депо. Я прибил его на двухметровый брус из груды останков бывших *риштовок* и получился весёлый флажок. Чтобы он не мешал работать, я закрепил его на готовом углу кладки стен третьего этажа и флаг там радостно плескался и реял под весенним ветром, над отблесками солнца в реке железных рельсов стекающих к Вокзалу по ту сторону бетонных секций стены вокруг локомотивного депо.

Пётр Кирпа спросил, что это я опять затеял, пришлось прогнать ему дуру про день международной солидарности рабочего класса. Он пообещал, что я опять допрыгаюсь, но наша бригада своим молчанием его не поддержала. Поднимая кирпичную кладку стен, мы иногда оглядывались на алое полыханье над нашими согбенно трудовыми спинами…

Первомайским утром, в джинсах и светлой рубашке, я вышел на веранду обуть свои туфли. Мои родители тоже оказались там, но в домашней одежде, поскольку уже много лет считали себя свободными от хождения на все те демонстрации. Я опустился на невысокий табурет сработанный золотыми руками моего отца, чтобы завязать шнурки моих туфлей чёрной кожи.

– Ты никуда не пойдёшь, – сказала моя мать и заступила путь к остеклённой двери веранды.

– Посидишь дома, – подтвердил мой отец и задвинул на двери засовчик – плод своего слесарного искусства в Рембазе. Происходящее смахивало на домашний арест без суда и следствия. Всё ещё сидя, я кручинно опустил голову и негромко затянул протяжную песню:

"Ой Дніпро, Дніпро,
Ты велик, могуч,
Над тобой плывут облака..."

Дальнейших слов этой песни я не знал, поэтому медленно встал и сделал шаг к выходу. Мой отец поймал мою шею в захват своими трудовыми руками молотобойца, укротителя дизельных двигателей и искусного слесаря. Меня всегда восхищала классная рельефность его бицепсов. Мать моя повисла на моём противоположном плече.

Волоча их суммарный вес, я продолжал постепенное продвижение к двери. Там, я отодвинул засовчик, выкрутился из удушающего захвата двух противоборцев и спрыгнул с крыльца на мощёную кирпичом дорожку к калитке.

– Гадёныш! – крикнул мой отец.

– Негодяй! – поддержала его мать.

С победной насмешкой, я воскликнул: —«Мама! Догогонь!»

(...по рассказам родителей, в возрасте двух лет именно так я выговаривал «догони!»...)

С тех пор я перестал разговаривать со своими родителями, а заодно и перестал ходить на майские и октябрьские демонстрации. Вместо этого, выйдя на Профессийную, я сворачивал влево и шёл до самой окраины, где хаты сменялись полем и деревьями лесополосы вдоль железнодорожной насыпи. Оттуда пустынная грунтовка вела меня на станцию Куколка.

До станции я не доходил, а через пару километров сворачивал на одиночную колею ответвлявшуюся от основной магистрали. Поезда по ней никогда не ходили, потому что путь этот запасной, на случай войны. Одинокая рельсовая колея соединяла киевскую и московскую части магистрали в объезд Конотопа, который разбомбят в первую очередь за то, что он стратегически важная узловая станция. Вот зачем понадобился объездной путь, который, не заходя в Конотоп, плавной дугой выводил меня через пустые поля к Сеймовскому лесу.

Возле остановки «Присеймовье» я уходил к реке в то место на её берегу, где когда-то, ещё до брака, мы отдыхали с Ирой. Там я прочитывал номер *Morning Star*, почти целиком. Кроме последней спортивной страницы, которую я так и так всегда пропускал. Газета оставлялась лежать прижатой камнем к прибрежной траве, на всякий, может кому и пригодится.

Обратный путь пролегал вдоль магистральной двухколейной насыпи. Тропою под её высокой насыпью я входил в Конотоп и долгое время шёл вдоль примыкающих огородов, аж до второго моста, где насыпь делала поворот к вокзалу. Там мы расставались и я продолжал идти вдоль окраины над Болотом, чтобы в густых вечерних сумерках пересечь за старым кладбищем улицу Богдана Хмельницкого, а потом вдоль Сосновской выйти на конечную трамвая № 3, откуда до Декабристов 13 всего ничего.

В целом получался замкнутый круг – откуда вышел, туда и вернулся, прошагав весь день. Эти сольные марш-броски заменили мне демонстрации, а самодельные строки бой барабана духовых оркестров:

"ах о чём
мы хохóчем?
ведь не óчень
охóчи
Пустосмéшничать к нóчи,
Ну а впрóчем-то —
Хóчем
И творúм
Что хотúм,
Пáчём зря!."

Но это всё в дальнейшем, а самый первый раз *Morning Star* при мне не было, а было ощущение булавочного укола в грудь слева. И он никак не проходил, сколько ни чеши рубашку в этом месте области.

Даже ночью эта булавка меня донимала, так что утром я решил заняться трудотерапией. Я направился к локомотивному депо, проник на его территорию, безлюдную и тихую по поводу второго дня праздника, и пошёл на стройплощадку административного корпуса.

Возле навала белого силикатного кирпича, я установил пустой поддон и начал укладывать на него кирпичи. Иногда приходилось левым локтем зажимать грудь, потому что булавку там сменила вязальная спица. Когда на поддон была сложена норма из двенадцати рядов кирпича, я поставил себе диагноз, что жить пока что буду и поднялся на незавершённый третий этаж. Там я снял с угла кладки Весёлого Роджера, сунул его в дыру одной из плит перекрытия и присыпал засохшим раствором…

Запугиванья Кирпы остались пустой угрозой – в то лето меня так и не увезли в Ромны. Может я поумнел? Ну это вряд ли. Просто не подвернулся какой-нибудь высокопоставленный мозоль, чтобы я на него наступил…

К середине мая игла, или булавка, или что уж там воткнулось мне в грудь, потихоньку сама собой вытянулось, а через много лет мне стало ясно, что в тот раз я пережил свой первый инфаркт…

~ ~ ~

В моём недопродуманном плане подкатила очередная, но уже приятная деталь – вопрос сборки машинописного текста в единый том рассказов. Для этой цели я купил в Универмаге папку с твёрдыми пластиковыми обложками и никелированными кольцами-застёжками внутри. Обычно в таких папках на полках бухгалтерии стоят общегодовые бухгалтерские отчёты в ряду таких же папок с широкими, внушающими уважение корешками. Дырокол для пробивки страниц машинописного текста по размеру кольцевых застёжек я одолжил у секретарши СМП-615. Новый начальник аж позеленел увидав меня в пределах своей птицефермы, однако его мозоли не доросли ещё до статуса высокопоставленных…

Смонтированный в папке сборник рассказов отлично разместился в целлофановом пакете симпатично праздничного вида и я повёз его—звучите фанфары! гремите литавры! – в стольный град Киев, в книгоиздательство *Дніпро*.

В первом кабинете, где я с заслуженной, но ненавязчивой гордостью объявил что тут вот у меня [*Ура! Банзай! Виват!*] сборник переведённых рассказов В. С. Моэма, улыбчивый молодой человек ответил, что по Моэму он не специалист и нужный мне сотрудник сидит через два кабинета по коридору, может быть, проводить?

С не меньшей благовоспитанностью я отвечал, что, по-моему, и сам найду, спасибо.

В кабинете по указанному адресу сидел полноватый, но тоже молодой человек и с отвращением смотрел на кучку машинописных страниц в фиолетовой картонной папке раскинувшей, с развязной вульгарностью, свои белые шнурочки-тесёмочки поверх его стола…

От Моэма он не открещивался и тогда я вынул и водрузил перед ним увесистый том в серой пластиковой обложке. Он нехотя открыл,

глянул на заголовок первого рассказа

Дождь

испуганно оглянулся на окно и спросил кем я послан.

Я обомлел и начал лихорадочно догадываться: так значит, сюда нельзя от самого себя! Такие номера тут не проходят. Надо чтоб меня прислал герцог ***, тогда приёмщик поймёт чей я вассал, сопоставит удельный вес герцога*** со своим сюзереном (маркизом ***), чтобы знать как со мной обходиться. Последует удостоверительный звонок по телефону и тогда уж станет окончательно ясно куда сунуть страницы печатного текста оказавшиеся у него на столе. Система чёткая, всё на мази, без лазеек для самозванных сборниконосцев…

Тем временем он, просто на всякий, раскрыл том снова, где-то в середине, и тут же захлопнул.

– Я всего лишь посыльный, – пояснил я. – Меня просили принести в ваше издательство, вот я и принёс.

– Кто?

Я раскрыл папку показать наклейку на обратной стороне лицевой обложки, на всякий, с моим Конотопским адресом: —«Вот этот мой друг».

Разговор с посланцем не от какого-нибудь даже занюханного барона, а вообще… как, бишь там?.. из Конотопа? или что-то в таком роде… был ниже его должностного достоинства.

На его холодно официальное прощание я откланялся в том же температурном режиме…

На следующий вечер в Конотопе, на улице Декабристов 13, после работы меня ждала на полках этажерки бандероль в горчично-прочной бумаге почтовых отправлений. Вскрывать бандероль у меня не было причин. Зачем? По размерам и знакомому весу я и не глядя знал чтó там внутри.

Годовой отчёт за прошедшие шесть лет жизни: 472 страницы машинописи, 35 рассказов В. С. Моэма в переводе на Украинский язык.

Странно, что бандероль не прибыла из Киева раньше меня. И странно также, что эта нераспечатанная бандероль нечитанных рассказов оставил меня таким отморожено безразличным.

(…выходит, эти шесть лет не вписываются в в феодально разгрáфленную систему книгоиздательского дела…

– Кто вас прислал в нашу квадратно-гнездовую реальность?

– Простите, я постучал не в ту дверь…)

– Моё вам с кисточкой, дорогие пэры и пэрухи, сэры и сэрухи! – как говаривал мой дядя Вадя, большой знаток вассальной зависимости из учебника История Средних Веков книгоиздательства учпедгиз…

~~~~
~~~~

~ ~ ~ башня слоновой кости

Вместо одного экземпляра книги рассказов В. С. Моэма из не слишком большого (150 000 экз.) тиража, на полках прочно улеглась увесистая бандероль, надгробный камешек в почтовой упаковке. В той части, что зависела от меня, широкий план действий был исполнен по всем пунктам и это лишило жизнь дальнейшей цели. Она катилась по наезженной до блеска колее, но уже бесцельно и беспланово.

Впрочем, если не задаваться бесполезным «зачем?», то и парнóй по четвергам с последующими парой бутылок пива достаточно для мотивации прожить ещё одну неделю. Тибетские монахи, например, там, наверху, и без такого умудряются.

Моему не вполне Тибетскому, но хорошо укатанному образу жизни явно не хватало плотских утех. Я поймал себя на этой мысли в один из вечеров, когда вернувшись с работы на Декабристов 13 привычным взором окинул беспорядочное стадо шлёпанцев и тапочек, и проч., вокруг обувной полки на веранде. Пристрастный самодопрос по горячим следам произвольного взгляда выясняет, что это он выискивал Австрийские сапоги на танкетке, которых там и близко нет. Конечно, взгляд не виноват, что обувь Made in Австрия слишком долговечна и ни в какую не желает изнашиваться из памяти… Однако откуда среди лета вдруг взяться сапогам? И чего ради ей приезжать в Конотоп, но говоря уж о Декабристах 13? Подобные риторические вопросы помогали выставлять себя на посмешище перед самим собою, но не могли предотвратить ночные поллюции…

Глубокой ночью мой сон прервался тем, что вскинув голову, я резко уронил её на деревянный подлокотник раздвижного дивана, повыше подушки. Однако боль и кровь из рассечённой брови не заслонила факта промоченных трусов. Я сдёрнул их, обтёрся и

забросил за дальний подлокотник возле оклеенной обоями стены – утром уберу. Затем я встал и сделал несколько шагов сквозь темень включить лампу на столе.

Минуя на обратном пути зеркало в двери шкафа, я отвернул лицо – незачем засорять ему память ещё и этим угрюмым нудистом, вдобавок ко всему, что хранит оно в своей базе данных – недавно начавший ходить карапуз в изумлении хлопает в ладонь молчащего малыша с той стороны стекла… подросток до боли выгибает шею, хоть искоса взглянуть из запрокинутого лица на свои волосы, что всё ещё не достают до лопаток… безудержно радостная скачка молодой пары на залитом солнцем диване в компании своих ебливых отражений, беззвучных, но прытких. Убравшись с глаз зеркала подальше, я наклонился и откинул одеяло. Блин! Влажное тёмное пятно марало изморщенный ландшафт малиновой скатерти, которая давным-давно лишилась своей бахромы и перешла в разряд диванных покрывал.

– Это правильно, – сказал я сам себе, – именно для этого ты её и украл.

Потом я сделал в покрывале складку поверх пятна, чтоб не касаться мокрого, и лёг досыпать ночь.

"Для меня дыры чёрные – белые пятна,
В дрёму сунутся
с бормотаньем невнятным…
…и сплетаются в жгут без ответов вопросы…
…окропя чёрным семенем белую простынь…"

А и ещё трудно стало ездить трамваем в часы пик. Если стиснут со всех сторон, как вогнутую бубну, это куда ни шло, но когда при этом ещё и уткнут в пышное бедро молодой женщины – хоть «караул!» кричи, кричи «насилуют!». Чёрт! У тебя тут, естественно, прёт ломовая эрекция, которую не в силах утаить даже оба ваших плаща. А отступать некуда – пассажиров напхалось как две бочки селёдки в

одну, вот и остаётся только покачиваться вместе с прытко бегущим вагоном и уныло пялиться в окно типа я тут как бы не при чём. Но если не твой то чей же?

"Благословенны будьте повороты
и прочие извивы у путей трамвайных,
Пособники сладчайших прикасательств,
вполне пристойных и почти случайных..."

Вот это-то всё и доводит до сексуального голодания, которые научные умники укоротили до термина «либидо». Весьма рекомендуют применение Лебеды этой, людям творческих профессий вроде враз идёт на подъём драйв у твоих произведений. Но мне-то на кой ляд эта либидятина? Я вам не Ван Гог, и не Волт Витмен. Мой план исполнен и забандеролен. Однако как избавиться? Вот в чём вопрос.

Причём эта лярва, да-да, ли-би-до, могла ухватить меня не только в общественном транспорте, но и на рабочем месте. Просто здесь творческий оргазм начинался минуя стадию физиологического торчания.

Например, во время отделочных работ на 100-квартирном, меня привлекла молодая штукатурша. Одного взгляда достаточно, чтобы различить в этой сельской красотке полное отсутствие каких-либо интеллектуальных запросов, однако чистый румянец, манящие абрисы грудей и бёдер (даже под наглухо застёгнутой спецовкой) обезоружили меня и приковали. Вот я и решил накропать Песню Песней личного производства с использованием штукатурши в качестве натурщицы.

Обычно внутреннюю штукатурку на объекте начинают после засыпки плит пола керамзитом. Керамзит – хороший теплоизоляционный материал, но он хрустит под ногами пока его не покроют стяжкой на последующих этапах отделочных работ.

Обернувшись пару раз на хруст моих осторожных шагов—я приближался к дверному проёму уточнить детали предстоящего шедевра— натурщица спросила Трепетилиху, что затирала оконный откос в одной с ней комнате – «Може оцей мой отой мастерок поцупив?»

– Не може, – ответили Трепетилиха, – оцей потопчется по твоему мастерку, но не украдёт.

С учётом размеров моего либидо на тот момент, новая Песнь Песней, как пить дать, превзошла бы творение Соломона и только лишь циничное подозрение о моей причастности к мелкой краже инструмента спасло всемирную литературу от предстоявшей ей необходимости переоценки ценностей.

"С чёрной кручиной своей
Пришёл я к Чёрному морю —
В пучинах кручину свою утопить.
Бросил с утёса. Ушёл.
Но что-то толкнуло: смотри!
Оглянулся и вижу я —
Тонет Чёрное море в чёрной кручине моей..."

Проклятье! Два развода и три ходки в Ромны не оставляют и одного шанса из тысячи на серьёзные отношения да и вообще хоть какие малейшие. Вот и держишь себя в смирительной рубашке...

И лишь бураны удержу не знают... Хорошо хоть не в лицо сечёт, а сзади, подталкивает к станции через сумрак раннего утра. Плотные потоки снега в шквалистом ветре обращают сумерки вспять – в темень ночи.

По колена в сугробах, я бреду по предполагаемого служебному проходу вдоль железнодорожных путей. Бетонные столбы что держат контактный провод над путями обернулись вехами, чтобы не слишком-то уж петлял в струях пустыни плывущих снегов.

Оглядываться нельзя – снега вмиг облепит лицо леденящей маской. Да и смотреть там не на что: было – прошло..

Только зачем я вижу её обнажённое тело, белое как всклоченная пена этой обезумелой пурги? И она не одна – слепляется с кем-то. Не со мной...

Я отворачиваю лицо назад, к оплеухам снега, чтобы очнуться и не видеть. Включаю в мозгу взрыды органа из подвала Дома Органной Музыки, они отрывочны, резки и не точны, но отвлекают...

... я должно быть и впрямь извращенец... ни один нормальный не испытает эрекции при виде соития своей жены с кем-то другим в гуще метели...

...какая жена? у тебя нет жены!.

...пусть не жена – любовь всей жизни...

...заткнись, придурок!.

Я мотаю головой в отчаянии и, со стоном, бреду дальше. Жёсткий удар вскользь в левое плечо сзади призывает к порядку. Электричка из Нежина пробирается сквозь пургу к вокзалу.

...поезда всегда правы, у них нет отклонений...

...смотри, вон мутные пятна фонарей впереди, над четвёртой платформой...

...оттуда в общей толпе под снегопадом на привокзальную площадь, к Нашей Чаечке...

...всё нормально, я такой же как все...

~ ~ ~

Поздним вечером на привокзальной площади кому-то вдруг поплохело. Может, сердчишко, перекурить надумало или ещё там чего, но прилёг человек на асфальт в позе «бряк». Однако «скорая— вот молодцы! – подкатила раньше, чем стихли женские «ахи!» в небольшой толпе сгрудившихся над отдыхающим.

Приближаясь к вокзалу через парк Лунатика, я пропустил начало и посмотрел лишь заключительный акт – отъезжающую скорую да рассасывание группки людей. Однако от пьедестала запаркованного

Ленина ещё звучали отголоски эха «ахов!», так что сложить недостающие два плюс два труда не составляло.

Вдоль аллеи ведущей на площадь, одна из очевидиц происшествия приближалась ко мне, задумчиво шагая в противоположном направлении. Когда мы сошлись, она вдруг повторила «ах!» отрепетированный незадолго перед этим, всплеснула руками типа балерины из *Лебединого Озера*, и упала на меня.

Что мне оставалось делать? Есессна, я подхватил обморочную в падении. За подмышки. И джентльменски отволок лебёдушку в полуотключке на скамейку из зелёных брусьев в низкой стенке из обстриженных кустов.

Она сидела молча, свесив голову, и я галантно помалкивал, укрытый вместе с нею густой тенью дерева отгородившего свет фонаря в аллее. Сидя бок о бок и внешне соблюдая тишину, я читал пылкую (беззвучную) проповедь самому себе про бессмысленность малейших поползновений со стороны любого малого с моим непроглядно чёрным (как смоль) прошлым, тем более в городе, где все всё про всех. Кому нужен совсем пропащий ухажёр? Кто позарится на чокнутого, отпущенного на побывку до следующего ежегодного прикрытия в Роменскую психушку для подкрутки контргаек в мозгах?

Когда наше взаимное молчание стало слишком навязчивым, она положила свою руку мне на плечо, сказала слабым голосом «спасибо!» и ушла.

Я уныло смотрел вслед светлому пятну её длинного плаща удалявшегося по аллее, а про себя думал: —«Идиот! Обнял бы девушку за талию, а дальше пусть сама решает: положить тебе голову на плечо или сказать «не наглей!» и только потом уйти. Нет? Ты для такого слишком умный, ты всё за двоих решил! Вот и остался на бобах при своём грёбаном потоке сознания, мокрушном либидо и ночами бесконечными как у принцессы на горошине!»

– Так ты, брателя, Катьку в парке подцепил?

– О чём ты, Натаня?

– Да, брось! Катька из нашей бухгалтерии. Она мне сама рассказала: в Лунатике ей плохо стало и она упала на тебя.

– Она меня с кем-то путает или его со мной.

– Вот только баки мне не забивай, да?!

– Ё-моё! И есть же счастливчики! Катьки на них в парках падают!

~ ~ ~

После получки я сошёл с Нашей Чаечки напротив автовокзала и завернул в почтовой отделение, разослать по тридцатке алиментов. Затем я пересёк улицу Клубную и пошёл вдоль парка Лунатика в сторону вокзала.

– Эй! Ты ж из Орфеев, нет? Огольцов?

... молодой мужик моего возраста, на пару с женщиной, его жена, наверное, тоже к вокзалу...

– Да, это я.

– Так я ж тебя знаю! Ты в Нежине учился, а я знал твою жену Ольгу!

...нет, никогда не видел, и ты не один знал Ольгу, с тех пор как она стала мне женой...

Он оглянулся вокруг, словно выискивая булыгу поувесистей – брякнуть об мою височную кость. Потом ткнул пальцем на свою спутницу, которая упорно смотрела в сторону.

– Во! Прикинь – идём и всю дорогу долбает меня во все дырки!

...а чё неясного, во все дырки ну... вот же ж допотопщина... тут бродишь весь исстрадамшись, такой весь обсопливленый в тоске по флейте Иры, а они всё никак не уймутся выскакивать со сводкой свежих новостей про Ольгу...

– Ага. Прикол. Передавай привет моей жене Ольге.

– Ну ты... этта... д-дурогон!

Предоставив их друг другу, я сворачиваю с Клубной в парк, на дорожку ко входу в Лунатик ДК, но огибаю его справа и, за гипсовой спиной белого Ленина, иду по диагонали к боковому выходу из

парка, потом мимо одиннадцатой школы, на конечную третьего трамвая у Переезда-Путепровода.

На остановке у базара, Чепа и Владя поднялись в трамвай.

– Привет! – говорю я. – Как дела?

Чепа настороженно кивает и они тоже говорят «привет!»

Вагон враскачку несёт к школе № 13. У меня вырвался негромкий смешок.

– О чём ты смеёшься, Сергей, – с небывалой корректностью спрашивает Чепа. Это ж надо! Первый раз в жизни он назвал меня по имени, а не школьной или лабуховской кличкой. Да ещё с такой чинной помпезностью типа как лорд-спикер обратился к лидеру оппозиции.

– А... Вспомнился Владин стих. Помнишь, Владя? Мы на уроках стихи писали. Один раз я сварганил про Владю, он там дул в рог и трахал мечом о щит, вызывал на бой другого рыцаря. Так он в ответ выдал:

“***Но твой расчёт не удался́***
Покрыть меня
Военной славой,
И за трубу я не брался́,
Я в тот момент
Сидел в канаве...”

– Ну, помнишь, Владя?

По тому, с каким виноватым видом он пожал плечами, оглядываясь на пассажиров вокруг нас, стало ясно, что таких воспоминаний Владя не держит, так что я решил, что лучше уж сойду возле тринадцатой, не стоит причинять напряг былым корешам... Ноги сами несли меня по Нежинской, по Евгении Бош, по Котовского, они знали эти улицы досконально, я вполне мог на них положиться и, на досуге, думать о том, о сём...

...тот переводчик из *Всесвіта* неплохо сработал стихи того Чеха... а как на Русском-то как будет?.

"Иду и улыбаюсь сам себе,
А как подумаю что́
Обо мне решат прохожие,
И вовсе – хохочу!..."

...нет, во *Всесвіте* лучше, молодец переводчик, но тот Чех ещё молодчее и Чехи вообще молодцы... взять к примеру того же Яна из Большевика......стоп! Яна брать не будем... а и Большевистский прах прошу не ковырять, а то всё выльется в одно заунывное Сю-Сю для выжимания горючих слёз из насухо окаменевшей губки, что уже год как завалилась за буфет... нет но этот Чех в натуре молодец... всем им нос утёр, показал как надо делать завещание поэта... до него ж одни лишь двухходовки примитивно высиживались: ах, меня похороните там, где по весне соловушка над моей могилкой песню запоёт... а мене, ген, туди, де Дніпро чутно буде... полный эгоизм с консумеризмом... идите поучитесь у хохотунчика Чеха... полная пошаговая инструкция... начиная с породы дерева, под которое зарывать, чтобы корни Липы качали соки покойного в цветущие ветви, откуда пчёлки соберут медок для смазки булочек красоткам, как сядут утречком в постельках чайку откушивать на завтрак... вот где лыцарь по полной! а хули с того, грит, что я померший?. это не повод, грит, лишать клиенток наших спец деликатесов!. Но всё валить на одну Чехию неправильно, потому что шизофрения наднациональна, нерушима и неделима... хотя время от времени выныривают проныры-перебежчики, и нашим и вашим, изменники типа Фрейда, и запрягают своё специфичное ви́дение мира на службу своему карману, открывают Венские школы... горшочек варись, горшочек не варись... за подлый металл он утратил свой шанс остаться вполне нормальным шизиком, свободным, как все мы остальные... он клюнул, слабак, на самую тупую наживку для полных

лохов, помни сынок, чем длиннее строка нулей в твоём банковском счёте, тем ты круче… хули в нулях, братан, когда всё настоёбло?. однако, Пещера-Матушка, как и во все времена, такая уютная для слепцов… но, как падёт последний занавес, после жизни проведённой среди неврастеничных истеричек и стаи занафталинизированных пауков, докторов всякоприлегающих паутинных наук, не спрашиваешь ли ты у своей рожи в зеркале, ну что, Зигги, помогли ли тебе твои Ляхи?. о, дайте, дайте мне назад мою шизофрению, я свой позор сумею искупить!. опаньки! на волю потянуло?. вот только что такое свобода и где у неё пéред, как выражается д-р камневедения Пётр Лысун… свобода от чего?. и тут оказываешься крепенько прификсированным в смирительную рубашку национального пошива… для британца Шекспира это свобода от времени, «прервалась связь времён», описывает он заурядный клинический случай … тогда как в Украинской традиции сам уже термин обозначает отделение от Бога, «божевільний» либо же, альтернативно, интерпретируется как некое анонимно «вольное божество»… впрочем не имеет значения, поскольку существование Бога и свободы в равной степени за пределами доказуемости… и почуяв, что привязь уже не держит – йиху! вперёд как белокрылая лошадка – вперёд! с упоеньем до умопомраченья, роняя пену с ноздрей… но заруби на носу, приятель, на воле-то хорошо, да уж больно студёно и мокро… и в этом вся суть подлого подвоха: как обойти диктаты всех мастей для удержания масс сплочённым стадом, но вместе с тем иметь комфортные удобства стадного образа жизни, от тёплой бабёнки под боком и до прохладной водочки из морозилки?. проблема покруче, чем грохнуть квадратуру круга, сам знайиш…

…это что?. Декабристов?. так быстро?. ни себе чего!. Повезло Меркуцио иметь такого друга как Ромео, тот вовремя бы сдёрнул с облаков… «ты о пустом болтаешь, друг мой, о пустом! Смотри, не то утопаешь на улицу Циолковского!»

…странно…чего это Леночка выгуливает перед калиткой?.

– Папа, к тебе гости.

– Какие гости?

– Не знаю, говорит, что твой друг.

Звякнув клямкой калитки, я захожу во двор.

На лавочке возле крыльца, воздев глаза к нижним веткам Яблони, чей ствол служил также естественной спинкой, сидит мой друг, выдувая дым сигареты в листья.

– Привет, Двойка.

– Привет, Ахуля.

~ ~ ~

Он явился из старинного, но близкого Бахмача (25 минут электричкой), чтобы семичасовой отбыть восвояси. До отправления времени оставалось не так уж много, но и немало и мы не спеша пошли на вокзал. По пути повспоминали золотое времечко и наших общих друзей: Петюню и Славика. Двойка обрисовал, в общих чертах, течение их случаев за минувший период. Вздохнув с печалью, Двойка признался, что ему известно о том, как у меня всё пошло наперекосяк. Ну а он, тем временем, получил диплом и, по направлению, стал учителем химии в селе Варваровка, за 6 км от своего родного дома.

Настолько удачное распределение друга меня не удивило, потому что в эпоху дефицитов Товаровед районной торговой базы (должность его матушки) имела в своём распоряжении более мощные рычаги, чем доступные секретарю районного комитета партии.

В Варваровке всё потопало в самогонном море, откуда выплыть дано лишь недюжинным особям с генетической устойчивостью к перваку доставшейся от казацких предков. Промежутки в работе педагога сельской школы заполнялись гулеваньем с полублатными хлопцами райцентра, да поездками в Нежин перепихнуться с какой-нибудь покладистой профурой в студенческой Общаге.

В армию сельских учителей не брали, как и лиц достигших возраста двадцати семи лет. Когда стукнул означенный годок, Двойка понял, что ему пора расти. Преподаватель Нежинского института, прикормленный дефицитами с товарной базы Двойкиной мамаши, составил протекцию в какой-то исследовательский институт в Киеве.

А-С-П-И-Р-А-Н-Т-У-Р-А. Каждая буква сияла персональным ореолом. Чтобы влезть в аспирантуру при НИИ (научно-исследовательский институт), Двойка готов был молить всех богов, что только подвернутся. Даже после того, как Нежинский профессор свёл его мать с нужным человеком из НИИ и она провела необходимые переговоры, Двойка не поленился сходить во Владимирский собор вознести молитву и не пожмотился на свечку в два пуда, а теперь, на всякий, приехал в Конотоп, попользоваться заодно и мною. Как никак, я тот самый Ахуля, элита Общаги, восходящая звезда АнглоФака, носитель благословенности, как Яков, как Иосиф…

(…чёрт его знает что оно ващще такое, благословенность эта, но раз Томас Манн сказал, что есть, значит всё же таки есть…)

Похоже, Ахуля нехило хряпнулся под откос и расплескал благословенность, но как знать, капля-другая могла же и осталась. Почему не выбрызгать остачу на такого друга как Двойка?

> *(…правда, он и словом не обмолвился ни про какие капли и всё, что после двухпудовой свечки, лишь нездоровый плод моей горячечной фантазии, кроме Томаса Манна, конечно…)*

В заключение, Двойка перешёл к своим ближайшим проектам на будущее и без околичностей изложил бизнес-план, по которому терять мне всё равно нечего, а у него впереди научная карьера, осталось только аспирантуру пройти. Но если повезёт, светит приличный куш… Карочи, один типа как деловой из Киева хочет купить мешок или два конопли. Приглашать его в родное село

Двойке неохота—а ну как опером обернётся?. сам знайиш—так вот бы я и продал в любом удобном для сделки месте.

Дружеское предложение навеяло в меня меланхоличность типа как бы. За политические выходки дают ходку на сорок пять дней в Ромны, но на сколько прикроют за наркоту? А и могут сделать из тебя беспробудный овощ… Однако общая оценка текущей ситуации в изложении Двойки отвечала действительности, мне и впрямь терять было нечего после исполнения моего плана по Моэму. И я согласился.

На второй платформе, мы обменялись прощальным рукопожатием: да обрящешь вспоможение от окропления недоразбрызганными каплями моими, мой бывый друг. Поступай в свою аспирантуру – большому кораблю большое и плавание…

~ ~ ~

На столе телеграмма, мне из Киева: «суббота 12:30 метро пригородного будут ребята». Подписи нет, значит друг меня зовёт, утраченный и заново найденный друг Двойка.

Всю поступающую на моё имя почту родители клали на полки – вечером приду, увижу очередной номер *Всесвіта*, но телеграмма приходит впервые, и текст какой-то заговорщицкий. Поэтому положили на столе под лампу, чтоб сразу увидал, как явлюсь с работы.

Поскольку на вопросы родителей я отвечаю молчанием, выяснение поручено Леночке. Ей я отвечаю с уклончивостью Дельфийских пифий, чувствуя как нарастает напряжённая тишь на кухне и в смежной комнате.

– Тебе телеграмма.

– Как интересно.

– Уже прочитал?

– А что ж ещё с телеграммами делают?

– Из Киева, да?

– Так тут написано.

– От кого?
– Тут не написано.
– Ты поедешь?
– Можно и не ехать, если раздобыть дельтоплан.

Зачем я так выпендриваюсь и напускаю тень на плетень поверх пифийского тумана? Потому что не знаю как ещё привить вкус к философическим диалогам и игре словами. Как ещё могу я приоткрыть ей, безматерной, извечную женскую тайну, чтоб тебя продолжали обхаживать – давай, не давая? Обычно, эти прекраснословные беседы обрываются яростным негодованием кухни: —«Поговорила? Уйди ты от него!»

Свысока покосившись на меня, Леночка произносит «странно!» и идёт прочь.

Умная выросла девочка. Умеет лавировать, пусть пока ещё наивно, по-детски. За спиною неслабая выучка, особенно от трёх до пяти; когда у неё вдруг испарилась мама, а папа показывался лишь на выходные, сказать» привет!» и уйти к своим друзьям; а по будням вечером за стенкою храпел пьянючий дед, а бабушка с досады, что таки улизнул, хоть вместе шли из цеха к проходной, и что намёрзлась в ожидании битком набитого трамвая, и что одна тащилась с сумками через потёмки и сугробы окраинных улиц – страшным криком кричала на девочку, грозя отдать её, гадость такую, в детский дом, и ребёнку казалось – не бабушка это, а Баба-Яга, злая колдунья, хозяйка жутких чудищ, повелительница чёрной вьюги, что царапается в стылые окна, и все они против неё – одной, беззащитной, пятилетней гадости. Жаловаться? Кому? Ждать помощи? Откуда?

Вот и подладилась Леночка к любимой бабуле. Знает когда обнять и чмокнуть, а та ей пирожные с кремом привозит из магазина «Кулинария» на Переезде, где пересадка в трамвай на Посёлок. Да ещё и шьёт ей всё на машинке Зингер.

А что хорошего она от папы видит? Придёт с работы и книжками шелестит, даже вон настольную лампу купил для этого. Ну ещё

тридцатка в месяц, но это же бабушке, на что шестикласснице тридцать рублей сразу? А Бабулька на неё страховку завела: исполнится 18 лет – пожалуйста, Леночка, получите 2 000 рублей!

И чего хочешь вкусненького попроси – бабушка сготовит. И про одноклассников всё до капельки знает, с ней есть о чём поговорить. Конечно, если спросишь что такое счастье или, например, в чём красота, то отец интересней объяснит. И так умеет похвалить новую причёску, что аж в носу щекотно от радости. Но всё равно, Бабулечка лучше...

Мой друг Двойка верно вычислил, что встречаться надо в 12:30. Именно к этому времени докатывается до Киева первая электричка из Конотопа. Не учёл он лишь одного – что не терплю я быть поставленным в рамки, которые не сам определил. Поэтому в Мать городов Русских я прибыл на два часа раньше, скорым поездом...

Прогулочной походкой я покинул звенящую трамвайной суматохой привокзальную площадь и по наклонной плоскости широкого пустого тротуара направился к перекрёстку в отдаленье.

Полдюжины Цыганок вошли вслед за мной в ближайшую столовую за перекрёстком. Снимая плащ и шляпу на вешалку в углу, я почти пожалел о таком совпадении, жди теперь, пока их группа выберут себе хавку и дотолкают пластмассовый караван подносов до кассы, перекликаясь на своём тёмном языке.

...уймись, ещё вагон времени...

Однако Цыганки приняли выжидательную позицию и, поочерёдно взглядывая на меня, явно воздерживались идти первыми. И тоже правильно – как ещё проверить что тут съедобно на сегодня?

– Хлеб забыли, – буркнула кассирша взглянув на мой поднос.

– Не треба.

Пожав плечами, она отбросила на своих счётах приплюсованные уже было костяшки и приняла потёртую рублёвку.

За столом, скромно потупившись в капустный салат вприкуску с заварным пирожным, я старательно не обращаю внимание на диктора новостей, в шапке и пальто, что за соседним столиком

вещает молча жующей сотрапезнице последние известия своего мира, где вчера кто-то облопался ноксироном и – гаплык, не откачали. М-да, самый застольный разговор.

Однако что самое интересное, этот столичный торговец новостями повторял, слово в слово, новость, которая уже не новость в провинциальной глуши. Крановщик Виталя делился ею ещё на прошлой неделе. Совпадение, или плагиат?.

Перехватив мой задумчивый взгляд, диктор напыжился честолюбиво – владелец сногсшибательной сенсации…

В парикмахерской на той же улице никакой очереди и, когда я свежевыбритым вернулся на вокзал, до встречи с Двойкой всё ещё оставалось полчаса. Чистильщик обуви в синем сатиновой халате наярил мои туфли, мелькая якорями своих татуированных кистей.

Вместо того, чтоб глазеть на дамочек снующих мимо его будки в дверь женского туалета и обратно, я упорно смотрю в седину головы склонённой к моим коленям. Мужику надоела такая кричащая аномалия. – «Чё уставился?»– спрашивает он, откладывая щётки и берясь за бархатку.

– Видать понравились вы мне.

– Надо ж, – угрюмо хмыкнул он, – да я и сам себе не нравлюсь, а тут – понравился.

– Значит у нас разные вкусы.

И всё равно остаётся ещё пятнадцать минут.

Пройдя через необъятный вестибюль вокзала, я взошёл по белокаменной лестнице на галерею второго этажа, чтоб опереться локтями в широченный белый парапет над грандиозным, теряющемся в сумеречной выси залом, и бесцельно уставиться на суматошливую неразбериху Брауновского движения людей-частичек по белым квадратам его дна. Минут через пять смешается с ними и эта, пока ещё взирающая сверху вниз на всю их суету, частичка – я.

Их торопливые потоки редеют где-то к центру зала и, миновав его, они опять густеют. Причиной феномену атлетичная фигура в алой куртке, что вышагивает там неторопливыми кругами. Ждёт кого-то.

Кого? Не меня. Меня никто не ждёт, если не считать Двойки, который сейчас, пожалуй, так же вот кружит у метро, в волнах пассажиров из соседнего, Пригородного, вокзала.

Забавно.

В центре Центрального вокзала в ожидании кого-то ходит кругами этот здоровяк, у соседнего, меньшего вокзала, круги выписывает здоровяк помельче – Двойка, тоже в состоянии ожидания. Если продлить эту линию, то где-то далее, скажем, на конечной трамвая крутится кого-то дожидающийся акселерант. И получается как тот нескончаемый человечек в огнетушителе на лестничной площадке второго этажа детсада, который своими кувырками на картинках подводил меня к понятию о бесконечности. Тот детсадный «я» даже и слова не слыхал такого – «бесконечность», но бесконечно глазел на огнетушитель и силился понять: где же кончаются те человечки в кепках?

Тот недотёпа – это я, сменивший его; а меня сменят другие «я» и все мы конечны, в отличие от человечка в кепке…

На подходе к метро, чтоб скрыть лицо полями шляпы, я упираю подбородок в грудь: вон он, мой друг Двойка, похаживает вдоль шеренги телефонов на стене, выгуливает—туда-сюда—заново отрощенные усики, престижно кожаное пальто, редеющую шевелюру и малость недовольную задумчивость. Вот он развернулся и пошёл обратно.

Я догоняю его и неслышно следую сзади. На краю площадки он снова поворачивается – прямиком к моей ухмылке: —«Привет, Двойка. А где ребята?»

– Ахуля! – Запрокинув широкое лицо, он всхикивает характерным Двойкиным смешком – с тем же плотным прищуром, из-под которого прощёлкивает обстановку: что тут оно как.

Он радостно меня облапил, отпустил и завёлся сбивчиво толковать про Славика с Петюней, которых всё-таки не будет.^

Из пригородного вокзала хлынула новая волна прибывших очередной электричкой и мы отходим к стене. Двойка прекращает

строить сбивчивые гипотезы о причине неявки ребят из Чернигова, просит «двушку» для автомата и крутит диск, заглядывая в записную книжку. Как острил чернявый кагебист, лучше иметь тупой карандаш, чем острую память.

Навьюченный поток прибывших несёт в своих волнах сетки, чемоданы, рулоны обоев, пакеты, ящики, вёдра, вязанки труб, портфели, рюкзаки, саженцы, карнизы, птичьи клетки и прочие разновидности вообразимой и не слишком предсказуемой клади и, проталкиваясь в метро и к остановкам общественного транспорта всех видов на площади, искоса брызжет взглядами на двух столичных деловых.

Вон тот, что звонит, с широкой кожаной спиной, видать, босс, а этот, с цепким взглядом из-под низко надвинутой шляпы – телохранитель. И хоть даже не каждый в толпе знает слово слово «босс», или «телохранитель», но нутром своим чуют все уважение к такой вот паре – хотя бы уж за то, что без поклажи, что есть им куда звонить по телефону в этом столичном граде Киеве.

Откуда ей, поспешливой толпе, знать, что Двойка в этом городе «чеча́ко», а я и вовсе проездом, по его телеграмме… А, кстати, куда это он звонит? Понятия не имею. Да и не важно, я ведь всего лишь орудие. Есть с нами тот, кто всё за нас решит, а моё дело – исполнять приказы.…

~ ~ ~

Год назад, Двойка стал аспирантом и теперь на прямом пути в кандидаты наук. Стипендия выше, чем у студентов вузов, но не очень-то и разгонишься на всяческие соблазны из жизни большого города. Насчёт одежды проблем нет – у мамы, считай что собственная, торговая база. Продовольственная программа тоже решена: после выходных в родном селе Двойка возвращается в столицу с такими торбами, что руки обрывают. Однако, за все эти блага приходится платить натурой – сносить родительские

пильбища за рассеянный образ жизни, а все выходные работать по хозяйству и на огороде.

Двойка силою не обижен и работа ему даже в охотку, особенно нравится носить что-нибудь веское и габаритное – охапки, вязанки, мешки с урожаем из огорода в сарай. Выгребать навоз в загородке свиней или у бычка не так приятно, но дело знакомое да и нужное – «где дерьмецо, там и сальцо», как говаривает старый поп их села. Но эти маменькины стоны и причитания про киевских «прохвур», которые объедают и обирают его, лопуха такого, хоть кого взбесят.

Вот почему Двойке нужны живые деньги. А где взять? Вагоны разгружать как в пору студенчества? Несолидно для аспиранта.

С общежитейскими соседями пульку расписать? Тут у него навык то, что надо. Ведь преферанс это чистая арифметика, а в Двойкиной биографии два класса математической спецшколы и нюх на партнёра—блефует тот иль впрямь пришло? – да плюс ко всему внешность быковато наивного чада природы.

Вот только в общежитии нет где развернуться – ободрал их на пятёрку, потом ещё разок и всё – начали сторониться, на пульку не дозовёшься, такие все занятые вдруг стали, а между собой расписывают втихаря. Запрутся у кого-нибудь в комнате и по копеечке за вист. Нищета. Но где-то же есть, должна же быть элита, высший свет. Тут же столица как никак. Сыграть бы при свете свечей, на зелёном сукне, свежераспечатанной колодой, и чтоб вист не меньше, чем по полтиннику, вот его мечта. Но как выйти на тот свет без денег?

Это всё и довело Двойку вынашивать различные романтические планы насчёт срубить бабла… Изначальный план заделаться наркобароном на рынке конопли как-то сам по себе усох на корню. За ним возник план завязать дружбу с мелькающими по столице иностранцами, установить бы с ними стабильный бартер на шмотки ввозимыми из-за Бугра… И тогда он позвал меня на роль исполнителя производственного задания. И с той же поры я вошёл в

услужение Двойке на вполне приемлемых условиях, если тебе уже всё по… то есть… не велика разница.

Связь с иностранцами тоже не наладилась. В день попытки завязать нужное знакомство, на тротуарах Хрещатика звучали лишь Романские языки. К таким прохожим бесполезно подходить с моим Английским Нежинского образца.

Двойка разок меня атукнул на пару Негров в широких шляпах. Но услыхав моё радостное «хай! Лец хев э ток!», дичь как-то шарахнулась и отмолчалась. Наверно, где-то на танцах им уже случалось выйти поговорить. Пришлось объяснять егерю, что это Негры из бывших Французских колоний и с ними Английский не катит.

Безрезультатная охота, похоже, Двойку утомила, а может Масса Босс решил обдумать какой-то ещё план, но он плотно уселся на скамейке в скверу напротив Университета и дал мне два часа бесконтрольно свободного поиска. Задание меня не слишком привлекало, но я должен был отрабатывать харчи, как потреблённые (булочка и пепси), так и грядущие. И, оставив его на скамейке, я не отлынивал и не увиливал, а без увёрток, добросовестно локаторил – не забазарят ли хоть с какой-нибудь стороны родным шекспировским?

На Бульваре Шевченко, группа аккуратных мужчин, проходя мимо Владимирского собора назвала его «cathedral». Может быть?.

– Нет, – объяснил один из них по-Русски, – мы разговариваем на Латвийском.

Пожалуй, хватит. Зайду вон только в отель Интурист и – всё. Последняя попытка. Пусть, Двойка, как себе хочет, а мне надоело…. На широком крыльце пред стеклянным входом, здоровенный жлоб со шнурком от саксофона на шее вежливо поинтересовался чего мне надобно. Где они нашли такого наивного вышибалу? Откуда мне—иностранному туристу—знать эти их местные наречия? Снисходительно, но без каких-либо комментариев, обозреваю

двухметрового Аборигена, захожу внутрь и сворачиваю влево – к бару.

Надпись на Английском призывает расплачиваться исключительно местной валютой и извещает, что текущий день недели – выходной. Да, самое время передохнуть… Массивные с виду кресла вокруг полированных столиков очень вертлявы и жутко удобны. Исполнительность вознаграждается: начни я сачковать, то не сидел бы сейчас в такой благодати – чай, помягчée, чем Двойке-то на той скамейке.

В дальнем углу бара закрытого на выходной, расселись врассыпную двенадцать апостолиц и их чернобородый Учитель с пылкой проповедью о самой истинной истине. А у этих что за язык? О том ведомо лишь оглашённым. Ладно, в отчёте Двойке скажу, что попадалась неправительственная делегация Румынских птицеводов.

Через столик от меня, усиленно не глядя в мою сторону, две Немецки-бесцветные дéвицы обмениваются краткими репликами. Проклятый языковый барьер, девушки явно маются, им бы манна была щас небесная услыхать «Вы привлекательны, я замечательный и есть у меня друг Двойка. So, meinen Damen, wird wir spazieren nun?» А они бы в ответ, да так слаженно: —«Бляха-мухха-цоколь-тукка-gelben-golden-sanftig-брюкха!» Да только это всё несбыточность – извечный вертухай-мордоворот Вавилонской башни пресёк нам общение своим саксофонным шнурком языкового барьера. Языковая тюрьма. У них своя камера, у меня своя. Даже смотреть друг на друга не смотрим, как чересчур умная лиса на гроздья вне зоны доступа. Но они-то хоть между собой калякают, а я? Так и останусь глухонемым?

– Эн авфули найс плейс, – общительно сообщаю я Немочкам, – айнт ит? Баат (с лёгким вздохом разочарования) набади ту хев э ток вид. – Я вежливо откланиваюсь на их изумлённые взоры. – Бай-бай!

~ ~ ~

За истекшее с той охоты время куш так и не подвернулся, но Двойке понравилось иметь со мной дело. Я, как юный пионер, на всё готов, а плюс к тому – реликвия его студенческой юности. Вот и потекли, после первой, такие же краткие телеграммы, которыми он вызывал меня по выходным – название села и дата, когда мне следует явиться. Туда от Конотопа полчаса электричкой, а потом минут десять автобусом…

– Чё эт как выходной ты с цветами на электричку? К жене что ли? Так вроде ж бы развёлся.

– К другу в село. А цветы для его матери с бабушкой.

– И чё, у них в селе цветов нету?

Да есть конечно, только больше, чем цветов, там работы в ожидании моего приезда. Как приеду – то крыша, то сарай, то на огороде. Потом, конечно, самогону пей сколько влезет, ешь чего хочешь – всего хватает, да только без цветов я б там вроде как батрак, … а с букетом в руках уже типа гостя получаюсь…

Дом Двойкиных родителей стоит на краю села в тесной улочке с названием Берег. Тесноту в ней создают не хаты, а фруктовые деревья сплошняком нависшие поверх заборов с обеих сторон. Дом, конечно, зовётся хатой, но по добротности своей это всё же таки дом. Между воротами и хатой, налево в палисадничке неглубокий колодец, до воды метра два через бетонные кольца. Над ним жестяная крыша, вóрот с коленом рукояти и ведро на цепи. Справа тянется побелённая кирпичная стена сооружения, в котором всё – летняя кухня, чьё крыльцо почти смыкается со ступенями высокого крыльца хаты, гараж для машины, которую надо ещё купить, склад инвентаря, хлев. Однако, вход в хлев не со двора, а с обратной стороны строения.

Пройдя между крылец, оказываешься на заднем дворе с длинным деревянным сараем для коз, кур, свиней и чего-нибудь ещё. Под окнами хаты малинник и ещё пара-другая Яблонь, а дальше безмерный огород, за которым ровное поле и далёкая лесополоса скрывающая железную дорогу. Колхоз этим полем не пользуется –

слишком много подпочвенной влаги. Привольно живут люди на улице Берег…

Домом правит Раиса Александровна, мать Двойки, потому что муж её, Сергей, больше занят по хозяйству и ему не до болтовни. Конечно, если что-то уж совсем не по нему, то может рявкнуть и осадить супругу, чтоб заткнула бы халяву. Тогда Раиса Александровна смолкнет, закусит нижнюю губу, изображая бессловесную сельскую бабу, но всё это чистое актёрство – через пять минут на веранде зазвонит телефон и попросят Раису, а не Сергея.

Помимо домашних дел, она заправляет местной политикой, принимает по нескольку визитёров за день, как по предварительной договорённости, так и по звонку. Её излюбленный сценичный образ – затурканная баба, вся в хлопотах и заботах, в заношенной кацавейке и косынке на чёрных волосах, вот только ироничный прищур чёрных глаз чуть-чуть не вписывается. Косынку она повязывает весьма разнообразно, меняя свой внешний облик по нескольку раз на дню. То на лбу повяжет узел, то под затылком, а то и сбоку, по-Цыгански, смотря кого принимает Раиса Александровна… Для текущего посетителя (в джинсах и бороде как у хиппи из Лос-Анджелоса) она вдруг повязалась под подбородком. Двойка говорит, что это молодой поп их села.

Хиппующий поп уходит, а через полчаса у ворот останавливается «жигуль» и во двор является крикливая молодая баба, которой очень надо «ха́лата». Раиса Александровна принимает гостью на веранде и смиренно делает ей мозги минут сорок, прежде чем выпроводить, посулив, что будет ей «ха́лат». Она не продаёт на дому, за товаром приезжайте на торговую базу. По предварительной договорённости.

Раиса подмигивает нам с Двойкой вслед на удаляющуюся «ха́латную» матушку и крестится большим пальцем. Свят-свят-свят! Но тут она решила, что мы уже слишком долго играем в карты на ступенях крыльца и посылает нас обратно в огород копать грядки или разбрасывать навоз, выволакивая его туда на возке, глубоко

вязнущем по пути колёсами в чернозём, или собирать созревшие початки кукурузы…

Однако когда мы с Двойкой собираем ещё один амбар из брёвен, то она нам не указ, тут уже главенствует Сергей – объявил перекур, вот и играем…

Еда после работы это не хавка, а добротный сельский харч на обжаренном сале, с ароматом укропа, аппетитным парком над тарелками и пучком хрусткого зелёного лука в каплях колодезной воды на блюде посреди стола.

Главный кулинар в хате – Баба Уля. Готовит она классно даже и одной рукой. Вторую, давно парализованную, она держит в кармане на животе фартука. Самогон тоже она гонит, в дальнем конце сарая, потому что любит смотреть как горячий первак капает в подставленную посудину…

Мне нравится такая жизнь. Тут интересней, чем на пляже. Мне нравится энергичный одноногий сосед Витюк, опытный игрок в подкидного. Ещё больше мне нравится Ганя, сестра Раисы Александровны. В ней нет наигрыша и лишней иронии. Ганя спокойна и внимательна, и всё понимает. Мне жаль, что у Гани рак.

Врачи недавно вырезали ей «горошину» из живота, а как вернулась домой, любящий муж не отставал, пока не дала взглянуть на свежий разрез скальпелем. Я знал, что она не выживет, потому что когда перекладывал дымоход плиты в её хате, старый огнеупорный кирпич оказался совсем трухлым. Мне сказали класть снова тем же самым – другого нет, но я же вижу, что это ненадолго…

Хоронили её без меня, с душераздирающими сценами скорби. Раису держали за руки с двух сторон, не пускали, чтоб падала обнимать могилу сестры с плачем и причитаниями. Когда её уводили с кладбища, сельские старухи кричали ей и остальным плакальщицам:

– Ну что? Дозвались Ганьку? Вернули?

Двойка очень негодовал, рассказывая про такую их жестокую чёрствость, но, по-моему, это всё древняя психотерапия и один из

ритуалов в непрестанном спектакле жизни.

В мой следующий приезд, муж покойной тоже сидел за столом под чёрной Шелковицей во дворе хаты. Я сразу не врубился откуда этот звук, думал, что щенок во двор пробрался, а это вдовец прискуливает. Такой здоровенный мужик, водитель автобуса, слёзы по щекам бегут, а он их даже не утирает. Если все хором не дозвались, куда уж одному-то?.

Сын Гани, хлопец четырнадцати лет, по-Шекспировски враждует с Двойкой, потому что полюбил Двойкину жену, а тот с ней развёлся, обидел возлюбленную типа как. Для меня вообще новость, что он успел жениться, но Двойка сказал, что да, Евреечка с БиоФака, на курс моложе.

Он ещё рассказал, что его тесть, когда у кого-то в гостях, после первой чарки враз хватается закусить салом типа демонстрации, что он не из кошерных. Теперь бывший тесть воспитает Двойкиного сына как сам захочет, хоть правоверным Ортодоксальным Иудеем, под самой Украинской из всех фамилий. И тут Двойка вздохнул в лучших сценических традициях Московского Художественного Академического Театра.

Впрочем, Раиса Александровна не дала ему тужить, покричала от телефона на веранде, чтобы шёл переодеться в чистое, потому что кандидатку в невесты везут на «оглядини». Любящая мать вовсю старалась найти ему хорошую партию среди местных девушек и по этой причине их периодически привозили на Берег, а не то какая-то простипома Киевская точно окрутит этого лопуха. Двойка сказал беззвучное «блядь!» и пошёл переодеваться.

Вскоре за воротами услышалась легковая машина и пара родителей отконвоировали элегантно наряженную девушку в хату… Я остался на ступеньке летней кухни, но потом ко мне присоединился ещё один посетитель. Какой-то старик, буквально в дугу согнутый. Когда стоит, он не может смотреть человеку в лицо, а только ниже пояса.

Мы неспешно разговорились и старик мне покаялся, что он когда-то был молодым и стройным сельским писарем, щеголял гимнастёркой и офицерскими сапогами. Началась коллективизация и с участием писаря составлялись списки кулаков для отправки в Сибирь. Теперь вот не может людям в глаза смотреть.

А всё ведь бе́столку. Внуки бедняков, которым тогда ключи достались и печать сельсоветовская, теперь вон тоже в нищете и пьянстве, а потомки раскулаченных повозвращались из Сибири и снова зажиточными стали. Потому что на такой земле только ленивый живёт бедно…

Раиса так и не показалась и он ушёл, опираясь на две короткие палки в своих руках, вглядываясь в песок дороги у себя под ногами.

> *(…оказывается, кража малиновой скатерти не самое худшее, что может случиться, есть вещи за которые себя построже наказываешь…)*

~ ~ ~

Потом Сергей предложил большой проект – поднять кирпичный цоколь вокруг хаты. Кирпич у него уже несколько лет как заготовлен. На это ушло три приезда; хата не маленькая. Двойка замешивал раствор и подносил кирпич. Мы закончили в субботу.

В воскресенье утром я встал раньше всех и вышел на крыльцо веранды. Мои туфли стояли на второй ступеньке развёрнутые носками к воротам, хотя вечером я оставлял их в точности наоборот.

> *(…я читать умею знаки! —*
> ***"Мавр сделал своё дело…"…)***

Обувшись, я вышел за ворота, а в конце улицы свернул к лесополосе, потому что в прогалинах призывно бамкал очень медленный товарный поезд. Потом пришлось пуститься бегом, но всё же я успел на тормозную площадку последнего вагона

(...всё получится как надо, если правильно прочтёшь...)

Товарняк набрал скорость и прогрохотал через станцию Бахмач не сбавляя ход. Люди на платформе с удивлением смотрели ему вслед. На последней площадке стоял я, счастливый и довольный собой, а ветер трепал мои волосы, как бродягам Джека Лондона...

Зимой работы по хозяйству замирают и Двойка прислал мне телеграмму лишь в апреле. Мы копали огород, когда его отец принёс новость о взрыве в Чернобыле. День был холодный и ветреный, низко неслись серые тучи. Двойка начал читать лекцию о радиации, но мне было похер. Какая разница? Однако ветер дул с востока и не пропустил радиацию до села. Облака её впитали и отнесли аж в Шотландию, на развешанную там стирку на бельевых верёвках. Конечно, Шотландцы потом ту стирку выбросили, по свидетельству *Morning Star*...

Но всё это будет потом, а сейчас Двойка, подпирая плечом стену с приболтованным к ней телефоном-автоматом, набирает номер, а я прочёсываю взглядом нескончаемо спешащую толпу у него за спиной, которая понятия не имеет о тонкостях отношений между боссами мафии и их телохранителями. А ещё я стараюсь вычислить кому из нас больше нужна эта дружба. Будущему кандидату наук Двойке или мне, его джинну из бутылки?

Дохлое дело заниматься психоанализом, если не знаешь как это делается... На лекциях по психологии в пединституте нам, конечно, объясняли, что это подлая, наглая выдумка загнивающего Запада, поклёп на Человека с большой буквы, чьё имя звучит гордо. Какая жалость, что лектор и словом не обмолвился о методах этой низкопробности. Вот и приходится сочинять содержание под вывеску Психоанализ и разрабатывать методы от себя...

Раззудись плечо, размахнись рука! Мы этого суку синхрафазатрона и ломом запустим!.

(...допустим, что суть такого анализа в том, чтобы ответить на самый пакостный из всех вопросов, вопрос ниже пояса – «почему?»...)

Ну так почему я кентуюсь с Двойкой? По какой такой причине? Здоровая сельская пища в исполнении бабушки? О да. Предвкушаю еду, éдя в пригородном с букетом... Во-вторых, есть приманка, на которую я, словно осёл Тиля Уленшпигеля, раскатал губу, хотя она недостижима. Для любого осла можно найти травку, за которой побежит как миленький. Так за какой же я так охотливо перебираю копытами?

Разухабистые картины постельных пиршеств плоти, которыми так щедро делится Двойка, вселяют надежду, что и мне, псу верному, швырнёт Хозяин шмат скоромного. Осёл хитрит и не смотрит даже на пучок травы, подвешенный на прутике перед его носом, прикидывается, что он её в упор не видит, а бежит просто так, ради разминки, ведь ему жуть как приятны физические нагрузки и прочие сельхозработы. Однако, чтобы раскусить осла, семи пядей во лбу не требуется...

Кстати, для протокола. Имела место попытка с подружкиной подружкой... Они приехали из Нежина в Бахмач – Двойкина бывшая со своей подругой. Мы с Двойкой встретили и привезли в село на автобусе. Два матраса заранее были расстелены на сеновале над летней кухней. Из деликатности, Двойка увёл свою экс-милую в близлежащую рощу слушать соловьёв и оставил весь сеновал мне в безраздельное пользование.

Девушка попалась аппетитная – стройная, грудастенькая, но дала раздеть только до колготок. Спору нет, они тоже неплохо смотрелись – чёрная сеточка на стройненьких ножках, но на кой хер мне этот невод? За что? (Впрочем, если согласимся что применяемые ими средства обольщения есть их оружием в борьбе за выживание, тогда истязание таких лопухов как я ни что иное, как полигон, испытательный стенд для проверки оборудования, новых

технологий, установки датчиков автоматической регистрации сколько раз и насколько исподволь взглянуто на их титьки, в какой одёжке, и т. п., и т. д… Охренеть! Я это сказал?!. Ты, а кто ещё сморозит такое? Ничё себе, какой я прозорливый!)

Всё тот же старый гнусный трюк – добро пожаловать на верхние приманки, но руки прочь от пояса верности. Я не стал драть колготки в клочья, а все попытки возбудить ответное пламя страсти её не соблазнили. Патовая позиция тянулась, пока Двойка не привёл бывшую из романтической прогулки по роще…

На следующее утро, я встал первым и сходил искупаться в *ко́панке* – пруд 20 м х 20 м, вырытый в поле экскаватором. Когда я вернулся, Раиса Александровна сидела на крыльце веранды.

– И как водичка? – спросила она с намёком в прищуре чёрных глаз.

– Холодная, – ответил я во всех смыслах.

Уже после завтрака, без Раисы поблизости, Двойка спросил меня напрямую:

– Ну как?

– Никаких каков. Мы несовместимы.

– Это как?

– Она хотела изнасилования. Я хотел взаимного удовольствия.

Не совместились…

Так сталбыть всё, что держит меня на поводке у Двойки сводится к потребностям желудка и репродуктивного органа, и… и всё, что ли?. Тут требуется что-то ещё, мышление в двух измерениях, это как-то не по-Гегельянски… Где третий?!. Говори!. А-га! А вот и он – родимый! Мозг с его возвышенными потребностями и, в первую очередь, необходимости освобождаться от всей херни, которую в него напхали и теперь нужно послабить напряжение в клетках памяти, а не то взорвутся в самых немыслимых направлениях. Ну разве же не му́ка – бисера под завязку, а рассыпа́ть-то не перед кем?

(...кто откажется от роли Ментора? Вкладывать перлы мудрости в благоговейно раскрытый роток наивного отрока?..)

Двойка даёт мне и эту возможность, своими вопросами Как выбрать правильный курс в джунглях возленаучных склок, где каждый паук за себя, а банка одна на всех? Кто нужнее для научной карьеры – талантливый, но полуспившийся Микро-Шеф [заведующий лабораторией], или же тупой, как валенок, Макро-Шеф [начальник институтского отдела]?

Отвечая на эти и подобные вопросы, я изумился запасам беспринципного Маккиавелизма в своей системе. Я и мечтать не мог о столь неисчерпаемых ресурсах, общение с Двойкой раскрыло мне глаза и на такую мою грань.

Однако суть излагаемых мною моралей настолько проста, что Двойка и сам их нутром чует и поступает сообразно, вот только выразить не может, что мы приходим в мире, где уже всё занято —«местов нет!»—где надо урвать себе место под солнцем, а цель оправдывает средства, *und so weiter...* И Двойка радостно соглашается. Но как насчёт меня? Живу ли я по этой проповеди? Следую ли ей?.

(...а следовать своим теориям отнюдь не обязаловка. Ницше, изобретатель сверхчеловека в форме «белокурой бестии» физически был развалюхой.

«Урви место под солнцем», – поучаю я, это верно. Но сам-то скорее побреду куда глаза глядят в поисках другого солнца, чем лезть в их тесноту, грызню и давку...)

Ну что теперь? натешился своим самопсихоанализом? Все изнанки выворотил? Да не стесняйся ты – я тут один, Двойке не до меня, всё так же накручивает телефонный диск, заглядывая в свой блокнотик. Так всё, что ли? Ублажение желудка, поманка подержанными шлюхами, да тщеславное самощекотание об

залежалый интеллектуальный бисер?. На этом список причин почему я с ним исчерпан?

Ну да вот почему, конечно поэтому… А и ещё за ощущение свободы, когда вырываюсь из рутины своей упорядоченного, наполированного откалиброванного жизненного цикла с баней по четвергам, стиркой по понедельникам, глажкой по вторникам, с пляжем или читальным залом по выходным и всегда с чувством какой-то нехватки и пустоты, и всегда начеку…

Ух-ты! Красава! Ещё и свободолюбием блеснул. Ай, молодец! Но теперь-то, надеюсь уже всё?

Конечно всё, разве мало такого для дружбы?

Не пытайся облапошить диалектику. Ты умолчал про противоположность – ненависть.

А с чего мне его ненавидеть? Кормит, поит, даёт возможность вырваться…

Похоже, в своих перечислениях, ты стыдливо упустил упомянуть возможность баловаться, втихаря, мазохизмом, а? Что есть наслаждение, если не сладкая боль?. Не так ли, болезный?

…спал он с ней, или нет?.. всё во мне стискивается в тугой ком обжигающей боли и медленно рассасывается в немые вопли: нет, этого не может быть… а если?. и снова боль хлещет по больному, а следом и тягучее тёплое растекание: нет, нет, нет…

В один из первых моих приездов к Двойке, мы сидели в автобусной ожидаловке на раздольно пустой площади в тугом ветре под тёплыми звёздами летней ночи. Побелённые стены остановки, как и доски скамеек избороздили клейма всяческих Deep Purples, Динамо-Киев, Свет, Блицов, Вов и множество дат… Двойка вдруг свёл разговор на Иру:

– Она говорила, что лучше, чем с тобой ей ни с кем не было.

Он будто скальп с меня содрал этим комплиментом. Таким не делятся за столиком в кафешке. Для такой темы надо лежать в постели после акта. Рассчитывала, что однажды Двойка передаст её слова мне, чтоб я дорисовал остальное? Нет, слишком затяжная

комбинация, такую многоходовку и Бобби Фишер не потянет... Скорее всего, по кошачье-женскому обычаю оставила ёбарю клеймо своих царапин... То-то он тогда так сразу за Беломором потянулся...

...не впадай в комплексы, Двойка, я никогда не был секс-гигантом... и теперь я знаю для чего он нашёл меня в Конотопе... прошу простить за всю ту беспомощную дребедень насчёт окропления с благословением... позывы были куда проще – поссать на прах друга Ахули и хоть посмертно утушить свою зависть к покойному...

Он как-то почувствовал, что не то что-то ляпнул и, чтобы замылить, начал клясться, что у него ничего никогда с Ирой не было... Как будто я спрашивал.

(...если слишком долго прикидываться долбоёбом, то порой маска берёт верх...)

– Ты её когда-нибудь бил? – спросил он чуть погодя.

Опаньки! И про тот шлепок не позабыла поделиться.

– Ударил только раз, при заключительном свидании, – отчитался я, – но совсем слегка, исключительно для соблюдения протокола.

Двойка хихикнул своим фирменным смешком...

На следующее утро мы вышли искупаться в *ко́панке*. Мне не хотелось заходить в воду. Я просто обошёл пруд кругом и лёг на берегу.

Двойка проплыл из конца в конец. В его глазах млела голубая удовлетворённость, когда, поправляя истекающие водой плавки, он вышел на берег рядом со мной.

«С таким же взглядом он слезал с неё», – подумал я. Эта мысль принесла боль. Слабее, чем я ожидал. Сильнее, чем хотелось бы...

~ ~ ~

Она подошла ко мне на пляже и завела разговор про *Morning Star* брошенную на песке рядом с розовым покрывальцем, на котором

сидел я. Я правда это читаю, или такой у меня способ заманивать девушек? Вот эта большая статья, например, о чём?

Пришлось пересказывать экзаменаторке что случилось с юношей девятнадцати лет от роду, членом семьи контрабандистов. Они регулярно летали из Пакистана в Англию, заглотав кучу маленьких тугих пакетиков перед вылетом. Желудок идеальное хранилище, никакие специально тренированные псы в аэропортах не могли донюхаться до наркоты. По прибытии на явочную квартиру в Лондоне, проводилось семейное промывание желудка и—рра-та-та-та! – поздравления с удачной доставкой партии.

Палево грянуло в полёте, когда один из пакетиков лопнул в желудке юноши. Они запихивали по слишком много в один и, по прибытии, парня с самолёта увезли в госпиталь с критическим передозом. Наркоту из желудка вымыли и спасли его жизнь, Но семейный бизнес накрылся… Печальная, в общем-то, история…

Она посочувствовала и сказала, что тоже медсестра… Ващще-та, хорошая профессия для девушки в районе тридцати, которая не кинозвезда, но всё остальное прочее на месте. Купальник не даст соврать и, под конец осмотра, мне пришлось подтянуть колени к подбородку, чтобы иметь вид цивилизованного джентльмена, а не вздро́ченного гориллы в зоопарке.

Потом всё пошло как в сказке, она сказала мне свой адрес На Семи Ветрах и мы условились о моём посещении её с визитом дружбы и взаимопонимания. Она ушла прочь по песку пляжа, а мне пришлось лечь на живот, чтобы не привлекать общественное внимание своими плавками вставшими по поводу многообещающего вторника…

Тот день наступил, наконец-то, и с привокзальной площади я поехал в *Город*. В магазине «Цветы» ничего путного не оказалось и пришлось покупать какую-то помесь фиалок с подсолнухом. Времени до условленного часа оставалось ещё слишком много, так что я пошёл обратно на вокзал, а оттуда вдоль Клубной На Семь Ветров.

В районе Зеленчака Владимир Гавкалов, автокрановщик из СМП-615, похожий лицом на брата Иры, Игоря, рысцой перебежал мне дорогу.

– Серёга! – крикнул он на бегу. – Ты перепутал! Баня не в той стороне!

Мне этот веник и самому не нравился, но я продолжил непреклонно тащить букет и дальше.

И всё равно На Семь Ветров я пришёл на полчаса раньше срока и решил исполнить давнее своё обещание самому себе – при случае навестить семью высоких Берёз посреди неосвоенных строительных угодий… По дорожке протоптанной среди жёстких трав, я приблизился к группе белоствольных красавиц.

Вот же суки!. Жители ближайших домов, что устроили свалку под деревьями… Сдавленное сомкнувшимися слоями облаков, солнце угасло как лампочка – без заката. Стиснув зубы в досаде открытии, я понёс свой дурацкий букет по адресу, просто из принципа.

– Ого! – сказала она. – Даже с цветами.

А нужно было с водкой, сразу же, но слишком поздно дошло мне… Потом мы о чём-то говорили на кухне её однокомнатной. После чая произошёл несчастный случай – большая банка клубничного варенья выскользнула у неё из рук и разбилась об пол. Потребовалось много времени на сбор большой липкой лужи и неоднократную промывку пола.

В одиннадцатом часу она начала отсылать меня восвояси. Пришлось прогнать дуру, что там уже всё заперто и во двор спущены цепные псы-волкодавы. Она типа как вроде сжалилась и выделила мне полпостели, но только чтобы не лез.

Когда она выключила свет и тоже легла, я попытался продолжить отношения самым естественным образом, но встретил упорное сопротивление. Я никогда ничему не научусь! Пригласила на показательную демонстрацию своей девочко́вости? Я перестал добиваться и почувствовал, что не очень-то и хотелось. Как бы с той нераспечатанной бандеролью на моих полках.

…наверное, из-за этого варенья… сильный шок… трёхлитровой банки, ей на ползимы хватило бы… а может дурной знак для суеверных… и мне плевать, что те придурки устроили там свою тупую свалку… когда с разных строительных площадок смотрел на них, становилось как-то легче… словно обещание чего-то хорошего… когда их, в конце концов, срубят и заменят очередной пятиэтажкой, они всё равно будут махать мне своими тонкими вершинами сквозь марево зноя… это останется со мной, а тем тупым умникам достанется их куча, пожизненно…

Посреди ночи я проснулся от лёгких осторожных пальцев на своём члене. Прощупывали сквозь трусы. Медсестра, не дождавшись изнасилования, выясняла на месте ли. Спросила бы лучше песок на Сеймовском пляже… Но чужие руки с обыском моей плоти… Где-то это уже было… Только я не смог вспомнить где или когда и снова уснул.

Наутро я ушёл, отказавшись от чая с сахаром. Как же её звали-то? Но ведь как-то же звали… да, имя точно было… ну вон у меня уже и пальцы щёлкаются… ща-щас… значит… э-э… наверное… что-то вроде… ммм… м-да…

~ ~ ~

Так что мне осталась одна лишь танцплощадка в городском парке отдыха. Я приходил туда не как запоздалый стрелок квёлой дичи, а просто потосковать. Сессия ностальгии за 50 коп.

Одним из первых заходил я в загородку и отправлялся на круговую скамейку из брусьев вдоль высокой трубной решётки с облупленными слоями краски-серебрянки. Большие чёрные колонки на сцене ходили ходуном от модных ритмов, потому что эпоха «живой» музыки минула. Между номерами какой-то типа DJ включал микрофон и объявлял что только что отзвучало и что будет дальше. Иногда пытался нелепо острить, но, к счастью, редко.

Сидел я смирно, вжав затылок в железную трубу ограждения. Вокруг густели сумерки, но высоко в небе, под ещё не угасшими

облаками метались стаи ласточек. Точь-в-точь как в день, когда тебе исполнился один месяц и мы привезли тебя на проверку в детскую поликлинику в унаследованной коляске под тюлевой занавеской от дурного глаза. Только те птицы пронзительно пищали в карусельных виражах над крышей универмага, а этих под гаснущими облаками не слыхать из-за большой высоты.

Потом небо темнело, наступала ночь, а я так и сидел на скамейке и никогда не танцевал, потому что знал своё место – оно среди тридцатилетних, под фонарём в ближайшей аллее. Можешь постоять там пару минут, полюбоваться прыгучим счастьем следующего поколения и – топай в свой устоявшийся быт с телевизором лицом к дивану…

Я сидел тихо как и положено чужеродной частице, слушал музыку и наблюдал, в упор, молодняк, чья масса постепенно уплотнялась перед скамьёй… вон у девушки шея длинней, чем у Нефертити… очень красиво, как гибкий стебель одуванчика… И я любовался не возбуждаясь. Потом пару выходных она не показывалась, прежде чем вернуться с виновато поникшей и явно укоротившейся шеей и я знал, что она срезалась на вступительных в институт…

В одиннадцать, в общей толпе, я выходил из парка в сторону остановки на Миру. Кому идти недалеко откалывались от общего течения парами и группами. Народ с дальних окраин обсуждал: ждать или не ждать? Трамваи в это время суток *avis rara*…

Однажды остановка оказалась оккупированной стеклоглазым лет сорока. Он встречал подходившую молодёжь глумливым взором залитых зенок, руки-в-боки, ладони упёрты в ягодицы – в позе Нацистского офицера лагеря смерти, где над воротами надпись *Забудь Надежду Всяк Сюда Входящий*. Напуганные парочки и компашки умолкали и обходили его, скромненько скапливаться на второй половине многометровой остановки. Триумфатор стоял враскорячку уперев ноги в завоёванное жизненное пространство вдоль трамвайных путей…

Я остановился лицом к победителю, метрах в двух, не дальше.

…*So, Sturmbahnfuhrer*, потягаемся позами, э?.

Моя пришла сама собой из кинохроники про Парад Победы в Москве 1945. Помимо свалки Фашистских знамён к Мавзолею Ленина там есть ещё кадры мирных жителей. Очень часты девушки с печальными лицами и почти у всех одна и та же поза – левая рука опущена вдоль тела, а правая согнута поперёк живота и хватается за локоть левой.

Лицом к лицу со стеклоглазым, я применил эту позицию. Только моя правая хваталась выше, чем у грустных девушек – вокруг предплечья. В результате левая превращалась уже в как бы расслабленно обвисший хобот, для отдыха вроде. Противник не продержался и минуты. Он горестно уронил голову, сцепил руки за спиной в зэковской ухватке и начал мелкими шажками ходить туда-сюда поперёк метровой ширины остановки, насколько пускали стены невидимой клетки.

Молодняк изумился лёгкости моей победы над тараканищем и они начали заполнять всю остановку, беря на заметку, что знание – сила… Но, честно говоря, это был чистый импровиз, подарок от нашего поколения ихнему…

~ ~ ~

Опять и опять, и опять, как всегда, колёсный перестук под полом слегка покачивает вагон, уносит меня из Конотопа… А и куда это я, кстати?. Чернильно-чёрная темень за окном подсказывает, что это последняя электричка, значит путь недалёк. В Нежин сталбыть еду, к Жомниру…

В чёрном окне моё, неясно смазанное двойными стёклами, отражение согласно подкивывает в такт тадаханью на стыках: ту-да к не-му ку-да ж е-щё? А и зачем это я еду? Ну мало ли, причина есть, наверное… Напечатать его машинкой очередной рассказ или, там, триптих…

(…поди упомни на таком расстоянии…)

Но всё это лишь для отвода глаз, сплошная ложь, а самому себе врать бесполезно. На самом деле я еду почувствовать, опять и опять, недужное томление по безвозвратному. Еду истязать себя меланхолией на берегу невидимой реки, на берегу, мимо которого вечность тому назад прожурчала струя, в которой я был любим и мил кому-то… Вот зачем мчит поезд в ночи, а в одном из вагонов сижу я на краю трёхместного сиденья, где в центре развязно разлёгся мой портфель.

Редкий случай, когда вагон пуст, ну или почти что. Метров за двадцать от меня, на сиденьи по эту же сторону от прохода едет девушка. Она едет спиной по ходу поезда, лицом ко мне, одиноко прислонившись головой к холодному стеклу окна. На таком расстоянии, я не могу различить черты её лица, это просто девушка, одна в пустом вагоне ночного поезда, со стрижкой светлых волос. Она с тихой задумчивостью смотрит за окно, где проносится картина уже совсем ночной темноты позади тусклого отражения отблеска ламп в потолке пустого вагона. Конечно же, он пустой. Я не в счёт, я смирно сижу в отдалении и вовсе не пялюсь. Просто смотрю себе вдоль прохода на подрагивающее, под встряхи ударов колёсных пар, стекло раздвижной двери в пустой тамбур. Хотя такая позиция не мешает, конечно, сентиментальному уголку моего глаза охватывать очертания её белокурой головки и ту часть плеч, которая видна поверх многорядного строя спинок разделяющих нас сидений…

Но—чу! – очнулась от своего печального оцепенения. Правая рука касается блондинной стрижки. Она чуть глубже оборачивается к окну, демонстрируя профиль, а потом смотрит прямо вперёд обернувшись ко мне.

С моего места не видно на что именно обращены её глаза, но мне уже незачем выказывать интерес к пустому тамбуру. Теперь я смотрю на неё и восхищаюсь, с платонической откровенностью, лицом обёрнутым ко мне и плечами под тканью её плаща. Вот и всё, на что я способен, я не не подведу её, не подкачу к ней с ухарскими

прибаутками и предложениями, типа «вы привлекательны, я замечательный, станьте мне третьей женой». Но—ах! – она хороша! Мамой клянусь, даже на этой удалённой полуразличимости…

Стук колёс отходит на второй план, его заслоняет прекрасная мелодия М. Таривердиева для сериала *Семнадцать Мгновений Весны*. Это когда разведчику Исаеву, он же Штирлиц, в неприметном кафе на территории Третьего рейха Центр устроил свидание с женой. Она сидит за три стола от него, чтобы он мог всласть полюбоваться ею после десяти лет разлуки. Как ей живётся в уже неведомом ему СССР? Десять опасных лет он провёл вдали от Родины, вдали от неё…

Нет, не теперь и, отметая прочь всё ненужные сейчас мысли, он лишь смотрит украдкой, втихаря, на новые черты почти полузнакомой женщины. Ещё! А-а! Ещё!.

Но время истекло, другой Советский разведчик в штатском, её сопровождающий, взглядывает на часы. Тайное свидание закончено. И он уводит её прочь, чтобы ищейки Гестапо не напали на след…

Но здесь, в вагоне пригородного поезда, мелодия Таривердиева нарастает и ширится, мы не у них под колпаком, одни на весь пустой одиночный…

БЗДЕНДЗЗ! ЗПРТЫЧZZ!!

Из череды сиденных спинок между нами, как из чуть скошенной колоды карт, вскинулся краснорожий джокер. Мы тут не одни?!. Этот алкаш дрых между нами всю дорогу!.

Его похмельно красная харя семафорит:

– Стоп! Дистанционный флирт окончен!..

О, боги! Как я ржал! Как падал в приступе на собственный портфель! Без удержу, без остановок!.

Ханыга с мутным недопониманием уставился на мои конвульсии, оглянулся на девушку, утёр немытой лапой свои отвешенные губы и нетвёрдой походкой поконал в тамбур, а там и в другой вагон. Его деликатной натуре претит езда в соседстве с визжащими четвероногими.

Ты прав, алкаш! Всему должна быть мера. А мне пора завязывать чмякать одну и ту же сенти-менти-буббле жвачку…

~ ~ ~

Брежнева похоронили самым гадким образом. Бездушно так. Два мужика в чёрных траурных бантиках на рукавах плюхнули гроб в яму под Кремлёвской стеной. Те, кто смотрели церемонию в прямом вещании, перед урезкой для программы *Время*, были просто шокированы.

Смерть Лёни, причмякивавшего на каждом слове в написанных ему речах, с его любовью к орденам и медалям Советского государства, которыми он награждался каждый год (кроме медали Матери-Героини за которую надо родить десятерых детей), с его троекратными, громкими, мокрыми лобызаниями взасос всякого, кто только подвернётся из лидеров братских партий и прогрессивного движения в мире, стала испытанием для Советского населения. За почти двадцать лет люди привыкли худо-бедно перебиваться средь дефицитов, но без конвейера массовых репрессий времён Сталина, без расстрела голодных бунтов танками и автоматчиками, как при Хрущёве…

Выйдя поздним вечером в четверг из бани, я воочию увидел насколько растеряны люди, как сбиваются поплотнее и озираются в поисках пастыря-скотовода. Как тут не поверишь документальным лентам, где взрослые люди в офицерских погонах рыдмя рыдают из-за кончины Сталина?

Тем временем, на Декабристов 13, как бы шутейно, но с очевидной подоплёкой страха, возвели Великую Бумажную Стену, заслониться от неведомого грядущего. Материалом для фортификационных работ послужили почётные грамоты вручённые членам семьи по ходу её существования. Пришпиленные вплотную друг к дружке, грамоты тянулись в одну шеренгу вдоль рейки прибитой над клеёнкой, что заменяла кафель на стене. От буфета у окна, до рукомойника у двери на веранду. Грамота за отличную

учёбу в третьем классе, за второе место в турнире пионерского лагеря по шашкам, за участие в художественной самодеятельности, теперь вот стали частоколом против будущего. Зря я считал грамоты бесполезными бумажками, любая фигня когда-нибудь догребается до своего звёздного часа… Я пожал плечами. Какая разница?.

За Брежневым последовала чехарда мумий, которые приходили к власти на три-четыре месяца, потом населению опять приходилось отключать телевизор на три дня, потому что там одна лишь тягуче камерная музыка и программа *Время* зачитывает телеграммы соболезнования от всяких братских партий и мировых лидеров. На то он и траур.

Но наконец, после очередных похорон, к рулю поднялся некий Горбачёв, вполне ещё даже среднего возраста, чтобы прервать вакханалию классической музыки на ЦТ, хотя и с подозрительным пятном на лысине головы. Он начал произносить речи про ускорение и перестройку, выговаривая звук «г» на Украинский манер. Да пусть мелет, если охота, кому мешает? Однако за год до момента, куда мы добрались в этом письме, он издал указ с длинным названием, а сказать попросту – объявил «сухой закон». Этот документ враз показал, что говорливый лидер в жизни не читал работ Джона Милля, у которого чёрным по белому стоит: на подобные меры пускаются правительства, которые считают население своей страны незрелой бестолочью. Вроде как задвинуть засовчик и сказать: —«Ты сегодня никуда не пойдёшь».

Это уже ни в какие ворота и, в день вступления указа в силу, я сошёл с Нашей Чаечки у гастронома На Семи Ветрах. Там я купил бутылку вина и выжрал её с горлá, не покидая помещения. Так я выразил своё негодование по поводу «сухого закона». Кто-то из продавщиц начала квохтать, чтобы меня хватали и звонили в милицию, но в очереди не нашлось исполнителя верноподданнического проекта. Я вынес пустую тару и аккуратно опустил в урну на тротуаре.

С трамвайными пересадками, я добрался до конечной на Посёлке, хотя это оказалось нелегко. После *Всесвіта* на обед и ни крохи закуси в гастрономе, вино плохо вело себя в желудке. Я насилу смог удержать его под контролем до веранды на Декабристов 13, где, наконец, выбросил в помойное ведро у газовой плиты.

Моя мать, появившись из кухни, в испуге вскрикнула: —«Коля! Он кровью рвёт!»

Отец тоже вышел на веранду, но услыхав знакомый дух, лишь отмахнулся от её страхов: —«Какая кровь? Налыгался как последнее чувырло!»»

Я покрыл ведро крышкой, переобулся из туфлей в тапочки и молча прошёл рухнуть на диван-кровать, даже не пикнув, что в монаде из чувырл нет разницы между последним и предыдущим…

А до «сухого закона» я выпивал очень даже умеренно. Мою недельную дозу алкоголя составляли две бутылки пива после бани, но Горбачёв своим указом вынудил меня дойти до этого эксцесса. Разумеется, неделя на неделю не приходится и случались более либеральные семидневки, когда каменщики нашей бригады угощали меня вином в вагончике. Но приносили они не всегда и угощение тоже не было догмой. А всё из-за принципа, с которым я вернулся из командировки в Киев, где у меня вышел спор с одним молодым прорабом.

Мы рассматривали случай рабочего, который рухнул, чисто гипотетически, на землю рядом с незавершённой, скажем, траншеей. Молодой теоретик утверждал, что работяга ужрался в лоскуты, отрицая любые прочие варианты. Мой контр-аргумент основывался на спецовке, в которую лежащий был одет и, следовательно, у него просто обморок, потому что люди не пьют на рабочем месте, в данном случае возле упомянутой траншеи. Конечно, я прекрасно сознавал, что наши люди пьют где угодно и в чём попало и против очевидности не попрёшь, но в тот конкретно момент меня потянуло занять идеалистическую позицию, сам не знаю почему…

По возвращении в Конотоп из командировки, когда мне предложили в вагончике глотнуть винишка, я продолжал катить под борца за идеалы и заявил, что не пью на работе, хотя и хотелось. Последовал резонный аргумент, что вагончик не рабочее место. Пришлось пересмотреть формулировку принципа, которая теперь вылилась в «я не пью в рабочей одежде». Тогда мне предложили, в виде компромисса, переодеться в чистое, хлобыстнуть, и снова натянуть спецуху. Со временем процедура сократилась, я просто раздевался до трусов и майки, делал пару глотков, чисто из вежливости, и одевал рабочее.

У нас в бригаде к принципам относились с уважением и меня терпели даже в таком неглиже. И только крановщик Виталя взрывался и выходил из себя: —«Чё ты ему оставляешь? Он же нас спалит!»

– Не, он не стукач.

– А как мастер зайдёт и его трусы увидит – не врубится что буха́ем?

Но крановщик башенного крана не член бригады, а Виталя и не из Конотопа даже. Он ездил на работу из Бахмача и просто у него такой баламутный темперамент. Однажды в обеденный перерыв начал смехуёчки строить: —«Ну, чё ты влип в отой свой *Всесвіт*? Иди выпей! Но без раздеваний, у меня тоже принципы!»

Он хихикал, игриво поблескивал глазками, хватал бутылку четырёхпалой кистью и наливал только себе и Кирпе…

Долг платежом красен… На следующий день, я на обед купил бутылку «Золотой Осени» и плитку шоколада в гастрономе, потому что Виталя и Кирпа играли в вагончике в карты.

Я не спеша разделся до нижнего и начал демонстрировать коллегам возвышенный пример сибаритского отношения к жизни, прихлёбывая из бутылки по 1 руб. 28 коп. вприкуску с дорогим шоколадом.

(…это не месть была, а просвещающий акт откровения…)

Виталя держался долго, но темперамент взял своё: —«Блядь! Смешивать с *Алёнкой* бормотуху! Во извращенец!»

Но, конечно, это от зависти, он ведь в жизни так не пробовал. И я невозмутимо добил всю бутылку и даже Кирпе не оставил, который вчера Витале подхихикивал.

(...однако же порой закрадывается сомнение: было ль то впрямь чистой педагогикой от гедониста или всё же мстительным эксгибиционизмом?..)

~ ~ ~

В четверг я заторчал в парной чуть дольше и на выходе из бани часы над её кассой показывали семь с минутами. До Горбачова у кормила власти, я этого бы даже не заметил – счастливые часов не наблюдают, однако сухой закон поставил продажу алкоголя в жёсткие временны́е рамки. Но как же моя послебанная квота пива!.

Пивной бар по ту сторону площади Конотопских Дивизий вместо обычного яркого сияния флуоресцентных ламп, маячил скудным кружком дежурной лампочки во глубине недр. С отрешённым унынием, я проходил мимо, когда дверь бара приоткрылась и два мужика сошли по высокому крыльцу заведения. Ну-каньки, ну-каньки!. Поглядим, посмотрим!..

Незапертая дверь охотно подалась лёгкому нажиму. И действительно, всего одна лампочка в 100 ватт горела в зале над краном с пивом. Но пиво текло из него в бокалы! Мужики их расхватывали и отступали к высоким круглым столикам. Если бы не жалкое освещение – всё как в старые добрые беззаконные времена!

Хотя не всё. Нет прежнего шума и гама тёплых бесед. Бармен в белом халате предупреждает, раз за разом, из-за стойки: —«Потише, мужики! И давай по-быстрому, и так нарушаем!»

Нет кайфа в кайфе под хлыстом секундомера... Тут, в полутёмном зале подземелья, где не различить лица пьющего за столиком напротив, мы словно последняя горсть рыцарей Тамплиеров, чей орден разбит и предан анафеме. Прячемся от безалкогольных соглядатаев и доносчиков. Любая торговка может ткнуть пальцем и завизжать: —«Хватайте! Держите! Зовите ментов!»– Мы вне закона...

Если честно, я не слишком люблю забегаловки. Стоишь в очереди и смотришь как подваливают корифаны и просто знакомые к стоящим впереди тебя: —«Братан! И мне парочку!» И вместо одной очереди вынужденно выстаиваешь две, а то и три, фактически. Ещё противнее, когда до крана остаётся пара человек, а тебя тычут в рёбра и рожа, которую ты вроде бы видел где-то, лыбится с подмигом: —«Ты ж не забыл? Я три бокала заказывал». Нет, в следующий раз пойду лучше в кафе, там бутылочное, подороже, но без этих наглых хвостопадов... И после очередной бани я гордо прохожу мимо пивного бара и топаю в кафе.

– Пива нет.

Блин! Придётся на Мир переться... Но и в кафе рядом с кинотеатром та же картина. Ресторан на вокзале моя последняя надежда. Всё повторяется с точностью до миллиметра. Но ведь сегодня четверг!.

Так меня вынудили купить бутылку белого портвейна. Столы в ресторане большие, на десять персон каждый, в окружении тяжёлых кожаных кресел, но посетителей почти никого. Я сел где-то посередине и начал наливать в фужер: как из бутылки с пивом – тонкой, словно спица, струйкой. Так уж у меня рука набита.

После первого фужера, ко мне приблизился мужчина неясного рода занятий с просьбой о позволении присесть. Целый зал пустых столов, а его именно сюда тянет. Ну я не стал возражать.

Опустившись в соседнее кресло, он поделился, что здесь проездом из города Львова. Я ответил, что Львов тоже хороший город, добро пожаловать, и всё такое. Затем я начал наливать следующий фужер. Приникнув неотступным взором к филигранно-тонкой струйке, он

сообщил о своём недавнем освобождении из Зоны... Пара хлопцев через один стол притихли. Я поздравил его с долгожданной свободой и выпил.

Его лицо вдруг исказалось выражением необъяснимой злобы и он перешёл на громкие угрозы предстоящей пенетрации моего прямого прохода с его стороны, как только окажемся в одной камере.

(...используя более доступную терминологию, разумеется, на уровне обиходно-бытового общения...)

Вино допито, сосед по столу мне не по душе и я поднялся уходить. Один из хлопцев, что сидели рядом, уже стоял между столов.

– Мочи суку! – сказал он мне. – Чё тянешь? Мы на подхвате! – Абсолютно незнакомый хлопец, должно быть патриотизм взыграл.

– Вы не поняли, – ответил я. – Он не местный. Закон гостеприимства не позволяет ломать бутылки об его голову. Вот будет у меня отпуск, наведаюсь в город Львов посмотрю что делает проезжих оттуда такими невежливыми.

Не знаю, дошла ли хлопцу моя пространная речь. Во всяком случае, он вернулся за свой стол. А я вышел, оставляя соседа перед пустой бутылкой рядом с пустым фужером на пустой полировке столешницы. Он прибег к предельному заклинанию, но магия не сработала и бутылка не превратилась в россыпь осколков от удара об его тренированный Аскабаром кумпол. И всё равно, этого я Горбачёву не прощу... При чём Горбачёв к ебле моей жопы? Даже в эпоху жестоких дефицитов и нехваток, бутылочное пиво не исчезало в Конотопе. Никогда. Пока не примандячил этот пидор грёбаный со своим сухим законом.

А он утратил всякую меру и понятие порядочности и продолжал пристрачивать к указу всё новые статьи ужесточения борьбы с алкоголизмом... Вечером дня, когда вводились в силу свежие строгие меры, я как обычно отправился в городской парк отдыха.

Однако до танцплощадки мне дойти не удалось, ни даже до билетной кассы.

В центральной аллее парка меня перенял мускулистый незнакомец с тёмными волосами и скобочкой усов в стиле ВИА Песняры. Он сказал, что я его не знаю, а он меня – да, потому что работает в ХАЗе, где и мой брат… Я вспомнил, как однажды мой брат Саша с восхищением упоминал какого-то пограничника, что демонстрирует чудеса акробатики у них на работе. Наверное, этот самый.

Незнакомец бережно держал белый целлофановый пакет в своей правой руке, а злых комаров не шлёпал, а резкими выдохами сдувал со своих бицепсов, бугрящихся из коротких рукавов Т-майки. Совсем как я – непротивленец или же натаскан дозорами по охране государственной границы не производить излишних звуков, чтобы не выдать своё местонахождение.

Чуть всколыхнув белый целлофан, на что тот откликнулся зовуще конспиративным звяком, он сообщил, что это вино, успел отовариться до запретного часа. Не хочу ли я составить компанию? Последовал ответ в утвердительной форме.

Правда, мне показалось странным, когда он принялся обращаться к группам молодёжи стекавшейся к танцплощадке с одной и той же просьбой о ноже, открыть бутылку. Все отрицательно мотали головами, а кто-то и шарахался, отпугнутый несоответствием вопроса общему духу времени… Но, впрочем, возможно это было его личной формой протеста против этих грёбаных времён…

Нож так и не нашёлся, но он всё ж исхитрился содрать пластмассовую пробку о брус скамьи в аллее, рядом с которой мы стояли, затем протянул бутылку мне. Я сказал, что лучше пусть он начинает из-за несовершенства моей тормозной системы.

– Ничего, у меня ещё одна в пакете, – продолжил он настаивать.

Ну предупреждение же оглашалось, нет? И я засадил 750 мл без остатка.

– Хм да, – заметил несостоявшийся собутыльник. – Это тут я недопонял.

Он распечатал вторую бутылку, но мне не дал и просто держал в руках, а когда мы опустились на скамью, поставил её между нами.

Мы начали прощупывать друг друга на какую из множества философских тем стартовать нашу беседу. Как правило, после второго стакана начинаешь выдавать такие умные вещи, которых и сам не ожидал. В конце, понятное дело, всё сведётся к извечной трещине из предсказаний Ивана Кота, но почему не посверкать умом для начала?

Увы, неблагоприятное расположенье звёзд отменило игры разума… Вдоль аллеи, медленно и почти бесшумно, подкатывал фургон с надписью «милиция» на дверце. Он остановился и два джентльмена в кокардах выпрыгнули из кабины.

Мой собеседник, не дожидаясь дальнейшего развития событий, без промедленья сиганул тренированном телом через спинку скамьи и по боковой аллее пустился в сторону тёмного здания горсовета. Мне, только что загрузившему в трюм 750 граммов, оставалось лишь с восхищением следить как быстро он удаляется. Тем более, что эти два мента уже стояли надо мною.

Никто из них за ним не побежал, только тот что постарше, стоя на месте, застучал подмётками обуви об асфальт, сопровождая этот довольно профессиональный степ непонятным криком «улю-лю!», возможно тоже на Ирландском. Пограничник врубил форсаж и растаял в темноте.

Мент-чечёточник поднял открытую, но так и не начатую бутылку со скамьи. Он перевернул её в своей вытянутой в сторону руке да так и держал, не меняя позы, с садизмом и грустью, покуда вино выбулькивало наземь.

– Давай, – сказал мне второй, кивая на уже открытую боковую дверь в фургон… Я сунул голову внутрь. В слабом свете крохотной потолочной лампочки сидели унылые силуэты приглашённых до

меня и—спиной к кабине, лицом к публике—пожилой мент с лычками старшины на погонах.

Восхищаясь безукоризненной чёткостью собственных движений, я поднялся в интерьер. Дверь захлопнулась. «Добрый вечер!»– галантно поприветствовал я присутствующих и получил незамедлительный пинок в зад.

– Он, сука, даже «добрый вечер!» знает! – гаркнул пнувший меня старшина.

Упав на кого-то из предыдущего улова, я машинально воскликнул «извините!» и тут же оглянулся опасаясь дополнительного пинка. Похоже, «извините!» сошло мне с рук, менту лень было подняться.

Поездка оказалась краткой. Покинув средство передвижения, я узнал двор, куда привозили Орфеев снимать с них допрос о пропаже баяна Made in ГДР с четырьмя регистрами, но на этот раз в другое здание. За столом в коридоре сидел капитан милиции. После пары вопросов обращённых к моим попутчикам, он отправил их в камеру. Потом обернулся ко мне.

Отметив, что на вопросы его я отвечаю адекватно, и не пытаюсь качать права и опровергать доклад доставивших меня, он спросил где я работаю. Затем позвонил куда-то свериться и, убедившись, что наклоны с приседаниями меня не затрудняют, отпустил домой.

– Прямо домой! Понял? И никуда больше!

Я вышел за ворота. Почему это все они указывают мне что делать? Да пошли вы!.. И я упорно вернулся в парк и купил билет на танцплощадку.

По случаю нового приступа в антиалкогольной компании, ворота охранял мент в звании сержанта и два дружинника в празднично-красных нарукавных повязках. Один из них с сомнением заглянул мне в лицо:

– Вы сегодня выпивали?

– Никогда! – отчеканил я и беспрепятственно был пропущен к своей скамейке вдоль ограды – досиживать до окончания танцев. Что и случилось через пару номеров…

Извещение о моём задержании дошло в СМП-615 поздно – через месяц-два. Я уже и думать забыл, когда новый начальник вызвал меня со стройки и потребовал написать объяснительную. Он явно решил использовать ситуацию по полной и вскоре назначил заседание профкома для рассмотрения моего персонального дела.

Начинались осенние холода и на заседание я явился в плаще и шляпе.

Новый начальник, в своём пиджаке и галстуке, приступил к изложению моих прегрешений. Свежайшее, подтверждённое бумагой из милиции, о моём нарушении постановлений Партии и Правительства в парке на скамье. Вот как я позорю СМП-615 в глазах общественности и органов. Доколе терпеть?.

Однако я избрал позицию наблюдателя и на пустопорожние вопросы отвечал лишь пожатием левого плеча под плащом…

А моё издевательское отношение к руководству поезда? Полюбуйтесь! Объяснительная написана стихами! Из кипы бумажек на столе перед собою, новый шеф поднял одну и потряс в воздухе.

…ух-ты! я и не знал, что на меня такое досье скопилось…

Или вот другой пример! Напоминание написанное мною в профком (он зачитал): «Три месяца назад я подал заявление на повышение разряда моей квалификации каменщика. Однако до сих пор квалификационная коммисия СМП-615 ни ухом не ведёт, ни рогом не шевелит».

Профсоюзный комитет грохнул хохотом, новый начальник, послушный стадному рефлексу, тоже подхохотнул, не понимая чё тут смешного…

Кроме того, рядом со мной опасно находиться, потому что я подкладывал руку под плиту!.

И это факт. В тот день нас было четверо, прораб Каренин, плотник Иван, крановщик башенного крана Виталя и я. Солнце разливалось по мартовским снегам строительных угодий, где мы начинали новый жилой дом. Блоки фундамента были смонтированы в котловане ещё с осени, а потом на всю зиму работой Ивана стал присмотр за ними.

С 8 до 5. Он приходил, включал тэн в вагончике и смотрел на молчаливые белые сугробы за окном. Или на портреты зазывных красоток из цветных журналов, которыми оклеил все стены, чтоб хоть чем-то занять руки… В тот мартовский день он стал моим подсобником.

Всего-то и надо было поднять четыре ряда кладки в короткой стенке будущего подъезда, для монтажа обрубка плиты над входом в подвал под будущей лестничной площадкой первого этажа. Стоя на риштовке между блоков фундамента, я поднял два столбика по углам и начал гнать порядовку под *шнурку*, для опирания плиты. Работы оставалось на полчаса, не больше, а до конца рабочего дня час с небольшим. Однако Витале-крановщику не терпелось спуститься со своего насеста в кабинке башенного крана, чтобы играть с Иваном в карты до пяти. Вот Виталя и покричал сверху плотнику скорее зацепить обрубок бетонной плиты предназначенный для монтажа. Одним боком ляжет на блоки под поперечную стену, другим на поднятые мною столбики и – поедят! По-е-дят! А пропущенную порядовку заполнят потом, по ходу строительства.

Я пытался втолковать Ивану, что что именно сейчас самый удобный момент закончить эту кладку. Если оставить как есть, потом придётся корячиться в три погибели под плитой будущей лестничной площадки, втискивая кирпичи под смонтированный обрубок… Пусть он подносит раствор и я закончу за 15 минут, работая в таких благоприятных условиях. Но Ивану Виталя оказался более близкий друг, чем логика, плотник пошёл и зацепил плиту как тот ему сказал.

Крановщик сделал «вира» грузом, развернул стрелу и понёс ко мне обрубок – положить как он хотел. Он сверху орал настилать раствор поскорее, не то бросит как есть, на сухой кирпич – поедят! Вместо раствора я положил руку на столбик, чтобы он не исполнил своё намерение.

Виталя темпераментно матерился из своего скворечника, беспрерывно звенел звонком крана и подносил груз всё ближе. В

общем, это была лобовая атака двух самолётов: кто отвернёт – мозгляк сопливый.

Когда бетонному обрубку до руки осталось около метра, прораб Каренин очнулся от наблюдения дух захватывающего поединка двух ассов и он покричал Витале отвести плиту в сторону. Там она и висела на стропах, пока я заканчивал оставшиеся два ряда как положено. Прораб Каренин стоял на блоках у меня над головой и спрашивал:

– Зачем ты это делаешь, Сергей? Он же мог и раздавить, у него дури хватит. Остался б ты калекой.

– Каренин, у меня и так вся жизнь поломатая. Всё, что осталось – это работа. Не хочу, чтобы из неё сопли делали.

– Кого? – спросил Иван, стоя на блоках другой стены, у меня за спиной. – А шо это она у него поломатая?

– Это кому что на роду написано, – пояснил Каренин.

Я заканчивал класть последний ряд вроде как бы занят, но не мог не встрять в беседу эрудитов: —«Чтоб ему рука отсохла, тому писателю!»

Каренин с Иваном враз умолкли, прораб как-то съёжился и отвёл глаза. И именно в тот момент, жмуря глаза на предвечерние лучи солнца опускающегося к горизонту и разравнивая кельмой раствор под монтаж обрубка плиты перекрытия, я впервые подумал, что события нашей жизни определяются и происходят так, как мы сами о них расскажем в своей дальнейшей жизни. И неважно кому, неважно устно или письменно…

(…это ужасно! Выходит тем бездумным проклятием я пожелал, чтобы моя рука отсохла? За что? Это так нечестно!.

…заткнись!. кто бы тут ещё вякал про что честно, а что нет!. как иначе мог я показать этому наглому кукловоду в его Немецком спальнике, что я не покорная марионетка и не инструмент в его полусонном бормотании на грани дрёмы, в попытках перестройки недосягаемого прошлого?.

Не знаю, доходит ли тебе, но хорошо хоть мне ясно о чём я… но лучше я и впрямь заткнусь, чтоб не перенапрягать наши мозги…

…тем более, что без этого спальника вся эта история не раз бы уже кончилась в безымянной речке на Объекте…)

Мы с Иваном смонтировали плиту. Виталя слез с крана и ему хватило времени поиграть в карты, прежде чем мы вышли на дорогу встречать Нашу Чаечку. Я вскоре забыл весь случай, но новый начальник не преминул подшить его в досье…

– И вы не хуже меня знаете, сколько раз его увозили в психиатрическую больницу… Но хуже всего, что он злостный нарушитель трудовой дисциплины. Три прогула за текущий год! Поэтому я предлагаю уволить его за систематические прогулы.

Всё правильно – два дня в Москву за паровозиком для Андрея и один день на книгоиздательство *Днiпро* в Киеве… По ходу каждого из нарушений, я целиком сознавал, что совершаю прогулы. Однако для работника СМП-615 неделя прогулов составляла среднестатистическую норму, а у пары чемпионов и до двадцати дней и данный факт я счёл гарантией дозволенности прогулять три дня, их нарушения прикроют мою задницу. Но не тут-то было! Трудовую дисциплину не подкупишь хитрожопыми расчётами!.

И вот после пяти ежегодных записей в мою трудовую книжку об объявленной мне благодарности с вручением почётной грамоты за мои трудовые достижения, 18 октября 1985 начальник отдела кадров СМП-615, А. Петухов, тем же превосходно-канцелярским почерком написал, что я уволен на основании Статьи 40 КТЗ, прогул без уважительных причин. Участники заседания профкома единогласно подняли руки за меру предложенную новым начальником. Против рефлекса не попрёшь. Воздержавшихся нет… Впоследствии, некоторые из его участники объясняли такой результат моей ошибкой, мне следовало встать, снять шляпу и жалобно повиниться, тогда бы меня простили…

Отчего я до конца остался всего лишь сторонним наблюдателем и не выступил с самозащитной речью про чужие прогулы и моё искреннее раскаяние? Мне просто надоело. Пришла пора выходить на новые уровни применения моего экспериментализма. Искать новые точки приложения моей любознательности. Не потому, что таким был мой план. Как всегда, я оставался лишь орудием, тем, кто исполняет приказы. Время и Экспериментализм всё решали за меня…

Кроме того, летом сдан был очередной 100-квартирный. Каменщица из нашей бригады по имени Нина, толстуха с мохнатой родинкой на щеке получила в нём квартиру. Она устроилась в СМП-615 за пару месяцев до сдачи дома и, получив квартиру, рассчиталась.

Я пошёл в отдел кадров и спросил начальника Петухова о своём продвижении в очереди на улучшение квартирных условий. Он сказал, что я в ней номер 35.

Этого невозможно! Шесть лет назад я был 24-м!

Он ответил с каллиграфической заокругленностью: с тех пор сменились три начальника и на работу принимал меня не он, и в бумагах написано, что я – тридцать пятый, а у него других данных нет.

Прощай, мой любимый Поезд!. Прощай, бригада наша!. Вагончик поджигать не буду, хоть в нём моя гитара оказалась в нетях наутро после дня рожденья Грини…

~ ~ ~

Когда последняя запись в твоей трудовой книжке гласит «на основании статьи», то это у тебя волчий билет – ни один начальник отдела кадров с тобой и говорить не станет. Но в Конотопе имелось предприятие без лишней боязни к волкам. «Тряпки» имя бесстрашного производства, оно же фабрика вторсырья.

На основании моей специальности, меня приняли рабочим капремонта. Весь капремонт состоял из трёх рабочих, но мы не

занимались капитальным ремонтом. Да и вообще никаким. Мы сидели в небольшой бытовке, маясь бездельем, и изредка выходили во двор фабрики, где под парой гигантских шалашей из рубероида уже который год мариновалось оборудование современной технологической линии переработки вторичного сырья, потому что здания для этого оборудования ещё не успели построить. Сама же фабрика ютилась в паре строений барачной архитектуры – детищах первой пятилетки, и в двух обширных арочных ангарах рифлёной жести, а также в нескольких подзаборных пристроечках приткнутых к ограде внутри территории, тут и там.

Но в начале моей капремонтной карьеры меня вся эта унылость не напрягала, потому что меня тут же послали в командировку в Киев… Тогдашний Секретарь Центрального Комитета Коммунистической Партии Советской Социалистической Республики Украины, товарищ Щербицкий, планировал нанести визит на Киевскую фабрику вторсырья и поделиться ценными указаниями в области развития столь важной отрасли народного хозяйства. В результате, фабрики вторсырья со всей Советской Социалистической Республики Украины начали посылать рабочую силу в Киев намарафетить столичную фабрику к предстоящему визиту на высшем уровне…

Когда я прибыл вносить свой посильный вклад, металлические конструкции в цехах фабрики покрасили уже по четвёртому разу, а её двор покрыли третьим слоем асфальта… Стояли прощальные дни золотой осени, солнце ласково усмехалось с тихого неба, но вид маленьких Ёлочек в каменных горшках призванных типа вроде как украсить двор, вселяли тоску. Недостаточный объём горшков не оставлял надежд на развитие корневой системы, что обрекало Ёлочки на усыхание после помпезного визита…

Перед выездом в командировку, я посетил Конотопский Универмаг купить сумку для персональных принадлежностей. Как оказалась, такие сумки трахнул дефицит и мне пришлось купить поменьше, но вполне практичную. Вот только, если присмотреться,

она смахивала на женский аксессуар. Может я и вправду извращенец?.

Для проживания в Киеве меня определили в пансионат возле «Трубы», на самом берегу Днепра. До войны имелся план пересечь в том месте реку линией метрополитена. Успели даже построить остановку из железобетона, которая и вправду смахивала на трубу положенную на бок, но высотой с двухэтажку. Впоследствии, обстоятельства и планы изменились, а «Трубу» покрыли всяческие «тут были Ося и Киса» и тому подобные исторические меты.

Пансионатом называлось длинное деревянное строение из одного коридора и комнат-пеналов, только окна пошире. По утрам я выходил на песчаный берег могучего потока делать упражнения между кустов. Наблюдать Днепр с такой близи совсем не то, что пролетать над ним по мосту в электричке. Океаническая масса валящей, прямо перед твоими глазами, воды просто потрясает.

...и ведь это длится уж которое тысячелетие подряд... три-четыре... выдох, наклон...

В комнате кроме меня жил хлопец-блондин из Южной Украины со своим графической историей как его зарезали на пляже. Свои же хлопцы, со своего района, воткнули нож в живот и он упал на спину. А тут участковый подошёл. Хлопцы прикинулись будто в карты играют, а поверх ножа раскрытую газету набросили. Мент начал чёт спрашивать, а блондин лежал и смотрел и не мог слова из себя выдавить, а по газете мухи бегали.

Хлопцы, ясно дело: —«не, ничё не знаем, не видали». Когда участковый ушёл, «скорую» вызвали, за то, что не спалил их...

Ремонтных работ на фабрике почти не осталось и командировочные просто сидели в комнате Красный Уголок, где молодой и бородатый художник, из местных, выписывал буквы одного и того же лозунга, день за днём, на одной и той же длинной полосе красной материи простеленной по очень длинному столу или трепался с дружками, тоже Киевлянами, которых непонятно как пускали через проходную.

Мы переодевались тут же, в свежие спецовки выданные на фабрике, а свою одежду вешали на спинки стульев. Горячий душ работал круглосуточно, за углом по коридору – дни Альционы в полном расцвете. Сокомандировочных удивлял мой дар сидеть, как пень, на одном месте и не прогуливаться по Красному Уголку, не участвовать в общем беспредметном разговоре, а только слушать и смотреть, скромно, неподвижно, молча…

После очередного рабочего дня я вернулся в пансионат обнаружить, что у блондина закончилась его командировка и он уехал домой, потому что его постель исчезла, а моя сумка извращенца расстёгнута и зияет нараспашку и в ней нет моих последних десяти рублей. А впереди ещё неделя командировки.

На следующее утро, это была суббота, я вышел на поиски пропитания. Никаких определённых планов я не строил, а просто шагал к далёкому мосту через Днепр. Потом я пересёк тот мост, почти лишённый движения, хотя и на мощного вида подвеске из множества стальных тросов на пилонах. На противоположном берегу, в поле направо, возвышались несколько многоэтажек – зародыш района Троещина, но я прошёл мимо и дальше, к лесу на горизонте.

Дорога миновала село Погреби и углубилась в лес, где я начал искать грибы. Мне попадались всего два вида, оба незнакомые. Пластинками они схожи, но у которых шляпки конусом, те горчили, так что я ел вогнутые. Голод отступил, и я пошёл обратно.

В поле между селом и далёкими многоэтажками я напал на золотую жилу. Россыпь картошек на обочине. Наверное, грузовик был полон до края бортов и по пути рассыпал, когда съезжал на обочину уступить путь встречному транспорту. Я набил карманы картошкой, а в воскресенье пришёл на то место с явно женской сумкой. В пансионате, в самом конце коридора, имелась кухня с газовой плитой и общей большой кастрюлей. Я сварил картофель «в мундирах» впрок, на несколько дней потребления.

Но перед этим, когда я возвращался в Киев по мосту висящему на тросах, я понял что именно не даёт мне жить нормальной жизнью. Это моё стихоплётство. Все живут как все, потому что они стихов не пишут и, если я тоже завяжу, тогда всё, может, и наладится…

Легко сказать «завяжу я с этой бредятиной», но как именно? Сжечь записную книжку, которую блондин щедро оставил в моей сумке? Слишком тривиально. Поэтому я решил составить сборник стихов и на том поставить точку. Такой вот план.

В понедельник я заглянул в приёмную отдела кадров фабрики и попросил у секретарши-машинистки 32 страницы чистой бумаги. В точности объём *Манифеста Коммунистической Партии* Карла Маркса, но ровно столько понадобилось на все стихи с предисловием. Сверх того она отдала мне брак писчебумажного производства – два неразрезанных листа, которые в машинку не заправишь, но из которых получалась как бы папка для остальных 32-х. Я вернулся в Красный Уголок и попросил художника оформить на этих сиамских близнецах обложку для сборника стихов с названием *Таке собі?* Вечером в пансионате я переписал предисловие и стихи на благотворительную бумагу почти печатными буквами.

На следующее утро, художник показал созданную им обложку – имя автора и название на фоне волн цвета беж из абстрактных линий. Затем он почесал в затылке и покаялся, что начинал труд в состоянии определённой усталости и эмоционального подъёма и потому титульная страница оказалась задней… Ненормальные двойные листы в те времена попадались нечасто и мне не осталось иного выбора, кроме как пронумеровать страницы по Арабски – от задней обложки к передней…

Большое удобство жить в одном городе с книгоиздательством, кончая работу в пять успеваешь их посетить не совершая прогулов… В кабинете откуда однажды молодой человек посылал меня к специалисту по Моэму, сидели уже двое – молодой человек дополненный молодой женщиной. Я спросил куда тут сдают стихи.

Они с воодушевлением направили меня в первый кабинет по коридору налево. В указанном месте, кротко сообщив новость о доставке сборника стихов, я услыхал знакомое: —«Кто вас послал?»

– Ах да! Конечно! Меня послали из соседнего кабинета, тут за углом. Знаете? – Рекомендация оказалась достаточной и сборник перешёл из рук в руки.

Я покинул книгоиздательство тоскуя и смеясь.

Что за тоска? Я отринул чадушек своих, сделал их подкидышами и дал зарок блюсти стерильную бесплодность отныне и вовеки.

Смеясь? Я – свободне-е-н!

(...начиная стих, ты обрекаешь себя на кабалу, вытягиваешь из себя жилы, пашешь словно раб до того момента, когда можешь сделать шаг в сторону и сказать: —«ну да, это типа как бы вроде ничё так, а и хватит, лучше всё равно не смогу»...)

Ещё громче смеялся я над стихоприёмщиком, потому что у сборника нет обратного адреса, указан лишь поэт «Клим Солоха», ну и автор предисловия – приятель Клима. Забей и выкури, салага!

"...отслужил!."

– Как приняли? – спросил художник.

– На «ура».

Запас собранной картошки продержал бы меня всё неделю, но она в одиночку как-то не насыщала, даже если и посолить найденной в общей кухне солью... Художник приметил, как в Красном Уголке я подхватил с подоконника забытый кем-то сухарь булочки и съел, пряча в кулаке. Он доложил о происшествии начальнику отдела кадров.

Угрюмый мужик с маской вечного недовольства на лице явился в уже пустую от командировочных комнату (я оставался последним) и потребовал объяснений.

У меня из сумки пропали деньги.

Украли? Кто?

Ничего не знаю. Были десять рублей. Осталась только сумка.

Маска дёрнулась в отвращении и вышла. Вскоре меня вызвали в его кабинет для сообщения, что мои командировочные бумаги будут проштампованы на полный срок (оставалось ещё три дня), но я должен исполнить срочную работу: КАМАЗ высыпал свой кузов песка не там где надо во дворе, песок нужно передвинуть, но гусеницы бульдозера помнут свежий асфальт.

У меня ушло часа два-три, чтобы перелопатить песок за спину горшкам с обречёнными Ёлочками… За работу выплатили десять рублей, которые я незамедлительно получил в кассе бухгалтерии. Билет на электричку до Конотопа стоил четыре руб. с чем-то. Так что я пошёл в гастроном, купил бутылку водки, чистой как слеза разлуки, чего-то там для закуси и вернулся в Красный Уголок. Мы с художником распили её за успех сборника поэзии, который листается сзаду наперёд…

~ ~ ~

Капремонтом на Конотопской фабрике вторсырья командовал Юра, один из трёх работников капремонта. Он любил смеяться и делал это умело, демонстрируя фиксу белого металла на клыку. В чёрно-белых кинофильмах комсомольских вожаков обычно играют похожими на него, и только фикса чуть не вписывалась в образ.

Второго капремонтника звали Арсен, его глаза косили друг на друга, но не слишком сильно и он держал себя с церемонной важностью приторможенного аксакала, несмотря на молодой возраст. Его сыну исполнилось два года, вот он и загордился.

С Арсеном я ладил, но Юра, прикрываясь своим жизнерадостным смехом постоянно пытался подмять меня, наверное, от отвращения к моему высшему образованию. Я никому не сообщал о факте, но запись о тех четырёх годах оставалась в моей трудовой книжке в отделе кадров фабрики, а Юра часто и подолгу пропадал в бараке

администрации и был там всем свой парень, похохатывая с любым, кто подвернётся.

Основным препятствием к налаживанию дружественных отношений являлись мои отвлечённые цитаты классиков литературы и текущие новости из газеты *Morning Star*. Арсен же, как и приличествует аксакалу, пытался увещевательно гасить нашу распрю.

Однажды в разговоре с Арсеном, я процитировал пару строк из работы Карла Маркса *О Происхождении Семьи, Частной Собственности, и Государства*.

> *(…ну да конечно, автором данной работы принято считать Фридриха Энгельса, однако Фриц опубликовал её после кончины дорогого друга Карла, который дал возможность дорогому корифану порыться в своих архивах и неоконченных трудах. Вероятно, Энгельс, как и блондин из Южной Украины, считал персонально пережитые тяготы достаточным основанием для экспроприации имущества отсутствующих.*
>
> *Как никак, он щедро поддерживал Карла, его жену и их шестерых детей на деньги своего папы, тоже Фрица…)*

Я не привлекал внимание Арсена ко всем этим деталям, ограничившись краткой цитатой из самой работы. Юра, который оказался в бытовке, вдруг вызверился с требованием, чтобы я больше никогда не позволял себе таких провокационных разговоров в его присутствии, потому что он Коммунист и знает куда звонить в случае подобных высказываний.

В первый раз за время наших стычек я не нашёлся что сказать. Он меня ошеломил угрозой науськать КГБ на классиков марксизма-ленинизма. А это не шутки, те с ними запросто разделаются…

В другой раз я описывал Арсену балет Вагнера про Шотландских ведьм, который я посетил в Киеве во время командировки. По ходу

сольного танца одна из ведьм запнулась и с деревянным стуком упала на пол сцены.

– Ха-ха-ха! – жизнерадостно отреагировал Юра, который заглянул в капремонт из административного барака.

– И представьте, Арсен, на весь зал не нашлось ни одного придурка посмеяться. Она встала и дотанцевала, показала характер, карочи.

И Юра тоже показал, что не зря ошивается при администрации. В результате, меня перевели в производственный цех на должность прессовщика…

В чём суть Тряпок? Туда вагонами везут утиль отсортированный на свалках. Главным образом, заношенную и выброшенную одежду, а также макулатуру.

Бабы из ближайшего села Поповки, визжащими дисками своих станков, допарывают драное отрепье и снова-таки сортируют в мягкие холмики из просто тряпья, из вязанного тряпья, из воротников искусственного меха от зимних пальто и т. д.

День за днём стоят они перед своими станками в пропылённых халатах, увешанные гроздьями булавок на груди, которые заметили и повыбирали из обносков, чтобы железки не повреждали диск. Гроздья броненосной неприступности для любого сглаза…

Время от времени два грузчика подходят к этим горкам тряпок с глубоким ящиком на длинных ручках типа носилок для парижской знати во времена мушкетёров, только без крыши. Лица их обмотаны банданами, в стиле грабителей банков, чтобы не вдыхать густые тучи пыли висящие вокруг станков. Они наваливают тряпки с «горкой» в свой ящик и уносят в соседнее прессовочное отделение ускоренной рысцой. К такой походке и понуждает тяжесть груза.

(…раза два я подменял кого-нибудь из отсутствующих грузчиков, но не мог сделать больше пары ходок.

– Серёга! Ты без напряга неси!. Расслабься!

Но и эта инструкция не помогала удержать длинные шесты ручек, медленно выскальзывающие из стиснутых кулаков, какое тут расслабление?.)

Принесённое вторсырьё грузчики вываливают возле какого-нибудь пресса, тряпки к одному, бумагу и огрызки картонных ящиков к другому.

Пресс это тоже ящик, но у него есть дверца и нет ручек, потому что он стоит на полу, прикованный к своему месту. Открыв дверцу, нужно прежде всего проложить по дну ящика две тонкие узкие полоски металла, они зовутся *шинками*, чтобы оба конца каждой из них из него выходили бы. Потом застилаешь нутро ящика парой бросовых мешков и запираешь дверь наружным крючком. Набиваешь в ящик хлам, что натаскали грузчики, жмёшь одну из трёх кнопок сбоку пресса. Электромотор размещённый на крышке-щите за полметра над ящиком, начинает трещать и выть, и ползти вниз по боковым станинам, вгоняя щит книзу. Тот вдавливает хлам до дна, насколько может. Когда звук мотора из воя переходит на визг, значит он сделал всё, что мог и не имеет сил для втискивания дальше. Тут уже нажимаешь кнопку «стоп», и следующую – «вверх». Щит с мотором отправляется ползти в обратном направлении, вверх по станинам. Эти подъёмы-спуски носимо медленны: душемотательны.

Затем в ящик нужно навалить добавку, потому что по норме готовый тюк обязан весить от 60 кГ.

Опять врубай пресс, вминай добавку и, после ещё одной такой, открываешь (но не подымая щита) дверцу и обматываешь тюк той парой загодя проложенных *шинок*, чтоб не распадался.

Верни щит в исходное положение и выкати готовый тюк. Откатить его над подальше, чтоб не мешал выкатывать последующие.

Вокруг пресса постепенно собирается отара из тюков, а потом грузчик Миша придёт с двухколёсной тачкой. Он заведёт полку тачки под тюк и дёрнет её ручки на себя. Тюк ляжет на рамку ручки,

поддерживаемый сзади полкой, и Миша покатит тачку на выход из прессовочного отделения.

Возле ворот выхода стоит фанерная будка весовщицы Вали, а под её окошком большие багажные весы. Миша свалит тюк на весы и, окунув короткий прут в жестянку с красной краской, напишет поверх мешковины упаковки тюка цифру веса, которую Валя покричит ему через стекло в своей будке, потому что Миша стар и глуховат, хотя ещё и крепок. Потом он сбросит тюк с весов, поднимет снова на двухколёсную тачку и укатит из прессовочного отделения на открытый воздух, а там, огибая рытвины в искрошенном бетоне дорожки, потащит к арочному ангару произведённой продукции…

Когда пустой товарный вагон подадут в тупик возле ангара, бригада грузчиков уштабелюют тюки в вагон и его увезут неведомо куда, возможно, на другие фабрики дальнейшей переработки вторсырья…

В прессовочном отделении всего одно окно в крепкой корке пыли сцементированной трудовым потом ещё в период первой пятилетки. Освещение поступает от желтовато тусклых лампочек, по одной над каждым из четырёх прессов. Правда один из них не работает, поделившись своими запчастями с остальными тремя, на которых и трудятся два прессовщика прессовочного отделения.

Норму выработки на прессовщика составляли 32 тюка за смену. Я насилу успевал произвести их за рабочий день, а второй прессовщик, тоже Миша, который жил гражданским браком с Валей весовщицей, закончит норму раньше срока и слиняет, насвистывая лёгкие мотивчики. Он опытный прессовщик и не накладывает избыточного хлама в ящик пресса, а у моих тюков жуткий передоз. Грузчик Миша неодобрительно качает головой, выводя окунутым прутом «78» или «83» на тюках моего производства. Потом, прикрякнув, вскидывает тюк на тачку уволакивает прочь на тарахтящих возмущением колёсах. Он по натуре молчалив и замечаний мне не делает. Мне неудобно перед ним, но никак не удаётся поймать эту норму…

За смену, кроме обеденного, есть ещё два получасовых перерыва для отдыха. Мы сходимся в бытовку. В стене напротив двери два довольно больших окна и не в настолько плотной пыли, чтобы включать искусственное освещение. Четыре квадратные стола с белым пластиковым верхом составлены впритык и образуют один общий обеденный стол посреди комнаты. Его дополняют четыре досочные лавки, по паре с каждой стороны, и один стул во главе. Это бытовка грузчиков и прессовщиков и тут они переодеваются, но во время обеда Поповские бабы идут сюда же, потому что в их бытовке стола совсем нет.

На обед я тут не остаюсь, а ухожу в столовую завода «Мотордеталь». Для этого надо пересечь железнодорожное полотно, а дальше по полю, потом свернуть в лесополосу и идти по тропе до конечной первого номера трамвая напротив заводской проходной. На дорогу уходит минут пятнадцать.

Это был очень современный завод и сквозь стеклянные стены второго этажа столовой открывался вид на поле, по которому я прихожу. И никаких проблем на проходной – любой в спецовке конает за своего. Порции хавки в столовой хоть и маленькие, зато дешёвые. Съешь – и часа два есть не хочется.

Иногда весовщица Валя заказывает принести ей пирожное из столовой. На обратном пути, пересекая железнодорожное полотно перед локомотивами товарных составов, что дожидаются «зелёного» на проезд через Конотоп, я делаю попытки поддобриться к ним пирожным завёрнутым в бумажку. У них такие добродушные морды с красной бородой, как на парусе плота Кон-Тики. Но локомотивы неподкупно отмалчиваются.

– Не хошь, как хошь! – и я несу пирожное весовщице Вале…

Получасовые перерывы тратятся на разговор и игру в домино, вездесущего «козла». Кроме мужиков, на перерывы приходит весовщица Валя, пара Поповских баб помоложе и иногда технолог Валя. Мощная женщина, с избытком бы заполнила даже самые импульсивные из поэтических грёз, но я с этим уже завязал.

Из четырёх прописанных в комнате грузчиков один лишь старый Миша молчит всё время и не встревает ни во что, и даже в «козла» очень редко садится. А вот грузчика Володю Каверина в подбрито-рыжеватой скобочке усов стекающих на подбородок, наоборот, отличает пылкая громогласность, однако грузчик Саша, с чёрной щёточкой усов под носом, остепеняет и сдерживает порывы партнёра. Саша высок, обнадёживающе спокоен и—как тесен мир! – муж той самой Вали, что отпечатала сборник рассказов Моэма на Украинском.

Четвёртый грузчик – Ваня. Он брит и круглолиц. Порою Ваня грозится разбить мне ебальник за очередное из моих высказываний, в чём я крепко сомневаюсь – по лицу видно, что мужик он добрый. Что не мешает ему быть убеждённым женоненавистником и вот опять отвлёкся от костяшек домино у себя в ладони для настырной агитации какие все они стервы:

– Лежу я на ней, пыхчу, наяриваю, а она развалилась – глаза в потолок: —«Ой, Вань, там в углу столько паутины!» Ну не суки они после этого?

Так тут и святой не удержится, чтоб не заметить вскользь: —«Бедный Ваня, от такого хоть кто голубым станет».

И он снова заводит свою обычную пластинку насчёт разбития моего ебальника. Но шансы, что он осуществит угрозу, невелики – за круто сдвинутыми бровями женоненавистника в круглом лице Вани слишком сразу различается его золотое сердце и мягкая натура.

Да я и не возражаю, но только, чур, ниже пояса не бить. И ему вдруг доходит насколько ошибочно наименование «лица» в обиходной речи…

~ ~ ~

В конце зимы работники фабрики ежегодно ездят с трёхдневной экскурсией в Москву. Не все, конечно, а желающие. Технолог Валя спросила нет ли у меня желания. Пришлось признаться, что у меня денег едва хватит до получки дотянуть.

– Ой, да, ланна, – сказала она, – всё за счёт профсоюза. Туда можно и с троячкой съездить.

Это был вызов Эксперименталисту. Я подписался на экскурсию и приготовил три рубля.

Мы прибыли в Москву посреди ярко освещённой зимней темени. Юра вывел небольшой отряд туристов через громадный Киевский вокзал на площадь – он не первый год на эти экскурсии ездит. Я замыкал колонну пряча кулаки в пустых карманах демисезонного верблюжьего пальто. Перед вокзалом нас уже ждал автобус, чтоб через вечернюю Москву везти на Красную Площадь.

На краю недоосвещённой площади автобус финишировал и туристы дружно отправились прошагать мимо мумии Ленина в Мавзолее. Остались лишь водитель, экскурсовод Оля и я.

– А вы что ж не идёте? – спросила Оля.

– Не люблю покойников.

Водитель прискрипнул сиденьем, оборачиваясь от руля…

По-видимому, на Красную Площадь прибыли ещё автобусы с туристами из разных уголков нашей необъятной Родины, потому что водитель открыл дверь и в салон поднялись ещё три девушки экскурсовода. Они все знали одна другую и бойко общались о раскладах в своём турагенстве и про всякое другое, пока их подопечные мёрзли на площади, чтобы воздать священный долг памяти вождю революции.

Одна из девушек, судя по всему, недавно заучила новое слово от кого-то из галантных экскурсантов, потому что часто повторяла:

– Я вся такая заиндевелая!

Мне пришлось придержать язык, чтобы он не ляпнул:

– Смотри, не обляденей!

В конце концов, тут главная столица, а не бытовка «Тряпок»…

Вторсырьевцы вернулись с морозной площади, ухая от холода и потирая плечи своих пальто и курток, выколачивая подошвы обуви о ступеньки автобуса и всячески иначе выражая радость, что священный долг уже позади…

Нас отвезли в район ВДНХа, в гостиницу построенную в конце пятидесятых для участников Всемирного Фестиваля Молодёжи и Студентов. Экскурсовод Оля уточнила детали дальнейшего сотрудничества: на утро третьего дня за нами приедет автобус, чтобы отвезти на вокзал, потому что нам интереснее прочесать магазины, чем «посмотрите налево—посмотрите направо», не так ли? Хор экскурсантских голосов с радостью подтвердил, что так ли…

Питались мы в столовой в отдельном здании, а расплачивались проштампованными кусочками бумаги, которую раздали туристам… Одна из работниц столовой порекомендовала мне не оставлять верблюжье пальто на вешалке у входа в зал.

– Но есть без пальто удобнее.

– Глянь, Вера! – крикнула она другой работнице. – Тут ещё один гость из коммунизма!.

Поскольку чесать магазины меня нисколько не влекло, я по большей части гулял по району, катался на троллейбусе аж до конечной и даже нашёл киоск, где продавалась *Morning Star*. В Конотоп, из-за заварухи в Польше, газета стала поступать с перебоями, наверное, её редакторы неверно освещали польские события.

На три рубля особо не разгонишься, но я сходил на исторический боевик с Караченцовым в главной роли

(…наши, могут, в общем-то, сделать минут пятнадцать экранного времени, но остальную тягомотину (час с четвертью) смело пускай на дымовушки…)

В гостиницу Полярная я отправился на грандиозном Московском метрополитене. По случаю дневного времени, в тамошнем ресторане кормили явных экскурсантов, потому что столы были сдвинуты в тесный ряд, они сидели впритык друг к другу и ели хавку, не снимая шуб и пальто.

Я попросил мужика в пиджаке позвать Николая, но он лишь только пожал плечами. Тогда я потребовал метрдотеля. Вышла высокая женщина в таком же пиджаке.

– Год назад я ужинал в вашем ресторане. При расчёте у меня не хватила рубля. Я обещал официанту занести позднее. Зовут его Николай, лицо умное, круглое. Передайте ему, пожалуйста... – И я протянул рублёвку. Она молча приняла.

А к тому же я отыскал ещё одно время для бесплатного времяпрепровождения – Центральную Библиотеку им. В. И. Ленина. Билет туда дают без денег, если паспорт есть... Шикарное место эта библиотека Ленина, клянусь честным словом. Помесь театра и станции метро. Короче сказать – грамоты храм. Двери высоченные и даже на ручке надпись для обученных чтению: «к себе». Ну к себе – к себе.

А за дверью большой вестибюль с окошком в глухой стене, где дают бесплатный билет, когда паспорт дашь списать, а потом другая дверь—уже без надписей—в совсем уже великолепный и громадный зал.

Это оказалась раздевалка, но вся украшенная белыми колоннами и с видом на ступени молочно-белого мрамора в отдалении, в другом конце зала. А вокруг снуёт дружба народов всей планеты полным ходом – всевозможные Бирманцы с Сенегальцами, хотя Белые тоже попадаются. Но мне показалось, что эта раздевалка, не сбалансированная какая-то: гардеробщики справа рысью бегают от вешалок до барьеров, таскают одежды охапками, мотаются с пальто да с номерками—туда-сюда, туда-сюда—но очередь к ним не иссякает, а за барьером слева – стоят бедняги, бездельем маются. Мне жалко стало их, да и рысаков тоже, подхожу, своё пальто верблюжьей шерсти на беломраморный прилавок перед ними скинул и жду. Так хоть бы шевельнулись! Потом один мне, барственно так, поясняет: сюда, мол, только для академиков.

Ну ниху... нихт гут, то есть, такая сегрегация с дискриминацией! Как будто мой верблюд общиплет их шубы академические! Карочи,

поблагодарил я за информацию и – на другую сторону, что для простых смертных…

Оттуда – к лестнице молочно мраморной. Там билеты проверяют, ещё пару бумажек дают и только потом запускают, между двух ментов, чтоб уважением к порядку проникался.

На втором этаже, в галереях поверх раздевалок, ящики каталогов – шеренгами, смахивают на автоматические камеры хранения, только цвет деревянный. Посмотрел я по карточкам – есть Фрейд, его лекции изданные в 1913 году, по случаю какого там его персонального юбилея. Всего-то 60 страниц конъюнктурного издания… Выписываю все индексы и данные этой книжечки, иду в читальный зал. Ликую! Здравствуйте вам!

Дежурная, как через очки свои бумажку просканировала, аж в крик, будто ей в парке салазки загибают: Фрейд?!.

Именно, грю, хочу глянуть шо он ващще про шо, так шо будьте добры, пажалста.

Вот тут она и ткнула меня моим тупым носом по полной. Для доступа к этой книге, грит, мне нужна степень соответствующих наук, а плюс к ней Московская прописка (разовый билет не катит) и, самое главное, требуется особая бумажка из учёных Олимпов страны Советов, что мне позволяется ту книжицу раскрыть.

Ликование моё тут же вышипело и, в таком отупело утихомиренном состоянии, спустился я по пастеризованной лестнице, верблюда под уздцы и – на выход…

Выхожу, значит, на улицу и такой я ко всему спокойный. Никуда не тянет, ничего неохота. Дошёл до перехода, где в метро спускаться, приткнулся задом к парапету, на ЦБ вылупился, а в голове пусто-пусто, лишь где-то по задворкам бродит шевченковское:

"…чужому навчайтесь, свого не цурайтесь…"

Люди добрые! Где я?!. Здоровенный домина, по фронтону – отакенными буквами: Центральная Библиотека Ленина. Так он же

для чего старался? Чтобы рабочие могли книжки читать! Нам его знаменитый завет Комсомолу в головы вбивали, в уши вкладывали, в глотки впихивали:

«Учиться, учиться и учиться!»

А и у какого мы тут оказалися корыта? За четыре года до Великой Октябрьской Революции любой рабочий мог заскочить в книжную лавку и купить эти 60 страниц лекций, была б лишь охота. После победы той же революции, в Центральной Библиотеке им. Ленина мне сказали: —«Хера тебе, а не книгу, потому что ты – рабочий!»

Но всё равно, хоть и заново поиметый, я себя лохом не чувствую, и никогда им не был, просто, по причине доверия к людям, меня дурят и дурят той хернёй, которую привили в далёком прошлом, а так я умный, только мне лень всё это дерьмо разгребать…

Стою я, значит, врастаю в парапет, и такая во мне тишь и кристалличность…. Но потом из внешнего мира начал постепенно скребёж доносится. Я очнулся и увидел десяток рабочих, что лопатами снег с тротуара счищали. Солнце светит, а его соратники асфальт скребут и на меня поглядывают, будто ждут чего-то.

А что я дам? Самого только что обули… Или здесь тоже хотят почистить? Ланна, мужики – нехер мне тут контуженного из себя строить… Ну оторвал я свои корни от холодного гранита и потёк вниз по ступенькам в переход, подальше от сияющих вершин…

В условленное утро пришёл автобус и старший вторсырьёвец подписал бумаги экскурсоводки, что три дня нас возили по столице, знакомя с её историческими и несравненными жемчужинами архитектуры. И все остались счастливы и довольны:

экскурсовод Оля, получившая три дня оплаченного досуга;

и отоваренные дефицитами экскурсанты;

и водитель автобуса с трёхдневной пайкой топлива, которую можно пустить в оборот;

а больше всех – я, поигрывая в кармане верблюжьего пальто от Алёши Очерета монеткой достоинством в пятнадцать копеек.

Технолог Валя не преувеличивала – Москву можно три дня иметь на одну трёхрублёвку…

~ ~ ~

Единственный минус, что я задолжал фабрике эти три дня, в смысле, три дневные нормы по 32 тюка каждый. Технолог Валя сказала, что можно не переживать, а потом потихонечку, по два-три тюка в день, наверстаю.

Не люблю в должниках ходить и, на третий день по возвращении из Москвы, я пришёл на работу с газетным «тормозком» съестного для подкрепления по ходу моей вахты ударного Стахановского труда.

Когда фабричный автобус увёз всех в город, а Поповские бабы ушли пешком в другую сторону, я обернулся к скрипучему-трещучему прессу и холмам тряпья, что скопилось за круиз в Москву, чья масса почти не уменьшилась за минувшую смену только что законченного рабочего дня… Как полный энтузиазма борец за победу социализма в одной, отдельно взятой стране, я отпахал вторую смену, а потом третью и даже поспал в бытовке минут двадцать, пока все вернулись на автобусе для нового трудового дня…

Летом к нам устроился новый прессовщик, потому что Миша, гражданский муж Вали весовщицы, ушёл в свой ежегодный отпуск. У новичка оказалось какое-то сложное восточное имя, по причине Таджикской национальности и я никак не мог его выговорить, поэтому прекратил париться и начал звать просто «Ахмед».

Ахмед был невысок и смуглолиц и никогда не расставался со своей счастливой улыбкой, пока не сходил пообедать в столовую завода Мотордеталь. Вернувшись оттуда, он лёг на лавку в бытовке и жалобно стонал, пока Поповские бабы стояли вокруг страждущего и зловеще качали головами, делясь всякими рекомендациями из эпохи Каменного Века… После получки, Ахмет начал приходить на

работу с газетным «тормозком» и пищеварение наладилось, поддерживая мою веру в силу печатного текста…

В его первый рабочий день, именно я передавал ему мудрость и тонкости профессии прессовщика. После исчерпывающего объяснения назначения трёх кнопок и демонстрации как опытный прессовщик запирает ящик пресса на крюк снаружи, я начал делиться с Ахмедом восторгами по поводу высказывания некоего Немецкого поэта, что все чайки, когда в полёте, похожи на заглавную букву «Э», ну просто с креном. А почему? Имя его возлюбленной – «Эмма»! Ну не молодец разве?. Подметил!.

В порыве энтузиазма, я подхватил с пола огрызок проволоки и царапал заглавные Э, целую стаю, на серой штукатурке ближайшей стены в скудном освещении лампочки над прессом. Ведь точно же как чайка, что легла на крыло в развороте!

Ахмет радостно улыбался и молча кивал в ответ….

(…и спрашивается теперь: зачем я мучил ни в чём неповинного парня, навязывал ненужные знания Таджику слабо понимающему русский язык? Ответ прост – такова людская натура. Желание учить сидит в наших генах.

Хочешь убедиться – выгляни в окно во двор многоэтажек на будничную картину: мужик поднял капот машины и тут же слетелась туча советчиков, поделиться крохами личного знания.

Эта потребность неодолима, как показал случай брадобрея, что высмотрел ослиные уши царя Мидаса: —«Меня спросите! Я чёт знаю!»…)

Среди хлама свозимого на Тряпки иногда попадались пригодные вещи. Например, грузчик Саша в своём шкафчике держал с полдесятка свитеров, с оленями поперёк груди и без, и он каждый день пижонил в новом из своей коллекции…

Володя Каверин не разменивался по мелочам. Он охотился на манжеты и воротники споротые с зимних пальто, чтобы, когда наберётся достаточно, заказать себе меховую куртку или, скажем, пальто. Он собрал уже три воротника и, через два дня на третий, доставал их из своего шкафчика типа как бы проветрить. Встряхнёт по очереди каждый и гордо спросит: —«А чё, ништяк должна куртка получиться, а?»

Ваня у себя держал парадный китель подполковника Советской Армии с золочёными шнурками и прочей фигнёй…

Когда меня отрядили за водкой в ликеро-водочный на улицу Семашко, то враз экипировали джинсами, о которых я мог только мечтать, когда мне это всё ещё не было похер. Вот только тот кленовый листочек или, может быть, цветочек вышитый на правой ляжке оказался, по-моему, явным излишеством дизайна…

Очередь в магазин начиналась задолго до него и вилась непонятными петлями по тротуару, за что такие очереди назывались «петлями Горбачёва». Но об этом желательно громко не распространятся, потому что, по слухам, среди жаждущего населения присутствовали сексоты КГБ для сбора свежих анекдотов и брать на заметку особо неудовлетворённых граждан.

Вот из-за этих слухов я и потребовал на фабрике маскировочную одёжку и все согласились, что да этта нада. Хотя и не смогли найти подобрать мне нормальные джинсы без того женственного цветочка на заднице.

Несмотря на дорогостоящий прикид, меня опознали пара посыльных из СМП-615, однако знакомство афишировать не стали.

(…выстоять такую очередь после рабочего дня до закрытия магазина – немыслимо, поэтому на предприятиях и производствах возникла стихийная прослойка «гонцов» среди рабочей силы. Коллеги покрывали их отсутствие пахотой «за того парня»…)

По ходу продвижения, очередь часто сотрясали панические слухи, что водка в магазине на исходе. И действительно, очередь застопорилась. Но вскоре к задней двери магазина подъехал грузовик и добровольцы, полные нескрываемого задора, потащили внутрь проволочные ящики по 25 бутылок каждый….

Я вернулся на фабрику с водкой в половине пятого. Два грузчика, по очереди, штамповали тюки, чтобы выполнить мою дневную норму. По неопытности, они выдавали их с недовесом. Валя весовщица громкими криками из фанерной будки выражала свою неудовлетворённость продукцией неквалифицированных грузчиков, а полуглухой Миша хранил радостное молчание и торопливо укатывал легковесные тюки прочь. Скрывая радость, он, в ногу со всей необъятной родиной Великого Октября, с ускорением входил в решающую фазу реконструкции, она же Перестройка…

~ ~ ~

И даже такой дефицит, как махровые полотенца, во множестве висели на трубах в комнате с кранами над жестяным жёлобом, в который все смывали разводы пыли с грязных рук перед обедом. Своё личное полотенце я принёс с Декабристов 13 и боялся оставлять его в умывальнике, чтоб кто-то не использовал случайно как обобществлённый хлам. Так что моё висело в бытовке, на трубе отопления в углу под окном.

Откуда у меня такой дефицит? В какой-то момент Раиса Александровна оценила мои батрацкие труды и решила отплатить натурой. И это вылилось в махровое полотенце и новенький портфель… Очень даже симпатичное полотенце, белое такое, пушистое, специально для лица и рук, судя по размеру. И украшено синей белкой на белом фоне, в профиль, с пушистым хвостом – тоже очень миленькая.

Однажды вернувшись из обеденного вояжа в столовую завода Мотордеталь, я заметил, что чьи-то грязные лапы потискали мою нежную белку в уголке… Конечно же, я поднял кипиш – что за дела

и вольности с частной собственностью?! Своё полотенце я не из тряпок выудил, а принёс из дому! Все покивали на Ахмета.

Ещё раз, в деталях, специально для него, я объяснил откуда принёс полотенце и призвал ни под каким видом, ни при каких обстоятельствах не пользоваться им. Вон в умывальнике хлама валом или ему мало? Он извинился и сказал, что он не знал-а...

Пришлось отнести полотенце на Декабристов 13 и в понедельник постирать. В среду, свежепостиранная и выглаженная белочка, как синий флажок борцов за чистый образ жизни висела в углу бытовки.

В получасовый перерыв, я играл в «козла» с грузчиками, когда хлопнула дверь бытовки на пружине за припоздавшим Ахмедом. Лялякая какой-то Таджикский напев, он миновал стол с прерывистой линией из костяшек домино по пластику верха и деловито направился в угол.

Ваня толкнул меня в бок и подбородком указал на Ахмеда «гля! чё творит!» Ахмет скрупулёзно, как хирург-гинеколог перед операцией для стяжки Люси Манчини, вытирал свои грязные лапы о пушистый хвост моей белочки. Но, по тому как он косил глазом из-под прижмура оливковых век, я понял – это всё с умыслом и сам он знает не хуже меня, что от медицины он далёк как моржовый х... ну то есть... хвост, например.

– Ахмед! – сказал я, – как погляжу ты прикипел к этой зверушке, а? Я дарю тебе её вместе с полотенцем.

– Ойа! Моя забывал-а!

– Подарки не обсуждаются, бери – она твоя!

И я отдуплился в оба конца.

(...он всё-таки отплатил мне за того Немецкого поэта с его буквальными чайками, а может, не простил «Ахмеда»...)

~ ~ ~

Помимо прессовочного отделения, пара прессов стояли в других местах цеха. Когда я получил задание запрессовать макулатуру возле одного из них, то словно из подземелья вышел – тот пресс установлен рядом с большим окном, а неподалёку – багажные весы.

Грузчик Миша взваливал на них готовые тюки и говорил мне вес, а я записывал на бумажку. Потом он отвозил их прямиком в ангар, до которого отсюда было вдвое ближе, чем до весовщицы. Вот почему Валя дала мне карандаш и сказала вести запись веса тюков на бумажке, а в конце дня отдавать её ей, чтобы она переписывала в свою тетрадь… Этот карандаш и сделал из меня то, кем я стал. Он превратил меня в отпетого графомана.

Сначала я записывал колонки цифр в едва начатую тетрадку ученицы четвёртого класса Любы Доли, которую подобрал из макулатуры. А потом, под скрип и вой тормознутого пресса, он вдруг взял и написал *Пейзаж* – короткую словесную картину с озадачивающим концом. Я прочитал ту страничку из тетрадки школьницы и увидел, что она совершенна – ничего ни убавить, не прибавить.

За *Пейзажем* последовал *Натюрморт* на зимнем фоне и *Портрет* из летнего периода. Вместе с *Пасторалью* они составили *Вернисаж* из четырёх картин.

Но это уже впоследствии, потому что *Пейзаж* для карандаша стал всего лишь пробой пера, после которого он начал выписывать начальный диалог летней сонатинки *Серьога Мочить Коні*. Позднее появились также зимняя, весенняя и осенняя, вошедшие в сборник *Пори Року* прозаика Секлетия Быдлюка.

Конечно, не все из этих работ закончены были одним и тем же карандашом, но он послужил трамплином к тому, что последовало. Он ввёл меня в транс, превратил в загипнотизированного зомби в целях использования хватательной способности моих пальцев, пока он писал, строку за строкой, на других обрывках бумаги, потому что тетрадка Любы Доли вскоре кончилась.

(…порой совсем так мало нужно, чтобы случилось волшебство. Подумать только – просто маленький огрызок карандаша…)

Когда сонатинки сложились в сборник С. Быдлюка *Пори Року*, мне захотелось их увидеть в виде машинописного текста, но идти в пишбюро я наотрез не хотел, сам даже не знаю почему.

В однокомнатной публичной библиотеке на первом этаже одной из пятиэтажек Зеленчака, я обнаружил машинку с Украинским шрифтом. Там работали две библиотекарши – женщина пенсионного возраста и толстая девушка в очках, похоже внучка. Во всяком случае, она свою сотрудницу звала бабушкой.

Попытка выпросить машинку напрокат встретила холодный приём. Откуда им знать что я там понапечатаю, а в КГБ хранятся образцы текста от этой печатной машинки. Старушка добавила также, что существует негласное правило о снятии таких образцов со всех машинок в любых учреждениях.

Всё крайне просто и логично, если я вздумаю печатать анти-Советские прокламации, органы сличат образцы и сразу разберутся кого брать за жабры.

(…приятно сознавать, что тебя охраняют такие предусмотрительные органы…)

Тогда я попросил разрешения напечатать один рассказ в их комнате, за столом позади полок, а им оставлю копию, на всякий. Старшая с сомнением качала головой, но внучка уговорила её разрешить

О, боги! До чего непростое искусство – печатанье на машинке. Чтобы настукать всего пару страничек, мне потребовались два выходных. Моё выбивание буквы за буквой неуклюжим указательным пальцем точно вынесло им мозги. Конечный продукт пестрел опечатками, но девушке библиотекарше всё равно

понравилось, хотя она в жизни не слышала разговорное выражение «мочить коней» и ей пришлось спрашивать у своих знакомых.

А мне пришлось реставрировать отношения с Жомниром, который когда-то с гордостью показывал мне в своей архивной комнате портативную пишущую машинку… Он не мог мне её одолжить, но как представитель интеллектуальной элиты предоставил возможность решать мои творческие проблемы в своём архивном кабинете. Ну а Мария Антоновна уже заранее меня всегда любила. Так я снова начал появляться в Нежине по выходным.

Жомнир показал как пользоваться всеми пальцами на пишмашинке и уходил ночевать в их спальню. Мария Антоновна стелила мне диван-кровать в гостиной. Я печатал по ночам в архиве, а утром шёл на вокзал выпить горячий кофе. Днём я печатал на их крохотном балконе. С высоты пятого этажа открывался прекрасный вид на зелень деревьев далеко внизу и красную трубу кочегарки, что поднималась среди них. Я смотрел на стайку голубей кувыркавшихся в небе и заправлял следующий лист в машинку.

Мне нравилась такая жизнь, хотя иногда я вспоминал, что это Нежин и меня охватывала ностальгия. Вернее, я не забывал где я, ни на минуту, а ностальгия отступала только перед цоканьем машинки…

Концовка зимней сонатинки возмутила Жомнира:

– Слушай, так нельзя, это уже ни в какие ворота!

А я ликовал – он не нашёл в моих рассказах повода придраться к языку, он негодовал и спорил с героем повествования!.

В виде платы за пользование пишмашинкой, Жомнир, ради старых времён, подсовывал мне Английские стихи для перевода. Киплинг, Шелли, Фрост… Я переводил и привозил по выходным обратно, но это не считается, я так и оставался в завязке…

По Советскому трудовому законодательству, каждому рабочему СССР полагался ежегодный отпуск. Осенью я получил его после одиннадцати месяцев пахоты на фабрике вторсырья. Каких-либо планов как провести отпуск я не строил, а твёрдо знал куда поеду.

~~~~
~~~~

~ ~ ~ восточный коридор

В темноте исхода ночи понемногу начинает уже угадываться более густая чернота придорожной лесополосы…

…любой звезде автострады эта типа вроде дорога – высшая мера без права переписки, а моим двоим годится…путник в час одолевает пять км, нас в школе так учили…

…до райцентра, сказал дяди, вёрст 15, не боле…вышел я в пять с минутами…автобус на Москву в девять… …йип-понский бог! смачная, таки, штука – жить… особливо коли ветер попутный…

"***Ветер дует прямо в спину,***
не пора ли к магазину?
Не послать ли нам гонца
за бутылочкой винца?..."

…полегче на поворотах!. а сухой закон? Забыл?. *Dura lex, sed lex*… перевести?.

…не извольте беспокоиться брателло Латынь с нашего района…

…нет, но вульгарность, пошлость, низкопробность темы!. «гонца», «винца»! фи! как можно!.

…а чё?. прояви респект искусству молотобойцев… безупречный ямб…

…тебя бы ямбом этим да по вые, чтоб разбирал ямб от дактиля… никаких ямби-зомби разговорчиков в строю, рядовой…

…ха! кто бы говорил! эстет-самоучка!. сперва свою подвинти контргайку, али резьба сорватая?… гедонист мохнорылый! «ах, нам ямбы не по ндряву! можно мне кусочек амфибрахия, пажалста?» а хариуса под хересом не хотел?.

…хмм… да… хореи нынче захирели, замордованы, фактически, враждебной экологией… смыкаются бесплодные просторы – «горячо одобряя на сэкономленных ресурсах подхватим плановую

инициативу глубокого удовлетворения раньше срока центнеров с гектара металлопроката»... и – капец, смело заводи красную книгу на всё изящную словесность... не выдыбает... минули златые дни любимцев музы...

"Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына..."

...на эту всего одну строку гекзаметра потребуется два квадратных метра подстрочных пояснений, чтобы народ передовицами вскормленный допетрил бы чё этот грёбаный Ахиллес присикался к сыну звезды Бразильского футбола... а дефицит бумаги?!. на чём про рост благосостояния тискать будем?.

...сам знайиш, жить хочется, а жить не с кем, вот и живёшь с кем попало... за что и любит народ фольклор... и отметьте, сударь мой, преотменные порой поделки попадаются, вот например.

"Паследний раз, паскуды, спрашую! Кто сказал на Бога рашпиль?!."

В уже чуть белесой мгле безлюдья – сдержанное фырканье смешка. Чёрный сгусток дерева подплывает вдоль обочины, и отстаёт.

...однако же и вышколили тебя, добрый молодец...кому тут заоглядываться на беспричинный смех?..

"Иду и улыбаюсь сам себе,
А как опомнюсь – что на меня подумают!
И вовсе хохочу.."

...тоже кто-то из реальных братанов нафольклорил?...

...не, это один Чех с отклонением в поэзию...

...а Чехи не люди?..заколю!...

...смилуйся Авраам!.. пошарь в кусточках, авось разойдёмся красиво – и Яхве сыт, и сынок не поцарапанный...

…а если я Тарас Бульба?…

…хе! ну это разве токмо в засушенном виде, для гербария… коза Робинзона Крузо больше казак, чем ты… завязывай, пока соседские куры со смеху не сдохли…

…не выйдет… по сводкам гидрометеоцентра, смех это монопольная собственность Хомы Сапиенсова…

…ну с точки зрения физиологии, всё ясно прекрасно – спазмы и попёрхивания жутко нужные здоровью, но в смысле смысла как?..

…обожаю любознательных шпингалетов!. Ну-кать помозгуем… где порядочные люди смеются?. точняк, в специально отведённых для этого заведениях… типа цирка или, там, скажем…

…ура! айда в кино!. комедия – предел всему!..Фантоцци. ух, даёт!.

…шмяк!..бряк!. шарах!..дзинь-буль-тресь-бздынь!!. пссс…

…вот умора, а?.

Гы-гы-га! У-ю-гу-гу! Х-хо-хо! Иа-ха-ха!

И только моя соседка слева, дама необъятных габаритов, сидит безучастно и ни гу-гу. Почему? Вздремнула? Нет, глядит добросовестно, но молчком.

Человек во всю старается расшевелить её, вона с разгону шарахнул головой в фонарный столб. Зал дружно грохнул счастливым залпом… А она? Хорошо хоть не зевает.

Но что это? Что? Невероятно! На проходном эпизоде, когда Фантоцци после очередной вздрючки впяливается в костюм на пять размеров больше, и публика, в изнеможении от предыдущих пароксизмов, почти не реагирует – из гигантских объёмов моей соседки выкатывает смех соответственного охвата. Ай, да комик! Но чем это он её пронял?.

…и теперь, если спросишь меня – от чего люди смеются?. ответствую – от страха…

…от страха?.

…а то!. что страшнее для женщины, чем уродящая одежда?. А когда у клоуна слетело седло с велосипеда и осталась только трубка,

чтоб он с размаху насадился задом, зал стонал мужским гоготаньем – бабу ж не пугнёшь пустяковинкой такой…

…смех от страха!? чепуха!. когда страшно бегут, а не смеются… к тому же твои аргументы касаемы смеха низкого пошиба… а люди смеются не только когда кто-то споткнулся-упал-в-канализацию… над остротами тоже смеются… эпиграммы там всякие… да мало ли!..

истинно! истинно говорю вам!. смех проистекает от страха и есть просьбой, а также мольбой к Неведомому отвести то, над чем смеётся молящийся, я имею в виду хохочет который… точно такая основа и у смеха по причине тонкой остроты, где «Иа-ха-ха!» значит «пусть надо мной так не пошутят!», а смех над самим собой – молитва «да, не угораздит меня так боле!»…они неразлучные Сиамские близнецы – смех и страх… скажи над чем смеёшься, и я скажу чего боишься ты…

…так стало быть, Дурак, сказать ты хочешь – кто не смеётся никогда, тому и страх неведом?.

…Ваше Величество, мы не рассматриваем ненормальные аномалии, у нас в теме представитель класса позвоночных, подкласса млекопитающих, вида приматов, подвида антропоид с латинской кличкой "homo sapiens"… так что не компостируйте нам мозги, пажалста…

…но послушай, тогда выходит, что через анекдоты можно узнавать…

…ага!. начал врубаться потихоньку?. отлично!. идём дальше… а вот, кстати, и километровый столб, что тут написано?. нет, не могу разглядеть, слишком темно ещё…

…а к чёрту!. оставь где стоит!. не он первый не он последний, чего пристал к сиротинушке?. оно тебе надо?. топаешь и – топай себе!.

Ах, прощеньица просим! Право слово – без умысла и подвохов. Ещё раз прощеньица просим. Приятно оставаться!.

…хмм… так об чём, бишь, мы?. а да! конечно! рассмотрение бессмертного вопроса классика «над чем смеётесь?!.» ответствую – над тем чего боимся испытать на собственной шкуре… что есть

предтечей смеха?.. верно – улыбка… а улыбка это что?. и снова в точку – это когда зубы скалят… допустим, встретились мы с тобой на нижних ступеньках эволюционной лестницы, где мне не совсем понятно что ты за стегозавр такой, а ты подозреваешь не двояко ли я дышащее… в те необразованные времена мы ещё без паспортов бродили… сталбыть встретились и, первым делом что?. правильно!. оскалились!. как бы гляди, если чёт лишнего себе запозволяешь, так у меня на тебя вона чего естя… усёк, откуда эти хиханьки с хаханьками сперваначатку вылупились?. сведённым к своей элементарной основе, смех является средством самообороны с Гегельянски двойственной функцией – отпугнуть, и отмолиться (2 в 1)… однако применяется не в случае реальной опасности (тут некогда хаханьки строить), а когда угроза воображаемая… не применяется в отсутствие угрозы или когда уже нечего защищать… используя монополию на смехоприбамбасу, человек вскарабкался на упоминавшуюся лестницу до уровня, где выдают паспорта и записывают желающих в секцию по борьбе самбо… аминь…

ух-ты! …мастеровито финтишь, хавбек… самое пора орать «эврика!» и и галопом в бюро патентов…

…зачем, глупышка?. все колёса давным-давно изобретены… любая сверхновая идея не раз уж копошилась в мозгах Халдейского мага, или софиста Грека, средневекового алхимика, Ацтека-узловяза, вещего Брамина-ведоведа, или Тибетского мудреца… все открытия и убер-субер идеи ничто иное, как выражение иными словами, или символами, всё тех же истин, древних, как холмы… неизменных, как смена времён года, фаз луны, дня и ночи… каждый день нов и единственен, каждый день – повторение множества точно таких же дней…

…красиво токуешь, голубок… но тут вопрос из зала: вы это хорошо закрепили, гражданин управдом?.

…не беспокойся, марихуанисто!. не сорвёшь!. или есть резонное «но»?.

…умгу, амиго, увы, маненько есть… куда вы, в своей наполированной системе поместите улыбку двухмесячного малыша?. он-то с какого перепугу лыбится навстречу своей маменьке, неньке, матерке или как там его муттер кличут? эта беззубая улыбка сносит все ваши ментальные умствования прямиком псу под хвост… не так ли, Мистер Бриллиантовый Козлик?.

Светает. Мутно-серый потолок налёг на нескончаемые стены мглистых стволов, занавешенных сетью изголодало-чёрных ветвей и веточек в случайных подпалинах усохшей жухло-жестяной листвы. Вдоль корявого асфальта дороги метутся, змеясь, сбившиеся с орбит кометы позёмки, взвихрив тощие струи сухой снежной пыли.

Ветер попутный. Сзади. Дуй, приятель! Подаренную тёткой телогрейку продуешь ты чёрта с два!. Голова в плотно вязаной шапке «петушок», тёплые носки на ногах, армейские полуботинки споро верстают простёртую до горизонта дорогу, вслед за уносящейся в бесконечность позёмкой… Дуй, кудрявый! Ещё древние Греки знали, что под звуки флейты легче маршируется. Крепкая одёжка, дальняя дорожка – что ещё нужно для счастья?.

Лесополоса расступилась, пропуская уходящую от шоссе грунтовку. В расселину заглянуло удивлённое поле: кто тут такой счастливый? И от этого поля, и что есть впереди дорога, и что утро такое хмурое, и оттого как струится за ветром бледно-прозрачный дымок белого снега – стало вдруг безудержно радостно, прихлынул неуёмный восторг выше горла и выплеснул возглас в пустынную муть – «I! Am! Happy!»

Кутерьма крупиц на дороге, словно зеркало, повторяет круговерть низко мчащихся облаков.

– Am! Happy! – на этот раз почему-то с угрозой и чуть вопросительно.

– Happy! – совсем уже дохленько.

…да, недолго музыка играла… где ты, счастье?. только в прошлом, или в будущем… ищи-свищи…

…а если и наткнусь на крупицу малую – вот как только что, то всегда в одиночку… отчего так?. обидно даже… вот если бы она рядом… хотя ей ни к чему марш-броски… или чтоб увидела на экране, во сне, где угодно – вот это утро, споконвечную эту дорогу, путника на ней…

…идиот!. и когда уж тебе дойдёт, соплежуй несчастный?. нет никакой «оны» в природе, а только лишь невнятные, сентиментально-слюнявые мечтания твои, придурок, толком неясные и самому… невразумительная смесь неземной красы со страстью к утехам отнюдь не небесным, сочетание холодно-острого ума с нежно-пылким влагалищем вожделеющим лишь к тебе одному… ишь губу раскатал, похотливец… ты, малый, построил мост на вершине горы и ждёшь пока под ним побежит речка… а и кроме: для получения чего-бы-то-ни-было надо давать хоть что-бы-то-да-нибудь… а что, распролюбезнейший, имеете предложить?. тёткой даренную телогрейку?. ух-ты! вещица, канешна практичная, дней пяток всего как надёванная… чё? у тебя и казна есть!?. цельных полста целковых?. велик же твой капитал!. теперь отминусуй десятку на автобусный билет, потом 25 на самолёт до Киева, да пятёрку на электричку… а на харч уйдёт сколько?..так за какие тя шиши любить безумными страстями?

…сословные касты разделяет правильная пропасть, никаких мостов не наведёшь…а вы за кого?..с какого берега муравей?..что ты вообще такое: раб или господин?..

…я есмь кто я есмь кто я есмь на пятом дне за девятыми вратами… твоя уловка с «господином» мелковата, ибо всяк из человецей имеет трёх господ: Желудок, Мозг и Гениталии… которому служить?..

…а как насчёт евнухов?

…вот так всё и скатывается в пустую трепотню…

…проявляй респект учению пресвятого Артура, неверный… он грит, менять себя нам не дано, единственное, на что можешь рассчитывать, так это чуть больше про себя узнать, и это я, кто

расширяет твои горизонты, кореш, будь благодарен неизменному второму… или, може, охота порядковыми номерами поменяться?.

…брось балаболить, сам знайиш, кто первый встал – того и тапки на весь день… что толку тасовать королей, капусту и моржей с плотниками…

…ну, так по сёдлам!. Обратно к троице Господ… или охота ещё кого-то приплести, Genosse Feldzug-Führer?.

…да заткнись ты со своими ржавыми селёдками!.. любой сверчок на высоком ЦКавском шестке автоматически раб сваво желудка… быть рабом раба?.. слуга покорный!..мне дела нет до его потрохов, как и до грёбаной диалектики, при всём респекте к её папе, Сократу, который не то хряпнул…

…но чем, тады, бедному крестьянину заняться?. я не могу делать дело вместо моих ног…

…хватит юлить!.. говорь по-людски: ты раб или хозяин?.

…ах ну какой вы приставучий!.. ладно, своему члену я хозяин, если тебя это осчастливит…

…отлично!.. я не спрашиваю с каких пор, но отлично, браток! ты набираешь 33 % с чем-то…следующий вопрос: готов ли ты обратить ближнего своего в продукт питания, если того требует твой пустой желудок?..

…ну не думаю…

…да или нет, сладенький…

…нет!. и пошёл ты нахер!.

…прэлесть!. узнаю себя любимого… и, кстати, у тебя уже 66 % с чем-то… теперь, к остаче недораспутанного Гордиева кружевного чуда…

…но я уже не помню о чём мы…

…брось зигзажить!. речь шла о том, чьих ты кровей – хозяин, или раб… вспомнил?…

…уфф!. я уже устал хуже своих ног!. ну ладно… поскольку мой организм контролируется посредством…

...достаточно!. больше слов не нужно!. «средство» всего лишь инструмент, ему не служат, его применяют... мозг в инструменты низведён... паздрамлямс! список кандидатур на должность хозяина исчерпан, поскольку волосы взяли самоотвод из опасения облысения... добро пожаловать на волю, бесхозный ты наш Сам-Себе-Голова... и добрый тебе совет на дорожку: не пытайся изменить мир, поскольку революционер без партии смешнее даже, чем гражданин без государства... а заодно не слишком-то распинайся на тему усопшего Бога, ибо всё, что всем нужно это Господин и Его заповеди... и, наконец, окинем взором старый добрый дикий мир... что ты в нём?..

...у меня не рабов!..я в них не нуждаюсь!..

...полегче, торопыга... владелец раба сам чей-то раб в 99 % с чем-то... и ты не хуже меня знаешь что отсутствие чего-то не исключает твоё присутствие в нём же... так чей же ты?.. Моэма?. Джона Милля?.

...да, да, да!. я – раб их, и я раб той чокнутой с голой грудью, что высунулась над забором Площадки... я раб всего, всех и вся, но временно, до истечения срока годности или пока всё это мне в конец не настопиздит...

...похоже, мы замыкаем очередной круг за круглым столом кочегарки в/ч 41769... извини, что отвлекаю от ходьбы... так что, подотри-ка нюни, да шагай себе и шагай... дело тебе знакомое, привычное даже...

И он шагал, наступая на хвосты прозрачных лент позёмки. Каждый шаг ничем не отличался от предыдущего и от следующего. С каждым шагом ни на йоту не менялись ни колдóбая дорога, ни низкое небо, ни лесополосы по бокам. Всё то же. Всё так же. Всё движется и остаётся таким же.

Изредка приближались и отставали бетонные столбики с цифрами на голубых жестянках. Несколько часов кряду такой ходьбы, пусть даже налегке, порожняком и – начнётся ломотное нытьё в плечах. Это он знал. Но сегодня до этого не дойдёт. До райцентра

пятнадцать километров, сказал дядя. А оттуда начнутся транспортные услуги развитой цивилизации…

Что-то замаячило вдалеке на обочине. Неподвижный крупный предмет. Уцепившись взглядом за эту замершую непонятность средь всеобще-хаотичного шевеления, он приближался, гадая: что б это могло быть?

…какая-то техника… ага… какая?..

…ну мало ли чего наклёпано для сельхоз работ… ближе подойдём тогда и…

Тихое жжение наклюнулось в паху.

…да погоди ты со своими позывами… точно, техника, но из другой отрасли…

Он остановился у мандариново-жёлтого дорожного катка.

Надо ж куда тебя занесло, бедолага. Зябко, небось? То-то. Привык, чай, к тропикам асфальтным? К пылу да жару битумному. Как зимовать-то думаешь? С перелётными не упорхнёшь: на подъём тяжек. Да и поздно уж. Берлогу рыть нечем. Профиль не тот. Один исход – анабиоз. Вмерзай в среду окружающую, как всякие там хладно-кровно-земно-водные. Хотя, пожалуй, тоже не сахар.

Он излил сочувствие на россыпь мелкого гравия. Застегнулся. Переступил неровное тёмное пятно, что пару часов тому было чаем, что сготовила жена дяди на посошок.

…всё течёт, всё изменяется… один и тот же чай нельзя излить дважды…

~ ~ ~

В деревню, откуда он сейчас шёл, это был второй его приезд. Хотя, конечно, в первый раз не сам ехал, а папа привёз. В то лето дни длились по веку, неспешные, как спокойный ручей разделяющий беззвучным движением гладкой воды деревню на «ихних» и «наших». Тихо катит ручей по песчаному дну. Воды по колено. Чуть вверх по течению попадаешь в зелено-сумрачный туннель меж непролазного ивняка. Мальки тычутся в икры и чуть слышно скребут.

Малость жутко, особенно если тебе двенадцать лет и наслушался рассказов про пиявок и «конский волос».

А за деревней—не близко, может, с час ходу—речка Мостья. Неширокая, но плавать можно. И он плыл к противоположному травянистому берегу подталкивая лбом красно-синий резиновый мяч по воде с неясным пятном отражения своего лица в вертлявом мокром боку. А может, мяч тот и другой берег были у иной речки его детства, но то, что и в эту речку он входил – было. Двадцать лет назад...

Двадцать лет спустя, в свой второй приезд, он в неё уже не вошёл. Зябко. Поздняя осень. Пусто в плавно разгонистых волнах полей. Пусто в деревне с холмиками битого кирпича – руины домов обросшие жёсткой травой. Мамай прошёл... Уцелевшие безмолвны, приземисты, словно вдавлены океаном блёклого неба. Марианская трещина.

– Вам кого?

– Сергей Михалыча Огольцова.

– А сами кто будете?

– Сергей Огольцов.

– Племяш, сталбыть, – скоро угадала она.

– Он самый, – согласился он, сдерживая улыбку.

Она пригласила пройти в комнату, сетуя, что дядька только что вот укатил с перерыва, похвалила вещунью кошку, с утра пораньше намывавшую гостей из шерсти морды лапой. Потом вернулась на кухню к многометровой цепочке теремка ходиков на стене, мерно нарезающих тиканьем глухую тишь пустой комнаты, к столу меж двух окон под изношенной клеёнкой свисшей по фанерные дверцы его ящика, к толпе чёрно-белых близких и дальних родственников и их особых друзей различного калибра в иконостасе одинаково онемелых и церемонно окаменелых для снимка лиц в углу незанятом Русской печью.

Он сидел привалившись к спинке дивана, разглядывая внутренности единственной комнаты с каменной печуркой напротив

себя, от которой кругло-гладкая серая труба из азбесто-бетона шла кверху, а у потолка преломлялась в сторону кухонной стены.

Напротив, следом за печкой, стояла широкая кровать с крашенными железными ногами и прутьями, с подушечным бастионом перед распятым на гвоздиках ковриком, где в какую-то из тысячи и одной ночей молодчик умыкает застенчивую красавицу на своём плюшевом скакуне, а его подельник скачет следом, озираясь к минаретам спящего города. Фанерный схрон коричневого шкафа дожидался их в углу.

По эту сторону, впритык к дивану, стол с задвинутыми под него стульями, два арочных окошка в палисадник и (у глухой стены к соседям) телевизор на высокой этажерке, от которой к двери на кухню простелился половик-дорожка, а над головой—к той же двери —тянутся доски потолка: голые, синие…

Она позвякивала тарелками на кухне, изредка подходя к двери в комнату – поинтересоваться здоровы ль родители, где он работает и кем. По осторожности вопросов, он понял, что она знает. А как не знать. Его отец с тех пор как на пенсии ездил в родную деревню чуть ли не каждое лето вместе с внучкой. Уж, конечно, поделился горем с братом.

В кухне стукнула входная дверь: —«Бабань! Две пятёрки!»

– Пришёл? – ответила она со строгой нежностью. – Куртку снимай. Да не шебушись так-то. С дядей иди поздоровайся, (на спрошенное шёпотом) мамы твоей брат двоюродный.

Из-за дверной ручки осторожно выглядывает лицо мальчика с рассыпчатым вихорком над правой залысинкой крутого лба (корова лизнула), с детским взглядом неподдельной серьёзности. После протяжного «здраасте», он исчез продолжить неслышные расспросы бабушки.

– Леночкин папа, – отвечала она, накрывая на стол. – Помнишь в то лето приезжала к бабе Саше?

Она позвала гостя за стол.

Хлебая щи, школьник отрешённо глядел на окошко. Пойди упомни что видят таким вот расширенным взглядом семилетние инопланетяне, где блуждают, пока их не очнёт очередной вопрос про дела в школе.

Хорошо хоть невесть откудашний дядя ел молча… Варёную картошку с жареным луком мальчик не захотел, чай тоже. Бабушка послала его в деревенскую кузню сказать дедушке про гостя, который с вежливым «спасибо» вернулся на диван…

Он сидел, полный постной сытостью, в обволакивающей тишине деревенского дома. За окном серый ветер порывисто тискал Яблоньку, но та угиналась и шумно отмахивалась от взбалмошного ухажёра… пора вставлять вторые рамы на зиму… Напротив, через бархатисто-лиловую ночь, всё ещё немо скакали похитители со своею добычей. Хотя она, может, и рада, что её своровали и не досталась старому визирю с его жирными евнухами…

~ ~ ~

Даже странно, до чего же всё тут по мне. И так же будет во все дни отпуска… Вечерами стану ходить в гости к моей тётке Шуре, объедаться оладьями, а один раз и курицей. Богато живёт моя тётка.

Дядя-кузнец по утрам будет уезжать на велосипеде в кузницу, а я уходить в поля, а после обеда рубить поленья из горки дров сваленных возле дома, на зиму.

Красивая русская женщина Валентина, по мужу Железина, моя двоюродная сестра, мать отличника Максима, который живёт у деда с бабой, тоже придёт к родителям и пригласит бывать у неё в доме, где держит младших – хулиганистого Володьку и Танюшку, что ходит во всю, но никак не хочет расставаться с соской.

Она станет рассказывать мне деревенские истории и про своё житьё-бытьё в Москве, где за ней ухаживал Француз и в Кустанае, где была замужем за Немцем из местных колонистов.

Нынешний её муж поведёт меня к сельскому магазину и я буду пить бутылочное пиво и слушать трёп мужиков ни о чём, но таким

говорком, что аж дух стискивает.

И к тому времени тётка уже подарит мне чёрную телогрейку, которая тут обязательная к ношению униформа, кроме детей и подростков, чтоб я не был белой вороной своим клетчатым пиджаком…

Какая-то до-библейская простота жизни, а вместе с тем столько всего примешано… Старушка пришла в магазин обменять обтянутую сеткой картошку со своего огорода на колхозные копейки. Нищета неутаимая, а мужики вокруг чуть ли шапки перед ней не ломят. Она – реликвия их прошлой жизни, воплощение старорежимных помещиц и им нужен этот пережиток, они готовы сотворить его из нищей пенсионерки учительницы, лишь бы черты лица потоньше…

Возвращаясь с одного из ужинов у моей тётки, я невесть с чего остановился в окружающей темноте и долго пялился в сухой бурьян. Зачем? На следующий вечер она мне сказала, что да именно в том месте стояла изба моей бабы Марфы.

В ночь перед отъездом, я пришёл в дом Валентины – отдариться. Мой клетчатый пиджак пришёлся впору её мужу. Их явно впечатлила такая щедрость и они называли пиджак «костюмом». Валентине я отдал подозрительно женскую сумку. Так будет легче идти до райцентра. Сбагрил-таки…

Мы вышли в темноту улицы без домов. Все понимали, что больше нам уже не свидеться. Валентина обняла меня и заплакала. Я погладил плечо её телогрейки и сказал: —«Будя, сестрёнка!» Потом пожал руку её мужу Железину и ушёл.

Так странно, в жизни не слыхал, не выговаривал утешающего слова «будя», а тут само собой выскочило… Я родом отсюда, жаль, что тут не пригожусь…

~ ~ ~

Коситься на меня начали ещё на автовокзале рядом с Измайловским парком, куда прибывает автобус Рязань-Москва. В киевском аэропорту Жуляны, где около полуночи приземлился

самолёт из Москвы, неприязнь ко мне со стороны окружающих возросла геометрически, подтверждая правильность поговорки – одетых в зэковский прикид встречают по одёжке.

Наутро пассажир на платформе подземной станции метро озвучил общественное мнение на мой счёт:

– Куда, блядь, прёшь среди людей?!

Моё отличие от людей состояло в том, что я был чёрный человек. Чёрная телогрейка, чёрные штаны, чёрные полуботинки. Только шапка-«петух» несколько выбивалась из общего ансамбля своими коричневыми и голубыми полосами. Это как-то было бы ещё простительным, если б я пёр какую-то поклажу, но чёрный человек с руками в карманах это ни в какие ворота, это вызов общественному укладу, это оборзелый бомж… Мы проходим мимо, каменея отведённым взглядом, чтобы—не дай, Бог! – не встретиться глазами, или же рявкаем – «Куда, блядь, прёшь среди людей?!»

Правда, в те дни мы ещё не знали слова «бомж», для людей такого сорта применяли термин «бич». «Куда прёшь, бич?!» «Вали, бичара, нахер!» И так далее.

Слово это привезли моряки ходившие в загранку. Там, в портовых городах, бродяг, что спят на пляжах и там же собирают объедки после отдыхающих, зовут *beach-combers*. Наши люди не стали париться и позаимствовали лишь первое слово. Так люди без прописки или определённого рода занятий стали именоваться «бичами». Короткий, хлёсткий термин. Однако не прижился.

Во-первых, кто не владеет Английским и далёк от моря начали сползать в синонимы и подменять «бичей» «кнутами». А во-вторых, аббревиатура всегда сильнее, тем более при поддержке государством.

(…мы все из СССР, врубились? Кому не дошло получит разъяснение в ЧК, она же КГБ…)

Когда органы охраны правопорядка сократили «Без Определённого Места Жительства» до «БОМЖ», их порождению не стало равных, а остальные наименования лишились шанса на выживание.

В могучем великом Русском языке не найти синонима *бомжу*. Ближайший к нему *бродяга* отдаёт нафталином и младенческим сюсюканьем Индийского кино в двух сериях…

Давным-давно жили на Руси коробейники-офени. Носили свой розничный товар пешим ходом. В целях выживания, они сложили собственный язык. Тёмный для непосвящённых, язык Офеней канул в небытие вместе с его носителями, поскольку никто не удосужился составить его словарь.

Нынешняя «феня» блатного мира тоже для посвящённых, но никак не связана с исчезнувшим Офенским кроме отголоска в ней его имени. Феня – язык утративший свои корни, считать её языком Русской мафии неверно, поскольку из Русского она заимствовала лишь грамматический строй, а лексикон весьма международный. Выпертые из средних школ недоучки сливают в него огрызки слов вдолблённых им на уроках иностранного языка. Так феня украсилась «атасом» (от Французского "l'attention!"), «хазой» (от Немецкого "Hause"), «хавать» (от Английского "have a"), а также множеством заимствований из дружной семьи народов свободных сплочённых вы единый Союз.

(…однако, вернёмся к моей маляве, она же письмо (от Немецкого "mahlen")…)

Поборник общественных устоев, оскорбивший меня в метро, не знал, что под личиной чёрного человека во мне таится ранимая душа и пищеварительный тракт нежной организации. Я и сам не очень об этом догадывался, пока не почувствовал как (после оскорбления) постепенно становлюсь «животом скорбен», настолько

утроба моя шокировалась травмой открытия, что в глазах общества она составная часть ханыги.

В районе Майдана (тогдашняя Октябрьская площадь) стало окончательно ясно, что мне никак не удастся сдержать напор приливов в ампулу (пониже толстой кишки), а до сквера возле Университета с единственным известным мне туалетом в центральной части Киева не успеть. К счастью, вспомнилось Министерство Просвещения с их министерским санузлом на втором этаже. И не очень далеко. Только бушевание в кишечной системе требовало дополнительных бунтоподавительных усилий…

Я распахнул высокую входную дверь и целеустремлённой рысью рванул вверх по мраморным ступеням.

– Эй! Куда?! – Прокричала дежурная со стула налево от входа.

– Проверка сантехоборудования, – откликнулся я через плечо не замедляя деловой походки.

Когда скорби улеглись, я покинул туалет отполированный как малахитова шкатулка и нисходил по белым ступеням лестницы, яко же Архангел Гавриил, благообразно и неторопливо, и даже благостно сияя.

Мне захотелось поделиться Благой Вестью и, обернув лицо к дежурной вправо, я благосклонно сообщил:

– Слышь-ко! По нашей части у вас всё в порядке. Да! – И вышел на вопиюще атеистичную улицу Карла Маркса, составленную из плотной стены таких же сурово административных зданий.

(…Карл точно знал, что никакие не хиханьки и отнюдь не хаханьки сделали Человека Венцом Природы. И фиг бы вообще он дослужился до Венца без помощи коллектива. Потому что в одиночку ни мамонта не забить, ни на луну не слетать. Но до чего же хрупко состояние такого единства! С какой готовностью делим мы себя, людей, по цвету кожи, волос, на касты, веры, по партийной принадлежности – они не мы, мы не они, мы на рубль дороже!

Непостижимая загадка – как стаду обезьяноподобных удаётся действовать сообща при их хронической склонности к самокастрации?..)

~ ~ ~

Моя побывка в Канино пробудила во мне рост национального самосознания. Мне, потомку Новгородских бандитов-ушкуйников и татарских ордынцев, что веками насиловали рязанских баб, не говоря уже про менее стабильные банды случайных ёбарей, никак не подобает и зазорно даже изо дня в день обнимать смердящие тряпки, чтоб запихнуть их в ящик пресса. Так, впервые за свою трудовую карьеру, я написал заявление на расчёт. Теперь в моей трудовой книжке Статья 40 покрывалась абсолютно приемлемой стандартной записью «по собственному желанию» – кто станет копать глубже? И я пошёл наниматься в завод КПВРЗ.

Всё шло без задоринки, я гладко прошёл медкомиссию, но на заключительном этапе, уже в отделе кадров, вдруг услышал «нет». Почему нет?

Оказывается, на меня не осталось квоты. Начальник отдела кадров растолковал в деталях, что имеется негласный запрет нанимать человека с высшим образованием на должность рабочего в коллектив из менее, чем 1000 недипломированных работников. В коллективе из 5000 мне не нашлось незанятой тысячи, какие-то сукины дети с дипломами опередили и исчерпали квоту.

(…разочарование меня не убило, я уже как-то научился справляться с провалами, но существование «теневого законодательства» незнание которого не освобождает от применения его к тебе стало шоком…)

Поэтому я пошёл на противоположную окраину города в завод Мотордеталь, где меня приняли каменщиком в строительный цех.

Вот что значит современное крупное предприятие! Падлы с дипломами ещё не успели его подпортить.

За вычетом хавки в столовой, завод Мотордеталь являлся хрустальным воплощением мечты о современном промышленном предприятии, достаточно лишь заглянуть в его строительный цех. Просторные бытовки культурно обложены кафелем в коричневых тонах и восхищение продолжалось большими душевыми (тоже облицованными, а не цементированными). Напоминание себе об ожидающих тебя в конце рабочего дня удобствах согревает сердце в ходе исполнения трудовых заданий.

Я знал своё дело и меня использовали как каменщика-одиночку для нестандартных дел в отдельных местах применения. Дадут пару помощников, чтоб подносили кирпич-раствор и – погнали! Муровать подземный водопроводный колодец с круговыми стенами. Или класть печные трубы на крышах двухквартирных коттеджей…

Мне нравилась частая смена задач – для каждой требовался специальный подход и осмотрительность, что не позволяет закоснеть умом и застыть хребтом. А в периоды относительного затишья между миссиями, меня посылали в бригаду каменщиков на 130-квартирный для работников завода в прилегающем жилмассиве. Бригада не ассы, но как построят, в том и будут жить…

Ни в бытовке, ни в бригаде я особо ни с кем не общался, спросят чего – отвечу, и опять молчу, незаметно общаясь сам с собой в уме… К тому же помощники у меня менялись слишком часто. За их ротацией присматривало Наркологическое Отделение № 2, сокращённое до нарко-2…

Нарко-2 обеспечивало конвейерное производство рабов.

Рабы в эпоху Развитого Социализма?. Ну не следует забывать о спиралевидном движении исторического процесса.

Схема такова: фургон ментов влетает в село и хватают пару мужиков, на кого председатель сельсовета укажет как на склонных к потреблению алкоголя. (А кто нет?)

Улов доставляется в нарко-2 для лечения от алкоголизма. Всякий с чересчур высоким мнением о своих правах человека получает укол серы и до конца курса уже не рискует затрагивать эту тему...

Лечение ведётся 2–3 месяца. Пациенты живут в общаге, едят хавку в столовой, пашут куда пошлют.

НИКАКОЙ ПЛАТЫ ЗА ТРУД

Весь их заработок удерживается в оплату за быт, хавку и медицинское обслуживание. Данное обслуживание состоит в паре таблеток, которое им раздадут вечером, чтобы они тут же спустили их в унитаз.

Если тихо себя ведут, на выходной отпускают съездить в село...

В городах, Шаг 1 общей процедуры намного упрощён. Участковый объявляет алкашам своего участка чья очередь отправляться на лечение и они знают, что лучше не пурхать.

(...первая марксистская группа в России провидчески именовалась «Освобождённый Труд» и—гля-ко! – Страна Победившего Социализма эффективно освободила труд от его оплаты и—вместе с тем—нарко-2 наряду с уймой заведений того же профиля по всему необъятному СССР стали блестящей реализацией мечты основоположников научного коммунизма о стирании граней между Городом и Деревней.

Donnerwetter! Нужны ли более веские доказательства, что Ewige Weibliche знает и педантично делает свою ироничную работу?.

Российская Империя и Соединённые Штаты Америки отменили рабство в начале 60-х XIX-го столетия. Ай, молодцы! Троекратное «ура» освободителям!

Да только Русский мужик попал в рабство за много столетий до того, как родился первый Афро-Американский раб.

Хочу сказать, старые привычки, они очень живучие...)

У каждого человека есть своя история и, если помолчишь и не начнёшь перебивать попытками поведать собственную, он её тебе непременно расскажет.

Не обязательно про себя, может быть про соседа, или родственника. В «Мотордетали» я такого наслушался – ни в какую *Тысячу и Одну Ночь* не влезет. Например, про Немецкого солдата что со своим отделением в сельской хате квартировал. Каждое утро он что-то орал, а его камрады отвечали хохотом. Один из них знал немного Русский и пояснил хозяйке содержание его криков. «Дайте мне этих двух сук – Гитлера и Сталина! Обоих со шмайссера положу!»

Историю рассказала мне пожилая женщина, что считала дни до своей пенсии из строительного цеха, а маленькой девочкой видела в маминой хате тех Немцев.

(…вопрос: сколько бы такой массовик-затейник протянул в рядах Красной Армии?..)

Или про мужика, который в забегаловке разговорился с незнакомым кентом, а после вместе вышли и пошли себе. Пока не приспичило новознакомому поссать. Заскочил в ближайший двор «ща отолью!» Помочился и попробовал снять ковёр, что висел там на верёвке. Повязали обоих…

Мужику, что дожидался собеседника на тротуаре, дали четыре года как подельнику. Да, случаются ещё судебные ошибки у самой гуманной системы в мире…

Ну а палач, тот даже с гордостью делился о себе. Потому что считал себя не палачом, а героем. Он служил в батальоне фронтового Смерша по зачистке освобождённых районов, а пойманных власовцев он лично и героически отводил в ближайший лес. Хотя при штабе имелся специальный взвод автоматчиков.

Так и шли вдвоём, под руку, только у одного руки за спиной связаны. По пути герой начинал разговоры разговаривать, про

семью, детишек. У некоторых даже надежда зарождалась.

И тогда он говорил: —«Так что ж ты, сука, предал нашу Советскую Родину?» И стрелял из своего пистолета ТТ, но не затем, чтобы убить, а чтобы сделать дырку в печени, и чтоб тот ещё минут десять корчился от смертельной раны.

После войны он хотел стать дипломатом, но ему объяснили, что Советский дипломат – воплощение нашей Родины за рубежом и должен не иметь изъянов. А ему, когда уже добивали врага в его же логове, осколок авиабомбы отсёк на кисти три пальца. Как ему приглашать на вальс жену иностранного посла на дипломатическом рауте? Он осознал и документы пришлось сдать на экономический, за дипломом управляющего среднего звена…

Я слегка знал его сына, тот шпарил лозунгами навроде «не дадим сукам топтать нашу родную землю!» Без запинки усвоил идеологию от папы…

В Конотопе особого почтения к идеологиям нет. А если заведут ругаться, народ особо не тяготеет к возвышенности выражений. Например, чтобы поставить на своё место даму, скажут «Нюся ты Каменецкая!»

Нюся была городским идиотом. Она молча ходила по тротуарам, никто её не трогал и она никого кому, потому что тихая. Но по шапке сразу видно, что идиотка. Красная такая шапка с букетом искусственных цветов. По этой неизменной шапке её издалека опознавали и мелкая пацанва бежала следом, если взрослые не одёрнут, и начинала орать: —«Нюся Каменецкая!»

Но она молча шла дальше. Обычная городской идиот… Сын палача убил её. Поздно ночью, в парке Лунатика. Он не хотел, чтобы его Родину топтали тихие идиоты. Потом ещё Лялька выносил ему на Вокзал пару «прощальных» косяков перед отправкой прицепного *столыпина*.

Так вот, для гарантии, чтобы подобные Нюсе никогда, даже по-тихому, не смели пачкать святые тротуары Родины, этот сын героя Смерша…

(...ЗАТКНИСЬ!. Некоторые вещи нельзя рассказывать даже взрослым детям!..)

В общем, большинство сказок почему-то про тёмную ночь...

Но и в трагедиях найдётся место оптимизму!.

В ту зиму мороз стоял несусветный, идёшь себе по улице тихо так, но если резко повернуть голову, неважно вправо, или влево, изнутри раздаётся позвякивание – это мысли обратились в лёд и бренчат о стенки замёрзших извилин серого вещества.

И в самый разгар этого полюса холода, выходишь к листу ватмана на стене заводской проходной: «Желающие участвовать в лыжной вылазке на Сейм обращаться в Группу Туризма».

Я ж говорю, очень даже продвинутый завод. В подвале одной пятиэтажки, я один раз стяжку тянул для резинового покрытия стадиона под мини-футбол...

Нашёл я ту группу, говорят: в субботу утром, возле проходной, со своими лыжами.

Я принёс те, в которых ещё на Объекте пацаном по лесу бегал. Автобус уже ждал. Кто пришёл – садись, а кто захочет может и на лыжах идти. Нашлись три добровольца на все 12 километров – какая-то девушка с её ухажёром и я. Лыжню прокладывали по очереди.

Но какая же красота! Особенно когда в лес вошли. Снег от морозов мелкий-мелкий стал и весь искрится под солнцем...

Эта лыжная парочка знали где заводской лагерь, а я первый раз увидел. Домики как в швейцарских Альпах, с острыми крышами, двухэтажные и совершенно деревянные. Вокруг лес по колено снегом завален, а на крышах никакой снег не удерживается. Класс!

Мне комната как раз под крышею досталась – изнутри наглядно видно до чего у неё скат крутой. Комната двухместная и её со мной делил один из туристов. Как я понял, их группа типа как бы своя шарашка и объявление цепляли показать заводоуправлению, что они активно вовлекают рабочие массы. Не ждали, что я придыбаю...

С другой стороны, ветерану туризма подвернулся свежий слушатель историй про его походы по Уралу, где всю неделю шли под дождём. С утра до ночи. Зато потом, в любом походе где он участвовал – даже и не моросит. За это Группа Туризма дала ему кличку Сухой Талисман. Как только выйдут без него – промокнут и полностью наоборот, если с его участием.

Потом он вышел и вернулся с бутылкой медицинского спирта. Налил мне щедрый стакан, а себе двадцать капель уделил. Мы выпили и закусили бутербродом. Он ушёл и больше не возвращался.

С первого этажа донеслась музыка и я прилёг на койку, потому что ж понимаю зачем сосед меня дармовым спиртом нейтрализовывал – чтоб не мешался в культурную программу туристического мероприятия. Однако смотрю – крыша над головой нехорошо так плавать начинает, и мне пришлось спуститься на звуки музыки.

Они там в одной комнате быстрые танцы устроили. Свет потушили, только цветные лампочки ритмично моргают. Я чуток тоже попрыгал в их широком кругу. Потом перешёл в соседнюю комнату. Там свет включён по полной, а вдоль стен женщины сидят, далеко не лыжного возраста – наверное, туристические мамаши из автобуса.

А по центру стол стоит бильярдный. Сухой Талисман с кем-то ещё катает гладкие шары перед матерями. Он удивился как меня увидел, но кий мне сразу уступил.

И тут—верь не верь! – я три шара, друг за дружкой, по лузам разложил, да хлёстко так. Аж и сам обомлел, ведь на бильярде у меня никогда ничего толком не получалось. Дальше я продолжать не стал – кий отдал и во двор вышел.

Вокруг темень, как в лесу, только свет из окошек, да в мангале костёр полыхает для шашлыка и – ни души вокруг.

Подошёл я, на пламя посмотрел и такая вдруг тоска взяла – все люди, как люди только я ото всех ломоть отрезанный. От такой тоски хмель из меня улетучился, поднялся я в комнату, да и уснул с горя…

~ ~ ~

8 марта ещё один красный день календаря, но не тоталитарный. День весны, день красоты, международный женский день. Отсутствие демонстрации снимает с меня меня необходимость целый день топать по замкнутому кругу. Вместо этого комфортно посиживаю за дальним столиком в баре одноэтажной застройки посреди жилмассива Мотордетали. Место просторное и полутёмное из-за непрестанного дождя снаружи, что и удерживает любителей празднеств не отлучаться из уюта их квартир, можно ж и на дому отметить. Но кое-кто прорвался.

Нас мало тут, но мы воодушевлены. Метрах в десяти от моего ненавязчивого столика компания из четырёх муже-женских пар обсели длинный центральный стол и с полной солидарностью наперебой пинают вчерашнюю Утреннюю Почту по телеку, где пара ветеранов мужиков, которые второй десяток лет там одеваются старушками для смеху, поздравили друг друга с праздником, а затем крутили хит Лещенко, который не сегодня-завтра вступит в пору половой зрелости, не певец, естественно, а тот шедевр ля-минорный – всем им прекрасным от нас корявых, но мужественных... а заодно футбол запинали, который сегодня в пять по второму каналу... вторая лига, дворовая команда... Хорошо, что уже упомянутый я – в уголочке и в поле их зрения не попадаю своим безразличием к их разборкам с нашим ЦТ.

Всё это отнюдь не значит, будто у мне нет текущих проблем, просто они носят более приземлённый характер. Однако, как оптимист, я твёрдо убеждён, что мои проблемы найдут своё решение с моей помощью. А именно – как закусывать жидкое жидким?

Когда я сюда явился—и первым был я! – то для показа миролюбивости своих намерений и сделать заведению приятность фактом моего ознакомительного заскока к ним, я сделал поползновение купить варёное яйцо из остеклённого саркофага под прилавком.

Бармен ответил здравоохранительным отказом и никакие уговоры не помогли, слишком уж тепличны эти бледнолицые. Похоже, он помнит меня как составную часть Орфеев. В те времена его кликуха была Зоп или, возможно, Зоц. Точно не помню. Пришлось из вежливости терпеть его в роли добросердечной заботливости о моём праздношатающемся здоровье. И в результате выбор продуктов доступных в этом кисейном заведении сократился до одного только Жигулёвского. Всё лучше, чем ничего.

Компания нарисовалась уже после бесплодных переговоров. Но и они не слишком-то обременили м-ра Бармена, молодые пары рабочего класса явились со своими целлофанами. Будучи Аборигенами окружающих кварталов, ассортимент в стеклянном ящике под как бы мраморным прилавком они напамять знают. Месяц или два этой непередвижной выставки превратил товар в театральную бутафорию: пуленепробиваемые вафли, пирожные для забивания гвоздей или пуска составов под откос, смотря чем зарабатываешь на жизнь. Что и дало им право без всяких притарабанить контрабандный самогон и три торбы закуси, явно домашнего производства. Я слишком вежлив, чтобы пялиться, но сало там тоже есть и это стопудово. Сало ел бы, на сале спал бы, салом бы укрывался…Через пять минут все уже уверяли друг друга, что это лучшая пирушка всей их жизни.

– А хорошо сидим, а?! Уже шесть минут!

А у меня весь столик на одного и не с кем разделить восхищение мощнейшим дождярой чьи извилистые струи вдвое утолстили стекло стен и хлещут по бетону снаружи. Заливка пива поверх пива тут, внутри, хоть и монотонно, но продолжается, мы все за солидарность, Братан.

Арка моего уха с терпимостью внемлет журчание их сатурналий. Кстати, с каким опережением я обошёл их на дистанции? Ни Зоца, ни Зопа можно не спрашивать, его непредвзятость на нуле, он с них слупит больше, чем за всё пиво, что я в силах оприходовать… Даже несмотря на мой жест доброй воли касательно необлупленного

яйца-пенсионера. Да, мог бы и купить. Потенциально. В любом случае он добрый парень этот Зоц (или Зоп?), потенциально. До сих пор яйцо держит, а может два. Филантоп и яйцелюб, 2 в 1. Необразован, к сожалению, не смотрит Клуб Кинопутешественников на ЦТ. В Китае, например, любители правильно покушать кидаются в бои без правил за яйца старше пятидесяти лет, восторг гурмана. Они по цвету их различают, с каждым десятилетием яйца всё синее и синее… Скажи насколько непроглядна синь и я скажу…

Как обычно, когда мне, потенциально, делать нехрен, начинаю жевать старую жвачку под плеск и треск вертухая-дождя. Десятеро нас, четыре пары, уже на хороших пара́х, ну и я с Зоцо-Зопом… Не-не-не! Мы натуралы, я вспомнил – он женатый. В любом случае, мы тут чтоб сделать праздник былью несмотря ни на что. Или как?

Итак, дражайший Сэр, о каком таком времени изволите изволите наводить тоску? Вы хоть какое-то ващще видали? Я не имею в виду циферблаты и прочие подпорки этой бесконечной нахлебаловки. Всё, что мы тут имеем, так это эта молодёжь, обманутая, эксплуатируемая, ЗопЗоц над своими гнилушными яйцами за стеклом, хотя может ещё и не настолько, и я в одном и том же пространстве. Всё сущее состоит из, пребывает в, перемещается через Пространство. Ибо всё есть пространство пространств и всяческое пространство. Ну да с надстройкой из вечного вранья, которым нас кормят, вакцинируют, пеленают в него от рождения до смерти, с этой пожизненной тюрягой по кличке Время. Хочешь на свободу? Аннулируй его. Отправить прогуляться по доске… Теперь позырь хоть что-то поменялось? Нет конечно! Вычитание ничего ничего не меняет… Конечно, потребуется время… Блядь!. Потребуются определённые усилия, чтобы привыкнуть к новому миру свободному от Величайшего Лохотрона. Пошли прощальный поцелуй спидометрам, бою курантов, половине физических формул, железнодорожному расписанию… никаких грамматических времён, никаких Олимпийских Игр кроме разве что по художественной гимнастике и фигурному катанию… да, брат такое пугает… свобода

безжалостна избавление через ампутацию… пустовато стало… ни одной мыслимой цивилизации без опоры на ложь… забудь про *когда*, есть только *где*… но погоди-погоди-погоди! Нельзя обойтись без умножения скорости на время… тебе не перейти свободный мир…

Государственные Служащие (ГС) vs. Сергея Огольцова (СО)

Подзащитный, СО, восьмого марта текущего года в состоянии неопровержимого алкогольного опьянения потребовал у бармена бара «Ивушка яйца» чем синее, тем лучше. Последовала потасовка. Затем на развалинах бара кричал дождю «И ты, Брут, тёпленький?!» и распевал частушку подрывного содержания (на мотив речёвки Кришнаитов), состряпанную явно на ходу «Ки́-тай! Ки́-тай! Uber alles! Ки́-тай! Ки́-тай! Сбрось часы!»

– Вы признаёте совершение помянутых противоправностей?

– Кого? Куда? Насколько? В какую…

Заткнись, мэн! Пока не поздно! Тут тебе не день Советской Армии…

– Ух-ты! Одиннадцать минут! Хорошо сидим! Мамой клянусь!

~ ~ ~

А летом открылось мне, что есть Игра с большой буквы. Откровение явилось на футбольном матче заводской и приезжей команд на стадионе Авангард в городском парке отдыха. Событие привлекло штук двадцать таких же ломтей отрезанных как и я, которым делать не… то есть… не нашли приложения заложенным в них потенциалам, и пару случайных алкашей.

Ну как обычно: команды трусцой выбегают в центр поля, пожатия рук, судья, монетка киданута, все дела. Начали играть. Типа как. А на что рассчитывал? Заводские команды, им профком купил трусы и гетры, но никакой прикид не скроет факта, что мужикам давно за тридцать. Если кто-то лет пятнадцать тому и ходил в ДЮСШ на секцию по волейболу, вот и вся их подготовка. А поле здоровенное, стандартное поле для футбола. Покуда бедолага дотелипает из

конца в конец, то уже и смотреть жалко как у него язык через плечо вдоль хребта свис. Но раз пришёл на матч – сижу, какая разница, если всё равно делать не… ну да, да… Сиди, смотри и не вякай.

Только вдруг высокие Тополя в плотном ряду за пустой противоположной трибуной зашевелились и шелестнули. Словно по ним пробежал выдох великана-невидимки… Но всё это уже неважно стало, потому что на поле нежданно такая Игра развернулась, от которой весь в напряжении вперёд подаёшься, схватываешься за брус скамьи и только головою водишь, чтоб уследить за мячом, что заметался вдруг по всему полю – летает, рассекая воздух, как белое ядро, которому не дают даже земли коснуться.

Полузащитник взмывает вверх на полметра выше собственного роста и головой отправляет мяч на правый край нападающему, а тот, в одно касание, переправляет мяч в центр. Центральный нападающий ловко принимает пас, перебрасывает мяч через защитника, легко его обходит и – пушечный удар!

Неизвестно откуда и как подоспевший левый полузащитник подпрыгивает, отбивает мяч грудью далеко к центру поля, где тут же завязывается борьба…

Мы сидим как околдованные, отслеживаем рикошеты мяча от ударов ногой, головой, грудью… Это не они игру играют, это игра играет ими. Это – Игра.

Наконец, даже алкашам дошло, что творится нечто небывалое и они взревели и засвистали как бушующие трибуны из сотен тысяч зрителей… Наверное, тем и спугнули невидимку. Игроки, один за другим стали выдыхаться и сникать, скоро они просто трусили по полю поливая его потом своих футболок… Я не слишком большой знаток футбола, но теперь убеждён – есть настоящая Игра.

(…пять минут Игры, разве этого мало? Фанаты прославленных клубов, может, и больше видали, но по крупицам, не подряд, бедные гомеопаты.

Да, та Игра минула, растворилась, умчала прочь как торопливый порыв ветра, как всплеск бисерной капельки счастья, но она была и до сих пор меня восхищает…)

Причиной моей молчаливости стало то, что я прикусил язык… Сначала, я позволял ему всю свободу слова, какую пожелает, но через месяц после поступления на работу в строительном цеху состоялось общее собрание с участием представителя Заводоуправления.

В представителе с первого взгляда чувствовалась порода: племенной руководитель. Такую особь не получается представить ребёнком с шариком, или юнцом озабоченным своими прыщами. Нет. Он из утробы матери таким и вышел – полулысый, в очках, с мягким брюшком и холёной степенностью… В своей речи перед собравшимися, он обрисовал задачи стоящие перед нами в такой ответственный момент Ускорения. Каждый должен работать не покладая рук, мы, рабочие, на строительных площадках, а они, руководство, на своих постах, направляя наши усилия и деятельность для достижения поставленных задач.

Он закончил, и председательствующий спросил есть ли вопросы. Я поднял руку.

(…так не принято – по негласным правилам, вопрос про вопросы должен закрывать собрание. Однако я поднял руку, потому что он меня в натуре вывел, этот соловушка из заводоуправления…)

Я попросил объяснить разницу между «экономической» и «хозяйственной» деятельностью, о которых он нам только что столько рассказывал. Мне правда интересно. Спасибо.

Представитель заводоуправление что-то шепнул председательствующему и тот закрыл собрание. Участники с облегчение поспешили по домам.

Через пару дней хлопец из села Бочки, который приезжал на работу мотоциклом, зашёл в бытовку со своим круглым шлемом подмышкой, как космонавт на пусковой площадке, и объявил о своём намерении сменить замок в шкафчике, потому что тут развелись шизофреники. Он не обращался к кому-либо конкретно, но широкая бытовка стихла, мужики прекратили переодевание и обмен утренними подначками и обернулись ко мне типа как бы в ожидании, сам знайиш. Вот поэтому я и прикусил язык.

(…невозможно брыкаться против таких мощных рычагов с их арсеналом негласных правил, уклончивого вездесущия и выдающихся педагогических способностей – они даже дебила из Бочек сумели обучить слову «шизофреник»…)

~ ~ ~

– Ты был в Ромнах? – Здесь в помывочном зале Конотопской бани, полной клубов пара, шума рвущейся из кранов струй воды, звяка тазиков о каменный верх низкорослых столиков, каждый из нас смахивает на «безвозвратно свободного» с Площадки пятого отделения областной психиатрической больницы.

– В Ромнах я был, но вас не помню. – Ухх! Меня и самого аж восхитила безукоризненность поэтического размера в прозвучавшем ответе. Соседи перестали втирать мыло в свои мочалки, придвинулись ближе и навострили уши – у Конотопчан врождённая склонность к высокой поэзии.

Я продолжал смотреть на спросившего. Всплыли всхлипы баяна на вечерней Площадке… темнеет… скоро подниматься на ночлег… эти глаза… те же глаза, только уже без сизоватого отлива поверх радужки… – «Володя!»

Соседи отпрянули, некоторые подхватили свои тазики и двинулись к столикам подальше. Обожаю деликатность Конотопчан, они никогда не вмешиваются в близкое общение…

Как мог я сразу не узнать его? Один из партнёров по нашей троице деливших вопоперёк две койки. Он застенчиво улыбается. Отсутствие той поволоки в глазах чуть сбило меня поначалу....

(...этот отлив не стеклоглазость, он потусклее. Позже точно такую же сталисто-сизую пелену я видел в глазах людей Азербайджанской деревни Кркчян, когда они меня поймали, как Армянского шпиона, на склоне тумба, хотя я просто собирал ежевику, она же мош, она же ожина, по случаю воскресенья.

Я тогда Вовку-десантника вспоминал и того толстячка-электрика, в вагончике на колёсах, на 100-квартирном. Там кто-то хлеб не доел и на столе оставил. Краюха газетой обёрнута. Газету потом выбросили, а хлеб так на столе и остался. Все ту краюху с краю на край перекладывали, когда обедали или, там, в «козла»... На третий день я устал смотреть как люди мучаются, окно приоткрыл и выбросил в траву, подумал, может собака бродячая подвернётся. И тут они на меня оторвались по полной. Электрик, что всегда так заискивающе улыбался, по-подхалимски так, и Вовка-десантник, который полгода уже в нашей бригаде работал и всё старался меня в кладке обогнать, как я когда-то Григория Григорьевича. А на меня ступор нашёл, стою и смотрю на их орущие рты. Дуэтом... Нет, хором. Со всеми своими замполитами и телекомментаторами про святость хлеба, даже если его никто уж и есть не захочет. А какая в нём святость через три дня? Вот и стою, проникаюсь пониманием почему на Украинском «ругаться» это «лаять». Да, страшно тоже было, был страх, да, но ещё больше тоски. Тоскливо очень. Зачем нам этот массовый психоз? Мы же все свои – люди мы. Ну и что что я по-Азербайджански не понимаю? Те ягоды что я на тумбе собирал они через месяц сами усохнут. Кто нас разделил этим психозом? Зачем? Стали орудием убийств людей людьми. Национальная несовместимость? Хер там, вон в Москве соплеменники обеих сторон, что тут друг

друга режут, в ресторане вместе сидят, друг за друга тосты подымают. И мы бы так могли, если б не разделили нас. А разделителю зачем? Ещё рядок ёбаных нулей на счёте в банке? Если бы можно было заново путь выбирать, я бы опять свернул на стезю шизика, лишь бы не стать нулеёбом. Странно, конечно, но тоски больше, чем страха. Тем более, что Глуща объяснял, что потом как-то уж и не доходит, что тебя месят. Нет, не хочу я в Гималаи, отпустите меня в Сингапур. Тамошний президент из народного достояния персональных заповедников не делает, в цари себя не назначает, родственникам должности не раздаёт... По слухам...)

По официальной версии, Карабахская война длилась три года, 1992–1994, но фактически, началась намного раньше и не кончилась до сих пор. Хотя признаю, те три года были самыми отвратными... На третий (по неофициальной оценке) год войны, когда мне перестало нравиться выражение глаз Сатик, я попытался эвакуировать её с театра военных действий. По странному стечению обстоятельств, она, вместе с Ашотом и Рузанной, оказалась в Конотопе, на Декабристов 13.

Можешь представить моё изумление, когда три месяца спустя Сатик поставила меня перед фактом своего возвращения вместе с детьми? В любом случае, представить выражение лица кассирши Верховного Совета НКР, когда та получила распоряжение выдать мне двухмесячную зарплату авансом, ты не сможешь. 600 Советских рублей, обесцененная валюта несуществующего государства. Этой суммы мне хватило бы, чтоб смыться из зоны конфликта. Поэтому её система Станиславского выражала презрение и зависть, не понять чего больше... Мне пришлось лететь в Ереван за репатриантами в аэропорт Звартноц, а затем из аэропорта Эребуни на вертолёте, что переправлял бочку солярки и ещё одну группу бойцов-*федаинов* в Степанакерт.

(...в день прибытия город ещё не оправился от шока причинённого смертью 25 человек убитых одним залпом ГРАДА...)

Незнакомые люди в Ереване, узнав куда мы отправляемся, предлагали хотя бы детей, Ашота и Рузанну (в алфавитном порядке), им оставить...

Когда мы добрались на квартиру в Степанакерте, которую знакомые сдавали нам бесплатно, я спросил о причинах столь скорого возвращения.

– Я там поняла, что жить просто затем, чтоб жить, и жить не стоит.

Вот яркий пример воздействия окружающей среды. Возьми Армянскую женщину воспитанную в лучших традициях матриархатно-патриархального уклада, отправь её на три месяца в Конотоп и она вернётся без спросу, да ещё и с философскими высказываниями. Здрасьте вам! Примите и распишитесь тут, пажалста...

А не могла тебе обретённая в Конотопе мудрость подсказать, что бояться за одного себя легче, чем за себя же плюс за вас родимых? Особенно, когда завоют сирены воздушной тревоги или на *тумбе* Верблюжья Спина заухают орудия подвезённые с Каспийской флотилии? Не говоря уже про ракеты ГРАД, что молчком подлетят, но громче всех шарахнут и – полквартала нет. Ведь мы, в конце концов, живём в век высоких технологий, сам знайиш.

(...и опять я куда-то сбился. Я ж про Ромны вроде говорил, пральна? А дурдом и война две большие разницы. Или как?..)

Это всё к тому, что мне как-то не хватало времени ознакомить Сатик с определёнными фактами из своей предыдущей биографии, всё как-то руки не доходили. Хотя в её неведении не только я повинен. Если бы Сатик задала прямой вопрос типа: —«Сколько раз тебя прикрывали в дурдом?», тогда, как хорошо натренированный

сторонник правильности и вообще человек принципиальный, я дал бы исчерпывающе прямой ответ. (Стоит отметить, что в применении я весьма прост и пользователю интуитивно понятен).

Вот по всему по этому мне любопытно было, в какой-то мере, что за информацию она там зачерпнула в период эвакуации?

А никакой, фактически. Конотопчане своих не топят. Единственный прокол случился в разговоре с сотрудницей (Сатик в эвакуации ещё и работала на заводе КЭМЗ). Её собеседница, услыхав что фамилия мужа Сатик «Огольцов», сказала только: —«Хмм!»

Вот и весь чернящий мою личность компромат просочившийся в Закавказье из Конотопских источников…

~ ~ ~

(…игра в «ножички» начинается как детская забава, но такая, сука, прилипчивая, хуже семечек, всё жизнь можно играть и не наиграться, тянется через всю жизнь, а иногда из поколения в поколение. Просто среди взрослых она получает имя подлиннее: Защита Интересов, что не умаляет её привлекательности и вносит в игру много других игрушек помимо примитивного лезвия ножа. Рассмотрим, для примера (кому охота) следующий пример.

На начальном этапе игры в «ножички» игрок Россия (далее именуемый P_0) теряет часть своего сектора «земли» игрокам Армения и Азербайджан (далее A_1 и A_2), потому что СССР развалился на части (невозможно избежать пертурбаций в такой динамичной игре).

A_1 и A_2 продолжают неумело тыкать в территориальную целостность друг друга, тогда как P_0 переходит на следующий уровень Защиты Интересов и принимает на себя роль миротворца в пылком противостоянии двух А. В результате

конфликт между A_1 и A_2 процветает три (пока что) десятилетия, не утрачивая своей благотворности для P_0.

Для успеха в игре Защита Интересов необходимы определённые бухгалтерские навыки. Для начала потренируемся на пальцах. Допустим, в армии каждой из конфликтующих сторон 100 000 военнослужащих. (Разумеется, Генштабы обеих А мне не докладывают количество своих вооружённых сил, однако, с учётом штабных писарей и тому подобного чмо, цифры будут даже выше. Но! Натурализированный мужчина-закавказец от своего слова не отступает! Сказано 100, пусть будет 100 – сдачи нэ нада!)

Итак, каждый военнослужащий носит обувь. Для простоты счисления, представим что все поголовно, от рядового до генерала, обуваются в самые дешёвые сапоги «кирзуху» по $12 за пару. Обувь добротная (завод искусственной кожи имени Кирова производитель с репутацией) и год конфликта приносит миротворцу годовой доход в $ 200 000 за одну лишь кирзу. А маскировочные штаны? Куртки на «липучке», бушлаты, ремни, каски?! А автоматы Калашникова, пулемёты, миномёты, артиллерия, как наземная, так и противовоздушная? А военные грузовики, бронетранспортёры, танки? А мины противопехотные и противотанковые? А вертолёты, бомбардировщики, радары, ракетные установки, приборы ночного видения? А... (под конец третьего десятилетия конфликта в Закавказье даже Евреям в Израиле дошло насколько тут золотое дно и они начали продавать дроны-беспилотники и кассетные бомбы).

У меня уже пальцы кончаются, а мы ещё не дошли до военных советников, которые помогают каждой из А овладеть поставленным вооружением. Им же тоже платить надо. По полной... Как говорили в осаждённом Степанакерте зимой 1991-92, «Армяне платят Русским, чтобы стреляли из пушек, Турки (а Карабахе Азербайджанцев почему-то называют

Турками) платят Русским, чтобы они не попадали». Шутка, конечно, потому что военспецы бьют без промаху, когда того требует Защита Интересов. Так было в Ходжалу, так было в Орадизе – два ключевых момента, которые не позволили конфликту безвременно угаснуть. Вот это и называется Защита Интересов на международной арене.

Однако, игра настолько увлекательная, что продолжает играться и внутри. Возьмём, например, $Р_0$, кто-то называет её «Русью-Матушкой», кто-то «Русостаном», популярная группа Любэ поёт «Расея!», мне привычнее Россия, но все эти разночтения сходятся в одном и том же мужике, который после рабочего дня скинулся с дружками на водку, которую и выжрали с горла, и пришёл он домой – детишек повоспитывать «раскозлились, блядь!», пиздюлей жене навешать, чтоб много не трандела, и уснуть на полу рядом с выстуженной печкой, покрывшись телогрейкой, покуда его Царёк холёный выдаёт приколы всякие из телека над его спящей головой. Потому что так и должно быть, потому что Государство это многофункциональная общность людей, в которой каждый исполняет свою функцию. Кто-то принимает решения какие интересы следует защищать и каким образом, кто-то исполняет эти решения, следующий кто-то прославляет мудрость решающего и мужество исполняющего и так далее и далее, потому что на все функции никаких пальцев не хватит – вплоть до этого мужика, что храпит сейчас на полу под телогрейкой и отнюдь не функционер уже, а материал для внутренней Защиты Интересов.

Вот он отдал свой дневной заработок в казну, обменяв на водку гнатую из опилок и продуктов нефепереработки и сына своего отдаст, чтобы из парня отформатировали вертухая для защиты против его же папани и остальных мужиков. Дочка спящего по своей воле в тёлки-проститутки подастся, потому

что кто-то должен обеспечивать досуг функционеров в их свободное от работы время.

Труднее всех, конечно, пребывающим в самой верхней функциональной прослойке. Помимо Защиты Интересов снаружи и внутри надо и свои защищать и тут уж никак нельзя расслабиться. Постоянная бдительность и готовность на всё – залог успеха. На всё значит на всё – убить, предать, прогнуться или подстелиться под (и не только метафорически)... Защита Интересов требует полной самоотдачи.

Люди! Человеки! Сопланетники! Оно нам нада? Что нам с того?. Власть, деньги, слава? Люди будьте бдительны, не дай облапошить себя этой мишурой!. Власть-деньги-слава всего лишь средство, а не цель трезвомыслящего члена человеческого общества. Нет! Наша цель – это чистая, беспримесная зависть. Зависть остальных членов общества – вот что нам нужно. Вот где миг наивысшего блаженства!. Просто выжить не цель жизни Робинзона Крузо, ему нужно найти завистливого Пятницу. Потому что козы нормального индивидуума не стимулируют. На том стояла, стоит и стоять будет рабочая модель цивилизованного общества. *Perpetuum Mobile*, с вашего позволения, проверенный бесчисленными тысячелетиями пользования. На одном полюсе общественной вертикали Раб в непросыхающе скотском состоянии, на другом – Фараон, обыкновенное быдло, только в Роллексах...

А чё это я так обтекаемо заговорил, типа, агент Эзопа, али слабó мне воздать мразям поимённо?

Ну во-первых, не хочу своё письмо нечистотами поганить, а во-вторых, совсем не факт, что Листьев, Мкртчян, Немцов, Саргсян и сотни других из-за угла казнённых, дойди они до верхних уровней, не стали бы играть по тем же правилам – Защита Интересов такая, блядь, игра заразительная! Начинаешь чувствовать себя вседержителем, законы свои устанавливаешь, ну не в смысле законы физики или, там, биологии, чтоб себе

жизнь продлять, подтяжки омолаживать, однако работы в этом направлении ведутся, да…

При нынешней ситуации в мире, с полномасштабным обесценивания информации посредством Интернета, цензура теряет смысл, как и строгий идеологический контроль. Ладно, допустим выдал я самую подрывную хрень, и что? (Я не могу это сделать в Фейсбуке и прочих социальных сетях, у них это стирается автоматически). Вокруг моего независимого сайта в Интернете целый океан мелющих Емель, я погребён под растущей лавиной советов правильной ебли, приготовления пиццы, наслаждения Тик-Током, покупки *Perpetuum Mobile* всего за $49. Вот почему и не боюсь я говорить о том, что знаю. А если и боюсь, то просто по привычке.

Насчёт трусости, тут мы все одним миром мазаны. Взять, к примеру меня, вот и знаю ведь, что у Алжирского бея под носом шишка, а помалкиваю – вдруг подвалят и прификсируют проссаными до желтизны кусками рваных простыней?..)

~ ~ ~

Да, жизнь катилась по всё тем же рельсам – были и баня, и пляж, и вызовы Двойки, и я везде исполнял свою накатанную роль, но как-то уже от всего отделился: и от жизни такой, и от своей роли в ней.

Я стал вроде как тот мужик, что приоблокотился на оградку детской площадки понаблюдать детвору, что копошатся в песочнице. Все они там, в том песочке, и Двойка, и руководители с подсобниками, и сам я со своей ролью, но меня вся эта возня, в общем-то, уже не цепляет…

Весной Двойка предложил смотаться в Нежин, тряхнуть стариной в Общаге. Точно помню, что это был четверг, мой банный день и, наверное, канун праздника – посреди рабочей недели он бы меня не выдернул. Так что я прихватил полотенце, смену нижнего и

поехал в Нежин, потому что хотя парной в Общаге нет, но душ имеется.

В вестибюле сидела вахтёрша тётя Дина, которая ни капли не изменилась и меня, конечно же, не пропустила. Я попросил мимоходного студента зайти в комнату, где, как условлено, меня уже дожидался Двойка и сказать ему о накладке. Парень ушёл наверх, а на меня нагрянуло открытие.

В вестибюль из коридора общаги вышла молоденькая студенточка в мятом халатике и с недовольно сонным лицом. На меня она и не взглянула – мало ли их тут торчит, а просто подошла к окну неподалёку.

Я ждал Двойку или записку – в какое окно первого этажа мне влезть, и совершенно не был готов, что моё тело, без всякого приказа с моей стороны и без разрешения даже, вдруг ни с того ни с сего забросит правую руку за голову, высоко вскинув локоть. Что творит! Как его повело от неприметной девули с лицом из недовымешанного теста. Или это её халатик так меня кувыркнул?

В любом случае – возмутительно и, главное, абсолютно без спросу! Это тело в конец оборзело! Лично я не планировал никаких телодвижений!

А причина бунта на корабле, в паре метров от меня, отрешённо уставилась на совершенно пустынный пейзаж из двухэтажного здания столовой за серым стеклом окна. Шокирующее открытие…

Посланец вернулся сообщить, что дверь указанной комнаты заперта. Двойка явно уже начал тряхать стариной в новой волне покладистых…. Я вышел из общежития. Успеть в Конотоп до закрытия бани не получалось. Но это же четверг!. Ладно, в Графском Парке есть озеро, и я направился туда кратчайшим путём.

Навстречу из парка шла группа парней-студентов в спортивках и кедах, приближаясь к Общаге. Они свернули к трубе, с которой Фёдор и Яков когда-то плюхались в воду, и стали по очереди переходить на противоположную сторону давно уже высохшего и

заросшего травою рва. Надо же! Похоже это превратилось тут в студенческую традицию.

Ну и что? Барабанить себя в грудь? Орать: —«Это я! Я – та легенда! Это с меня пошло!»?

Я с грусть углубился в парк под вековые Вязы, но не к широкой части озера, а к затоке с чёрной водой у зарослей в пустынной его части. Там я разделя догола и вошёл в воду.

Намылившись полностью, я швырнул мыло на берег и потёр тело в пределах досягаемости руками. Затем я ещё малость побарахтался, проворачиваясь винтом, перед тем, как нырнуть к берегу. Белые разводы пены покрыли мелкую чёрную рябь… Рождение Афродиты… Грёбаная Русалочка… Думал я растираясь полотенцем. Нет, я не извращенец. Оно, как-то всё само собой так выходит, а потом просто катится… поступательно-вращательным образом, спиралевидно…

~ ~ ~

Но это всё ещё цветочки по сравнению с тихим ужасом «Сизифовых прокруток». По своей гадостности, такие СП созмеримы с неугасимой лампочкой над головой – напоминать, что ты прикрыт в дурдоме, только направленности у них другая, не из наружи. По ходу этой сизифщины попадаешь в действительность, которая реально уже с тобой случалась, а с учётом повторяемости этих прокруток, возможно, и не однажды. Состояние, во всяком случае, всегда одно и тоже, неизбывное как невесомость на орбите—тебя плющит тоскливый страх и позывы расплакаться, да только нечем, как из насухо выдавленного тюбика—с тем и кружишь в вязкой необходимости проживать заново некий отрезок своей жизни, который наивно считал напрочь отжитым, но не тут-то было! Вокруг – течение всё той же, но уже ставшей тебе чуждой, жизни, потому что ты уже не тот прежний «я». Поседелым морщинистым недорослем слоняешься в знакомых лабиринтах студобщаги и аудиторий, чтобы получить и нахер не нужный диплом, но должен,

не оставаться же на следующий круг подряд… или вот как сейчас сидеть на твёрдо-коричневом табурете увязшем в линоле болотного цвета между фанерных стен под трубами ламп дневного света, врастая спиною в железо друхярусной койки, а вокруг ни одного знакомого лица, твои кореша давно ушли на дембель, а эти тут затем лишь, чтоб раскрутить меня на следующий уровень сизифщины и нужно не загреметь в дисбат…

– Карочи, вашу распротак, дорогуши в хэбушах, сёдни у нас буит полит-бля-занятие по теме Карпаративный Имперлизм. Секёте, х'сосы?

– Так точ! Тарщ! Пад! Пал-коник!

– Да, хуй вы чё врубились, патамушта и слов таких ни знаити. А всё в натуре просто, как типа после второй ходки, када уж понял жизни абман. Токо мне щас делать нехуй вот и растолкую, на гражданке вспомните, так ищо спасиба скажите. Вы тута вон повылуплялися и думаити, ладно, транди, полкан, транди… вы ж думаити—если кому-то, эби-о-бля, ещё осталось чем—что всё идёт само сабой как попадя и без понятия, и тутта хер вы угадали, как и всегда. Патамушта всё каким-то боком за что-то да и цепляется, а если ты не догоняишь што па чём и нахера оно во всей этой хуйне, то для таких долбоёбов и есть политзанятия в этой, эби-о-бля, армии… Эй ты, с наглой рожей, сидишь там у последнего кубрика. Какого призыва? 73? Сумы? Хохлы, эби-о-бля… Вы ж думаити 73-й ващще болидом ебанутый нахер год, патамушта меня в армию загребли, а не врубаешься, шо за бугром в таком же вот 73-м тиснули роман Томаса Пинчона про Гравитационную Радугу. Вы ж тут, долбоёбы, и слов таких не знаете, а там уже тиснули.

Карочи, основная тема тематики Томаса, он же Пинчон, – Они. Бессмертные, невидимые, потусторонние и никада не проигрывают. Вот и всё что сообщил про Них на паштишта 8-сот страниц, но шоб вы, распиздяи, знали, книжка вышла за всю хуйню, читаишь без отрыва, пиздец охуенный и ващще ебать мой хуй, карочи… Кто там вякнул «забугорный пиздобол-параноик»? «На полы» захотел

залететь до дембеля? Если кто-та могёт нападобие Пинчона, так ты на него бочку не кати, а присмотрись и умозаключения делай. Блядь, опять вам непонятное слово…

И на чём только этот эби-о-бля Томас ващще тащится? Ну хотелося же б знать просто. И главный вывод куда он подводит, шо если кто с нашей алкашной 1/6-й хочит за бугор податься, так буит в полном бля пролёте. Патамушта: хули толку? Там же ж тоже те же невидимки банкуют, непобедимые. Они давно уж лозунг киданули: «Потусторонние всех стран глобализуйтесь!»… ты Пинчона-то повнимательней читай, а не только про дегенеративные эксцессы…

– Товарищ, подполковник, а что такое «эксцессы»?

– Ни х'себе! Ты эби-о-бля ещё тут?! Дежурный по роте! Отведи на губу долбоёба!

~ ~ ~

Леночка поступила в швейное училище в Сумах и уехала туда учиться. Мне не оставалось оправданий и дальше жить на Декабристов 13.

Я нашёл другое жильё на другой окраине Конотопа, поближе к заводу «Мотордеталь». Это была летняя кухонька, площадью 2 х 3 метра, во дворе хаты, чья хозяйка работала на водоочистных сооружениях, где я однажды вёл кладку отдельных мест.

Кирпичная плита под низким потолком оставляла место лишь для койки и стола под окном, но мне хватало.

Там я только спал да читал книги на Немецком с Немецко-Русским словарём медицинских терминов, потому что другого в книжном магазине на улице Ленина не нашлось.

Квартплата составляла всего 15 руб., но тем не менее, я окончательно прекратил рассылать и без того ставшие уже нерегулярными переводы алиментов в обе стороны.

Углубление в Немецкий понадобилось мне, чтоб разобраться наконец с этим Фрейдом.

Как шизофреник со стажем и достаточным запасом опыта полевых исследований, я не видел резона в его тормознутости на символизме из половых органов.

Ну да, сигара смахивает на член, а пепельница—один в один—влагалище и так далее в шараге тому подобных. Ну и что с того? На этих толкованиях зациклились до упора, а воз и ныне там.

(…я окончательно понял, что Фрейд, по сути своей, сказочник, как Ганс Христиан Андерсен, просто у них разный запас слов.

Он королевство сознания разделяет на четыре части (исполать тебе, Зигмунд, уже какой-то шаг вперёд от триад Гегеля): герцогство Сознание, баронетство Подсознание, графство Эго и маркизетство Супер-Эго.

Красота! Чудо что за чудо эти сказки, сколько в них поэзии!..

И пошёл жонглировать этими четырьмя погремушками. И пошёл! И пошёл!

Каждый имеет право на персональную научную теорию, но теории проверяются практическими результатами. Пользуясь своею, Фрейд исцелил 12 % доставшихся ему пациентов. Возможно, это они сами по себе выздоровели, но отдадим их Фрейду за его заслугу – он предложил хоть что-то, когда на эту тему было пусто и голó. К тому же он по сю пору вдохновляет массу художников малевать винегреты из фаллосов и вагин…)

А ещё, в той же кухоньке во мне окончательно утвердился давно возникший план, что мне пора покинуть Конотоп.

~~~~
~~~~

~ ~ ~ постскриптумы

План неизбежного прощанья с Конотопом возник ещё прошлой осенью, когда я увидел, что всё повторяется и вокруг меня снова штольня, прорезанная в породе аспидно-чёрной ночной тьмы батареями прожекторов товарной станции на металлических мачтах освещения вознесённых над влажным отблеском натруженных рельсов.

Штольня повыше тех, что на шахте «Дофиновка», и пошире, и вместо узкоколейки мощные колеи раздваиваются в ней, расчетверяются, разливаются в параллельное многорядье путей заставленных вагонами, цистернами, платформами, на которых громоздится, топорщится, высится зачехлённая и раскрытая, габаритная и мелкая, обвязанная и валом сваленная всякая всячина.

Погромыхивая на стрелках, скатываются с сортировочной горки вагоны, в одиночку и сцепками, чтоб отыскать нужную колею и уткнуться в будущих попутчиков. На товарной станции нет выходных. Круглые сутки громыханье и лязг, резкий скрежет тормозных башмаков, выкрики репродукторов о формирующихся и готовых составах. Но всё это в штольне, в одной гигантской штольне. Выдержит ли кровля натиск ночи?.

И в ту осеннюю ночь я пересёк товарную станцию знакомыми тропами служебных проходов, минуя вагонные лабиринты, чтобы выйти к пролому в ограде ПМС-119. Я ёжился и загодя негодовал какая там сейчас начнётся грязь и лужи. Вот уж и надпись по серому бетону ограды. Красивая, метровыми буквами, надпись несмываемым дёгтем, для пассажиров проходящих в дневное время поездов:

Конотоп – город трезвенников.

Неотвязный свет прожекторов пришпилил мою тень на стену. По мере приближения к дыре, силуэт сокращается, подёргивая полями

шляпы на ходу, а вот уже и утонул во мгле пролома…

Не хватает сбережений на машину времени? А и хрен с ней, попробуйте пешком. Сейчас шагну вслед за своей пропавшей тенью и окажусь в таких средневековых непро́лазях и тьмах…

– Софокл! Эсхил!

Опаньки! Шаг получился чересчур широким, я проскочил по самую античность, нет?..

– Эсхил! – хрипло надрывалась чёрная тень, сливаясь со слякотным мраком ПМСных задворков шагах в двадцати от чёрной дыры.

Моя? Нет, эта пониже и круглее. К тому кепка и кожаное пальто.

– Чё встал? Тебя звали? Бутта понятие имеешь про Софокла.

– Вы правы, дальше Аристофана я не углублялся.

Он икнул и чуть покачиваясь, но решительно, заступил мне путь.

– Ты кто? – пахнул он винищем.

– Прохожий… А вас что привело сюда?

Он словно и не услыхал вопроса.

– Софокл… Эсхил… – умильно вторил сам себе. – Да, да… Эсхил… Аристофан! А ещё?

– Ну ещё Еврипид.

– Точно! Еврипид! – со слезой воскликнул он, а следом, с прежним самозабвеньем, простонал, – Софоо-о-кл…

Мы стояли друг напротив друга, словно сошедшиеся после разлуки Санчо Панса и Дон-Кихот. Санчо, в молчании, сокрушённо понурился. Козырёк кожаной кепки клюнул меня в переносицу.

Проклятье, Санчо! У меня ведь поднято забрало…

– Художник я, – горестно поведал он, подняв голову, – а сюда на два месяца.

И новый кивок-клювок… На два месяца из нарко-два для излечения от алкогольных склонностей… Теперь я знаю чья вдохновенная кисть творила ту несмываемую надпись на заборе…

Эх, Санчо, Санчо!.. Любой сопьётся, коли не с кем про Софокла перемолвиться. И бисер есть, да метать не перед кем…

Нет, надо уходить… туда, за горизонт, к далёкому, как детство, лукоморью, где высится заветный дуб с дуплом, чтобы шептать в него свои давно уж никому не нужные цитаты и имена забытых мудрецов…

План безупречен, но как насчёт деталей? Например, куда?

Ну во-первых, туда, где тепло – хватит с меня обморожений, а во-вторых, где есть море и горы… Крым не подходит – горы низковаты, к тому же он занят Ольгой. Следуя карте, палец скользит к следующему морю. Баку? Какая разница…

Получив причитающийся мне отпуск в строительном цеху «Мотордетали», я написал заявление на увольнение. Но прежде чему уехать, оставалось ещё одно дельце. Обещание данное мною трём незнакомцам в ресторане – наведаться в город Львов…

Чем ближе ко Львову, тем медленнее шёл поезд по склонам Карпатских гор с вертикалями колонн высоких тёмных Смерек-Елей, но под вечер довёз таки до места назначения… В ячейке камеры хранения я оставил свой портфель, где, кроме гигиенических необходимостей, притаилась также серая полузимняя кепка. По городу пройдусь налегке, в своей агентурной шляпе.

Львов красивый город, в нём немало памятников старинной архитектуры и улиц мощёных булыжником. Недаром именно здесь снималась 4-серийная Советская экранизация *Трёх мушкетёров*. Просто пришлось стараться, чтобы трамвайные рельсы не попадали в кадр.

Никаким видом транспорта во Львове я не воспользовался, а пошёл пешком… Куда? К Оперному театру, разумеется. Моё обещание исполнено, во Львов я наведался, но отнюдь не собирался бегать по улицам и приставать ко встречным: —«А вы, случайно, не проезжали через Конотоп два года назад, после того как откинулись с Зоны?» Я ж не полудурок. Я шёл культурно и приятно провести время, потому что поезд на Киев отправлялся ровно в полночь…

Оперный театр во Львове – просто загляденье, настоящий дворец; молодцы построившие его Поляки. Но насчёт приятности, то фиг я

угадал – там шла опера современного местного классического композитора о крестьянских волнениях XVI-го века. Творение в стиле «поедят!» Однако назвался груздем – полезай в кузов, и я отсидел от звонка до звонка.

К полуночи я вернулся на вокзал, открыл ячейку камеры хранения и расстегнул стоявший в ней портфель. Шляпу я положил на пол ячейки, а себе на голову плотно насадил серую кепку из портфеля. Затем я застегнул его, вынул из ячейки и нежно прикрыл дверцу, да ещё и хмыкнул, когда представил ощущения последующего её открывателя при встрече взглядом с одинокой шляпой без головы. Иди и думай чтó подумать…

Вернувшись в Конотоп я принялся наносить прощальные визиты – к брату Саше на Сосновскую, к сестре Наташе На Семь Ветров, вот только на Декабристов 13 не пошёл. Всё-таки я полудурок…

Наташа на прощанье сделал мне богатый подарок – новое зимнее пальто серого сукна с каракулевым воротником. По-видимому, на Гену размер не подошёл, а мне оказалось впору.

Ещё я сходил в ЗАГС, чтобы мне в паспорте поставили штамп о разводе с Ирой, но меня послали в нежинский ЗАГС, по месту заключения брака. Нежинский ЗАГС, в свою очередь, потребовал справку из Конотопского народного суда, где расторгался наш брак.

– Послушайте, – сказал я, – у вас уже записано, что она со мною развелась. Поставьте мне штамп на основании её развода и дело с концом.

– Такой записи нет. Она к нам не обращалась.

Вот так они меня оглоушили. Пришлось ехать в Конотоп, брать справку в суде и везти обратно…

Мотаясь электричками туда-сюда, я думал: опояшется ли экватор километражем наезженный мною в поездах? Ещё я думал: почему Ира столько лет не ставит в своём паспорте штамп о разводе? Наверное, чтобы добавить остроты́ ощущений в своих отношениях с другими. Типа как бы по-прежнему наставляет рога своему мужу-геологу пока он в отъезде. А потом я вдруг понял отчего мне всегда

нравилась сцена финального прощания Д'Артаньяна с Рошфором в романе *Двадцать Лет Спустя*:

> ***– Иди, старый дьявол, – с грустной улыбкой произнёс Д'Артаньян, глядя вслед удалявшемуся Рошфору. – Иди. Всё равно, нет уж больше Констанции…***

Я понял, что Констанция – это Ира и я. Только не по отдельности, а вместе. Констанция – это мы, когда ещё мучили друг друга своей глупой любовью…

Потом я поехал в Сумы. Сводил Леночку в кино на*Фанфана-Тюльпана*, только в этой роли был уже Ален Делон.

В парке мы покормили лебедей, бросали им с высокого моста кусочки пирожка с капустой, потом и сами сходили в ресторан. Для неё там всё было в диковинку.

Она проводила меня на вокзал и расплакалась на прощанье. Красивая, на мать похожа, только волосы как у меня…

~ ~ ~

На следующий день я пошёл на улицу Гоголя 25 и отдал Саше Плаксину свой чёрный дембельский дипломат заряженный словарями и ещё парой книг. Мы условились, что он вышлет их мне, когда где-нибудь обоснуюсь и сообщу ему адрес…

Конотоп провожал меня угрюмым холодом и ветром, но пальто от Наташи грело очень даже хорошо и я поехал в Нежин, чтобы вернуть Жомниру книгу рассказов Селинджера. Спортивную сумку с одеждой и прочими вещами я запер в камере хранения на вокзале и, с одним только портфелем, поехал на улицу Шевченко.

На мой звонок дверь не открылась, наверно, он и Мария Антоновна вышли куда-то в гости. Тогда я поехал в центр города, в новый кинотеатр «Космос» напротив универмага. Там крутили какую-то фигню про Синдбада-морехода производства студии «Узбекфильм», но мне просто нужно было убить время.

Я сел и поставил портфель под сиденье. Место слева заняла женщина моих лет, по наклонному проходу справа бегала девочка лет четырёх. Её мать, сидевшая в передних рядах, звала ребёнка вернуться, но она не слушалась, а всё бегала и кричала каждому из входящих зрителей: «папа!», но его среди них не было.

На пару рядов выше и метров на пять левее, сидели пара лётчиков в офицерских бушлатах. Один из них начал здороваться с моей соседкой, но как-то по-хозяйски и с подковыркой.

Начался фильм и Синдбад оказывался то на море, то в пещере, то фехтовал саблей рядом с древними стенами Самарканда на фоне высоковольтной линии электропередач.

Фильм наконец-то кончился, я поднял свою кепку с колен и одел её на голову. Соседка слева обронила свои тонкие перчатки поверх сукна пальто у меня на коленях.

– Возьми, – сказала она негромко, – проводи меня.

Я достал портфель из-под сиденья, поднялся и стал протискиваться следом за нею… В довольно плотной толпе кинозрителей мы спускались по высокой лестнице выхода.

Офицеры-лётчики поджидали внизу в своих фуражках. Однако они и не пикнули даже, когда мы проходили мимо. Кишка́ оказалась тонка́.

Во-первых, каракулевый воротник, до которого им вряд ли дослужиться – в Советской армии такие воротники прерогатива полковников и выше; во-вторых, моя серая кепка – излюбленный фасон отмотавших две ходки на Зону. Не говоря уже про новенький портфель…

Она пригласила к себе на чай. Идти пришлось недалеко, в пятиэтажку на спуске от площади. Я шёл и места становились всё знакомее и знакомее. Неужто? Не может быть… Точно!

Своим ключом она открыла дверь квартиры, где когда-то чернявый КГБист устраивал мне встречу со своим начальником в стрижке «бобриком» седых волос. Но теперь квартира оказалась обставленной и обвешанной.

Мы разделись в прихожей и прошли в гостиную. На журнальный столик она, вместо чая, принесла бутылку вина, нарезанную кружками колбасу и шоколадные конфеты. Я пил вино, закусывал шоколадом и вспоминал крановщика Виталю.

Мы не спрашивали имён друг друга. Для того зачем мы тут достаточно и «ты». Правда, она не удержалась похвалиться, что работает в прокуратуре.

Я не стал уточнять кем именно, сказал только, что всё равно меня ещё не здесь поймают…

Она ушла в спальню и вернулась запахнувшись в длинный, но незастёгнутый халат; снова села рядом со мной на диване. Я обнял её, запустил руку под воротник халата на спине и расстегнул лифчик. Лицо её радостно просияло. Мы перешли в спальню…

То, что было потом, можно сравнить с показательными выступлениями чемпионов по фигурному катанию. Такое сравнение ближе всего соответствует её точёному телу, которое чётко вписывалось во все эти поддержки, тройные ту-лупы и в прочую остальную программу. В ту-лупах особо выгодно подчёркивалась плавность её стройных форм.

Живо и разнообразно, с причудливыми вариациями, переходили мы от фигуры к фигуре, вольно меняли темп, на лету творя импровизированную смену комбинаций и не переставали покорять сердца отсутствующих зрителей своим филигранно отточенным мастерством в этом поистине прекрасном виде спорта. Восторженное упоение сладостным блаженством…

Вот только в потоках сладострастья у меня зачем-то всплывали обрывки мыслей про непонятную резиновую грелку и какого-то Тузика, с упоение грызущего её в укромном закутке…

При чём тут грелка? Какой ещё Тузик? И что значит «дорвался!»?

Наша победно энергическая калистеника запрограммирована романом Карпентьера, который я совсем недавно прочёл во *Всесвіті*. Там тоже, персонаж перед отъездом в Испанию на войну в рядах Интернациональных бригад против генерала Франко, на

прощанье поимел свою подругу трижды за ночь. За мною, как всегда, всего лишь исполнение приказа…

Утром она таки приготовила чай, а я позвонил Жомниру, что привёз его книгу и скоро зайду… Однако к Жомниру я не пошёл, а вернулся к скверу Гоголя и в путанице прилегающих улочек зашёл в парикмахерскую. Там не ждали клиента в такую рань, но всё-таки одна из парикмахерш вызвалась побрить меня. Эта молодая, похожая на Цыганку мастерица покарябала мне всё шею, всякий раз при этом ойкала и затирала порез щипучими квасцами. Ещё и не постеснялась принять плату…

Снова пройдя через сквер, я зашёл в школу № 7. Шёл урок и коридоры наполняла тишина. В учительской оказались несколько женщин и я сказал, что хочу повидать ученицу второго класса Лилиану Огольцову, потому что я её отец. Одна из них вышла со мной в коридор и проводила к нужному классу.

Она зашла туда и вернулась с незнакомой мне девочкой в паре тугих косичек из пепельных волос и в серой кофточке с тонкими поперечными полосками впереди, взгляд которой, упорно и бесповоротно, был отведён в сторону.

– Вот эта девочка, – сказала педагог, – но она говорит, что у неё нет папы.

– И правильно говорит, – ответил я, сдерживая неизвестно откуда накатившую злость. – Разве это отец, что показывается раз в пять лет и то лишь для того, чтоб попрощаться?

Учительница тактично отошла к окну неподалёку.

Я расстегнул портфель и опустился рядом с тобою на одно колено, чтобы мы сравнялись. Ты всё так же не смотрела на меня.

– Лилиана, – позвал я, достал из портфеля газету *Morning Star* и протянул тебе. – Передай это своей маме.

Ты приняла сложенную газету и молча стояла, опустив глаза.

– Ладно, Ли, – сказал я, – иди в класс.

Ты с облегчением повернулась и пошла к двери своего класса. Я поднялся с колена и смотрел тебе вслед, пока дверь не поглотила

тебя и газету, где среди податливо-мягких страниц одна оставалась белой и твёрдой, из плотного картона, рамочка, фактически, фотографическая, в которой остановился широкий ручей, неслышно журча вокруг крепких ног юной женщины с улыбкой ясному солнечному дню, с такой же в точности улыбкой, как твоя, наверное… которую я так и не увидел… И ещё бессвязная пачка немногих, но всех полученных мною открыток и телеграмм о том, что вы с ней меня любите, что поздравляете с днём рожденья или днём Советской армии…

~ ~ ~

Я вернул Жомниру Селинджера, а взамен попросил Джеймса Джойса, роман *Улисс* в оригинале, 705 страниц убористого текста без картинок, без разделения на части и главы. Жомнир и сам когда-то хотел перевести его, но больно уж неконьюктурный этот Джойс. Я обещал вернуть оригинал ровно через десять лет.

Поколебавшись всего мгновенье, он вынес книгу из архивной комнаты и отдал мне.

…будет чем заполнять отмерянную мне вечность…

– Куда ты теперь? – спросила Мария Антоновна.

– В Баку.

Привычным рывком поезд отошёл от Нежинского вокзала. Всё было позади, впереди было всё. Тридцать лет и три года.

– Тебе пора творить чудеса, – сказал я знакомому саксофонисту, когда тому исполнилось тридцать три.

– Чудес я уже натворил, – ответил он, – и даже успел отсидеть за них.

И и умеют же люди жить насыщенной жизнью…

Мне казалось, что еду в Баку – устраиваться каменщиком четвёртого разряда, чтобы без помех переводить *Улисса* по вечерам. Однако я ехал в Нагорный Карабах с его войной за независимость и прочими сопряжённо-вытекающими подробностями, о которых не хочу говорить.

Но за окнами вагона пока что всё ещё неслись пейзажи 1987-го, последнего мирного года. До развала нерушимого Союза Республик Свободных оставалось два года.

Нынче мне талдычат, что в том году новая эпоха уже витала в воздухе. Простите, не унюхал.

(…в чём причина развала СССР?

Его прикончили Парни с Обочины. Так назывался английский телефильм в четырёх сериях про жизнь британских безработных. Цензоры центрального телевидения не врубились, что рабочий электроцеха завода «Мотордеталь» в конце недели скажет:

– Я всю жизнь работаю, жена моя работает. Сын из армии пришёл тоже работает. Живём в двухкомнатной квартире, а там у безработных, блядь, двухэтажные коттеджи!

Волшебная сила искусства затронула живые струны в сердце Конотопского мужика и – пошла цепная реакция изменившая лицо мира.

Поменялась ли его суть или это была всего лишь пластическая операция?..)

Про то пускай ломает голову какой-нибудь другой «я», а то у меня тут уже утро пошло брезжить за тонким полотном палатки, оповещая конец бессонной ночи и этого нескончаемого письма…

Ты спросишь как протекала моя дальнейшая жизнь за водоразделом из Кавказского хребта?

Так можешь и не спрашивать – я всё равно скажу.

Во-первых, не говори о моей жизни в прошедшем времени, она всё ещё продолжает течь дальше. Я укатал ей русло как сумел.

Из-за спиралевидности течения, нам дано лишь проходить через множественные повторения того, что было и будет.

«…что было, то и будет…» сказано в Ветхом завете, а В. Даль в своём словаре записал то же самое на нормальном, людском языке

– «хрен редьки не слаще»…

Но спрашивается, хоть кому-то помогли эти крылатые мудрости?

А когда подкатывает момент почувствовать, что «да, пошло оно всё!», то я не сопротивляюсь, а иду до конца.

Жизнь предопределена, как извивы горной дороги – стена справа, обрыв слева; вот и идёшь повторяя шаг за шагом пройденное до тебя тобою, который тоже «я». Конечно, когда я распознаю повторение знакомых ситуаций, то стараюсь не повторять мерзостей, за которые потом мучительно стыдно. До сих пор, вроде, удавалось… Или? Да нет – точно…

…если только этот сучий потрох в моей китайской палатке ещё чего-нибудь не нароет…

Так вот и текём тут себе – я да Вара́нда. Она – к Араксу, а я мимо и – дальше; к последнему пределу, за которым неоглядно безбрежное синее море, а в нём, может быть, тот самый когда-то затерявшийся кораблик с парусом…

Что-то опять меня заносит на всякие эпохи с филологиями. В конце концов, это же частное письмо отца к своей дочери, местами где-то и дидактическое даже, ну в некотором роде… хотя бы отчасти…

Так что пора, пожалуй, и честь знать – пришло время заэпиложиться.

«…и наступило утро следующего дня, и Шахразад закончил дозволенные речи…

А о себе, доченька, могу сообщить, что сказанное кем-то и когда-то, что «я знаю, что я ничего не знаю» – это вовсе не про меня; хоть я и сам, бывало, умничал этим перлом. Нынче у меня серьёзные сомнения относительно даже и столь незначительной толики знания. Я сомневаюсь, что знаю хоть что-нибудь – пусть это даже и ничего.

«Мы понимаем жизнь лишь оглядываясь на прошлое», изрёк любитель афоризмов.

Идиот! Ты не поймёшь её даже если тебя выдернут из могилы и ткнут в неё безносым черепом!

...и никто не поймёт...

Несомненно одно – жизнь много короче, чем чёрточка между датами рождения и кончины. И мне наплевать, что всем наплевать на мои премудрости, потому что я лучше всех их знаю, что даже после всего, что было, после всех своих глупостей и ошибок, после вляпыванья во всяческое и всевозможнейшее дерьмо, я – всё тот же наивный лох готовый увязаться в экспедицию к неведомым Кудыкиным го́рам.

И пусть обшивка ни к черту, мачта скрыпит и вся эта скорлупа не переживёт ближайшего шторма – вперёд!

И пусть очередная каллисто или пенелопа (какая разница?), расхрыстав свои прелести, мечется вдоль полосы прибоя и вопит вслед свои проклятия и призывы – вперёд!.

Утешает лишь одно, что оставшийся отрезок чёрточки уже меньше пройденного и край различим. Значит – достигнем. А хули нам – ахулинамистам?!.

До свиданья, дочка.

Обнимаю.

А раз уж тебе хочется на «Вы» —

С любовью, твои папы – Сергей и Николаевич.

(...и, какие бы ни доходили к тебе слухи – ты твёрдо знай: мы жили долго и счастливо и умерли в один день...)

P.S.:

а коли родишь ещё и отпрыска мужеска пола – приглядывай зорчее! И, буде, заметишь излишнюю тягу к бумаге, или же в компьютере вместо игр набором текста начнёт баловаться, то заверни родимого в белу тряпицу, да брось его в быстру реченьку – он же сам тебе потом «спасибо» скажет...

P.P.S.:

чуть не забыл предупредить, что даже самые малейшие совпадения с именами реально существующих людей абсолютно случайны и мало ли что пригрезится

в ночь с 20 на 21 августа 2007 г.,

очередному графоману на левом берегу реки Вара́нда...

~ ~ ~

Сергей
Огольцов
Хулиганский
роман
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+